363-4-47

О ПОНИМАНІИ.

ОПЫТЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯ

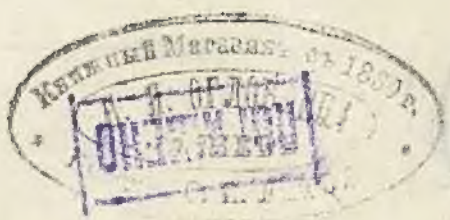
ПРИРОДЫ, ГРАНИЦЪ И ВНУТРЕННЯГО СТРОЕНІЯ

НАУКИ КАКЪ ЦѢЛЬНАГО ЗНАНІЯ.

Вас. Розанова.

МОСКВА.
Типографія Э. Лиснеръ и Ю. Романъ, Арбатъ.
1886.

О ПОНИМАНІИ.



2007041725

Р 7А
957

О ПОНИМАНІИ.

ОПЫТЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ПРИРОДЫ, ГРАНИЦЪ И ВНУТРЕННЯГО СТРОЕНІЯ

НАУКИ КАКЪ ЦѢЛЬНАГО ЗНАНІЯ.

Вас. Розанова.

БИБЛ. имени В. И. ЛЕНИНА С.С.С.Р.
Ф 32-9501

МОСКВА.
Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа
Арбатъ, домъ Платонова.
1886.

2
Государственная
библиотека СССР
им. В. И. Ленина
1981 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Предисловіе ..... VII — XI.

КНИГА I.

Опредѣленіе науки.

ГЛАВА I.

О предметѣ, содержаніи и сущности науки..... 1

ГЛАВА II.

О схемахъ разума и сторонахъ существующаго 27

КНИГА II.

Строеніе науки.

ГЛАВА I.

Ученіе о познающемъ и его формы..... 67

ГЛАВА II.

Ученіе о познаваніи и его формы: объ изслѣдованіи..... 75

ГЛАВА III.

Ученіе о познаваніи и его формы: о мышленіе 86

ГЛАВА IV.

Ученіе о познаваніи и его формы: о методахъ 100

ГЛАВА V.

Ученіе о космосѣ и его формы: о существованіи..... 134

ГЛАВА VI.

Ученіе о космосѣ и его формы: объ измѣненіи 202

ГЛАВА VII.

Ученіе о космосѣ и его формы: о сущности..... 258

ГЛАВА VIII.

Ученіе о космосѣ и его формы: о свойствахъ..... 30

ГЛАВА IX.

Ученіе о космосѣ и его формы: о причинности..... 316

ГЛАВА X.

Ученіе о космосѣ и его формы: о цѣлесообразности..... 337

ГЛАВА XI.
Ученіе о космосѣ и его формы: о сходствѣ и различіи 382
ГЛАВА XII.
Ученіе о космосѣ и его формы: о числѣ или о количествѣ. 396
ГЛАВА XIII.
Ученіе о мірѣ человѣческомъ: о творящемъ или о духѣ.... 412
ГЛАВА XIV.
Ученіе о мірѣ человѣческомъ: о твореніи или о процессахъ 455
ГЛАВА XV.
Ученіе о мірѣ человѣческомъ: о творимомъ или о формахъ жизни..... 489
ГЛАВА XVI.
Ученіе о мірѣ человѣческомъ: о законахъ или соотношеніяхъ..... 558
ГЛАВА XVII.
Ученіе о мірѣ человѣческомъ: о добрѣ и злѣ..... 581
ГЛАВА XVIII.
Ученіе о мірѣ человѣческомъ: о цѣляхъ или о должномъ. 612
ГЛАВА XIX.
Ученіе о мірѣ человѣческомъ: о средствахъ или о путяхъ къ должному..... 661
ГЛАВА XX.
Ученіе о мірѣ человѣческомъ: о достигнутомъ или объ исторіи..... 674

КНИГА III.

О соотношеніи между наукою, природою человѣка и его жизнью.

ГЛАВА I.
Объ отношеніи науки къ природѣ человѣка и къ его жизни. 693
ГЛАВА II.
Объ отношеніи воли человѣка къ наукѣ..... 713

Заключеніе 725

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Аналитическія таблицы I, II и III, раскрывающія содержаніе идеи пониманія и указывающія соотношеніе между вѣтвями науки, какъ цѣльнаго знанія.

Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что если наши успѣхи въ наукѣ незначительны, то наше пониманіе ея природы, границъ и цѣлей ничтожно. Трудясь въ отдѣльныхъ областяхъ знанія, мы никогда не имѣли ни случая, ни необходимости задуматься надъ нимъ, какъ цѣлымъ. Не мы устанавливали вопросы, на которые отвѣчали пріобрѣтаемыя нами знанія, и не мы находили имъ мѣсто въ ряду другихъ, ранѣе установленныхъ знаній. Въ построеніи великаго зданія человѣческой мысли мы были дѣлателями, но мы не были зодчими.

Такое положеніе трудящихся, отъ которыхъ остается скрытымъ и то, что̀ именно возводится ими, и то, зачѣмъ оно возводится и гдѣ предѣлъ возводимаго — не можетъ быть удобно. Не говоря уже о невольныхъ ошибкахъ, къ которымъ ведетъ это положеніе, оно непріятно и потому, что всякій трудъ, цѣль и окончаніе котораго не видны, утомителенъ.

Но и ошибки, невольныя при этомъ условіи, не маловажны. Можетъ случиться, что строющіе уклонятся отъ плана, котораго они не видятъ, и вмѣсто необходимаго возведутъ ненужное, что придется или оставить не достроивши, или, еще хуже, совсѣмъ уничтожить. Можетъ случиться также, что строители, у которыхъ скрытъ планъ, сами не согласны между собою относительно его, и въ то время, какъ одни заботятся о высотѣ и красотѣ

зданія, другіе находятъ такую постройку непрочною и неудобною. Въ этомъ случаѣ довѣрчивые труженики могутъ трудиться надъ взаимно противоположнымъ.

Нѣчто подобное, какъ кажется, и дѣйствительно случилось. То, что въ умственной области создается человѣкомъ, съ давняго времени носитъ два названія — науки и философіи. Уже эта двойственность имени является странною аномаліею, возбуждающею сомнѣнія: если разумъ одинъ и истина одна, то какимъ образомъ могли произойти различныя названія для того, что является результатомъ дѣятельности перваго и совокупностью вторыхъ. Но за различіемъ именъ скрывается и различіе дѣйствительности: тотъ глубокій антагонизмъ, которымъ проникнуты всѣ отношенія науки и философіи, показываетъ, что и въ самомъ дѣлѣ есть двѣ независимыя области, куда разумъ несетъ свои пріобрѣтенія, и что слѣдовательно единства познанія не существуетъ.

Мы не будемъ вдаваться въ обсужденіе доводовъ, которыми каждая область защищаетъ свое право на исключительное господство въ умственномъ мірѣ. Тамъ, гдѣ все сомнительно, трудно высказать что-либо несомнѣнное. Отмѣтимъ только, что доводы одной стороны не кажутся убѣдительными для другой, и вмѣсто того, чтобы согласившись идти къ однимъ цѣлямъ однимъ путемъ, наука и философія продолжаютъ развиваться каждая самостоятельно, взаимно отрицая другъ друга.

Однако какъ бы ни достовѣрны были знанія, составляющія содержаніе обѣихъ областей, не менѣе ихъ достовѣрна старая истина, что объ одномъ не можетъ быть двухъ знаній одновременно и различныхъ, и справедливыхъ. И слѣдовательно если нѣтъ единства познанія, то нѣтъ и убѣдительности въ немъ.

При такомъ раздвоеніи умственной дѣятельности, положеніе выжидающаго скептицизма было бы самое правильное для насъ. И въ самомъ дѣлѣ, очень трудно принудить себя вѣрить въ плодотворность труда, когда нѣтъ единства ни въ цѣли его, ни въ способахъ, какими онъ могъ бы успѣшно выполняться, ни въ указаніяхъ, въ чемъ именно состоитъ онъ. И если побочные интересы могутъ продолжать еще дѣйствовать на насъ, то интереса чистаго знанія здѣсь уже не можетъ быть. Съ точки зрѣнія послѣдняго намъ остается или выждать, чѣмъ разрѣшится споръ, или принявъ участіе въ немъ попытаться ускорить его разрѣшенье.

Однако есть еще одно, что можетъ стать предметомъ нашей дѣятельности. Это—обозрѣніе въ цѣломъ того, надъ отдѣльными отраслями чего мы трудились до сихъ поръ. Именно для насъ, никогда не задававшихся подобною цѣлью, выполненіе ея не можетъ не быть плодотворно.

Повидимому совершить это обозрѣніе внѣ предѣловъ науки и философіи невозможно. И въ самомъ дѣлѣ, какъ ни противоположны онѣ, ими исчерпывается совокупность всего до настоящаго времени созданнаго разумомъ человѣка. И, слѣдовательно, каково бы ни было достоинство построеннаго, ключъ къ его разумѣнію можетъ лежать только въ плашѣ, хотя бы и двойномъ, того, что строило.

Это положеніе обозрѣвающаго могло бы стать безвыходнымъ, еслибы внѣ науки и внѣ философіи не лежало третьяго, что можетъ быть поставлено на ряду съ ними, чего не можетъ коснуться сомнѣніе, и что способно послужить къ раскрытію природы, границъ и строенія обозрѣваемаго. Это — *Пониманіе*.

И въ самомъ дѣлѣ, въ сторонѣ отъ спора, разгѣлившаго науку и философію, и внѣ каждой изъ спорящихъ

сторонѣ лежитъ истина, что какова бы ни была дѣятельность разума, она всегда будетъ по существу своему пониманіемъ, и кромѣ этого же пониманія ничего другого не можетъ имѣть своею цѣлью. Въ этой истинѣ, какъ повидимому ни проста она, заключается способность дать рядъ выводовъ, воспользовавшись которыми можно, не касаясь ни науки, ни философіи, опредѣлить то, къ чему должна стремиться и первая, и вторая.

И если необходимо сомнительны, какъ противорѣчащія, указанія науки и философіи на то, чѣмъ должно быть возводимое зданіе человѣческой мысли, то указанія, вытекающія изъ того одного, что оно должно быть пониманіемъ, не могутъ быть сомнительны такъ же, какъ и сама эта истина.

То же, что входитъ въ содержаніе науки и философіи, что не относится къ плану, но составляетъ лежащее внутри его, по указаніямъ, вытекающимъ изъ идеи пониманія, можетъ размѣститься безъ вражды и противорѣчія въ формахъ его. Но послѣднія не будутъ всѣ наполнены, потому что *Пониманіе* не только несомнѣннѣе науки и философіи, но и обширнѣе, чѣмъ онѣ. Формы, оставшіяся незамѣщенными, укажутъ, какихъ границъ и какихъ цѣлей еще не достигъ человѣкъ, и что, слѣдовательно, предстоитъ еще выполнить ему.

Въ идеѣ пониманія не заключено никакого знанія, способнаго стать содержимымъ, но только знанія относительно содержащаго. Поэтому выводимое будетъ рядомъ истинъ формальнаго значенія. Онѣ образуютъ собою: опредѣленіе науки [1]), выдѣляющее ее изъ ряда всѣхъ

[1]) Здѣсь, какъ и всюду далѣе, слово «наука» будетъ употребляться не въ смыслѣ того, что существуетъ подъ этимъ именемъ, но въ значеніи

другихъ областей человѣческаго творчества и строго устанавливающее ея границы извнѣ, ученіе о строеніи науки, т. е. о тѣхъ внутреннихъ формахъ ея, выполненіе которыхъ должно стать содержаніемъ ея будущаго развитія, и ученіе объ отношеніи ея къ природѣ человѣка и къ его жизни, и его воли къ ней.

Такъ какъ въ томъ новомъ смыслѣ, какой мы придаемъ ему, *Понятіе* становится полнымъ органомъ разума, то мы не ограничимся одною формальною стороною вывода, но и присоединимъ къ ней многое, что касается самого содержанія. Именно, отмѣчая формы, изъ которыхъ слагается наука, будемъ всякій разъ или устанавливать истины, которыя должны лечь въ основаніе каждой изъ нихъ, или указывать путь, которымъ эти истины могутъ быть найдены.

того, что существовало раньше раздѣленія знанія на науку и философію, и что должно было бы существовать теперь, еслибъ не было этого раздѣленія. Этого, теперь уже двусмысленнаго слова, нельзя избѣжать, говоря о Пониманіи, замѣняющемъ — науку ли, философію ли, трудно сказать, — *и понятіе недостающаго* въ нихъ, и возмѣщающемъ недостатокъ.

Об 3 - 4 - 4

КНИГА I.

Опредѣленіе науки.

ГЛАВА I.

О предметѣ, содержаніи и сущности науки.

I. Опредѣленіе науки. Двойственное значеніе этого опредѣленія: его первая часть раскрываетъ предметъ, содержаніе и сущность науки; его вторая часть раскрываетъ отношеніе науки къ природѣ человѣка. Раскрытіе внутренняго содержанія первой части опредѣленія и доказательства справедливости ея. — II. Неизмѣнно существующее, какъ объектъ науки; временно существующее, какъ объектъ простаго, ненаучнаго знанія. — III. Неизмѣнное познаніе, какъ содержаніе науки; истинность, какъ условіе неизмѣнности познанія; опредѣленіе истиннаго и ложнаго въ познаніи. — IV. Пониманіе, какъ сущность науки. Различіе между знаніемъ и пониманіемъ. Выводъ признаковъ перваго и втораго. Полнота познанія, содержащагося въ пониманіи. Способность пониманія къ усовершенствованію; анализъ и синтезъ, какъ два фазиса этого усовершенствованія; предвидѣніе и всемогущество, которыя даетъ человѣку усовершенствованное пониманіе. — V. Умъ и Разумъ, какъ источники знанія и пониманія. Пассивный характеръ ума и его дѣятельности; активный характеръ разума и его дѣятельности. Причина этой активности лежитъ въ самой природѣ понимающаго, а не во внѣшнихъ условіяхъ пониманія. VI. Отдѣленіе знаній отъ пониманія, и выдѣленіе ихъ изъ области науки. Два условія, дѣлающія необходимымъ это ограниченіе области науки областью пониманія: невозможность ввести въ науку всѣ знанія безъ различія, и невозможность провести различіе между отдѣльными знаніями. Три признака, по которымъ вводятся обыкновенно въ науку знанія, относятся не къ природѣ вводимыхъ знаній, но къ способамъ пріобрѣтенія ихъ. Заблужденіе, лежащее въ основѣ воззрѣнія тѣхъ, кто вводитъ въ науку эти знанія.

I. Такъ какъ дѣятельность разума неизмѣнно направляется къ пониманію и въ немъ же одномъ состоитъ какъ процессъ; и далѣе — такъ какъ это пониманіе, не будучи промежуточно, но конечно въ его (разума) дѣятельности, естественно стремится стать неподвижнымъ, то правильнымъ и полнымъ опредѣленіемъ науки будетъ слѣдующее: она есть *неизмѣнное пониманіе неизмѣнно существующаго*.

въ стремленіи и въ способности образовать которое раскрывается природа человѣческаго разума.

Изъ существующихъ знаній всѣ тѣ, которыя обладаютъ характеромъ, выраженнымъ въ этомъ опредѣленіи, входятъ въ составъ науки; изъ знаній же, не обладающихъ этимъ характеромъ, нѣкоторыя хотя и называются обыкновенно научными, однако ихъ справедливѣе было бы выдѣлить изъ области науки, такъ какъ между ними и между знаніями несомнѣнно ненаучными нельзя провести опредѣленной границы. Такимъ образомъ опредѣленіе это можетъ служить критеріумомъ для отдѣленія знаній, могущихъ остаться въ наукѣ или быть введенными въ нее вновь, отъ знаній, которыя не могутъ ни оставаться въ ней, ни когда либо вводиться въ нее.

Оно естественно распадается на двѣ части. Изъ нихъ одна раскрываетъ природу науки и черезъ это опредѣляетъ ея границы извнѣ, указывая, что́ не есть наука. Другая часть раскрываетъ отношеніе этого заключеннаго къ разуму, изъ котораго исходитъ оно.

Что ни одно изъ понятій, вошедшихъ въ это опредѣленіе, не извлечено изъ чего либо лежащаго впѣ истины, принятой за основную, это сдѣлается очевиднымъ при разсмотрѣніи самыхъ понятій.

II. Предметомъ науки можетъ быть только неизмѣнно существующее. Это требованіе вытекаетъ изъ того, что пониманіе есть единственная дѣятельность разума. Потому что если бы послѣдняя могла состоять еще изъ чего либо другаго, то ради этого другаго, какъ цѣли, пониманіе могло бы временно возникать и измѣняться во времени, какъ средство. Если же оно одно есть цѣль, и къ этой цѣли направлена вся дѣятельность разума, то нѣтъ причины и условія для его измѣненія — оно должно быть постояннымъ. Но характеромъ постоянства могутъ обладать только знанія о неизмѣнно существующемъ, всякое же знаніе о временно существующемъ необходимо будетъ временнымъ — оно утрачиваетъ свое значеніе съ исчезновеніемъ того, что составляетъ предметъ его. Это можно

видѣть изъ слѣдующаго примѣра: знаніе различныхъ случаевъ теплоты, или различныхъ случаевъ движенія тѣлъ не составляетъ науки и не входитъ въ нее, но знаніе постоянныхъ свойствъ теплоты и постоянныхъ законовъ движенія образуетъ науку; потому что замѣченные случаи нагрѣванія или движенія исчезли и могутъ не повториться, а съ ними и то, что мы замѣтили о нихъ, исчезло утративъ свое значеніе; свойства же теплоты и законы движенія никогда не исчезнутъ и будутъ постоянно обнаруживаться въ явленіяхъ теплоты и въ явленіяхъ движенія, какъ бы ни измѣнялись послѣднія — поэтому и знаніе о нихъ никогда не утратитъ своего значенія. Основываясь на этомъ не будетъ ошибочнымъ сказать, что знаніе и всего, что случилось съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ, не составило бы науки, ни даже малой части ея; но выводъ одного постояннаго закона или одного постояннаго свойства уже кладетъ основаніе наукѣ, уже составляетъ часть ея.

Ясно, что опредѣливъ, что̀ въ существующемъ временно и что̀ постоянно, мы опредѣлили бы, знаніе чего не составляетъ науки и знаніе чего образуетъ ее. Временно въ немъ то, что единично и частно, а постоянно общее, производящее это единичное и частное. Первое проявляетъ собою второе, это послѣднее проявляется въ немъ. Такимъ образомъ въ каждомъ существующемъ и во всемъ происходящемъ, будетъ ли то вещь или явленіе, есть двѣ стороны — временная, наружная и обусловленная, и постоянная, скрытая и обусловливающая. Только вторая составляетъ объектъ науки, первая же служитъ предметомъ простаго, ненаучнаго знанія.

Такъ вещество не произведенное и не обусловленное вещами производитъ и обусловливаетъ вещи и въ нихъ проявляется; внѣ вещей непознаваемо вещество и не можетъ быть познаваемо; но познаніе самыхъ вещей было бы ничтожно, если бы черезъ нихъ мы не познавали вещества. Такъ силы не произведены и не обусловлены явленіями, но производятъ и обусловливаютъ ихъ и въ нихъ проявляются; внѣ явленій непзвѣстны силы и не

могутъ быть наблюдаемы; но самое наблюденіе этихъ явленій не имѣетъ значенія, когда въ нихъ не наблюдаются силы. Такъ законы не созданы и не опредѣлены существующимъ и происходящимъ, но создали и опредѣлили порядокъ въ происходящемъ и соотношеніе въ существующемъ; внѣ этого порядка и соотношенія не проявляются законы и не могутъ быть изслѣдованы; но изслѣдуя этотъ порядокъ и соотношеніе мы интересуемся не имъ самимъ, но тѣмъ невидимымъ и скрытымъ, что произвело его и что мы называемъ закономъ его. Такъ типы, по которымъ образуется все въ Космосѣ и происходитъ все въ генезисѣ не созданы этимъ возникающимъ и умирающимъ во времени, но могущественно направляютъ образующую силу и опредѣляютъ формы, въ которыя отливаются предметы и явленія. Внѣ этихъ единичныхъ предметовъ и процессовъ не могутъ быть познаны эти типы; но познавая эти отдѣльные предметы и процессы, мы должны имѣть въ виду не описаніе только ихъ, но опредѣленіе этихъ типовъ, какъ невидимыхъ формъ, въ которыя влагается природою все видимое.

III. Относительно этого неизмѣнно существующаго человѣкъ можетъ образовать знанія ложныя и истинныя. Первыя въ самой природѣ своей носятъ начало измѣняемости: они или замѣняются другими ложными знаніями, или исчезаютъ, когда на мѣсто ихъ становятся знанія истинныя. Послѣднія же по самой природѣ своей неизмѣнны: потому что нѣтъ другаго знанія, которое могло бы замѣнить ихъ.

Такимъ образомъ временны тѣ знанія, которыя или будучи истинны имѣютъ предметомъ временное, или имѣя предметомъ постоянное — ложны. Вѣчныя же знанія суть тѣ, которыя и истинны, и имѣютъ предметомъ постоянное. Только послѣднія образуютъ науку; это требованіе такъ же обусловливается тѣмъ, что содержаніе ея не можетъ измѣняться.

Теперь разсмотримъ, что нужно разумѣть подъ знаніями ложными и истинными. Ложныя знанія суть тѣ,

которыя неправильно образованы; а истинныя знанія суть тѣ, которыя образованы правильно, т. е. въ согласіи съ природою понимающаго начала (разума). Во всѣхъ случаяхъ, когда возможно сопоставленіе знанія съ предметомъ его, мы замѣтимъ, что ложныя изъ нихъ не соотвѣтствуютъ своему предмету, а изслѣдовавъ причину этого несоотвѣтствія всегда найдемъ, что она лежитъ въ какомъ-либо уклоненіи, сдѣланномъ въ процессѣ образованія этого знанія; такъ что уничтоживъ это уклоненіе, мы возстановимъ тожество знанія и его предмета, а увеличивъ его увеличимъ ихъ различіе. Знанія же истинныя соотвѣтствуютъ своему предмету, и причина этого соотвѣтствія лежитъ въ правильности ихъ образованія, такъ какъ стоитъ нарушить послѣднюю, какъ уничтожается первое. Но не слѣдуетъ думать, что истинность знанія зависитъ отъ соотвѣтствія его съ предметомъ своимъ, или что это соотвѣтствіе и есть истинность; потому что существуетъ много истинныхъ знаній, которыхъ соотвѣтствія съ предметомъ мы не можемъ провѣрить, и есть даже такія между ними, о которыхъ мы навѣрное знаемъ, что въ дѣйствительности нѣтъ ничего соотвѣтствующаго имъ: таковы напр. всѣ знанія о мнимыхъ величинахъ въ алгебрѣ. Несомнѣнно, что они истинны, какъ несомнѣнно, что они не суть копіи чего-либо наблюдаемаго. Но и не поэтому одному «истинное» нельзя опредѣлять, какъ «соотвѣтствующее дѣйствительному»; но также и потому, что истинно сознаваемое обширнѣе истинно существующаго, и міръ заключенный въ разумѣ человѣка шире міра, лежащаго внѣ его. Такъ истинное знаніе можетъ быть образовано не только о томъ, что существуетъ и чему это знаніе можетъ соотвѣтствовать, но и о томъ также, что должно существовать и чему должно соотвѣтствовать это существующее. Таковы всѣ истины въ мірѣ нравственныхъ и политическихъ идей. Ни ихъ образованіе, ни стремленіе усовершенствоваться и усовершенствовать свою жизнь не могло бы зародиться въ человѣкѣ, если бы познаніе его ограничено было однимъ существую-

шимъ. Такимъ образомъ между тремя свойствами знанія: правильностью, истинностью и соотвѣтствіемъ предмету существуетъ такая зависимость, что первое обусловливаетъ второе, а второе — третье; но не наоборотъ. Знанія не потому истинны и не потому правильны, что соотвѣтствуютъ предмету; но они соотвѣтствуютъ предмету потому, что истинны, и истинны потому, что правильно образованы. Поэтому, когда несомнѣнно существованіе въ знаніи перваго свойства, не провѣряя можно сказать, что существуетъ и второе — всегда, и третье — когда оно можетъ существовать. Что же касается до самой правильности образованія знаній, то, какъ уже сказано, она состоитъ въ полномъ соотвѣтствіи процесса этого образованія съ природою понимающаго разума. Все это изслѣдуется въ отдѣльной области науки — въ *Ученіи о познаваніи.*

IV. Но и изъ истинныхъ знаній не всѣ входятъ въ науку, но только тѣ, которыя образуютъ, или имѣютъ цѣлью образовать *пониманіе.*

Знаніе и пониманіе различаются по природѣ и происхожденію. Первое ограничивается простымъ сознаніемъ, что объектъ его существуетъ; при чемъ ни одинъ изъ вопросовъ, которые могутъ быть предложены относительно этого объекта, не находитъ разрѣшенія и, что касается до чистаго знанія, даже не возбуждается; такъ какъ это возбужденіе вопросовъ, идущихъ дальше сознанія простаго существованія, и стремленіе ихъ разрѣшить есть переходъ къ пониманію. Послѣднее же заключаетъ въ себѣ сознаніе, что то, что существуетъ, и не можетъ не существовать; при чемъ совокупность всѣхъ вопросовъ, которые могутъ быть предложены относительно его объекта, получаютъ разрѣшеніе. Первое ограничивается внѣшними признаками существующаго и наружными формами происходящаго, — тѣми признаками и формами, которые доступны органамъ чувствъ — оно поверхностно; второе раскрываетъ то, что лежитъ подъ этими внѣшними признаками и формами и что производитъ ихъ, т. е. достигаетъ пониманія внутренней природы и строенія суще-

ствующаго, и внутренняго процесса, который происходитъ въ явленіяхъ — оно отличается глубиной. Первое отрывочно, безсвязно: оно не соединяетъ различныхъ явленій въ одно цѣлое, неразрывно скрѣпленное внутреннею причинною связью; второе цѣльно: оно понимаетъ отдѣльныя явленія въ ихъ взаимной связи, понимаетъ цѣлое, части котораго составляютъ эти явленія. Поэтому для перваго все случайно и необъяснимо; для втораго все необходимо и понятно.

Самое происхожденіе знанія и пониманія различно. Первое образуется въ человѣкѣ потому, что онъ одаренъ органами чувствъ — его разумъ остается при этомъ пассивнымъ; и такъ какъ органы чувствъ одинаковы у всѣхъ людей, то и знаніе всѣмъ имъ доступно въ одинаковой степени. Пониманіе образуется при господствующемъ участіи человѣческаго разума, и внѣшнія чувства — только орудія для него, которыя направляетъ онъ и впечатлѣнія которыхъ онъ изслѣдуетъ, чтобы раскрыть то, что лежитъ за этими впечатлѣніями и что вызываетъ ихъ. И такъ какъ разумъ не одинаковъ у различныхъ людей, то и пониманіе свойственно имъ не въ одинаковой степени: есть отдѣльные люди и даже цѣлые народы, почти совершенно лишенные его; и есть народы, богато одаренные имъ.

Наконецъ и въ развитіи знанія и пониманія лежитъ рѣзкое и глубое различіе: первое увеличивается черезъ простое механическое прибавленіе однихъ знаній къ другимъ, второе совершенствуется становясь глубже и полнѣе. Каждое пріобрѣтенное знаніе замкнуто въ самомъ себѣ и не вызываетъ необходимо новаго знанія; всякое начавшееся пониманіе пріобрѣтаетъ этотъ замкнутый характеръ только тогда, когда оно становится совершеннымъ. До этого же времени оно необходимо вызываетъ въ разумѣ вопросы, остается какъ бы открытымъ для введенія новыхъ, объясняющихъ и пополняющихъ знаній. Истины, въ которыхъ выражается знаніе, присоединяются другъ къ другу; но только въ пониманіи они соединяются.

Замѣтимъ еще, что знаніе происходитъ по причинѣ,

а пониманіе образуется съ цѣлью. Первое безсознательно и безучастно усвоивается человѣкомъ вслѣдствіе самаго строенія его организма, способнаго воспринимать впечатлѣнія внѣшняго міра; второе есть стремленіе понять то, что уже извѣстно, какъ знаніе.

Совокупность человѣческихъ знаній — это безконечный рядъ отраженій въ его умѣ того безконечнаго ряда явленій, который проходилъ передъ нимъ во времени; отраженій не измѣненныхъ и явленій не понятыхъ, въ созданіи которыхъ онъ не участвовалъ и силѣ которыхъ онъ порабощенъ. Человѣческое пониманіе — это отдѣльный міръ, сложный и углубленный, создаваемый мыслью человѣка, медленно и неустанно ткущею нити, послѣдній узоръ которыхъ неизвѣстенъ, но въ которомъ содержится послѣдняя разгадка всего. Въ этомъ мірѣ идей, вѣчно неподвижныхъ въ своемъ основаніи и вѣчно развивающихся путемъ внутренняго самораскрытія живетъ и господствуетъ великій зиждитель ихъ — человѣческій разумъ, въ совершенномъ повиновеніи своей природѣ осуществляя свою высшую свободу. И этотъ міръ уже не отражаетъ одни мимо идущія явленія: онъ проникаетъ въ то, что лежитъ за ними и что, оставаясь доступнымъ одному мышленію, производитъ и объясняетъ доступное ощущенію.

Чтобы объяснить указанное различіе между знаніемъ и пониманіемъ, и чтобы показать справедливость его, проведемъ параллель между двумя истинами, изъ которыхъ одна представляетъ собою знаніе, а другая — пониманіе, причемъ предметъ ихъ одинъ и тотъ же.

а) „*Явленіе теплоты сопровождается расширеніемъ тѣлъ.*“

1. Это знаніе не отвѣчаетъ ни на одинъ изъ вопросовъ, которые могутъ быть предложены относительно предмета его. И дѣйствительно, относительно разсматриваемаго явленія, какъ и вообще всѣхъ явленій, совершающихся безъ участія сознанія, можетъ быть предложено два вопроса: «какъ?» и «почему?» т. е. какой внутренній процессъ происходитъ при нагрѣваніи тѣла и увеличеніи его объема, и почему тѣло нагрѣваясь увеличивается? (Въ явле-

піяхъ, совершающихся при участіи сознанія къ этимъ вопросамъ присоединяется еще слѣдующій: «для чего, т. е. съ какою сознанною цѣлью?»). Оба эти вопроса въ разбираемомъ знаніи остаются безъ отвѣта: въ немъ мы имѣемъ указаніе на два явленія, изъ которыхъ одно слѣдуетъ за другимъ, но почему это такъ, и что именно происходитъ при этомъ въ тѣлахъ, это остается неизвѣстнымъ, а потому и самое явленіе — непонятнымъ.

2. Это знаніе есть простое сознаніе существованія того, что мы видимъ. Это прямо слѣдуетъ изъ предыдущаго разсужденія: кромѣ утвержденія существованія двухъ явленій, о которыхъ говоритъ намъ зрѣніе, въ этомъ знаніи не заключается ничего; слѣд. оно есть простое отраженіе существующаго въ сознаніи.

3. Это знаніе ограничивается внѣшними признаками и формами явленія, непосредственно наблюдаемыми. И въ самомъ дѣлѣ: въ немъ указывается на существованіе двухъ явленій: на измѣненіе температуры тѣлъ и на измѣненіе ихъ объема — и оба эти явленія наружны и доступны непосредственному наблюденію.

4. Это знаніе поверхностно, потому что, выражая внѣшнюю сторону явленія, оно не раскрываетъ того внутренняго процесса, который скрывается подъ этой наружною стороной и производитъ ее.

5. Это знаніе отрывочно. И дѣйствительно, въ немъ мы имѣемъ указаніе на два явленія, и они ни съ чѣмъ не связаны; не связаны даже и между собою, потому что, видя ихъ сопутствующими другъ другу, мы не знаемъ ни того, почему они сопутствуютъ, ни того, сопутствуютъ ли они только въ извѣстныхъ намъ случаяхъ, или всегда. Поэтому

6. это знаніе таково, что составляющее предметъ его является случайнымъ по происхожденію.

7. Это знаніе образовано при участіи органовъ чувствъ и безъ участія разума. И дѣйствительно, что тѣла нагрѣваясь увеличиваются, это мы знаемъ потому, что видимъ, и притомъ только поэтому.

8. Это знаніе можетъ быть увеличено, но не усовершенствовано. Напр. къ нему механически можетъ быть присоединено знаніе, что такія-то тѣла нагрѣваются быстрѣе и расширяются сильнѣе, другія — наоборотъ; это будутъ знанія, ничѣмъ не связанныя съ даннымъ знаніемъ, не объясняющія его и не объясняемыя имъ. Но усовершенствовать это знаніе нельзя иначе, какъ только переведя его въ пониманіе.

9. Это знаніе произошло по причинѣ, но не образовано съ цѣлью. И въ самомъ дѣлѣ, оно явилось въ человѣкѣ потому, что его органы получили впечатлѣніе отъ двухъ явленій — нагрѣванія тѣлъ и ихъ расширенія, но въ происхожденіи этого знанія не участвовала никакая цѣль, его пріобрѣтеніе не было цѣлесообразною дѣятельностью:

b) „*Теплота, съ увеличеніемъ которой тѣла расширяются, есть молекулярное движеніе, происходящее въ тѣлахъ*“.

1. Это пониманіе показываетъ, что замѣченное явленіе и не можетъ не существовать. И дѣйствительно: теплота есть движеніе частицъ, увеличивающееся съ увеличеніемъ ея; объемъ тѣла обусловливается разстояніемъ центровъ движенія этихъ частицъ; поэтому, когда тѣла нагрѣваются, или, что то же, когда увеличиваются разстоянія между центрами движенія молекулъ, то и объемъ тѣлъ не можетъ не увеличиваться. Такимъ образомъ мы имѣемъ здѣсь три *обусловливающія* другъ друга явленія, и понимаемъ, что съ измѣненіемъ одного изъ нихъ *необходимо* измѣняется и другое.

2. Это пониманіе таково, что въ немъ содержится отвѣтъ на совокупность вопросовъ, которые могутъ быть предложены относительно предмета его. И въ самомъ дѣлѣ, вопросы «почему» и «какъ» находятъ здѣсь свое разрѣшеніе: 1) нагрѣвшись тѣла увеличиваются потому, что увеличивается разстояніе между ихъ частицами; 2) нагрѣваніе и увеличеніе объема тѣлъ есть усиленіе колебаній молекулъ, составляющихъ эти тѣла.

3. Это пониманіе раскрываетъ то, что лежитъ подъ внѣшними признаками и наружными формами наблюдае-

мыхъ явленій, и что производитъ ихъ; оно обнаруживаетъ природу этихъ явленій, и скрытый процессъ, происходящій въ нихъ. И дѣйствительно: внѣшній признакъ явленія — нагрѣваніе тѣла; наружный процессъ, происходящій въ немъ — расширеніе тѣла. Но подъ этимъ признакомъ и процессомъ скрывается молекулярное движеніе, которое производитъ ихъ, обнаруживаясь — одною стороною своею въ повышеніи температуры тѣла, а другою — въ расширеніи его объема. Поэтому, не зная о существованіи этого скрытаго процесса, невозможно понять и объяснить этого наблюдаемаго явленія.

Въ мірѣ физическомъ *явленія скрытаго процесса* суть движенія элементовъ и группъ ихъ, обусловливаемыя свойствами движущагося и законами движенія; оба изучаемые элемента въ этомъ случаѣ (частицы и частичное движеніе) суть элементы мыслимые, но не наблюдаемые. Въ мірѣ явленій человѣческой жизни явленія скрытаго процесса суть состоянія и движенія человѣческаго духа, которыя лежатъ за наблюдаемыми въ исторіи фактами жизни религіозной, политической, нравственной, умственной, художественной и всякой другой. Эти скрытыя психическія движенія также не подлежатъ наблюденію извнѣ, но только внутреннему сознанію и мышленію.

4. Это пониманіе цѣльно; оно связываетъ наблюдаемыя явленія въ одно неразрывное цѣлое.

Одна изъ характерныхъ чертъ знанія состоитъ въ томъ, что оно представляетъ собою какъ бы звенья разорванной цѣпи. Эти звенья, которыми владѣемъ мы, — явленія, доступныя внѣшнимъ чувствамъ; не найденныя или потерянныя звенья этой цѣпи — это тѣ скрытыя отъ чувствъ явленія, которыя одни могли бы связать и объяснить намъ то, что знаемъ мы. Пониманіе же и есть возстановленіе этой непрерывности явленій, и есть связываніе отдѣльныхъ звеньевъ великой цѣпи черезъ нахожденіе недостающихъ звеньевъ ея. Такъ въ разсматриваемомъ примѣрѣ: въ знаніи мы имѣемъ два явленія — нагрѣваніе и расширеніе; оба явленія совершенно непонятны, ихъ соотношеніе —

полно загадочности. Повидимому, что общаго между теплотою, о которой даетъ намъ понятіе осязаніе, и между увеличеніемъ объема, что доступно зрѣнію и недоступно осязанію? тепло и холодъ съ одной стороны, и объемъ — съ другой, могутъ ли имѣть что нибудь общее? не разнородны ли совершенно для *наблюдающаго* оба эти явленія? Такимъ образомъ мы имѣемъ здѣсь два факта, ничѣмъ не связанные, и два знанія, ничѣмъ не соединенныя. Но вотъ открывается новый невидимый фактъ — молекулярное движеніе, и это третье звено связываетъ два другія, становясь между ними; а съ тѣмъ вмѣстѣ и два знанія связываются третьимъ и объясняются имъ: необъяснимое становится понятнымъ, знаніе переходитъ въ пониманіе. Мы имѣемъ: увеличеніе температуры *есть* усиленіе движенія молекулъ, *проявляющееся* въ ихъ учащенномъ колебаніи и въ увеличеніи разстояній между центрами этихъ колебаній, совокупность которыхъ (разстояній) *есть* объемъ тѣла. Разъ отнято какое-либо звено въ этой цѣпи явленій, и она разсыпается въ рядъ необъяснимыхъ фактовъ, а знаніе о нихъ становится рядомъ безсвязныхъ утвержденій.

5. Это пониманіе обязано своимъ происхожденіемъ не внѣшнимъ чувствамъ, но разуму; и не наблюденію, но мышленію. И дѣйствительно, ни существованіе молекулъ, ни ихъ движеніе не доступны для органовъ чувствъ и, руководясь только ими, человѣкъ никогда не открылъ бы этого недостающаго звена между двумя явленіями и никогда не понялъ бы ихъ.

Всматриваясь въ явленія природы и жизни, и изучая исторію науки, нельзя не замѣтить, что *явленія наружныя непосредственно не связаны между собою;* но этою связью между ними служатъ явленія внутреннія, скрытыя отъ прямаго наблюденія. Такъ устроенъ міръ, изучить который цѣль науки, и такъ созданъ человѣкъ, который изучаетъ его, что объясненіе доступнаго чувствамъ лежитъ въ недоступномъ для нихъ, видимаго въ томъ, чего нельзя видѣть и осязаемаго въ томъ, чего нельзя осязать. Эти

внутреннія невидимыя и неосязаемыя явленія — частичное движеніе въ мірѣ физическомъ и психическія состоянія въ мірѣ нравственномъ — составляютъ ту основу, на которой происходятъ явленія видимыя и ощутимыя, образуютъ ту ткань, которая проникаетъ собою, обусловливаетъ и регулируетъ всѣ *массовыя измѣненія*, которыя одни подлежатъ наблюденію. Температура и объемъ, треніе и электричество, колебаніе пластинокъ и звукъ, — что́ понялъ бы человѣкъ въ этихъ сопутствующихъ другъ другу явленіяхъ, еслибъ онъ ограничился чувственными наблюденіями, и еслибъ болѣе острое зрѣніе его разума за этими видимыми фактами не открыло тѣхъ невидимыхъ процессовъ, которые лежатъ подъ ними, связываютъ и объединяютъ ихъ въ одно цѣлое, тожественное по природѣ своей, но различно дѣйствующее на органы чувствъ его? Что могъ бы сдѣлать онъ, какъ не заключить только, что «теплота расширяетъ тѣла», и что «треніе производитъ электричество», а «колебаніе пластинокъ — звукъ»? Но гдѣ мысль въ этомъ наборѣ словъ, и гдѣ причина, не дозволяющая ихъ набрать въ другомъ порядкѣ? Вотъ почему наблюденіе и опытъ, на сколько они являются произведеніемъ только органовъ чувствъ, безсильны создать что нибудь кромѣ знаній, лишенныхъ связи и мысли, безсильны подняться до пониманія. И такъ какъ цѣль науки — не знать, но понимать, то и господствующее положеніе въ ней должно принадлежать не опыту и наблюденію, но умозрѣнію, направляющему ихъ.

Это господствующее положеніе мышленія въ наукѣ невозможно ни уничтожить, ни ослабить. Причина его лежитъ не въ произволѣ человѣка, но *въ самомъ соотношеніи между изучающимъ и изучаемымъ, между человѣкомъ и природою*. Нельзя измѣнить этого соотношенія иначе, какъ или видоизмѣнивъ организмъ человѣка — сдѣлавъ его органы способными ощущать сверхчувственное, или видоизмѣнивъ природу — уничтоживъ это сверхчувственное въ ней самой. Этимъ, и никакимъ другимъ путемъ, возможно было бы дать въ наукѣ чувственному наблюденію господ-

ствующее положеніе надъ умозрительнымъ изслѣдованіемъ. И такъ какъ этотъ единственно ведущій къ цѣли способъ — не выполнимъ, все же выполнимое не ведетъ къ цѣли, то и всякое усиліе сдѣлать науку исключительно опытною и наблюдательною не можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ ничего другаго, какъ только возвращеніе ея изъ состоянія пониманія къ состоянію простаго знанія.

Будемъ продолжать начатое изслѣдованіе.

Разсматриваемое пониманіе не только образовано разумомъ; но въ разумѣ лежитъ и та причина, которая вызвала стремленіе образовать его. И въ самомъ дѣлѣ, оно произошло потому, что человѣкъ не удовлетворился наблюденіемъ двухъ явленій — нагрѣванія и расширенія тѣлъ, но спросилъ себя, какова природа этихъ явленій, что происходитъ при нихъ и почему они всегда сопутствуютъ другъ другу. Этихъ вопросовъ нельзя объяснить изъ причинъ, лежащихъ внѣ разума: явленія, которыя онъ наблюдаетъ, сами по себѣ просты и съ дѣтства знакомы всякому изъ массы наблюденій. Поэтому человѣкъ не одаренный пытливостью никогда не задумается надъ этими явленіями и никогда не спроситъ себя о причинѣ ихъ, — какъ не задумался надъ ними никто, кромѣ европейцевъ, и изъ послѣднихъ никто, кромѣ немногихъ. Пытливость же есть свойство ума, а не что-либо внесенное въ него извнѣ. Въ самомъ пониманіи этомъ содержится раскрытіе внутренняго процесса, происходящаго при нагрѣваніи и расширеніи тѣлъ, и причинной связи, соединяющей эти два явленія, — но самая потребность открыть то и другое не могла быть внушена этими явленіями. Видя, что нагрѣваніе всегда вызываетъ расширеніе тѣлъ, почему человѣкъ не остановился на простой мысли, что причина расширенія есть нагрѣваніе? почему, видя только эти два явленія и не видя ничего другаго, онъ не объяснилъ одного изъ нихъ другимъ, а сталъ искать объясненія въ третьемъ явленіи, о самомъ существованіи котораго онъ ничего не зналъ? и почему, вопреки свидѣтельству своихъ чувствъ, показывавшихъ, что кромѣ этихъ двухъ

явленій и дѣйствительно нѣтъ ничего, онъ съ такимъ постоянствомъ и съ такою увѣренностью искалъ этого третьяго явленія, какъ будто бы онъ видѣлъ и осязалъ его? Причина этого лежитъ въ томъ, что онъ понялъ невозможность объяснить одно явленіе другимъ, — замѣтилъ, что температура и расширеніе — два факта, различные между собою по природѣ, что каждое изъ нихъ — явленіе sui generis, и необходимо или найти третіе связующее звено между ними, или свести одно явленіе къ другому черезъ отожествленіе ихъ съ третьимъ. Это третіе связующее явленіе и найдено было въ молекулярномъ движеніи. Существующее и сверхчувственное, оно составляетъ сущность наблюдаемыхъ явленій, и видимая сторона ихъ — только двоякое проявленіе этой одной сущности.

Истинный признакъ ума, способнаго образовать науку, состоитъ не столько въ умѣніи связывать отдѣльныя явленія, сколько въ пониманіи невозможности связать непосредственно явленія разнородныя, хотя и смежныя, и въ тонкомъ пониманіи этой разнородности явленій. Отсюда вытекаетъ стремленіе отыскивать, путемъ разложенія сложнаго на простое, въ разнообразномъ повидимому однообразное въ дѣйствительности, сводить одно явленіе къ другому, и такимъ образомъ идти постоянно и неуклонно къ отысканію единства и тожества во всемъ безконечно разнообразномъ мірѣ явленій. Мы сравнили человѣческія знанія съ разорванною цѣпью, а стремленіе къ пониманію — съ стремленіемъ возстановить ея цѣлость, найти невидимыя звенья, соединяющія видимыя кольца этой цѣпи. Чтобы сдѣлать полнѣе это сравненіе, добавимъ, что звенья этой безконечно длинной цѣпи безконечно малы въ отдѣльности, такъ что только острое зрѣніе въ состояніи открыть, что многихъ изъ нихъ недостаетъ. Для зрѣнія же обыкновеннаго цѣпь кажется цѣлой, и люди, слабо видящіе, не могутъ понять, чего ищутъ люди хорошо видящіе: имъ кажется, что они видятъ все, что нужно, хотя въ дѣйствительности не видятъ и того немногаго, что могли бы видѣть.

Вотъ почему міръ природы и жизни такъ понятенъ для людей съ грубымъ умомъ и такъ непонятенъ для людей съ умомъ глубокимъ и тонкимъ. Тогда какъ для первыхъ все уже ясно, для вторыхъ еще все темно; для первыхъ нѣтъ ничего, что не было бы естественно и обыкновенно, для вторыхъ каждое обыденное явленіе полно загадочности; первые живутъ не удивляясь и не безпокоясь, жизнь вторыхъ — непрестанное удивленіе передъ непонятнымъ и безпокойство передъ неизвѣстнымъ, сущность чего необъяснима для нихъ, но о существованіи чего они твердо знаютъ. Отсюда-то вытекаетъ умственное равнодушіе первыхъ, и жажда познанія во вторыхъ.

6. Это пониманіе можетъ быть усовершенствовано; самое же усовершенствованіе можетъ быть двоякое: *прямое* — черезъ дальнѣйшее выясненіе подробностей скрытаго процесса, природа котораго раскрывается въ этомъ пониманіи, и *посредственное* — черезъ усовершенствованіе пониманія главнаго явленія, къ которому сведены другія явленія. Въ разсматриваемомъ случаѣ прямое усовершенствованіе будетъ состоять въ опредѣленіи формы, величины и законовъ молекулярнаго движенія и въ отысканіи постояннаго математическаго соотношенія между формою и величиною этихъ движеній съ одной стороны, и между температурою тѣлъ — съ другой. Посредственное же усовершенствованіе будетъ происходить черезъ усовершенствованіе пониманія *движенія* вообще, какъ явленія природы, разсматриваемаго въ самомъ себѣ, безъ отношенія къ явленіямъ тепловымъ. Чѣмъ глубже проникнетъ человѣкъ въ сущность, свойства и законы движенія, какъ космической силы природы, тѣмъ яснѣе будутъ становиться для него всѣ явленія теплоты, какъ одного изъ частныхъ проявленій этой общей космической силы.

Усовершенствованіе всякаго пониманія имѣетъ два фазиса въ своемъ развитіи: фазисъ анализа и фазисъ синтеза. Первый изъ нихъ состоитъ все въ дальнѣйшемъ и дальнѣйшемъ разложеніи изучаемаго на составные элементы, до тѣхъ поръ, пока эти элементы различнаго

повидимому не окажутся тожественными между собою, а видимое разнообразіе самаго изучаемаго не сведется къ разнообразію въ сочетаніи открытыхъ элементовъ и группъ ихъ. Это тожество различнаго должно быть послѣднею цѣлью анализа, и оно всегда будетъ открыто, если изучаемыя явленія и предметы дѣйствительно находятся въ связи между собою; такъ какъ только тожественное можетъ быть производящею причиною тожественнаго, явленія же въ самой сущности разнородныя не могутъ вліять другъ на друга. Съ достиженіемъ пониманія одного общаго въ видимомъ разнообразіи оканчивается анализъ; и затѣмъ наступаетъ синтезъ, какъ объясненіе наблюдаемаго разнообразія изъ открытаго общаго въ немъ, какъ пониманіе процессовъ и законовъ происхожденія этого разнообразія. Такъ всѣ физическія явленія, какъ повидимому ни различны они, сводятся къ движенію вещества; но съ этимъ открытіемъ еще не оканчивается задача науки: ей предстоитъ объяснить, какимъ образомъ это движеніе переходитъ во все то разнообразіе явленій, которое наблюдается въ космосѣ. Такъ разнообразіе явленій въ мірѣ человѣческомъ сводится къ психическимъ состояніямъ; но наука должна еще, понявъ эти состоянія, вывести изъ нихъ всѣ факты, наблюдаемые въ этомъ мірѣ.

Создаваемая такимъ образомъ наука даетъ человѣку предвидѣніе и всемогущество, — и давать это она начинаетъ съ того момента, какъ законченъ анализъ и открыто въ разнообразномъ единое тожественное. Тогда, понимая элементы, человѣкъ начинаетъ предвидѣть слѣдствія сочетаній ихъ, и, владѣя этими элементами, получаетъ способность не только воспроизводить явленія природы, но и создавать новыя, еще неизвѣстныя въ природѣ явленія, заставляя элементы вступать въ новыя, еще неиспытанныя сочетанія. Онъ начинаетъ какъ бы *творить природу*.

Такимъ образомъ вотъ признаки знанія: *безсиліе разрѣшить вопросъ* разума относительно предмета его; *ограниченіе сознаніемъ существованія* этого предмета; ограниченіе знаніемъ *внѣшнихъ признаковъ и наружныхъ формъ* его, но

не внутренней природы и строенія; *отрывочность* предмета его; кажущаяся *случайность его существованія* или появленія (т. е. для разума, не видящаго причинной связи его съ чѣмъ-либо другимъ); *неусовершаемость* его; *отсутствіе мышленія въ произведеніи* его; *безцѣльность* въ его образованіи. Всѣ эти признаки связаны между собою, такъ что присутствіе одного изъ нихъ неизмѣнно сопровождается присутствіемъ всѣхъ остальныхъ. Эти признаки постоянны въ знаніи и исключительно ему принадлежатъ (такъ какъ ихъ нѣтъ въ пониманіи, а знаніе и пониманіе исчерпываютъ собою всю область умственной жизни человѣка); слѣд. они суть признаки, опредѣляющіе знаніе, т. е. его *критеріумы*. Для того, чтобы узнать, есть ли извѣстное произведеніе ума знаніе или пониманіе, слѣдуетъ только посмотрѣть, есть ли одинъ изъ этихъ признаковъ въ немъ, или нѣтъ.

Пониманіе же имѣетъ слѣдующіе признаки: *необходимость существованія предмета его; содержаніе въ себѣ отвѣта на совокупность вопросовъ*, которые разумъ можетъ предложить относительно этого предмета; *раскрытіе внутренней природы понимаемаго предмета и скрытаго процесса*, происходящаго *въ понимаемомъ явленіи; цѣльность* его (пониманія); *господствующее участіе разума* въ произведеніи его; *усовершаемость его; цѣлесообразность въ его образованіи*. Эти семь признаковъ также постоянны въ пониманіи и исключительно свойственны ему; т. е. опредѣляютъ его и служатъ его критеріумами. Но кромѣ того, такъ какъ въ этомъ состоитъ пониманіе, и такъ какъ человѣкъ изслѣдуетъ все, чтобы понимать, то они могутъ служить руководящею таблицею при всякомъ изслѣдованіи, показывая, чего именно слѣдуетъ искать въ изучаемомъ (признаки 1, 2, 3, 4) и какимъ путемъ это можетъ быть сдѣлано (признаки 5-й и 6-й).

Разсмотрѣнный нами примѣръ теплоты, расширенія и молекулярнаго движенія мы взяли потому, что, строго ограничиваясь тремя явленіями, онъ чрезвычайно простъ и потому удобенъ для объясненія различія между знаніемъ

и пониманіемъ. Но ясно, что природа и признаки знанія и пониманія остаются постоянно тѣ же, какъ бы ни измѣнялось то, что составляетъ предметъ ихъ.

V. Такъ какъ по отношенію къ человѣку знаніе и пониманіе различаются главнымъ образомъ степенью его участія въ ихъ произведеніи, то мы и сдѣлаемъ различіе въ томъ, что образуетъ ихъ. При образованіи перваго сознаніе только отражаетъ въ себѣ текущія явленія, и удерживаетъ въ себѣ эти отраженія; при образованіи пониманія оно является дѣятельнымъ началомъ. Поэтому пассивно узнающее въ человѣкѣ мы назовемъ *умомъ* (говорить и поступать умно значитъ поступать и говорить сообразно съ вещами, какъ онѣ *являются* человѣку), а дѣятельно понимающее въ немъ — *разумомъ* (что стремится уразумѣть, понять являющееся чувствамъ черезъ обнаруженіе скрытаго отъ нихъ).

Умъ по преимуществу раскрывается въ практической дѣятельности человѣка — въ способности умѣло вести дѣла личныя и въ умѣніи устраивать дѣла общественныя. На раннихъ ступеняхъ человѣческаго развитія онъ встрѣчается такъ же не рѣдко, и въ такой же силѣ, какъ и въ болѣе зрѣлыхъ періодахъ историческаго развитія. Его ясность обнаруживается въ способности не ошибаться, его сила обнаруживается въ способности приводить въ движеніе и направлять сложное и массовое. Разумъ раскрывается въ теоретической дѣятельности человѣка, и отражается въ жизни только въ тѣ рѣдкіе моменты, когда сама жизнь пытается стать его отраженіемъ. Его ясность обнаруживается въ правильности и простотѣ пониманія, его сила обнаруживается во всеобъемлемости этого пониманія. Умъ представляетъ собою что-то несамостоятельное, какъ бы приданное къ другимъ способностямъ человѣка; и подобно этимъ послѣднимъ умъ употребляется имъ, какъ орудіе, для достиженія различныхъ цѣлей. Онъ имѣетъ свои задачи, и потому бездѣйствуетъ и ослабѣваетъ всегда, когда утихаетъ внѣшняя дѣятельность, помогать которой есть его назначеніе; дѣятельное состояніе его

можно назвать состояніемъ «узнаванія» и «обдумыванія». Разумъ представляетъ собою нѣчто замкнутое въ себѣ и глубоко самостоятельное; не человѣкъ обладаетъ имъ, но онъ живетъ въ человѣкѣ, покоряя себѣ его волю и желанія, но не покоряясь имъ. Въ самомъ себѣ носитъ онъ свою цѣль, и скорѣе заставляетъ человѣка забывать о всѣхъ нуждахъ и потребностяхъ своихъ, нежели служитъ имъ. Внѣшняя дѣятельность болѣзненно подавляетъ его, и только въ полномъ самоуединеніи и покоѣ раскрывается онъ во всей силѣ и полнотѣ своей. Что разумъ не есть только высшая ступень въ развитіи ума, это видно изъ того, что они рѣдко встрѣчаются вмѣстѣ, и что съ пробужденіемъ и усиліемъ одного изъ нихъ глохнетъ и замираетъ другой.

VI. *Науку образуютъ не знанія, но пониманіе; изъ знаній же имѣютъ къ ней отношеніе только тѣ, которыя имѣютъ цѣлью образовать пониманіе и ведутъ къ нему.*

Разсмотримъ необходимость и правильность этого ограниченія области науки областью пониманія.

Есть два условія, лежащія въ самой природѣ знаній, которыя побуждаютъ къ этому: 1) невозможность ввести въ науку всѣ знанія безъ различія, 2) невозможность провести различіе между отдѣльными знаніями; вслѣдствіе чего допустивъ въ содержаніе науки нѣкоторыя знанія необходимо было бы допустить и всѣ остальныя, что противорѣчитъ первому условію.

Всѣ знанія невозможно ввести въ науку во 1-хъ потому, что въ такомъ случаѣ всякій человѣкъ безъ особеннаго труда могъ бы расширять содержаніе науки, — стоило бы лишь о чемъ-нибудь узнать что-нибудь достовѣрное. Ясно, что при этомъ условіи невозможно было бы ни придать наукѣ какую-либо правильность, ни сообщить ея развитію какую либо послѣдовательность. Ея форма, содержаніе, задачи представляли бы собою нѣчто неуловимо измѣнчивое, подвижное и лишенное всякой опредѣленности. Во 2-хъ потому, что въ такомъ случаѣ необходимо было бы признать наукою тѣ массы знаній, которыми обладa-

ли и обладаютъ народы, о которыхъ справедливо привыкли думать, что они не создали науки. Напр. дикіе народы имѣютъ много знаній, вѣрныхъ и точныхъ, но что сталось бы съ наукой, если бы въ содержаніе ея ввести всѣ эти знанія? Китайцы также имѣютъ много знаній, интересныхъ, удивительныхъ и истинныхъ, но совокупность ихъ знаній мы не рѣшимся назвать наукой, потому что у этого народа никогда не замѣчалось стремленія къ чистому пониманію, и свои знанія онъ пріобрѣталъ не для того, чтобы достигнуть его. Греки многое знали до Ѳалеса, но только съ Ѳалеса начинается у нихъ наука; потому что хотя онъ и не пріобрѣлъ никакого важнаго знанія съ точнымъ значеніемъ, однако въ немъ въ первомъ пробудилось стремленіе къ пониманію, т. е. къ объясненію того, что знали раньше и они, и другіе. Римляне, столь положительные и точные въ жизни и въ знаніяхъ, также не создали науки. Наконецъ, — и это особенно замѣчательно — и изъ новыхъ народовъ признаются образовавшими у себя науку только Романо-Германцы, живущіе въ предѣлахъ Европы, — хотя не только знанія, но и Академіи, Университеты и ученая литература существуютъ и у другихъ народовъ, живущихъ какъ въ Европѣ, такъ и за ея предѣлами. Гдѣ источникъ этого убѣжденія, никѣмъ не оспариваемаго? Не значитъ ли это, что наука съ одной стороны, а знанія и даже ученость съ другой — не тожественны? И причина ихъ различія не лежитъ ли въ различномъ отношеніи къ нимъ человѣка, въ различіи самыхъ побужденій, которыми руководится онъ, въ одномъ случаѣ создавая науку, а въ другомъ — только ученость и знанія? То видимое цѣлое — литература и учрежденія — что мы называемъ наукою Грековъ и Европейцевъ, не есть ли только видимое проявленіе, безсознательно созданное и никогда не служившее само себѣ цѣлью, невидимой жизни духа, стремящагося къ пониманію и движимаго пытливостью? а то разрозненное и нестройное, что мы называемъ произведеніемъ учености и знанія другихъ народовъ, не есть ли только искусственное созданіе этихъ внѣш-

нихъ формъ, съ надеждою, мы думаемъ напрасною, что въ нихъ зародится современемъ тотъ духъ, который долженъ былъ бы вызвать ихъ?

Такимъ образомъ невозможно вводить въ науку всѣ знанія, не можетъ составить части ея каждое знаніе. Но, однако принято многія знанія называть *научными*, хотя — достойно замѣчанія — совокупность ихъ никогда не называютъ наукою. Справедливо ли это? Можно утверждать, что нѣтъ, относительно всѣхъ знаній, пріобрѣтенныхъ не съ цѣлью достигнуть пониманія; на томъ основаніи, что ни въ природѣ, ни въ свойствахъ этихъ знаній нѣтъ никакого отличія отъ всѣхъ другихъ знаній, которыхъ никто не рѣшится ввести въ науку.

И въ самомъ дѣлѣ, если мы всмотримся въ то, почему одни знанія вводятся въ содержаніе науки, а другія — нѣтъ, то увидимъ, что причина этого лежитъ не въ самыхъ знаніяхъ, а въ условіяхъ ихъ пріобрѣтенія. Этихъ условій три: 1) количество пріобрѣтаемыхъ знаній: если ихъ много, ихъ вводятъ въ науку, если мало — не вводятъ въ нее, хотя природа ихъ одинакова: вводимыя знанія состоятъ изъ многихъ, порознь не вводимыхъ въ нее. Сюда относятся всѣ такъ называемыя «собранія сырыхъ матеріаловъ», т. е. простыхъ описаній, наблюденій и извѣстій о предметахъ и явленіяхъ. Напр. описаніе обычаевъ жителей какого-либо одного селенія не вводится въ науку; но собраніе наблюденій надъ правами и обычаями многихъ селеній вводится въ науку этнографіи и статистики. Отдѣльное наблюденіе надъ состояніемъ температуры и влажностью воздуха не считается научнымъ; но если этихъ наблюденій сдѣлано нѣсколько тысячъ, ихъ вводятъ въ науку метеорологію. Отдѣльное извѣстіе о жизни какого-либо замѣчательнаго человѣка или о какомъ-нибудь замѣчательномъ событіи не называется научнымъ; но собраніе такихъ извѣстій не рѣдко называется наукою исторіи. Это же описаніе отдѣльныхъ предметовъ, фактовъ и явленій составляетъ содержаніе безчисленнаго множества такъ называемыхъ «монографій», особенно на-

полняющихъ собою естествознаніе. Всѣ эти описывающія и разсказывающія науки, равно какъ все описывающее и разсказывающее въ наукахъ, не ограничивающихся этимъ, вносилось и вносится въ науку согласно съ опредѣленіемъ ея, какъ «совокупности человѣческихъ знаній»; но должно быть строго выдѣлено изъ нея, какъ изъ «пониманія». 2) Въ количествѣ труда, употребляемаго для пріобрѣтенія этихъ знаній. Такъ напр. цѣнность этнографическихъ наблюденій возрастаетъ въ мнѣніи людей, если они сдѣланы въ странахъ отдаленныхъ и малодоступныхъ. Цѣнность зоологическихъ и ботаническихъ описаній возрастаетъ, если предметъ ихъ — существа, рѣдко встрѣчающіяся въ природѣ. Цѣнность историческихъ разсказовъ увеличивается по мѣрѣ отдаленности тѣхъ эпохъ, которыхъ они касаются. 3) Въ малой доступности этихъ знаній какъ для тѣхъ, которые захотѣли бы образовать ихъ, такъ и для тѣхъ, которые захотѣли бы ихъ усвоить. Сюда относятся многія спеціальныя ученыя сочиненія, требующія долгой предварительной подготовки, напр. изученіе рукописей и критика текстовъ въ филологіи. Знанія, составляющія содержаніе этихъ и подобныхъ трудовъ, не имѣютъ внутренняго значенія и достоинства; но трудность, съ которою они пріобрѣтаются и усвоиваются, и малое количество людей, занимающихся ими, увеличиваетъ уваженіе къ этимъ знаніямъ и ихъ вводятъ въ науку. Замѣтимъ, что изъ разсмотрѣнныхъ трехъ условій, способствующихъ введенію въ науку простыхъ знаній (неимѣющихъ цѣлью образовать пониманіе), первыя два чрезвычайно расширяютъ содержаніе науки, и вводятъ въ число созидателей ея людей, не обладающихъ ни глубиной интереса къ истинѣ, ни силою ума; а третіе условіе чрезвычайно съуживаетъ содержаніе науки и вводитъ въ число созидателей ея людей, обладающихъ часто большою силою воли и большимъ трудолюбіемъ, но лишенныхъ нерѣдко всякаго интереса къ пониманію. Всѣ три условія производятъ то, что наука становится достояніемъ какъ бы отдѣльнаго класса людей, и, какъ занятіе, на-

полняетъ ихъ досугъ и доставляетъ имъ удовольствіе; но одновременно съ этимъ она теряетъ интересъ для всѣхъ другихъ людей, потому что утрачиваетъ связь со всѣми глубокими интересами человѣческаго ума и человѣческой жизни.

Какъ кажется въ основаніи воззрѣнія тѣхъ, которые вводятъ въ науку эти и подобныя знанія, лежитъ молчаливое убѣжденіе, что развитіе науки зависитъ отъ количества собираемыхъ знаній, что чѣмъ больше будетъ сдѣлано наблюденій и записано фактовъ, тѣмъ лучшимъ матеріаломъ будутъ служить они для выводовъ, — хотя бы и были сдѣланы безъ всякой опредѣленной цѣли и предусмотрѣннаго плана. Это убѣжденіе глубоко ошибочно. Оно основано на непониманіи самой природы способовъ изысканія истины. Можно собрать громадное количество наблюденій, и при всей точности своей они могутъ быть таковы, что изъ нихъ невозможно получить ни одного вывода, способнаго занять мѣсто въ наукѣ. Всѣ выводы, получаемые изъ такихъ простыхъ наблюденій, вѣрны только въ предѣлахъ сдѣланыхъ наблюденій: мы видѣли, что данное явленіе совершалось такъ-то, или что ему сопутствовало то-то, и *знаемъ* это; но будетъ ли оно всегда происходить такъ же, и будетъ ли ему всегда сопутствовать то же, этого мы не знаемъ и не можемъ знать, потому что *не понимаемъ*, *почему* оно происходитъ такъ, а не иначе, или *почему* ему сопутствуетъ то, а не другое. И пониманія этого невозможно извлечь ни изъ какихъ наблюденій, какъ бы много ихъ ни было. Для этого необходимы другіе пріемы изслѣдованія: опытъ — простой, но хорошо *придуманный*. Исторія науки всего лучше убѣждаетъ въ этомъ: напр. въ физикѣ всѣ открытія были
7 сдѣланы не путемъ безчисленыхъ наблюденій, но при помощи двухъ-трехъ опытовъ, искусно произведенныхъ, т. е. такихъ, въ которыхъ не только смотрѣли глаза, но и думалъ умъ.

Такимъ образомъ изъ знаній только тѣ имѣютъ значеніе для науки, которыя были пріобрѣтены съ цѣлью обра-

зовать пониманіе. Изъ нихъ только могутъ быть выведены истины, имѣющія не временное значеніе, вѣрное въ предѣлахъ сдѣланныхъ наблюденій, но неизмѣнное, постоянное. Безцѣльно же собранныя знанія должны быть выдѣлены изъ области науки, — безразлично, будутъ ли они многочисленны или одиночны, съ трудомъ пріобрѣтены или безъ него, съ предварительною научною подготовкою или безъ нея. Можно съ помощью простыхъ или сложныхъ пріемовъ описать небо и землю, сосчитать песчинки въ пустынѣ и капли въ морѣ; это будутъ знанія безчисленныя и точныя, пріобрѣтенныя трудомъ нѣсколькихъ поколѣній; но это не будетъ наука, ни даже тѣнь науки.

Это ограниченіе области науки областью пониманія не носитъ въ себѣ отрицанія многочисленныхъ и разнообразныхъ знаній, пріобрѣтаемыхъ человѣкомъ для нужды и безъ нужды. Оно только выдѣляетъ ихъ изъ науки, какъ нѣчто несамосущее, измѣнчивое и временное. И съ тѣмъ вмѣстѣ это отожествленіе науки съ пониманіемъ замыкаетъ первую въ самой себѣ, превращая ее въ самостоятельную область человѣческаго творчества. Въ этомъ творчествѣ и исходнымъ началомъ, побуждающимъ къ дѣятельности, и цѣлью, къ которой направляется дѣятельность, служитъ не временное въ человѣкѣ и не произведенное въ немъ, но, какъ это будетъ показано ниже, его первозданная и вѣчная природа.

Заключенное въ этихъ границахъ вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, что называлось наукой въ лучшія для нея времена, и тому, что есть лучшаго въ ней теперь; потому что оно обнимаетъ собою все, что создавалось и создается въ наукѣ, выдѣляя лишь то, что никогда ничего не создавало въ ней и не стремилось ничего создать. Но, что особенно важно, оно вполнѣ выражаетъ природу того, о чемъ смутное, но глубокое и прекрасное понятіе сложилось въ жизни — по крайней мѣрѣ въ нашей — и упорно хранилось не смотря на все, что являлось подъ именемъ науки и что не рѣдко такъ не соотвѣтствовало этому понятію. Возведеніе науки къ чистому пониманію только

проясняетъ это смутное сознаніе, и отрицаніе научности во всемъ, что не связано съ пониманіемъ, только оправдываетъ это влеченіе, столь глубоко коренящееся въ человѣческихъ инстинктахъ, что ни вѣка своею тяжестью, ни сложившаяся исторія своимъ авторитетомъ до сихъ поръ не подавили его. Оно показываетъ, что въ свободномъ и чистомъ проявленіи этого инстинкта, доселѣ робкаго, какъ бы чувствующаго неправоту свою, и состоитъ всецѣло сущность науки. И въ самомъ дѣлѣ, какъ простая любознательность служитъ признакомъ только внѣшности и безсодержательности ума, такъ и ученость, не соединенная съ пытливостью, скорѣе подавляетъ разумъ, нежели служитъ обнаруженіемъ его; потому что и та и другая есть пріобрѣтеніе познаній извнѣ, и порождается невольною потребностью наполнить внутреннюю пустоту его, занять чѣмъ нибудь познавательную способность, внутри безсодержательную и безжизненную. Не коренясь ни въ какихъ инстинктахъ человѣческой природы, въ этомъ видѣ наука не есть нѣчто необходимое для человѣка, не есть невольное проявленіе его творчества, не есть раскрытіе его разума и органъ послѣдняго. И появляется она въ этомъ видѣ тогда только, когда или еще не пробудилась его природа въ исторіи, или уже погасла подавленная.

Показавъ, что предметъ науки есть неизмѣнно существующее, ея содержаніе — истинныя знанія о немъ, а ея сущность — соединеніе этихъ знаній въ пониманіе, перейдемъ теперь къ изслѣдованію, объясненію и доказательству второй части опредѣленія науки. Здѣсь передъ нами точнѣе раскроется, въ чемъ именно состоитъ пониманіе, и какъ относится оно къ разуму, изъ котораго исходитъ, и къ понимаемому міру, о которомъ слагается.

ГЛАВА II.

О схемахъ разума и сторонахъ существующаго.

I. Раскрытіе внутренняго содержанія второй части опредѣленія науки и доказательства справедливости ея. — II. Разсмотрѣніе общаго процесса образованія полнаго пониманія. Существуютъ ли какія либо знанія въ разумѣ ранѣе опыта? Два представленія, безъ которыхъ и немыслимо и невозможно какое либо знаніе, сами невозможны и немыслимы безъ предшествующаго чувственнаго впечатлѣнія. Эти два чувственныя представленія необходимо предшествуютъ и образованію аксіомъ; однако процессъ самаго образованія аксіомъ совершается помимо опыта, не только чувственнаго, но даже и умственнаго. — III. Существуетъ ли самый разумъ ранѣе опыта? Порядокъ возникновенія въ разумѣ идей, образующихъ полное пониманіе. Идея существованія, какъ необходимо предшествующая всѣмъ другимъ идеямъ разума. Центръ схемъ пониманія. Образованіе идеи о сущности бытія. Образованіе идеи объ аттрибутахъ бытія. Образованіе идеи о причинѣ бытія; отличіе процесса образованія этой идеи отъ процесса образованія предшествующихъ идей, и его значеніе въ общемъ развитіи человѣческаго пониманія. Образованіе идеи о цѣли бытія Образованіе идеи о сходствѣ и различіи бытія; условія, необходимыя для возникновенія этой идеи; особенности ея образованія. Образованіе идеи числа; вѣроятный порядокъ возникновенія чиселъ. — IV. Строеніе разума, раскрывающееся въ процессѣ образованія полнаго пониманія. Видъ существованія разума; понятіе о существованіи реальномъ и потенціальномъ; два вида потенцій: неопредѣленныя и опредѣленныя; безформенность и инертность первыхъ, законченность и скрытая жизненность вторыхъ; первыя носятъ въ себѣ то, изъ чего образуется реальное бытіе, вторая - то, во что образуется оно; къ которому виду этихъ потенцій можетъ быть отнесенъ разумъ; первое опредѣленіе его. — V. Природа жизненности, присущей разуму. Она опредѣляется черезъ выдѣленіе изъ познанія того, что идетъ отъ внѣшняго міра, и того, что идетъ отъ самаго разума. Въ полномъ пониманіи познаваемое взято изъ внѣшняго міра, познаваніе идетъ отъ разума. Первое даетъ содержаніе пониманію, второе состоитъ изъ стремленія пріобрѣсти это содержаніе, и изъ способности образовать его. Различное отношеніе разума къ знанію и къ пониманію. Пониманіе есть жизнь разума и сущность его. Второе опредѣленіе разума. — VI. Формы, въ которыхъ проявляется жизненность разума. Схемы пониманія. Факты, показывающіе невозможность, чтобы эти схемы были произведены въ человѣкѣ внѣшнимъ міромъ. Изъ существующаго внѣ разума воспринимается имъ и понимается только то, что имѣетъ въ немъ соотвѣтствующую себѣ схему; трудность точнаго опредѣленія этихъ схемъ. — VII. Соотношеніе между схемами пониманія и сторонами бытія; это соотношеніе предсуществуетъ вліянію бытія на разумъ и

разума на бытіе; его объясненіе поэтому слѣдуетъ искать въ общемъ происхожденіи бытія и разума. Потенціи идеи существованія, какъ центръ этихъ схемъ. Сущность каждой и отдѣльной схемы состоитъ въ чистомъ стремленіи и въ чистой способности образовать идею, соотвѣтствующую своей природѣ, о существующемъ. Шесть схемъ пониманія: схема сущности, соотвѣтствующая природѣ существующаго; схема аттрибутовъ, вытекающихъ изъ природы существующаго; схема причинности, соотвѣтствующая производящему въ существующемъ; схема цѣлесообразности, соотвѣтствующая производимому въ существующемъ; схема сходства и различія, соотвѣтствующая родамъ и видамъ въ существующемъ; схема чиселъ, соотвѣтствующая количественной сторонѣ въ существующемъ. Третіе и окончательное опредѣленіе разума. — VIII. Объясненіе явленій процесса пониманія изъ природы разума, выведенной изъ наблюденій надъ этимъ процессомъ. Уничтоженіе эмпиричности въ истинахъ объ этихъ явленіяхъ пониманія, и сообщеніе имъ характера необходимаго и постояннаго. Первый рядъ аксіомъ относительно познанія: 1. познаніе неизмѣнно и необходимо слагается изъ наблюденія и умозрѣнія, 2. наблюденіе неизмѣнно и необходимо предшествуетъ умозрѣнію, 3. разъ начавшійся процессъ пониманія неизмѣнно и необходимо переходитъ во всепониманіе, 4. этотъ процессъ пониманія движется, направляется и опредѣляется самою природою познающаго разума, но не природою и вліяніемъ внѣшняго познаваемаго міра. Второй рядъ аксіомъ относительно познанія: 1. познаваніе есть явленіе, произведенное и обусловленное соотвѣтствіемъ схемъ пониманія со сторонами бытія, 2. границы пониманія человѣческаго опредѣленія схемами человѣческаго разума. Три возможные случая въ соотношеніи между міромъ идей и міромъ вещей; невозможность для человѣка когда либо переступить черезъ границы, положенныя для его разума въ самомъ строеніи этого разума; сущность этой ограниченности разума.

I. *Въ стремленіи и въ способности образовать науку, какъ пониманіе, раскрывается природа человѣческаго разума.*

Не трудно замѣтить, что въ наукѣ какъ въ «совокупности человѣческихъ знаній» природа разума человѣческаго остается скрытою, не обнаруженною. Даже болѣе: въ образованіи подобной науки совершенно не видно его участія. Получать простыя знанія, присоединять ихъ одно въ другому — это процессъ, свойственный не только всѣмъ людямъ безъ различія, но, какъ кажется, и существамъ низшимъ. Здѣсь умъ человѣка является простымъ пріемникомъ внѣшнихъ импульсовъ, зеркаломъ, отражающимъ и удерживающимъ мимо идущія впечатлѣнія. Въ этой способности получать и удерживать впечатлѣнія не проявляется никакой внутренней жизненности духа, нѣтъ ничего, о чемъ мы могли бы утверждать, что оно присуще ему по самой природѣ его: къ этой работѣ способенъ и

мертвый механизмъ. Скажемъ болѣе: разсматривая эти знанія невозможно узнать, существуетъ ли самый этотъ разумъ ранѣе полученныхъ впечатлѣній, такъ какъ ни до воспріятія ихъ, ни послѣ того, какъ они восприняты, онъ ничѣмъ не обнаруживаетъ своего самостоятельнаго, отъ нихъ независимаго существованія. Быть можетъ съ полученіемъ внѣшнихъ импульсовъ не пробуждается онъ: до нихъ его просто нѣтъ; быть можетъ онъ, какъ совокупность полученныхъ впечатлѣній, и возникаетъ только въ моментъ ихъ воспріятія; самая сущность его, быть можетъ, и есть только пучекъ этихъ собранныхъ впечатлѣній, и разъ разсыплются они, исчезнетъ и онъ безслѣдно.

Совершенно другое понятіе составимъ мы о разумѣ, если разсмотримъ процессы образованія пониманія. Сложное и строго опредѣленное, по мѣрѣ того какъ образуется оно въ немъ, выступаютъ его скрытыя формы, и обнаруживается его невидимое строеніе и природа; подобно тому какъ проступаютъ безцвѣтныя и невидимыя формы сосудовъ, когда въ нихъ впитывается окрашивающее вещество.

II. Разсмотримъ же, чтобы обнаружить эти формы разума, общій процессъ, черезъ который проходитъ всякое образующееся пониманіе. Его можно прослѣдить и провѣрить на себѣ во всякое время.

Прежде всего и опытъ и размышленіе убѣждаютъ насъ, что никакое пониманіе не можетъ быть образовано безъ предварительнаго чувственнаго впечатлѣнія; ничто не можетъ появиться въ сознаніи, пока не появилось что либо въ ощущеніи. Потому что безъ этого внѣшняго впечатлѣнія *нѣтъ предмета для пониманія:* нельзя понять что либо, когда не знаешь, существуетъ ли что нибудь. Невозможно чтобы ранѣе соприкосновенія съ внѣшнимъ міромъ въ разумѣ было какое либо знаніе; потому что всякое знаніе есть необходимо знаніе о чемъ нибудь, а самое *сознаніе о существованіи* чего либо можетъ быть почерпнуто только изъ опыта.

Изъ этого общаго закона о происхожденіи человѣческихъ

знаній не могутъ быть исключены такъ называемыя аксіомы, о которыхъ утверждаютъ обыкновенно, что онѣ присущи разуму по самой природѣ его и существуютъ въ немъ ранѣе всякаго опыта. Пока обращалось вниманіе на то, что истинность и непоколебимость содержимаго въ нихъ знанія превосходитъ собою истинность и непоколебимость всѣхъ опытныхъ знаній, до тѣхъ поръ можно было думать, что онѣ дѣйствительно предшествуютъ всякому опыту и независимы отъ него. Но если мы обратимся отъ этого содержимаго знанія къ тому, *что составляетъ предметъ его*, если отъ свойствъ и отношеній, утверждаемыхъ или отрицаемыхъ въ аксіомахъ, перейдемъ къ *существованію* обладающаго свойствами и вступающаго въ соотношенія, то мы тотчасъ увидимъ невозможность выдѣлить происхожденіе аксіомъ изъ общаго происхожденія всѣхъ знаній и признать ихъ знаніями предъопытными. И въ самомъ дѣлѣ, какъ можетъ разумъ знать, что, напр., параллельныя линіи никогда не сойдутся, когда онъ не знаетъ, существуютъ ли вообще какія нибудь линіи; а знаніе о существованіи линій онъ получаетъ только соприкасаясь съ внѣшнимъ міромъ. Или какъ онъ можетъ знать, что цѣлое равно суммѣ своихъ частей, когда онъ не знаетъ, существуютъ ли вообще какіе нибудь предметы, — а тѣмъ болѣе, что эти предметы дѣлятся на части. Для того, чтобы образовать какое нибудь понятіе о чемъ либо, человѣкъ необходимо долженъ предварительно образовать два представленія: 1) *о существованіи того, о чемъ* что либо *утверждается*, 2) *о существованіи того, что* о чемъ либо *утверждается*. Но всякое представленіе о существованіи чего бы то ни было чуждо разуму, разсматриваемому въ самомъ себѣ. О томъ, есть ли что нибудь, онъ узнаетъ тогда только, когда существующее внѣшнимъ импульсомъ даетъ ему знать о своемъ существованіи.

Но если такимъ образомъ аксіомы не могутъ быть признаны знаніями *предъопытными*, то, тѣмъ не менѣе, истины, въ нихъ заключенныя, подобно многимъ другимъ, слѣдуетъ признать *сверхъопытными;* потому что процессъ образова-

нія ихъ совершается помимо опыта не только чувственнаго, но даже и умственнаго. Такъ въ примѣрѣ, взятомъ нами, положеніе, что «параллельныя линіи никогда не сходятся» получается не черезъ разсматриваніе существующихъ параллельныхъ линій, и не черезъ умственное продолженіе ихъ въ пространство, по путемъ простаго умозаключенія. И въ самомъ дѣлѣ, изъ предложеній: 1) «параллелизмъ линій есть свойство ихъ на всемъ протяженіи находиться на одномъ и томъ же разстояніи другъ отъ друга» и 2) «сходимость линій есть свойство ихъ на своемъ протяженіи измѣнять взаимное разстояніе отъ нѣкоторой величины до нуля» умъ прямо заключаетъ, что двѣ линіи не могутъ обладать одновременно и параллелизмомъ и сходимостью, потому что каждое изъ этихъ двухъ свойствъ состоитъ въ отсутствіи другаго свойства, т. е. что 3) «параллельныя линіи никогда не могутъ сойтись» (предполагаемая предъопытная аксіома). Но ни этого и никакого другаго знанія разумъ не можетъ имѣть ранѣе опыта, потому что только опытъ даетъ ему сознаніе о существованіи тѣхъ предметовъ, имена которыхъ служатъ логическими подлежащими и логическими сказуемыми въ предложеніяхъ, выражающихъ какое либо предполагаемое до опыта знаніе.

Но такъ какъ реальное (уже существующее) содержаніе разума могутъ составлять только реальныя (дѣйствительно существующія, т. е. уже образованныя) истины, то изъ всего сказаннаго о происхожденіи знаній вытекаетъ слѣдующее: *разумъ, разсматриваемый въ самомъ себѣ, не есть что либо дѣйствительно существующее*» (не есть существо реальное).

III. Теперь, чтобы не оставить ничего неразъясненнымъ относительно разума, и чтобы опредѣлить точнѣе значеніе одного изъ терминовъ, вошедшихъ въ выведенное положеніе о немъ, разрѣшимъ слѣдующій вопросъ: «*разумъ, не имѣющій реальнаго существованія, есть ли вообще отсутствіе всякаго существованія?*»

Вопросъ этотъ можетъ быть разрѣшенъ слѣдующимъ

образомъ: если разумъ не имѣетъ *никакою* существованія самъ по себѣ, то слѣд. онъ есть пустое *ничто;* но если онъ есть совершенная пустота, то въ то, что по предположенію замѣняетъ его, можетъ быть поставлено все желаемое, т. е. что въ немъ безразлично отразится всякое впечатлѣніе, какое мы пожелаемъ въ него ввести, и образуется безразлично всякое представленіе.

Вотъ разсужденіе, справедливость котораго едва ли можетъ быть подвергнута сомнѣнію, и которое ожидаетъ только опыта, чтобы дать безусловно твердое рѣшеніе въ ту или другую сторону. Произведемъ же этотъ опытъ.

Знанія могутъ быть или о существованіи чего либо, или о природѣ чего либо существующаго, или о какомъ нибудь свойствѣ его, или о его причинѣ или цѣли, или, наконецъ, о его сходствѣ съ чѣмъ нибудь или различіи отъ чего либо. Если до соприкосновенія съ внѣшнимъ міромъ разумъ не имѣетъ никакого существованія, то въ такомъ случаѣ изъ этихъ шести видовъ знанія въ немъ безразлично можетъ образоваться первымъ каждое. Посмотримъ, дѣйствительно ли это можетъ произойти. И опытъ (его можетъ каждый совершить на себѣ), и наблюденіе надъ другими, и размышленіе одинаково убѣждаютъ насъ, что нѣтъ. Разумъ не можетъ образовать первое свое представленіе о природѣ чего либо, потому что въ немъ нѣтъ еще представленія о существованіи чего либо; разумъ не можетъ сперва узнать о свойствѣ предмета, а потомъ о томъ, что существуетъ предметъ, обладающій этимъ свойствомъ; онъ не можетъ сперва узнать о цѣли чего либо, а потомъ о томъ, что есть это нѣчто, имѣющее цѣль, и т. д. Однимъ словомъ опытъ убѣждаетъ, что и получаемыя разумомъ впечатлѣнія, и представленія, возникающія въ немъ, слѣдуютъ одно за другимъ въ нѣкоторомъ строго опредѣленномъ порядкѣ, правильности котораго не въ состояніи нарушить ни природа, ни самъ человѣкъ. Именно, первое соприкосновеніе разума съ міромъ внѣшнимъ необходимо отразится нѣкоторымъ сознаніемъ, которое будетъ *первымъ* для него,

и этимъ сознаніемъ неизмѣнно будетъ *идея чистаго существованія: «есть нѣчто»* — вотъ первое, что говоритъ въ себѣ разумъ, первое движеніе его, первая жизнь въ немъ. Идея чистаго бытія ранѣе всѣхъ другихъ вступаетъ въ разумъ, и составляетъ первое реальное, уже сформировавшееся содержаніе его. Никакая другая идея ей не предшествуетъ, она неизмѣнно предшествуетъ всѣмъ идеямъ.

Такимъ образомъ произведенный опытъ обнаруживаетъ одно скрытое свойство разума, которое при обыкновенныхъ условіяхъ, вслѣдствіе быстроты воспринимаемыхъ другъ за другомъ впечатлѣній, остается незамѣченнымъ. Это свойство его состоитъ въ неспособности воспринимать какое либо впечатлѣніе и образовать какую либо идею прежде, чѣмъ будетъ образована идея существованія, т. е. въ свойствѣ и получать представленія и образовывать идеи въ нѣкоторой послѣдовательности. И такъ какъ оно обнаруживается въ моментъ воспріятія перваго впечатлѣнія, ранѣе котораго ничто не произошло въ человѣка изъ внѣшняго міра, то слѣдовательно оно исходитъ изнутри его; а такъ какъ оно есть способность, свойство, свойство же не можетъ не быть свойствомъ чего либо, т. е. какого либо существа, то слѣдовательно разумъ есть, существуетъ ранѣе перваго впечатлѣнія.

Это свойство разума, въ связи съ разсужденіемъ, изъ котораго исходитъ произведенный опытъ и на которомъ онъ былъ основанъ, даетъ такимъ образомъ отрицательное разрѣшеніе поставленнаго вопроса относительно предъопытнаго существованія разума: *«хотя разумъ и не имѣетъ реальнаго существованія до соприкосновенія съ внѣшнимъ міромъ, тѣмъ не менѣе онъ не есть отсутствіе всякаго существованія»*. Правда, до полученія внѣшнихъ впечатлѣній онъ ничѣмъ не обнаруживаетъ своего присутствія въ человѣкѣ; но вотъ едва мы, обманутые этимъ, пытаемся замѣстить предполагаемую пустоту какимъ нибудь реальнымъ существованіемъ, какъ тотчасъ чувствуемъ, что эта кажущаяся пустота не есть ничто: въ ней есть что-то живое, потому что вводимыя впечатлѣнія всѣ

отталкиваются и воспринимается только одно опредѣленное.

Это особенное, что находится въ разумѣ до воспріятія впечатлѣній внѣшняго міра, можетъ быть выражено въ слѣдующемъ опредѣленіи: «*это есть центръ, къ которому сходятся всѣ схемы пониманія, воспринимающій на себя всѣ первыя впечатлѣнія внѣшняго міра и представляющій собою потенцію всей чистаго существованія, простую и неразложимую, состоящую въ чистой способности образовать эту идею.*

Объяснимъ нѣкоторыя выраженія этого опредѣленія. Это есть *центръ*, узелъ, къ которому сходятся всѣ схемы человѣческаго пониманія, потому что, какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго изслѣдованія, всякое пониманіе въ своемъ развитіи движется по нѣкоторымъ, строго опредѣленнымъ, схемамъ, и эти схемы впервые пробуждаются къ жизни съ воспріятіемъ впечатлѣній этимъ центромъ. Онъ воспринимаетъ *всѣ* первыя впечатлѣнія внѣшняго міра, потому что, о чемъ бы изъ существующаго въ этомъ мірѣ ни узналъ разумъ, онъ всегда узнаетъ сперва о существованіи познаваемаго, — будетъ ли то предметъ, свойство, причина и пр. Этотъ центръ схемъ пониманія имѣетъ *потенціальное* существованіе, потому что до полученія впечатлѣній внѣшняго міра онъ лишенъ всякаго реальнаго существованія, и представляетъ собою только условіе, только возможность дѣйствительнаго бытія, — но при этомъ такую, которая непремѣнно и необходимо переходитъ въ реальность при первомъ соприкосновеніи съ лежащимъ внѣ разума. Чтобы яснѣе понять сущность этой потенціальности, возьмемъ во всемъ сходный примѣръ сѣмени и растенія, которое изъ него выростаетъ. Несомнѣнно, что въ сѣмени растеніе еще не имѣетъ реальнаго существованія, но также несомнѣнно, что оно уже существуетъ въ немъ потенціально со всѣми своими будущими формами и отличительными признаками, родовыми и видовыми. Наконецъ этотъ центръ пониманія есть потенція *простая*. Всякая потенціальность представляетъ собою или одну *способность*, т. е. совокупность всѣхъ

условій, — съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ другихъ, — перейти къ реальному существованію; или способность и вмѣстѣ *стремленіе* перейти къ этому существованію. Такъ сѣмя не посаженное въ землю представляетъ собою простую потенцію возможности, но сѣмя прорастающее представляетъ собою сложную потенцію возможности и стремленія перейти въ дерево.

Разрѣшивъ вопросъ о предъопытномъ существованіи разума, перейдемъ къ изслѣдованію того процесса, черезъ который изъ потенціальнаго состоянія онъ переходитъ въ состояніе реальное, или — что то же — разсмотримъ процессъ образованія въ немъ полнаго пониманія. Чтобы раскрыть всѣ формы этого процесса, будемъ слѣдить за тѣмъ, что происходитъ въ разумѣ послѣ воспріятія имъ перваго впечатлѣнія и образованія въ немъ первой идеи — идеи существованія.

Едва появится въ разумѣ сознаніе существованія чего либо, какъ оно тотчасъ вызоветъ въ немъ нѣкоторое особенное состояніе, которое можно назвать состояніемъ спрашивающаго недоумѣнія. Знаніе «есть нѣчто» немедленно вызоветъ вопросъ: «*что* есть существующее нѣчто?» Образовавшаяся въ разумѣ *идея бытія вызываетъ* въ немъ *стремленіе образовать идею о сущности (о природѣ) бытія*. Этотъ второй моментъ жизни разума вызывается первымъ моментомъ, и уже не связанъ непосредственно съ впечатлѣніями внѣшняго міра, но обусловленъ строеніемъ самаго разума. Пусть человѣкъ ничего не знаетъ о природѣ того, что произвело на него впечатлѣніе, — но разъ въ немъ отъ этого перваго впечатлѣнія образовалась идея существованія, эта идея (но не то, что вызвало ее) неизмѣнно и необходимо вызоветъ стремленіе познать природу неизвѣстнаго существующаго. Это стремленіе, вызванное природою разума, побуждаетъ человѣка обратиться къ внѣшнему міру и съ помощью разнообразныхъ пріемовъ изслѣдовать природу того, что произвело на него впечатлѣніе, т. е. образовать знаніе, удовлетворяющее тому стремленію, которое пробудилось въ немъ. Въ разумѣ образуется

вторая идея — идея о сущности бытія, и эта идея такъ же не можетъ быть предупреждена никакою третьею или четвертою идеею, какъ сама не можетъ предупредить первую. Слѣдовательно это есть идея строго опредѣленная какъ по своему содержанію, которымъ можетъ быть только природа познаваемаго, такъ и по своему положенію относительно всѣхъ другихъ идей (слѣдуетъ за идеей бытія и предшествуетъ всѣмъ другимъ идеямъ).

Когда окончилось образованіе въ разумѣ второй идеи, въ немъ пробуждается новое стремленіе — познать *свойства* (аттрибуты) существующаго. Причина этого стремленія лежитъ также въ пробудившемся къ жизни центрѣ схемъ пониманія, но не во второй, уже образованной идеѣ. Это стремленіе побуждаетъ человѣка снова обратиться къ внѣшнему міру и узнать свойства произведшаго впечатлѣніе, путемъ ли простаго наблюденія, или путемъ сложныхъ процессовъ мысли (напр. въ тѣхъ случаяхъ, когда свойства вещи не могутъ быть усмотрѣны непосредственно, но выводятся умозрительно изъ природы ея, какъ наприм. свойства линій и фигуръ въ геометріи). Образуется въ разумѣ *третья идея* — идея *объ аттрибутахъ познаваемаго*, столь же строго опредѣленная по своему содержанію и положенію относительно другихъ идей, какъ и идея вторая.

Тотъ фактъ, что вслѣдствіе наружнаго положенія признаковъ вещей, они какъ будто познаются одновременно съ природою существующаго или даже ранѣе ея, заставитъ многихъ усомниться въ правильности высказаннаго взгляда относительно неизмѣннаго содержанія и положенія этой третьей идеи. Поэтому вопросъ этотъ слѣдуетъ разсмотрѣть внимательнѣе.

Чтобы узнать, не познаются ли признаки ранѣе сущности, нужно взять случай, когда различныя стороны познаваемаго воспринимаются поодиночкѣ и при томъ съ нѣкоторыми промежутками. Тотъ невольный вопросъ, который пробудится въ разумѣ при воспріятіи перваго впечатлѣнія о существованіи чего-то внѣ его, разрѣшитъ вопросъ и о содержаніи второй и третьей идеи и о ихъ

взаимномъ положеніи. Итакъ пусть идущій въ темнотѣ по ровному мѣсту натолкнется нечаянно на что нибудь. Въ тотъ моментъ, когда онъ остановленъ препятствіемъ, у него есть сознаніе о существованіи того, что остановило его. Каковъ будетъ затѣмъ первый вопросъ его о немъ? Неизмѣнно вопросъ о томъ, что́ это такое, но не вопросъ о томъ, «каково оно?» Разумъ не только не спроситъ себя прежде всего о цвѣтѣ, о тяжести, о твердости предмета, но не спроситъ даже и о формѣ, о величинѣ и о положеніи остановившаго его, хотя знаніе объ этихъ свойствахъ предмета для него важнѣе, чѣмъ знаніе о томъ, что́ именно за предметъ это. Также спутникъ, идущій вслѣдъ за первымъ, при видѣ невольной остановки товарища (т. е. сознавъ о существованіи остановившаго его), повинуясь безсознательно природѣ своего разума неизмѣнно спроситъ его: «что́ это такое?», но не «каково оно». При видѣ разбросаннаго и растащеннаго имущества или истребленныхъ запасовъ хлѣба первый невольной вопросъ — «кто здѣсь былъ?» и «кто истребилъ запасъ?», хотя вопросъ о томъ, какъ велика случившаяся потрата имущества есть единственно интересный вопросъ для потерпѣвшаго, вопросъ же о томъ, кто именно причинилъ потерю, второстепененъ. Также при встрѣчѣ съ какимъ нибудь неожиданнымъ фактомъ или необыкновеннымъ явленіемъ, моментально сообщающимъ сознанію о *существованіи* чего-то, что мы не ожидали встрѣтить въ данномъ мѣстѣ, мы невольно спрашиваемъ себя: «что это такое?» Словомъ всюду и всегда, когда что нибудь даетъ разуму несомнѣнное знаніе о своемъ существованіи, и при этомъ остается скрытымъ всѣми другими частями своего бытія, — всякій разъ, когда человѣкъ останавливается удивленный, пораженный или испуганный чѣмъ-то неизвѣстнымъ, онъ спрашиваетъ себя прежде всего о природѣ этого неизвѣстнаго. Это показываетъ, что въ строеніи разума есть нѣчто, что заставляетъ человѣка неизмѣнно и необходимо вслѣдъ за идеей о существованіи образовывать идею о сущности пребывающаго. И даже

въ тѣхъ случаяхъ, когда вслѣдствіе самаго положенія внѣшнихъ вещей и строенія своихъ чувствъ человѣкъ узнаетъ о самомъ существованіи предмета черезъ появленіе передъ собою какого либо признака существующаго, онъ невольно и моментально образуетъ идею о его сущности, хотя и въ самой общей формѣ, и уже къ ней относитъ воспринимаемый признакъ, — что выражается и въ языкѣ всѣхъ народовъ («*что-то* бѣлѣетъ вдали» = предметъ какой-то бѣлый виденъ вдали», но не «бѣлое вдали»).

Идеи вторая и третья — о природѣ и о свойствахъ существующаго — исчерпываютъ познаваемое, разсматриваемое въ самомъ себѣ. Но разумъ не удовлетворяется этимъ познаніемъ, и въ томъ новомъ стремленіи, которое теперь пробуждается въ немъ, лежитъ истинная причина безграничности человѣческаго изслѣдованія. Переводя разумъ отъ изученія вещи, произведшей на него впечатлѣніе, къ *отысканію* и *изученію* вещей, смежныхъ съ нею, и вслѣдъ за познаніемъ ихъ къ отысканію и изученію того, что уже имъ предшествуетъ и за ними слѣдуетъ и т. д. до безконечности, — это стремленіе становится тѣмъ двигателемъ, который не давалъ и не дастъ человѣку успокоиться дотолѣ, пока его пониманіе не станетъ всепониманіемъ. И причина и источникъ этого стремленія также лежитъ въ природѣ и въ строеніи человѣческаго разума, въ той *пустотѣ, ищущей содержанія*, которая и ранѣе побуждала его къ изученію природы и свойствъ познаваемаго, и теперь снова побуждаетъ къ изслѣдованію, потому что не всѣ еще формы ея наполнены.

Разсмотримъ внимательнѣе это явленіе и опредѣлимъ его значеніе для познаванія.

Разъ закончилось познаваніе вещи въ самой себѣ, въ разумѣ пробуждается стремленіе познать *причину* ея: «есть нѣчто, что произвело существующее познанное», — вотъ новое сознаніе, котораго роль въ міропониманіи такъ замѣчательна и такъ своеобразна. И къ самомъ дѣлѣ, и по своему происхожденію и по своему значенію это сознаніе занимаетъ положеніе, отличное отъ положенія

всѣхъ другихъ актовъ сознанія. Происхожденіемъ своимъ эта идея обязана исключительно разуму, тому безотчетному убѣжденію, что «все происходящее происходитъ изъ чего нибудь». Нѣтъ ничего внѣ разума, что побуждало бы человѣка думать это, только одна природа и одно строеніе познающаго начала мѣшаетъ ему видѣть въ вещахъ изолированные другъ отъ друга элементы и дѣлаетъ невозможною мысль, что явленія не изъ чего происходятъ, ни почему существуетъ, ни отъ чего исчезаютъ. Что же касается до роли этого новаго сознанія въ развитіи человѣческаго изслѣдованія, то она состоитъ въ томъ, что идея причинности замѣняетъ собою внѣшнее впечатлѣніе, дѣлаетъ ненужнымъ его, становится на мѣсто его импульсомъ изслѣдованія. Какъ мы видѣли выше, для того, чтобы начался процессъ пониманія, необходимо только сознаніе, что «есть нѣчто», и это сознаніе можетъ быть вызвано только соприкосновеніемъ съ внѣшнимъ міромъ. И въ дальнѣйшемъ процессѣ изслѣдованія единственнымъ побужденіемъ къ нему можетъ быть также только это сознаніе («есть нѣчто»), но теперь уже оно возникаетъ въ разумѣ помимо внѣшняго впечатлѣнія, и при этомъ безпрерывно до тѣхъ поръ, пока не будутъ поняты всѣ вещи во всѣхъ отношеніяхъ. Такъ что весь сложный, многообъемлющій и продолжительный процессъ пониманія движется впередъ и управляется въ своемъ движеніи исключительно природою и строеніемъ разума, и только одинъ моментъ его зарожденія нуждается въ прикосновеніи внѣшняго міра и въ возникновеніи сознанія, что «есть этотъ міръ».

Образованіе идеи о причинѣ существующаго проходитъ черезъ тотъ же процессъ, какъ и образованіе другихъ идей въ разумѣ. Различіе въ познаваніи здѣсь заключается только въ томъ, что предметомъ изслѣдуемымъ теперь становится не то, что произвело впечатлѣніе и потому опредѣленное и извѣстное, но нѣчто такое, въ существованіи чего разумъ только имѣетъ твердое убѣжденіе, но что само по себѣ совершенно неизвѣстно, что разумъ

долженъ еще разыскать, найдти, чтобы потомъ уже приступить къ познаванію.

Разъ эта причина найдена и связана съ вещью, которая произведена ею, она затѣмъ сама становится предметомъ изслѣдованія, столь же всесторонняго, какъ и первый объектъ изученія, — впрочемъ не ранѣе, какъ когда образованы будутъ еще нѣкоторыя идеи о первой вещи. Разумъ послѣдовательно познаетъ природу и аттрибуты этой причины, и связавъ ихъ съ природою и аттрибутами первой познанной вещи и объяснивъ ими ихъ, переходитъ къ отысканію причины этого втораго познаннаго и т. д. до «причины первой» или, что то же, до «причины всего существующаго и совершающагося».

Совершенно тожественно съ образованіемъ этой четвертой идеи происходитъ образованіе *идеи пятой — о цѣли* познаннаго существующаго, или о его *слѣдствіи*. Здѣсь измѣняется только область изслѣдованія: прежде оно совершалось въ сферѣ дѣйствительно существующаго, теперь переходитъ въ сферу готовящагося къ осуществленію (потенціальнаго). Съ тѣмъ вмѣстѣ и весь процессъ изслѣдованія, проходя тѣже фазисы развитія, какъ и прежде, измѣняетъ свой характеръ: готовящееся къ существованію необходимо здѣсь предугадать черезъ изученіе существующаго, и затѣмъ перевести познаваемое изъ состоянія потенціальнаго въ состояніе реальное, въ одно время и опираясь на умозрѣніе, и провѣряя его.

Эти пять идей обнимаютъ собою уже не одинъ объектъ, а три; и когда закончилось ихъ образованіе, становится возможнымъ образованіе еще двухъ идей — *идеи сходства и различія* и *идеи числа*. Понявъ природу, свойства, происхожденіе и цѣль вещи, разумъ останавливается въ своей дѣятельности, потому что вслѣдствіе самаго строенія его въ немъ прекращается всякое стремленіе. Онъ выходитъ изъ состоянія того спрашивающаго недоумѣнія, о которомъ было сказано выше, и которое держитъ его въ непрерывномъ напряженіи отъ момента образованія первой идеи до момента образованія идеи пятой. Теперь поня-

маніе вещи — какъ въ самой себѣ, такъ и въ отношеніи къ тому, съ чѣмъ она связана, — закончено.

Это освобожденіе ума въ соединеніи съ увеличившимся количествомъ ему извѣстныхъ объектовъ и дѣлаетъ возможнымъ образованіе идей 6-й и 7-й. Когда закончилось пониманіе вещи, разумъ погружается въ созерцаніе познаннаго и, осматривая одновременно всѣ три объекта, впервые и невольно сравниваетъ ихъ и замѣчаетъ ихъ сходство и различіе. Въ немъ образуется шестая идея, столь же опредѣленная по своему содержанію и по своему положенію относительно другихъ идей, какъ и всѣ предъидущія.

Но въ идеѣ этой есть и нѣкоторыя рѣзкія отличія отъ идей, ранѣе образованныхъ. Именно: 1) въ образованіи ея нѣтъ никакой внутренней необходимости, и 2) ея происхожденіе обязано разуму, а не вещамъ, въ большей степени, чѣмъ происхожденіе всѣхъ прочихъ идей. И въ самомъ дѣлѣ, сравниваніе вещей есть дѣятельность разума самая свободная, самая невынужденная. Нѣтъ въ процессѣ образованія первыхъ пяти идей ничего, что дѣлало бы необходимымъ образованіе этой шестой идеи; нѣтъ ничего, что вызывало бы невольно это образованіе, что удерживало бы разумъ въ состояніи неудовлетворенности, пока не совершится оно и не будетъ создана эта идея. Всего лучше это различіе можетъ выясниться при сравненіи идеи разсматриваемой съ идеями предъидущими: когда разъ возникло въ разумѣ сознаніе, что существуетъ вещь, въ немъ тотчасъ и необходимо возникаетъ и твердое убѣжденіе, что существуетъ нѣкоторая причина, произведшая ее, и это новое сознаніе порождаетъ невольное стремленіе открыть и познать эту причину, объясняющую происхожденіе познанной вещи. Ничего подобнаго нѣтъ въ происхожденіи идеи сходства и различія: когда въ разумѣ уже образованы идеи о вещи и обо всемъ, что можетъ быть узнано объ ея природѣ, свойствахъ, причинѣ и цѣли, въ немъ нѣтъ и не можетъ явиться сознанія, что это вещь необходимо должна быть съ чѣмъ либо схожа или отъ чего

либо отлична, нѣтъ и не можетъ пробудиться стремленія узнать это сходство или различіе, такъ какъ нѣтъ сознанія о самомъ существованіи его. Далѣе, въ самомъ образованіи идеи сходства и различія разумъ проявляетъ необыкновенно большое творчество, и творчество это зависитъ не столько отъ присущей разуму соотвѣтствующей схемы пониманія, сколько отъ развитія той *общей* жизненности и самодѣятельности, которая пробудилась и укрѣпилась въ немъ во время образованія предъидущихъ идей. Процессъ сравненія и, какъ результатъ его, понятіе о сходствѣ и различіи — это почти вполнѣ созданія разума: передъ нимъ лежатъ только вещи съ ихъ аттрибутами и проводятъ явленія съ ихъ причинною связью. Каждая вещь существуетъ сама въ себѣ и сама по себѣ, каждое явленіе только производится или производитъ другое явленіе. Принадлежность и производимость вещей и явленій — вотъ все отношеніе ихъ между собою въ реальномъ мірѣ, и если разумъ, не ограничиваясь этимъ, познаетъ въ нихъ еще нѣчто другое, то причина этого лежитъ уже не въ самыхъ вещахъ, но въ творческой силѣ мышленія, поднимающейся надъ ними и начинающей отъ простаго пониманія лежащаго въ вещахъ и явленіяхъ переходитъ къ выводу истинъ черезъ свободное комбинированіе уже познаннаго въ связи съ комбинированіемъ своихъ представленій и идей. Такъ происходитъ образованіе идеи сходства и различія. Отъ вещей, которыя въ мірѣ реальномъ неотдѣлимы отъ своихъ аттрибутовъ, разумъ отвлекаетъ эти аттрибуты, какъ бы снимаетъ ихъ съ вещей, и, запоминая, какой аттрибутъ съ какого предмета взятъ, начинаетъ ихъ комбинировать въ своемъ мышленіи, какъ нѣкоторыя самостоятельныя сущности, уничтожая тожественныя изъ нихъ и сохраняя различныя. Затѣмъ снова какъ бы налагаетъ ихъ на вещи, при чемъ тѣ изъ послѣднихъ, которыя получили аттрибуты не соединившіеся въ одно въ мышленіи и не раздѣлимые въ моментъ ихъ распредѣленія, остаются вещами между собою не соединенными общностью аттрибутовъ, т. е. *различными;* а тѣ вещи, аттрибуты которыхъ

слились въ мышленіи, такъ что въ моментъ распредѣленія ихъ этотъ одинъ аттрибутъ необходимо какъ бы возсоздать столько разъ, сколько вещей, — эти вещи являются соединенными между собою единствомъ происхожденія своихъ аттрибутовъ, т. е. *сходными* между собою.

Когда окончено образованіе идеи о сходствѣ и различіи познаннаго, тогда наступаетъ — и уже необходимо — образованіе *идеи числа*. Нѣтъ сомнѣнія, что единица не есть первое число, идея о которомъ образовалась въ разумѣ: зная одинъ предметъ, разумъ ничего не знаетъ о числѣ его, потому что онъ не различаетъ этого одного отъ многихъ, существованіе которыхъ еще скрыто отъ него. Первое число, вступающее въ разумъ, необходимо должно быть какимъ нибудь сложнымъ числомъ, изъ котораго единица потомъ выдѣляется какъ часть. И слѣдя за процессомъ образованія полнаго пониманія, невольно можно склониться къ мысли, что это первое число, вступающее впервые въ разумъ, есть *три*. Чтобы объяснить это, замѣтимъ первоначально, что идея о числѣ, какъ о чемъ-то отвлеченномъ отъ счисляемыхъ предметовъ, не рано образуется у человѣка и не рано образовалась у человѣчества. Онъ долго могъ считать предметы какъ бы машинально, какъ бы инстинктивно, прежде чѣмъ сознательно сосредоточилъ мысль — не говорю на самомъ счисленіи — но просто на числѣ. Онъ долго различалъ — не мыслію, но глазами — одинъ предметъ отъ многихъ, два предмета отъ трехъ, и т. д., какъ различалъ большіе предметы отъ малыхъ, окрашенные отъ неокрашенныхъ, не отвлекая, а потому не сознавая даже и существующими, чиселъ, величинъ, цвѣтовъ. Сознательная идея о числѣ впервые образуется въ разумѣ тогда лишь, когда въ немъ уже пробудилась и нѣсколько развилась вообще сознательная дѣятельность, — т. е. тогда, когда онъ уже перестаетъ только отражать въ себѣ мимо идущіе предметы и явленія и начинаетъ стремиться уразумѣть ихъ. И такъ какъ эта сознательная дѣятельность разума пробуждается впервые въ процессѣ образованія полнаго по-

ниманія, то слѣд. и идея числа впервые образуется въ немъ въ этомъ процессѣ. Но ранѣе образованія идей о существованіи, природѣ, свойствахъ, причинѣ и цѣли познаваемаго объекта идея числа образоваться не можетъ потому, что для этого требуется не одинъ объектъ, а нѣсколько, и еще потому, что образованіе всѣхъ этихъ идей, между собою связанныхъ, не даетъ освободиться мышленію. Наконецъ процессъ сравниванія и идея о сходствѣ и различіи такъ же предшествуютъ образованію идеи числа, потому что процессъ образованія послѣдняго сложенъ, и одна изъ составныхъ частей его есть сравненіе, которое разумъ долженъ произвести отдѣльно, прежде чѣмъ научится производить его въ соединеніи еще съ другимъ процессомъ. Но за образованіемъ этой шестой идеи уже необходимо слѣдуетъ образованіе идеи числа. Разъ сложилось въ мышленіи понятіе о сходствѣ и различіи предметовъ, въ немъ естественно и необходимо наступаетъ образованіе идеи *о сходствѣ и несходствѣ количествъ предметовъ сходныхъ и различныхъ*. Но такъ какъ познаваемыхъ объектовъ здѣсь *три* (вещи: изучаемая, ее создавшая и ею создаваемая), то число это сперва безсознательно запечатлѣвается въ разумѣ, а затѣмъ и сознательно выступаетъ въ немъ, когда, какъ часть его, выдѣляется въ сознаніи число *два*. Это *два* есть число предметовъ, найденныхъ разумомъ — причины и слѣдствія. Они выдѣляются въ сознаніи изъ числа извѣстныхъ предметовъ, какъ имѣющіе между собою то общее, что не были даны разуму непосредственно, но были отысканы имъ. Это число найденныхъ предметовъ (2) должно выдѣлиться въ мышленіи ранѣе, чѣмъ число даннаго ему предмета (1) потому, что на нахожденіи ихъ онъ употребилъ значительныя усилія и на нихъ онъ естественно болѣе сосредоточиваетъ свое вниманіе, болѣе интересуется ими. Наконецъ, какъ послѣднее, выдѣляется въ сознаніи и число предмета, впечатленіе отъ котораго послужило началомъ образованія процесса пониманія, — это число есть *единица*. Такимъ образомъ вотъ вѣроятный порядокъ вету-

пленія въ разумъ чиселъ: 3. 2. 1. Замѣтимъ, что полное выдѣленіе въ сознаніи идеи числа, какъ чего-то совершенно отличнаго отъ счисляемаго, здѣсь еще не закончено; оно образуется постепенно и медленно: напр. человѣкъ уже хорошо научится считать предметы, прежде чѣмъ поймет, что можно считать и признаки предметовъ. Въ дальнѣйшемъ счисленіи число *три* вѣроятно было нѣкоторое время основнымъ, начальнымъ, съ которымъ сравнивались числа другихъ вещей; такъ-что образуя идею о количествѣ вновь встрѣчаемыхъ предметовъ, человѣкъ первоначально произносилъ мысленно: «больше трехъ на два», «меньше трехъ на одно» и пр., и такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока неудобства этого счисленія не заставили его какъ бы перевернуть въ своемъ сознаніи первыя три числа, поставивъ на первое мѣсто единицу, и на послѣднее — три. Это принятіе единицы за начало счета предполагаетъ уже высокое развитіе умственной дѣятельности: для этого необходимо было вдуматься въ происхожденіе чиселъ и понять, что число, принимаемое за первое (3) само произошло изъ третьяго (1), да какъ будто и всѣ другія числа только повторяютъ собою это же число (1). Любопытно, что въ тройственности предметовъ, впервые познаваемыхъ человѣковъ, открывается и единство: предметъ, его производящая причина и имъ производимое слѣдствіе есть одна и таже вещь въ различные моменты своего существованія; реальная вещь есть осуществленная потенція-причина и неосуществленная потенція-слѣдствіе.

Намъ остается еще показать, что разсмотрѣнный процессъ познаванія выражаетъ собою полное пониманіе, безъ излишка и безъ недостатка. Это можно сдѣлать доказавъ, что ни одна изъ разсмотрѣнныхъ идей не составляетъ части какой либо другой идеи, и что, напротивъ, всякое знаніе, какое пріобрѣтаетъ человѣкъ, входитъ, какъ часть, въ одну изъ указанныхъ идей.

Что всѣ разсмотрѣнныя идеи дѣйствительно первоначальны, это можно видѣть изъ того, что .онѣ, во 1-хъ, не

сводимы ни къ какимъ инымъ высшимъ идеямъ, и, во 2-хъ, несводимы другъ къ другу. И дѣйствительно, единственно высшая идея, которая обнимаетъ ихъ собою, есть *идея сущаго*. идея бытія не въ смыслѣ существованія, но въ смыслѣ того, что обладаетъ существованіемъ. Но между этою высшею и послѣднею идеею и между идеями разсмотрѣнными нѣтъ *ничего промежуточнаго*, связующаго: идея бытія непосредственно разлагается на идею существованія, на идею сущности, на идею аттрибутовъ, на идею причины, на идею цѣли, на идею сходства и различія и на идею числа.— и непосредственно слагается изъ этихъ идей, какъ образующихъ началъ своихъ. То, что составляетъ объэктъ этихъ семи идей, есть отдѣльные стороны того единаго и всеобщаго, что составляетъ объэктъ этой послѣдней идеи: бытіе *существуетъ* въ вѣчномъ пребываніи своемъ и въ формахъ временнаго бываніи своихъ частей. въ своей сущности, неподвижной и скрытой, и въ своихъ проявляющихся аттрибутахъ, въ причинности и въ цѣлесообразности совершающагося въ немъ, въ сходствѣ и различіи частей своихъ и въ численныхъ отношеніяхъ ихъ; и ничего кромѣ этого, познавая бытіе, не познаетъ разумъ. Несводимость этихъ идей другъ къ другу видна изъ этого, что ни одна изъ нихъ не составляетъ части другой и что всѣ онѣ разнородны. И въ самомъ дѣлѣ, хотя существованіе есть и въ природѣ, и въ аттрибутахъ, и въ причинѣ и въ цѣли, и въ сходствѣ и различіи и въ числахъ (все это «существуетъ»), тѣмъ не менѣе сущность всего этого лежитъ не въ самомъ пребываніи этомъ, но въ чемъ то такомъ, что именно не есть пребываніе, но только пребываетъ. Равнымъ образомъ хотя каждая изъ этихъ семи сторонъ бытія имѣетъ свою сущность, но послѣднія въ каждой изъ нихъ есть нѣчто совершенно другое, чѣмъ то, что мы разумѣемъ подъ сущностью бытія, какъ подъ одною изъ сторонъ его, — такъ напр. сущность аттрибутовъ есть принадлежность чему либо и обусловленность имъ, тогда какъ сущность, какъ сторона бытія, есть нѣчто самосущее и не обусло-

вленное; сущность причины есть не тоже, что сущность цѣли и т. д. относительно всѣхъ другихъ идей и относительно того, что составляетъ объектъ всѣхъ ихъ. Каждая изъ нихъ не заключаетъ въ себѣ всѣхъ другихъ идей, но внѣшнимъ образомъ опирается на нихъ, какъ на необходимыя условія всего пребывающаго; въ самой же сущности своей это опирающееся есть нѣчто разнородное отъ всего другого, есть нѣчто самобытное и ни съ чѣмъ не связанное кромѣ самаго сущаго, сторону котораго оно составляетъ.

Что всякое знаніе, какое пріобрѣтаетъ человѣкъ, есть только частное проявленіе этихъ общихъ идей, это прямо слѣдуетъ изъ того, что идеи эти обнимаютъ собою стороны бытія, частное проявленіе котораго составляетъ все познаваемое. Человѣкъ, правда, познаетъ различныя вещи, но въ этихъ вещахъ онъ познаетъ всегда только существованіе, только сущность, только причинность, только цѣль, только сходство и различіе, только число. Изучаемыя вещи имѣютъ различныя причины и цѣли, различную сущность и аттрибуты, — но все это разнится только въ приложеніи (причина и цѣль) или только въ неважномъ (сущность и аттрибуты), — все же существенное и важное въ нихъ остается неизмѣннымъ и тожественнымъ. Словомъ, измѣняются предметы изученія, но то, что изучается въ этихъ предметахъ, остается неизмѣннымъ. Изучаетъ ли человѣкъ небесныя свѣтила, или изслѣдуетъ невидимую и неразложимую частицу вещества — начальный атомъ, изъ котораго образовался этотъ сложный міръ; разбираетъ ли онъ круги, по которымъ движутся эти небесныя тѣла, или процессы происхожденія всего сложнаго изъ простаго, и органическаго изъ безжизненнаго; переходитъ ли онъ отъ этого міра матеріальныхъ вещей и явленій къ міру вещей и явленій другаго порядка — къ явленіямъ добра и зла, страданія и радости; изучаетъ ли нравственность, государство, самое познаніе, — всегда и всюду, неизмѣнно и вѣчно онъ сперва)знаетъ о существованіи изучаемаго, затѣмъ опредѣляетъ

его природу описываетъ его свойства, раскрываетъ его происхожденіе и назначеніе, сходство и различіе отъ окружающаго и, наконецъ, его количественную сторону.

Изъ этихъ всеобщихъ и единственныхъ формъ пониманія не слѣдуетъ выдѣлять такія познанія, какъ познаніе времени, пространства, или положенія и количества; потому что все это не разнствуетъ съ указанными идеями, и составляетъ только или частное, хотя и своеобразное проявленіе этихъ идей, какъ время и пространство, или только одинъ изъ видовъ ихъ, какъ количество и положеніе.

IV. Мы прослѣдили общій процессъ, черезъ который проходитъ пониманіе каждой отдѣльной вещи, и который, какъ элементъ цѣлаго, повторяется во всемъ человѣческомъ знаніи. Теперь мы можемъ перейти къ изслѣдованію и утвержденію того положенія, ради котораго былъ разсмотрѣнъ этотъ процессъ, именно — что въ немъ раскрывается природа человѣческаго разума.

Уже ранѣе было установленъ *видъ существованія* разума. Именно было доказано, что разсматриваемый въ самомъ себѣ, до соприкосновенія съ внѣшнимъ міромъ, онъ не имѣетъ реальнаго существованія, но потенціальное; причемъ подъ первымъ разумѣлся тотъ видъ бытія его, когда онъ представляетъ собою нѣкоторую систему идей, а подъ вторымъ — то состояніе его, когда онъ, не заключая въ себѣ никакого сформировавшагося знанія, представляетъ собою однако совокупность опредѣленныхъ условій, которыя тотчасъ переходятъ въ идеи, какъ только внѣшнимъ міромъ будутъ даны объекты для нихъ.

Разсмотримъ ближе природу и свойства этой потенціи.

Есть два вида потенцій. Одни изъ нихъ представляютъ собою рядъ условій, случайно соединенныхъ между собою въ случайномъ порядкѣ, которыя съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ другихъ дополняющихъ условій переходятъ въ реальное бытіе, причемъ это реальное бытіе опредѣляется не условіями дополненными, но условіями дополнившими, и бываетъ тѣмъ или другимъ, смотря потому, каковы послѣднія. Такъ земля, въ которую бросаютъ сѣмя,

есть потенція растенія, которое выростаетъ изъ нея. Въ ней лежитъ все то вещество, которое станетъ содержимымъ этого растенія, но каково будетъ самое растеніе, это зависитъ отъ того, что мы присоединимъ къ этой потенціи — какое сѣмя положимъ въ землю. Она даетъ содержаніе, но не она опредѣляетъ форму, въ которую будетъ заключено это содержаніе. Она есть совокупность условій, которыя переходятъ въ безчисленныя и разнообразныя вещи, смотря по тому, съ какими дополняющими условіями вступаютъ они въ соединеніе. Потенціи этого перваго рода можно назвать потенціями *неопредѣленными*, не законченными, какъ бы безформенными и безжизненными.

Другія потенціи представляютъ собою нѣчто строго замкнутое, тѣсно опредѣленное, могущее перейти только въ одинъ видъ реальнаго бытія, и не переходящее ни въ какой другой видъ его, каковы бы ни были условія, въ соединеніе съ которыми вступаетъ оно. Она не можетъ стать реальнымъ бытіемъ безъ присоединенія новыхъ условій, но самое это бытіе, его сущность, формы и признаки опредѣляются не этими недостающими условіями, но самою потенціею. Таково сѣмя, которое бросаютъ въ землю. Растеніе, изъ него выростающее, состоитъ не изъ того, что есть въ сѣменѣ, но изъ того, что присоединила къ нему земля; какъ вещество — сѣмя погибло; но оно дало видъ и форму растенію, состоящему изъ земли, и живетъ въ его жизни; дало ему все, что въ немъ есть не-вещество, что отличаетъ его отъ безформенной и безжизненной матеріи и что, собственно, мы и называемъ *растеніемъ*, какъ совокупность нѣкоторыхъ опредѣленныхъ формъ и жизненныхъ явленій. Этотъ второй видъ потенцій мы назовемъ потенціями *опредѣленными*, законченными, носящими въ себѣ скрытую жизненность, т. е. способность, а иногда и стремленіе, къ развитію въ формахъ, въ ней уже предустановленныхъ.

Къ которому изъ этихъ двухъ видовъ потенціальнаго бытія принадлежитъ разумъ? Вопросъ этотъ разрѣшается

при разсмотрѣніи полнаго пониманія, процессъ образованія котораго былъ разсмотрѣнъ раньше. Если бы разумъ, получивъ первое впечатлѣніе отъ внѣшняго міра и отразивъ его въ себѣ, продолжалъ затѣмъ оставаться въ покоѣ до новаго впечатлѣнія, то мы могли бы утверждать, что онъ есть простой пріемникъ впечатлѣній и хранитель ихъ, есть та tabula rasa, на которой по произволу внѣшній міръ отмѣчаетъ моменты своего существованія. Каковы будутъ эти отражающіеся предметы и явленія, таковы будутъ и отраженія ихъ въ сознаніи человѣка, а слѣдовательно и опредѣляющее значеніе будетъ принадлежать не разуму, а имъ, и мы должны будемъ отнести его къ первому виду потенцій—къ потенціямъ неопредѣленнымъ. Но этотъ разумъ не есть простой пріемникъ впечатлѣній, если отвергаетъ одни изъ нихъ и ищетъ другія. Онъ не есть только tabula rasa, если самъ направляетъ пишущую руку и самъ слагаетъ слова опредѣленнаго содержанія и въ опредѣленномъ порядкѣ объ этомъ внѣшнемъ мірѣ. Это послѣднее явленіе мы и замѣчаемъ въ немъ. Первое полученное впечатлѣніе не остается въ немъ безплоднымъ; то, что за нимъ слѣдуетъ, далеко переступаетъ за предѣлы того, что это впечатлѣніе могло бы произвести въ мертвомъ механизмѣ. Будучи разъ выведенъ изъ состоянія покоя, онъ тотчасъ обнаруживаетъ нѣкоторую дѣятельность, которая необъяснима вліяніемъ внѣшняго міра, и причину которой мы должны, слѣдовательно, отнести къ его собственной природѣ. Эта дѣятельность строго опредѣленна по своему направленію — она ищетъ удовлетворить нѣкоторымъ требованіямъ, пробудившимся въ разумѣ. Она обнаруживаетъ въ немъ свойства, которыя чужды мертвымъ механизмамъ, потому что въ своемъ исканіи онъ отвергаетъ все, не ведущее къ этой цѣли, и останавливается лишь на томъ одномъ, что̀ ведетъ къ ней. Вотъ явленія, наблюдаемыя въ процессѣ пониманія и побуждающія насъ отнести разумъ къ потенціямъ втораго рода, опредѣленнымъ и законченнымъ, которыя только ожидаютъ немногихъ дополняющихъ условій, чтобы

перейти въ реальное бытіе, въ данномъ случаѣ — въ пониманіе, состоящее изъ опредѣленныхъ идей.

Съ тѣмъ вмѣстѣ это наблюденіе даетъ намъ возможность, прилагая къ разуму то, что было сказано о потенціяхъ втораго рода, дать его первое, еще пока неполное, опредѣленіе: *разумъ есть потенція, въ которой предустановлены формы пониманія, матеріалъ для котораго дается внѣшнимъ міромъ, и обладающая скрытою жизненностью*», т. е. это есть потенція, представляющая собою не только совокупность условій, могущихъ съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ другихъ перейти въ рядъ идей, но и заключающая въ себѣ стремленіе вступить въ соединеніе съ этими условіями, — стремленіе, которое остается скрытымъ до соприкосновенія съ внѣшнимъ міромъ, но пробуждается тотчасъ, какъ это соприкосновеніе произошло, и совершается въ формахъ, отъ этого внѣшняго міра независимыхъ и слѣдовательно обусловленныхъ природою самой потенціи.

V. Теперь разсмотримъ сущность какъ этой жизненности, такъ и этихъ формъ.

Несомнѣнно, что все содержимое полнаго пониманія взято человѣкомъ изъ внѣшняго міра, что все, что обнимается идеями его разума, принадлежитъ не ему самому, но тому, что лежитъ внѣ его: и природа, и свойства, и причина, и цѣль познаннаго найдены разумомъ въ самомъ познанномъ. Но кромѣ этихъ идей, изъ которыхъ слагается пониманіе, въ процессѣ его образованія есть еще другое, что уже не взято изъ внѣшняго міра: это то, что слагаетъ эти идеи въ пониманіе, что *движетъ* и что *направляетъ* его. Пути, по которымъ движется пониманіе, раскроютъ передъ нами впослѣдствіи формы разума; движущее его по этимъ путямъ раскроетъ теперь передъ нами природу его жизненности. Она неизмѣнно слагается, какъ и все дѣятельное, измѣняющее, производящее въ природѣ, изъ двухъ началъ: изъ того, что есть первая причина движенія — изъ *стремленія*, и изъ того, что есть его вторая причина — изъ *способности* удо-

влетворить этому стремленію. Ни безъ перваго изъ этихъ двухъ началъ, ни безъ втораго не могло бы произойти что либо въ космосѣ. Что источникъ этого стремленія лежитъ въ разумѣ, а не во внѣшнемъ мірѣ, это ясно изъ того, что прежде чѣмъ образовать нѣкоторыя идеи пониманія, разумъ долженъ предварительно открыть, разыскать то, что могло бы послужить ихъ объектомъ (причина и цѣль) и что, слѣдовательно, никакъ не можетъ быть источникомъ стремленія къ пониманію себя. Въ этомъ *стремленіи* разума послѣ перваго полученнаго впечатлѣнія пріобрѣсти содержимое дальнѣйшаго пониманія въ формѣ опредѣленныхъ идей, и въ этой *способности* удовлетворить пробудившемуся стремленію черезъ образованіе соотвѣтствующихъ идей и заключается его скрытая жизненность. Какъ бы сложны ни были процессы познаванія, и съ тѣмъ вмѣстѣ какъ бы ни были сложны формы разума, раскрывающіяся въ процессахъ этого познаванія, сущность послѣднихъ, то, что въ нихъ остается за выдѣленіемъ направленій, изъ чего состоятъ они, всегда будетъ неизмѣнно слагаться изъ чистыхъ стремленій и изъ чистыхъ способностей. Все мірообъемлющее человѣческое пониманіе будучи разложено на свои первые, простые элементы, окажется слагающимся изъ этихъ стремленій и способностей, движущимся черезъ ихъ повтореніе, какъ бы пульсирующимъ въ нихъ.

Такимъ образомъ процессъ пониманія, движущійся между двумя крайними моментами своими — между первымъ моментомъ сознанія, что есть внѣшній міръ, и между послѣднимъ моментомъ сознанія, — если когда либо наступитъ онъ, — что міръ этотъ понятъ, весь распадается по своему содержанію и по своему прохожденію на двѣ стороны, — на идущее отъ внѣшняго міра и на идущее отъ разума. Онъ состоитъ главнымъ образомъ изъ обращеній къ внѣшнему міру, но то, что заставляетъ его обратиться къ нему, не принадлежитъ внѣшнему міру, но разуму. Въ природѣ находитъ человѣкъ отвѣты на свои вопросы, но самые вопросы предлагаетъ не природа,

а разумъ. Въ природѣ находятся нѣкоторые признаки, по которымъ можно доискаться отвѣта на эти вопросы, но то, что отличаетъ эти признаки и раскрываетъ подъ ними искомое, часто путемъ сложныхъ пріемовъ, не есть природа. Повсюду и неизмѣнно въ пониманіи начало дѣятельное исходитъ отъ разума, начало пассивное дается природою. Она даетъ матеріалъ для пониманія, объекты, которые облекаются идеями; разумъ образуетъ самое пониманіе, движетъ и направляетъ его, раскрываясь въ живыхъ формахъ, вбирающихъ содержимое и претворяющихъ его въ строгую и законченную систему идей, облекающихъ природу.

Къ чему направлена эта жизненность разума, что служитъ объектомъ стремленія и способности, въ которыхъ проявляется она? Одно *пониманіе*, т. е. нахожденіе *объясняющихъ знаній;* но никогда самое знаніе. Природѣ человѣческаго разума совершенно чуждо стремленіе пріобрѣтать знанія, въ немъ лежитъ только стремленіе понять то, что уже дано ему какъ знаніе. Онъ не ищетъ новыхъ предметовъ и явленій, но ищетъ причины и слѣдствія предметовъ и явленій уже извѣстныхъ ему, хочетъ опредѣлить ихъ сущность и ихъ свойства. Онъ стремится отыскать связанное съ тѣмъ, что случайно узнанно имъ, и что можетъ объяснить это узнанное; но онъ не переходитъ, оставивъ это узнанное, къ отысканію новаго, съ нимъ не смежнаго и не связаннаго, и его не объясняющаго; потому что въ немъ нѣтъ ничего, побуждающаго къ отысканію новаго неизвѣстнаго. И размышленіе и наблюденіе одинаково убѣждаетъ въ справедливости сказаннаго. Человѣкъ не можетъ стремиться узнать того, о существованіи чего у него нѣтъ понятія; всякое же стремленіе познать то, существованіе чего ему уже извѣстно, есть стремленіе къ пониманію. Онъ равнодушенъ къ тому неизвѣстному, что окружаетъ узнанное имъ, если его разумъ свободенъ; онъ съ отвращеніемъ воспринимаетъ невольныя впечатлѣнія отъ этого неизвѣстнаго, когда его разумъ погруженъ въ пониманіе этого узнаннаго. Отсюда объясняется, поче-

му привязанность къ подвижной жизни, къ путешествіямъ, вообще любознательность, какъ желаніе узнавать новые и новые разнообразные предметы, есть признакъ незанятости ума, и, когда она продолжительна, — его поверхностности и внутренней пустоты. И въ этомъ соображеніи источникъ выраженнаго ранѣе отрицанія истиннаго достоинства въ той наукѣ, которая жадно ищетъ новыхъ и новыхъ знаній, но не останавливается надъ вопросомъ, какъ связать ихъ въ цѣльное пониманіе; которая многое узнаетъ, но ни надъ чѣмъ не задумывается, въ которой познаваемое вновь не объясняетъ познаннаго ранѣе. И дѣйствительно, ни такая любознательность, ни такая наука не связана ни съ какими потребностями разума и противна истинной природѣ его. Въ силу своего строенія онъ равнодушно созерцаетъ мимо идущее; но почему либо остановившее его вниманіе и ставшее предметомъ его пониманія онъ не можетъ оставить безъ нѣкотораго внутренняго страданія. Помимо сознательнаго участія своей воли онъ какъ бы вовлекается, какъ бы втягивается въ его объясненіе, и испытываетъ непріятное и тяжелое чувство отъ прикосновенія всего, мѣшающаго развитію начавшагося въ немъ процесса пониманія. И чѣмъ бо́льшія затрудненія представляетъ собою объясненіе заинтересовавшаго, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе привязывается онъ къ нему и сосредоточивается на немъ, тѣмъ менѣе и менѣе бываетъ въ силахъ оставить его. И когда, наконецъ, искомое объясненіе найдено, онъ испытываетъ высокую и чистую радость, — радость не потому, что окончѣнъ трудъ, такъ какъ ничто не принуждало его къ нему, но потому, что найдено знаніе, объяснившее непонятное, и удовлетворившее разумъ. Въ незначительныхъ размѣрахъ примѣры этого можно наблюдать на рѣшающихъ математическія задачи, на производящихъ опытныя изслѣдованія въ физикѣ, на тѣхъ, наконецъ, чья мысль останавливается на разрѣшеніи какихъ либо вопросовъ теоретическаго характера; примѣрами этого, исполненными величія и порою трагизма, полна исторія творческой науки. Только строеніемъ разума

можно объяснить это неудержимое стремленіе его къ пониманію; только присущею ему жизненностью можно объяснить тотъ фактъ, что въ моменты высочайшаго проявленія его дѣятельности всѣ человѣческіе инстинкты кажутся какъ бы подавленными, человѣческая воля — какъ бы разбитою и парализованною. И въ самомъ дѣлѣ, если разумъ есть только произведеніе внѣшнихъ впечатлѣній, если уже ранѣе полученія ихъ онъ не обладаетъ опредѣленнымъ строеніемъ и скрытою жизненностью, то какъ понять, что нѣкогда люди такъ глубоко задумывались надъ вопросами, о которыхъ ничего не говорила имъ природа, что почти утрачивали сознаніе окружающаго ихъ, почти переставали чувствовать эту природу и, оставляя всѣ удовольствія и радости жизни, въ нищетѣ и лишеніяхъ искали разрѣшенія своихъ сомнѣній? Если разумъ лишь пустой воспріемникъ впечатлѣній, если онъ безжизненная tabula rasa, то какъ понять, что въ тѣ далекія времена, которыя мы привыкли считать варварскими, находились люди, предпочитавшіе вытерпѣть всѣ мученія, чѣмъ испытать одно — перестать думать о томъ, надъ чѣмъ уже изстрадалась ихъ мысль? Гдѣ источникъ этого стремленія, если не въ разумѣ? Какъ можетъ tabula rasa желать, чтобы на ней было написано то, а не другое? Какъ можетъ мертвый механизмъ или животный организмъ предпочесть быть разбитымъ, чѣмъ отказаться отъ стремленія къ тому, сущности чего онъ еще не знаетъ, и въ достиженіи чего онъ еще не увѣренъ?

Если бы разумъ не существовалъ уже до соприкосновенія съ внѣшнимъ міромъ и если бы онъ не имѣлъ своего самостоятельнаго предъопытнаго строенія, то этого рѣзкаго различія въ его отношеніи къ пониманію и къ простому знанію не могло бы существовать. Впечатлѣнія внѣшняго міра всегда одинаковы — это явленія одно другому сопутствующія и одно за другимъ слѣдующія, смежныя въ пространствѣ и смежныя во времени. Если бы разумъ только отражалъ ихъ въ себѣ и удерживалъ, или еслибы его функціи были созданіемъ этихъ внѣшнихъ явленій, то онъ

и скорѣе и болѣе долженъ бы былъ привыкнуть искать все новыхъ и новыхъ впечатлѣній, т. е. образовывать все новыя и новыя безцѣльныя и безсвязныя знанія, но онъ не могъ бы привыкнуть стремиться къ пониманію. Да послѣднее и вообще, по самой своей природѣ не можетъ никогда стать дѣломъ механической привычки. Но такъ ничтожно вліяніе этихъ внѣшнихъ впечатлѣній на законы дѣятельности разума, и такъ могущественно обусловило ихъ его строеніе, что ему совершенно чуждо стремленіе пріобрѣтать знанія и исключительно свойственно стремиться къ пониманію.

Теперь мы можемъ сдѣлать второе опредѣленіе разума, введя въ него опредѣленіе той жизненности, на которую было только указано въ опредѣленіи первомъ: «*разумъ есть потенція, въ которой предустановлены формы пониманія, матеріалъ для котораго дается внѣшнимъ міромъ, и обладающая скрытою жизненностью, состоящею въ стремленіи и въ способности образовывать это пониманіе*».

VI. Въ этомъ опредѣленіи выражены какъ видъ существованія разума, такъ и сущность его природы и его дѣятельности. Остается еще опредѣлить его строеніе, раскрывъ предустановленныя въ немъ формы пониманія. Какъ и природа, онѣ обнаруживаются въ процессѣ образованія полнаго пониманія, и чтобы выдѣлить ихъ, достаточно выдѣлить въ послѣднемъ то, что принадлежитъ внѣшнему міру; тогда оставшееся укажетъ, что принадлежитъ самому разуму.

Цѣльное пониманіе обнимаетъ собою все понимаемое. Слагается оно изъ идей обнимающихъ отдѣльныя стороны этого понимаемаго. Въ этихъ идеяхъ то, изъ чего состоятъ онѣ, т. е. ихъ содержаніе, идетъ отъ внѣшняго міра; то, что обнимаетъ это содержаніе, какъ форма обнимаетъ вложенный въ нее матеріалъ, не заимствовано отъ внѣшняго міра и, слѣдовательно, принадлежитъ самому разуму. Слѣдующее размышленіе невольно убѣждаетъ насъ въ этомъ. Если бы не только содержаніе идей, но и самыя формы ихъ были произведены въ насъ внѣшнимъ міромъ,

если бы его вліяніемъ было создано не только то, что входитъ въ наше сознаніе, но и то, что воспринимаетъ въ себя входящее, то въ такомъ случаѣ *все существующее одинаково могло бы образовать въ нашемъ разумѣ соотвѣтствующую себѣ идею*. Между тѣмъ въ этомъ существующемъ есть нѣкоторыя вещи, существованіе которыхъ для нашего разума несомнѣнно, но составить идею о которыхъ этотъ разумъ безусловно не въ силахъ. Таковъ напр. фактъ или вѣчности міра или происхожденія его изъ ничего.

И въ самомъ дѣлѣ, міръ какъ «цѣлое», какъ «бытіе», какъ «все» или *вѣченъ* или *не вѣченъ*. Разъ онъ существуетъ — и это для нашего сознанія несомнѣнно — онъ необходимо или имѣетъ начало во времени, или не имѣетъ этого начала. Мы ничего не знаемъ о томъ, который изъ этихъ двухъ фактовъ имѣлъ нѣкогда мѣсто, но мы знаемъ твердо, что одинъ изъ нихъ необходимо существовалъ, такъ какъ ничего третьяго существовать не могло. Но если міръ вѣченъ, то это значитъ, что не было времени въ прошедшемъ, когда бы онъ не существовалъ, и не было предѣла, гдѣ бы кончалось это время. Если же онъ не вѣченъ, то это значитъ, что въ прошедшемъ былъ нѣкоторый моментъ, когда онъ возникъ; и такъ какъ онъ есть «все», то слѣдовательно въ моментъ, этому предшествующій, не было ничего; т. е. что міръ возникъ изъ ничего, изъ пустоты, которая одна лежала за нимъ, одна предшествовала ему. Теперь если одинъ изъ этихъ фактовъ несомнѣнно существовалъ, то и въ сознаніи нашемъ, принимающемъ это существованіе, необходимо должно быть пониманіе этого факта, если только оно во всемъ своемъ цѣломъ есть произведеніе внѣшняго существующаго. Между тѣмъ идеи ни объ одномъ изъ этихъ двухъ фактовъ наша мысль вмѣстить въ себя не можетъ. Нашъ языкъ легко произноситъ слова: «міръ безначаленъ», «міръ возникъ изъ ничего»; но это только слова, поставленныя въ извѣстномъ порядкѣ, но не мысли, не идеи. Это звуки, которые мы можемъ слышать, но то, что обозначается этими звуками, мы не можемъ ни понять, ни представить, хотя и понимаемъ, что

это факты. Мы знаемъ и понимаемъ отдѣльныя вещи, о которыхъ говорится въ этихъ предложеніяхъ — «міръ», «начало», «время», и мы можемъ слова, обозначающія эти существующія и понятныя вещи, поставить въ извѣстное отношеніе другъ къ другу, но представить въ мысли это истинное и существующее отношеніе мы не въ состояніи. Всякое усиліе представить себѣ возникновеніе міра изъ ничего будетъ безплодно,— все, что мы можемъ сдѣлать, это представить себѣ то, изъ чего онъ возникъ, неяснымъ, темнымъ, безформеннымъ, но тѣмъ не менѣе существующимъ, реальнымъ столько же, какъ и возникающій изъ него міръ. Всякое усиліе представить міръ вѣчнымъ поведетъ только къ тому, что его начало мы отодвинемъ такъ далеко, что оно будетъ какъ бы теряться во времени, станетъ неяснымъ для насъ, но всегда однако же мы невольно будемъ думать, что вотъ за этимъ неяснымъ и лежитъ его начало, котораго мы только не видимъ, но которое однако есть. И вотъ въ то время какъ этихъ реальныхъ фактовъ наше сознаніе никакъ не можетъ понять, оно легко представляетъ себѣ факты, которыхъ не существуетъ, и при этомъ столь образно, что даже порою вѣритъ въ ихъ дѣйствительное существованіе. Такъ воображеніе всѣхъ народовъ создавало различныхъ чудовищъ, и даже намъ самимъ легко представить себѣ въ мысли невозможныя въ дѣйствительности существа, одновременно съ этимъ сознавая, что ихъ нѣтъ.

Итакъ, если разумъ въ состояніи представить себѣ невозможныя комбинаціи изъ элементовъ, порознь извѣстныхъ ему изъ опыта, и не можетъ представить существующее сочетаніе изъ элементовъ, о которыхъ онъ порознь также знаетъ изъ наблюденій, то не ясно ли, что въ немъ предустановлены формы пониманія, въ которыхъ образуются представленія, и что изъ происходящаго и существующаго въ мірѣ, для него внѣшнемъ, онъ можетъ воспринять и понять лишь то одно, что имѣетъ въ немъ (разумѣ) соотвѣтствующую себѣ форму; все же остальное хотя и существуетъ внѣ его, однако не можетъ

существовать въ видѣ идеи въ немъ самомъ, такъ какъ не имѣетъ предустановленной для себя формы въ его сознаніи.

Это предсуществующее въ разумѣ человѣка и обусловливающее собою возможность опыта, едва уловимо въ природѣ своей и съ трудомъ поддается опредѣленію. Не слѣдуетъ забывать, что ранѣе опыта въ сознаніи не существуетъ не только представленій о предметахъ, обладающихъ существованіемъ, природою, свойствами, причиною, цѣлью и т. д., но въ немъ *нѣтъ идей* и о самыхъ этихъ сторонахъ бытія — о существованіи, о сущности, объ аттрибутахъ, о причинности, о цѣлесообразности и т. д., въ которыя (идеи), какъ въ общее, входили бы представленія объ отдѣльныхъ вещахъ, представляющихъ собою единичные и конкретные синтезы этихъ общихъ сторонъ бытія. Вотъ почему выраженіе «форма, воспринимающая содержаніе», которое мы выше прилагали къ лежащему въ разумѣ ранѣе опыта, не столько выражаетъ его природу, сколько подготовляетъ насъ къ пониманію того гораздо менѣе грубаго, что представляетъ собою разумъ. Не заключая въ себѣ идей даже о сторонахъ бытія, онъ носитъ въ себѣ ранѣе опыта только какъ бы символы этихъ сторонъ; что-то неощутимое, и въ то же время несомнѣнно присутствующее; не могущее быть выраженнымъ ни въ какой точной идеѣ, какъ не представляющее собою никакой идеи, и въ то же время обладающее зиждительною силой, которая изъ матеріала чувственныхъ впечатлѣній, несовершенныхъ, грубыхъ и ограниченныхъ, образуетъ идеи законченныя, отвлеченныя и общія. Можно бы сказать, что предъопытное и предъидейное въ разумѣ такъ же относится къ идеямъ, имѣющимъ вступить въ него, какъ безпричинное и безотчетное предчувствіе относится къ тому, что наступитъ современемъ; если бы эти предчувствія разума не были такъ опредѣленны въ своемъ содержаніи и не предопредѣляли бы сами всего, что образуется въ немъ впослѣдствіи. Ближе всего природу этихъ потенцій идей, не вы-

разимыхъ ни въ какомъ точномъ названіи, можно обозначить словомъ «схема». Какъ въ мірѣ физическомъ схемы, не будучи сами вещами матеріальными, представляютъ собою какъ бы тѣни, по которымъ образуются всѣ вещи, не имѣя никакого реальнаго существованія невидимо зиждутъ все реально существующее и входятъ въ него; такъ находящееся въ разумѣ ранѣе опыта, не имѣя даже идеальнаго существованія, зиждетъ и образуетъ, движетъ и направляетъ весь міръ идей, настолько же превосходя своею абстрактностью эти идеи, насколько послѣднія, какъ схемы вещей, превосходятъ своею абстрактностью эти вещи.

VII. Это соотношеніе между познающимъ разумомъ и познаваемымъ космосомъ, обусловливающее собою возможность самаго познанія, полно загадочности и интереса. Тотъ несомнѣнный фактъ, что ранѣе чувственнаго опыта и соприкосновенія съ міромъ въ разумѣ человѣка лежатъ уже схемы идей, готовыхъ обнять собою міръ; и тотъ фактъ, что міръ этотъ, существующій независимо отъ человѣческаго разума и ранѣе его, дѣйствительно вступаетъ въ эту схему идей, разъ соприкосновеніе между ними произошло, невольно заставляетъ видѣть и въ разумѣ нѣчто космическое, и въ космосѣ нѣчто разумное. Разумъ есть какъ бы міръ, выраженный въ символахъ,— міръ есть какъ бы разумъ, выраженный въ вещахъ; и только поэтому возможно познаніе міра разумомъ, возможно *пониманіе* возникающее о мірѣ въ разумѣ, — возможенъ міръ идей, отличныхъ отъ этихъ соотносительныхъ началъ, не изъ нихъ возникающій, но черезъ ихъ соприкосновеніе. Какъ будто все безконечно долгое и безконечно сложное развитіе свое космосъ совершалъ только для того, чтобы создать этотъ загадочный разумъ и какъ въ сѣмени своемъ соединить въ немъ все, что онъ самъ заключалъ въ себѣ отъ начала; или какъ будто самъ разумъ раскрылся въ этомъ мірѣ вещей подобно тому, какъ содержимое сѣмени раскрывается въ растеніи, изъ него выростающемъ. И если объясненія этого соотноше-

нія мы не находимъ въ ихъ одновременномъ существованіи, если отъ начала мы видимъ его уже предустановленнымъ, то мы вынуждены искать разгадки этого явленія въ общемъ происхожденіи и космоса и разума: было нѣчто, что дало жизнь и разуму и космосу и что вложило и въ космосъ разумность и въ разумъ космичность, что совмѣщало въ себѣ и то и другое, но что не было въ отдѣльности ни тѣмъ ни другимъ.

Всѣ эти схемы сходятся, какъ къ центру своему, къ потенціи идеи существованія, простой и неразложимой, представляющей собою чистую способность образовать эту идею. Всѣ впечатлѣнія внѣшняго міра воспринимаются этою потенціею, и прежде, чѣмъ она не получитъ ихъ, разумъ не обнаруживаетъ никакой жизни. Но разъ этотъ центръ схемъ пониманія воспринялъ необходимое впечатлѣніе и образовалъ идею, соотвѣтствующую его природѣ и его назначенію, всѣ схемы пониманія обнаруживаютъ скрытую въ нихъ жизненность и эта жизненность раскрывается въ чистомъ стремленіи и въ чистой способности воспринять содержаніе, соотвѣтствующее природѣ и назначенію каждой изъ нихъ въ отдѣльности, т. е. образовать идею, обнимающую какую либо сторону космоса, и представленіе, соотвѣтствующее сторонѣ единичнаго наблюдаемаго предмета въ немъ.

Этихъ схемъ пониманія, присущихъ разуму и обнимающихъ собою стороны космоса, шесть: 1) *схема природы*, соотвѣтствующая сущности космоса и вещей въ немъ, которая стремится и способна понять, «*что̀ есть все?*» или «изъ чего все и каково его строеніе?» 2) *Схема аттрибутовъ*, соотвѣтствующая свойствамъ космоса и вещей въ немъ, которая стремится и способна понять, «*каково все?*» 3) *Схема причинности*, соотвѣтствующая производящему въ космосѣ, которая стремится и способна понять, «*почему все?*» 4) *схема цѣлесообразности*, соотвѣтствующая производимому въ космосѣ, которая стремится и способна понять, «*для чего все?*» 5) *Схема сходства и различія*, соотвѣтствующая *родамъ и видамъ* вещей въ космосѣ, кото-

рая стремится и способна образовать классификацію міра, понявъ единое въ различномъ и различіе въ единомъ, и 6) *схема чиселъ*, обнимающая *количественную сторону* космоса.

Теперь мы можемъ сдѣлать послѣднее и полное опредѣленіе разума: „*разумъ есть потенція, слагающаяся изъ потенціи идеи существованія, простой и опредѣленной, и изъ сходящихся къ ней, какъ къ центру, схемъ пониманія, представляющихъ собою сложныя и опредѣленныя потенціи идей, соотвѣтствующихъ сторонамъ существующаго*“, или, замѣняя въ этомъ опредѣленіи нѣкоторые термины ихъ значеніемъ: «*разумъ есть потенція, слагающаяся изъ потенціи идеи существованія, состоящей въ чистой способности образовать эту идею, и изъ сходящихся къ ней, какъ къ центру, схемъ пониманія, представляющихъ собою потенціи, обладающія скрытою жизненностью, которая пробуждается съ принятіемъ первою впечатлѣнія этимъ центромъ и обнаруживается въ чистомъ стремленіи и въ чистой способности образовать идеи, соотвѣтствующія сторонамъ существующаго и въ своемъ сочетаніи содержащія полное пониманіе его*».

7

VIII. Это опредѣленіе разума было выведено изъ наблюденія надъ процессомъ образованія полнаго пониманія, и представляетъ собою одно точное названіе всего, что въ этомъ процессѣ обнаруживаетъ разумъ. Оно истинно и выражаетъ собою существенное и неизмѣнное въ разумѣ, потому-что взятъ былъ не частный случай пониманія, но послѣднее было разсмотрѣно въ своемъ общемъ видѣ. Но самый процессъ пониманія тѣмъ не менѣе остается необъяснимымъ: и наше знаніе о немъ есть простое эмпирическое наблюденіе, но не пониманіе; потому что хотя мы и знаемъ, какъ онъ происходитъ, однако не понимаемъ, почему онъ происходитъ такъ, а не иначе. Для того, чтобы отнять у него этотъ эмпирическій характеръ, и изъ простаго знанія перевести его въ пониманіе, произведемъ теперь обратное изслѣдованіе: мы вывели природу и строеніе разума изъ наблюденій надъ общимъ процессомъ образованія полнаго пониманія; теперь, взявъ эту природу

и строеніе за основаніе, выведемъ уже умозрительно изъ нея формы и явленія, наблюдаемыя въ процессѣ пониманія, и тѣмъ самымъ покажемъ, что все, замѣченное въ этихъ формахъ и явленіяхъ, существуетъ въ нихъ необходимо и неизмѣнно.

1. Если разумъ есть бытіе потенціальное, то оно и не можетъ перейти въ бытіе реальное безъ присоединенія къ нему чего-либо, способнаго придать ему реальность. Но такъ какъ изъ существующаго все есть или разумъ, или не-разумъ, въ первомъ же нѣтъ ничего непотенціальнаго, то слѣд. и придающее разуму реальность необходимо и неизмѣнно должно идти изъ того, что лежитъ внѣ его, т. е. изъ міра вещей. Это значитъ, что *процессъ образованія полнаго пониманія неизмѣнно и вѣчно слагается изъ соединенія идущаго отъ разума съ идущимъ изъ природы, т. е. изъ умозрѣнія и опыта*, а самое *пониманіе*, какъ результатъ этого процесса, *возникаетъ черезъ соприкосновеніе чувственныхъ впечатлѣній*, получаемыхъ въ опытѣ отъ міра вещей, *съ абстрактною сущностью самаго разума*, пробуждающеюся къ жизни въ умозрѣніи.

2. Такъ какъ все, идущее въ разумъ изъ міра вещей, воспринимается центромъ схемъ пониманія, — центръ же этотъ представляетъ собою потенцію не сложную изъ стремленія и способности, но простую, состоящую изъ чистой способности, то слѣдовательно и переходъ разума изъ бытія потенціальнаго въ бытіе реальное не можетъ произойти иначе, какъ черезъ импульсъ, идущій отъ внѣшняго міра; т. е. что *процессъ образованія полнаго пониманія необходимо и неизмѣнно начинается съ дѣйствія міра вещей на разумъ, и опытъ въ познаніи неизмѣнно и необходимо предшествуетъ умозрѣнію.*

3. Такъ какъ схемы пониманія суть потенціи не простыя, но сложныя изъ стремленія и способности, то и переходъ разума изъ состоянія потенціальнаго въ состояніе реальное, разъ начавшись отъ внѣшняго импульса, продолжается непрерывно и уже безъ всякихъ импульсовъ извнѣ, до тѣхъ поръ, пока всѣ схемы его не пріобрѣтутъ

реальнаго содержанія; т. е. что *разъ начавшійся процессъ пониманія необходимо продолжается до тѣхъ поръ, пока служащее объектомъ его не будетъ понято вполнѣ.*

4. Такъ какъ въ разумѣ предустановлены схемы идей, изъ которыхъ слагается пониманіе, то и *процессъ послѣдняго, неудержимо развивающійся послѣ перваго импульса, движется по опредѣленному плану къ опредѣленнымъ цѣлямъ вѣчно и неизмѣнно, слѣдуя не природѣ вещей, но природѣ разума.*

Теперь выведемъ мы изъ того же опредѣленія разума нѣкоторыя важныя положенія объ отношеніи его къ міру, для него внѣшнему, и этого послѣдняго къ познанію. Выводы эти слѣдующіе:

1. *Познаніе возможно и существуетъ потому, что схемы пониманія, присущія разуму, совпадаютъ со сторонами бытія, лежащаго внѣ его.* Если бы этого соотвѣтствія не было, то не было бы возможно и не существовало бы познаніе; потому что по отношенію къ послѣднему и міръ и разумъ суть только потенціи, въ отдѣльности ничего не способныя произвести: ни въ мірѣ не возникло бы пониманіе, еслибъ не существовало разума, ни въ разумѣ, еслибъ не существовалъ міръ, ни въ нихъ обоихъ, еслибъ въ нихъ не было предустановленнаго соотвѣтствія и соотношенія.

2. *Границы человѣческаго пониманія опредѣлены схемами его разума, и не могутъ быть ни сужены, ни раздвинуты, но вѣчно и необходимо должны оставаться неизмѣнными.* Это потому, что въ разумѣ, какъ одной изъ потенцій пониманія, образуются только тѣ познанія, которыя имѣютъ въ немъ соотвѣтствующую себѣ схему. Всякое же познаніе не имѣющее такой схемы не можетъ возникнуть, такъ какъ для него недостаетъ необходимой потенціи; подобно тому какъ растеніе не можетъ возникнуть безъ сѣмени, хотя бы и было собрано все вещество, необходимое для его образованія. Самыя же схемы не исчезаютъ и не возникаютъ, не уничтожаются и не создаются. Поэтому и границы познанія, ими обусловленныя, никогда не могутъ ни съузиться, ни расшириться.

3. *Точно ли совпадетъ міръ идеальный (міръ познанія) съ міромъ реальнымъ, зависитъ отъ того, совпадетъ ли точно система схемъ разума съ системою сторонъ міра.*

При этомъ можетъ быть три случая: полное совпаденіе, недостатокъ и излишекъ; каждый изъ нихъ долженъ различно отразиться на отношеніи познающаго разума къ познаваемому міру.

4. Возможно, что схемы разума точно, безъ недостатка и безъ избытка, соотвѣтствуютъ сторонамъ міра; тогда пониманіе человѣческое можетъ стать, рано или поздно, всепониманіемъ; міръ можетъ быть разгаданъ вполнѣ, безъ остатка и истинно.

5. Возможно, что въ мірѣ вещей существуютъ стороны, не имѣющія въ разумѣ соотвѣтствующихъ имъ схемъ пониманія; тогда познаніе человѣческое должно вѣчно и необходимо оставаться ограниченнымъ. Разумъ никогда не можетъ ни узнать чего-либо объ этомъ бытіи, ни понять совершенно бытіе ему извѣстное. Потому что послѣднее объясненіе этого извѣстнаго лежитъ въ томъ, что никогда не можетъ быть узнано.

6. Возможно, что разуму присущи нѣкоторыя схемы, не имѣющія соотвѣтствующихъ имъ сторонъ въ мірѣ вещей. Тогда эти схемы, какъ чистыя потенціи, никогда не могутъ получить реальнаго содержанія, т. е. выразиться въ ясныхъ и точныхъ идеяхъ, и должны вѣчно наполнять разумъ призраками бытія, обманчивыми и неясными. Отъ этихъ призраковъ бытія разумъ никогда не въ состояніи будетъ освободиться, не имѣя силы ни уничтожить въ себѣ эти схемы, ни создать внѣ себя вещи, которыя могли бы придать реальность имъ, какъ потенціямъ.

Сущность этой возможной ограниченности и несомнѣнной обусловленности человѣческаго познанія необходимо хорошо усвоить, чтобы правильно установить свое отношеніе къ наукѣ — не требовать и не надѣяться отъ нея болѣе, чѣмъ сколько она можетъ дать. Ошибочно было бы думать, что эта обусловленность и ограниченность состоитъ во временной неполнотѣ и недостаточности знаній,

которая будетъ восполнена и уничтожена съ увеличеніемъ количества наблюденій, съ усовершенствованіемъ умозрительной силы въ человѣкѣ, съ открытіемъ новыхъ средствъ и новыхъ орудій изслѣдованія природы. Ошибочно думать, что лежащее за границами познанія есть виды того же бытія, которое лежитъ въ границахъ его; что это продолженіе того же міра вещей, который знаемъ мы, но только пока еще недосягаемое и недоступное для человѣка—достижимое, но недостигнутое только имъ. Въ дѣйствительности эта обусловленность и ограниченность познанія и глубже и серьезнѣе. Можетъ лежать въ мірѣ нѣчто ирраціональное, совершенно непостижимое, какъ бы безсмысленное; о чемъ нельзя ни подумать, ни сказать чего нибудь; что немыслимо, и однако же существуетъ; непредставимо, и однако же реально. И это непостижимое — не новые виды уже знакомаго бытія, но нѣчто не имѣющее съ нимъ ничего схожаго и ничего общаго, нѣчто несравнимое съ нимъ. Это и не вещи непостижимыя, — но это непостижимыя стороны въ вещахъ, которыя другими сторонами своего бытія хорошо извѣстны намъ. И причина этой непостижимости лежитъ не въ ограниченности нашихъ чувствъ, но въ самомъ строеніи разума и въ несоотвѣтствіи этого строенія съ строеніемъ міра. И такъ какъ человѣкъ не въ состояніи измѣнить ни строенія міра — приведя его въ соотвѣтствіе съ своимъ разумомъ, ни строенія разума — приведя его въ соотвѣтствіе съ міромъ, то и возможная ограниченность познанія не есть временная неполнота его, но нѣчто необходимое и вѣчное.

Въ общемъ процессѣ пониманія раскрывается только общее и основное строеніе разума. Въ наукѣ, какъ въ безконечно углубленномъ и развѣтвленномъ пониманіи, раскроется разумъ во всей своей безконечной сложности.

КНИГА II.

Строеніе науки.

ГЛАВА I.

Ученіе о познающемъ и его формы.

I. Предварительныя замѣчанія. Невозможность сообщить правильное строеніе наукѣ, какъ «совокупности человѣческихъ знаній», и неспособность ея къ послѣдовательному развитію, какъ слѣдствіе отсутствія этой правильности въ строеніи. Способность къ этой правильности строенія и послѣдовательности развитія науки, какъ пониманія. — II. Три основныя формы пониманія: ученіе о познающемъ, ученіе о познаваніи, и ученіи о познаваемомъ. Естественность и всеобъемлемость этого дѣленія. Порядокъ этихъ ученій соотвѣтствуетъ порядку возникновенія науки и всякаго измѣненія въ ней. — III. Ученіе о познающемъ и его внутренній составъ. О формѣ существованія разума; вопросы, на которые предстоитъ отвѣтить этому ученію, и возможные способы разрѣшить ихъ. Ученіе о сущности разума; два вопроса, къ которымъ сводится это ученіе, и пути разрѣшенія ихъ. Ученіе о свойствахъ разума; положительное и отрицательное опредѣленіе ихъ; явленія въ разумѣ, не составляющія процессовъ познаванія. Ученіе о происхожденіи разума; различіе его отъ ученія о происхожденіи идей. Ученіе о назначеніи разума; реальное, какъ цѣль потенціальнаго. Ученіе о сходствѣ и различіи разума; опредѣленіе отношенія разума къ идеямъ, возникающимъ внутри его, и къ вещамъ, лежащимъ внѣ его, какъ двоякая задача этого ученія. Ученіе о числѣ разума; опредѣленіе отношенія единичнаго разума ко всеобщему, какъ содержаніе этого ученія.

I. Какъ «совокупность человѣческихъ знаній» наука не имѣетъ ни опредѣленныхъ очертаній извнѣ, ни правильнаго строенія внутри, и не можетъ поэтому органически развиваться, но только механически увеличивается въ объемѣ содержанія. Причемъ ни тѣ знанія, къ которымъ прибавляются новыя, не совершенствуются отъ этихъ послѣднихъ, ни эти новыя не освѣщаются свѣтомъ старыхъ. Не различимы въ такой наукѣ ни границы изслѣдованія,

гдѣ бы могъ найти успокоеніе разумъ, ни послѣднія цѣли познанія, влекущія къ себѣ мысль, ни пути къ выходу изъ лабиринта сомнѣній.

Нѣтъ при такомъ взглядѣ на науку цѣльнаго познанія, нѣтъ науки, какъ цѣльнаго воззрѣнія человѣка на міръ и на себя. Есть только отдѣльныя науки — не развѣтвленія цѣлаго, но группы знаній о группахъ однородныхъ предметовъ и явленій. Вотъ почему онѣ не располагаются сами въ извѣстномъ соотношеніи другъ къ другу, слѣдуя своей естественной связи; но могутъ быть только подвергнуты, и то съ трудомъ, искусственной классификаціи.

Какъ пониманіе — наука есть стройное цѣлое, всѣ части котораго гармонически соединены между собою, и въ своемъ естественномъ и необходимомъ развитіи стремятся къ нѣкоторымъ опредѣленнымъ и законченнымъ формамъ. Это внутреннее строеніе науки вытекаетъ изъ самой сущности ея, какъ пониманія; и по мѣрѣ того, какъ разумъ будетъ раскрывать содержаніе этого термина, передъ нимъ раскроются формы ея архитектоники.

И такъ велика эта стройность цѣльной науки, такъ глубоко отдѣльныя формы ея вытекаютъ изъ одной общей сущности, что ранѣе, чѣмъ возникли онѣ, можно умственно прослѣдить ихъ до послѣднихъ границъ, и видѣть взаимную связь отдаленнѣйшихъ изъ нихъ. Для мысленнаго взора, проникающаго въ эту сущность, повидимому простую, всю сжатую въ одномъ словѣ, вдругъ раскрывается цѣлый міръ познанія. И такъ широки предѣлы этого міра, что только подробно и внимательно разсматривая всѣ его части можно примѣтить среди его отдѣльныя и далеко разбросанныя точки — науки уже существующія. То безграничное, что окружаетъ ихъ, какъ море окружаетъ свои капли, открываетъ для разума необъятную, еще не испытанную область бытія, и безчисленныя, еще ничѣмъ не наполненныя формы науки.

И такъ велика эта цѣльность науки, какъ пониманія, что, безгранично расширившись, она сливается въ единое и нераздѣльное, въ которомъ можно разсмотрѣть его вну-

треннее строеніе, но въ которомъ нѣтъ никакихъ частей, настолько выдѣляющихся изъ общаго, чтобы имъ можно было дать свои имена, какъ отдѣльнымъ самостоятельнымъ наукамъ. Это не рядъ обособленныхъ органовъ, соединенныхъ между собою внѣшнею связью, но это одинъ органъ человѣческаго разума, который вѣтвится и разростается по мѣрѣ того, какъ разростается жизнь въ самомъ разумѣ.

Разсмотримъ внутреннее строеніе этого органа и прослѣдимъ эти нити, на которыя вѣтвится онъ. И то и другое раскроетъ передъ нами анализъ термина «пониманіе», въ которомъ скрыта вся сущность и все содержимое науки. Только въ немногихъ и не въ существенныхъ мѣстахъ мы будемъ перерывать анализъ этого термина и обращаться къ міру реальныхъ предметовъ и явленій; все же основное и существенное здѣсь, какъ и ранѣе, будетъ извлечено изъ той простой и несомнѣнной истины, которую мы установили выше, какъ первоначальную въ пониманіи.

II. Пониманіе, какъ цѣлое, слагается изъ трехъ началъ: познающаго, познаванія и познаваемаго; и слѣдовательно наука, какъ пониманіе, распадается на *три* первичныя и основныя формы: на *Ученіе о познающемъ*, на *Ученіе о познаваніи*, и на *Ученіе о познаваемомъ*. Первое стремится уразумѣть то, что́ познаетъ, второе — ка́къ познаетъ, третіе — что́ познается.

На эти три формы распадается наука *естественно*, какъ на свои первичные элементы. И дѣйствительно, ни соединить которые нибудь изъ нихъ въ одно мы не можемъ, потому-что они совершенно разнородны; ни раздѣливъ который нибудь изъ нихъ — не можемъ поставить его части рядомъ съ остающимися элементами, потому-что тогда они не будутъ равнозначущи по общности; ни придумать что либо четвертое къ нимъ — потому что его не существуетъ.

И слагаясь изъ этихъ элементовъ, наука становится *всеобъемлющей;* потому что мы чувствуемъ и сознаемъ, что не только всѣ знанія существующія входятъ въ это дѣле-

ніе, такъ что не ускользаетъ ни даже малѣйшее изъ нихъ,— но что и въ будущемъ, темномъ и безконечномъ, человѣкъ никогда не въ силахъ будетъ создать что либо, что бы смогло переступить за эти грани, и для чего бы потребовалось придать еще что либо къ этому дѣленію. Внѣ познающаго, познаванія и познаваемаго нѣтъ предметовъ для пониманія; все могущее быть понятымъ обнимается ими.

И хотя формъ этихъ три, однако онѣ не суть части, на которыя раздѣляется цѣлое и которыя имѣютъ свое самостоятельное и отдѣльное значеніе (подобно существующимъ наукамъ); такъ какъ ни безъ познающаго нѣтъ познаванія и познаваемаго, ни безъ познаваемаго — познающаго и познаванія, ни безъ познаванія — ихъ обоихъ. Всѣ три формы какъ бы входятъ одна въ другую и составляютъ неразъединимое цѣлое.

Въ порядкѣ слѣдованія другъ за другомъ, формы эти расположены такимъ образомъ, что порядокъ этотъ не только выражаетъ преемственно возникающее и развивающееся въ исторіи знаніе, но и указываетъ естественный и необходимый путь, котораго человѣкъ долженъ держаться въ стремленіи открыть истину. Такъ какъ не только въ начальномъ происхожденіи науки разумъ является ранѣе познаванія и создаетъ его, а познаваніе ранѣе самого познанія и обусловливаетъ его; но и всякое послѣдующее измѣненіе въ наукѣ происходитъ такимъ образомъ, что сперва измѣняется совершенствуясь или ухудшаясь познающее, затѣмъ повинуясь и слѣдуя за нимъ измѣняется познаваніе, и наконецъ уже послѣднимъ — само познаніе. И этотъ рядъ преемственныхъ обусловленностей показываетъ также, что для пріобрѣтенія познанія глубокаго и твердаго человѣкъ долженъ предварительно изслѣдовать самый органъ познающій, затѣмъ изучить законы его дѣятельности и способы владѣть имъ, чтобы затѣмъ перейти уже къ лежащему внѣ его познаваемому.

Всѣ эти свойства и достоинства въ указанномъ дѣленіи познанія являются потому, что дѣленіе это разумъ не устанавливаетъ въ немъ, но только усматриваетъ.

Перейдемъ къ анализу каждой изъ этихъ трехъ первичныхъ формъ, слѣдуя порядку ихъ естественнаго расположенія.

III. *Ученіе о познающемъ*, согласно съ этимъ порядкомъ, должно быть положено въ основаніе всѣхъ ученій, содержащихся въ наукѣ. Въ чемъ состоитъ оно? Отвѣтъ на это уже данъ въ самомъ названіи науки: не узнать что либо о разумѣ — хотя бы истинное и важное — должна она, но *понять* его; пониманіе же есть познаніе понимаемаго во всѣхъ проявленіяхъ бытія его черезъ образованіе о немъ идей, соотвѣтствующихъ всѣмъ схемамъ разума; откуда прямо слѣдуетъ, что ученіе о разумѣ распадается на слѣдующія составныя формы, вторичныя по отношенію къ первой изъ трехъ основныхъ формъ науки: на *Ученіе о существованіи разума*, на *Ученіе о сущности разума*, на *Ученіе объ его свойствахъ*, на *Ученіе о его происхожденіи и назначеніи*, на *Ученіе о его сходствѣ и различіи* съ лежащимъ внѣ его, и на *Ученіе о его числѣ*.

Вотъ система знаній о разумѣ, которыя необходимы для того, чтобы стать пониманіемъ и занять мѣсто въ наукѣ. И уже одно перечисленіе этихъ знаній ясно обнаруживаетъ, что хотя изученіе познающаго начала въ человѣкѣ и продолжается два тысячелѣтія, и хотя объ немъ узнано дѣйствительно и многое, и важное, однако всѣ эти познанія таковы, что не могутъ дать несомнѣннаго и полнаго отвѣта ни на одинъ изъ вопросовъ ищущей пониманія мысли.

Ученіе о существованіи разума должно опредѣлить форму этого существованія, т. е. найти, реально или потенціально оно, временно или вѣчно, прерывающееся или непрерывное, измѣняющееся или неизмѣнное. Не на многіе изъ этихъ вопросовъ, думается, можно найти отвѣтъ путемъ прямыхъ изысканій; но найти ихъ разрѣшеніе можно путемъ изслѣдованій косвенныхъ, посредствующихъ. Нужно, во-первыхъ, ясно опредѣлить, въ чемъ состоитъ существованіе и что такое несуществованіе,

и чѣмъ необходимо и неизмѣнно сопровождается первое; затѣмъ найти этотъ признакъ въ разумѣ и прослѣдить его какъ въ развитіи послѣдняго, такъ и въ моменты его видимаго возникновенія и исчезновенія, чтобы узнать, дѣйствительно ли онъ появляется и исчезаетъ въ эти моменты, или только обнаруживается и скрывается. Можно также воспользоваться для опредѣленія формы существованія разума познаніемъ сущности его, выведя умозрительно эту форму изъ этой сущности и затѣмъ только провѣряя полученный выводъ наблюденіями. Наконецъ, если невозможна положительная форма изысканій, если не допускаетъ ни прямаго изученія, ни какого-либо доказательства вопросъ о его *положительномъ* существованіи, то необходимаго результата можно доискаться путемъ *отрицательнаго изученія* и *отрицательныхъ доказательствъ:* положеніе можетъ быть достигнуто черезъ отрицаніе, знаніе о дѣйствительной формѣ существованія черезъ знаніе о невозможномъ видѣ его. Такъ разумъ существуетъ потенціально, если онъ не можетъ существовать реально; существуетъ вѣчно, если по природѣ своей есть нѣчто не возникающее и не исчезающее; непрерывно, если бытіе его никакъ не можетъ быть прервано; неизмѣнно, если не можетъ быть измѣнено, — и наоборотъ. Есть еще одно средство познать предметъ, когда онъ самъ по себѣ совершенно недоступенъ познанію: можно изучить его, изучая не его самого, но то, что вокругъ него. Такъ, напр., въ данномъ случаѣ можно узнать, существуетъ или не существуетъ разумъ потенціально, вѣчно, непрерывно и неизмѣнно, узнавъ, что ничто изъ соприкасающагося съ нимъ не можетъ ни произвести или уничтожить его, ни прервать или возобновить его существованіе, ни измѣнить послѣднее — или вслѣдствіе своей разнородности съ разумомъ, или вслѣдствіе отсутствія причинной связи съ нимъ, или не всегда совпадающаго существованія.

Въ ученіи о сущности разума должны быть разрѣшены два вопроса: во-первыхъ, изъ чего онъ, и во-

вторыхъ, каково его строеніе. Первый вопросъ можетъ быть разрѣшенъ путемъ косвеннаго отрицательнаго изученія. Именно — сознавая, что въ существующемъ все по своему составу или вещественно, или невещественно, а изъ послѣдняго все или идеально, или предъидеально (болѣе абстрактно и не индивидуально, чѣмъ идеи), затѣмъ отыскавъ признаки и проявленія каждаго изъ этихъ видовъ бытія, можно найти, которыми признаками *не обладаетъ* разумъ, и черезъ это опредѣлить, къ какой области бытія слѣдуетъ отнести его. Второй вопросъ — о строеніи разума — разрѣшается черезъ изученіе формъ возникающаго въ немъ (мышленія и идей) и черезъ выдѣленіе въ нихъ всего того, что относится собственно къ самому возникающему. Остающееся выразитъ въ себѣ строеніе разума.

Въ ученіи о свойствахъ разума слѣдуетъ опредѣлить его признаки положительно, (напр. жизненность) и отрицательно (напр. не протяженность). Далѣе здѣсь же должны быть познаны тѣ изъ явленій, совершающихся въ немъ, которыя не представляютъ собою правильныхъ процессовъ, оканчивающихся открытіемъ истины (т. е. всѣ явленія разума кромѣ явленій познаванія). Сюда относятся различныя состоянія разума: сомнѣніе, созерцаніе, пытливость и другія.

Ученіе о причинѣ разума или его происхожденіи не слѣдуетъ смѣшивать съ ученіемъ о происхожденіи идей, которыя только образуются въ разумѣ и пребываютъ въ немъ, но не суть разумъ. Познаніе происхожденія разума можетъ быть достигнуто черезъ установленное ранѣе ученіе о сущности его, въ связи послѣдняго съ тою аксіомой, что все происходящее происходитъ изъ однороднаго по природѣ, что́ разнится отъ происходящаго только въ несущественномъ — въ томъ, что относится не къ двумъ первымъ сторонамъ бытія, соотвѣтствующимъ центру схемъ пониманія и первой схемѣ. Когда этимъ путемъ будетъ опредѣлено умозрительно существованіе, сущность и важнѣйшія свойства неизвѣ-

ственной причины, отъ которой происходитъ познающее въ насъ начало, тогда можетъ быть отыскано въ существующемъ и то, къ чему можетъ быть отнесено выведенное опредѣленіе, черезъ выдѣленіе того, что не подходитъ подъ него; т. е. найдена, указана и названа причина разума.

Назначеніе разума познается также умозрительно чрезъ разсмотрѣніе его природы, строенія и существенныхъ свойствъ, въ особенности внутренняго направленія одного изъ нихъ — его жизненности. Потенціальность разума можетъ облегчить открытіе этого назначенія. Очевидно, цѣль всего неосуществленнаго — осуществиться, цѣль всего потенціальнаго — стать реальнымъ; и слѣдовательно цѣль разума, какъ потенціи разумѣнія — стать самымъ разумѣніемъ, превратиться въ законченное и истинное пониманіе всего доступнаго пониманію.

Въ ученіи о сходствѣ и различіи разума опредѣляется его отношеніе къ идеямъ, возникающимъ въ немъ, и къ міру реальному, лежащему внѣ его. Это достигается сопоставленіемъ познанныхъ ранѣе аттрибутовъ и сущности разума съ сущностью и аттрибутами какъ идей, такъ и объектовъ ихъ, и черезъ отдѣленіе несовпадающаго при этомъ сопоставленіи отъ совпадающаго.

Въ ученіи о числѣ разума опредѣляется отношеніе единичнаго разума, лежащаго въ природѣ каждаго отдѣльнаго человѣка, къ разуму всеобщему, которымъ одарены всѣ люди.

Вотъ частныя формы ученія о разумѣ. Немногое въ нѣкоторыхъ изъ нихъ можетъ быть наполнено знаніями, уже созданными философіею духа. Съ восполненіемъ недостающаго — этотъ трудъ предстоитъ будущему — исчерпано будетъ все, что когда-либо можетъ быть узнано и сказано о разумѣ.

ГЛАВА II.

Ученіе о познаваніи и его формы: объ изслѣдованіи.

I. Ученіе о познаваніи и его положеніе въ наукѣ. Оно естественно слѣдуетъ за ученіемъ о познающемъ и необходимо должно предшествовать ученію о познаваемомъ. Распаденіе его на ученіе объ изслѣдованіи и на ученіе объ изысканіи. Опредѣленіе перваго и втораго. — II. Два объекта изслѣдованія — сознаваемое и совершаемое. Причина безуспѣшности производившихся до сихъ поръ изслѣдованій. Три основныя начала всеобщаго изслѣдованія. — III. Критеріумъ способа, какъ общій для всего сознаваемаго; его преимущества передъ обычными критеріями мнѣній и знаній. Критеріумъ соотвѣтствія, какъ общій для всего совершаемаго. Необходимость при немъ частныхъ критеріумовъ для отдѣльныхъ областей жизни. Общее правило для нахожденія этихъ частныхъ критеріумовъ. Объясненіе приложенія этого правила на примѣрѣ образованія. — IV. Необходимость для изслѣдованія теоріи цѣлей и средствъ, и теоріи причинной связи въ мірѣ человѣческомъ.

I. *Ученіе о познаваніи* есть ученіе о дѣятельности разума, въ которой выражается и раскрывается его природа; или, что то же, ученіе о процессахъ, происходящихъ въ немъ, которые оканчиваются появленіемъ средняго и связующаго между разумомъ и существующимъ внѣ его — *разумѣніемъ существующаго* или *истиною*.

Оно является связью между ученіемъ о познающемъ и ученіемъ о познаваемомъ, и составляетъ переходъ отъ одного къ другому. Оно должно слѣдовать за ученіемъ первымъ, потому что только понявъ разумъ можно правильно и глубоко понять совершающееся въ немъ; и должно предшествовать ученію о познаваемомъ, потому что только научившись познавать можно достигнуть самаго познанія.

Такъ какъ ранѣе, чѣмъ приступить сознательно къ уста-

новленію правильнаго міровоззрѣнія, человѣкъ уже обладаетъ многими безсознательно усвоенными взглядами, мнѣніями, вѣрованіями; то и пріобрѣтенію новыхъ истинныхъ понятій должно предшествовать испытаніе понятій уже пріобрѣтенныхъ, чтобы или удержать ихъ — провѣривъ, или отвергнуть — если обнаружится ихъ ложность. Это предварительное испытаніе есть какъ бы подготовленіе — разума къ чисто творческой дѣятельности, и сознанія — къ воспринятію чистой истины.

Отсюда естественно и необходимо является распаденіе ученія о познаваніи на слѣдующія двѣ формы, вторичныя въ немъ: на *Ученіе объ изслѣдованіи* и на *Ученіе объ изысканіи. Подъ изслѣдованіемъ я разумѣю вторичное провѣряющее познаніе чего-либо, уже ранѣе узнаннаго; подъ изысканіемъ — первичное познаніе чего-либо неизвѣстнаго.*

Эти двѣ формы познаванія, различаясь по задачамъ своимъ, различаются и по сферамъ, въ которыхъ вращаются онѣ. Такъ какъ цѣль изслѣдованія — измѣнить изслѣдуемое черезъ открытіе и уничтоженіе недостатковъ въ немъ, то ясно, что ему подлежитъ исключительно творчество человѣка, какъ единственно могущее быть усовершенствованнымъ; а изысканію — по преимуществу творчество природы, которое можетъ только познаваться человѣкомъ, но не исправляться имъ.

II. Изслѣдовать же можно во-первыхъ познанное — истинно ли оно, и во-вторыхъ совершенное — хорошо ли оно. Поэтому и самое ученіе объ изслѣдованіи распадается на слѣдующія двѣ формы, третичныя въ ученіи о познаваніи: на *всеобщее изслѣдованіе человѣческихъ мнѣній*, и на *всеобщее изслѣдованіе человѣческихъ дѣлъ*. Первое изучаетъ сознаваемое, еще не передшее въ жизнь; второе изучаетъ жизнь, въ которую обратилось нѣкогда сознаваемое; такъ какъ въ основѣ всего совершеннаго и совершаемаго лежитъ правильное или ложное, ясное или смутное признаніе чего либо истиннымъ. Эти два ученія обнимаютъ собою всю область произвольной дѣятельности человѣка, могущей подлежать улучшающему измѣненію.

Повидимому выполнить эти двѣ задачи невозможно по неопредѣленной безчисленности объектовъ изученія, и по отсутствію общихъ и безспорныхъ началъ, могущихъ послужить исходнымъ основаніемъ этого всеобщаго изслѣдованія. И исторія, какъ будто, подтверждаетъ эти сомнѣнія. И въ самомъ дѣлѣ, не безконечны ли въ ней оспариванія и защиты существующаго въ сознаніи и въ жизни, и не безплодны ли онѣ до настоящаго времени, когда, повидимому, ничего не осталось безспорнымъ? Пусть многое обличено и отвергнуто въ ней, но можно ли успокоиться, что отвергнутое уже никогда не встанетъ, и не свидѣтельствуетъ ли все, что на мѣстѣ одного уничтоженнаго зла или заблужденія тотчасъ появляется другое, часто худшее и грубѣйшее? Гдѣ возможность избавиться отъ этого вѣчно возникающаго зла и заблужденія, гдѣ средство предвидѣть его и подготовиться къ нему? И не породила ли критика болѣе зла, чѣмъ добра; и болѣе заблужденія, чѣмъ истины — раздѣливъ непримиримою враждою людей и вызвавъ къ жизни всѣ ослѣпляющія страсти? Такъ что не лучше ли перетерпѣть неуничтожимое зло и заблужденіе, чтобы въ борьбѣ съ нимъ не впасть въ худшее?

Но не трудно при внимательномъ наблюденіи замѣтить, что причина неуспѣшности производившихся изслѣдованій лежитъ не въ томъ, противъ чего направлены были они, но въ томъ, какъ они были направлены; не въ неуничтожимости самаго зла и самыхъ заблужденій, но въ неспособности уничтожить ихъ тѣми средствами, съ помощью которыхъ боролись противъ нихъ. Совершаясь внѣ руководящаго плана, эти изслѣдованія никогда не могли дать полнаго и законченнаго изученія своихъ объектовъ; направляемыя противъ отдѣльныхъ воззрѣній и фактовъ, они уничтожали только отпрыски зла и заблужденій, но не корни ихъ, изъ которыхъ и выростало потомъ на мѣсто истребленнаго другое, съ нимъ однородное по сущности, хотя по внѣшнимъ признакамъ и отличное отъ него. Наконецъ, вслѣдствіе отсутствія одного опредѣленнаго осно-

ванія для всѣхъ отдѣльныхъ изслѣдованій, одни и тѣ же факты и мнѣнія *по необходимости* разсматривались съ различныхъ точекъ зрѣнія и изслѣдовались различными способами, что естественно порождало много гнѣва и мало истины.

Какъ и всегда, самое зло должно научить здѣсь, какъ бороться противъ него; изъ разсмотрѣнія его природы можно извлечь способы уничтожить его. Эти способы, эти общія начала, которыя должны лечь въ основу всего изслѣдованія, суть слѣдующіе:

1. Изслѣдованіе должно быть направлено не противъ частныхъ заблужденій и не противъ частнаго зла, становящагося въ данный моментъ нестерпимымъ — какъ это всегда бывало; но, временно оставляя въ сторонѣ все нестерпимое, оно должно вестись въ систематическомъ порядкѣ и должно быть доведено до конца. Для этого предварительно долженъ быть составленъ общій обзоръ всего, подлежащаго изслѣдованію, и оно должно быть приведено въ систему черезъ соотвѣтствующую классификацію. Только веденное въ этомъ порядкѣ изслѣдованіе можетъ не оставить чего либо не изученнымъ.

2. Систематически подвигаясь, изслѣдованіе должно быть направляемо не на отдѣльныя воззрѣнія, возникшія въ сознаніи, и не на отдѣльные факты, сложившіеся въ исторіи и въ жизни, но на тѣ общія начала, на которыхъ покоятся обширныя группы воззрѣній и фактовъ; не на то, что дурно, но на то, изъ чего исходитъ дурное; не на самыя заблужденія и зло, но на источники заблужденія и зла. Веденное такимъ образомъ изслѣдованіе, во-первыхъ, можетъ быть выполнено до конца, потому что началъ этихъ уже опредѣленное и ограниченное количество, и утвержденіе или отрицаніе каждаго изъ нихъ или укрѣпляетъ или уничтожаетъ множество общихъ по происхожденію мнѣній и фактовъ; а во-вторыхъ, уничтожая ложныя начала, оно уничтожаетъ самую возможность возникновенія въ будущемъ чего-либо однороднаго съ исчезнувшимъ.

3. Оно должно совершаться черезъ приложеніе къ из-

слѣдуемому нѣкоторыхъ критеріумовъ, и въ открытіи ихъ — первая и основная задача всего изслѣдованія. Эти критеріумы должны обладать *общностью* настолько великою, чтобы все изслѣдуемое могло обняться ими и внѣ ихъ невозможны были бы никакіе другіе критеріумы, и съ ними — другіе способы изслѣдованія и другія точки воззрѣнія на изслѣдуемое; далѣе — *истинностью* настолько очевидною, что она не допускала бы ни сомнѣнія, ни возраженія; и наконецъ *простотою* столь ясною, что при ней невозможно было бы ихъ непониманіе, или ошибка въ ихъ приложеніи.

III. Этихъ общихъ критеріумовъ, сводящихъ всякое отдѣльное изслѣдованіе къ процессу примѣненія общаго правила къ единичному случаю, два: для изслѣдованія человѣческихъ мнѣній или всего сознаваемаго — *критеріумъ способа*, и для изслѣдованія человѣческихъ дѣлъ или всего совершаемаго — *критеріумъ соотвѣтствія. Подъ критеріумомъ способа я разумѣю всеобщій критеріумъ сознаваемаго человѣкомъ, заключающійся въ положеніи, что изъ сознаваемаго истинно то, что явилось какъ результатъ правильнаго изысканія, и сомнительно или ложно все, что произошло другимъ способомъ; и въ вытекающемъ изъ этого положенія указаніи, что изслѣдованіе всякаго отдѣльнаго мнѣнія должно состоять не въ изученіи его самого, но того способа, которымъ оно было образовано, въ сравненіи этого способа съ общими способами, устанавливаемыми въ ученіи объ изысканіи, и въ признаніи мнѣнія истиннымъ, если эти способы совпадаютъ, ложнымъ, если они разнятся, сомнительнымъ, если способъ образованія неизвѣстенъ и не можетъ быть подвергнутъ изслѣдованію.*

Этотъ критеріумъ заключаетъ въ себѣ всѣ достоинства, на которыя было указано ранѣе, какъ на необходимыя:

1. Онъ обнимаетъ собою всѣ мнѣнія, и исчерпываетъ всю область сознанія, такъ какъ всякое мнѣніе возникаетъ *какъ-нибудь*, и все, появляющееся въ сознаніи, появляется черезъ какой-нибудь *процессъ* или *способъ*.

2. Онъ несомнѣненъ, потому что возникающее въ соз-

нанін, будучи всецѣло произведеніемъ познавательнаго процесса, *исключительно* обусловлено въ своемъ достоинствѣ его правильностью.

3. Онъ простъ, потому что весь процессъ изслѣдованія — при обыкновенныхъ условіяхъ не кончающійся иногда и вѣковыми спорами — сводитъ къ простому открытію способа, которымъ изслѣдуемое было образовано. Такимъ образомъ всѣ защиты или оспариванія, основанныя на вредѣ или пользѣ сомнительнаго, на его новизнѣ или давности, на авторитетности или неавторитетности, обычности или странности, всеобщемъ признаніи или всеобщей отчужденности, привлекательности или антипатичности, очевидности для всѣхъ или неочевидности, на совпаденіи съ нѣкоторыми фактами или противорѣчіи съ ними, на сходствѣ съ нѣкоторыми умозрѣніями или различіи отъ нихъ, на способности что либо хорошо объяснять или неспособности къ этому и т. д. и т. д. и т. д., всѣ эти оспариванія и защиты, состоящія, въ послѣднемъ анализѣ, изъ *сопоставленій* сомнительнаго съ чѣмъ-либо, обыкновенно такъ же сомнительнымъ, или изъ *разсмотрѣнія со свойствъ* — падаютъ, какъ не основанныя ни на природѣ познанія, ни на природѣ изслѣдованія.

Замѣтимъ, что всѣ эти ложные способы изслѣдованія, столь употребительные въ наукѣ, въ литературѣ и въ жизни, не будучи въ состояніи привести къ чему-либо положительному (по своей неопредѣленности и неясности), таковы по своей сущности, что необходимо разрѣшаютъ одинъ споръ въ безчисленное множество другихъ споровъ. И въ самомъ дѣлѣ, когда изслѣдованіе основывается на разсмотрѣніи самыхъ мнѣній изслѣдуемыхъ и свойствъ ихъ, то оно дѣлаетъ орудіемъ своимъ скрытыя чувства симпатіи или антипатіи къ мнѣнію; а чувства эти столь же различны у людей, какъ различны сами люди, и по самой природѣ своей не допускаютъ ни опроверженія, ни доказательства, потому что выходятъ изъ предѣловъ разума и относятся къ области чувствованій, о которыхъ нельзя утверждать ни того, что они истинны, ни того, что они

ложны. А когда оно основывается на сопоставленіи изслѣдуемаго съ чѣмъ-либо, то эти предметы, съ которыми сопоставляется оно, дѣлаются въ свою очередь предметомъ изслѣдованія, какъ нѣчто также сомнительное, и т. д. Это производитъ то извѣстное явленіе, что спорящія стороны обыкновенно удаляются отъ предмета спора. Здѣсь начало удаляющее и есть именно ложные способы изслѣдованія, вводящіе, какъ орудіе доказательства, новые предметы въ споръ, для изслѣдованія которыхъ въ свою очередь вводятся еще другіе предметы, и т. д. до безконечности. Всѣ изслѣдованія перваго рода, какъ недопускающія доказательства, не приводятъ ни къ чему; и какъ основанныя на чувствѣ — производятъ раздраженіе, когда касаются незначительнаго, и вражду — когда касаются важнаго. Изслѣдованія же втораго рода уводятъ изслѣдующихъ въ безконечность неизслѣдимыхъ единичныхъ предметовъ и явленій и, достаточно утомивъ спорящихъ, и также ни къ чему не приведя, оставляются. Ничего подобнаго не можетъ произойти при введеніи критеріума способа: здѣсь защищающая сторона или въ состояніи изложить способъ, какимъ возникло изслѣдуемое мнѣніе, или не въ состояніи; въ первомъ случаѣ происходитъ простое сопоставленіе изложеннаго съ излагаемымъ въ наукѣ объ нахожденіи истины, яснымъ и несомнѣннымъ, для всѣхъ сторонъ одинаковымъ; во второмъ защищаемое мнѣніе признается ни на чемъ не основаннымъ и перестаетъ быть истиной. Въ обоихъ случаяхъ споръ или разрѣшается, или прекращается быстро.

Подъ критеріумомъ соотвѣтствія я разумѣю всеобщій критеріумъ совершаемаго человѣкомъ, заключающійся въ положеніи, что все совершаемое должно быть совершаемо для чего-нибудь и въ выпекающемъ отсюда указаніи, что для изслѣдованія каждаго отдѣльнаго поступка человѣка или факти жизни необходимо найти цѣль, ради которой онъ совершается или существуетъ, и изслѣдовать — соотвѣтствуетъ ли это совершаемое и существующее этой цѣли, т. е. находятся ли они въ причинной связи между собою.

Этотъ критеріумъ также содержитъ въ себѣ всѣ условія, необходимость которыхъ была раньше указана:

1. Это есть критеріумъ *всеобщій* для совершаемаго, потому что ничто изъ послѣдняго не дѣлается безсознательно, а сущность сознательности въ области дѣятельности и заключается въ цѣлесообразности. Здѣсь слѣдуетъ только замѣтить, что въ нѣкоторыхъ сферахъ человѣческаго творчества цѣль совершаемаго совпадаетъ съ причиною: совершается нѣчто, *чтобы* выразить что либо, или *потому*, что нѣчто требуетъ своего выраженія (напр поется съ цѣлью выразить нѣкоторое чувство, или потому, что нѣкоторое чувство требуетъ своего выраженія).

Внѣ этого критеріума не можетъ быть никакихъ другихъ, или, что то же, онъ обнимаетъ собою, какъ общее обнимаетъ свои частныя проявленія, всѣ критеріумы существующіе или могущіе быть придуманными. И въ самомъ дѣлѣ, какой бы критеріумъ мы ни взяли или ни придумали — нравственное, прекрасное, полезное, справедливое, — всегда онъ будетъ состоять въ опредѣленіи стремленія къ этому, какъ къ *цѣли*, т. е. всегда будетъ критеріумомъ соотвѣтствія въ его единичномъ проявленіи.

2. Это есть критеріумъ *несомнѣнный* и неоспоримый; потому что ясно, что совершающееся для чего-нибудь заимствуетъ свое достоинство отъ того, достигаетъ ли оно того, для чего совершается.

3. Это есть критеріумъ простой для совершаемаго, и возможно менѣе сложный для существующаго.

Изъ самой сущности критеріума соотвѣтствія вытекаетъ, что при изслѣдованіи отдѣльныхъ сферъ человѣческой дѣятельности и отдѣльныхъ областей его жизни необходимо построеніе отдѣльныхъ критеріумовъ, приложимыхъ къ этимъ отдѣльнымъ областямъ изслѣдуемаго (этого свойства нѣтъ въ критеріумѣ способа). Эти критеріумы будутъ частнымъ выраженіемъ общаго критеріума соотвѣтствія, какъ и самое изслѣдуемое будетъ частнымъ проявленіемъ совершаемаго.

Вотъ общее правило для нахожденія этихъ критеріумовъ и для изслѣдованія съ помощью ихъ: *изслѣдуемое частное подводится опредѣленію, выражающему постоянное понятіе того, чего временное проявленіе составляетъ это изслѣдуемое; затѣмъ изъ этого опредѣленія выводится опредѣленіе цѣли постояннаго черезъ подставленіе вмѣсто имени его — имени цѣли, и черезъ измѣненіе логическаго сказуемаго перваго опредѣленія изъ формы существительной въ форму глагольную. Полученное опредѣленіе цѣли разлагается на свои слагающія понятія, которыя выражаются въ рядѣ опредѣленій; затѣмъ существующее изслѣдуемое разлагается на свои слагающія явленія и факты, выражающіеся такъ же въ рядѣ предложеній, не опредѣляющихъ, но формулирующихъ подлежащее изслѣдованію; полученные члены двухъ рядовъ сравниваются, и если они тожественны, то значитъ изслѣдуемое соотвѣтствуетъ своему назначенію, если разнятся — не соотвѣтствуетъ ему и должно быть измѣнено по указаніямъ членовъ перваго ряда разложенія.* Объяснимъ приложеніе этого правила на слѣдующемъ примѣрѣ. Пусть напр. требуется произвести изслѣдованіе образованія въ данной странѣ въ данное время. Исходнымъ основаніемъ его будетъ опредѣленіе образованія вообще, какъ жизненнаго и историческаго явленія, безъ отношенія его къ данному времени и мѣсту. Выражая собою самую сущность образующаго процесса, это опредѣленіе сложится въ слѣдующую форму. «образованіе есть усовершенствованіе духовной природы человѣка и подготовленіе къ жизни людей, способныхъ понимать ее и правильно относиться къ ней» Оно правильно, потому что сущность образованія дѣйствительно состоитъ въ томъ, чтобы измѣнять улучшая, чтобы преобразовывать что-либо въ высшія и лучшія формы. На нѣкоторыхъ ступеняхъ историческаго и общественнаго развитія становятся недостаточны способности и силы человѣка въ ихъ естественномъ состояніи и естественномъ развитіи, и отсюда является стремленіе *искусственно* увеличить ихъ и искусственно продолжить далѣе ихъ развитіе. Орудіемъ этого улучшенія являются системы обра-

зованія, которыя всѣ, какъ бы онѣ ни видоизмѣнялись, безсознательно или сознательно, правильно или нѣтъ, преслѣдуютъ эту цѣль и вытекаютъ изъ этой причины. Получивъ опредѣленіе образованія выводимъ изъ него, по указанному правилу, опредѣленіе его цѣли: «цѣль образованія есть усовершенствовать духовную природу человѣка и подготовить къ жизни людей, способныхъ понимать ее и правильно относиться къ ней». Разлагаемъ далѣе, по правилу, это опредѣленіе на слагающія понятія и даемъ ихъ опредѣленія: 1) «цѣль» есть нѣчто существующее для себя и для чего существуетъ нѣчто другое, въ самомъ себѣ не имѣющее значенія; 2) «усовершенствованіе» есть улучшеніе природы и свойствъ совершенствуемаго сообразно съ ихъ естественнымъ назначеніемъ; 3) «духовная природа» есть совокупность естественныхъ психическихъ способностей человѣка — разума съ его свойствами: обширностью, глубиною и правильностью, чувства съ его свойствами: живостью, чистотою и силою; и наконецъ воли, какъ способности сохранять свой внутренній міръ отъ неправильныхъ вліяній внѣшняго міра и преобразовывать этотъ послѣдній сообразно съ первымъ и т. д. (анализъ долженъ быть доведенъ до послѣднихъ элементовъ); 4) «способность понимать жизнь» есть способность воспринимать въ себя всѣ формы человѣческаго творчества, изъ которыхъ слагается жизнь, разумѣя одинъ изъ нихъ и чувствуя другія, 5) «правильно относиться къ жизни» — значитъ умѣть оцѣнивать эти воспринимаемыя формы сообразно съ идеаломъ лучшаго, и улучшать ихъ въ твердомъ стремленіи къ этому идеалу. Когда этотъ анализъ доведенъ до конца и выраженъ въ рядѣ истинныхъ опредѣленій, переходимъ къ анализу сложившагося существующаго и разлагаемъ его въ рядъ точно соотвѣтствующихъ дѣйствительности предложеній. Эти предложенія должны выразить всю совокупность *отдѣльныхъ*, неразложимыхъ далѣе, *образующихъ процессовъ*, изъ которыхъ слагается изслѣдуемое образованіе; и совокупность *всѣхъ измѣненій* въ природѣ человѣка, какія производятся этими процес-

сами. Когда получатся такимъ образомъ эти два ряда, простое сравненіе ихъ опредѣлитъ достоинство изслѣдуемаго.

IV. Въ ученіи объ изслѣдованіи, какъ въ первой формѣ познаванія, должна быть дана полная, подробно и отчетливо разработанная, теорія умственныхъ процессовъ и пріемовъ изученія, съ помощью которыхъ опредѣляются достоинства вещей и мнѣній. Воспользоваться же этою теоріей и произвести самое изслѣдованіе обѣихъ областей, сознаваемаго и совершаемаго, возможно только опираясь еще на два ученія — на ученіе о цѣляхъ и средствахъ, и на ученіе о причинномъ сцѣпленіи между явленіями человѣческой жизни. Оба эти ученія относятся къ другой области науки и будутъ разсмотрѣны ниже. Съ помощью ихъ возможно будетъ опредѣлить *достоинство* и самыхъ *цѣлей*, ставимыхъ въ жизни, черезъ опредѣленіе ихъ соотвѣтствія или несоотвѣтствія съ нѣкоторою высшею и общею цѣлью всего совершаемаго человѣкомъ; и *достоинство* употребляемыхъ имъ *средствъ* черезъ опредѣленіе въ нихъ присутствія или отсутствія причинной связи съ цѣлями (соотвѣтствія или несоотвѣтствія цѣлямъ своимъ).

ГЛАВА III.

Ученія о познаваніи и его формы: о мышленіи

I. Ученіе объ изысканіи и его формы: ученіе о мышленіи и ученіе о сочетаніяхъ элементовъ мышленія. II. Мышленіе, какъ движеніе идей; составъ ученія объ идеяхъ. III. Объ идеѣ въ сторонахъ ея существованія; трудность опредѣлить форму существованія идей; ихъ видимое появленіе и исчезновеніе, и постоянство ихъ содержанія и формы; природа идей, и отличіе ея отъ природы разума и реальныхъ предметовъ; свойства идей, преломляемость нѣкоторыхъ изъ нихъ; происхожденіе и назначеніе идей; типы и число ихъ. IV. О раскрытіи идей; форма раскрывающаго процесса; сила движущая раскрытіемъ; законы раскрытія; конечныя формы раскрывающихся идей. V. О разложеніи идей на термины; объ опредѣленіи терминовъ. Понятіе объ опредѣленіи; три рода и девять видовъ опредѣленій; значеніе опредѣленій для науки. VI. Ученіе о сочетаемости и сочетаніяхъ идей. VII. Ученіе о системѣ идей.

I. Ученіе объ изысканіи распадается на три формы на ученіе о мышленіи; на ученіе о комбинаціяхъ элементовъ мышленія, дающихъ въ результатѣ истинное познаніе лежащаго внѣ мышленія; и на ученіе о комбинаціяхъ элементовъ мышленія, дающихъ въ результатѣ истинное разрѣшеніе затрудненій, возникающихъ въ самомъ мышленіи.

Ученіе о мышленіи должно быть положено въ основу общаго ученія о познаваніи; потому что всякое познаваніе состоитъ въ мышленіи, и всякая истина есть результатъ его. Всѣ разнообразные способы изученія, даже тѣ изъ нихъ, которые повидимому сводятся къ одному наблюденію и описанію, при внимательномъ разсмотрѣніи разлагаются на комбинаціи мыслительныхъ процессовъ, послѣдніе всегда *побуждаютъ* къ изученію черезъ постановку вопросовъ, на которые бы это изученіе отвѣчало всегда *направляютъ* изученіе черезъ открытіе способовъ изученія; всегда *выводятъ* изъ этого изученія *заключенія*. Это наи

меньшее, что относится къ чистому мышленію во всякихъ познавательныхъ процессахъ. И если порою эти мыслительные элементы остаются незамѣтными, то это не потому, что ихъ нѣтъ, но потому, что сознаніе человѣка, обращенное въ моменты изученія на внѣшнее, какъ бы теряетъ на время изъ виду происходящее внутри его самого.

II. Самое же ученіе о мышленіи есть ученіе объ идеяхъ; потому что мышленіе есть движеніе идей, какъ въ низшихъ формахъ ихъ — въ представленіяхъ и понятіяхъ, такъ и въ высшихъ — собственно въ идеяхъ. Оно распадается на слѣдующія формы, четверичныя въ ученіи о познаваніи: на ученіе объ идеѣ вообще; на ученіе о жизни идей или о процессѣ ихъ внутренняго раскрытія; на ученіе о сочетаемости идей и о формахъ ихъ сочетаній, и, наконецъ, на ученіе о системѣ идей.

Первое изъ этихъ ученій разсматриваетъ идею какъ предметъ или явленіе безъ всякаго отношенія къ познавательному характеру ея, внѣ всякой цѣли пріобрѣсти какое нибудь знаніе изъ нея или черезъ нее, но только объ ней самой. Она изучается въ этой формѣ науки подобно тому, какъ изучаются предметы и явленія природы въ другихъ формахъ ея. Подчиняясь общему закону всего изучаемаго и идея, становясь предметомъ полнаго пониманія, даетъ начало слѣдующимъ вѣтвямъ его: ученію о существованіи идеи, ученію о сущности идеи, ученію о свойствахъ ея, ученіямъ о ея происхожденіи и назначеніи, ученію о сходствѣ и различіи въ идеяхъ, и ученію о числѣ ихъ.

III. Ученіе *о существованіи идей* должно опредѣлить форму этого существованія. Въ отличіе отъ разума, потенціальная сущность котораго только съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ внѣшнихъ условій переходитъ къ реальному состоянію познанія, идеи имѣютъ всегда реальное существованіе, такъ какъ, во-первыхъ, несомнѣнно, что онѣ существуютъ, а, во-вторыхъ, также несомнѣнно, что онѣ не превращаются ни въ какія другія формы бытія. Относительно

вопросовъ, временно или вѣчно, непрерывно или прерываясь существуютъ онѣ, слѣдуетъ сохранять большую осторожность, съ одной стороны внимательно разсматривая процессы возникновенія идей въ отдѣльныхъ, единичныхъ умахъ, а съ другой — изучая идеи въ исторіи, гдѣ нѣкоторыя изъ нихъ, наиболѣе опредѣленныя, какъ бы живутъ изъ вѣка въ вѣкъ въ своемъ неизмѣнно неподвижномъ состояніи, такъ что всѣ усилія человѣка убить или измѣнить ихъ въ своемъ сознаніи постоянно оставались безплодными. Таковы многія идеи, тяжелыя для сознанія, отъ которыхъ, однако, человѣчество никогда не могло освободиться, — напр. идея, что при господствѣ въ мірѣ добра и зла необходимо признать существованіе двухъ первыхъ и равносильныхъ источниковъ добраго и злого;
7 или идея о несовмѣстимости нравственной свободы и причинной необходимости въ мірѣ; или идея о томъ, что хорошая цѣль оправдываетъ употребленіе дурныхъ средствъ, и многія другія. Таковы же по своей неизмѣнной неподвижности всѣ идеи геометріи. Если въ сознаніи единичныхъ умовъ мы и видимъ ихъ возникающими, то самый характеръ этого возникновенія таковъ, что нельзя, повидимому, не признать ихъ только обнаруживающимися черезъ нѣкоторые предварительные процессы въ сознаніи: до такой степени послѣднее не въ состояніи чего либо прибавить своего къ этимъ идеямъ, и до того тожественъ процессъ ихъ появленія во всѣхъ единичныхъ умахъ, у всѣхъ народовъ и во всѣ времена. Разъ мысль направлена на вопросъ, связанный съ какою либо изъ этихъ идей, въ ней неизмѣнно и необходимо слагается она; и сложившись въ полномъ видѣ неизмѣнно и необходимо, противъ воли сознающаго ее, начинаетъ свою жизнь раскрываясь — всегда въ однѣхъ и тѣхъ же формахъ — въ безчисленныя, но строго опредѣленныя идеи низшихъ порядковъ (слѣдствія).
7 Ничего подобнаго не замѣчается въ процессахъ образованія обыкновенныхъ, единичныхъ знаній, столь разнообразныхъ, измѣнчивыхъ и непостоянныхъ. При образованіи этихъ неизмѣнимыхъ и неуничтожимыхъ

идей разумъ остается какъ бы пассивнымъ: не онъ образуетъ ихъ, но онѣ образуются въ немъ. Его производъ здѣсь ограниченъ. Онъ не можетъ ни уничтожить, ни измѣнить эти идеи, ни воспротивиться ихъ появленію, разъ обратился мысленно къ чему либо съ ними связанному.

И, однако, все-таки эти идеи *проявляются* въ сознаніи. Пусть исчезнутъ всѣ люди и съ ними сознаніе ихъ, гдѣ будутъ идеи эти, обнаруживающіяся въ немъ? Въ исторіи были эпохи, сумрачныя для науки, когда ни у одного человѣка на землѣ не было и не могло остаться въ разумѣ этихъ идей, такъ какъ исчезали самыя представленія о томъ, чего касались онѣ, — спрашивается, гдѣ въ эти эпохи были эти идеи? Пусть при первомъ обращеніи мысли къ вопросамъ, съ ними связаннымъ, эти идеи возникли въ сознаніи во всей своей цѣлости, но между этими моментами своего скрытія и обнаруженія — гдѣ и какъ существовали онѣ? или ихъ существованіе было прерываемо? Хотя, правда, всѣ отношенія геометрическія, напр., существовали даже и тогда, когда люди не подозрѣвали ихъ существованія и не думали о нихъ; а слѣдовательно существовали, внѣ сознанія только, и всѣ истины объ этихъ отношеніяхъ. Это трудные вопросы, требующіе большой тонкости въ анализѣ и большой осторожности въ умозаключеніяхъ.

Въ ученіи *о сущности идеи* слѣдуетъ опредѣлить послѣднюю, не смѣшивая ее ни съ сущностью разума, въ которомъ образуются и пребываютъ онѣ, ни съ сущностью познаваемаго, которое лежитъ внѣ ихъ. Отъ этого познаваемаго идеи отличаются своею нематеріальностью, отъ разума — своею опредѣленностью: въ области сознанія человѣческаго идеи выдѣляются и формируются подобно тому, какъ въ безформенной минеральной массѣ выдѣляются и формируются кристаллы. По своей незамѣстимости, неуничтожаемости, неподвижности и непзмѣняемости въ строеніи идеи представляютъ собою для разума, когда-либо испытавшаго ихъ формированіе въ себѣ, нѣчто въ одно и то же время и идеальное и реальное; идеи — это тѣла, по своей сущности духовныя, по своей замкнутой

опредѣленности ясно *ощутимыя* для наблюдающаго сознанія, въ которомъ онѣ движутся, и въ этомъ движеніи вытѣсняютъ все, что препятствуетъ ихъ развитію. Достаточно припомнить временность, измѣнимость и подвижность чувствъ, чтобы понять, что идеи не представляютъ 7собою только *состоянія* сознанія, но суть нѣкоторыя самостоятельныя существа, пребывающія въ немъ.

Въ ученіи *о свойствахъ идей* должны быть раскрыты: жизненность ихъ, обнаруживающаяся въ развитіи своего внутренняго содержанія; ихъ неподвижность и неизмѣняемость, разъ это развитіе совершилось; ихъ всеобщность; соотвѣтствіе ихъ съ вещами внѣшняго міра; преломляемость нѣкоторыхъ изъ нихъ. Послѣднее, очень загадочное свойство, состоитъ въ томъ, что послѣднія формы, въ которыя раскрывается такая идея, отрицаютъ начало, изъ котораго развились онѣ; что окончательныя истины, логически вытекающія изъ положенія, взятаго за основаніе, пред-7 стаавляютъ собою противоположеніе, отрицающее свое основаніе. Это свойство нѣкоторыхъ идей самоуничтожаться въ своемъ развитіи, какъ бы *преломляясь* на своемъ пути, возвращаясь къ своему началу и уничтожая его, можно, напримѣръ, прослѣдить на идеѣ счастья, какъ идеѣ верховнаго начала человѣческой жизни. Въ своемъ логическомъ развитіи она дастъ три параллельные ряда, изъ которыхъ первый состоитъ въ раскрытіи послѣдовательнаго порядка чистыхъ истинъ, третій — въ указаніи порядка реальныхъ явленій жизни, соотвѣтствующихъ членамъ перваго ряда, а второй соединяетъ оба эти ряда, неся въ себѣ элементы обоихъ ихъ; это — рядъ императивовъ, создаваемыхъ сознаніемъ человѣка и создающихъ явленія жизни, вытекающихъ изъ перваго ряда и объясняющихъ существованіе ряда третьяго. Всѣ эти три ряда въ своемъ послѣдовательномъ развитіи какъ бы преломляются, и ихъ послѣдніе члены отрицаютъ собою первые — порожденное уничтожаетъ породившее: истина, что счастье 7 есть конечная цѣль человѣческой жизни, въ своемъ логическомъ развитіи дастъ истину, что оно не есть эта цѣль;

требованіе, что человѣкъ долженъ стремиться къ нему, заканчивается указаніемъ, что онъ не долженъ думать о немъ; явленіе, что человѣкъ постоянно ищетъ счастья, замѣняется фактомъ, что въ этомъ исканіи онъ находитъ только страданіе.

Въ ученіи *о происхожденіи идей* изслѣдуются процессы обнаруженія однѣхъ изъ нихъ, и происхожденія — другихъ. Здѣсь же изучаются процессы восходящаго и нисходящаго образованія идей; т. е. изъ низшихъ и частныхъ идей происхожденіе идей высшихъ и болѣе общихъ, и обратно — изъ идей высшихъ порядковъ происхожденіе идей порядковъ низшихъ.

Въ ученіи *о назначеніи идей* изучается цѣль ихъ существованія; т. е. изслѣдуется, во-первыхъ, ихъ отношеніе къ существованію внѣшнихъ вещей, во-вторыхъ, ихъ значеніе для познанія и, въ-третьихъ, ихъ роль въ исторіи.

Въ ученіи *о сходствѣ и различіи* идей разсматривается ихъ сходство и различіе внѣшнее и внутреннее. Изучая первое слѣдуетъ опредѣлить точки соприкосновенія и различія между идеями и разумомъ, и между идеями и міромъ реальныхъ вещей. Съ первымъ сходство ихъ состоитъ въ одинаковости состава, а различіе въ неодинаковости формы; со вторыми же онѣ сходятся въ формѣ и различаются въ составѣ. Изучая второе — внутреннее сходство и различіе — слѣдуетъ опредѣлить типы идей, выдѣливъ родственныя изъ нихъ по своему характеру и соединивъ ихъ въ отдѣльныя группы. Здѣсь же должны быть указаны и изучены всесторонне наиболѣе типичныя идеи для каждой изъ такихъ группъ.

Наконецъ въ ученіи *о числѣ идей* слѣдуетъ опредѣлить, существуетъ ли ихъ неограниченное множество, или онѣ числено ограничены.

IV. Ученіе о жизни идей есть ученіе о процессѣ внутренняго самораскрытія идей. Свойственный всѣмъ имъ процессъ этотъ съ особенною ясностью можетъ быть наблюдаемъ на идеяхъ обширнаго и отвлеченнаго значенія: такова — идея добра, идея истиннаго, или даже и болѣе

частныя — идея государства, идея права. Всякая такая идея, если ничто внѣшнее не препятствуетъ ей (если въ разумъ, сознавшій ее, ничто внѣшнее не привходитъ, не разсѣиваетъ и не отвлекаетъ его) раскрывается въ цѣлый міръ исходящихъ идей, съ постепенно утрачивающеюся абстрактностью и увеличивающеюся конкретностью. Весь такой процессъ, медленный и правильный, происходитъ въ идеяхъ по нѣкоторой внутренней необходимости, обусловленной самою природою ихъ, и совершается въ формахъ, предустановленныхъ въ каждой отдѣльной идеѣ. Самое раскрытіе состоитъ въ послѣдовательномъ рядѣ разложеній общаго на частное, въ выдѣленіи изъ идеи отвлеченнаго характера идей характера болѣе конкретнаго; до тѣхъ поръ пока послѣдніе выдѣлившіеся ростки ея не сольются съ представленіями, образующимися въ сознаніи отъ впечатлѣній единичныхъ объектовъ внѣшняго міра.

Всматриваясь внимательно въ этотъ процессъ, мы можемъ различить въ немъ во-первыхъ то, *что раскрывается*, или самую идею; во-вторыхъ то, *какъ раскрывается*, или самый процессъ; въ-третьихъ то, *почему раскрывается*, или причину и законы процесса; и въ-четвертыхъ то, *во что раскрывается*, или конечныя формы его. По этимъ началамъ, входящимъ въ процессъ и образующимъ его, ученіе о жизни идеи распадается на слѣдующія формы, пятеричныя въ ученіи о познаваніи: на ученіе о формахъ раскрывающаго процесса; на ученіе о началѣ или о силѣ, движущей идею въ ея раскрытіи; на ученіе о законахъ раскрытія идей; и, наконецъ, на ученіе о конечныхъ формахъ, въ которыя раскрываются идеи.

Раскрывающій процессъ, какъ уже сказано выше, слагается изъ повторяющихся процессовъ *внутренняго распаденія* идеи высшаго порядка на группу идей порядка низшаго, при чемъ эти низшія идеи являются *заключенными* въ идеѣ высшей; далѣе въ распаденіи, также внутреннемъ, каждой изъ этихъ низшихъ идей опять на группу идей еще болѣе низшихъ, изъ которыхъ каждая снова и снова внутренно распадается — до тѣхъ поръ, пока послѣднія идеи

не станутъ однозначущими съ представленіями о предметахъ и явленіяхъ внѣшняго реальнаго міра. Такимъ образомъ единичныя вещи, изъ которыхъ состоитъ космосъ, являются внутреннимъ содержаніемъ самыхъ низшихъ формъ идей, какъ бы реальнымъ ядромъ заключеннымъ въ идеальной оболочкѣ; нѣсколько такихъ низшихъ идей и съ ними реальныхъ предметовъ внутренно входитъ въ идею слѣдующаго высшаго порядка; нѣсколько идей этого порядка входятъ въ идею порядка еще болѣе высшаго и т. д. до идеи высшей, какая можетъ быть мыслима — до идеи всего сущаго. Поэтому процессъ этотъ представляется различно съ двухъ противоположныхъ концовъ своихъ. если перенестись мысленно къ высшей, начальной точкѣ его, то онъ представится процессомъ постепеннаго высвобожденія міра реальнаго изъ міра идей, исходящаго изъ одной высшей идеи; а если стать мысленно у его низшей, конечной ступени, то онъ представится стремленіемъ міра реальнаго возвыситься, черезъ посредствующій міръ восходящихъ идей, до нѣкоторой одной и высшей идеи. Какъ на примѣры подобныхъ процессовъ раскрытія можно указать на идею добра, внутренно распадающуюся на идею нравственнаго, прекраснаго, полезнаго и т. д.; или на идею пониманія, внутреннее самораскрытіе которой излагается въ настоящемъ ученіи о строеніи науки.

Сила, движущая процессъ раскрытія, или, что то же, его причина, можетъ лежать или въ источникѣ, изъ котораго исходитъ движеніе, т. е. въ высшей идеѣ; или въ томъ, что движетъ къ себѣ процессъ, т. е. въ мірѣ реальномъ; или въ самыхъ формахъ, черезъ которыя движется процессъ. Въ строеніи этихъ формъ можетъ лежать нѣчто, что дѣлаетъ какъ бы неустойчивою каждую изъ нихъ, и заставляетъ ее немедленно послѣ образованія разлагаться въ новыя низшія формы.

Законы этого процесса суть постоянныя и необходимыя соотношенія между элементами, изъ которыхъ слагается онъ. Они могутъ относиться, во-первыхъ, къ содержимому отдѣльныхъ его формъ, и, во-вторыхъ, къ самымъ формамъ

его; и далѣе обнимать соотношенія смежныхъ элементовъ, и элемента высшаго съ низшими.

Ученіе о конечныхъ формахъ, въ которыя раскрывается процессъ, должно изучить соотношеніе и зависимость между низшими идеями, получающимися въ результатѣ всего раскрытія, между однозначущими съ ними представленіями отъ предметовъ внѣшняго міра, и между самыми вещами реальными.

V. Какъ въ составной части общаго ученія объ изысканіи, здѣсь должны быть даны руководящія правила для раскрытія всякой данной идеи, или, что то же, должна быть построена теорія анализа идей. Этотъ анализъ сводится къ двумъ процессамъ: 1) къ *опредѣленію* идей и 2) къ *разложенію* опредѣленій. Въ чередующейся смѣнѣ этихъ процессовъ первое и высшее мѣсто занимаетъ опредѣленіе разлагаемой идеи; затѣмъ слѣдуетъ разложеніе этого перваго опредѣленія на составныя понятія его, образующія собою первый рядъ терминовъ; каждый изъ этихъ терминовъ снова подвергается опредѣленію; каждое изъ этихъ послѣднихъ опредѣленій подвергается новому разложенію, и т. д. до конца. Такъ какъ процессъ анализа начинается съ опредѣленія, и такъ какъ опредѣленіе и разложеніе чередуются въ этомъ процессѣ, то послѣднимъ звеномъ его необходимо будетъ рядъ терминовъ, а не опредѣленій, и весь анализъ заканчивается тогда, когда полученный рядъ терминовъ станетъ однозначущимъ съ именами реальныхъ предметовъ или явленій. Напр. идея счастья, какъ идея верховнаго начала человѣческой жизни, разлагается въ своемъ опредѣленіи на термины: «цѣль», «жизнь» и «счастье», изъ которыхъ каждый можетъ быть выраженъ въ новомъ опредѣленіи, а каждое изъ этихъ новыхъ опредѣленій снова можетъ быть разложено на свои термины, и т. д. до единичныхъ явленій жизни личной и общественной.

Самое разложеніе опредѣленій должно быть таково, чтобы въ получаемыхъ терминахъ не заключалось ничего, чего бы не было въ разложенномъ, и чтобы въ разлагаемомъ не оставалось ничего, что не вошло бы въ термины.

Такимъ образомъ совокупность терминовъ должна вполнѣ соотвѣтствовать опредѣленію, и ихъ рядъ долженъ получаться путемъ простого отнятія связи въ немъ.

Далѣе, здѣсь же должна быть дана теорія опредѣленія, этихъ важныхъ элементовъ науки, въ значительной степени служащихъ и цѣлью изученія, и исходной точкой его, и его орудіемъ. И въ самомъ дѣлѣ, всякое изученіе должно начинаться съ опредѣленія изучаемаго, еще правда несовершеннаго; потому что прежде чѣмъ приступить къ изученію чего-либо, нужно ясно и отчетливо сознать, что именно подлежитъ изученію, т. е. выдѣлить предметъ его изъ ряда всѣхъ другихъ предметовъ. Далѣе, въ своемъ совершенномъ видѣ опредѣленіе есть въ значительной степени послѣдняя цѣль науки; такъ какъ найти истинное и полное опредѣленіе изучаемаго нерѣдко значитъ истинно и вполнѣ понять его. Наконецъ, оно служитъ и орудіемъ изслѣдованія; потому что всегда проводитъ ясную границу между извѣстнымъ (поддающимся опредѣленію) и неизвѣстнымъ (неподдающимся ему), и будучи способно давать изъ себя слѣдствія, служитъ источникомъ плодотворныхъ выводовъ.

Опредѣлить что-либо значитъ выдѣлить въ нашемъ сознаніи понятіе о немъ изъ ряда всѣхъ другихъ понятій. Это дѣлается черезъ указаніе на признакъ, постоянный въ опредѣляемомъ и исключительно принадлежащій ему. Поэтому опредѣленіе есть предложеніе, логическое подлежащее котораго есть имя опредѣляемаго предмета, а логическое сказуемое — имя его постояннаго и исключительнаго признака; гдѣ подъ предметомъ и признакомъ разумѣется вообще все могущее опредѣлиться и опредѣлять [1]).

[1]) Но не указаніе *рода* и *вида*, къ которому принадлежитъ опредѣляемое, какъ это утверждаютъ. И въ самомъ дѣлѣ, названіе вида всегда есть собственно указаніе видоваго признака, т. е. именно постояннаго въ опредѣляемомъ и исключительнаго въ немъ; названіе же рода не имѣетъ значенія, что видно изъ того, что оно измѣняется (напр. „человѣкъ есть *животное* разумное», «человѣкъ есть *существо* разумное» и т. д.). Фактъ же, что въ опредѣленіи всегда есть то, что иногда бываетъ именемъ рода, объясняется просто грамматическою необходимостью: имя постояннаго и исключительнаго признака всегда выражается въ имени прилагатель

Опредѣленій есть три рода и девять видовъ, по тремъ началамъ опредѣляемымъ и по тремъ началамъ опредѣляющимъ, или, что то же, по тремъ формамъ логическихъ подлежащихъ и по тремъ формамъ логическихъ сказуемыхъ въ предложеніяхъ, выражающихъ собою опредѣленія: I — а) *субстантивно-субстанціальныя*, гдѣ подлежащее есть имя предмета, а сказуемое содержитъ въ себѣ раскрытіе его природы (сущности), напр. «окружность есть замкнутая кривая, всѣ точки которой находятся на равномъ разстояніи отъ нѣкоторой точки, находящейся внутри ея и называемой центромъ»; I — в) *субстантивно-аттрибутивныя*, гдѣ подлежащее есть имя предмета, а сказуемое есть имя его постояннаго и исключительнаго свойства (аттрибута), напр. «человѣкъ есть существо ограниченно разумное и ограниченно нравственное»; I — с) *субстантивно-релятивныя*, гдѣ подлежащее есть имя предмета, а сказуемое есть указаніе его постояннаго и исключительнаго отношенія къ чему-либо, напр. «солнце есть тѣло, вокругъ котораго движется земной шаръ по эллипсису»; II — а) *аттрибутивно-субстанціальныя*, гдѣ подлежащее есть имя свойства, а сказуемое содержитъ раскрытіе его сущности, напр «цвѣтность есть способность поглощать въ себѣ одни изъ составныхъ лучей свѣта и отражать отъ себя другіе»; II — в) *аттрибутивно-аттрибутивныя*, гдѣ подлежащее есть имя свойства, а сказуемое есть имя его постояннаго и исключительнаго признака, напр. «теплота есть нѣчто расширяющее тѣла» или «параллельность линій есть свойство препятствующее имъ встрѣчаться при продолженіи»; II — с) *аттрибутивно-релятивныя*, гдѣ подлежащее есть имя свойства, а сказуемое есть имя его постояннаго отношенія къ чему-либо, напр. «теплота есть нѣчто появляющееся въ тѣлахъ при ихъ горѣніи, и испу-

номъ, которое должно быть отнесено къ чему-нибудь, въ опредѣленіи этою грамматическою опорою, не имѣющею дѣйствительнаго значенія, и служитъ такъ называемое имя рода, — что видно изъ того, что его можно совершенно выпустить замѣнивъ мѣстоименіемъ *нѣчто*: «человѣкъ есть нѣчто разумное и нравственное».

сказемое имя»; III — а) *релятивно-субстанціальныя*, гдѣ подлежащее есть имя отношенія, а сказуемое содержитъ раскрытіе его сущности, напр. «причинность есть производимость»; III — в) *релятивно-аттрибутивныя*, гдѣ подлежащее есть имя отношенія, а сказуемое есть имя его постояннаго свойства, напр. «причинность есть такое соотношеніе между предметами и явленіями, при которомъ существованіе, измѣненіе и исчезновеніе одного изъ нихъ всегда ведетъ за собою существованіе, измѣненіе и уничтоженіе другого»; III — с) *релятивно-релятивныя*, гдѣ подлежащее есть имя отношенія, и сказуемое есть имя его постояннаго и необходимаго соотношенія съ чѣмъ нибудь, напр. «сходство и различіе есть такое соотношеніе между предметами и явленіями, по которымъ мы распредѣляемъ ихъ въ группы».

Изъ этихъ девяти видовъ опредѣленій релятивныя (тѣ, въ которыхъ *сказуемое* есть имя отношенія) обыкновенно служатъ исходною точкою изученія. Они не способны давать изъ себя никакихъ выводовъ, и ничего совершенно не говорятъ о предметѣ, подлежащемъ изученію, но только отмѣчаютъ его, указываютъ. Такъ изученіе электричества началось съ выдѣляющаго опредѣленія «электричество есть особенное свойство, замѣчаемое въ янтарѣ при его треніи», изученіе свѣта съ опредѣленія: «свѣтъ есть то, что вмѣстѣ съ теплотою исходитъ изъ солнца и позволяетъ намъ видѣть предметы» и пр. Аттрибутивныя опредѣленія (въ которыхъ сказуемое есть имя признака) заключаютъ въ себѣ уже нѣкоторое опредѣленное знаніе о предметѣ, и появляются во все время изученія отъ его начала и до окончанія, они уже способны давать изъ себя нѣкоторые выводы. Субстантивныя опредѣленія служатъ цѣлью и вѣнцомъ изученія. Раскрывая сущность изучаемаго, они содержатъ уже въ себѣ не знаніе только его, но и пониманіе. Выводы, которые способны они давать изъ себя, имѣютъ и обратное значеніе, т. е. могутъ объяснять ранѣе узнанное: и прямое, т. е. могутъ открывать новыя знанія. Это различное значеніе опредѣленій, въ связи съ ролью

ихъ въ развитіи знанія, позволяетъ въ нѣкоторомъ смыслѣ опредѣлить всю науку, какъ послѣдовательный переходъ разума человѣческаго отъ релятивныхъ опредѣленій, въ которыхъ только сознается познаваемое, къ опредѣленіямъ субстантивнымъ, въ которыхъ оно понимается.

При раскрытіи идей термины послѣднихъ должны выражаться всегда въ опредѣленіяхъ субстантивныхъ, потому что только эти послѣднія захватываютъ сущность опредѣляемаго, которая не должна ускользать изъ раскрывающаго процесса на всемъ протяженіи его.

VI. Ученіе *о сочетаемости и сочетаніяхъ идей* есть ученіе о соединеніи идей независимаго происхожденія въ одно цѣлое, и объ истинахъ, которыя являются результатомъ этихъ сочетаній и не содержатся прямо ни въ одной изъ сочетаемыхъ идей. Здѣсь изучается всесторонне сущность и причина какъ сочетаемости однѣхъ идей, такъ и несочетаемости (несоединимости) другихъ, и подвергаются специальному изслѣдованію всѣ формы возможныхъ сочетаній, или, что то же, формы мышленія.

Два ученія — о раскрытіи идей и о сочетаніяхъ идей — исчерпываютъ собою общіе процессы познаванія, и внѣ ихъ нѣтъ путей для отысканія истины. Ученія о комбинаціяхъ элементовъ мышленія, о которыхъ было упомянуто выше и будетъ подробнѣе сказано потомъ, суть только частныя примѣненія къ двумъ различнымъ объектамъ — сознанію и лежащему внѣ его — тѣхъ общихъ формъ познаванія, которыя излагаются въ ученіяхъ о раскрытіи и о сочетаніяхъ идей.

VII. Ученіе *о системѣ идей* должно распредѣлить все познаваемое разумомъ предварительно въ нѣсколько идей не столь общаго характера, и потому безъ труда опредѣлимыхъ; а затѣмъ, путемъ внимательнаго изученія этихъ идей — найти одну, которая обнимала бы ихъ всѣ, какъ цѣлое обнимаетъ свои части. Затѣмъ, ясно сознавъ эту идею, слѣдуетъ дать ей свободно раскрыться во всемъ своемъ содержаніи. Эта идея со своимъ раскрывшимся

содержаніемъ явится въ формѣ цѣлаго міра идей, изученіе котораго и есть задача разсматриваемой формы науки.

Эта система должна быть всесторонне понята какъ въ своемъ цѣломъ, т. е. въ томъ, что относится до ея строенія и расположенія; такъ и въ своихъ частяхъ. Отдѣльныя идеи, ее составляющія, должны быть подвергнуты тщательному и подробному спеціальному изученію въ своей формѣ и содержаніи, въ своихъ свойствахъ, происхожденіи, назначеніи и отличіи отъ другихъ идей.

ГЛАВА IV.

Ученіе о познаваніи и его формы: о методахъ.

I. Ученіе объ изысканіи черезъ методы и его составъ: о способахъ познавать лежащее внѣ мышленія; и о способахъ разрѣшать затрудненія, возникающія въ мышленіи. Семь основныхъ методовъ перваго. — II. Методы познавать и доказывать существованіе; двойственная задача ихъ: открытіе существованія и опредѣленіе его формы; три рода способовъ открывать существованіе; какъ могутъ быть найдены способы опредѣлять форму существованія. — III. Методы познавать и доказывать природу существующаго; тройкая задача этихъ методовъ; ихъ важное значеніе для науки; общій характеръ и строеніе ихъ. — IV. Методы познавать и доказывать свойства; что дается познанію этими методами; три рода этихъ методовъ: открытія и объясненія, пониманія и открытія, и объясненія сочетаній изъ свойствъ. — V. Методы познавать и доказывать причины. Необходимость внимательно разсмотрѣть ихъ происхожденіе, какъ единственно открытыхъ въ наукѣ. Существуетъ ли антагонизмъ между логикой Аристотеля и логикой Бэкона. Различіе ихъ задачъ и взаимная необходимость ихъ другъ для друга. Логика Аристотеля, какъ ученіе о сочетаемости идей, разсмотрѣнной по шестой схемѣ разума; логика Бэкона, какъ ученіе о комбинаціяхъ элементовъ мышленія, дающихъ въ результатѣ истинное познаніе четвертой стороны бытія. Описательный характеръ первой и дедуктивное происхожденіе второй. Изслѣдованіе иного закона о всеобщей связи причины со слѣдствіемъ; различіе происхожденія этого закона отъ происхожденія математическихъ аксіомъ; его гипотетичность; онъ не необходимъ для индуктивной теоріи. Опредѣленіе причинности, какъ истинное основаніе индукціи. Изслѣдованіе опредѣленія ея, какъ постояннаго и неизмѣннаго преемства; оно не исчерпываетъ всѣхъ явленій причинности; оно указываетъ на признакъ причинности, но не на природу ея; его безплодность обнаруживается въ исторіи его усовершенствованія, показывающей, что причинность распознается не по признаку, содержащемуся въ опредѣленіи. Правильное опредѣленіе причинности. Дедуктивный выводъ изъ этого опредѣленія трехъ основныхъ правилъ индуктивной теоріи. Пріемы индуктивнаго изслѣдованія природы, какъ распознаванія причинъ по признакамъ, содержащимся въ опредѣленіи причинности. — VI. Методы познавать и доказывать цѣли; на чемъ основана возможность этого познанія; элементы въ существующемъ, черезъ изученіе которыхъ открываются неосуществленныя цѣли его. — VII. Методы познавать и доказывать сходства и различія. Четыре момента сравниванія: наблюденіе существующаго, описаніе наблюдаемаго, сравненіе описаннаго, умозаключенія изъ сравненія. Недостатки органовъ чувствъ, затрудняющіе правильность наблюденія, недостатки языка, затрудняющіе правильность описанія. Ошибки субъективныя и объективныя. Сущность процесса сравненія. — VIII. Ме-

тоды познавать количества. — IX. Ученіе о комбинаціяхъ элементовъ мышленія, дающихъ въ результатѣ разрѣшеніе затрудненій, возникающихъ въ мышленіи, и его формы: общая теорія разрѣшенія сомнѣній, и общая теорія разрѣшенія вопросовъ. Важность и возможность этихъ теорій; затрудненія въ нихъ. Общее ученіе о сомнѣніи; пути для выхода изъ него. Общее правило для разрѣшенія вопросовъ. — X. Ученіе о методѣ открывать методы. Какъ можетъ быть найденъ онъ и какъ слѣдуетъ руководиться имъ.

I. Мышленіе, разсмотрѣнное какъ элементъ, должно быть разсмотрѣно затѣмъ въ разнообразныхъ видоизмѣненіяхъ и примѣненіяхъ, которымъ оно подвергается при сложныхъ изученіяхъ. Выполненіе этой задачи образуетъ собою третью форму ученія о познаваніи — *Ученіе о методахъ*. Какъ уже сказано было, оно распадается на двѣ вѣтви по двумъ объектамъ своимъ: вещамъ внѣшняго міра, которыя познаются; и затрудненіямъ въ мышленіи, которыя разрѣшаются.

Изъ нихъ первое — *ученіе о комбинаціяхъ элементовъ мышленія, дающихъ въ результатѣ истинное познаніе лежащаго въ мышленіи* — опредѣляетъ, съ помощью какихъ мыслительныхъ процессовъ, и какъ расположенныхъ, образуется въ разумѣ полное и правильное пониманіе объектовъ внѣшняго міра. Согласно съ природою пониманія, слагающееся изъ семи идей, соотвѣтствующихъ семи сторонамъ существующаго, и методы изученія этого послѣдняго сводятся къ слѣдующимъ: 1) къ способамъ опредѣлять существованіе, 2) къ способамъ познавать сущность пребывающаго, 3) къ способамъ изучать свойства его, 4) къ способамъ находить его причину, 5) къ способамъ открывать его цѣль (или слѣдствіе), 6) къ способамъ изучать сходства и различія, и 7) къ способамъ познавать числа или вообще количественную сторону въ существующемъ. Остановимся на каждомъ изъ этихъ методовъ, и опредѣлимъ точнѣе задачи ихъ.

II. Въ ученіи *о способахъ познавать и доказывать существованіе* предметовъ и явленій должны быть найдены руководящіе методы, съ помощью которыхъ возможно было бы во-первыхъ открывать существованіе, и во-вторыхъ опредѣлять его форму. Если принять во вниманіе, что

познаніе чего бы то ни было не можетъ начаться ранѣе убѣжденія въ его существованіи, и что только самая ограниченная область существующаго открывается намъ въ непосредственномъ ощущеніи — именно одно осуществившееся, и въ немъ только одно вещественное, — то мы поймемъ, какъ велико значеніе этихъ методовъ и какъ обширна область ихъ приложенія. Методовъ *открытія существованія* три рода: во-первыхъ, методы различенія объективнаго (лежащаго внѣ познающаго начала) отъ субъективнаго (лежащаго въ познающемъ началѣ). Эти методы важны потому, что многіе предметы и явленія, существующіе только въ духѣ человѣка, представляются послѣднему лежащими внѣ его, - что производитъ различныя фантомы, обманы чувствъ и пр. (сюда относятся субъективные звуки, субъективное ощущеніе свѣта, субъективные образы и быть можетъ еще многія другія явленія). Здѣсь должна быть всесторонне изучена сущность этихъ субъективныхъ явленій въ ихъ формѣ существованія, — случайно ли оно и только временно вызывается, или же постоянно, но только остается скрытымъ; въ ихъ природѣ и признакахъ — что именно такое они, и каковы бываютъ; въ ихъ происхожденіи и назначеніи — откуда и какъ они возникаютъ, и какой смыслъ имѣетъ ихъ появленіе; и, наконецъ, въ ихъ отношеніяхъ къ объективному сходственномъ, причинномъ и цѣлесообразномъ. Когда такимъ образомъ будетъ понята эта сущность субъективнаго, кажущагося существующимъ, тогда могутъ быть найдены и опредѣлены способы отличать его отъ объективнаго, которое дѣйствительно существуетъ. Во-вторыхъ методы чувственнаго усмотрѣнія; т. е. такого, въ которомъ процессъ, оканчивающійся сознаніемъ существованія, начинается съ чувственнаго впечатлѣнія, и гдѣ эти два элемента — начальный и конечный — связываются непосредственно однимъ умственнымъ процессомъ, состоящимъ въ слѣдующемъ теоретическомъ умозаключеніи: «всякое измѣненіе имѣетъ свою причину; въ состояніи моихъ органовъ чувствъ произошло нѣкоторое измѣненіе; слѣ-

довательно существуетъ нѣкоторая причина, произведшая это измѣненіе». Въ-третьихъ методы умственнаго усмотрѣнія, т. е. такого, въ которомъ существованіе чего-либо открывается путемъ сложнаго умозрѣнія, начинающагося чувственными впечатлѣніями, непосредственно не связанными съ открываемымъ. Эти послѣдніе способы сводятся къ признанію существованія неизвѣстной причины, когда въ изученномъ, разложенномъ на причины и слѣдствія, обнаруживается избытокъ слѣдствій надъ причинами; или, что то же, когда въ изученномъ есть нѣчто, что не можетъ быть отнесено, какъ къ своей причинѣ, ни къ чему изъ извѣстнаго. Методовъ *опредѣленія формъ существованія* столько же, сколько существуетъ въ природѣ этихъ формъ. Будутъ ли эти способы состоять въ наблюденіи опытѣ или умозрѣніи — найдены они могутъ быть только съ помощью умозрѣнія; именно черезъ внимательное изученіе рядовъ слѣдствій, вытекающихъ изъ логическихъ опредѣленій формъ существованія.

III. Ученіе *о способахъ познавать и доказывать природу вещей и явленій* должно указать руководящіе методы для открытія и опредѣленія во-первыхъ той сущности, изъ которой состоитъ изучаемое; во-вторыхъ — внутренняго строенія существующаго, или — что то же — расположенія въ немъ этой сущности; и въ-третьихъ, наконецъ, скрытаго процесса въ происходящемъ. Съ помощью первыхъ методовъ, познается, напр., вещественна или идеальна природа изучаемаго; съ помощью вторыхъ методовъ раскрывается внутреннее расположеніе въ предметахъ ихъ сущности, уже опредѣленной напр. каково строеніе изучаемой идеи, или какъ размѣщены вещественныя частицы въ томъ или другомъ газѣ, жидкости или твердомъ тѣлѣ; съ помощью третьихъ методовъ обнаруживается внутренній процессъ, совершающійся въ явленіяхъ, напр. что именно происходитъ въ тѣлахъ при переходѣ ихъ изъ одного состоянія, положимъ жидкаго, въ другое состояніе, положимъ газообразное, или при ихъ намагничиваніи, электризованіи и пр.; или что совершается въ съ-

мени въ моменты его прорастанія, или въ исторіи въ эпохи разложенія народностей, или въ чувствѣ во время ощущенія радости. Эти методы суть важнѣйшіе изъ всѣхъ, которыми пользуется познаваніе; потому что съ помощью ихъ открывается важнѣйшее въ существующемъ и совершающемся — та основная сторона бытія, которая въ значительной степени носитъ въ себѣ объясненіе остальныхъ сторонъ его. Поэтому пока не будутъ найдены они и не будетъ построена теорія пользованія ими — существующее и совершающееся не можетъ быть понято; а съ тѣмъ вмѣстѣ ни наука не можетъ быть образована, ни разумъ — удовлетворенъ. Вообще говоря, самые способы эти должны *опираться* на нисходящее умозрѣніе, въ основу котораго должны быть положены аксіомы разума о природѣ вещей и явленій; *состоять* въ опытѣ, здѣсь необходимо посредствующемъ, такъ какъ природа вещей и явленій прямо недоступна органамъ чувствъ; и *оканчиваться* восходящимъ умозрѣніемъ, заключающимъ отъ наблюдаемаго наружнаго къ скрытому внутреннему. Такъ способъ опредѣлять строеніе единичныхъ вещей необходимо долженъ исходить изъ правильнаго пониманія того, что такое строеніе вообще: и далѣе, черезъ опытное изученіе всего наружнаго въ познаваемыхъ вещахъ, восходить путемъ умозаключенія къ опредѣленію искомаго внутренняго строенія ихъ.

IV. Ученіе *о способахъ познавать и доказывать свойства* предметовъ и явленій. Если безъ предъидущихъ методовъ невозможно достигнуть пониманія существеннаго въ космосѣ, то безъ методовъ, о которыхъ будетъ говориться здѣсь, невозможно найти объясненіе всѣхъ безконечно дробящихся и видоизмѣняющихся явленій въ немъ. Первые даютъ познаніе бытія въ его скрытой основѣ, вторые — познаніе бытія въ его видимомъ проявленіи. Посредствомъ первыхъ міръ понимается въ своемъ цѣломъ, посредствомъ вторыхъ онъ объясняется въ своихъ подробностяхъ.

Этихъ методовъ познаванія свойственъ три, изъ нихъ

два основные и одинъ производный отъ нихъ: 1) методы открытія и объясненія свойствъ, 2) методы пониманія и открытія свойствъ, 3) методы объясненія комбинацій изъ свойствъ. Ихъ различіе основывается на различіи въ порядкѣ чередованія опыта и умозрѣнія съ одной стороны, и познанія свойствъ и природы — съ другой. Посредствомъ первыхъ методовъ усмотрѣнное въ предметахъ и явленіяхъ черезъ ощущеніе — объясняется теоретически черезъ умственное разсмотрѣніе природы того, чему принадлежитъ оно; напр. наблюдаемыя свойства теплоты и свѣта объясняются черезъ построеніе теорій о природѣ свѣта и теплоты. Посредствомъ вторыхъ черезъ разсмотрѣніе природы чего-либо теоретически выводятся свойства, которыми должна обладать эта природа, и затѣмъ они отыскиваются въ данномъ изучаемомъ черезъ наблюденіе и опытъ; такъ напр. понявъ природу свѣта и теплоты разумъ сперва предсказываетъ и затѣмъ опытъ открываетъ многія свѣтовыя и тепловыя явленія, дотолѣ оставшіяся незамѣченными; или такимъ же путемъ въ геометріи черезъ разсмотрѣніе природы линій и фигуръ выводятся ихъ многочисленныя свойства, которыя путемъ прямого наблюденія никогда бы не могли быть открыты, и изъ которыхъ только нѣкоторыя обнаруживаются въ мірѣ знакомыхъ намъ реальныхъ явленій. Посредствомъ третьихъ методовъ объясняются сложныя явленія природы, представляющія собою результатъ взаимнодѣйствія нѣсколькихъ свойствъ, порознь открытыхъ и изученныхъ ранѣе. Сюда относится значительнѣйшая часть явленій природы, которыя вообще рѣдко служатъ проявленіемъ одного чего-либо. Изучая эти сложныя явленія слѣдуетъ прежде всего разлагать ихъ на простые элементы, изъ которыхъ они слагаются; затѣмъ — путемъ искусственнаго опыта — разсматривать, что происходитъ отъ соединенія этихъ элементовъ по два, по три и т. д.; и, наконецъ, достигнувъ этимъ путемъ знанія всѣхъ сочетаній элементарныхъ свойствъ и того, что производится этими сочетаніями — приложить его къ объясненію сложнаго наблюдаемаго въ природѣ.

V. Ученіе *о способахъ познавать и доказывать причины* есть единственная теорія методовъ познанія объектовъ, уже установленная; и вмѣстѣ съ ученіемъ о сочетаемости и сочетаніяхъ идей она исчерпываетъ почти все, открытое въ области ученія о познаваніи. Поэтому внимательное разсмотрѣніе происхожденія этой теоріи можетъ пролить нѣкоторый свѣтъ, хоть на первыхъ шагахъ помогающій различить, что необходимо сдѣлать для открытія недостающихъ методовъ познанія объектовъ.

Прежде всего — между теоріей о сочетаемости и сочетаніяхъ идей (логика Аристотеля) и между теоріей познаванія причинъ (логика Бэкона) нѣтъ исключающаго противорѣчія, которое представлялось и Бэкону, и продолжаетъ нерѣдко представляться его послѣдователямъ. Эти два ученія имѣютъ каждое свою область и каждое свою цѣль. Такъ что достигнуть того, чего достигаетъ одно изъ нихъ, правда невозможно съ помощью другаго; но не по безсилію котораго-либо изъ нихъ, но только по различію. Не потому не даетъ теорія силлогизмовъ познанія природы, физической и нравственной, что она безсильна дать его, но потому, что она и не имѣетъ этого своей цѣлью; не потому индукція не даетъ возможности строить правильныя умозрѣнія, что не въ силахъ дать его, но потому, что предметъ ея совершенно другой. Каждая изъ этихъ теорій выполняетъ свое особенное назначеніе, и то, что достижимое съ помощью одной не достигается съ помощью другой, доказываетъ не безполезность которой-либо изъ нихъ, но напротивъ именно служитъ подтвержденіемъ необходимости и важности ихъ обоихъ.

Первая изо этихъ двухъ теорій (логика Аристотеля) есть именно то, что мы назвали выше ученіемъ о сочетаемости и сочетаніяхъ идей, хотя это ученіе и не исчерпывается вполнѣ этою теоріей; именно ученія о сочетаемости идей въ ней почти совершенно недостаетъ. Описаны только формы сочетаній, или, что то же, изучена сочетаемость по шестой схемѣ разума — сходства и различія; но самое явленіе сочетаемости однихъ идей и не-

сочетаемости другихъ не понято ни въ своей сущности, ни въ своемъ происхожденіи, ни въ другихъ сторонахъ своего бытія.

Вторая теорія (логика Бэкона) есть ученіе объ одной изъ комбинацій элементовъ мышленія, дающихъ въ результатѣ истинное познаніе объектовъ, именно познаніе четвертой стороны бытія — его причинности. Такимъ образомъ то, что въ первой теоріи описывается какъ элементъ, во второй содержится, какъ сочетаніе элементовъ; откуда ясно, что ни вторая безъ первой не могла бы существовать, ни первая не уничтожаетъ значеніе и важность второй.

И дѣйствительно, если какой бы то ни было процессъ индуктивнаго изученія мы разложимъ на его простѣйшіе, неразложимые далѣе элементы, то мы увидимъ въ немъ то, что уже описано въ «Органонѣ» Аристотеля: тѣ же простыя умозаключенія, которыя сами по себѣ въ своей отдѣльности, такъ долго оставались безплодными. Эти формы умозаключенія — элементы всякаго познаванія, входящія и имѣющія войти во все, что когда-либо совершалось и будетъ совершаться въ области умственнаго творчества человѣка. Но это только элементы познаванія, и потому самаго познанія они дать не могутъ; подобно тому какъ первые элементы вещества не создаютъ еще организма, хотя онъ и состоитъ изъ нихъ. Для того чтобы возможно было достигнуть познанія, правда, необходимо взять эти элементы мышленія; но взявъ нужно еще придать имъ то, чего въ нихъ не содержится и на что въ нихъ нѣтъ даже указанія — именно опредѣленное цѣлесообразное строеніе; хотя самый процессъ приведенія взятыхъ элементовъ въ цѣлесообразную систему также можетъ совершиться только при помощи этихъ элементовъ. Такимъ образомъ они суть то, *изъ чего* состоитъ система и *съ помощью чего* построяется она; цѣль же, для которой она строится, планъ построенія и строющее начало уже не есть этотъ элементъ мышленія.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію этихъ двухъ теорій

Такъ какъ изъ нихъ состоитъ почти всецѣло наука логики, то опредѣленіе ихъ происхожденія не только прольетъ свѣтъ на способы нахожденія методовъ вообще; но и разрѣшитъ также нѣкоторые вопросы, частію невѣрно разрѣшаемые, частію еще совсѣмъ непоставленные. Къ первымъ относится вопросъ о взаимномъ отношеніи и обусловленности двухъ методовъ, кажущійся антагонизмъ между которыми такъ долго мѣшалъ послѣдователямъ каждаго изъ нихъ по справедливости оцѣнить другой, ко вторымъ — интересный вопросъ о томъ, къ какимъ наукамъ слѣдуетъ отнести самую логику, классифицирующую всѣ другія науки по способамъ ихъ происхожденія на описательныя, дедуктивныя и индуктивныя, или, что то же, вопросъ о томъ, съ помощью какихъ методовъ было образовано ученіе о самыхъ методахъ?

Что касается до логики Аристотеля, содержащей въ себѣ ученіе о типахъ умозаключенія или о формахъ мышленія, то по происхожденію своему она должна быть отнесена къ наукамъ чисто *описательнымъ*. И въ самомъ дѣлѣ, по своему содержанію это есть система схемъ первичнаго мышленія, опредѣленіе тѣхъ формъ, въ которыхъ совершается движеніе разума, если отнять въ послѣднемъ то, что составляетъ содержаніе его, и что составляетъ конкретную цѣль самаго движенія. Какъ получилась эта схема? Чрезъ выдѣленіе изъ *наблюденія* мышленія всего, что не есть мышленіе, (т. е. мыслимыхъ объектовъ); въ *сравненіи* оставшагося между собою по сходству и различію; въ уничтоженіи всего повторяющагося сходнаго; и затѣмъ, наконецъ, въ точномъ *описаніи* всего полученнаго путемъ этого процесса. Такимъ образомъ наблюденіе конкретнаго, выдѣленіе и классификація въ немъ однороднаго и описаніе полученнаго — вотъ пріемы, съ помощью которыхъ образовано было ученіе о формахъ мышленія, и которые мы находимъ во всѣхъ описательныхъ наукахъ напр. въ ботаникѣ и зоологіи прежняго времени. Ни одна нитка, содержащаяся въ этомъ отдѣлѣ логики, не получена путемъ *умозаключенія*. — разумѣется если не причислять

сюда немногихъ элементарныхъ умозаключеній, неизбѣжныхъ и въ самомъ простомъ описаніи, но не образующихъ изъ себя ни дедуктивнаго, ни индуктивнаго мышленія.

Иначе произошла логика Бэкона. Теорія наведенія и всѣ пріемы ея выведены дедуктивно изъ гипотезы всеобщей связи причины со слѣдствіемъ, и изъ логическаго опредѣленія причинности. Такимъ образомъ индукція, такъ нерѣдко противополагаемая дедуктивному мышленію, сама имѣетъ дедуктивное происхожденіе и на немъ покоится, какъ на своемъ основаніи. Такъ что всякое усиліе поколебать теорію дедукціи съ помощью индукціи колеблетъ почву подъ самою индукціею; и всякое усиліе показать безплодность дедуктивнаго мышленія разбивается о фактъ, что съ помощью этого мышленія была открыта столь плодотворная теорія, какъ теорія наведенія.

Чтобы показать справедливость этого, необходимо предварительно изслѣдовать законъ всеобщей связи причины со слѣдствіемъ и затѣмъ опредѣлить его отношеніе къ теоріи индуктивнаго изученія.

Утверждается обыкновенно, что истина: «все имѣетъ свою причину» одинакова по происхожденію и по природѣ съ математическими аксіомами; и вмѣстѣ съ послѣдними принадлежитъ къ числу немногихъ положеній, которыя хотя и не имѣютъ другого основанія кромѣ согласія всѣхъ извѣстныхъ случаевъ и отсутствія случаевъ противорѣчащихъ, однако обладаютъ характеромъ безусловной достовѣрности; т. е. что истина «все имѣетъ свою причину» достовѣрна потому, что изъ наблюдаемаго ничто не совершается безъ причины. Не трудно замѣтить, что за утвержденіемъ этимъ скрывается безсиліе объяснить себѣ происхожденіе какъ этихъ аксіомъ, такъ и этого закона. И въ самомъ дѣлѣ, согласно съ нимъ и основы математики, и предполагаемая основа индуктивной теоріи являются необъяснимой аномаліей: одновременно говорится и то, что они достовѣрны, и то, что они добыты съ помощью методовъ недостовѣрныхъ; вопросъ же, почему эти истины, добытыя съ помощью недостовѣрныхъ

способовъ, такъ достовѣрны, — или, что то же, *что* именно придаетъ имъ этотъ характеръ несомнѣнности, котораго мы не находимъ и тѣни во всѣхъ другихъ истинахъ одинаковаго происхожденія, остается безъ отвѣта и даже не поднимается. А между тѣмъ и вопросъ этотъ естественъ, и отвѣтъ на него необходимъ; потому что если есть различіе въ степени достовѣрности какихъ-либо двухъ истинъ, то ясно, что есть и причина этого различія, — иначе достовѣрность закона, утверждающаго, что нѣтъ ничего безпричиннаго, являлась бы первымъ опровергающимъ примѣромъ существованія безпричиннаго факта.

Внимательное изученіе уничтожаетъ эту аномалію, и кажущееся исключеніе подчиняетъ общему правилу о недостовѣрности всѣхъ знаній, полученныхъ путемъ индукціи черезъ простое перечисленіе. Это изученіе показываетъ, что аксіомы математики получены другимъ способомъ и достовѣрны, а предполагаемый законъ всеобщей связи причины со слѣдствіемъ, добытый дѣйствительно этимъ путемъ, недостовѣренъ.

И въ самомъ дѣлѣ истины, на которыхъ покоятся выводы напр. геометріи, не могли быть получены черезъ наблюденіе согласныхъ случаевъ, которымъ ничто не противорѣчитъ; потому что онѣ справедливы не относительно наблюдаемыхъ реальныхъ предметовъ, но только относительно предметовъ мыслимыхъ. Реальные же предметы оправдываютъ на себѣ выводы геометріи лишь въ той несовершенной степени, въ какой они соотвѣтствуютъ этимъ мыслимымъ предметамъ, такъ радіусы во всѣхъ существующихъ кругахъ не равны между собой, и равны только въ одномъ кругѣ – въ мыслимомъ; такъ какъ только въ немъ одномъ всѣ точки лежатъ въ совершенно равномъ разстояніи отъ центра. Какимъ же путемъ произошли эти положенія математики? Путемъ мысленнаго отвлеченія аттрибутовъ отъ вещей, которымъ они принадлежатъ и въ которыхъ они видоизмѣняются; и путемъ логическаго комбинированія этихъ вещей и аттрибутовъ, какъ самостоятельныхъ сущностей. Такимъ

образомъ начало происхожденія математическихъ основъ кроется правда въ возбуждающемъ наблюденіе, самое же образованіе ихъ совершается въ отвлеченномъ мышленіи. Такъ наблюдаемыя въ природѣ прямыя линіи всѣ неправильны, и какъ бы обширно ни было ихъ изученіе, оно не въ состояніи дать ничего кромѣ смутныхъ и приблизительныхъ понятій объ изучаемомъ; т. е. такихъ понятій, которыя хотя и могутъ быть полезны въ практическомъ отношеніи, однако не могутъ стать исходною точкою умозрительнаго изслѣдованія, не будучи въ состояніи дать изъ себя ни одного плодотворнаго вывода. Эти прямыя линіи наблюдались нѣкогда въ продолженіе тысячедѣтій, и продолжаютъ наблюдаться милліонами теперь; но ни въ то время всѣ люди, ни теперь многіе не имѣли и не имѣютъ понятія о геометріи, и не знаютъ ни объ одномъ изъ свойствъ всѣмъ одинаково извѣстной прямой. Для того, чтобы получить понятіе о линіи, способное къ дальнѣйшимъ выводамъ, необходимо было дать точное и ясное (геометрическое) опредѣленіе ея; но чтобы могло возникнуть это опредѣленіе, необходимо было, чтобы возникъ предварительно объектъ опредѣляемый (геометрически правильная линія), что могло совершиться только въ мышленіи. Какъ произошло это? Наблюдая существующія линіи, всѣ болѣе или менѣе кривыя, человѣкъ обратилъ нѣкогда вниманіе на то, что эта кривизна ихъ то увеличивается, то уменьшается, тогда какъ самыя линіи остаются неизмѣнно; и вдумываясь глубже въ это явленіе двухъ вѣчно сопутствующихъ другъ другу фактовъ (протяженности и направленія), изъ которыхъ одинъ неизмѣненъ, другой же измѣняется, онъ раздѣлилъ наконецъ въ своемъ мышленіи то, что нераздѣлимо въ природѣ. Этотъ моментъ, когда въ сознаніи отдѣлилось понятіе о кривизнѣ какъ измѣняющемся направленіи, отъ представленія самой кривой какъ нѣкотораго протяженія — былъ моментомъ, когда зародилась наука геометріи; и тотъ, въ чьемъ мышленіи произошло это, былъ первымъ геометромъ, творцомъ новой науки о протяженности. Отдѣливъ

мысленно кривизну, какъ нѣчто сопутствующее и *измѣняющееся* въ линіи отъ самой линіи; и далѣе продолжая, также мысленно, различнымъ образомъ соединять эти два элемента, то увеличивая, то уменьшая измѣняющійся между ними (кривизну) — онъ уже могъ безъ труда прійти къ созданію въ своемъ представленіи геометрически правильныхъ линій, которыхъ онъ не находилъ въ природѣ, и къ образованію въ своемъ мышленіи геометрически истинныхъ опредѣленій ихъ, способныхъ дать изъ себя плодотворные выводы. Такъ напр. произошло понятіе о прямой линіи. Замѣтивъ, что въ линіяхъ, существующихъ въ природѣ, кривизна иногда уменьшается, человѣкъ могъ уже создать мысленно линію, въ которой кривизна совершенно исчезаетъ, отсутствуетъ. Это — линія съ тожественнымъ направленіемъ во всѣхъ частяхъ своихъ[1]), которая не существуетъ въ природѣ, и которая разъ возникнувъ въ воображеніи затѣмъ могла быть подвергнута умозрительному изученію, давшему всѣ тѣ знанія о ней, съ которыми мы знакомимся теперь въ геометріи. Всѣ эти знанія касаются *свойствъ* прямой линіи, выведенныхъ умозрительно черезъ разсмотрѣніе *природы* ея, выраженной въ опредѣленіи «прямая есть линія съ тожественнымъ направленіемъ во всѣхъ частяхъ своихъ». Также произошло и геометрическое понятіе объ окружности. Видя, что въ существующихъ линіяхъ кривизна всегда неправильна, т. е. измѣненіе направленія непостоянно, человѣкъ могъ придти къ представленію линіи съ постоянною, правильною кривизною; или, что то же, къ понятію объ окружности, въ которой каждый послѣдующій элементъ также измѣняетъ свое направленіе, какъ элементъ предъидущій. Подобнымъ же способомъ произошли и всѣ другія первоначальныя понятія геометріи,

[1]) Обыкновенное въ геометріяхъ опредѣленіе прямой, какъ кратчайшаго разстоянія между двумя точками, не есть ни первоначальное, ни совершенное опредѣленіе; оно не первоначально, потому что указываетъ на свойство ея, вытекающее изъ ея природы и выведенное изъ нея (тожество ея направленія); оно не совершенно, потому что не раскрывая природы опредѣляемаго указываетъ только его признакъ, и содержитъ еще въ себѣ понятіе о точкахъ, чуждое и внѣшнее для понятія о линіи.

изъ которыхъ затѣмъ было выведено умозрительно все содержаніе ея.

Такимъ образомъ создавая истины, на которыхъ покоится математика, разумъ не обобщаетъ только наблюдаемое имъ въ природѣ; и содержащееся въ этихъ истинахъ не есть только отраженіе содержащагося въ дѣйствительномъ мірѣ. Образуя ихъ онъ проявляетъ нѣкоторое творчество, и. объекты ихъ — существующіе только въ сознаніи сочетанія элементовъ, наблюдаемыхъ въ природѣ въ другихъ отношеніяхъ. Ничего подобнаго нѣтъ въ ученіи о всеобщей связи причины со слѣдствіемъ; здѣсь объектъ изученія — не созданное творческимъ мышленіемъ человѣка, но *фактъ внѣшняго міра*, подлежащій утвержденію или отрицанію, но не измѣненію. Какимъ путемъ образовалась въ разумѣ увѣренность въ существованіи этого закона? Онъ не доказанъ имъ съ помощью какого-либо сложнаго процесса мышленія, какъ *необходимое* постоянное соотношеніе между явленіями; но усмотрѣнъ имъ въ природѣ, какъ фактъ постоянный до сихъ поръ для наблюдающаго. Разумъ не понимаетъ, почему явленія неизмѣнно должны быть связаны между собою, не понимаетъ даже, почему они вообще бываютъ соединены между собою. Законъ этотъ не выведенъ дедуктивно изъ какого-либо еще болѣе общаго закона, онъ не вытекаетъ ни изъ какого другого, высшаго и основнаго порядка бытія. Онъ самъ есть этотъ порядокъ, усматриваемый повсюду и всегда наблюдающимъ (но не мыслящимъ) разумомъ. Въ этомъ постоянствѣ его обнаруженія и лежитъ единственная причина увѣренности разума въ необходимости его неизмѣннаго и безусловнаго существованія; т. е. онъ образовался въ сознаніи съ помощью индукціи черезъ простое перечисленіе.

Не переступаетъ ли разумъ за границы допускаемаго, умозаключая отъ постоянства факта къ его необходимости, и порядокъ бытія называя закономъ его? Несомнѣнно переступаетъ. Законъ есть то, что лежитъ въ основѣ порядка и производитъ его; но не самый этотъ порядокъ.

служащій только внѣшнимъ обнаруженіемъ скрытаго *въ природѣ вещей* закона. Фактъ, что всѣ до сихъ поръ наблюдавшіяся явленія имѣли свою причину, могъ бы тогда лишь служить доказательствомъ непзмѣннаго постоянства причинной связи, если бы границы наблюдаемаго совпадали съ границами существующаго; индукція черезъ простое перечисленіе только тогда можетъ дать выводъ всеобщаго положенія, когда она имѣетъ характеръ исчерпывающій. Таковы ли наблюденія, на которыхъ покоится законъ всеобщей связи причины со слѣдствіемъ? Ясно, что нѣтъ, не изслѣдовано еще все будущее, и въ прошедшемъ — только ничтожный уголокъ Космоса. Въ вопросѣ о всеобщности причинной связи между явленіями сдѣланныя уже наблюденія болѣе ничтожны въ сравненіи съ тѣми, которыя остается еще сдѣлать, чѣмъ наблюденія надъ нѣтомъ лебедей сдѣланныя до открытія Австраліи въ сравненіи съ тѣми наблюденіями, которыя были произведены послѣ открытія этой части свѣта; а съ тѣмъ вмѣстѣ и умозаключеніе, что «все существующее имѣетъ свою причину» менѣе достовѣрно и научно, чѣмъ умозаключеніе, долго считавшееся непогрѣшимымъ и послѣ открытія Австраліи оказавшееся ошибочнымъ, что «всѣ лебеди бѣлы».

Но если такимъ образомъ индукція черезъ простое перечисленіе не въ состояніи дать достовѣрнаго и всеобщаго знанія, то не можетъ ли она дать по крайней мѣрѣ какого-нибудь знанія? Можно утвердительно сказать, что нѣтъ. Все, что дастъ въ результатѣ этотъ методъ — это гипотеза, которая какъ для подтвержденія, такъ и для отрицанія своего нуждается въ другихъ методахъ. Фактъ, что все до сихъ поръ извѣстное имѣло и имѣетъ свою причину, даетъ одну только возможность поставить вопросъ: «не имѣетъ ли и все остальное существующее свою причину?» И даже исчерпывающая индукція, правда дающая въ результатѣ знаніе истинное и всеобщее, не можетъ дать научнаго разрѣшенія этого вопроса, которое не только описывало бы существующее, то также и объясняло бы

его. Пока же индукція не имѣетъ этого исчерпывающаго характера, до тѣхъ поръ не только научнаго, но и никакого знанія не можетъ она дать по самой природѣ своей.

Такимъ образомъ мнимая аксіома о существованіи всеобщей причинной связи между явленіями есть не болѣе какъ гипотеза, и мнимый законъ, эту связь выражающій — не болѣе, какъ предположеніе. Устанавливая эту гипотетичность, мы не предрѣшаемъ направленіе будущаго возможнаго знанія, но указываемъ только на недостаточность знанія существующаго. Низведеніе считавшагося за аксіому къ простой догадкѣ не потому совершено, что возможно отрицаніе ея содержанія; но потому что невозможно утвержденіе.

Спрашивается, что же придаетъ нашему разуму такую твердую увѣренность въ неизмѣнномъ существованіи этой связи между всѣми явленіями? Что знаніе это не есть врожденное — это ясно изъ сказаннаго выше вообще о предполагаемыхъ врожденныхъ идеяхъ: ихъ нѣтъ въ разумѣ, потому что въ немъ нѣтъ сознанія о существованіи того, къ чему онѣ относятся. Идея, что все соединено между собою причинною связью, не есть идея предъопытная, потому что только въ опытѣ открывается для человѣка существованіе самыхъ явленій, соединяемыхъ этою связью.

Поэтому твердость убѣжденія во всеобщности этой связи есть твердость предубѣжденія, никогда не находившаго себѣ противорѣчія въ фактахъ; оно не имѣетъ въ своемъ основаніи никакихъ особенныхъ, непреложныхъ и незыблемыхъ процессовъ познаванія. Въ справедливости этого можно убѣдиться глубже вдумываясь въ сущность причинной связи и возможно отвлекаясь отъ наблюдаемыхъ явленій: не только въ такомъ отвлеченіи причинная связь перестаетъ казаться естественною и необходимою, но, напротивъ, она становится загадочнымъ и необъяснимымъ фактомъ, едва вѣроятнымъ и трудно мыслимымъ: кажется гораздо болѣе простымъ существованіе всѣхъ вещей и явленій отдѣльно и независимо, другъ возлѣ друга, но не другъ съ другомъ.

Этотъ предполагаемый законъ всеобщей причинной связи между явленіями признается обыкновенно основою, на которой покоится индуктивное изученіе природы. Не трудно замѣтить ошибочность этого мнѣнія. И въ самомъ дѣлѣ, съ помощью индукціи изучается не явленіе причинности въ Космосѣ, но открываются причины отдѣльныхъ моментовъ въ жизни этого Космоса; не познается взаимное сцѣпленіе существующаго, какъ цѣлаго, но обнаруживаются скрытые факты, производящіе нѣкоторые отдѣльныя измѣненія въ этомъ существующемъ. И для того, чтобы совершить это открытіе — нѣтъ необходимости въ законѣ всеобщей причинной связи между явленіями, нѣтъ даже необходимости, чтобы эта связь существовала въ непосредственно изучаемомъ: достаточно, если она предполагается, какъ возможная. Не трудно убѣдиться въ этомъ: пусть наблюдается въ природѣ какое-нибудь явленіе; чтобы изучить его происхожденіе для разума довольно поставить вопросъ: многое изъ происходящаго въ природѣ (все до сихъ поръ испытанное) имѣетъ свою причину, — не имѣетъ ли также свою причину и это явленіе, теперь наблюдаемое? Это сужденіе есть единственное, которое разумъ въ правѣ сдѣлать на основаніи индукціи черезъ простое перечисленіе, и оно вполнѣ достаточно, чтобы побудить его къ дальнѣйшему изученію происхожденія даннаго наблюдаемаго явленія. Самое же изученіе совершается съ помощью методовъ, которые всецѣло покоятся на опредѣленіи причинности, и есть не болѣе, какъ слѣдствія, дедуктивно выводимыя изъ этого опредѣленія. Правильно совершаясь, это изученіе необходимо обнаружитъ причину наблюдаемаго явленія, если она существуетъ, или покажетъ его самосущность, если этой причины нѣтъ.

Знаніе о причинности слѣдуетъ строго отличать отъ знанія о всеобщей причинной связи между явленіями. Въ первомъ понимается явленіе, второе утверждаетъ законъ: въ первомъ не содержится никакого мнѣнія о большей или меньшей распространенности понимаемаго, и его

истинность не зависитъ отъ этого; во второмъ всегда наблюдаемое распространяется на все существующее; первое поэтому можетъ быть безусловно истиннымъ, второе безусловно гипотетично.

Попытки опредѣлить причинность (онѣ имѣютъ цѣлую исторію) всѣ несовершенны, неполны и неправильны [1]). Онѣ не совершенны, потому что не выражаютъ собою сущности опредѣляемаго явленія (причинности); онѣ неполны, потому что внѣ ихъ остается цѣлый обширный рядъ явленій причинности; онѣ неправильны, потому что даже въ предѣлахъ опредѣляемаго можно найдти случаи, разрушающіе опредѣленіе. Согласно съ выше сдѣланною классификаціей опредѣленій, ихъ слѣдуетъ отнести къ опредѣленіямъ аттрибутивнымъ, гдѣ въ опредѣляющемъ не раскрывается природа опредѣляемаго явленія, но только указывается на его постоянный и исключительный признакъ; найдти же и выразить эту природу даже не сдѣлано попытки.

Разсмотримъ всѣ эти недостатки дѣлаемыхъ опредѣленій причинности въ порядкѣ обратномъ тому, въ какомъ они были перечислены.

Указывая на неизмѣнность и безусловность существованія причины, когда существуетъ слѣдствіе, эти опредѣленія упускаютъ изъ виду случаи, когда одинъ фактъ необходимо долженъ совершиться, чтобы совершился другой, и тѣмъ не менѣе не есть его причина. Такъ въ извѣстномъ опытѣ надъ упругими шарами безусловно необходимо отвести одинъ изъ нихъ на нѣкоторую высоту, чтобы затѣмъ опустивъ сообщить ударъ другому шару и заставить его приподняться на высоту, равную той, на которую приподнятъ былъ первый шаръ; но тѣмъ не менѣе это предварительное отведеніе въ сторону пер-

[1]) По Юму: «Причина явленія есть неизмѣнное предъидущее явленія, слѣдствіе явленія есть неизмѣнно послѣдующее за явленіемъ»; по Броуну: «причина есть совокупность предъидущихъ, за которыми всегда слѣдуетъ и будетъ слѣдовать явленіе, называемое слѣдствіемъ»; по Д. С. Миллю: «причина есть совокупность предъидущихъ, за которыми неизмѣнно и безусловно слѣдуетъ какое-нибудь явленіе».

ваго шара, столь неизмѣнно предшествующее движенію шара втораго, не есть причина этого движенія; что видно изъ того, что задержавъ приподнятый шаръ на высотѣ, мы задержимъ ожидаемое движеніе другаго шара.

Далѣе опредѣленія эти страдаютъ тѣмъ недостаткомъ, что они охватываютъ только одну форму причинной связи, и опускаютъ другую, столь же значительную; и такимъ образомъ выражаютъ не причинность вообще, но только одно изъ проявленій ея. И въ самомъ дѣлѣ, подъ опредѣленіе «неизмѣнно и безусловно предшествующаго» и «неизмѣнно и безусловно послѣдующаго» подходятъ только факты преемствъ, но не факты сосуществованія; между тѣмъ какъ причинная связь выражается вполнѣ только въ этихъ обоихъ типахъ своихъ.

Съ перваго взгляда можетъ показаться противоестественнымъ, чтобы явленія сосуществованія такъ же могли быть подчинены закону причинной связи, какъ и явленія преемства. Не привыкнувъ глубоко вникать въ природу существующаго и происходящаго, мы до такой степени пріучились къ мысли объ явленіяхъ причинности, какъ исключительно преемствахъ, что при каждомъ представленіи причины и слѣдствія у насъ невольно возникаетъ представленіе о прошедшемъ и будущемъ, о послѣдующемъ и предъидущемъ; и всякая мысль, что слѣдствіе можетъ существовать нисколько не позднѣе своей причины, а причина нисколько не ранѣе своего слѣдствія, является намъ какъ нѣчто странное и невозможное. Однако внимательное изслѣдованіе нѣкоторыхъ фактовъ съ очевидностью обнаружитъ передъ нами существованіе такихъ одновременныхъ рядовъ причиннаго соединенія.

Разсмотримъ явленія, принадлежащія къ тремъ различнымъ областямъ существующаго, и составляющія предметъ изученія трехъ различныхъ наукъ. Изъ нихъ одно будетъ относиться къ явленіямъ пространственныхъ соотношеній, другое – жизненныхъ, и третье — физическихъ.

Въ пространственныхъ соотношеніяхъ, изучаемыхъ въ геометріи, основныя свойства фигуръ суть причина,

обусловливающая собою существованіе другихъ, второстепенныхъ свойствъ ихъ. Всякій разъ, когда въ фигурѣ есть первые, — есть въ ней и вторые; и всякій разъ, когда не оказывается вторыхъ, можно не провѣряя сказать, что нѣтъ и первыхъ, ихъ создающихъ. Такъ соотношеніе между окружностью и прямою касательной есть необходимое и постоянное слѣдствіе природы этихъ двухъ линій — тожественнаго измѣненія элементовъ одной и совершенной неизмѣнности элементовъ другой. И однако нельзя сказать, чтобы въ изучаемыхъ линіяхъ сперва появлялась природа ихъ, и затѣмъ изъ нея возникало ихъ соотношеніе; и то и другое существуетъ одновременно, и ни въ какой моментъ не мыслима ни эта природа безъ этого соотношенія, ни это соотношеніе безъ этой природы: хотя одно изъ нихъ создаетъ другое, и ни въ какомъ случаѣ онѣ не равнозначущи.

Въ области явленій человѣческой дѣятельности цѣнность существующаго продукта есть слѣдствіе соотношенія между количествомъ спрашиваемыхъ и количествомъ предлагаемыхъ продуктовъ[1]); и однако эта причина и это слѣдствіе возникаютъ и существуютъ одновременно. И въ самомъ дѣлѣ, въ тотъ моментъ (не ранѣе и не позднѣе), когда на рынокъ вывезено n предметовъ и пришли покупатели, чтобы взять m тѣхъ же предметовъ, его цѣна уже точно опредѣлена и равняется $\frac{m}{n}$-ной долѣ своей естественной

1) Всякій предметъ имѣетъ двоякую цѣнность — *естественную* и *рыночную*. Подъ первою я разумѣю его внутреннюю постоянную цѣнность безъ отношенія къ спросу и предложенію, подъ второю — цѣнность его въ продажѣ, отступающую отъ естественной подъ вліяніемъ спроса и предложенія. Первая равна цѣнности труда, необходимаго для вторичнаго воспроизведенія даннаго продукта, но не труда, на него потраченнаго, — что ясно изъ высокой цѣны случайно (безъ труда) найденныхъ наприм. драгоцѣнныхъ камней, и изъ превышающей всякую мѣру цѣны художественныхъ произведеній старыхъ великихъ мастеровъ. Если эту естественную цѣну мы обозначимъ черезъ a, то рыночная цѣна выразится простой формулой $\frac{ma}{n}$, гдѣ m есть количество спрашиваемыхъ на рынкѣ продуктовъ, тожественныхъ съ даннымъ, а n есть количество предлагаемыхъ. Въ приводимомъ примѣрѣ причиннаго сосуществованія рѣчь идетъ о рыночной цѣнности.

цѣнности. Самый же торгъ, происходящій на рынкѣ, не есть установленіе еще не существующей цѣнности; но только отысканіе этой скрытой цѣны, существующей уже, но никому неизвѣстной вслѣдствіе неизвѣстности ни точной цифры предлагаемаго, ни точной цифры спрашиваемаго. Что эта цѣнность дѣйствительно возникаетъ ранѣе происходящаго торга и одновременно съ появленіемъ на рынкѣ спрашиваемаго и предлагаемаго, въ этомъ можно убѣдиться мысленно увеличивая въ точное число разъ оба члена соотношенія: такъ всякая цѣна точно увеличивается въ *2. 3... m* разъ, когда продуктъ спрашивается въ *2. 3... m* разъ болѣе, и уменьшается точно въ *2. 3... n* раза, когда въ *2. 3... n* раза болѣе противъ обыкновеннаго увеличивается его предложеніе; т. е. цѣна находится въ точномъ прямомъ отношеніи къ спросу и въ обратномъ отношеніи къ предложенію; но если она есть только результатъ отношенія этихъ двухъ элементовъ, то ясно, что разъ существуютъ они, существуетъ и ихъ соотношеніе, т. е. цѣна; или что то же — причина и слѣдствіе сосуществуютъ.

Въ мірѣ физическомъ проницаемость вещества есть слѣдствіе его атомности; и однако это слѣдствіе не появляется послѣ своей причины, а эта причина не предшествуетъ своему слѣдствію, но они существуютъ одновременно.

Наконецъ — и это самое важное — существующія опредѣленія причинности совершенно не выражаютъ сущности этого явленія, но только указываютъ на (мнимо) постоянный и исключительный признакъ его — на то, что одинъ членъ этого явленія *всегда предшествуетъ* другому, и что это отношеніе ихъ имѣетъ характеръ безусловный. Ясно, что это только наружная сторона явленія, скрывающая подъ собою внутреннюю природу его, — ту природу, которая и производитъ этотъ признакъ, и объясняетъ его. Въ этихъ опредѣленіяхъ, носящихъ всѣ признаки простаго знанія, самое содержимое ихъ является непонятнымъ, случайнымъ, временнымъ: изъ нихъ не видно ни того, почему причина предшествуетъ слѣдствію, ни того, что

она всегда необходимо будетъ предшествовать ему. До какой степени несовершенны эти опредѣленія, это показываетъ самая исторія постепеннаго совершенствованія ихъ: они измѣнялись улучшаясь по мѣрѣ того, какъ путемъ внимательнаго наблюденія открывалось, что есть явленія причинности не подходящія подъ данное сдѣланное опредѣленіе; или наоборотъ, что есть факты, подходящіе подъ это опредѣленіе и тѣмъ не менѣе не соединенные причинною связью. Такъ Ридъ, критикуя опредѣленіе причинности, сдѣланное Юмомъ, указалъ на постоянное преемство дня и ночи, которое однако не есть причинное преемство. Спрашивается, какое значеніе имѣетъ опредѣленіе, когда предметъ опредѣляемый (существующія причины) распознаются не по сравненію съ нимъ, а *по чему то другому*, въ немъ опущенному, и при томъ съ такою легкостью и достовѣрностью, что ни на минуту не возникаетъ сомнѣнія въ томъ, что не это распознаваніе невѣрно, но невѣрно опредѣленіе. Ясно, что сущность причинности, для всѣхъ простая и очевидная (иначе не было бы такъ легко распознавать явленія, въ которыхъ она проявляется) по непонятной причинѣ пропущена въ опредѣленіи, и въ него вошло только то внѣшнее, что *обыкновенно* замѣчалось въ явленіяхъ причинной связи, но по чему онѣ никогда не распознавались. Не очевидно ли, что это эмпирическое происхожденіе опредѣленія причинности, какъ простаго обобщенія наблюдаемаго въ природѣ, нисколько не предупреждаетъ появленія все новыхъ и новыхъ поправокъ въ опредѣленіи, по мѣрѣ расширенія самого наблюденія и по мѣрѣ увеличенія внимательности къ наблюдаемому? Ничего подобнаго не могло бы произойти, еслибъ для опредѣленія взято было не внѣшнее причинной связи, но то существенное, *по чему они распознаются*, и что могло быть уловлено черезъ простое сравненіе нѣсколькихъ фактовъ, несомнѣнно находящихся въ причинномъ соединеніи; тогда причинность въ отдѣльныхъ явленіяхъ природы узнавалась бы черезъ сравненіе ихъ съ опредѣленіемъ, черезъ открытіе присутствія или

отсутствія въ нихъ того существеннаго, что содержалось бы въ немъ; и никакія новыя поправки въ этомъ послѣднемъ были бы невозможны, потому что невозможно было бы открытіе фактовъ причиннаго соединенія, въ которыхъ не было бы этой сущности причинности; и такимъ образомъ не существующимъ провѣрялось бы опредѣленіе, но черезъ опредѣленіе испытывалось бы существующее.

Но даже и какъ аттрибутивное опредѣленіе оно несовершенно потому, что въ немъ опредѣляющимъ элементомъ является не основное свойство причины, но производное, признакъ не сущности, но признака же. И въ самомъ дѣлѣ — «постоянство и безусловность» причины по отношенію къ слѣдствію есть только проявленіе взаимной «необходимости» ихъ; и точное опредѣленіе причины и слѣдствія, даже въ тѣхъ неполныхъ предѣлахъ и невѣрной формѣ, въ какой оно сдѣлано, будетъ «необходимое предыдущее и необходимое послѣдующее», а не «постоянно и безусловно предшествующее и слѣдующее», что дѣйствительно справедливо, но не первоначально, а выведено изъ перваго опредѣленія.

Обратимся теперь къ истинному, полному и совершенному опредѣленію явленія причинности. Оно въ самомъ дѣлѣ необходимо, потому что имена «причина» и «слѣдствіе» принадлежатъ къ числу тѣхъ словесныхъ знаковъ, которые ничего не говорятъ о предметахъ, на которые они налагаются, и смыслъ которыхъ — чисто отрицательный, не дающій возможности смѣшивать находящагося подъ ними со всѣмъ тѣмъ, что носитъ на себѣ другое имя. И въ самомъ дѣлѣ слово «причина» не значитъ ничего другаго кромѣ «не человѣкъ, не жизнь, не длина... ни все, кромѣ причина»; оно относится болѣе къ другимъ вещамъ, нежели къ явленію причинности; отдѣляетъ, какъ бы отталкиваетъ ихъ отъ этого послѣдняго, но ничего не говоритъ о немъ самомъ.

Первыя попытки сознательно отнестись къ явленіямъ, скрытымъ подъ именами «причина» и «слѣдствіе» необходимо должны были выразиться въ какихъ нибудь опре-

дѣленіяхъ, хотя бы и невѣрныхъ, и не полныхъ, содержащихъ въ себѣ только колеблющіяся обобщенія ускользающаго въ своей природѣ явленія; таковы и дѣйствительно разобранныя нами выше опредѣленія, безцѣнныя въ обоихъ смыслахъ этого слова — въ первомъ по отношенію къ прежнему полному незнанію, во второмъ — по отношенію къ будущему совершенному знанію. Составивъ ихъ, человѣкъ уже многое созналъ о явленіи причинности: и то, что оно распадается на двучленный рядъ (причина и слѣдствіе); и то, что изъ нихъ одинъ обыкновенно предшествуетъ другому; и то, что ихъ соотношеніе носитъ какой-то безусловный и постоянный характеръ, такъ что одинъ не можетъ быть безъ другого. Но всѣ эти знанія, внѣшнія, случайныя и эмпирическія, которыя только сжато выражены въ вышеприведенномъ опредѣленіи причинности, нуждаются въ объясненіи и обоснованіи, которое можетъ быть найдено только въ природѣ изучаемаго явленія. Найти эту природу и выразить ее въ истинномъ опредѣленіи — это значитъ одновременно и понять явленіе, и понять какъ необходимое то, что мы случайно знаемъ о немъ.

Въ своей скрытой сущности, которая и объясняетъ все наблюдаемое для пониманія, и обусловливаетъ все происходящее въ явленіяхъ, «причинность» есть «*производимость*» вещей, какъ естественное и необходимое проявленіе ихъ несамосущности. Отсюда двучленность этого явленія: невозможно въ природѣ и немыслимо для разума, чтобы несамосущее существовало само-по-себѣ, потому что это было бы противорѣчіемъ и природы самой себѣ, и мысли; и поэтому если существуетъ что-нибудь, существуетъ еще и другое, на что оно опирается. Первый изъ этихъ членовъ, обозначаемый именемъ «причины», есть «*производящее*» въ космосѣ; второй членъ, обозначаемый именемъ «слѣдствія», есть «*производимое*» въ немъ; то, что соединяетъ эти два члена въ одно, есть «произведеніе», какъ актъ творчества, силою котораго надѣлено все въ космосѣ какъ бы въ замѣнъ своей несамосущности.

Соединеніе это есть нѣчто необходимое, т. е. постоянное и безусловное, потому что ни безъ произведеннаго не можетъ быть что-либо производящимъ, ни безъ производящаго — что-либо произведеннымъ; иначе они были бы вещами — самосущими и производимости, какъ явленія, не было бы. Каждый изъ членовъ причиннаго соединенія, не имѣя существованія полнаго (самосуществованія) надѣленъ двойнымъ неполнымъ существованіемъ: онъ есть и нѣчто осуществленное и нѣчто имѣющее осуществить (есть дѣйствительное слѣдствіе и есть причина, отъ которой произойдетъ нѣчто); и не будучи полнымъ существомъ (самосуществомъ) скрываетъ въ себѣ два существа неполныя: само себя, нѣкогда появившееся и имѣющее исчезнуть, и нѣчто другое, что появится изъ него въ будущемъ, и что въ настоящее время пребываетъ въ немъ какъ потенція.

Теперь, снова оговоривъ, что опредѣляя причинность какъ «производимость» вещей, мы выражаемъ только природу явленія, нисколько не распространяя его на всю область существующаго, обратимся къ выводу изъ этого опредѣленія индуктивной теоріи. Выводъ этотъ ясно обнаружитъ дедуктивное происхожденіе этой послѣдней.

1. *Если причинность есть производимость, то все въ существующемъ и предшествующемъ, безъ чего можетъ существовать изучаемое произведенное, не есть его производящее.*

Обыкновенно это положеніе носитъ слѣдующую форму: «каждое предъидущее, которое можетъ быть исключено безъ вреда для изслѣдуемаго явленія, не стоитъ съ этимъ явленіемъ ни въ какой причинной связи». Это такъ называемая первая аксіома индуктивной теоріи, получаемая изъ закона о всеобщей связи причины со слѣдствіемъ. Ясно, что къ закону этому она не имѣетъ никакого отношенія; это просто есть выводъ *свойства* причины и слѣдствія изъ опредѣленія *природы* ихъ, полученный дедуктивно и отражающій на себѣ, какъ и всѣ подобные выводы, тѣ же несовершенства, которыя лежатъ въ основномъ опредѣленіи (относится только къ преемствамъ).

2. *Если причинность есть производимость, то все въ сосуществующемъ и предыдущемъ, безъ чего не можетъ существовать изучаемое произведенное, есть его производящее».*

Это такъ называемая вторая аксіома индуктивной теоріи, которая выражается обыкновенно такъ: «предъидущее, которое нельзя исключить безъ вреда для послѣдующаго, состоитъ съ нимъ въ какой-нибудь причинной связи». Ясно что все, сказанное о первой аксіомѣ, относится и къ этой второй.

3. *Если причинность есть производимость, то съ измѣненіемъ производящаго измѣняется и производимое.*

Это такъ называемая третія аксіома индуктивной теоріи, которая имѣетъ слѣдующую форму: «предъидущія и послѣдующія, возрастающія и убывающія въ количественномъ соотвѣтствіи, состоятъ въ причинной связи между собою». Не ясно, почему здѣсь говорится только о возрастаніи и убываніи членовъ причинной связи, когда къ области вліяющаго измѣненія относится такъ же и природа, и свойства и другія стороны причины по отношенію къ слѣдствію.

Это третье положеніе есть основное относительно первыхъ двухъ, представляющихъ собою только частные случаи его; такъ какъ и существованіе, и исчезновеніе есть только крайніе члены измѣняемости. Существующее неподвижно — не измѣняется; послѣдняя же степень измѣненія есть исчезновеніе существованія. Поэтому всѣ три разобранныя положенія можно соединить въ одно слѣдующее: *«если причинность есть производимость, то съ существованіемъ, измѣненіемъ и исчезновеніемъ производящаго существуетъ, измѣняется и исчезаетъ его производимое».*

Какъ уже замѣчено было, эти три положенія (или одно, замѣняющее ихъ) не суть аксіомы, но теоремы *о свойствахъ причины и слѣдствія,* полученныя дедуктивно изъ опредѣленія *природы причинности.*

Такъ какъ индукція есть теорія открытія неизвѣстныхъ причинъ по извѣстнымъ слѣдствіямъ, то указанныя въ трехъ положеніяхъ свойства причины и слѣдствія служатъ крае-

угольнымъ камнемъ, на которомъ покоится самое ученіе о способахъ нахожденія скрытыхъ причинъ по данныхъ слѣдствіямъ. Прослѣдимъ дедуктивное происхожденіе этихъ способовъ.

Найти причину даннаго явленія — это значитъ *выдѣлить* ее изъ всей массы фактовъ, предшествующихъ и сопутствующихъ ему; выдѣлить же искомое изъ чего-либо это значитъ *распознать* его; распознаваніе же всегда производится по *признакамъ;* слѣдовательно характеромъ и соотношеніемъ признаковъ причины и слѣдствія обусловлены способы выдѣленія причины. Но этотъ характеръ и это соотношеніе признаковъ причины и слѣдствія состоитъ въ появленіи, измѣненіи и исчезновеніи одного изъ нихъ съ появленіемъ, измѣненіемъ и исчезновеніемъ другого; а слѣдовательно и способы открытія причинъ сводятся къ способамъ наблюдать появленіе, измѣненіе или исчезновеніе даннаго изучаемаго явленія въ связи съ появленіемъ, измѣненіемъ или исчезновеніемъ фактовъ, ему предшествующихъ и съ нимъ сосуществующихъ. Изъ этого положенія прямо вытекаетъ ученіе о методахъ экспериментальнаго изученія природы и человѣка: эти методы есть только частныя практическія примѣненія этой общей теоретической истины, полученной, какъ мы видѣли, посредствомъ ряда дедуктивно выводимыхъ положеній, исходное основаніе которыхъ — логическое опредѣленіе природы причинности. Эти методы всѣ сводятся къ тому, чтобы путемъ или искусственнаго опыта, или путемъ чистаго наблюденія, когда опыты производятся самою природою и жизнью, выдѣлить (элиминировать, какъ говорится въ логикѣ) производящее изучаемаго произведеннаго изъ массы случайно сопутствующихъ ему фактовъ черезъ изученіе этихъ связныхъ появленій, исчезновеній и измѣненій. Мы не будемъ говорить объ нихъ, такъ какъ они общеизвѣстны.

VI. Ученіе *о способахъ познавать и доказывать* чьи-либо распадается на двѣ формы: на ученіе о методахъ открытія цѣлей въ предметахъ, и на ученіе о методахъ открытія цѣлей въ явленіяхъ. Возможность познанія цѣлей основана

на томъ, что онѣ уже потенціально заключены въ существующемъ ради нихъ; а все потенціально скрытое въ чемъ-либо можетъ быть обнаружено черезъ анализъ скрывающаго. Такъ какъ цѣль всегда заканчиваетъ собою что-либо, то открывается она черезъ изученіе *направленій незаконченнаго* въ предметахъ и въ явленіяхъ. Въ первыхъ изученіе это состоитъ *въ анализѣ строенія*, во вторыхъ — *въ анализѣ процесса*. При этомъ простое имѣетъ единичныя цѣли, а сложное имѣетъ цѣль сложную, образуемую изъ соединенія единичныхъ цѣлей того, что входитъ въ него, какъ части. Такъ при изученіи напр. назначенія человѣка слѣдуетъ разложить его природу на составные элементы, открыть строеніе каждаго изъ нихъ и направленіе этого строенія; тѣ идеальныя (теперь только мыслимыя) формы, въ которыя стремятся перейти неразвитыя формы его природы, и будутъ его назначеніемъ.

Нужно замѣтить, что изученіе цѣлей нерѣдко совпадаетъ съ изученіемъ слѣдствій, и методы, приложимые къ открытію послѣднихъ, могутъ быть приложены и къ открытію первыхъ. Такъ какъ цѣль есть часто конечная форма, къ осуществленію которой стремится рядъ преемственно развивающихся другъ изъ друга формъ, изъ которыхъ каждая послѣдующая есть только слѣдствіе предъидущей.

VII. Ученіе *о способахъ познавать и доказывать сходство и различіе* есть теорія сравненія. Она слагается изъ слѣдующихъ формъ, соотвѣтствующихъ отдѣльнымъ моментамъ сравниванія, какъ познавательнаго процесса: изъ *теоріи наблюденія*, какъ ученія о способахъ точнаго и полнаго воспріятія сравниваемаго; изъ *теоріи описанія*, какъ ученія о способахъ точнаго и полнаго выраженія воспринятаго въ словѣ; изъ *теоріи сравниванія*, получаемыхъ описаній; и, наконецъ, изъ *теоріи умозаключеній*, могущихъ быть построенными *на основаніи сравниванія*. Въ первыхъ моментахъ сравниванія — наблюденіи и описаніи — главная забота должна состоять въ томъ, чтобы стремясь къ полнотѣ не впасть въ излишество, и избѣгая излишества не впасть въ недостатокъ; чтобы ни при на-

блюденіи не явилось въ сознаніи чего-либо — чего нѣтъ въ наблюдаемомъ, и въ наблюдаемомъ не осталось бы ничего — что не отразилось бы въ сознаніи; ни при описаніи чтобы не выразилось въ словѣ что-либо — чего нѣтъ въ сознаніи, и въ сознаніи чтобы не осталось чего нибудь — что не выразилось бы въ словѣ. Наблюденіе должно быть совершеннѣйшимъ отраженіемъ наблюдаемаго существующаго въ наблюдающемъ разумѣ — отраженіемъ не измѣняющимъ, не прибавляющимъ и не опускающимъ, ничего въ наблюдаемомъ, какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней стороны его; описаніе должно быть совершеннѣйшимъ выраженіемъ наблюденія, закрѣпленіемъ умственнаго впечатлѣнія, недолговѣчнаго и измѣнчиваго, въ словѣ вѣчномъ и неизмѣняющемся, но въ которомъ такъ же не было бы ничего прибавлено къ выражаемому впечатлѣнію и ничего опущено въ немъ. Главное затрудненіе, которое здѣсь предстоитъ избѣжать, лежитъ въ природѣ человѣка и въ ея несовершенствахъ; и необходимо тщательно и точно изучить качества, силу и направленіе этихъ недостатковъ, чтобы зная ихъ, какъ вѣчно присущій элементъ наблюденія и описанія, внести въ послѣднія поправки, точно соотвѣтствующія этимъ недостаткамъ и уничтожающія ихъ вліяніе. Недостатковъ этихъ два вида, и характеръ ошибокъ этихъ двухъ родовъ: недостатки органовъ чувствъ и языка, и ошибки субъективныя и объективныя. И тѣ и другія состоятъ въ слѣдующемъ: органы чувствъ не всегда вѣрно передаютъ сознанію то, что лежитъ передъ ними, и необходимо вмѣшательство разума въ ихъ дѣятельность, въ особенности для того, чтобы сообщить впечатлѣніямъ отъ нихъ полноту; языкъ, какъ орудіе не одной простой передачи впечатлѣній, но какъ органъ выраженія всѣхъ состояній души, изъ которыхъ нѣкоторыя (чувства и желанія) по самой природѣ своей часто бываютъ смутны и измѣнчивы — этотъ языкъ по необходимости и слишкомъ богатъ для выраженія чистыхъ впечатлѣній, и слишкомъ бѣденъ: онъ излишне богатъ, потому-что слова, его составляющія, не имѣютъ одного точнаго зна-

ченія, но всегда принимаютъ множество оттѣнковъ, скрадывающихъ границы и очертанія того общаго смысла, около котораго они группируются; онъ слишкомъ бѣденъ, потому что для каждой отдѣльной формы впечатлѣній въ немъ нѣтъ особаго слова, — эти виды впечатлѣній оттѣняются въ рѣчи не словами, но строемъ ея. Характеръ ошибокъ при наблюденіи и описаніи, независящій отъ несовершенства этихъ орудій передачи, какъ уже замѣчено было, двоякій — субъективный и объективный. Двоякость этого характера объясняется тѣмъ, что предметомъ сравниванія, а слѣдовательно и наблюденія и описанія, можетъ быть какъ лежащее внѣ человѣка (объективное), такъ и лежащее въ немъ самомъ (субъективное). При наблюденіи и описаніи перваго (объективнаго) трудно избѣжать, чтобы къ нему не примѣшалось чего-либо субъективнаго, будутъ ли то остатки прежнихъ впечатлѣній и ихъ измѣняющее вліяніе на свойства и дѣятельность сознанія, или же состоянія самого сознанія, ошибочно принимаемыя за нѣчто внѣшнее, наблюдаемое. Наоборотъ при наблюденіи и описаніи втораго (субъективнаго) трудно какъ въ сознаніи такъ и въ рѣчи избѣжать совершенно примѣси чего-либо объективнаго. Третій и самый важный моментъ разбираемаго процесса познаванія — сравниваніе, сводится во многихъ случаяхъ къ наложенію впечатлѣній отъ наблюденія одно на другое, и къ описанію не покрытыхъ частей его; хотя быть можетъ этотъ методъ наложенія и не исчерпываетъ всѣхъ способовъ сравниванія. Замѣтимъ въ заключеніе, что сравненіе всегда слѣдуетъ вести по схемамъ разума, чтобы не опустить какой-либо скрытой разницы въ сравниваемомъ.

VIII. *Ученіе о способахъ познавать количества* распадается на столько формъ, сколько есть формъ количествъ, т. е. на ученіе о способахъ познанія величинъ вообще, безъ обозначенія того, къ чему онѣ относятся; на ученіе о методахъ изученія чиселъ; о методахъ изученія частей пространства и ихъ соотношеній; о методахъ изученія напряженности, и пр.

IX. *Ученіе о комбинаціяхъ элементовъ мышленія, дающихъ въ результатѣ истинное разрѣшеніе затрудненій, возникающихъ въ самомъ мышленіи,* распадается на двѣ формы: на *общую теорію разрѣшенія сомнѣній,* пробуждающихся въ сознаніи, и на *общую теорію разрѣшенія вопросовъ,* возникающихъ въ немъ.

Непонятно, какимъ образомъ человѣкъ никогда не могъ придти къ мысли создать эти два ученія, когда и сомнѣніе такъ древне, и вопросы, порой возникающіе въ его сознаніи, такъ важны. Между тѣмъ ясно, что если иногда онъ разрѣшалъ эти сомнѣнія и эти вопросы, то есть и общіе методы такого разрѣшенія, которые могутъ быть предметомъ открытія и изученія. Знакомый съ такими состояніями духа, гдѣ познаніе необходимо, между тѣмъ какъ самый предметъ его еще не опредѣленъ, какъ могъ онъ ограничиться въ ученіи о познаваніи тѣми одними случаями, когда предметъ изученія данъ уже внѣшнею природой, — какъ будто то, что возникаетъ въ немъ самомъ, не важнѣе неизмѣримо того, что случайно является извнѣ передъ его органами чувствъ?

Теорія разрѣшенія сомнѣній распадается во-первыхъ на ученіе о сомнѣніи вообще, и во-вторыхъ на собственно теорію разрѣшенія всѣхъ видовъ его. Первое изъ этихъ ученій, двигаясь по схемамъ разума, должно раскрыть сущность того неяснаго и мучительнаго для человѣка состоянія сознанія, которое мы кратко обозначаемъ словомъ «сомнѣніе»; опредѣлить его свойства; изучить причины, его вызывающія, и процессъ его образованія; указать его слѣдствіе, т. е. вліяніе на различныя стороны духа и на различныя стороны жизни; и, наконецъ, свести эти состоянія сознанія къ нѣкоторымъ опредѣленнымъ типамъ, т. е. классифицировать формы сомнѣнія. Второе ученіе должно раскрыть общій путь для выхода изъ всѣхъ видовъ сомнѣнія и указать общія правила, которыми долженъ руководиться разумъ слѣдуя этому пути. Главнымъ образомъ это второе ученіе должно свести къ указанію способовъ, какъ *ясно* сущность всякаго даннаго сомнѣнія и какъ

находить и опредѣлять точно объектъ его; такъ какъ неясность есть основное свойство сомнѣнія, и отсутствіе опредѣленнаго предмета познанія для его разрѣшенія — причина неразрѣшимости его. Путь разрѣшенія всякаго сомнѣнія — это путь послѣдовательнаго сведенія всѣхъ проявленій его къ строго опредѣленнымъ и яснымъ вопросамъ, нахожденія правильной точки зрѣнія на эти вопросы, отысканія способа, какъ правильно поступать въ случаѣ разнорѣчивыхъ показаній наблюденія и опыта или въ случаѣ дѣйствительной противоположности различныхъ сторонъ одного и того же предмета сомнѣнія (напр. когда одно и то же явленіе приноситъ и добро и зло, то какъ отнестись къ нему правильно?) и т. д.

Общая теорія разрѣшенія вопросовъ должна указать способы, посредствомъ которыхъ разумъ, разлагая самую сущность возникшаго въ немъ вопроса могъ бы находить или его прямое разрѣшеніе, или указаніе на то, послѣдованіе чего могло бы дать это разрѣшеніе. Не слѣдуетъ думать, что состоянія разума сомнѣвающагося и спрашивающаго — тожественны. Сомнѣніе есть знаніе неувѣренное въ себѣ, вопросъ есть отсутствіе всякаго знанія; но въ первомъ для того, чтобы укрѣпить колеблющееся знаніе, не достаетъ самаго объекта его — онъ скорѣе чувствуется въ общемъ видѣ, нежели сознается въ одномъ опредѣленномъ; во второмъ состояніи, которое лишено всякаго знанія, въ замѣнъ этого указанъ ясно объектъ; первое гораздо труднѣе для разрѣшенія; — второе есть часто только послѣдній фазисъ въ процессѣ разрѣшенія сомнѣнія.

Разсматриваемая теорія, подробно и отчетливо разработанная, должна указать путь находить истинное разрѣшеніе какъ тѣхъ вопросовъ, въ которые разрѣшается сомнѣніе, такъ и тѣхъ, которые возникаютъ въ разумѣ изъ самой природы его при общемъ созерцаніи міроустроенства и теченія жизни. Эти послѣдніе вопросы, обыкновенно отличающіеся характеромъ всеобщности, не только не могутъ возникнуть при изученіи единичныхъ предме-

товъ и явленій внѣшняго міра; но, напротивъ, это изученіе, не давая разуму сосредоточиться въ самомъ себѣ, препятствуетъ образованію въ немъ этихъ вопросовъ, какъ бы развлекаетъ его. Между тѣмъ по своей глубинѣ и жизненности эти вопросы превосходятъ своимъ значеніемъ результаты изученія объектовъ внѣшняго міра, и нерѣдко то или другое разрѣшеніе ихъ преобразуетъ и самого человѣка и жизнь его. Тотъ не живетъ духомъ, въ комъ не возникаютъ они, на томъ блѣденъ и неясенъ человѣческій образъ, кто не знакомъ съ ними; и самая жизнь людей пуста и безсодержательна, когда она не волнуется этими вопросами, чужда возвышающей тревоги о нихъ. Таковы всѣ вопросы нравственной жизни человѣка — о томъ, есть ли какая нибудь конечная цѣль въ его существованіи? какъ и откуда произошло это въ жизни? не связаны ли явленія добра и явленія зла причинною связью между собою? о гармоніи въ природѣ и жизни, и многіе другіе. Трудность разрѣшенія этихъ и подобныхъ вопросовъ, возникающихъ въ сознаньи, заключается въ томъ, что между тѣмъ какъ они чрезвычайно общи въ своемъ содержаніи и объектѣ, — объектомъ непосредственнаго изученія можетъ стать только одно конкретное; такъ что является затрудненіе, что именно слѣдуетъ узнать предварительно для того, чтобы найти истинное разрѣшеніе самого вопроса, какъ связать возникшее въ сознаніи съ доступнымъ для изученія въ мірѣ вещей? Ясно, что этимъ связующимъ звеномъ можетъ стать только одно умозрѣніе. При помощи его возможно, тщательно опредѣливъ самый вопросъ, разложить его на нѣсколько вопросовъ болѣе частнаго значенія и т. д. до міра конкретныхъ фактовъ, изучивъ которые возможно, путемъ обратнаго восхожденія, дать рѣшеніе сперва на всѣ частные вопросы, возникшіе изъ основнаго, а потомъ, соединяя и комбинируя истины, заключенныя въ этихъ частныхъ рѣшеніяхъ, вывести изъ нихъ отвѣтъ и на первоначальный вопросъ.

X. Какъ общее заключеніе ученія о всѣхъ этихъ методахъ познанія, должно быть создано *ученіе о способахъ*

находить самые способы, или, что то же, долженъ быть открытъ *методъ методовъ*. Это возможно сдѣлать изучая происхожденіе отдѣльныхъ методовъ и выдѣляя въ процессѣ этого происхожденія ихъ — постоянное и необходимое изъ случайнаго и измѣняющагося; при чемъ постоянство слѣдуетъ переводить въ необходимость черезъ открытіе соотношенія между постоянно наблюдаемымъ въ процессѣ образованія методовъ и между самою природою методовъ, логически разлагаемою. Съ помощію этой общей теоріи нахожденія методовъ по данному предмету познанія открывался бы частный методъ познанія его, и съ помощью этого послѣдняго достигалось бы уже самое познаніе.

ГЛАВА V.

Ученіе о Космосѣ и его формы: о существованіи.

I. Ученіе о познаваемомъ и его формы: ученіе о космосѣ и ученіе о мірѣ человѣческомъ. Ученіе о космосѣ и его составъ: о существованіи, о сущности, о свойствахъ, о причинности, о цѣлесообразности, о сходствѣ и различіи и о числѣ. Тройственность каждаго изъ этихъ ученій. Первые члены ихъ образуютъ собою общую теорію бытія, вторые — ученіе о дробномъ бытіи или о вещахъ и явленіяхъ въ космосѣ, третіе — ученіе о цѣломъ бытіи или о космосѣ, какъ синтезѣ всего. — II. Ученіе о существованіи и его формы: общая теорія существованія, о существованіи лежащаго въ космосѣ, и о существованіи космоса, какъ цѣлаго. Необходимость и возможность перваго изъ этихъ ученій; составъ его. — III. *Общая теорія существованія* и ея формы. О пребываніи существованія; вопросы, разрѣшаемые въ этомъ ученіи. — IV. О природѣ существованія; двоякій путь опредѣленія этой природы; отношеніе единичнаго къ общему условію всего — пространству, какъ сущность пребыванія. — V. О свойствахъ существованія основныхъ и опредѣляющихъ. — VI. О происхожденіи существованія; какъ возможно познаніе этого происхожденія. Причина существованія не могла предшествовать ему во времени; но своей природѣ она не могла быть чѣмъ либо простымъ. Существованіе есть или первоначальное самосущее начало; или часть самосущей первоначальной причины всего, нѣкогда выдѣлившаяся изъ нея, послѣ чего эта причина исчезла. — VII. О цѣли существованія; способъ, которымъ возможно опредѣленіе этой цѣли, и самое опредѣленіе ея. — VIII. О видахъ существованія. Небытіе; формы ученія о немъ; кругъ вопросовъ, связанныхъ съ этимъ видомъ существованія. — IX. Бытіе потенціальное; какъ относится оно къ другимъ видамъ бытія, черезъ какой процессъ переходитъ въ нихъ, и что побуждаетъ его къ этому переходу; пять видовъ потенціальнаго бытія; ходъ общаго изученія потенціальности въ природѣ. — X. Бытіе образующееся; два начала входящія въ него; противоположность этихъ началъ; особенности образующагося бытія, какъ слѣдствіе этой противоположности; сущность процесса образованія; модусы образующагося существованія. — XI. Бытіе реальное и три вида его. Общія замѣчанія о всѣхъ видахъ существованія; трудность правильнаго пониманія этихъ видовъ; какъ примирить простоту существованія съ разнообразіемъ формъ его; какъ слѣдуетъ понимать убываніе и прибываніе существованія; неразрѣшимость вопроса о существованіи небытія: очевидность того, что оно существуетъ; и невозможность для мышленія допустить, что оно существовало. — XII. *Ученіе о существованіи вещей въ космосѣ*; планъ изложенія задачъ этого ученія. — XIII. О формѣ существованія матеріи: матерія не есть только потенція оформленныхъ вещей; доказательство, что матерія никогда не была безвидна. — XIV. О существо-

ваніи формъ; доказательство, что въ каждой частицѣ пространства существуютъ всѣ дѣйствительныя и возможныя формы; особенности въ существованіи формъ. — XV. О существованіи элементовъ вещества; почему ихъ существованіе неизмѣнно. — XVI. О существованіи соединеній изъ элементовъ; о постепенномъ распредѣленіи потенціальности опредѣленной и неопредѣленной, и о связи этого распредѣленія съ совершенствомъ реальныхъ существъ, возникающихъ изъ потенціальности. — XVII. О существованіи смѣсей; неопредѣленность ихъ потенцій. — XVIII. О существованіи горныхъ породъ; начало распредѣленія въ ихъ потенціальности элементовъ опредѣляющихъ и опредѣляемыхъ. — XIX. О существованіи минераловъ аморфныхъ и кристаллическихъ; дальнѣйшее распредѣленіе въ ихъ потенціальности началъ опредѣляющаго и опредѣляемаго. — XX. О формѣ существованія растеній; совершенное распредѣленіе въ ихъ потенціяхъ началъ образующаго и образуемаго; явленія жизни растеній, какъ необходимое слѣдствіе этой распредѣленности обоихъ началъ; объясненіе процессовъ питанія, роста, движенія соковъ, вдыханія и выдыханія, цвѣтенія и смерти растеній; что такое сѣмя по отношенію къ цѣльному растенію. О формѣ существованія животныхъ. — XXI. О существованіи явленій; объясненіе, почему они не имѣютъ формы образующагося существованія. — XXII. *О существованіи космоса, какъ цѣлаго.* Какъ слѣдуетъ понимать его образующееся существованіе? Какъ слѣдуетъ понимать его потенціальное существованіе? Трудность вопросовъ, предстоящихъ этой формѣ пониманія.

I. *Ученіе о познаваемомъ* — послѣдняя изъ трехъ основныхъ формъ пониманія — распадается на ученіе о двухъ мірахъ: о мірѣ, въ которомъ живетъ человѣкъ, и о мірѣ, которымъ живетъ онъ; о мірѣ, имъ созданномъ, и о мірѣ, который не имъ созданъ; о мірѣ Божіемъ и о Мірѣ человѣческомъ.

Первое изъ этихъ двухъ ученій есть *Ученіе о Космосѣ.* Согласно съ природою пониманія, оно должно обнять собою всѣ стороны его, соотвѣтствующія схемамъ разума и черезъ это выдѣлить изъ себя рядъ формъ, которыя будутъ третичными въ общемъ ученіи о познаваемомъ. Въ отдѣльности каждая изъ этихъ формъ обниметъ собою какую либо одну сторону міра, всѣ же вмѣстѣ онѣ сложатся въ цѣльное и законченное міропониманіе.

Эти ученія о сторонахъ космоса всѣ тройственны. Каждое изъ нихъ внутренно распадается на три формы, изъ которыхъ въ первой содержится общая теорія того, что какъ частное проявленіе разсматривается въ двухъ остальныхъ формахъ. Изъ этихъ послѣднихъ одна обнимаетъ собою проявленіе этого общаго въ Космосѣ, какъ въ цѣломъ; а другая — проявленіе этого общаго въ вещахъ,

лежащихъ въ Космосѣ, и въ явленіяхъ, совершающихся въ немъ.

Такимъ образомъ міропониманіе будетъ и совершенно, и полно, если оно познаетъ, во-первыхъ, что такое существованіе вообще, безъ отношенія его къ тому, что́ существуетъ и въ чёмъ существуетъ — и понявъ это міровое явленіе во всей его общности и отвлеченіи, опредѣлитъ затѣмъ форму существованія лежащаго въ Космосѣ и самого Космоса; во-вторыхъ когда познаетъ, что́ таковъ сущность въ самой себѣ, какъ основа, на которой зиждется все остальное — и затѣмъ раскроетъ сущность вещей въ Космосѣ и сущность самого Космоса; въ третьихъ, когда познаетъ, что́ такое свойство, какъ проявленіе сущности — и изслѣдуетъ свойства всего лежащаго въ Космосѣ и свойства Космоса, какъ цѣлаго; въ четвертыхъ, когда познаетъ, что такое причинность въ самой себѣ — и затѣмъ изучитъ распредѣленіе причинности въ Космосѣ и откроетъ причину Космоса; въ пятыхъ, когда познаетъ, что такое цѣль и средства въ самихъ себѣ — и затѣмъ прослѣдитъ цѣлесообразность въ Космосѣ и откроетъ цѣль Космоса; въ шестыхъ, когда познаетъ, что такое сходство и различіе — и опредѣлитъ сходное и различное въ Космосѣ и сходство и различіе познаваемаго Космоса отъ познающаго духа; въ седьмыхъ, когда пойметъ количественность и откроетъ всѣ количественныя соотношенія существующаго и совершающагося въ Космосѣ, и изучитъ количественную сторону въ частяхъ самого космоса.

Вотъ третичныя вѣтви общаго ученія о Космосѣ. Если въ тройственномъ составѣ этихъ ученій мы выдѣлимъ всѣ первые члены и соединимъ ихъ въ одно, то получится *общая теорія бытія;* если выдѣлимъ и соединимъ въ одно рядъ вторыхъ членовъ, то получится *ученіе о вещахъ* и *явленіяхъ въ космосѣ;* если выдѣлимъ и соединимъ третьи члены, то получится *ученіе о космосѣ, какъ цѣломъ.* Такимъ образомъ естественно и необходимо группируясь въ одномъ строго опредѣленномъ порядкѣ, эти формы наукъ могутъ быть разсматриваемы разумомъ съ двухъ

точекъ зрѣнія: или какъ ученія, обнимающія стороны бытія, и тогда каждое изъ нихъ будетъ тройственно по числу видовъ бытія (чистое, частное, общее), всѣхъ же ученій будетъ семь; или ихъ можно разсматривать какъ ученія о бытіи въ его видахъ — и тогда каждое изъ нихъ будетъ семиричпо по числу сторонъ бытія, всѣхъ же ихъ будетъ три: ученіе о чистомъ бытіи, ученіе о дробномъ (частномъ) бытіи и ученіе о цѣломъ (общемъ) бытіи. Внѣ этихъ ученій ничего не можетъ быть познано ни о мірѣ, ни о томъ, что лежитъ въ немъ.

Разсмотримъ внимательно внутреннее строеніе каждой изъ этихъ формъ, и опредѣлимъ, какія задачи предстоитъ выполнить каждой изъ нихъ, и какъ онѣ могутъ быть выполнены.

II. *Ученіе о существованіи* — первая изъ третичныхъ формъ въ ученіи о познаваемомъ — согласно указанному ранѣе составу всѣхъ ихъ, распадается на *Общее ученіе о существованіи*, и на два частныя: на *Ученіе о существованіи вещей въ космосѣ*, и на *Ученіе о существованіи космоса, какъ цѣлаго*.

Общее ученіе о существованіи должно познать явленіе пребыванія въ Космосѣ безъ отношенія къ самому Космосу и къ тому, что есть въ немъ. Здѣсь выдѣляется это явленіе изъ міра реальнаго и разсматривается само по себѣ, какъ нѣчто самосущее, проникающее этотъ міръ. Необходимость и возможность этой формы науки видна изъ слѣдующаго: изучая существованіе Космоса (или чего-либо единичнаго въ немъ), мы изучаемъ Космосъ въ одномъ изъ его проявленій; но не изучаемъ еще самое существованіе, какъ нѣчто проявляющееся въ Космосѣ. Это чистое существованіе, изученіе котораго мы выдѣлимъ въ особую форму науки, общѣе, первоначальнѣе и неуничтожимѣе Космоса; потому что и тогда, когда онъ не появился еще, уже было существованіе того, что потомъ вызвало его къ бытію; и тогда, когда исчезнетъ онъ въ наблюдаемыхъ формахъ своихъ, останется еще существованіе того, что уничтожитъ его; только тогда, когда

исчезнетъ самое существованіе, не останется уже ничего,— не будетъ даже пустоты, не будетъ этого самаго *ничего*. Правда, существуетъ всегда *что нибудь;* но это существующее измѣняется, тогда какъ самое существованіе остается неизмѣнно. Слѣдовательно существованіе не нужно смѣшивать съ существующимъ; оно не то же, что это послѣднее, отлично и отдѣльно отъ него, хотя и является всегда вмѣстѣ съ нимъ. Вещи существуютъ, когда соединяются съ существованіемъ; но чтобы понять, что̀ это такое, что онѣ существуютъ — необходимо понять предварительно, что такое самое существованіе, разсматриваемое внѣ соединенія съ вещами, которымъ оно придаетъ дѣйствительность.

II здѣсь, чтобы, разрѣшая вопросъ объ этомъ загадочномъ явленіи, не забыть чего-либо и черезъ это не затруднить рѣшеніе самого вопроса, слѣдуетъ все изученіе медленно и обстоятельно вести по схемамъ разума. Такимъ образомъ общее ученіе о существованіи распадается на слѣдующія формы, уже четверичныя въ ученіи о познаваемомъ: на ученіе о существованіи, природѣ, свойствахъ, происхожденіи, цѣли, сходствѣ и различіи, и количественной сторонѣ существованія.

III. Въ первомъ изъ этихъ ученій разрѣшается, такимъ образомъ, вопросъ о существованіи самого существованія. Каковъ точный смыслъ этого вопроса, что именно должно быть познано для наполненія содержаніемъ этой формы пониманія? Этимъ содержаніемъ должно стать точное знаніе о дѣйствительности или мнимости существованія, его субъективности или объективности, и далѣе — о прерывности или непрерываемости, уничтожаемости или неуничтожимости его. Быть можетъ существованіе есть только иллюзія ума человѣческаго, есть нѣчто мыслимое и важущееся, но не дѣйствительно существующее. И даже въ томъ случаѣ, когда оно дѣйствительно есть, и эта дѣйствительность его допускаетъ доказательства, можетъ случиться, что оно имѣетъ не объективное положеніе, но субъективное; т. е. оно заключено внутри сознанія и только

ошибочно переносится послѣднимъ за свои границы,—въ самомъ же дѣлѣ внѣ сознающаго духа ничего нѣтъ кромѣ иллюзій его въ формѣ образовъ (мнимый міръ вещей) и кромѣ мыслей объ этихъ образахъ (мнимыя отношенія между вещами). Наконецъ, если могутъ быть найдены доказательства дѣйствительности и объективности существованія, нужно разрѣшить вопросъ, на который мы отвѣтили приблизительно выше, но который нуждается въ дальнѣйшихъ изысканіяхъ — въ какомъ смыслѣ нужно понимать существованіе? т. е. есть ли только существующія вещи, или есть самое существованіе, независимое отъ этихъ вещей и проявляющееся въ ихъ бытіи? Которое предсуществуетъ вещамъ, и только до времени остается для чувствъ недоступнымъ — какъ нѣчто сверхчувственное, и для разума непостижимымъ — какъ вѣчно сопутствующее вещамъ, какъ никогда, въ доступномъ для него мірѣ, не отдѣляющееся отъ нихъ; но что становится и для чувствъ познаемымъ и для разума мыслимымъ, присоединяясь къ вещамъ въ моментъ ихъ возникновенія?

Когда такимъ образомъ вполнѣ и совершенно будутъ разрѣшены вопросы о томъ, есть ли существованіе и въ какомъ смыслѣ оно есть, можно будетъ приступить къ самому познанію его, какъ уже твердо установленнаго объекта, о которомъ правда еще ничего неизвѣстно, но о которомъ уже разумъ знаетъ, что онъ существуетъ.

IV. Ученіе о природѣ существованія должно отвѣтить на вопросъ, что такое это существованіе, независимое отъ вещей и только проявляющееся въ нихъ, какъ одна изъ сторонъ ихъ? Къ правильному разрѣшенію этого вопроса ведутъ два пути: путь постепеннаго изъятія изъ существующаго его содержанія — до совершеннаго уничтоженія этого существующаго, и путь постепеннаго прибавленія къ чистому «ничто» реальнаго содержанія — до появленія существующей вещи. Въ обоихъ процессахъ — какъ отнятія, такъ и прибавленія — мы необходимо переидемъ черезъ нѣкоторый моментъ, когда исчезнетъ или появится существованіе; и то, что мы прибавляли или

отнимали въ этотъ моментъ, и будетъ составлять сущность изучаемаго явленія. Потому что если ни ранѣе этого прибавленія не было существованія, ни послѣ этого отнятія его не оставалось; то ясно, что прибавляемое и отнимаемое и есть самое существованіе. И такъ, пусть передъ нами лежитъ какая-нибудь единичная реальная вещь. Станемъ уничтожать въ ней (мысленно или дѣйствительно — безразлично, потому что здѣсь нѣтъ не сознаніе чего-либо, но пониманіе), *одно за другимъ* то, что составляетъ ея содержаніе, изъ чего состоитъ она. Вотъ мы отняли у нея одинъ за другимъ всѣ признаки — и передъ нами остается еще что-то, правда неразличимое уже отъ многихъ единичныхъ вещей, отъ которыхъ мы нѣкогда различали лежащую вещь по свойствамъ; но однако сходную по своей природѣ съ нѣкоторыми родами, къ которымъ мы и прежде относили ее. Отнимемъ у нея самую эту природу — останется еще нѣчто, о чемъ мы правда уже ничего не знаемъ, но что происходитъ отъ нѣкоторой видимой нами причины и даетъ изъ себя видимое нами слѣдствіе. Уничтожимъ эту связь оставшагося съ причиною и слѣдствіемъ, и вообще перервемъ въ немъ всякую связь съ міромъ единичныхъ и конкретныхъ вещей. — все еще останется нѣчто, что пребываетъ, что находится, что существуетъ. Что же нужно еще сдѣлать, чтобы перейти къ чистому «ничто»? Это можно узнать косвенно, именно опредѣливъ, чего уже невозможно сдѣлать: невозможно *измѣнить* остающееся существующее, такъ какъ оно не имѣетъ уже никакого образа, къ которому можно было бы что-нибудь прибавить или отъ котораго можно было бы что-нибудь отнять; невозможно *взять* изъ него что нибудь, такъ какъ уже изъято все, кромѣ самого существованія, о способѣ уничтожить которое и идетъ вопросъ. Итакъ единственное, что остается еще, это *отношеніе* безразличнаго существующаго къ чему-то, уничтоживъ которое (отношеніе) мы быть можетъ уничтожимъ и самое существующее. Но отношеніе его къ міру единичныхъ конкретныхъ вещей уже по-

рвано; слѣдовательно остается еще уничтожить отношеніе его къ тому, что не единично и не конкретно. Это оставшееся, связь съ чѣмъ еще не порвана — пространство; только съ нимъ однимъ еще соприкасается то, что осталось отъ постепенно уничтожаемой вещи; прекратимъ это соприкосновеніе — и она исчезнетъ. И такъ если до уничтоженія этого соприкосновенія съ пространствомъ все еще существовало что-то, послѣ уничтоженія же этого соприкосновенія уже ничего не было; то ясно, что самое существованіе и есть соприкосновеніе съ пространствомъ. Равнымъ образомъ если къ пустому «ничто» мы прибавимъ сущность, затѣмъ надѣлимъ ее признаками, наконецъ дадимъ ему причину и создадимъ изъ нея слѣдствія, то оно еще не будетъ реальнымъ предметомъ, но только образомъ — мыслимымъ, но не существующимъ; будетъ представленіемъ вещи, но не самою вещью. И только тогда, когда синтезъ всего нами созданнаго соприкоснется съ пространствомъ, онъ станетъ реальностью. Слѣдовательно и здѣсь переходъ отъ несуществованія къ существованію совершается черезъ соприкосновеніе съ пространствомъ, что также подтверждаетъ, что въ этомъ соприкосновеніи и состоитъ природа существованія, какъ космическаго явленія.

Такимъ образомъ существованіе есть отношеніе измѣняющихся конкретныхъ вещей къ своему неизмѣнному и вѣчному условію — пространству, есть соприкосновеніе съ этимъ условіемъ. Но не слѣдуетъ думать, что существованіе есть замѣщеніе нѣкоторой части пространства; такъ какъ многое существуетъ не занимая пространства, хотя нѣтъ ничего изъ существующаго, что не помѣщалось бы въ немъ; напр. мысль, идея, желаніе, чувство существуютъ въ пространствѣ не занимая его.

Такъ какъ пространство по самой природѣ своей есть нѣчто совершенно однородное (во всѣхъ частяхъ своихъ тожественное); и такъ какъ соприкосновеніе есть явленіе простое и чистое (несложное) — то и существованіе, состоящее изъ соприкосновенія съ пространствомъ, повиди-

мому должно быть однороднымъ, постояннымъ и неизмѣняющемся. И если намъ представляется порою, что оно измѣняетъ свои формы, то трудно не признать, что это измѣненіе только кажущееся и мнимое, но не дѣйствительное. Оно состоитъ не столько въ измѣненіи самаго существованія, сколько въ измѣненіи отношеній существующаго къ міру единичныхъ конкретныхъ вещей — то въ погруженіи его въ этотъ міръ и смѣшеніи съ нимъ, то въ выдѣленіи изъ него и обнаруженіи себя. Все, что существуетъ, повидимому существуетъ неизмѣнно въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ всегда существовало; и только для ограниченнаго чувства человѣка можетъ казаться что что нибудь возникаетъ или что нибудь исчезаетъ; въ самомъ же дѣлѣ все только или проявляется или скрывается, въ одномъ случаѣ дѣлаясь явнымъ для ощущенія, въ другомъ переставая дѣйствовать на него.

V. Ученіе о свойствахъ существованія распадается на двѣ формы: на ученіе о свойствахъ основныхъ и на ученіе о признакахъ. Въ первомъ выводятся аттрибуты существованія, вытекающіе изъ его сущности, уже раскрытой въ предъидущемъ ученіи; во второмъ опредѣляется то, черезъ что распознается существованіе, что служитъ признакомъ или его присутствія или его отсутствія. Тѣ и другія свойства выводятся чисто умозрительно; такъ какъ по самому предмету познанія, недоступному для чувственнаго ощущенія, здѣсь не можетъ быть примѣненъ никакой другой способъ. Познаніе основныхъ свойствъ существованія необходимо для пониманія начальныхъ основъ міростроенія: ясное и правильно построенное, оно можетъ разсѣять тотъ вѣчный сумракъ, которымъ повидимому природа одѣла первые источники своего бытія, и въ которомъ скрыла отъ любопытства разума послѣднюю разгадку всего, что знаетъ онъ. Сюда относится напр. свойство неуничтожимости существованія, если только послѣднее дѣйствительно таково; а также и другія многія свойства. Всѣ они могутъ пролить нѣкоторый свѣтъ знанія на тѣ доступные намъ въ существованіи, но усколь-

зающіе отъ всякаго анализа элементы бытія, каковы сила, атомъ, законъ и пр. Опредѣленіе признаковъ существованія важно въ двоякомъ отношеніи: черезъ нихъ открываются всѣ новые объекты познанія, и черезъ нихъ доказывается многое такое, что до сихъ поръ не могло быть доказано никакимъ способомъ. Что открытіе новыхъ объектовъ познанія совершается черезъ предварительное открытіе признаковъ существованія этихъ объектовъ, это ясно изъ всего, что было сказано ранѣе о процессѣ образованія полнаго пониманія. Что же касается до того, что твердо построенная теорія опредѣленія признаковъ существованія можетъ послужить источникомъ такихъ доказательствъ, которыя до сихъ поръ не могли быть найдены никакими усиліями, то это требуетъ объясненія. Есть вещи въ мірозданіи, которыя никогда не могутъ быть познаны, но о существованіи которыхъ человѣкъ можетъ знать; и есть другія вещи, которыя уже съ значительнымъ совершенствомъ познаны теперь, но о которыхъ, какъ это ни странно повидимому, онъ не знаетъ еще, существуютъ онѣ или нѣтъ. Первыя относятся къ тѣмъ высшимъ и темнымъ областямъ бытія, въ которыя еще ни разу не проникалъ *знающій* взглядъ человѣка; эти области могутъ быть совершенно недоступны для человѣка всѣми сторонами своего бытія, но однако могутъ быть познаны въ одной изъ этихъ сторонъ — къ существованіи. Такова быть можетъ первая причина самого бытія. Здѣсь хотя познаніе по необходимости будетъ неполнымъ, будетъ только въ зачаточномъ состояніи; но тѣмъ не менѣе по глубокой важности самого предмета оно будетъ исполнено великаго интереса и значенія. Въ простомъ отрицаніи или въ простомъ утвержденіи здѣсь можетъ заключаться неизмѣримо высшій смыслъ, нежели въ подробномъ и отчетливомъ знаніи чего-либо мелочнаго, ничтожнаго. Къ предметамъ, которые познаны достаточно, но относительно которыхъ нѣтъ еще всеобщей и несомнѣнной увѣренности, существуютъ они или нѣтъ, принадлежитъ духовное существо самого человѣка;

здѣсь мы видимъ, что психическія явленія описаны и разъяснены достаточно, самое же существованіе того въ чемъ происходятъ они (*ψυχή*) до сихъ поръ подвергается сомнѣнію.

Это важное ученіе о признакахъ существованія должно быть развито въ рядъ строгихъ правилъ, съ помощью которыхъ возможно было бы безошибочное утвержденіе или отрицаніе существованія тамъ, гдѣ оно не можетъ быть открыто и доказано непосредственно, но только косвенно. Эта косвенность и должна состоять въ замѣнѣ указанія на самое существованіе — гдѣ оно невозможно — указаніемъ на признаки существованія, которые должны быть заранѣе изучены и классифицированы въ разсматриваемой формѣ пониманія. Какъ образчикъ подобныхъ правилъ, съ помощью которыхъ открывается и доказывается присутствіе неизвѣстнаго, можно привести слѣдующее: «существованіе скрытаго неизвѣстнаго несомнѣнно, когда въ познанномъ извѣстномъ, разложенномъ на причины и слѣдствія, обнаруживаются слѣдствія, не могущія быть отнесенными ни къ одной изъ полученныхъ отъ разложенія причинъ; т. е. когда въ слѣдствіяхъ обнаруживается избытокъ въ сравненіи съ причинами».

VI. Ученіе о происхожденіи существованія должно открыть и доказать или самосущность его, т. е. первоначальность, вѣчность и нескончаемость; или указать источникъ, его породившій, т. е. найти причину, вызвавшую самое существованіе къ бытію. То или другое разрѣшеніе этого вопроса возможно сдѣлать, и при томъ въ точныхъ формахъ, разсматривая глубже сущность и основные аттрибуты существованія. Потому что причина, какъ бы повидимому непостижима ни была она, всегда можетъ быть постигнута черезъ пристальное разсматриваніе слѣдствія, которое порождено ею, — въ данномъ случаѣ черезъ разсматриваніе самого существованія; ибо это слѣдствіе какъ бы низводитъ причину до насъ, и въ своей природѣ скрываетъ и раскрываетъ тайную природу своего источника. Познавая причину черезъ слѣдствіе мы какъ бы

познаемъ невидимое отражающееся черезъ наблюдаемое отраженіе; и вся достовѣрность познанія здѣсь зависитъ отъ точнаго знанія законовъ отраженія, или — переходя отъ примѣра къ самому дѣлу — отъ истиннаго пониманія соотношеній между причиною и слѣдствіемъ.

Такъ если существованіе не первоначально, то была какая-то причина, нѣкогда породившая его; но для того, чтобы породить слѣдствіе, дѣйствительно существующее (каково пребываніе), эта причина должна была сама существовать, т. е. уже заключать въ себѣ существованіе; откуда слѣдуетъ, что существованіе не могло быть позднѣе своей причины. Если же существованіе совѣчно со своей причиной, причина же эта не можетъ быть не первоначальна, то слѣдовательно безусловно первоначально и самое существованіе; по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что не было ничего ранѣе его, и оно не было позднѣе чего-либо. Но эта первоначальность не обозначаетъ непроизводимости: хотя невозможно, чтобы существованіе было позднѣе чего-либо, однако возможно, что оно порождено причиною, ему одновременною; какъ возможно, что оно и ничѣмъ не произведено, но всегда пребывало само-по-себѣ. Приблизиться къ разрѣшенію этого сомнѣнія, съуживая возможные на него отвѣты, можно черезъ разсмотрѣніе основнаго аттрибута существованія — его простоты. Простое (не сложное) можетъ быть произведено или простымъ же, или сложнымъ. Но простое можетъ произвести простое только послѣ себя, иначе оно слилось бы съ нимъ, отожествилось, стало бы одно; такъ напр. движеніе можетъ произвести движеніе же только совершившись. Выше же было доказано, что существованіе было не послѣ своей причины; слѣдовательно произвести его могло только нѣчто сложное. Сложное же можетъ произвести простое только разложившись на свои начала, т. е. высвободивъ изъ себя, какъ часть себя, это простое, входившее въ него. Слѣдовательно по происхожденію своему существованіе есть или первоначальное самосущее (безпричинное), или оно есть первоначальная часть самосущей причины всего,

нѣкогда цѣльной, но потомъ разложившейся и выдѣлившей изъ себя существованіе, которое дало бытіе всему, войдя въ это все, какъ одна изъ сторонъ его. Но если эта первоначальная самосущая причина всего выдѣлила нѣкогда изъ себя существованіе, то съ нимъ она лишилась той стороны бытія, безъ которой невозможно дальнѣйшее соединеніе и пребываніе другихъ сторонъ его (сущности, атрибутовъ и пр.); т. е. съ выдѣленіемъ существованія, нѣкогда совершившимся, эта первоначальная самосущая причина всего перестала сама существовать, и давъ жизнь всему, исчезла перейдя во все.

VII. Ученіе о цѣли существованія должно отвѣтить на вопросъ, для чего появилось оно; или, если ему присуща вѣчность — какой смыслъ и значеніе имѣетъ это вѣчное пребываніе его? На этотъ вопросъ о первоначальномъ и конечномъ назначеніи существованія можно отвѣтить, разсмотрѣвъ, что̀ выполнило оно появившись, или что̀ производитъ пребывая. Появившись (или существуя) оно не пребыло само по себѣ, одно; но присоединившись къ чему-то произвело существующее, т. е. міръ вещей и явленій. Итакъ существованіе овеществило нѣчто; и слѣдовательно, чтобы овеществить, появилось. Что же именно овеществило оно? То, чѣмъ бываютъ вещи ранѣе, чѣмъ присоединяется къ нимъ существованіе; и чѣмъ снова становятся онѣ, когда лишаются его. Но такъ какъ и вещи, потерявъ существованіе, становятся только символами, общими типами, идеями вещей — напр. кругъ исчезнувъ оставляетъ въ воспоминаніи представленіе круга, въ которомъ есть все, что и въ исчезнувшемъ, кромѣ дѣйствительности, т. е. существованія; и такъ какъ и идеи вещей, если имъ придать существованіе, становятся дѣйствительными вещами, — напр. представляемый мысленно кругъ будучи изображеннымъ становится дѣйствительнымъ кругомъ; — то трудно воздержаться отъ мысли, что первоначальное и конечное назначеніе существованія состояло въ томъ, чтобы осуществить идеи въ вещахъ, и міръ, нѣкогда помысленный, сдѣлать дѣйствительнымъ.

VIII. Ученіе о сходствѣ и различіи бытія (пребыванія) есть ученіе о *формахъ существованія*. Эти формы суть слѣдующія: *небытіе, бытіе потенціальное, бытіе образующееся* и *бытіе реальное*. Разсмотримъ каждую изъ этихъ формъ.

Небытіе, какъ противоположность бытія, какъ его отрицаніе, или быть можетъ — какъ его исходная точка. Не слѣдуетъ небытіе смѣшивать съ пустотою; потому что пустота существуя тѣмъ самымъ заключаетъ въ себѣ нѣкоторое существованіе и становится бытіемъ. Небытіе есть только противящееся бытію, недопускающее его и несовмѣстное съ нимъ.

Интересенъ вопросъ, можетъ ли небытіе какимъ-либо образомъ, при какихъ-либо условіяхъ, перейти въ бытіе? т. е. въ томъ смыслѣ, что въ небытіи, безъ участія чего-либо внѣшняго, можетъ ли само съ собою возникнуть и развиться бытіе? Вопросъ этотъ не только интересенъ самъ по себѣ, но также и важенъ для разрѣшенія множества другихъ интересныхъ вопросовъ; потому что съ появленіемъ напр. человѣка въ мірѣ появилось повидимому многое такое, чего въ немъ ранѣе совершенно не было; именно сюда относится вся область духовнаго творчества человѣка — творчество художественное, политическое, религіозное. Если мы признаемъ, что въ небытіи не можетъ зародиться бытіе, то ясно, что все творчество человѣческое въ какой то тайной формѣ существовало уже ранѣе, чѣмъ появился самъ человѣкъ; и эти тайныя формы онъ только воспринялъ въ себѣ и выразилъ явно въ своей исторіи. Если же мы не признаемъ возможнымъ допустить это, то тѣмъ самымъ вынуждены будемъ допустить непостижимую тайну возникновенія въ небытіи бытія, возникновенія самопроизвольнаго, безъ всякой внѣшней привносящей причины.

Чтобы разрѣшить какъ этотъ, такъ и многіе другіе вопросы о формахъ бытія, частію возникающіе тотчасъ при мысли о нихъ, частію могущіе возникнуть впослѣдствіи, недостаточно ограничиваться общими представле-

ніями объ этихъ формахъ, но необходимо подвергнуть ихъ всестороннему изученію по всѣмъ схемамъ разума.

Итакъ, первый вопросъ, который предстоитъ разрѣшить здѣсь, заключается въ томъ, существуетъ ли вообще небытіе? Трудно разрѣшить его непосредственно; но, какъ кажется, въ самомъ утвержденіи «существуетъ небытіе» есть нѣкоторое внутреннее противорѣчіе: существовать можетъ только что-нибудь, и существуя «небытіе» уже заключаетъ въ себѣ существованіе, т. е. становится бытіемъ. Пустота правда существуетъ; но она несомнѣнно отличается отъ небытія; она есть нѣкоторое положительное условіе для бытія, потому что замѣщается имъ. Отрицаніе также существуетъ; но и его не слѣдуетъ смѣшивать съ небытіемъ, потому-что оно предполагаетъ отрицаемое и даже указываетъ на него; небытіе же ничего не предполагаетъ — его просто нѣтъ. Итакъ вѣроятнѣе, что существуетъ только бытіе; небытіе же не дѣйствительно; оно только мнимо разумомъ, какъ противоположное бытію, которое онъ знаетъ и которое онъ познаетъ. Замѣтимъ, что если это дѣйствительно такъ (а кажется, въ этомъ нельзя сомнѣваться), то разсматриваемый случай представитъ любопытный образчикъ того явленія, что и несуществующее можетъ быть мыслимымъ, и притомъ мыслимое о немъ можетъ быть правильно и неправильно; откуда слѣдуетъ, что и то, чего нѣтъ, можетъ быть предметомъ какъ истины, такъ и заблужденія.

Возможно, впрочемъ, и то, что небытіе, въ ограниченномъ, неполномъ смыслѣ — какъ противоположное бытію, появляется въ моментъ исчезновенія этого послѣдняго, и пропадаетъ, когда исчезновеніе совершилось, становясь тогда чистымъ небытіемъ; потому что въ противоположность всему другому небытіе дѣйствительно только тогда, когда его нѣтъ.

Второй вопросъ, что такое это небытіе? Такъ какъ небытія въ дѣйствительности нѣтъ, и есть только идея о немъ; то вопросъ этотъ сводится къ возможно точному опредѣленію этой идеи, къ возможно ясному и истинному

выраженію понятія о небытіи. Выше было сказано, что небытіе нельзя назвать ни пустотою, ни отрицаніемъ только. Про него нельзя также сказать и того, что оно есть «отсутствіе бытія»; потому что отсутствуетъ то, что еще не явилось, или то, что уже исчезло; и говоря такъ о небытіи мы приписываемъ ему указаніе на эту двойственную возможность, тогда какъ оно ни на что не указываетъ, ибо его нѣтъ. Быть можетъ самое правильное отношеніе къ небытію и самое правильное выраженіе его было бы *неопредѣленное отрицаніе;* неопредѣленное потому, что все опредѣляющее, ограничивающее, отличающее свойственно бытію. Небытіе есть нѣчто несказуемое, невыразимое; о чемъ не слѣдуетъ ни говорить, ни думать; и только отрицать все, что по неосторожности кто-нибудь сталъ бы говорить или думать о немъ.

Ясно, что вся эта форма науки, равно какъ и послѣдующія ученія о небытіи, должны измѣниться, въ случаѣ еслибъ нашлось доказательство его не мнимости только, но дѣйствительности.

Третій вопросъ, каковы свойства небытія, или, если оно не дѣйствительно, что можетъ быть выведено, какъ слѣдствіе, изъ его положительнаго опредѣленія?

Если небытіе недѣйствительно, то опредѣленіе его въ отличіе отъ опредѣленій всего другого является замкнутымъ въ себѣ, не раскрывающимся ни въ какія понятія, не выпускающимъ изъ себя никакихъ слѣдствій. Если же небытіе дѣйствительно, то его опредѣленіе допускаетъ выводъ ряда отрицательныхъ положеній, выражающихъ его отрицательные аттрибуты, или, что то же, отрицающихъ въ немъ присутствіе положительныхъ свойствъ, каковы: «небытіе неизмѣнчиво», потому что нѣтъ ничего, во что оно могло бы измѣниться продолжая быть небытіемъ; «небытіе неуничтожимо», потому что прерваться его существованіе (въ случаѣ, если мы допускаемъ послѣднее) могло бы лишь тогда, когда оно внутренно переродилось бы въ бытіе, что невозможно; «небытіе не связано съ чѣмъ-либо» — ни сходствомъ, потому что ни

съ чѣмъ не имѣетъ ничего общаго; ни различіемъ даже, потому-что противоположно всему; ни причиною, потому-
7 что ничто не породило его; ни цѣлью, потому что ничего не стремится и ничего не можетъ породить.

Четвертый вопросъ, откуда и какъ произошло небытіе, если оно дѣйствительно, или какъ возникла идея о немъ, если оно недѣйствительно? Идея о небытіи могла возникнуть изъ идеи бытія, черезъ отрицаніе въ послѣднемъ всего, что составляетъ его и что есть въ немъ. Такъ изъ понятія, что «бытіе есть нѣчто существующее, обладающее природою, надѣленное свойствами, производимое и производящее, сравнимое и измѣримое» получается, черезъ отрицаніе утверждаемаго, понятіе небытія: «есть нѣчто противоположное бытію, лишенное существованія, природы и аттрибутовъ, непроисходящее и непроизводящее несравнимое и неизмѣримое». Если же небытіе дѣйствительно, то (смотря потому, въ какомъ смыслѣ понимать его) оно или безначально, или происходитъ вслѣдствіе исчезновенія бытія. Если понимать его не какъ отрицаніе бытія только, но какъ нѣчто самостоятельное, въ самомъ себѣ пребывающее, то оно безначально; потому что какъ могло произойти твореніе «несуществованія», и въ чемъ могъ состоять актъ творчества, «ничто» породившій? Если же понимать «небытіе» въ смыслѣ менѣе совершенномъ, т. е. лишь какъ отрицаніе бытія, какъ пустоту, являющуюся тамъ, гдѣ оно исчезаетъ, тогда возникновеніе его становится и возможнымъ, и понятнымъ: оно кроется въ томъ несовершенномъ исчезновеніи, которое имѣетъ мѣсто въ наружныхъ явленіяхъ природы. Такъ когда разрушается какой-либо предметъ или прекращается какое-либо дѣйствіе природы, тогда наступаетъ небытіе для разрушившагося и прекратившагося, небытіе такимъ образомъ *частное* (касающееся только опредѣленнаго предмета или явленія) и *несовершенное* (потому что предметъ или явленіе не исчезли совершенно, но исчезла только прежняя форма бытія ихъ, замѣнившись другою).

Въ-пятыхъ, вопросъ о цѣли небытія. Если цѣль пони-

мать, какъ нѣчто такое, къ *осуществленію* чего стремится что-либо, то ея не можетъ быть у небытія; потому что будучи несуществующимъ, оно не можетъ осуществить что-либо существующее иначе, какъ переродившись въ бытіе; и не можетъ стремиться къ этому, такъ какъ лишено всего, что въ состояніи было бы измѣняться, — а стремленіе есть видъ измѣненія.

Въ-шестыхъ, вопросъ о сходствѣ и различіи небытія. Небытіе имѣетъ только одну категорію отношенія: оно тожественно самому себѣ. Но ни съ чѣмъ другимъ оно не имѣетъ ни сходства, ни различія даже. Сходства оно не имѣетъ ни съ чѣмъ, потому что единственное, чѣмъ обладаетъ оно — это несуществованіе, всего же остальнаго оно лишено; напротивъ все другое, съ чѣмъ его можно было бы сравнить, хотя и обладаетъ всѣмъ, чего нѣтъ въ небытіи, однако лишено именно того одного, что есть въ немъ — несуществованія. Замѣтимъ еще, что еслибъ небытіе имѣло съ чѣмъ нибудь сходство, то оно слилось бы съ нимъ, какъ съ тожественнымъ; потому что, въ случаѣ своей дѣйствительности, небытіе имѣетъ только существованіе и ничего другого; но и то, съ чѣмъ оно имѣло бы сходство, также содержитъ въ себѣ существованіе; такимъ образомъ имѣя нѣчто общее и ничего различающаго, они обратились бы при сравненіи въ тожество, и слились бы, какъ часть сливается со своимъ цѣлымъ. Различія же съ чѣмъ либо небытіе потому не имѣетъ, что это послѣднее указываетъ на существованіе нѣкоторыхъ не общихъ признаковъ у различаемаго, нѣкоторую степень разницы въ сравниваемомъ; небытіе же не имѣетъ никакихъ признаковъ, и нѣтъ степени разницы между ними и бытіемъ. Оно не существуетъ, а съ тѣмъ, чего нѣтъ, ничего нельзя ни сравнивать, ни сличать, ни различать.

Въ седьмыхъ, о количественной сторонѣ небытія. Здѣсь слѣдуетъ разсмотрѣть, можетъ ли небытіе увеличиваться или уменьшаться, и можетъ ли оно дѣлиться, или же всегда цѣльно и едино. Какъ кажется справедливѣе думать, что небытіе недѣлимо, во 1-хъ потому, что оно

не связано ни съ пространствомъ, ни съ временемъ, а во 2-хъ потому, что раздѣляя небытіе въ чемъ и черезъ что мы стали бы проводить дѣленіе? Что касается до увеличенія и уменьшенія, то понимаемое въ абсолютномъ смыслѣ небытіе неувеличимо и неуменьшимо, а понимаемое въ частномъ и ограниченномъ смыслѣ оно можетъ увеличиваться и уменьшаться съ увеличеніемъ и уменьшеніемъ бытія — какъ пустота, образующаяся послѣ исчезновенія отдѣльныхъ формъ этого послѣдняго.

Въ заключеніе снова напомнимъ, что все сказанное о небытіи имѣло цѣлью не дѣйствительное познаніе его, но указаніе формъ познанія, которыя предстоитъ въ будущемъ образовать о немъ; не разрѣшеніе сомнѣній и во-
7 просовъ, но ихъ возбужденіе.

IX. *Бытіе потенціальное*, какъ форма существованія *въ настоящемъ* того, чему предстоитъ или что можетъ осуществиться *въ будущемъ*. Сюда относится и бытіе условное. Строго говоря условность — только форма выраженія, не относящаяся къ самому бытію, но высказывающая отношенія къ нему говорящаго. Потенціальное бытіе переходитъ въ реальное всегда при нѣкоторыхъ опредѣленныхъ *условіяхъ*; когда говорится только о возможности его совершить этотъ переходъ, тогда выраженіе имѣетъ характеръ категорическій и только относится къ будущему времени («это сѣмя станетъ современемъ деревомъ»); когда говоря о этой возможности указываютъ и на тѣ обстоятельства (условія), при которыхъ этотъ переходъ можетъ совершиться, тогда выраженіе принимаетъ форму условнаго предложенія («это сѣмя станетъ деревомъ, если къ нему присоединится земля»); предметъ же, о которомъ говорятся, и въ томъ и въ другомъ случаѣ остается тотъ же.

Что все, имѣющее осуществиться нѣкогда въ будущемъ, существуетъ уже теперь, и дѣйствительное въ настоящемъ существовало уже ранѣе — это необходимо принять потому,
7 что иначе пришлось бы допустить безпричинное возникновеніе предметовъ и явленій, безпрерывное творчество въ природѣ, самозарожденіе бытія въ небытіи. Но если

допустить это невозможно, то необходимо признать, что возникающее видимо ранѣе возникновенія своего существуетъ въ нѣкоторой скрытой формѣ. Это скрытое предсуществованіе всего дѣйствительнаго мы и называемъ существованіемъ потенціальнымъ.

Было бы ошибочно думать, что это возможное въ будущемъ существованіе есть нѣчто совершенно недѣйствительное въ настоящемъ; что его нѣтъ въ природѣ и оно только предусматривается разумомъ, который созерцая реальное бытіе переноситъ въ прошлое его логически необходимые зачатки. Нѣтъ, въ смыслѣ «существованія» потенціальное бытіе столь же дѣйствительно, какъ и реальное; но только эта дѣйствительность его имѣетъ совершенно другой видъ, нежели въ бытіи реальномъ. Намъ трудно понять эту особенную форму скрытаго предсуществованія, но это не потому, что ея нѣтъ, и даже не потому, что она рѣдка, но только оттого, что мы живемъ чувствами болѣе, чѣмъ сколько слѣдовало бы, и разумомъ менѣе, чѣмъ сколько могли бы. Этихъ тайныхъ невидимыхъ формъ предметовъ и явленій неизмѣримо болѣе, нежели видимыхъ наблюдаемыхъ, и эти послѣдніе — только незначительная часть ихъ, получившая осуществленіе въ данный моментъ. Ихъ численное отношеніе можно хорошо выразить, сравнивъ первые съ невидимыми пылинками, наполняющими темную комнату, а вторыя — съ тѣми немногими изъ нихъ, которыя ярко играютъ на проникающемъ въ комнату солнечномъ лучѣ, образуя собою свѣтлый столбъ; при чемъ пылинки, безпрестанно вступающія изъ темной области въ сферу луча, представляются какъ бы появляющимися тутъ впервые, а выходящія изъ этой сферы — какъ бы совсѣмъ пропадающими; хотя въ дѣйствительности, мы знаемъ, здѣсь не происходитъ ни появленія, ни исчезновенія.

Разсмотримъ важнѣйшіе вопросы, которые относятся къ этому виду существованія, и разрѣшеніе которыхъ должно составить въ будущемъ содержаніе разсматриваемой формы пониманія.

Сюда относится прежде всего вопросъ объ отношеніи потенціальнаго существованія къ другимъ формамъ бытія — къ небытію, къ бытію образующемуся и къ бытію реальному съ его подраздѣленіями. Разрѣшая этотъ вопросъ, слѣдуетъ разсмотрѣть, что именно прибавляется или что именно убываетъ въ бытіи при переходѣ его изъ одного вида существованія въ другой, далѣе — какимъ именно способомъ, черезъ какой скрытый процессъ проходитъ это прибавленіе и убавленіе чего-то въ бытіи, и наконецъ — въ чемъ лежитъ источникъ, причина этого прибавленія и убавленія. Потому что если напр. сѣмя не есть совершенно то же, что выросшее изъ него дерево, то слѣд. къ сѣмени присоединилось нѣчто, вслѣдствіи чего оно перестало быть тѣмъ же, чѣмъ было; это присоединеніе прошло черезъ какой либо сложный или простой процессъ; и, наконецъ, была нѣкоторая причина, сила, которая двигала прибавляемое, сближая его съ сѣменемъ.

Далѣе слѣдуетъ разрѣшить сомнѣніе, всякое ли потенціальное бытіе переходитъ въ послѣдующія болѣе совершенныя формы существованія — въ состояніе образующееся и въ состояніе реальное; или нѣкоторыя потенціи вѣчно сохраняютъ свою природу, а другія необходимо пріобрѣтаютъ реальность; или же, наконецъ, переходъ потенціальнаго бытія въ реальное есть вообще дѣло случая, такъ какъ зависитъ отъ случайной встрѣчи потенціи съ сочетаніемъ опредѣленныхъ условій, необходимыхъ для такого перехода? Если послѣднее предположеніе справедливо, то существованіе всего видимаго міра тогда необходимо должно будетъ признать произведеніемъ случая.

Сходно съ предъидущимъ и слѣдующее сомнѣніе, только оно идетъ съ противоположной стороны: все ли, что есть въ природѣ реальнаго, возникаетъ изъ потенціальнаго, или же есть такія вещи и явленія, которыя всегда бываютъ реальны и никогда — потенціальны?

Въ связи съ этими двумя сомнѣніями находится также и этотъ вопросъ: исчезая реальное бытіе переходитъ ли въ потенціальное, или оставаясь реальнымъ оно только

превращается изъ формы одного предмета и явленія въ форму другого предмета и явленія, столь же дѣйствительнаго, какъ и предъидущій; такъ что перемѣна происходитъ не въ формѣ существованія, но только въ формѣ другихъ сторонъ измѣненной вещи: въ сущности, свойствахъ и прочемъ?

Когда будетъ разрѣшенъ вопросъ о взаимномъ отношеніи потенціальнаго существованія къ другимъ формамъ бытія, слѣдуетъ перейти къ тщательному изученію самой потенціальности, какъ явленія, и типовъ ея.

Едва ли не справедливо будетъ сказать, что сущность потенціальности заключается въ раздѣльномъ существованіи въ природѣ началъ формируемаго и формирующаго; ея свойства — въ возможности и въ стремленіи къ сочетанію этихъ двухъ началъ; ея назначеніе — въ самомъ сочетаніи, производящемъ реальное; ея источникъ и причина — въ этой указанной разъединенности образующихъ и образуемыхъ началъ, какъ необходимомъ условіи безграничнаго разнообразія природы и безпредѣльнаго развитія ея. Въ этомъ смыслѣ потенція будетъ частью реальной вещи, и какъ часть, какъ элементъ она будетъ столь же реальна, какъ и сама вещь; потенціальна же она будетъ лишь по отношенію къ цѣлому, которое изъ нея произойдетъ современемъ, когда она соединится съ другими частями этого цѣлаго. Но только слово «часть» здѣсь слѣдуетъ понимать въ смыслѣ «одного изъ образующихъ началъ», а не въ грубомъ смыслѣ чего-то явившагося послѣ раздѣленія цѣлаго, какъ бы ни произошло это раздѣленіе, или чего-то могущаго составить изъ себя цѣлое, какъ бы оно ни было сложено. Напр. сѣмя раздавленное уже не есть потенція дерева, хотя въ немъ есть все то, что есть и въ нераздавленномъ сѣмени; или части разрубленнаго дерева не суть потенціи его. Потенціи — это части, изъ которыхъ можетъ, а иногда и стремится возникнуть цѣлое; между которыми, разъ онѣ встрѣтились, вслѣдствіе скрытой въ нихъ жизненности, силы и закона, начинается нѣкоторое взаимнодѣйствіе, въ которомъ

сами онѣ преобразовываются — исчезаютъ какъ реальныя существа, и одновременно перестаютъ быть частями, — а на мѣстѣ ихъ, когда таинственный процессъ взаимодѣйствія совершится, появляется новое цѣлое, котораго *ясно* не было въ соединившихся частяхъ, и которое *ясно* не заключаетъ ихъ въ себѣ. И только для анализирующаго разума, видящаго, что̀ исчезло въ процессѣ и что̀ появилось изъ него, ясно, что исчезнувшее есть то же, что и появившееся; потому ни перестать совершенно существовать ничто не можетъ, ни возникнуть что либо изъ ничего.

7 Типовъ потенціальности пять: 1. *Матеріальныя опредѣленныя потенціи*, которыя переходятъ въ одинъ опредѣленный видъ бытія, въ нихъ уже предустановленный, напр. сѣмя по отношенію къ дереву, изъ него выростающему; 2. *Матеріальныя-неопредѣленныя*, которыя переходятъ въ неопредѣленное множество предметовъ, соединяясь съ неопредѣленнымъ множествомъ видовъ ихъ, заключенныхъ въ предъидущихъ (опредѣленныхъ) потенціяхъ, напр. вещество земли по отношенію къ растенію, въ которое оно входитъ; или по отношенію къ животному, которое этимъ растеніемъ питается; или по отношенію къ кристаллу, изъ него образующемуся; или по отношенію къ предмету, который выдѣлывается изъ него человѣкомъ; 3. *Идеальныя-неопредѣленныя потенціи;* это не заключающія въ себѣ ничего вещественнаго условія невещественныхъ же предметовъ — вида неопредѣленнаго, но строго однородныхъ между собою по сущности. Напр. пространство по отношенію къ формамъ, въ немъ образующимся; плоскость по отношенію къ линіямъ, которыя на ней могутъ быть проведены; силы природы по отношенію къ явленіямъ, въ которыхъ онѣ обнаруживаются; 4. *Идеальныя-опредѣленныя;* это невещественныя условія единичныхъ, опредѣленныхъ и, трудно сказать всегда ли, вещественныхъ предметовъ: напр. образъ въ мысли художника по отношенію къ статуѣ, которая воплотитъ этотъ образъ; фигура въ мысли геометра, который, открывъ ее умозрительно, потомъ переноситъ на бумагу; 5. *Предидеальныя*

потенціи; изъ всѣхъ видовъ существованія это быть можетъ наиболѣе чистый, безпримѣсный; и по трудно постигаемой природѣ своей — быть можетъ наиболѣе интересный. Есть факты — они будутъ приведены ниже — что это существованіе не связано ни съ какимъ опредѣленнымъ пространствомъ или временемъ, такъ что нѣтъ ничего, на чемъ человѣкъ остановивъ свое вниманіе могъ бы сказать: «здѣсь оно существуетъ», и между тѣмъ это, нигдѣ неуказуемое, есть, существуетъ. Если принять во вниманіе, что всѣ другія формы существованія связаны съ какими либо частями пространства и времени, то предъидеальныя потенціи едва ли не слѣдуетъ признать единственно полнымъ существованіемъ, а другія формы бытія — ограниченіемъ его, какъ бы умаленіемъ полноты его природы. Къ этому виду потенцій принадлежитъ напр. разумъ съ его схемами по отношенію къ идеямъ о бытіи и о сторонахъ его; истина о геометрическихъ соотношеніяхъ ранѣе открытія этихъ соотношеній мышленіемъ человѣка; и многое другое.

Въ заключеніе мы должны сказать, что явленіе потенціальности должно быть изучаемо преимущественно путемъ наблюденія и опыта. Вотъ главнѣйшія ступени этого предстоящаго изученія: необходимо прежде всего отыскать въ природѣ возможно бо́льшее количество примѣровъ потенціальнаго существованія, и при томъ по возможности разнообразныхъ, *исчерпывающихъ* всѣ существующія формы или типы потенціальности. Эти примѣры слѣдуетъ искать въ царствѣ растительномъ и животномъ, въ явленіяхъ психическаго творчества человѣка и въ событіяхъ исторической жизни, въ предметахъ создаваемыхъ волею человѣка и силами природы, и т. д. и т. д. Такимъ образомъ *чрезъ наблюденіе* откроется потенціальность во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, и будетъ создана первая и основная часть ученія объ этой формѣ бытія — *часть описательная*, содержащая въ себѣ изображеніе всѣхъ видовъ и разностей этого бытія. Во-вторыхъ, путемъ *искусственнаго опыта* прибавляя къ найденнымъ въ природѣ потенціямъ

недостающее, или отнимая въ нихъ излишнее, мы можемъ переводить ихъ въ другія формы бытія — образующееся, реальное и др.; и при этомъ внимательно наблюдая какъ за прибавляемымъ, такъ и за способомъ самаго прибавленія, можемъ точно опредѣлить *разность между* всѣми *формами существованія* и достигнуть пониманія всѣхъ *процессовъ перехода существующаго изъ одной формы пребыванія въ другую*, и такимъ образомъ создать вторую часть разсматриваемаго ученія — *ученіе объ отношеніи потенціальнаго бытія къ его другимъ формамъ*. Далѣе, *сравнивая* различнымъ образомъ результаты предшествующихъ наблюденій и опытовъ, и выдѣляя въ нихъ *общее* и *постоянное*, мы можемъ вывести нѣкоторыя *общія правила* объ явленіяхъ потенціальности — ихъ природѣ, свойствахъ и отношеніяхъ. И, наконецъ, *черезъ умозрѣніе* открывъ *необходимость* въ этихъ общихъ и постоянныхъ правилахъ можетъ достигнуть послѣдней цѣли всего изученія — возвести найденныя въ частныхъ наблюденіяхъ правила въ вѣчные законы природы, или, что то же, понять потенціальность въ ея вѣчныхъ и необходимыхъ проявленіяхъ.

Δ X. *Бытіе образующееся*, какъ переходъ потенціальнаго въ реальное, какъ осуществленіе возможнаго въ дѣйствительномъ. Черезъ эту особенную форму пребыванія, которая отлична и отъ дѣйствительнаго существованія — уже законченнаго и неподвижнаго, и отъ потенціальнаго — которое также неподвижно и въ которомъ только скрыта возможность дѣйствительности, проходитъ почти все существующее, по крайней мѣрѣ все измѣняющееся въ существующемъ.

Что въ природѣ дѣйствительно есть эта особенная форма существованія, еще *не пребывающая*, но уже и *переставшая не пребывать*, это не подлежитъ сомнѣнію и можетъ быть провѣрено опытомъ и наблюденіемъ: она есть во всемъ, что образуется, совершается, дѣлается, выполняется. Такъ есть моменты, когда сѣмя уже разрушилось, а растеніе еще не выросло, когда смерть уже касается перваго, а жизнь еще не наполняетъ втораго; или моменты, когда сомнѣніе уже колеблется и проясняется, но идея еще не опредѣ-

лилась въ сознаніи; и т. д. до безконечности. Во всѣхъ этихъ случаяхъ то, во что переходитъ потенція (реальное), еще не существуетъ; но уже не существуетъ какъ возможность только и самая потенція; появилось нѣчто третіе, промежуточное между этими двумя крайними формами бытія, нѣчто колеблющееся и постоянно измѣняющееся, что въ отличіе отъ потенціальнаго и реальнаго мы называемъ *образующимся* бытіемъ; а форма пребыванія этого послѣдняго и есть подлежащее познанію, несомнѣнно лежащее въ природѣ, *образующееся существованіе*, — то существованіе, котораго еще нѣтъ въ полномъ значеніи этого слова, но которое уже есть въ нѣкоторомъ особенномъ, ограниченномъ, ему только свойственномъ смыслѣ.

Въ чемъ состоитъ сущность этого особеннаго вида пребыванія? Его сущность состоитъ въ *проявленіи*. Есть нѣчто, что уже появилось и существуетъ, и есть другое, что еще не появилось и чего еще нѣтъ; но есть третіе, что *проявляется* только, что выполняетъ уже, но еще не выполнило скрытую въ немъ раньше способность къ существованію, что осуществляетъ уже, но не осуществило еще свое стремленіе къ этому пребыванію. Это зачаточное, недоконченное, несовершенное существованіе, все болѣе и болѣе *приближающееся* къ совершенному и законченному, и есть образующееся. Въ немъ реальное пребываніе, какъ опредѣленное въ неясномъ, какъ строго очерченное въ смутномъ, все ярче и ярче *проявляется, проступаетъ*, пока это неясное и смутное не исчезнетъ совершенно и не уступитъ всецѣло своего мѣста реальному.

Такимъ образомъ бытіе образующееся состоитъ изъ нѣкотораго соединенія бытія съ небытіемъ, принимая послѣднее въ ограниченномъ смыслѣ — въ смыслѣ пустоты, недостатка. Въ немъ уже есть нѣчто, что образовалось; и есть другое, что не образовалось еще. Есть недостатокъ въ сравненіи съ тѣмъ, что изъ него выйдетъ; но уже поэтому есть и нѣчто такое, что дѣлаетъ недостатокъ недостаткомъ только, но не отсутствіемъ, что слѣдовательно есть, выполнено, достаетъ. Есть появившееся и пре-

бывающее, но и есть неполнившееся, непребывающее. Есть бытіе, но недокончепное, къ которому нужно еще нѣчто прибавить; и есть небытіе, которому предстоитъ уничтожиться, есть недостатокъ, который восполнится. И это бытіе есть нѣкоторыя *части* будущаго реальнаго *цѣлаго*, а это небытіе точно соотвѣтствуетъ его *недостающимъ частямъ*, слѣдовательно есть небытіе нѣкотораго опредѣленнаго, что имѣетъ появиться и что уже появляется для восполненія недостающаго въ бытіи. Но если изъ соединенныхъ вмѣстѣ бытія и небытія состоитъ бытіе образующееся, то слѣдовательно сущность этого послѣдняго заключается въ самомъ *смѣшеніи* этихъ двухъ началъ, въ смѣшеніи необходимо временномъ, продолжающемся дотѣхъ поръ, пока продолжается образованіе. Самый же процессъ образованія есть ничто иное, какъ постоянное измѣненіе взаимнаго отношенія обоихъ слагающихъ элементовъ — именно постепенное уменьшеніе не бытія и постепенное возрастаніе бытія; до тѣхъ поръ, пока совершенно уничтожится первое и проявится во всемъ своемъ цѣломъ второе, т. е. когда прекратитъ свое существованіе бытіе образующееся и останется пребывать бытіе реальное.

Основное свойство бытія образующагося — это *неустойчивость* его. Оно неустойчиво по самой своей природѣ, смѣшанной изъ противоположныхъ началъ, взаимно исключающихъ другъ друга, и только здѣсь неестественно соединенныхъ. Неустойчивость и порождается этою неестественностью, этою противоприродностью ихъ соединенія. Они стремятся освободиться другъ отъ друга, потому что только освободившись отъ другаго каждый изъ этихъ элементовъ можетъ стать самимъ собою, возвратить себѣ свою природу, скажемъ болѣе — стать чѣмъ нибудь: потому что ни бытіе, соединенное съ небытіемъ — не есть бытіе; ни небытіе, соединенное съ бытіемъ — не есть небытіе. Въ этомъ стремленіи каждаго изъ двухъ началъ, составляющихъ бытіе образующееся, къ *осуществленію себя* — и лежитъ источникъ непостоянства ихъ взаимнаго отношенія, ихъ неспособности пребывать неизмѣнно, ихъ

неуклоннаго стремленія разрушить въ слѣдующій моментъ то отношеніе, которое установилось въ моментъ предшествующій, какъ нѣчто противное ихъ природѣ, какъ нѣчто неестественное для нихъ.

Неустойчивость, какъ внутренній и невидимый аттрибутъ образующагося бытія, видимо проявляется въ другомъ, изъ него вытекающемъ свойствѣ — въ постоянной *измѣнчивости, подвижности* образующагося бытія: что не можетъ стоять, то должно двигаться; что не можетъ оставаться въ прежнемъ состояніи, то должно измѣниться. Эта подвижность, естественная и необходимая въ образующемся бытіи, есть условіе его развитія, есть причина того, что съ каждымъ наступающимъ моментомъ оно все ближе и ближе подвигается къ осуществленію чистаго реальнаго бытія. Сущность же его подвижности, какъ уже было сказано ранѣе, состоитъ въ постоянномъ измѣненіи въ немъ количественнаго отношенія бытія и небытія, и именно въ возрастаніи перваго ивъ убавленіи послѣдняго. Эта постоянная правильность въ измѣненіи взаимнаго отношенія составныхъ элементовъ придаетъ правильность и самому процессу образованія: онъ правиленъ потому, что не состоитъ то въ прибавленіи, то въ убавленіи то одного элемента, то другаго, но въ постоянномъ прибавленіи одного бытія, и въ постоянномъ убавленіи одного небытія. Бытіе постоянно превозмогаетъ небытіе и замѣщаетъ его восполняясь недостающимъ. Почему превозмогаетъ именно бытіе надъ небытіемъ, а не наоборотъ? Потому что образующееся бытіе исходитъ изъ потенціи, въ которой предуготовлено реальное бытіе, то, которое и превозмогаетъ поэтому, но въ которой нѣтъ ничего, что могло бы способствовать увеличенію небытія, или что могло бы хотя только пріостановить его исчезновеніе.

Такимъ образомъ причина, почему существуетъ образующееся бытіе — понятна, равно какъ и исходная точка его развитія, и его конечная цѣль. Оно существуетъ потому, что невозможенъ для природы и немыслимъ для разума прямой переходъ потенціи въ реальность, безъ

всего посредствующаго, промежуточнаго, соединяющаго; такъ какъ различное не переходитъ въ различное, прямо превращаясь, но только приближаясь, т. е. постепенно утрачивая различающее и пріобрѣтая сходное. Это приближеніе, совершающееся путемъ безчисленнаго множества неуловимыхъ измѣненій, и выражается въ бытіи образующемся, гдѣ потенція, какъ возможное, переходитъ въ реальное, какъ дѣйствительное. Далѣе — исходная точка движенія въ образующемся бытіи и есть соприкосновеніе потенцій и начало ихъ взаимнодѣйствія, а конечная цѣль въ немъ есть реальность.

Что касается до типовъ или правильнѣе — *модусовъ* образующагося существованія, то ихъ четыре: *сложеніе, размѣщеніе, преобразованіе* и *превращеніе*. Первое происходитъ, когда цѣлое есть однородное большое, а его потенціи — однородное съ нимъ малое. Въ этомъ случаѣ образованіе перваго происходитъ черезъ простое соединеніе нѣсколькихъ вторыхъ, напр. куча черезъ соединеніе нѣсколькихъ камней. Второе (размѣщеніе) происходитъ тогда, когда цѣлое есть сложное, части котораго строго опредѣлены въ своей формѣ и содержаніи каждая, и ранѣе появленія цѣлаго существуютъ отдѣльно. Въ этомъ случаѣ первое образуется, когда вторыя размѣщаются относительно другъ друга такъ, что, переставая быть самостоятельными предметами, становятся только частями одного новаго, напр. сѣра, уголь и селитра — частями пороха, или камни и щебень — мостовою, или графитъ и дерево — карандашемъ. Третье (преобразованіе) происходитъ тогда, когда цѣлое сложено изъ содержанія и формы, которыя ранѣе появленія его (цѣлаго) существуютъ отдѣльно одно отъ другаго. Въ этомъ случаѣ цѣлое происходитъ черезъ преобразованіе своихъ потенцій — именно черезъ раздвиженіе формы до предѣловъ, могущихъ вмѣстить все содержимое, и черезъ пріобрѣтеніе содержаніемъ новаго вида путемъ вступленія въ раздвинувшуюся форму. Объ потенціи при этомъ утрачиваютъ прежній образъ, и пріобрѣтаютъ нѣкоторый другой, или точнѣе — образъ каждой изъ потенцій ослож-

нается чертами, заимствованными изъ другой потенціи. Напр. образованіе дерева происходитъ черезъ утрату сѣменемъ прежнихъ размѣровъ и пріобрѣтеніе новыхъ, соотвѣтствующихъ количеству вещества, которое имѣетъ вступить въ него; а вещество, сохраняя свои размѣры, пріобрѣтаетъ формы сѣмени. Четвертое (превращеніе) происходитъ тогда, когда потенціи въ процессѣ взаимнодѣйствія такъ вліяютъ одна на другую, что каждая изъ нихъ становится инымъ, отличнымъ отъ того, чѣмъ была раньше, черезъ пріобрѣтеніе новыхъ свойствъ и утрату прежнихъ (что происходитъ отъ вступленія въ новыя соотношенія). Такъ напр. въ химическихъ соединеніяхъ сложное не походитъ на свои элементы ни по цвѣту, ни по вкусу и запаху, т. е. соединившись элементы измѣнились во всѣхъ этихъ свойствахъ.

XI. *Бытіе реальное*, — то, которое есть, къ осуществленію котораго стремилось бытіе образующееся и ради котораго пребывала потенція; само же оно пребываетъ для себя.

Эта форма бытія есть единственно полная, совершенная и законченная форма. Правда, сравнительно съ другими формами бытія, она обнимаетъ только ничтожную часть Космоса; но за-то она есть вѣнецъ этихъ другихъ формъ, которыя только предуготовляютъ ее, въ самихъ же себѣ не носятъ значенія. Къ этимъ другимъ формамъ существованія реальное бытіе относится такъ же, какъ происходящія въ данный моментъ явленія природы относятся ко всей массѣ явленій, которыя потенціально таятся въ силахъ природы, могутъ быть произведены ими и произведутся въ будущемъ; или какъ органическій міръ, живущій теперь на поверхности земли, относится къ гораздо обширнѣйшему органическому царству, остатки котораго скрываются въ земной корѣ.

По характеру своего соединенія съ формой реальное бытіе раздѣляется на слѣдующіе виды: 1) *бытіе реальное временное* — то, которое, какъ единичное, пріобрѣтаетъ и утрачиваетъ свою форму, а съ нею и существованіе; такъ

какъ внѣ этой формы оно сливается съ другимъ общимъ бытіемъ, имѣющимъ другое существованіе. Сюда относятся вещи, создаваемыя человѣкомъ, напр. статуя, инструментъ, зданіе, учрежденіе; или предметы, встрѣчающіеся въ природѣ, напр. камень, цвѣтокъ, лошадь; или явленія, производимыя силами природы, напр. горѣніе, паденіе тѣла, звукъ, ударъ. Здѣсь то́, изъ чего состоитъ вещь (вещество вещи) не возникаетъ и не исчезаетъ, равно не возникаетъ и не исчезаетъ форма, съ которою соединено это вещество; но то, что составляютъ соединенныя вмѣстѣ вещество и форма — данная единичная вещь — и появляется и разрушается. Такъ гранитъ, изъ котораго состоитъ данный камень, равно какъ и видъ его и всякаго другаго камня постоянны; но соединенные вмѣстѣ *теперь* и *здѣсь* они образуютъ *этотъ* камень, который и появился когда-то, и вновь разрушится. И если разъединившіяся съ его разрушеніемъ вещество и форма когда либо соединятся вновь, они образуютъ собою уже не этотъ, но *тотъ другой* камень, столь же временный, какъ и прежній. Такимъ образомъ эта и всѣ другія единичныя вещи какъ бы *проходятъ* во времени и въ этомъ прохожденіи *временно соприкасаются* съ пространствомъ, осуществляясь тогда; но постояннаго отношенія ни къ пространству, ни ко времени они не имѣютъ; поэтому имъ свойственно *бываніе, какъ ограниченная началомъ и концомъ форма бытія*. 2) *Бытіе реальное вѣчно измѣняющееся;* сюда принадлежитъ вещество, изъ котораго все дѣлается человѣкомъ и создается природою; оно постоянно видоизмѣняется, соединяясь съ различными внѣшними формами, такъ что собственно въ немъ самомъ отрицается всякая форма; но пребываетъ оно вѣчно, будучи соединено съ постоянною формою существованія — реальною. 3) *Бытіе реальное вѣчно неизмѣнное;* сюда относятся напр. геометрическія соотношенія: они неизмѣнны, потому что они истинны; они безначальны, потому что не было времени, когда бы существовали другія соотношенія, чѣмъ теперь, и слѣдовательно теперь существующія никогда не возникали, но всегда были; они

вѣчны въ будущемъ, потому что невозможно, чтобы они, истинныя, измѣнились во что-либо другое ложное. Такъ сѣкущая всегда въ двухъ точкахъ соприкасается съ окружностью; такъ въ прямоугольномъ треугольникѣ гипотенуза всегда равна квадратному корню изъ суммы квадратовъ катетовъ; такъ объемъ шара всегда равенъ $\frac{4}{3}\pi R^3$.

Къ реальному бытію примѣняется строго все сказанное о бытіи вообще, объ его сущности, аттрибутахъ основныхъ и опредѣляющихъ, происхожденіи и назначеніи. Съ тѣмъ вмѣстѣ исчерпывается все, что можетъ быть узнано о существованіи вообще, разсматриваемомъ въ самомъ себѣ, а не въ проявленіи его въ Космосѣ и въ вещахъ, лежащихъ въ немъ.

Скажемъ, въ заключеніе, еще нѣсколько остерегающихъ и объясняющихъ словъ объ этой формѣ пониманія.

Понять существованіе есть первая и самая трудная задача науки, какъ цѣльнаго міропониманія. Выходя изъ внутренней сосредоточенности разумъ прежде всего встрѣчаетъ его. Познавъ себя и то, что совершается въ себѣ, мышленіе обращается къ тому, что лежитъ внѣ его, и первое невольное удивленіе и невольный вопросъ его — что это такое, что существуетъ этотъ міръ? т. е. что такое это существованіе міра, что лежитъ въ мірѣ, отчего онъ существуетъ, что такое существованіе само по себѣ? И чтобы разрѣшить этотъ первый и трудный вопросъ, необходимо, чтобы предшествовавшее ему самоуглубленіе разума было не безплодно; чтобы хорошо созданы были и ученіе о познающемъ, и ученіе о познаваніи, какъ предварительныя ступени для ученія о познаваемомъ, существованіе котораго предстоитъ понять теперь.

Трудность здѣсь состоитъ въ запутанности вопросовъ; въ томъ, что одинъ вопросъ переплетается съ другимъ, и притомъ такъ, что разрѣшая одинъ какъ будто запутываешь другой, уже разрѣшенный; а снова разбирая первый опять затрудняешь второй, уже распутанный. Такъ напр. опредѣляя различные типы существованія, какъ

будто спутываешь вопросъ объ однородности, простотѣ существованія; а снова возстановляя ее, какъ будто затрудняешь опредѣленіе его типовъ, какъ различныхъ формъ. Далѣе много представляетъ затрудненій неясность вопросовъ, неточность границъ ихъ; какъ будто ускользаетъ порою изъ подъ мысли то, что мыслится, и изъ подъ слова то, о чемъ говорится. Такъ съ ученіемъ о потенціальномъ существованіи: есть нѣчто въ настоящемъ, что осуществится въ будущемъ, слѣдовательно есть дѣйствительное существованіе потенціальнаго пребыванія, есть дѣйствительность въ настоящемъ только возможнаго въ будущемъ. Это полусуществованіе, однако необходимое для правильнаго мышленія и для живой природы, чрезвычайно трудно уловить и мыслью и выраженіемъ. Еще бо́льшія, хотя и однородныя, трудности встрѣчаются въ ученіи объ образующемся существованіи: здѣсь, продолжая признавать его простымъ, и потому неизмѣняемымъ, является необходимость говорить о его постепенномъ проявленіи, какъ переходѣ съ каждымъ новымъ моментомъ въ новое состояніе. все болѣе приближающееся къ реальному — является такимъ образомъ необходимость признать измѣняемость въ его состояніи. А между тѣмъ избѣжать этого невозможно, потому что трудно признать и то, что «существованіе» есть нѣчто сложное, и трудно признать однимъ обманомъ чувствъ явленіе происхожденія, образованія вещей. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, какъ бы невольно скользя по трудному вопросу, мысль незамѣтно стремится замѣнить его другимъ, ненастоящимъ вопросомъ — вопросомъ о потенціальности или образованіи вещи существующей, а не самаго существованія, между тѣмъ какъ предметъ изученія составляетъ именно это послѣднее: вещь, имѣющая реальное существованіе, т. е. *во всемъ своемъ объемѣ и во всѣхъ своихъ формахъ* въ нѣкоторомъ особенномъ значеніи имѣетъ существованіе уже и въ потенціи, и въ процессѣ; и оно то именно — неощутимое, только прозрѣваемое умомъ, несовершенное существованіе *in fieri*, когда еще реальной формы его нѣтъ, и составляетъ здѣсь неудержимо усколь-

зающій предметъ познанія. Наконецъ есть случаи, когда какъ будто совершенно исчезаетъ сущность того, о чемъ спрашивается въ этой трудной формѣ науки; чувствуется смутно, что тутъ есть что-то, требующее познанія, но не сознается, что такое это. Таково все ученіе о несуществованіи. Съ одной стороны, наблюдая дѣйствительность, мы вынуждены думать и говорить: «этого нѣтъ, это не существуетъ», слѣдовательно «*есть несуществованіе этого*»; а съ другой стороны — «*если несуществованіе есть, слѣдовательно оно* существуетъ, т. е. заключаетъ въ себѣ существованіе, и, не заключая ничего другаго, *есть существованіе*», т. е. «*несуществованія нѣтъ, а есть только существованіе*». Иначе невозможно примирить эти противорѣчія, какъ признавъ рѣзкое различіе между «несуществованіемъ этого» и «несуществованіемъ» безотносительнымъ; принять первое, какъ очевидное для чувства; отвергнувъ безусловно второе, какъ невозможное и немыслимое. Потому что ясно, что если несуществованіе есть, то оно есть существованіе, потому что есть; и вмѣстѣ съ тѣмъ ясно, что эта форма этой сдѣланной мною вещи есть теперь, когда я ее сдѣлалъ, и нѣтъ вотъ теперь, когда я ее разрушилъ; есть цѣльность этой палочки, которую я держу, и нѣтъ этой цѣльности вотъ теперь, когда я ее переломилъ. Оба эти предложенія безусловно справедливы, или, по крайней мѣрѣ, одно никакъ не менѣе справедливо, чѣмъ и другое. Хотя — и это сомнѣніе вновь все спутываетъ — что же такое «несуществованіе вообще», какъ не «совокупность всѣхъ этихъ единичныхъ несуществованій»; и какимъ образомъ справедливое относительно общаго можетъ быть несправедливо относительно частнаго, которое подходитъ подъ это общее, несомнѣнно содержится въ немъ.

Еще нѣсколько поясненительныхъ словъ о томъ, почему, кромѣ существующихъ вещей, мы признали отдѣльно еще и существованіе; и почему, не смотря на очевидную простоту его состава, признали различныя формы въ немъ, какъ будто несовмѣстныя съ этой простотой.

Существованіе намъ представляется болѣе общимъ и болѣе неподвижнымъ, чѣмъ существующія вещи; представляется неизмѣннымъ, когда онѣ измѣняются — и потому отдѣльнымъ отъ нихъ. Разсмотримъ ихъ соотношеніе и кажущуюся неразрывную связь: есть существованіе и есть существующая вещь; находится ли первое во второй, какъ только свойство присущее ей? Пусть вещь измѣнилась во всемъ, даже въ сущности — существованіе ея осталось неизмѣннымъ; пусть она разложилась на невидимые элементы — осталось неизмѣнно существованіе этихъ элементовъ и промежутковъ между ними; пусть исчезнутъ самые элементы — остается существованіе пустоты, образовавшейся изъ слитыхъ въ одно промежутковъ; пусть въ пустотѣ появится что-либо вновь — будетъ существованіе появившагося. Словомъ невозможно уничтоженіе существованія — оно вѣчно, хотя вещи появляются и уничтожаются; слѣдовательно не оно въ вещахъ, но вещи въ немъ; онѣ то погружаются въ него, то выходятъ изъ него, то измѣняются въ немъ: само же оно стоитъ неподвижно. Вотъ почему подобно тому какъ пространство, хотя оно наблюдается только въ протяженныхъ вещахъ, однако мыслится и существуетъ независимо отъ этихъ вещей, какъ высшее условіе ихъ бытія, какъ безконечная возможность ихъ конечнаго протяженія; такъ точно рѣшились мы высказать, что есть внѣ существующихъ вещей существованіе, независимое отъ этихъ вещей, какъ другое высшее условіе ихъ бытія, какъ вѣчная возможность ихъ временнаго пребыванія.

Признать, что есть различныя формы существованія, насъ побудила необходимость *различить* то, что очевидно не сходно; потребность различенія есть основаніе классификаціи видовъ пребыванія. Напр. дерево, уже выросшее, несомнѣнно существуетъ, и форму пребыванія его мы назвали реальнымъ существованіемъ. Возможно ли ограничиться имъ однимъ, и все другое признать или несуществующимъ, или существующимъ также? — вотъ основной вопросъ. Если мы признаемъ, что дерево существуетъ только тогда и только въ той формѣ, когда и въ какой

формѣ оно выросло, то, слѣдовательно, въ сѣмени дерева нѣтъ еще; т. е. что пока существуетъ сѣмя, существованія дерева нѣтъ. Согласимся съ этимъ и посмотримъ, что изъ этого выйдетъ. Вотъ это сѣмя мы разрушили, раздавили и разбросали его части. Дерева, которое могло бы изъ него вырости, теперь также нѣтъ. Спрашивается, если ли какое нибудь различіе въ несуществованіи дерева теперь, когда сѣмя разрушено, и прежде, когда оно было здорово и цѣло? Кто рѣшится сказать, что различія нѣтъ, и что дерево теперь не существуетъ *не въ большой степени*, чѣмъ прежде? Здравый смыслъ всѣхъ людей признаётъ это различіе: сѣмя здоровое цѣнится, и притомъ не по своему достоинству (величинѣ, вкусу), но по достоинству дерева, съ котораго оно снято и которое оно воспроизведетъ; а сѣмя разрушенное не имѣетъ никакой цѣны. Всѣ попорченныя сѣмена одинаково безцѣнны, а здоровое сѣмя розы дороже, чѣмъ сѣмя крапивы. Слѣдовательно въ сѣмени *есть* нѣчто, кромѣ сѣмени, что и цѣнится, ибо за ничто ничего не даютъ. Но пойдемъ далѣе: возможное дерево, сѣмя котораго сейчасъ разрушено, не существуетъ въ той ли же самой степени, въ какой не существуетъ дерево, уже не имѣющее болѣе живыхъ представителей на землѣ, и сѣмени котораго нѣтъ не только здѣсь и теперь, но и нигдѣ и никогда не будетъ? Вотъ вопросы, ясно показывающіе, что есть различные виды несуществованія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и различные виды самаго существованія. Одно существованіе совершеннѣе другаго, въ одной формѣ его болѣе заключено бытія, чѣмъ въ другой. Существованіе можетъ дѣйствительно прибывать и убывать въ вещи, отъ полнаго появленія своего въ ней, до исчезновенія вмѣстѣ съ нею.

Какимъ образомъ возможно это прибываніе и убываніе существованія, если оно просто по своему составу, какъ соприкосновеніе съ пространствомъ; и какимъ образомъ возможны различныя формы его, когда оно несложно? Трудно примирить это иначе, какъ принявъ, что существованіе во всѣхъ случаяхъ остается непзмѣннымъ и тож-

дественнымъ себѣ, но только не обнаруженнымъ, обнаруживающимся и обнаруженнымъ для чувственнаго ощущенія человѣка, *проступающимъ* передъ нимъ — мы не можемъ найти болѣе выразительнаго термина. Всего лучше это можно объяснить сравненіями. Безцвѣтный и легкій воздухъ не чувствуется человѣкомъ, живущимъ въ немъ, и становится ощутимымъ — когда сжатъ; — хотя ни самъ воздухъ и ничего въ немъ не измѣнилось. Во всякомъ данномъ пространствѣ существуютъ всѣ фигуры, которыя когда-либо создавались рукою человѣка и когда-либо будутъ созданы его мыслью, однако онѣ всѣ невидимы для насъ, и становится ощутима только та, которую обведемъ мы: вотъ на чистомъ листѣ бумаги я черчу треугольникъ, — спрашивается, былъ ли онъ на бумагѣ ранѣе того, какъ я его начертилъ? ясно, что былъ, потому что были всѣ точки, черезъ которые проходятъ проведенныя мною линіи, и эти точки только проступили подъ карандашемъ, но не возникли; однако и онѣ, и самый треугольникъ оставались невидимыми, и для взора недумающаго человѣка его не было. Для большей убѣдительности треугольникъ можетъ быть нацарапанъ ножемъ: на бумагѣ ничего не прибавилось, но видѣнъ отсвѣчивающій треугольникъ, котораго не было и который былъ (для ощущенія и въ дѣйствительности); глазъ видитъ, какъ подъ остріемъ ножа *появляется* треугольникъ, — въ сущности же онъ только *обнаруживается*, но былъ ранѣе.

Повторить все сказанное намъ казалось необходимымъ въ виду трудности и неясности этихъ вопросовъ. Этимъ мы особенно оттѣняемъ сомнительность невольно высказанныхъ рѣшеній, и указываемъ необходимость дальнѣйшихъ и упорнѣйшихъ изысканій. Теперь, исполнивъ это требованіе осторожности, мы можемъ перейти къ разсмотрѣнію двухъ частныхъ ученій о существованіи.

XII. *Ученіе о существованіи вещей въ Космосѣ* должно опредѣлить форму бытія (пребыванія) всего, лежащаго въ Космосѣ.

Для того чтобы выполнить задачу, предстоящую этой

вѣтви пониманія, необходимо разсмотрѣть важнѣйшія ча-сти, на которыя распадается Космосъ и опредѣлить форму бытія каждой изъ нихъ; потомъ склассифицировать вещи въ группы по типамъ бытія.

Не разрѣшая самой задачи, мы попытаемся привести, какъ руководящій примѣръ, нѣсколько такихъ опредѣ-леній.

Космосъ распадается на слѣдующія большія группы составляющихъ началъ: A. *Вещество протяженное* (ма-терія) и *формы*, соединяясь съ которыми оно образуетъ міръ вещей; затѣмъ, какъ обширныя группы сочетаній матеріи и формы, слѣдуетъ отмѣтить: a) *элементы*, b) *со-единенія* (вещи, состоящія изъ нѣсколькихъ соединенныхъ элементовъ, напр. вода), c) *группы соединеній*, распадаю-щіяся на α) *неорганизованныя* или минералы и β) *организмы*, дѣлящія на 1) *растенія* и на 2) *животныя*. B. *Начало не-протяженное*, дѣлящееся на a) идеи, b) чувства, c) желанія. C. *явленія* a) *въ элементахъ* (химическія), b) *въ соединеніяхъ и въ группахъ* (физическія), c) *въ организмахъ* (физіологи-ческія), d) *въ душѣ* (психическія), e) *въ жизни* (обществен-ныя). D. Законы, управляющіе явленіями, E. Силы, про-изводящія явленія.

Замѣтимъ, что достоинство этой предварительной клас-сификаціи опредѣляется не правильностью ея, но полно-тою; потому что не въ ней цѣль, а въ опредѣленіи формы существованія всѣхъ вещей въ Космосѣ. Поэтому един-ственное условіе, которое здѣсь должно быть соблюдено — но за-то уже соблюдено необходимо — это то́, чтобы ни-какая вещь въ Космосѣ не ускользнула изъ подъ этой классификаціи, чтобы все изъ существующаго входило въ которое нибудь изъ дѣленій ея.

Теперь, сдѣлавъ эту предварительную классификацію, приступимъ къ примѣрному опредѣленію формы существо-ванія вещей. Ясно, что все, доказанное относительно ка-кой-либо группы, справедливо относительно каждой отдѣль-ной вещи, входящей въ группу, и совокупности всѣхъ ихъ — составляющихъ ее.

XIII. *Вещество протяженное* или *матерія* находится подъ одной формой существованія — *реальной вѣчно измѣняющейся*. Что она не есть только потенція вещей, какъ оформленной матеріи, это можно думать потому, что она и сама не лишена формы; по крайней мѣрѣ не было времени, когда бы она была безформенна, безвидна. И въ самомъ дѣлѣ, пусть матерія существовала ранѣе, чѣмъ появилась первая форма, давшая видъ ей, слѣдовательно матерія безвидная. Теперь — когда къ ней присоединилась первая форма, то эта форма или измѣнила что-либо въ матеріи, или не измѣнила. Если она не измѣнила ничего въ ней, то, слѣдовательно, матерія осталась *послѣ* присоединенія формы тѣмъ же, чѣмъ была *ранѣе* этого присоединенія; но если она осталась тѣмъ же, то это значитъ, что она и до присоединенія формы была такою-же какъ послѣ присоединенія, т. е. *имѣла уже форму* этой новой формы и потому именно не измѣнилась съ ея присоединеніемъ. Итакъ матерія или измѣнилась съ присоединеніемъ къ ней первой формы; или по самой сущности своей сама не лишена формы. Но если она измѣнилась послѣ присоединенія первой формы, то слѣдовательно ранѣе этого присоединенія она была отлична отъ того, чѣмъ стала потомъ, и форма, присоединясь къ ней, уничтожила это несходство. Но несхожимъ съ формою можетъ быть только форма же, и форма присоединяясь къ вещи можетъ измѣнить только видъ ея: такъ какъ не сущность же, не свойство, не причину или что-либо другое, несоизмѣримое съ собою, измѣняетъ въ вещи форма. Слѣдовательно, матерія уже *имѣла видъ* ранѣе присоединенія къ ней первой формы — и именно *тотъ, который получится, если произвести въ ней снова всѣ измѣненія*, совершившіяся съ присоединеніемъ къ ней этой первой формы.

Это можно объяснить и подтвердить слѣдующимъ частнымъ примѣромъ: если какое-либо вещество съ присоединеніемъ къ нему напр. формы шара стало *шарообразнымъ*, то слѣдовательно и ранѣе оно имѣло нѣкоторую форму, потому что было *нешарообразно;* ибо о томъ, что совер-

шенно безформенно, нельзя сказать, что «это нешаровидно», такъ какъ оно не сходно ни съ чѣмъ и не отлично ни отъ чего; слѣдовательно не похоже на шаръ можетъ быть только *имѣющее форму не шара*. Такъ и матерія, ранѣе присоединенія къ ней иной первой формы уже *имѣла видъ не тотъ*, который получила послѣ этого присоединенія.

Къ этому же выводу необходимо ведетъ еще и слѣдующее соображеніе: если въ *опредѣленной* формѣ мы произведемъ *опредѣленное* измѣненіе — то получится *опредѣленная же форма;* но къ безвидной матеріи присоединилась какая-либо одна опредѣленная форма (а не форма вообще), и произвела въ ней какое-либо одно опредѣленное измѣненіе (а не измѣненіе вообще). Чтобы возвратить матерію къ прежнему состоянію нужно въ ней, уже оформленной, воспроизвести всѣ тѣ измѣненія, которыя произвела своимъ присоединіемъ первая форма — исправить, изгладить, удалить эти измѣненія. Итакъ, совершая это, въ опредѣленной формѣ (первой въ матеріи) мы произведемъ опредѣленное измѣненіе (удаляющее то измѣненіе, которое произведено первою формою), слѣд. получится въ результатѣ опредѣленная форма. Но совершая это мы приведемъ матерію въ состояніе, предшествовавшее присоединенію первой формы. Слѣдовательно ранѣе этого присоединенія матерія имѣла опредѣленную форму. Но по условію присоединившаяся форма была первая, измѣнившая матерію; слѣдовательно матерія всегда имѣла форму.

XIV. *Форма* находится подъ тремя видами существованія — *вѣчною потенціальною, временною образующеюся и временною реальною*. И въ самомъ дѣлѣ, въ вѣчномъ условіи всего сущаго — въ пространствѣ, и въ каждой частицѣ его находятся всѣ формы; но скрыто, невидимо, потенціально *по отношенію* къ реальнымъ, видимымъ и осязаемымъ формамъ, которыя въ немъ образуются. Это можетъ быть доказано слѣдующимъ образомъ: во всякомъ данномъ пространствѣ мы *можемъ безразлично* начертить всякую фигуру, существующую или мыслимую, и сдѣлать

ее *осязательной, реальной*. Для этого достаточно замѣстить это пространство какимъ-либо окрашеннымъ веществомъ и въ немъ изобразить эту фигуру. Окрашенное вещество точно совпадаетъ съ замѣщаемымъ имъ пространствомъ, и каждый атомъ его точно совпадаетъ съ какой-нибудь замѣщаемой точкой, въ которой онъ пребываетъ. Удалимъ вещество, и получится рядъ точекъ, линій и плоскостей, расположенныхъ также, какъ расположены были матеріальныя точки, линіи и плоскости, изъ которыхъ состояла фигура, но отличающихся отъ нихъ своею нематеріальностью, такъ какъ онѣ состоятъ изъ чистыхъ пространственныхъ элементовъ. Но точки эти, равно какъ и линіи, и плоскости, изъ нихъ состоящія, не были прикрыты красящимъ веществомъ, слѣд. онѣ всегда здѣсь были; т. е. созданная реальная фигура существовала здѣсь ранѣе, какъ потенція. И такъ какъ пространство во всѣхъ частяхъ своихъ тожественно, а выбирая для построенія фигуру, мы не опредѣлили ея форму, но взяли *безразлично* какую-либо изъ существующихъ или мыслимыхъ; то изъ всего этого разсужденія прямо вытекаетъ, что во всякомъ данномъ мѣстѣ существуетъ потенціально всякая фигура, возникающая въ ней реально. Опытъ болѣе совершенно можетъ быть произведенъ слѣдующимъ образомъ: можно мысля фигуру и одновременно двигая глазъ; устремленный въ данное пространство, согласно съ мышленіемъ, начертить въ этомъ пространствѣ всякую фигуру такъ, что умственный взоръ будетъ какъ бы видѣть ее. Эта изображенная мысленнымъ взоромъ фигура и есть потенція дѣйствительной фигуры, которая овеществившись, замѣстившись веществомъ, становится реальною.

Эти потенціальныя формы совѣчны пространству, т. е. всегда, когда существовало оно, существовали и онѣ въ немъ. Но формы не соединены съ веществомъ необходимо: вещество правда не можетъ быть безъ формы, но форма можетъ быть безъ вещества, и есть. Она присуща пространству и проявляется видимо въ матеріи потому, что послѣдняя, пребывая въ пространствѣ, всегда

совпадаетъ съ какой-либо изъ формъ, наполняющихъ его, и овеществляетъ эту форму, но не создаетъ ее собою.

Образующееся существованіе формы временно, потому что оно превращается въ реальное, когда вещь, въ этой формѣ стремящаяся выразиться, заканчиваетъ свое образованіе; или возвращается въ прежнее потенціальное состояніе, если дальнѣйшее образованіе вещи почему либо задерживается и она погибаетъ недоразвившись. Напр., образующаяся форма присуща дереву во все время его выростанія, и прекращается въ тотъ моментъ, когда ростъ законченъ, или когда не выросшее еще дерево срубается и сжигается.

Реально форма также существуетъ и также временно,— именно до тѣхъ поръ, пока существуетъ предметъ, носящій ее (нарисованная фигура, сдѣланная статуя, минералъ, растеніе). Какъ уже сказано было, предметъ только овеществляетъ потенцію своей формы, бывшую до его появленія въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ находится; только исполняетъ роль красящаго вещества, которое наполняя форму дѣлаетъ ее видимою. Съ исчезновеніемъ предмета форма его остается по прежнему, но только снова дѣлается потенціальною, т. е. невидимою.

Отличительную черту всѣхъ формъ составляетъ ихъ неподвижность и неизмѣняемость. Онѣ неподвижны, потому что *во всякомъ мѣстѣ пространства* есть форма, каждаго даннаго предмета; и передвигаясь онъ не передвигаетъ съ собою свою форму (это видно изъ того, что въ пространствѣ опустѣвшемъ послѣ удаленія предмета, остается же форма этого продмета, что было бы невозможно, еслибъ она удалилась вмѣстѣ съ нимъ, такъ какъ по всякой частицѣ пространства находится всякой формы по одной,—или если и много, то слившихся въ одну), но выйдя изъ нея и черезъ это сдѣлавъ ее снова потенціальной, вступаетъ въ новую форму, одинаковую съ прежней по виду, но находящуюся въ другомъ мѣстѣ пространства—именно въ томъ, куда онъ передвинулся. Такимъ образомъ кажущееся движеніе какой либо формы въ сущ-

ности есть непрерывное скрытіе и обнаруженіе видимыхъ пространственныхъ формъ по пути движущагося вещества — скрытіе и обнаруженіе, сопровождающія выходъ и вступленіе этого вещества изъ одной формы въ другую; такъ-что движется вещество, но формы остаются неподвижны. Неизмѣняемость формъ обусловлена тѣмъ, что *всякая форма* есть въ каждомъ данномъ пространствѣ; такъ что когда предметъ невидимому измѣняетъ свой видъ, въ сущности онъ недвигаясь съ мѣста выходитъ изъ одной формы (послѣ чего она становится невидимою) и вступаетъ въ другую форму, которая черезъ это становится видимою. Что это дѣйствительно такъ, это ясно изъ того, что съ измѣненіемъ вида предмета *его прежняя форма остается* къ томъ пространствѣ, гдѣ онъ находится, а не исчезаетъ, не разрушается; потому что въ этомъ пространствѣ потомъ снова можетъ возникнуть предметъ, во всемъ подобный съ прежнимъ — и слѣдовательно обнаружить скрытую *существовавшую* потенцію прежней формы измѣнившагося предмета; съ другой стороны *новая форма не удвоившаяся;* слѣд. измѣнившись предметъ только вступаетъ изъ одной формы въ другую, потенціально здѣсь бывшую, но не создаетъ своимъ измѣненіемъ эту другую форму.

Соединеніе вещества и формы образуетъ собою оформленное вещество или міръ реальныхъ вещей. Одна изъ важныхъ задачъ ученія о существованіи вещей въ Космосѣ состоитъ въ опредѣленіи формы пребыванія различныхъ сторонъ вещи вообще, т. е. ея сущности, аттрибутовъ, причины, цѣли и пр. Но мы отнесемъ разрѣшеніе этой задачи не къ ученію о существованіи, но къ ученію о другихъ сторонахъ Космоса; такъ что форма пребыванія сущности будетъ изучена въ общемъ ученіи о сущности, форма пребыванія аттрибутовъ — въ общемъ ученіи объ аттрибутахъ и т. д. Теперь же перейдемъ къ опредѣленію формы существованія цѣлыхъ вещей, образуемыхъ сочетаніемъ матеріи и формы: равно и того, что управляетъ ими.

XV. *Элементы вещества* имѣютъ существованіе *реальное вполнѣ неизмѣнное.* Они реальны, потому что реально

вещество, которое изъ нихъ состоитъ; они лишены потенцій, потому что ни изъ чего не происходятъ. Но относительно всего другаго они являются неопредѣленнымъ потенціальнымъ бытіемъ, потому что черезъ ихъ сочетаніе образуются всѣ вещи. Это вторичное, впрочемъ, значеніе элементовъ,— то значеніе, въ смыслѣ котораго все есть потенція всего, потому что Космосъ есть великое цѣлое, гдѣ каждая часть поддерживаетъ и обусловливаетъ собою каждую другую часть. Далѣе — элементы вѣчны; потому что еслибы они исчезали, то исчезали бы въ нихъ части вещества; и такъ какъ не опредѣлено, какіе именно элементы могутъ исчезать, то слѣдовательно можетъ исчезать каждый изъ нихъ; но если каждый элементъ можетъ исчезнуть, то могутъ исчезнуть и всѣ они, а съ ними и все вещество — что противорѣчитъ его постоянству. Они не измѣнчивы, потому что будучи простыми не могутъ разлагаться, не будучи сложенными не могутъ отдѣлять отъ себя чего либо, и будучи слагаемыми только становятся рядомъ, т. е. измѣняется ихъ расположеніе, но не измѣняются они сами. Наконецъ они не могутъ и превращаться во что-либо, потому что по превращеніи въ элементъ было бы два начала: то, которое превратилось (оно не исчезло, слѣдовательно пребываетъ), и то, въ которое превратилось (потому что оно не привнесено извнѣ, но образовалось изъ того, что было); но изъ двухъ сложеннымъ можетъ быть только не простое, т. е. не элементъ; слѣдовательно элементъ ни во что превратиться не можетъ; превращенію подлежитъ только сложное черезъ замѣщеніе одного составляющаго начала другимъ. Но такъ какъ разложеніе, убавленіе, увеличеніе и превращеніе почерпываютъ собою способы измѣненія, то слѣд. элементы не измѣнимы.

XVI. *Соединенія* имѣютъ всѣ три формы существованія: *потенціальное, образующееся* и *реальное.*

Потенціи соединеній суть элементы, изъ которыхъ они слагаются, и силы сродства, которыя ихъ слагаютъ. Разсматривая отношеніе этихъ потенцій къ этимъ соедине-

ніямъ, можно замѣтить въ немъ одну особенность, которая не случайна здѣсь, потому что можетъ быть прослѣжена на всѣхъ ступеняхъ міра оформленныхъ вещей. Эта особенность состоитъ въ томъ, что степень совершенства реальнаго бытія, возникающаго изъ потенцій, находится въ тѣсной зависимости отъ большей или меньшей распредѣленности началъ оформливающаго и оформливаемаго въ этихъ потенціяхъ, изъ которыхъ выходитъ оно. Тогда какъ все сложное и высоко развитое въ природѣ слагается изъ потенцій, изъ которыхъ *одна* строго опредѣленна, а *другая* совсѣмъ неопредѣленна, напр. дубъ вырастаетъ изъ сѣмени дуба и земли, — все несложное, неразвитое въ природѣ слагается изъ потенцій, которыя *обѣ* полуопредѣленны, полунеопредѣленны. Какъ будто потенціи этихъ несовершенныхъ существъ полусформированы, начала опредѣляющее и опредѣляемое, дѣятельное и пассивное — какъ будто еще не успѣли распасться въ нихъ, отдѣлиться одно отъ другаго и сосредоточиться въ двухъ типахъ взаимно противоположныхъ потенцій. И если мы будемъ слѣдить за отношеніемъ потенціальнаго бытія къ реальному, которое возникаетъ изъ него, то замѣтимъ, что постепенное развитіе существъ и усложненіе ихъ только слѣдуетъ за постепеннымъ отдѣленіемъ этихъ двухъ началъ въ ихъ потенціяхъ; и что, такимъ образомъ сложный и медленный процессъ мірообразованія, нѣкогда совершившійся и еще продолжающійся, есть только наружное проявленіе другаго, болѣе глубокаго и скрытаго процесса, нѣкогда совершившагося въ природѣ и также еще продолжающагося — *процесса внутренняго распаденія смѣшанной потенціальности на опредѣленную и неопредѣленную*, и постепеннаго сосредоточенія первой въ потенціяхъ живыхъ и законченныхъ, все образующихъ въ природѣ, а второй — въ потенціяхъ мертвыхъ и безформенныхъ, изъ которыхъ образуется все въ нем. Крайніе моменты этого процесса распредѣленія потенціальности мы можемъ наблюдать на потенціяхъ крайнихъ существъ въ природѣ: простыхъ химическихъ соединеній,

которыми начинается она, и организмовъ, которыми она заканчивается. О послѣднихъ говорилось ранѣе и еще будетъ говориться ниже, теперь же разсмотримъ внимательнѣе первыя.

Какъ уже сказано было, основная потенція соединеній есть то, изъ чего происходятъ они — элементы. Указанная особенность ихъ, какъ полуопредѣленныхъ потенцій, проявляется въ томъ, что каждый отдѣльный элементъ (положимъ кислородъ) соединяется и не съ однимъ какимъ-либо элементомъ, и не со всѣми, но *съ нѣкоторыми* и *въ нѣкоторыхъ пропорціяхъ*, и образуетъ при этомъ не одно соединеніе, и не всевозможныя, но только *нѣкоторыя*. Во всемъ подобенъ ему по своей полуопредѣленности и другой элементъ, съ которымъ онъ вступаетъ въ соединеніе (положимъ азотъ), — такъ что между соединяющимися началами здѣсь нѣтъ различія совершенно, и роль начала образуемаго (вещество массы) и образующаго (форма элемента) здѣсь не раздѣлена, но смѣшана.

Но еще ярче, быть можетъ, проявляется это свойство полуопредѣленныхъ потенцій въ силахъ сродства, составляющихъ другую потенцію соединеній, второе условіе возможности ихъ осуществленія. Яркость эта обусловливается тѣмъ, что указанный законъ соотношенія между несовершенствомъ существа и нераспредѣленностью его потенціальности, какъ верховный космическій законъ здѣсь подчиняетъ себѣ и измѣняетъ даже такой общій законъ природы, какъ законъ постоянства дѣйствія силъ и ихъ безразличія въ отношеніи къ массѣ, на которую онѣ дѣйствуютъ. Указанный законъ отклоняетъ эти силы отъ всѣхъ другихъ силъ природы, выдѣляетъ ихъ изъ порядка послѣднихъ и дѣлаетъ изъ нихъ исключеніе, необъяснимое до сихъ поръ, но становящееся понятнымъ, естественнымъ и необходимымъ, если мы будемъ разсматривать эти силы не въ узкой сферѣ ихъ дѣйствія и не какъ предметъ изученія замкнутой въ своей исключительности науки (химіи), но съ высшей точки міропониманія и въ общемъ порядкѣ міроустройства. И въ самомъ дѣлѣ, въ при-

родѣ всѣ силы (напр. притяженіе) дѣйствуютъ во 1-хъ постоянно, т. е. нѣтъ случаевъ, что бы сила то дѣйствовала, то не дѣйствовала, во 2-хъ одинаково, т. е. каждая отдѣльная сила во всякое время и во всякомъ мѣстѣ производитъ при равенствѣ прочихъ условій одно и то же дѣйствіе (напр. притяженіе всегда стягиваетъ тѣла въ одно), и въ 3-хъ слѣпо, т. е. не различая, изъ чего состоятъ массы, на которыя онѣ дѣйствуютъ. Совершенно иное мы видимъ въ силахъ сродства: онѣ соединяютъ только нѣкоторые элементы съ нѣкоторыми, и только въ нѣкоторыхъ пропорціяхъ; но не безразлично всѣ со всѣми во всякихъ пропорціяхъ, или одинъ элементъ съ однимъ въ одной пропорціи. Такимъ образомъ сила сродства дѣйствуетъ не постоянно: она проявляется, сближая одни элементы, и ея нѣтъ, когда предстояло бы сблизить другіе; она дѣйствуетъ даже не одинаково: вообще сближая атомы элементовъ, она въ иныхъ случаяхъ дѣйствуетъ обратно своей природѣ — отталкивая ихъ другъ отъ друга; и, наконецъ, она дѣйствуетъ не слѣпо, но различая вещество того, на что дѣйствуетъ: всегда соединяетъ нѣкоторые элементы, всегда остается безразличною въ отношеніи другихъ, всегда отталкиваетъ третьи. Это странное, повидимому, явленіе объясняется удовлетворительно закономъ нераспредѣленной потенціальности въ потенціяхъ несовершенныхъ существъ. Если элементы суть полуопредѣленныя потенціи соединеній, въ которыхъ есть *только часть* начала образующаго и *только часть* начала образуемаго; то и въ другихъ недостающихъ потенціяхъ должна заключаться *остальная часть* какъ начала образующаго, такъ и начала образуемаго — и это естественно и безусловно необходимо, иначе онѣ (потенціи) не были бы способны произвести изъ себя реальность (соединенія). Это соединеніе началъ образующаго и образуемаго мы и наблюдаемъ въ полуопредѣленности силъ сродства, какъ потенціи: и въ самомъ дѣлѣ, если-бы онѣ соединяли всѣ элементы со всѣми во всякихъ пропорціяхъ, — то онѣ были бы потенціями совершенно неопредѣленными (какъ не-

щество для растенія), и въ такомъ случаѣ все образующее начало должно было бы сосредоточиться въ однихъ элементахъ и сдѣлать ихъ совершенно опредѣленными потенціями, чего нѣтъ; напротивъ, еслибы эти силы соединили каждый отдѣльный элементъ только съ однимъ элементомъ только въ одной пропорціи для произведенія одного соединенія, то въ такомъ случаѣ онѣ становились бы потенціями совершенно опредѣленными, а элементы должны были бы стать потенціями совершенно неопредѣленными, т. е. способными ко всевозможнымъ сочетаніямъ во всевозможныхъ пропорціяхъ. Но такъ какъ элементы суть только полуопредѣленныя потенціи, то и силы сродства не могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ тоже полуопредѣленными потенціями; и вотъ почему онѣ не всегда дѣйствуютъ, но только между нѣкоторыми элементами; и неодинаково, но иногда притягивая, а иногда отталкивая элементы; и не слѣпо, но различая вещество массы — въ одномъ случаѣ обнаруживая свою силу на ней, а въ другомъ случаѣ оставаясь недѣятельными.

Образующееся существованіе соединеній проявляется въ моменты сближенія атомовъ соединяющихся элементовъ и въ послѣдующіе моменты расположенія этихъ атомовъ такимъ образомъ, что изъ нихъ происходитъ третье тѣло, не похожее ни на одно изъ соединившихся. Этотъ процессъ образованія соединеній совершенно неизслѣдованъ какъ вслѣдствіе трудности слѣдить за быстрымъ соединеніемъ атомовъ, такъ и по трудности различить атомы того и другого вещества въ моменты ихъ расположенія. Быть можетъ первая трудность могла бы быть побѣждена черезъ искусственное замедленіе сближенія атомовъ, что могло бы быть достигнуто, еслибы опыты напр. производить надъ элементами, подчиненными электромагнетизму и въ сферѣ вліянія послѣдняго, которое имѣетъ свойство замедлять всѣ движенія (такъ вращеніе стрѣлки, повѣшенной на нитки передъ массою мягкаго желѣза, замедляется въ моменты его намагничиванія электрическимъ токомъ). Вторая же трудность быть можетъ

могла бы быть побѣждена соединеніемъ веществъ, ярко различающихся по цвѣту, и чрезвычайнымъ искусственнымъ увеличеніемъ движущихся въ соединеніи частицъ черезъ микроскопъ-ли, или черезъ отраженіе на экранъ, гдѣ всѣ незамѣтныя движенія принимали бы огромные размѣры. Быть можетъ также возможно сдѣлать что нибудь здѣсь и путемъ умозрѣнія, именно отыскать дѣйствительное черезъ выдѣленіе невозможнаго.

Реальное существованіе соединеній продолжается все то время, пока элементы въ нихъ остаются соединенными. Существованіе это временно, и потому несовершенно, неполно. Такимъ образомъ, тогда какъ форма, напр. соединенія, совѣчная пространству, существуетъ, пока существуетъ оно; само соединеніе, а съ нимъ и все то, во что оно входитъ, существуетъ и временно, и не столь необходимо; такъ что весь многообразный міръ вещей до нѣкоторой степени можетъ быть признанъ порожденіемъ случая.

XVII. Здѣсь же слѣдуетъ разсмотрѣть форму существованія *смѣсей*, т. е. такихъ сложныхъ тѣлъ, которыя образуются не черезъ химическое соединеніе элементовъ, при которомъ образуется новое тѣло, отличное отъ соединившихся; но черезъ механическое смѣшиваніе элементовъ и соединеній ихъ, при чемъ образующееся тѣло (смѣсь) не есть совершенно новое, но только отличное по внѣшнимъ признакамъ отъ смѣшанныхъ тѣлъ, напр. известковая вода, бронза, чугунъ и др. сплавы.

Смѣсь есть низшая, несовершенная форма соединеній, есть соединеніе неопредѣленное, непрочное и непостоянное. Она также проходитъ черезъ всѣ три формы существованія — потенціальное, образующееся и реальное; но и потенціальность, и образованіе и реальность смѣсей представляетъ нѣкоторый недостатокъ, нѣкоторую какъ бы недоразвитость въ сравненіи съ потенціальностью, образованіемъ и реальностью соединеній. Потенціи смѣсей мертвы, безжизненны: онѣ обладаютъ одною способностью къ соединенію, но не стремленіемъ, какъ въ соединеніяхъ

химическихъ, гдѣ атомы одного элемента съ силою стремятся соединиться съ атомами другого элемента. Онѣ неопредѣленны: смѣшиваются не нѣкоторыя немногія вещества съ нѣкоторыми немногими въ нѣкоторыхъ пропорціяхъ, но почти всѣ, почти со всѣми во всякихъ пропорціяхъ. То явленіе, что всетаки не безусловно всѣ вещества смѣшиваются со всѣми (напр. вода не смѣшивается съ масломъ), и особенно то, что всякое почти вещество смѣшивается съ одними веществами легче и прочнѣе, а съ другими труднѣе и не столь прочно, это явленіе слѣдуетъ признать зачаточнымъ образованіемъ въ смѣшиваемыхъ веществахъ опредѣленной потенціальности — образованіемъ первоначальнымъ и потому еще слабымъ. Силы, смѣшивающія вещества, также совершенно отличны отъ силъ сродства, дѣйствующихъ въ соединеніяхъ: онѣ безразличны въ своемъ отношеніи къ веществу смѣшиваемыхъ массъ, и слѣдовательно представляютъ собою тоже неопредѣленную потенціальность.

Образующееся существованіе смѣсей не столь опредѣленно, какъ образующееся существованіе соединеній, и еще менѣе необходимо, чѣмъ послѣднее. Оно неопредѣленно, потому что смѣси образуются весьма различно, а не какимъ либо однимъ способомъ (сплавленіе — напр. въ металлахъ, раствореніе твердыхъ тѣлъ — въ жидкостяхъ, механическое раздробленіе и смѣшеніе раздробленнаго — напр. въ конгломератахъ и земляхъ). Оно не необходимо, потому что отъ случайныхъ и совершенно внѣшнихъ причинъ зависитъ возможность образованія смѣси: напр. сплавленіе данныхъ металловъ не произойдетъ, если они случайно не попадутъ въ достаточно высокую температуру, которую человѣкъ долженъ производить искусственно,— такъ рѣдко встрѣчается она въ природѣ; раствореніе данныхъ тѣлъ не совершится, если они не попадутъ въ воду, что опять зависитъ отъ случая; раздробленія и сростанія минераловъ не будетъ, если они сперва не подвергнутся быстрому, раздробляющему дѣйствію тяжести, а потомъ медленному и постоянному давленію. Реальное существо-

ваніе смѣсей болѣе случайно и менѣе продолжительно, чѣмъ реальное существованіе соединеній. Какъ велика случайность ихъ существованія, это можно видѣть изъ того, что многихъ смѣсей совершенно нѣтъ въ природѣ, но онѣ создаются только волею человѣка, которая приходитъ въ природу и какъ бы увеличиваетъ ея творчество, помогая ея силамъ; разсматривая эти искусственныя смѣси, мы видимъ, что хотя, всѣ смѣшанные элементы существуютъ въ космосѣ, однако какъ потенціи они до такой степени безжизненны и инертны, а силы природы, которымъ они подчинены, до такой степени дѣйствуютъ не имѣя ихъ въ виду — что требуется вмѣшательство живой силы человѣческаго разума, чтобы направить физическія силы и сочетать элементы для произведенія нужной смѣси. Какъ мала продолжительность ихъ существованія, это видно изъ того, что предоставленныя самимъ себѣ почти всѣ смѣси или естественно разрушаются, или превращаются въ другія смѣси черезъ прибавленіе чего-либо новаго или убавленіе чего-либо въ нихъ, бывшаго прежде. Такъ всѣ растворы уничтожаются когда пересыхаетъ вода; всѣ конгломераты и земли вывѣтриваются; всѣ сплавы окисляются, распадаются и вступаютъ въ составъ новыхъ смѣсей.

XVIII. *Горныя породы* — несовершеннѣйшій видъ несовершеннѣйшаго изъ трехъ царствъ природы — также проходятъ черезъ всѣ три формы существованія. Онѣ почти неотдѣлимы отъ смѣсей, онѣ почти тѣ же смѣси, о которыхъ мы говорили выше, но создающіяся только въ природѣ, и образующіяся только изъ минераловъ, а потому уже нѣсколько ограниченныя и опредѣленныя. Ихъ потенціи — простые минералы, ихъ образующееся существованіе — смѣшеніе этихъ минераловъ, ихъ реальная форма — сама горная порода, состоящая изъ этихъ соединенныхъ минераловъ. Напр. кварцъ, полевой шпатъ и слюда суть потенціи гранита: процессъ ихъ соединенія есть его образующееся существованіе; самый гранитъ есть реальная вещь, происшедшая черезъ соединеніе этихъ потенцій.

Большая опредѣленность, ограниченность и постоянство горныхъ породъ въ сравненіи съ простыми смѣсями обусловлена тѣмъ, что ихъ потенціи принадлежатъ къ нѣсколько высшему типу, чѣмъ потенціи этихъ обыкновенныхъ смѣсей. Правда, какъ и потенціи смѣсей, онѣ лишены стремленія къ соединенію и обладаютъ только одною способностью къ нему; слѣдовательно ихъ потенціальность не живая, но мертвая. Но въ предѣлахъ этой несовершенной потенціальности уже есть нѣкоторое различіе у нихъ въ сравненіи съ потенціальностью простыхъ смѣсей: именно, хотя и здѣсь не опредѣлены пропорціи смѣшиваемыхъ веществъ, напр. въ гранитѣ бываетъ то больше слюды, то меньше; однако самыя смѣшиваемыя вещества уже опредѣлены, чего нѣтъ въ простыхъ смѣсяхъ: не всякій минералъ соединяется со всякимъ, и число горныхъ породъ не безграничнo; но только нѣкоторые минералы соединяются съ нѣкоторыми въ опредѣленныя горныя породы, которыхъ существуетъ ограниченное число.

Нѣкоторое подготовленіе къ этой потенціальности мы видѣли уже и въ простыхъ смѣсяхъ: и тамъ, какъ уже сказано было, не безусловно же всѣ вещества смѣшиваются со всѣми, и однѣ смѣси легче образуются и бываютъ прочнѣе, а другія бываютъ не столь прочны и образуются труднѣе. Развитіе именно этого свойства мы и встрѣчаемъ въ потенціяхъ горныхъ породъ.

Отъ бо́льшей опредѣленности въ потенціяхъ горныхъ породъ происходитъ и бо́льшая опредѣленность ихъ образующагося существованія; процессовъ образованія ихъ уже не неопредѣленное множество, какъ въ смѣсяхъ, но только два: раствореніе для нептуническихъ породъ, какъ глина и др.; и сплавленіе для вулканическихъ породъ, какъ порфиръ, базальтъ и пр.

Эта же, хотя слабая, опредѣленность ихъ потенцій произвела и постоянство реальныхъ формъ въ горныхъ породахъ; тогда какъ простыя смѣси случайны, временны и неустойчивы въ своихъ свойствахъ и въ своей сущности, и потому неуловимы для цѣльнаго и системати

ческаго описанія; горныя породы уже распадаются на нѣсколько опредѣленныхъ и постоянныхъ типовъ, уже имѣютъ неизвѣстное въ смѣсяхъ явленіе - *видъ* (species), какъ постоянную и опредѣленную форму реальнаго бытія, и потому подлежатъ описанію, а затѣмъ и основанному на немъ изученію. Смѣсей мы не можемъ изучать, потому что онѣ и есть и нѣтъ, но только смѣшиваніе, какъ явленіе; напротивъ горныя породы могутъ быть изучаемы, какъ вещи, сами по себѣ, потому что онѣ есть, т. е. существуютъ въ постоянной и опредѣленной формѣ (species, видъ).

XIX. *Минералы аморфные* (т. е. не имѣющіе опредѣленной формы, не кристаллизованные) по формѣ существованія представляютъ еще высшую ступень въ сравненіи съ горными породами: къ послѣднимъ они также относятся, какъ эти — къ смѣсямъ. Какъ и повсюду это сравнительное совершенство ихъ обусловливается большею развитостью ихъ потенцій. Послѣднія вступаютъ между собою въ соединеніе не только нѣкоторые съ нѣкоторыми, но уже и въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ количествахъ. Это составляетъ новую ступень въ послѣдовательномъ опредѣленіи потенціальности и ограниченія ея отношенія къ реальному бытію. Здѣсь каждая потенція есть уже не вообще соединяющееся вещество, но часть его по сравненію съ частью другаго соединяющагося вещества ($^1/_3$ вещества *a*, и $^2/_3$ вещества *b*, образуютъ единицу минерала *c*), и въ этомъ смыслѣ она болѣе опредѣлена. Затѣмъ то, съ чѣмъ она можетъ соединяться, также ограничено и въ веществѣ, и въ количествѣ (напр. вещество *a* вступаетъ въ соединенія съ $^2/_3$ *b*, $^3/_4$ *d*, $^1/_5$ *e*, образуя три вида минераловъ, и только). Слѣдовательно здѣсь ограничены формы реальныхъ вещей, которыя могутъ произойти изъ каждой единичной потенціи — и поэтому ограниченно отношеніе ея къ реальному бытію (не такъ, напр., въ смѣсяхъ, гдѣ потенція, напр. вода, можетъ перейти въ безчисленное множество реальностей, т. е. смѣсей). Эта опредѣленность и ограниченность потенціи отрази-

лась на возникающей изъ нея вещи еще болѣе строгою индивидуальностью: минералъ еще болѣе постоянепъ, чѣмъ горная порода — онъ не вывѣтривается, какъ она, онъ не распадается съ такою легкостью самъ собою на составныя части свои, — ихъ бываетъ трудно даже и искусственно отдѣлить одна отъ другой (напр. аллюминій трудно отдѣлить въ глинѣ); онъ болѣе опредѣленъ: его свойства всегда и вездѣ тѣже, его всюду можно узнать по неизмѣнпымъ наружнымъ признакамъ. Отсюда — новое явленіе въ реальномъ бытіи — родъ и видъ (genus et species), отсюда — классификація и точное научное изученіе этого перваго царства природы, перваго ряда уже значительно совершенныхъ вещей въ Космосѣ.

Кристаллы по формѣ существованія поднимаются на новую ступень сравнительно съ аморфными минералами, и это поднятіе есть также только видимое обнаруженіе невидимаго усовершенствованія потенцій ихъ: послѣднія не только «нѣкоторыя части нѣкоторыхъ веществъ», соединяющихся между собою, но уже и имѣющія «нѣкоторый опредѣленный видъ». Эта внѣшняя ограниченность потенціальности отразилась опредѣленностью формы въ реальномъ бытіи, которое возникаетъ изъ нея — кристаллизаціей минерала.

XX. Въ послѣдующихъ двухъ царствахъ вещей въ Космосѣ — въ царствѣ растительномъ и животномъ, мы также будемъ повсюду встрѣчать эту внѣшнюю очерченность предметовъ. Такимъ образомъ форма завершаетъ собою низшее изъ трехъ царствъ природы, минеральное, являясь здѣсь на степени геометрической линіи, плоскости и угла; развивается далѣе во второмъ царствѣ, растительномъ, становясь здѣсь по разнообразію своему неуловимою для геометріи; переходитъ затѣмъ, совершенствуясь, въ третье царство, животное, и на вершинѣ его — въ образѣ человѣка — переходитъ въ *красоту*. На этой высшей ступени своей форма уже не только не поддается геометрическому опредѣленію, какъ въ минералахъ, но даже и точному описанію — которому подлежатъ формы растеній и животныхъ. Сопут-

ствуя матеріи, она уже одухотворяется здѣсь, и становится доступною только созерцанію и пониманію.

Растенія проходятъ всѣ три формы существованія: *потенціальное, образующееся и реальное.* Въ сѣмени онѣ существуютъ потенціально, черезъ ростъ — образуются, и съ прекращеніемъ роста существуютъ реально.

Со всѣмъ, что было разсмотрѣно выше, растенія представляютъ различіе столь великое, что его можно сравнить только съ различіемъ его потенціи отъ потенцій этихъ другихъ вещей. Всѣ ранѣе разсмотрѣнныя вещи были безжизненны, всѣ онѣ были только веществомъ; въ растеніи же есть уже новое начало — жизнь, и само оно не вещество только, но организмъ, т. е. жизнь, облеченная въ вещество. Таковы особенности его въ реальной формѣ существованія; и подъ нимъ скрываются столь же великія особенности его потенціи и образованія.

Растеніе образуется черезъ соединеніе двухъ потенцій— сѣмени и вещества земли. Величайшая особенность ихъ состоитъ въ томъ, что потенціальность уже совершенно распредѣлилась въ нихъ: въ сѣмени сосредоточилось все образующее начало — оно есть потенція совершенно опредѣленная; въ веществѣ земли сосредоточилось все образуемое, пассивное начало — оно есть потенція совершенно неопредѣленная. Эта опредѣленность выразилась въ сѣмени совокупностью способности и стремленія осуществить изъ себя одно опредѣленное реальное бытіе — напр. въ сѣмени березы способностью и стремленіемъ воспроизвести изъ себя только березу; въ веществѣ же земли неопредѣленная потенціальность выразилась способностью безразлично стать чѣмъ-либо — минераломъ, растеніемъ, статуей, смѣсью какою-либо. Эта окончательная распредѣленность потенціальности встрѣчается только здѣсь: ни въ простыхъ смѣсяхъ, ни въ горныхъ породахъ, ни въ минералахъ аморфныхъ и кристаллическихъ мы этого не видимъ; въ нихъ повсюду мы встрѣчаемъ въ каждой изъ соединяющихся потенцій и начало опредѣляющее, но не все, и начало опредѣляемое — также не все.

Эта совершенная распредѣленность потенціальности производитъ новое явленіе — необходимость преобразованія потенцій для произведенія изъ себя реальнаго бытія. И въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ *вся* форма растенія предустановлена въ *одномъ* сѣмени, и *все* вещество его дано въ *одномъ* веществѣ земли, а между тѣмъ и сѣмя не лишено вещества, и вещество земли не лишено формы (очертаній) — то и предстоитъ при соединеніи этихъ потенцій уничтожиться формѣ въ питающей землѣ, и веществу — въ питающемся сѣмени; тому веществу, безъ котораго не могли бы выразиться формы сѣмени, но которое не имѣетъ отношенія къ будущему растенію, и той формѣ, которую по необходимости носитъ земля, какъ матерія, но которая также чужда растенію. Въ каждой изъ двухъ потенцій есть такимъ образомъ нѣчто *лишнее*, безъ чего *онѣ сами*, эти потенціи, не могутъ существовать (матеріальность въ реальной формѣ и очертаніе въ веществѣ), но *съ тѣмъ* не можетъ существовать то реальное бытіе, которое возникнетъ изъ нихъ (напр. растеніе не можетъ имѣть форму и земли и растенія одновременно). Этотъ излишекъ долженъ поэтому необходимо уничтожиться, исчезнуть: сѣмя должно утратить все вещество и вещество земли должно утратить всю форму, т. е. обѣ потенціи должны *преобразоваться*. Ничего подобнаго нѣтъ въ потенціяхъ раньше разсмотрѣнныхъ вещей: въ смѣсяхъ и минералахъ элементы не преобразуются, но сохраняются такъ, какъ они были до соединенія; они только размѣщаются иначе. Смѣсь, минералъ — это группа соединившихся другъ съ другомъ потенцій; въ растеніи же нѣтъ уже болѣе ни сѣмени, ни земли. Въ первыхъ потенціи размѣстились, сохранившись; во второмъ потенціи разрушившись преобразовались.

Эта необходимость преобразованія обѣихъ потенцій для произведенія реальнаго бытія становится источникомъ новыхъ особенностей, относящихся уже ко второй формѣ существованія — къ бытію образующемуся. Здѣсь объясненіе явленія жизни растеній.

Какъ уже сказано было, для произведенія реальнаго бытія — растенія — сѣмя должно утратить свое вещество, а земля — свою форму. Произойти же это можетъ только однимъ способомъ: изъ сѣмени должно выдѣлиться вещество и замѣститься веществомъ земли; земля, видоизмѣнясь, должна войти въ формы, предустановленныя въ сѣмени. Отсюда — явленіе *питанія*. Объ потенціи начинаютъ соединяться: вещество выдѣляется изъ сѣмени — послѣднее *сгниваетъ*, и замѣщается веществомъ земли — сѣмя *прорастаетъ*.

Но такъ какъ вещество земли количественно перевѣшиваетъ вещество, содержавшееся въ сѣмени, а между тѣмъ должно все войти въ сѣмя для произведенія реальнаго бытія, — то формы, скрытыя въ сѣмени, должны раздвинуться, расшириться для воспріятія вещества. Отсюда — явленіе *роста*. Вотъ почему сѣмя сгнившая не уничтожается, и въ растущемъ напр. деревѣ не разрываются его органы питанія, но оно увеличивается, «вырастаетъ»; то, что осталось въ сѣмени и что перешло отъ него въ дерево есть *единственно* форма, лишенная всего матеріальнаго, а форма не можетъ ни разрушиться, ни разорваться, но только увеличиться въ объемѣ, сохраняя свой видъ, или уменьшиться. А такъ какъ вещество потенціи здѣсь должно входить, а не выходить, то форма и увеличивается. Такимъ образомъ на совершенной раздѣленности въ потенціяхъ матеріи и формы основывается сохраніе растущаго дерева; изъ одного этого факта вытекаетъ одновременно и необходимость роста, и его возможность.

Но увеличиваясь форма должна сохранять всѣ свои очертанія. Она только раздвигается, но не измѣняетъ свой видъ, потому что послѣднее было бы уничтоженіемъ для нея, какъ формы; а уничтожиться она не можетъ, такъ какъ была предустановлена потенціально въ сѣмени и слѣдовательно должна осуществиться въ выросшемъ растеніи. Отсюда — то явленіе, что во всѣ моменты своего развитія растеніе сохраняетъ одинъ видъ. Дубъ и годо-

малый и столѣтній есть все тотъ же дубъ. Ростъ есть дѣйствительно измѣненіе объема при сохраненіи формы.

Этимъ же неизмѣннымъ сохраненіемъ формы при измѣняющемся содержаніи объясняются *явленія цвѣтенія* и *образованія плода и сѣмени*. Когда уже все потенціально предуготовленное вещество вступило въ предустановленныя формы и болѣе уже нечему вступать въ растеніе, его формы начинаютъ снова сдвигаться, сохраняя всѣ очертанія и утрачивая вещество: послѣдовательно образуется цвѣтокъ, затѣмъ плодъ, и наконецъ сѣмя — какъ послѣдній синтезъ всѣхъ формъ отживающаго растенія. Такимъ образомъ, заканчивая свое реальное существованіе, растеніе возвращается снова къ тому, изъ чего вышло. Оно снова разлагается на двѣ потенціи — опредѣленную, сохраняющую въ себѣ его формы; и неопредѣленную, состоящую изъ его вещества (сѣмя отпадаетъ и сохраняетъ жизнь, растеніе умираетъ, сгниваетъ и превращается въ землю).

Что умираніе дѣйствительно не есть разрушеніе, но возвращеніе реальности къ своимъ потенціямъ, въ данномъ случаѣ выражающееся вторичнымъ отдѣленіемъ формы отъ вещества, это одинаково доказывается и умозрѣніемъ, и наблюденіемъ. И въ самомъ дѣлѣ, образованіе сѣмени есть всегда высшій моментъ развитія растенія, и нерѣдко послѣдній моментъ его жизни. Создавъ сѣмя растеніе разрушается [1]), потому что въ сѣмени уже сосредоточились его формы, и слѣдовательно само оно уже лишилось въ сущности ихъ. Въ немъ нѣтъ уже болѣе ограничивающаго начала, которое сдерживало бы вещество отъ распаденія. То, что повидимому еще оформливаетъ его, въ дѣйствительности есть только скелетъ формы, уже разрушающійся, но еще не успѣвшій разрушиться окончательно; это не живая форма, имѣющая силу сдерживать вещество, но вещество,

[1]) Мы разсматриваемъ здѣсь только тѣ случаи, когда отцвѣтшее растеніе умираетъ; явленіе же періодическаго цвѣтенія многолѣтнихъ растеній, какъ оно сложное, не противорѣча дѣлаемымъ теперь объясненіямъ, нуждается въ дополненіяхъ къ нимъ, которыя и будутъ сдѣланы ниже.

съ котораго уже снята форма, но которое, прежде чѣмъ распасться, еще сохраняетъ нѣкоторое время неясные очерки прежней формы. Вотъ почему, произведя сѣмя, растеніе лишается жизни и умираетъ. Съ другой стороны — если растеніе умерло, то это значитъ только, что его вещество, утративъ форму, возвратилось въ землю и смѣшалось съ нею; но растеніе состояло не изъ одного вещества, но и изъ формъ, его заключавшихъ; ни то, ни другое не можетъ исчезнуть, потому что превращеніе бытія въ абсолютное небытіе невозможно; гдѣ его вещество — это мы знаемъ: оно обезформилось и ушло въ землю; гдѣ же его формы? вотъ основной вопросъ. Такъ какъ исчезнуть онѣ не могли, и такъ какъ ихъ нѣтъ въ веществѣ растенія, смѣшавшемся съ землею (что ясно изъ того, что это вещество не имѣетъ опредѣленной формы, но видоизмѣняется отъ случайныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, тогда какъ самое растеніе имѣло одну опредѣленную форму), то ясно что она пребываетъ въ томъ, что осталось отъ растенія кромѣ умершихъ его частей; но осталось одно сѣмя — слѣдовательно въ сѣмени заключены его формы. Но формы растенія суть живыя формы, т. е. способныя и стремящіяся раздвинуться и воспроизвести растеніе, воспринявъ въ себя вещество неопредѣленной потенціи. Слѣд. въ сѣмени кромѣ формъ, какъ очертаній, заключена и эта способность, и это стремленіе, которыя такъ же не могли исчезнуть безслѣдно, и не соединены съ землею, въ которую обратились всѣ другія части растенія, за исключеніемъ сѣмени. Вотъ почему сѣмя, отпавшее отъ умирающаго растенія, есть въ точности то самое сѣмя, изъ котораго это растеніе выросло; а то растеніе, которое можетъ вновь вырости изъ отпавшаго сѣмени, будетъ въ точности то самое, которое умерло и дало сѣмя. Что все это дѣйствительно такъ, на это есть уже и точныя опытныя подтвержденія: замѣчено, что лепестки цвѣтка суть измѣненныя листья его; тонкій анализъ безъ сомнѣнія откроетъ въ будущемъ, что тычинки и пестики цвѣтка суть преобразованные корни, стволъ и

корона растенія, а самое сѣмя — есть преобразованный цвѣтокъ его, т. е. послѣднее сдвиженіе формъ растенія, его очертанія, выраженныя въ minimum'ѣ, вещества.

Тотъ фактъ, что растеніе даетъ часто не одно сѣмя, а нѣсколько, и не одинъ годъ, а многіе года, носитъ въ себѣ много загадочнаго, хотя и не противорѣчитъ вообще только что высказанному взгляду на него, какъ на синтезъ формъ растенія, отдѣлившихся отъ вещества его. Потому, что замѣчено, что чѣмъ большее количество сѣмянъ даетъ растеніе, тѣмъ болѣе оно ослабѣваетъ, т. е. тѣмъ болѣе утрачиваетъ жизненной, *оформливающей* силы, тѣмъ блѣдиѣе становится его форма и ближе оно само къ смерти. И также замѣчено, что многолѣтнія растенія нерѣдко давъ сѣмена какъ бы умираютъ временно (на зиму); т. е. оформливающая сила, сдерживающая ихъ вещество, настолько сосредоточивается въ сѣменахъ и отпадаетъ съ ними, что нѣкоторое время они (растенія) какъ бы остаются безжизненными, ихъ вещество какъ бы едва держится тѣмъ не большимъ остаткомъ образующаго начала, который еще задерживается въ нихъ по отпаденіи сѣмянъ, и котораго совершенно не остается въ однолѣтнихъ растеніяхъ, поэтому и умирающихъ совершенно вслѣдъ за цвѣтеніемъ и образованіемъ плода и сѣмени.

Явленіе многосѣмянности одного и того же растенія быть можетъ найдетъ свое объясненіе въ томъ, что каждое отдѣльное сѣмя такого растенія не есть синтезъ его формъ въ той опредѣленной степени, какъ онѣ (формы) заключены въ самомъ растеніи; но есть какъ бы блѣдное воспроизведеніе ихъ, какъ бы отпечатокъ оригинальной формы, сохраняющейся въ растеніи для новаго воспроизведенія, пока самъ оригиналъ не истощится въ этихъ воспроизведеніяхъ своихъ, перейдя въ ихъ множество. И въ самомъ дѣлѣ, форма растенія слагается изъ собственно очертаній, и изъ силы — способной и стремящейся раздвинуть ихъ; изъ чистой формы — какъ начала геометрическаго, пространственнаго, и изъ жизненности, наполняющей форму — какъ начала дѣятельнаго, движущаго

форму въ ея развитіи. Итакъ, когда форма растенія воспроизводится въ одномъ сѣмени и одинъ разъ, то въ этомъ сѣмени сосредоточиваются всѣ очертанія и вся жизненность растенія; напротивъ возможно, что въ сѣмени сосредоточивается вся форма растенія, какъ очертаніе, но не вся форма его, какъ жизненность, а только нѣкоторая часть послѣдней. Въ такомъ случаѣ оставшаяся жизненность должна еще и еще, снова и снова перейти во что нибудь, пока не исчерпается вся; и такъ какъ выразиться она можетъ только въ формѣ, какъ очертаніи, то и появляются еще и еще, снова и снова синтезы формъ растенія, т. е. сѣмена его. Такимъ образомъ совокупность всѣхъ сѣмянъ, даваемыхъ многолѣтнимъ растеніемъ, представляетъ собою *одну и ту же* воспроизведенную много разъ *форму* растенія, какъ очертаніе, и *распредѣлившуюся* въ этихъ очертаніяхъ *жизненность* растенія, какъ способность и стремленіе къ воспроизведенію себя. И явленія жизни растеній подтверждаютъ это: между тѣмъ какъ въ однолѣтнихъ растеніяхъ гораздо менѣе жизни чѣмъ въ многолѣтнихъ, сѣмена ихъ заключаютъ въ себѣ болѣе жизненной энергіи, чѣмъ сѣмена этихъ послѣднихъ: сохраняя одинаковую способность, они сильнѣе стремятся къ воспроизведенію растенія (легче прорастаютъ).

Здѣсь — какъ впрочемъ и въ другихъ формахъ ученія о существованіи — могутъ и должны быть произведены многочисленные и любопытные провѣряющіе опыты. Что въ сѣмени абсолютно предустановлены формы растенія, такъ что напр. всѣ дубы должны быть абсолютно сходны по внѣшнему виду, это уже отчасти подтверждается тѣмъ, что они и дѣйствительно очень схожи другъ съ другомъ; а незначительная разница въ ихъ очертаніяхъ объясняется отклоняющими внѣшними физическими условіями. Поэтому черезъ искусственное уничтоженіе этихъ отклоняющихъ условій или, что тоже, черезъ искусственное созданіе абсолютно тожественныхъ условій прорастанія и дальнѣйшаго роста ихъ, можно было бы сдѣлать окончательную провѣрку теоріи: дубы должны вырости абсо-

лотно тожественными по формѣ. Далѣе, что вещество растенія такъ же точно предустановлено въ землѣ, какъ форма въ сѣмени, это тоже можно провѣрить опытомъ: взросшія при абсолютно одинаковыхъ условіяхъ всѣ растенія одного и того же вида должны быть абсолютно тожественны между собою по вѣсу и по объему (послѣдній можетъ быть точно узнаваемъ черезъ погруженіе растенія въ воду и черезъ измѣреніе объема вытѣсненія воды). Но самые интересные опыты должны касаться, конечно, отношенія вещества и формы, которое проявляется въ явленіяхъ цвѣтенія, оплодотворенія, образованія сѣмени, и, наконецъ въ строеніи и въ жизни этого послѣдняго.

Наконецъ, необходимостью сохраненія формъ одной потенціи и соединенія этихъ формъ съ веществомъ другой потенціи объясняются и всѣ остальныя физіологическіе процессы въ жизни растеній, какъ-то процессъ обращенія соковъ и распредѣленія ихъ по органамъ, вдыханія и выдыханія. И въ самомъ дѣлѣ, войдя въ растенія вещество второй потенціи само, какъ абсолютно безформенное, способно расположиться во всякомъ видѣ; но такъ какъ формы растенія, предустановленныя въ сѣмени, должны сохраниться неизмѣнно, то вещество и распредѣляется по этимъ формамъ, т. е. *движется* и выполняетъ ихъ равномѣрно. Далѣе, такъ какъ нѣкоторыя вещества, потенціально предустановленныя для растенія, могутъ вступить въ него только въ соединеніи съ нѣкоторыми другими, не потенціальными по отношенію къ растенію; то оно, отдѣливъ эти послѣднія въ своемъ организмѣ, и выдѣляетъ ихъ изъ себя черезъ *вдыханіе* (углеродъ). Наконецъ, такъ какъ нѣкоторыя вещества, потенціально предуготовленныя для растенія, не находятся въ землѣ, но находятся въ атмосферѣ, то оно вдыхаетъ ихъ (кислородъ); что это дѣйствительно такъ, это можно видѣть изъ того, что крошечный отростокъ комнатнаго растенія можетъ первое время расти подъ стаканомъ, т. е. то время, пока его корни находятся въ верхнемъ слоѣ земли, куда

проникаетъ кислородъ; но выросши оно умираетъ, если его заключить подъ стекло, потому-что до углубленныхъ въ землю корней его уже не достигаетъ болѣе воздухъ.

Животные организмы въ своихъ трехъ формахъ существованія очень схожи съ растеніями, и потому мы о нихъ не будемъ говорить. Замѣтимъ только, что ихъ потенціальность какъ-бы переполнена опредѣляющимъ началомъ: не только яйцо, соотвѣтствующее сѣмени растенія, но и то, чѣмъ питается оно — кровь матери, соотвѣтствующая въ растеніи веществу земли, не есть нѣчто инертное и безразличное по виду, но живое и опредѣленное по составу. Это бо́льшее развитіе опредѣляющаго начала, уже не вмѣщающагося въ одной потенціи и переливщагося въ другую, есть естественная и необходимая причина бо́льшаго совершенства животнаго организма въ сравненіи съ растительнымъ. А то, что вторая потенція всетаки еще не выполнена окончательно опредѣляющимъ началомъ (кровь не столь строго опредѣленная потенція, какъ яйцо), показываетъ, что извѣстное намъ въ органическомъ царствѣ совершенство еще не есть высшее возможное совершенство, еще не есть нѣчто законченное, что уже никогда не будетъ превзойдено.

Идеи, чувства и желанія мы не будемъ разбирать въ формахъ ихъ существованія, потому что о первыхъ уже было сказано нѣчто, достаточное для того, чтобы обратить вниманіе на необходимость опредѣленія формъ существованія ихъ, а о послѣднихъ будетъ сказано ниже.

XXI. Явленія, какъ нѣчто совершающееся, происходящее, имѣютъ двѣ формы существованія: *потенціальное* и *реальное временное*.

Потенціальное существованіе явленій есть возможность ихъ дѣйствительности, скрытая въ силахъ природы, въ свойствахъ организмовъ и въ способностяхъ человѣка. Напр. явленіе соединенія атомовъ, прежде чѣмъ обнаружиться въ дѣйствительности, существуетъ въ возможности въ силѣ химическаго сродства; разъ это сродство существуетъ дѣйствительно, потенціально существуютъ всѣ явленія

химическаго соединенія, — хотя бы въ данный моментъ оно нигдѣ не происходило. Также явленіе удара тѣлъ существуетъ, пока существуетъ сила притяженія; и первое всегда потенціально, пока реально второе. Равнымъ образомъ явленіе роста организмовъ существуетъ въ возможности, пока существуетъ въ дѣйствительности разъединенность вещества и формы въ потенціяхъ ихъ. Мышленіе существуетъ потенціально, пока существуетъ разумъ, хотя бы въ данное время онъ и ничего не мыслилъ. Наконецъ словообразованіе существуетъ потенціально въ дѣйствительной способности человѣка образовывать членораздѣльные звуки для выраженія своихъ внутреннихъ движеній.

Замѣтимъ, что потенціально предустановлены не единичныя явленія, но *явленія какъ роды;* и въ этомъ ихъ глубокое отличіе отъ вещей въ Космосѣ, которыя всѣ предустановлены въ своихъ потенціяхъ, *какъ недѣлимыя*. Напр. *этотъ* атомъ и *тотъ* атомъ образуютъ соединеніе, состоящее непремѣнно изъ *этихъ двухъ* атомовъ, а не какое нибудь другое, и возникающее именно тамъ, гдѣ были эти два атома, а не въ другомъ какомъ либо мѣстѣ; также изъ этого сѣмени вырастетъ это именно растеніе, которое уже предустановлено въ немъ. Словомъ *въ мірѣ вещей каждая потенція есть потенція единичной вещи, и каждая вещь имѣетъ свою индивидуальную потенцію;* такъ что разрушивъ потенцію какую-либо мы всегда разрушимъ вещь, въ ней предустановленную; и разъ осуществившись, вещь уже не можетъ повториться снова иначе, какъ воспроизведя изъ себя прежнюю потенцію. Напротивъ въ силѣ, въ свойствѣ и въ способности не предустановлено ни этого, ни того явленія, ни вообще какого либо единичнаго; въ нихъ есть только общая способность проявиться, т. е. общая возможность возникновенія явленія, безъ опредѣленія мѣста, времени, формы и силы его, — подобно тому, какъ если бы сѣмя было одно, и изъ него повсюду и всегда возникали бы разнообразнѣйшія растенія. Такимъ образомъ *потен-*

ціальность явленій разлита въ природѣ, но не сосредоточена въ ней гдѣ либо, какъ потенціальность вещей.

Образующагося существованія явленія не имѣютъ послѣдствіе трехъ особенностей: особенности своего отношенія къ потенціямъ; особенности своей природы; и особенности своего отношенія къ вещамъ. Разсмотримъ каждую изъ нихъ порознь.

И въ самомъ дѣлѣ, потенціи явленій — силы природы, способности духа и свойства организма — или начали проявляться, или не начали. Но когда сила, способность или свойство не начали проявлять себя, явленіе имѣетъ въ нихъ только потенціальное существованіе: его нѣтъ ни въ дѣйствительности, ни въ образованіи — оно только возможно. Напротивъ, когда сила, способность или свойство начали проявлять себя, явленіе уже существуетъ реально: оно уже есть дѣйствительно, оно перестало быть только возможнымъ; но оно не есть и не перестало быть образующимся. Но силы, способности и свойства *всегда* или начали проявляться, или не начали проявляться; слѣдовательно образующагося существованія явленій нѣтъ *никогда*. Объяснимъ это примѣромъ: когда химическое сродство есть, но еще не дѣйствуетъ ни на что — химическаго соединенія, какъ явленія, нѣтъ (т. е. оно потенціально); но разъ это свойство проявилось въ атомахъ и они начали соединяться, уже есть явленіе соединенія (оно реально). Момента же, когда образовывалось это явленіе, не было.

Это отсутствіе второй формы существованія у явленій (оно доказано выше) объясняется второю особенностью ихъ — особенностью ихъ природы. И въ самомъ дѣлѣ явленіе по самой природѣ своей всегда происходитъ, совершается; но не пребываетъ, какъ пребываетъ вещь. Самая сущность его такимъ образомъ состоитъ въ происхожденіи, въ образованіи: и вотъ почему оно не образуется, но только есть. Явленіе не имѣетъ образующагося существованія, потому что оно реально въ образованіи. Образованіе не подготовляетъ его, какъ все другое, потому что оно уже дѣйствительно въ немъ, потому что оно и есть

это образованіе. Такъ горѣніе постоянно *совершается*, выростаніе всегда *происходитъ*, въ мышленіи непзмѣнно *образуются* идеи.

Какимъ образомъ сущность явленій могла стать образованіемъ, это объясняется третьею особенностью ихъ: въ явленіи всегда образуется вещь; оно не есть что либо самостоятельное, для себя существующее, но въ немъ осуществляется вещь. Такимъ образомъ оно потому лишено второй формы существованія, что само есть только вторая форма существованія вещей въ Космосѣ. Такъ горѣніе *только* совершается, потому что въ процессѣ его образуется перегорѣвшая вещь (напр. ржавчина): выростаніе *только* происходитъ, потому что черезъ него появляется растеніе; и т. д. до безконечности.

Реальное существованіе явленій временно потому во-первыхъ, что въ нихъ только проявляются силы, способности и свойства; а во-вторыхъ потому, что черезъ нихъ образуются вещи. Явленіе прекращается, когда сила, способность или свойство перестаетъ проявляться; или когда вещь образовавшись становится реальною.

Силы природы и законы дѣйствія силъ будутъ разсмотрѣны подробнѣе ниже, и потому мы ограничимся здѣсь простымъ указаніемъ на нихъ, какъ на подлежащія опредѣленію въ формахъ своего существованія.

Опредѣливъ такимъ образомъ формы существованія вещей — слѣдуетъ распредѣлить эти вещи въ группы по формамъ ихъ существованія, въ такомъ родѣ:

1. *Существованіе реальное, вѣчно неизмѣнное, свойственно элементамъ вещества.*
2. *Существованіе реальное, вѣчно измѣняющееся, свойственно веществу (матеріи).*
3. *Существованіе потенціальное и реальное свойственно явленіямъ.*
4. *Существованіе потенціальное, образующееся и реальное свойственно собственно вещамъ, какъ соединеніямъ элементовъ и группъ ихъ*, причемъ:

а. *Потенціальность неопредѣленная свойственна смѣсямъ.*

b. *Потенціальность опредѣленная, но нераспредѣленная свойственна соединеніямъ (химическимъ).*

c. *Потенціальность полуопредѣленная и нераспредѣленная свойственна царству минераловъ.*

d. *Потенціальность опредѣленная и распредѣленная свойственна организмамъ (растительнымъ и животнымъ),* причемъ:

α. *Одна потенція совершенно неопредѣленная и одна совершенно неопредѣленная свойственна организмамъ растительнымъ.*

β. *Одна потенція совершенно опредѣленная и одна полуопредѣленная свойственна организмамъ животнымъ.*

Вотъ важнѣйшія группы того, что мы назвали «вещами въ Космосѣ». Ученіе о существованіи ихъ, приведенное нами, настолько несовершенно, насколько несовершенно захватываетъ оно *всѣ* вещи въ Космосѣ и на сколько *приблизительно точны* сдѣланныя опредѣленія формы существованія захваченныхъ этою классификаціею вещей. Но задача создать это ученіе не была поставлена нами; а задача указать, какъ это ученіе можетъ быть создано, выполнено на немъ, какъ на поясняющемъ примѣрѣ.

XXII. *Ученіе о существованіи Космоса, какъ цѣлаго,* настолько трудно, что мы не рѣшаемся сказать что либо опредѣленное о немъ и ограничимся простымъ указаніемъ на эту форму науки, какъ на необходимую. Затрудненіе здѣсь, между прочимъ, состоитъ въ томъ, что необходимо постоянно воздерживаться отъ смѣшенія Космоса съ тѣмъ, что составляетъ только часть его; такъ видя постоянное развитіе въ царствахъ растительномъ и животномъ легко впасть въ заблужденіе, сказавъ, что космосъ образовался нѣкогда, переходя въ высшія и высшія формы.

Познать, имѣетъ ли космосъ форму образующагося существованія — это значитъ познать, было ли нѣкогда время, когда только возникало вещество, только слагались силы природы, только опредѣлялись законы, какъ неизмѣнный порядокъ въ космосѣ? т. е. было ли время, когда существовало что-то полузамѣщающее пространство; когда

силы то начинали дѣйствовать, то переставали; когда совершавшееся въ этомъ хаосѣ совершалось то въ одномъ порядкѣ, то въ другомъ, различномъ или даже обратномъ прежнему? когда вещество то наполняло пространство, то исчезало снова безслѣдно; то стягивалось въ густыя массы, то снова распадалось безсильное образовать изъ себя что либо?

Познать, имѣетъ ли Космосъ потенціальное существованіе — это значитъ познать, былъ ли нѣкогда синтезъ всего, что лежитъ въ космосѣ, сосредоточивавшій въ себѣ всю жизненность его, всю причинность, цѣлесообразность, разнообразіе формъ, всѣ законы и силы, и все, что возникло изъ нихъ? было ли нѣкогда и способное и стремившееся осуществить космосъ?

Все это вопросы темные для разрѣшенія, и потому не будемъ ничего говорить о нихъ, чтобы неосторожно сказанымъ не повредить тому, что должно быть сказано въ будущемъ. Теперь же, указавъ всѣ формы ученія о существованіи, перейдемъ къ изученію строенія *Пониманія* въ другихъ частяхъ его, слѣдуя установленному порядку.

ГЛАВА VI.

Ученіе о Космосѣ и его формы: объ измѣненіи.

I. Ученіе о генезисѣ и его положеніе въ ряду ученій о Космосѣ. Его отношеніе къ ученію о существованіи. Составъ его. — II. *Общая теорія генезиса* и ея формы. Элементы измѣненія и размѣщеніе ихъ, какъ объектовъ изученія, въ формахъ общей теоріи. — III. Ученіе о существованіи генезиса. Вопросы, подлежащіе разрѣшенію въ этой формѣ пониманія и трудность ихъ. Почему генезисъ не необходимо долженъ быть временнымъ. — IV. Ученіе о сущности генезиса. Измѣненіе, явленіе и процессъ, какъ объекты этого ученія. Отрицательное опредѣленіе измѣненія и превращеніе этого опредѣленія въ положительную форму; сложеніе и разложеніе, какъ сущность измѣненія. Явленіе, какъ соединеніе измѣненій, связанныхъ причиннымъ сосуществованіемъ; строеніе въ пространствѣ, какъ первая особенность явленія; возникновеніе различія въ самомъ различіи, какъ вторая особенность явленія. Процессъ, какъ соединеніе измѣненій, связанныхъ причиннымъ преемствомъ; строеніе во времени, какъ первая особенность процесса; возникновеніе измѣненія въ самомъ измѣненіи, какъ вторая особенность процесса. Замѣчанія о двоякомъ отношеніи пространства и времени къ явленію и къ процессу. — V. Ученіе о свойствахъ генезиса. Признаки, по которымъ можно распознавать измѣненіе и виды его — явленіе и процессъ. Основныя свойства генезиса: подвижность, послѣдовательность, сохраняемость, постоянство образа, закономѣрность; важность послѣдняго свойства; законъ, какъ источникъ закономѣрности. — VI. Ученіе о законѣ, какъ элементѣ измѣненія. Существуютъ ли только закономѣрныя явленія; или есть и законъ, какъ причина этой закономѣрности, имѣющая свое самостоятельное существованіе? Затрудненіе признать безраздѣльное погруженіе закона въ явленіяхъ. Какъ слѣдуетъ понимать существованіе закона внѣ закономѣрныхъ явленій, до ихъ начатія и послѣ ихъ окончанія? Отсутствіе въ законѣ потенціальной и образующей формы существованія. О сущности закона, и объ особенностяхъ закономѣрныхъ явленій, какъ слѣдствіяхъ этой сущности. О свойствахъ, происхожденіи и назначеніи закона. О сходствѣ и различіи въ законахъ: законы основные и производные; всеобщіе и частные. Общія замѣчанія о классификаціи законовъ и объ открытіяхъ, къ которымъ можетъ повести сравнительное изученіе ихъ. — VII. Ученіе о происхожденіи генезиса или о началахъ пассивномъ и дѣятельномъ. Есть ли измѣняемость только свойство предметовъ и явленій, или результатъ взаимодѣйствія двухъ и противоположныхъ началъ — дѣятельнаго и пассивнаго? Невозможность признать первое и необходимость признать второе. О формѣ существованія начала пассивнаго, дѣятельнаго и момента соединенія ихъ. Совпаденіе сферы пребыванія обоихъ началъ, какъ но-

мента ихъ соединенія. Трудность опредѣлить природу начала пассивнаго и дѣятельнаго; противоположность этой природы ихъ; измѣненіе, какъ третье, въ которомъ оба начала соединившись являются утратившими часть своей первоначальной и чистой природы. Способность, какъ основной аттрибутъ начала пассивнаго; стремленіе, какъ основной аттрибутъ начала дѣятельнаго. Актъ творчества, какъ возможная причина начала пассивнаго; процессъ вѣчнаго истеченія, какъ возможная причина начала дѣятельнаго. О модусахъ соединенія началъ пассивнаго и дѣятельнаго. Жизнь природы и разнообразіе въ ней, какъ слѣдствіе раздѣленности началъ пассивнаго и дѣятельнаго. О сходствѣ и различіи началъ пассивнаго и дѣятельнаго; пассивное въ тѣлахъ, организмахъ, въ духѣ и въ жизни; силы движущія, соединяющія, разъединяющія, направляющія; силы общія и частныя; силы дѣйствующія въ элементахъ вещества, между тѣлами, въ организмахъ, въ духѣ и въ жизни. О количественныхъ соотношеніяхъ въ началахъ пассивномъ и дѣятельномъ. — VIII. Ученіе о результатахъ генезиса; міръ происшедшихъ вещей, какъ объектъ этого ученія. Возникновеніе отдѣльныхъ сторонъ образующейся вещи, и ея самой, какъ синтеза своихъ сторонъ. Процессы, какъ причина возникновенія вещей; явленія, какъ причина возникновенія свойствъ въ вещахъ. О соотношеніи между формами генезиса и формами возникающихъ вещей. — IX. О типахъ генезиса: процессы неопредѣленные и опредѣленные; что производится первыми и что производится вторыми; двойная необходимость, отсутствующая въ неопредѣленныхъ процессахъ и присутствующая въ опредѣленныхъ; особенности силъ и законовъ, дѣйствующихъ въ каждомъ изъ этихъ видовъ процесса. О трехъ формахъ опредѣленнаго процесса: процессъ замкнутый, раскрывающійся и сомкнутый; въ процессѣ замкнутомъ сила находится внѣ генетирующаго начала; въ процессѣ раскрывающемся генетирующее начало есть синтезъ формъ и силъ; въ процессѣ сомкнутомъ генетирующее есть соединеніе начала дѣятельнаго и пассивнаго. Зависимость строенія этихъ процессовъ отъ взаимнаго расположенія началъ дѣятельнаго, пассивнаго и формы послѣдняго. О сферахъ распространенія каждаго изъ трехъ видовъ опредѣленнаго генезиса: безжизненное вещество, какъ область проявленія замкнутаго процесса; живое вещество, какъ область проявленія раскрывающагося процесса; цѣльныя части міроздапія, какъ область проявленія сомкнутаго процесса. — X. О количественныхъ соотношеніяхъ между элементами генезиса. — XI. *Ученіе о генезисѣ вещей въ Космосѣ* и его важнѣйшія задачи: 1. Ученіе о силахъ природы; недостатокъ ученій о силахъ органическихъ, психическихъ и общественныхъ; 2. ученіе о происхожденіи вещей; генезисъ родовой и генезисъ индивидуальный; 3. ученіе о модусахъ соединенія и разъединенія началъ пассивнаго и дѣятельнаго въ природѣ; 4. ученіе о явленіяхъ и процессахъ въ природѣ; 5. ученіе о вещахъ, какъ результатахъ генезиса. — XII. *Ученіе о генезисѣ Космоса, какъ цѣлаго.* — XIII. Ученіе о времени, какъ условіи и мѣрѣ генезиса.

I. *Ученіе о генезисѣ*, какъ смѣнѣ формъ бытія, или *объ измѣняемости и измѣненіяхъ* есть самое сложное и самое содержательное изъ всѣхъ ученій о Космосѣ; оно обнимаетъ собою все совершающееся, происходящее въ Космосѣ, тогда какъ другія ученія въ своей сложности обнимаютъ то, что существуетъ въ немъ. Въ этихъ другихъ ученіяхъ разсматривается все въ своемъ неподвижномъ

состояніи; въ ученіи о генезисѣ разсматривается все въ движеніи. Въ нихъ вещи берутся изолированно другъ отъ друга, въ немъ онѣ изучаются, какъ соединенныя неразрывною связью.

И, однако, не смотря на эту сложность и содержательность ученіе о генезисѣ не можетъ быть поставлено на ряду съ ученіями о сторонахъ бытія, какъ равнозначущее съ ними; но должно быть разсматриваемо, какъ дополненіе и завершеніе перваго изъ этихъ основныхъ ученій — ученія о существованіи. Потому что измѣненіе не есть нѣчто необходимое въ бытіи, присущее каждой части его, — не есть такимъ образомъ сторона бытія, но только явленіе въ немъ; существованіе же, сущность, свойство, причина, цѣль, сходство и различіе и количество необходимо присутствуютъ въ каждой вещи, присущи всему бытію. Это стороны бытія, а не явленія въ немъ только.

Что дѣйствительно ученіе объ измѣненіи есть лишь завершеніе ученія о существованіи, это можно видѣть изъ того, что въ измѣненіи только обнаруживается прежде скрытое и скрывается ранѣе обнаруженное, проявляется потенціальное и исчезаетъ реальное, — что и производитъ видимое измѣненіе самой вещи или явленія. То, что измѣнилось, уже не существуетъ болѣе, а то, во что измѣнилось оно, начало существовать; первое преобразовалось во второе, какъ потенція въ свою реальность.

Повидимому, такимъ образомъ ученіе о генезисѣ совпадаетъ съ ученіемъ объ образующемся существованіи. Но это совпаденіе только кажущееся: въ послѣднемъ изучается, какъ образуется существованіе вещи, въ первомъ познается, какъ образуется сама вещь; предметъ втораго — смѣна трехъ формъ бытія, предметъ перваго — процессъ, слагающійся изъ безчисленныхъ и сложныхъ измѣненій, цѣлесообразно направляющихся къ созданію всего видимаго разнообразія вещей въ Космосѣ; второе изучаетъ существованіе измѣняющееся, первое — измѣненіе существующее.

Слѣдуя общему порядку расположенія всѣхъ формъ

науки о Космосѣ, ученіе о генезисѣ распадается на *Общую теорію генетическаго процесса;* на *Ученіе о генезисѣ вещей въ Космосѣ;* и на *Ученіе о генезисѣ Космоса, какъ цѣлаго.*

II. Общая теорія генезиса должна образовать пониманіе явленія измѣняемости въ самомъ себѣ, безъ отношенія къ тому, что измѣняется. Согласно съ природою пониманія она распадается: на *Ученіе о формѣ существованія генезиса;* на *Ученіе о сущности генезиса;* на *Ученіе объ атрибутахъ генезиса и о закономѣрности, какъ первомъ и основномъ изъ нихъ;* на *Ученіе о происхожденіи генезиса и о началахъ активномъ и пассивномъ;* на *Ученіе о вещахъ, какъ результатѣ генезиса;* на *Ученіе о видахъ генетическаго процесса;* и, наконецъ, на *Ученіе о количественныхъ соотношеніяхъ между элементами генезиса.*

Если явленіе генезиса мы разложимъ на его элементы, то увидимъ, что они уже вошли, какъ объекты, въ эти частныя ученія, на которыя разложилось пониманіе генезиса, какъ цѣлаго. И въ самомъ дѣлѣ, внимательно всматриваясь въ генезисъ, мы всегда различимъ въ немъ слѣдующія начала, безъ которыхъ онъ не можетъ существовать: во 1-хъ, въ генезисѣ всегда что нибудь измѣняется, переходитъ изъ одного состоянія въ другое — это *начало пассивное* «пассивное», какъ мы назвали его въ четвертомъ изъ составныхъ ученій общей теоріи генезиса — напр. минеральная масса въ образованіи кристалла; во 2-хъ есть въ немъ необходимо то, что заставляетъ это пассивное начало измѣняться, что производитъ самое явленіе измѣненія — это *начало дѣятельное,* «активное», какъ мы назвали его въ томъ же ученіи — напр. сила сродства, приводящая въ движеніе минеральную массу; въ 3-хъ есть то, съ чего началось измѣненіе — *моментъ перваго возбужденія начала дѣятельнаго и начала пассивнаго,* напр. выходъ частицъ минеральныхъ изъ состоянія покоя, когда на нихъ начинаетъ вліять сила сродства; какъ объектъ ученія этотъ исходный моментъ также вошелъ въ четвертое ученіе общей теоріи подъ именемъ «происхожденія генезиса»; въ 4-хъ есть въ генезисѣ то, во что пре-

вращается пассивное начало подъ воздѣйствіемъ активнаго—*вещь, съ образованіемъ которой заканчивается генезисъ*, напр. кристаллъ, въ который преобразовалась минеральная масса; это составное начало генезиса вошло, какъ объектъ, въ общую теорію его подъ названіемъ «вещей, какъ результатовъ генезиса»; въ 5-хъ, самый *процессъ измѣненія* или то, что происходитъ между его первымъ и послѣднимъ моментомъ,— напр. послѣдовательное и планомѣрное сближеніе и размѣщеніе частицъ минеральной массы; этотъ процессъ составляетъ объектъ ученія о сущности генезиса; въ 6-хъ самое *измѣненіе, какъ элементъ*, повторяющійся въ генетическомъ процессѣ, напр. явленіе передвиженія въ минеральной массѣ; оно входитъ составною частью въ то же ученіе общей теоріи, въ которое входитъ и процессъ; въ 7-хъ, тотъ порядокъ, въ которомъ происходитъ измѣненіе, или *закономѣрность* генезиса, и *законъ*, какъ причина этой закономѣрности: напр. законы движенія молекулъ въ минеральной массѣ, и законы размѣщенія ихъ, открытые Гаюи это начало вошло, какъ объектъ, въ третье и въ седьмое ученіе общей теоріи генезиса; въ 8-хъ, *продолжительность* процесса — она составляетъ объектъ перваго ученія.

Изъ этихъ элементовъ, если мы вдумаемся въ ихъ взаимное положеніе, мы увидимъ, что четыре относятся къ тому, что генитируетъ и три — къ самому генезису. Первые указываютъ, *что́* измѣняется, *изъ чего́* измѣняется, *во что́* измѣняется и *отчего* измѣняется; вторые указываютъ *процессъ* измѣненія, *законъ* измѣненія и *продолжительность* измѣненія, отвѣчая на одинъ вопросъ: «*какъ* измѣняется»? Законченное пониманіе этихъ элементовъ образуетъ собою полную теорію генезиса. Разсмотримъ формы послѣдней въ томъ порядкѣ, какъ онѣ были установлены выше, и опредѣлимъ кругъ вопросовъ, подлежащихъ разрѣшенію въ каждой изъ этихъ формъ.

III. Въ ученіи о существованіи генезиса, мы сказали, слѣдуетъ опредѣлить форму этого существованія, т. е. указать его продолжительность въ самомъ общемъ видѣ;

напр. доказавъ или его необходимую временность, или и возможную вѣчность. Не разрѣшая самого вопроса, замѣтимъ только, что опредѣлить это существованіе гораздо труднѣе, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго раза. Повидимому генезисъ по самой сущности своей, какъ измѣненіе, долженъ быть временнымъ; повидимому онъ исчезаетъ, когда «то, что измѣняется» переходитъ въ то, «во что измѣняется»; но можетъ случиться, что генезисъ въ каждый послѣдующій моментъ будетъ повторять свою предъидущую форму, и такимъ образомъ непрерывно и вѣчно будетъ варіировать въ извѣстныхъ предѣлахъ. Это относительно конца, какъ одного предѣла генезиса; но тоже слѣдуетъ сказать и относительно втораго предѣла его — начала. Повидимому онъ возникаетъ, когда начало активное начинаетъ воздѣйствовать на начало пассивное; но не невозможно, что есть нѣчто, въ чемъ соединены оба эти начала, и гдѣ слѣдовательно воздѣйствіе это всегда продолжалось, но никогда не начиналось; такъ же не невозможно, что будучи разъединены, эти начала сосуществуютъ другъ съ другомъ, связанныя причинностью. Все это вопросы, трудные для разрѣшенія, и единственное средство приблизиться здѣсь къ истинѣ — это возможно точнѣе изучить взаимное отношеніе между элементами генезиса особенно изучить характеръ ихъ соединенія, случайность или необходимость этого соединенія.

IV. Ученіе о сущности генезиса должно раскрыть природу *измѣненія*, какъ элемента генезиса; и природу *явленія* и *процесса*, какъ двухъ видовъ генезиса.

Познаніе того, что̀ такое по своей сущности измѣненіе, быть можетъ удобнѣе всего начать съ отрицательнаго опредѣленія; чтобы затѣмъ превративъ его въ положительное и развивая это послѣднее — выразить въ немъ природу изучаемаго неизвѣстнаго. Такимъ первымъ отрицательнымъ опредѣленіемъ будетъ слѣдующее: «*измѣненіе есть не сохраненіе тожества самому себѣ*». И въ самомъ дѣлѣ, когда что либо, оставаясь самимъ собой, т. е. не исчезая и не замѣняясь ничѣмъ другимъ, въ одинъ изъ

послѣдующихъ моментовъ перестаетъ быть тожественнымъ съ тѣмъ, чѣмъ оно было въ одинъ изъ моментовъ предшествовавшихъ, то мы говоримъ о немъ, что «оно измѣнилось», называя такимъ образомъ измѣненіемъ происшедшее въ немъ нарушеніе тожества самому себѣ. Но тожество есть отсутствіе различія, и слѣдовательно не сохраненіе тожества есть возникновеніе различія. Замѣняя этимъ послѣднимъ выраженіемъ соотвѣтствующее ему слово въ отрицательномъ опредѣленіи, мы получимъ первое положительное опредѣленіе измѣненія: «*измѣненіе есть возникновеніе въ чемъ либо различія*». Различіе же есть *несовпаденіе* сличаемаго въ одной изъ сторонъ бытія своего (напр. бѣлое и черное не совпадаютъ въ свойствахъ, временное и вѣчное — въ формахъ существованія, и пр.), а самое несовпаденіе состоитъ или въ *недостаткѣ*, или въ *излишествѣ*. Слѣдовательно *измѣненіе есть возникновеніе въ чемъ либо или недостатка въ сравненіи съ тѣмъ, что было въ немъ, или избытка*. Но когда появился недостатокъ въ чемъ либо, то это значитъ, что отъ него отдѣлилось нѣчто, доставшее ему прежде; а когда появился избытокъ, то это значитъ, что къ нему присоединилось нѣчто, чего прежде въ немъ не было. Итакъ *сущность всякаго измѣненія состоитъ въ сложеніи и разложеніи чего либо въ чемъ либо*.

Поясняемъ сказанное примѣрами. Пусть какое либо двигавшееся тѣло остановилось; въ моментъ остановки въ немъ произошло измѣненіе; въ чемъ именно состояло оно? Это разрѣшается слѣдующимъ образомъ: тѣло двигалось подъ вліяніемъ дѣйствія на него силы, и остановилось, — когда это дѣйствіе прекратилось; слѣдовательно измѣненіе здѣсь состояло въ *отдѣленіи* силы отъ вещества. Подъ этотъ примѣръ подходятъ всѣ явленія измѣненія, гдѣ что либо прекращается. Наоборотъ, когда тѣло, бывшее въ покоѣ, начинаетъ двигаться, то здѣсь происходитъ *соединеніе* силы и вещества, которыя были прежде раздѣлены; подъ этотъ типъ явленій измѣненія подходятъ всѣ тѣ случаи, когда что нибудь начинается. Пусть, далѣе, какое либо тѣло

нагрѣвается. Что именно происходитъ при этомъ? Увеличеніе движенія и ускореніе движенія въ его молекулахъ. Но увеличеніе движенія каждой отдѣльной молекулы состоитъ въ томъ, что къ прежней величинѣ размаха *прибавляется* новая величина, а ускореніе движенія заключается въ томъ, что къ прежнему числу колебаній въ какую нибудь единицу времени *присоединяется* еще нѣкоторое число колебаній. Такимъ образомъ и въ этомъ примѣрѣ измѣненія температуры тѣла все сводится къ сложенію величинъ и чиселъ колебаній. Пусть еще измѣнился цвѣтъ какого либо тѣла, напр. изъ бѣлаго перешелъ въ желтый. Что произошло при этомъ? Бѣлый лучъ солнца, нѣкогда въ полномъ своемъ составѣ отражавшійся отъ этого предмета, теперь *раздѣлился*, и одна часть его какъ и прежде отразилась отъ его поверхности, а другая поглотилась имъ, т. е. пошла внутрь его. Что въ безчисленныхъ явленіяхъ измѣненія тяжести или измѣненія состава предметовъ происходитъ сложеніе и раздѣленіе вещества, это не нуждается въ разъясненіяхъ по своей очевидности. А отъ измѣненія состава происходитъ измѣненіе бо́льшей части свойствъ предмета — вкуса, запаха, цвѣта. Измѣненіе формы предметовъ сводится къ сближенію однихъ частей его и удаленію другъ отъ друга другихъ частей. Измѣненіе роста, какъ уже было показано ранѣе, состоитъ въ соединеніи матеріи и формы и т. д. и т. д. до безконечности. Вездѣ и повсюду измѣненіе при внимательномъ разсматриваніи сводится къ сложенію и раздѣленію.

Измѣненіе есть элементъ генезиса, простой и неразложимый. Самый же генезисъ есть причинное соединеніе такихъ элементовъ. По формѣ преобладающей причинной связи онъ распадается на два вида — на явленія и на процессы.

Подъ явленіемъ я разумѣю сложное измѣненіе, состоящее изъ многихъ простыхъ, соединенныхъ между собою причиннымъ существованіемъ. Въ ряду всѣхъ другихъ измѣненій явленіе имѣетъ двѣ отличительныя особенности. Первая особенность состоитъ въ томъ, что будучи измѣненіемъ

а не существомъ, и происходя а не пребывая, оно тѣмъ не менѣе имѣетъ *строеніе въ пространствѣ.* Это объясняется тѣмъ, что, состоя изъ нѣсколькихъ *одновременныхъ* измѣненій, оно необходимо распространяется въ пространствѣ, а такъ какъ измѣненія эти вообще *не одинаковы*, то они необходимо слагаются въ нѣкоторыя группы, пріобрѣтаютъ нѣкоторое внутреннее строеніе. Вторая особенность состоитъ въ слѣдующемъ: какъ и всякое измѣненіе, явленіе есть возникновеніе различія; но какъ измѣненіе сложное, оно есть появленіе *различія* въ самомъ *различіи.* Это объясняется такимъ образомъ: всякое отдѣльное измѣненіе, изъ котораго состоитъ явленіе, есть уже само по себѣ появленіе различія; но такъ какъ измѣненія эти, сосуществуя другъ съ другомъ, отличаются одно отъ другаго, то слѣдовательно въ явленіи мы наблюдаемъ возникновеніе не простаго различія, но различія различій. Какъ на примѣрѣ такихъ сложныхъ сосуществующихъ измѣненій можно указать на явленіе радуги, на явленіе свѣтящаго сіянія, горѣнія, нагрѣванія и многія другія. Что въ разсмотрѣнныхъ группахъ измѣненій дѣйствуетъ сосуществующая причинность, это можно ясно видѣть напр. на явленіи нагрѣванія: здѣсь одновременно и отъ одной причины (слѣдовательно причинно сосуществуя) происходитъ и увеличеніе колебаній каждой отдѣльной молекулы, и ускореніе колебаній всѣхъ ихъ имѣетъ.

Подъ процессомъ я разумѣю сложное измѣненіе, состоящее изъ многихъ простыхъ, соединенныхъ между собою причиннымъ преемствомъ. Какъ и явленіе, процессъ имѣетъ также двѣ характеристическія особенности. Первая особенность состоитъ въ присущемъ процессу *строеніи во времени.* И въ самомъ дѣлѣ, слагаясь изъ преемственныхъ измѣненій процессъ растягивается во времени, а слагаясь изъ измѣненій различныхъ — пріобрѣтаетъ строеніе. Вторая особенность состоитъ въ томъ, что въ цѣломъ процессъ представляетъ собою *измѣняющееся измѣненіе.* И въ самомъ дѣлѣ, каждый элементъ его уже самъ по себѣ есть измѣненіе; но каждый послѣдующій элементъ не повто-

ряетъ собою послѣдующаго, — потому что въ такомъ случаѣ они всѣ слились бы въ одно, и процесса не было бы, — но измѣняетъ его въ себѣ; такимъ образомъ въ процессѣ происходитъ постоянное измѣненіе самого измѣненія, и онъ весь въ своемъ цѣломъ — преемственно развивающееся, правильное по строенію измѣняющееся измѣненіе. Какъ на примѣры процессовъ можно указать на развитіе организма, на образованіе кристалла, на движеніе небесныхъ свѣтилъ. Замѣтимъ, что процессъ есть совершеннѣйшій типъ генезиса.

Уже выше замѣчено было, что явленіе и процессъ представляютъ собою два вида сложныхъ измѣненій по преобладающей формѣ причиннаго соединенія, но не по исключительной. И въ самомъ дѣлѣ, и въ явленіи есть преемственныя измѣненія, и въ процессѣ есть измѣненія сосуществующія. Но важно то, что не преемственность измѣненія составляетъ явленіе, но именно сосуществованіе; и наоборотъ, не одновременныя измѣненія образуютъ собою процессъ, но именно преемственныя. И дѣйствительно, возьмемъ явленіе нагрѣванія: здѣсь за однимъ увеличеннымъ и ускореннымъ колебаніемъ молекулы слѣдуетъ другое, за другимъ третье и т. д., вообще нагрѣваніе, какъ и всякое измѣненіе, совершается во времени; но даже и въ томъ случаѣ, еслибы молекулы нагрѣвающагося тѣла совершили только одно увеличенное и ускоренное колебаніе, то и тогда явленіе нагрѣванія было бы. Слѣдовательно, хотя преемственность во времени здѣсь и является всегда, однако въ ней нѣтъ необходимости, т. е. не она составляетъ явленіе. Съ другой стороны возьмемъ процессъ образованія кристалла: здѣсь также всегда есть сосуществующія измѣненія; не одинъ атомъ сближается съ другимъ и принимаетъ относительно его извѣстное положеніе, но одновременно множество атомовъ сближаются и располагаются, образуя собою извѣстную фигуру. Но не въ этой многочисленности сближающихся атомовъ состоитъ процессъ, но въ томъ, что каждые два атома проходятъ черезъ преемственный рядъ измѣненій:

сперва сближаются, потомъ размѣщаются. Что число атомовъ и, слѣдовательно, сосуществованіе измѣненія здѣсь не имѣетъ значенія, это ясно видно изъ того, что число это видоизмѣняется: и самый большой и самый малый кристаллъ въ своемъ образованіи одинаково совершаютъ процессъ. Наоборотъ преемственность измѣненія здѣсь не нарушается: ни сближеніе атомовъ, если за нимъ не послѣдуетъ размѣщеніе, ни размѣщеніе ихъ, если ему не предшествовало сближеніе, не образуютъ собою процесса, но только *сперва* сближеніе и *потомъ* размѣщеніе. Возьмемъ еще процессъ разложенія обществъ: здѣсь важно не то, сколько человѣкъ находятся въ разлагающемся обществѣ, и сколько, слѣдовательно, происходитъ одновременныхъ измѣненій; но важны самыя преемственныя измѣненія, претерпѣваемыя каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ и всѣми ими вмѣстѣ, важенъ послѣдовательный рядъ перерожденій въ духѣ и въ жизни разлагающагося общества. Словомъ всюду и постоянно въ явленіи преобладающее, характеризующее, исключительно значущее вліяніе имѣетъ сосуществующее измѣненіе, а въ процессѣ — измѣненіе преемственное. Явленіе есть сосуществованіе измѣняющагося — необходимо во времени, процессъ есть преемство сосуществующаго — необходимо въ пространствѣ; но ни для перваго время, ни для втораго пространство не имѣютъ значенія; они всегда есть, но въ нихъ нѣтъ внутренней необходимости ни для явленія, ни для процесса, но только для того, что измѣняется въ явленіи и въ процессѣ.

V. Ученіе объ аттрибутахъ генезиса должно опредѣлить всѣ свойства измѣненія, явленія и процесса — какъ основныя, вытекающія изъ самой природы ихъ, такъ и выдѣляющія, по которымъ возможно было бы распознаваніе измѣненія и его видовъ.

Несомнѣнными признаками присутствія генезиса служитъ обнаруженіе чего либо прежде скрытаго или скрытіе чего либо, прежде явнаго. При этомъ если въ обнаруживающемся или скрывающемся предъидущее сходно съ послѣдующимъ, то это служитъ признакомъ, что мы имѣемъ

дѣло съ явленіемъ; если же предъидущее и послѣдующее различны, то это значитъ, что мы имѣемъ дѣло съ процессомъ.

Изъ основныхъ аттрибутовъ генезиса замѣчательны слѣдующіе:

1. Подвижность: измѣненіе, или явленіе, или процессъ никогда не пребываетъ, но всегда совершается, т. е. два элемента генезиса (измѣненіе и измѣненіе) никогда не находятся въ одномъ времени, но каждый элементъ переходитъ черезъ свое время, со временемъ другаго элемента не совпадающее.

2. Послѣдовательность: въ генезисѣ, какъ въ причинномъ соединеніи измѣненій, предъидущее всегда подготовляетъ послѣдующее, потенціально заключая его въ себѣ; и послѣдующее всегда развиваетъ собою предъидущее, реально осуществляя собою скрытое въ немъ. Такимъ образомъ въ генезисѣ все послѣдовательно и нѣтъ ничего случайнаго.

3. Сохраняемость: генезисъ въ своемъ развитіи никогда не нарушается, всегда бываетъ цѣленъ; ему ничего не недостаетъ изъ того, что необходимо, и въ немъ нѣтъ ничего излишняго, прибавочнаго, сверхъ необходимаго. Если онъ нарушается чѣмъ либо внѣшнимъ, привходящимъ, то онъ разрушается, подобно тому какъ разрушается организмъ, существенно поврежденный.

4. Постоянство образа: каждый генезисъ происходитъ только однимъ образомъ, но не различными, и, повторяясь, повторяется именно въ той формѣ, въ какой происходилъ всегда. Напр., горѣніе совершается только черезъ сближеніе и потомъ соединеніе атомовъ кислорода съ атомами горящаго тѣла; но оно никогда не происходитъ черезъ разъединеніе атомовъ, или черезъ ихъ неподвижное пребываніе другъ возлѣ друга, или какимъ либо другимъ способомъ. Также ростъ всегда происходитъ черезъ соединеніе раздвигающихся формъ и вбираемаго ими вещества. Это постоянство образа (modus) въ происходящемъ, соотвѣтствующее постоянству вида (species) въ существую-

шемъ, позволяетъ распознавать одно и тоже явленіе или одинъ и тотъ же процессъ въ различныя времена и въ различныхъ мѣстахъ. Безъ него, безъ этого постоянства въ порядкѣ совершенія каждаго своеобразнаго измѣненія, невозможно было бы никакое изученіе генезиса: всѣ наблюденія, сдѣланныя въ одно время однимъ изслѣдователемъ, были-бы безплодны для другаго времени и для другихъ изслѣдователей, такъ какъ эти послѣдніе не могли бы распознать, тоже ли самое изучаютъ они, что изучали и ихъ предшественники, никакой послѣдовательности и преемственности въ познаніи явленій и процессовъ тогда не могло бы быть, а съ тѣмъ вмѣстѣ не могло бы быть и самаго познанія.

5. Закономѣрность: это есть важнѣйшій изъ основныхъ аттрибутовъ генезиса, потому что онъ именно сообщаетъ ту правильность всему совершающемуся въ природѣ, которую наблюдаемъ мы; въ немъ лежитъ источникъ того порядка, который царитъ въ мірѣ, той красоты, созерцая которую вокругъ себя человѣкъ назвалъ этотъ міръ «Космосомъ», т. е. самою «красотою».

VI. *Закономѣрность* же совершающагося есть проявленіе *закона* въ этомъ совершающемся, и слѣдовательно пониманіе закономѣрности сводится къ пониманію закона и его дѣйствія. Въ ученіяхъ о генезисѣ вещей въ Космосѣ и о генезисѣ самого Космоса должны быть изучены законы, дѣйствующіе въ природѣ и управляющіе міромъ; въ общей же теоріи генезиса должно быть установлено только *Общее ученіе о законѣ*, какъ рядъ истинъ, относящихся не къ которому либо одному изъ нихъ, но одинаково ко всѣмъ имъ.

Двигаясь по схемамъ разума, это ученіе о законѣ, какъ одномъ изъ основныхъ элементовъ генезиса, должно образовать изъ себя рядъ слѣдующихъ формъ: ученіе о существованіи, о сущности, о свойствахъ, происхожденіи, цѣли или слѣдствіи, сходствѣ и различіи и количественной сторонѣ закона и производимой имъ закономѣрности. Остановимся на каждой изъ этихъ формъ въ отдѣльности.

Опредѣляя существованіе закона, необходимо прежде

всего остановиться на вопросѣ: слѣдуетъ ли ограничиться признаніемъ существованія однихъ только закономѣрныхъ измѣненій, или независимо отъ нихъ слѣдуетъ еще признать существованіе закона, сообщающаго закономѣрность измѣненіямъ? Т. е. напр. достаточно-ли признать только явленія сближенія вещества, происходящія всегда одинаково правильно; или внѣ сближенія слѣдуетъ еще видѣть законъ тяготѣнія, регулирующій это сближеніе? Разсмотримъ условія возможныхъ рѣшеній этого вопроса.

Если мы признаемъ, что законъ не имѣетъ существованія, отдѣльнаго отъ явленій и процессовъ, то это будетъ отрицаніемъ самого закона и признаніемъ только вѣчно правильныхъ явленій и процессовъ — правильныхъ почему, неизвѣстно. Самый же законъ будетъ только обобщеніемъ этихъ единичныхъ правильныхъ измѣненій, т. е. произведеніемъ человѣческаго духа, но не чѣмъ либо, лежащимъ въ самой природѣ. Онъ будетъ субъективенъ по происхожденію и положенію, а не объективенъ. Но если въ природѣ закона нѣтъ, то нѣтъ и того, что ложно приписывается ему, т. е. закономѣрности; такъ какъ безъ причины нѣтъ дѣйствія. Если же кто либо, отрицая отдѣльное отъ явленій существованіе закона, тѣмъ не менѣе сталъ бы утверждать существованіе въ природѣ закономѣрныхъ явленій и процессовъ, тотъ утверждалъ бы, что есть слѣдствія, не производимыя никакою причиною; есть нѣчто въ природѣ, что ни на что не опирается, какъ на свое основаніе. Да и въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ бы производилась закономѣрность явленій и процессовъ, еслибы въ нихъ не было ничего, кромѣ силы *движущей* впередъ измѣненіе, самого *процесса* (хода) измѣненія, и того пассивнаго начала, которое *измѣняется* въ этомъ процессѣ, будетъ ли то вещество, или что другое — безразлично. Гдѣ же то, что управляетъ ходомъ этого измѣненія, гдѣ начало регулирующее процессъ, откуда ходъ управляется и процессъ регулируется? какимъ образомъ въ измѣненіи, какъ синтезѣ перечисленныхъ элементовъ, является то, чего нѣтъ среди самыхъ элементовъ? Итакъ признаніе, что законъ не

имѣетъ существованія отдѣльнаго отъ явленій и процессовъ, есть отрицаніе вообще закона, а съ нимъ и закономѣрности, какъ вѣчной и необходимой правильности въ совершающемся.

Пусть, далѣе, не соглашаясь признать законъ однимъ субъективнымъ произведеніемъ обобщающаго разума, мы признаемъ его объективное и дѣйствительное существованіе въ природѣ, какъ начала регулирующаго; но ограничимъ область бытія его одними явленіями и процессами, не сливая ихъ въ одно, но утверждая ихъ нераздѣлимость другъ отъ друга. Пусть управляющій законъ и управляемое явленіе или процессъ отдѣльны по существу своему и самостоятельны по существованію, но связаны одною областью (сферою) пребыванія своего и неотдѣлимы по взаимному положенію. Пусть законъ не проявляется только въ измѣненіи, но и существуетъ въ немъ; такъ что когда не совершается явленіе, нѣтъ и закона явленія, и гдѣ не происходитъ процессъ, тамъ нѣтъ и закона процесса; что будетъ сдѣдовать изъ этого положенія? Если мы признаемъ безраздѣльное погруженіе закона въ явленіе и въ процессъ, не низводя его однако на степень простаго аттрибута измѣненія но оставляя за нимъ самостоятельность природы и существованія; то съ этимъ вмѣстѣ должны будемъ согласиться, что повсюду и всегда въ моментъ возникновенія явленія возникаетъ нѣкоторое самостоятельное существо не бывшее ранѣе, и въ моментъ прекращенія измѣненія это самостоятельное существо пропадаетъ безслѣдно, ничего не оставляя по себѣ. Измѣненіе, какъ синтезъ, возникало изъ соединенія своихъ элементовъ существовавшихъ ранѣе, и прекращается когда эти элементы вновь разъединяются. Откуда же возникаетъ законъ и куда пропадаетъ онъ, ни изъ чего не слагаясь, будучи простымъ, и ни во что не разлагаясь? и притомъ, всякій разъ пропадая, вновь возникаетъ въ томъ же самомъ видѣ, какъ существовалъ прежде, вѣчно и повсюду оставаясь абсолютно тожественнымъ самому себѣ? Итакъ, признать нераздѣльное существованіе закона и измѣненія

не отрицая ихъ самостоятельность — это значитъ признать, что нѣчто реальное возникаетъ постоянно и повсюду изъ ничего и въ ничто же постоянно и повсюду превращается.

Такимъ образомъ несомнѣнно, что законъ не только не одно съ измѣненіемъ, но и не всегда въ немъ; онъ предшествуетъ явленію и процессу, и остается когда прекращаются они; онъ только обнаруживается въ нихъ, но не существуетъ. Появляясь они подходятъ подъ свой законъ, уже существовавшій ранѣе; и возобновившись снова подойдутъ подъ него, потому что онъ не исчезъ, какъ они, но пребылъ неизмѣнно.

Гдѣ же пребываетъ законъ до своего обнаруженія въ измѣненіи, и послѣ обнаруженія? Если его нѣтъ въ явленіи и въ процессѣ, какъ въ синтезѣ элементовъ — въ чемъ послѣ сказаннаго едва ли можетъ быть сомнѣніе, то не существуетъ ли онъ въ одномъ изъ элементовъ, и вмѣстѣ съ нимъ не входитъ ли въ измѣненіе начиная съ этого момента регулировать его? Быть можетъ, напр., что онъ пребываетъ въ силѣ, какъ активномъ началѣ измѣненія; т. е. что сила всегда дѣйствуетъ по опредѣленному закону, и поэтому именно самое измѣненіе всегда происходитъ однимъ опредѣленнымъ образомъ?

Признать это едва ли возможно во 1-хъ потому, что тогда пришлось бы видѣть двойственность въ томъ элементѣ измѣненія, въ которомъ мы признали бы пребываніе закона, такъ-какъ по природѣ своей этотъ послѣдній есть нѣчто sui generis, не отождествимый ни съ силою, ни съ веществомъ, ни съ какимъ либо другимъ элементомъ измѣненія; а во 2-хъ потому, что сила или что другое не необходимо должна проявиться въ измѣненіи — она пребываетъ и въ самой себѣ, между тѣмъ какъ законъ всегда есть законъ процесса или явленія, законъ именно синтеза. Наконецъ по существу своему законъ есть постоянное и необходимое соотношеніе между чѣмъ либо; но что̀ можетъ соотноситься въ силѣ, когда въ ней нѣтъ ничего кромѣ самой силы и предполагаемаго въ ней закона? или въ веществѣ, когда въ немъ нѣтъ ничего другаго, кромѣ веще-

ства и самаго закона? Итакъ едва ли возможно сомнѣваться въ томъ, что законъ есть столь же самостоятельный элементъ измѣненія какъ сила, вещество, процессъ и пр., и что подобно имъ онъ разлитъ въ Космосѣ, равномѣрно готовый проявиться всюду гдѣ соединятся другіе элементы измѣненія.

Перейдемъ къ опредѣленію *формы существованія* закона. Несомнѣнно, что проявляясь въ синтезѣ элементовъ измѣненія законъ существуетъ реально, и это по своей очевидности не требуетъ особенныхъ доказательствъ: когда происходятъ явленія и процессы по извѣстному закону, этотъ законъ видимо управляетъ ими, т. е. существуетъ въ нихъ дѣйствительно. Далѣе, передъ своимъ проявленіемъ законъ не образуется — онъ не слагается изъ своихъ потенцій, не развивается изъ формъ менѣе совершенныхъ въ болѣе совершенныя; явленія и процессы подходятъ подъ законъ, уже готовый, никогда не формирующійся; до проявленія онъ былъ только не видимъ, въ проявленіи становится видимымъ; перемѣна происходитъ здѣсь не въ немъ самомъ, но въ отношеніи къ нему человѣка. Но если такимъ образомъ существованіе закона ранѣе появленія закономѣрнаго измѣненія нельзя признать образующимся, то едва ли возможно признать его и потенціальнымъ: онъ находится до этого проявленія только въ бездѣйствіи; но состояніе дѣятельное и состояніе покоя нельзя смѣшивать съ бытіемъ реальнымъ и съ бытіемъ потенціальнымъ; они глубоко различны между собою. Законъ не дѣйствуетъ, потому-что не имѣетъ объекта дѣйствія; но онъ существуетъ, потому-что тотчасъ начинаетъ дѣйствовать, какъ только появляется объектъ для него, не требуя для этого обнаруженія себя присоединенія къ себѣ чего либо дополняющаго; а это дополненіе всегда необходимо для потенціи, когда она готовится осуществить реальность. Такъ законъ паденія тѣлъ существуетъ реально не только въ самые моменты паденія, но постоянно и повсюду; падая, тѣла подходятъ подъ него и обнаруживаютъ его передъ взоромъ человѣка, но ничего не прибавляютъ

къ нему и ни въ чемъ не преобразуютъ его. Итакъ вѣроятнѣе всего, что законъ имѣетъ только одну форму существованія — реальную вѣчно неизмѣнную.

Сущность закона, какъ кажется, правильнѣе всего было бы выразить въ слѣдующемъ опредѣленіи: *«законъ есть вѣчное и необходимое соотношеніе между элементами измѣненія, производящее вѣчную и необходимую правильность въ ходѣ его»*. Это опредѣленіе, выражая природу закона, объясняетъ и дѣйствіе его: когда элементы измѣненія соединяются, они необходимо вступаютъ въ соотношеніе между собою и черезъ это проявляютъ законъ своего синтеза. Возьмемъ для примѣра законъ: «два тѣла притягиваются взаимно съ силою, прямо пропорціональною массамъ и обратно пропорціональною квадратамъ разстояній». Въ этомъ формулированіи сущности закона тяготѣнія нѣтъ ничего, кромѣ перечисленія соотношеній между элементами явленія притяженія; но за то эти соотношенія опредѣлены полно и точно: не упущенъ ни одинъ изъ элементовъ измѣненія — ни начало дѣятельное (сила), ни начало пассивное (массы стягиваемыхъ веществъ), ни самый ходъ измѣненія (притяженіе постоянно ускоряется по мѣрѣ сближенія тѣлъ).

Приведенное выше опредѣленіе закона, какъ необходимо и невольно сложившееся при первой мысли объ его сущности, слѣдуетъ расширять и углублять по мѣрѣ того какъ будетъ расширяться познаніе закономѣрности въ природѣ съ открытіемъ все новыхъ и новыхъ законовъ, и по мѣрѣ проникновенія разума во внутренній механизмъ каждаго отдѣльнаго изъ нихъ. Закономѣрность проникаетъ всю природу; и великое и малое въ ней одинаково проникнуто ею; она проявляется и въ движеніи небесныхъ свѣтилъ, и въ едва замѣтномъ проростаніи сѣмени; ее можно наблюдать и въ сокровеннѣйшихъ движеніяхъ человѣческаго сердца, и въ ходѣ развитія исторической жизни, едва обнимаемомъ мыслью. При такомъ разнообразіи явленій и процессовъ подчиненныхъ закону, естественно что и самые законы чрезвычайно разнообразны.

Слѣдуетъ уловить въ этомъ разнообразіи неизмѣнно повторяющееся и, заключивъ его въ опредѣленіе, охватить этимъ послѣднимъ всю природу въ ея закономѣрности.

Изъ *свойствъ* закона въ общей теоріи послѣдняго должны быть изучены и объяснены тѣ только, которыя вытекаютъ не изъ природы законовъ, наблюдаемыхъ въ природѣ (такъ какъ это будутъ свойства законовъ частныхъ), но изъ природы закона, идеально понимаемаго разумомъ. Таковы напр.. нерушимость закона (его ничто не можетъ измѣнить, извратить); его вѣчная дѣятельность (невозможно, чтобы законъ какого-либо измѣненія хотя когда нибудь не проявился бы въ этомъ измѣненіи); его неуничтожимость (невозможно, чтобы могъ прекратить свое существованіе законъ измѣненія, когда самое измѣненіе не прекращается) и еще многія другія свойства.

Переходя затѣмъ къ *происхожденію* закона общая теорія его должна отвѣтить не на вопросъ, почему все закономѣрно въ природѣ — такъ какъ на него отвѣтило уже открытіе и признаніе существованія закона; но на вопросъ, откуда самый законъ въ природѣ, гдѣ его источникъ? Какъ кажется мы не ошибемся, если скажемъ что источникъ закона, царящаго надъ всѣмъ что происходитъ въ Космосѣ, скрывается въ сущности происходящаго. И въ самомъ дѣлѣ, каждый опредѣленный законъ есть нѣкоторое соотношеніе между элементами, вступающими въ соединеніе въ моментъ возникновенія измѣненія. Чѣмъ опредѣляется это соотношеніе, что обусловливаетъ что одно соотношеніе не походитъ на другое? Ясно что обусловливающее значеніе здѣсь принадлежитъ природѣ того, что вступаетъ между собою въ соотношеніе; потому что всякій разъ когда природа соотносящагося остается неизмѣнною, неизмѣнно и соотношеніе т. е. законъ; и всякій разъ когда природа или одного соотносящагося элемента или всѣхъ ихъ измѣняется, измѣняется и самый законъ; и при этомъ чѣмъ значительнѣе измѣненіе природы этихъ элементовъ. чѣмъ менѣе схожи они между собою, тѣмъ значительнѣе разница въ законахъ, которымъ подчинено

измѣненіе, какъ синтезъ ихъ. Такъ напр. взаимное притяженіе вещества всюду и постоянно слагающееся изъ однихъ и тѣхъ же элементовъ, всюду и постоянно подчиняется одному и тому же закону; соединеніе противоположныхъ электричествъ или явленія свѣта уже подчинены другимъ законамъ, такъ какъ и электричество и свѣтъ уже не есть вещество; но соединеніе и разложеніе идей или образованіе чувствъ повинуется законамъ гораздо болѣе отличнымъ отъ закона тяготѣнія, чѣмъ законы свѣтовыхъ и электрическихъ явленій, потому что самыя идеи и чувства еще болѣе не похожи на вещество, чѣмъ свѣтъ и электричество. Итакъ едва ли будетъ ошибочно признать, что источникъ закона какъ вѣчнаго и необходимаго соотношенія между элементами измѣненія лежитъ въ сосуществующей съ закономъ причинѣ его — въ природѣ элементовъ, соотносящихся въ измѣненіи.

Что касается до общаго *назначенія* которое выполняетъ законъ въ природѣ, то его можно опредѣлить и прямо, послѣдуя что именно производится закономъ; и косвенно, изучая что произошло бы, если-бъ его не было. Первый путь есть путь наблюденія, второй по преимуществу есть путь умозрѣнія. Такъ одинмъ мышленіемъ можно предугадать, что если-бъ въ природѣ были движущія силы но не было бы закона сообщающаго правильность движенію, то въ такомъ случаѣ едва ли могла бы сохраниться дѣльность Космоса: происходя безъ всякаго порядка явленія и процессы сталкивались бы въ своемъ развитіи и разрушались бы.

Опредѣленіе *сходствъ и различій* въ явленіи закономѣрности должно основываться на сравнительномъ изученіи законовъ дѣйствующихъ въ природѣ, и имѣть своею цѣлью правильную классификацію этихъ послѣднихъ. Совершеннѣйшая классификація есть конечно естественная — открытая но не изобрѣтенная, установленная природою но не человѣкомъ. И безъ сомнѣнія внимательный взоръ откроетъ со временемъ нѣкоторыя естественныя группы, на которыя распадаются всѣ законы природы. Но и ранѣе

этого открытія не безполезно построить нѣсколько искусственныхъ классификацій, которыя не утратятъ своего значенія даже и тогда когда будетъ установлено естественное дѣленіе законовъ. Потому что каждая такая классификація, опираясь на какой либо избранный признакъ принятый за основной при классифицированіи, покажетъ распредѣленіе этого признака въ законахъ природы. Такъ напр. съ большимъ удобствомъ всѣ законы могутъ быть распредѣлены на *основные*, ни на что не опирающіеся, первичные по происхожденію, и на *производные*, выведенные изъ основныхъ; и далѣе эти послѣдніе могутъ быть сгруппированы такимъ образомъ, чтобы видно было все, производимое въ природѣ каждымъ основнымъ закономъ черезъ посредство своихъ подчиненныхъ законовъ; такъ что ясно будетъ и соотношеніе всѣхъ законовъ между собою, и, такъ сказать, строеніе закономѣрности въ природѣ. Смотря по сферамъ дѣйствія, можно также раздѣлить законы на *всеобщіе*, дѣйствующіе во всей природѣ; и на *частные*, которымъ подчинены отдѣльныя области природы. Съ субъективной точки зрѣнія можно ихъ раздѣлить на *законы узнанные*, относительно которыхъ извѣстно, что они суть «вѣчныя соотношенія между элементами чего либо происходящаго, управляющія его ходомъ», но въ которыхъ необъяснено, почему они необходимы въ природѣ; и на *законы понятые;* относительно которыхъ не осталось ничего не узнаннымъ.

Сравнительное изученіе законовъ природы можетъ вообще повести ко многимъ важнымъ и интереснымъ открытіямъ. Можетъ случиться, что будетъ найдено нѣкоторое общее правило по которому дѣйствуютъ всѣ законы въ Космосѣ, будетъ открытъ *законъ законовъ природы*. Можетъ случиться что будетъ найдено общее выраженіе всѣхъ законовъ, такъ что они сольются въ одно *разлагающее начало* міра разлитое повсюду въ Космосѣ, которое только человѣкъ ошибочно принялъ за различные законы видя его различное проявленіе въ различныхъ областяхъ своего дѣйствія. Наконецъ можетъ случиться, что при

сохраненія отдѣльныхъ законовъ извѣстныхъ теперь, разумомъ будетъ найденъ или среди нихъ или внѣ нихъ одинъ такой *верховный законъ*, изъ котораго они вытекаютъ какъ слѣдствіе вытекаетъ изъ своей причины.

VII. Ученіе о происхожденіи генезиса должно отвѣтить на вопросъ, какимъ образомъ *возможно* измѣненіе, и какъ будучи возможнымъ оно стало *дѣйствительнымъ?* Почему все движется въ Космосѣ а не стоитъ неподвижно, почему все измѣняется а не остается тѣмъ же? откуда этотъ неудержимый и вѣчный потокъ во времени, въ которомъ столькое возрождается и столькое погибаетъ?

Передъ умственнымъ взоромъ человѣка, разъ онъ задался этимъ вопросомъ, выступаютъ впервые два начала совершенно противоположныя одно другому, но столь тѣсно связанныя другъ съ другомъ что почти не встрѣчаются въ свободномъ состояніи. Одно изъ нихъ постоянно измѣняется, другое всегда измѣняетъ; первое движется въ генезисѣ, второе движетъ самый генезисъ; *начало пассивное* въ природѣ, лишенное жизни, и начало дѣятельное которое оживляетъ природу. Существованіемъ этихъ двухъ началъ объясняется возможность измѣненія, а ихъ раздѣленность въ природѣ объясняетъ необходимость появленія генезиса какъ такого третьяго, гдѣ они предназначенныя другъ для друга могли бы соединиться. Моментъ въ который происходитъ это соединеніе начала дѣятельнаго съ началомъ пассивнымъ есть начальный въ генезисѣ — тотъ, откуда происходитъ онъ; моментъ въ который начало дѣятельное снова отдѣляется отъ начала пассивнаго есть послѣдній въ генезисѣ — тотъ, гдѣ кончается онъ. Между этими двумя моментами движется генезисъ, т. е. происходитъ измѣненіе начала пассивнаго подъ воздѣйствіемъ начала дѣятельнаго. Изучая происхожденіе генезиса слѣдуетъ во-первыхъ понять всесторонне природу обоихъ началъ какъ вѣчныхъ условій этого происхожденія, и во-вторыхъ — раскрыть сущность ихъ соединенія, какъ самое это происхожденіе. Двигаясь по схемамъ разума, это изученіе сложится въ рядъ формъ науки, опре-

дѣляющихъ отдѣльныя стороны познаваемыхъ здѣсь элементовъ генезиса: форму существованія, природу, происхожденіе, назначеніе или слѣдствіе и количественную сторону начала пассивнаго и начала дѣятельнаго и момента или акта соединенія ихъ.

Изучая *существованіе* началъ пассивнаго и дѣятельнаго и момента соединенія ихъ, слѣдуетъ предварительно разъяснить, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать это существованіе, и затѣмъ уже перейти къ опредѣленію самой формы его.

Какъ кажется не можетъ подлежать сомнѣнію, что начала пассивное и дѣятельное имѣютъ каждое свое отдѣльное существованіе, и хотя пребываютъ обыкновенно въ одномъ мѣстѣ, но не необходимо и не постоянно. Это видно изъ того, что и начало пассивное не вѣчно измѣняется, и начало дѣятельное не всегда измѣняетъ; но и первое пребываетъ иногда въ покоѣ, и второе находится въ скрытомъ состояніи — моменты, когда раздѣленность ихъ другъ отъ друга не можетъ быть предметомъ вопроса. Такъ напр. движущееся вещество нѣкогда начало двигаться и когда нибудь перестанетъ двигаться. Ранѣе этого начала и послѣ прекращенія движенія оно пребывало и пребудетъ въ покоѣ; и въ это время очевидно оно не соединено съ началомъ дѣятельнымъ, но существуетъ отдѣльно отъ него, одно. Съ другой стороны и начало дѣятельное, во время движенія вещества соединенное съ нимъ, по прекращеніи движенія очевидно отдѣлилось отъ него и начало пребывать особо, также одно. Потому что невозможно ни то, чтобы начало пассивное оставаясь подъ воздѣйствіемъ начала активнаго остановилось — ибо гдѣ же была бы тогда причина остановки? ни то, чтобы начало дѣятельное продолжая быть соединеннымъ съ началомъ пассивнымъ, ни въ чемъ не проявило себя — ибо какимъ же образомъ тогда оно было бы дѣятельнымъ? И такъ какъ несомнѣнно что движеніе и покой существуютъ, то столь же несомнѣнно что въ нѣкоторой особенной формѣ пре-

бываютъ отдѣльно другъ отъ друга оба начала, и только временно соединяются между собою для произведенія генезиса.

Отрицать отдѣльное существованіе началъ пассивнаго и дѣятельнаго возможно только отрицая эти самыя начала. Возможно въ самомъ дѣлѣ предположить, что нѣтъ въ природѣ измѣняемаго и измѣняющаго, но только измѣняющееся, нѣтъ движимаго и движущаго, но только движущееся; и предполагаемыя дѣятельныя начала можно признать только за свойства того, что ошибочно принимается за начало пассивное. Такъ, можно подумать, нѣтъ силы всемірнаго тяготѣнія, которая стягиваетъ вещество; но есть только тяготѣющія другъ къ другу вещи, есть только вещество, одаренное свойствомъ тяжести.

Изслѣдуемъ, насколько вѣроятно такое предположеніе. Если начало дѣятельное отрицается, какъ самостоятельное, и измѣняемость принимается за аттрибутъ существующаго, то она должна обладать и всѣмъ тѣмъ, что мы находимъ въ другихъ аттрибутахъ. Посмотримъ, дѣйствительно ли это такъ.

Во-первыхъ, аттрибутъ по самой природѣ своей есть нѣчто подчиненное по отношенію къ сущности, и слѣдовательно не можетъ подчинить себѣ эту сущность. Напротивъ, въ измѣненіи мы наблюдаемъ существующее совершенно подчиненное чему то, что уже по этому одному не можетъ быть только аттрибутомъ его. Напр. цвѣтъ тѣла не можетъ видоизмѣнить расположеніе его частицъ, но напротивъ тѣло видоизмѣняясь *отъ чего то* въ своемъ строеніи измѣняетъ свой цвѣтъ.

Во вторыхъ, свойство постоянно въ томъ, чему принадлежитъ оно. Ни предметъ обладающій свойствомъ, ни самое свойство не имѣютъ въ себѣ силы — первый проявить второе, а второе — проявить себя; но всегда необходимо *участіе третьяго*, которое вызвало бы въ предметѣ свойство, или уничтожило бы его. Напр., ни предметъ самъ по себѣ, безъ всякой внѣшней дѣйствующей причины, не можетъ измѣнить своего цвѣта; ни цвѣтъ

самъ по себѣ, безъ всякаго внѣшняго вліянія, не можетъ измѣниться въ предметѣ. Напротивъ измѣненіе то появляется въ вещахъ, то исчезаетъ, и слѣдовательно если оно есть только проявленіе свойства вещей, то снова необходимо принять существованіе *чего то* такого, что вліяніемъ своимъ то вызываетъ это появленіе, то позволяетъ появившемуся скрыться. Такимъ образомъ даже признаніе измѣненія свойствомъ измѣняющагося не уничтожаетъ необходимости принять существованіе начала дѣятельнаго, какъ причины видимой варіаціи въ отношеніяхъ этого признаннаго свойства къ своей мнимой сущности.

Въ-третьихъ, свойство всегда пребываетъ въ томъ чему принадлежитъ оно неподвижно, но не дѣйствуетъ въ немъ. Напр. протяженность не дѣйствуетъ въ веществѣ, цвѣтъ не дѣйствуетъ въ тѣлѣ, скорость не дѣйствуетъ въ движеніи. Напротивъ всякое измѣненіе по самой сущности своей есть нѣчто дѣятельное, и слѣдовательно быть аттрибутомъ существующаго не можетъ, такъ какъ аттрибутъ по своей природѣ пассивенъ въ отношеніи къ тому, въ чемъ пребываетъ.

Такимъ образомъ ничто изъ того, что принадлежитъ аттрибуту, не обнаруживается въ измѣняемости; и ничто изъ того, что присуще измѣняемости, не можетъ быть приписано аттрибуту. Слѣдовательно, измѣняемость не есть свойство существующаго, но есть произведеніе двухъ отдѣльныхъ началъ — пассивнаго, принимающаго воздѣйствіе, и активнаго — воздѣйствующаго.

Какъ въ такомъ случаѣ слѣдуетъ понимать существованіе обоихъ началъ, предшествующее генезису и слѣдующее за нимъ, и какъ слѣдуетъ понимать самый генезисъ и его исходный моментъ? Ясно, что внѣ генезиса начало пассивное остается недвижимымъ, являясь напр. въ мірѣ физическомъ чистою протяженностью и размѣщеніемъ; начало же активное представляетъ собою до генезиса и послѣ него чистую и полную напряженность, — чистую потому что въ немъ нѣтъ ничего кромѣ напряженности, полную потому что оно все — напряженность.

Генезисъ начинается съ того момента, когда происходитъ соприкосновеніе обоихъ началъ, т. е. когда начинаютъ совпадать сферы ихъ существованія. Тогда начало активное изъ напряженнаго становится дѣятельнымъ; при чемъ, впрочемъ, въ немъ не происходитъ никакой другой перемѣны, кромѣ той, какая происходитъ въ пространственной линіи при овеществленіи ея; т. е. оно остается тѣмъ же, чѣмъ было до соприкосновенія съ пассивнымъ началомъ, но теперь нѣчто внѣшнее для него, именно это начало пассивное, обнаруживаетъ его. Дѣйствіе и есть какъ бы овеществленная внѣшнимъ объектомъ напряженность; напряженность же есть дѣйствіе, ни на что не переходящее и остающееся сосредоточеннымъ въ дѣятельномъ началѣ. Начало же пассивное и въ самомъ генезисѣ остается бездѣятельнымъ: оно облегается началомъ дѣятельнымъ попавъ въ сферу его напряженнаго существованія, и увлекается имъ въ генезисъ, гдѣ то слагается то раздѣляется повинуясь его направленію и уступая его силѣ.

Разъяснивъ смыслъ существованія разсматриваемыхъ элементовъ измѣненія, слѣдуетъ опредѣлить форму этого существованія. Нѣкоторыя соображенія уже теперь даютъ поводъ думать, что тщательныя розысканія которыя предстоитъ сдѣлать въ этой формѣ науки въ будущемъ утвердятъ за началомъ пассивнымъ форму существованія вѣчную потенціальную и временную реальную, за началомъ дѣятельнымъ — форму вѣчно реальнаго существованія, а за моментомъ соединенія ихъ — потенціальную скрытую уже въ отдѣльномъ существованіи обоихъ могущихъ соединиться началъ, и реальную — осуществляющуюся въ самомъ соединеніи ихъ. Такъ напр. если мы возьмемъ какой нибудь единичный генезисъ — будетъ ли то ростъ дерева, развитіе идеи, образованіе чувства — мы увидимъ что повсюду начало пассивное, измѣняющееся въ генезисѣ (дерево растущее, идея развивающаяся, чувство образующееся) существуетъ реально въ самомъ генезисѣ и потенціально внѣ его: не всегда существовало

это дерево, эта идея, это чувство. Начало же дѣятельное получаетъ только объектъ въ генезисѣ, но существуетъ оно и ранѣе, всегда и въ томъ же видѣ: силы растительныя не создались въ этомъ ростущемъ деревѣ, и психическія — не возникли только теперь для образованія этой идеи и этого чувства; онѣ всегда были. Также моментъ соединенія обоихъ началъ уже существовалъ какъ возможный всегда, разъ всегда былъ возможенъ самый генезисъ; реально же онъ осуществился въ тотъ моментъ, когда начался ростъ дерева, образованіе идеи, возникновеніе чувства.

Высказанное нами мнѣніе, основанное на разсмотрѣніи единичныхъ генезисовъ, должно быть развито въ рядъ строгихъ доказательствъ общаго характера, гдѣ было бы показано, почему начало пассивное всегда и необходимо имѣетъ двѣ признанныя за нимъ формы существованія, а начало дѣятельное — одну (если только это справедливо). Изученіе природы, свойствъ и назначенія обоихъ началъ должно послужить источникомъ этихъ доказательствъ.

Переходимъ къ *природѣ* началъ пассивнаго и дѣятельнаго и исходнаго момента генезиса. Сущность послѣдняго, какъ кажется, можетъ быть опредѣлена безъ особеннаго затрудненія, и объ ней сказано было уже выше при объясненіи, что такое этотъ моментъ: онъ состоитъ въ совпаденіи сферъ пребыванія началъ пассивнаго и дѣятельнаго и въ соединеніи этихъ началъ, предназначенныхъ другъ для друга; причемъ первое, сохраняя все въ своей природѣ, начинаетъ только какъ объектъ обнаруживать собою начало дѣятельное; а это послѣднее, съ своей стороны, продолжая оставаться тѣмъ же чѣмъ было, только обнаруживается передъ чувствами человѣка черезъ этотъ свой объектъ.

Опредѣлить же природу началъ пассивнаго и дѣятельнаго весьма трудно. Мы ограничимся только указаніемъ на необходимость этой формы науки и отказываемся даже гипотетически разрѣшить вопросъ о сущности обоихъ началъ. Отъ нѣкоторыхъ соображеній, впрочемъ, намъ

трудно было удержаться при размышленіи о нихъ. и мы приведемъ ихъ, надѣясь что онѣ не повредятъ будущимъ изысканіямъ.

Не слѣдуетъ, прежде всего, отождествлять начала пассивнаго съ веществомъ, а начала активнаго съ силами природы; потому что и вещество и силы суть только виды этихъ началъ, гораздо болѣе обширныхъ, чѣмъ они. начало пассивное — все, что измѣняется, начало дѣятельное — все, что измѣняетъ; а измѣненіе происходитъ не только въ мірѣ внѣшнемъ и не въ одномъ веществѣ. Поэтому опредѣляя природу обоихъ началъ не достаточно проникнуть въ сущность вещества и силъ природы, хотя это проникновеніе и необходимо, — нужно обнять все измѣняемое и все измѣняющее. Идея также движется раскрываясь и какъ таковая она есть начало пассивное, а то что движетъ ее раскрывая есть начало дѣятельное; государство также образуется, представляя поэтому собою начало пассивное, а въ томъ, что образуетъ его заставили искать начала активнаго. Опредѣленіе сущности начала пассивнаго должно такимъ образомъ обнять и вещество со всѣми его формами, и духъ во всѣхъ состояніяхъ его, и жизнь человѣческую во всей сложности ея проявленія. Опредѣленіе же начала дѣятельнаго должно обнять все что движетъ это вещество, все что сообщаетъ жизнь этому духу, все что преобразуетъ самую жизнь.

Быть можетъ въ виду этой сложности полезнѣе будетъ опредѣляя оба начала не изучать послѣдовательно все, въ чемъ проявляются онѣ, но взять одно какое либо измѣненіе; выдѣлить мысленно въ немъ все случайное, временное, не необходимо присущее ему; и въ полученномъ такимъ образомъ чистомъ измѣненіи отдѣлить сперва все, что не есть измѣняемое, а затѣмъ все, что не есть измѣняющее, и оставшееся (чистое измѣняющее и измѣняемое) постараться уловить въ соотвѣтствующихъ опредѣленіяхъ.

То, что въ единичныхъ измѣненіяхъ получается всякій разъ послѣ такого выдѣленія, есть для начала пассивнаго нѣчто, *остающееся тѣмъ же и тѣмъ же*, а для начала

активнаго — то, *что не допускаетъ оставаться тѣмъ же и тамъ же;* первое есть вѣчно покоющееся въ тожествѣ съ самимъ собой, второе есть чистая дѣятельность, постоянно разрушающая это тожество. Если бы удобно было опредѣлять два неизвѣстныя другъ черезъ друга, то мы сказали бы, что пассивное начало есть сопротивляющееся дѣйствію, а активное — преодолѣвающее сопротивленіе. Измѣненіе является съ этой точки зрѣнія борьбою обоихъ противоположныхъ началъ, стремленіемъ каждаго отдѣльнаго начала сохранить себя и свою природу не смотря на невозможность выполнить это при существованіи другаго начала. Въ измѣненіи оба начала являются, такимъ образомъ, какъ бы лишенными части своей сущности: въ немъ ни начало пассивное не остается тѣмъ же и тамъ же, ни начало дѣятельное не движется абсолютно свободно; первое и измѣняется, и перемѣщается, второе задерживается, замедляется.

Такъ какъ всякое измѣненіе по своей сущности есть сложеніе и раздѣленіе, то въ чистомъ видѣ начало пассивное есть слагаемое и разлагаемое, а начало активное есть слагающее и разлагающее. Но сложеніе и раздѣленіе есть измѣненіе отношеній единичнаго существующаго къ частямъ общаго условія своего — пространства, есть выходъ слагающагося и разлагающагося изъ тѣхъ частей пространства, которыя они прежде занимали, и вступленіе въ другія части пространства. Поэтому сущность пассивности заключается въ связанности существующаго пространствомъ, въ его крѣпости этому пространству; а сущность дѣятельности состоитъ въ стремленіи разорвать эту связь, преодолѣть эту крѣпость.

Замѣчательно что если начало пассивное можетъ еще быть и вещественнымъ и не вещественнымъ, то начало дѣятельное никогда не бываетъ вещественнымъ, матеріальнымъ. И это тѣмъ любопытнѣе, что ему-то именно принадлежитъ такое великое значеніе въ общемъ порядкѣ міровой жизни, такое господствующее положеніе надъ всѣмъ, что лежитъ въ Космосѣ. И въ самомъ дѣлѣ, че-

человѣкъ никогда не наблюдаетъ дѣятельныхъ началъ въ природѣ — передъ нимъ происходятъ только измѣненія; его чувства еще ни разу не прикоснулись къ этимъ началамъ, и только его мышленіе восходитъ отъ движимаго къ невидимому движителю и отъ измѣняемаго къ неощутимому измѣняющему. Анализъ (умственный) явленія измѣненія приводитъ его къ несомнѣнному знанію, что разъ есть измѣняемость въ природѣ, есть и нѣчто дѣятельное въ ней; но что́ такое это дѣятельное — онъ можетъ знать только черезъ посредство начала пассивнаго, слѣдя за его варіированіемъ подъ воздѣйствіемъ этого скрытаго и загадочнаго движущаго начала. Какая сила стягиваетъ вещество и образуетъ изъ него міры, что заставляетъ идею разъ она появилась въ сознаніи раскрываться въ міръ исходящихъ идей, что движетъ жизнью народовъ, пробуждая ихъ, медленно возвышая и быстро низвергая въ ничтожество? — все это вопросы, надъ которыми никогда еще настоящимъ образомъ не задумывался человѣкъ, и въ разрѣшеніи которыхъ болѣе интереса и трудности нежели во всемъ быть можетъ надъ чѣмъ до сихъ поръ думалъ онъ.

Основными аттрибутами изучаемыхъ элементовъ измѣненія намъ представляются: для начала пассивнаго — способность, для начала дѣятельнаго — стремленіе, и для момента соединенія ихъ — преходимость. Первый изъ этихъ аттрибутовъ указываетъ на безсиліе того, чему принадлежитъ онъ, измѣниться; и вмѣстѣ съ тѣмъ на возможность для него вступить въ генезисъ подъ воздѣйствіемъ другаго начала, — т. е. именно на то, что мы замѣчаемъ въ началѣ пассивномъ: оно и въ измѣненіи остается только «способнымъ», потому что измѣняется не само собою, и въ покоѣ не лишено «способности», потому что можетъ измѣниться при нѣкоторыхъ условіяхъ. Такимъ образомъ «способность» является аттрибутомъ начала пассивнаго на всемъ протяженіи его существованія, какъ потенціальнаго такъ и реальнаго. Но онъ «основной» въ этомъ началѣ не по одному тому, что

неизмѣнно пребываетъ въ немъ, но — и это главнымъ образомъ — по слѣдующему: выражая собою сущность пассивности аттрибутъ этотъ и отличителенъ и существенъ для начала пассивнаго, а устанавливая отношеніе разематриваемаго начала къ измѣненію онъ есть именно то, что отыскивая или не находя въ существующихъ вещахъ мы относимъ ихъ или къ дѣятельнымъ началамъ, или къ началамъ только «способнымъ воспринимать на себя дѣйствіе» (пассивнымъ). Второй аттрибутъ, стремленіе, напротивъ характеренъ для начала активнаго, и существенъ въ немъ. Онъ также постояненъ въ этомъ началѣ, проявляясь въ «дѣятельности» — когда есть объектъ у него, и въ «напряженности» — когда нѣтъ этого объекта. Потому что дѣйствіе есть осуществленное стремленіе и удовлетворенная напряженность; а напряженность есть неудовлетворенное стремленіе, есть дѣятельность не осуществленная, ни на что не перешедшая и вся сосредоточенная въ самомъ дѣятелѣ. И подобно тому какъ по присутствію или отсутствію «способности» къ измѣненію мы распознаемъ въ существующемъ начало пассивное, также точно, смотря по присутствію или отсутствію «стремленія» измѣнить мы распознаемъ въ немъ начала дѣятельныя. Что же касается до третьяго изъ указанныхъ аттрибутовъ — преходимости — то онъ въ самомъ дѣлѣ характеренъ для момента соединенія обоихъ началъ. Обладая двумя формами существованія — потенціальною предуставовленною въ возможности соединенія обоихъ противоположныхъ началъ, и реальнаго — въ самомъ соединеніи ихъ, онъ пребываетъ въ первой формѣ постоянно, во второй же, въ той въ которой и существуетъ единственно истинно — онъ пребываетъ лишь мигъ: онъ какъ бы только «переходитъ» черезъ реальную форму бытія своего, но не пребываетъ въ ней; потому что едва вступивъ въ нее онъ исчезаетъ, такъ какъ оба начала тогда уже соединены, но не соединяются. Поэтому нигдѣ быть можетъ «настоящее» времени не является такъ ярко въ своей сущности, какъ здѣсь: начальный моментъ генезиса не

имѣетъ реальной формы существованія ни тогда, когда онъ еще не вступалъ въ эту форму, ни тогда, когда уже вступилъ, но только пока вступаетъ; исчезновеніе наступаетъ для него въ тотъ же моментъ, какъ и существованіе.

Кромѣ этихъ основныхъ аттрибутовъ есть, безъ сомнѣнія, въ обоихъ началахъ и въ моментѣ соединенія ихъ и много другихъ любопытныхъ свойствъ. Такъ напр. въ части дѣятельнаго начала, именно въ силахъ природы, уже открыто свойство неисчезаемости, которое такъ ошибочно было названо «закономъ сохраненія силъ», потому что никакого соотношенія — а въ немъ состоитъ сущность всякаго закона — здѣсь нѣтъ, и ничего этотъ мнимый законъ не регулируетъ какъ регулируетъ всякій другой законъ. Это свойство неисчезаемости быть можетъ присуще не части только дѣятельнаго начала, но всему ему; и въ такомъ случаѣ его слѣдовало бы провѣрить и распространить и на силы движущія ростъ организмовъ, и на силы порождающія психическія и общественныя явленія и процессы.

Начала пассивное и дѣятельное, будучи источникомъ измѣненія черезъ которое все происходитъ, и сами не лишены этой стороны бытія — *происхожденія*. Разсмотримъ ближе, что можетъ быть сказано объ этомъ происхожденіи. Нѣтъ сомнѣнія что оба начала одновременны всему, что есть существующаго, потому что именно существующее-то и распадается на эти начала; такъ что происхожденіе ихъ если только оно когда либо имѣло мѣсто должно быть отодвинуто такъ далеко, какъ далеко простирается въ прошедшее существованіе самого Космоса. Но уже и теперь, т. е. до открытія самыхъ причинъ обоихъ началъ, можетъ быть отмѣчено одно различіе въ способѣ происхожденія ихъ: именно пассивное начало происходя было создано нѣкогда, а активное начало вѣчно исходитъ откуда-то; первое появилось и пребываетъ какъ неподвижное, второе истекаетъ какъ вѣчная дѣятельность. Была ли одна причина вызвавшая къ бытію оба начала, или какъ про-

тивоположныя они порождены причинами различными, это разрѣшить трудно хотя и необходимо для полноты науки и совершенства міропониманія. Какъ и повсюду когда приходится познавать природу недоступнаго эти причины и все, что касается ихъ, можетъ быть раскрыто черезъ глубокое изученіе сущности произведеннаго, т. е. самыхъ началъ пассивнаго и дѣятельнаго: потому что не можетъ природа творящаго не отразиться въ сотворенномъ. Что касается до ученія о происхожденіи момента соединенія обоихъ началъ, то въ немъ долженъ быть разрѣшенъ и основной вопросъ, почему вообще это соединеніе существуетъ, и второстепенный — отчего эти соединенія появляются. При разрѣшеніи втораго вопроса — о причинахъ единичныхъ конкретныхъ соединеній начала пассивнаго и дѣятельнаго — должны быть перечислены тщательно всѣ случаи, когда происходитъ совмѣщеніе сферъ пребыванія обоихъ началъ (толчекъ, ударъ, давленіе воздуха и пр. и пр.); при разрѣшеніи же перваго вопроса — объ общемъ условіи такого соединенія — изъ этихъ частныхъ причинъ должно быть выдѣлено то общее, что неизмѣнно повторяется въ нихъ, и изучено какъ необходимый и вѣчный производитель исходныхъ моментовъ генезиса.

Разрѣшить для чего существуютъ начала пассивное и дѣятельное можно познавъ, что́ выполняютъ они. Какъ кажется едва ли будетъ ошибочно сказать, что двояко отражается въ мірѣ раздѣльное существованіе этихъ началъ: во-первыхъ черезъ необходимость своего соединенія въ генезисѣ они вносятъ жизнь въ міръ, и во-вторыхъ черезъ возможность различія въ своихъ сочетаніяхъ они вносятъ разнообразіе въ него. И въ самомъ дѣлѣ еслибъ начала дѣятельнаго не существовало, или еслибъ, существуя оно не было отдѣлено отъ начала пассивнаго, то тогда или ничего не происходило бы въ Космосѣ и онъ былъ бы безжизненъ; или все происходило бы повсюду и всегда одинаково и не было бы того, что мы назвали выше «измѣненіемъ измѣненія», т. е. міръ былъ бы только

никогда не портящеюся машиною, столь же чуждою жизни какъ и послѣдняя. Съ другой стороны и вещи лежащія въ Космосѣ не представляли бы такого разнообразія, еслибъ не были раздѣлены начала пассивное и дѣятельное: эти вещи вѣчно пребывали бы однѣ и тѣже, въ томъ видѣ въ какомъ были разъ созданы,— ничего къ нимъ не прибавлялось бы и ничего въ нихъ не убывало-бы. При раздѣленности же началъ производящихъ вещи путемъ генезиса никогда не будутъ исчерпаны всѣ комбинаціи этихъ началъ, и слѣдовательно никогда міръ не исчерпаетъ всего богатства возможныхъ для него формъ. Обдумывая эту двоякую роль обоихъ началъ въ Космосѣ невольно приходишь къ мысли что именно это раздѣльное существованіе ихъ дѣлаетъ міръ и болѣе прекраснымъ и менѣе долговѣчнымъ. И жизнь и красота живущаго выростаютъ изъ борьбы этихъ противоположныхъ началъ, и борьба же ихъ поглощаетъ и все живущее и всякую красоту.

Опредѣляя *сходство и различіе* началъ пассивнаго и дѣятельнаго и момента соединенія ихъ слѣдуетъ имѣть въ виду какъ послѣднюю цѣль построеніе классификаціи изучаемаго въ этой формѣ науки. Задача эта и необходимая и выполнимая никогда не разрѣшалась строгимъ образомъ, особенно въ отношеніи началъ дѣятельныхъ; и трудно сказать, отсутствіе ли сознанія важности этой задачи, или затрудненія въ ней встрѣтившіяся были причиною этого. Мы сдѣлаемъ примѣрное распредѣленіе разсматриваемыхъ элементовъ генезиса какъ руководящій образецъ того, что должно быть съ бо́льшею тщательностью выполнено въ будущемъ. Такъ *начало пассивное* можетъ быть раздѣлено на существующее въ пространствѣ и замѣщающее его, какова напр. матерія; и на существующее въ пространствѣ, но не замѣщающее его, каковы напр. идеи, чувства, воля,— вообще психическое въ Космосѣ. Далѣе первое можетъ раздѣлиться на простое или *тѣла*, и на сложное или *организма*; а второе — на производящее или *духъ*, и на производимое или *жизнь*. *Начало дѣятельное*, которое по природѣ своей всегда есть нѣчто движущее, по характеру

производимаго движенія можетъ быть раздѣлено на: 1. *Силы движущія*, производящія чистое перемѣщеніе начала пассивнаго, напр. энерція; 2. *Силы соединяющія*, которыя производятъ сближеніе однородныхъ частей начала пассивнаго. Здѣсь къ чистому движенію присоединяется направленіе, постоянное для этихъ силъ, котораго онѣ не могутъ преодолѣть безъ внѣшняго привходящаго. Такова сила всемірнаго тяготѣнія, таковы же силы соединяющія людей въ общества, или силы соединяющія однородныя идеи въ цѣльное міросозерцаніе; 3. *Силы разъединяющія*, производящія раздѣленіе однородныхъ частей начала пассивнаго, гдѣ къ чистому движенію также присоединено направленіе, но только противоположное тому, которое замѣчается въ силахъ соединяющихъ: такова напр. сила діамагнетизма, или сила производящая отталкиваніе нѣкоторыхъ химическихъ тѣлъ; таковы же силы дѣйствующія въ общественныхъ организмахъ въ моменты ихъ разложенія, или въ органическихъ тѣлахъ въ моментъ ихъ смерти, или въ идеяхъ при разложеніи ихъ на термины и т. д.; 4. *Силы направляющія*, производящія движеніе въ самомъ движеніи, вызывающія измѣненіе въ направленіи измѣненія. Необходимость признать существованіе такихъ силъ вена изъ того что въ природѣ происходитъ не только измѣненіе, но и перемѣна въ немъ и блестообразно направляющая его къ нѣкоторому опредѣленному результату; и подобно тому какъ размышленіе объ источникѣ измѣненія приведо къ признанію существованія *измѣняющихъ* силъ, такъ точно размышленіе объ источникѣ перемѣны въ направленіи измѣненія приводитъ къ признанію существованія *направляющихъ* силъ. По сферѣ дѣйствія начало активное можетъ быть раздѣлено на: a. *Силы общія*, которымъ подчинено все въ Космосѣ — какъ то, что замѣщаетъ пространство, такъ и то, что не замѣщаетъ его; b. *Силы движущія вещество въ его элементахъ*, каковы напр. частичныя силы изучаемыя теперь уже въ химической физикѣ; c. *Силы движущія вещество въ началахъ* (онѣ изучаются теперь въ физикѣ); d. *Силы*,

движущія жизнь въ организмахъ; е. *Силы движущія духъ*, которыя въ свою очередь подраздѣляются на то, что движетъ идеи въ ихъ развитіи; на то, что производитъ формированіе и развитіе чувства; и наконецъ на то, что движетъ волю; f. *Силы движущія произведенное духомъ*, — таковы неизвѣстныя еще силы, дѣйствующія въ политическихъ организмахъ, въ художественномъ творчествѣ и пр. Распредѣливъ такимъ образомъ активное начало въ нѣсколько группъ, слѣдуетъ затѣмъ каждую группу подвергнуть тщательному спеціальному изученію по всѣмъ схемамъ разума. Такимъ образомъ откроется, въ чемъ состоитъ напр. сущность соединяющихъ, разъединяющихъ и направляющихъ силъ, а также и силъ дѣйствующихъ въ веществѣ, въ организмахъ, въ духѣ и въ томъ, что творитъ онъ? какія особенности имѣетъ каждая изъ такихъ группъ? откуда и какъ произошли онѣ (силы)? каково назначеніе ихъ въ природѣ? и пр. Всѣ эти вопросы неполненные безконечнаго интереса еще ни однажды не затрогивались мыслью человѣка, столь глубоко погрузившеюся въ изученіе частностей что какъ будто и не существуетъ цѣлаго, къ которому относятся эти частности.

Что касается до момента соединенія обоихъ началъ, то тщательное изученіе его поведетъ къ открытію разнообразныхъ способовъ (модусовъ) такого соединенія.

Изучая *количественную сторону* началъ пассивнаго и дѣятельнаго и момента соединенія ихъ слѣдуетъ опредѣлить тѣ числовыя соотношенія, въ которыхъ оба начала вступаютъ въ генезисъ; т. е. указать, какое количество силы въ состояніи преодолѣвать сопротивленіе начала пассивнаго, въ состояніи разорвать ту связь его съ пространствомъ о которой было говорено выше. Это соотношеніе между количествами дѣятельнаго и пассивнаго началъ можетъ быть опредѣлено не только для каждой единичной силы — какъ это всегда дѣлалось до сихъ поръ; но, думается, можетъ быть найдена такая общая формула которая выразитъ точное отношеніе всякой силы ко всему неподвижному.

VIII. Ученіе о слѣдствіяхъ генезиса имѣетъ своимъ предметомъ то, что заканчиваетъ его. Это конечныя формы въ которыя отливается генетирующее начало съ окончаніемъ генезиса, то чѣмъ становится прошедшее черезъ измѣненіе когда совершилось оно. Область этого ученія есть такимъ образомъ міръ происшедшихъ вещей, все что есть не вѣчнаго въ Космосѣ. Это не вѣчное — то, чѣмъ становится пассивное начало по отдѣленіи отъ него начала дѣятельнаго когда оно вновь становится неподвижнымъ и съ тѣмъ вмѣстѣ получаетъ снова устойчивыя, постоянныя формы.

Въ ученіи о генезисѣ вещей въ Космосѣ часть соотвѣтствующая той, которою мы занимаемся теперь, изучитъ вещи эти во всей ихъ подробности и частности; здѣсь же, въ общей теоріи генезиса, онѣ должны быть изучены въ ихъ общемъ видѣ, т. е. какъ результаты не единичныхъ конкретныхъ генезисовъ имѣвшихъ мѣсто въ природѣ, но какъ слѣдствіе общаго генетическаго развитія ея. Здѣсь изучается такимъ образомъ не та и не эта произведенная вещь, но вещь какъ вообще результатъ измѣненія.

Прежде всего поэтому въ разсматриваемой формѣ пониманія должно быть опредѣлено, какія стороны вещи какъ возникаютъ, и черезъ это — какимъ способомъ возникаетъ вещь какъ синтезъ своихъ сторонъ. Причемъ стороны ея должны быть взяты не всѣ соотвѣтствующія схемамъ разума, но только первыя три и послѣдняя въ которыхъ вещь существуетъ сама въ себѣ. Остальныя же стороны, которыми каждая вещь соприкасается съ міромъ другихъ вещей — причина, цѣль и сходство съ различіемъ — не подлежатъ здѣсь изученію. Слѣдовательно въ этой части теоріи генезиса опредѣляется происхожденіе существованія вещи, происхожденіе ея сущности и ея свойствъ, и происхожденіе ея количественной стороны; или, что то же, изучаются эти три стороны въ отношеніи къ тому генезису который производитъ ихъ въ вещахъ.

Не вдаваясь въ самое изученіе вопросовъ разрѣшае-

мыхъ здѣсь замѣтимъ только что, какъ кажется, свойства вещи бываютъ порождаемы какъ явленіями такъ и процессами, самыя же вещи т. е. двѣ важнѣйшія стороны ихъ — существованіе и сущность — бываютъ результатомъ только процессовъ какъ преемственныхъ измѣненій, но никогда явленій какъ сосуществующихъ измѣненій. Такимъ образомъ явленія (если высказанное замѣчаніе справедливо) имѣютъ силу только измѣнять вещи, процессы же могутъ производить ихъ; въ первомъ случаѣ вещь сохраняется, но только въ другомъ видѣ; во второмъ — появляется новая вещь, возникаетъ особь какъ новое недѣлимое въ Космосѣ прежде не бывшее въ немъ, или точнѣе — потенціи слагаются и образуютъ реальность.

Такъ какъ сущность всякаго измѣненія есть сложеніе и раздѣленіе, то и при изученіи вещей какъ результатовъ генезиса слѣдуетъ различать въ изучаемомъ, во 1-хъ то, что вступило въ генезисъ, и во 2-хъ то, что къ вступившему присоединилось въ генезисѣ, или что отдѣлилось отъ него. Синтезъ перваго и втораго — вступившаго и присоединеннаго — и образуетъ всякую происшедшую вещь, которая такимъ образомъ всегда распадается на двѣ стороны: первоначальное въ ней бывшее до генезиса, и произведенное, что присоединилось къ первоначальному въ генезисѣ или отдѣлилось отъ него. Затѣмъ слѣдуетъ изучить способы (модусы) сложенія и раздѣленія отдѣльныхъ сторонъ всякой возникающей вещи: 1) существованія и сущности — какъ къ сущности какой либо вещи которая можетъ быть выражена и въ чистомъ понятіи присоединяется существованіе, напр. какъ понятіе окружности можетъ осуществиться въ реальномъ образѣ; 2) существованія и свойствъ — какъ осуществляются свойства, которыя также изъ мыслимыхъ могутъ переходить въ реальныя; 3) сущности и свойствъ — какимъ образомъ вторыя возникаютъ или уничтожаются въ первой, напр. прямизна въ линіи или цвѣтъ въ предметѣ или проницательность въ умѣ; 4) свойствъ и свойствъ — черезъ какой процессъ къ одному свойству присоединяется другое, напр. въ умѣ

какъ къ проницательности присоединяется обширность созерцанія; 5) числа съ одной стороны и существованія, сущности и свойствъ — съ другой; т. е. какъ удваиваются, утрояются и т. д. предметы существующія и въ нихъ свойства. Когда такимъ образомъ будутъ открыты и изучены всѣ модусы этихъ соединеній и разъединеній, какъ дѣйствительно существующіе такъ и мыслимые возможными, тогда ясно станетъ для разума возникновеніе всякой вещи и всѣхъ вещей; будетъ понятно для него, какъ въ вещахъ существующихъ возникаютъ новыя свойства и какъ путемъ постепеннаго накопленія ихъ вещи какъ бы перерождаются; какъ наконецъ появляются новыя вещи прежде никогда не бывшія, и путемъ какого процесса слагается природа этихъ возникающихъ вещей.

Такъ какъ производящій процессъ или генезисъ имѣетъ несомнѣнную связь съ производимымъ результатомъ или самою вещью — иначе различныя вещи не происходили бы различными способами, но или бы всѣ однимъ или всѣми одна вещь — то слѣдуетъ открыть постоянныя и необходимыя соотношенія между этими двумя элементами измѣненія; такъ чтобы пониманіе процесса совершающагося давало уже пониманіе вещи еще не происшедшей, а пониманіе неизвѣстнымъ способомъ произведенной вещи открывало бы этотъ способъ. Соотношенія же этого слѣдуетъ искать между строеніемъ во времени процесса, и между строеніемъ въ пространствѣ вещи; такъ какъ каждая особенность въ первомъ не можетъ не отразиться особенностью во второмъ.

IX. Ученіе о сходствѣ и различіи генетическаго процесса должно опредѣлить формы или *типы* генезиса. Уже ранѣе были установлены два важнѣйшіе вида на которые распадается генезисъ — явленія слагающіяся изъ сосуществующихъ измѣненій, и процессы слагающіеся изъ преемственныхъ измѣненій. Это дѣленіе должно быть проведено далѣе въ той формѣ теоріи генезиса, которую намъ предстоитъ разобрать теперь.

Процессы распадаются на два большихъ отдѣла: на *неопредѣленные* и *опредѣленные*. *Подъ неопредѣленными процессами я разумѣю такіе, которые не существуютъ для произведенія вещей какого либо одного вида, только черезъ эти процессы происходящія, и поэтому случайны по своему существованію, непостоянны по своей природѣ и измѣнчивы по своимъ признакамъ; подъ опредѣленными же процессами я разумѣю такіе, которые повсюду и постоянно совершаются одинаково и постоянно и повсюду производятъ одинаковое, будучи въ совершающемся тѣмъ же опредѣленнымъ и законченнымъ, чѣмъ въ существующемъ являются опредѣленныя и законченныя вещи, ими производимыя.* Объяснимъ эти опредѣленія примѣрами. Такъ комокъ глины производится самыми различными способами: сыханіемъ, сдавливаніемъ, сѣпленіемъ черезъ что нибудь третье въ нее попавшее и т. д.; и притомъ всѣ способы эти таковы, что происходя они не необходимо производятъ именно комокъ глины, но и многое другое, столь же разнообразное какъ и самые эти способы. Всѣ эти процессы, которые производятъ разныя неопредѣленныя вещи, и притомъ такія которыя могутъ быть произведены не только этими, но и разнообразными другими способами, которые всѣ и предусмотрѣть невозможно, мы и называемъ процессами неопредѣленными. Такимъ образомъ сущность этой неопредѣленности состоитъ въ двойномъ отсутствіи необходимости: не необходимо эти процессы производятъ *тѣ вещи*, которыя они производятъ; и производимыя ими вещи не необходимо производятся путемъ *этихъ процессовъ*, которые ихъ произвели. Напротивъ растеніе напримѣръ, или животное, или кристаллъ постоянно и неизмѣнно происходятъ черезъ одинъ какой либо процессъ, который необходимо долженъ повториться чтобы повторилась вещь имъ производимая. Такимъ образомъ сущность опредѣленности здѣсь лежитъ въ двойной необходимости: и процессъ опредѣленный необходимо производитъ, совершаясь, одну и ту же вещь — творитъ индивидуумы одного рода въ существующемъ; и эта вещь необходимо производится однимъ

и тѣмъ же опредѣленнымъ процессомъ — творится недѣлимымъ одного рода въ совершающемся.

Ясно что процессы неопредѣленные имѣютъ бо́льшее распространеніе въ природѣ, чѣмъ процессы опредѣленные: все что не закончено, не сформировано, не установлено окончательно природою производится ими. Область же процессовъ опредѣленныхъ не столь обширна, но за то болѣе совершенна: все немногое и лучшее, что лежитъ въ Космосѣ, производится ими.

Опредѣленные процессы распадаются по соотношенію элементовъ, изъ которыхъ состоятъ они, на три вида: *замкнутые, раскрывающіеся* и *сомкнутые. Подъ замкнутыми процессами я разумѣю такіе, изъ которыхъ каждый существуетъ независимо отъ другихъ, не продолжая и не подготовляя ихъ;* которые такимъ образомъ произведя что либо, какъ бы *замыкаются* этимъ произведеннымъ и имъ ограничиваются въ своемъ существованіи и въ своемъ дѣйствіи. Таковъ напр. процессъ образованія кристалла: разъ кристаллъ появился процессъ его образовавшій, — завершился окончательно; при воспроизведеніи новаго кристалла процессъ совершится снова, но это уже будетъ другой процессъ, совершенно изолированный отъ перваго и не связанный съ нимъ никакимъ отношеніемъ кромѣ сходства. *Подъ процессами раскрывающимися я разумѣю такіе процессы, которые въ своемъ поступательномъ развитіи представляютъ рядъ пространственныхъ формъ, изъ которыхъ каждая предыдущая скрыто содержитъ въ себѣ послѣдующую, и каждая послѣдующая выходя изъ предыдущей раскрываетъ собою ея внутреннее содержаніе.* Это есть самая типичная и самая совершенная форма процессовъ и генезиса вообще. Замѣчательно, что она совпадаетъ по своей сущности и по своему строенію съ процессомъ раскрытія идей, гдѣ также идея общаго значенія раскрывается въ рядъ идей болѣе низшихъ, изъ которыхъ каждая въ свою очередь снова и снова распадается на свои низшія идеи и т. д. до міра конкретныхъ представленій. Въ примѣръ этого вида процессовъ можно привести образованіе

животнаго или растенія, и также развитіе личности и государства. *Подъ процессомъ сомкнутымъ я разумѣю такой процессъ, который представляетъ собою неизмѣнное и постоянное повтореніе одного и того же элемента;* гдѣ такимъ образомъ нѣкоторое опредѣленное измѣненіе заканчиваясь подходитъ къ тому же съ чего началось, и это начинающееся снова воспроизводитъ предъидущее измѣненіе; такъ что генетпрующее начало представляется здѣсь какъ бы вѣчно движущимся въ нѣкоторой формѣ, изъ которой нѣтъ выхода въ сторону, но которая допускаетъ постоянное движеніе впередъ, такъ какъ ея конецъ сомкнутъ съ ея началомъ. Какъ на примѣръ такого процесса можно указать на обращеніе небесныхъ свѣтилъ.

Относительно силъ которыя движутъ эти различные виды генезиса, и относительно законовъ которые управляютъ ходомъ этого движенія можно замѣтить вообще, что въ явленіяхъ и въ процессахъ неопредѣленныхъ они (законы и силы) отличаются одновременно и простотою и общностью, а въ процессахъ опредѣленныхъ — сложностью и ограниченностью распространенія. И въ самомъ дѣлѣ, законы и силы всѣхъ неопредѣленныхъ измѣненій — будутъ ли то явленія или процессы — по своей природѣ всегда *не разложимы,* т. е. они не сводятся ни къ какимъ низшимъ, простѣйшимъ законамъ и силамъ; далѣе, по происхожденію своему они всѣ суть первоначальныя силы и законы природы, ничѣмъ *не произведенные* въ ней; и, наконецъ, по сферѣ своего дѣйствія они суть *всеобщіе* законы и силы Космоса, которымъ подчинены онъ и въ своемъ цѣломъ и во всѣхъ частяхъ своихъ, не исключая и тѣхъ даже которыя имѣютъ для себя отдѣльные спеціальные законы, и производятся отдѣльными спеціальными силами. Таковы напр. простыя, первоначальныя и всеобщія силы и законы движенія, этого типичнаго представителя неопредѣленныхъ процессовъ; таковы же силы и законы давленія, сжатія, сцѣпленія и многіе другіе, производящіе неопредѣленное множество вещей и явленій въ природѣ. Силу движенія напр. нельзя свести къ сил-

тезу никакихъ другихъ силъ, и законы движенія не суть произведеніе какихъ либо еще болѣе всеобщихъ и низшихъ законовъ; далѣе — нѣтъ ничего, что не было бы подчинено этимъ силамъ и этимъ законамъ: движется и въ движеніи управляется ими не только вещество не сформированное въ опредѣленные виды какъ-то газы, жидкости. камни, но также и кристаллы при своемъ случайномъ паденіи, и растенія, и животныя, и все словомъ что управляется въ своемъ возникновеніи и существованіи нѣкоторыми отдѣльными законами, и подчинено нѣкоторымъ спеціальнымъ силамъ.

Напротивъ опредѣленные процессы движутся силами и управляются законами не простыми, но *сложными*, и не первичными по происхожденію, но *производными;* и подчиняется имъ не все лежащее въ Космосѣ, но только *нѣкоторыя* строго опредѣленныя области его. И въ самомъ дѣлѣ, силы и законы дѣйствующіе напр. въ организмахъ несомнѣнно состоятъ частью изъ силъ и законовъ дѣйствующихъ механически, потому что въ этихъ процессахъ мы замѣчаемъ движеніе, давленіе, обмѣнъ веществъ и другое прочее, что не можетъ совершаться безъ участія обычныхъ элементовъ механическаго измѣненія; но также несомнѣнно что эти механическіе силы и законы сложены здѣсь съ нѣкоторыми другими силами и законами, потому что распространенные повсюду въ Космосѣ они не производятъ нигдѣ того, что мы наблюдаемъ въ организмахъ. Ясно такимъ образомъ, что то что движетъ и что регулируетъ жизненные процессы — опредѣленные по своей природѣ — есть синтезъ простыхъ механическихъ силъ и законовъ съ нѣкоторыми другими частью уже извѣстными, частью еще не открытыми силами и законами. Также въ опредѣленномъ процессѣ образованія кристалла мы замѣчаемъ что присутствуетъ не только притягательная сила и ея простой законъ, но притягательная сила еще осложненная чѣмъ то, потому что здѣсь вещество не только стягивается, но еще и стягивается въ опредѣленныя геометрическія фигуры; и уже

по одному производимому дѣйствію не трудно отгадать, что мы имѣемъ здѣсь синтезъ движущей силы съ силою направляющею. Наконецъ, въ движеніи небесныхъ свѣтилъ мы замѣчаемъ синтезъ силъ центростремительной, центробѣжной и той которая, будучи произведеніемъ первоначальнаго толчка, дѣйствуетъ по касательной къ тѣмъ кривымъ линіямъ, которыя описываютъ въ своемъ движеніи небесныя тѣла. Этотъ же синтезъ наблюдаемый въ силахъ, наблюдается и въ законахъ разсматриваемаго движенія: они не суть законы простаго движенія совершающагося по прямой линіи, но суть сложные законы простаго движенія, измѣненнаго въ движеніе по эллипсамъ и параболамъ. Три разсмотрѣнные примѣра могутъ служить типичными представителями трехъ формъ опредѣленнаго процесса — раскрывающагося, замкнутаго и сомкнутаго — и такъ какъ этими формами исчерпывается онъ, то мы съ большою вѣроятностью можемъ умозаключить что *сложность* вообще присуща силамъ и законамъ которые движутъ и направляютъ такіе процессы. По крайней мѣрѣ, это умозаключеніе достаточно для того, чтобы послужить исходнымъ пунктомъ обстоятельнаго изученія причиннаго соотношенія между опредѣленностью процессовъ и сложностью силъ и законовъ ихъ. Далѣе, *не первичность* движущаго и управляющаго опредѣленнымъ процессомъ уже прямо вытекаетъ изъ указанной сложности: ясно что сложному необходимо должно было предшествовать простое, изъ чего оно сложено и безъ чего оно не могло произойти. Затѣмъ *ограниченность сферы проявленія* силъ и законовъ, дѣйствующихъ въ опредѣленномъ процессѣ, удостовѣрена многими наблюдаемыми фактами. Такъ напр. извѣстно что многія вещества принятыя внутрь организмовъ не дѣйствуютъ въ нихъ такъ, какъ они дѣйствуютъ въ свободномъ состояніи внѣ организмовъ. Вещества которыми питается организмъ, будучи механически смѣшаны съ веществами изъ которыхъ состоитъ онъ, еще не производятъ тѣхъ процессовъ которые мы замѣчаемъ въ питаніи. Словомъ, повсюду силы и законы дѣй-

ствующіе и управляющіе процессами въ живомъ тѣлѣ не проявляются нигдѣ кромѣ этого живаго тѣла, т. е. сфера ихъ распространенія ограничена и опредѣлена.

Мы говорили о различіи генезисовъ неопредѣленнаго и опредѣленнаго; перейдемъ теперь къ внутреннему различію этого послѣдняго — опредѣлимъ, какъ именно бываютъ размѣщены силы и законы, а также пассивное начало и форма, въ каждомъ изъ трехъ типовъ его — въ генезисѣ замкнутомъ, раскрывающемся и сомкнутомъ.

Относительно положенія силъ дѣйствующихъ въ каждомъ изъ трехъ видовъ опредѣленнаго генезиса можно замѣтить вообще, что въ замкнутомъ процессѣ онѣ находятся внѣ генетирующаго начала, которое совершенно пассивно само по себѣ и приходитъ въ движеніе только подъ воздѣйствіемъ начала дѣятельнаго, имѣющаго наружное положеніе; такъ минеральная масса, генетирующая въ процессѣ образованія кристалла, совершенно инертна и стягивается въ геометрическія фигуры силою *внѣ ея находящеюся, отъ нея отдѣленною.* Въ процессѣ раскрывающемся генетирующее начало есть синтезъ силъ и формъ; но оно лишено пассивнаго начала, на которое эти силы могли бы воздѣйствовать, и въ которомъ эти формы могли бы осуществиться; такъ сѣмя генетирующее въ процессѣ образованія растенія есть синтезъ формъ и жизненности растущаго дерева, но въ немъ нѣтъ вещества для растенія, которое впитывается въ него изъ земли. Въ процессѣ сомкнутомъ генетирующее начало представляетъ собою синтезъ обоихъ началъ — и дѣятельнаго и пассивнаго; поэтому оно довлѣетъ въ самомъ себѣ и не нуждается ни въ чемъ внѣшнемъ для своего проявленія. Этою особенностью въ распредѣленіи элементовъ объясняется и особенность сомкнутаго генезиса какъ процесса — его вѣчная повторяемость. И въ самомъ дѣлѣ вслѣдствіе этого распредѣленія здѣсь каждый отдѣльный элементъ генезиса, какъ синтеза необходимыхъ элементовъ — силы, вещества и закона, есть полная причина, безъ избытка и безъ недостатка, элемента послѣдующаго. И такъ какъ

ничто внѣшнее не привходитъ къ этой причинѣ и ничто внѣшнее не отнимаетъ изъ нея чего либо,— сама же она не можетъ исчезнуть не перейдя во что нибудь,— то разъ возникнувъ эта причина необходимо должна повторять самое себя, не измѣняясь и вѣчно, пока что либо постороннее не придетъ и не нарушитъ этого порядка, внеся въ одинъ изъ элементовъ что либо, чего не было въ предъидущемъ элементѣ. Такъ каждое круговое движеніе земли около солнца не имѣетъ въ себѣ ничего, чего не было бы въ движеніи предъидущемъ; и разъ это предъидущее движеніе совершилось, оно не можетъ (безъ привходящаго новаго) перейти ни во что другое какъ въ новое такое же круговое движеніе, т. е. повторить себя; и т. д. до безконечности.

Внимательно всматриваясь въ различные типы опредѣленнаго генезиса можно замѣтить, что не только въ сомкнутомъ процессѣ форма измѣненія (типъ процесса) порождена особенностью въ сочетаніяхъ элементовъ его; но что этимъ же сочетаніемъ и расположеніемъ элементовъ обусловлено существованіе и двухъ остальныхъ типовъ опредѣленнаго генезиса — раскрывающагося и замкнутаго. Чтобы убѣдиться въ этомъ, разсмотримъ, какъ расположены элементы измѣненія — начало дѣятельное, начало пассивное и форма послѣдняго — въ каждомъ изъ остальныхъ двухъ видовъ измѣненія, и что̀ съ внутреннею необходимостью вытекаетъ изъ этого расположенія. Для яркости сравненія и убѣдительности вывода будемъ имѣть при этомъ въ виду и сомкнутый процессъ, хотя объ немъ уже все, для него одного необходимое, сказано.

Въ процессѣ замкнутомъ вещество и форма соединены (открытіе Гаюи, что атомы кристалловъ — вещество — имѣютъ форму образуемыхъ ими кристалловъ), сила же отдѣлена отъ нихъ; въ процессѣ раскрывающемся, наоборотъ, соединены силы и форма въ одно, а вещество отдѣлено отъ нихъ; и наконецъ, въ процессѣ сомкнутомъ соединены въ одно всѣ эти элементы. Относительно послѣдней формы процесса мы уже видѣли что вслѣдствіе

соединенія въ одно началъ пассивнаго и дѣятельнаго онъ не могъ не быть сомкнутымъ, такъ какъ каждое послѣдующее звено его необходимо должно повторить собою звено предъидущее, и всѣ они — слиться въ рядъ тожественныхъ между собою элементовъ; что, по опредѣленію, и составляетъ сущность сомкнутаго процесса. Всматриваясь въ другія формы процесса мы безъ труда замѣтимъ, что и онѣ также *не могли стать ничѣмъ инымъ кромѣ того, что есть*, вслѣдствіе своеобразнаго сочетанія указанныхъ выше элементовъ: процессъ въ которомъ вещество отдѣлено отъ силы и отъ формы, а послѣднія соединены между собою въ одно, необходимо и безусловно долженъ былъ стать раскрывающимся; потому что вещество вступая въ безвещественныя формы, необходимо сжатыя до minimum'а (напр. въ сѣмени), должно послѣдовательно раскрывать эти формы; такъ что каждая послѣдующая ступень измѣненія въ этомъ процессѣ непремѣнно должна служить не повтореніемъ предъидущей и не воспроизведеніемъ части ея, но именно развитіемъ,— что и составляетъ сущность раскрывающаго процесса. Наконецъ, въ замкнутомъ процессѣ очевидно что ни раскрытія формъ не могло бы быть — потому что здѣсь частицы вещества уже имѣютъ форму того что произойдетъ изъ нихъ, а силы только складываютъ эти частицы въ вещь; ни повторенія звеньевъ процесса — такъ какъ элементы послѣдняго здѣсь раздѣлены и каждое предъидущее звено не есть полная причина послѣдующаго. Такимъ образомъ ясно, что не случайно и не временно существуютъ три типа опредѣленнаго генезиса; но что порожденные внутренними и глубокими причинами заложенными въ первыхъ основаніяхъ природы, они суть вѣчныя и необходимыя формы въ которыхъ движется всякое измѣненіе въ ней.

Что касается до вещей которыя производятся или которымъ свойственны каждый изъ трехъ видовъ опредѣленнаго генезиса, то относительно ихъ можно вообще замѣтить что процессъ замкнутый свойственъ по преимуществу безплодному веществу и его произведеніе есть первое,

несовершеннѣйшее изъ трехъ царствъ на которыя принято дѣлить природу — царство минераловъ. Такъ какъ въ природѣ замкнутаго процесса лежитъ отсутствіе преемственности — его одинъ элементъ ничѣмъ не связанъ съ другимъ — то и порождаемыя имъ вещи не происходятъ другъ отъ друга, но существуютъ каждая изолированно, т. е. каждая слагается изъ элементовъ своихъ безъ помощи себѣ подобной вещи; и вслѣдствіе этой же замкнутости и каждаго элемента процесса, и каждой вещи имъ производимой, въ царствѣ минераловъ нѣтъ ни развитія, ни усовершенствованія, но безжизненность и неподвижность. Процессъ раскрывающійся свойственъ живому веществу, и его произведеніе есть два другія царства природы, болѣе совершенныя чѣмъ предъидущее — царство растительное и царство животное, которыя во всѣхъ отношеніяхъ было бы справедливѣе соединять въ одинъ міръ — въ міръ организмовъ, такъ тѣсна между ними связь и такъ велика ихъ раздѣльность отъ царства неорганическихъ вещей. Вслѣдствіе самыхъ особенностей раскрывающагося процесса, гдѣ каждый послѣдующій элементъ *исходитъ* изъ предъидущаго и *раскрываетъ* невидимо предустановленное въ немъ, — и въ мірѣ организмовъ каждое недѣлимое не слагается изъ элементовъ своихъ, но порождается другимъ недѣлимымъ; существованіе же всѣхъ ихъ исполнено жизни, и эта послѣдняя изъ низшихъ формъ черезъ посредствующія среднія развивается все въ высшія и въ высшія формы. Наконецъ, замкнутый процессъ свойственъ космическимъ тѣламъ или небеснымъ свѣтиламъ, которыя не произведены этимъ процессомъ — ибо въ природѣ послѣдняго лежитъ не производить, но сохранять, — но которыя въ себѣ и въ своемъ движеніи осуществляютъ этотъ процессъ.

Во всемъ, что сказано здѣсь о различныхъ сочетаніяхъ элементовъ въ трехъ видахъ опредѣленнаго процесса, а также относительно вещей которыя производятся ими, содержится указаніе только на двѣ стороны этихъ процессовъ: на причину производящую ихъ, и на слѣдствіе ими производимое. И ясно что даже совершенное позна-

ніе этихъ двухъ сторонъ еще недостаточно для образованія полнаго пониманія этихъ процессовъ. Необходимо для этого точнѣе познать ихъ природу сжато выраженную въ приведенныхъ выше опредѣленіяхъ — изучить, что именно происходитъ въ процессѣ замкнутомъ, сомкнутомъ и раскрывающемся, какой путь проходитъ въ нихъ каждый элементъ пассивнаго начала, каково расположеніе въ пространствѣ и строеніе во времени каждаго изъ этихъ видовъ генезиса. Далѣе — слѣдуетъ опредѣлить тщательно всѣ свойства вытекающія изъ природы этихъ процессовъ, и всѣ особенности ихъ. Наконецъ — и это важнѣе всего — необходимо открыть общіе законы по которымъ развивается въ отдѣльности каждый типъ опредѣленнаго генезиса и, что касается раскрывающагося процесса, найти правила съ помощію которыхъ возможно было бы изъ наблюденія нѣсколькихъ звеньевъ его — опредѣлять неизвѣстную конечную форму въ которую онъ стремится раскрыться. Эти послѣднія правила несомнѣнно могутъ быть найдены, потому что въ каждыхъ двухъ смежныхъ звеньяхъ такого процесса уже замѣтно бываетъ общее направленіе его какъ цѣлаго, общій какъ бы типъ раскрывающихся формъ изъ которыхъ состоитъ онъ, неизмѣнная склонность послѣднихъ выразить въ себѣ нѣкоторыя опредѣленныя черты. Можно сказать что, начиная уже съ перваго, каждое изъ этихъ звеньевъ безсильно стремится осуществить въ своемъ строеніи то окончательное, къ чему направляется весь процессъ и что осуществитъ собою только его послѣдняя форма. Наблюдая эти-то усилія и нарастающее въ преемственныхъ формахъ раскрывающагося процесса и возможно будетъ опредѣлять его послѣднюю форму — то окончательное, въ осуществленіи чего лежитъ его послѣднее назначеніе.

X. Ученіе о количественной сторонѣ генезиса должно опредѣлить количественныя соотношенія между элементами генезиса: начальнымъ моментомъ его (напр. толчкомъ), процессомъ (напр. продолжительностью и напряженностью движенія), и его исходнымъ моментомъ (напр.

дѣйствіемъ, которое производится движущимся тѣломъ въ моментъ остановки). Что касается до количественнаго соотношенія между началами пассивнымъ и дѣятельнымъ, то о немъ уже было говорено выше.

XI. Ученіе о генезисѣ вещей въ Космосѣ должно покоиться, какъ на своемъ основаніи, на общей теоріи генезиса. Здѣсь, въ этомъ частномъ ученіи, должно быть изучено происхожденіе всего, что образуется въ космосѣ; должны быть поняты всѣ измѣненія, какія совершаются въ немъ. Мы только перечислимъ формы этого ученія, такъ какъ способы выполнить его были указаны ранѣе въ руководящемъ примѣрѣ ученія о существованіи вещей въ космосѣ; самое же выполненіе по чрезвычайной обширности своей задачи, разнообразію предметовъ подлежащихъ изученію, и малой подготовленности къ нему существующей науки можетъ быть совершено и окончено только въ далекомъ будущемъ.

Вотъ важнѣйшія, наиболѣе общія и основныя формы этого чрезвычайнаго по своему разнообразію и содержательности ученія:

а. *Ученіе о силахъ природы* или о проявленіяхъ начала дѣятельнаго въ природѣ. Оно распадается на ученіе 1. *О силахъ молекулярныхъ* дѣйствующихъ между элементами вещества — какова сила химическаго сродства, частичнаго притяженія, сцѣпленія, и другія; 2. *О силахъ механическихъ* дѣйствующихъ между тѣлами — какова напр. сила тяготѣнія, электричества, и пр. 3. *О силахъ жизненныхъ*, дѣйствующихъ въ организмахъ; 4. *О силахъ психическихъ*, дѣйствующихъ въ духѣ; 5. *О силахъ историческихъ*, дѣйствующихъ въ мірѣ человѣческомъ. Первое изъ этихъ ученій имѣетъ своею задачею понять по всѣмъ схемамъ разума то, что̀ движетъ вещество; второе — то, что движетъ тѣла; третье — то, что движетъ жизнь въ организмахъ; четвертое — то, что движетъ духъ; и наконецъ, пятое — то, что движетъ творимое духомъ, т. е. процессы художественнаго, нравственнаго, религіознаго и политическаго творчества. Даже и въ незначительной степени

только немногія изъ этихъ силъ извѣстны; большинство же ихъ, о существованіи которыхъ мы твердо знаемъ по совершающимся измѣненіямъ, еще ожидаетъ своего открытія. Сюда относятся три послѣднія группы силъ: жизненныя, психическія и историческія. Несомнѣнно что онѣ есть, потому что необходимо есть причина вызывающая измѣненія въ организмахъ, въ духѣ и въ жизни, есть нѣчто, что движетъ жизнь въ нихъ; но столь же несомнѣнно, что мы ничего не знаемъ объ этихъ силахъ. Причина, почему такъ недостаточно наше знаніе о проявленіяхъ дѣятельнаго начала въ Космосѣ, заключается въ томъ, что никогда еще изученіе природы не двигалось въ строгомъ порядкѣ по схемамъ разума, и узнанъ коечто всегда считалось, что узнано достаточно. Отъ этой отрывочности и неполноты изученія произошло то, что между тѣмъ какъ въ мірѣ физическомъ открытіе всякой новой группы измѣненій вело къ открытію новой силы — такъ открыто было электричество и магнетизмъ велѣдъ за наблюденіемъ немногихъ и рѣдкихъ, но *своеобразныхъ* измѣненій, очевидно не производимыхъ ранѣе извѣстными силами, — въ это же самое время наука о жизненныхъ, психическихъ и историческихъ явленіяхъ и процессахъ ограничивалась только описаніемъ самыхъ измѣненій и исканіемъ порядка или законовъ ихъ; объ открытіи же и изученіи причинъ происходящаго здѣсь генезиса думали такъ мало, какъ будто бы ихъ совсѣмъ не было. Этого никогда не могло бы произойти при систематическомъ изученіи Космоса и при выработкѣ предварительныхъ общихъ теорій, какъ основы для частныхъ ученій о вещахъ и явленіяхъ въ немъ; никогда измѣненія не были бы изучены такъ неполно и такъ несовершенно, еслибы ранѣе съ нимъ изучать ихъ было подумано, что такое измѣненіе само по себѣ, безъ отношенія къ измѣняющемуся, и изъ чего состоитъ оно.

Въ ученіи о силахъ, проявляющихся въ космосѣ, должна быть изучена каждая изъ послѣднихъ спеціально, такъ что эта часть науки, распадаясь на пять формъ по числу

группъ дѣйствующихъ въ природѣ силъ — химическихъ, механическихъ и пр., распадается еще въ каждой изъ этихъ формъ на новыя ученія по числу отдѣльныхъ силъ, находящихся въ каждой группѣ. Такъ, ученіе о силахъ механическихъ распадается на ученіе о силѣ тяготѣнія, объ электричествѣ, теплотѣ и т. д. Двигаясь по схемамъ разума, изученіе каждой отдѣльной изъ такихъ силъ должно опредѣлить, во-первыхъ, форму и сферу пребыванія ея; во-вторыхъ, ея природу или сущность; въ-третьихъ, всѣ ея свойства и всѣ способы (образы) ея проявленія; далѣе — источникъ, откуда происходитъ она, и дѣйствіе производимое ею въ природѣ (ея положеніе и роль въ мірозданіи); наконецъ также должны быть выдѣлены всѣ черты общія у этой силы съ другими силами природы, и всѣ ея индивидуальныя особенности.

b. *Ученіе о формахъ начала пассивнаго въ космосѣ* или о томъ, что подвергается въ немъ измѣненію. Здѣсь предварительно слѣдуетъ распредѣлить все измѣняемое въ группы, и затѣмъ каждую изъ такихъ группъ нужно подвергнуть изученію въ томъ, что касается измѣненія.

Изъ того, что произошло и существуетъ въ природѣ, все имѣетъ двойной генезисъ — въ прошедшемъ времени и въ настоящемъ: въ первомъ оно произошло нѣкогда какъ *родъ*, во второмъ оно постоянно происходитъ какъ *индивидуумъ рода*. Такъ организмъ того растенія которое мы знаемъ въ настоящее время въ продолженіе безчисленныхъ вѣковъ видоизмѣнялся изъ чего то сталъ тѣмъ, что онъ есть теперь (дубъ, лилія). Этотъ рядъ преемственныхъ измѣненій мы назовемъ *родовымъ генезисомъ*, потому что черезъ нихъ происходитъ образованіе рода. Но кромѣ этого генезиса растеніе нами наблюдаемое (этотъ единичный дубъ, эта единичная лилія) имѣетъ еще другой генезисъ: это рядъ преемственныхъ измѣненій происходящихъ между моментомъ проростанія и моментомъ, когда растеніе уже сформировалось окончательно (когда оно вновь начинаетъ распадаться на свои потенціи); этотъ генезисъ мы назовемъ индивидуальнымъ, потому

что съ помощію его образуется индивидуумъ, какъ единичное недѣлимое въ родѣ. Въ разсматриваемой нами формѣ науки и должны быть раскрыты всѣ родовые и всѣ индивидуальные генезисы, имѣвшіе и имѣющіе мѣсто въ природѣ; или, что тоже, должно быть опредѣлено происхожденіе всѣхъ родовъ въ существующемъ, и образованіе индивидуумовъ въ каждомъ происшедшемъ родѣ.

Согласно съ дѣленіемъ силъ природы или начала движущаго можетъ быть раздѣлено и начало пассивное или движимое на вещество, тѣла, организмы, духъ и производимое духомъ; и, слѣдовательно, настоящее ученіе распадется на ученіе о происхожденіи вещества, на ученіе о происхожденіи тѣлъ, на ученіе о происхожденіи организмовъ, на ученіе о происхожденіи духа, и на ученіе о происхожденіи жизни исторической и отдѣльныхъ формъ, изъ которыхъ она слагается (государство, искусство и пр.).

c. Ученіе о модусахъ соединенія и разъединенія началъ пассивнаго и дѣятельнаго въ Космосѣ должно опредѣлить всѣ виды *начатія* измѣняющихъ процессовъ и всѣ виды ихъ *окончанія*. Въ этомъ ученіи должно быть открыто и изучено многое такое, надъ чѣмъ никогда еще повидимому не задумывался человѣкъ: напр. что именно происходитъ въ первый моментъ когда дерево начинаетъ расти (сущность соединенія обоихъ началъ), и что именно происходитъ когда оно перестаетъ расти (сущность момента разъединенія обоихъ началъ).

d) *Ученіе о явленіяхъ и процессахъ въ Космосѣ* имѣетъ своимъ предметомъ не измѣняющіяся вещи, но измѣненія въ вещахъ; основной вопросъ на который оно отвѣчаетъ — не то, какъ произошла наблюдаемая природа въ своемъ разнообразіи, но что именно совершилось, когда происходила она? Главный интересъ здѣсь сосредоточивается не на измѣняющемся въ генезисѣ но на самомъ генезисѣ, какъ процессѣ или явленіи, и на разнообразныхъ формахъ его.

Въ общемъ ученіи о генезисѣ установлены были только

самыя общія изъ этихъ формъ: явленіе, процессъ и виды послѣдняго — процессъ замкнутый, раскрывающійся и сомкнутый; здѣсь же явленіе и процессъ должны быть изучены во всѣхъ своихъ подробностяхъ и различіяхъ. Такъ, напр. движеніе — одинъ изъ видовъ процесса — по характеру движущагося можетъ быть массовое и молекулярное, по своей формѣ — прямолинейное, колебательное, вращательное, и послѣднее еще можетъ имѣть столько формъ, сколько формъ имѣетъ кривая линія: эллиптическое, параболическое, гиперболическое, спиральное и безчисленное множество другихъ. Каждое изъ такихъ движеній можетъ имѣть свой законъ и свою если не особую силу, то особенное приложеніе силы къ началу пассивному. Еще гораздо болѣе разнообразны, чѣмъ формы механическаго движенія, должны быть формы процессовъ напр. раскрывающихся.

е) *Ученіе о вещахъ какъ результатахъ генезиса* въ Космосѣ есть ученіе о формахъ происшедшаго и установившагося въ немъ. Это происшедшее и установившееся прежде всего подвергается здѣсь классификаціи, и затѣмъ классифицированное подвергается описанію. Согласно съ приведеннымъ выше дѣленіемъ начала дѣятельнаго въ природѣ, и то что произведено имъ можетъ быть сгруппировано въ слѣдующіе большіе отдѣлы, подлежащіе дальнѣйшему дробленію и описанію въ настоящей формѣ науки: во 1-хъ, элементы вещества и ихъ соединенія — то, что мы назвали бы «тѣлами»; во 2-хъ, царство минераловъ; въ 3-хъ, царство организмовъ, какъ растительныхъ такъ и животныхъ; въ 4-хъ, духъ и его формы — разумъ, чувство, воля; въ 5-хъ, сотворенное духомъ, каковы нравственныя и религіозныя ученія, произведенія искусствъ, философія, науки, государство въ его многоразличныхъ формахъ и прочее другое. Будучи склассифицировано — все это должно быть подвержено изученію именно какъ происшедшее, то есть особенно въ отношеніи къ генезису: *что* въ каждомъ описанномъ (напр. въ организмѣ тотъ или другой органъ или ткань) *какимъ путемъ* произошло.

XII. Ученіе о генезисѣ Космоса распадается на тѣ же формы, какъ и ученія о генезисѣ вообще и о генезисѣ вещей въ космосѣ; только содержаніемъ здѣсь служитъ не отвлеченная идея генезиса, и объектомъ — не генезисъ отдѣльныхъ предметовъ и явленій, но генезисъ самого міра, въ которомъ заключены эти вещи и совершаются эти явленія — *его* происхожденіе, *его* развитіе, и та конечная форма, къ которой направляется послѣднее. Подчиняясь закону всего изучаемаго, и этотъ генезисъ познается — во-первыхъ, въ формѣ своего существованія, гдѣ изслѣдуется и разрѣшается вопросъ, вѣчно ли развивается и будетъ развиваться міръ, или его развитіе и въ прошедшемъ имѣло свое начало, и въ будущемъ получитъ свое завершеніе и окончаніе. Этотъ вопросъ тѣсно связанъ съ вопросомъ о томъ, принадлежитъ ли міровой генезисъ къ типу замкнутыхъ, раскрывающихся или сомкнутыхъ процессовъ, и съ помощью точнаго опредѣленія, къ которому изъ этихъ типовъ слѣдуетъ отнести его, можетъ быть разрѣшенъ. Во-вторыхъ, въ сущности своей, гдѣ должно быть опредѣлено и то, что такое этотъ генезисъ; и то, каково его строеніе, т. е. изъ какихъ преемственныхъ измѣненій онъ слагается; и каково взаимное соотношеніе формъ этихъ измѣненій, каждой предъидущей къ каждой послѣдующей. Здѣсь именно получаетъ разрѣшеніе и вопросъ о томъ, къ которому изъ трехъ основныхъ типовъ процесса принадлежитъ генезисъ, въ которомъ измѣняется міръ. Въ-третьихъ, въ основномъ аттрибутѣ своемъ — общей закономѣрности, гдѣ познается верховный законъ, который проявляется въ міровомъ развитіи. Пониманіе этого закона двигаясь по схемамъ разума должно дать изъ себя рядъ новыхъ ученій, обнимающихъ отдѣльныя стороны понимаемаго. Въ-четвертыхъ, въ своемъ происхожденіи и причинѣ, гдѣ познается сила, движущая міровымъ развитіемъ, и форма соединенія ея съ космосомъ — внѣ ли его она находится, или въ немъ самомъ; и необходимо ли она соединена съ нимъ, или же временно и не безусловно. Въ-пятыхъ, въ своей цѣли гдѣ познается

та конечная форма, къ осуществленію которой направляется міръ въ своемъ развитіи. Эта конечная форма можетъ быть опредѣлена изъ тѣхъ элементовъ міроваго генезиса, которые уже минули въ прошедшемъ и которые еще проходятъ въ настоящемъ; потому что въ этихъ элементахъ уже потенціально предустановлена эта конечная форма, и послѣднюю можно раскрыть умозрѣніемъ, зная строеніе процесса, его направленіе и общій типъ, къ осуществленію котораго стремятся изученныя элементы.

Въ заключеніе ученія о генезисѣ должно быть раскрыто ученіе о времени, какъ о началѣ въ которомъ движется всякій генезисъ; такъ какъ сущность генезиса есть смѣна существованій, а всякая смѣна существованій происходитъ во времени. Въ этомъ ученіи должно быть установлено опредѣленіе времени, раскрывающее его сущность; опредѣлены его свойства — напр. тожество во всѣхъ элементахъ, вѣчная текучесть, неизмѣняемость и пр.; далѣе, должно быть указано его происхожденіе или доказана его безначальность; его назначеніе; и наконецъ, его отношеніе къ существующему и къ отдѣльнымъ сторонамъ послѣдняго.

ГЛАВА VII.

Ученіе о Космосѣ и его формы: о сущности.

I. Ученіе о сущности и его составъ. *Общая теорія* и двойная задача ея: опредѣленіе, что такое сущность; и опредѣленіе, въ какихъ отношеніяхъ она находится къ другимъ сторонамъ бытія. — II. О природѣ сущности; сущность не есть одно во всемъ; различному присущи различныя сущности, но не различно относящіяся къ тому, въ чемъ онѣ пребываютъ какъ сущности; это постоянное отношеніе есть признакъ, по которому распознаются сущности; опредѣленіе этого отношенія. Характеръ отношенія къ сущности того, что есть въ вещахъ кромѣ сущности; опредѣленіе ея какъ основы всего въ пребывающемъ и происходящемъ, и какъ источника самопребыванія всего. Опредѣленіе, что́ служитъ сущностью въ пребывающемъ и въ совершающемся; составъ и строеніе, какъ сущность вещей; строеніе измѣненія и строеніе процесса, какъ сущность явленій; процессъ совершенія и расположеніе процесса. Планомѣрно расположенное вещество, и планомѣрно расположенное измѣненіе — какъ основа, общая для всего мірозданія. — III. О формѣ существованія сущности — безотносительной, и въ отношеніи къ вещи въ которой пребываетъ сущность; вѣчность скрытаго и временность обнаруженнаго пребыванія сущностей. — IV. Свойства сущности — основныя и опредѣляющія; признакъ по которому распознаются сущности, и методъ открытія ея въ вещахъ и въ явленіяхъ основанный на этомъ признакѣ. — V. О происхожденіи и назначеніи сущностей; тожество сущностей со своими причинами и цѣлями; вліяніе этого факта на единство въ строеніи природы и на постоянство въ развитіи ея. — VI. О сходствѣ и различіи сущности съ другими сторонами бытія, и о количественной сторонѣ въ сущностяхъ. — VII. Объ отношеніи сущности къ существованію; элементы, соединяемые этимъ отношеніемъ; пространство, какъ болѣе связующее звено между ними; овеществленіе формъ пространства, какъ способъ соединенія двухъ первыхъ сторонъ бытія; взаимная обусловленность этихъ двухъ сторонъ. — VIII. Объ отношеніи сущности къ свойствамъ; свойства истекающія изъ сущности и воспринимаемыя ею; первыя въ вещахъ суть свойства состава или свойства строенія, а въ явленіяхъ суть свойства элемента измѣненія или процесса. — IX. Объ отношеніи сущности къ причинѣ и къ цѣли. Объ отношеніи сущности къ сходству и различію; она есть источникъ родовыхъ сходствъ и различій, но не видовыхъ и не индивидуальныхъ. Объ отношеніи сущностей къ числу. — X. *Ученіе о сущности вещей въ космосѣ*, и его вѣтви: ученіе о природѣ существующаго и ученіе о природѣ совершающагося. Двѣ формы перваго ученія: ученіе о природѣ вещей физическихъ и ученіе о природѣ вещей психическихъ. Составъ ученія о природѣ физическихъ вещей: ученіе о матеріи, ученіе о формѣ, ученіе о взаимодѣйствіи между матеріею и формою, ученіе о природѣ тѣлъ

неорганическихъ и ученіе о природѣ организмовъ. Внутреннее строеніе первыхъ трехъ ученій. — XI. Общія замѣчанія о матеріи; почему нельзя ее опредѣлять, какъ «начало протяженное»; пассивность матеріи; ея сопротивленіе всему дѣятельному; ея противоположность формѣ; форма утрачиваетъ свою чистоту соединяясь съ матеріей, матерія сопротивляется вступленію въ нее формы и стремится освободиться отъ нея. — XII. Ученіе о пространствѣ, какъ мѣрѣ матеріи и вмѣстилищѣ формъ; противоположность и соотношеніе между пространствомъ и временемъ; отношеніе ихъ къ міру реальному: пространство какъ координата бытія, время какъ координата измѣненія; отношеніе времени къ существованію: оно все уходитъ въ прошедшее и въ будущее, и само не имѣя настоящаго — есть однако условіе дѣйствительности всего въ настоящемъ; отношеніе пространства и времени къ протяженности и измѣненію; не суть ли первыя только созданія вторыхъ, или же они дѣйствительнѣе и первоначальнѣе ихъ; безграничность пространства и нескончаемость времени.— XIII. Составъ ученій о природѣ вещей неорганическихъ и органическихъ.— XIV. Организмъ и жизнь, какъ объектъ общаго ученія о природѣ органическихъ вещей; невозможность объяснить ихъ изъ нихъ самихъ; цѣлесообразность, какъ объясняющее третье, скрытое за явленіями жизни и строеніемъ организмовъ. Понятіе объ органѣ, какъ цѣлесообразно устроенной части цѣлаго; понятіе объ организмѣ, какъ цѣломъ, всѣ части котораго цѣлесообразно соединены; опредѣленіе перваго и втораго. Понятіе о жизни; она присуща только организованнымъ существамъ; она слагается изъ жизни органовъ; эта послѣдняя есть выполненіе органами тѣхъ цѣлей, къ которымъ они предназначены своимъ строеніемъ; опредѣленіе жизни. Непреодолимыя затрудненія, встрѣчаемыя теоріею причиннаго развитія органическаго міра въ понятіи причинности; правильность расположенія въ органическомъ мірѣ, требующая правильнаго расположенія въ причинахъ, произведшихъ его; послѣдовательное развитіе органическаго міра, требующее послѣдовательнаго перемѣщенія своихъ причинъ; эти причины, оставаясь механическими силами и законами природы, должны были нѣкогда перерождаться, т. е. исчезая, переходить въ высшія и высшія формы.—XV. Правильность въ расположеніи органическаго міра и послѣдовательность въ развитіи его, какъ естественное слѣдствіе вложенной въ него цѣлесообразности; какимъ образомъ простое можетъ выполнить сложную цѣль; распаденіе его, какъ цѣлаго, на своеобразныя и цѣлесообразныя части; распаденіе органовъ, какъ многоцѣльныхъ частей, на новые органы; одноцѣльность органовъ, какъ моментъ, съ достиженіемъ котораго прекращается развитіе организма. Общій законъ развитія органическаго міра и единичныхъ организмовъ, его составляющихъ; три первыя положенія этого закона. — XVI. Модусы цѣлесообразной дѣятельности и связь ихъ съ формами органовъ и организмовъ; четвертое положеніе общаго закона развитія органическаго міра. Отношеніе одноцѣльной дѣятельности къ модусу, и ихъ обоихъ — къ понятію и представленіямъ, на которыя оно разлагается; пятое положеніе общаго закона развитія органическаго міра. Отношеніе сложной цѣли къ простымъ цѣлямъ есть отношеніе идеи къ своимъ терминамъ; протоорганизмъ и органическій міръ, какъ непрерывающійся носитель жизни; раскрытіе въ вещественѣ идеи жизни — какъ причина развитія органическаго міра, проявленіе въ вещественѣ формъ раскрывшейся идеи жизни — какъ причина строенія этого міра. Три основные момента въ развитіи органическихъ существъ: 1. распаденіе простаго организма на многоцѣльные органы; 2. распаденіе въ организмѣ многоцѣльныхъ органовъ на одноцѣльные; 3. распаденіе одноцѣльныхъ органовъ на разнообразныя формы по модусамъ цѣлесообразной дѣятельности. Четыре основные типа организмовъ: протоорганизмъ, классъ, родъ, видъ.— XVII. Двѣ частныя формы ученія

объ организмахъ: органическая химія и органологія, какъ наука о жизни и строеніи органовъ на всѣхъ ступеняхъ органическаго міра.—XVIII. Ученіе о природѣ существъ психическихъ; составъ и строеніе, какъ источникъ особенностей этихъ существъ. — XIX. Ученіе о сущности явленій; общая форма этого ученія и его частныя формы; чему въ существующихъ наукахъ соотвѣтствуютъ послѣднія. — XX. *Ученіе о сущности космоса какъ цѣлаго.* Задачи этого ученія.

I. *Ученіе о сущности* — вторая изъ основныхъ формъ науки о Космосѣ — сообразно съ природою всѣхъ ихъ распадается на *Общую теорію*, и на два частныхъ ученія: на *Ученіе о природѣ вещей* въ космосѣ, и на *Ученіе о природѣ Космоса какъ цѣлаго.*

Общая теорія сущности имѣетъ предметомъ своимъ, во-первыхъ, опредѣленіе того, что такое сущность, и, во-вторыхъ, опредѣленіе того, въ какихъ отношеніяхъ находится эта основная сторона бытія къ другимъ сторонамъ его. Сообразно съ этою двойною задачею она распадается на два ряда ученій, изъ которыхъ каждый даетъ полный и законченный отвѣтъ на одинъ изъ поставленныхъ двухъ вопросовъ; оба же ряда образуютъ систему знаній, исчерпывающихъ все, что можетъ быть когда-либо узнано или сказано о сущности въ самой себѣ — безъ отношенія къ тому единичному, въ чемъ сущность. Эти ученія слѣдующія: въ первомъ ряду — *Ученіе о формѣ существованія сущности; Ученіе о природѣ сущности,* гдѣ должно быть дано ея опредѣленіе; *Ученіе о происхожденіи сущности; Ученіе о цѣли* (или слѣдствіи) *сущности; Ученіе о сходствѣ и различіи въ сущности* или о различныхъ видахъ ея; и *Ученіе о количественной сторонѣ* отдѣльныхъ сущностей, какъ независимыхъ одна отъ другой, такъ и соподчиненныхъ другъ другу. Во второмъ ряду: *Ученіе объ отношеніи сущности къ существованію; Ученіе объ отношеніи сущности къ аттрибуту; Ученіе объ отношеніи сущности къ причинѣ; Ученіе объ отношеніи сущности къ цѣли* (или къ слѣдствію); *Ученіе объ отношеніи сущности къ явленію сходствѣ и различіи* и *Ученіе объ отношеніи сущности къ числу.*

Сдѣлаемъ нѣсколько руководящихъ замѣчаній относительно каждой изъ этихъ формъ общаго ученія о сущности: причемъ порядокъ, въ которомъ мы будемъ раз-

сматривать ихъ, будетъ нѣсколько иной, чѣмъ тотъ, въ которомъ онѣ расположены выше — что не имѣетъ другой причины и цѣли, кромѣ удобствъ изложенія. Именно — форму существованія сущности мы разсмотримъ послѣ изслѣдованія ея природы, такъ какъ познаніе второй необходимо для опредѣленія первой.

II. Какъ кажется, ошибочно думаютъ тѣ, которые утверждаютъ, что сущность есть «одно во всемъ»; потому что, напр., сущность измѣненія не въ томъ состоитъ, въ чемъ состоитъ сущность вещи, а между тѣмъ и первое и вторая необходимо имѣютъ свою сущность; такъ же сущность цѣли отлична отъ сущности причины, или сущность существованія — отъ сущности аттрибута. Такимъ образомъ, кажется, не можетъ быть сомнѣнія, что различное имѣетъ различныя сущности; но между тѣмъ во всѣхъ этихъ различныхъ сущностяхъ должно быть нѣчто одно. что̀ узнавая — мы за однимъ признаемъ значеніе сущности, а относительно другаго — отрицаемъ что оно сущность, и въ чемъ, какъ это ясно, и заключается природа сущности.

Если мы внимательно всмотримся въ это одно, по которому распознаются въ различномъ различныя сущности, то мы увидимъ что оно состоитъ не въ чемъ либо въ самомъ себѣ заключенномъ, но въ *отношеніи* чего то *къ тому, въ чемъ оно заключено;* причемъ заключенное окажется различнымъ — въ одномъ одно, въ другомъ другое, а отношеніе его къ заключающему повсюду будетъ одно и тоже, неизмѣнно тожественное самому себѣ.

Это отношеніе, а черезъ него и природу сущности, можно выразить такимъ образомъ: *оно есть нѣчто такое, что опредѣляетъ то, въ чемъ оно есть — тѣмъ, что̀ оно есть.* Такимъ образомъ сущность препятствуетъ смѣшиваться вещамъ, она есть источникъ самобытія каждой изъ нихъ — то безъ чего ничто не могло бы существовать какъ таковое, но существовало бы какъ нѣчто другое имѣющее свою сущность. Такъ, напр., возьмемъ «измѣненіе» и «вещь». Первое состоитъ въ несохраненіи тожества, второе есть

пребывающее въ сторонахъ бытія своего. Отнимемъ у перваго его сущность, и мы увидимъ что оно тотчасъ перестанетъ быть самимъ собой и сольется съ другимъ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ «существующее» — измѣненіе войдетъ неразличимою частью въ міровое бытіе; какъ «не вѣчное» — оно сольется съ міромъ конечнаго бытія въ природѣ. Но бытіе, и притомъ бытіе частью не вѣчное, есть и вещь; слѣдовательно, измѣненіе не будетъ что либо отдѣльное отъ вещи, не будетъ уже болѣе «самобытіемъ».

Не трудно замѣтить, что именно вслѣдствіе неизмѣннаго постоянства этого отношенія сущности и бываютъ въ различномъ различныя. Потому что, еслибъ въ различномъ одно что либо было сущностью, то отношеніе этого «одного» къ заключающему необходимо было бы повсюду неодинаково; и какъ неодинаково относящуюся къ вещамъ — мы не имѣли бы возможности распознать, и не распознавали бы въ нихъ эту сущность ихъ.

Если, далѣе, мы перейдемъ къ характеру соединенія сущности со всѣмъ другимъ, что есть въ вещахъ кромѣ сущности и что дѣлаетъ, напр., измѣненіе одно такимъ, а другое другимъ, то мы увидимъ что это другое опирается на сущность какъ на свое основаніе, и зиждется на немъ какъ временное и не необходимое для вещи на постоянномъ въ ней и необходимомъ для нея. Такъ, изъ свойствъ одни вытекаютъ изъ сущности, какъ слѣдствія вытекаютъ изъ своей причины или какъ вѣтвь выростаетъ изъ ствола дерева, а другія восприняты на себя сущностью, какъ пятно воспринимается матеріею или пучекъ свѣта воспринимается твердою пластинкою. Но и тѣ и другія свойства не могутъ держаться сами собою и распались бы, еслибъ исчезла сущность, въ которой или на которой они пребываютъ. Также всякое данное измѣненіе могло бы быть и не такимъ каково оно есть, и произойти отъ другой причины, чѣмъ та отъ которой оно произошло; словомъ въ немъ все могло бы быть другое, а не то, что есть, и оно не исчезло бы отъ этого,

не перестало бы быть «измѣненіемъ», но пребыло бы самимъ собой, измѣненіемъ же, но только другимъ. Сущность же его не могла бы исчезнуть и стать другою, потому что тогда и самого «измѣненія» уже не было бы, а было бы нѣчто другое, напр. свойство, вещь, причина, бытіе, — словомъ все, но только не измѣненіе. Точно такъ же, когда что либо появляется вновь въ природѣ — будетъ ли то вещь, измѣненіе, аттрибутъ — всегда появляется именно сущность происходящаго сопровождаемая свойствами и прочимъ, а не свойства и прочее сопровождаемое сущностью. Словомъ, съ какихъ бы различныхъ точекъ ни разсматривали мы природу, въ какіе бы различные моменты ни старались ее уловить, повсюду и постоянно мы будемъ убѣждаться что есть во всемъ, изъ чего сложена природа, нѣчто изъ чего по преимуществу состоитъ оно, и на чемъ держится все другое въ природѣ.

Все сказанное позволяетъ намъ дать второе, уже болѣе полное опредѣленіе сущности: «*сущность есть основа всего въ пребывающемъ и происходящемъ и источникъ самопребыванія его*», или, что тоже, она есть основа на которой держится бытіе, и источникъ откуда истекаетъ самобытіе. Это нужно понимать въ томъ смыслѣ, что безъ сущности невозможно и немыслимо было бы ни существованіе чего либо въ вещахъ; ни самостоятельность, индивидуализмъ въ существующемъ.

Если, наконецъ, мы разсмотримъ, что́ такое это другое держащееся на сущности, и опредѣлимъ, что́ такое она сама въ отношеніи къ этому другому, то мы увидимъ что сущность составляетъ первую сторону въ бытіи соотвѣтствующую первой схемѣ разума, а онѣ — остальныя стороны его соотвѣтствующія остальнымъ схемамъ познающаго начала въ человѣческомъ духѣ: не вообще что нибудь держится на сущности, но аттрибуты; не вообще что нибудь происходитъ, но именно сущность; не вообще что нибудь производитъ слѣдствія, но эта же сущность, и т. д. Словомъ, свойства суть всегда свойства сущности,

слѣдствія всегда суть слѣдствія сущности, причина всегда есть причина сущности, сходство и различіе съ чѣмъ либо всегда имѣетъ сущность, въ численныя отношенія всегда вступаетъ сущность же. И этому не противорѣчитъ то, что и аттрибуты, напр., имѣютъ свою причину; потому что и въ аттрибутѣ есть своя сущность, и когда происходитъ аттрибутъ, то происходитъ именно эта сущность аттрибута. Напр., бѣлизна есть аттрибутъ, сущность котораго состоитъ въ полной отражаемости солнечнаго луча отъ чего либо, и когда становится бѣлымъ что либо (появляется свойство бѣлизны), то начинается именно полное отраженіе свѣта отъ того, въ чемъ появляется это свойство.

Это разсужденіе приводитъ насъ къ третьему и уже послѣднему опредѣленію сущности: «*сущность есть первая сторона бытія, соотвѣтствующая первой схемѣ разума; дѣлающая бытіе тѣмъ что оно есть, и служащая опорою для другихъ сторонъ бытія дѣлающихъ его такимъ какова оно есть*», — гдѣ слово «такой» указываетъ не на свойства только, но и на причины, цѣли, слѣдствія и прочее въ существующемъ и совершающемся.

Опредѣливъ, такимъ образомъ, сущность, какъ основу бытія и самостоятельности вещей, мы можемъ перейти къ вопросу о томъ, что именно бываетъ этою основою въ различныхъ вещахъ.

То что дѣлаетъ то, въ чемъ оно есть, тѣмъ, что́ оно есть, различно въ существующемъ и въ совершающемся. Въ существующемъ все обусловливается и опредѣляется въ своемъ бытіи и въ своей самостоятельности, во-первыхъ, тѣмъ, изъ чего оно состоитъ, и, во-вторыхъ, тѣмъ, какъ расположено въ немъ то, изъ чего оно состоитъ. Первое есть начало образующее вещь, и мы назовемъ его *составомъ*; второе есть образъ вещи, и мы назовемъ его *строеніемъ*. И въ самомъ дѣлѣ, что составъ и строеніе есть сущность всего существующаго, это ясно изъ того что части его, т. е. отдѣльныя существующія вещи, сложись бы въ одно, еслибъ онѣ или состояли изъ одного,

или еслибъ имѣли бы одинаковое строеніе. Напр., идеи предметовъ не были бы различимы отъ самыхъ предметовъ, еслибъ первыя и вторые не состояли изъ различнаго — одни изъ вещества, другія изъ духа. Также еслибъ и строеніе не составляло сущности, тогда отдѣльные реальные предметы состоя изъ одного и того же вещества не имѣли бы отдѣльнаго существованія, но слились бы въ однородную массу. Съ другой стороны, въ какихъ бы различныхъ мѣстахъ, въ какое бы различное время, отъ какихъ бы различныхъ причинъ и съ какими бы различными цѣлями ни происходили вещи — всякій разъ когда въ двухъ изъ нихъ мы замѣтимъ одинъ и тотъ же составъ и одно и то же строеніе мы признаемъ ихъ одною и тою же вещью. Такъ теорема Пиѳагора и для Пиѳагора, и для насъ есть одно и то же, такъ пшеница временъ Фараоновъ и наша пшеница есть одна и та же пшеница. Въ совершающемся же сущность составляетъ, во-первыхъ, то, что происходитъ въ каждомъ отдѣльномъ измѣненіи, и, во-вторыхъ, порядокъ, въ которомъ соединены между собою всѣ отдѣльныя измѣненія. Первое назовемъ *строеніемъ измѣненія*, второе назовемъ *строеніемъ процесса*, какъ цѣлаго, слагающагося изъ отдѣльныхъ измѣненій какъ изъ элементовъ своихъ. Строеніе процесса распадается еще иногда на строеніе во времени, или собственно *процессъ совершенія;* и на строеніе въ пространствѣ, или на *расположеніе процесса.* Такъ, напр., сущность образованія животнаго въ яйцѣ матери состоитъ во-первыхъ въ элементѣ измѣненія, т. е. въ томъ, что́ совершается съ каждой отдѣльной частицею яйца въ каждый отдѣльный моментъ времени; во-вторыхъ — въ томъ цѣломъ процессѣ или рядѣ измѣненій, черезъ который проходитъ такая частица отъ момента зачатія животнаго до момента полнаго образованія его, и въ-третьихъ, наконецъ — въ томъ сложномъ планѣ, слѣдуя которому отдѣльныя частицы движутся въ яицѣ по различнымъ направленіямъ.

Итакъ сущность пребывающаго лежитъ въ устроенномъ, т. е. планомѣрно расположенномъ началѣ — будетъ ли то

вещество или духъ, безразлично; а сущность совершающагося лежитъ въ устроенномъ, т. е. планомѣрно расположенномъ, процессѣ. Такимъ образомъ и здѣсь, и тамъ строеніе одинаково входитъ въ сущность, и, слѣдовательно, оно существенно для всего бытія; но то, во что входитъ это строеніе, различно въ существующемъ и совершающемся: въ первомъ оно неподвижно, во второмъ оно движется; отсюда — устроенное существующее и устроенное совершающееся, *форма* и *процессъ*, какъ двѣ первичныя основы всего мірозданія, на которыхъ все держится и изъ которыхъ все истекаетъ въ немъ.

III. Форма существованія сущности должна быть опредѣлена двояко: въ отношеніи къ тому, въ чемъ пребываетъ она (сущность) или къ вещи; и безотносительно. Безотносительно каждая сущность пребываетъ вѣчно въ скрытомъ состояніи и временно въ состояніи обнаруженномъ; съ вещью же, ее заключающей, она одновременна, т. е. вещь пребываетъ пока пребываетъ ея сущность, и сущность пребываетъ пока пребываетъ вещь. Если разсматривать оба эти существованія въ связи, то не трудно замѣтить, что существованіе сущности въ вещи совпадаетъ съ обнаруженнымъ безотносительнымъ существованіемъ ея.

Справедливость сказаннаго объ относительномъ существованіи сущности вытекаетъ изъ опредѣленія ея, а справедливость сказаннаго объ абсолютномъ существованіи ея вытекаетъ изъ опредѣленія того, что́ именно бываетъ сущностью въ вещахъ и въ измѣненіяхъ. И въ самомъ дѣлѣ, если сущность есть основа бытія и самобытія вещи, то ясно что пока существуетъ она — существуетъ опираясь на нее и все другое въ вещи, а съ тѣмъ бываетъ и сама вещь какъ синтезъ сторонъ своихъ; когда же исчезаетъ сущность — исчезаетъ разсѣиваясь и все, что держалось на ней, т. е. свойства, причина, цѣль и прочее, а съ ними и вещь, изъ нихъ слагавшаяся. Наоборотъ, когда существуетъ вещь, какъ самостоятельное бытіе — ясно, что въ ней пребываетъ и ея сущность;

такъ какъ, по опредѣленію, только она, эта сущность сообщаетъ всему самобытіе, и безъ нея нѣтъ индивидуализма, неслиянности въ вещахъ; но и кромѣ этого — вещь пребывая необходимо имѣетъ и свойства какія нибудь, и причину и цѣль и все прочее, а это можетъ въ свою очередь пребывать, только опираясь на сущность. Итакъ очевидно что если есть вещь, то есть въ ней и сущность; и наоборотъ если есть сущность вещи, то есть и самая вещь, и притомъ, каждая изъ нихъ существуетъ на протяженіи всего того времени, пока существуетъ другая.

Что касается до абсолютнаго существованія разсматриваемой стороны бытія, то, какъ уже сказано, вѣчность потенціальнаго и временность реальнаго пребыванія ея обусловлено тѣмъ, что̀ является сущностью въ пребывающемъ и въ совершающемся. И въ самомъ дѣлѣ, въ пребывающемъ сущностью бываетъ, во-первыхъ, то, изъ чего состоитъ оно, и, во-вторыхъ, строеніе этого послѣдняго. Но то, изъ чего состоитъ пребывающее, не можетъ ни происходить, ни уничтожаться; потому что это есть не какая либо форма вещества и не какая либо форма духа которая происходитъ, преобразуется и исчезаетъ — но самое вещество и самый духъ которые неизмѣнно входятъ во всѣ формы, но не возникаютъ въ нихъ и не исчезаютъ съ ними; такъ какъ возникновеніе и исчезновеніе чуждо первоначальной и простой природѣ ихъ — не изъ чего имъ возникать и не во что имъ преобразовываться, а появляться изъ ничего и обращаться въ ничто — ничто не можетъ. Равнымъ образомъ и строеніе, какъ сочетаніе извѣстныхъ формъ, равносущно съ пространствомъ и такъ же первоначально и не уничтожимо, какъ и оно. Отсюда ясно, что соединеніе именно *этого* вещества или духа именно съ *этими* формами, изъ чего слагается сущность *этой вещи*, вѣчно предуготовлено было въ веществѣ (или въ духѣ) и въ пространствѣ съ его формами, и только временно проявилось здѣсь, въ этой возникшей и могущей исчезнуть вещи.

Въ совершающемся же сущностью бываетъ, во-первыхъ, то, изъ чего состоитъ каждый элементъ измѣненія и что такъ соотвѣтствуетъ матеріи вещества и духа въ пребывающемъ, и, во-вторыхъ, процессъ, который соотвѣтствуетъ въ пребывающемъ строенію. Что касается до элемента измѣненія, то имъ бываетъ всегда движеніе, такъ какъ измѣненіе состоитъ въ соединеніи и раздѣленіи, а все и соединяясь сближается т. е. движется, и раздѣляясь удаляется т. е. также движется. Но сумма движенія въ природѣ не измѣняется, и причина этого та же, что и въ постоянствѣ количества вещества: именно — не во что переходить движенію и не чему переходить въ движеніе, кромѣ движенія же; оно просто и первоначально, и потому ничто не можетъ слагаться въ него и оно не можетъ ни во что разлагаться. Но если сумма движенія постоянна въ природѣ, то, слѣд., и каждое *это* движеніе, составляющее сущность *этого* происходящаго, появилось не теперь только, но и всегда было, пребывая лишь въ другое время и въ другомъ мѣстѣ. Что же касается до процесса, то, слагаясь изъ движеній какъ элементовъ своихъ онъ представляетъ собою только рядъ формъ этихъ соединенныхъ моментовъ, и этотъ рядъ формъ былъ вѣчно предустановленъ въ сочетающемся между собою пространствѣ и времени, въ каждой части которыхъ, какъ уже доказано было выше, заключены всѣ формы, какъ дѣйствительныя, такъ и возможныя. При этомъ сочетаніе формъ во времени составляетъ процессъ совершенія, а сочетаніе формъ въ пространствѣ образуетъ то, что мы назвали расположеніемъ процесса.

IV. Въ ученіи о свойствахъ сущности должны быть выдѣлены и всесторонне поняты какъ основныя изъ нихъ, вытекающія изъ самой природы сущности; такъ и тѣ, съ помощью которыхъ можно было бы отличать эту сторону бытія отъ всѣхъ другихъ (признаки). И первыя, и вторыя свойства могутъ быть выведены умозрительно изъ опредѣленія сущности. Такъ изъ понятія о ней, какъ осно̀вѣ бытія и самобытія существующаго и совершающа-

гося, вытекаетъ слѣдствіе, что разъ она отнята въ чемъ либо — лишившееся ея утрачиваетъ свою индивидуальность и сливается въ одно съ другимъ, отъ него отличнымъ. А это можетъ служить опредѣляющимъ признакомъ при распознаваніи сущности: *все, что можно удалить изъ существующаго или совершающагося или что можно измѣнить въ немъ не уничтожая его самобытія, не есть сущность этого существующаго и совершающагося.* Природою этого признака опредѣляется и методъ распознаванія сущности: онъ состоитъ *въ наблюденіи, что именно въ томъ, сущность чего требуется опредѣлить, можно выдѣлить безъ нарушенія самобытія наблюдаемаго.* Точно также изъ понятія о сущности, какъ основѣ самобытія, могутъ быть умозрительно выведены основныя свойства ея: сохраняемость, какъ неспособность утрачивать въ себѣ что либо и воспринимать въ себя что либо; неизмѣняемость, какъ неспособность измѣнять свои аттрибуты и пр.

V. Относительно причины или происхожденія сущностей уже выше замѣчено было, что онѣ не происходятъ, но проявляются; т. е. онѣ не создаются своими причинами, но высвобождаются изъ нихъ, какъ заключенное изъ заключавшаго, какъ скрытое и затѣмъ обнаруженное. Слѣдовательно, причина каждой вещи и каждаго явленія есть она же сама, но только въ другомъ мѣстѣ и въ другое время пребывавшая; и окруженная сторонами бытія хотя и тѣми же по своей природѣ, т. е. происхожденіемъ же, цѣлью, свойствами и прочимъ — но уже другими по своимъ наружнымъ чертамъ, т. е. другими свойствами, другою причиною, другою цѣлью и пр. Такъ, напр., въ теплотѣ, причинѣ движенія, уже заключено движеніе; но только внѣшніе признаки, подъ которыми мы знаемъ теплоту — другіе, чѣмъ тѣ, подъ которыми мы знаемъ движеніе.

Изъ того же понятія о природѣ сущности, изъ котораго выводится тожество ея со своею причиною, вытекаетъ и тожество сущности со своею цѣлью. И въ самомъ дѣлѣ, какъ ни во что не переходящая — она не можетъ уничтожиться, но только перемѣнивъ мѣсто и

время своего пребыванія можетъ явиться въ новомъ видѣ, окруженная другими, отъ прежнихъ отличными, сторонами бытія. То-есть въ воспроизводимомъ сущностью не появляется новая сущность, но въ него перемѣщается сущность произведшаго. Это значитъ, что сущность не имѣетъ никакой внѣшней цѣли. Она пребываетъ не только въ самой себѣ неизмѣнно, но и для самой себя.

Если мы вдумаемся глубже въ это вѣчное пребываніе сущностей, безпричинное и безцѣльное, то замѣтимъ въ немъ глубокій смыслъ, и передъ нами раскроется великая причина этой «безпричинности» и великая цѣль этой «безцѣльности». И въ самомъ дѣлѣ, только при этомъ условіи «существованія ни почему и ни для чего», или что тоже «для себя и черезъ себя» — стала возможною непреходимость нѣкоторыхъ вещей среди непрерывно возрождающагося и погибающаго въ Космосѣ, только черезъ это величайшее разнообразіе бытія проникло связующимъ единствомъ. Безъ этого условія міръ разбился бы на части, безъ гармоніи и порядка — между тѣмъ какъ теперь въ разбѣгающихся и ускользающихъ формахъ своихъ онъ проявляетъ только разнообразіе и красоту цѣльнаго и вѣчнаго.

VI. Разсмотримъ теперь, что должно быть опредѣлено въ ученіи о сходствѣ и различіи сущности. Такъ какъ въ общей теоріи сущност разсматривается не природа чего либо индивидуальнаго, но природа какъ источникъ индивидуальности всего, то ясно что въ ученіи о сходствѣ и различіи она (сущность) можетъ быть сравниваема только съ другими сторонами бытія. Итакъ, здѣсь должно быть опредѣлено сходство и различіе сущности съ существованіемъ, съ свойствомъ, съ причиною, съ цѣлью, съ отношеніемъ и съ числомъ.

Наконецъ, въ ученіи о количественной сторонѣ сущностей долженъ быть разсмотрѣнъ и разрѣшенъ вопросъ, есть ли только отдѣльныя, не связанныя между собою, сущности, какъ причины индивидуализма отдѣльныхъ порядковъ вещей и явленій: или же эти сущности соеди-

нены между собою въ одно нѣкоторыми высшими сущностями заключенными въ нихъ, а эти послѣднія — другими еще болѣе высшими, и т. д. до единой міровой сущности, живущей и проявляющейся во всемъ Космосѣ.

VII. Изучивъ такимъ образомъ сущность во всѣхъ сторонахъ ея, по всѣмъ схемамъ разума, слѣдуетъ затѣмъ перейти къ изученію отношеній ея къ другимъ сторонамъ бытія, къ характеру ихъ взаимнаго соединенія и зависимости въ вещахъ и въ явленіяхъ. Это изученіе даетъ начало ряду новыхъ формъ пониманія.

Изучая отношеніе сущности къ существованію слѣдуетъ разсмотрѣть, *что́* именно *соединено* изучаемымъ отношеніемъ, *что соединяетъ* члены этого отношенія, *способъ* ихъ *соединенія* и, наконецъ, *взаимная обусловленность* соединенныхъ членовъ. Когда будетъ найдено разрѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ, тогда понятно станетъ и сочетаніе въ бытіи этихъ двухъ основныхъ сторонъ его — сущности и существованія.

Чтобы отвѣтить на нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ, разложимъ предварительно то, что соединяется этимъ отношеніемъ, на простѣйшіе элементы, и посмотримъ, нѣтъ ли между ними такого, который повторялся бы во всемъ соединяемомъ.

По опредѣленіямъ, сдѣланнымъ ранѣе, существованіе есть соприкосновеніе съ *пространствомъ*, а сущность есть въ пребывающемъ планомѣрно расположенное вещество, и въ совершающемся — планомѣрно расположенный процессъ. Но вещество всегда есть или нѣчто замѣщающее *пространство* — таково вещество матеріальное, оказывающее сопротивленіе движущемуся — когда спокойно, и оказывающее давленіе на спокойное — когда движется; или же нѣчто только пребывающее въ *пространствѣ*, — таково начало психическое. Планомѣрность же расположенія вещества или его строеніе состоитъ въ присоединеніи къ веществу какой либо формы, а о всѣхъ формахъ было сказано что онѣ суть очертанія *пространства* вѣчно и невидимо пребывающія въ каждой частицѣ его. Что же касается до

планомѣрно расположеннаго процесса, то состоитъ онъ также, во-первыхъ, изъ строенія т. е. формъ, и, во-вторыхъ, изъ движенія по этимъ формамъ. Но движеніе въ своемъ чистомъ видѣ, т. е. если выдѣлить изъ него движущееся вещество, есть соединеніе *пространства* и времени. И въ самомъ дѣлѣ, если мы всмотримся глубже въ движеніе какого либо предмета, то передъ нашимъ умственнымъ взоромъ каждое поступательное перемѣщеніе его разложится, во-первыхъ, на вещество, которое движется, и, во-вторыхъ, на самое движеніе, въ его безпримѣсномъ видѣ; а послѣднее, въ свою очередь, состоитъ въ томъ, что движущееся въ концѣ движенія пребываетъ уже *не тамъ* гдѣ было въ началѣ движенія, и *не тогда* когда пребывало въ немъ. И такъ-какъ каждое отдѣльное перемѣщеніе, которое мы такимъ образомъ разсмотримъ разлагая, произвольно мало; то, слѣдовательно, изъ этого «не тамъ» и «не тогда» состоитъ всякій элементъ движенія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и всякое движеніе въ природѣ и все движеніе въ ней. Двигаясь, предметъ какъ бы вбираетъ пространство передъ нимъ лежащее, и время за началомъ движенія слѣдующее, и сочетая преобразуетъ ихъ въ нѣчто новое и однородное, что мы называемъ движеніемъ, — подобно тому какъ вращаясь между двумя прядями льна пальцъ сплетаетъ ихъ въ одну веревку, изъ нихъ состоящую, хотя на нихъ и не похожую. Такимъ образомъ, всякое происшедшее движеніе есть соединенное пространство и время, а пространство и время есть разложившееся на свои начала движеніе. Все приведенное разсужденіе подтверждается еще и слѣдующимъ соображеніемъ: если бы возможно было отнять въ движеніи время, заставивъ движущійся предметъ пройти свой путь мгновенно, такъ чтобы начало его движенія совпало съ концомъ — то получилось бы одно пространство (пройденный путь); если бы возможно было отнять въ движеніи пространство, заставивъ предметъ двигаться не измѣняя своего мѣстоположенія — то получилось бы одно время. И ничего, кромѣ времени и пространства — нѣтъ въ дви

женій; и не возможно соединить ихъ иначе, какъ произведя движеніи. Оно одинаково нуждается въ пространствѣ и времени и ни въ чемъ, кромѣ нихъ, не имѣетъ необходимости. Это можетъ быть провѣрено даже опытомъ: если мы устремимъ свой взглядъ въ какую либо точку пространства и станемъ затѣмъ передвигать его, то въ чистое и нематеріальное движеніе точки, на которую устремленъ глазъ нашъ, будетъ входить чистое пространство и чистое время.

Изъ сдѣланнаго перечисленія началъ, на которыя разлагается существованіе и сущность, видно, что въ каждое изъ этихъ началъ входитъ, какъ составная часть, пространство. Отсюда можно заключить, что оно именно есть тотъ скрѣпляющій элементъ, который соединяетъ въ бытіи двѣ основныя стороны его: существованіе и сущность.

Нашедши такимъ образомъ и скрѣпленное и скрѣпляющее въ существованіи и сущности, нужно еще раскрыть способъ, которымъ произведено скрѣпленіе. Этотъ способъ состоитъ, какъ кажется, въ овеществленіи формъ пространства черезъ соприкосновеніе съ нимъ реальнаго (видимаго), при чемъ въ формахъ этихъ устанавливается неподвижность и вѣчность, о которой трудно сказать, происходитъ ли она отъ нѣкоторыхъ условій, лежащихъ въ самыхъ этихъ формахъ, или отъ особенностей вещества, которое наполняетъ ихъ, или отъ взаимодѣйствія именно этихъ наполненныхъ формъ съ этимъ именно наполнившимъ веществомъ. Ясно только, что эта устойчивость и неподвижность овеществленныхъ формъ необходима для произведенія сущности, потому что измѣнчивое и непостоянное не могло бы стать никогда основою самобытія вещей и явленій.

Что касается до взаимной обусловленности обѣихъ разсматриваемыхъ сторонъ, то существованіе первоначальнѣе, чѣмъ сущность, и обширнѣе, чѣмъ она. Справедливость этого становится ясна для разума, съ вниманіемъ углубляющагося въ анализъ существованія. Мы уже не будемъ

теперь останавливаться на этомъ, потому что все, что могли сказать о первой сторонѣ бытія, уже сказали выше при разсмотрѣніи формъ науки о ней.

VIII. Переходимъ къ разсмотрѣнію соединенія сущности съ другими сторонами бытія и прежде всего — со свойствами. По отношенію къ однимъ изъ нихъ сущность есть то, *изъ чего истекаютъ* они, а по отношенію къ другимъ она есть то, *что восприняло* ихъ на себя извнѣ, и на чемъ пребываютъ они запечатлѣвшись. Для первыхъ, такимъ образомъ, она есть *основа производящая*, для вторыхъ — *основа воспринимающая*. Такъ свойства геометрическихъ фигуръ всѣ вытекаютъ изъ ихъ природы; а изъ качествъ, которыя мы замѣчаемъ въ человѣкѣ, многія бываютъ усвоены извнѣ. Про первыя — вытекающія изъ сущности свойства — можно сказать, что они всегда бываютъ въ вещи, пока она сохраняетъ свою сущность, т. е. не утрачиваетъ своего особаго, индивидуальнаго бытія. Вторыя — воспринимаемыя свойства — появляются въ вещи послѣ того, когда она подверглась какому нибудь измѣняющему вліянію.

Такъ какъ природою бываетъ въ вещахъ или то, изъ чего состоятъ онѣ т. е. вещество, или расположеніе послѣдняго т. е. строеніе; то и самыя свойства, вытекающія изъ природы вещей, всегда суть или *свойства вещества* или *свойства строенія*. Въ совершающемся же основныя свойства вытекаютъ всегда или изъ сущности *элемента измѣненія*, или изъ *процесса*, какъ строенія многихъ сложившихся элементовъ. Напр. свойства теплоты вытекаютъ или изъ движенія, какъ элемента этого явленія, или изъ формъ движенія, чрезъ которыя проходятъ молекулы нагрѣвающагося тѣла.

IX. Отношеніе сущности къ причинѣ ясно изъ того, что было сказано выше о природѣ и происхожденіи первой. Выходя изъ своей причины, сущность только перемѣщается и освобождается отъ окружающаго внѣшняго, что нѣкогда пребывало на ней и затемняло ее, но не появляется вновь. Это значитъ, что сущность всегда тожественна съ своею

причиною, или, что тоже, *сущность и причина ея всегда есть одно.*

Все, сказанное объ отношеніи сущности къ причинѣ можетъ быть сказано, и на томъ же основаніи, и объ отношеніи сущности къ цѣли: цѣль сущности есть она сама, высвобожденная отъ всего, привнесшаго къ ней въ настоящемъ; *какъ и съ своею причиною, сущность и съ цѣлью своею есть одно.*

Обратимся къ отношенію сущности къ сходству и различію. Сущность есть основа того, что принято называть *родовымъ* отличіемъ; т. е. вещи, имѣющія различныя сущности, составляютъ изъ себя различные роды. Она есть также и основа родоваго сходства, потому что вещи съ одною сущностью образуютъ собою всегда одинъ родъ. Что касается до сходства и различія *видоваго*, то его основа лежитъ въ сходствѣ и различіи свойствъ; а основа различія и сходства *индивидуальнаго* лежитъ въ происхожденіи, какъ процессѣ, и въ причинѣ, какъ источникѣ этого процесса.

Изучая отношеніе сущности къ числу, слѣдуетъ разсмотрѣть вопросъ, какимъ образомъ единство и неизмѣняемость сущности примиряется съ множественностью ея воплощеній въ существующемъ, и съ многократностью ея проявленій въ совершающемся? Напр. какъ движеніе, вѣчно и повсюду оставаясь тѣмъ же, является не однимъ непрерывнымъ и вѣчнымъ движеніемъ, но возникаетъ то въ одно время, то въ другое, и то въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ. Или какъ дубъ, сущность котораго всегда и повсюду остается одна, выростаетъ прежде и потомъ, здѣсь и тамъ, то одновременно, то въ различныя времена?

X. *Ученіе о сущности вещей въ Космосѣ* имѣетъ своею задачею опредѣлить природу каждой вещи, лежащей въ мірѣ, и раскрыть сущность каждаго явленія, совершающагося въ немъ; или, согласно съ опредѣленіемъ сущности, это ученіе должно дать полное и законченное пониманіе того, что дѣлаетъ пребывающее и совершающееся тѣмъ, что оно есть.

Чтобы выполнить эту задачу, великую и трудную прежде всего по своей обширности, необходимо правильно распредѣлить въ группы все, подлежащее здѣсь изученію, а затѣмъ провести дѣленія и въ каждой изъ полученныхъ такимъ образомъ группъ. Подготовивъ этимъ нѣсколько разрѣшеніе всей задачи, слѣдуетъ приступить къ самому разрѣшенію ея, уловляя и формулируя сущность каждой полученной группы въ ея цѣломъ и каждаго изъ подраздѣленій, на которыя она распадается, въ частности.

Все, лежащее въ Космосѣ и обладающее своею сущностью, распадается на міръ вещей, какъ пребывающаго, и на міръ явленій, какъ совершающагося; а слѣдовательно и разсматриваемая форма науки распадается на *Ученіе о природѣ вещей* и на *Ученіе о природѣ явленій*.

Ученіе о природѣ вещей должно распасться на три вѣтви: одну общую и двѣ частныя. Въ *общей части* этого ученія должно быть опредѣлено, *что именно бываетъ природою* (сущностью) *въ каждой вещи*, безразлично, къ какому бы отдѣлу изъ ниже указанныхъ она ни принадлежала. Ранѣе было уже высказано мнѣніе, что сущность каждой вещи лежитъ въ томъ, изъ чего состоитъ она и что мы назвали ея составомъ, и въ строеніи или расположеніи этого состава въ вещи. Тотъ способъ, которымъ было выведено это мнѣніе, можетъ послужить объясняющимъ примѣромъ того, какъ слѣдуетъ вести изученіе въ этой формѣ науки, а самое содержаніе этого мнѣнія можетъ указать, чѣмъ должна быть она. Двѣ *частныя формы*, на которыя распадается ученіе о природѣ вещей, имѣютъ предметомъ каждая одинъ изъ двухъ большихъ отдѣловъ, на которые распадается самый міръ вещей: *вещи* (существа) *физическія* и *вещи* (существа) *психическія*.

Ученіе о природѣ вещей физическихъ само въ свою очередь распадается на пять формъ: три общія и двѣ частныя. Изъ общихъ формъ одна имѣетъ своею цѣлью изучить то общее начало, изъ котораго произошли и образовались всѣ вещи — это *Ученіе о матеріи;* другая имѣетъ своею цѣлью изучить образъ или строеніе, которое входитъ вто-

рою составною частью въ сущность всѣхъ вещей — это *Ученіе о формѣ*, по которой образовались вещи; и наконецъ, третья имѣетъ своимъ предметомъ соотношеніе между первою и второю, это — *Ученіе о взаимнодѣйствіи матеріи и формы*. Изъ двухъ частныхъ ученій одно есть *Ученіе о природѣ тѣлъ неорганическихъ*, а другое — *Ученіе о природѣ организмовъ*.

Изученіе матеріи и формы, которыя сочетавшись вошли сущностью въ міръ физическихъ вещей, двигаясь по схемамъ разума, распадается на слѣдующіе два ряда ученій: 1. *Ученіе о формѣ существованія матеріи*; 2. *Ученіе о сущности матеріи*, т. е. о томъ первоначальномъ составѣ и строеніи ея, который присущъ ей до образованія изъ нея вещей; 3. *Ученіе о свойствахъ матеріи*, какъ основныхъ, вытекающихъ изъ самой природы ея, такъ и второстепенныхъ, отличающихъ ее отъ всего, что не есть матерія; 4. *Ученіе о происхожденіи и причинѣ матеріи*, если таковая причина и таковое происхожденіе имѣли когда либо мѣсто, или, если ихъ не было, ученіе, содержащее доказательства ея безпричинности и безначальности; *Ученіе о назначеніи матеріи* или о томъ, что выполнила и выполняетъ она въ общемъ планѣ міроустройства; 6. *Ученіе о сходствѣ и различіи матеріи* съ тѣмъ, что есть въ Космосѣ и что не есть матерія, — и прежде всего о сходствѣ и различіи ея съ началомъ психическимъ; 7. *Ученіе о количественной сторонѣ матеріи* — сюда входитъ напр. ученіе о постоянствѣ или неуничтожимости вещества. Ученіе о формѣ распадается на: 1. *Ученіе о существованіи формы*; 2. *Ученіе о сущности формы*, какъ пространственнаго очертанія; 3. *Ученіе о свойствахъ формы*; 4. *Ученіе о происхожденіи и причинѣ формъ*; 5. *Ученіе о назначеніи формъ*; 6. *Ученіе о сходствѣ и различіи формъ* или о типахъ ихъ, и 7. *Ученіе о количественныхъ соотношеніяхъ*, по-первыхъ, *между частями одной и той же формы* (напр. между линіями, поверхностями и объемомъ одной и той же какой либо формы, положимъ между радіусомъ, поверхностью и объемомъ шара); во-вторыхъ, *между цѣлыми формами* (напр.

между конусомъ и цилиндромъ); и, въ третьихъ, *между началами оформливающимъ и оформливаемымъ* (между пространственнымъ очертаніемъ и входящею въ него матеріею, напр. ученіе о наибо́льшей и наименьшей вмѣстимости геометрическихъ формъ). Ученіе же о взаимнодѣйствіи между матеріей и формой дѣлится на: 1. *Ученіе о формѣ существованія этого взаимнодѣйствія*, гдѣ разсматривается, вѣчно ли и необходимо это взаимнодѣйствіе по самой сущности обоихъ началъ, не могущихъ пребывать одно безъ другаго; или же временно и только цѣлесообразно, такъ какъ, быть можетъ, иногда пребываетъ и форма безъ матеріи, и матерія безъ формы. 2. *Ученіе о сущности взаимнодѣйствія между матеріей и формой*, гдѣ должно быть уяснено, въ чёмъ именно заключается это взаимнодѣйствіе, что́ происходитъ съ формой — когда въ нее вступаетъ матерія, и съ матеріей — когда она вступаетъ въ форму; и далѣе, ка́къ совершается это вступленіе, что́ есть общаго между матеріей и формой, вслѣдствіе чего (общности) или первая втягиваетъ въ себя послѣднюю, или послѣдняя стремится наполнить собою первую; 3. *Ученіе о свойствахъ этого взаимнодѣйствія*, и о закономѣрности, которая здѣсь, какъ и всюду въ измѣненіи, является важнѣйшимъ и вліятельнѣйшемъ изъ свойствъ; 4. *Ученіе о происхожденіи и причинахъ взаимнодѣйствія*, гдѣ разсматривается и начальный моментъ, съ котораго начинается соотношеніе и обоюдное вліяніе матеріи и формы (напр. когда изъ старой какой либо формы матерія переходитъ въ новую форму), и источникъ всякаго такого взаимнодѣйствія или движущая сила его; 5. *Ученіе о слѣдствіяхъ и цѣли взаимнодѣйствія*, т. е. о томъ измѣняющемъ вліяніи, которое производитъ форма на матерію — присоединяясь къ ней, и матерія на форму — входя въ нее, и объ общемъ назначеніи въ міростроеніи такихъ взаимнодѣйствій; 6. *Ученіе о формахъ или о модусахъ взаимнодѣйствія*, и 7. *Ученіе о количественныхъ соотношеніяхъ при взаимнодѣйствіи* обоихъ разсматриваемыхъ началъ.

XI. Мы не будемъ дѣлать никакихъ указаній относительно того, какъ должны быть выполнены всѣ задачи, предстоящія перечисленнымъ формамъ науки, но сдѣлаемъ только нѣсколько общихъ замѣчаній относительно матеріи и формы. Не полно опредѣлять матерію, какъ «начало протяженное», потому что, указывая на аттрибутъ ея, мы не раскрываемъ при этомъ ея природы; и не справедливо, потому что протяженность присуща и пространству, которое не есть матерія. Справедливѣе и быть можетъ полнѣе будетъ опредѣлить ее, какъ *начало пассивное и безóбразное.* Матерія пассивна, потому что хотя измѣняться и слѣдовательно быть пассивнымъ можетъ напр. и идея, однако она бываетъ и дѣятельнымъ началомъ, чѣмъ матерія никогда не бываетъ. Что пассивность лежитъ въ природѣ матеріи, это видно изъ того, что она задерживаетъ собою все дѣятельное; оказываетъ сопротивленіе всякой силѣ, какъ источнику дѣятельности; замедляетъ въ себѣ всякое движеніе, какъ бы сообщая движущемуся часть своей пассивности. Безóбразна же матерія потому, что хотя она, какъ это было доказано выше, и никогда не была лишена формы, однако по природѣ своей противоположна и враждебна всякой формѣ. Это ясно изъ того, что всякая вступающая въ матерію форма — что можно наблюдать при смѣнѣ ихъ — вступаетъ въ нее съ трудомъ, преодолѣвая ея сопротивленіе: матерія не сразу пріобрѣтаетъ какую либо новую форму, но медленно и какъ бы сопротивляясь вступаетъ въ нее (форму); и даже вступивъ — удерживается въ ней лишь до тѣхъ поръ, пока что либо внѣшнее сдерживаетъ ее въ заключающихъ предѣлахъ, и разъ исчезаетъ это внѣшнее сдерживающее, матерія вновь разсѣдается, высвобождаясь изъ своей формы; такъ что и первоматерія, соединяясь съ первоформою, претерпѣла нѣкогда, можно думать, могущественное вліяніе какой либо силы. Противоположность между матеріею и формою видна также и изъ того, чѣмъ становится форма по соединеніи съ веществомъ: при такомъ соединеніи она утрачиваетъ свою чистую природу. И въ самомъ дѣлѣ,

въ незамѣщенномъ пространствѣ всякая форма пребываетъ въ чистой природѣ своей; овеществляясь же, она становится только подобіемъ того, чѣмъ была въ пространствѣ, способнымъ напомнить разуму о своей первоначальной природѣ. Такъ овеществленная окружность есть не совершенная форма окружности, но только приблизительная: съ присоединеніемъ матеріи она потеряла свою чистоту.

XII. Какъ обоснованіе и какъ заключеніе обоихъ разсмотрѣнныхъ ученій слѣдуетъ развить здѣсь *Ученіе о пространствѣ*, этой мѣрѣ матеріи и вмѣстилищѣ формъ. Двигаясь по схемамъ разума оно распадается, какъ и всѣ предъидущія ученія, на семь формъ, которыхъ мы здѣсь не будемъ перечислять. Сдѣлаемъ только нѣсколько общихъ замѣчаній о самомъ предметѣ ученія. Прежде всего останавливаетъ на себѣ вниманіе замѣчательное соотношеніе между пространствомъ и между временемъ. Оба начала одновременно и противоположны другъ другу, и какъ бы взаимно дополняютъ одно другое. Они противоположны, потому что ни во времени нѣтъ ничего пространственнаго, ни въ пространствѣ — ничего временнаго: первое безконечно уходитъ въ прошедшее и въ будущее, второе безгранично раздается вдаль, и оба, какъ бы пересѣкаясь въ настоящемъ здѣсь, быть можетъ въ центрѣ нашего сознанія, расходятся затѣмъ въ противоположныхъ направленіяхъ, чтобы уже никогда не встрѣтиться болѣе. И однако, не смотря на эту противоположность, и полнота представленія и цѣлостность міра дѣлаетъ то, что вслѣдъ за мыслью объ одномъ изъ этихъ началъ въ нашемъ сознаніи всегда и невольно возникаетъ мысль и о другомъ началѣ. Не менѣе замѣчательно отношеніе пространства и времени къ Космосу и всему, что лежитъ въ немъ. Въ своемъ сочетаніи они служатъ какъ бы координатами міра, на которыхъ онъ пребываетъ и по которымъ онъ развивается: пространство есть координата бытія, условіе протяженія и мѣра всего протяженнаго; время есть координата измѣненія, условіе міроваго генезиса и

мѣра процесса, черезъ который этотъ генезисъ проходитъ. Въ отношеніи къ существованію время представляетъ интересное сочетаніе двухъ потенцій, которыя никогда не переходятъ въ реальность, и однако же реальны въ своемъ цѣломъ. И въ самомъ дѣлѣ, несомнѣнно, что время есть, потому что несомнѣнно есть измѣненіе, которое не можетъ происходить внѣ времени; и однакоже нѣтъ момента, когда бы время существовало, потому что оно не имѣетъ настоящаго. Оно все въ прошедшемъ и въ будущемъ, и понятіе о «настоящемъ» есть только ошибка грубаго ума, потому что всякій разъ, когда мы помыслимъ «теперь» — это «теперь» стало уже прошедшимъ, и о всякомъ моментѣ, о которомъ скажемъ, что онъ «есть», можно сказать только, что онъ «былъ». Настоящее, по нашимъ представленіямъ, есть то, что лежитъ между прошедшимъ и между будущимъ. Но между прошедшимъ и будущимъ ничего не лежитъ, потому что время, которое по самой природѣ своей непрерывно, которое вѣчно течетъ и никогда не останавливается, не имѣетъ въ себѣ промежутковъ; такъ что будущее становится прошедшимъ не переходя черезъ настоящее, нежившее не живя отживаетъ. Но, по нашимъ обычнымъ представленіямъ, то, что только будетъ существовать, не существуетъ еще; и того, что отсуществовало уже, также нѣтъ. И вотъ, противорѣча всѣмъ нашимъ понятіямъ о бытіи, время является такимъ исключеніемъ, которое всегда только было и всегда только будетъ — и однако же есть, существуетъ; и не только существуетъ, но служитъ еще необходимымъ условіемъ дѣйствительности всего, что только происходитъ реальнаго въ природѣ и въ жизни; въ этомъ времени, котораго никогда нѣтъ, которое вѣчно или еще только готовится стать или уже минуло — въ этомъ непостижимомъ времени пребываетъ все, и внѣ его ничто не можетъ пребывать. Много сомнительнаго представляетъ также и причинное отношеніе пространства и времени къ протяженію и измѣненію: именно представляется вопросъ, не производится ли протяженіемъ пространство и измѣненіемъ —

время, или же пространство и время совершенно независимы отъ нихъ? такъ что и время продолжало бы течь неизмѣнно, какъ теперь — если бы даже ничто не измѣнялось, но все пребывало неподвижно; и пространство существовало бы — еслибъ даже въ немъ не было ничего протяженнаго? Трудность этого вопроса въ значительной степени обусловливается слабостью нашихъ представляющихъ способностей, безсиліемъ ихъ отрѣшиться отъ вліяній текущей дѣйствительности, гдѣ все сложено и ничто не просто, и подняться надъ нею для уразумѣнія самыхъ началъ, изъ которыхъ она сложена. Такъ, съ одной стороны, намъ совершенно невозможно представить себѣ время съ его текучестью внѣ потока измѣняющихся явленій, потому что, въ такомъ случаѣ, что́ же именно течетъ тогда, что́ приближается къ настоящему и уходитъ въ прошедшее? что́ это за особенное существо, ни съ чѣмъ не сравнимое, ни на что не похожее, которое мы называемъ временемъ? а съ другой стороны — намъ невозможно и понять, какимъ бы образомъ время могло быть только созданіемъ текущихъ измѣненій, когда именно возникнуть, появиться эти измѣненія никакимъ образомъ не могли безъ времени, этого первоначальнаго и необходимаго своего условія. Тоже самое безсиліе нашихъ психическихъ способностей обнаруживается и въ неразрѣшимой дилеммѣ — что́ такое пространство внѣ существующихъ протяженностей, само по себѣ, одно; или какъ бы могли возникнуть эти протяженности, если бы ранѣе ихъ уже не существовало пространство? Все это вопросы, которыхъ разрѣшеніе столь же интересно, какъ и трудно, впрочемъ не непреодолимо, потому-что это обусловливается возможнымъ въ будущемъ усовершенствованіемъ нашихъ духовныхъ силъ — именно представляющихъ способностей. Изъ собственныхъ внутреннихъ свойствъ пространства и времени замѣчательны ихъ однородность и безграничность. Каждое изъ обоихъ началъ тожественно во всѣхъ своихъ частяхъ, однородно на всемъ своемъ протяженіи. Они лишены всякаго вну-

тренняго строенія, и ихъ природа слагается только изъ того одного, изъ чего состоятъ они, и что ранѣе, анализируя элементы сущности, мы назвали «составомъ». При этомъ пространству присуща абсолютная неподвижность, а времени — вѣчная текучесть. Первое какъ бы замерло пребывая, второе вѣчно живетъ и никогда не пребываетъ. Эта неподвижность пространства соединена въ немъ съ другимъ свойствомъ — безграничностью, и эта текучая жизнь времени соединена съ вѣчностью. Сколько бы мы ни усиливались представить или понять эту безграничность и вѣчность, мы всегда будемъ чувствовать свое безсиліе. Это есть единственное, чего не вмѣщаетъ въ себя нашъ разумъ, единственное, что обнимаетъ его собою, внутри чего онъ живетъ и мыслитъ, но чего понять онъ не можетъ. Представить, что время всегда было и никогда не начиналось, что оно и вѣчно текло такъ же, какъ теперь, и въ будущемъ никогда не остановится, никогда не перестанетъ течь; представить далѣе, что какая либо точка — положимъ наша земля могла бы вѣчно летѣть куда нибудь все дальше и дальше и никогда не настанетъ время, когда бы она остановилась найдя предѣлъ, — представить все это, или даже приблизиться къ этому представленію мы не въ состояніи. И всякій разъ, когда усиливаясь сдѣлать это мы будемъ глубже и глубже вникать въ сущность обоихъ безконечныхъ началъ — безпредѣльнаго пространства и вѣчнаго времени — мы будемъ чувствовать, какъ въ душѣ нашей поднимается незнакомое смущеніе, какъ отъ приближенія къ чему то для нея новому, чуждому и непостижимому.

XIII. Ученія о матеріи, о формѣ и о взаимнодѣйствіи между матеріею и формою дадутъ полное и ясное разумѣніе сущности вещей въ ихъ общемъ видѣ; такъ что два частныя ученія, къ которымъ мы перейдемъ теперь, потребуютъ уже болѣе трудолюбія и времени, нежели проницательности и борьбы съ собою.

Изъ этихъ ученій одно должно опредѣлить сущность вещей неорганическихъ, а другое сущность вещей орга-

ническихъ. Первое — *Ученіе о природѣ вещей образующихъ собою міръ неорганическій* — распадается на ученіе о сущности, т. е. вещественномъ составѣ и внутреннемъ строеніи, во-первыхъ *элементовъ*, во-вторыхъ *соединеній изъ элементовъ*, изучаемыхъ въ химіи, и въ-третьихъ *тѣлъ*, находимыхъ въ природѣ и извѣстныхъ подъ именемъ газовъ, жидкостей, различныхъ смѣсей и минераловъ. Въ этихъ ученіяхъ быть можетъ яснѣе, чѣмъ гдѣ либо, выкажется справедливость проведеннаго выше взгляда, что сущностью въ вещахъ бываетъ и вещество и форма; потому что изъ тѣлъ, самостоятельную сущность которыхъ здѣсь придется опредѣлить, нѣкоторые различаются другъ отъ друга однимъ веществомъ, а нѣкоторые — однимъ строеніемъ. Такъ алмазъ и уголь, будучи по составу оба чистымъ углеродомъ, очевидно носятъ источникъ своей самобытности въ своемъ строеніи. Напротивъ порошокъ золота и порошокъ желѣза очевидно различаются составомъ, и въ этомъ составѣ источникъ ихъ несходства между собою, т. е. самостоятельности ихъ бытія. Второе ученіе — *Ученіе о природѣ вещей, образующихъ собою органическій міръ*, — распадается на три формы, одну общую и двѣ частныя. Общая форма имѣетъ своею задачею опредѣлить сущность *органичности*, какъ особенности, присущей всему органическому міру, а двѣ частныя формы должны заняться — одна изученіемъ этой органичности въ царствѣ растеній, а другая изученіемъ этой органичности въ царствѣ животныхъ.

XIV. Итакъ, задача общей формы состоитъ въ уясненіи этой особенности, которая кладетъ такое рѣзкое отличіе на міръ растеній и животныхъ въ сравненіи съ міромъ минераловъ, — особенности, которая живо чувствуется всѣми, но не ясно сознается, что такъ рельефно выразилось въ колеблющемся названіи этого міра то «царствомъ органическимъ», то «царствомъ живыхъ существъ». *Организмъ* и *жизнь*, вотъ что составляетъ — всѣ чувствуютъ это — особенность и сущность этого міра существъ, и что должно составить объектъ тщательнаго и всесторонняго изученія въ разсматриваемой формѣ науки.

Не трудно предвидѣть, что ни первый, ни особенно второй изъ этихъ объектовъ не будутъ поняты до тѣхъ поръ, пока они будутъ разсматриваться отдѣльно одинъ отъ другаго; пока испытующій взглядъ человѣка, утомленный тщетнымъ исканіемъ ихъ объясненія въ нихъ самихъ, не попытается, связуя ихъ въ одно цѣлое, проникнуть въ то невидимое присущее, что лежитъ за ними и что видимо проявляется въ нихъ. До тѣхъ поръ не будетъ достигнуто ни совершенное пониманіе того, что́ такое организмъ, ни окончательное объясненіе — что́ такое жизнь, пока не будетъ признано и понято то одно, что возвышается надъ ними и что — недостаточно сказать «проникаетъ ихъ» — но *раскрывается* въ нихъ, какъ въ двухъ необходимыхъ и естественныхъ сторонахъ своихъ, какъ въ своемъ началѣ и концѣ, какъ въ своемъ выраженіи и проявленіи. Это невидимое присущее, это одно — есть цѣлесообразность, лежащая въ живомъ мірѣ органическихъ существъ. *Организмъ есть выраженіе* этой *цѣлесообразности, запечатлѣнное въ веществѣ; жизнь есть проявленіе* этой *цѣлесообразности, выраженное въ явленіяхъ.*

И въ самомъ дѣлѣ, организмъ есть соединеніе органовъ, т. е. такихъ частей, изъ которыхъ каждая есть *не то, что другая,* и *не для того, для чего другая;* и въ этомъ его отличіе отъ неорганическаго тѣла, которое все состоитъ изъ тожественныхъ между собою частей, изъ которыхъ ни одна — это ясно изъ ихъ тожественности — не имѣетъ особеннаго, ей исключительно присущаго назначенія. Такъ корень, стебель, листъ и цвѣтокъ въ растеніи, или ротъ, желудокъ и выводящіе каналы у животнаго имѣютъ каждая свою особенность въ строеніи, дѣлающую ее не похожею на другія части, — и эта особенность находится въ прямомъ соотвѣтствіи съ тѣми отправленіями, которыя выполняетъ такая часть по отношенію къ цѣлому организму. Напротивъ у минерала напр. пѣтъ различныхъ частей, выполняющихъ различныя цѣли, и разсматривая его мы даже не знаемъ, которою частью онъ былъ прикрѣпленъ къ землѣ; тогда какъ о растеніи мы никогда

не подумаемъ, что быть можетъ оно было прикрѣплено листьями, или что животное можетъ иногда ходить на спинѣ [1]). Этимъ объясняется, почему организмъ, какъ живое цѣлое, перестаетъ существовать когда лишается какой либо изъ своихъ цѣлесообразно устроенныхъ частей (органовъ): его существованіе не можетъ продолжаться, потому что изъ остающихся частей каждая выполняетъ *свое* только назначеніе, и ни одна поэтому не можетъ замѣнить собою утраченной части и выполнить того необходимаго для организма, что выполняла она нѣкогда. Напротивъ раздробленный на части минералъ остается тѣмъ же, чѣмъ былъ и прежде: онъ ничего не утратилъ въ своей природѣ, но только сталъ менѣе; и этимъ объясняется, почему въ явленіи взаимнаго прорастанія кристалловъ мы видимъ, что прободая другъ друга они лишаютъ и лишаются всевозможныхъ частей своихъ, нисколько не переставая отъ этого быть кристаллами. Далѣе, если отъ органа мы перейдемъ къ организму, какъ цѣлому,

---

[1]) Любопытно, что единственную, хотя и неполную аналогію съ организмами мы находимъ только въ мірѣ искусственно сдѣланныхъ человѣкомъ вещей, и притомъ неполнота аналогіи зависитъ здѣсь отъ этихъ послѣднихъ: вещи, приготовленныя человѣкомъ — одни изъ всего существующаго — имѣютъ сходство съ организмами, но въ нихъ, въ этихъ вещахъ, есть нѣкоторый недостатокъ въ сравненіи съ ними. Такъ во всякой искусственно приготовленной вещи, какъ и въ организмѣ есть «своеобразіе и цѣлесообразность» частей, напр. въ карандашѣ графитъ *не то же, что дерево, и не для того же, для чего оно.* Также въ столѣ, домѣ и во всемъ прочемъ. Искусственно сдѣланнымъ вещамъ недостаетъ только *жизни.* И эта аналогія также подтверждаетъ нашу мысль о разумной цѣлесообразности, скрытой въ организмахъ: оказывается, что единственное, что сходно съ ними въ природѣ, есть вмѣстѣ и единственное въ ней, о чемъ мы уже *несомнѣнно* знаемъ, что оно устроено по нѣкоторымъ, нѣкогда прошедшимъ черезъ сознающую мысль. Не менѣе любопытно, что аналогія между предметами искусственными и организмами увеличивается по мѣрѣ того, какъ первыя являются произведеніемъ болѣе совершенной и сильной мысли: такъ въ искусственныхъ механизмахъ есть уже движеніе — это слабое подобіе жизни, хотя однообразное, чуждое именно той свободы и разнообразія, которыя присущи живымъ организмамъ. Вдумываясь въ эту аналогію и въ то направленіе, въ которомъ возрастаетъ она, невольно склоняешься мыслью — не слѣдуетъ ли и причину организмовъ искать въ томъ, что такъ же аналогично съ разумомъ человѣка, какъ самые организмы — съ творимымъ имъ? и что природа этихъ двухъ источниковъ, одного извѣстнаго и другого неизвѣстнаго, разнится не въ сущности, но только въ силѣ и въ совершенствѣ?

то замѣтимъ, что та цѣлесообразность, которая въ органѣ присуща *строенію*, въ организмѣ присуща *соединенію* органовъ. И дѣйствительно, не какъ нибудь во всѣхъ организмахъ, и не такъ въ одномъ, а иначе въ другомъ, соединены органы; но во всѣхъ организмахъ (одного *рода*) однимъ опредѣленнымъ образомъ. Такъ что выполненное каждымъ отдѣльнымъ органомъ не находится въ связи съ тѣмъ, что выполняется другимъ, но всѣ они находятся въ живомъ *соотвѣтствіи* между собою, и то, что начинается однимъ органомъ, то продолжается другимъ и оканчивается третьимъ. Напр. нѣтъ такихъ органовъ въ растеніи или въ животномъ, изъ которыхъ одинъ сосывалъ бы для него пищу, а другой тотчасъ же ее извергалъ бы или задерживалъ; или чтобы одинъ давалъ возможность летать, а другой напротивъ препятствуя летанію способствовалъ бы плаванію, и т. д. Если бы части въ организмѣ, въ отдѣльности цѣлесообразныя, были соединены такимъ случайнымъ образомъ, то и растенія и животныя были бы смѣшной безсмыслицей; еслибъ такого было соединеніе въ нихъ органовъ, то мы невольно назвали бы эти существа — какъ это ни странно звучитъ — *помѣшанными организмами*, и признали бы ихъ ихъ твореніемъ безумія. Напротивъ въ тѣхъ организмахъ, которые мы знаемъ, одинъ органъ воспринимаетъ извнѣ вещество, необходимое для растенія или животнаго, другой отдѣляетъ въ этомъ веществѣ годное отъ негоднаго, третій выдѣляетъ изъ организма не нужное и четвертый распредѣляетъ оставшееся по всѣмъ частямъ его и питаетъ ихъ. Не видится ли въ этомъ удивительное соотвѣтствіе органовъ другъ другу, ихъ какъ бы общность между собою, какъ бы невысказанное стремленіе выполнить одно, только не произнесенное согласіе одного органа подготовлять все для другаго, и этого другаго — подготовлять все для третьяго. И если, какъ мы сказали, организмъ съ несоотвѣтственными другъ другу частями назвался бы намъ помѣшаннымъ — безуміе сквозило бы въ веществѣ и составѣ его, то почему въ организмѣ

съ столь удивительною цѣлесообразностью не признать намъ разумности, и въ томъ, что нѣкогда произвело его — сознающаго и направляющаго разума? Итакъ, *органу* присуща *цѣль*, выраженная въ его *строеніи*, и *организму* присуща *цѣлесообразность*, выраженная въ *соотвѣтственномъ сочетаніи* частей, изъ которыхъ состоитъ онъ; такъ что полнымъ опредѣленіемъ, выражающимъ природу опредѣляемаго, будетъ для перваго «*своеобразная и цѣлесообразная часть*», а для втораго — «*полнота цѣлесообразно расположенныхъ частей*».

Переходимъ теперь къ явленію *жизни*, присущей, какъ мы замѣчаемъ, всѣмъ организмамъ, и при томъ *только имъ однимъ*. Жизнь есть обнаруженіе цѣлесообразности въ явленіяхъ, подобно тому какъ только что разсмотрѣнный нами организмъ есть обнаруженіе цѣлесообразности въ веществѣ. И дѣйствительно, *жизнь организма слагается изъ жизни его органовъ*: растеніе живетъ, когда живутъ всѣ его органы; и умираетъ, когда перестаютъ жить они. *Въ каждомъ же отдѣльномъ органѣ жизнь есть выполненіе имъ той цѣли, для которой онъ предназначенъ своимъ строеніемъ*, есть осуществленіе того назначенія, которое вложено въ него природою. Такъ жизнь корня есть всасываніе, жизнь сосудовъ есть проведеніе и распредѣленіе по растенію всосаннаго корнемъ, жизнь листа есть дыханіе и воспріятіе солнечнаго свѣта, жизнь цвѣтка есть оплодотвореніе. И мы говоримъ, что «листъ живъ» — когда онъ дышетъ, «корень не умеръ» — когда онъ всасываетъ, «растеніе живетъ» — когда оно питается, дышетъ и размножается. И ни [illegible] чемъ другомъ, кромѣ какъ только въ жизни органовъ, и не можетъ выразиться жизнь организма, потому что въ немъ и нѣтъ ничего, кромѣ органовъ. Такимъ образомъ мы и истинно, и полно опредѣлимъ жизнь, сказавъ что она есть *выполненіе цѣлесообразности, пока продолжается*, и *выполненная цѣлесообразность когда окончена*.

Вотъ, слѣдовательно, глубокое и рѣзкое различіе въ природѣ двухъ царствъ, на которыя распадается міръ вещей

физическихъ: *царство органическое создано по цѣлямъ, царство неорганическое — по причинамъ;* все организованное организовано *для чего либо*, все неорганическое явилось такимъ, каково оно есть, *почему либо*. Причинность есть душа всего неорганическаго и мертваго, и въ ней источникъ его устройства и ключъ къ его пониманію; цѣлесообразность есть душа всего органическаго и живаго, и въ ней разгадка его явленій и свѣтъ разумѣнія. Тщетно нѣкоторые пытались и пытаются распространить господствующее вліяніе причинности и на органическій міръ: причинность отъ этого не получитъ большаго распространенія, чѣмъ какое она имѣетъ; и то, что движется къ цѣли, не начнетъ двигаться отъ причины, если ее придумаютъ для него. Истинная цѣль науки — *понимать то, что есть*, а не изобрѣтать, хотя бы и искусно, то, чего нѣтъ. Каково бы ни было это существующее, слѣдуетъ объяснить его, а не замѣнять другимъ, что намъ казалось бы болѣе удобнымъ и естественнымъ. Можно быть увѣреннымъ, что міръ существующій не будетъ «менѣе естественъ», чѣмъ придуманный; и нечего безпокоиться, что въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ есть, ему не такъ удобно, какъ въ томъ, какой мы могли бы изобрѣсти для него. Не творить, а понимать сотворенное есть задача разума, и если лежитъ въ сотворенномъ цѣлесообразность,— ему не для чего замѣнять ее причинностью. Да и не безразлично ли, что предстоитъ раскрыть и познать ему — причинность или цѣлесообразность? Скажемъ болѣе: въ тѣхъ безчисленныхъ затрудненіяхъ, которыя долженъ онъ будетъ преодолѣть, и въ тѣхъ странныхъ объясненіяхъ, къ которымъ онъ долженъ будетъ прибѣгнуть замѣняя существующую цѣлесообразность придуманною причинностью — онъ найдетъ естественное и справедливое наказаніе за уклоненіе отъ своего прямаго назначенія и за извращеніе своей истинной природы. Это наказаніе онъ уже и начинаетъ нести на себѣ: не наказаніе ли, въ самомъ дѣлѣ, утверждать и доказывать, что *причинность*, господствующая равно въ неорганическомъ и органичес-

комъ мірѣ — *безъ всякой причины* произвела столь *не схожіе* между собою, какъ эти два міра? и доказывать это именно на основаніи того, что все въ природѣ устроено по причинамъ. Не странно ли и не мучительно ли пріискивать *причину различнаго дѣйствія одной и той причины*, когда распространяя физическіе и химическіе законы и силы на органическій міръ, онъ долженъ объяснить, какимъ образомъ одно и то же въ первомъ случаѣ создало камень и глину, а во второмъ — цвѣтокъ и человѣка? И какимъ образомъ слѣпая причинность, которая никогда не знаетъ, куда она ведетъ явленія, потому что *только отталкиваетъ изъ отъ себя*, какимъ образомъ могла она произвести эту *правильность расположенія* въ органическомъ мірѣ и эту послѣдовательность развитія въ немъ отъ формъ простѣйшихъ къ болѣе сложнымъ? Развѣ только самыя причины были расположены также систематично, и тогда — что придало имъ такой порядокъ? Потому что если есть планъ и система въ слѣдствіяхъ, то долженъ быть планъ и система въ причинахъ, иначе планомѣрность въ произведенномъ (органическій міръ) будетъ безпричинна. Но самымъ необъяснимымъ, что только можетъ быть, явится тогда *послѣдовательность въ развитіи* органическаго міра, нѣкогда совершившемся: потому что вѣдь если причины произвели этотъ міръ, то эти *причины каковы были* въ моментъ произведенія, *таковы оставались* и въ послѣдующее время, когда слѣдствія какъ-то безпричинно развивались, и *таковыми же остаются* теперь, когда конечные результаты развитія, наблюдаемые нами въ живыхъ существахъ, такъ не похожи на первоначально созданное. А между тѣмъ — никто не станетъ отрицать этого — съ тѣхъ поръ не измѣнились ни законы механики, которымъ, мы думаемъ, подчинено кровообращеніе; ни законы физики и химіи, которыми единственно мы желали бы объяснить обмѣнъ веществъ въ организмѣ: и таково же, какъ и прежде, желаніе всякаго живаго существа сохранить себя хотя бы на счетъ другихъ, что, какъ мы думаемъ, произвело такія перемѣны въ царствахъ растительномъ и

животномъ. И если даже признать — хотя это и невозможно по своей странной чудесности — что нѣкогда планомѣрно расположенныя причины, произведшія органическій міръ, вслѣдъ за произведеніемъ его стали передвигаться въ нѣкоторомъ строго опредѣленномъ порядкѣ, то и тогда въ слѣдствіяхъ могло бы произойти только планомѣрное передвиженіе, но не *развитіе*. Именно развитія изъ одного простаго существа многихъ разнообразныхъ невозможно объяснить иначе, какъ предположивъ *развитіе въ самыхъ причинахъ*, перерожденіе причинъ простѣйшихъ въ болѣе сложныя, причемъ первыя *исчезали переходя* во вторыя. Но въ силахъ и законахъ природы механической такого перерожденія предположить не возможно. Да если бы даже оно и случилось, то необходимо всетаки объяснить преемственное измѣненіе самыхъ причинъ, необходимо пріискать *для него* причину, — или признать, что таковой не было; такъ что затрудненіе найти источникъ планомѣрнаго расположенія и послѣдовательнаго развитія живыхъ существъ, не уничтожается, а только перемѣщается. Такимъ образомъ на все соглашаясь и только продолжая спрашивать, любопытствующая мысль невольно приводитъ теорію причиннаго развитія органическаго міра къ необходимости признать въ концѣ концовъ все это развитіе безпричиннымъ.

XV. Это замѣчательное и любопытное явленіе, что стремленіе объяснить развитіе органическаго міра причинностью находитъ непреодолимыя препятствія именно въ самой природѣ причинности, и необходимо предварительно отвергнуть, что «все развивается по причинамъ» — чтобы потомъ доказать, что «все развивается по причинамъ». А между тѣмъ, если оставивъ въ сторонѣ причинность, какъ невозможное объясненіе, мы обратимся къ цѣлесообразности, тогда все снова станетъ яснымъ и откроется разумная причина тамъ, гдѣ прежде господствовала непостижимая случайность. Причина, почему органическій міръ въ своемъ цѣломъ планомѣрно устроенъ и почему въ прошедшемъ онъ послѣдовательно развивался — ле-

жить именно въ томъ, что онъ развивался не по причинамъ, но по цѣлямъ: такова природа цѣлесообразности, что устроенное по ней необходимо бываетъ планомѣрно, и что движущееся согласно съ нею необходимо бываетъ послѣдовательно. Потому что если возникшее просто, а цѣль его сложна, то это простое должно развиться въ сложное для осуществленія цѣлей своихъ; а простое въ сложное можетъ переходить только черезъ распаденіе своей природы на цѣлесообразныя и своеобразныя части, изъ которыхъ каждая становится способною выполнить часть того общаго назначенія, которое вложено въ природу этого простаго. И естественно и необходимо, что каждая изъ этихъ своеобразныхъ и цѣлесообразныхъ частей распавшагося простаго выполняетъ не послѣднее недѣлимое, что есть въ цѣли, но нѣсколько такихъ недѣлимыхъ; такъ что и организмъ бываетъ еще не многосложенъ и органы не исключительны въ своей дѣятельности, пока цѣль не осуществлена и растеніе или животное растетъ и развивается, какъ родъ. И дѣйствительно, на низшихъ ступеняхъ органическаго царства мы повсюду встрѣчаемъ многоцѣльность органовъ, ихъ несложность, и простоту всего организма. Далѣе каждый изъ органовъ, получившихся послѣ перваго распаденія организма на своеобразныя и цѣлесообразныя части, вслѣдствіе многоцѣльности своей снова долженъ распасться на части, изъ которыхъ каждая способна была бы выполнить часть этой сложной цѣли, которую нѣкогда выполнялъ онъ одинъ; и т. д. до тѣхъ поръ, пока цѣль развивающагося живаго существа не будетъ достигнута имъ во всѣхъ недѣлимыхъ формахъ своихъ. Такъ что какъ общій законъ развитія органическаго міра, въ его цѣломъ и въ его отдѣльныхъ представителяхъ, можно установить слѣдующія три положенія: 1) *что его распаденіе на формы* (т. е. міра на организмы и организма на органы) *движется и управляется* [illegible] *общей цѣли, въ него вложенной, на цѣли конечныя, и продолжается необходимо, пока возможно дробленіе* [illegible] *цѣли;* 2) *что цѣль міра, какъ системы организмовъ,*

и цѣль организма, какъ рода, во все время существованія изъ остается неизмѣнною, тожественною самой себѣ и въ своемъ стремленіи осуществиться въ осязательныхъ формахъ движетъ развитіе всего органическаго царства, дробя его на своеобразные и цѣлесообразные организмы, организмы на своеобразные и цѣлесообразные органы, органы на новыя формы съ постепенно увеличивающеюся сложностью строенія и съ постепенно съуживающеюся въ своей исключительности дѣятельностью: и, наконецъ, 3) *что назначеніе каждаго органа тѣмъ многосложнѣе, чѣмъ проще его строеніе и чѣмъ менѣе сложенъ весь организмъ; и тѣмъ исключительнѣе, чѣмъ сложнѣе органъ и чѣмъ многосложнѣе организмъ.*

Все сказанное объясняетъ, почему органическій міръ и въ своемъ строеніи и въ своей исторіи не то усложняется, то упрощается, но постоянно и только усложняется, — какъ это и должно быть согласно съ природою цѣлесообразности.

XVI. Послѣдовательное развитіе простаго въ сложное станетъ еще болѣе яснымъ для нашего сознанія, если мы припомнимъ все сказанное ранѣе о потенціальномъ существованіи. И въ самомъ дѣлѣ, въ повидимому простомъ, въ томъ, что представляетъ собою зачаточную форму, могутъ быть потенціально предустановлены формы всего сложнаго, что потомъ осязательно и выразится въ немъ или, какъ неясно и неточно мы говоримъ, «разовьется изъ него»; подобно тому какъ въ сжатой мысли можетъ заключаться сложное содержаніе, напр. въ идеѣ «пониманіе» заключается все, что изложено и изложится въ настоящемъ трудѣ. Такъ у прототипа животнаго можетъ существовать простой органъ воспріятія пищи и передвиженія, но этотъ простой органъ у отдѣльныхъ особей, происходящихъ отъ общаго прототипа, можетъ развѣтвиться (и развѣтвится дѣйствительно, если разнообразіе есть одна изъ цѣлей живой природы) *на столько формъ, сколько есть модусовъ воспріятія и передвиженія* (для органа передвиженія, наприм., нога, крыло, плавательное перо, сокращеніе и растяженіе мускуловъ), что произведетъ рас-

паденіе типа, т. е. образованіе рода (genus) слагающагося изъ видовъ (species): четвероногія, птицы, рыбы, змѣи. Обобщая приведенный примѣръ и опираясь, какъ на незыблемое основаніе, на положеніе, что *не можетъ быть органа для невозможной дѣятельности,* мы придемъ къ слѣдующему замѣчательному положенію: *въ органическомъ мірѣ разнообразіе органовъ, имѣющихъ какую либо одну цѣль* (питаніе, передвиженіе, дыханіе), *опредѣляется разнообразіемъ способовъ выполнить эту цѣль;* или, что тоже: *формы органовъ и организмовъ совпадаютъ въ строеніи и въ числѣ съ модусами дѣятельности, для которой они* (органы и организмы) *предназначены, и ими управляются.* Этотъ четвертый законъ даетъ возможность предвидѣнія въ органическомъ мірѣ новыхъ будущихъ формъ развитія: въ томъ случаѣ, если модусы возможной дѣятельности какого либо рода исчерпаны въ формахъ существующихъ уже органовъ, тогда можно предвидѣть, что дальнѣйшаго развитія эти органы не получатъ, но или пребудутъ таковыми, каковы они есть, или же начнутъ вырождаться; напротивъ, если есть избытокъ модусовъ надъ формами строенія какого либо органа, то можно въ будущемъ ожидать его дальнѣйшаго развитія, и недостающіе модусы опредѣлятъ формы будущаго развитія такого органа.

Но что такое модусъ дѣятельности? Модусъ — это отдѣльный единичный способъ выполнить какую либо цѣлесообразную дѣятельность, которая можетъ быть выполнена и многими другими способами, которые будутъ также модусами. Такъ напр. процессъ дыханія можетъ быть выполненъ и такъ, какъ это дѣлается у теплокровныхъ животныхъ, и такъ, какъ это дѣлается у рыбъ, и такъ, какъ это совершается у растеній, и навѣрное еще нѣсколькими различными способами, которые или есть, но мы о нихъ не знаемъ, или которыхъ нѣтъ, но они возникнутъ въ будущемъ. Въ этомъ случаѣ окисленіе крови (или какого другаго сока, ее замѣняющаго) будетъ цѣлесообразною дѣятельностью, а процессы дыханія у животныхъ, у рыбъ и у растеній будутъ модусами этой цѣлесообразной дѣя-

тельности. Но всякая цѣлесообразная дѣятельность есть *понятіе* и не можетъ она ни быть представлена въ мышленіи, ни быть выражена въ дѣйствительности иначе, какъ подъ формою какого либо модуса: невозможно вообразить себѣ *вообще питаніе*, но только питаніе какимъ либо однимъ опредѣленнымъ способомъ, и нѣтъ въ природѣ вообще питанія, но есть только *это* питаніе, совершающееся такимъ то образомъ, и *то* питаніе, совершающееся другимъ образомъ; *хотя понятіе питанія вообще — есть.* Поэтому *отношеніе одноцѣльной дѣятельности* (дѣятельности, которая, въ какихъ бы различныхъ формахъ она ни совершалась, имѣетъ одну цѣль, напр. окисленіе крови въ различныхъ формахъ дыханія) *къ модусу* (единичной формѣ дѣятельности) *есть отношеніе понятія къ представленію; и сколько содержится представленій въ понятіи какой-либо одноцѣльной дѣятельности, столько есть модусовъ ея въ природѣ, и притомъ модусовъ таковыхъ именно, каковы представленія.* А съ тѣмъ имѣетъ и *органы одноцѣльные, которые въ числѣ и въ строеніи своемъ опредѣляются модусами* (какъ это было доказано ранѣе), *суть овеществленныя представленія понятія, овеществленныя въ томъ, что есть общаго въ этихъ органахъ.* Напр. въ томъ общемъ, что есть въ различно устроенныхъ органахъ дыханія, овеществлено понятіе дыханія, какъ цѣлесообразной дѣятельности; а въ легкихъ, жабрахъ и порахъ растеній овеществлены нѣкоторыя изъ представленій, на которыя разлагается это понятіе. Соединяя все это въ одно, и связывая его съ тѣмъ, что было сказано ранѣе о развитіи органическаго міра, мы придемъ къ слѣдующему новому положенію: *процессъ развитія какого либо одного органа у прототипа рода въ разнообразныя формы этого органа у видовъ (species), возникшихъ изъ него, есть разложеніе въ веществѣ понятія на представленія, и этимъ разложеніемъ движется и управляется.* Этотъ пятый законъ соединяетъ и связываетъ между собою два отдѣльныхъ міра: живыхъ органическихъ существъ (растенія, животныя) съ міромъ существъ психическихъ (понятія, представленія); міръ реальный, вещественный — съ мі-

ромъ мыслимымъ, идеальнымъ; міръ лежащій внѣ насъ или природу физическую съ міромъ, заключеннымъ внутри насъ или съ духомъ.

Сказанное о развитіи одноцѣльнаго органа въ многообразныя формы черезъ разложеніе понятія о цѣлесообразной дѣятельности на представленія модусовъ ея можно распространить и на организмъ какъ цѣлесообразное соединеніе органовъ, и на органическій міръ какъ послѣдовательно развивающуюся и планомѣрно расположенную систему организмовъ. Сдѣлаемъ это и относительно перваго, и относительно втораго. Уже ранѣе было замѣчено, что распаденіе простаго живаго тѣла на органы сперва многоцѣльные — выполняющіе не одно какое либо назначеніе, а затѣмъ одноцѣльные — съ исключительною дѣятельностью, производится распаденіемъ сложной цѣли на цѣли частныя. Но что такое эти простыя, неразложимыя далѣе цѣли, въ отношеніи къ первоначальной сложной цѣли, которая на нихъ разлагается, и что такое самый процессъ разложенія? Сложная цѣль всегда можетъ быть выражена только въ опредѣленіи общаго характера и если, какъ изъ логическаго основанія, изъ нея вывести слѣдствія, то получатся логическія понятія о частныхъ цѣляхъ, составляющихъ въ совокупности цѣль сложную. И если мы припомнимъ все, что было сказано ранѣе объ отношеніи опредѣленій къ идеямъ, то для насъ ясно станетъ, что сложная цѣль есть всегда идея общаго значенія, а частныя цѣли суть идеи болѣе частнаго значенія, на которыя она разлагается; самый же процессъ разложенія есть процессъ внутренняго самораскрытія идеи, совершающійся черезъ преемственную смѣну логическихъ опредѣленій и терминовъ. Итакъ, если развитіе органа движется и направляется разложеніемъ понятія на представленія, то *развитіе организма движется и направляется разложеніемъ идеи на термины*. Далѣе, если мы вдумаемся въ то, что и протоорганизмъ, изъ котораго развились растительное и животное царство, *нѣкоторая жизнь*, то есть *въ немъ была сосредоточена жизнь;* и весь безгранично

разнообразный органическій міръ, который мы наблюдаемъ теперь, также живетъ, т. е. *въ немъ распредѣлена жизнь*, и при этомъ второй (органическій міръ) соединенъ съ первымъ (протоорганизмомъ) непрерывавшимся рядомъ нѣкогда живыхъ существъ — то для насъ ясно станетъ, что въ своемъ послѣдовательномъ развитіи этотъ носитель жизни былъ *раскрытіемъ въ веществѣ идеи жизни*, а въ своемъ планомѣрномъ строеніи теперь есть *проявленіе въ веществѣ формъ этой раскрывшейся идеи*. Отсюда понятно, почему находимъ мы въ этомъ мірѣ классы, роды и виды организмовъ съ постепенно съужпвающеюся общностью строенія; и почему весь онъ въ своемъ цѣломъ располагается въ строгую и правильную систему, подобно тому какъ располагаются въ систему члены правильно раскрытой идеи.

Отмѣтимъ, въ заключеніе, основные моменты въ развитіи и въ строеніи органическаго міра, производящіе распаденіе его на классы, роды и виды. Этихъ моментовъ три: 1. *распаденіе простаго организма на многоцѣльные органы;* 2. *распаденіе въ организмѣ многоцѣльныхъ органовъ на одноцѣльные* черезъ промежуточныя стадіи развитія, гдѣ исключительность органовъ возрастаетъ, пока въ одноцѣльности органовъ она (исключительность) не найдетъ своего полнаго осуществленія; 3. *распаденіе одноцѣльныхъ органовъ на многообразныя формы по модусамъ цѣлесообразной дѣятельности*. Эти три основные момента въ развитіи органическаго міра устанавливаютъ слѣдующіе четыре основные типа живущихъ организмовъ, подлежащихъ классификаціи: 1. *организмъ простой* (протоорганизмъ); 2. *организмъ съ многоцѣльными органами* (классъ); 3. *организмъ съ одноцѣльными органами* (родъ, genus); 4. *организмы съ многоразличными формами одного и того же одноцѣльнаго органа* (species, видъ).

Вотъ, какъ намъ думается, истинное объясненіе особенностей, лежащихъ въ органическомъ мірѣ. Оно далеко отъ того установившагося воззрѣнія на этотъ міръ, которое мирится и съ противорѣчіемъ себѣ — требованіемъ

безпричинности для доказательства причинности, и съ какою то — мы не можемъ найти другаго названія — натуральною чудесностью, лишь бы только избѣгнуть необходимости признать цѣлесообразность. И почему причинность кажется болѣе естественною и понятною въ природѣ, чѣмъ цѣлесообразность? Развѣ цѣль болѣе необъяснима, чѣмъ причина? Развѣ, если вдуматься глубже, есть что либо болѣе непостижимое, чѣмъ причинность? Мы видимъ и признаемъ цѣли въ тѣсномъ мірѣ человѣческаго творчества; зачѣмъ же намъ такъ упорно отвергать, что есть онѣ и въ томъ другомъ мірѣ, который не нами сотворенъ, но въ которомъ мы сотворены? Напротивъ не было ли бы какою то странною аномаліею, непостижимымъ исключеніемъ, если бы *явленіе цѣли* во всемъ безграничномъ мірозданіи было присуще только одной незамѣтной части его — той, которую населяетъ собою человѣкъ?

XVII. Двѣ частныя формы ученія о природѣ органическаго міра должны изучить составъ и строеніе царства растительнаго и царства животнаго. Въ томъ, что касается состава, онѣ соотвѣтствуютъ органической химіи; а въ томъ, что касается строенія, онѣ соотвѣтствуютъ сравнительной анатоміи, — наукамъ, которыя существуютъ уже. Только сравнительная анатомія должна стремиться къ болѣе тѣсной связи съ сравнительною физіологіею, чтобы *строеніе* органовъ *объяснялось изъ* цѣлесообразныхъ *процессовъ*, которые въ нихъ совершаются. Необходимо, чтобы «органографія», какъ описаніе органовъ, стремилась стать «органологіею», какъ пониманіемъ органовъ, этихъ своеобразно устроенныхъ и небезцѣльно дѣятельныхъ частей организма.

XVIII. Ученіе о природѣ существъ психическихъ также должно опредѣлить во-первыхъ *составъ* ихъ, и во-вторыхъ *строеніе*, какъ двѣ стороны, служащія несомнѣнно источникомъ всѣхъ особенностей, которыя замѣчаются въ этихъ существахъ сравнительно съ существами физическими. И въ самомъ дѣлѣ, если мышленіе, какъ исканіе истины, если радость, испытываемая при нахожденіи ея, и стрем-

леніе къ несуществующему добру при видѣ существующаго зла такъ не похожи на притяженіе, химизмъ и электричество,—то это потому, что мыслящее, радующееся и стремящееся есть не то, что притягивающееся и движущееся въ химическихъ и электрическихъ явленіяхъ; и если и самыя мысль, чувство и желаніе различны между собою, то это потому, что несходно въ строеніи то, что лежитъ въ основѣ ихъ. Опредѣлить составъ психическаго начала слѣдуетъ или положительно или, если это почему либо окажется невозможнымъ, хотя бы только отрицательно, показавъ, какъ аттрибуты матеріи физической чужды тому, что лежитъ въ основѣ психическихъ явленій, и какъ аттрибуты этой послѣдней основы своеобразны и самостоятельны. Что касается до строенія этого начала, то его легче опредѣлить, всматриваясь въ послѣдовательность явленій, происходящихъ въ духѣ. Такъ выше при опредѣленіи природы разума мы раскрыли его внутреннее строеніе. Подобнымъ же образомъ возможно раскрыть строеніе и чувства, и воли, и вообще всего психическаго, явленія чего какимъ либо образомъ могутъ быть наблюдаемы.

XIX. Ученіе о сущности явленій, какъ и ученіе о сущности вещей, распадается на *общую форму*, гдѣ познается, что именно бываетъ сущностью въ каждомъ явленіи — будетъ ли то явленіе физическое, жизненное, психическое или какое другое; и на рядъ *частныхъ формъ*, гдѣ познается природа явленій, распредѣленныхъ въ группы по своей однородности (напр. явленія механическія и психическія, или еще — тепловыя и электрическія). Чтобы объяснить, что значитъ познать сущность какой либо группы однородныхъ явленій, достаточно указать на явленіе теплоты, природа котораго была раскрыта съ доказательствомъ, что оно есть молекулярное движеніе въ тѣлахъ. Замѣтимъ, что частныя формы ученія о природѣ явленій соотвѣтствуютъ тому, что есть и къ чему стремится существующая наука подъ именами физики, механики, біологіи, физіологіи и науки объ обществѣ.

XX. *Ученіе о сущности Космоса* имѣетъ своею цѣлью показать распредѣленіе началъ, изученныхъ ранѣе, въ Космосѣ, какъ въ цѣломъ; или, что тоже, его задача есть выясненіе міростроенія, выдѣленіе того скрытаго плана, который лежитъ въ Мірѣ и по которому расположенъ послѣдній, какъ бы одѣвая этотъ планъ своими формами. Изъ этой основной задачи ученія о природѣ Космоса ясно, что главное содержаніе его должны составить міровыя отношенія матеріи и духа, вещества и формы, причины и цѣли; а также взаимное расположеніе и размѣщеніе того, что въ отдѣльности изучалось въ предъидущей частной формѣ — въ ученіи о сущности вещей въ Космосѣ.

ГЛАВА VIII.

Ученіе о Космосѣ и его формы: о свойствахъ.

I. Ученіе о свойствахъ и его составъ: общая теорія свойствъ, о свойствахъ вещей и явленій въ Космосѣ, и о свойствахъ Космоса, какъ цѣлаго. — II. *Общая теорія свойствъ* и два ряда ученій, ее составляющихъ: о свойствѣ въ самомъ себѣ и объ отношеніи свойства къ другимъ сторонамъ бытія. О свойствѣ въ самомъ себѣ: три формы существованія, присущія свойствамъ; условность ихъ существованія. — III. По природѣ своей свойства суть отношенія. — IV. Способность свойствъ, какъ отношеній, вступать въ новыя отношенія. — V. О происхожденіи свойствъ: пять источниковъ, откуда происходятъ они; соприкосновеніе соотносящагося въ свойствѣ, какъ обыкновенный способъ происхожденія свойствъ; какія свойства и въ чемъ могутъ возникать. — VI. Двоякое назначеніе, выполняемое свойствами въ природѣ; они увеличиваютъ связность природы, и служатъ источникомъ разнообразія ея. — VII. Виды свойствъ: существенныя, производныя, опредѣляющія, произведенныя, мнимыя; основательно ли думать что всѣ свойства, извѣстныя человѣку, суть мнимыя? Ученіе о количественныхъ соотношеніяхъ въ свойствахъ. — VIII. Ученіе объ отношеніи свойства къ другимъ сторонамъ бытія и форма этого ученія. — IX. *Ученіе о свойствахъ вещей въ Космосѣ.* Задачи этого ученія; каждое единичное свойство должно быть изучаемо по схемамъ разума; важность такого изученія для полноты пониманія. — X. Сложность и сравнительная нетрудность изученія свойствъ природы: примѣрный планъ этого изученія; возможность и необходимость свести ученіе о свойствахъ къ законамъ соотношеній. — XI. Свойства простыя и сложныя; различіе ихъ природы; какъ слѣдуетъ изучать первыя и вторыя; процессъ происхожденія сложныхъ свойствъ, составъ ихъ и строеніе. — XII. *Ученіе объ атрибутахъ Космоса, какъ цѣлаго.* Отношенія Космоса къ пространству, времени, причинности, цѣлесообразности и къ разуму, какъ предметъ этого ученія.

I. *Ученіе о свойствахъ*, какъ третьей основной сторонѣ бытія, распадается подобно предъидущимъ ученіямъ на *Общую теорію*, имѣющую цѣлью опредѣлить и понять, что такое свойство вообще; и на два частныхъ ученія: на *Ученіе о свойствахъ вещей лежащихъ въ Космосѣ*, и на *Ученіе о свойствахъ Космоса какъ цѣлаго.*

Общая теорія распадается на двѣ формы, изъ которыхъ одна занимается познаніемъ свойства разсматриваемаго въ самомъ себѣ, а другая занимается познаніемъ отношенія, въ которыхъ свойство находится къ другимъ сторонамъ бытія.

II. Пониманіе свойства въ самомъ себѣ двигаясь по схемамъ разума образуетъ изъ себя ученія о существованіи, о природѣ, о признакахъ, о происхожденіи и назначеніи, о видахъ и о количественной сторонѣ свойствъ. Остановимся нѣсколько на задачахъ каждаго изъ этихъ ученій.

Изучая свойство въ первой, основной сторонѣ бытія его въ существованіи, слѣдуетъ опредѣлить, подъ какую изъ ранѣе установленныхъ формъ этого существованія подходитъ оно. Если разсматривать свойство въ самомъ себѣ, то не подлежитъ сомнѣнію, что оно имѣетъ всѣ три формы существованія: *потенціальную* (озлобленность можетъ возникнуть въ человѣкѣ, мягкость можетъ возникнуть въ желѣзѣ), *образующуюся* (человѣкъ озлобляется, желѣзо размягчается) и *реальную* (человѣкъ озлобленъ, желѣзо мягко когда сильно раскалено, прямая тожественна самой себѣ во всѣхъ элементахъ своихъ). Если же обратимъ вниманіе не только на существованіе свойства, но и на отношеніе его къ другимъ сторонамъ бытія, то мы должны будемъ признать за всѣми формами его существованія *условность:* аттрибутъ всегда существуетъ при условіи, если существуетъ природа того, въ чемъ или на чемъ онъ существуетъ. Такимъ образомъ условность, какъ противоположность самобытію, присуща аттрибуту, и настоящая форма его существованія есть *бываніе,* какъ временное и не необходимое соприкосновеніе съ пространствомъ. Объясненіе же, почему присуща ему условность лежитъ въ его природѣ, какъ второй основной сторонѣ его бытія.

III. Замѣчательно, что свойства при анализѣ ихъ природы разлагаются въ *отношенія.* Въ томъ обыкновенномъ смыслѣ, какъ мы привыкли понимать его, и въ томъ видѣ, какъ оно представляется намъ, свойство вовсе не суще

ствуетъ въ природѣ. Есть только существа со своими отношеніями къ тому, что лежитъ внѣ ихъ; но нѣтъ чего-либо пребывающаго въ этихъ существахъ и истекающаго изъ нихъ. Самыя же отношенія, представляющіяся намъ свойствами, не всегда суть отношенія сходства и различія или причины и слѣдствія, но гораздо чаще — просто отношенія взаимности, обоюднаго вліянія, *не безразличія другъ для друга*. Чтобы убѣдиться въ справедливости этого, достаточно разсмотрѣть нѣсколько примѣровъ свойства, относящихся къ различнымъ областямъ бытія.

Всѣ свойства геометрическихъ и вообще математическихъ величинъ суть только непремѣнныя и необходимыя отношенія между этими величинами. Такъ теорема Пиѳагора показываетъ отношеніе квадрата, построеннаго на гипотенузѣ прямоугольнаго треугольника, къ квадратамъ, построеннымъ на его катетахъ (отношеніе равенства); такъ величина π показываетъ отношеніе окружности къ діаметру; теорема о суммѣ угловъ въ треугольникѣ показываетъ отношеніе ихъ къ прямому углу; и т. д. Вообще въ математикѣ, какъ въ наукѣ о величинахъ, все содержаніе составляютъ изысканія отношеній между величинами, и эти отношенія суть отношенія равенства или неравенства (болѣе или менѣе).

Свойства физическихъ тѣлъ суть также отношенія между этими тѣлами, но уже не равенства или неравенства, но взаимнодѣйствія, или — точнѣе и общѣе — связи какъ отсутствія безразличія по отношенію другъ къ другу. Такъ притяженіе есть соотношеніе частей вещества, выражающееся въ стремленіи ихъ сблизиться; такъ цвѣтъ тѣлъ есть отношеніе ихъ къ солнечному свѣту; такъ вязкость вещества есть отношеніе его къ пространству и къ другому веществу, способному проникать черезъ первое: такъ вкусъ и запахъ есть отношеніе мельчайшихъ частицъ какого-либо тѣла къ человѣческимъ нервамъ; и т. д.

Свойства психическія суть отношенія духа къ тому, что лежитъ внѣ его. Такъ разумность человѣка есть отношеніе его къ предметамъ и явленіямъ, сообразное съ ис-

тиною, но не съ кажущеюся природою ихъ; его доброта есть извѣстное отношеніе его къ людямъ; его твердость есть отношеніе къ будущему желаемому.

IV. Не только существа обладаютъ свойствами, или, согласно съ только что сказаннымъ, могутъ вступать въ соотношенія съ лежащимъ внѣ ихъ; но и самымъ свойствамъ можетъ быть свойственно одно и не свойственно другое, то-есть, согласно съ тѣмъ же опредѣленіемъ природы свойства — отношенія могутъ вступать какъ между собою такъ и вообще съ лежащимъ внѣ ихъ въ новыя соотношенія, какъ нѣкоторыя самостоятельныя существа. Такъ напр. прямизна или кривизна будучи только свойствами линій сами обладаютъ нѣкоторыми свойствами; или разумность и доброта будучи свойствами человѣка сами имѣютъ свойства, напр. первое (разумность) имѣетъ свойство внушать довѣріе къ поступкамъ и предположеніямъ человѣка, второе (доброта) — свойство располагать насъ къ своему обладателю. Эти свойства свойствъ, какъ видно изъ всѣхъ приведенныхъ примѣровъ, суть также по природѣ своей соотношенія.

V. Изучая причину и происхожденіе свойствъ должно опредѣлить, во-первыхъ, источникъ откуда возникаютъ свойства и, во-вторыхъ, процессъ ихъ возникновенія. Источниковъ свойствъ пять: 1. *природа существа или явленія*, напр. свойство прямой пересѣкать другую прямую только въ одной точкѣ вытекаетъ изъ природы ея; 2. *свойство существа*, напр. магнитность земли или присутствіе въ ней магнитныхъ токовъ, приблизительно совпадающихъ съ меридіанами, есть причина свойства намагниченной стрѣлки всегда обращаться однимъ концомъ къ одному полюсу и другимъ концомъ къ другому полюсу; или напр. доброта человѣка есть источникъ счастья и радости его; 3. *происхожденіе;* нерѣдко одно и тоже существо или явленіе, въ отдѣльныхъ случаяхъ происходя отъ различныхъ причинъ, имѣютъ и свойства различныя, которыя поэтому должны быть отнесены, какъ къ своему источнику, не къ самымъ существамъ или явленіямъ, ко-

торымъ они (свойства) принадлежатъ, но къ причинамъ изъ которыхъ исходятъ эти существа и явленія. Такъ свѣтъ, исходящій отъ солнца, имѣетъ не одинаковыя свойства со свѣтомъ, исходящимъ отъ свѣчи, или теплота солнца не одинакова съ теплотою животною, или знаніе усвоенное отъ другаго имѣетъ не одинаковыя свойства съ знаніями, которыя пріобрѣтены самостоятельно; что ясно обнаруживается — для свѣта и теплоты въ ихъ неодинаковомъ дѣйствіи на растенія и животныя, а для знанія — въ ихъ различномъ вліяніи на психическое состояніе или психическій строй человѣка; 4. *цѣль;* нерѣдко одно и то же явленіе или существо съ измѣненіемъ своего назначенія измѣняетъ и свои свойства; т. е. переставая стремиться къ одной какой-либо цѣли, утрачиваетъ свои соотношенія съ нею и начиная стремиться къ новой, другой цѣли, вступаетъ съ нею въ соотношеніе. Такъ свойства, государства, какъ политическаго организма, измѣняются смотря потому, какую цѣль преслѣдуетъ оно,— благосостояніе ли, напримѣръ, или справедливость, или осуществленіе свободы, или еще что другое. Поэтому то и философы, полагая для государства различныя цѣли, не соглашались между собою относительно свойствъ его; и дѣйствительныя государства, стремясь къ различному, не были одинаковы по своимъ свойствамъ («Respublica» Платона не походитъ на Civitas Dei блаженнаго Августина или на систему фаланстеровъ Фурье; государство Сципіоновъ не сходно было съ имперіею Цезарей или съ теократіей Римскихъ первосвященниковъ; Спарта, какъ государство, имѣла иныя свойства, чѣмъ Аѳины, потому что имѣла иную, чѣмъ онѣ, цѣль). Также измѣняется и человѣкъ, когда измѣняются его взгляды на назначеніе своей жизни: въ эпоху христіанства напр. онъ уже былъ не тотъ, каковъ былъ въ эпоху античнаго язычества, и это потому что съ принятіемъ новой религіи онъ уже въ иномъ сталъ видѣть свое назначеніе, нежели то, въ чемъ видѣлъ его прежде.

Что касается до процесса происхожденія свойствъ, то, какъ кажется, въ большинствѣ случевъ онъ сводится

къ процессу соприкосновенія того, чего соотношеніе составляетъ природу свойства. Такъ тѣло пріобрѣтаетъ цвѣтъ, когда его поверхность соприкасается съ лучами солнца, и, разлагая ихъ, одни цвѣта поглощаетъ, а другіе отражаетъ отъ себя.

Наконецъ относительно вопроса, какія именно свойства въ какихъ тѣлахъ могутъ возникать, или, согласно съ опредѣленіемъ свойства — что именно можетъ вступать между собою въ соотношеніе, то на этотъ вопросъ безъ предварительныхъ частныхъ изысканій можно дать отвѣтъ только въ самой общей формѣ: чѣмъ болѣе въ какихъ либо двухъ тѣлахъ общаго, чѣмъ однороднѣе и родственнѣе они между собою по своей сущности (составу и строенію), тѣмъ съ большею легкостью возникаетъ между ними соотношеніе, обнаруживающееся для наблюдателя въ формѣ свойства; и напротивъ чѣмъ разнороднѣе тѣла, тѣмъ болѣе трудно для природы или человѣка связать ихъ. Но гдѣ лежитъ грань между возможнымъ и невозможнымъ соотношеніемъ, это опредѣлить хотя и необходимо для пониманія природы и жизни, однако трудно.

VI. Назначеніе, выполняемое свойствами въ природѣ, двояко: во-первыхъ они связываютъ части ея и черезъ это придаютъ *цѣльность* всей ей; а во-вторыхъ они увеличиваютъ *разнообразіе* ея. Справедливость перваго очевидна изъ того, что было сказано о природѣ свойства. если оно есть соотношеніе, то понятно, что черезъ него части природы соотносятся между собою, не остаются безразличными одна къ другой, не чувствующими бытія другъ друга. Справедливость втораго ясна изъ того, что было сказано о происхожденіи свойствъ: потому что если свойство можетъ быть источникомъ другаго свойства, то слѣдовательно это послѣднее вытекаетъ изъ перваго. Это значитъ, что каждое свойство, разсматриваемое въ отдѣльности, имѣетъ постоянную наклонность увеличивать общее количество свойствъ, пребывающихъ въ природѣ. А такъ какъ видимое разнообразіе природы сводится къ разнообразію свойствъ въ ней, то слѣдовательно одно изъ на-

значеній свойства вообще состоитъ въ томъ чтобы увеличивать это разнообразіе.

VII. Вематриваясь въ сходство и различіе свойствъ, можно замѣтить между ними слѣдующіе виды: 1. *Свойства существенныя*, вытекающія изъ самой природы или существа того, въ чемъ они прибываютъ, наприм. протяженность въ матеріи, нескончаемость во времени, безграничность въ пространствѣ, или основныя свойства въ геометрическихъ линіяхъ и фигурахъ. 2. *Свойства производныя*, которыя вытекаютъ изъ существеннаго аттрибута, а не изъ сущности чего либо, — напр. второстепенныя свойства геометрическихъ линій и фигуръ, которыя и вытекаютъ изъ основнаго атрибута ихъ, и доказываются на основаніи его. 3. *Свойства опредѣляющія*, которыя постоянны въ предметѣ и исключительно принадлежатъ ему, т. е. отличаютъ и выдѣляютъ его изъ ряда всѣхъ другихъ предметовъ. 4. *Свойства произведенныя*, которыя, не будучи вообщее присущи предмету, могутъ однако быть произведены въ немъ и производятся. Напр. магнитность производится въ желѣзѣ, если подвергнуть его дѣйствію электрическаго тока. Сюда же принадлежатъ всѣ свойства человѣка, возникающія въ немъ подъ вліяніемъ воспитанія, окружающей среды и пр., напр. раздражительность, злопамятность, разсѣянность. Умѣть отличать этотъ видъ свойства отъ всѣхъ другихъ видовъ его чрезвычайно важно въ практическомъ отношеніи, потому что собственно только надъ нимъ однимъ человѣкъ можетъ стать господиномъ; прочія же свойства не могутъ быть ни уничтожены, ни вызваны въ вещахъ. 5. *Свойства мнимыя*, которыя не находятся въ вещахъ, но приписываются имъ человѣкомъ вслѣдствіе его субъективныхъ ощущеній, обусловленныхъ его организаціей, напр. цвѣтъ въ вещахъ. Ошибочно думаютъ многіе, что такой субъективный характеръ имѣютъ и всѣ свойства, такъ что о томъ, каковы предметы въ дѣйствительности, мы не знаемъ и никогда не будемъ въ состояніи что либо узнать. И въ самомъ дѣлѣ, если мы утверждаемъ, что предметы въ дѣйствительности не по-

хожи на то, чѣмъ они намъ представляются, то уже *этимъ самымъ* утвержденіемъ отвергаемъ то, что изъ *него же* выводимъ о своемъ знаніи — именно, что оно никогда не можетъ коснуться вещей «въ самихъ себѣ». Потому что утверждать о сходствѣ или различіи чего либо возможно тогда только, когда знаешь сравниваемое — въ данномъ случаѣ знанія о предметахъ и самые предметы; и если мы думаемъ и говоримъ, что предметы не сходны съ нашими чувственными знаніями о нихъ, то слѣдовательно мы нашли нѣкоторый способъ помимо чувствъ узнавать о ихъ дѣйствительной природѣ и именно посредствомъ этихъ способовъ убѣдились въ ложности нашихъ чувственныхъ познаній. Но если черезъ эти способы мы могли убѣдиться въ ошибочности знаній, пріобрѣтенныхъ нами съ помощью чувствъ, то слѣдовательно черезъ нихъ мы пріобрѣли о предметахъ знаніе истинное, не мнимое; т. е. именно они же убѣждаютъ насъ въ возможности знать вещи «въ самихъ себѣ», а не такъ, какъ онѣ представляются намъ. Всего яснѣе можно понять приведенное разсужденіе на томъ примѣрѣ, который обыкновенно приводится сомнѣвающимся въ возможности истинныхъ знаній о предметахъ внѣшняго міра. «Въ дѣйствительности, говорятъ они, нѣтъ ни звуковъ, ни цвѣтовъ; и то и другое есть только субъективныя наши представленія, обусловленныя особенностями нашихъ слуховыхъ и зрительныхъ органовъ; міръ безъ шума движется по путямъ своимъ и пребываетъ въ вѣчномъ мракѣ; не въ природѣ, но только въ глазѣ и въ ухѣ существуютъ цвѣта и звуки, — и еслибъ, прибавимъ уже мы, устройство нашихъ органовъ было другое, то міръ представился бы намъ не только не такимъ, какимъ представляется теперь, но напротивъ въ такихъ формахъ, причудливыхъ и странныхъ, о которыхъ поистинѣ мы и подумать не можемъ, и при томъ столь же реально, какъ реаленъ по-нашему существующій міръ». Это разсужденіе справедливо, и на немъ то именно незыблемо утверждается наше убѣжденіе въ возможности познать существующій міръ

такъ, какъ онъ есть: потому что вѣдь хотя и предстаавляется намъ природа полнаго звуковъ и цвѣтовъ, — однако узнали же мы, что въ дѣйствительности она погружена въ непарушаемое молчаніе и въ вѣчный сумракъ.

Изученіе количественной стороны свойствъ есть изученіе количественной стороны вообще соотношеній. Оно занимается разрѣшеніемъ вопросовъ — при какихъ условіяхъ соотношенія усиливаются или ослабѣваютъ, и при какихъ условіяхъ возрастаетъ и уменьшается соотносящееся въ нихъ.

VIII. Ученіе объ отношеніи свойства къ другимъ сторонамъ бытія распадается, по числу послѣднихъ, на ученіе объ отношеніи свойства къ существованію, къ сущности, къ причинѣ, цѣли, сходству и различію и къ числу. Мы не будемъ разсматривать этихъ отношеній, потому что какъ именно и что̀ должно быть познано здѣсь, можно видѣть изъ того, что было сказано при разсмотрѣніи соотвѣтствующихъ формъ ученія о сущности; а сказать что либо положительное объ этихъ отношеніяхъ невозможно безъ предварительныхъ изысканій.

IX. Ученіе о свойствахъ вещей въ Космосѣ имѣетъ своею задачею изучить всѣ отношенія, существующія въ природѣ, и черезъ это опредѣлить свойства всѣхъ вещей, лежащихъ въ ней, и всѣхъ явленій, въ ней совершающихся. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что каждое единичное (не сходное съ другими) свойство, существованіе котораго въ природѣ будетъ твердо установлено, должно быть понятно всесторонне, т. е. изученіе его должно вестись по схемамъ разума. Насколько важно такое изученіе для полноты пониманія и цѣльности его, это всего лучше можетъ быть объяснено на единичномъ примѣрѣ. Пусть изучаемое свойство есть способность жидкостей, раздѣленныхъ между собою органическою тканью, взаимно смѣшиваться проникая черезъ эту ткань (эндосмосъ и экзосмосъ). Систематически подвигаясь, познающая мысль должна возбудить и разрѣшить слѣдующіе вопросы относительно этого свойства тканей и жидкостей:

1. Какъ слѣдуетъ понимать *существованіе* этого свойства? т. е. всегда ли изучаемое явленіе происходитъ, разъ даны двѣ жидкости и раздѣляющая ихъ органическая ткань, или не всегда? изыскивая отвѣтъ на этотъ вопросъ, слѣдуетъ производить наблюденія надъ живою природою и искусственные опыты, наблюдая при этомъ, чтобы они имѣли исчерпывающій характеръ (по возможности всѣ ткани должны быть введены, какъ раздѣляющія, и во всѣ жидкости, неодинаковыя по сю и по ту сторону ткани). Допустимъ, что опытъ обнаруживаетъ *непостоянство существованія* изучаемаго явленія. Въ такомъ случаѣ условіе существованія и несуществованія явленія можетъ лежать или въ тканяхъ или въ жидкостяхъ. Производится новый рядъ опытовъ съ цѣлью найти отвѣтъ на этотъ вопросъ, и пусть онъ обнаружитъ, что не въ жидкостяхъ лежитъ условіе смѣшиванія; тогда разумъ уже прямо умозаключаетъ, что оно находится въ тканяхъ, и нѣсколькими опытами, въ которыхъ видоизмѣняются эти ткани, одновременно и подтверждаетъ умозаключеніе свое, и опредѣляетъ, что именно изъ лежащаго въ тканяхъ способствуетъ явленію, и что задерживаетъ его.

2. Что такое изучаемое свойство по своей природѣ, въ чемъ состоитъ *сущность* его? отвѣтить на этотъ вопросъ — значитъ понять, *что* именно *совершается* въ изучаемомъ явленіи, и *какъ совершается?* черезъ однѣ ли и тѣ же поры ткани проходятъ обѣ жидкости, или же каждая жидкость проходитъ черезъ свои особенныя поры, и во время этого прохожденія черезъ ткань не встрѣчается и не смѣшивается съ другою жидкостью,—что можно узнать, окрасивъ одну изъ жидкостей въ одинъ цвѣтъ, а другую въ другой, и при этомъ такъ, чтобы окрашивающіе цвѣта оставили свой слѣдъ на томъ веществѣ, черезъ которое проникаетъ окрашенная жидкость.

3. Каковы *свойства* изучаемаго соотношенія между тканью и жидкостями? Эти свойства могутъ обнаружиться въ жизни организмовъ и въ ихъ особенностяхъ, напр. въ способности ихъ заражаться черезъ наружное соприкосновеніе съ жид-

костями, хотя бы губительное дѣйствіе послѣднія оказывали только на кровь.

4. Каковы *причины* и *происхожденіе* изучаемаго свойства? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, предварительно слѣдуетъ мысленно разложить соотносящееся въ свойствѣ на элементы, чтобы узнавъ черезъ это, въ чемъ *можетъ* заключаться его причина, — потомъ найти, гдѣ она *дѣйствительно* заключена. Эта причина можетъ лежать: 1) въ порахъ ткани, въ длинѣ ихъ, какъ каналовъ, или 2) въ ихъ тонкости (явленіе капиллярности), 3) въ ихъ устройствѣ (формѣ), 4) въ ихъ стѣнкахъ — быть можетъ послѣднія не остаются неподвижными, но имъ присуще или сокращеніе или какое другое измѣненіе, вслѣдствіе котораго онѣ (поры) не могутъ не всасывать жидкость; 5) въ удѣльномъ вѣсѣ жидкостей — въ различіи этого вѣса для нихъ обѣихъ, или напротивъ — въ одинаковости; 6) въ химическомъ составѣ жидкостей, 7) въ физическихъ свойствахъ ихъ. Опредѣливъ такимъ образомъ элементы, можно уже будетъ приступить и къ опытному изученію, — именно видоизмѣняя искусственно каждый элементъ порознь, слѣдуетъ смотрѣть, съ измѣненіемъ котораго изъ нихъ измѣнится явленіе. Элементъ, измѣняющій это послѣднее, и будетъ его причиною.

5. Каково *назначеніе* изучаемаго свойства въ природѣ, что выполняетъ оно въ ней? т. е. что въ природѣ стало *возможнымъ* при существованіи этого свойства, что *необходимымъ* и, наконецъ, что *ненужнымъ?* Отвѣтъ на эти вопросы при изученіи природы обыкновенно не ищется, и все, что дѣлаетъ наука въ этомъ отношеніи, обыкновенно ограничивается случайными и мимолетными замѣчаніями, что такъ вредитъ и полнотѣ нашего пониманія этой природы, и уменьшаетъ разумность, связность въ самой наукѣ.

6. Есть ли, и если есть — то каково *сходство и различіе* того свойства. Оно (сходство и различіе) можетъ быть или въ процессѣ соотношенія (ходъ обмѣна жидкостей), или въ результатѣ его.

7. Какова *количественная сторона* этого соотношенія? Здѣсь можетъ быть изучена быстрота обмѣна при различныхъ условіяхъ; и еще далѣе — количество каждой изъ смѣшанныхъ жидкостей въ получаемой смѣси при одинаковомъ и различномъ объемѣ до момента смѣшенія, при одинаковомъ и различномъ удѣльномъ вѣсѣ ихъ, при одинаковой и различной температурѣ и пр.

Изъ приведеннаго примѣра ясно можно видѣть и то, какъ много вопросовъ возбуждается при изученіи по схемамъ разума, — такъ что ничто въ изученномъ не ускользаетъ отъ вниманія; и то какъ многое, напротивъ, можетъ остаться не открытымъ, не *усмотрѣннымъ*, если ограничиваться въ изученіи одними чувственными впечатлѣніями, или если вести его не систематично.

X. По объему содержанія ученіе о свойствахъ вещей болѣе сложно, нежели ученіе о сущности вещей, хотя и не столь трудно; потому что каждая вещь имѣя одну природу имѣетъ многія свойства, и потому что свойства эти могутъ быть наблюдаемы снаружи, тогда какъ природа вещи (сущность) всегда бываетъ скрыта. По строенію же своему эта форма науки можетъ быть различна, смотря потому, какой планъ познанія всѣхъ свойствъ разумъ найдетъ болѣе исчерпывающимъ. Какъ руководящій и поясняющій примѣръ, мы приведемъ слѣдующій планъ такого изученія.

1. Ученіе о свойствахъ вещества (скважности, упругости, тяжести и т. п.), гдѣ изучается отношеніе его къ пространству и къ другимъ основнымъ элементамъ бытія: къ закону, къ силѣ, къ измѣненію и пр.

2. Ученіе о свойствахъ газовъ (стремленіе частицъ всякаго газа отталкиваться одна отъ другой и пр.).

3. Ученіе о свойствахъ жидкостей (одинаковость давленія на стѣнки заключающаго сосуда и другія свойства).

4. Ученіе о свойствахъ полужидкостей или густыхъ смѣсей (этотъ родъ тѣлъ, какъ кажется, очень мало изслѣдованъ).

5. Ученіе о свойствахъ минераловъ (свойства геометри-

ческія, встрѣчаемыя въ кристаллахъ; свойства физическія, какъ то: спайность, удѣльный вѣсъ, фосфоричность, двойное лучепреломленіе, электричество — напр. въ янтарѣ, и магнетизмъ — напр. въ магнитномъ желѣзнякѣ, цвѣтъ, качества излома и многія другія; далѣе — свойства химическія, т. е. отношенія къ различнымъ химическимъ соединеніямъ, напр. къ кислотамъ).

6. Ученіе о свойствахъ животныхъ тканей (мускульной, костяной, нервной, мозговой; той изъ которой образованы стѣнки сосудовъ, напр. железъ, полостей рта и носа, желудка; далѣе — тканей покрывающихъ, какъ-то кожи, ногтя и пр.). Свойства эти также могутъ быть раздѣлены на физическія (отношенія къ свѣту, звуку, электричеству, теплотѣ и пр.), химическія (отношенія къ различнымъ химическимъ соединеніямъ) и чисто жизненныя (явленія роста, движенія, самовозстановленія въ случаѣ разрушенія и многія другія).

7. Ученіе о свойствахъ растительныхъ тканей (умираніе и рожденіе, ростъ, самовозстановленіе и т. д.).

8. Ученіе о свойствахъ органическихъ жидкостей, какъ животныхъ такъ и растительныхъ, которыя наполняютъ собою сосуды, состоящіе изъ тканей (наприм. свойства крови, слюны, содержимаго железъ; а также — растительныхъ соковъ и пр.).

9. Ученіе о свойствахъ органическихъ тѣлъ (наприм. кровяныхъ шариковъ и др.).

Такъ какъ всякое свойство есть соотношеніе, а всякое соотношеніе можетъ быть выражено въ законѣ, уловляющемъ постоянное и необходимое въ немъ (соотношеніи); то каждое изъ перечисленныхъ ученій можетъ и должно быть развито въ строгую систему законовъ. Такъ ученіе о свойствахъ газовъ должно быть возведено въ рядъ законовъ о газахъ; ученіе о свойствахъ жидкостей должно содержать законы, которымъ подчинены явленія въ жидкостяхъ; ученіе о свойствахъ растительныхъ и животныхъ тканей должно быть сведено къ ученію о жизненныхъ законахъ; и т. д. Какъ на примѣръ такого сведенія

ученія о свойствахъ къ открытію законовъ соотношенія, можно указать на законъ всемірнаго тяготѣнія, въ которомъ выразилось знаніе одного изъ свойствъ вещества — тяжести.

XI. Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о томъ, что мы назвали бы *сложными свойствами*. Есть свойства простыя, ни на что не разлагаемыя и не изъ чего не составленныя, природа которыхъ состоитъ изъ *одного соотношенія;* и есть свойства, которыя сложены изъ нѣсколькихъ другихъ свойствъ и могутъ быть при анализѣ разложены на нихъ; ихъ природа состоитъ изъ *многихъ одновременно переплетающихся соотношеній*. При изученіи всякаго вновь открытаго свойства прежде всего слѣдуетъ испытывать — не сложено ли оно изъ какихъ нибудь простыхъ уже извѣстныхъ свойствъ, не есть ли оно только новая извѣстная комбинація порознь извѣстнаго уже; и затѣмъ не ранѣе, какъ убѣдившись въ его простотѣ, слѣдуетъ приступать къ изученію его по схемамъ разума. Когда же свойство сложно, тогда изученіе его сводится во-первыхъ къ познанію простаго сложеннаго, т. е. элементовъ (состава); и во-вторыхъ къ изученію сложенія — какъ процесса и какъ строенія. Изучая сложеніе какъ процессъ нужно познать *какъ произошло* оно (какъ сложилось сложенное), а изучая его какъ строеніе слѣдуетъ познать, *какъ расположено* относительно другъ друга простое въ сложномъ.

XII. *Ученіе объ аттрибутахъ Космоса*, какъ цѣлаго, должно раскрыть его отношеніе къ тому, что лежитъ внѣ его или въ чемъ лежитъ онъ самъ. Напр. отношеніе его къ пространству выражается въ аттрибутахъ безграничности или ограниченности; отношеніе его ко времени выражается аттрибутомъ безконечности или конечности; отношеніе его къ разуму выражается аттрибутомъ сознательной разумности, какъ бы разлитой въ его (Космоса) устройствѣ, или же случайности, отсутствія этой разумности далѣе, отношеніе его къ причинѣ выражается аттрибутами или его самобытія т. е. безпричинности, или напротивъ

зависимости отъ какой либо первоначальной причины; отношеніе его къ цѣли выражается или безцѣльностью его бытія, въ смыслѣ отсутствія чего либо внѣшняго, къ чему направлялось бы его развитіе, или же аттрибутомъ цѣлесообразности,— въ томъ смыслѣ, что есть нѣчто высшее, что притягиваетъ къ себѣ міръ и движетъ его этимъ притяженіемъ чрезъ посредствующія промежуточныя и временныя формы.

———38———

ГЛАВА IX.

Ученіе о Космосѣ и его формы: о причинности.

I. Ученіе о причинности и его формы: общая теорія, ученіе о причинахъ вещей и явленій въ Космосѣ, и ученіе о причинѣ Космоса, какъ благо. — II. *Общая теорія причинности* и двѣ задачи ея: опредѣленіе причинности въ самой себѣ и опредѣленіе отношеній причинности къ другимъ сторонамъ бытія. О существованіи причины въ отношеніи къ слѣдствію, и безотносительно; законъ постепеннаго ослабленія энергіи причины, какъ дѣятеля, по мѣрѣ удаленія и дробленія ея слѣдствій; о существованіи причинности, какъ сцѣпленія, пространственномъ и временномъ. — III. О природѣ причинности и членовъ ея; опредѣленія ихъ. — IV. О свойствахъ причинности и членовъ ея основныхъ и опредѣляющихъ. — V. О происхожденіи причинности; три возможные источника ея: общность происхожденія вещей и явленій, первоначальный толчекъ, и неустойчивость скрытая въ природѣ всего соотносящагося въ причинности. Гармонія и законосвязность въ природѣ, какъ слѣдствіе причинности; скрѣпленіе пассивной стороны въ мірозданіи и ослабленіе дѣятельной стороны въ немъ, какъ назначеніе причинности. — VI. Типы причинности: сосуществованіе, преемство и четыре формы его; о мнимой причинности. — VII. О количественномъ соотношеніи между причиною и слѣдствіемъ; оно ограничивается преемствами и не распространяется на сосуществованія. — VIII. Объ отношеніи причины къ существованію слѣдствія въ преемствахъ и въ сосуществованіяхъ; законъ сохраненія существованія въ природѣ, какъ слѣдствіе этого отношенія. — IX. Объ отношеніи причины къ природѣ вещи или явленія; сущность вещи или явленія совпадаетъ съ перемѣстившеюся въ вещь или явленіе причиною ея, или частью этой причины. Объ отношеніи причины къ свойствамъ — X. Объ отношеніи причины къ цѣли, три формы этого отношенія: 1. причина и цѣль, совпадающія съ природою прошедшаго и предназначеннаго; 2. причина и цѣль, совпадающія другъ съ другомъ и лежащія впереди или послѣ произведеннаго и предназначеннаго; 3. причина и цѣль, не совпадающія ни между собою, ни съ вещью произведенною и предназначенною. Явленіе избытка слѣдствій надъ цѣлями и важное значеніе этого явленія въ цѣлесообразной дѣятельности. — XI. Объ отношеніи причины къ слѣдствію; знаніе этого отношенія есть единственное средство проникнуть въ недоступныя части мірозданія; его способность дать всякое знаніе, какого можетъ пожелать человѣкъ: непреодолимая трудность пріобрѣсти знаніе этого отношенія, два основные вопроса, къ разрѣшенію которыхъ сводится знаніе этого отношенія: что изъ заключеннаго въ причинѣ переходитъ въ слѣдствіе? и что изъ заключеннаго въ слѣдствіи предсуществовало въ причинѣ? Ложность ихъ теоретическаго разрѣшенія; невозможность примирить это разрѣшеніе съ дѣйствительностью; третье, что необходимо допустить, какъ

присутствующее въ причинности сверхъ причины и слѣдствія; возможно, что это третье есть выѣшательство цѣлесообразности. — XII. *Ученіе о причинахъ вещей и явленій въ Космосѣ:* два плана, которыми возможно руководиться при образованіи этого ученія: пониманіе причинности въ Космосѣ и распредѣленія ея въ немъ; пониманіе Космоса въ его причинномъ сцѣпленіи; двоякій схематизмъ причинности, какъ цѣль и результатъ двухъ возможныхъ способовъ выполнить задачи этого ученія. — XIII. *Ученіе о причинѣ Космоса, какъ цѣломъ;* различіе этого ученія отъ ученія о генезисѣ Космоса; отношеніе слѣдствія къ причинѣ, какъ основаніе, на которомъ можетъ быть построено познаніе причины Космоса; положительный и отрицательный методъ ея открытія и опредѣленія.

I. *Ученіе о причинности,* какъ о четвертой основной сторонѣ бытія, также распадается на *Общую теорію,* гдѣ познается, что̀ такое причинность вообще, и на двѣ частныя формы: на *Ученіе о причинахъ вещей и явленій въ Космосѣ,* задача котораго — открыть причины всего единичнаго, лежащаго и совершающагося въ природѣ и въ жизни, и на *Ученіе о причинѣ Космоса, какъ цѣломъ.*

Общая теорія должна дать пониманіе причинности, во-первыхъ, въ самой себѣ и, во-вторыхъ, въ отношеніи къ другимъ сторонамъ бытія, и по этой двойной задачѣ своей она выдѣлетъ изъ себя два ряда ученій. Изъ нихъ первый имѣетъ своимъ предметомъ опредѣленіе существованія, сущности, свойствъ, происхожденія, назначенія, типовъ и количественной стороны причиннаго соотношенія.

II. Существованіе причины можетъ быть разсматриваемо въ двоякомъ смыслѣ: въ отношеніи къ существованію того, что вытекаетъ изъ нея, или слѣдствія; и безотносительно. Что касается до существованія причины въ отношеніи къ существованію слѣдствія, то оно бываетъ двояко для двухъ различныхъ формъ причинности — сосуществованія и преемства. Въ первой изъ этихъ двухъ формъ существованіе причины бываетъ одновременно и равновременно съ существованіемъ слѣдствія; т. е. причина пребываетъ во все то время, пока пребываетъ слѣдствіе, не была ранѣе его и не будетъ позднѣе его. Такъ природа какой либо геометрической линіи (причина) одновременна и равновременна со свойствами этой линіи, вытекающими изъ ея природы (слѣдствія). Ясно, что этотъ родъ причинности имѣетъ существованіе то вѣчное реаль-

ное, то вѣчное потенціальное и временное реальное, смотря по тому, какую форму существованія имѣетъ сосуществующая съ своею причиною вещь или явленіе. Относительно же причинъ втораго вида (преметвъ) можно замѣтить, что онѣ существуютъ, пока не существуетъ слѣдствіе; и перестаютъ существовать, когда появляется оно. Такъ въ явленіи удара — пока движеніе есть, нѣтъ теплоты; и когда возникаетъ теплота, прекращается движеніе. Въ значеніи же абсолютномъ, безотносительномъ, причина имѣетъ существованіе вѣчное — то обнаруженное, то скрытое, потому что произведя слѣдствіе она только повидимому исчезаетъ, въ дѣйствительности же скрывается въ то, что произведено ею, и продолжаетъ тамъ пребывать до новаго обнаруженія. Такъ движеніе ударившаго тѣла не прекращается, хотя тѣло и остановилось; но скрывается въ теплоту, которая развилась отъ удара и изъ которой оно (движеніе) можетъ вновь обнаружиться въ прежней формѣ (теплота можетъ воспроизвести движеніе, отъ котораго произошла, т. е. въ свою очередь исчезнуть скрывшись въ него).

Изъ этой особенности въ существованіи причины вытекаетъ замѣчательное явленіе постепеннаго ослабленія ея энергіи по мѣрѣ того, какъ дробится то, во что она переходитъ. И въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ далѣе какія либо вещи или явленія отходятъ отъ своей причины и чѣмъ многочисленнѣе и разнообразнѣе становятся онѣ, тѣмъ меньшая часть первоначальной общей причины находится въ каждой отдѣльной изъ нихъ и тѣмъ слабѣе, слѣдовательно, напряженіе ея въ ней, какъ производящаго дѣятеля. Такъ напр. идея пользы, воплощаясь въ государствѣ, постепенно теряетъ свою энергію по мѣрѣ того какъ государство усложняется въ своемъ строеніи; и когда это усложненіе достигаетъ высокаго развитія — многіе органы его (государства) почти уже перестаютъ жить этою идеею и не живя ничѣмъ другимъ — умираютъ; тогда какъ первоначально, пока устройство государства не сложно, всѣ части его бываютъ полны энергіи, жизненности и

высокаго сознанія своего назначенія. Какъ на примѣръ этого постепеннаго ослабленія жизненной энергіи можно указать на политическія учрежденія Рима въ началѣ республики и въ передъ установленіемъ имперіи. Подобнымъ же образомъ жизнь природы въ отдаленныя эпохи, когда она была еще близка къ своей причинѣ и не раздроблена, какъ теперь, въ множествѣ разнообразнѣйшихъ формъ, — эта жизнь несомнѣнно отличалась неизмѣримо бо́льшею энергіею; и всевозможныя измѣненія, перевороты и развитіе въ то время совершались быстрѣе, чѣмъ совершаются въ настоящее время, когда и причина первоначальная такъ далека, и природа стала такъ многоформенна. Въ этомъ же, быть можетъ, скрывается объясненіе и меньшей долговѣчности, и меньшей духовной силы въ новыхъ народахъ сравнительно съ древними, и среди нихъ — у новыхъ поколѣній въ сравненіи съ поколѣніями отжившими. Напр. древніе индусы, евреи, греки и римляне отличались несомнѣнно бо́льшею психическою силою, чѣмъ Романо-Германцы, смѣнившіе ихъ въ исторіи; а въ прошедшей жизни этихъ послѣднихъ достаточно назвать эпохи Римской теократіи и феодализма, затѣмъ — Возрожденія наукъ и искусствъ, далѣе, — Реформаціи, потомъ, — установленія философіи и наукъ въ XVII вѣкѣ, въ эту великую эпоху, когда Декартъ, Бэконъ, Галилей, Кеплеръ и Гоббесъ были современниками, наконецъ — XVIII в., это время универсальнаго раціонализма, и нашъ XIX в., — чтобы показать, какъ по мѣрѣ усложненія формъ жизни истощалась психическая энергія индивидуумовъ.

Опредѣливъ форму существованія причины и слѣдствія, какъ двухъ членовъ причинной связи, слѣдуетъ еще опредѣлить форму существованія *самой причинности, какъ* постояннаго и необходимаго *соединенія* этихъ членовъ. Эту причинность слѣдуетъ строго отдѣлять отъ причины и слѣдствія; она не въ нихъ, а *между ними,* и ея то пониманіе составляетъ объектъ разсматриваемой теперь формы науки. Опредѣляя видъ существованія этой причинности, слѣдуетъ познать, повсюду ли она есть, и всегда

ли: т. е. совѣчна ли она времени, и соразмѣрна ли съ пространствомъ, — или же она пребываетъ въ нихъ, какъ и все въ Космосѣ, въ предѣльной и временной формѣ.

III. Изучая сущность причинности, слѣдуетъ раскрыть въ чемъ именно состоитъ причинное соединеніе, и что такое причина и слѣдствіе, какъ члены этого соединенія. Ранѣе мы высказали мнѣніе, которое повторяемъ и теперь, что сущность причинности всего ближе можно опредѣлить выраженіемъ «производимость вещей», гдѣ подъ «вещами» разумѣется все познаваемое; а явленія, называемыя «причиною» и «слѣдствіемъ» — имена, указывающія на члены причиннаго соединенія, но не выясняющія природы указываемаго — всего точнѣе будетъ опредѣлить словами «производящее» и «производимое», которыя и раскрываютъ природу этихъ явленій, и могутъ служить плодотворнымъ основаніемъ для вывода нѣкоторыхъ важныхъ положеній о причинности въ Космосѣ. Къ этому мы прибавимъ здѣсь, что выясняя сущность причинности слѣдуетъ обратить вниманіе на отношеніе ея къ явленію генезиса вещей (измѣненія въ бытіи) и къ явленію перехода бытія изъ состоянія потенціальнаго въ реальное, о которыхъ было уже говорено ранѣе. Но это выясненіе неизвѣстнаго съ помощью того, теорія чего установлена уже, слѣдуетъ вести съ большою осторожностью. Генезисъ, смѣняемость видовъ бытія и причинность быть можетъ и окажутся при анализѣ тожественными между собою; а быть можетъ, сливаясь въ одно въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ, они разъединяются въ другихъ.

IV. Изучая свойства причинности, слѣдуетъ открыть и всесторонне изслѣдовать какъ основныя изъ нихъ, вытекающія изъ самой сущности ея, такъ и опредѣляющія, по которымъ возможно было бы распознавать причинность среди другихъ видовъ соотношенія, напр. отличать ее отъ той связи между предметами и явленіями, которая проявляется въ формѣ свойствъ. Что касается до способа познать эти свойства причинности, то ея аттрибуты несомнѣнно, а признаки вѣроятно могутъ быть вы

ведены умозрительно чрезъ анализъ самой природы причиннаго соединенія. Какъ на примѣръ аттрибутовъ его можно указать на его необходимость и постоянство; а какъ на примѣры его отличительныхъ признаковъ можно указать на его двучленность и на сходство въ природѣ между обоими членами. Напр. движеніе и теплота не просто связаны между собою, но причинно соединены; такъ какъ по своей сущности теплота есть также движеніе, — и изъ этихъ двухъ явленій одно непосредственно переходитъ во второе, такъ что изъ нихъ образуется двучленный рядъ безъ всего третьяго посредствующаго. Но солнечный лучъ и зрительный нервъ не находятся между собою въ причинномъ соединеніи, хотя соотношеніе и связь между ними и есть, потому что въ природѣ одного изъ нихъ не заключается того, что лежитъ въ природѣ другаго. Опредѣляющіе признаки причины и слѣдствія важны для ученія о методахъ изысканія причинъ и дѣйствій: зная эти признаки мы легко можемъ открыть, руководствуясь ими, — и неизвѣстную причину наблюдаемаго слѣдствія, и искомое слѣдствіе наблюдаемой причины.

V. Въ ученіи о происхожденіи причинности предстоитъ разрѣшить вопросъ, почему вещи и явленія, изъ которыхъ слагается Космосъ, существуютъ изолированно другъ отъ друга, почему каждая изъ нихъ не имѣетъ своего самостоятельнаго, ни отъ чего не зависимаго и ни съ чѣмъ не связаннаго существованія? Откуда происходитъ это странное явленіе, что все въ мірѣ происходитъ одно отъ другаго, все связано со всѣмъ неразрывнымъ сцѣпленіемъ? Гдѣ причина этого міроустройства, гдѣ источникъ этого вѣчнаго и неудержимаго теченія вещей и явленій? Кроется ли оно въ *общемъ происхожденіи* всѣхъ вещей изъ чего либо одного, которое дробится и видоизмѣняется во всемъ безконечномъ мірѣ единичныхъ вещей? или въ томъ *первоначальномъ толчкѣ*, который получилъ міръ при своемъ возникновеніи, уже заключалось потенціально все то движеніе вещей изъ вѣка въ вѣкъ, среди котораго существуетъ міръ и живемъ мы? или, наконецъ, въ самой

сокровенной *сущности вещей* лежитъ тайна ихъ измѣняемости, *источникъ ихъ сложенія и разложенія въ причины и слѣдствія?* Быть можетъ лежитъ въ этой сущности нѣчто, что дѣлаетъ неустойчивымъ каждое бытіе и заставляетъ его переходить изъ формы въ форму.

Раскрывъ источникъ причинности, слѣдуетъ опредѣлить, что̀ порождается ею въ существующемъ, или ради чего, какъ сцѣпленіе, существуетъ она. Какъ на порождаемое причинностью, можно указать на гармонію частей міра, на необходимость его закономѣрнаго развитія во всѣ моменты времени и во всѣхъ частяхъ пространства, на невозможность разорвать эту правильность и послѣдовательность природы вмѣшательствомъ внѣшней сознательной воли; а какъ на одно изъ назначеній причинности, можно указать на прочность и вѣчность бытія въ томъ, что мы назвали бы его пассивной стороной, и на его бѣгленіе въ томъ, что мы назвали бы его дѣятельной стороной. И въ самомъ дѣлѣ, вслѣдствіе неразрывнаго сцѣпленія всего со всѣмъ, ничто въ природѣ не исчезаетъ безслѣдно, но разъ появившись продолжаетъ вѣчно существовать въ своихъ послѣдствіяхъ; т. е. разъ принявъ на себя свѣтъ бытія — никогда уже не утрачиваетъ его совершенно. И напротивъ, именно вслѣдствіе этой неразрывности сцѣпленія причины со слѣдствіемъ, все активное, все дѣятельное въ природѣ ни въ самой дѣятельности своей, ни въ ея вліяніи на окружающее и будущее не можетъ выйти изъ тѣсныхъ предѣловъ того круга, которые установила для него природа причинности: и дѣйствуетъ дѣятельное лишь на столько, на сколько отмѣрила ему дѣйствовать причина, его породившая; и сообразно съ этимъ отмѣреннымъ дѣйствіемъ порождаются слѣдствія, которымъ никогда не переступить черезъ грани того, что предустановлено для него въ этомъ дѣйствіи.

VI. Виды причиннаго соединенія слѣдующіе: причинная связь *преемства*, гдѣ одинъ членъ слѣдуетъ по времени за другимъ, напр. связь толчка и движенія; и причинная связь *сосуществованія*, гдѣ одинъ членъ сосуществуетъ

во времени съ другимъ, напр. связь природы и существенныхъ свойствъ какой-либо геометрической фигуры. Первый типъ причиннаго соединенія еще подраздѣляется на нѣсколько формъ: 1. *Причинная связь двухъ явленій* (или предметовъ), *изъ которыхъ одно непосредственно отъ себя произвело другое* (*a* произвело *b*). 2. *Причинная связь двухъ явленій, изъ которыхъ* одно посредственно, т. е. *черезъ промежуточныя явленія, произвело другое* (*a* есть причина *m* произведя рядъ слѣдствій *b*, *c*, *d*... *k*, *l*, *m*). 3. *Причинная связь двухъ явленій, составляющихъ звенья двухъ различныхъ рядовъ, вытекающихъ изъ одной общей причины* (связь *m* и *m'*, принадлежащихъ къ различнымъ рядамъ *a*, *b*, *c*.... *m* и *a'*, *b'*, *c'*... *m'*, которые оба вытекаютъ изъ одной общей причины *A*); 4. *Причинная связь двухъ явленій, составляющихъ звенья двухъ рядовъ причинъ и слѣдствій, вытекающихъ изъ двухъ различныхъ первоначальныхъ причинъ, но соединенныхъ между собою связью сосуществованія* (связь *c* и *c'*, принадлежащихъ къ рядамъ *A b c* и *A' b' c'*, гдѣ *A* и *A'* соединены между собою причинною связью сосуществованія). Эти четыре типа исчерпываютъ собою всѣ существующіе и возможные модусы причиннаго соединенія между преемственными явленіями, и все, что бы мы ни взяли изъ связаннаго между собою въ природѣ и слѣдующаго одно за другимъ, необходимо подойдетъ подъ формулу одного изъ нихъ.

Изъ этой классификаціи нами исключены тѣ случаи постоянныхъ преемствъ, которые всего удобнѣе было бы назвать *мнимою причинностью*. Это преемства, гдѣ *предъидущее есть обусловливающее, но не производящее того, что за нимъ слѣдуетъ;* такъ что хотя послѣдующее и совершается всякій разъ, когда предъидущее появляется, и отсутствуетъ — когда отсутствуетъ оно, однако не есть его слѣдствіе, потому что инымъ производится, хотя и не всегда существуетъ, когда существуетъ это послѣднее. Напр. всякій разъ, какъ у меня истрачивается писчая бумага — и перестаю писать это сочиненіе, и всякій разъ, когда она вновь появляется, и продолжаю его писать. Здѣсь

появленіе и исчезновеніе писчей бумаги есть не только постоянное предъидущее моего писанія, но еще и безусловно необходимое для него: я и не могу писать, когда нѣтъ бумаги. Всякій, кто зная только опредѣленіе причины, какъ «безусловнаго предъидущаго», захотѣлъ бы открыть причину моего писанія — невольно долженъ былъ бы умозаключить, что эта причина лежитъ въ писчей бумагѣ. Но даже и для насъ, только держащихся этого опредѣленія, но и знающихъ еще многое другое, приведенный примѣръ былъ бы труденъ для разрѣшенія: и въ самомъ дѣлѣ, если бываютъ случаи, что я не продолжаю писать это сочиненіе, когда бумага есть, то это бываетъ всегда только непродолжительное время; но и соотвѣтственно этому — мои мысли, которыя я излагаю въ этомъ сочиненіи, и мое желаніе изложить ихъ, иногда бываютъ у меня, — и однако я не пишу его, и это случается всякій разъ, когда нѣтъ бумаги; и притомъ, если бумага только временно лежитъ и не вызываетъ писанія, то мысли мои вѣчно могли бы порываться быть изложенными, и однако не изложились бы, еслибъ не было бумаги. Спрашивается — гдѣ здѣсь причина моего писанія? И если — какъ въ этомъ едва ли кто усумнится — эта причина лежитъ въ моихъ идеяхъ и желаніяхъ, то спрашивается, какое преимущество разсматриваемыя не со стороны своей *производящей сущности*, но съ внѣшней и формальной, онѣ имѣютъ передъ появленіемъ и исчезновеніемъ бумаги что, какъ причина, лучше и полнѣе удовлетворяетъ требованіямъ формальнаго опредѣленія? Всѣ эти и подобные факты, гдѣ предъидущее внѣшнимъ образомъ походитъ на причину, но въ дѣйствительности не есть она, мы исключаемъ изъ области дѣйствительныхъ причинныхъ отношеній и относимъ къ мнимымъ (кажущимся) причинностямъ.

VII. Количественныя соотношенія присущи только причиннымъ преемствамъ, но не причиннымъ сосуществованіямъ. Это потому, что только въ первыхъ есть двучленность причины и слѣдствія, равновѣсіе между которыми

и носитъ количественный характеръ; вторыя же лишены какъ этой двучленности состава, такъ и равновѣсія въ томъ, что мы назвали бы содержимымъ причины и содержимымъ слѣдствія; напр. природа геометрической линіи служитъ, какъ причина, источникомъ безчисленныхъ свойствъ ея, которыя всѣ суть слѣдствія этой природы. Что же касается до причинныхъ преемствъ, то такое равновѣсіе между членами ихъ существуетъ: съ уменьшеніемъ и увеличеніемъ производящаго предъидущаго уменьшается и увеличивается производимое послѣдующее, и когда исчезаетъ первое, исчезаетъ второе, изъ чего можно заключить, что содержаніе причины въ точности равняется содержанію слѣдствія. Такъ напр. количество молекулярнаго движенія, которое развивается въ какомъ либо тѣлѣ, первоначально двигавшемся и затѣмъ остановленномъ, въ точности равняется количеству массоваго движенія, которое послѣ остановки тѣла перешло въ теплоту; такъ что на основаніи этого зная величину каждаго молекулярнаго колебанія можно было бы опредѣлить число ихъ въ каждую единицу времени, или зная это число—опредѣлить величину колебанія.

VIII. Ученіе объ отношеніи причинности къ другимъ сторонамъ бытія разсматриваетъ, какъ соединена въ вещи причина съ существованіемъ, съ сущностью, свойствами, съ цѣлью и со сходствомъ и различіемъ.

Отношеніе причины какой либо вещи или явленія къ существованію ея (вещи) не одинаково въ двухъ различныхъ типахъ причинности — въ сосуществованіи и въ преемствѣ. Въ первомъ типѣ причина существованія вещи или явленія совмѣщается съ самымъ существованіемъ ея,— напр. причина существованія какого либо свойства геометрической линіи совмѣщается съ существованіемъ самаго этого свойства. Во второмъ типѣ причина возникновенія существованія есть всегда исчезновеніе существованія; такъ теплота возникаетъ съ исчезновеніемъ движенія, которое породило ее; такъ тѣло, получивши ударъ, начинаетъ двигаться, когда ударившее тѣло остановилось.

Такъ какъ все, что существуетъ, существуетъ или одновременно съ своею причиною, или преемственно, то объединяя сказанное о существованіи того и другаго типа причинности мы приходимъ къ установленію слѣдующаго замѣчательнаго закона: *количество существованія въ природѣ для всѣхъ моментовъ времени остается одинаковымъ*: оно видоизмѣняется переходя изъ предмета въ предметъ и изъ явленія въ явленіе, но оно не исчезаетъ и не возобновляется, не увеличивается и не уменьшается, пребывая вѣчно тожественнымъ самому себѣ.

IX. Переходимъ къ соотношенію между причиною и другою основною стороной произведенной ею вещи — сущностью. Такъ какъ природа вещи всегда состоитъ изъ вещества и изъ формы, а природа явленія изъ элемента измѣненія и изъ расположенія элементовъ, причемъ когда отъ вещи происходитъ новая вещь или отъ явленія происходитъ новое явленіе, то въ происшедшемъ сохраняется когда оно вещь — вещество, а когда оно явленіе — элементъ измѣненія; то на основаніи этого можно вообще сказать, что *сущность вещи или явленія совмѣщается и совпадаетъ съ перемѣщенною въ вещь или явленіе причиною ея, или съ частью этой причины.* Напр. въ теплотѣ, которая произошла отъ движенія, сохраняется неизмѣнно элементъ измѣненія, но перемѣнилось размѣщеніе элементовъ (движеніе изъ поступательнаго перешло въ колебательное). въ живомъ существѣ, происшедшемъ отъ другаго существа, является и то же вещество, и то же строеніе, какое наблюдается въ произведшемъ его.

Все сказанное можетъ быть повторено, какъ кажется, безъ измѣненія и объ отношеніи причинности къ свойствамъ.

X. Отношеніе между причиною породившею вещь или явленіе, и между цѣлью, ради которой порождены они, бываетъ тонкое.

Въ однихъ вещахъ и явленіяхъ — именно въ тѣхъ, которые представляютъ собою типъ причиннаго сосуществованія — *причина* вещи или явленія *и цѣль* ихъ *сосуществуютъ*

быть съ самою *вещью* или явленіемъ и слѣдовательно сосуществуютъ *и другъ съ другомъ*, совмѣщаясь въ природѣ прошедшаго и предназначеннаго. Въ другихъ явленіяхъ и вещахъ — именно въ тѣхъ, которыя не только существуютъ для извѣстной цѣли, но и появились, возникли ради ея — *и причина и цѣль сливаются въ одно, но пребываютъ не въ вещи, а впереди ея, или не въ явленіи, но послѣ него.* Такъ въ сознательной, цѣлесообразной дѣятельности человѣка сотворенное для чего либо и существуетъ для этого, что лежитъ впереди его, сотвореннаго; и было сотворено потому, что было и есть это нѣчто, ради чего оно создано человѣкомъ. Наконецъ въ большинствѣ вещей и явленій *причина и цѣль не совпадаютъ ни съ вещью, ни между собою, но причина лежитъ позади вещи и раньше явленія, а цѣль лежитъ впереди вещи и позднѣе явленія.* Произведенное и предназначенное въ этомъ случаѣ есть реальное, въ которое перешла причина, исчезнувъ нѣкогда, и которое само перейдетъ въ цѣль, исчезнувъ со временемъ. Это есть осуществившаяся причина и неосуществленная цѣль, это дѣйствительное бытіе, высвободившееся изъ потенціи (причины) и готовое высвободить изъ себя то, что въ немъ самомъ потенціально предустановлено (цѣль).

Сказанное объ отношеніи причины къ цѣли было бы не полно, еслибъ мы упустили изъ виду отношеніе къ цѣли втораго члена причиннаго соединенія — слѣдствія. Все, сотворенное для какой либо цѣли, не только достигаетъ этой цѣли, но по закону сцѣпленія между причиною и слѣдствіемъ ведетъ за собою необходимо и нѣчто такое, что не входило въ цѣль сотворившаго, что оставалось или неизвѣстно ему, или на что онъ не обратилъ своего вниманія. Такъ не рѣдко случается, что цѣль, поставленная человѣкомъ, достигается средствомъ, которое онъ употребилъ для ея достиженія; но это же средство производитъ и нѣчто такое, не предусмотрѣнное имъ, что или извращаетъ достигнутую цѣль, или уничтожаетъ ее совершенно, дѣлая такимъ образомъ существованіе ея ми-

молетнымъ, или — и это случается всего чаще — осуществивъ цѣль, производитъ одновременно съ нею и нѣчто такое дурное, уничтоженіе чего становится въ свою очередь цѣлью для человѣка, и не рѣдко такою, достиженіе которой болѣе трудно, чѣмъ достиженіе первой цѣли. Это свойство цѣлей соединяться со слѣдствіями есть источникъ значительнѣйшаго количества жизненныхъ заблужденій, и причина затрудненій, преодолѣть которыя совершенно человѣкъ едва ли когда либо будетъ въ состояніи. Позднѣе мы остановимся на этомъ замѣчательномъ явленіи и разберемъ его съ тѣмъ вниманіемъ, котораго оно заслуживаетъ. Здѣсь же ограничимся только замѣчаніемъ, что хотя оно практически вообще и извѣстно, однако никогда не подвергалось даже и поверхностному изслѣдованію, не говоря уже о полной теоріи, въ которую должно было бы развить ученіе о немъ.

XI. Ученіе объ отношеніи причины къ слѣдствію есть послѣдняя форма общей теоріи причинности. Она имѣетъ своею задачею изучить *сравнивая* оба члена причиннаго соединенія; понять, что такое причина по отношенію къ слѣдствію, и что такое слѣдствіе по отношенію къ причинѣ,— чтобы съ помощью этого пониманія сдѣлать возможнымъ познаніе недоступной причины черезъ изученіе доступнаго слѣдствія, и недоступнаго слѣдствія, когда доступна причина.

Передъ нами раскроется вся неизмѣримая важность этого ученія, если мы поймемъ, что съ одной стороны — насколько простирается человѣческое знаніе — все бытіе можетъ быть разсматриваемо, какъ великое производящее и великое производимое, какъ одно осуществленіе въ мірѣ причинной связи; а съ другой стороны — если остановимся мыслью на томъ, какъ многое въ этомъ производящемъ и въ этомъ производимомъ недосягаемо для нашего опыта и наблюденія, и какъ многое, слѣдовательно, здѣсь по необходимости должно быть предоставлено умозрѣнію, единственнымъ основаніемъ, опорою и путеводною нитью котораго можетъ служить только ясное и точное понима-

ніе природы причины по отношенію къ природѣ слѣдствія. И еслибы, поэтому, удалось правильно разрѣшить задачу, предстоящую разсматриваемой формѣ науки, то можно было бы надѣяться, что рано или поздно міръ во всемъ своемъ объемѣ былъ бы разгаданъ и понятъ.

Но и этого недостаточно. Если бы удалось человѣку по доступному послѣдствію познавать недоступную причину, и по доступной причинѣ познавать недоступное слѣдствіе, то тогда онъ достигъ бы пониманія всего, чего въ силахъ былъ бы пожелать. Потому что если что недоступно ни въ своихъ причинахъ, ни въ своихъ слѣдствіяхъ, то остается неизвѣстнымъ человѣку въ самомъ существованіи своемъ, и слѣдовательно не можетъ возбуждать къ себѣ его любопытства. Такимъ образомъ не только міръ былъ бы понятъ съ помощью этой теоріи, но и разумъ былъ бы удовлетворенъ, окончательно и совершенно.

И вотъ именно въ этомъ то пунктѣ человѣческаго пониманія, гдѣ отъ простаго разрѣшенія одного вопроса мы ожидаемъ разгадки всего еще неразгаданнаго, встрѣчается одно затрудненіе, почти непреоборимое, но которое еще неизмѣримо увеличиваетъ важность разсматриваемой формы науки, и дѣлаетъ изученіе ея полнымъ неизъяснимаго интереса. Это затрудненіе состоитъ въ необходимости и въ невозможности примирить двѣ истины, къ которымъ тотчасъ же сводится вся теорія, изъ которыхъ одна есть безусловное требованіе разума, а другая есть очевидное свидѣтельство чувствъ, предметъ которыхъ одинъ и тотъ же, и изъ которыхъ каждая состоитъ въ отрицаніи другой.

И въ самомъ дѣлѣ, вопросъ объ отношеніи причины къ слѣдствію состоитъ въ слѣдующемъ: *что изъ того, что заключается въ причинѣ, заключается въ слѣдствіи*, т. е. изъ составляющаго первую что переходитъ во второе? и *что изъ того, что лежитъ въ слѣдствіи, лежитъ въ причинѣ*, т. е. изъ заключеннаго въ послѣдующемъ что предсуществовало въ предъидущемъ? Разсмотримъ отдѣльно обѣ половины этого вопроса.

Что изъ заключеннаго въ причинѣ заключено въ слѣдствіи? На этотъ вопросъ можетъ быть два отвѣта: или *все*, заключенное въ причинѣ, заключено и въ слѣдствіи; или *не все*, заключенное въ причинѣ, заключено въ слѣдствіи; и кромѣ этихъ двухъ никакого третьяго промежуточнаго отвѣта быть не можетъ, потому что природа ихъ (или все, или не все) такова, что ею исчерпывается все мыслимое возможнымъ въ данномъ случаѣ. Но если мы разсмотримъ внимательно оба эти отвѣта, то увидимъ, что второй изъ нихъ (не все) сводится къ первому (все), и слѣдовательно только одинъ этотъ первый отвѣтъ содержитъ истинное разрѣшеніе вопроса. И въ самомъ дѣлѣ, если не все, заключенное въ причинѣ, заключено въ слѣдствіи, то слѣдовательно заключенное въ слѣдствіи есть часть заключеннаго въ причинѣ, и въ причинѣ послѣ произведенія слѣдствія осталась другая часть того, что первоначально какъ цѣлое лежало въ ней. Но это не перешедшее въ слѣдствіе или осталось тѣмъ же и тамъ же, чѣмъ и гдѣ пребывало до произведенія слѣдствія, или оно уже не осталось тѣмъ же и тамъ же. Въ первомъ случаѣ оно не есть причина произведеннаго слѣдствія, но лишь сосуществовало, совмѣщалось съ этого причиною въ одномъ и томъ же предметѣ или явленіи; во второмъ случаѣ оно исчезло не перейдя ни во что, стало изъ бытія небытіемъ (въ абсолютномъ смыслѣ). Итакъ, въ обоихъ случаяхъ оставшаяся часть не была причиною произведеннаго слѣдствія; а то, что было причиною, заключается все безъ остатка въ произведенномъ слѣдствіи, — что совпадаетъ съ первымъ отвѣтомъ на поставленный вопросъ. Соединяя это совпадающее мы приходимъ къ заключенію, что *тожество заключеннаго въ причинѣ съ заключеннымъ въ слѣдствіи есть необходимое требованіе разума*, и ничто отличное отъ утверждаемаго или ему противоположное, не мыслимо для разума и невозможно для природы.

Но заключенное въ причинѣ можетъ быть частью того, что заключено въ слѣдствіи, а не цѣлымъ его; причина можетъ вся перейти въ слѣдствіе, но въ этомъ послѣд-

немъ кромѣ перешедшаго изъ причины можетъ лежать еще нѣчто другое, можетъ заключаться нѣкоторый избытокъ. На это служитъ отвѣтомъ разрѣшеніе второй части поставленнаго вопроса: что изъ того, что лежитъ въ слѣдствіи, лежитъ въ причинѣ?

Будемъ разрѣшать эту часть вопроса такъ же, какъ разрѣшали первую: или *все* заключенное въ слѣдствіи, лежитъ и въ причинѣ; или *не все*, заключенное въ слѣдствіи, лежитъ въ причинѣ, — и здѣсь тоже ничего третьяго промежуточнаго быть не можетъ по исчерпывающему характеру предполагаемыхъ отвѣтовъ. Но если не все, заключенное въ слѣдствіи, лежитъ въ причинѣ, то слѣдовательно часть этого заключеннаго въ послѣдующемъ — не заключалась въ предъидущемъ, т. е. она есть бытіе, не пропешедшее ни изъ чего, но самовозникшее изъ небытія въ абсолютномъ смыслѣ. И такъ какъ это послѣднее невозможно, то слѣдовательно *все, лежащее въ слѣдствіи, лежитъ и въ причинѣ*, что совпадаетъ съ первымъ отвѣтомъ, который, такимъ образомъ, становится столь же необходимымъ для разума и единственно возможнымъ для природы, какъ и отвѣтъ, данный на первую часть вопроса.

Соединяя въ одно разрѣшеніе обѣихъ частей общаго вопроса объ отношеніи причины къ слѣдствію, мы приходимъ къ общему утвержденію, что ни въ причинѣ не лежитъ ничего, что не лежало бы въ слѣдствіи, ни въ слѣдствіи не лежитъ ничего, что не лежало бы въ причинѣ; т. е. что причина постоянно и необходимо тожественна со своимъ слѣдствіемъ; что слѣдствіе есть не болѣе, какъ перемѣщенная причина; или, что тоже, *причина и слѣдствіе есть одно*.

Ясность и необходимость этого общаго закона объ отношеніи причины къ слѣдствію станетъ еще очевиднѣе, если мы дадимъ ему схематическое изображеніе. Пусть A, состоящее изъ a, a′, a″.....a_n есть производящая причина, а B, состоящее изъ b, b′, b″.....b_n есть произведенное слѣдствіе.

Эти два ряда абсолютно тожественны между собою, т. е.

A есть B, потому что не тожество ихъ можетъ выразиться только въ рядѣ:

$$a,\ a',\ a''.\ .\ .\ .\ a_n\ .\ .\ .\ t$$
$$b,\ b'\ b''.\ .\ .\ .\ b_n\ .\ .\ .\ —$$

гдѣ слѣдовательно t, лежавшее въ причинѣ и неперешедшее въ слѣдствіе, *абсолютно исчезло*, т. е. превратилось изъ бытія въ небытіе; или въ рядѣ:

$$a,\ a',\ a'',\ .\ .\ .\ .\ a_n\ .\ .\ .\ .\ .\ —$$
$$b,\ b',\ b''.\ .\ .\ .\ b_n\ .\ .\ .\ .\ .\ u$$

гдѣ u, возникшее въ слѣдствіе и не перешедшее въ него изъ причины, *появилось изъ ничего*, т. е. небытіе превратилось въ бытіе. Оба случая одинаково невозможны для природы и не мыслимы для разума.

Но если причина и слѣдствіе есть одно, то измѣненія, какъ появленія въ слѣдующій моментъ чего либо отличнаго отъ того, что было въ моментъ предшествующій, не можетъ существовать. Все и повсюду должно оставаться вѣчно тѣмъ же и тамъ же, чѣмъ и гдѣ пребывало вѣчно. И непостижимо для разума, чтобы что либо происходило, и невозможно для природы, чтобы что либо
7 жило въ ней.

Таково требованіе разума, испытующаго причинность, таково единственное мыслимое, что можетъ вмѣститься въ него.

Этому противорѣчитъ свидѣтельство чувствъ, показывающихъ что все живетъ, измѣняется и движется въ природѣ; т. е. что невозможное существуетъ, и немыслимое совершается.

Вотъ затрудненіе, о которомъ мы говорили выше, что оно непреоборимо, и что въ немъ сосредоточиваются, какъ
7 въ центральномъ узлѣ, всѣ величайшія тайны природы и всѣ величайшіе интересы стремящагося къ пониманію разума. Какъ постигнуть эту непостижимую тайну измѣненія, какъ разрѣшить эту неразрѣшимую загадку жизни, объ этомъ можетъ быть сказано многое и различное. Но такова она по природѣ своей, что никто не можетъ удер-

жаться отъ того, чтобы не составить о ней какого либо мнѣнія. Мы выскажемъ то, которое представляется намъ единственно возможнымъ и мыслимымъ.

Если измѣненіе не можетъ быть произведено причинностью, то необходимо и ясно, что въ немъ присутствуетъ еще нѣчто третье сверхъ причинности, что и есть истинная причина происхожденія всего; т. е. что когда совершается что либо въ природѣ, то тутъ есть не только производящее и производимое, но еще нѣчто сверхъ ихъ лежащее; что̀ невидимо, но что есть, потому что есть видимое измѣненіе, которое не будучи произведено ничѣмъ видимымъ извѣстнымъ, требуетъ для себя производителя въ невидимомъ неизвѣстномъ Это третье, безъ чего я не могу мыслить природу и безъ чего, я утверждаю, она неможетъ быть понята разумно никѣмъ (и до сихъ поръ не можетъ быть никакихъ разногласій),— есть, по моему убѣжденію (и здѣсь начинается возможность разногласій), цѣлесообразность. Она привходитъ къ причинности и дѣлаетъ возможнымъ, что послѣдующее въ совершающемся не походитъ на предъидущее; такъ что какъ будто и въ предъидущемъ нѣчто исчезаетъ совершенно, и въ послѣдующемъ нѣчто возникаетъ вновь. Это-то исчезающее въ прошедшемъ и возникающее въ послѣдующемъ, этотъ недостатокъ въ причинѣ сравнительно съ тѣмъ, что лежитъ въ слѣдствіи, и этотъ избытокъ лежащаго въ слѣдствіи надъ тѣмъ, что есть въ причинѣ — и есть то, что сверхъ причинности, къ чему безсильна она, что не объяснимо изъ нея, и что мы вынуждены отнести къ цѣлесообразности, которая уничтожаетъ въ прошедшемъ ненужное и создаетъ для будущаго необходимое, помогая причинности извлекать слѣдствія, къ чему по природѣ своей неспособна она, и направляя эти слѣдствія сообразно съ планомъ, который заключенъ въ ней самой.

XII. Ученіе о причинности, лежащей въ Космосѣ, должно раскрыть и прослѣдить причинное соединеніе всего существующаго и всего совершающагося, т. е. опредѣлить, что съ чѣмъ и какою формою причинности связано въ при-

родѣ. Такимъ образомъ въ этомъ ученіи выдѣлится какъ бы скелетъ міра, на которомъ держится онъ; то сцѣпленіе всего со всѣмъ, которое дѣлаетъ различное только разнообразіемъ въ единствѣ, и единичное — только частями цѣлаго.

Раскрывая эту причинность слѣдуетъ наблюдать, чтобы *нить раскрываемаго была непрерывна*, чтобы производящее всегда было смежно съ производимымъ, т. е. переходило бы въ него непосредственно, безъ всякаго промежуточнаго третьяго. Это правило весьма нерѣдко опускается изслѣдователями съ грубымъ умомъ, и часто двѣ вещи или два явленія считаются причиною и слѣдствіемъ по отношенію другъ къ другу только потому, что съ измѣненіемъ одного измѣняется и другое, хотя природа ихъ такова, что непосредственно перейти другъ въ друга они не могутъ. Такъ напр. было бы грубо утверждать, что движеніе непосредственно переходитъ въ теплоту, но слѣдуетъ указать на молекулярное движеніе, которое *для ощущенія* является въ формѣ теплоты, и въ которое преобразуется массовое движеніе, когда движущаяся масса почему либо останавливается.

Что касается плана, по которому слѣдуетъ вести здѣсь изученіе, то онъ можетъ быть двоякимъ, смотря потому, что положится въ основаніе его, и что будетъ преобладающею цѣлью изученія. Если въ основаніе будетъ положено ученіе о формахъ причинности, и если преобладающая цѣль изученіе будетъ состоять въ томъ, чтобы понять причинность въ ея проявленіяхъ въ Космосѣ, то слѣдуетъ изучить сперва всѣ сосуществованія въ природѣ, и затѣмъ всѣ преемства въ ней, и потомъ результаты обоихъ изученій соединить въ одно цѣлое. Если же въ основаніе будетъ положено дѣленіе самой природы на самостоятельныя, типичныя группы, и если преобладающею цѣлью изученія будетъ пониманіе не причинности, которая скрыта въ природѣ, а самой природы, въ которой скрыта причинность, тогда слѣдуетъ первоначально распредѣлить природу на группы однородныхъ вещей

и явленій, затѣмъ раскрыть причинность въ каждой изъ полученныхъ группъ и, наконецъ, соединить причинною связью самыя группы. Смотря по тому, первый или второй планъ изученія будетъ принятъ, всю разсматриваемую форму науки слѣдуетъ назвать или ученіемъ о проявленіи и распредѣленіи причинности въ Космосѣ, или ученіемъ о причинахъ вещей и явленій въ Космосѣ.

Слѣдуя первому плану, разсматриваемая форма науки должна распасться на двѣ вѣтви: на ученіи о причинномъ сосуществованіи въ Космосѣ и его распредѣленіи въ пространствѣ, и на ученіе о причинныхъ преемствахъ въ Космосѣ и ихъ распредѣленіи во времени; а конечный результатъ, завершающій все изученіе, выразится въ построеніи схемы, сложной какъ самый міръ, въ которой отъ сосуществующихъ первоначальныхъ причинъ будутъ исходить являющіяся во времени преемства, безгранично вѣтвясь, сливаясь и раздѣляясь въ своемъ дальнѣйшемъ слѣдованіи. Такимъ образомъ схема эта будетъ какъ бы сѣтью, отдѣльныя нити которой, тянущіяся — однѣ по направленію пространства, другія по направленію времени, будутъ указывать связующую причинность между вещами и явленіями въ природѣ, которая соединяетъ всѣ ихъ въ то цѣлое и гармоничное, что мы называемъ Космосомъ. Напротивъ, слѣдуя второму плану вся разсматриваемая форма науки разложится на нѣсколько самостоятельныхъ ученій, а заканчивающаяся схема приметъ видъ отдѣльныхъ группъ, расположенныхъ другъ возлѣ друга, но не другъ подъ другомъ, и нѣсколькихъ нитей, соединяющихъ между собою эти группы. Такъ напр. она можетъ распасться на 1) ученіе о происхожденіи элементовъ и о причинности въ явленіяхъ, происходящихъ между ними (химизмъ), 2) на ученіе о происхожденіи тѣлъ и о причинности въ явленіяхъ между ними или и въ нихъ. Это послѣднее ученіе должно будетъ еще распасться на столько формъ, сколько есть родовъ тѣлъ и родовъ явленій, въ нихъ и между ними происходящихъ. напр. ученіе о причинности въ явленіяхъ движенія, теплоты.

звука, свѣта, гальванизма, электричества, магнетизма и пр.: 3) на ученіе о происхожденіи организмовъ и о причинности въ органическихъ явленіяхъ (питанія, роста, кровообращенія, размноженія и пр. и пр.), 4) на ученіе о происхожденіи духа и о причинности въ явленіяхъ психическихъ, 5) на ученіе о происхожденіи формъ жизни и о причинности въ явленіяхъ, которыя совершаются въ этихъ формахъ жизни (въ государствѣ, въ искусствѣ и его видахъ, въ наукѣ, въ экономическихъ отношеніяхъ и пр.).

XIII Ученіе о причинѣ Космоса не слѣдуетъ смѣшивать съ ученіемъ о процессѣ его образованія. Это послѣднее раскрываетъ, откуда произошло измѣненіе въ Космосъ, выдѣляетъ и указываетъ источникъ міроваго генезиса. Первое же должно раскрыть, откуда произошелъ этотъ самый Космосъ, видоизмѣняющійся въ процессѣ генезиса.

Единственный путь къ открытію и опредѣленію этой причины Космоса указывается въ ученіи о соотношеніи между причиною и слѣдствіемъ. Если принять Космосъ, за произведенное слѣдствіе, то причину его можно познать черезъ разсмотрѣніе его сущности, т. е. состава и строенія, опредѣляя, чѣмъ именно могло быть произведено то или другое въ немъ, и что именно могло придать ему такое строеніе. Въ случаѣ же невозможности положительнаго отвѣта, можно приблизиться къ истинѣ найдя отвѣтъ отрицательный: что именно не могло произвести того или другаго въ Космосѣ (напр. матерію, или законъ, или силу), и что именно не могло придать ему находимое въ немъ строеніе.

ГЛАВА X.

Ученіе о Космосѣ и его формы: о цѣлесообразности.

I. Предварительныя замѣчанія. Существуетъ ли цѣлесообразность? Представляетъ ли она что либо отличное отъ причинности? Необходимость особаго ученія о цѣлесообразности; составъ этого ученія. — II. *Общая теорія цѣлесообразности* и ея двоякая задача: изученіе цѣлесообразности въ самой себѣ и изученіе отношенія цѣлесообразности къ другимъ сторонамъ бытія. — III. Опредѣленіе цѣлесообразности. Элементы ея: цѣль, средство, идея цѣли; разумъ, какъ источникъ творческихъ идей.— IV. О формѣ существованія, мѣстѣ пребыванія и сферѣ распространенія цѣлесообразности и членовъ ея; о различномъ отношеніи къ существованію цѣлесообразности, какъ цѣльнаго процесса, существованія средствъ и цѣли; строеніе и процессъ, какъ мѣстопребываніе цѣлесообразности; знаніе перваго и послѣдняго членовъ цѣлесообразности, возможное только для творческаго источника ея, не есть единственное, съ помощью чего могутъ быть распознаны цѣлесообразные процессы; свойства промежуточныхъ членовъ цѣлесообразности; они могутъ быть выведены изъ наблюденій надъ дѣятельностью человѣка, несомнѣнно цѣлесообразною.— V. Планомѣрность въ строеніи, послѣдовательность въ развитіи и постоянство чего либо, къ чему стремится измѣняющееся, какъ признаки цѣлесообразности; постоянство формъ въ органической природѣ; оно доказывается искусственнымъ видоизмѣненіемъ этихъ формъ, для чего требуется вмѣшательство цѣлесообразной дѣятельности человѣка; если для произведенія разновидностей организмовъ необходима сознательная дѣятельность, то и для произведенія видовъ органическихъ существъ необходима причина однородная съ сознаніемъ человѣка и сильнѣйшая, чѣмъ оно; видоизмѣненія органическихъ формъ въ прошедшемъ; они показываютъ, что постоянство формъ въ мірѣ живыхъ существъ должно быть перенесено съ настоящаго на будущее. Противоположность въ свойствахъ цѣли и средствъ. — VI. Источникъ цѣлесообразности и трехчленный составъ его: intellectus in quo ideae rerum, idea rei и творческій актъ, какъ непосредственная причина цѣлесообразнаго процесса. Три источника непосредственныхъ причинъ цѣлесообразной дѣятельности: природа стремящаяся, воля его, и воля внѣшняя для него; идеи цѣлесообразныхъ процессовъ и отношеніе ихъ къ самымъ процессамъ; разумъ и отношеніе его къ идеямъ цѣлесообразной дѣятельности. — VII. Нравственная разумность въ устроеніи и развитіи Космоса, какъ слѣдствіе цѣлесообразности; ея отрицаніе или признаніе не безразлично для человѣка и для его жизни. — VIII. О четырехъ модусахъ цѣлесообразности; причинная связь, присущая каждому модусу; ихъ распредѣленіе въ природѣ. — IX. О количественномъ соотношеніи между членами цѣлесообразности; законъ этого соотношенія. Сила сопротивленія среды, въ ко-

торой дѣйствуетъ цѣлесообразность; сила средства, преодолѣвающая это сопротивленіе; элементы, на которые разлагается послѣдняя; способность каждаго изъ этихъ элементовъ замѣщаться при уменьшеніи возрастаніемъ другаго; предѣлъ этой способности; условія, увеличивающія силу дѣятельнаго начала въ цѣлесообразномъ процессѣ. — X. Объ отношеніи цѣлесообразности къ существованію; двѣ формы существованія всякаго цѣлесообразнаго процесса: идеальная и реальная; первая есть потенція второй и непремѣнно должна предшествовать этой послѣдней. — XI. Отношеніе цѣлесообразности къ сущности; необходимыя части сущности, строеніе и процессъ, создаются цѣлесообразностью, переходящею изъ идеальной формы существованія въ реальную. — XII. Отношеніе цѣлесообразности къ свойствамъ; послѣднія служатъ промежуточными членами въ цѣлесообразномъ процессѣ. — XIII. Отношеніе цѣлесообразности къ причинности; невозможность для цѣлесообразности, какъ чисто идеальнаго начала, непосредственно прикоснуться къ дѣйствительному и привести его въ цѣлесообразное движеніе; причинность, какъ посредствующее между цѣлесообразностью и между дѣйствительностью; это объясняетъ, почему человѣкъ никогда не можетъ открыть цѣлесообразность въ природѣ; синтезъ цѣлаго какъ единственный способъ этого открытія. — XIV. Отношеніе цѣлесообразности къ сходству и различію; входя въ сферу безразличнаго, цѣлесообразность проводитъ въ немъ различающія дѣленія, а слѣдующая за однообразно совершающеюся соединяетъ измѣненія въ группы цѣлесообразныхъ процессовъ. — XV. Отношеніе цѣлесообразности къ числу; стремленіе цѣлесообразности множить роды и виды и сокращать индивидуумы. — XVI. *Ученіе о цѣляхъ существующаго и совершающагося въ Космосѣ;* способъ открытія этихъ цѣлей; раскрытіе процесса и строенія, какъ первая стадія въ немъ; опредѣленіе наростаній и направленій въ нарастающемъ, какъ его вторая стадія; мысленное продолженіе наблюдаемыхъ направленій до ихъ естественнаго соединенія, какъ его третія стадія: вторичное прохожденіе идеи цѣли черезъ сознаніе, какъ моментъ открытія цѣли существующаго и совершающагося. — XVII. О планѣ изученія цѣлей въ вещахъ и въ явленіяхъ Космоса; какъ должны быть открываемы цѣли сложнаго; о несовершенной цѣлесообразности. — XVIII. *Ученіе о цѣли Космоса,* какъ синтезъ существующаго и совершающагося; важность открытія этой цѣли для объясненія возникновенія и сохраненія Космоса.

I. *Ученіе о цѣлесообразности,* какъ о пятой сторонѣ бытія, распадается подобно всѣмъ предыдущимъ на три части, на *Общую теорію,* въ которой должно быть раскрыто, что такое вообще цѣлесообразность, на *Ученіе о цѣляхъ существующаго и совершающагося* въ Космосѣ и на *Ученіе о цѣли самого Космоса.*

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію этихъ формъ, слѣдуетъ остановиться нѣсколько на двухъ вопросахъ: на вопросѣ о томъ, существуетъ ли сама цѣлесообразность, и на вопросѣ объ отношеніи ея къ причинности. Это необходимо потому, что многіе выдающіеся умы отрицаютъ самое существованіе цѣлесообразности, и замѣняютъ ее

всецѣло причинностью. Необходимо поэтому предварительно убѣдиться, что *есть цѣлесообразность;* и что то, что мы называемъ этимъ именемъ, *не есть причинность.* Только тогда предлагаемое нами ученіе, какъ необходимая форма науки, получитъ свое твердое основаніе и право занять соотвѣтствующее мѣсто въ ряду другихъ формъ ученія о познаваемомъ.

Итакъ, существуетъ ли цѣлесообразность, какъ совершеніе чего либо, что мы называемъ средствомъ, для чего либо, что мы называемъ цѣлью? Несомнѣнно существуетъ, хотя предѣлы ея распространенія могутъ быть предметомъ трудныхъ и запутанныхъ споровъ. Въ жизни мы постоянно видимъ, что человѣкъ какъ въ частной своей дѣятельности, такъ и въ общественной, ставитъ для себя нѣкоторыя цѣли, т. е. нѣчто несуществующее мыслитъ какъ долженствующее и могущее осуществиться и направляетъ свою дѣятельность такимъ образомъ, чтобы она привела къ осуществленію этой сознанной и желаемой цѣли. Итакъ, цѣлесообразная дѣятельность есть, а съ нею есть и форма науки, стремящаяся исключительно ее понять; хотя о томъ, какъ широко распространена цѣлесообразность, сосредоточена ли она всецѣло только въ предѣлахъ дѣятельности человѣка какъ разумнаго существа, или же переступаетъ эти предѣлы и распространяется и во внѣшней природѣ, объ этомъ, какъ уже сказано, можно думать различно. А съ этимъ вмѣстѣ различно можно смотрѣть и на форму науки, которая занимается ею: или какъ, равную, ее можно помѣстить въ ряду другихъ ученій о сторонахъ бытія; или, подобно ученію объ измѣненіи, ее можно разсматривать, какъ подчиненную и дополнительную вѣтвь ученія о причинности.

Разсмотримъ теперь сходство и различіе между причинностью и цѣлесообразностью. Причинность ясно обнаруживаетъ въ себѣ двучленность, хотя бы строеніе втораго члена было и сложно, какъ въ сосуществованіяхъ: она всегда есть соединеніе производящаго и производимаго. Напротивъ въ цѣлесообразности вмѣсто этой раздѣльно-

сти мы находимъ единство: она есть явленіе, гдѣ цѣль вызываетъ къ существованію что либо, гдѣ произведшее и то, для чего произведено что либо, есть одно. Зато въ причинности кромѣ двухъ членовъ мы не находимъ ничего третьяго; напротивъ въ цѣлесообразности кромѣ того, что стремится къ какой либо цѣли, и кромѣ самой цѣли, вызвавшей къ существованію и направившей къ себѣ это стремящееся, мы чувствуемъ присутствіе третьяго, что вложило въ вещь или въ явленіе цѣль, ради которой первая существуетъ и второе совершается. За цѣлью мы всегда усматриваемъ незримую причину ея, и эта причина не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только сознаніемъ, потому что по самой природѣ своей цѣлесообразность всегда разумна: въ ней есть предусмотрѣнность, а предусматривать что либо можетъ только разумъ. Далѣе, въ причинномъ соединеніи оба члена равнозначущи и равносильны: причина была нѣкогда слѣдствіемъ, и слѣдствіе будетъ со временемъ причиною — они равны между собою; въ цѣлесообразности средство есть нѣчто пассивное и покорное по отношенію къ цѣли, которая господствуетъ надъ нимъ, создаетъ, формируетъ и измѣняетъ его сообразно съ собою. Причинность поэтому есть полная реальность; въ цѣлесообразности реальное (средство) есть нѣчто временное, не самосущее, не значущее, — дѣйствительно же и значуще въ ней одно то, что еще будетъ и ради чего пребываетъ или совершается то, что есть. Такъ что если бытіемъ, существующимъ признавать только видимое, осуществленное, то въ цѣлесообразности намъ представится замѣчательное явленіе господства небытія надъ бытіемъ, того, чего нѣтъ еще, надъ тѣмъ, что есть или совершается. Наконецъ и въ самомъ отношеніи причины къ слѣдствію и цѣли къ средству есть большое различіе: слѣдствіе исходитъ изъ причины какъ бы отталкиваемое ею, средство стремится къ цѣли какъ бы притягиваемое ею. Поэтому причинность слѣпа: здѣсь все истекаетъ, но никуда не стремится, здѣсь есть опредѣленность въ прошедшемъ, но нѣтъ опредѣленности

въ будущемъ; напротивъ цѣлесообразность сознательна: здѣсь все, совершающееся въ настоящемъ, совершается для опредѣленнаго въ будущемъ, что ранѣе прошло черезъ сознаніе создавшаго цѣль и употребляющаго средства.

Теперь мы можемъ перейти къ разсмотрѣнію внутренняго строенія ученія о цѣлесообразности.

II. *Общая теорія цѣлесообразности* должна образовать пониманіе того, что́ такое цѣль и средство, какъ два члена хотя и неравнозначущіе, но тѣмъ не менѣе одинаково необходимые въ цѣлесообразности; и что́ такое самая цѣлесоообразность, какъ система состоящая изъ соединенія этихъ членовъ. Далѣе, въ этой же общей теоріи должно быть разсмотрѣно отношеніе цѣлесообразности къ другимъ сторонамъ бытія.

Для бо́льшаго удобства изложенія, ясности доказательствъ, и для избѣжанія повтореній мы и здѣсь нѣсколько измѣнимъ порядокъ ученій, образующихъ собою общую теорію; именно, прежде разсмотримъ сущность цѣлесообразности, затѣмъ ея существованіе и, наконецъ, обратимся къ другимъ сторонамъ ея.

III. *Подъ цѣлесообразностью я разумѣю существованіе или совершеніе чего либо въ настоящемъ для осуществленія въ будущемъ того, что было сознано въ прошедшемъ.* Это опредѣленіе еще точнѣе можно выразить на самомъ точномъ изъ языковъ: въ бытіи мы всегда имѣемъ дѣло съ цѣлесообразностью, quum quod *in re ideam rei in rem* facit, et ad hoc res est; т. е. когда дѣйствительное превращаетъ помысленное дѣйствительнымъ въ дѣйствительность. Изъ этого опредѣленія цѣлесообразности ясенъ трехчленный составъ ея. Она есть соединеніе трехъ неравнозначущихъ членовъ: существующаго или совершающагося для чего либо, что мы называемъ *средствомъ;* того, для чего что либо существуетъ или совершается, что мы называемъ *цѣлью;* и, наконецъ, изъ *сознаннаго*, которое осуществляется черезъ средство въ цѣли. Однако соединеніе это отлично отъ тѣхъ соединеній, съ которыми мы имѣли до сихъ поръ дѣло, и которыя всѣ были при-

чинными. Въ цѣлесообразности передъ нами открывается скорѣе явленіе сложнаго творчества; и связь членовъ ея есть связь творимаго, творящагося и творческихъ идей. Три явленія эти, соотвѣтственно расположенныя, правильно вытекаютъ изъ того, что скрывается за ними тремя, въ чемъ появилась цѣль и что употребило средства — *creator ideae rei*. Необходимость его существованія становится ясна тотчасъ, какъ только мы правильно назовемъ члены цѣлесообразности:

id, quod res erit per id, quod res est, *ab eo qui intelligit ideam rei*
id, quod res est ad id, quod res erit *per eum, qui intelligit ideam rei*
id, quod idea erat, ejus, quod res erit, *in eo, qui intelligit ideam rei*

} *intellectus*, in quo ideae rerum sunt, et qui per res ideas suas in res facit.

Что дѣйствительно таковъ составъ цѣлесообразности, въ этомъ легко можно убѣдиться разсмотрѣвъ какой либо единичный примѣръ ея. Такъ въ сферѣ человѣческой дѣятельности какое либо учрежденіе, законъ, реформа или что другое подобное задуманное есть цѣль; то, что предшествуетъ осуществленію этого задуманнаго и подготовляетъ его, есть средство; то, что предшествуетъ сознательному употребленію средства есть идея того, что осуществится съ выполненіемъ цѣли; и наконецъ за всею этою цѣлесообразною дѣятельностью лежитъ духъ, въ которомъ возникла идея будущаго желаемаго, и который находитъ и употребляетъ средства для ея выполненія. Напр. цѣлесообразная дѣятельность нашего государства, выразившаяся освобожденіемъ закрѣпощеннаго прежде сословія земледѣльцевъ, распадается на 1) реформу, 2) ея подготовленіе и осуществленіе, 3) идею реформы, 4) сознаніе, въ которомъ возникла эта идея. Подобнымъ же образомъ и на тѣже части распадается и всякая цѣлесообразная дѣятельность. Эти члены суть постоянные, необходимые и неизмѣнные элементы цѣлесообразности.

Перейдемъ теперь къ опредѣленію этихъ членовъ: *цѣль есть то, что черезъ существующее осуществляется сознаваемое, какъ достойное существованія* (res, in quam idea

rei per id, quod in re, fit), или просто — *осуществляемое*, т. е. становящееся дѣйствительнымъ, но чего еще пока нѣтъ. *Средство есть то, черезъ что осуществляется сознанное достойнымъ существованія* (id, quod in re ad ideam rei in rem faciendam) или просто *осуществляющее*, т. е. то, что существуетъ, но не для себя, а для того, чтобы существовало другое. *Идея цѣли есть образъ или понятіе, которое возникаетъ въ духѣ и стремится выразиться въ веществѣ* (idea rei est id, quod in intellectu nascitur et in materia exprimitur), или просто *осуществляющееся* — то, что пребываетъ въ цѣлесообразности и движетъ ее, что черезъ нее, какъ процессъ, находитъ свое осуществленіе.

IV. Опредѣливъ такимъ образомъ, что̀ такое цѣлесообразность и каковъ составъ ея, перейдемъ къ опредѣленію формы существованія, мѣста пребыванія и сферы распространенія ея.

Что касается до *формы существованія*, то несомнѣнно, что многія изъ явленій цѣлесообразности имѣютъ ихъ всѣ три: потенціальную, образующуюся и реальную. Такъ напр. извѣстное цѣлесообразное дѣйствіе человѣка существовало потенціально въ разумѣ его, который былъ способенъ создать цѣль, которую создалъ; образовывалось, когда цѣль эта возникала и уяснялась въ его сознаніи; и, наконецъ, существуетъ реально, когда цѣлесообразное дѣйствіе совершается, происходитъ. Другія явленія цѣлесообразности имѣютъ, какъ кажется, форму существованія вѣчную реальную; но это темная сторона вопроса, требующая точнѣйшихъ изысканій для своего утвержденія или отрицанія. Справедливость или ошибочность предположенія о томъ, что существуетъ такая вѣчная форма цѣлесообразности, зависитъ отъ того, раздвинемъ ли мы предѣлы ея за границы человѣческой дѣятельности, или всецѣло заключимъ ее въ этихъ границахъ. Въ первомъ случаѣ несомнѣнно окажется, что нѣчто вѣчно пребывающее въ природѣ вѣчно выполняетъ какую нибудь цѣль; во второмъ случаѣ всѣ явленія цѣлесообразности будутъ

необходимо временны, какъ временна вся дѣятельность человѣка.

Цѣль же и средство въ формѣ своего существованія обусловлены формою существованія цѣлесообразности, въ предѣлахъ которой онѣ заключены и которую онѣ образуютъ собою. Но въ самой природѣ ихъ существованія есть большое различіе: цѣль существуетъ временно или вѣчно смотря по тому, какъ существуетъ цѣлесообразность, въ которой она лежитъ, но при этомъ она остается неподвижна и неизмѣнна во все время пребыванія заключающей ее цѣлесообразности; напротивъ средство измѣнчиво: оно можетъ быть уничтожено и замѣнено другимъ. И то и другое вытекаетъ изъ самой природы этихъ членовъ цѣлесообразности и логически выводится изъ опредѣленій этой природы: цѣль не можетъ ни уничтожаться, ни измѣняться безъ разрушенія всей цѣлесообразности, потому что для нея нѣчто пребываетъ или совершается, но не она для чего либо пребываетъ или совершается — такъ что нѣтъ ничего что имѣло бы силу ее уничтожить или измѣнить; средство же, пребывая для для другаго, а не для себя, можетъ быть измѣнено, если этого требуетъ другое, или даже — уничтожено и замѣнено инымъ средствомъ, если оно лучше ведетъ къ той же цѣли.

Сферою же, гдѣ пребываетъ цѣлесообразность, можетъ быть какъ въ вещахъ, такъ и въ явленіяхъ, только *строеніе*, т. е. слѣдовательно въ первыхъ — *форма*, и во вторыхъ — *процессъ*. И въ самомъ дѣлѣ, все *пребывающее* (вещи въ обширномъ смыслѣ), какъ это уже было высказано ранѣе, разлагается на вещество, изъ котораго оно состоитъ, и на строеніе, которое приняло вещество въ томъ, что изъ него состоитъ. Но въ веществѣ цѣлесообразность не можетъ быть заключена, потому что вещество повсюду одно, а цѣли различны; напротивъ строеніе столь же разнообразно въ вещахъ, какъ и цѣли ихъ, и слѣдовательно можетъ быть выраженіемъ и органомъ цѣлесообразности; а такъ какъ этимъ выраженіемъ не можетъ

быть вещество, то слѣдовательно строеніе не только можетъ, но и необходимо есть выраженіе цѣлесообразности. Далѣе, вещество внѣ формы не имѣетъ направленія: оно повсюду однородно, тожественно и не имѣетъ въ себѣ различій; для цѣлесообразности же, которая по самой природѣ своей есть стремленіе цѣлесообразнаго къ чему либо, что мы называемъ цѣлью — необходимо направленіе; и именно въ формѣ это направленіе, столь необходимое для цѣлесообразности, не только присутствуетъ въ высокой степени, но и составляетъ ее собою: форма и есть само направленіе, или точнѣе система направленій въ извѣстномъ порядкѣ расположенныхъ, т. е. также направленныхъ. Справедливость этихъ теоретическихъ положеній подтверждается единичными примѣрами: цѣль стола, дома, государства, выразилась въ ихъ строеніи, формѣ, а не въ веществѣ и вообще не въ томъ, изъ чего они состоятъ (въ разсмотрѣнныхъ примѣрахъ — не въ деревѣ и не въ массахъ людей и земель, но во взаимномъ расположеніи и соотношеніи частей). Съ другой стороны теоретическія положенія утверждаютъ необходимость и всеобщность замѣчаемаго въ единичныхъ случаяхъ: не только въ столѣ, домѣ и государствѣ цѣлесообразность выражена въ строеніи, но напротивъ, въ этихъ вещахъ она выражена въ формѣ потому, что онѣ суть конкретныя воплощенія цѣлесообразности, которая всюду и вѣчно выражается необходимо въ строеніи. Также и *совершающееся* состоитъ изъ того, что участвуетъ въ совершеніи (напр. газы въ горѣніи), и изъ самаго процесса совершенія (напр. въ явленіи горѣнія процессъ соединенія атомовъ горящаго тѣла съ атомами кислорода). Но участвующее въ какомъ либо единичномъ совершеніи присутствуетъ не только въ немъ одномъ, но и во многихъ другихъ процессахъ, цѣли которыхъ всѣ различны; напротивъ одни и тѣ же процессы всегда имѣютъ одну цѣль. Слѣдовательно цѣлесообразность лежитъ въ механизмѣ процесса, а не въ томъ, что́ процессируетъ. Далѣе, въ процессѣ есть движеніе, которое также необходимо для

цѣлесообразности, какъ и направленіе, потому что она (цѣлесообразность) есть осуществленіе несуществующаго, т. е. стремленіе того, что есть, къ выраженію въ себѣ того, чего нѣтъ; напротивъ въ томъ, что процессируетъ, не заключается никакого движенія, если изъ него изъять процессъ.

Эти общія теоретическія положенія имѣютъ неизмѣримую важность для опредѣленія цѣлей единичныхъ вещей и явленій. Разъ мы знаемъ, въ чёмъ именно можетъ быть *скрыта* цѣль чего либо познаваемаго, мы можемъ *раскрыть* ее черезъ разложеніе скрывающаго; познавая направленія въ формахъ и въ процессахъ — можемъ высвободить изъ нихъ затаенную въ вещахъ и въ явленіяхъ цѣлесообразность, можемъ опредѣлить далекія цѣли, къ которымъ онѣ стремятся, проникнуть въ творческій планъ источника, изъ котораго изливается потокъ явленій и исходитъ міръ вещей.

Опредѣляя *область распространенія* цѣлесообразности нѣтъ строгой необходимости основывать это опредѣленіе на открытіи перваго и послѣдняго членовъ цѣлесообразности. Правда, когда въ вещи или явленіи доказано присутствіе цѣли или идеи цѣли (*res, in quam* id, quod in re; aut *idea* rei *quae in rem* per id, quod in re), тогда несомнѣнно, что они составляютъ средніе члены цѣлесообразности (*id, quod in re*). Но такое доказательство невозможно для вещей и явленій внѣшняго физическаго міра, въ которомъ открыто для насъ одно то, что происходитъ (quod in re), и скрыто все, что произойдетъ и что произошло (цѣль и идея цѣли). А между тѣмъ строгое доказательство присутствія или отсутствія цѣлесообразности въ этомъ именно внѣшнемъ для человѣка мірѣ и составляетъ весь интересъ и всю задачу разсматриваемой теперь части науки, потому что присутствіе цѣлесообразности въ другомъ мірѣ, въ мірѣ внутреннемъ для человѣка, несомнѣнно для нашего разума, такъ какъ онъ самъ есть источникъ этой цѣлесообразности и непосредственно сознаетъ ее. За невозможностью, такимъ образомъ, при-

маго открытія цѣлесообразности въ природѣ, слѣдуетъ употребить косвенные пути для этого. И эти косвенные пути есть, и при томъ могущіе привести столь же вѣрно къ цѣли, какъ и невозможный прямой путь. Можно, въ самомъ дѣлѣ, не черезъ открытіе перваго и послѣдняго членовъ познать, что существующее и совершающееся цѣлесообразно; наоборотъ, черезъ открытіе цѣлесообразности въ существующемъ и въ совершающемся познать цѣли, которыя выполнитъ современемъ природа, и творческіе планы, которые были нѣкогда вложены въ нее. Эти пути слѣдующіе: *цѣлесообразность во внѣшней природѣ будетъ доказана, если что либо въ ней, не произведенное дѣйствіемъ человѣка, окажется обладающимъ такими свойствами, относительно которыхъ будетъ доказано, что они во-первыхъ присутствуютъ въ цѣлесообразности, и во-вторыхъ не могутъ присутствовать ни въ чемъ другомъ, какъ только въ ней одной.* Открыть же эти опредѣляющіе, т. е. постоянные и исключительные признаки, возможно слѣдующимъ образомъ: *въ сознательной дѣятельности человѣка намъ даны несомнѣнные образцы цѣлесообразности; опредѣливъ свойства этой дѣятельности, мы опредѣлимъ свойства, которыя вообще присутствуютъ въ цѣлесообразности; исключивъ изъ этихъ свойствъ всѣ, которыя то встрѣчаются, то не встрѣчаются въ сознательной дѣятельности человѣка, мы получимъ въ остаткѣ рядъ признаковъ, относительно которыхъ есть значительное основаніе предполагать, что они связаны какимъ либо неизвѣстнымъ образомъ съ самою сущностью цѣлесообразности; чтобы открыть эту связь и тѣмъ придать имъ (признакамъ) характеръ необходимости, постоянства и исключительности, слѣдуетъ обратиться къ логическому опредѣленію цѣлесообразности и вывести изъ него атрибуты ея; когда выведенные теоретически атрибуты совпадутъ съ наблюдаемыми постоянными признаками, то послѣдніе можно принять за опредѣляющіе.* Пользуясь ими, какъ несомнѣнными *критеріумами*, мы можемъ обратиться къ явленіямъ міра неорганическаго и органическаго и къ явленіямъ космическимъ въ тѣсномъ смыслѣ, дабы

или, открывъ въ нихъ присутствіе этихъ опредѣляющихъ признаковъ, признать ихъ цѣлесообразными; или, удостовѣрившись въ ихъ отсутствіи, убѣдиться что имъ чужда цѣлесообразность.

V. Вопросъ о свойствахъ цѣлесообразности является, такимъ образомъ, основнымъ и рѣшающимъ въ общей теоріи объ этой сторонѣ Космоса; и именно вслѣдствіе этого рѣшающаго значенія — трудно высказать что либо положительное объ нихъ (свойствахъ), потому что всякая ошибка или простая неточность можетъ повести здѣсь къ многочисленнѣйшимъ заблужденіямъ.

Такъ относительно разумной *планомѣрности въ расположеніи вещества* и разумной *послѣдовательности въ развитіи явленій* — признаки, которые повидимому исключительно присущи цѣлесообразности — необходимо строго убѣдиться, что они не могутъ быть ни въ какомъ случаѣ произведеніемъ причинности; что невозможно такое сочетаніе безсознательныхъ силъ природы и элементовъ веществъ, въ результатѣ взаимнодѣйствія которыхъ получилось бы нѣчто планомѣрно устроенное или послѣдовательно измѣняющееся; хотя правда возможность такой «игры природы» представляется такъ же мало вѣроятной, какъ мало вѣроятно, чтобы падающіе съ дерева листья образовали собою правильные геометрическія фигуры, или чтобы изъ безцѣльныхъ постукиваній по клавишамъ рояли человѣка, незнакомаго съ музыкой, образовалось художественное музыкальное произведеніе. Въ самомъ дѣлѣ, почти невозможно не согласиться, что разумное можетъ быть произведеніемъ только разума, планомѣрное — только плана, стремящееся къ одному чему либо — только цѣли; и что если есть что либо подобное въ природѣ, то въ ней есть и разумъ, и планъ, и цѣль, хотя они и неизвѣстны намъ.

Поэтому въ томъ, что міръ органическій, какъ въ цѣломъ такъ и во всѣхъ частяхъ своихъ устроенъ столь правильно: въ томъ, что растенія и животныя — не одно, но всѣ, повсюду и вѣчно — развиваются изъ сѣмени и зародыша въ полныя формы, проходя постоянно черезъ однѣ и тѣже

послѣдовательно смѣняющіяся стадіи, — во всемъ этомъ такъ же трудно видѣть игру слѣпыхъ силъ природы, какъ трудно было бы допустить (мы беремъ совершенно параллельные примѣры) что остатки разбиваемыхъ въ океанѣ кораблей, не одного и не нѣкоторыхъ, но «всѣхъ, повсюду и вѣчно», были прибиваемы волнами именно въ тѣ самые порты, въ которые имъ нужно было плыть и куда ихъ направляла первоначальная сознательная воля, теперь замѣненная не знающими цѣлей силами природы; или что человѣкъ, выброшенный на необитаемый островъ, нашелъ въ лѣсу нѣсколько деревьевъ, которыя такъ послѣдовательно подгнили, при паденіи такъ планомѣрно обломались, и упали такъ цѣлесообразно, что изъ нихъ сложился домъ, со всѣми необходимыми частями его, и притомъ именно такъ расположенный, какъ къ тому привыкъ выброшенный на островъ путешественникъ; или наконецъ, что изъ словъ, безсознательно говоримыхъ помѣшаннымъ человѣкомъ, образуются правильныя доказательства геометрическихъ теоремъ. Конечно, сказанное все еще не точное доказательство, такъ какъ нѣтъ логической невозможности въ томъ, чтобы остатки кораблей прибивались волнами куда плыли, чтобы изъ упавшихъ случайно деревьевъ образовалось что нужно, и чтобы изъ бреда помѣшаннаго выходила геометрія: если повинуясь случаю получается другое, то почему не получиться и этому? но и утверждающіе, что планомѣрность и послѣдовательность можетъ быть произведеніемъ причинности, не привели ничего доказательнаго въ подтвержденіе того, что все подобное указаннымъ примѣрамъ дѣйствительно можетъ случиться.

Опредѣлимъ точнѣе, въ чемъ именно заключается эта планомѣрность и послѣдовательность, какъ вѣроятные признаки цѣлесообразности; изъ этого опредѣленія станетъ ясно, почему мы прежде всего остановились на нихъ. *Планомѣрность есть такое расположеніе частей чего либо, при которомъ понимающій разумъ человѣка, зная о существованіи и положеніи нѣкоторыхъ, открываетъ и опредѣляетъ*

положеніе остальныхъ, ему неизвѣстныхъ частей, которыя, будучи найдены, оказываются такими и такъ расположенными, какъ онъ предугадалъ; послѣдовательность же въ развитіи есть преемственная смѣна такихъ формъ развивающихся, и въ такомъ порядкѣ одна за другою слѣдующихъ, что понимающій разумъ изучивъ нѣсколько ихъ, по двѣ смежныхъ изъ несмежныхъ частей ряда, можетъ затѣмъ по всякой предыдущей формѣ опредѣлить послѣдующую и по всякой послѣдующей — предыдущую. Такимъ образомъ между планомѣрностью и послѣдовательностью съ одной стороны, и между разумомъ — съ другой, открывается такое соотношеніе, что разумъ, *превративъ нѣчто изъ существующаго въ акты сознанія*, и затѣмъ отдавшись внутренней дѣятельности по законамъ своей природы, получаетъ въ себѣ *другіе акты сознанія, вполнѣ соотвѣтствующіе неизвѣстной, но потомъ открывшейся дѣйствительности.* Поэтому то именно планомѣрность и послѣдовательность мы и признали опредѣлителями цѣлесообразности, что въ нихъ воспринимаемое разумомъ изъ міра реальнаго (quod in re) есть какъ бы *уже ранѣе* прошедшее черезъ сознаніе (idea rei); потому что сознаніе одно, не руководясь дальнѣйшею дѣйствительностью, *развивать это воспринятое такъ, какъ оно развивало бы чистый актъ сознанія, и при этомъ въ результатахъ совпадаетъ съ дѣйствительностью*, которая такимъ образомъ является совершенно таковою, какъ если бы въ ней развивалось чистое сознаніе. Вотъ почему, если бы эмбріологамъ въ процессахъ развитія, а зоологамъ и ботаникамъ въ развитыхъ формахъ удалось теоретически опредѣлить какія либо недостающія промежуточныя формы и затѣмъ открыть ихъ въ дѣйствительности, то цѣлесообразность во внѣшней природѣ, присутствіе скрытаго въ ней или за ней психическаго начала, намъ думается, была бы доказана.

Къ этимъ двумъ вѣроятнымъ опредѣлителямъ мы присоединимъ еще третій: *постоянство чего либо, къ чему стремится непостоянное.* И въ самомъ дѣлѣ, ни въ причинности, ни въ чемъ либо другомъ, кромѣ членовъ цѣлесо-

образности, мы не знаемъ этого отношенія, при которомъ нѣчто неподвижное (цѣль) влечетъ къ себѣ движущееся (средство). Поэтому, если во внѣшнемъ физическомъ мірѣ есть такія постоянныя формы, къ воплощенію которыхъ неизмѣнно стремится природа, то ихъ слѣдуетъ признать за послѣдніе члены цѣлесообразности (res, in quas id, quod in re). Такую неподвижность мы находимъ въ формахъ органическаго царства, уже образовавшихся, и такую измѣнемость стремящагося къ нимъ — въ смѣняющихся стадіяхъ эмбріологическаго процесса, вырабатывающаго эти постоянныя формы. Каждое растеніе и каждое животное, при какихъ бы различныхъ условіяхъ они не развивались, всегда развиваются въ одни и тѣ же твердо установленные типы. Такъ корни картофеля никогда не вытянутся въ длинныя и тонкія вѣтви, какъ бы мы ни приспособляли къ этому почву, уплотняя ее въ горизонтальныхъ направленіяхъ и разрыхляя въ вертикальныхъ; плющь никогда не перестанетъ извиваться; роза никогда не начнетъ отвратительно пахнуть. Между тѣмъ, при отсутствіи цѣлесообразности въ органическомъ веществѣ оно, какъ совершенно пассивное, не оказывало бы никакого сопротивленія внѣшнимъ давящимъ условіямъ и тотчасъ, *безъ промедленія*, уступало бы силѣ ихъ. Это постоянство органическихъ формъ и упорство, съ которымъ природа стремится къ воплощенію ихъ, нигдѣ не обнаруживается съ такою поражающею ясностью, какъ въ одномъ фактѣ, который по странному недоразумѣнію всегда приводился въ доказательство отсутствія постоянныхъ органическихъ типовъ. Я говорю объ искусственномъ видоизмѣненіи органическихъ формъ путемъ послѣдовательной и долгой культуры. И въ самомъ дѣлѣ, что́ еще съ такою силою могло бы доказать постоянство формъ въ природѣ, какъ доказываютъ явленія, наблюдаемыя въ этихъ культурахъ, гдѣ все искусство человѣческаго *разума*, свободно видоизмѣняющаго условія жизни *сообразно цѣлямъ* своимъ, только черезъ долгое время, путемъ постояннаго, не ослабѣвающаго давленія отклоняетъ организмы отъ тѣхъ постоян-

ныхъ формъ, къ которымъ они неизмѣнно стремятся въ свободномъ состояніи,— и при этомъ отклоняетъ только къ ничтожномъ, *къ незначущемъ*, и только *на время;* потому что возвращаясь въ естественное, дикое состояніе эти организмы снова пріобрѣтаютъ прежній видъ. Спрашивается, какая сила, исходящая *извнутри* организмовъ, сопротивляется силѣ разумной воли человѣка, давящей *извнѣ* на нихъ и не позволяетъ тотчасъ же, въ существенномъ такъ же легко, какъ и въ несущественномъ, измѣниться подъ этимъ давленіемъ? что, какъ не постоянство установленныхъ въ природѣ формъ, влечетъ измѣняемыя искусственно формы къ прежнему виду? И если, какъ въ этомъ убѣждаетъ насъ палеонтологія, всѣ формы органическаго міра все-таки видоизмѣнялись; то тотъ поразительный фактъ, что не неправильно шло это видоизмѣненіе, что во все безконечно продолжительное время своего существованія типы животнаго и растительнаго царства ни разу не упростились разложившись, но постоянно совершенствовались усложняясь, не доказываетъ ли только, что постоянные и уже вѣчно неподвижные типы не тѣ, которые живутъ теперь, но тѣ къ которымъ незамѣтно стремятся живущіе, и что такимъ образомъ постоянство формъ не отрицается, но только переносится изъ настоящаго въ будущее, и міръ въ которомъ живемъ мы — не *res, in quam* id. quod in re erat, но id, quod *in re ad* ideam rei in rem faciendam. И наконецъ, что все высказанное въ высокой степени вѣроятно, что именно цѣлесообразность, и не безсознательная, но разумная, скрывается за всѣми этими необъяснимыми фактами органической жизни. это подтверждается, и уже фактически, тѣми же явленіями, которыя наблюдаются въ искусственныхъ культурахъ, о которыхъ мы упомянули выше: не слѣпая случайность, и не неумѣлая рука обыкновеннаго человѣка производитъ искусственныя разновидности въ организмахъ, но величайшая предусмотрѣнность, все направляющая къ одной цѣли, заранѣе сознанной. И если разумная человѣческая цѣлесообразность ничтожно и на время откло-

иметъ цѣлесообразность, движущуюся въ природѣ, какъ бы перерѣзывая ее въ путяхъ ея, подобно тому какъ воды рѣки на ограниченномъ пространствѣ и на ограниченное время отклоняютъ воды океана вторгаясь въ нихъ, если для произведенія не многихъ и не значительныхъ разновидностей — весь плодъ творчества человѣка — требуется необходимо разумъ и его цѣлесообразная дѣятельность; то какъ отвергнемъ мы, что въ созданіи всего органическаго міра, который какъ море на каплю похожъ на искусственныя разновидности и какъ море же каплю превосходитъ ихъ въ величинѣ, разнообразіи и красотѣ своей, какъ отвергнемъ мы, что онъ *во всемъ подобный, но большій, былъ произведенъ* не разумомъ и цѣлесообразностью, но случайностью т. е. *причиною во всемъ противоположною* разуму *и меньшею*, чѣмъ онъ? Но если такъ, если цѣлесообразность произвела этотъ міръ — послѣ всего высказаннаго здѣсь и ранѣе уже не пониманіе, намъ думается, но только воля можетъ сопротивляться принятію этой истины — тогда какой страшный разумъ, какая безконечная воля, какая неизмѣримая предусмотрѣнность живетъ и господствуетъ въ природѣ, направляетъ, движетъ и устрояетъ ее? не столь же ли превосходитъ этотъ разумъ и воля разумъ человѣческій и волю его, какъ превосходитъ міръ имъ созданный и устроенный тѣ маленькія теплицы и терраріумы, въ которыхъ такъ несовершенно господствуетъ человѣкъ и съ такими усиліями иногда успѣваетъ осуществлять нѣкоторые изъ своихъ плановъ? И говоря такъ, мы только доканчиваемъ строгую логическую аналогію: для произведенія одного и того же по природѣ факта требуется однородная по существу причина; и если произведенные факты различны по величинѣ, то причина, произведшая бо́льшій фактъ, должна во столько же разъ превосходить въ своей силѣ причину, произведшую меньшій фактъ, во сколько тотъ первый превосходитъ собою этотъ второй.

Переходя далѣе къ свойствамъ членовъ цѣлесообразности, слѣдуетъ остановиться на взаимной противополож-

ностей тѣхъ изъ нихъ, которыя присущи цѣли и средству. Противоположность эта вытекаетъ изъ противоположности въ самой природѣ этихъ двухъ членовъ цѣлесообразности. Такъ напр. тогда какъ цѣль неуничтожима и неизмѣнна, средство измѣнчиво и преходяще; также цѣль по самой природѣ своей конечна, потому что иначе она не была бы цѣль, средство по самой природѣ своей промежуточно, потому что иначе оно не было бы средство; и т. д.

VI. Источникъ, откуда исходитъ всякая цѣлесообразность, имѣетъ трехчленное строеніе. Онъ распадается на три формы, изъ которыхъ каждая предъидущая обнимаетъ послѣдующую и черезъ нее приближается къ тому единичному конкретному процессу цѣлесообразности, который производитъ: именно *intellectus* in quo ideae rerum sunt, какъ творческій первоисточникъ неопредѣленнаго числа цѣлесообразностей; *idea rei* или представленіе объ единичномъ цѣлесообразномъ процессѣ, которая возникаетъ in intellectu и которой въ точности соотвѣтствуетъ осуществляемый по ея плану процессъ; *непосредственная причина*, съ которой начинается цѣлесообразный процессъ, въ которую воплощается idea rei и черезъ которую, какъ смѣшанную изъ идеальныхъ и реальныхъ началъ, она (idea rei) сближается до соприкосновенія съ производимымъ цѣлесообразнымъ процессомъ. Напр. разумъ человѣка (intellectus) есть первоисточникъ идеи монархическаго, республиканскаго или какого иного государства, на ряду со многими другими идеями: идея, положимъ, республиканскаго государства (idea rei) есть причина извѣстнаго ряда поступковъ и словъ того (или тѣхъ), въ комъ пробудилась она: эти поступки и слова есть уже непосредственная причина видоизмѣненія какихъ либо существующихъ учрежденій: такимъ образомъ, на мѣстѣ прежняго государства возникаетъ республика.

Разсмотримъ каждую изъ этихъ стадій порознь, начиная съ ближайшей къ производимому процессу.

Непосредственныхъ источниковъ происхожденія цѣлей три. *Природа стремящаяся* къ цѣли, напр. когда чело-

вѣкъ стремясь къ какой либо цѣли, положимъ къ познанію существующаго, свободно отдается влеченію своей природы или части ея, въ данномъ случаѣ разума, или напр. когда растеніе развивается въ опредѣленныя формы; *воля его*, напр. когда человѣкъ стремится къ цѣли, которая создана его разумомъ, но которая не имѣетъ необходимаго отношенія ни къ этому разуму, ни вообще къ природѣ человѣка, — таковы различныя общественныя и политическія цѣли; *воля, лежащая внѣ стремящагося* и направляющая его къ цѣли, напр. когда человѣкъ заставляетъ выполнять свои цѣли формы растительныхъ и животныхъ организмовъ.

Идей цѣлесообразныхъ процессовъ столько, сколько есть родовъ этихъ процессовъ; но при этомъ всякая такая идея есть необходимо *идея рода* (idea rei abstractae), напр. идея государства; а всякій процессъ, возникающій изъ такой идеи, есть необходимо единичный и конкретный (ex idea rei abstractae res concreta nascitur), напр. это одно государство, а не государство вообще. Разумъ такъ же не можетъ создать чего-либо конкретнаго, какъ воля —чего-либо абстрактнаго.

Наконецъ разумъ, въ которомъ возникаютъ идеи (intellectus), есть всегда и необходимо первоисточникъ всякой цѣлесообразной дѣятельности; потому что послѣдняя невозможна безъ idea rei, а idea rei невозможна безъ разума. При этомъ разумъ есть не только первый источникъ цѣлесообразной дѣятельности, но и источникъ творческій, потому что онъ не промежуточенъ въ цѣлесообразности, какъ промежуточна idea rei, лежащая между осуществляемою вещью (цѣль) и между осуществляющимъ разумомъ, но началенъ: изъ него исходитъ весь процессъ и въ немъ начинается, т. е. онъ изъ себя творитъ его. Далѣе, произведеніе цѣлесообразнаго процесса есть всегда свободный актъ творческаго разума — и это уже прямо вытекаетъ изъ первоначальности этого акта; но разъ созданное этимъ актомъ разумъ не можетъ уже ни измѣнить въ томъ, что касается цѣли, ни уничтожить;

и это потому, что разумъ разуменъ и не можетъ ни противорѣчить себѣ, ни противустать тому, что возникло въ немъ, ни измѣнить природы цѣли, о неизмѣнности и неуничтожимости которой мы говорили ранѣе. Такъ человѣкъ, если въ немъ разъ возникла какая либо идея, не можетъ ни уничтожить ее въ себѣ, ни перестать стремиться къ ея осуществленію; такъ что дѣятельность разума свободна только по отношенію къ творческому акту и по отношенію только къ возникновенію сотворенной имъ идеи; но она необходима въ отношеніи къ развитію однажды возникшей идеи и въ отношеніи къ выполненію ея. Такъ разъ возникла въ разумѣ идея, что польза есть верховное начало человѣческой жизни, онъ уже не въ состояніи все препятствовать ни всестороннему логическому развитію въ себѣ этой идеи, ни осуществленію ея въ дѣйствительной жизни. Поэтому то разумъ есть творческая потенція идей цѣлесообразной дѣятельности хотя и неопредѣленныхъ по количеству, но опредѣленныхъ по свойствамъ, именно идей только правильныхъ, т. е. разумныхъ.

VII. Каково назначеніе, выполняемое цѣлесообразностью въ жизни природы; что̀ даетъ она ей проникая ее? На этотъ вопросъ можно найти рѣшеніе, мысленно удаливъ цѣлесообразность изъ жизни природы и изслѣдовавъ, что̀ сталось бы тогда съ этою послѣднею. Если бы возможно было выдѣлить изъ Космоса цѣлесообразность и удалить ее, то правда онъ не потерялъ бы способности къ существованію и даже продолжалъ бы оставаться по прежнему разумнымъ, т. е. гармонически устроеннымъ и доступнымъ для пониманія; причинность одна въ состояніи вынести на себѣ тяжесть міра и не допустить его до разстройства. Но съ удаленіемъ цѣлесообразности міръ лишился бы нравственнаго смысла и утратилъ бы нѣкоторую высшую разумность, которая лежитъ въ немъ. Итакъ, назначеніе цѣлесообразности состоитъ въ томъ, чтобы проникая бытіе, давать ему нравственное значеніе и сообщить ему высшій разумный смыслъ, т. е. одухотворить его.

И въ самомъ дѣлѣ, еслибъ въ бытіи не лежало цѣле-

сообразности, то это значило бы, что оно безцѣльно и слѣдовательно въ высшемъ значеніи — безсмысленно. Правда, каждая часть въ немъ повидимому имѣла бы цѣль — именно произведеніе того, что она производитъ повинуясь закону слѣпой причинности; и это произведенное также производило бы нѣчто другое и въ этомъ имѣло бы свое кажущееся назначеніе. Но въ послѣднемъ анализѣ послѣднее звено всего ряда производящихъ причинъ и производимыхъ слѣдствій не было бы цѣлью; это было бы что нибудь столь же малое, какъ и всякое другое звѣно въ причинной цѣпи, а вовсе не что либо такое по своему внутреннему значенію, что для него одного могъ бы возникнуть міръ и развиваться столько времени. Міръ закончился бы чѣмъ нибудь незначущимъ, и это необходимо, — потому что въ этомъ и состоитъ отсутствіе цѣлесообразности. Такимъ образомъ въ высшемъ смыслѣ міръ во всемъ своемъ цѣломъ былъ бы что-то случайное и, слѣдовательно, ненужное. Его существованіе обратилось бы въ какую-то шутку, впрочемъ безъ всякаго серьезнаго значенія и совершенно безъ задней мысли.

Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ утратилъ бы всякій нравственный смыслъ и всякую высшую разумность. По прежнему оставалось бы понятнымъ, почему и для чего существуетъ каждая часть въ немъ; но почему онъ весь существуетъ, для кого онъ нуженъ въ цѣломъ своемъ — это стало бы непостижимо или, что точнѣе и хуже, было бы слишкомъ постижимо, что онъ ни для чего не существуетъ и въ сущности никому не нуженъ. Правда, мы и теперь не знаемъ его послѣдней цѣли, а съ этимъ вмѣстѣ не знаемъ и *настоящей* причины, почему онъ возникъ, и глубочайшаго смысла, который скрытъ въ немъ. Но разъ въ немъ есть цѣлесообразность, мы знаемъ что въ финалѣ космическаго развитія появится нѣчто столь достойное и великое, что станетъ постижимо, для чего возникло это бытіе и развивалось въ прошедшемъ столько вѣковъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и мимолетное настоящее, и наша жизнь въ немъ получатъ высокій смыслъ, значеніе глубокой міровой необ-

ходимости. Міръ, слѣдовательно, станетъ не *непостижимымъ*, но только *не постигнутымъ*, и постиженіе его станетъ первымъ назначеніемъ человѣка, какъ одареннаго разумомъ. Выполненіе этого назначенія наполнитъ интересомъ жизнь человѣка и привяжетъ его къ этой жизни, а сознаніе скрытой міровой необходимости въ своемъ существованіи воспитаетъ въ немъ сознаніе долга нести бремя этой жизни даже и тогда, когда оно становится невыносимымъ. Наконецъ, и всѣмъ проявленіямъ его дѣятельности сообщится тогда разумность, планомѣрность, и онъ почувствуетъ необходимость этой разумности и планомѣрности. Напротивъ, разъ въ Космосѣ нѣтъ цѣлесообразности и человѣкъ сознаетъ это, въ его жизни все становится одновременно и возможнымъ и невозможнымъ. Потому что если все существуетъ ни для чего, то почему бы изъ существующаго хоть что нибудь необходимо должно существовать? или почему бы изъ того, чего еще нѣтъ, хоть чему нибудь нельзя было осуществиться? При такомъ сознаніи нѣтъ основанія, на которомъ хоть что нибудь можно было бы построить въ жизни, потому что нѣтъ ничего, о чемъ бы можно было сказать, что *для него* то или другое строится. Съ другой стороны, тогда нѣтъ и орудія, съ помощью котораго возможно было бы воспрепятствовать появленію чего либо въ жизни, потому ни противъ чего нельзя привести разумнаго довода. Ничто ни передъ чѣмъ не имѣетъ преимущества въ правѣ на существованіе, потому что все одинаково безцѣльно, не нужно и безсмысленно. Все сливается въ одно безразличное, и въ этомъ безразличномъ моя воля, капризъ, насмѣшка, безуміе и для меня и для цѣлаго міра равнозначуща со всѣмъ, что когда-либо считалось или вздумаетъ считаться великимъ и достойнымъ. Міръ—великая шутка, и въ немъ можно только шутить. Все его безконечное развитіе — только нескончаемая улыбка идіота, въ которой ни мой геній, ни мое безуміе ничего не убавитъ и ничего не прибавитъ. При такомъ сознаніи человѣкъ не можетъ и не долженъ жить. Среди безсмысленнаго, принимая учи-

стіе въ этомъ безсмысленномъ могутъ жить только безсмысленныя существа; и все что носитъ на себѣ не только внѣшній обликъ человѣческій, но и духъ его, должно отказаться отъ этого безсмысленнаго, выдти изъ безцѣльнаго круговращенія его, и это будетъ послѣдній, необходимый и достойный актъ его разумной воли. Какъ разумное существо, я отрицаю безсмысленный міръ; и такъ какъ онъ все-таки остается безсмысленнымъ, то я ухожу изъ него — вотъ необходимое заключеніе идеи о безцѣльности Космоса.

Такимъ образомъ съ вопросомъ о признаніи или отрицаніи цѣлесообразности открывается для человѣчества два пути: одинъ — путь отчаянія и погибели, не единичнаго, не личнаго, но всеобщаго, міроваго; отчаянія за всю исторію, безсмысленно совершившуюся, погибели для всего человѣчества, которому уже нечего болѣе ждать. Это — finis humani generis. Другой путь — путь признанія великой разумной цѣлесообразности, скрытой въ мірѣ; путь жизни, посвященной раскрытію этой цѣлесообразности и приведенію себя и своей дѣятельности въ соотвѣтствіе съ нею. Это — эра новаго, великаго и заканчивающаго періода въ исторіи человѣчества, къ которому во всю свою предшествовавшую исторію только готовился онъ, и въ сравненіи съ которымъ его минувшая жизнь — только блужданіе въ преддверіяхъ къ истинной жизни.

Говоря такъ, мы не хотимъ сказать что важныя жизненныя соображенія должны побудить человѣка согласиться на признаніе цѣлесообразности въ мірѣ, чтобы избрать второй путь и избѣгнуть перваго. Погибнетъ или не погибнетъ человѣчество, вопросъ этотъ ничего не измѣнитъ къ вопросѣ о существованіи цѣлесообразности: ни человѣческое счастье, ни человѣческія бѣдствія не придадутъ бытію цѣлесообразности, если въ немъ нѣтъ ея, ни отнимутъ ее, если она есть въ немъ. Цѣлесообразность въ мірѣ есть фактъ внѣшній для человѣка, не подчиненный его волѣ, и признаніе или отрицаніе этого факта есть дѣло исключительно его познанія. Да и не согла-

сится человѣчество обмануть себя изъ малодушія,— признать то, чего нѣтъ, чтобы сохранить за собою жизнь. А если въ тяжелую минуту предсмертнаго томленія оно и сдѣлаетъ это, оно не вынесетъ долго обмана: тайное сознаніе, что нѣтъ того, ради чего живетъ оно, заставитъ людей по одному и не высказываясь оставлять жизнь.

Но высказанное имѣетъ цѣлью побудить глубже задуматься надъ этимъ вопросомъ. Никто, какъ кажется, и не догадывается о томъ, какъ тѣсно многіе отвлеченные вопросы связаны не только съ важными интересами человѣческой жизни, но и съ самымъ существованіемъ этой жизни. Никому не представляется, что то или другое разрѣшеніе вопроса о цѣлесообразности въ мірѣ можетъ или исполнить человѣческую жизнь высочайшей радости, или довести человѣка до отчаянія и принудить его оставить жизнь. А между тѣмъ это такъ. Отчаяніе уже глухо чувствуется въ живущихъ поколѣніяхъ, хотя его источникъ ясно и не сознается. Вотъ почему легкомысленное разрѣшеніе вопроса о цѣлесообразности — а мы не имѣли до сихъ поръ другихъ — есть не только глупость, но и великое преступленіе. Тѣ, которые играютъ этимъ вопросомъ, правда не чувствуютъ его важнаго значенія, что доказывается тѣмъ, что отрицая цѣлесообразность они продолжаютъ жить, т. е. кружиться среди безсмысленнаго для нихъ же самихъ и трудиться ни для чего по ихъ же сознанію. Логика мысли и жизни — вообще удѣлъ не многихъ. Но какъ у легкомысленныхъ писателей могутъ быть серьезные читатели, такъ у легкомысленныхъ отцовъ — дѣти съ глубокою душою, и то что чувствуютъ и что дѣлаютъ теперь единичные люди — я говорю объ отчаяніи и смерти — со временемъ могутъ почувствовать поколѣнія и народы.

VIII. Типовъ цѣлесообразности или, точнѣе, модусовъ цѣлесообразнаго процесса четыре, а формъ подъ которыми являются члены ея — двѣ. Эти члены — средство и цѣль — бываютъ или *вещью* (то, что существуетъ), или *явленіемъ* (то, что совершается), принимая эти слова въ обширномъ значеніи. Четыре же модуса, подъ формою которыхъ

является цѣлесообразность въ природѣ, обусловливается четырьмя возможными перестановками этихъ двухъ членовъ. Они суть слѣдующіе: 1. цѣлесообразность въ которой вещь какая либо существуетъ для того чтобы существовала другая вещь (*Res ad Rem*), напр. тяготѣніе всемірное существуетъ для того, чтобы существовало равновѣсіе между частями вселенной, государство существуетъ для осуществленія пользы, и проч. Сюда подходятъ всѣ тѣ факты въ жизни человѣка и природы, гдѣ часть какая либо, не значущая сама по себѣ, появляется и пребываетъ какъ необходимое условіе для пребыванія цѣлаго, котораго она есть часть и которое уже значуще, напр. подпора для стѣны, крыша для дома, домъ для человѣка и пр. Въ этомъ модусѣ оба члена цѣлесообразнаго соединенія, средство и цѣль, являются подъ одною и тою же формою неподвижно существующаго, или точнѣе и безошибочнѣе — подъ формою такого бытія, въ которомъ нѣтъ процесса какъ сущности, которое не варіируетъ, не движется, которое есть вещь пребывающая, но не явленіе совершающееся. Форма же соединенія обоихъ этихъ членовъ есть причинное сосуществованіе: вещь, которая существуетъ для другой вещи, есть причина ея (производящая, какъ въ приведенномъ примѣрѣ всемірнаго тяготѣнія и равновѣсія вселенной, или только обусловливающая внѣшнимъ образомъ, какъ въ примѣрѣ стѣны и ея подпоры); а вещь, для которой она существуетъ, есть производимое (или обусловливаемое) слѣдствіе, сосуществующее со своею причиною. 2. Цѣлесообразность, въ которой вещь какая либо или фактъ существуетъ для того, чтобы существовало явленіе или вообще что либо совершающееся — то, въ чемъ есть процессъ (*Res ad Processum*); напр. солнце существуетъ для того, чтобы служить источникомъ свѣта, теплоты и жизни (мы беремъ примѣры, удобные со стороны формы для объясненія модуса цѣлесообразности, не касаясь ихъ содержанія т. е. не останавливаясь на вопросѣ, дѣйствительно ли справедливо то, что говорится въ нихъ), или еще — сердце для кровообращенія, разумъ

для пониманія какъ процесса, и пр. Здѣсь первый членъ цѣлесообразности есть вещь существующая, а второй членъ есть явленіе изъ этой вещи исходящее, или точнѣе и справедливѣе — есть нѣчто движущееся, варіирующее, вѣчно текущее, для чего источникомъ и основаніемъ служитъ нѣчто неподвижное, нѣчто такое что *есть*, но не *совершается*. Здѣсь форма соединенія обоихъ членовъ есть также причинное сосуществованіе: средство есть причина вѣчно исходящей изъ него и сосуществующей съ нимъ цѣли. 3. Цѣлесообразность, въ которой явленіе какое либо совершается для того, чтобы совершилось другое явленіе (*Foenomen ad Foenomen*). Подъ этотъ модусъ цѣлесообразности подходитъ значительнѣйшая часть человѣческихъ дѣйствій: мы постоянно совершаемъ что либо, чтобы совершилось что либо, наказываемъ или убѣждаемъ — чтобы произошло исправленіе наказываемаго или убѣждаемаго, усиливаемся измѣнить существующее — чтобы произошло измѣненіе въ немъ и т. д. Здѣсь первый и второй члены цѣлесообразности такъ же однородны между собою, какъ и въ первомъ модусѣ, но только природа ихъ противоположна: тамъ оба члена неподвижно существуютъ, здѣсь оба совершаются, происходятъ. Соединены же они здѣсь связью причиннаго преемства: средство есть производящее, исчезающее съ появленіемъ производимой цѣли. 4. Цѣлесообразность, въ которой явленіе совершается для осуществленія вещи (*Foenomen ad Rem*), какъ наприм. эмбріологическій процессъ совершается для того, чтобы появилось животное; построеніе (напр. дома) совершается для того, чтобы появилось строимое, и вообще безчисленные факты дѣланія, приготовленія чего либо (какой либо вещи). Здѣсь составъ цѣлесообразности тотъ же, какъ и во второмъ модусѣ, но только расположеніе членовъ обратное: тамъ изъ вещи исходитъ явленіе, здѣсь изъ явленія происходитъ вещь. И характеръ соединенія обоихъ членовъ здѣсь другой; тамъ связью служило причинное сосуществованіе, здѣсь ею служитъ причинное преемство: производящее средство исчезаетъ съ появленіемъ произ-

водимой цѣли, дѣланіе прекращается, когда появилась сдѣланная вещь.

Эти четыре модуса, кратко и точно выражаемые формулами: *вещь для вещи, вещь для явленія, явленіе для явленія, явленіе для вещи*, исчерпываютъ собою, какъ кажется, всѣ возможные способы проявленія цѣлесообразности, хотя въ предѣлахъ каждаго изъ этихъ модусовъ могутъ быть проведены новыя дѣленія, въ основу которыхъ положатся различеніе самыхъ *res* и *footnote*, вещей и процессовъ.

Что касается распространенія и распредѣленія этихъ модусовъ въ Космосѣ, то хотя ни одинъ изъ нихъ не остается совершенно чуждымъ которой либо области бытія, однако вообще нельзя не замѣтить, что природа предпочитаетъ достигать своихъ цѣлей посредствомъ двухъ первыхъ модусовъ, а человѣкъ можетъ достигать своихъ цѣлей посредствомъ двухъ послѣднихъ модусовъ. Міростроеніе и міросохраненіе держится на соотвѣтственномъ расположеніи и на взаимнодѣйствіи вещей съ вещами и вещей съ явленіями, и, какъ имѣющему постоянно пребывать, ему болѣе соотвѣтствуетъ устойчивая связь причиннаго сосуществованія, постоянная, непоколебимая, неподвижная. Вѣчно же волнующемуся, измѣнчивому, непостоянному въ своихъ стремленіяхъ Міру человѣческому дана въ удѣлъ несовершенная связь причиннаго преемства, присущая третьему и четвертому модусамъ цѣлесообразности, черезъ которые все можно совершить, и при которыхъ все совершенное не вѣчно.

IX. Между величиною членовъ цѣлесообразности есть нѣкоторое постоянное соотношеніе: малыми средствами малое достигается, великое же требуетъ для себя великихъ средствъ. Общій законъ этого отношенія можетъ быть выраженъ такимъ образомъ: *средство должно по своей силѣ дѣйствія равняться силѣ противодѣйствія того, что лежитъ между idea rei и res in quam idea rei* (Res ex idea rei tum fitur, quum vis ejus quod in re est, et vis ejus quod inter ideam rei et rem est, pares sunt).

Разложимъ величины, входящія въ это равенство, на

составные элементы. Изъ нихъ одинъ, именно основной, тотъ, къ которому по необходимости приравнивается другой членъ (quod inter ideam rei et rem) есть величина измѣняющаяся. И въ самомъ дѣлѣ, сила сопротивленія того, что лежитъ между планомъ и цѣлью, не постоянна; потому что не неизмѣннымъ путь отъ плана до цѣли. Но эта величина всегда колеблется между опредѣленнымъ maximum'омъ и между опредѣленнымъ minimum'омъ, и первая задача разумной цѣлесообразности есть открытіе этого minimum'а, а первое достоинство разума по отношенію къ цѣлесообразности есть мудрое умѣнье дѣлать это. Эта измѣнчивость втораго члена разсматриваемаго равенства есть причина, почему средство, измѣнчивое по природѣ своей, опредѣляемой отвлеченно разумомъ, измѣняется и въ дѣйствительности; потому что хотя этотъ второй членъ и не входитъ въ цѣлесообразный процессъ, но къ нему по необходимости приравнивается первый членъ, средство, составляющій часть всякой цѣлесообразности. Далѣе, первый членъ равенства — vis ejus, quod in re, или средства — разлагается на три части: количество дѣйствующаго, напряженіе дѣйствія и продолжительность дѣйствія. И такъ какъ только въ сложности эти три части необходимо должны равняться второму члену, то каждая изъ нихъ можетъ уменьшаться — съ условіемъ, чтобы увеличивалась другая; причемъ отношеніе между обратно измѣняющимися частями должно быть такое, чтобы сила дѣйствія, исчезающая съ уменьшеніемъ одной части, постоянно равнялась силѣ, появляющейся съ возрастаніемъ другой части, такъ что совокупность дѣйствія перваго члена постоянно равнялась бы силѣ противодѣйствія втораго члена.

Объяснимъ все сказанное примѣромъ. Пусть цѣль есть нравственное возрожденіе испорченнаго человѣка. Чтобы достигнуть этой цѣли необходимо употребить нѣкоторыя средства, которыя по заключающейся въ нихъ силѣ дѣйствія должны точно равняться силѣ противодѣйствія, которое они (средства) встрѣтятъ въ испорченности испра-

ляемаго; что ясно видно изъ того, что съ возрастаніемъ испорченности должны возрастать силы исправленія, а съ уменьшеніемъ могутъ уменьшаться. Далѣе, что второй членъ равенства есть величина измѣняющаяся, это ясно изъ того, что есть различные способы или пути исправленія одного и того же человѣка, напр. вліяніе на разумъ силою убѣжденія, вліяніе на воображеніе силою прекрасныхъ образовъ нравственно чистаго человѣка, вліяніе на чувство добротою обращенія, и пр. Изъ этихъ способовъ, которые въ одномъ и томъ же случаѣ могутъ привести къ одной и той же цѣли, одни движутся по пути, гдѣ находятъ maximum сопротивленія (напр. дѣйствіе убѣжденіемъ на разумъ испорченнаго, у котораго воспріимчивое сердце, но слабо развита способность и любовь къ сужденію), другіе движутся по пути, гдѣ встрѣчаютъ minimum сопротивленія (доброе обращеніе съ тѣмъ же испорченнымъ человѣкомъ). И воспитателя, смотря по тому, умѣетъ ли онъ находить и пользоваться этими путями, ведущими черезъ minimum сопротивленія, или не умѣетъ, мы называемъ или способнымъ исправлять другаго, или не способнымъ. Наконецъ, что первый членъ равенства разлагается на три части, изъ которыхъ каждая можетъ уменьшаться (но никогда — исчезнуть совершенно) при увеличеніи другой части, это также можно наблюдать въ разсматриваемомъ примѣрѣ: сила исправляющаго вліянія можетъ дѣйствовать тѣмъ болѣе короткое время, чѣмъ болѣе напряжена она, — таковы всѣ потрясающія впечатлѣнія, напр. смерть близкаго любимаго человѣка, утрата здоровья, нестерпимый позоръ; въ случаѣ же меньшей напряженности для достиженія той же цѣли исправляющая сила должна дѣйствовать болѣе продолжительное время. Перерожденіе испорченнаго характера путемъ воспитанія: наконецъ и продолжительность, и напряженность вліянія можетъ уменьшиться съ увеличеніемъ количества вліяющаго (напр. когда родные, друзья, учитель, священникъ единодушно вліяютъ исправляющимъ образомъ, тогда сила вліянія каждаго изъ нихъ можетъ быть менѣе той силы,

какая потребовалась бы со стороны одного вліяющаго; или сила убѣжденія, ласки и прекраснаго образа можетъ быть меньше силы одного убѣжденія или одной ласки или одного прекраснаго образа). На этомъ свойствѣ перваго члена разсматриваемаго равенства основаны законы вліянія среды (всего окружающаго), сосредоточеннаго вліянія (на всѣ стороны окружаемаго), вліянія народныхъ бѣдствій, и пр., значеніе которыхъ никогда не было ни достаточно изучено, ни достаточно оцѣнено. Есть напр. типы человѣческой испорченности, которые не могутъ быть уничтожены никакимъ другимъ средствомъ, кромѣ какъ только однимъ страданіемъ, и которые поэтому широко распространяются въ періоды спокойной, установившейся исторической жизни. Но подробнѣйшее разсмотрѣніе всего этого относится къ ученію о Мірѣ человѣческомъ и не существенно въ ученіи о цѣлесообразности.

Теперь точнѣе опредѣлимъ, что такое преодолѣваемая сила сопротивленія и преодолѣвающая сила дѣйствія въ ихъ взаимномъ соотношеніи. Каждая цѣлесообразность совершается въ средѣ, чуждой этой цѣлесообразности, инертной для нея. Такъ общество, въ которомъ я хочу осуществить какую либо идею, во мнѣ возникшую, чуждо моей цѣли, потому что не знаетъ ее; такъ матеріалъ, изъ котораго художникъ дѣлаетъ статую, сопротивляется его рѣзцу. Уничтожить эту инертность, неподвижно лежащее или не соотвѣтственно данной цѣли совершающееся привести въ цѣлесообразное движеніе — и есть то, что предстоитъ дѣятельной силѣ, уничтожающей сопротивленіе лежащаго между idea rei и res, in quam idea rei. Но этою задерживающею средою еще не исчерпывается сила сопротивленія: она предшествуетъ внѣшнему объективному процессу цѣлесообразности, и остается еще, когда онъ повидимому уже оконченъ. Именно, и въ самомъ духѣ, въ которомъ возникаетъ idea rei, она должна преодолѣть нѣкоторое сопротивленіе, чтобы выйти изъ него и стать внѣшнимъ процессомъ, напр. смутность желаемаго, неувѣренность въ силахъ, равнодушіе къ будущему; и когда наконецъ

этотъ процессъ совершился и все необходимое для осуществленія цѣли уже сдѣлано, активному началу остается еще послѣднимъ усиліемъ воплотить образъ въ вещь. Такимъ образомъ id, quod inter ideam rei et rem ipsam есть инертное для цѣли — приводимое въ цѣлесообразный процессъ, и безразличное для нея — становящееся черезъ этотъ процессъ ея воплощеніемъ; или, что то же, есть путь, по которому проходитъ идея отъ чистаго пребыванія въ сознаніи субъекта до овеществленія своего во внѣшнемъ объектѣ. Сила же преодолѣвающая сопротивленіе того, что лежитъ на пути идеи къ своему осуществленію во внѣшнемъ мірѣ, есть сила желанія, пробуждаемаго въ духѣ возникшимъ образомъ или понятіемъ цѣли, и порою эта сила бываетъ такъ слаба, что не преодолѣваетъ даже и субъективнаго сопротивленія, такъ что возникшее въ духѣ не разрѣшается никакимъ дѣйствіемъ, остается безплоднымъ образомъ и желаніемъ; порою же она развивается до такихъ размѣровъ, что преодолѣваетъ сопротивленіе цѣлыхъ народовъ и даже всего человѣчества — до сихъ поръ, впрочемъ, всегда на время[1]).

Условія, которыя способствуютъ увеличенію этой дѣятельной силы въ цѣлесообразныхъ процессахъ, заслуживаютъ по своей важности самаго внимательнаго изученія. Изъ нихъ мы называемъ два — силу воображенія и ясность пониманія. Первое, т. е. воображеніе, дѣлаетъ то, что отдаленное будущее, образъ котораго возникаетъ въ духѣ, пріобрѣтая поразительную ясность и осязательность, какъ бы приближается къ духу и входитъ въ него,

[1]) Говоря «цѣлаго человѣчества» мы разумѣемъ всѣхъ людей, съ которыми соприкасалась эта сила. Высочайшее проявленіе такой силы духа мы находимъ у наиболѣе даровитыхъ личностей изъ наиболѣе даровитыхъ народовъ. Такихъ личностей, самыхъ сильныхъ въ исторіи, мы думаемъ, было три: Цезарь, Иннокентій III и нашъ государь Петръ I. Въ первыхъ двухъ особенно поражаетъ насъ удивительное соединеніе желанія съ тонкимъ и проницательнымъ умомъ, что давало возможность имъ не только страстно стремиться къ задуманной цѣли, но и господствовать надъ средствами. Въ третьемъ изъ названныхъ людей не было этого умѣнья избирать пути съ minimum'омъ сопротивленія, и кромѣ того исторія не такъ хорошо подготовила для него путь, какъ для первыхъ двухъ. Такъ что это былъ, по всему вѣроятію, наиболѣе сильно желавшій человѣкъ на землѣ.

овладѣвая всѣми его силами. Это дѣйствіе живости воображенія; а его неутомимость дѣлаетъ то, что разъ возникшій образъ становится неподвижнымъ въ сознаніи и, заслоняя собою все остальное, заставляетъ человѣка жить только собою. Этотъ-то вѣчно неподвижный и яркій образъ отдаленнаго будущаго есть источникъ того, что мы называемъ фанатизмомъ, и безъ котораго, вопреки сложившемуся мнѣнію мы думаемъ не бываетъ ни великихъ людей въ жизни, ни великихъ дѣлъ въ исторіи. Второе же, т. е. ясность пониманія, способствуетъ образованію въ человѣкѣ твердыхъ понятій относительно того, что необходимо для будущаго, и твердыхъ убѣжденій, что это необходимое можетъ быть осуществлено.

X. Ученіе объ отношеніи цѣлесообразности къ другимъ сторонамъ бытія распадается по числу послѣднихъ на ученіе объ отношеніи ея къ существованію, къ сущности, къ свойствамъ, къ сходству и различію и къ числу. Разсмотримъ каждое изъ этихъ отношеній порознь.

Всякая цѣлесообразность имѣетъ двѣ формы существованія идеальную, которая первоначальна по времени; и реальную, которая слѣдуетъ за нею во времени. Изъ нихъ первая есть потенція второй, и вторая никогда не возникаетъ и не можетъ возникнуть безъ первой; потому что все, что совершается въ дѣйствительности или что существуетъ въ ней не пройдя ранѣе черезъ сознаніе того, кто хочетъ этого существованія или совершенія, не есть уже цѣлесообразность, но только одна чистая причинность.

Въ идеальной формѣ своего существованія цѣлесообразность заключаетъ въ себѣ все то, что заключается въ ея реальной формѣ, кромѣ дѣйствительности; т. е. въ обѣихъ формахъ тѣ же части и такъ же расположенныя, но только въ одной — сознаваемыя и желаемыя, а въ другой — осуществленныя. Процессъ осуществленія первыхъ формъ, идеальныхъ, и есть цѣлесообразный процессъ, въ которомъ идеи духа соприкасаются съ пространствомъ, замѣщеннымъ матеріею. Путемъ этого соприкосновенія идеи овеществляются въ матеріи, и матеріи одухотворяется

идеями, приходи въ разумное, т. е. прошедшее ранѣе черезъ сознаніе, движеніе, и принимая сознанную прежде форму.

Что все сказанное справедливо, въ этомъ можно убѣдиться разсмотрѣвъ какое либо единичное явленіе цѣлесообразности. Ранѣе, чѣмъ явится процессъ доказательства геометрической теоремы, или дѣланія статуи, или устроенія государства, этотъ процессъ совершится въ сознаніи того, кто доказываетъ теорему, дѣлаетъ статую или устрояетъ государство; т. е. и образъ или понятіе дѣлаемаго, и процессъ (способъ, путь) дѣланія пройдя черезъ сознаніе пройдетъ черезъ идеальную форму своего существованія. А что эта форма есть потенція будущей реальной формы, это ясно изъ того, что послѣдняя никогда не возникнетъ безъ первой: ни теорема не докажется, если ранѣе не была открыта или обдумана, ни статуя не сдѣлается, если ея образа не было въ душѣ художника, ни государство не устроится, если планъ устройства не прошелъ черезъ умъ политика. Наконецъ, что въ результатѣ цѣлесообразной дѣятельности всегда является смѣшеніе вещества и духа, это ясно изъ того, что если въ доказательствѣ теоремы мы устранимъ звуки словъ и начертанныя фигуры — то получится чистое понятіе геометрической истины, если въ сдѣланной статуѣ удалимъ мраморъ — то получится чистый образъ ея, и въ государствѣ, если мысленно отвлечемъ его отъ живыхъ людей и писанныхъ законовъ — получится чистая идея государства.

XI. Въ идеальной формѣ своего существованія цѣлесообразность всегда предшествуетъ сущности того, что цѣлесообразно существуетъ или совершается въ дѣйствительности, и, создавая эту сущность, воплощается въ части ея.

И въ самомъ дѣлѣ, какъ выше доказано было, сущность всего пребывающаго слагается изъ вещества и формы, а сущность всего совершающагося состоитъ въ строеніи элемента измѣненія и въ строеніи процесса, какъ порядка расположенія этихъ элементовъ. Цѣлесообразность же,

какъ нѣчто планомѣрное по природѣ своей, переходя изъ идеальной формы существованія въ реальную и воплощается — въ формѣ, когда создаваемое ею есть вещь, и въ строеніи процесса, когда создаваемое есть измѣненіе. Такъ статуя сдѣланная художникомъ слагается изъ вещества мрамора — и въ немъ нѣтъ цѣлесообразности, и изъ формы въ которую заключенъ онъ — и она есть воплотившійся въ мраморѣ образъ, ранѣе прошедшій черезъ сознаніе художника. Также въ движеніи, какъ элементѣ всякаго измѣненія, нѣтъ цѣлесообразности; но въ извѣстномъ сочетаніи движеній, которое ведетъ къ цѣли, есть цѣлесообразность. И такъ какъ сущность есть основа, на которой держится самобытное существованіе всего, то ясно, что цѣлесообразность входя въ сферу инертнаго и безразличнаго обнаруживаетъ свое дѣйствіе тѣмъ, что начинаетъ проводить въ немъ различающія дѣленія и индивидуализировать различаемое, вещество оформливая въ вещи, и движеніе слагая въ явленія и въ процессы.

XII. Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что цѣлесообразность не только производитъ сущность вещей и явленій, воплощаясь въ части ея, но что эта сущность не рѣдко бываетъ и цѣлью цѣлесообразнаго процесса; хотя иногда она бываетъ и средствомъ. Такъ форма статуи есть цѣль дѣланія ея: но форма дома есть средство достигнуть другой цѣли — защитить человѣка отъ холода и доставить ему другія удобства. Вообще можно замѣтить, что сущность бываетъ и цѣлью, и средствомъ, но цѣль бываетъ всегда сущностью. Въ другихъ отношеніяхъ къ цѣлесообразности находятся свойства, пребывающія въ сущности или на сущности. Они видоизмѣняются, создаются и уничтожаются цѣлесообразно дѣйствующимъ разумомъ смотря по цѣли, къ которой стремится онъ, т. е. служатъ для него средствомъ. Такъ человѣкъ придаетъ мягкость глинѣ, когда дѣлаетъ изъ нея что нибудь, и твердость — когда сдѣланное готово и должно быть сохранено.

XIII. Цѣлесообразность дѣйствуетъ всегда черезъ причинность, и ни черезъ что другое дѣйствовать не можетъ,

хотя причинность не есть созданіе цѣлесообразности, и существуетъ въ мірѣ вещей и явленій рядомъ съ нею и независимо отъ нея.

Причинность въ томъ смыслѣ, что все или многое въ вещахъ и явленіяхъ Космоса соединено между собою постоянною и необходимою связью, — есть фактъ внѣшняго міра, столь же первоначальный и могущественный, какъ и цѣлесообразность. Но она стоитъ ближе къ вещамъ и явленіямъ, она непосредственно надъ ними и касается ихъ. Они всѣ пребываютъ въ причинности и составляютъ ее, какъ капли пребываютъ въ морѣ и составляютъ его. Цѣлесообразность же лежитъ высоко надъ реальнымъ міромъ, высоко надъ самою причинностью. Она не пребываетъ необходимо въ вещахъ и явленіяхъ, но только по временамъ спускается въ нихъ для достиженія цѣлей своихъ, и выполнивъ эти цѣли снова поднимается надъ ними. Вслѣдствіе этой то невозможности для цѣлесообразности, какъ для начала чисто отвлеченнаго, прямо коснуться реальнаго міра, и вслѣдствіе того еще, что всякое такое прикосновеніе было бы временнымъ изъятіемъ вещей и явленій изъ сферы причинности. — цѣлесообразность и дѣйствуетъ черезъ причинность, причемъ въ послѣдней сохраняется вся ея природа и свойства, но къ нимъ придается разумность и планомѣрность тѣмъ сознаніемъ, которое направляетъ ее какъ свое орудіе.

Такъ напр. какъ ни отчетливъ былъ бы образъ возникшій во мнѣ, и какъ ни велико было бы мое желаніе воплотить его, одно желаніе и образъ не могутъ сдѣлать этого; овеществленный образъ не появится. И это потому, что моя мысль и мое желаніе не могутъ коснуться глыбы мрамора и превратить ее въ воображаемую статую, такъ какъ мраморъ — вещество, а желаніе и образъ — духъ. Поэтому достигнуть своей цѣли я могу не иначе, какъ приведя свое тѣло, а черезъ него рѣзецъ и мраморъ къ цѣлесообразно направленное, но строго причинное по своей природѣ, движеніе. Всѣ движенія рѣзца и мрамора будутъ неразрывною цѣпью производящихъ причинъ и

производимыхъ дѣйствій, и явленія наблюдаемыя въ дѣланіи статуи ни на минуту не выйдутъ изъ подъ законовъ механики; но только порядокъ, въ которомъ идутъ другъ за другомъ эти механическія причины и слѣдствія, будетъ истекать изъ моего сознанія, въ которомъ онъ (порядокъ) предварительно прошелъ идеальную форму своего существованія. И этому же сознанію будетъ принадлежать первоначальный импульсъ, безъ котораго не появилось бы всего, по строенію механическаго, по формѣ цѣлесообразнаго, процесса обработки мрамора рѣзцомъ. Также построеніе моста или крѣпости, то или другое устройство человѣческаго общества, словомъ все цѣлесообразное въ дѣятельности человѣка не можетъ совершиться иначе, какъ въ строгомъ подчиненіи причинности и тѣмъ спеціальнымъ законамъ, которые господствуютъ въ той сферѣ Космоса, гдѣ происходитъ цѣлесообразный процессъ; но за этою причинностью, невидимо направляя ее, дѣйствуетъ цѣлесообразность: никогда не можетъ ни мостъ построиться, ни крѣпость возникнуть, если силы и законы безсознательной природы будутъ дѣйствовать одни, не направляемые разумомъ.

Этотъ законъ, по которому цѣлесообразность можетъ дѣйствовать только черезъ причинность, объясняетъ, почему для человѣка никогда и нигдѣ не открывается прямо цѣлесообразность, но повсюду и всегда онъ встрѣчаетъ одну причинность; такъ что ни передъ чѣмъ въ природѣ онъ не можетъ остановиться и сказать: «вотъ это цѣль, а это средство» съ тою же увѣренностью для себя и убѣдительностью для другаго, съ какою указывая на явленія онъ называетъ одни изъ нихъ причинами, а другія — слѣдствіями. Что бы ни сталъ анализировать онъ, въ результатѣ анализа всегда получатся только причины и только слѣдствія, и ничего третьяго промежуточнаго между ними, о чемъ можно было бы подумать, что это члены цѣлесообразности. Но этотъ недостатокъ фактовъ, которые были бы только цѣлями и только средствами, вслѣдствіе указаннаго отношенія между причинностью и цѣлесообраз-

ностью, не можетъ заставить насъ думать, что тамъ, гдѣ анализъ открываетъ только причины и только слѣдствія, и въ самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего кромѣ причинности. Цѣлесообразность и не можетъ быть открыта непосредственно ни для кого, кромѣ того разума, изъ котораго исходитъ она и который ее направляетъ; т. е. что человѣческимъ разумомъ непосредственно могутъ быть усмотрѣны только однѣ человѣческія цѣли. Повсюду, гдѣ онъ встрѣчается съ вещами и явленіями не имъ созданными, онъ видитъ и долженъ видѣть одну чистую причинность, и только по сходству съ тѣми особенностями, которыя онъ замѣчаетъ въ своей дѣятельности, онъ можетъ, присматриваясь къ порядку слѣдованія причинъ и дѣйствій, признать въ нихъ цѣлесообразность. Такимъ образомъ не анализъ, не дробленіе существующаго и совершающагося съ цѣлью проникнуть внутрь разлагаемаго, можетъ открыть цѣлесообразность въ природѣ; но только синтезъ, обзоръ цѣлаго въ существующемъ и законченнаго въ совершающемся, который открываетъ внѣшнее расположеніе перваго и направленіе втораго, можетъ сдѣлать это.

XIV. Въ отношеніи къ сходству и различію цѣлесообразность обнаруживаетъ свое дѣйствіе двоякимъ образомъ: она есть источникъ различія въ вещахъ; и есть причина временнаго и непостояннаго существованія однѣхъ изъ нихъ, и вѣчнаго — другихъ.

И въ самомъ дѣлѣ, какъ уже было показано ранѣе, вступая въ сферу инертнаго и безразличнаго она обнаруживается въ томъ, что начинаетъ въ немъ проводить различающія дѣленія и вещество превращать въ вещи, входя въ нихъ формою, а движеніе — въ явленіе, входя въ нихъ строеніемъ процесса. Вступая же въ міръ уже опредѣлившихся вещей и явленій, она видоизмѣняетъ ихъ приспособляя къ цѣлямъ своимъ. Такъ неразличимый мраморъ подъ рукою человѣка превратился въ безчисленный міръ мраморныхъ вещей, такъ существующія формы растеній и животныхъ подъ его вліяніемъ получили новое разнообразіе.

Различіе же въ продолжительности и постоянствѣ существованія подъ вліяніемъ цѣлесообразности вещи получили потому, что изъ нихъ однѣ стали въ ней цѣлью, которая по природѣ своей неизмѣнна и неуничтожима, а другія — средствомъ, т. е. элементомъ измѣняемымъ и временнымъ. Такъ польза, какъ цѣль, неизмѣнно пребываетъ въ государствѣ; а различные законы, какъ средства достигнуть этой цѣли, появляются, видоизмѣняются и исчезаютъ въ немъ.

XV. Отношеніе цѣлесообразности къ числу находится въ тѣсной связи съ отношеніемъ ея къ сходству и различію. Цѣлесообразность, приспособляя къ себѣ вещи и явленія, разнообразитъ ихъ со стороны формы, но въ то же время устремляя ихъ къ одной цѣли она придаетъ имъ единство со стороны содержанія; т. е. она съуживаетъ числа, уничтожая повторяющееся.

И въ самомъ дѣлѣ, когда въ хаосъ вещей и явленій, возникшихъ и сложившихся подъ исключительнымъ вліяніемъ причинности, вступаетъ цѣлесообразность, то она правда придастъ новое разнообразіе ранѣе возникшему, чтобы выполнить цѣль, которая не могла быть осуществлена съ помощью однѣхъ прежнихъ вещей и явленій; но въ тоже время она уничтожаетъ всякую дважды и рядомъ повторяющуюся форму вещи или явленія, какъ безцѣльную и ненужную; т. е. она множитъ роды и виды и сокращаетъ прдивидуумы.

Такъ напр. государства, пока они живутъ безсознательною жизнью т. е. управляются исключительно причинностью и чужды всякой цѣли, бываютъ полны и внѣшняго и внутренняго хаотическаго разнообразія, т. е. и формы отдѣльныхъ государствъ, и явленія совершающіяся внутри каждаго изъ нихъ — безпорядочно видоизмѣняются и повторяются. Когда же въ государство или въ систему ихъ входитъ одна цѣль, напр. всестороннее благо большинства живущихъ въ немъ, то этотъ хаосъ явленій приходитъ въ цѣлесообразное движеніе, и хаосъ формъ начинаетъ пріобрѣтать планомѣрное строеніе. Все, что

противорѣчитъ цѣли — начинаетъ уничтожаться; все, что безразлично для нея — оставляется въ сторонѣ и погибаетъ; все, что безцѣльно повторяется — сливается въ одно. Въ исторіи дважды совершился подобный процессъ: одинъ разъ, когда на мѣстѣ древнихъ государствъ, поглощая ихъ, развилось римское государство; и въ другой разъ, когда на мѣстѣ феодальнаго строя развились, уничтожая его, современные политическіе организмы. И здѣсь, и тамъ мы видимъ, что формы и явленія разнообразятся, какъ роды и виды, а какъ индивидуумы — сокращаются черезъ уничтоженіе повтореній: вмѣсто деспотій, монархій, аристократическихъ и демократическихъ республикъ и теократій развивается одинъ планомѣрно устроенный организмъ, но въ этомъ организмѣ столько своеобразныхъ, другъ съ другомъ не схожихъ органовъ, что разнообразіе ихъ неизмѣримо превосходитъ разнообразіе замѣненныхъ политическихъ формъ; и при этомъ каждый изъ такихъ органовъ ни въ устройствѣ, ни въ дѣятельности не повторитъ другаго органа, тогда какъ въ замѣненныхъ государствахъ въ сущности всѣ формы и всѣ органы были только повтореніемъ одинъ другаго. Такъ же древнее обычное право, которое такъ нерѣдко повторяло или для различныхъ мѣстностей или для различныхъ корпорацій одно и то же, замѣнилось современнымъ правильнымъ законодательствомъ, гдѣ каждая статья имѣетъ особенный и самостоятельный характеръ и имѣетъ въ виду не корпорацію и не мѣстность, но государство и гражданина. Самыя явленія въ государствѣ, по мѣрѣ того какъ оно становится цѣлесообразнымъ, начинаютъ преемственно измѣняться, т. е. развиваться одно изъ другаго такимъ образомъ, что каждое послѣдующее уже не повторяетъ предъидущаго, но или продолжаетъ, или заканчиваетъ его; тогда какъ въ безцѣльныхъ государствахъ нѣтъ исторіи въ строгомъ смыслѣ. Въ нихъ явленія не развиваются, но чередуются, то повторяясь, то безъ внутренняго подготовленія измѣняясь, какъ это мы видимъ въ государствахъ Индостана или во Франціи временъ Меровинговъ.

XVI. Ученіе о цѣляхъ вещей и явленій въ Космосѣ имѣетъ своею задачею опредѣлить, къ чему стремится все совершающееся въ мірѣ человѣческомъ и въ мірѣ физическомъ, и какое назначеніе имѣетъ все лежащее въ нихъ; т. е. опредѣлить тѣ конечныя формы вещей и тѣ послѣднія соотношенія ихъ, къ осуществленію которыхъ въ себѣ стремится природа.

Зная, въ чемъ лежитъ сущность цѣлесообразности, мы уже знаемъ, изученіе чего въ вещи или въ явленіи можетъ открыть намъ цѣль ихъ; а понимая, что́ такое цѣлесообразность, можемъ догадаться какъ должно вестись это изученіе.

Такъ какъ цѣлесообразность пребываетъ не въ матеріи вещей, но въ формѣ ихъ, и не въ механизмѣ элемента, но въ расположеніи этихъ элементовъ; то ясно, что первая стадія въ процессѣ опредѣленія цѣлей должна состоять при изученіи вещей — въ *раскрытіи строенія* ихъ, а при изученіи явленій — въ *раскрытіи процесса*.

Далѣе, такъ какъ изучаемое, цѣль котораго требуется опредѣлить, не есть эта цѣль — иначе не зачѣмъ было бы опредѣлять послѣднюю, и не есть также идея цѣли — потому, что она доступна прямому наблюденію только для субъективнаго духа и въ ней уже открыта цѣль; то очевидно, что въ цѣлесообразности это изучаемое занимаетъ промежуточное мѣсто между идеею цѣли и самою цѣлью, т. е. должно быть воплощеніемъ идеи цѣли на пути къ своему осуществленію, временною формою, въ которую вступила она изъ низшей формы, чтобы подняться въ высшую. Это значитъ, что изучаемое ближе къ цѣли, нежели его предъидущее, и далѣе отъ нея, нежели его послѣдующее.

То-есть, принимая во вниманіе, что идея цѣли, какъ начало чисто отвлеченное, на пути къ овеществленію себя должна преодолѣть сопротивленіе инертной для себя среды, приводя совершающееся въ ней въ цѣлесообразное движеніе, а лежащему въ ней придавая планомѣрное строеніе, — мы должны заключить, что все изучаемое, цѣль котораго подлежитъ опредѣленію, болѣе сходно съ цѣлью

своею, нежели предъидущее, изъ котораго оно вышло, и менѣе сходно съ нею, нежели послѣдующее, которое изъ него выйдетъ; такъ какъ съ каждымъ поступательнымъ движеніемъ въ инертной средѣ идея цѣли все болѣе и болѣе проявляется, проступаетъ въ вещественныхъ началахъ этой среды.

Отсюда явленіе *наростанія* и *направленія* въ цѣлесообразномъ процессѣ, открытіе котораго составляетъ вторую стадію въ изученіи цѣлей существующаго и совершающагося. Если мы возьмемъ нѣсколько происшедшихъ другъ отъ друга вещей или явленій, то замѣтимъ, что въ послѣдующихъ изъ нихъ нѣчто наростаетъ въ сравненіи съ предъидущими, и это наростающее есть всегда одно и то же, тогда какъ другое остается неизмѣннымъ или еще чаще уменьшается. Это наростающее есть пробивающаяся сквозь вещество идея цѣли, а уменьшающееся — преодолѣваемая инертная среда, нѣкогда совершенно чуждая идеѣ и теперь формирующаяся подъ ея воздѣйствіемъ. Наростаніе въ преемственно смѣняющихся вещахъ или явленіяхъ указываетъ направленіе цѣлесообразнаго процесса, а въ самомъ наростающемъ скрыта идея цѣли, здѣсь пробивающаяся къ своему осуществленію.

Тщательно изучивъ строеніе наростающаго и направленіе, въ которомъ наростаетъ оно, слѣдуетъ *мысленно продолжить* изученныя формы въ изученномъ направленіи, пока не завершатся онѣ завершивъ его, и полученное будетъ идея цѣли, нѣкогда прошедшая черезъ чье-то сознаніе и со временемъ имѣющая осуществиться черезъ посредство въ ряду другихъ — изучаемой вещи или явленія. Это есть третья и послѣдняя стадія въ процессѣ опредѣленія цѣли, и когда заканчивается она — цѣль открывается, проходя вторично въ формѣ идеи черезъ сознаніе открывшаго.

Все сказанное объ открытіи цѣлей мы вывели основываясь на общей теоріи цѣлесообразности, и кромѣ справедливости или ложности этой теоріи и процесса вывода ничто не можетъ ни подтвердить, ни поколебать сказан-

нало. Поэтому не для подтвержденія, а только для объясненія приведемъ нѣсколько примѣровъ, заимствуя ихъ изъ области несомнѣнной цѣлесообразной дѣятельности.

Еслибы кто нибудь нашелъ начатый, но не доконченный чертежъ геометрической фигуры, положимъ дугу какой-то кривой линіи, то внимательно изучая направленіе недоконченныхъ линій онъ могъ бы продолжить ихъ, пока начатая фигура не замкнется и направленіе не закончится. Такъ часть дуги съ неизмѣннымъ направленіемъ замкнулась бы въ кругъ, съ направленіемъ измѣняемымъ извѣстнымъ правильнымъ образомъ замкнулась бы въ эллипсисъ, а у другихъ людей не замкнулась бы, и полученная фигура стала бы параболой, гиперболой, спиралью или чѣмъ другимъ. При этомъ идея, нѣкогда прошедшая черезъ сознаніе неизвѣстнаго человѣка, начавшаго чертежъ, прошла бы вторично черезъ сознаніе того, кто закончилъ его.

Когда мы находимъ остатки разрушенныхъ древнихъ зданій или статуй, то черезъ внимательное изученіе направленій оставшагося, продолжая ихъ — пока они не замкнутся, мысленно возстановляемъ ихъ утраченную форму. На этомъ основывается реставрированіе древностей.

Многіе историческіе дѣятели, рано умершіе, не успѣли выполнить того, что задумали. Но, внимательно изучивъ совершенное ими, историкъ можетъ опредѣлить цѣли, къ которымъ они стремились и которыя однако остались не высказанными. Подобнымъ же образомъ государственные люди, слѣдя за поступками другъ друга, отгадываютъ отдаленнѣйшіе замыслы одинъ другаго.

Наконецъ (въ случаѣ, еслибы существованіе цѣлесообразности удалось доказать окончательно относительно внѣшняго міра) при разсмотрѣніи сторонъ и угловъ недоразвившихся кристалловъ, мысленно продолжая ихъ до взаимнаго пересѣченія, возможно возстановить ихъ полныя формы; по найденнымъ остаткамъ древнихъ растеній и животныхъ можно представить себѣ ихъ въ цѣломъ видѣ: по нѣсколькимъ послѣдовательнымъ стадіямъ раз-

витія зародыша какого-либо животнаго можно опредѣлить его развитую форму.

XVII. Что касается до внутренняго строенія, которое должно принять ученіе о цѣляхъ вещей и явленій въ Космосѣ, то это строеніе зависитъ отъ того, какъ распредѣлимъ мы въ группы самое стремящееся къ цѣлямъ. Итакъ, временно допуская, что существованіе цѣлей для внѣшняго міра доказано, мы раздѣлили бы это ученіе слѣдующимъ образомъ. Прежде всего, анализировавъ природу человѣка, мы опредѣлили бы внутреннее строеніе каждой части этой природы, и изъ направленія этого строенія, а также изъ наростанія явленій, которыя совершаются въ ней, опредѣлили бы, что́ выполнить предназначена она. Такъ напр. найдя, что разумъ принадлежитъ къ числу постоянныхъ и неразложимыхъ далѣе элементовъ человѣческаго духа, мы узнали бы строеніе его и то общее направленіе, которое имѣютъ всѣ совершающіяся въ немъ явленія; мысленно продолживъ эти явленія, пока не завершатся они, т. е. «достигаемое» каждымъ явленіемъ замѣнивъ «достигнутымъ» всѣми ими, мы найдемъ общее (какъ это и должно быть) и точное названіе цѣли, къ которой стремится разумъ, — напр. «доброе», «истинное», «справедливое» или что другое. Подобнымъ образомъ мы нашли бы цѣли и всего другаго, изъ чего, какъ неразложимаго, состоитъ природа человѣка. Затѣмъ, путемъ синтеза снова возстановивъ цѣлость разложеннаго анализомъ, мы получили бы опредѣленіе назначенія человѣка. Потому что несомнѣнно, что это назначеніе слагается изъ назначеній того, изъ чего состоитъ онъ. Далѣе, отъ творящей природы человѣка мы перешли бы къ формамъ творимаго имъ или къ жизни, и изъ наростающаго въ этихъ формахъ опредѣлили бы то конечное, къ осуществленію чего стремится онъ. Такъ опредѣлилась бы цѣль государства, искусства и всего прочаго. Но и здѣсь мы не теряли бы изъ виду того, что уже было найдено относительно назначенія человѣка, руководясь этимъ найденнымъ, какъ провѣряющимъ критеріумомъ. Потому что цѣли, къ которымъ стре-

мятся формы жизни, не должны и не могутъ находиться въ противорѣчіи съ назначеніемъ человѣка, творящаго эту жизнь. Покончивъ съ цѣлями въ мірѣ человѣческомъ, мы обратились бы къ міру внѣшнему для человѣка и искали бы въ немъ послѣднихъ формъ, въ которыя стремится развиться то, что лежитъ и что совершается въ немъ. И здѣсь мы стали бы опредѣлять цѣли того лишь, что пребывая имѣетъ устойчивую форму, или совершаясь имѣетъ постоянный процессъ. Потому что только въ формѣ и въ процессѣ можетъ заключаться цѣлесообразность, и потому что цѣль неизмѣнна; такъ что формы и процессы, если они не устойчивы, свойственны вещамъ и явленіямъ не потому, что эти вещи и явленія цѣлесообразны, но потому что онѣ не могутъ существовать по самой природѣ своей безъ какихъ либо формъ или процессовъ. Сюда относятся изъ міра вещей кристаллы и организмы, а изъ міра явленій — процессы образованія ихъ.

Здѣсь мы должны упомянуть объ одной формѣ—трудно сказать, цѣлесообразности или нѣтъ, о которой мы ничего не говорили ранѣе, потому что въ строгомъ смыслѣ она не цѣлесообразна, но въ ученіи о цѣляхъ единичныхъ вещей и явленій легко можетъ быть принята за таковую, и повести къ многимъ ошибкамъ. Тому, о чемъ мы хотимъ говорить, не достаетъ ideae rei; прежде чѣмъ получить реальную форму существованія, оно не прошло черезъ идеальную форму въ сознаніи творящаго духа. Это — вещи и явленія, безъ которыхъ нѣчто несомнѣнно цѣлесообразное не можетъ существовать, и которыя слѣдовательно выполняютъ *нѣкоторую роль около нихъ;* но сами эти вещи и явленія ни къ чему не стремятся, и слѣдовательно *въ себѣ и для себя не имѣютъ цѣлей;* однако это и не средства: не черезъ нихъ достигается цѣль, и съ ея достиженіемъ онѣ не исчезаютъ. Поэтому ихъ легко отличить отъ настоящей цѣлесообразности по ихъ неподвижности, а отъ совершенно чуждаго для нея — по неизмѣняемости. Такова роль тѣла по отношенію къ духу *въ томъ, что относится до назначенія человѣка.* Несомнѣнно,

что только духъ, какъ вѣчно совершенствующаяся и вѣчно стремящаяся форма, имѣетъ въ человѣкѣ назначеніе; его же тѣло, которое пребываетъ всюду и всегда неизмѣннымъ, не имѣетъ отношенія къ этому назначенію. И, однако же, духъ пребываетъ въ тѣлѣ и только черезъ него соприкасаясь съ физическимъ міромъ можетъ выполнить нѣкоторыя части своего общаго назначенія. Быть можетъ правильнѣе всего было бы назвать подобные факты и явленія несовершенною цѣлесообразностью, недоразвившеюся, какъ бы зачаточною формою ея.

XVIII. Ученіе о цѣли Космоса, какъ цѣлаго, имѣетъ своею задачею опредѣлить — какой конечный смыслъ имѣетъ все мірозданіе и все міроразвитіе, а съ тѣмъ вмѣстѣ и познать глубочайшую и истинную причину его возникновенія и существованія. Какъ искать отвѣта на этотъ вопросъ, это можетъ указать все сказанное выше о нахожденіи цѣлей единичныхъ вещей и явленій, а о томъ, что́ можетъ быть отвѣчено на это, сказать что либо трудно.

ГЛАВА XI.

Ученіе о Космосѣ и его формы: о сходствѣ и различіи.

I. Ученіе о сходствѣ и различіи и его формы: общая теорія, ученіе о сходствѣ и различіи вещей и явленій въ Космосѣ и ученіе о сходствѣ и различіи Космоса съ лежащимъ внѣ его. *Общая теорія сходства и различія* и два ряда формъ, на которыя она распадается. — II. О формѣ существованія, присущей родовымъ и индивидуальнымъ сходствамъ и различіямъ. — III. О сущности сходства и различія; отношеніе въ сходномъ и различномъ многаго къ одному и одного къ многому. — IV. О свойствахъ сходнаго и различнаго. Трудность для различнаго воспроизводить различное; предѣлъ, съ котораго это воспроизведеніе становится невозможнымъ. О способности сходнаго располагаться въ системы; два рода системъ — искусственная и естественная; основанія и достоинства каждой изъ нихъ. — V. О двухъ способахъ происхожденія сходствъ; сходства непроизводящія. О происхожденіи различій. — VI. Единство и усиленіе, какъ цѣли сходнаго; сложное, какъ цѣль различнаго. § II. Типы сходства и различія: тожество, различіе, противоположность, несоотвѣтствіе; сходства и различія въ содержаніи сходнаго и различнаго: несовпаденіе въ существованіи, въ свойствахъ, въ причинѣ и цѣли, въ количествѣ, въ сущности. — VIII. О количественной сторонѣ сходства и различія. Форма ученія объ отношеніи сходства и различія къ другимъ сторонамъ бытія. — IX. *Ученіе о сходствѣ и различіи вещей и явленій въ Космосѣ*; неполнота существующихъ классификацій. X. *О сходствѣ и различіи Космоса* съ Разумомъ, Первою причиною и Конечною цѣлью своею.

I. *Ученіе о сходствѣ и различіи*, какъ о пятой сторонѣ бытія, подобно всѣмъ другимъ соотвѣтствующимъ ученіямъ распадается на *Общую теорію*, и на двѣ частныя формы: на *Ученіе о сходствѣ и различіи вещей въ Космосѣ* и на *Ученіе о сходствѣ и различіи познаваемаго Космоса* отъ всего, что лежитъ внѣ его.

Общая теорія — также подобна другимъ — распадается на два ряда ученій, изъ которыхъ одинъ имѣетъ своею задачею познаніе этой стороны бытія въ самой себѣ, а другой — познаніе отношеній этой стороны къ другимъ сторонамъ бытія.

Первый рядъ ученій — тотъ, который разсматриваетъ сходство и различіе въ самомъ себѣ — двигаясь по схемамъ понимающаго разума, распадается на ученіе о формѣ существованія, о сущности, о свойствахъ, о происхожденіи, о назначеніи, о типахъ и о количественныхъ отношеніяхъ сходства и различія.

II. Изъ явленій сходства и различія, которыя наблюдаются нами въ природѣ въ формѣ реальнаго существованія, одни предсуществуютъ заранѣе въ формѣ опредѣленныхъ потенцій, а другія — въ формѣ неопредѣленныхъ потенцій. Первая, опредѣленная форма потенціальнаго предсуществованія, присуща родовымъ сходствамъ и различіямъ. Такъ въ сѣмени дуба и въ сѣмени человѣка заранѣе предустановлены всѣ родовые признаки того, что изъ нихъ разовьется, а съ тѣмъ вмѣстѣ и всѣ сходства и различія ихъ, какъ родовъ, отъ другихъ родовъ. Вторая же, неопредѣленная форма потенціальнаго предсуществованія, свойственна такимъ явленіямъ сходства и различія, которыя принадлежатъ не роду, но индивидууму. Такъ случайная кривизна этого дуба или образованность этого человѣка не были предустановлены до ихъ появленія, но возникли въ нихъ послѣ, подъ вліяніемъ внѣшнихъ окружающихъ обстоятельствъ.

III. Сущность сходства можно опредѣлить, какъ *повторяемость одного во многомъ*, напр. какого либо признака въ нѣсколькихъ вещахъ; а сущность различія можно опредѣлить, какъ *присутствіе иного въ иномъ*, напр. различіе трехъ отъ двухъ состоитъ въ томъ, что въ первомъ изъ сравниваемыхъ чиселъ присутствуетъ одна лишняя единица. Мы уже имѣли случай замѣтить ранѣе, и теперь повторимъ снова, что явленіе сходства представляетъ собою какъ бы воспроизведеніе чѣмъ либо самого себя въ различныхъ мѣстахъ и въ различные моменты времени, или какъ бы разложеніе чего то въ цѣлый рядъ формъ, во всѣмъ сходныхъ другъ съ другомъ. Всѣ сходныя вещи суть какъ бы копіи, воспроизводящія одинъ оригиналъ, или какъ бы слѣды оставленные въ веществѣ

нѣкоторымъ прототипамъ, когда то двигавшимся въ этомъ веществѣ.

Отношеніе въ сходномъ и различномъ многаго къ одному можно всего лучше наблюдать въ процессахъ воспроизведенія многими сходными вещами одной общей идеи, и одною идеею — многихъ сходныхъ вещей. Когда нѣсколько одинаковыхъ фигуръ — положимъ окружностей — воспринимаются зрѣніемъ человѣка, то полученныя впечатлѣнія налагаются въ его разумѣ одно на другое и, какъ тожественныя — совпадаютъ, сливаясь въ одну идею окружности. И обратно, когда въ разумѣ возникаетъ идея чего либо, не встрѣчающагося въ природѣ, напр. какого либо искусственнаго химическаго соединенія или какой либо сложной геометрической фигуры, то всѣ воспроизведенія этой идеи во внѣшнемъ для духа веществѣ будутъ отдѣльными другъ отъ друга, но во всемъ сходными вещами. Идея, какъ прототипъ, запечатлѣется въ вещахъ, какъ въ своихъ копіяхъ.

IV. Изъ аттрибутовъ сходнаго и различнаго слѣдуетъ особенно обратить вниманіе на возрастающее затрудненіе процесса воспроизведенія причиною слѣдствія по мѣрѣ возрастанія различія между ними. Сходное легко производитъ сходное, различное же производитъ различное все съ бо́льшею и бо́льшею трудностью, пока достигнувъ нѣкотораго предѣла не перестаетъ совершенно воспроизводить его. Объясненіе этого свойства лежитъ въ самой природѣ — причинности съ одной стороны, и сходства и различія — съ другой. Процессъ причиннаго воспроизведенія есть всегда процессъ измѣненія чего либо, т. е. движенія: движеніе же есть всегда или соединеніе или раздѣленіе. Съ другой стороны различное, по опредѣленію, есть присутствіе иного въ иномъ. Итакъ, процессъ воспроизведенія различнымъ различнаго есть процессъ или отдѣленія отъ причины того, что не должно быть въ слѣдствіи, или присоединенія къ причинѣ того, чего въ ней недостаетъ сравнительно со слѣдствіемъ. И ясно, что чѣмъ бо́льшее должно присоединиться, или чѣмъ бо́льшее должно

отдѣлиться, тѣмъ болѣе требуется напряженности для дѣятельной силы совершить это сближеніе или отдѣленіе. Съ возрастаніемъ массы движимаго должна возрастать энергія движущаго. Эту увеличивающуюся напряженность энергіи мы и называемъ трудностью.

Предѣлъ же, гдѣ различное перестаетъ производить различное, наступаетъ, какъ кажется, тогда, когда различіе начинаетъ касаться сущности, т. е. вещества и формы. И въ самомъ дѣлѣ, ни вещество какое либо не можетъ произвести изъ себя другое вещество, но только уничтожившись — замѣститься другимъ веществомъ; ни форма не можетъ измѣниться въ другую форму, но только ставъ невидимою — допустить, чтобы на ея мѣстѣ проступила другая форма. Но тогда уже эта другая форма и это другое вещество станетъ производящею причиною слѣдствія. Итакъ взаимная воспроизводимость вещей и явленій, одаренныхъ различными сущностями, не возможна потому, что такое воспроизведеніе было бы уже не процессомъ раздѣленія или уничтоженія, къ чему способна причинность, но актомъ созиданія и уничтоженія, къ чему безсильна она. Такъ движеніе производится теплотою и теплота производится движеніемъ, потому что сущность ихъ одна, хотя все другое въ нихъ различно. Но мысль о движеніи и самое движеніе не могутъ перейти одно въ другое, потому что будучи сходны между собою по формѣ онѣ различаются по составу, который заключенъ въ этой формѣ (начало идеальное и реальное). Также растеніе не можетъ породить животнаго, потому что при одинаковости состава они имѣютъ различныя формы.

Изъ другихъ свойствъ различнаго и сходнаго еще обращаетъ на себя вниманіе способность его располагаться въ правильные ряды и образовать изъ себя системы. Это свойство основано на постепенности возрастанія сходствъ и различій между вещами и явленіями, т. е. на разнообразіи въ самыхъ разнообразіяхъ.

Расположеніе различнаго въ системы можетъ быть двоякое: *искусственное* и *естественное*. Первое основывается

на выборѣ въ различномъ чего либо такого, что во-первыхъ присутствовало бы во всемъ классифицируемомъ, и во-вторыхъ ни въ какой его части не повторялось бы безъ измѣненій, но повсюду разнообразилось бы. Такъ органы размноженія были удачно выбраны Линнеемъ, какъ основаніе для искусственной классификаціи растеній; потому что они есть у всѣхъ растеній, и у всѣхъ ихъ различно устроены. Этотъ способъ систематизаціи требуетъ большаго фактическаго знанія, послѣдовательности мысли и нѣкоторой особенной способности такъ глубоко вдумываться во что либо одно, что все остальное дѣлается для вдумавшагося какъ бы несуществующимъ. Потому что здѣсь нерѣдко приходится сближать различное во всемъ кромѣ избраннаго за руководящій признака, и раздѣлять сходное во всемъ кромѣ этого же признака. Необходимыя формы такой системы суть дѣленія и подраздѣленія какъ то царства, отдѣлы, классы, роды, виды и пр. Ея трудность состоитъ въ подысканіи достаточнаго количества словъ, необходимыхъ и способныхъ обозначить всю вѣтвящуюся градацію подраздѣленій. Естественная же система основывается на всей совокупности сходныхъ и различныхъ признаковъ въ томъ, что систематизируется. Она требуетъ болѣе художественнаго взгляда на вещи, способнаго угадывать естественное родство между ними. Преобладающее дѣленіе въ такой системѣ есть дѣленіе на семейства, какъ группы сходныхъ между собою вещей, разросшихся отъ одного общаго прототипа. Недостатокъ этой систематизаціи состоитъ въ томъ, что эти естественныя семейства являются въ ней расположенными группами скорѣе художественно, чѣмъ послѣдовательно. При ней не можетъ быть такихъ спускающихся градацій, дѣленій и подраздѣленій, какъ въ искусственныхъ системахъ.

V. Ученіе о происхожденіи разсматриваемой стороны въ бытіи распадается на двѣ формы: на ученіе о происхожденіи сходства, и на ученіе о происхожденіи различія. Оба исполнены глубокаго интереса. Сходное происходитъ или черезъ *уподобленіе*, напр. когда одинъ че-

ловѣкъ становится черезъ подражаніе похожимъ на другаго, или черезъ *происхожденіе безпримѣсное отъ одного*, или *отъ подобнаго при одинаковыхъ условіяхъ*. Такъ движеніе шарика *a* переходитъ послѣ удара въ движеніе шарика *b*, которое, если ничего третьяго не примѣшается, будетъ совершенно тожественно своей произведшей причинѣ; такъ при одинаковыхъ условіяхъ изъ многихъ подобныхъ между собою жолудей вырастаютъ во всемъ подобные другъ другу дубы. Какъ кажется этими двумя способами исчерпываются возможные модусы происхожденія сходнаго, хотя внутри каждый изъ нихъ можетъ подраздѣляться на новые и новые частные способы. Но ничего третьяго, равнозначущаго съ ними по общности и по основному различію, что не заключаясь въ этихъ способахъ могло бы стать рядомъ съ ними, какъ кажется, нѣтъ. Есть однако сходства, не происшедшія ни однимъ изъ этихъ способовъ; это сходства вообще не происшедшія, но только существующія, совѣчныя другъ другу. Таково сходство чиселъ и геометрическихъ фигуръ. Это *2* и эта окружность сходны со всякимъ другимъ *2* и со всякою другою окружностью не черезъ уподобленіе или происхожденіе, но по природѣ своей. Различія же возникаютъ или *черезъ удаленіе отъ подобія*, напр. когда великодушный человѣкъ при видѣ низкаго человѣка старается возможно менѣе походить на него, или черезъ *присоединеніе* и *отдѣленіе* чего либо въ причинномъ процессѣ. Такъ прямолинейное движеніе, произойдя отъ прямолинейнаго же, становится не похожимъ на него, когда къ нему приходитъ что либо третье, напр. притяженіе земли; такъ животное, происшедшее отъ другаго животнаго, получаетъ отличіе отъ него, когда лишается чего либо, напр. какого либо органа, безъ котораго оно можетъ жить, но недостатокъ котораго уродуетъ его; такъ шестипалые и четырехпалые люди различаются отъ прочихъ людей излишествомъ или недостаткомъ одного пальца.

VI. Что касается до цѣлей, ради которыхъ существуютъ сходства и различія, то относительно ихъ вообще

можно замѣтить, что сходное появляется или для усиленія чего либо, или для достиженія одного; а различное появляется для выполненія сложнаго. И въ самомъ дѣлѣ, когда цѣль велика и трудна, а средство мало и слабо, то является необходимость повторить его, т. е. производить сходное. Напр. для того, чтобы создать большую теплоту черезъ ударъ небольшимъ молотомъ, нужно учащать удары. или для того, чтобы сдвинуть тяжелую массу, нужно къ силѣ присоединить силу. Точно также когда цѣль одна и притомъ проста по своей природѣ, а то, что первоначально было чуждо этой цѣли и затѣмъ подчинилось ей— разнообразно, то цѣль начинаетъ приводить къ единству это разнообразное, уподобляя его одному. Такъ когда понятія о дурномъ и хорошемъ сводятся къ одному идеалу и его отрицанію, и этотъ идеалъ овладѣваетъ сознаніемъ многихъ людей, дотолѣ различныхъ между собою, то характеры этихъ людей и жизнь ихъ начинаютъ сближаться между собою, уподобляясь тому одному, что всѣми ими признается за лучшее. Или когда въ сферѣ политической жизни вырабатывается понятіе о типѣ образцоваго государства, то всѣ политическіе организмы начинаютъ уподобляться другъ другу, стремясь осуществить въ себѣ этотъ образецъ. Напротивъ, когда необходимо бываетъ произвести что либо сложное, а для этого, какъ средство, существуетъ только простое т. е. сходное въ частяхъ своихъ, то подъ вліяніемъ сложной цѣли оно разложится на несходныя между собою части, такъ чтобы между послѣдними было все то разнообразіе, которое требуется для осуществленія разнообразныхъ частей сложной цѣли. Такъ простое по своему составу, безсознательное государство начинаетъ разнообразиться въ своихъ внутреннихъ формахъ, когда сознаетъ въ себѣ сложную цѣль — всестороннее благо людей; и тамъ, гдѣ были только волнующіеся и повелѣвающіе, возникаютъ органы, охраняющіе безопасность, дающіе правосудіе, способствующіе развитію богатства, покровительствующіе наукамъ и искусствамъ.

VII. Основныхъ типовъ сходства и различія, т. е. такихъ, въ которыхъ за различающее начало принято не то, *что* сходно и различно, но то — *какъ* сходно и различно, четыре: *тожество*, *различіе*, *противоположность* и *несоотвѣтствіе*.

Подъ тожествомъ я разумѣю такое сходственное отношеніе, при которомъ сравниваемое есть одно, и получаемое отъ него впечатлѣніе есть также одно. Совершенное тожество существуетъ только въ одной формѣ, именно въ формѣ тожества всего самому себѣ. Это значитъ, что объективнаго тожества чего либо съ чѣмъ либо нѣтъ въ природѣ; къ нему только приближаются нѣкоторыя формы различія. Подъ различіемъ я разумѣю такое сходственное отношеніе, при которомъ одно въ сравниваемомъ совпадаетъ, а другое не совпадаетъ, и при которомъ полученныя впечатлѣнія сливаются въ одно, болѣе сложное, чѣмъ каждое изъ отдѣльно полученныхъ и слившихся, впечатлѣніе. Это усложненіе происходитъ отъ того, что формы одного различнаго пополняются въ немъ формами другаго, въ первомъ недостающими. Подъ противоположностью я разумѣю такое сходственное отношеніе, въ которомъ одно сравниваемое есть отрицаніе другаго сравниваемаго, и когда полученныя впечатлѣнія отъ нихъ, тожественныя по строенію, но противоположныя по значенію и содержанію, могутъ слиться въ одно впечатлѣніе съ подразумѣваемыми при немъ символами утвержденія и отрицанія. Замѣчательно, что подобно тому какъ совершенное тожество каждая вещь имѣетъ только одно — именно съ собою, каждая же вещь имѣетъ и одну противоположность, и именно въ себѣ же — когда извращается ея природа. Такъ доброе находитъ свое отрицаніе въ зломъ, прекрасное въ безобразномъ, сильное въ слабомъ, разумное въ безсмысленномъ, то-же въ иномъ, большое въ маломъ, черное въ бѣломъ и пр. и пр. Словомъ въ природѣ каждому положительному есть соотвѣтствующее отрицательное, и ничто само по себѣ, одно, не существуетъ въ ней. Подъ несоотвѣтствіемъ я разумѣю такое отношеніе срав-

ниваемаго, которое не есть ни сходство, ни различіе, и отъ котораго полученныя впечатлѣнія остаются отдѣленными одно отъ другаго и не вліяющими одно на другое, т. е. ни слагаются, ни противополагаются, ни сливаются сходясь въ одномъ, ни раздѣляются различаясь въ другомъ, какъ напр. время и вкусъ, скорость и статуя, твердость и усталость.

Какъ уже сказано было, тожество и противоположность существуютъ подъ одною формою. Несоотвѣтствіе не имѣетъ для себя никакихъ формъ; нѣтъ типовъ несоотвѣтствія, но есть только несоотвѣтствующія вещи, и число ихъ неопредѣленно. Что же касается до различія, то оно имѣетъ столько формъ, сколько есть сторонъ въ бытіи; т. е. вещи могутъ различаться между собою и сходиться другъ съ другомъ порознь каждою изъ сторонъ своего бытія, нѣсколькими изъ нихъ и, наконецъ, всѣми. Различіе — и слѣдовательно сходство, потому что когда что нибудь только отличается отъ другаго, то слѣдовательно въ остальномъ, не различномъ, оно сходно съ нимъ — въ существованіи имѣетъ нѣсколько формъ, а именно: 1. Различіе въ существованіи относительно времени, напр. колосъ пшеницы, выросшій въ прошломъ году, и колосъ пшеницы, выросшій въ нынѣшнемъ году, или движеніе a въ этотъ моментъ и движеніе a' въ слѣдующій моментъ. Различное въ этомъ легко производитъ другъ друга, какъ это можно видѣть изъ приведенныхъ примѣровъ, и впечатлѣніе отъ него, двойственное въ воспріятіи, сливается въ одно въ сознаніи. Сходное же только въ этомъ не способно производить другъ друга, напр. рядомъ лежащіе камень и зерно, и впечатлѣнія отъ него остаются отдѣленными одно отъ другаго, соприкасаясь лишь другъ къ другу только черезъ представленіе объ одновременности. Сюда же слѣдуетъ отнести различное и сходное въ продолжительности существованія, напр. одинъ человѣкъ живетъ долѣе, чѣмъ другой. 2. Различіе въ существованіи относительно мѣста, напр. кругъ нарисованный на этомъ листѣ, и кругъ нарисованный на томъ листѣ,

или колосъ пшеницы, выросшій на этомъ концѣ поля, и колосъ пшеницы, выросшій на другомъ концѣ его. Любопытно, что сходства, которое соотвѣтствовало бы этому различію, нѣтъ; т. е. нѣтъ вещей, которыя различаясь во всемъ — сходились бы только въ этомъ. Все существуетъ въ иномъ мѣстѣ, чѣмъ другое, и только съ самимъ собой это другое совпадаетъ въ мѣстопребываніи. Сюда же относится явленіе подобія, т. е. различія въ величинѣ при сходствѣ во всемъ другомъ, напр. всѣ прямоугольные треугольники подобны между собою, и явленіе равенства, т. е. сходства въ величинѣ при различіи въ другомъ, напр. круги съ одинаковыми радіусами, изъ чего бы они ни были сдѣланы, всѣ равны между собою. Наконецъ, къ этой же категоріи различія слѣдуетъ причислить и явленіе несоотвѣтствія въ расположеніи частей чего либо. Такъ два прямоугольные треугольника, имѣющіе одну общую сторону, имѣютъ сходныя части не соотвѣтственно расположенными, и при надвиганіи одинъ на другой не совпадутъ, хотя и равны по величинѣ и тожественны по формамъ. Такъ же правая и лѣвая кисть человѣческой руки не соотвѣтственно расположены, и если мы надвинемъ первую на вторую, то большой палецъ одной покроетъ мизинецъ, а не большой же палецъ другой. Это явленіе очень распространено въ природѣ. Такъ едва ли не все органическое имѣетъ двойственное строеніе, т. е. имѣетъ тожественныя части, но только обращенныя въ противоположныя стороны: одно вверхъ, другое внизъ, одно впередъ, другое назадъ, одно вправо, другое влѣво. 3) Различное относительно формы чистаго существованія, напр. представленія и понятіе во всемъ тожественны между собою кромѣ того, что одно временно, а другое вѣчно.

Вещи, сходныя во всемъ кромѣ мѣста или времени существованія, мы соединили бы въ одно и назвали бы *видомъ* (species), потому что видъ или форма ихъ одна и впечатлѣнія отъ нихъ сливаясь образуютъ одно представленіе; а то, что имѣетъ эту общую форму и составляетъ собою этотъ видъ, мы назвали бы *особью* или индивидуумомъ.

Различное по цѣли или по причинѣ, но тожественное во всемъ остальномъ, можетъ подобно предъидущему взаимно производить одно другое и составлять собою одинъ видъ (species). Такъ два движенія, изъ которыхъ одно имѣетъ цѣлью раздѣлить одно на двое, а другое соединить два въ одно, напр. расколоть и скрѣпить, суть особи одного вида и могутъ взаимно произвести другъ друга; также движеніе, произведенное теплотою, и движеніе, произведенное другимъ движеніемъ. То же слѣдуетъ сказать и о различномъ въ числѣ: группа въ 7 деревъ и группа въ 13 деревъ есть въ сущности одно и то же.

Различное въ свойствахъ впервые встрѣчаетъ затрудненіе въ своемъ стремленіи взаимно производить другъ друга, и впечатлѣнія отъ него впервые не сливаются въ одно, но только частью покрываютъ одно другое. И чѣмъ ближе эти свойства подходятъ къ сущности, тѣмъ болѣе возрастаетъ эта трудность и это несоединеніе. То, что различается въ свойствахъ, но сходно въ природѣ, мы назовемъ родомъ (genus), потому что обыкновенно оно бываетъ порожденіемъ одного прототипа, отъ котораго потомъ отступило черезъ прибавленіе или удаленіе различныхъ признаковъ. Ясно, что родъ состоитъ изъ видовъ, изъ которыхъ каждый представляетъ собою группу недѣлимыхъ, внутренно (т. е. что касается особей, принадлежащихъ одному виду) во всемъ сходныхъ между собою кромѣ времени и мѣста пребыванія, а извнѣ (т. е. видъ въ отношеніи къ другимъ видамъ) сходныхъ во всемъ, кромѣ свойствъ. Ту же часть представленій, получаемыхъ отъ отдѣльныхъ видовъ одного рода, которая въ сознаніи при наложеніи взаимно покрывается и сливается въ одно, назовемъ понятіемъ рода. Это понятіе соотвѣтствуетъ сходному въ видахъ рода, или общему всѣмъ имъ. А части представленій, не совпадающія и не сливающіяся между собою, которыя соотвѣтствуютъ несходнымъ свойствамъ видовъ рода, назовемъ *видовыми отличіями* или дифференціями.

7 Наконецъ послѣднее различіе, препятствующее вещамъ производить другъ друга, есть различіе природы (сущно-

сти). Впечатлѣнія, получаемыя отъ вещей съ различною природою, совершенно не совпадаютъ; потому что не совпадаютъ ихъ центры, т. е. сущности. Поэтому онѣ размѣщаются въ сознаніи другъ возлѣ друга, однако же соприкасаясь и вліяя другъ на друга извнѣ; такъ какъ свойства ихъ, идущія отъ несовпадающихъ центровъ и обращенныя другъ къ другу — могутъ совпадать.

VIII. Что касается до количественной стороны сходствъ и различій, то изъ этихъ послѣднихъ только тѣ, которыя касаются величины и формы, подчинены точнымъ количественнымъ отношеніямъ. Прочія же сходства и различія вслѣдствіе своей недостаточной опредѣленности, неразграниченности и неуйсточивости до сихъ поръ еще не подчинялись этимъ количествамъ, хотя количественность не чужда ихъ природѣ. Такъ различное по одному составу *болѣе* сходно, чѣмъ различное и по составу и по формѣ.

Второй рядъ ученій, образующихъ общую теорію сходства и различія — тотъ, который разсматриваетъ отношеніе этой стороны бытія къ другимъ сторонамъ его — распадается, по числу послѣднихъ, на ученіе объ отношеніе сходства и различія къ существованію, къ сущности, къ свойствамъ, къ причинѣ, къ цѣлесообразности и къ числу. Мы не будемъ останавливаться на этихъ ученіяхъ.

IX. Ученіе о сходствѣ и различіи вещей въ Космосѣ должно дать систему міра, расположивъ все лежащее въ немъ въ группы по степенямъ близости между собою.

То, что до сихъ поръ было сдѣлано въ этомъ отношеніи, недостаточно; хотя сдѣлать большее, быть можетъ, окажется весьма труднымъ. Главнымъ образомъ недостаточность эта состоитъ въ томъ, что классифицировались всегда только вещи, тогда какъ міръ состоитъ не изъ однѣхъ вещей. Такъ силы и законы, дѣйствующіе и господствующіе въ природѣ, никогда не подвергались точной классификаціи, хотя разнородность однихъ изъ нихъ и близость другихъ ясно сознавалась; между тѣмъ все, что бываетъ ближе и дальше по отношенію другъ къ другу, допускаетъ классифицированіе себя.

Для того, кто внимательно всмотрѣлся бы въ излагаемое ученіе о строеніи науки, было бы не трудно извлечь изъ этого ученія и первыя основы всеобщей классификаціи существующаго, подъ которыми потомъ, уже въ предустановленныхъ отдѣлахъ, пришлось бы только расположить то, что мы повсюду называемъ вещами и явленіями въ Космосѣ. Такъ уже изъ однихъ указаній, содержащихся въ ученіи объ измѣненіи, тотчасъ выясняются нѣкоторыя черты этой всеобщей классификаціи, гораздо болѣе захватывающія, чѣмъ обычныя классификаціи природы. Такъ располагая то, что классифируется, влѣво, а то, въ чемъ классифицируется, вправо, мы получимъ два слѣдующіе ряда:

вещи	вещество неорганизованное
силы	организмы
законы	духъ
процессы или модусы дѣйствія	общество

Располагая подъ каждымъ наименованіемъ, написаннымъ влѣво, всѣ четыре наименованія, написанныя вправо, мы получимъ:

вещи или формы существующаго . { тѣла; организмы; духъ и его формы; общество и его формы

силы или движущее . . . . . { физическія; органическія; психическія; общественныя

законы . . . . . { физическіе; органическіе; психическіе; общественные

процессы или формы движенія . { въ тѣлахъ; въ организмахъ; въ духѣ; въ обществѣ

Дѣленія эти почти уже соприкасаются своими конечными членами съ первыми членами существующихъ классификацій. Но насколько не полна эта классификація, можно видѣть изъ того, что здѣсь нѣтъ еще геометрическихъ фигуръ, нѣтъ вещей искусственно дѣлаемыхъ человѣкомъ, нѣтъ искусствъ и многаго другаго.

XI. Ученіе о сходствѣ и различіи Космоса отъ того, что не есть Космосъ, должно разсмотрѣть соединяющее и раздѣляющее этотъ Космосъ, во-первыхъ, отъ духа, его познающаго; во-вторыхъ, отъ причины, его произведшей; и въ третьихъ, отъ цѣли, ради которой онъ существуетъ.

Несомнѣнно, что со всѣмъ этимъ Космосъ имѣетъ нѣчто общее. Не могъ бы разумъ понимать Космоса, если бы и въ немъ не лежало что то космическое, и въ Космосѣ — нѣчто разумное; не могла бы причина Космоса произвести изъ себя нѣчто, что не имѣетъ съ нею ничего сходнаго; и не можетъ Космосъ существовать ради того, къ чему онъ не имѣетъ никакого отношенія и что не имѣетъ съ нимъ никакого подобія. Итакъ Космосъ. Разумъ, Первая причина и Послѣдняя цѣль не несоотвѣтственны одно другому. Въ нихъ есть общее, чѣмъ соприкасаются они; или быть можетъ есть нѣчто одно, что проявляется, какъ центральное понятіе въ краевыхъ очертаніяхъ представленій — въ Разумѣ познающемъ, какъ въ нѣкоторомъ подобіи своемъ, въ Послѣдней цѣли — какъ въ осуществленной волѣ своей, въ Первой причинѣ — какъ въ первомъ желаніи, и въ самомъ Космосѣ — какъ въ выполняемомъ желаніи.

ГЛАВА XII.

Ученіе о Космосѣ и его формы: о числѣ или о количествѣ.

I. Ученіе о количествѣ и его составъ; промежуточныя формы между *общею теоріею* и частными ученіями. — II. *Общая теорія количества*; недостатокъ въ ней ученія о числѣ, разсматриваемомъ въ сторонахъ своего бытія. О формѣ существованія чиселъ; доказательство, что въ каждой частицѣ пространства реально существуютъ всѣ числа и всѣ числовыя отношенія. — III. Повторяемость, какъ вѣроятная сущность числа. — IV. О свойствѣ чиселъ увеличиваться и уменьшаться; большее, меньшее и равное; модусы увеличенія и уменьшенія; реальная безконечность уменьшенія. — V. О происхожденіи и назначеніи чиселъ. — VI. Типы чиселъ и ихъ противоположность. — VII. Единство и множественность каждаго числа; происхожденіе чиселъ одно отъ другого; первоисточникъ чиселъ. — VIII. Ученіе объ отношеніи числа къ другимъ сторонамъ бытія, и его составъ. — IX. Недостатокъ ученія о времени и ученія о формахъ съ непостояннымъ измѣненіемъ; геометрія и четыре фазиса въ ея историческомъ развитіи. — X. Механика; опредѣленіе движенія; его элементы. Измѣненіе движенія съ измѣненіемъ этихъ элементовъ. Ускореніе движенія съ уменьшеніемъ времени; что дѣлается съ движеніемъ, когда уменьшаясь время превращается въ нуль; смыслъ получаемаго явленія; примѣръ, показывающій что это исчезновеніе времени изъ движенія имѣетъ мѣсто въ дѣйствительности. Что дѣлается съ движеніемъ, когда измѣняясь пространство превращается въ нуль? Смыслъ и дѣйствительное значеніе получаемаго при этомъ явленія. — XI. *О количественныхъ отношеніяхъ вещей и явленій въ Космосѣ и Космоса, какъ цѣлаго.*

I. *Ученіе о количествѣ*, какъ послѣдней сторонѣ бытія, такъ же какъ и предъидущія, распадается на *Общую теорію*, имѣющую своимъ предметомъ количества въ ихъ чистомъ видѣ, безъ отношенія къ тому, что количественно, и на двѣ частныя формы: на *Ученіе о проявленіи количественной стороны въ вещахъ и въ явленіяхъ*, которыя лежатъ въ Космосѣ, и на *Ученіе о количественныхъ отношеніяхъ въ самомъ Космосѣ*, какъ въ цѣломъ.

Между этими частными ученіями и общею теоріею есть еще двѣ промежуточныя, соединяющія формы. Онѣ не мо-

гутъ быть отнесены ни къ общей теоріи, потому что предметъ ихъ — не всякія количества, но только нѣкоторыя съ опредѣленнымъ содержаніемъ; и не могутъ быть отнесены къ частнымъ ученіямъ, потому что это содержаніе касается все-таки не реальныхъ вещей. Изъ нихъ первое есть *Ученіе о формахъ пространства* или *Геометрія*, а второе — *Ученіе о движеніи* или *Механика*.

II. Общая же теорія, изучающая количества безъ отношенія къ тому, что количественно, есть *Алгебра* (и ея частный видъ *Ариѳметика*). Но она изучаетъ только отношеніе и взаимнодѣйствіе между различными формами количествъ, но не самое количество. И поэтому подъ нею, какъ основаніе, должна быть развита общая форма, имѣющая задачею понять эту сторону бытія въ самой себѣ; понять не количества въ дѣйствіи, но количество въ состояніи. Двигаясь по схемамъ разума, она распадается на ученіе о формѣ существованія, о природѣ, о свойствахъ, о происхожденіи, о назначеніи, о сходствѣ и различіи и о количественной сторонѣ чиселъ.

Если бы у насъ оставалось еще какое нибудь сомнѣніе относительно того, есть ли и могутъ ли быть изучаемы стороны бытія независимо отъ бывающихъ вещей, какъ-то явленіе существованія независимо отъ существующихъ вещей, то размышленіе о количествахъ разсѣяло бы окончательно эти сомнѣнія. И въ самомъ дѣлѣ, подобно тому какъ намъ извѣстны только существующія вещи, а не самое существованіе, такъ же точно намъ извѣстны только большія и малыя, многія и единичныя вещи; однако математика не остановилась на именованныхъ числахъ и изучаетъ самыя количества, а не количества только верстъ, пудовъ, минутъ и часовъ. И мы едва ли пренебрежемъ истиною, если скажемъ, что нѣкогда ученіе о чистыхъ сторонахъ Космоса разовьется въ такія же сложныя и глубокія ученія, въ какія развилась математика; а то, что мы знаемъ о нихъ теперь, едва ли по своей исторической зрѣлости превосходитъ то время, когда люди умѣли считать времена, разстоянія и вѣсы, но еще слабо догадывались, что

есть нѣчто и по внѣшней природѣ и въ сознаніи, что всякій разъ дѣлаетъ возможнымъ этотъ счетъ, но что, какъ неизмѣнно присутствующее при этомъ, остается незамѣтнымъ для считающихъ, именно: *большее, меньшее, равное* или *единичность, двойственность, тройственность* и пр., т. е. нѣкоторыя общія формы количествъ и схемы для образованія общихъ идей объ нихъ.

Что касается до формы существованія количествъ, то она двоякая: вѣчно потенціальна и временно реальна; т. е. въ каждомъ пространствѣ потенціально существуетъ каждое число, и каждое же число временно можетъ проявиться въ немъ въ осязательной формѣ. И въ самомъ дѣлѣ, уже ранѣе было доказано *), что въ каждой частицѣ пространства невидимо присутствуютъ всѣ геометрическія фигуры, какъ наблюдаемыя, такъ и мыслимыя. Изберемъ изъ этихъ фигуръ какую либо одну, напр. прямую, или окружность, или равносторонній треугольникъ. Каждая изъ этихъ фигуръ дѣлится на двѣ и на три равныя части; итакъ, представивъ эту фигуру раздѣленною такимъ образомъ, мы убѣждаемся, что въ ней, а съ нею и въ каждой частицѣ пространства, существуютъ числа 1, 2, 3 и кромѣ того еще *равное* (двѣ половины одной и той же формы) и неравное ($^2/_3$ и $^1/_3$ одной и той же формы). Продолжая такимъ же образомъ дѣлить одну и ту же фигуру, или проводить въ ней линіи различными способами, указанными въ геометріи, мы безъ труда убѣдимся, что въ ней и въ томъ пространствѣ, въ которомъ произвольно взята она, невидимо существуютъ всѣ числа и величины отъ безконечно малаго (величина послѣдняго возможнаго дѣленія) до безконечно большаго (число всѣхъ возможныхъ дѣленій), и всѣ отношенія между числами, изучаемыя въ математикѣ. Реально же числа и величины проявляются въ пространствѣ тогда, когда въ немъ возникаютъ реальные считаемые предметы, напр. два дерева, семь человѣкъ и пр.

*) См. выше стр. 170, 173 и 174.

III. Уловить, въ чемъ состоитъ сущность числа или, что тоже, опредѣлить, что̀ такое число по своей сущности, довольно трудно. Намъ кажется, что сущность числа есть *повторяемость*, подобно тому какъ сходство и различіе есть само повторяемое. И въ самомъ дѣлѣ, когда мы созерцаемъ въ дѣйствительности или мыслимъ какое либо число, мы созерцаемъ или мыслимъ нѣчто повторяемымъ столько разъ, сколько содержится единицъ въ этомъ числѣ, или точнѣе: въ нашемъ сознаніи или для нашего зрѣнія возникаетъ нѣкоторое число, *повинуясь* повторяемости какихъ либо предметовъ, мыслимыхъ или реальныхъ; такъ что если бы не было этой повторяемости, не было бы и числа. Изъ этого прямо слѣдуетъ, что число есть отраженіе, символъ повторяемости, или точнѣе — есть отраженная, символизированная повторяемость. И этому не противорѣчитъ то, что считаются предметы не всегда сходные (не всегда повторяемое); потому что въ различныхъ предметахъ считается всегда сходное, напр. въ считаемыхъ вещахъ, находящихся въ данномъ мѣстѣ, считается повторяемость независимыхъ существованій, которыя всѣ сходны между собою.

IV. Изъ свойствъ чиселъ (и величинъ, обозначаемыхъ числами) замѣчательна способность *увеличиваться* и *уменьшаться* неограниченно. Увеличиваясь и уменьшаясь числа сравниваются между собою — отсюда *явленія равенства* и *уравненія*, становятся больше и меньше другъ друга — отсюда явленіе *большаго* и *меньшаго* числа и величины. Въ этихъ трехъ явленіяхъ, обозначаемыхъ особыми знаками въ математикѣ, выражаются основныя отношенія между величинами: $a = b$, $a > c$, $a < d$.

Это свойство увеличиваться и уменьшаться, ошибочно принимаемое за выраженіе сущности числа и величины, было ошибочно введено въ ихъ опредѣленіе, которое въ дѣйствительности должно стремиться къ раскрытію природы опредѣляемаго, а не къ указанію только на его признакъ. Да и ошибочно думать, что это свойство присуще всѣмъ величинамъ, и что поэтому величина есть

то, что можетъ становиться больше и меньше. Отношеніе окружности къ діаметру неизмѣнно; оно не можетъ ни увеличиваться, ни уменьшаться, и однако же есть величина. И напротивъ есть многое въ природѣ, что способно увеличиваться и уменьшаться, но что однако же не есть величина, напр. желаніе и чувство гнѣва.

Что касается до модусовъ (образовъ) увеличенія и уменьшенія, то ихъ нѣсколько: увеличеніе и уменьшеніе *на сколько нибудь* ($a+b$ и $a-b$), и увеличеніе и уменьшеніе *во сколько нибудь разъ*. Послѣдній модусъ имѣетъ еще двѣ разновидности: увеличеніе и уменьшеніе *не само на себя* ($a \times b$ и $a : b$), и *на само себя* (a^2 и $\sqrt{a}$). Оба основные модуса распадаются еще на двѣ формы: увеличеніе или уменьшеніе на что нибудь или во сколько нибудь *одинъ разъ* и *неопредѣленное число разъ*; вторая форма даетъ ряды, къ числу которыхъ относится прогрессія ариѳметическая (2. 4. 6. 8...) и прогрессія геометрическая (2. 4. 8. 16...).

Въ этой способности вообще увеличиваться и уменьшаться есть еще одно замѣчательное свойство, присущее нѣкоторымъ величинамъ: это свойство безконечно увеличиваться или уменьшаться *вѣчно приближаясь и никогда не достигая* нѣкоторой величины. Изученіе этого явленія развилось въ математикѣ въ особую форму — въ теорію предѣловъ. Напр. 0,999.... вѣчно увеличиваясь постоянно приближается къ единицѣ, но никогда не достигаетъ ея; или 0,00...01 вѣчно уменьшаясь никогда не превращается въ нуль.

Далѣе замѣчательна способность безконечной дѣлимости величинъ и слѣдовательно безконечнаго уменьшенія ихъ. Это не есть способность только мыслимая, но и реальная, имѣющая мѣсто въ природѣ; т. е. мы не только умственно можемъ представить себѣ уменьшеннымъ какое угодно малое число, проведя подъ нимъ черту и написавъ знаменателемъ два; но и въ физическихъ явленіяхъ есть нѣчто, соотвѣтствующее этому произвольному уменьшенію произвольно малыхъ величинъ въ умѣ. И

въ самомъ дѣлѣ, слѣдующій фактъ убѣждаетъ насъ, что всякое безконечно малое число (или величина) имѣетъ подъ собою еще безконечное количество величинъ, все меньшихъ и меньшихъ, которыя однако же не превращаются въ ничто. Представимъ себѣ, что изъ какой либо одной и той же свѣтящейся точки, положимъ лежащей на поверхности солнца, исходятъ во всѣ стороны лучи. Свѣтъ, исходящій изъ нея падаетъ на мой глазъ и освѣщаетъ его, т. е. всю поверхность моего глазнаго яблока. Теперь возьмемъ на этой поверхности двѣ рядомъ лежащія, но однако не совпадающія точки, такъ чтобы разстояніе между ними было самою малою величиною, какая только существуетъ; величиною, которая какъ только уменьшится — сейчасъ же превратится въ нуль, который непосредственно слѣдуетъ за нимъ, между которою и между нулемъ ничего нѣтъ. Это есть безконечно малая величина, отдѣляющая двѣ точки на поверхности моего глаза. На каждую изъ нихъ (точекъ) падаетъ свой лучъ свѣта, который исходитъ изъ одной точки, лежащей на поверхности солнца. Слѣдовательно эти два луча и безконечно малая величина между ихъ концами образуютъ собою треугольникъ, основаніе котораго лежитъ на моемъ глазѣ и безконечно мало, вершина лежитъ на поверхности солнца, а стороны суть солнечные лучи, или, что тоже, разстояніе солнца отъ двухъ точекъ на моемъ глазѣ. Этотъ треугольникъ *есть*, онъ *физически существуетъ* въ эту минуту, когда я смотрю на солнце. Раздѣлимъ одну изъ сторонъ его на рядомъ лежащія точки, изъ которыхъ состоитъ она какъ и всякая прямая линія, и изъ точекъ дѣленія проведемъ линіи, параллельныя основанію. Ихъ будетъ безконечно много, и изъ нихъ каждая ближайшая къ солнцу будетъ менѣе предъидущей, а самая большая — меньше той, которая по условію была тотчасъ за нулемъ, между которою и между нулемъ ничего не было. Теперь возьмемъ въ этомъ треугольникѣ ту изъ линій, проведенныхъ параллельно основанію, которая есть ближайшая къ свѣтящейся точкѣ, и слѣдовательно наи-

меньшая изъ всѣхъ, и возьмемъ два луча, падающіе на концы ея изъ какой либо новой свѣтящейся точки, положимъ изъ точки, находящейся на поверхности отдаленнѣйшей отъ солнца звѣзды. Получится, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, треугольникъ, котораго основаніе есть наименьшее изъ дѣленій въ первомъ треугольникѣ, а вершина лежитъ на поверхности далекой звѣзды. Проведя въ этомъ треугольникѣ линіи, параллельныя основанію, мы вновь получаемъ безчисленное множество все уменьшающихся и уменьшающихся величинъ, изъ которыхъ наибольшая меньше того основанія его (втораго треугольника), которое лежитъ на солнцѣ и въ свою очередь было наименьшею изъ безчисленныхъ величинъ, все уменьшавшихся и уменьшавшихся вслѣдъ за основаніемъ перваго треугольника, которое по условію уже было самою малою, какая только возможна, величиною. И это построеніе новыхъ и новыхъ треугольниковъ мы можемъ повторить столько разъ, сколько есть свѣтящихся точекъ въ природѣ; а это значитъ, что пространственныя величины уменьшаются въ физическомъ мірѣ никогда не исчезая. И это не воображаемые только факты, но дѣйствительные,— тѣ, которые есть; потому что есть свѣтящіяся точки и лучи, исходящіе изъ нихъ. Вдумываясь во все это, мы невольно приходимъ къ убѣжденію, что природа физическая обладаетъ строеніемъ не болѣе грубымъ, чѣмъ нашъ разумъ, и вещество въ своихъ послѣднихъ формахъ столь же тонко и неуловимо, какъ мысль. Скажемъ болѣе: воображеніе человѣческое не въ силахъ слѣдить за этимъ безконечнымъ утонченіемъ вещества; для него уже наступаетъ непостижимое съ первымъ же уменьшеніемъ величины, которая по условію, созданному мыслью, есть наименьшая изъ всѣхъ; оно останавливается въ безсиліи,— а величины, существующія въ природѣ, все продолжаютъ и продолжаютъ уменьшаться, и никогда не наступитъ конца и предѣла этому уменьшенію.

V. По происхожденію своему числа и величины столь же первозданны, какъ первозданно само бытіе, что пре-

мо слѣдуетъ изъ того, что было сказано о пребываніи въ каждой части пространства всѣхъ формъ и въ каждой формѣ всѣхъ чиселъ. Что же касается до происхожденія чиселъ въ сознаніи человѣка, т. е. до порядка вступленія ихъ въ это сознаніе изъ внѣшней природы, то не многое объ этомъ было сказано уже нами ранѣе [1]), а сказать больше безъ предварительныхъ спеціальныхъ изслѣдованій было бы затруднительно. Столь же затруднительно сказать что либо и о томъ назначеніи, которое выполняютъ числа въ природѣ. Можно предположить только, что числа облегчаютъ, быть можетъ даже дѣлаютъ возможнымъ соотношенія и взаимнодѣйствія между частями природы и сообщаютъ постоянную, закономѣрную правильность этимъ соотношеніямъ и взаимнодѣйствіямъ. Такъ можно думать потому, что число участвуетъ во всѣхъ взаимнодѣйствіяхъ и безъ него — безъ большаго, меньшаго и равнаго, безъ двойнаго, тройнаго и т. д. — мы не можемъ представить себѣ, чтобы совершилось что либо, и едва ли это не представимое совершалось бы въ дѣйствительной природѣ.

VI. Типовъ чиселъ и величинъ нѣсколько, и всѣ они двойнаго и противоположнаго характера, т. е. каждый типъ развивается изъ другого черезъ его отрицаніе. Таковы числа и величины цѣлыя и дробныя, положительныя и отрицательныя, соизмѣримыя и несоизмѣримыя, раціональныя и ирраціональныя, дѣйствительныя и мнимыя. Каждый изъ этихъ типовъ величинъ долженъ быть изученъ по всѣмъ схемамъ разума, т. е. долженъ быть понятъ въ формѣ своего существованія, въ своей сущности, въ своихъ свойствахъ, въ происхожденіи и назначеніи, и пр. На нѣкоторые, впрочемъ немногіе изъ этихъ вопросовъ, уже находятся отвѣты въ математикѣ; такъ она уже учитъ о происхожденіи и свойствахъ дробныхъ, отрицательныхъ и мнимыхъ величинъ. Но это

---

[1]) См. выше стр. 43, 44, 45.

только двѣ стороны бытія ихъ, и ими не ограничивается оно.

VII. Наконецъ, изучая количественную сторону чиселъ слѣдуетъ остановиться на вопросѣ — какъ слѣдуетъ понимать отношеніе какого либо числа, положимъ двухъ къ различнымъ, по видимому отдѣльнымъ проявленіямъ этого числа; т. е. слѣдуетъ ли думать, что каждое изъ чиселъ безчисленное множество разъ повторяется въ природѣ и каждое изъ такихъ повтореній самостоятельно, не зависитъ отъ всѣхъ другихъ повтореній; или же всѣ эти повторенія суть одно? Есть ли напр. одна двойственность въ природѣ, одно число два, или ихъ безконечное множество. Второй вопросъ, который предстоитъ разрѣшить въ этой формѣ науки, состоитъ въ слѣдующемъ: всѣ числа, какія существуютъ въ природѣ, и притомъ всѣхъ типовъ, въ томъ видѣ какъ мы знаемъ ихъ могутъ взаимно переходить другъ въ друга, происходить одно отъ другого. Такъ два переходитъ въ три черезъ прибавленіе единицы, раціональное переходитъ въ ирраціольное черезъ извлеченіе изъ него корня (3 въ $\sqrt{3}$), дѣйствительная величина въ мнимую (-1 въ $\sqrt{-1}$) и т. д. Теперь спрашивается: эти, взаимно происходящіе другъ отъ друга числа, откуда происходятъ всѣ, т. е. что есть первоисточникъ чиселъ, и величинъ, какое изъ нихъ есть первочисло? и во вторыхъ, какъ именно это первочисло перешло и переходитъ во всѣ другія числа, т. е. черезъ какой процессъ и какою силою? Мы не рѣшаемся отвѣтить что-либо на эти вопросы, и только указываемъ на нихъ, какъ на необходимые въ наукѣ, на которые долженъ быть данъ отвѣтъ.

VIII. Понявъ число въ самомъ себѣ, слѣдуетъ понять его отношеніе къ другимъ сторонамъ бытія, т. е. то, какъ оно соединяется съ ними во всякой отдѣльной пребывающей вещи. По числу сторонъ бытія это ученіе распадается на ученіе объ отношеніи числа къ существованію и его видамъ; далѣе — къ сущности, т. е. къ матеріи и формѣ въ существующемъ, къ измѣненію и про-

цессу въ совершающемся; затѣмъ — къ свойствамъ или отношеніямъ; къ происхожденію или причинѣ; къ слѣдствію или къ цѣли (когда слѣдствіе бываетъ въ то же время и цѣлью); къ сходству и различію, и, наконецъ, къ величинѣ.

На этомъ общемъ ученіи о количествѣ, какъ на своемъ основаніи, должна покоиться чистая математика, какъ ученіе о различныхъ величинахъ, ихъ соотношеніяхъ, свойствахъ и, наконецъ, о различныхъ дѣйствіяхъ надъ ними, которыя всѣ основаны на точномъ пониманіи этихъ свойствъ и соотношеній.

IX. Перейдемъ теперь къ двумъ промежуточнымъ формамъ, лежащимъ между ученіемъ о величинахъ вообще и между ученіемъ о величинахъ въ ихъ проявленіи въ природѣ — къ *Геометріи* и къ *Механикѣ*. Геометрія есть ученіе о пространствѣ и формахъ его; механика есть ученіе о движеніи, какъ чистомъ соединеніи пространства и времени. Для соотвѣтствія не достаетъ здѣсь ученія о времени, какъ третьяго члена, отвѣчающаго первому (ученію о формахъ), который изучаетъ одинъ изъ двухъ элементовъ движенія и одно изъ двухъ основныхъ условій бытія. Гдѣ причина этого недостатка? Въ томъ ли, что время однородно и не имѣетъ формъ? Но и пространство также однородно, а формы ему присущія могутъ замѣняться во времени чѣмъ либо другимъ, что соотвѣтствуетъ этимъ формамъ и столь же изучимо, какъ онѣ. Въ вѣчной ли подвижности, текучести времени? Но эта текучесть столь правильна и постоянна, что именно она наводитъ мысль на присутствіе здѣсь какого то закона? Трудно отвѣтить на всѣ эти вопросы, а съ тѣмъ вмѣстѣ и трудно сказать, есть ли недостающее ученіе о времени необходимый и неизбѣжный недостатокъ въ человѣческомъ пониманіи, или же временный и восполнимый, происходящій отъ того, что не пришла на мысль человѣку какая то идея, которая есть и ждетъ только своего открытія.

Что касается до ученія о пространствѣ и его формахъ, то въ *Ланьеометріи*, идею которой создалъ нашъ великій

геометръ [1]), мы имѣемъ четвертый и послѣдній фазисъ этой науки, — высшій, до котораго она можетъ развиться не измѣняя своей природы (т. е. оставаясь ученіемъ о пространствѣ и его формахъ). Съ завершеніемъ этого фазиса, въ который теперь только вступаетъ геометрія, будетъ исчерпано содержаніе этой науки и понятъ окончательно предметъ ея. Такимъ образомъ въ области человѣческаго пониманія это будетъ первый образецъ законченной науки, первый случай, когда разумъ остановится, потому что ему некуда далѣе идти, нечего болѣе узнавать. Первый фазисъ ея былъ тотъ, который предшествовалъ Эвклиду и завершился въ немъ: это періодъ, когда въ сознаніи человѣка медленно и съ трудомъ возникали первыя геометрическія понятія — понятіе кривизны, прямизны, тожества въ измѣненіи направленія и пр. Мы говорили уже ранѣе о томъ [2]), какъ возникали эти понятія, именно — какъ постепенно отвлекалось въ сознаніи человѣка свойство предмета отъ самаго предмета, и какъ, разъ совершивъ это отвлеченіе — разумъ сталъ комбинировать свойства и предметы какъ отдѣльныя, самостоятельныя сущности. Напр. какъ наблюдая въ природѣ линіи болѣе

---

[1]) См. *Лобачевскій:* «Полное собраніе сочиненій по геометріи». Казань 1883 г., изданное Казанскимъ Университетомъ и содержащее въ себѣ «Воображаемую геометрію», «Новыя начала геометріи съ полною теоріею параллельныхъ» и «Пангеометрію»; а также все, что говоритъ объ этомъ предметѣ *Вищенко-Захарченко* въ своемъ прекрасномъ трудѣ «Начала Эвклида съ поясн. введеніемъ и толкованіями». Кіевъ. 1880 г. Глубокая оригинальность идей, соединенная съ совершенною скромностью; мужество въ продолженіи изысканій, встрѣченныхъ повсюду равнодушіемъ и не доставившихъ автору при жизни ничего, кромѣ насмѣшекъ; наконецъ строгость сужденія и прекрасный, повсюду исполненный изящества и достоинства языкъ — всѣ эти рѣдкія черты, столь отличительныя для генія, лежатъ и на твореніяхъ Лобачевскаго, память котораго для насъ должна быть тѣмъ болѣе дорога по смерти, чѣмъ менѣе онъ былъ понятъ и оцѣненъ при жизни. Его идеи нашли себѣ продолжателей въ Западноевропейской наукѣ, и здѣсь онѣ вызвали уже обширную литературу; что касается до насъ, то если мы безсильны пока воздать ему эту лучшую награду за совершенный трудъ, мы не должны забыть воздать ему меньшее и въ что способны — сдѣлать его имя столь же дорогимъ для себя и его имя столь же понятнымъ и распространеннымъ, какъ это сдѣлали мы относительно другихъ немногихъ дѣятелей русской науки — Ломоносова, Карамзина и др.

[2]) См. выше стр. 110, 111 и 112.

кривыя и менѣе кривыя, онъ отвлекъ это свойство отъ линій и получилъ понятіе *кривизны*, какъ непостоянства въ направленіи; а разъ получивъ это понятіе — сталъ измѣнять его въ своемъ сознаніи произвольно, уже не руководясь наблюдаемымъ въ природѣ. Такъ, мысленно уничтоживъ эту кривизну, онъ получилъ геометрическое понятіе прямой линіи, какъ линіи съ тожественнымъ, никогда не измѣняющимся направленіемъ, а придавъ измѣненію кривизны характеръ постоянства — создалъ понятіе окружности. Создавъ же эти геометрическія понятія о формахъ или, что тоже, найдя геометрическія опредѣленія этихъ формъ, онъ уже сталъ на тотъ путь, который безсознательно и невольно привелъ его къ открытію геометрическихъ теоремъ. Второй фазисъ въ развитіи геометріи наступилъ тогда, когда она отъ изученія формъ съ тожественнымъ направленіемъ (прямая и ея сочетанія — треугольникъ, параллельныя и пр.) и съ тожественно измѣняющимся направленіемъ (окружность) перешла къ изученію кривыхъ линій съ непостояннымъ направленіемъ, но однакоже правильно, постепенно видоизмѣняющимся, каковы эллипсъ, парабола, гипербола, циклоиды и др. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ порядокъ кривыхъ далеко еще не изученъ во всѣхъ своихъ формахъ; т. е. что есть еще много неоткрытыхъ формъ пространства съ правильнымъ измѣненіемъ въ кривизнѣ, которыя (формы) предстоитъ изучить наукѣ. Но это изученіе будетъ расширеніемъ науки, а не развитіемъ ея въ новыя высшія формы, и оно можетъ продолжаться независимо отъ этого развитія, подобно тому какъ боковое вѣтвленіе дерева совершается независимо отъ его роста вверхъ. Третій фазисъ въ развитіи ученія о пространствѣ наступилъ съ открытіемъ аналитической геометріи (Декартъ), когда къ изслѣдованію соотношеній и свойствъ пространственныхъ формъ было приложено ученіе о величинахъ вообще (Алгебра), и черезъ разсмотрѣніе тѣхъ изъ этихъ величинъ, въ которыхъ выражаются пространственныя отношенія, и черезъ свободное комбинированіе ихъ на осно-

ваніи ихъ собственныхъ свойствъ, какъ алгебраическихъ количествъ — получилась возможность предусматривать новыя, неизвѣстныя дотолѣ, пространственныя отношенія, и притомъ *исчерпывающимъ* образомъ. Наконецъ четвертый и послѣдній фазисъ въ развитіи геометріи наступилъ, какъ мы уже замѣтили, съ открытіемъ возможности и необходимости изучать формы пространства не трехъ только измѣреній, какъ это было до сихъ поръ и какъ это допускаютъ представляющія способности человѣка, болѣе узкія, нежели способности мышленія, но *n* измѣреній. Это обобщеніе въ геометріи можно сравнить съ тѣмъ обобщеніемъ, которое наступило для ученія о величинахъ съ открытіемъ алгебры.

Здѣсь мы вынуждены вновь остановиться на указаніи одного недостатка, который ясно чувствуется въ ученіи о величинахъ. Это — недостающее ученіе о *неопредѣленныхъ формахъ* (съ непостояннымъ измѣненіемъ кривизны). И этотъ недостатокъ, неизмѣримо важный по своему значенію, какъ кажется, не восполнимъ по одной особенной причинѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, изъ того, что было сказано нами ранѣе о природѣ вещей и явленій, ясно, что формѣ принадлежитъ едва ли не преобладающее значеніе въ опредѣленіи того, *чѣмъ* и *каковы* бываютъ эти вещи и явленія. А между тѣмъ только немногимъ изъ нихъ присуща геометрически правильная форма, всѣ же остальныя имѣютъ неопредѣленную форму. Такъ напр. очевидна несомнѣнная и тѣсная связь между тѣмъ, что мы наблюдаемъ въ свойствахъ организмовъ и въ особенномъ характерѣ органическихъ явленій и между внутреннею формою, которая присуща имъ (организмамъ и органическимъ процессамъ); а между тѣмъ по неопредѣленности этой формы мы не можемъ точно опредѣлить эту связь и изъ нея объяснить многое непонятное, что мы замѣчаемъ въ этомъ своеобразномъ мірѣ существъ. Да и въ мірѣ неорганическомъ — многія ли движенія совершаются по коническимъ сѣченіямъ, и многія ли тѣла состоятъ изъ треугольниковъ и другихъ пра-

вильныхъ фигуръ? Такимъ образомъ, повидимому, вслѣдствіе неопредѣленности формы почти во всемъ и вслѣдствіе зависимости всего отъ этой неопредѣленной формы, человѣку предстоитъ вѣчно изучать не природу, но только нѣкоторое въ этой природѣ, видѣть и понимать не образъ ея, но только немногія черты этого образа. Неизучима же неправильная форма потому, что орудіе геометріи есть опредѣленіе; и потому все, что не поддается ему — а таковы всѣ неопредѣленныя формы — по самой природѣ своей не можетъ быть изучено и понято.

X. Механика, какъ уже сказано, есть ученіе о движеніи. Движеніе же въ своей чистой формѣ есть *соединеніе пространства и времени;* потому что если изъ движенія выдѣлить проходимое пространство, то останется чистое время — то, въ которое проходилось это пространство; а если выдѣлить время, останется чистое пространство — то, которое было пройдено. И, если глубже вдумываясь слѣдить за движеніемъ какой либо точки, то невольно замѣтишь, что съ каждымъ поступательнымъ перемѣщеніемъ ея какъ бы вбирается лежащее впереди пространство и наступающее время, и сплетаясь въ одно остается позади ея въ новомъ явленіи — въ движеніи, которое совершено [1]).

Разсмотримъ взаимное отношеніе этихъ элементовъ въ движеніи, и зависимость движенія отъ измѣненія одного изъ этихъ элементовъ при неизмѣнности другого.

Пусть какое либо движеніе состоитъ изъ двухъ равноѣмныхъ частей пространства и времени, которыя примемъ за единицы. По произволу мы можемъ выбрать для этого всякое движеніе; но только разъ выбранное не слѣдуетъ измѣнять. Назовемъ его *нормальнымъ движеніемъ.*

1. *Во нормальномъ движеніи пусть пространство остается неизмѣннымъ, а время измѣняется, отъ единицы уменьшаясь до нуля и отъ этой же единицы увеличиваясь до безконечности.*

Когда время $= 1$, движеніе, какъ уже сказано, есть нормальное. Когда время становится < 1, движеніе ускоряется

[1]) Въ связи съ этимъ см. сказанное выше на стр. 272 и 273.

сравнительно съ нормальнымъ и при томъ во столько разъ, во сколько разъ увеличивается знаменатель дроби, которою теперь обозначается время; такъ въ $^1/_2$ времени скорость удвоивается, въ $^1/_4$ учетверяется, и т. д. Это значитъ, что *скорость въ движеніи увеличивается пропорціонально уменьшенію времени*. Наконецъ, когда время $=0$, движеніе исчезаетъ и остается чистое пространство. Что это значитъ, и какой смыслъ имѣетъ это въ мірѣ реальныхъ явленій, гдѣ къ чистому движенію примѣшиваются движущіяся тѣла? Это значитъ, что явленіе изъ преемства превратилось въ сосуществованіе. Сосуществованіе есть именно преемство, совершающееся внѣ времени, есть движеніе съ выдѣлившимся временемъ, въ которомъ осталось одно чистое пространство. Чтобы объяснить это, возьмемъ слѣдующій примѣръ. Пусть въ нѣкоторой плоскости, геометрически правильной, лежитъ нѣкоторая прямая линія, такъ же геометрически правильная, но сгибающаяся, одинъ конецъ которой прикрѣпленъ къ плоскости. Теперь возьмемъ свободный конецъ этой линіи — положимъ нити — и станемъ приподнимать его не натягивая нити. Мы увидимъ, какъ точка отдѣленія этой линіи отъ плоскости побѣжитъ впередъ, проходя въ извѣстныя времена извѣстныя пространства. Повторивъ этотъ опытъ нѣсколько болѣе натянувъ нить, мы ускоримъ движеніе заставивъ точку отдѣленія пробѣжать тоже пространство въ меньшее время. Наконецъ натянемъ нить такъ, чтобы она стала совершенно несгибаемой, математической линіей, и снова приподымемъ ея свободный конецъ. Явленіе движенія уже исчезнетъ; мы не увидимъ бѣгущей точки, и ея не будетъ дѣйствительно: всѣ точки поднимаемой линіи *сразу* отдѣлятся отъ плоскости, получится явленіе одновременнаго поднятія ихъ и останется чистое пространство, на которомъ это поднятіе совершилось. Итакъ, *съ исчезновеніемъ времени движеніе становится пространствомъ, и движущееся изъ преемства превращается въ сосуществованіе*. Наконецъ, когда время >1, движеніе замедляется сравнительно съ нормальнымъ и это *замедленіе* также

возрастаетъ прямо пропорціонально увеличенію времени, становясь безконечнымъ, когда безконечно время.

2. *Въ нормальномъ движеніи пусть время остается неизмѣннымъ, а пространство измѣняется.*

Когда пространство $=1$, тогда движеніе нормальное. Когда пространство <1, *движеніе замедляется пропорціонально возрастанію знаменателя дроби, выражающей собою пространство*. Когда пространство $=0$, движеніе исчезаетъ и остается чистое время. Что это значитъ? Это значитъ, что явленіе стало *чистымъ преемствомъ, совершающимся во времени, но чуждымъ пространственныхъ элементовъ*. Таковы всѣ явленія, происходящія въ духѣ человѣка. Напр. когда во мнѣ развивается какая либо идея, несомнѣнно что нѣчто измѣняется во мнѣ, но это измѣненіе совершается только во времени: оно проходитъ между началомъ и концомъ развитія идеи, но между этимъ началомъ и концомъ нѣтъ никакого пространственнаго разстоянія. И такъ какъ всякое измѣненіе есть все таки движеніе, то мышленіе есть движеніе, изъ котораго выдѣлилось пространство превратившись въ нуль. Наконецъ когда пространство становится >1, *движеніе ускоряется, и это ускореніе возрастаетъ до безконечности, когда до безконечности увеличивается пространство.*

XI. Въ ученіи о количественной сторонѣ вещей и явленій въ Космосѣ слѣдуетъ опредѣлить количественныя соотношенія всего, что имѣетъ математическую правильность въ строеніи или въ процессѣ. Сюда прежде всего относится кристалографія и та часть физики, за которою все болѣе и болѣе утверждается названіе математической. Въ ученіи же о количественной сторонѣ Космоса должно содержаться изложеніе количественныхъ соотношеній между цѣлыми частями Космоса. Сюда относится та часть астрономіи, за которою со времени Лапласа утвердилось названіе «Небесной механики».

ГЛАВА XIII.

Ученіе о Мірѣ человѣческомъ: о творящемъ или о духѣ.

I. Ученіе о Мірѣ человѣческомъ и его отношеніе къ ученію о Космосѣ. Духъ человѣческій, какъ творческій источникъ новаго порядка вещей, неимѣющихъ съ вещами физическими другаго сходства, кромѣ существованія и стороны бытія; смыслъ и границы ученія о Мірѣ человѣческомъ.—II. Распаденіе ученія о Мірѣ человѣческомъ на ученія о творчествѣ, о законахъ или соотношеніяхъ въ творчествѣ, о добрѣ и злѣ, о цѣляхъ или о должномъ, о средствахъ или о путяхъ къ должному, и о сотвореніи или исторіи. Ученіе о творчествѣ и его формы: о творящемъ, о твореніи и о твореніи. — III. *Ученіе о творящемъ* или о духѣ, какъ источникѣ жизни; составъ этого ученія. Два основные вопроса ученія о духѣ — о томъ, что онъ такое? и безсмертенъ ли? Путь разрѣшенія этихъ вопросовъ. — IV. Наблюдаемыя отношенія психическихъ явленій къ организму суть ли отношенія свойства къ существу, или же существа къ существу? Четыре доказательства самостоятельности духа, какъ существа: 1. свойства не имѣютъ вліянія на то, чего они суть свойства; 2. свойства не могутъ быть творческимъ источникомъ вещей; 3. свойство не можетъ отвергать и осуждать то, чего оно есть свойство, и стремиться къ иному, нежели то, въ чемъ оно пребываетъ; 4. свойство не можетъ имѣть природы, отличной отъ природы того, чего оно есть свойство.—V. Духъ, самостоятельный какъ существо, не матеріаленъ ли? Фактъ отсутствія прямаго дѣйствія духа на вещество и вещества на духъ. Законъ можетъ между природою причины, которая производитъ, и между природою слѣдствія, которое производится ею; изъ производимаго духомъ ничто не матеріально. Духъ, какъ нематеріальное существо. — VI. Два сомнѣнія, удерживающія отъ признанія духа, какъ нематеріальнаго существа: отсутствіе въ природѣ еще гдѣ либо духа, кромѣ природы человѣка, и фактъ разстройства духовныхъ явленій съ разстройствомъ организма человѣка. Понятіе о причинности производящей и обусловливающей; фактъ, параллельный разстройству психическихъ явленій отъ разстройства организма, гдѣ слѣдствіе, исчезающее съ разстройствомъ другого — не есть его слѣдствіе и предшествовало ему по времени. Способенъ ли мозгъ служить органомъ психическихъ явленій? Постоянство содержанія, неизмѣнность процесса и повторяемость, какъ необходимыя условія въ функціонированіи всякаго органа; въ психическихъ явленіяхъ измѣняется содержаніе ихъ, смыслъ, форма, и они не періодичны. — VII. Имѣетъ ли значеніе для человѣческаго міросозерцанія принятіе или отрицаніе духа, какъ самостоятельнаго нематеріальнаго существа? Невозможность матеріалистическо-механическаго воззрѣнія на природу; принятіе одухотвореннаго вещества, какъ не-

обходимое слѣдствіе отрицанія духа, какъ самостоятельнаго существа.— VIII. Будучи самостоятельнымъ существомъ и нематеріальнымъ — что́ такое духъ въ самомъ себѣ? Міръ «смѣшанныхъ» вещей, въ которыхъ проявляется человѣческое творчество. Вещество, какъ неизмѣнно входящее въ нихъ изъ природы; очертаніе, какъ неизмѣнно входящее въ нихъ изъ духа; способность духа производить неопредѣленное число разъ одну и ту же форму; способность его творить разнообразныя формы; духъ, какъ форма формъ.— IX. Безсмертенъ-ли духъ? Смерть, какъ отдѣленіе оформливающаго отъ оформливаемаго; невозможность приложить это понятіе къ духу. Смерть, какъ измѣненіе чего-либо въ чемъ-либо; форма можетъ измѣниться только въ предѣлахъ формы же; невозможность измѣниться для духа, какъ для формы формъ. Изъ творимаго духомъ ничто не разрушается, но только выдѣляется изъ «смѣшанныхъ вещей», сохраняя неизмѣнно свою природу; слѣдовательно не можетъ разрушиться и духъ, какъ источникъ неразрушимыхъ вещей. Какъ слѣдуетъ понимать существованіе духа по разрушеніи тѣла; факты, могущіе разрѣшить этотъ вопросъ. Форма чистаго существованія, не замкнутаго въ какой-либо предѣлъ. — X. *Разумъ, чувство* и *воля*, какъ формы, подъ которыми является творческій духъ. Типы и состоянія разума. — XI. Чувство и его исходящія формы: волненія, состоянія, типы, настроенія; виды чувства; колебанія чувства.— XII. Воля; о двухъ источникахъ желанія — первозданной природѣ человѣка, и его измѣненной природѣ; о цѣляхъ воли; элементы и состоянія воли. Вопросъ о свободѣ воли; она не ограничена внѣшнимъ для человѣка міромъ; именно потому, что она ограничена имъ, она не есть его созданіе, и по времени предшествуетъ его вліянію. Внѣшній міръ, какъ источникъ, отклоняющій волю отъ ея первоначальнаго направленія.

I. *Ученіе о Мірѣ человѣческомъ* есть вторая форма въ *Ученіи о познаваемомъ*, и съ тѣмъ вмѣстѣ послѣдняя, которою завершается *Пониманіе*.

Что слѣдуетъ разумѣть подъ Міромъ человѣческимъ въ отличіе отъ Космоса, о которомъ говорилось до сихъ поръ?

Какъ и Космосъ, Міръ человѣческій есть продолженіе того же бытія, которое разслѣдуется въ первой части *Ученія о познаваемомъ*. Во всемъ, что составляетъ его, мы находимъ тѣ же стороны бытія соотвѣтствующія схемамъ разума, которыя находимъ и въ каждой вещи, принадлежащей къ физическому міру. Государство или искусство, такъ же какъ минералъ или организмъ, имѣетъ свою форму существованія, свою природу, свойства, происхожденіе, цѣль, сходство и различіе и количественную сторону. Такимъ образомъ то, что́ познается въ вещахъ Міра человѣческаго, есть тоже, что познается въ вещахъ міра физическаго. Но то, *въ чемъ* познается это, уже не похоже на Космосъ.

Въ центрѣ Міра человѣческаго находится новый источникъ бытія, чуждый міру физическому и которому чуждъ міръ физическій. Этотъ новый источникъ — человѣческій Духъ. Правда онъ окруженъ Космосомъ, онъ погруженъ въ матерію. Но тотъ міръ, который исходитъ изъ него, столь же сложенъ и разнообразенъ, какъ самъ Космосъ, и быть можетъ не менѣе великъ и прекраснъ, чѣмъ онъ. И этотъ исходящій міръ столь же не похожъ на міръ физическій, такъ же глубоко своеобразенъ и самобытенъ, какъ его источникъ, погруженный въ матерію, не схожъ съ этою матеріею.

Въ этомъ мірѣ есть свои вещи — государства, религіи искусства, науки — и онѣ не имѣютъ съ вещами физическаго міра другаго сходства кромѣ того, что *существуютъ*, какъ и онѣ, и въ тѣхъ же *сторонахъ* бытія; въ немъ есть свои силы, движущія эти вещи — возвышающія, поддерживающія и разлагающія напр. государства, — и онѣ не имѣютъ другаго сходства съ физическими силами кромѣ того, что *дѣйствуютъ* какъ и онѣ; въ немъ есть свои законы, но это уже не законы механическаго соотношенія.

Потому то и невозможно среди другихъ существъ, лежащихъ въ Космосѣ, разсматривать и духъ человѣческій, какъ *одно изъ нихъ*, потому то и необходимо признать рядомъ съ Космосомъ существованіе второго міра, что тогда какъ въ Космосѣ все есть сотворенное, изъ котораго уже ничего не исходитъ, — духъ человѣческій есть творящее, изъ котораго исходитъ міръ новыхъ и новыхъ разнообразныхъ вещей, которыя живутъ, движутся и подчиняются новымъ, до акта творчества не бывшимъ законамъ и силамъ. Возьмемъ ли мы въ мірѣ вещественномъ небесныя тѣла, или минералы, или организмы, — мы видимъ въ нихъ послѣднія звенья предшествовавшаго творческаго акта, которыя сами уже лишены творческой силы. Камень разбившись можетъ раздѣлиться на двое; но эти [illegible] уже были въ немъ: растеніе умирая можетъ [illegible] другое растеніе, — но это другое только

воспроизводитъ первое, и ничего новаго не вноситъ съ собою въ міръ. Словомъ въ мірѣ физическомъ, сколько бы мы ни искали, мы не найдемъ ничего такого, что, служило бы творческимъ источникомъ *новыхъ, на него не похожихъ вещей, въ которыхъ дѣйствовали бы силы и законы имъ однимъ, этимъ новымъ сотвореннымъ вещамъ, присущіе.* И въ этомъ рѣзкое и глубокое различіе вещей міра физическаго отъ духа. Духъ есть творческій источникъ политическихъ формъ, и эти политическія формы разнообразятся, живутъ и умираютъ повинуясь *своимъ* законамъ и въ нихъ мы наблюдаемъ дѣйствіе своеобразныхъ силъ; онъ творитъ формы прекраснаго, и являются искусства, который мы классифицируемъ и изучаемъ какъ самостоятельныя существа, какъ организмы или минералы въ физическомъ мірѣ; изъ него истекаютъ идеи, и мы познаемъ процессы ихъ происхожденія, ихъ свойства, ихъ жизнь. Ничего подобнаго мы не находимъ въ существахъ матеріальныхъ. Каждое изъ нихъ замкнуто въ самомъ себѣ, единично, и ни въ чемъ другомъ внѣ себя не пребываетъ. Его бытіе ограничено существованіемъ, природою, свойствами и пр., и познавъ ихъ мы познали его; потому что кромѣ этихъ сторонъ оно ничего не имѣетъ. Тогда какъ познавъ Духъ, намъ предстоитъ еще познать творенія его, сложнѣйшія чѣмъ самъ онъ внѣ творческой своей дѣятельности.

Итакъ, подъ ученіемъ о Мірѣ человѣческомъ мы разумѣемъ ученіе о Духѣ и томъ, что исходитъ изъ него; а также и о всемъ, что не будучи произведеніемъ этого Духа имѣетъ однако соотношеніе съ его только дѣятельностью, и внѣ ея не проявляется. Къ послѣднему принадлежатъ напр. явленія добра и зла: не духъ человѣческій дѣлаетъ, что одно изъ творимаго имъ есть зло, а другое добро, не онъ придаетъ совершенному это значеніе; но внѣ его воли и господствуя надъ всѣмъ, что происходитъ въ мірѣ человѣческомъ — одно является добромъ, другое зломъ; однако же внѣ этого міра оно не проявляется. Есть и еще другое, что носитъ на себѣ тотъ же характеръ.

II. Познаніе Міра человѣческаго, сообразно съ природою своею, распадается на слѣдующія формы: на *Ученіе о творчествѣ;* на *Ученіе о законахъ* или неизмѣнныхъ соотношеніяхъ, господствующихъ *въ творчествѣ;* на *Ученіе о добрѣ и злѣ,* какъ особомъ значеніи творимаго; на *Ученіе о должномъ или о цѣляхъ творчества;* на *Ученіе о средствахъ или о путяхъ къ должному,* и на *Ученіе о сотворенномъ* или исторію.

Ученіе же о творчествѣ распадается на *Ученіе о творящемъ, о твореніи* и *о твореномъ.* Первое познаетъ, то *что творитъ,* т. е. духъ человѣческій какъ источникъ жизни; второе познаетъ то, *какъ творитъ,* или процессы творчества жизни; третіе познаетъ то, *что творится* или формы жизни,— гдѣ подъ жизнью разумѣется все, исходящее изъ духа и получающее послѣ акта творчества свое особое, самостоятельное существованіе.

III. *Ученіе о творящемъ духѣ человѣческомъ* переходя въ пониманіе опредѣлитъ существованіе его, раскрываетъ его природу, изучаетъ свойства, открываетъ происхожденіе и назначеніе, устанавливаетъ типы и опредѣляетъ количественную сторону, т. е. отношеніе единичнаго ко многому.

Разсматривая внутреннее содержаніе ученія о Мірѣ человѣческомъ, мы будемъ указывать на всѣ формы этого ученія, поставовляя всѣ вопросы, на которые здѣсь предстоитъ отвѣтить разуму. Но уже не будемъ, какъ это мы дѣлали въ ученіи о Космосѣ, останавливаться надъ каждою отдѣльною изъ формъ, давая на эти вопросы первыя предварительныя разрѣшенія, которыя могли бы послужить указаніемъ при дальнѣйшихъ разысканіяхъ настоящихъ и положительныхъ отвѣтовъ на нихъ. Причина этого — чрезвычайная сложность ученія о Мірѣ человѣческомъ и желаніе внимательнѣе остановиться на тѣхъ формахъ его, которыя не зависятъ отъ схемъ разума и присущи ему по его собственной, особой природѣ.

Такъ и въ ученіи о духѣ человѣческомъ, какъ источникѣ жизни, мы не будемъ систематически останавливаться на всѣхъ только что перечисленныхъ формахъ, но только

на нѣкоторыхъ, которыя уже неоднократно привлекали къ себѣ всеобщее вниманіе по своей чрезвычайной важности. Таковы два вопроса: о томъ, что такое духъ человѣческій; и о томъ, безсмертенъ ли онъ? Первый принадлежитъ той изъ перечисленныхъ выше формъ ученія о немъ, которая имѣетъ своимъ предметомъ природу изучаемаго, хотя и не занимаетъ собою всю эту форму — ей предстоитъ еще опредѣлить строеніе духа. Другой вопросъ принадлежитъ ученію о формѣ существованія духа, также не исчерпывая всей этой формы.

Вопросъ о томъ, что такое духъ человѣческій, есть вопросъ о самостоятельности того источника, изъ котораго истекаютъ общеизвѣстныя явленія мышленія, чувства, воли и который самъ остается скрытымъ за этими явленіями и недоступнымъ прямому, грубому изученію. Поэтому здѣсь намъ предстоитъ косвенный путь изслѣдованія: черезъ познаніе того, что исходитъ изъ неизвѣстнаго источника — опредѣлить природу этого источника, и притомъ съ несомнѣнностью равною той, которую даетъ прямое изученіе. Этотъ косвенный путь познанія присущъ, впрочемъ, всѣмъ высшимъ формамъ науки, касающимся важнѣйшихъ областей бытія; только единичное и частное, ничтожное по своему значенію, можетъ быть предметомъ непосредственнаго, прямого познанія.

IV. Итакъ, среди существъ и явленій вещественнаго міра лежитъ ли особенное, имъ чуждое существо, которое мы называемъ духомъ? или этого существа нѣтъ, какъ самостоятельнаго, и то, что относится къ нему какъ къ своему источнику, принадлежитъ веществу же? вотъ основной вопросъ, первый въ ученьи о Мірѣ человѣческомъ.

Есть самыя глубокія и самыя точныя основанія думать и утверждать, что мышленіе, чувство и воля не суть свойства вещества, изъ котораго состоитъ человѣческій организмъ, и что слѣдовательно источникъ ихъ есть нѣкоторое особое существо съ независимымъ отъ вещества существованіемъ и отличною отъ него природою. Эти основанія всѣ покоятся на необходимости нѣкотораго

опредѣленнаго отношенія между свойствами и сущностью, которое не замѣчается въ отношеніяхъ между мышленіемъ, чувствомъ и волею съ одной стороны, и между организмомъ человѣка — съ другой.

И въ самомъ дѣлѣ, *свойство чего либо не можетъ господствовать надъ тѣмъ, чего оно есть свойство.* По самой природѣ своей, свойство всегда *исходитъ* изъ того, въ чемъ или на чемъ оно пребываетъ, и можетъ вліять *на внѣшнее*, но *возвратнаго вліянія* не имѣетъ. Въ бытіи, какъ синтезѣ опредѣленныхъ сторонъ, сущность, какъ основная изъ нихъ, не можетъ быть страдательнымъ объектомъ дѣятельности свойствъ, какъ обусловленныхъ сторонъ, пребывающихъ въ этой сущности или держащихся на ней, и всегда неподвижныхъ по отношенію къ этой сущности. Поэтому всякій разъ, когда мы замѣчаемъ, что какая либо сущность (въ данномъ случаѣ тѣло) подвергается измѣняющему и при томъ различнымъ, непостояннымъ образомъ дѣйствію какихъ либо явленій, то мы должны заключить, что эти явленія исходятъ отъ существа, отдѣленнаго отъ измѣняемаго; подобно тому какъ видя притягивающееся тѣло мы умозаключаемъ съ несомнѣнною достовѣрностью, что есть и другое, притягивающее его тѣло,— хотя бы послѣднее и оставалось для насъ невидимымъ. Такое господствующее положеніе дѣйствительно принадлежитъ духу по отношенію къ тѣлу: не умъ мой размышляетъ, чувство волнуется и воля желаетъ повинуясь тѣлу; но тѣло движется выполняя рѣшенное мышленіемъ, пріятное для чувства, поставленное какъ цѣль для себя — волею. Но высшимъ проявленіемъ этого господства можетъ служить фактъ, когда самое существованіе организма уничтожается подъ вліяніемъ психическаго явленія: это самоубійство. Какъ можетъ свойство уничтожить то, чего оно есть свойство?

Далѣе, *не можетъ свойство вещи творить новыя вещи.* И въ самомъ дѣлѣ, по своей природѣ свойство или непосредственно пребываетъ въ чемъ либо, или вліяетъ на что [illegible] для того, въ чемъ оно пребываетъ, но что

существовало ранѣе. Исходить же изъ свойства и становиться самостоятельною вещью ничто не можетъ; потому что въ свойствѣ нѣтъ силы придавать чему либо существованіе, такъ какъ само оно не обладаетъ имъ самостоятельно, но въ зависимости отъ сущности того, въ чемъ или на чемъ пребываетъ. Такъ прямизна или кривизна линіи не можетъ создать новой линіи, твердость камня не можетъ произвести другого камня. Между тѣмъ изъ того, самостоятельность чего, какъ существа, въ насъ возбуждаетъ сомнѣнія, истекаетъ многое, что пребываетъ затѣмъ отдѣльно: государство во всемъ разнообразіи своихъ формъ, наука, искусства и пр. Все это появившись существуетъ независимо отъ субъективнаго духа, изъ котораго вышло нѣкогда (напр. та или другая политическая форма, разъ созданная умомъ великаго человѣка, остается и по смерти его, а иногда при жизни его — вопреки его волѣ).

Затѣмъ *то, что пребываетъ въ бытіи, какъ часть его, не можетъ осуждать этого бытія и стремиться къ другому, котораго нѣтъ;* такъ свойство какого либо существа не можетъ оцѣнивать его и стремиться къ замѣнѣ его другимъ существомъ. Потому что такое стремленіе противоестественно, и такое оцѣнивающее отношеніе невозможно; такъ какъ ему не на что опереться и не изъ чего изойти. И въ самомъ дѣлѣ, если что либо не случайно и не временно является частью другого (въ такомъ случаѣ оно было бы самостоятельно, такъ какъ до соединенія пребывало бы отдѣльно отъ того, чего потомъ стало частью), но входитъ въ его сущность постояннымъ и неизмѣннымъ элементомъ, какъ напр. по обсуждаемому предположенію психическія явленія входятъ нераздѣльною частью въ организмъ; то ясно, что и для цѣлаго необходима эта часть, и для части необходимо это цѣлое. Не будучи отдѣлены другъ отъ друга, не зная другого существованія, кромѣ совмѣстнаго, и не испытавъ совмѣстности ни съ чѣмъ другимъ, какъ только другъ съ другомъ — какъ могутъ это цѣлое и часть почувствовать неудобство этой

совмѣстности, которое одно могло бы стать источникомъ этого оцѣнивающаго отношенія? И на что могло бы опереться это оцѣниваніе со стороны части или свойства, кромѣ какъ на то одно, что составляетъ сущность и цѣлое для него, и что именно и оцѣнивается? И что̀ есть въ свойствѣ или въ части, что независимо отъ цѣлаго или сущности и даже въ противорѣчіи съ ними могло бы создать въ себѣ образъ или понятіе о чемъ-то другомъ, лучшемъ, нежели это цѣлое или сущность. А между тѣмъ въ отношеніяхъ духа къ тѣлу есть это оцѣниваніе: духъ сдерживаетъ многія изъ естественныхъ стремленій тѣла, осуждаетъ ихъ и порою уничтожаетъ; таковы всѣ проявленія грубой чувственности, естественныя въ тѣлѣ, какъ физическомъ организмѣ, и осуждаемыя духомъ (чувство стыдливости), что не могло бы имѣть мѣста, еслибъ духъ въ дѣйствительности былъ только свойствомъ организма.

Наконецъ *не можетъ свойство по своей природѣ быть отличнымъ отъ того, чего оно есть свойство.* Такъ пространственнымъ формамъ могутъ быть присущи только пространственныя же свойства, т. е. соотношенія съ пространствомъ; такъ свойства движенія не могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ отношеніями къ соединенному пространству и времени. Какомъ, къ какому порядку бытія принадлежитъ существо, къ тому же порядку бытія принадлежитъ и его свойство. Не можетъ напр. ни линія обладать тяжестью, ни движеніе — цвѣтомъ или запахомъ. Между тѣмъ мышленіе, чувство, воля не одной природы съ организмомъ. Различіе между геометрическою теоріею предѣловъ и мускулами, между добротою и кровью, между стремленіемъ къ красотѣ и веществомъ мозга еще болѣе и глубже, чѣмъ различіе напр. между прямою и тяжестью, или движеніемъ и запахомъ. Здѣсь несоизмѣримость яснѣе, очевидность, что одно не укладывается въ другое, не есть часть этого другого — поразительнѣе.

Такимъ образомъ *всѣ отношенія духа къ тѣлу суть отношенія не свойства къ сущности, но сущности же къ сущности (существа къ существу).* Перейдемъ теперь къ раз-

смотрѣнію того, что указываетъ на нематеріальность этого, уже несомнѣнно самостоятельнаго, существа.

V. Сюда относится прежде всего фактъ что *ничто изъ вещественнаго не обнаруживаетъ своего вліянія (непосредственнаго дѣйствія) на духовное, и наоборотъ — ничто изъ духовнаго не вліяетъ (непосредственно не дѣйствуетъ) на вещественное.* За явленіями психическими и матеріальными скрываются два существа, изъ которыхъ для одного не существуетъ другое. И въ самомъ дѣлѣ, ни порядокъ, ни направленіе, ни сила напр. мышленія не измѣнятся, какимъ бы веществомъ и въ какихъ бы количествахъ ни былъ окруженъ человѣкъ; между тѣмъ какъ всякое существо съ несомнѣнно физическимъ характеромъ непремѣнно почувствуетъ на себѣ вліяніе окружающей физической массы. И наоборотъ: вещество физическое никогда не ощутитъ на себѣ вліянія человѣческаго духа, какъ бы силенъ онъ ни былъ и какъ бы близко къ этому веществу ни находился онъ. Словомъ, духъ не чувствуетъ присутствія вещества и вещество не чувствуетъ присутствія духа, и это такъ общеизвѣстно, что противное сочлось бы за чудо [1]): было бы чудомъ, напр., если бъ че-

[1]) Любопытный примѣръ путаницы понятій представляетъ тотъ фактъ, что спиритуалисты всегда стремились утвердить свою вѣру въ существованіе духа указаніемъ на такія чудеса, а матеріалисты стремились поколебать эту вѣру и поддержать свое невѣріе доказательствомъ, что такихъ чудесъ нѣтъ. При этомъ спорныя чудеса всегда были фактами вліянія духа на вещество (онъ сказалъ, чтобы гора сдвинулась — и гора сдвинулась, или въ новѣйшее время: спиритъ захотѣлъ, чтобы столъ поднялся — и столъ поднялся) и вещества на духъ (животный магнетизмъ, месмеризмъ). Между тѣмъ въ дѣйствительности каждая изъ ожесточенно спорившихъ сторонъ спорила не за то, что защищала, но за то, что опровергала, т. е. не за себя, а за противную сторону. И въ самомъ дѣлѣ: существованіе психическихъ явленій — мышленія, чувства, воли всегда было фактомъ, который не вызывалъ опроверженій и не нуждался въ подтвержденіяхъ по своей очевидности для всякаго. Весь вопросъ былъ въ томъ, что скрывается, какъ производящій источникъ, за этими явленіями — вещество ли, или нѣчто отличное отъ него, что какъ таковое и получало особое названіе — духа. Теперь, когда спиритуалисты, думая поддержать свою вѣру въ существованіе духа, какъ начала отличнаго отъ матеріи, приводили факты, что человѣкъ своимъ мышленіемъ или желаніемъ приводитъ въ движеніе вещество, то этимъ они доказывали только, что духъ самъ есть вещество, или, что тоже, что духа, какъ начала отличнаго отъ вещества, нѣтъ: а когда матеріалисты утверждали, что такихъ фактовъ движенія вещества духомъ

ловѣкъ однимъ желаніемъ могъ сдвинуть вещь, или одною идеею порядка могъ размѣстить вещи извѣстнымъ образомъ, или однимъ гнѣвомъ на что либо матеріальное — уничтожить или разрушить его. Равнымъ образомъ и противное сочлось бы за чудо: было бы чудомъ, еслибъ близость большой горы какъ нибудь вліяла на мышленіе, или близость большихъ залежей желѣза или какого другого вещества вызывала бы чувство радости у тѣхъ, кто на поверхности земли живетъ надъ ними.

Второе доказательство нематеріальности того источника, откуда исходятъ психическія явленіи, основывается на *законѣ тожества между природою производящей причины и производимаго слѣдствія*. Слѣдствіе всегда есть слѣдствіе только своей причины и поэтому природы, измѣненной въ сравненіи съ природою причины, въ немъ не откуда взяться: въ причинѣ ея нѣтъ, а не изъ причины она не можетъ явиться, потому что это другое, откуда она явилась бы, и была бы ея причиною; т. е. опять въ слѣдствіи была бы природа только причины же. Приложимъ этотъ законъ къ источнику психическихъ явленій и къ тому, что производитъ онъ. Вещество никогда не создавалось и не можетъ создаться духомъ; а то, что создавалось имъ, всегда было не вещество. Такъ теорема, что квадратъ гипотенузы равенъ суммѣ квадратовъ катетовъ, равно и всякая другая истина, какъ извѣстнымъ образомъ соединенныя между собою мысли, не имѣютъ въ себѣ ничего матеріальнаго. А между тѣмъ и эта теорема и другія истины вышли, какъ изъ источника своего, изъ того, вещественность или невещественность природы чего въ насъ возбуждаемъ сомнѣніе. Далѣе, возьмемъ формы государствъ: то, что обнимается этими формами (т. е. совокупность людей и земель со всѣмъ тѣмъ,

---

[1] Но и не можетъ быть, то они утверждали именно то, что въ человѣкѣ есть нѣчто несомнѣнно не матеріальное, т. е. духъ. Потому что, пока во все время спора существованіе явленія, матеріальность или духовность источника которыхъ возбуждала сомнѣніе, оставалось общепризнаннымъ (съ той и другой стороны) фактомъ.

что есть у нихъ и на нихъ) вещественно и не создано духомъ; самыя же формы, то что обнимаетъ это вещественное, суть идеи о должныхъ отношеніяхъ между людьми, не заключающія въ себѣ ничего вещественнаго — и онѣ то именно созданы духомъ. Также въ картинѣ полотно и краски не суть произведенія духа и матеріальны; но выраженіе напр. грусти въ нарисованномъ образѣ вышло изъ духа художника, и оно не матеріально (*состоитъ не изъ* красокъ, но *выражено черезъ* извѣстное соединеніе красокъ). Словомъ, неизмѣнно и постоянно изъ того, чего природу мы опредѣляемъ, исходятъ не матеріальныя вещи; а то матеріальное, соединяясь съ чѣмъ онѣ получаютъ видимое существованіе, исходитъ не изъ него, но было прежде въ физическомъ мірѣ. Слѣдовательно эта неизвѣстная природа, источникъ не матеріальныхъ истекающихъ вещей, не вещественна. Итакъ какъ ранѣе было доказано, что она есть существо, то слѣдовательно *есть духъ, какъ не матеріальное существо.*

Это доказательство таково, что для всякаго непредубѣжденнаго ума, который вдумается въ него, существованіе духа какъ не матеріальнаго существа должно стать столь же очевиднымъ, какъ для видящаго паденіе камня очевидно, что есть кто-то (или что-то), кто его подбросилъ; потому что природа доказательства въ обоихъ случаяхъ одна и таже. И какъ человѣкъ, видя падающій къ своимъ ногамъ камень, оглядывается не для того чтобы убѣдиться, что дѣйствительно *есть* тотъ, который его бросилъ, но только для того, чтобы узнать — *кто* онъ; такъ и то, что остается для непредубѣжденнаго ума послѣ приведеннаго доказательства, есть единственно познаніе духа, его природы и свойствъ, но уже не существованія.

VI. Однако такъ какъ изъ всѣхъ людей наиболѣе жаждущіе и достойные убѣжденія суть всегда предубѣжденные, то мы и остановимся на томъ, что — какъ это испытали мы сами — всего сильнѣе удерживаетъ отъ признанія духа, какъ особаго отъ тѣла существа. Сюда

относятся два факта: *несомнѣнная связь между духомъ и тѣломъ*; и *отсутствіе въ природѣ внѣшней еще гдѣ нибудь духа, кромѣ человѣка.*

Правда что духъ, вообще господствующій надъ тѣломъ, находится также и въ зависимости отъ него. Но доказываетъ ли это, что духъ есть функція тѣла (отправленіе его)? Столь же мало, какъ зависимость тѣла показываетъ, что оно есть функція духа. Я хочу (это есть несомнѣнно психическій фактъ) писать это сочиненіе и у меня есть мысли, которыя я изложу въ немъ; и вотъ моя рука (часть тѣла) беретъ перо и движется, направляемая мыслью. Значитъ ли это, что движущаяся рука есть только проявленіе моего желанія и моей мысли? Разсмотримъ тщательнѣе слѣдующій поразительный примѣръ, въ которомъ зависимость двухъ началъ, несомнѣнно отдѣльныхъ и различныхъ по природѣ, во всемъ подобна зависимости души отъ тѣла, и есть даже въ дѣйствительности тѣнь, отраженіе этой послѣдней. Передо мной виситъ картина, изображающая грустное лицо, и живость, съ которою нарисована она, такъ велика, что всякій разъ, когда я смотрю на нее, во мнѣ невольно пробуждаются грустныя чувства. Теперь я беру ее и стираю, порчу черты лица; выраженіе исчезло; я вижу передъ собою попорченный образъ, который на меня уже не производитъ болѣе прежняго впечатлѣнія. Что мы наблюдаемъ при этомъ? Измѣнилось расположеніе красокъ (пусть я стеръ такъ искусно, что онѣ не остались на губкѣ, но только размазались на картинѣ), т. е. вещества, и по мѣрѣ того какъ происходило это измѣненіе — начало исчезать, а затѣмъ и совершенно пропало и выраженіе грусти въ лицѣ. Теперь, было ли это выраженіе грусти присуще самымъ краскамъ, или оно нѣчто незаписимое отъ нихъ, привнесшееся къ нимъ, чтобы въ нихъ видимо выразиться? Нѣтъ, потому что мы знаемъ, что грустное чувство прошло нѣкогда по душѣ художника и черезъ образъ, возникшій въ немъ, онъ выразилъ это чувство въ веществѣ. То-есть померкавшая и затѣмъ исчезнувшая грусть въ картинѣ есть *особое* отъ

7

картины существо. Оно *было ранѣе* картины, и самая даже картина была нарисована для того, чтобы воспринять въ себя это существо. Такъ точно съ болѣзнью, когда неправильно измѣняется, «стирается» прежнее устройство нервныхъ центровъ, правда человѣкъ теряетъ сознаніе, или это сознаніе становится неправильнымъ. Но какъ ошибочно было бы думать, что грусть въ нарисованномъ образѣ есть только свойство красокъ, потому что исчезаетъ съ измѣненіемъ расположенія ихъ; такъ ошибочно умозаключать, что утраченное сознаніе есть отправленіе разстроеннаго мозга потому только, что съ этимъ разстройствомъ и въ зависимости отъ него оно утратилось. Какъ въ картинѣ краски, такъ и въ психическихъ явленіяхъ мозгъ есть *не причина, изъ которой исходитъ слѣдствіе,* но побочное *условіе, которое или задерживаетъ или измѣняетъ это слѣдствіе, идущее отъ другого источника.*

Второй фактъ, что ничего подобнаго человѣческому духу нигдѣ, кромѣ человѣка, не замѣчается въ природѣ, долженъ возбуждать гораздо менѣе сомнѣнія и вообще незначителенъ. Даже и между чисто физическими силами весьма многія долго оставались скрытыми отъ человѣка, проявляясь замѣтнымъ для него образомъ въ одномъ или нѣсколькихъ предметахъ (электричество въ янтарѣ при натираніи его, діамагнитизмъ въ немногихъ металлахъ). И какъ эти одинокіе факты, разъ надъ ними задумался человѣкъ, повели къ тому, что внимательнѣе всматриваясь въ природу онъ открылъ обширнѣйшія области могущественнаго дѣйствія новыхъ для себя силъ, такъ, быть можетъ, со временемъ всмотрѣвшись глубже въ Космосъ — онъ откроетъ въ немъ повсюду вліяніе психическаго начала.

Многимъ внушаетъ также сомнѣніе, — но это уже не убѣждающій фактъ, а подавляющая убѣжденіе сила авторитета — что столько умовъ такой признанной силы утверждаютъ, что психическія явленія суть отправленія мозга. Это имѣетъ простое объясненіе: здѣсь дѣйствуетъ ассоці-

ація идей, не замѣчаемая тѣми на кого она дѣйствуетъ именно вслѣдствіе своей могущественности. Всѣ, которые занимаясь физіологіею задумывались надъ происхожденіемъ психическихъ явленій, невольно объясняли ихъ физіологическими причинами, потому что ихъ мысль вжилась въ эти причины. Но и всѣ, которые занимались наблюденіями исключительно надъ психическими явленіями, т. е. субъективнымъ анализомъ, также объясняли ихъ съ точки зрѣнія духа, какъ самостоятельнаго существа. Силу ума и слѣдовательно свободы отъ невольныхъ привычекъ профессіи мы не будемъ оцѣнивать у тѣхъ и другихъ; хотя вообще перевѣсъ склоняется здѣсь на сторону идеалистовъ, такъ какъ по общему признанію всѣхъ людей они принадлежали къ первымъ умамъ всего человѣчества. Платонъ и Аристотель въ древнее время, Декартъ, Спиноза и Кантъ — въ новое по могуществу и точности мышленія никогда не имѣли себѣ равныхъ. Это вершины психическаго развитія, выше которыхъ никогда не поднимался человѣкъ. Но не мнѣнія, кѣмъ бы ни высказывались они, важны здѣсь, а доказательства; а ни одному изъ физіологовъ еще не удалось обнаружить процессовъ, посредствомъ которыхъ напр. понятія отдѣляются отъ мозга. И даже никто этого не пытался сдѣлать, такъ какъ процессы эти внутренніе и не могутъ быть наблюдаемы. Единственное же, что доказывали они и на чемъ основывалось всегда ихъ мнѣніе, что духъ есть отправленіе мозга — есть зависимость психическихъ явленій отъ мозга; что хотя и справедливо, но ничего не доказываетъ. Мозгъ есть не причина, производящая психическія явленія, но условіе, при которомъ они происходятъ въ духѣ. Не различеніе здѣсь причинности производящей отъ причинности обусловливающей то, что уже ранѣе и другимъ произведено, есть именно то отсутствіе тонкости и отчетливости въ мышленіи, которое всегда было такъ чуждо названнымъ идеалистамъ, и такъ не чуждо обыкновеннымъ умамъ.

Но въ самой области физіологіи есть одинъ фактъ, ко-

торый, мы увѣрены, непреодолимо убѣдитъ тѣхъ, которые посвятили себя этой наукѣ, что психическія явленія не суть отправленія мозга. Его доказательная сила такъ поразительна, что причина, почему до сихъ поръ никто не воспользовался имъ для разъясненія отношеній духа къ тѣлу, можетъ заключаться только въ томъ, что онъ, какъ и все лежащее прямо передъ глазами, не остановилъ на себѣ ничьего вниманія. Его всѣ видѣли, и потому именно никто не замѣчалъ. Искали тончайшихъ доказательствъ въ отдаленнѣйшихъ областяхъ знанія, когда доказательство, не нуждающееся въ подкрѣпленіяхъ и разрѣшавшее споръ, лежало при самомъ входѣ въ науку. Это — *способность всякаго органа только къ одному отправленію, постоянному во времени, неизмѣнному въ формѣ, съ тожественнымъ содержаніемъ.* И въ самомъ дѣлѣ, ни одинъ изъ органовъ человѣческаго тѣла не можетъ ни на минуту пріостановить своего отправленія, не можетъ ни въ чемъ измѣнить процесса этого отправленія, не можетъ нисколько разнообразить своего содержанія, — и это общій законъ природы, не только человѣческой, но и вообще органической. Такъ сердце не можетъ то сжиматься, то не сжиматься; въ кровеносныхъ сосудахъ кровь не можетъ течь то въ одномъ направленіи, то въ другомъ; поджелудочная железа не можетъ выдѣлять изъ себя то одинъ сокъ, то другой. Каждый изъ этихъ органовъ, какъ и всякій другой, дѣйствуетъ *постоянно такъ же надъ тѣмъ же.* Это законъ тожества функціонированія въ органическомъ мірѣ, основной для него и отличительный. Онъ опредѣляетъ, что въ каждомъ органѣ полная функція неизмѣнно повторяется въ слѣдующей полной функціи, съ сохраненіемъ тожества въ продолжительности, въ формѣ процесса и въ содержаніи того, что процессируетъ. Нарушенія этого закона никогда не происходитъ, и оно невозможно физически и немыслимо для разума; задержаніе же его причиняетъ болѣзнь, когда оно незначительно, и смерть — когда значительно. Основывается же онъ на сущности органа, какъ своеобразной и цѣ-

лесообразной части организма, согласно съ которою въ органѣ въ слѣдующій моментъ не можетъ произойти ничего, чего не произошло въ моментъ предъидущій,— именно того одного отправленія, для котораго онъ предназначенъ своимъ строеніемъ и въ выполненіи котораго состоитъ жизнь его. Теперь обратимся къ психическимъ явленіямъ и посмотримъ, таковы ли они, чтобы ихъ можно было отнести, какъ отправленія, къ мозгу, какъ своему органу? Нѣтъ, психическія явленія въ послѣдующія времена не суть тоже, что въ предъидущія, ни по продолжительности, ни по формѣ, ни по содержанію; напротивъ во всемъ этомъ они безконечно разнообразятся, не сдерживаемыя никакимъ закономъ; словомъ они не суть функціи не только мозга, но и никакого органа. Никакой повторяемости нѣтъ въ психической жизни человѣка. Сегодня я радуюсь, завтра грущу; теперь ни о чемъ не думаю, но сейчасъ буду рѣшать геометрическую задачу; въ послѣднее время испытываю ко всѣмъ зависть и желаю всѣмъ зла, а прежде былъ со всѣми простодушенъ и добръ. При этомъ когда я отъ мышленія перехожу къ чувству или отъ чувства къ желанію — происходитъ перемѣна въ формѣ функціи; когда думаю объ одномъ и потомъ о другомъ, или отъ одного чувства перехожу къ другому — происходитъ перемѣна въ содержаніи функціи; когда отъ равнодушнаго состоянія перехожу къ дѣятельному — происходитъ остановка и возобновленіе функціи, или по крайней мѣрѣ замедленіе и ускореніе ея. И все это въ неопредѣленные промежутки времени, съ неопредѣленнымъ разнообразіемъ содержанія формъ, и безъ всякаго болѣзненнаго ощущенія въ организмѣ. То-есть, если все это совершается въ мозгу, то онъ есть такой органъ, который въ противоположность всѣмъ другимъ можетъ то дѣйствовать, то не дѣйствовать, то съ однимъ содержаніемъ, то съ другимъ: подобно тому какъ еслибы легкія то дышали, то переставали дышать, и вдыхали бы то кислородъ, то какой нибудь другой газъ, въ одномъ случаѣ внутренно расширяясь всѣмъ существомъ своимъ

(какъ теперь), то просто образуя въ себѣ углубленіе. Но все это могло бы совершаться въ мозгу только въ такомъ случаѣ, еслибы въ послѣдующіе моменты времени онъ оставался не тѣмъ, чѣмъ былъ въ предъидущіе, т. е. постоянно видоизмѣнялся бы въ строеніи своемъ. Но тогда онъ не былъ бы уже органомъ. Итакъ, мозгъ есть или совершенно не органъ, или онъ не есть органъ мышленія и другихъ психическихъ явленій.

VII. Но предположимъ на время, что все сказанное не сказано, и посмотримъ, чѣмъ должно стать человѣческое міросозерцаніе съ отрицаніемъ духа, какъ самостоятельнаго существа. Мы утверждаемъ, что если даже принять это положеніе, если согласиться, что мышленіе есть отправленіе мозга, а мозгъ есть составъ изъ сѣры и другихъ веществъ находимыхъ въ природѣ, и все прочее подобное, — то это не будетъ имѣть существеннаго вліянія на самый характеръ міросозерцанія, и оно не станетъ отъ этого ни матеріалистическимъ, ни механическимъ. Отъ этого измѣнится только взглядъ на вещество — оно утратитъ свой грубый и пассивный характеръ, и на силы — онѣ утратятъ свое исключительно механическое значеніе. Въ философіи ничего не перемѣнится; переворотъ произойдетъ только въ спеціальныхъ наукахъ; не она окажется ложною, но онѣ неполными и несовершенными. И въ самомъ дѣлѣ, пусть духъ не существуетъ, но только вещество и силы. Фактъ существованія мышленія, чувства и воли отъ этого не измѣняется, и каковы бы ни были къ нему объясненія, онъ не утрачиваетъ своего великаго смысла. Если не въ духѣ, котораго нѣтъ, совершается мышленіе, проявляется чувство, обнаруживается воля, — то слѣдовательно въ веществѣ, которое одно въ природѣ. То-есть веществу присуща не одна пассивная способность перемѣщаться подъ давленіемъ механической силы, но и все то, что до сихъ поръ ошибочно приписывалось духу. Ничего не измѣняется въ міросозерцаніи человѣка. Онъ становится ближе къ природѣ и эта природа одухотворяется. Все озаряется но-

вымъ смысломъ и получаетъ новое значеніе, не худшее. Теперь уже не онъ сообщаетъ одухотворенныя формы нѣкоторымъ предметамъ природы, но природа въ немъ, какъ въ высшей формѣ своей, сосредоточила ту психическую силу, которая разлита во всей ней. Ничего не утрачивается изъ того, чѣмъ жило человѣчество въ лучшія времена свои: ни идеалы красоты, ни идеалы истиннаго, ни добро, какъ послѣдняя цѣль всего, не стираются изъ природы и не выходятъ изъ исторіи. Напротивъ все проникается ими — не въ одномъ человѣкѣ, но во всей природѣ живутъ они. Колеблется не существованіе ихъ, но глубже и шире понимается то, въ чемъ существуютъ они. Не духъ — его нѣтъ — стремится воплотить свои идеи красоты въ веществѣ; но само вещество стремится сложиться въ прекрасныя формы подъ вліяніемъ присущихъ ему идей прекраснаго (которыя есть), и эти же идеи вложило (быть можетъ въ сѣрѣ) въ природу человѣка — новый источникъ прекрасныхъ формъ, которыя онъ знаетъ не изъ опыта, но получилъ съ веществомъ, которое въ немъ. Не духъ стремится обнять міръ своими схемами, но въ самомъ мірѣ живетъ мысль, которая воплощается въ человѣкѣ, какъ одной изъ формъ вещества, и кто знаетъ — лучшей ли? быть можетъ есть еще совершеннѣйшія формы этого вещества, въ которыхъ сосредоточено могущественнѣйшее пониманіе и могущественнѣйшая воля. Не духъ стремится направить безжизненную природу къ нравственнымъ цѣлямъ, но она сама, эта природа, неудержимо стремится къ нимъ — и онъ еще знаетъ только ничтожную частичку ихъ. Словомъ, если есть мышленіе, цѣли, идеалы и другія психическія явленія (и въ этомъ никто не сомнѣвается), то есть или *духъ* и *вещество*, какъ два самостоятельныя и противоположныя одно другому начала; или есть *одухотворенное вещество* — одно, но съ двоякою природою, пассивное и дѣятельное, само изъ себя творящее формы, само себя устремляющее къ цѣлямъ, само себя понимающее; и ничего треть-

ято, отъ этого отличнаго, быть не можетъ[1]). Такимъ образомъ все, что идеализмъ утрачиваетъ въ духѣ съ его отрицаніемъ, онъ пріобрѣтаетъ въ матеріи; и все, что уничтожаетъ матеріализмъ въ духѣ, онъ находитъ у себя въ веществѣ. Ни одна изъ побѣдъ матеріализма не выиграна, даже если ему уступлены всѣ условія, на которыя онъ предъявляетъ притязаніе; ни одно изъ ученій въ идеализмѣ не колеблется, если даже онъ уступитъ во всемъ, что у него несправедливо требуется,— и все это такъ ясно и просто, что минетъ еще нѣсколько поколеній и людямъ покажется невѣроятнымъ тотъ фактъ, что былъ нѣкогда періодъ въ исторіи, когда торжествовалъ матеріализмъ и всѣ лучшіе умы подернулись отчаяніемъ, что въ его горькой истинѣ безвозвратно погибло все лучшее, чѣмъ нѣкогда жилъ и на что надѣялся человѣкъ.

Но все это только предположеніе. Въ дѣйствительности— и доказательства этого въ томъ, что, по условію, на время мы согласились забыть — нѣтъ психо-матеріи, но есть матерія и духъ, какъ два отдѣльныя другъ отъ друга начала, самосостоятельныя и противоположныя.

Теперь обратимся къ разсмотрѣнію того, что́ такое этотъ духъ, и въ особенности — что такое онъ въ своей творческой дѣятельности, какъ источникъ міра исходящихъ изъ него вещей. Раскрытіе его природы, какъ творческаго дѣятеля, объяснитъ намъ и тѣ особенности, которыя мы уже замѣтили въ немъ ранѣе. Какъ и прежде, мы будемъ изучать его черезъ изученіе того, что создается имъ.

VIII. Все, что творится духомъ и что́, исшедши изъ него, получаетъ свое особенное существованіе, пребываетъ не въ томъ чистомъ видѣ, въ какомъ оно вышло изъ своего источника, но *въ смѣшанномъ*: оно соединяется

[1]) Я мыслю, имѣю идеи нравственнаго, стремлюсь къ цѣлямъ; возможно ли усомниться въ этомъ? Итакъ, если не какъ духъ мыслю я, то вещество мыслитъ во мнѣ и черезъ меня; слѣдовательно есть вещество мыслящее, стремящееся и чувствующее,—т. е. одухотворенное.

съ тѣмъ, что уже ранѣе было въ физической природѣ. Такъ въ сотворенной статуѣ есть несотворенная глина; въ созданномъ государствѣ есть люди, земли и имущества, которыя были и ранѣе, чѣмъ жизнь получила правильное государственное устройство; въ болѣе чистомъ видѣ являются произведенія разума, но и въ нихъ къ чистымъ идеямъ истиннаго примѣшивается все то внѣшнее, что въ жизни народа служитъ наружнымъ проявленіемъ развивающейся науки и о чемъ мы говорили ранѣе, какъ не объ наукѣ—система учрежденій, способствующихъ заниматься ею, и научныя литературы, въ которыхъ она внѣшнимъ образомъ выражается. Поэтому для опредѣленія того, что́ именно исходитъ изъ духа, необходимо отдѣлить въ этихъ смѣшанныхъ вещахъ все, что идетъ отъ физической природы; чтобы распознать сотворенное, нужно распознать *не* сотворенное въ нихъ. Замѣтимъ, что всѣ эти смѣшанныя вещи принадлежатъ къ высшимъ типамъ бытія, сходнымъ съ тѣми, которые въ чисто физическомъ мірѣ заканчиваютъ собою развивающіеся процессы. Онѣ всего болѣе чужды хаотичности, безпорядка неустроенности. Что же въ этомъ не хаотичномъ, устроенномъ принадлежитъ физической природѣ? Именно то, что безвидно, что чуждо всякихъ ограничивающихъ предѣловъ, т. е. масса, вещество или вообще содержаніе. Со стороны же духа къ этой хаотичной массѣ приходитъ форма, которая превращаетъ ее, неустроенную и безвидную, въ оформленныя вещи. И ничего кромѣ формы не идетъ отъ духа, какъ ничего кромѣ вещества не идетъ отъ природы; за то вся форма принадлежитъ ему и все вещество принадлежитъ ей.

До какой точности и постоянства доходитъ въ смѣшанныхъ вещахъ эта разграниченность между идущимъ отъ природы и идущимъ отъ духа, это можно видѣть прослѣдивъ разнообразнѣйшія проявленія человѣческаго творчества. Въ образныхъ искусствахъ человѣкъ беретъ изъ природы массу — краски для живописи, мраморъ, глину или мѣдь для ваянія, — и этой взятой массѣ придаетъ

образъ, который уже ранѣе возникъ въ его душѣ. Здѣсь взятую массу мы должны разсматривать, какъ безвидную, хотя въ дѣйствительности она и имѣетъ нѣкоторый опредѣленный видъ въ тотъ моментъ, когда берется. Она безвидна по отношенію къ тому образу, который воплотитъ въ нее художникъ. Какъ и все въ природѣ, она не лишена очертаній, и смыслъ этого факта имѣетъ космическое значеніе; но для правильнаго пониманія духа человѣческаго важно, что человѣкъ не только не сохраняетъ во взятой массѣ прежней формы, но напротивъ тотчасъ разрушаетъ ее и придаетъ другую, вышедшую изъ его субъективнаго духа, форму. То-есть изъ природы онъ беретъ только чистое вещество, такъ какъ форма, которую оно по необходимости имѣло прежде, отбрасывается имъ. Въ поэзіи духу принадлежитъ также форма, какъ съ внѣшней стороны — что такъ ярко выражается въ различныхъ видахъ поэтическихъ произведеній (драма, лирика, эпосъ) и особенно въ стихотворческомъ ритмѣ, такъ и съ внутренней стороны — въ образахъ выводимыхъ лицъ, въ картинахъ описанія, въ порядкѣ повѣствованія. Въ случаѣ же, когда выводимые образы тусклы, произведеніе тогда только имѣетъ высокое значеніе поэзіи, когда въ него вложена какая либо глубокая мысль, выраженная символически — и тогда духу принадлежитъ форма этой мысли и порядокъ произведенія, складывающагося въ символъ. Въ музыкѣ природѣ принадлежатъ звуки, какъ извѣстныя вибраціи воздуха, но духу принадлежитъ форма, въ которую онъ сочеталъ эти звуки; и она такъ же прошла черезъ душу композитора прежде, чѣмъ выразилась въ звукахъ природы, какъ образъ лица прошелъ по душѣ художника прежде, чѣмъ появился на полотнѣ. Перейдемъ отъ искусства къ другимъ видамъ творчества. Въ произведеніяхъ разума мысль есть въ извѣстномъ порядкѣ соединенныя понятія, а сами они — въ извѣстномъ порядкѣ соединенныя мысли, т. е. форма оформленныхъ вещей. И со временемъ, если только наукѣ суждено когда нибудь завершиться, она вся станетъ одною мыслью, раскрываю-

щіяся формы которой охватятъ разбѣгающіяся формы бытія. Наконецъ въ государствѣ духу принадлежатъ формы, опредѣляющія отношенія между людьми; и эти формы такъ же проходятъ въ умѣ политика, прежде чѣмъ въ видѣ закона появятся въ дѣйствительности. До какой степени незначущее положеніе занимаетъ во всѣхъ этихъ видахъ творчества идущее отъ природы, это можно видѣть изъ того, какъ мало искусства въ простой массѣ красокъ или глыбѣ мрамора, какъ мало поэзіи въ наборѣ словъ, или науки — въ безсвязно набросанныхъ мысляхъ, или государственности — въ дикихъ племенахъ, населяющихъ землю; и далѣе, какъ мало увеличивается достоинство музыки—когда она играется громко, или статуи—когда она велика, или научнаго произведенія — когда оно растянуто, или государства (мы говоримъ о совершенствѣ его, какъ политической формы), когда оно велико или многолюдно.

Изъ всѣхъ приведенныхъ примѣровъ видно, что *слышанныя вещи, въ которыя составною частью входитъ человѣческое творчество, проходятъ какъ формы предварительно чрезъ творящій духъ человѣческій и уже потомъ, соединившись съ веществомъ природы, являются оформленными вещами въ дѣйствительности.* Музыка слышится въ душѣ композитора, образъ видится душою художника, политическая форма понимается умомъ политика, идея сознается въ духѣ мыслителя, и уже потомъ — слышанное играется, видѣнное рисуется, понимаемое осуществляется во внѣшнихъ конкретныхъ вещахъ.

Но какова природа творимаго, такова и природа творящаго; и если изъ духа исходятъ одѣ чистыя формы, то слѣдовательно и духъ есть только чистая форма; однако отличная отъ творимыхъ, потому что изъ нихъ уже не исходятъ новыя формы, но, подобно вещамъ физическаго міра, онѣ становятся неподвижны и недѣятельны. И притомъ изъ духа исходитъ не постоянно одна какая либо форма, но многія и различныя. Поэтому въ истинной природѣ своей *духъ есть форма формъ.* Подобно тому какъ солнце, стоя въ срединѣ исходящихъ изъ него лу-

чей, въ каждомъ изъ нихъ отражаетъ свою форму, такъ точно изъ духа, какъ средоточія Міра человѣческаго, исходятъ формы жизни, и онъ въ нихъ отражается.

Отсюда понятно, почему духъ не вещественъ. Форма въ своемъ чистомъ видѣ (а духъ есть чистая форма) и не можетъ быть вещественна; потому что когда къ ней примѣшалось вещество, есть уже оформленная вещь, но нѣтъ формы. Таковы всѣ смѣшанныя вещи, о которыхъ мы говорили и въ которыхъ ничто матеріальное не вышло изъ духа. Также что́ бы ни взяли мы въ физическомъ мірѣ, — выдѣлимъ изъ него то, *изъ чего* оно состоитъ, — и останется всегда чистая форма, въ которой нѣтъ ничего матеріальнаго.

Замѣчательны въ духѣ двѣ особенности, о которыхъ мы упомянули уже, но которыя заслуживаютъ, чтобы на нихъ остановится долѣе. Первая — то, что духъ творитъ не одинъ разъ какую либо форму, но неопредѣленное число разъ. Форма исходитъ и исходитъ изъ духа, и онъ никогда не утрачиваетъ способности снова и снова отдѣлять ее отъ себя. Это какая то общность духа. Онъ не есть форма одной *этой* исходящей изъ него формы, но *всѣхъ такихъ*. Каждая исшедшая форма конкретна и единична; то же, изъ чего изошла она, *во всемъ подобно исшедшему, но отличается тѣмъ только, что не единично и не конкретно, хотя одно;* это именно общность. Духъ есть общая форма всѣхъ единичныхъ исходящихъ изъ него формъ того же вида. Вторая особенность — та, что онъ творитъ не одну какую либо форму, но различныя, неимѣющія между собою ничего общаго кромѣ того, что всѣ онѣ формы, напр. форма государства и форма статуи. Это еще высшая ступень уже названной общности. Духъ есть не только *не эта* форма т. е. единичная, но и *не такая* т. е. общая всѣхъ единичныхъ сходныхъ; онъ вообще форма. Все ограничивающее и опредѣляющее есть онъ; но онъ не есть опредѣляющее и ограничивающее *такъ* (какимъ либо однимъ образомъ). Въ этомъ смыслѣ ему особенно присуще названіе формы формъ: онъ есть

то одно, что всѣ формы дѣлаетъ формою; есть условіе, которое, какъ только оно соблюдено въ чемъ либо, такъ это, въ чемъ соблюдено, становится формою; есть то, что въ самой формѣ есть форма. Въ самомъ дѣлѣ — формы бываютъ различныя; есть же одно, что въ нихъ входитъ во всѣ и вслѣдствіе чего онѣ всѣ становятся формами. Это то именно и есть духъ, входящій формою во всѣ формы.

Не безъинтересенъ при этомъ вопросъ: тѣми формами Міра человѣческаго, какія проявились въ исторіи и какія существуютъ теперь — не исчерпанъ ли духъ и исчерпаемъ ли онъ вообще? То есть это значитъ, могутъ ли еще появиться такія формы человѣческаго творчества и такіе типы, характеры жизни, которые не будутъ имѣть ничего сходнаго съ тѣми, какіе были и есть? возможно ли для человѣка что либо совершенно новое, еще никогда неиспытанное, чего даже въ воображеніи своемъ онъ не переживалъ? идеи совершенно неожиданныя, чувства еще ни разу неиспытанныя, искусства еще никогда невиданныя, отношенія между людьми, какихъ еще никто не пытался установить? Трудно сказать что либо объ этомъ, т. е. исчерпана ли и исчерпаема ли форма формъ. Но, какъ кажется, мало вѣроятнаго думать, что нѣтъ болѣе формъ творчества и жизни, и не во что болѣе входить духу, какъ опредѣляющему началу. Во всякомъ случаѣ въ виду возможности, и даже вѣроятной, такого новаго творчества, допустимо желать возможно бо́льшаго углубленія человѣка въ себя, и возможно меньшей связанности его природы тяжестью уже существующихъ формъ.

IX. Гораздо труднѣе, чѣмъ всѣ предъидущіе, вопросъ *о безсмертіи духа*. Здѣсь представляются два рѣшенія, взаимно противоположныя; и хотя доказательства вообще склоняются на одну сторону, но и другая сторона имѣетъ за собою если и не доказательство въ строгомъ смыслѣ, то нѣчто такое, что дѣлаетъ все сомнительнымъ въ этомъ вопросѣ, т. е. неяснымъ, запутаннымъ, непонятнымъ. Все, что мы можемъ понимать въ этомъ вопросѣ, указы-

даетъ не столько на безсмертіе духа, сколька на то, что онъ не можетъ быть смертенъ: нѣтъ того, что́ могло бы исчезнуть въ немъ; нѣтъ способа (модуса), какимъ могло бы совершиться это исчезновеніе; нѣтъ того, во что́ умирая могъ бы перейти онъ. Всякое умираніе, какъ мы понимаемъ его, есть расторженіе связи между веществомъ оформленной вещи и между формою, въ которую было заключено это вещество; *смерть есть отдѣленіе оформливающаго отъ оформливаемаго.* Поэтому разрушаться могутъ только оформленныя вещи, въ нихъ только, нѣкогда прошедшихъ, можетъ совершиться это распаденіе начала ограничивающаго, сдерживающаго что либо въ предѣлахъ, и ограниченнаго, сдерживаемаго (формы и матеріи). Такъ тѣло человѣка умираетъ, когда частицы вещества въ немъ, несдерживаемыя болѣе прежнею формою, распадаются; государство разрушается, когда отъ него отдѣляется политическая форма и то, что было подъ нею, становится простымъ географическимъ мѣстомъ и этнографическою массою; картина исчезаетъ, когда стерты въ ней очертанія; статуя уничтожена, когда уничтоженъ образъ въ ней; нарисованнаго круга нѣтъ болѣе, когда мѣлъ, которымъ онъ былъ нарисованъ, собранъ на стершей его губкѣ, а форма осталась невидимою на доскѣ; домъ уничтоженъ, когда куча дерева не имѣетъ уже болѣе вида дома. Словомъ, что бы мы ни взяли, сколько бы ни искали въ природѣ, во всемъ, что разрушается, умираетъ, исчезаетъ, мы не найдемъ ничего другого, кромѣ отдѣленія формы отъ вещества и, какъ слѣдствіе этого, распаденіе вещества на свои первоначальныя части — тѣ, *которыя формою же были собраны въ то сложное цѣлое, что умерло.* Поэтому въ природѣ есть много такого, что никогда не разрушится — именно все, что не принадлежитъ къ оформленнымъ вещамъ. Неуничтожимаго, вѣчнаго въ ней гораздо болѣе, чѣмъ временнаго, уничтожающагося. Разрушается, собственно, только одна категорія бытія; и только потому, что принадлежащее къ ней очень многочисленно и постоянно окружаетъ человѣка, въ послѣднемъ сложи-

лось непреодолимое и совершенно ложное убѣжденіе, что нѣтъ ничего, что бы не разрушилось когда нибудь. А между тѣмъ никогда не нарушится отношеніе діаметра къ окружности, никогда не исчезнутъ силы природы и законы, по которымъ онѣ дѣйствуютъ; никогда не исчезнутъ геометрическія формы, и многое другое. Теперь, *что́* же именно и *какъ* можетъ разрушится въ духѣ, какъ чистой формѣ? Ясно, что разрушенія въ томъ смыслѣ, какъ оно существуетъ для оформленныхъ матеріальныхъ вещей, для него нѣтъ. Нѣтъ въ немъ частицъ, которыя отдѣлившись другъ отъ друга раздались бы въ стороны, потому что не только самый духъ, но и всѣ явленія въ немъ пребываютъ въ одномъ времени: не можетъ одна часть духа пойти вправо, а другая влѣво, или та вверхъ, а эта внизъ, какъ нѣтъ праваго и лѣваго, низа и верха для мышленія, чувства и воли. Не могутъ части духа (какъ это бываетъ во всемъ умирающемъ) размѣститься иначе, чѣмъ были размѣщены прежде, когда онѣ *никакъ* не размѣщены. Но если не разрушенія въ томъ смыслѣ, какъ оно обыкновенно понимается, то хотя чего нибудь соотвѣтствующаго ему не можетъ ли произойти въ духѣ, какъ въ формѣ? Все, что могло бы соотвѣтствовать разрушенію — есть *измѣненіе;* а то, что противоположно ему, что есть его отрицаніе, это — *тожество.* Что изъ этихъ двухъ категорій, обширнѣйшихъ нежели жизнь и смерть, присуще духу? Измѣниться форма можетъ только въ предѣлахъ формы же, и именно — стать другою, отъ прежней отличною; но перейти въ другой родъ бытія, переставъ быть формою, она не можетъ, равно какъ не можетъ и исчезнуть. Такъ окружность разорвавшись можетъ стать разомкнутою кривою; но она не можетъ ни пропасть совершенно, ни стать силою, закономъ, веществомъ или какимъ другимъ бытіемъ, отличнымъ отъ формы. Форма же формъ, которая и не имѣетъ какого либо одного вида, *этого* опредѣленнаго, въ какую бы форму ни переходила — всегда останется тожественною самой себѣ, и даже не измѣнится переходя. Разрушеніе, какое только возможно

для формы, уже заключено въ ней отъ начала, пребываетъ въ ея природѣ, какъ присущее ей; потому что это разрушеніе, каково бы оно ни было, есть переходъ формы въ форму же черезъ форму (процессъ), и какъ таковое — входитъ въ форму формъ. Такимъ образомъ смерть, исчезновеніе входитъ, какъ одна изъ составныхъ сторонъ, въ самое существо духа, и умираніе — въ жизнь его. Заключенное въ немъ, оно не можетъ уже появиться, или появившись — привнести чего либо, чего въ немъ не было прежде.

Все это, основанное на разсмотрѣніи природы духа, совпадаетъ съ тѣмъ, что можетъ быть выведено изъ разсмотрѣнія создаваемаго имъ. Формы, которыя отдѣляетъ духъ, не разрушаются; и поэтому не можетъ разрушиться онъ, источникъ ихъ. Такъ государственность, какъ форма опредѣляющая жизнь народовъ, не пропадаетъ при разрушеніи самыхъ государствъ, *этихъ* единичныхъ, но только отдѣляется отъ нихъ и они пропадаютъ, оставленныя ею. Она же входитъ въ жизнь новыхъ народовъ, и эта жизнь становится государственною и остается таковою все время, пока и отъ нея не отдѣлится форма, чтобы перейти въ другую жизнь. Такъ истина, что сумма угловъ въ треугольникѣ равна двумъ прямымъ угламъ, никогда не можетъ исчезнуть. Она разрушилась бы только тогда, когда перестала бы быть истиною или вообще когда что нибудь разстроилось бы, измѣнилось въ ней. Но ясно, что ничего подобнаго никогда не произойдетъ и не можетъ произойти съ нею. Такъ настроеніе, нѣкогда прошедшее по душѣ художника и выраженное имъ въ прекрасномъ образѣ, никогда не исчезнетъ изъ этого образа и будетъ пробуждаться изъ вѣка въ вѣкъ въ душѣ каждаго, кто смотритъ на этотъ образъ. И мы даже не можемъ себѣ представить, какимъ бы образомъ могла исчезнуть мысль — разъ сохранилось выраженіе, въ которомъ заключена она, или чувство — разъ сохранились неизмѣнно черты или звуки, запечатлѣнныя имъ, или какая либо политическая форма, или вообще что либо подобное изъ

созданій духа. Мы ясно чувствуемъ ихъ безсмертіе, и не было бы ни исторіи, какъ пониманія прошедшаго, ни развитія въ ней, какъ дальнѣйшаго усовершенствованія потомками того, что передано имъ предками, еслибъ при сохраненіи формы въ произведеніяхъ духа могло исчезать то, что заключено имъ (духомъ) въ этихъ формахъ. Но — и здѣсь мы подходимъ къ тому, что дѣлаетъ все неяснымъ и смутнымъ въ вопросѣ о безсмертіи духа — каково отношеніе этого вложеннаго содержанія къ заключающей формѣ? и остается ли оно, и если да — то въ какой формѣ и гдѣ пребываетъ, когда разрушается, стирается, затеривается эта грубая вещественная форма, звуки, краски, мраморъ и пр.? Возвратимся къ примѣру, который мы уже разсматривали. Когда стираются на картинѣ черты лица, въ которыхъ была выражена и которыя пробуждали грусть, пропадаетъ ли и эта грусть. Гдѣ стертыя краски — мы знаемъ; но куда исчезаетъ, гдѣ находится выраженное и пропавшее чувство теперь — этого никто не знаетъ, и на это никто не съумѣетъ дать отвѣтъ; а между тѣмъ, разъ оно было, и притомъ ранѣе и независимо отъ выразившихъ его красокъ (въ душѣ художника), оно не могло исчезнуть вмѣстѣ съ ними и *въ нихъ*. Здѣсь, повидимому, мы имѣемъ дѣло съ безслѣднымъ исчезновеніемъ. — хотя вѣдь черты, образъ какъ пространственное очертаніе и было ранѣе картины, и остается, когда исчезла она, и вообще есть въ каждой частицѣ пространства. Но вотъ еще фактъ, который уже внушаетъ намъ сомнѣніе — дѣйствительно ли въ произведеніяхъ духа съ исчезновеніемъ формы пропадаетъ и самое содержаніе ея. Возьмемъ какую либо геометрическую теорему и разсмотримъ три случая: во-первыхъ, пусть она открыта и сообщается кѣмъ либо, но нигдѣ не записана, т. е. не выражена ни въ какихъ знакахъ, не имѣетъ для себя, какъ для содержанія, никакой формы — таковъ бываетъ первый пріемъ всякой вновь находимой истины; во-вторыхъ, пусть она открыта и записана гдѣ либо, но никѣмъ не [illegible] — какъ это было напр. со множествомъ истинъ,

открытыхъ въ древности и забытыхъ въ эпоху, послѣдовавшую за паденіемъ языческаго міра; и наконецъ въ третьихъ — пусть она и не записана, и не сознается. Въ какомъ изъ этихъ трехъ случаевъ существуетъ истина, выраженная въ теоремѣ? Относительно существованія ея въ первыхъ двухъ случаяхъ не можетъ быть сомнѣнія; въ первомъ — когда она сознается только — потому, что она тотчасъ можетъ быть обнаружена сознающимъ въ звукахъ или письменныхъ знакахъ, а то, чего нѣтъ — нельзя обнаружить; во второмъ — когда она только записана — потому, что она тотчасъ будетъ сознана, какъ только будутъ прочтены словесные знаки, въ которыхъ она выражена, и тогда не будетъ ничѣмъ отличаться отъ несомнѣнно существующихъ истинъ. Но если она существуетъ и тогда, когда нигдѣ не записана, и тогда, когда никѣмъ не сознается, то слѣдовательно она есть и тогда, когда и не записана, и не сознается; т. е. когда не имѣетъ никакой формы, которая заключала бы ее,— подобно чувству грусти, которое запечатлѣно было въ нарисованномъ образѣ и пропало, повидимому, когда онъ стертъ. Это находитъ себѣ подтвержденіе и въ общемъ тайномъ сознаніи людей, и въ одномъ глубокомъ соображеніи: то, что выражено въ теоремѣ, напр. въ этой: «сумма угловъ въ треугольникѣ равна двумъ прямымъ угламъ», въ самомъ дѣлѣ существуетъ независимо отъ того, сознается или не сознается кѣмъ либо; да и тѣ, которые впервые сознаютъ ее, какъ и всякую другую истину, называютъ этотъ моментъ перваго сознанія *не изобрѣтеніемъ*, т. е. чѣмъ либо такимъ, что и появляется только въ моментъ сознанія, что имъ создается; но *открытіемъ*, т. е. только нахожденіемъ того, что уже ранѣе существовало, но оставалось скрытымъ и что теперь дѣлается яснымъ для всѣхъ, находя себѣ, какъ содержанію, соотвѣтствующую форму.

Если сосредоточивъ всѣ силы свои, мы вдумаемся въ это замѣчательное явленіе, мы поймемъ и вмѣстѣ признаемъ многое, чего не понимали и поэтому не могли признать прежде. Гдѣ существуетъ теорема ранѣе ея открытія —

а несомнѣнно, что она существуетъ; гдѣ существуетъ грусть, разъ прошедшая по душѣ художника, затѣмъ выраженная имъ въ образѣ и видимо исчезнувшая, когда этотъ образъ разбитъ,— тамъ же, въ такомъ же значеніи, и столь же несомнѣнно существуетъ и источникъ проявленія какъ этой истины, такъ и этого чувства— духъ человѣческій, когда организмъ или вещественная форма, его заключающая, разрушится, подобно тому какъ разрушается мраморъ статуи или стираются буквы книги. И здѣсь, въ этой невозможности сказать «гдѣ» заключается то непонятное, о чемъ мы сказали, что оно дѣлаетъ темнымъ вопросъ о безсмертіи духа. Но темное здѣсь — для силы представленія только, которое не можетъ преодолѣть привычекъ представленія только *этого* и только *здѣсь*, т. е. одного конкретнаго и притомъ связаннаго непремѣнно съ мѣстомъ, — привычекъ, которыя всѣмъ окружающимъ укрѣплялись и ничѣмъ никогда не ослаблялись. Здѣсь же, въ единичныхъ разобранныхъ нами явленіяхъ, открывается совершенно особая, никогда и ни въ чемъ еще не наблюдавшаяся форма существованія, которая не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ грубымъ существованіемъ, о какомъ единственно мы знаемъ черезъ наши органы чувствъ. И это существованіе столь же несомнѣнно, какъ то другое, прежде извѣстное и грубое, и для разума, которымъ единственно понимается, оно не менѣе очевидно, чѣмъ то послѣднее — для зрѣнія и осязанія. Гдѣ въ самомъ дѣлѣ существуетъ истина ранѣе ея сознанья? на что мы можемъ указать, какъ на заключающее ее? Въ пространственномъ смыслѣ — въ томъ, съ которымъ единственно свыклись наши понятія — ея нѣтъ. Она нигдѣ, это справедливо; и она есть — и это также справедливо, и не противорѣчитъ здѣсь одно другому, какъ противорѣчитъ во всемъ прочемъ, что мы знаемъ. Она не существуетъ ни въ какомъ мѣстѣ: все на что мы укажемъ, все что мы назовемъ, все о чемъ можемъ подумать — есть другое, есть не она; и однакоже она есть, существуетъ, не касаясь этого другого и не связанная съ нимъ,

повсюду и нигдѣ. Это существованіе, не соединенное ни съ какимъ мѣстомъ и чуждое всякаго средоточія, есть единственно чистая и совершенная форма существованія, гдѣ къ нему не примѣшивается ничего чуждаго, что внѣшнимъ образомъ опредѣляло бы его, т. е. ограничивало и стѣсняло бы его первоначальную и истинную природу, которая состоитъ въ соприкосновеніи ея съ пространствомъ — не съ *этимъ*, и не съ *тѣмъ*, вообще не съ мѣстомъ въ пространствѣ, но съ нимъ самимъ въ его цѣломъ.

X. Какъ творческій источникъ, духъ обладаетъ не только въ высокой степени общностью, но и тою особенностью, что исходящія изъ него формы, какъ бы раскрываясь, высвобождаютъ другъ изъ друга новыя и новыя формы, съ значеніемъ все болѣе и болѣе узкимъ, пока послѣдняя изъ нихъ, слившись съ веществомъ и оформивъ его, не станетъ *сотворенною вещью*. Такъ прежде всего, цѣльный какъ существо, онъ является подъ тремя формами: *разума*, который стремится понять все, *чувства*, которое стремится оцѣнить все, и *воли*, которая стремится осуществить все. Разумъ же является подъ низходящею формою *типовъ*, и каждый изъ послѣднихъ — подъ еще болѣе низходящею формою *состояній*, и только изъ послѣднихъ каждое непосредственно уже разлагается на акты творчества (единичные процессы пониманія). Такъ теорема, что «сумма квадратовъ, построенныхъ на катетахъ прямоугольнаго треугольника, равна квадрату, построенному на его гипотенузѣ», есть не созданіе духа въ его непосредственномъ значеніи; но духъ подъ формою разума, явившись своеобразнымъ типомъ у грековъ вообще и у Пиѳагора въ особенности, въ одинъ изъ моментовъ своего дѣятельнаго состоянія открылъ эту теорему. Тоже слѣдуетъ сказать о чувствѣ и объ волѣ. *Типы разума* различаются по *временамъ*, *расамъ*, *характерамъ* и выдающимся *индивидуумамъ*. Такъ въ Средніе Вѣка складъ разума былъ не тотъ, какой мы находимъ теперь; и въ этомъ лежитъ объясненіе какъ того явленія, что въ то время думалось многое такое и потому, что́ и почему мы уже не можемъ

думать теперь,— такъ и того, что въ новое время многимъ умамъ, напр. энциклопедистамъ, многое некрепне думавшееся въ средніе вѣка казалось просто обманомъ по отношенію къ другимъ и притворствомъ по отношенію къ себѣ. Такъ въ тѣ эпохи простое сравненіе считалось и доказывавшими и тѣми, кому доказывалось, за доводъ съ безусловнымъ значеніемъ, напр.: «дурной монахъ лучше хорошаго свѣтскаго человѣка, *подобно тому, какъ* золото, смѣшанное съ грязью, лучше чистой мѣди», или еще: «императорская власть ниже папской, *подобно тому какъ* луна, заимствующая свой свѣтъ, ниже солнца, которое свѣтитъ своимъ собственнымъ свѣтомъ», и многое другое. Или по расамъ: методъ, къ которому наиболѣе склонны французы, есть выведеніе изъ общаго частнаго, что такъ сказалось у нихъ въ великомъ развитіи математики, въ централизованномъ управленіи, въ систематичности законодательства, въ особенномъ характерѣ реформаціи (Кальвинъ) и философіи (Декартъ); англичанамъ же то, что изъ правильныхъ основаній выводится правильно, еще не представляется безусловною истиною, пока не подтвердится фактомъ; слѣдовательно ощущеніе доказательной силы логическаго вывода у нихъ не одинаково съ французами, и они склонны поэтому болѣе отъ частныхъ, очевидныхъ фактовъ восходить къ общимъ выводамъ, что такъ сказалось у нихъ въ опытной философіи Бэкона, въ децентрализованномъ управленіи, въ церкви, смѣшанной изъ католицизма и протестанства, въ несистематизированномъ законодательствѣ и многомъ другомъ. По характерамъ: человѣкъ со спокойнымъ характеромъ и слабою силою представленія образовъ способенъ прослѣдить за всѣми сложными доказательствами, которыя предъ нимъ развиваются, — и если ничего не найдетъ возразить ни противъ каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, ни противъ ихъ общей связи, то согласится съ ихъ общимъ выводомъ; человѣкъ же съ сильнымъ художественнымъ воображеніемъ прослѣдитъ всѣ доказательства, согласится съ каждымъ изъ нихъ порознь, но увидавъ не

нравящійся ему выводъ искренне назоветъ все разсужденіе вздоромъ и даже удивится, какъ можно искать съ помощью умозаключеній ту истину, которой достоинство или недостатки онъ привыкъ находить при помощи живыхъ образовъ своего воображенія. По выдающимся индивидуумамъ: почти всѣ великіе умы имѣютъ свой особенный, имъ только присущій складъ мышленія, подобно тому какъ великіе писатели имѣютъ каждый свой особый языкъ. И какъ послѣдній (по крайней мѣрѣ въ томъ, что касается древности) уже давно вызвалъ многія спеціальныя изслѣдованія, впрочемъ все еще недостаточныя, касающіяся лишь внѣшности, но не духа, — такъ со временемъ, можно надѣяться, логика займется изученіемъ умственнаго склада великихъ мыслителей, и творенія ихъ будутъ изучаться съ цѣлью не только найти, что они думали, но и опредѣлить — какъ думали. *Состоянія разума* должны быть изучены какъ нормальныя, такъ и ненормальныя. Къ первымъ относится напр. состояніе *созерцанія* истины, уже найденной; состояніе *мышленія*, какъ исканія истины; состояніе *сомнѣнія*, какъ неувѣренности въ найденной истинѣ; состояніе высшаго *творчества* или геніальности; состоянія *подавленности, скептицизма, усталости и возбужденія*. Ко вторымъ относятся состоянія близкія къ безумію и самое *безуміе*. Всѣ эти, какъ типы, такъ и состоянія познающей формы духа — должны быть поняты во всѣхъ сторонахъ бытія своего: въ формѣ существованія (что въ разумѣ есть норма, имѣющая всегда пребыть, и что составляетъ отступленіе отъ нормы, имѣющее исчезнуть); въ сущности (что происходитъ въ разумѣ при томъ или другомъ состояніи его, или какіе процессы преобладаютъ у того или иного типа); въ свойствахъ или вліяніи какъ на того, въ комъ разумъ, такъ и на того, кто съ имѣющимъ разумъ соприкасается; далѣе — въ происхожденіи своемъ (что въ исторіи и въ личной жизни способствуетъ появленію тѣхъ или другихъ типовъ ума, и что въ окружающемъ пробуждаетъ то или другое его состояніе); въ цѣляхъ или въ томъ, какое назначеніе выполняетъ и что

осуществляетъ каждый изъ такихъ типовъ и каждое изъ такихъ состояній въ жизни личной и исторической; въ сходствѣ и различіи между собою, и пр. Это изученіе можетъ повести ко многимъ интереснымъ открытіямъ и пролить много свѣта какъ на природу человѣка, такъ и на жизнь его.

XI. *Чувство*, какъ вторая изъ основныхъ формъ, подъ которою является духъ, должно быть познано въ разсматриваемомъ ученіи съ бо́льшею тщательностью, чѣмъ разумъ, потому что этотъ послѣдній уже изучался ранѣе въ ученіи о познающемъ, оно же дѣлается объектомъ пониманія впервые здѣсь. Прежде всего оно познается по схемамъ разума въ формѣ своего существованія, которое потенціально, такъ-какъ чувство нуждается въ своемъ объектѣ, какъ и мышленіе, но менѣе зависитъ отъ этого объекта, чѣмъ послѣднее (остается и тогда, когда исчезаетъ предметъ чувства); въ своей природѣ то-есть — такъ-какъ то, изъ чего чувство, опредѣлено, разъ извѣстно, что оно форма духа — въ своемъ внутреннемъ строеніи; въ своихъ аттрибутахъ — существенныхъ, производныхъ, опредѣляющихъ и произведенныхъ; въ своемъ происхожденіи; въ своемъ назначеніи, — гдѣ опредѣляется его вліяніе на жизнь индивидуальную, общественную, и его роль въ исторіи; наконецъ въ своемъ внутреннемъ сходствѣ и различіи (формахъ, подъ которыми оно является).

Ученіе о формахъ чувства неизмѣримо болѣе важно, нежели ученіе о типахъ и состояніяхъ разума; потому что тогда какъ въ послѣднемъ всѣ состоянія суть только отклоненія отъ одного — нормальнаго, и всѣ типы суть недоразвившіяся формы одного — основнаго, въ чувствѣ нельзя указать ни на одну форму, отъ которой происходили бы, какъ отъ первоначальной, другія формы, и всѣ онѣ суть творческіе источники самостоятельныхъ и важнѣйшихъ областей жизни. Между этими видами мы будемъ различать слѣдующіе: *волненія, состоянія, типы, настроенія* и собственно *виды*.

Волненія суть тѣ временныя чувства, которыя возникаютъ подъ вліяніемъ какого либо единичнаго дѣятеля.

и имѣютъ своимъ предметомъ единичный объектъ, напр. чувство зависти (всегда и необходимо къ чему нибудь), чувство довѣрія (всегда къ кому нибудь), чувство жалости, чувство страха и пр. Эти чувства чрезвычайно многочисленны, разнообразны и часты. Они въ значительной степени наполняютъ собою психическую жизнь человѣка, и служатъ производящимъ источникомъ всѣхъ его единичныхъ поступковъ — тѣхъ, которые не имѣютъ далекихъ цѣлей и изъ которыхъ слагается обычная жизнь обыкновенныхъ людей. Волненія, такимъ образомъ, съ одной стороны и важны, потому что ими производится чрезвычайно многое, и съ другой — незначительны, потому что среди этого многаго нѣтъ ничего важнаго. Замѣтимъ, что всѣ они не суть чистыя формы духа, но вызванныя чѣмъ либо внѣшнимъ раздраженія его.

Состоянія суть внутреннія отношенія чувства къ самому себѣ, напр. состояніе покоя, пробужденія, угасанія, напряженности, творчества. Такъ чувство красоты можетъ пробудиться во мнѣ и я буду повсюду искать удовлетворенія его; оно можетъ быть въ спокойномъ состояніи, и тогда встрѣчая прекрасное я буду понимать его и наслаждаться имъ, но не буду искать его; или оно можетъ достигнуть во мнѣ высокой степени напряженія, и я буду не во внѣшнемъ искать прекрасныхъ образовъ, но внѣшнее наполнять прекрасными образами, исходящими изъ меня.

Типы чувства суть тѣ особенные склады его, тѣ особенныя сочетанія однородныхъ видовъ его, которыя замѣчаются у всѣхъ людей въ различныя эпохи, или у различныхъ людей въ однѣ и тѣ же эпохи. Напр. складъ чувства въ періодъ Возрожденія и въ періодъ Реформаціи былъ не одинъ и тотъ же, или въ нашей жизни въ началѣ 20-хъ годовъ, въ 40-хъ и въ 70-хъ годахъ; или въ одно и то же время: у Руссо, Вольтера и Шиллера (у двухъ послѣднихъ это различіе особенно ярко выразилось въ томъ, что почувствовали они оба, мысленно созерцая одинъ и тотъ же образъ Жанны д'Аркъ; первый

при этомъ написалъ «Pucelle», а второй создалъ «Орлеанскую дѣву»). Типы чувства имѣютъ очень большое значеніе въ исторіи, и ихъ необходимо внимательно изучать и историку — чтобы понять, и политику — чтобы успѣть.

Настроенія суть чувства съ чрезвычайно общимъ характеромъ, которыя или совершенно не имѣютъ объекта, или нѣкогда имѣли его — и тогда были волненіями, а потомъ утратили, но остались сами, сохраняя неизмѣнно свою природу. Такъ напр. человѣкъ, потерявшій кого нибудь близкаго, сперва груститъ по утраченномъ, но потомъ, когда даже забывается утраченное, чувство неопредѣленной грусти все еще остается въ немъ, какъ бы разливается по его духу и превращается въ постоянное настроеніе, уже безпричинное и безпредметное. Но гораздо чаще настроенія бываютъ чистыми формами духа, которыя или только пробуждаются и укрѣпляются внѣшними единичными случаями (какъ смерть друга у Лютера), или даже совершенно не нуждаются въ такихъ случаяхъ хотя бы для пробужденія. Такъ Данте никогда не былъ и не могъ быть веселымъ человѣкомъ, Шиллеръ никогда не былъ и не могъ быть циничнымъ, Руссо никогда не могъ радоваться. Сознаніе этой безпричинности настроеній, или, что то же, ихъ чистоты, какъ произведеній духа, выразилось и въ языкѣ: «грустится», «радуется», «чувствуется неудовлетворенность» или «жаль всѣхъ» говорятъ обыкновенные люди, когда и у нихъ временно проступаютъ настроенія, вообще присущія только великимъ характерамъ.

Значеніе настроеній въ исторіи нельзя достаточно оцѣнить: все великое въ ней произведено ими. Религіи и революціи, искусство и литература, жизнь и философія одинаково получаютъ свой особенный характеръ въ настроеньи тѣхъ, кто создаетъ ихъ. Такъ чувство безнадежности и отчаянія глубоко отразилось въ буддизмѣ, чувство безсилія въ борьбѣ со зломъ — въ ученіи Зороастра. Искусства окрашиваются тѣмъ или другимъ чувствомъ, хотя предметъ ихъ — прекрасныя формы -

остается повсюду одинъ и тотъ же. Такъ чувство подавленности здѣсь на землѣ и надежда найти убѣжище и облегченіе на небѣ выразилось въ готической архитектурѣ; чувство довольства жизнью сказалось во фламандской живописи, восторженность и аскетизмъ — въ испанской, религіозная радость — въ итальянской. У поэтовъ настроеніе является всепроникающимъ чувствомъ, одѣвающимъ всѣ образы и звучащимъ во всей лирикѣ, какъ у Данте, Шиллера, Байрона и Гейне. У великихъ же писателей оно выражается въ языкѣ: такъ когда то же и съ тѣмъ же искусствомъ разсказывается Геродотомъ или Ѳукидидомъ, Ливіемъ или Тацитомъ — впечатлѣніе, выносимое читающимъ, бываетъ не одинаково. Это зависитъ именно отъ того неуловимаго, неподдающагося никакому анализу сочетанія словъ, которое безсознательно употреблялъ авторъ, которому непреодолимо покоряется читатель и которое глубже, чѣмъ въ другихъ языкахъ, названо у насъ «духомъ писателя». Настроеніе также не остается безъ вліянія и на философію. Такъ Малебраншъ, Спиноза, Беркли, Шопенгауэръ и Шеллингъ или, въ древнее время, эпикурейцы и стоики безсознательно для самихъ себя мыслили подъ сильнымъ давленіемъ настроенія, и невольно покоряли мысль свою чувству, предпочитая однѣ истины другимъ.

Виды чувства отличаются отъ настроеній тѣмъ, что они опредѣленны и имѣютъ объекты, а отъ волненій — тѣмъ, что объекты эти не единичны и находятся не внѣ духа, но въ немъ самомъ. По съ настроеніями они имѣютъ сходство въ продолжительности, и потомъ вообще взаимно вліяютъ одно на другое. Едва ли настроеніе не есть болѣе общая форма чувства, разрѣшающаяся въ видъ черезъ нахожденіе внутренняго объекта; или быть можетъ оно (настроеніе) есть только неясное предчувствіе приближающагося пробужденія того или другого вида чувства. Сюда относятся: *чувство религіозное, чувство нравственное, чувство справедливости* и *чувство красоты*. Такъ чувство красоты не есть ощущеніе прекрасныхъ очертаній этого

одного образа, но всѣхъ и всякихъ, только они были бы прекрасны (объектъ не единиченъ); и красота, составляющая объектъ этого чувства, лежитъ не во внѣшней природѣ, но напротивъ лежащее во внѣшней природѣ оцѣнивается и признается или прекраснымъ или безобразнымъ по сравненію съ нѣкоторымъ какъ бы мѣриломъ, прототипомъ или идеаломъ красоты, заключеннымъ въ духѣ.

Говорить о значеніи видовъ чувства недостаточно и кратко было бы безполезно, а достаточно и полно — невозможно; такъ велико значеніе каждаго изъ нихъ, какъ творческаго источника какой либо стороны жизни — религіи, нравственности, права или искусства. Ограничимся только указаніемъ, что приложеніе правильнаго изученія по схемамъ разума, какъ единственно ведущаго къ всепониманію объекта, было бы особенно желательно здѣсь по важности и неразъясненности этихъ чувствъ. Такъ, сколько бы прояснилось для человѣка, еслибъ религіозное чувство или чувство красоты было опредѣлено въ своей сущности — что̀ именно оно такое; въ своемъ существованіи — постоянно оно или прерывается; въ своихъ свойствахъ — напр. чистая красота, созданная не подъ давленіемъ настроенія имѣетъ способность разлагать нравственное чувство и религіозность, а красота не свободная, проникнутая религіознымъ настроеніемъ, имѣетъ способность укрѣплять уже существующее нравственное чувство и возбуждать до восторженности религіозность; въ своемъ происхожденіи; въ своемъ назначеніи, т. е. въ томъ вліяніи, какое чувство напр. религіозности или красоты оказываетъ на субъективный духъ того, въ комъ эти чувства, далѣе — на тѣхъ, кто соприкасается съ проникнутымъ этими чувствами и, наконецъ, на жизнь и на различныя формы ея: государство, право, нравственность и пр.; въ своихъ типахъ, которые всѣ зависятъ отъ настроенія и порою бываютъ различны до противуположности (напр. религіозное чувство у евреевъ и христіанъ, или чувство красоты въ древнемъ классическомъ мірѣ и въ средніе вѣка), и пр.

Въ заключеніе ученія о чувствѣ слѣдуетъ дать объясненіе того особеннаго явленія, которое мы не можемъ лучше опредѣлить, какъ назвавъ его «колебаніемъ чувства». Подъ этимъ мы разумѣемъ быстрыя, почти моментальныя перемѣны сильно напряженнаго массоваго чувства, которыя (перемѣны) замѣчаются въ нѣкоторые моменты исторіи и дѣйствуютъ всегда необыкновенно разрушительно. Они тожественны по сущности съ волненіями — это тѣ же чувства гнѣва, радости, подозрѣнія, отчаянія; но по характеру схожи съ настроеніями — бываютъ безпредметны. Ими объясняются рѣшающія минуты напр. революцій.

XII. Ученіе о *волѣ* — третьей изъ общихъ формъ, подъ которою является духъ — также распадается на нѣсколько формъ, соотвѣтствующихъ сторонамъ этого объекта и схемамъ разума; т. е., во-первыхъ, на ученіе о существованіи ея, которое, будучи потенціальнымъ, находится въ болѣе тѣсной зависимости отъ внѣшнихъ для духа объектовъ, нежели чувство. Но было бы ошибочно думать, что воля не только проявляется (обнаруживается) подъ внѣшнимъ воздѣйствіемъ того, что составляетъ объектъ ея (что желается), но и создается этимъ объектомъ; этому противорѣчатъ общеизвѣстныя явленія неудовлетворенности желанія, когда объектовъ, возбуждающихъ хотѣніе — нѣтъ, а воля, ищущая такихъ объектовъ — есть. Во-вторыхъ на ученіе объ ея сущности, которая состоитъ въ ощущеніи неудовлетворенности, пока не измѣнено что либо лежащее внѣ воли, и въ вытекающей отсюда потребности произвести это измѣненіе, проявленіе которой (потребности) въ формѣ стремленія и называется волей. Въ третьихъ на ученіе объ ея атрибутахъ и въ четвертыхъ на ученіе объ ея происхожденіи. Въ послѣднемъ разслѣдуются общіе источники человѣческихъ стремленій и вопросъ о происхожденіи воли въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. о томъ, свободна она или нѣтъ. Что касается до источниковъ человѣческихъ стремленій, то ихъ два: первый и основной источникъ человѣческихъ стремленій есть

чистая, *неизмѣненная* человѣческая природа, такъ напр. разумъ, присущій человѣку, побуждаетъ его стремиться къ пониманію. Второй источникъ, нерѣдко затемняющій собою первый, есть *произведенное* въ человѣческой природѣ, т. е. временно вызванное къ существованію внѣшними вліяніями, каковы всѣ волненія чувства, — напр. желаніе вредить человѣку, вызвавшему гнѣвъ. Вопросъ о свободѣ или зависимости воли разрѣшается слѣдующимъ наблюденіемъ и разсужденіемъ, которое на немъ основано: 1) внѣшнія для духа вліянія измѣняютъ волю въ ея напряженности, а внѣшніе объекты измѣняютъ ее въ направленіи, — что показываетъ наблюденіе; слѣдовательно воля не есть нѣчто абсолютно свободное; 2) разъ эти вліянія и эти объекты измѣняютъ волю, значитъ въ природѣ человѣка независимо отъ нихъ и ранѣе ихъ лежитъ нѣчто, воспринимающее эти вліянія и измѣняющееся подъ ихъ дѣйствіемъ, потому что на ничто ничто не можетъ дѣйствовать, т. е. что воля не есть произведеніе этихъ вліяній, но составляетъ часть первозданной человѣческой природы; откуда прямо слѣдуетъ, что воля не есть нѣчто абсолютно зависимое отъ внѣшнихъ условій. Изъ этого отрицанія какъ абсолютной свободы, такъ и абсолютной зависимости воли вытекаетъ положеніе, что въ своихъ *проявленіяхъ* (я желаю приносить пользу городу, въ которомъ живу) она есть синтезъ двухъ противоположныхъ борющихся силъ: силы, исходящей изъ природы человѣка, и силы, исходящей изъ міра внѣшняго. Причемъ вторая встрѣчаетъ первую и измѣняетъ ее и въ напряженности, и въ направленіи. Вотъ почему видя повсюдное и неизмѣнное вліяніе природы и жизни на человѣка, видя, какъ ни одно его дѣйствіе, ни одно чувство и ни одно желаніе не ускользаетъ изъ подъ этого вліянія, мы тѣмъ не менѣе должны остеречься отъ признанія за этимъ вліяніемъ исключительнаго господства; подобно тому какъ видя камень, брошенный кверху, мы воздерживаемся говорить, что онъ движется только подъ вліяніемъ толчка и уже не подчиненъ болѣе тяготѣнію земли. Далѣе, въ пятыхъ,

въ ученіи о цѣляхъ воли разсматриваются тѣ объекты, къ которымъ направляется она до встрѣчи съ измѣняющими внѣшними вліяніями; и о тѣхъ отклоненіяхъ, которыя эти послѣднія производятъ въ ней. Въ шестыхъ, въ ученіи о сходствѣ и различіи воли изучаются какъ элементы ея: волевое движеніе, его напряженность, его объектъ; такъ и виды воли: *склонность, стремленіе, желаніе, страсть*. Изъ этихъ видовъ первый есть произведеніе чистой человѣческой природы, а остальные три имѣютъ своимъ источникомъ природу или жизнь и стѣсняютъ или измѣняютъ естественныя склонности. Въ этомъ же ученіи о сходствѣ и различіи слѣдуетъ изучить состоянія воли: *рѣшительность, колебаніе, равнодушіе* и др. Всѣ эти элементы, виды и состоянія воли, каждый въ отдѣльности, должны быть изучены тщательно по всѣмъ схемамъ разума.

ГЛАВА XIV.

Ученіе о Мірѣ человѣческомъ: о твореніи или о процессахъ.

I. Творческіе процессы, какъ объектъ ученія о твореніи; двѣ стороны этихъ процессовъ—субъективная, или процессы въ духѣ, и объективная, или процессы въ жизни; виды человѣческаго творчества. — II. *Творчество въ области разума;* нисходящее пониманіе и пониманіе восходящее; увеличивающаяся общность объектовъ пониманія; самоопредѣляемость пониманія; критеріумы пониманія. Источникъ зарожденія научныхъ процессовъ; удивленіе, сомнѣніе, недоумѣніе. Цѣль научнаго процесса, его слѣдствія и употребленіе. — III. *Творчество въ области чувства;* четыре формы, подъ которыми оно является. Творчество въ области чувства красоты; его противоположность съ научнымъ творчествомъ; непроизвольность и самоопредѣляемость его; склонность его осложняться всѣми другими видами человѣческаго творчества, и осложнять ихъ собою. Возможность двоякаго источника красоты. Безцѣльность художественнаго творчества; его вліяніе на чувство нравственнаго и религіознаго; его вліяніе на мышленіе. — IV. Творчество въ области нравственнаго чувства; характеръ его осложненія; способность его возрастать подъ вліяніемъ противоположнаго, и значеніе этого факта для исторіи и политики. Три формы, подъ которыми является нравственное творчество: чувство, дѣятельность, ученіе. Объективное дѣйствіе нравственнаго процесса: его способность смягчать и скрѣплять всѣ человѣческія отношенія; субъективное дѣйствіе его на духъ того, въ комъ онъ происходитъ. Первозданная природа человѣка, какъ источникъ нравственнаго процесса; конечная цѣль, къ которой направляется онъ; идеалъ жизни и человѣка. — V. Творчество въ области чувства справедливости; его отличіе отъ нравственнаго творчества. Состраданіе, какъ источникъ, изъ котораго выдѣляется правовой процессъ; особенности его постепеннаго развитія; онъ не осложняется другими видами творческихъ процессовъ, но уединяется отъ всѣхъ ихъ. — VI. Творчество въ области чувства религіознаго; его особенности и значеніе въ исторіи. Космическій характеръ религіознаго творчества, какъ его первая особенность; соединеніе въ немъ всѣхъ элементовъ духа, какъ его вторая особенность; возвращеніе имъ природы человѣка къ своей первозданной чистотѣ, какъ его третья особенность. Почему съ измѣненіемъ религіи измѣняются всѣ стороны человѣческаго духа и всѣ стороны человѣческой жизни. Симптомы передъ появленіемъ религіознаго процесса. Физическая природа и окружающая жизнь не суть источники, производящіе религіозный процессъ, но условія, его пробуждающія и на него вліяющія. Два ряда явленій религіознаго процесса — внутренній, состоящій въ образованіи религіозной концепціи міра и жизни; и внѣшній, черезъ который религіозная концепція входитъ въ жизнь и устанавливается въ исторіи. —

VII. *Творчество въ области воли;* политическій процессъ, какъ важнѣйшая сфера этого творчества. Три вида усложненія политической формы: 1. увеличеніе черезъ расширеніе того, что подъ формою; 2. повтореніе сходнаго, что пребываетъ въ формѣ, какъ часть ея; 3. распаденіе формы на своеобразныя части. Важность этого послѣдняго усложненія; разложеніе идеи блага на представленія объ отдѣльныхъ видахъ блага, какъ скрытая причина развитія политической формы. Вліяніе развитія политической формы на духъ и его стороны; вліяніе этого развитія на жизнь. — VIII. Творчество въ области того, что лежитъ надъ политическою формою. Генезисъ языка, нравовъ, экономическихъ отношеній. Въ какомъ смыслѣ нужно понимать безсознательность этого творчества.

I. *Ученіе о твореніи* разсматриваетъ творческіе процессы отъ момента зарожденія ихъ въ духѣ до момента воплощенія въ томъ внѣшнемъ, что мы назвали формами жизни. Каждый такой процессъ естественно распадается на двѣ стороны: субъективную или *внутреннюю* — до выхода изъ духа; и объективную или *внѣшнюю* — по выходѣ изъ духа. Изученіе первой раскрываетъ, что́ и какъ происходитъ въ духѣ во время творчества; изученіе второй опредѣляетъ, что и какъ совершаетъ человѣкъ для воплощенія того, что образовалось въ немъ въ творческій моментъ, въ чемъ либо внѣшнемъ. Или, такъ какъ чистыя произведенія духа всегда суть формы, а его воплощенныя творенія всегда суть смѣшанныя вещи, то можно сказать, что раскрывая субъективную сторону творческаго процесса мы изучаемъ ходъ образованія формы въ духѣ, или то, какъ онъ, будучи общею формою формъ входитъ опредѣляющимъ началомъ въ какую либо *эту одну* форму; а изучая объективную сторону творческаго процесса мы раскрываемъ, какъ форма, исшедшая изъ духа, смѣшивается съ веществомъ внѣшняго міра и, оформливая его, является сотворенною вещью. Такъ въ скульптурѣ слѣдуетъ различать, какъ возникъ въ душѣ ваятеля какой либо образъ, и какъ этотъ возникшій образъ онъ выразилъ въ мраморѣ, — какъ образовалась идея статуи, и какъ образовалась самая статуя, воплотившая идею. Тоже найдемъ и во всѣхъ другихъ видахъ творчества.

Соотвѣтственно формамъ, подъ которыми является духъ, здѣсь изучаются: *творчество въ разумѣ* или процессъ образованія пониманія, какъ всестороннаго познанія чего либо

одного, и процессъ созиданія науки, какъ пониманія всего; *творчество въ чувствѣ*, распадающееся на процессъ возникновенія и развитія религіознаго чувства и образованія религіозныхъ ученій, на процессъ нравственныхъ движеній въ человѣкѣ и происхожденія нравственныхъ ученій въ исторіи, на процессъ пробужденія чувства справедливости и установленія правъ въ жизни, и, наконецъ, на процессъ развитія чувства красоты и воплощенія его въ прекрасныхъ образахъ и другихъ формахъ; и *творчество въ области воли*. Мы перечислили здѣсь только нормальныя и высшія формы творчества, истекающія изъ дѣятельнаго состоянія нормальнаго разума и изъ видовъ чувства. Но ясно, что и низшіе и ненормальные процессы, совершающіеся въ духѣ, источники которыхъ были названы въ предыдущемъ ученіи, также должны быть изучены.

II. *Творчество въ разумѣ*, какъ уже было замѣчено, распадается на общій, присущій всей наукѣ процессъ пониманія; и на процессъ созиданія науки, какъ множества повторяющихся процессовъ такого пониманія, возникающихъ въ порядкѣ расположенія тѣхъ объектовъ, которые послѣдовательно становятся предметомъ изученія. О процессѣ, черезъ который образуется пониманіе, было уже сказано достаточно при выясненіи различія его отъ простаго знанія, и поэтому мы будемъ говорить здѣсь только о процессѣ созиданія науки. Какъ и все другое, онъ долженъ быть изученъ во всѣхъ сторонахъ своихъ. Мы остановимся на нѣкоторыхъ.

Сущность научнаго творчества состоитъ въ послѣдовательномъ раздвиженіи пониманія; въ томъ, что повторяясь оно захватываетъ все бо́льшія и бо́льшія области бытія, пока внѣ его т. е. непонятымъ не останется ничего, а внутри его т. е. понятымъ будетъ все. Такъ, начинается оно съ пониманія какой либо единичной вещи, существованіе которой случайно открылось духу, и завершается опредѣленіемъ сторонъ этой вещи. Оно можетъ спуститься ниже и познать стороны каждой отдѣльной стороны познанной вещи: такъ какое либо свойство кри-

вой, положимъ эллипсиса, можетъ быть понято въ сущности, въ свойствахъ, въ происхожденіи, въ назначеніи и въ сходствѣ и различіи съ другими свойствами той же кривой. Но далѣе, глубже и ниже, анализъ пониманія не можетъ проникнуть, — не по безсилію, но по отсутствію того, во что онъ могъ бы проникнуть: такъ свойство есть у свойства; но у свойства свойства уже нѣтъ никакихъ свойствъ. Оно есть чистая сторона бытія, а не вещь, какъ синтезъ сторонъ. Далѣе отъ единичной вещи пониманіе поднимается выше: эта вещь есть часть чего либо цѣлаго, напр. эта статуя есть часть искусства скульптуры или это паденіе есть проявленіе силы тяготѣнія. То общее, проявленіемъ чего служитъ единичная познанная вещь, подвергается въ свою очередь изученію, и пониманіе совершаетъ свой второй оборотъ: опредѣляется сущность, свойства, происхожденіе, назначеніе, сходство и различіе скульптуры и силы тяготѣнія. Затѣмъ опредѣляется то высшее и общее, частный видъ чего составляетъ только что изученное; напр. скульптура есть частный видъ искусства, тяготѣніе есть одна изъ силъ природы. Пониманіе дѣлаетъ этотъ общій видъ и эту силу своимъ объектомъ и совершаетъ свой третій оборотъ: познается искусство въ своей сущности, свойствахъ, происхожденіи, назначеніи, типахъ и пр., и сила природы, какъ начало, движущее вещество — въ тѣхъ же сторонахъ всякаго бытія. Потомъ еще опредѣляется общее, часть чего составляютъ искусство и сила, именно творчество какъ синтезъ творящаго, творенія и творимаго — для перваго, и движеніе какъ синтезъ соединеннаго пространства и времени, движимаго и движущаго — для втораго; и это опредѣленное снова познается по всѣмъ схемамъ разума, а пониманіе совершаетъ четвертый оборотъ. И наконецъ, какъ завершеніе всего, опредѣляется Міръ человѣческій — какъ общее для творчества, и Космосъ — какъ общее для движенія, и познается снова въ пятомъ обращеніи пониманія, которое здѣсь заканчивается. Съ каждымъ такимъ оборотомъ область понимаемаго чрезвычайно

раздвигается, и съ тѣмъ вмѣстѣ замедляется его вращающееся движеніе: восходящіе круги становятся великими, многовѣковыми періодами совершенствованія пониманія и созиданія науки.

Между свойствами этого движущагося пониманія, и какъ элемента, и какъ цѣлаго, замѣчательна прежде всего *самоопредѣляемость*. Нельзя извнѣ чьею либо волею — того ли, кто понимаетъ, или того, кто наблюдаетъ понимающаго — опредѣлить заранѣе, какъ должно понимать (форму процесса), до какого предѣла (прервать процессъ), и что, какія истины должны содержаться въ пониманіи (то, во что закончится процессъ или результатъ его). Вообще по отношенію къ волѣ справедливо будетъ сказать, что человѣкъ не думаетъ то, что хочетъ, но хочетъ то, что думаетъ,— и это повсюду и вѣчно, безъ исключенія тѣхъ, которые желали бы господствовать надъ мышленіемъ, направлять и прерывать его; потому что самое это желаніе опредѣлено неправильнымъ процессомъ мышленія, и всецѣло покорно ему. Впрочемъ сказанное относится только къ пониманію, но не къ знанію, которое можно всегда прервать или измѣнить, такъ-какъ оно отрывочно и безцѣльно, не связано съ внутреннимъ строеніемъ разума и есть не болѣе, какъ проявленіе любознательности, т. е. желанія новаго и новаго для разума, неспособнаго къ мышленію надъ однимъ и потому утомляющагося однообразіемъ. Все ошибочное въ отношеніяхъ человѣка къ пониманію происходило именно вслѣдствіе этого смѣшенія его со знаніемъ. Человѣкъ «узнаетъ»,— и дѣйствительно можетъ и онъ самъ себя и другой его понудить узнавать одно и не узнавать другое, легко и безъ страданія: потому-что въ пониманіи нѣтъ ни необходимости, ни потребности узнавать именно *это одно* (незнанія чего, положимъ, требуется), но безразлично, что бы и какъ бы ни узнавать, лишь бы оно, это вновь узнаваемое, не походило на извѣстное; но понимаетъ не человѣкъ, но въ человѣкѣ совершается пониманіе — онъ же только пассивный носитель его и наблюдатель, и остановить или направить

это пониманіе такъ же невозможно, а всякая попытка сдѣлать это такъ же мучительна, какъ невозможно и мучительно направить кровообращеніе или задержать дыханіе. Разъ открылось для разума существованіе объекта, онъ не можетъ не познать всѣхъ его сторонъ, потому что не можетъ уничтожить въ себѣ которую-либо изъ схемъ познаванія; а что найдетъ онъ въ этихъ сторонахъ, этого онъ не знаетъ и не можетъ опредѣлить, потому что не создастъ понимаемаго, но только его, уже существующее, обнимаетъ своею мыслію. И далѣе, не можетъ онъ (разумъ) открывъ общее, къ чему принадлежитъ вещь, т. е. существованіе новаго, прежде неизвѣстнаго — подавить въ себѣ повторяющуюся дѣятельность схемъ пониманія; а разъ невольно и непреодолимо началась эта дѣятельность — онъ не можетъ въ сторонахъ этого общаго познать ничего другого кромѣ того, что есть въ нихъ, и т. д. Самоопредѣляемость есть существенный аттрибутъ научнаго процесса, вытекающій изъ его природы. Изъ другихъ свойствъ научнаго творчества слѣдуетъ остановиться на опредѣляющихъ признакахъ. Они также важны для установленія правильныхъ отношеній человѣка къ различнымъ видамъ умственныхъ произведеній: чтобы не требовать отъ пониманія того, что можно требовать отъ знаній, и не предоставлять знанію того, съ чѣмъ необходимо примириться въ пониманіи; и еще далѣе — чтобы не ждать, какъ результата, отъ знанія того, что можетъ дать одно пониманіе. Эти опредѣляющіе признаки должны стать критеріумами, съ помощью которыхъ возможно было бы распознавать по нѣкоторымъ явленіямъ зарожденіе науки у одного народа, или упадокъ ея — у другого, или мнимую науку отличить отъ истинной — у третьяго. Важнѣйшіе изъ этихъ критеріумовъ — самоуглубленіе духа; отвращеніе отъ ничего не объясняющихъ знаній, хотя бы и новыхъ и интересныхъ въ самихъ себѣ; поднятіе въ жизни основныхъ вопросовъ, первыхъ для сознанія, надъ которыми никто не задумывается въ обыкновенное время, считая ихъ или съ увѣренностью разрѣшенными — когда

наука еще не зарождалась, или равнодушно относясь къ нимъ, какъ къ неразрѣшимымъ — когда наука умираетъ, или совершенно не замѣчая ихъ, когда народъ или время неспособны къ пониманію. Наконецъ бываютъ въ научномъ творчествѣ и произведенныя свойства — тѣ, которыми осложняется она подъ вліяніемъ посторонихъ явленій, и которыя природѣ ея чужды, напр. антирелигіозность подъ вліяніемъ политическихъ тенденцій, или религіозность подъ вліяніемъ религіозныхъ движеній.

Изучая происхожденіе научнаго творчества слѣдуетъ опредѣлить, порождается ли оно удивленіемъ при общемъ созерцаніи міроустройства и теченія жизни; или сомнѣніемъ, какъ общимъ недовѣріемъ къ безсознательно усвоеннымъ по преданію мыслямъ, мнѣніямъ и взглядамъ на природу, которые случайно въ чемъ либо одномъ вдругъ оказались несомнѣнно ложными; или, наконецъ, недоумѣніемъ при видѣ отдѣльныхъ загадочныхъ явленій и предметовъ, которые не будучи схожи ни съ чѣмъ извѣстнымъ, сильнѣе поражаютъ умъ человѣка и впервые вызываютъ его мысль къ дѣятельности.

То, что появляется, когда научное творчество закончено, бываетъ троякаго рода: одно непосредственно вытекаетъ изъ природы пониманія, всегда заканчиваетъ его и есть *цѣль*, ради которой оно и совершается; другое также всегда появляется и тѣсно связано съ природою пониманія, но не есть цѣль его, а только *слѣдствіе:* оно обнаруживается все время, пока совершается процессъ, и этотъ процессъ не прекращается отъ этого, но движется далѣе, очевидно къ иному, что и есть цѣль его; наконецъ третье есть *употребленіе,* пользованіе, которое можно сдѣлать изъ научнаго процесса, и дѣлается человѣкомъ. Первое, цѣль научнаго процесса, открывается непосредственно изъ того, что̀ такое этотъ процессъ и изъ природы того, въ чемъ онъ совершается. Пониманіе какъ состояніе есть цѣль пониманія какъ процесса, и съ завершеніемъ перваго естественно и необходимо заканчивается второй. Какъ состояніе, пониманіе есть всеудовлетворенность разума и

къ нему дѣятельно стремится онъ, пока не удовлетворенъ, черезъ пониманіе какъ процессъ. Но совершаясь въ духѣ и въ жизни, этотъ процессъ невольно и неизбѣжно измѣняетъ духъ и жизнь, и это есть второе, что мы назвали,— слѣдствіе. Разумъ, черезъ послѣдовательное повтореніе въ немъ процессовъ пониманія, совершенствуется и возвышается: болѣе глубокое начинаетъ занимать его, глубже задумывается онъ надъ нимъ, и болѣе тонко разлагаетъ и познаетъ. Чувство послѣдовательно облагораживается, утончается и разлагается, по мѣрѣ того какъ глубже и глуже спускается анализъ въ испытуемыя имъ области. Простое, однородное, цѣльное—оно раскрывается въ сложный міръ возвышенныхъ и тонкихъ ощущеній, столь же разнородныхъ какъ идеи, которыя оно переживаетъ въ себѣ и которыя облекаетъ поэтическимъ покровомъ въ замѣнъ той возвышенности, которую онѣ даютъ ему. Различнѣйшее, противоположнѣйшее становится понятно ему, волнуетъ его, то унося въ высоты, никому недоступныя, то погружая въ глубину низкаго, отвратительнаго, наполняя чистѣйшею радостью, неутолимою грустью, мучительными наслажденіями—и все это одновременно, непостижимымъ ни для кого образомъ кромѣ того, кто это переживаетъ; пока, утративъ способность къ тому простому и несложному, чѣмъ жило нѣкогда, не будучи въ состояніи развиваться далѣе и по безсилію природы своей и по безсилію разума, который не безконечно же возвышается, не способное возвратиться къ прежнему, утомленное настоящимъ, оно не почувствуетъ усталость и пустоту и, замирая, еще въ послѣдній разъ испытаетъ новыя, но уже болѣзненныя ощущенія близости конца — и потухнетъ. Воля первоначально укрѣпляется пониманіемъ, пока оно несложно; и затѣмъ разлагается имъ, когда оно усложнясь теряется въ противорѣчіяхъ. Но и на этихъ высшихъ ступеняхъ своего развитія, вообще какъ цѣлое разлагая волю діалектически развивающимися идеями, пониманіе отдѣльными частями своими производитъ нѣчто совершенно противоположное разложенію — фанатизмъ. Послѣдній

является потому, что каждая изъ взаимно противорѣчащихъ идей представляется безусловно истинною, и развиваясь имѣетъ способность вытѣснять все изъ разума и овладѣвать всецѣло имъ. Индифферентизмъ воли и фанатизмъ воли производятъ — одинъ разложеніе жизни, другой — созиданіе новой среди умирающей; такъ какъ, будучи произведены одною причиною, они и существуютъ вмѣстѣ. Но здѣсь отъ субъективныхъ слѣдствій научнаго процесса мы переходимъ къ объективнымъ. Жизнь частью прямо, частью косвенно, черезъ вліяніе на духъ, преобразуется пониманіемъ. Всѣ формы ея развиваются, усложняются и утончаются. То, что въ каждомъ народѣ безсознательно скрывается какъ инстинктъ, черезъ пониманіе сознается какъ истинное, и свободно раскрывается въ многочисленнѣйшихъ формахъ. Съ пониманіемъ развивается чувство,— и то, что нѣкогда совершенно удовлетворяло человѣка, теперь уже становится для него не достаточно: появляется новое и разнообразное въ жизни, что удовлетворяетъ это пробужденное чувство; становятся болѣе утонченными всѣ отношенія между людьми. Наконецъ и самые люди, нѣкогда всѣ схожіе между собою, и жизнь ихъ, нѣкогда одна для всѣхъ, перестаютъ быть однородными: типы смѣняются характерами и эти характеры уходятъ въ себя, живутъ съ собою, съ своими мыслями и съ своими желаніями, неохотно отдавая обществу требуемое должное. Это — индивидуализмъ. Таковы слѣдствія научнаго творчества; наконецъ третье — употребленіе его — есть предвидѣніе (Контъ), господство надъ природою (Бэконъ), увеличеніе человѣческаго счастья (утилитаристы) — все то, что столь многими великими умами столь ошибочно принималось за истинную цѣль науки.

III. *Творчество въ области чувства*, какъ уже сказано было, не такъ однородно, какъ творчество въ области разума. Тамъ оно всегда является подъ одною формою — пониманія, здѣсь же является подъ видами творчества въ области чувства *красоты*, чувства *приличнаго*, чувства *справедливости* и *религіознаго чувства*.

Художественное творчество состоитъ, какъ кажется, въ стремленіи освободиться отъ нѣкотораго тягостнаго ощущенія, испытываемаго художественною натурою отъ избытка образовъ красоты и отъ чувствъ, наполняющихъ внутренній міръ ея, черезъ воплощеніе этихъ образовъ и выраженіе этихъ чувствъ въ формахъ очертаній, звуковъ или словъ. Такимъ образомъ въ то время какъ творчество научное идетъ извнѣ къ внутреннему міру человѣка, творчество художественное исходитъ изъ внутренняго міра человѣка, чтобы выразиться внѣ его; изъ элементовъ мышленія и опыта, разнообразныхъ и разсѣянныхъ, разумъ собираетъ и зиждетъ свой храмъ внутри себя самого, чувство-же красоты стремится наполнить внѣшнюю природу прекрасными образами и, какъ бы перешедши въ нихъ изъ человѣка, начинаетъ жить въ этихъ образахъ своею самостоятельною, не умирающею жизнью. И въ то время какъ художникъ, однажды выразивъ тяготившее его чувство въ образѣ, звукѣ или словѣ, дѣйствительно перестаетъ испытывать его, изъ вѣка въ вѣкъ начинаютъ испытывать это чувство всѣ тѣ, которые смотрятъ на этотъ образъ или слышатъ это слово и звукъ. О томъ, какъ слагается этотъ образъ, есть ли онъ только прожитое чувство, получившее очертанія, или возникая независимо отъ чувства только проникается имъ, и почему, далѣе, онъ выражается въ одномъ случаѣ въ пространственныхъ формахъ, въ другомъ — въ преемственно смѣняющихся звукахъ, въ третьемъ — въ мѣрной рѣчи, все это должно быть разсмотрѣно въ ученіи о субъективной сторонѣ художественнаго творчества, и тѣ немногія, къ сожалѣнію, замѣтки, которыя художники и поэты оставили намъ о своей внутренней работѣ, должны быть тщательно изслѣдованы и оцѣнены здѣсь. Въ ученіи же объ объективной сторонѣ художественнаго творчества должно содержаться ученіе о техникѣ искусства, напр. въ музыкѣ — ученіе о композиціи.

Между свойствами художественнаго творчества слѣдуетъ замѣтить его непроизвольность: тотъ, въ комъ совер-

шается оно, не можетъ ни подавить его въ себѣ совершенно, ни даже задерживать на время безъ страданія, ни пробудить его, если не способенъ къ нему, ни опредѣлить по произволу форму, въ которой выразится оно. Такъ не можетъ скульпторъ сдѣлаться поэтомъ, ни поэтъ скульпторомъ; не можетъ человѣкъ, чуждый художественнаго чувства, создать ничего, кромѣ пародій на художественныя творенія, которымъ ни онъ не дастъ ничего изъ своей души, ни онѣ не дадутъ ничего душѣ другого. Далѣе, этому творчеству, какъ и научному, присуща самоопредѣляемость. Его зарожденіе, развитіе и выраженіе — во внѣшнихъ формахъ совершается по своимъ внутреннимъ законамъ, и съ нарушеніемъ ихъ — уничтожается или нарушается оно. Въ этомъ отношеніи можно сказать, что человѣкъ есть еще болѣе пассивный носитель творчества въ области красоты, нежели творчества въ области истины. Наконецъ замѣчательна тенденція художественнаго творчества къ осложненію всѣми другими элементами человѣческаго духа, и къ соединенію со всѣми другими видами человѣческаго творчества. Такъ является религіозное искусство, такъ происходитъ поэзія, проникнутая философскими и политическими идеями; или съ другой стороны — художественная наука и политическія формы, проникнутыя единствомъ, гармоніею и симметріею, какъ это мы видимъ въ древней Греціи, въ Римѣ и во Франціи.

Разсматривая художественный процессъ со стороны происхожденія, слѣдуетъ изучить вопросъ, лежатъ ли художественные образы въ самой природѣ человѣка въ видѣ потенцій, и тѣ формы въ мірѣ внѣшнемъ, которыми наслаждается человѣкъ, не потому ли и кажутся ему прекрасными, что соотвѣтствуютъ этому скрытому въ немъ міру красоты; или же явленіе красоты есть нѣчто космическое, разлитое по всему мірозданію, и только одна часть его заключена въ человѣкѣ, другая же часть лежитъ въ физической природѣ?

Цѣль художественнаго творчества, такъ же какъ и цѣль науки, выводится изъ его сущности. Подобно пониманію,

оно не имѣетъ цѣли внѣ себя и разъ пробудившись по внутренней необходимости выливается во внѣшнихъ формахъ, такъ же свободно и такъ же безцѣльно, какъ свободно и безцѣльно торжественное настроеніе при видѣ звѣзднаго неба, или радость при видѣ найденной утраты. Въ художественныхъ образахъ, конкретныхъ и единичныхъ, человѣкъ выражаетъ состоянія духа, общія всѣмъ людямъ и вѣчныя въ нихъ. Вотъ почему и всякое отдѣльное произведеніе искусства, въ которомъ художникъ воплотилъ пережитое имъ чувство, понятно для всѣхъ народовъ и во всѣ времена. Въ этомъ смыслѣ нѣтъ ничего болѣе универсальнаго и вѣчнаго, чѣмъ искусство. Измѣняются нужды людей, и привычки, и стремленія ихъ, а съ ними мѣняются и формы общественной и политической жизни; падаютъ и возникаютъ государства, а съ ними умираютъ и нарождаются новые и новые народы. Но какъ бы ни измѣнялся Міръ человѣческій, неизмѣнны останутся въ немъ и грусть, и радость, и надежда, и отчаяніе, и чувство отчужденности, и жалость утраты, — а съ ними неизмѣнны и понятны будутъ и образы, и звуки, въ которые выливаются или нѣкогда вылились эти чувства. Этихъ типовъ художественно воплотимаго чувства въ душѣ человѣческой опредѣленное количество, и каждому типу соотвѣтствуетъ нѣсколько формъ, въ которыхъ онъ можетъ быть выраженъ: и образъ, и звукъ, и слово и сочетаніе линій одинаково въ состояніи выразить и радость, и грусть, и нѣжность, и чувство величія или силы. Наряду съ прямою цѣлью, вытекающею изъ природы искусства (освобожденіе отъ тяготящаго чувства черезъ выраженіе его во внѣшнемъ) художественный процессъ, подобно пониманію, имѣетъ и побочныя *слѣдствія:* это измѣненія, производимыя имъ въ духѣ человѣческомъ и въ жизни. Въ своей чистой формѣ оно имѣетъ свойство разлагать нравственное чувство, въ сколхъ осложненныхъ формахъ — возвышать и укрѣплять его. И въ самомъ дѣлѣ, въ то время какъ образъ, нарисованный рукою одновременно и религіозною и знакомою съ красотой, возвышаетъ про-

стое религіозное чувство до энтузіазма, вѣетъ на созерцающаго духомъ чистаго аскетизма, внушаетъ ему отвращеніе отъ всего земнаго, низкаго, — въ это же время чувство безпримѣсной красоты пробуждаетъ любовь къ земному, ставитъ земныя радости и земныя горести на недосягаемую высоту, и своими нѣкоторыми формами — пронією и гордостью — вступаетъ въ борьбу и съ нравственнымъ, и со всякимъ другимъ чувствомъ, профанируетъ ихъ и наслаждается этою профанаціею, заключая ее въ обольстительныя, только одной профанаціи присущія, формы. Что же касается до вліянія на разумъ, то осложненныя формы художественнаго творчества хотя и пробуждаютъ въ немъ дѣятельность, — напр. поэзія, проникнутая философскими идеями, и пробуждаетъ любовь къ философскимъ вопросамъ и интересъ къ философскимъ изслѣдованіямъ, однако эти формы отнимаютъ плодотворность у разума, внося неясность, неопредѣленность и излишнюю образность въ мышленіе.

Разсматривая виды художественнаго творчества слѣдуетъ подвергнуть спеціальному всестороннему изученію процессы выраженія чувства въ линіяхъ (архитектура), въ пластическихъ и скульптурныхъ образахъ (живопись и ваяніе), въ звукахъ (музыка) и въ словѣ (поэзія).

IV. *Творчество въ области нравственнаго чувства* такъ же способно къ осложненію, какъ и предъидущее, но въ нѣсколько другой формѣ. Вслѣдствіе осложняющихъ вліяній чувство прекраснаго нерѣдко переходитъ въ формы не только отличныя отъ неосложненной формы, но и прямо противоположныя ей, какъ это случилось напр. въ искусствѣ при переходѣ его изъ міра античнаго, гдѣ предметомъ поклоненія и воплощенія была физическая красота, въ міръ средневѣковый, гдѣ предметомъ поклоненія и воплощенія сдѣлалась красота духа, — красота же тѣла пренебрегалась. Напротивъ нравственное чувство подъ вліяніемъ осложненій только измѣняется въ своей напряженности, правда нерѣдко до такой степени, что осложненная его форма кажется новымъ чувствомъ. Такъ

въ своемъ чистомъ видѣ будучи сочетаніемъ доброты и правдивости, это чувство въ своихъ осложненныхъ формахъ — состраданіи, самоотреченіе, аскетизмѣ — является иногда такимъ, что вызываетъ удивленіе, какъ нѣчто новое и незнакомое, въ людяхъ и правдивыхъ, и добрыхъ.

Замѣчателенъ при этомъ самый процессъ осложненія нравственнаго чувства, по своему характеру единственный въ природѣ, неимѣющій ничего и ни въ чемъ подобнаго себѣ. Именно, все существующее не только въ Мірѣ человѣческомъ, но и въ Космосѣ, усиливается въ своей напряженности подъ воздѣйствіемъ подобнаго себѣ и уменьшается подъ воздѣйствіемъ противоположнаго: такъ чувство красоты усиливается и становится болѣе тонкимъ при созерцаніи прекрасныхъ образовъ, поэтическое дарованіе пробуждается отъ чтенія поэтовъ, умственная дѣятельность возбуждается видомъ чужой умственной дѣятельности; или съ другой стороны — радость уменьшается при видѣ чужаго горя, чувство красоты глохнетъ, когда не питается образцами, любовь къ поэзіи увядаетъ средп прозаической дѣловой жизни. Совершенно обратное происходитъ въ процессѣ развитія нравственнаго чувства: почти не измѣняясь подъ воздѣйствіемъ однороднаго, оно достигаетъ величайшей напряженности подъ воздѣйствіемъ противоположнаго. Такъ глубочайшая развращенность окружающей жизни пробуждаетъ стремленіе къ аскетизму въ тѣхъ, которые сохранили чистоту чувства — какъ это наблюдается, напримѣръ, въ первыхъ стоикахъ и въ первыхъ христіанахъ. Такъ внутренняя фальшь и притворство, проникающее общество или отдѣльные кружки его въ эпохи упадка тѣхъ идей и чувствъ, которыми долго жили люди, вызываетъ страстное отрицаніе и обличеніе этой фальши со стороны людей, въ другое время чуждыхъ всякаго фанатизма, какъ это наблюдается, напримѣръ, въ послѣдніе дни первой французской республики, или въ нашей жизни въ эпоху 50 и 60-хъ годовъ со стороны той части общества, которая затѣмъ, въ эпоху 80-хъ годовъ, подверглась тако-

му же страстному обличенію и потому же, какое и почему выполнила сама двадцать лѣтъ назадъ. Это явленіе, замѣчательное въ теоретическомъ отношеніи, имѣетъ огромное объясняющее значеніе въ исторіи, а также и въ политикѣ, гдѣ, если его хорошо понять, оно способно разять много опасеній и погубить много надеждъ. Оно дѣлаетъ понятнымъ и показываетъ внутреннюю необходимость того факта, что совершенное, окончательное паденіе нравственности никогда не бываетъ, а чрезвычайное поднятіе ея уровня всегда бываетъ непродолжительно. Сумма нравственной энергіи какъ будто остается вѣчно постоянною, но только не въ человѣкѣ, а въ человѣчествѣ: и всякое паденіе ея ниже обыкновеннаго уровня въ цѣломъ обществѣ вызываетъ ея поднятіе выше обыкновеннаго уровня въ отдѣльныхъ людяхъ. Строгое отшельничество и пламенная проповѣдь о всеобщемъ покаяніи возможны только среди глубоко павшаго общества и тотчасъ ослабѣваютъ съ поднятіемъ общаго нравственнаго уровня. Въ тѣ историческіе періоды, когда ничего выдающагося дурнаго не совершается, не совершается и ничего выдающагося хорошаго; и когда недурны всѣ, тогда никто особенно не хорошъ. Съ другой стороны, этимъ явленіемъ объясняется и непрочность всякой побѣды, и недолговременность всякаго пораженія въ политикѣ и вообще въ жизни: все торжествующее внутренно падаетъ именно потому, что оно торжествуетъ, и все униженное внутренно возвышается именно потому, что оно унижено; а внутреннее паденіе и возвышеніе есть источникъ и начало и наружнаго паденія и возвышенія, — впрочемъ всегда и по необходимости такъ же непродолжительнаго.

Нравственное развитіе является не подъ одною формою, но подъ тремя: *чувства*, *дѣятельности* и *ученія*. Ясно, что развитіе нравственнаго чувства лежитъ въ основѣ, какъ производящая причина, и развитія нравственной дѣятельности, и развитія нравственныхъ ученій: первая является обнаруженіемъ этого чувства въ отношеніяхъ къ людямъ, а вторыя — или выраженіемъ его въ словѣ (нравственная

проповѣдь) или теоретическимъ обоснованіемъ его со стороны разума (нравственная философія).

По своей природѣ, нравственное чувство есть правдивость и доброта. Первая состоитъ въ отсутствіи всякаго измѣненія внутренняго міра на пути къ своему внѣшнему обнаруженію, есть тожество между идеями, чувствами и желаніями и между словами, отношеніями и поступками человѣка. Вторая — доброта — есть естественное расположеніе ко всѣмъ людямъ, сопровождающееся радостью — когда всѣмъ хорошо, и горестью — когда кому либо дурно. Почему это такъ, зачѣмъ не одно что либо, но два начала ставимъ мы въ основу нравственности, и какое значеніе скрывается за этими, повидимому простыми чувствами, все это мы не будемъ объяснять здѣсь именно по чрезвычайной важности этого основанія и по чрезвычайной глубинѣ этого значенія, надѣясь посвятить этому труду бо́льшее вниманіе, чѣмъ какое могли и желали дать настоящему, гдѣ не содержится самое пониманіе чего либо, но опредѣляется и распредѣляется только пониманіе всего.

Между свойствами нравственнаго процесса замѣчательны два. Первое — это способность его укрѣплять и одновременно смягчать всѣ человѣческія отношенія, безразлично, между кѣмъ бы они ни существовали и каковы бы они ни были. Такъ напр. отношенія зависимости, будетъ ли она политическая — одного побѣжденнаго государства къ другому побѣдившему, или національная — въ одномъ и томъ же государствѣ слабѣйшаго народа къ сильнѣйшему, или сословная, напр. зависимость земледѣльцевъ отъ землевладѣльцевъ, или экономическая — неимущихъ и должниковъ отъ кредиторовъ и богатыхъ, или наконецъ личная — слуги отъ господина или служащаго отъ начальника, эта зависимость во всѣхъ указанныхъ случаяхъ утрачиваетъ свой тяжелый и порою опасный характеръ, и это до такой степени, что если бы какими либо способами можно было такъ укрѣпить нравственность, что нечего было бы опасаться ея измѣненія, то въ сущности стало бы безразлично, каковы будутъ отношенія политическія, національ-

нальныя, сословныя, экономическія и личныя, потому что, если всѣ отношенія проникнуты правдивостью и добротой, то жизнь подчиненнаго болѣе свободна, безбоязненна, и обезпечена, нежели жизнь равнаго съ равнымъ при низкомъ нравственномъ уровнѣ. Точно также общество, чуждое нравственности, въ сущности не сдерживается ничѣмъ, кромѣ страха или передъ положительнымъ бѣдствіемъ, или передъ уменьшеніемъ выгодъ; и въ тѣхъ случаяхъ, когда или бѣдствіе неизбѣжно — какъ это было въ Римѣ въ эпоху паденія, или уменьшенія выгодъ можно избѣжать — какъ это бываетъ при оставленіи родины или религіи,— общество, народъ или государство, чуждые нравственности, или мало по малу распадается, или погибаетъ разомъ. Напротивъ ничто такъ тѣсно не сплачиваетъ людей, какъ взаимное довѣріе и любовь, и когда эти чувства достигаютъ высокой напряженности, общество не разрушимо никакими причинами. Второе свойство нравственнаго процесса чисто субъективное: онъ даетъ внутреннее успокоеніе душѣ и служитъ никогда неизсякающимъ источникомъ чистой радости. Подобнаго вліянія не оказываетъ никакой другой видъ творчества: и пониманіе, и художественная работа хотя приносятъ высокія, ничѣмъ другимъ не замѣнимыя и ни съ чѣмъ другимъ не сравнимыя наслажденія и радости, но и въ этой радости есть что то мучительное, и эти наслажденія красотою и мыслью оставляютъ въ душѣ холодный пепелъ, котораго тѣмъ больше, чѣмъ сильнѣе горѣло въ ней пламя наслажденія; именно успокоенія не даютъ они. Такимъ образомъ, если мы внимательно оцѣнимъ оба указанныя свойства нравственнаго процесса, мы придемъ къ невольному убѣжденію, что онъ есть основа и личной жизни человѣка и общей жизни всѣхъ людей, что съ нимъ не опасны никакія бѣдствія и безъ него невозможно никакое счастье.

Въ своей чистой, безпримѣсной формѣ нравственное чувство есть одна изъ сторонъ первозданной человѣческой природы, столь же не обязанное своимъ происхожденіемъ ничему внѣшнему, какъ не обязанъ ему своимъ

происхожденіемъ разумъ. Это видно изъ того, что всякій разъ, когда человѣкъ дѣйствуетъ совершенно свободно, т. е. не только въ смыслѣ какого либо внѣшняго принужденія, но и внутренняго, своего,— онъ дѣйствуетъ всегда нравственно; и всякій разъ, когда онъ отклоняется отъ чистаго нравственнаго пути, для этихъ отклоненій есть причины въ обстоятельствахъ, внѣшнихъ для природы человѣка. Такъ боязнь чего либо внѣшняго — наказанія ли, или осужденія — есть причина притворства, и кто не боится тотъ никогда не лжетъ; а раздраженіе, воспринятое страданіе есть причина злобы. Тщательное изученіе этихъ причинъ, отклоняющихъ естественный процессъ развитія нравственнаго чувства, а равно и всѣхъ обстоятельствъ, которыя увеличиваютъ или уменьшаютъ его напряженность, принадлежитъ уже другой формѣ ученія о Мірѣ человѣческомъ — *Ученію о добрѣ и злѣ*.

Что касается до цѣли нравственнаго процесса, то изученіе ея сводится къ опредѣленію той конечной формы, въ которую стремится воплотить этотъ процессъ и природу человѣческую и человѣческую жизнь. Мы склонны думать, что этотъ идеалъ человѣка и жизни есть сведеніе до minimum'а физической жизни, впрочемъ безъ всякаго искаженія того, что необходимо и естественно въ ней,— хотя однако и безъ всякихъ излишнихъ, сверхъ необходимаго, заботъ и мыслей объ ней; и жизнь, посвященная безкорыстному познанію, чуждающаяся внѣшняго зла и чистая отъ внутренняго, полная заботливости о близкихъ, которые не могутъ помочь себѣ сами, и о дальнихъ — такъ чтобы изъ людей никто не былъ забытъ людьми, такая жизнь, свободная отъ удовольствій и исполненная внутренней радости, есть идеалъ, къ которому одинаково должны стремиться и человѣкъ и человѣчество.

V. *Творчество въ области чувства справедливости* можно было бы принять за одинъ изъ видовъ нравственнаго творчества, если бы въ нѣкоторыхъ явленіяхъ не замѣчалось, что оно неоднородно съ нимъ, и хотя вообще совпадаетъ, однако изрѣдка и отличается отъ него. Такъ.

напримѣръ, когда долго унижаемый и притѣсненный совершилъ что либо дурное — положимъ обманулъ или разозлилъ — не противъ того, кто его обидѣлъ, но противъ одного изъ тѣхъ, кто были виновниками его страданій, напр. слуга противъ сына своего прежняго дурного господина, земледѣлецъ противъ незнакомаго ему землевладѣльца, рабочій противъ фабриканта, гражданинъ противъ министра, то тогда нравственное чувство хотя и побуждаетъ насъ забыть ему его вину, однако чувство справедливости противится тому, чтобы теперь и единично *неправо* обиженный и оставался и считался правомъ обиженнымъ. Или если должникъ по бѣдности не возвращаетъ того, что взялъ у богатаго, а тотъ требуетъ, то нравственное чувство сострадаетъ бѣдному и осуждаетъ богатаго, а чувство справедливости признаетъ, что требованіе право, а отказъ въ его удовлетвореніи неправъ. Есть и еще болѣе рѣзкіе примѣры подобнаго несовпаденія чувства справедливости съ чувствомъ нравственнымъ. Напр., когда кто нибудь, возмущенный низостью, жестокостью или другимъ чѣмъ въ народѣ-ли какомъ, или въ сословіи, или кружкѣ, въ величайшемъ негодованіи осуждаетъ всѣхъ, кто принадлежитъ къ этому народу, сословію или кружку, то въ этомъ нѣтъ ничего безнравственнаго, и даже, если возмутившіе факты слишкомъ рѣзки, была бы скорѣе безнравственна всякая сдержанность, осторожность въ сужденіи, какъ признакъ равнодушія, сердечной холодности; однако же такое отношеніе и глубоко несправедливо, потому что хотя бы нѣсколькихъ, хотя бы одного человѣка несправедливо оскорбляетъ.

Творчество въ области чувства справедливости есть въ субъективной своей части процессъ развитія этого чувства, какъ способности все болѣе и болѣе тонко различать справедливое отъ несправедливаго, а въ своей объективной части — процессъ установленія справедливыхъ отношеній между людьми посредствомъ законовъ, судовъ, обычаевъ и привычекъ. Первые зачатки этого процесса кроются въ чувствѣ сострадація. Справедли-

вость какъ будто выростаетъ изъ этого послѣдняго чувства, хотя въ дѣйствительности только отдѣляется отъ него, перестаетъ быть смѣшаннымъ съ нимъ. Это происхожденіе потому присуще разсматриваемому процессу, что кромѣ немногихъ случаевъ нарушеніе справедливости всегда ведетъ къ страданію. Грубая, простая, первоначальная форма несправедливости есть обида. Поэтому начало законодательнаго процесса и начальные обычаи, въ немъ выраженные и его поддерживающіе, всегда имѣютъ цѣлью сдержать грубый произволъ, дать слабѣйшему — по уму ли, по ловкости, или по силѣ, — защиту отъ безпричинныхъ обидъ сильнѣйшаго въ ясно выраженной волѣ и готовности помогать со стороны всѣхъ (дѣла объ убійствѣ, увѣчьи, оскорбленіяхъ, кражѣ). Дальнѣйшій же процессъ развитія чувства справедливости и основаннаго на немъ законодательства вообще чрезвычайно медленъ и труденъ. Въ отличіе отъ всѣхъ другихъ процессовъ, и въ томъ числѣ нравственнаго, здѣсь не имѣетъ никакого значенія и вліянія напряженность чувства,— но только развитіе въ немъ различающей способности. Это развитіе совершается черезъ послѣдовательное разрѣшеніе сомнительныхъ случаевъ, черезъ появленіе фактовъ съ новыми и новыми оттѣнками въ значеніи и смыслѣ, дающихъ новыя и новыя затрудненія чувству справедливости, которыя его утончаютъ, когда оно побораетъ ихъ. Вотъ почему усовершенствованіе законодательствъ такъ тѣсно и такъ неразрывно, какъ ничто другое, связано съ увеличеніемъ исторической опытности у народовъ. Но еще задолго до этого совершенства процессъ развитія справедливости отдѣляется окончательно отъ чувства состраданія, и становится совершенно самостоятельнымъ и одиночнымъ. И здѣсь мы снова видимъ его различіе отъ всѣхъ другихъ процессовъ въ развитіи чувства: они всѣ, усложняются въ исторіи, проникаясь другъ другомъ, онъ же упрощается уединяясь отъ всѣхъ другихъ. И законъ и его исполнитель въ развитомъ государствѣ осуждаетъ одного не потому, что его не жалко,

и оправдываетъ другаго не потому, что его жаль, — это чувство совершенно исчезаетъ здѣсь — но просто потому что одинъ правъ и другой неправъ.

VI. Быть можетъ ни въ одномъ изъ видовъ своего творчества природа человѣка не является въ такомъ величіи и такой красотѣ, какъ въ *творчествѣ религіозномъ*. Нигдѣ человѣкъ не переступаетъ того тѣснаго предѣла, которымъ ограниченъ онъ, и даже въ наукѣ, поднимаясь въ высшія сферы умозрѣнія, онъ остается только ничтожною частицею мірозданія, онъ сознаетъ себя отдѣленнымъ отъ этого міра, потому что сознаетъ этотъ міръ, какъ внѣшній объектъ своей мысли; и только въ той отрѣшенности отъ всего личнаго, отъ всего временнаго и земнаго, которая составляетъ сущность религіознаго чувства, человѣкъ какъ бы освобождается отъ узъ своихъ и сливается съ Космосомъ и его вѣчнымъ развитіемъ въ одномъ великомъ, всепоглощающемъ міровомъ чувствѣ. И только въ этомъ чувствѣ человѣческая природа, въ другихъ видахъ своего творчества какъ бы дробящаяся, колеблющаяся и разсыпающаяся въ міріадахъ созданій, яркихъ, но недолговѣчныхъ и меркнущихъ во всей своей обольстительной красотѣ, — только въ этомъ чувствѣ она является какъ бы собранная въ одно цѣлое, и передъ немеркнущею красотою и силою того, что выливается изъ нея въ этотъ мигъ, преклоняются вѣка и народы. Въ великіе и рѣдкіе моменты, когда наступаетъ это творчество, мелкое и волнующееся житейское чувство, минутныя цѣли и минутныя страсти, которыми живетъ и движется повседневная жизнь, — все это разсѣевается, какъ призракъ, и изъ за него выступаетъ природа человѣка во всемъ сіяніи своей первозданной чистоты, и во всемъ величіи пониманія, что уже не первозданно-прекрасный и радостный міръ вокругъ нея, но міръ мрака и скорби, изнемогающій въ страданіи, но полюбившій муку свою, смѣющійся и отвергающій спасеніе. И передъ красотою этого мірообъемлющаго и всепроникающаго чувства никнетъ красота науки, никнетъ красота искусства, никнетъ красота всей этой мелко-по-

чальной и мелко-радостной жизни; и только задѣвая лучами своими науку, искусство и жизнь, это чувство сообщаетъ имъ непреходящее значеніе и немеркнущую красоту.

Далѣе, если принять во вниманіе многосторонность, продолжительность и широту вліянія религіознаго творчества на человѣка во всѣхъ сторонахъ его духа, и на жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ, то мы должны будемъ признать, что нигдѣ человѣкъ не является болѣе могущественнымъ, чѣмъ здѣсь. Какой великій государь, какой завоеватель, котораго только знаетъ исторія, имѣлъ вліяніе равное тому, какое имѣлъ напр. Кальвинъ? Какъ мало и недолговѣчно все, что совершили даже сильнѣйшіе изъ людей, господствовавшіе надъ міромъ — Александръ Великій. Цезарь — въ сравненіи съ тѣмъ, что совершилъ этотъ простой проповѣдникъ. Дѣла ихъ и имена давно забыты — ихъ знаютъ только ученые, а его слово до сихъ поръ живетъ въ сердцахъ милліоновъ людей, которые думаютъ, желаютъ и дѣлаютъ то, чему онъ училъ ихъ, и его имя съ благодарностью и любовью произносится милліонами устъ. А онъ былъ еще слабѣйшій изъ тѣхъ, въ комъ проявилось религіозное творчество. По справедливости можно сказать, что другіе люди и другими сторонами своего духа творятъ въ исторіи, исторію же творятъ люди вѣры и религіознаго чувства. Ихъ жизнь и ученіе — это основа, на которой время вырисовываетъ сложный и разнообразный узоръ исторіи; это — то, чѣмъ живутъ народы и безъ чего не жили бы они, но сгинули бы подобно тому, какъ гибнутъ во времени безвѣстные племена и царства — и исторія не знаетъ объ нихъ. Что же есть особеннаго, ни съ чѣмъ не схожаго въ религіозномъ творчествѣ, что придаетъ ему такое великое значеніе? Не пытаясь разрѣшить этого вопроса, мы выскажемъ объ немъ нѣсколько мыслей, которые если и ничему не помогутъ, то и ничему и не помѣшаютъ въ разрѣшеніи [1]).

[1]) Творчество религіозное слѣдуетъ различать какъ первоначальное — когда появляется религіозное ученіе, и какъ вторичное — когда среди

Къ этимъ особенностямъ прежде всего относится несвязанность религіознаго чувства, какъ со своею производящею причиною, съ текущею окружающею жизнью: оно возникаетъ не изъ временныхъ нуждъ, и не имъ стремится удовлетворить; поэтому-то значеніе его и не утрачивается, подобно всему другому, съ изчезновеніемъ этихъ нуждъ, но остается и тогда, когда историческій періодъ, въ который появилось оно, минуетъ безвозвратно со всѣми своими особенностями и потребностями. Это относительно времени; но тоже слѣдуетъ сказать и относительно несвязанности религіознаго чувства съ какимъ-либо мѣстомъ: не народъ и не страна составляютъ предметъ его, но человѣкъ, т. е. всѣ страны и всѣ народы. То, къ чему бываетъ обращена мысль въ моменты религіознаго творчества и то, чѣмъ живетъ въ эти моменты сердце, для того, изъ кого исходитъ творчество, исполнено такого значенія, что слово, съ которымъ онъ обращается къ людямъ, является средоточіемъ міра, средоточіемъ исторіи: онъ существуетъ, чтобы вмѣстить это слово, она готовилась, чтобы понять его, и ничего никогда человѣкъ не будетъ дѣлать кромѣ того, чтобы исполнить это слово— потому что въ немъ его спасеніе, и въ повиновеніи ему его назначеніе. Въ этой то отрѣшенности отъ всего, что во времени, и въ этой отчужденности отъ всего, что есть на землѣ близкаго и дорогого человѣку, и таится одна изъ причинъ того, что времена проходятъ и слово не забывается, народы возникаютъ и исчезаютъ покоряя свою жизнь тому, что вышло не изъ ея нуждъ и прихотливыхъ измѣненій.

...чему либо въ упадокъ и исказившись оно очищается и оживляется; и далѣе въ первомъ (первоначальномъ) слѣдуетъ различать установленіе истинной религіи, и религій не истинныхъ — тѣхъ, которыя мы называемъ ниже попытками человѣка найти религію (т. е. истинную). За исключеніемъ установленія ученія этой послѣдней (религіи истинной) всѣ прочіе виды религіознаго процесса суть явленія творчества, какъ исхожденія изъ субъективнаго духа формъ жизни. Въ религіи же истинной человѣкъ духъ является не творящимъ, но воспринимающимъ и передающимъ. Объ этомъ подробнѣе см. ниже въ *Ученіи о формахъ жизни*. Подъ Откровеніемъ тамъ разумѣются древне-библейскія откровенія пророкамъ.

Вторая особенность, уже названная выше, состоитъ въ томъ, что въ то время какъ во всѣхъ видахъ своей дѣятельности природа человѣческая является какъ бы раздѣленною, частичною — въ моменты религіознаго творчества она является цѣльною, какъ бы собранною въ одно. И въ самомъ дѣлѣ, не человѣкъ творитъ пониманіе, но разумъ въ человѣкѣ; не человѣкъ создаетъ красоту, но чувство прекраснаго въ немъ; не онъ дѣлаетъ справедливое и нравственное, но только одна изъ сторонъ его духа. Словомъ, ни въ чемъ изъ творимаго имъ человѣкъ не живетъ всѣмъ существомъ своимъ, но только одною или нѣкоторыми частями своего существа. Напротивъ религіозное чувство не можетъ быть отнесено, какъ къ своему источнику, ни къ одной изъ сторонъ человѣческаго духа въ отдѣльности, но только ко всей человѣческой природѣ въ ея цѣломъ; и то, чѣмъ пробуждается это чувство, или что изливается изъ него — религіозное ученіе — содержитъ въ себѣ всѣ элементы человѣческаго существа, не чуждо ни одного изъ нихъ: оно всегда и одновременно бываетъ проникнуто и глубокою мудростью — хотя не есть произведеніе мышленія, и чистою нравственностью — хотя не есть нравственное поученіе, и исполнено высокой красоты — хотя не создано художественнымъ чувствомъ. Поэтому то оно влечетъ къ себѣ всего человѣка, убѣждаетъ его не доказывая, перерождаетъ не поучая, возвышаетъ и просвѣтляетъ его природу безсознательно для себя самого. Какъ изъ всей природы человѣка изошло оно, такъ и всю природу человѣка покоряетъ себѣ, и при этомъ не дѣйствуетъ ни одною стороною своей въ особенности, и ни на одну сторону его въ отдѣльности. Оно полно цѣльности и единства, и въ этомъ его тайна, особенность и сила. Можно изучить всѣ религіи, и ни въ одной изъ нихъ не найдется ничего глупаго, ничего безнравственнаго, ничего несправедливаго, ничего такого, что отталкивало бы отъ себя наше чувство прекраснаго. Напротивъ всѣмъ этимъ — высокою мудростью, нравствен-

ностью и красотою — запечатлѣна каждая религія, и притомъ въ высокой степени[1]).

Все то, что слилось въ религіозномъ ученіи до неразличимости, потомъ выдѣляется изъ него, когда оно входитъ въ жизнь, — и здѣсь лежитъ объясненіе той многосторонности его вліянія, которая наблюдается въ исторіи. Какъ и всюду, вліяніе на творимое здѣсь происходитъ черезъ вліяніе на творящее: измѣняется духъ, и съ нимъ жизнь, которая исходитъ изъ него. Тогда какъ подъ вліяніемъ другихъ видовъ творчества, производимыхъ отдѣльными сторонами человѣческой природы, отдѣльныя же стороны и перерождаются въ людяхъ, напр. наукою — разумъ, или искусствомъ — чувство прекраснаго; одна религія одновременно покоряетъ себѣ всѣ силы духа, перерождаетъ всего человѣка, такъ что со старыми богами оставляетъ онъ и государство, въ которомъ жилъ, и искусство, которое любилъ, и науку, которою занимался, какъ это было напр. при появленіи христіанства, когда языческій міръ палъ разомъ и весь. Но это паденіе бываетъ только временное: изъ скрытыхъ элементовъ религіи выростаютъ новыя стороны жизни, тѣ же, какія погибли, которыми присуще жить человѣку, но только съ другимъ характеромъ — новое религіозное искусство, другое міропониманіе, отличное отъ прежняго государственное устройство. Такъ случилось въ началѣ среднихъ вѣковъ: повидимому съ язычествомъ навсегда погибало и искусство, и наука, и государство; въ дѣйствительности же все это возродилось потомъ въ новой и лучшей формѣ. И такое возрожденіе всегда совершалось послѣ каждаго сильнаго религіознаго движенія, напр. въ европейской жизни послѣ Реформаціи.

Наконецъ третья особенность въ религіозномъ творчествѣ, также указанная нами уже выше, состоитъ въ томъ, что въ немъ человѣческая природа возвращается къ той первоначальной чистотѣ, которой постепенное затемнѣніе

---

[1]) Мы разумѣемъ здѣсь религіозныя ученія, не подвергшіяся позднѣйшимъ осложненіямъ.

составляетъ повидимому необходимое зло въ исторіи. Вотъ почему моментъ его появленія всегда предшествуется паденіемъ привычекъ, обычаевъ, нравовъ, — всего того, чѣмъ и какъ живутъ люди ежедневно; явленіе единственное въ исторіи. Человѣкъ становится просто человѣкомъ, и перестаетъ — безсознательно и невольно для себя — быть тѣмъ, чѣмъ его сдѣлала исторіи, цивилизація, вся окружающая среда. Онъ не дѣйствуетъ болѣе такъ, какъ привыкъ дѣйствовать, онъ не думаетъ болѣе о томъ, одно нарушеніе чего еще такъ недавно казалось ему невозможнымъ. Интересы неизмѣримо важнѣйшія, истины высшія, нежели все, чѣмъ онъ жилъ дотолѣ, всецѣло овладѣваютъ имъ и какъ бы заволакиваютъ отъ его глазъ и людей, и природу. Онъ остается наединѣ съ собою и съ своимъ Творцомъ, и все, что обыкновенно раздѣляетъ ихъ — все, что возникло изъ исторіи, а не изъ природы человѣческой — оставляется имъ. И настолько прекрасно, настолько велико то, чѣмъ онъ живетъ въ эти минуты, что когда волнующаяся вокругъ него жизнь снова пробуждаетъ его къ дѣйствительности, онъ не находитъ въ себѣ для нея ничего, кромѣ осужденія. Его слово къ людямъ — призывъ къ тому чистому и радостному, что онъ почувствовалъ въ пережитыя минуты, убѣжденіе оставить все, въ чемъ они, и съ ними еще недавно онъ самъ, находили и находятъ свое наслажденіе, и что теперь для него — одно осквернеіе человѣческой природы и оскорбленіе для Того, Кто создалъ ее. И такъ много говоритъ это слово человѣческому сердцу, такъ дорого оно ему, что ради его оставляется народами то, что не смогли бы вырвать у нихъ никто и ничто.

Всѣ эти особенности религіознаго процесса, которыя придаютъ ему такую неизмѣримую важность, заставляютъ отнестись къ его изученію съ возможно большимъ вниманіемъ. И это вниманіе особенно должно быть направлено на тѣ первые симптомы, которые ему предшествуютъ. Таковы нѣкоторыя явленія человѣческаго духа, которыя отхя по внѣшности, по своему точному смыслу остаются

чуждыми, порою враждебными религіи, однако въ своей скрытой сущности бываютъ уже полны вѣянія религіозной идеи [1]). Это происходитъ потому, что пробуждающійся религіозный процессъ имѣетъ свойство окрашивать въ извѣстный цвѣтъ науку, искусство, поэзію, прежде чѣмъ появится въ своемъ чистомъ видѣ. Какъ и въ природѣ физической, въ Мірѣ человѣческомъ иногда горизонтъ будущаго уже загорается новымъ свѣтомъ, хотя то, откуда исходитъ свѣтъ, еще остается скрытымъ. Не меньшаго вниманія, чѣмъ эти первые симптомы, заслуживаютъ и тѣ послѣднія замиранія религіознаго процесса, которыя нерѣдко еще полны его имени, но уже далеко отошли отъ него по своей сущности, уже противоположны ему по значенію. Нигдѣ, быть можетъ, вообще обманчивая наружность не бываетъ болѣе обманчива, чѣмъ здѣсь; нигдѣ внѣшняя форма и внутреннее содержаніе не бываютъ такъ слабо связаны между собою, какъ въ этомъ чистѣйшемъ изъ произведеній духа.

Какъ и повсюду, веденіе изслѣдованія по схемамъ разума дастъ и здѣсь возможность не упустить чего либо изъ виду. Въ ученіи о существованіи процесса религіознаго творчества слѣдуетъ разсмотрѣть отношеніе этого существованія къ природѣ человѣка и къ лежащему внѣ ея: т. е. существуетъ ли онъ неизмѣнно въ первой или является въ ней временно подъ вліяніемъ втораго. Замѣтимъ, что отсутствіе всякихъ признаковъ этого процесса не только у нѣкоторыхъ людей (религіозные индифферентисты), но и у цѣлыхъ массъ въ нѣкоторые моменты исторической жизни (напр. въ XVIII в.) еще не доказываетъ, что религіозное чувство есть временное произведеніе условій жизни и вліяній природы. Какъ потенція, и при томъ опредѣленная, это чувство можетъ лежать въ природѣ человѣка въ скрытомъ состояніи, и все значеніе внѣшней природы и условій жизни можетъ ограни-

[1]) Напр. въ поэзіи этою двойственностью внѣшней формы и внутренняго содержанія запечатлѣна поэзія Байрона, Гейне, Лермонтова, — всегда такъ глубоко непонятая.

чиваться лишь тѣмъ, что онѣ пробуждаютъ эту потенцію къ жизни. Въ своей сущности религіозное творчество есть процессъ развитія двухъ параллельныхъ рядовъ явленій: во-первыхъ *явленій внутреннихъ, состоящихъ въ образованіи одной общей концепціи міра и жизни* — концепціи, основанной на чувствѣ; и во вторыхъ *явленій внѣшнихъ, выражающихся въ ученіи и въ жизни, проникнутыхъ этимъ чувствомъ*. Въ ученія о сущности религіознаго творчества оба эти параллельные ряда должны быть разложены на отдѣльные моменты, черезъ которые проходитъ ихъ образованіе: какъ зарождается, при какихъ условіяхъ внутреннихъ психическихъ и внѣшнихъ физическихъ и жизненныхъ — развивается, наконецъ, какъ заканчивается эта концепція. Не утверждая положительно, мы склонны думать, что ни одна душа человѣческая не чужда совершенно религіознаго чувства. По крайней мѣрѣ разбирая внимательно отдѣльные психическіе моменты въ жизни человѣка — каждаго, кто бы онъ ни былъ и какъ бы ни относился къ религіи — мы можемъ, указавъ на нѣкоторые изъ нихъ, сказать, что вотъ эти моменты (грусти, тоски, отчаянія) ближе къ религіозному состоянію, и другіе (безпечности, веселья, самоувѣренности) — дальше. А если мы можемъ это сказать про всякаго человѣка, безъ какого бы то ни было исключенія, то слѣдовательно есть же что-то въ его душѣ, но только заглушенное, или недоразвившееся, что религіозно по своей природѣ. Тамъ, гдѣ возможно сравненіе, есть и сравниваемое, и гдѣ различіе въ степени, тамъ сходство въ сущности. Но однако нельзя не видѣть въ исторіи и въ жизни, что есть души по преимуществу способныя и склонныя — къ произведенію ли, къ воспріятію ли религіозной концепціи. Такъ изъ двухъ людей, одинаково относящихся къ религіи, склонный къ уединенію болѣе способенъ и воспріимчивъ къ этой концепціи, нежели находящій удовольствіе въ общественной жизни. Сосредоточенность, внутренняя чистота, впечатлительность къ окружающему и вмѣстѣ отчужденность отъ него, гармонія духа и многое другое, — все это необходимо

для религіознаго творчества и все это мы находимъ у тѣхъ, которые его проявили въ исторіи или были воспріимчивы къ нему. Также нельзя не замѣтить и внѣшняго вліянія на пробужденіе и развитіе религіознаго процесса. Достаточно сказать, что далѣе опредѣленнаго круга широты никогда не переступало религіозное творчество, чтобы убѣдиться, какъ значительно вліяніе природы здѣсь. Наконецъ, если мы подумаемъ, что никогда пророки не являлись въ спокойныя и счастливыя времена, когда не о чемъ сожалѣть и нечего ожидать, мы поймемъ, какъ велико здѣсь вліяніе жизни. Что же касается до наружной стороны религіознаго процесса, то въ немъ слѣдуетъ изучить то общее (сходное во всѣхъ единичныхъ религіозныхъ процессахъ), что замѣчается въ моменты, когда онъ исходитъ изъ субъективнаго духа; и то общее, что онъ вызываетъ въ объективномъ духѣ воспринимающихъ, т. е. *какъ* религіозное ученіе послѣдовательно перерождаетъ человѣческія души и человѣческую жизнь, *какъ* устанавливается новая религія въ исторіи.

Разложивъ религіозное творчество на элементы во времени — что за чѣмъ слѣдуетъ (процессъ), необходимо далѣе разложить его на то, что мы назвали бы элементами его сущности — что именно составляетъ ту концепцію, которая развивается въ послѣдовательномъ рядѣ смѣняющихся формъ (процессирующее). Религіозное творчество, какъ уже было замѣчено, съ одной стороны отличается необыкновенною цѣльностью, отсутствіемъ всякихъ внутреннихъ противорѣчій и всякой двоепутности цѣлей и побужденій (по этому всегда можно узнать лжепророковъ, такъ нерѣдко появлявшихся въ исторіи); всѣ отдѣльныя проявленія его какъ бы представляютъ собою повтореніе одного и того же, что составляетъ его сущность — напр. спасеніе, въ искупленіе, въ Брамаизмѣ, самоуничтоженіе въ Буддизмѣ; а съ другой стороны оно тайно содержитъ въ себѣ всѣ стороны духа и жизни — въ немъ собранъ весь духъ и вся жизнь человѣка. Вотъ это-то все, что входитъ въ религію и что выходитъ изъ нихъ.

сперва какъ бы сосредоточивались въ духѣ одного — передъ моментомъ видимаго обнаруженія религіознаго процесса, и потомъ раскрывались въ историческую жизнь всѣхъ — въ самомъ процессѣ, и должно быть изучено здѣсь въ своей отдѣльности.

На другихъ сторонахъ религіознаго процесса — свойствахъ, происхожденіи, назначеніи, сходствѣ и различіи — мы останавливаться не будемъ, потому что объ однѣхъ изъ этихъ сторонъ было уже сказано ранѣе, а о другихъ сказать что либо мы затрудняемся. Здѣсь необходимы тщательныя предварительныя изысканія, и все необдуманно сказанное ничего не разъясняя теперь можетъ помѣшать разъясненію въ будущемъ.

VII. Ученіе о процессахъ *творчества въ области воли* есть ученіе о процессахъ возникновенія, развитія и упадка политическихъ формъ и того, что обнимается ими. Потому что хотя въ политическомъ творчествѣ участвуютъ многія стороны духа, и между ними прежде всего разумъ, сознающій желаемую политическую форму, какъ цѣль, и избирающій средства для ея осуществленія; однако всѣ эти стороны, по своей дѣятельности предшествуя проявленію воли, въ концѣ дѣятельности сходятся къ ней одной и черезъ нее обнаруживаются. Съ другой стороны, хотя воля проявляется не только въ политическомъ творчествѣ, но и во многомъ другомъ — и это другое все должно быть изучено здѣсь — однако политическая дѣятельность есть наиболѣе важное, въ чемъ проявляется она, по значительности своей, какъ объекта, по обширности своей сферы, наконецъ, по силѣ напряженія воли, которое необходимо обнаруживается здѣсь.

Сущность политическаго процесса состоитъ въ послѣдовательномъ *усложненіи*. Это усложненіе движется тремя путями и подъ тремя формами: *черезъ удареніе того, что есть политическою формою; черезъ повтореніе того что въ политической формѣ*, какъ часть; и *черезъ расложеніе самой формы, какъ общаго, на своеобразныя и цѣлесообразныя части, въ ней скрыто предустановленныя*. Первый видъ

усложненія есть процессъ послѣдовательнаго роста государства черезъ увеличеніе земель, имъ обнимаемыхъ, и народонаселенія, которое въ немъ. Здѣсь происходитъ какъ бы растяженіе политической формы, и при равенствѣ прочихъ условій чѣмъ менѣе то, что стягивается ею, тѣмъ прочнѣе она, тѣмъ надежнѣе и плотнѣе соединено то, что подъ нею; а чѣмъ обширнѣе стягиваемое, тѣмъ менѣе прочна она, тѣмъ слабѣе связано обнимаемое ею. — пока, достигнувъ извѣстнаго предѣла, напряженіе растянутой формы становится такъ велико, что она не выдерживаетъ и разрушается (распаденіе слишкомъ обширныхъ государствъ). Вторая форма усложненія есть дѣленіе чего либо одного въ политической формѣ на тожественныя части, изъ которыхъ каждая повторяетъ собою цѣлое раздѣлившееся; напр., когда судъ, совершаемый или старшимъ въ родѣ, или начальникомъ въ племени, превращается въ судъ чиновниковъ или учрежденій, совершающійся многими и во многихъ мѣстахъ. Третья форма усложненія есть самая важная, и съ тѣмъ вмѣстѣ наименѣе зависящая отъ воли человѣка: послѣдняя служитъ только пассивнымъ орудіемъ этого усложненія. Оно совершается не въ государствѣ, но въ самой политической формѣ, въ томъ отвлеченномъ, что проявляясь образуетъ государства здѣсь и тамъ, теперь и тогда, переходя отъ народа къ народу и отъ земли къ землѣ, входя опредѣляющимъ началомъ въ жизнь ихъ. По своей сущности это усложненіе не только сходно съ тѣмъ усложненіемъ, которое происходитъ послѣдовательно въ органическомъ царствѣ и о которомъ говорили мы въ своемъ мѣстѣ, но есть тоже, что оно. Это двѣ различныя сферы дѣятельности одного дѣятеля, два отдѣльные случая одного явленія. Какъ и тамъ, но только еще съ большею ясностью — потому что здѣсь участвуетъ человѣкъ и черезъ его сознаніе проходятъ всѣ внутреннія, скрытыя явленія — усложненіе это движется черезъ разложеніе общей идеи, въ которой выражается вся цѣль политической формы, на болѣе частныя идеи, въ которыхъ выражаются отдѣль-

ныя стороны этой цѣли, и которыя находятъ свое выраженіе въ выдѣляющихся въ политическомъ организмѣ своеобразныхъ и цѣлесообразныхъ формахъ или органахъ. Такъ благо есть общая цѣль всѣхъ государствъ,— и пока не сознается людьми, въ нихъ живущими, то, изъ чего́ состоитъ это благо, государства остаются однородны, не развиты, безъ всякихъ выдѣлившихся органовъ. Это— племена, управляемыя старшинами, въ общественной жизни которыхъ не опредѣлены ни моменты дѣятельности (что послѣ чего должно слѣдовать въ дѣятельности), ни стороны (распаденіе дѣятельности по задачамъ ея). Но по мѣрѣ того какъ проникаетъ въ сознаніе живущихъ, что есть не одно благо, но многія, или точнѣе и ближе къ истинѣ — что благо будучи однимъ, имѣетъ въ себѣ виды — по мѣрѣ этого разложенія общаго понятія на подчиненныя низшія понятія, происходитъ распаденіе простой дотолѣ политической формы на части, изъ которыхъ каждая есть не то, что другая, и не для того, для чего другая. Такъ являются органы, охраняющіе безопасность, обезпечивающіе благосостояніе, регулирующіе порядокъ — военное сословіе, земледѣльческое, управляющее, которые (органы) бываютъ первоначальными въ государствѣ, если идея блага прежде всего разложилась на понятія безопасности, благосостоянія, порядка. Далѣе, когда какое либо изъ этихъ подчиненныхъ понятій, все еще довольно общихъ, распадается само на подчиненныя понятія, уже болѣе узкія, тогда та своеобразная и цѣлесообразная часть, которая служила его видимымъ выраженіемъ въ государствѣ, снова распадается на части, изъ которыхъ каждая уже не повторяетъ ее, какъ это бываетъ при усложненіи втораго типа, но есть нѣчто не схожее ни съ нею, ни съ чѣмъ либо изъ вновь выдѣлившагося, т. е. своеобразна и цѣлесообразна. Такъ если понятіе благосостоянія распадается на представленія о благосостояніи физическомъ, умственномъ и нравственномъ, то появляются органы съ исключительнымъ назначеніемъ заботиться о физическомъ продовольствіи страны и народа, охранять въ немъ добрые

нравы, давать ему образованіе. Такъ продолжается этотъ процессъ, пока всѣ виды блага и всѣ возможные органы политической формы не осуществятся, — что, впрочемъ, до сихъ поръ еще не имѣло мѣста въ исторіи, которая не знаетъ совершенныхъ политическихъ формъ. Это усложненіе происходитъ, какъ принято говорить — не совсѣмъ точно, но выразительно — безсознательно, т. е. никто изъ людей логически не разлагаетъ идею блага, и подчиненныя идеи не выражаетъ въ политическихъ учрежденіяхъ. Это значитъ, что идея только разлагается въ сознаніи, которое не создаетъ ее, и жизнь разлагается черезъ ея разложеніе, — какъ это и должно быть согласно съ природою идеи, которая есть самостоятельное существо, проявляющееся въ сознаніи, но не творимое имъ.

Что дѣйствительно развитіе государственныхъ формъ имѣетъ подъ собою, какъ причину, этотъ скрытый логическій процессъ, это ясно изъ того, что оно (развитіе государства) совершенно не замѣчается въ жизни народовъ или совсѣмъ неодаренныхъ духовными силами, или одаренныхъ, но несоотвѣтствующими, не тѣми, въ которыхъ могутъ проявляться и разлагаться логическія идеи; хотя окружающая физическая природа и внутреннія условія жизни у нихъ остаются тѣ же, какъ и у другихъ народовъ, одаренныхъ и развивающихъ у себя политическія учрежденія. Такъ Индѣйцы въ Сѣверной Америкѣ, ведшіе съ сосѣдними племенами войны столь же непрерывныя, какъ и Римляне съ италійскими народцами, не развили у себя никакихъ политическихъ формъ, хотя жили въ географическихъ условіяхъ еще болѣе удобныхъ, нежели какія представляетъ Италія. Или въ этой послѣдней — Римляне развили могущественнѣйшее и совершеннѣйшее государство, какое только существовало на землѣ, а Итальянцы никогда не могли устроиться, не смотря на всѣ усилія и великій руководящій примѣръ, въ сколько нибудь сносныя политическія формы. Ясно, что причина различія здѣсь лежитъ въ особенномъ психическомъ складѣ двухъ различныхъ народовъ, такъ какъ всѣ прочія условія для обоихъ случаевъ остаются тожественными.

Изучая свойства политическаго процесса, слѣдуетъ опредѣлить его измѣняющее вліяніе какъ на духъ, такъ и на жизнь. Чѣмъ совершеннѣе въ смыслѣ постоянства, опредѣленности, правильности становятся политическія формы, въ которыхъ живетъ какой либо народъ, тѣмъ болѣе опредѣленнымъ, постояннымъ и правильнымъ становится весь психическій строй такого народа, такъ какъ повсюду и постоянно все излишнее, произвольное, не ведущее ни къ чему прямо полезному сдерживается и мало по малу подавляется въ немъ политическими формами. Это не случайность, что съ величіемъ въ политическомъ строѣ не уживается величіе въ поэзіи и въ искусствѣ; и если бы какой нибудь народъ, исчезнувъ безслѣдно, оставилъ намъ только своихъ поэтовъ и мыслителей, то внимательно вчитываясь въ ихъ произведенія и черезъ эти послѣднія проникая во внутренній складъ ихъ чувства и мысли, мы многое могли бы узнать о политической формѣ, въ которой жилъ этотъ народъ. Религіозное чувство также трудно уживается съ сильно развитыми политическими формами, потому что утонченность жизни, ея регулярность, широкое развитіе общественности — все создаваемое этими формами — развиваетъ болѣе внѣшнія стороны духа, нежели внутреннія. Воля становится болѣе правильною, но менѣе сильною, и присущій ей объективный характеръ замѣняется субъективнымъ. Она лучше умѣетъ сдерживать порывы того, кому принадлежитъ, нежели давать ему силу и мужество дѣйствовать на то, что внѣ его. Сильные характеры, не покоряющіеся жизни, но покоряющіе жизнь себѣ, становятся все болѣе и болѣе рѣдкими, пока объ нихъ не остается одно воспоминаніе, связанное съ удивленіемъ, какъ передъ чѣмъ то труднымъ, невозможнымъ болѣе, почти неестественнымъ. Таково вліяніе политическаго процесса на отдѣльныя стороны духа; но еще болѣе замѣтно вліяніе его на жизнь. Многія явленія въ ней, напр. промышленность, торговля, совершенно не возможны вић политической формы. Нравы преобразовываются, утрачивая постепенно простоту, открытость, близость къ при-

родѣ, и искусственость всѣхъ человѣческихъ отношеній мало по малу становится такъ велика, что все естественное кажется неестественнымъ, и все неестественное — естественнымъ. Измѣняется незамѣтнымъ образомъ самый языкъ народа, становясь менѣе богатымъ, но болѣе точнымъ и правильнымъ, и это опять не случайность, что совершеннѣйшій по строенію языкъ, ставшій для всѣхъ народовъ лучшимъ методическимъ орудіемъ въ дѣлѣ воспитанія ума, есть языкъ древняго Рима, а самый точный изъ всѣхъ, ставшій языкомъ дипломатіи, есть языкъ Франціи; тогда какъ языкъ Грековъ и Германцевъ, никогда не знавшихъ у себя совершенныхъ и правильныхъ политическихъ формъ, будучи несравненно богатъ по разнообразію формъ, чуждъ правильности и точности названныхъ романскихъ языковъ.

VIII. Изучая политическій процессъ не достаточно понять развитіе политической формы (генезисъ государства) и развитіе тѣхъ органовъ, которые она выдѣляетъ изъ себя указаннымъ выше путемъ (генезисъ учрежденій); но слѣдуетъ изучить и процессы, совершающіеся въ томъ, что подъ формою, что она обнимаетъ, стягиваетъ и регулируетъ собою. Это генезисъ народа, какъ живаго существа, развивающагося въ политической формѣ. Сюда относится процессъ возникновенія, развитія и умиранія языка; процессъ возникновенія, усложненія и разрушенія экономическихъ отношеній; процессъ сложенія, утвержденія, перерожденія и упадка нравовъ и обычаевъ; и многіе другіе процессы. Всѣ они еще болѣе безсознательны, чѣмъ процессъ развитія политической формы и политическихъ учрежденій,— впрочемъ не въ томъ смыслѣ, что народъ не сознаетъ, не знаетъ этихъ процессовъ, но въ томъ, что они совершаются не преднамѣренно, безъ предъидущаго сознаннаго желанія совершить ихъ. Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ творчества, не человѣкъ что либо совершаетъ, но въ человѣкѣ нѣчто совершается.

———38———

ГЛАВА XV.

Ученіе о Мірѣ человѣческомъ: о творимомъ или о формахъ жизни.

I. Формы жизни, какъ объектъ ученія о творимомъ; эти формы заканчиваютъ собою творческіе процессы, и должны быть познаваемы въ отношеніи къ нимъ. — II. *Наука*, какъ форма, заканчивающая процессъ пониманія, исходящій изъ разума. Что приходитъ въ науку со стороны природы, и что приходитъ въ нее со стороны духа; объекты пониманія и форма пониманія. Цѣль науки; внутреннее раздѣленіе науки, или классификація знаній; неудобство раздѣлять знанія по методамъ познаванія, и по предметамъ познаваемымъ; существуютъ ли многія науки, или одна, которая вѣтвится? — III. *Искусство*, какъ форма жизни, заканчивающая художественные процессы; виды искусства: архитектура, живопись, скульптура, музыка, поэзія. Природа архитектуры: линія и соединеніе линій, какъ пространственная форма, приходящая въ нее со стороны духа; лежащее между линіями, какъ приходящее въ нее изъ природы; настроеніе, какъ видъ чувства, выражаемаго архитектурою и пробуждаемаго ею; стиль, какъ отраженіе историческаго настроенія; безличность архитектуры. Природа живописи: плоскость, какъ основа ея; линія и контуръ, какъ ея пособія; тѣнь и краски, какъ особенность ея; міръ личныхъ чувствъ съ созерцательнымъ оттѣнкомъ, какъ выражаемое и пробуждаемое живописью. Природа скульптуры: очертаніе трехъ измѣреній, какъ основа ея; первозданная природа человѣка, какъ выражаемое и пробуждаемое скульптурою. Природа музыки: форма во времени, какъ выражающее въ музыкѣ; жизнь духа, какъ выражаемое и пробуждаемое музыкой. О природѣ поэзіи; ей присуща форма, соединенная изъ пространственныхъ и временныхъ элементовъ; языкъ и ритмъ, какъ временный элементъ въ поэтической формѣ; образы и картины, составляющіе содержаніе, какъ пространственный элементъ въ поэтической формѣ. — IV. О типѣ и о характерѣ, какъ двухъ видахъ, подъ которыми является образъ въ поэтическихъ произведеніяхъ; противоположность ихъ; ихъ взаимное отношеніе; ихъ родъ въ жизни и въ исторіи. — V. О поэзіи и о художественности, какъ о двухъ способахъ изображенія прекраснаго въ области слова; источникъ поэтическихъ образовъ и источникъ художественныхъ образовъ; процессъ образованія и усовершенствованія первыхъ и вторыхъ; что такое міръ художественныхъ образовъ и что такое міръ поэтическихъ образовъ. — VI. О двухъ способахъ художественнаго пониманія и изображенія — объективномъ и субъективномъ; о художникѣ-наблюдателѣ и художникѣ-психологѣ; что по преимуществу можетъ и должно быть изобра-

жаемо первымъ и вторымъ; о распаденіи духа въ художникѣ-психологѣ; какимъ образомъ онъ можетъ знать и понимать такія стороны въ человѣкѣ и такія явленія въ жизни, которыя еще не обнаружились въ исторіи.—VII. О способности искусства осложняться вліяніемъ другихъ сторонъ жизни и осложнять ихъ собою; господствующая форма въ «смѣшанныхъ вещахъ», творимыхъ человѣкомъ, и форма привходящая и осложняющая; важность различенія этихъ двухъ формъ.—VIII. О происхожденіи искусства; его безсознательность, невольность и необходимость.—IX. О цѣли искусства; ошибочность въ опредѣленіи ея, происходящая отъ смѣшенія первой и второй формы въ искусствѣ; объ искусствѣ натуральномъ и объ искусствѣ чистомъ.—X. О сходствѣ и различіи въ искусствѣ; что умѣстно, какъ изображаемое, въ одномъ родѣ искусства, и неумѣстно въ другомъ родѣ его; какіе способы изображенія умѣстны и неумѣстны въ различныхъ видахъ искусства.—XI. О числѣ и мѣрѣ въ искусствѣ: въ архитектурѣ, въ живописи, въ скульптурѣ, въ поэзіи.—XII. Красота, какъ содержаніе искусства; трудность уловить, въ чемъ состоитъ она; вѣроятность, что сущность ея состоитъ въ томъ, отъ чего удалился человѣкъ и въ томъ, къ чему онъ не приблизился еще.—XIII. *Религія*, какъ ученіе о нарушенномъ и возстановленномъ отношеніи человѣка къ Творцу его природы; ея отношеніе къ текущей дѣйствительности; ея значеніе въ исторіи; необходимость откровенія; какимъ образомъ изъ наблюденій надъ природою человѣка можетъ быть выведено понятіе о Творцѣ, какъ источникѣ ея.—XIV. О достоинствѣ религіозной жизни; о внутреннемъ страданіи человѣческой природы; объ объективной необходимости религіи. Гдѣ источникъ упадка религіознаго чувства?—XV. *Право, нравственность* и *государство*. Свобода, какъ цѣль права; добродѣтель, какъ цѣль нравственности; польза, какъ цѣль государства. Внѣшнія, внутреннія и массовыя отношенія людей, какъ три различныя сферы дѣятельности права, нравственности и государства. Что въ природѣ человѣка служитъ источникомъ этихъ трехъ формъ жизни.

I. *Ученіе о творимомъ* есть послѣдняя изъ трехъ формъ, въ которыхъ познается человѣческое творчество,—форма замыкающая. Предметъ его — то, что является съ окончаніемъ творческихъ процессовъ, какъ смѣшанное изъ формы, исшедшей изъ духа, и изъ вещества, даннаго природою.

Это то, что мы назвали *формами жизни*, и на что эта послѣдняя разлагается при анализѣ, какъ на свои образующіе элементы. Онѣ слѣдующія: *наука, искусство, нравственность, право, религія* и *государство*. Изъ нихъ первая есть произведеніе формы, исшедшей изъ разума; послѣднее есть произведеніе формы, прошедшей черезъ волю; а всѣ остальныя суть произведенія формъ, исшедшихъ изъ чувства.

II. Ученіе о *наукѣ* есть изложеніе не истинъ, которыя въ ней, но истинъ объ ней самой. — о томъ, въ чемъ состоитъ ея природа, каковы ея свойства, какое она

имѣетъ назначеніе и, наконецъ, каково сходство и различіе ея какъ внѣшнее, такъ и внутреннее.

Подобно другимъ смѣшаннымъ вещамъ, являющимся по окончаніи творческихъ процессовъ, наука состоитъ изъ того, что дано природою и изъ того, что исходитъ отъ духа. Природою даны здѣсь *объекты* — то, что̀ познается; такова всякая единичная познаваемая вещь, каждый родъ сходныхъ вещей, наконецъ весь міръ, въ которомъ лежатъ эти вещи. Изъ духа же исходитъ *форма познанія*, опредѣляющая, что̀ именно въ данномъ природою можетъ быть познано. Это схемы разума, соединеніе которыхъ образуетъ собою форму пониманія. Въ своемъ чистомъ, первозданномъ видѣ эта послѣдняя есть способность и стремленіе опредѣлить существованіе, природу, свойства, причину, цѣль, сходство и различіе и число — чего именно, это не опредѣлено разумомъ. Поэтому безпримѣсная форма пониманія есть нѣчто невыразимое, непередаваемое, неощутимое, — какъ и должна быть всякая форма духа. Исшедшая же изъ него и соединенная съ предметомъ, лежащимъ въ вещественномъ мірѣ, она получаетъ видимыя очертанія, становится выразимою въ словѣ и передаваемою. Это *истина*, какъ понятое существующее, какъ смѣшанный результатъ творческаго процесса, и она образуетъ собою науку.

Назначеніе науки состоитъ въ томъ, чтобы познавъ все познаваемое окончательно удовлетворить разумъ и доставить ему успокоеніе. То-есть уничтожить часть зла, лежащаго въ мірѣ, именно ту, которая присуща разуму — боль въ немъ отъ сознанія незнанія, безпокойство отъ неувѣренности въ знаніи, наконецъ ложь, призраки, фантомы, которыми онъ наполнилъ свое существованіе избѣгая боли незнанія и не находя силъ къ знанію. И уничтожить зло это — замѣнить его благомъ спокойнаго созерцанія истины, чистой и законченной.

Таково общее назначеніе науки. Чтобы точнѣе и конкретнѣе опредѣлить его, слѣдуетъ обозрѣть и распредѣлить предметы познаваемые, и съ тѣмъ вмѣстѣ заранѣе,

идеально, предначертать путь, который ей предстоитъ пройти. Это значитъ дать ея построеніе — то, что мы излагаемъ здѣсь.

Сходство и различіе наука имѣетъ внѣшнее и внутреннее. Первое касается сходственныхъ отношеній ея къ другимъ формамъ творчества — къ искусству, нравственности, праву, государству и религіи, а второе касается сходственныхъ отношеній отдѣльныхъ наукъ между собою. Это — то, что извѣстно подъ именемъ «классификаціи наукъ», соединеніе сходнаго въ наукахъ въ одно и распредѣленіе различнаго въ нихъ въ особое. Основывается это различеніе или на различіи методовъ, съ помощью которыхъ пріобрѣтены знанія, или на различіи предметовъ, о которыхъ пріобрѣтены знанія. Такъ явились дѣленія наукъ на опытныя и умозрительныя, или на синтетическія и аналитическія, или на дедуктивныя и индуктивныя; или еще (по предметамъ познаваемымъ) — на физическія, математическія, гуманныя, филологическія, естественныя, и пр. Оба эти дѣленія неудобны, и хотя справедливы — потому что отчего же и не дѣлить такъ науки, и вообще что значитъ несправедливо распредѣлить что либо? — однако не соотвѣтствуютъ какъ то природѣ науки. Первое дѣленіе — по методамъ — неудобно потому, что ни опытъ не можетъ совершенно обойтись безъ умозрѣнія, ни умозрѣніе не должно избѣгать опыта, и вообще едва ли какая отрасль пониманія, если взять ее отъ первыхъ основаній и до послѣднихъ вершинъ, можетъ быть выполнена какимъ либо однимъ исключительно методомъ. Но если такимъ образомъ трудно найти науку, которая бы легко подходила подъ это дѣленіе, то за то очень легко найти, и не одну, а многія науки, которыя уже ни какъ не могутъ быть подведены подъ него. Таковы всѣ науки съ несомнѣнно смѣшаннымъ характеромъ метода, напримѣръ механика, астрономія, физика, гдѣ опытъ нисколько не перевѣшиваетъ умозрѣнія (математическая сторона), и умозрѣніе нисколько не перевѣшиваетъ опыта; или политика, гдѣ есть и описаніе (строя политическихъ формъ)

и повѣствованіе (объ ихъ происхожденіи), и разсужденіе. Спрашивается, куда отнесемъ мы всѣ эти науки, если въ основу дѣленія примемъ методъ? Второе дѣленіе — по объектамъ познаваемымъ — неудобно потому, что здѣсь для правильнаго соединенія и раздѣленія наукъ въ группы необходимо уже предварительное знаніе ихъ содержанія, которое едвали возможно пріобрѣсти, когда они совершенно нераздѣлены; т. е. здѣсь для того, чтобы совершить классификацію, нужно, чтобы она уже предварительно существовала; но какъ же произвести тогда первую классификацію? Поэтому истинное дѣленіе, въ смыслѣ соотвѣтствія природѣ науки, мы думаемъ, есть одно. Это — то, въ которомъ за основаніе принято распаденіе пониманія на познающее, познаваніе и познаваемое; и далѣе распаденіе послѣдняго — также по элементамъ пониманія — на ученіе о существованіи, о сущности, о свойствахъ, о причинѣ, о цѣли, о сходствѣ и различіи и о числѣ; и, наконецъ, распаденіе каждаго изъ этихъ ученій на общую теорію, въ которой опредѣляется, во-первыхъ, что̀ такое познаваемая сторона бытія, и во-вторыхъ каковы ея отношенія къ другимъ его сторонамъ, и на двѣ частныя формы: на проявленіе этой общей стороны бытія въ единичныхъ вещахъ и группахъ ихъ (роды и виды) и въ томъ цѣломъ, которое содержитъ въ себѣ всѣ вещи (Космосъ).

Наконецъ, въ ученіи о числѣ науки слѣдуетъ опредѣлить, есть ли одна наука, или многія. Вопросъ этотъ безъ затрудненія и несомнѣнно разрѣшается въ пользу перваго изъ двухъ возможныхъ предположеній. И въ самомъ дѣлѣ, еслѝбъ науки были многія, а не одна, то тогда сверхъ каждой отдѣльной не было бы другой, по отношенію къ которой она есть часть. Между тѣмъ такихъ наукъ нѣтъ. Какую бы мы ни взяли между ними, непремѣнно она окажется только вѣтвью другой науки, болѣе общей, пока всѣ онѣ, не сольются въ одно высшее — въ *Пониманіе*, ни надъ которымъ, ни внѣ котораго нѣтъ уже никакого познанія и ни одной истины.

III. Въ *искусствѣ* форма, исходящая изъ духа, является какъ *очертаніе;* а то, что дано природою, входитъ въ эту форму или какъ *вещество*, или какъ его *явленіе*. При этомъ въ трехъ видахъ искусства — въ живописи, скульптурѣ и архитектурѣ — очертаніе является *пространственнымъ*, въ музыкѣ — *временнымъ*, и въ поэзіи — *соединеннымъ изъ того и другого.*

Въ *архитектурѣ* — самомъ простомъ и, какъ кажется, самомъ древнемъ изъ искусствъ — это *пространственное очертаніе является въ формѣ линіи или соединенія линій*. Въ ней то, что между линіями или внѣ ихъ, есть физически необходимое, безъ чего нельзя было бы появиться линіямъ, но ничего не выражающее, — есть не значущее, на что опирается значущее; также и то, изъ чего состоятъ линіи, не имѣетъ значенія. Поэтому зданія съ одинаковымъ искусствомъ построенныя изъ дерева, кирпича или мрамора, одинаковы какъ произведенія искусства, и равноцѣнны какъ таковыя. Линіи изъ всѣхъ видовъ очертанія отличаются наибольшею общностью; а съ тѣмъ вмѣстѣ и архитектура, черезъ нихъ дѣйствующая, выражаетъ и пробуждаетъ ту общую форму чувства, которую мы назвали ранѣе *настроеніемъ* [1]). Этимъ объясняется, что архитектура имѣетъ *стили,* какъ тожество въ замыслѣ и въ духѣ въ теченіе многихъ вѣковъ и на большомъ пространствѣ: изъ всѣхъ видовъ чувства только настроенія имѣютъ настолько общій характеръ, что они овладѣваютъ цѣлыми народами, и нерѣдко не исчезаютъ въ теченіе всей ихъ исторической жизни. *Стиль* именно и есть внѣшняя, выраженная въ линіяхъ форма настроенія (въ его самомъ общемъ видѣ), которое яснѣе, чѣмъ другими, испытывается зодчимъ, но присуще не ему одному, но всему народу, къ которому онъ принадлежитъ, и цѣлой эпохѣ въ которой онъ живетъ. Поэтому стили измѣняются съ измѣненіемъ историческихъ настроеній, и у народовъ въ одинаковыхъ настроенныхъ бываютъ различные. Вотъ по

[1]) О настроеніи, какъ особой формѣ чувства, см. выше стр. 375.

чему про архитектуру можно сказать, что тогда какъ другія искусства творитъ человѣкъ, она и созданная исходитъ и созданная вліетъ на народъ, и ему всему принадлежитъ всецѣло. Отсюда безъимянность отдѣльныхъ произведеній зодчества и, сравнительно съ другими родами искусства, малое значеніе каждаго въ отдѣльности произведенія въ ряду всѣхъ прочихъ. Отсюда же низшее значеніе этого вида искусства сравнительно съ другими образными искусствами: въ немъ не проступила еще личность человѣка, оно лишено индивидуальности. Но въ замѣнъ этого архитектурѣ присущи величіе и сила, — то особенное величіе и та особенная сила, которая тайно чувствуется въ массахъ, какъ въ множествѣ человѣческихъ существъ, и въ исторіи — какъ въ жизни рядовъ поколѣній. Передъ этою силою, какъ бы ни велики были силы генія, онѣ кажутся блѣдными и слабыми, хотя быть можетъ и болѣе прекрасными. Въ зодчествѣ и зодчествомъ живутъ народы, въ прочихъ искусствахъ — человѣкъ.

Въ *живописи пространственное очертаніе, исходящее изъ духа, является* не подъ формою линіи, но *подъ формою плоскости*. И такъ какъ она одна, всюду тожественная себѣ, а чувство, выражаемое искусствомъ, разнообразно, то въ живописи существенными пособіями привходятъ элементы другихъ образныхъ искусствъ, архитектуры и скульптуры — *линія* и *контуръ*, которые разнообразны. Самое же основаніе ея — плоскость — настолько исходитъ и затемняется ими, что является лишь тѣмъ, къ чему приспособляется приходящее и на чемъ укрѣпляется оно. Отсюда значеніе рисунка въ живописи, какъ линейнаго очертанія, и перспективы, какъ придающей скульптурность нарисованному образу. Однако есть въ живописи нѣчто, чего нѣтъ и не можетъ быть выражено ни въ линіяхъ, ни въ контурахъ, и что способны они выразить, только приспособляясь къ плоскости, лежа въ ней: есть нѣчто, въ чемъ живопись превосходитъ всѣ прочія искусства. Это міръ безчисленныхъ прекрасныхъ чувствъ, съ оттѣнкомъ созерцательнымъ, въ которыхъ глубоко

выражается личность человѣка со всѣми своими безконечными изгибами; чувствъ, которыя перестали быть волненіями и перешли въ настроенія, однако же не настолько общія, слишкомъ личныя, чтобы они какимъ бы то ни было образомъ могли быть выражены въ архитектурѣ. Вотъ почему въ эпоху Возрожденія, когда съ одной стороны такъ глубоко былъ взволнованъ человѣческій духъ и личность, въ противоположность массѣ, еще впервые и такъ прекрасно выразилась въ исторіи; а съ другой стороны, когда и вѣковое предъидущее настроеніе, сказавшееся въ готикѣ, и знакомство съ древностью, которой искусство также служило выраженіемъ настроенія, придало этому возбужденному и личному духу мягкость и созерцательность — въ эту именно эпоху возникла и быстро потухла несравненная живопись, единственная въ исторіи, которая ничѣмъ не была подготовлена и которую никто не въ силахъ былъ продолжать. Наконецъ внѣ линейныхъ очертаній и внѣ перспективы въ живописи есть еще одно, что, какъ мы думаемъ, присуще ей именно какъ образному выраженію чувствъ при помощи плоскости. Это *тѣни* и *краски*. Съ ихъ пособіемъ геометрическая плоскость, всюду неизмѣнная и тожественная, становится не та же здѣсь и не та же въ другомъ мѣстѣ. Тѣнь и краски — это то, что лежа въ плоскости придаетъ ей разнообразіе, и черезъ это дѣлаютъ ее — именно ее, а уже не линію и контуръ — способною выражать міръ разнообразныхъ чувствъ. При этомъ то, что способны выразить тѣнь и краски, не выразимо ни линіями, ни скульптурными формами вслѣдствіе одной ихъ особенности. И тѣ и другія по самой сущности своей не могутъ быть неопредѣленны. Линія или есть — и тогда она опредѣленна, или она неясна — и тогда ея нѣтъ; точно также скульптурная форма всегда твердо выражена, или же ея нѣтъ вовсе, какъ формы она становится безобразною. Словомъ граница, предѣлъ присущи линіи и объему по самой природѣ ихъ. Поэтому и въ зодчествѣ и въ ваяніи могутъ быть выражены чувства только опредѣленныя, т. е. закончившіяся. Напро-

тивъ особенность тѣни и красокъ состоитъ въ томъ, что они могутъ проступать и переливаться, то исчезая почти совершенно, то ярко играя, то едва мерцая, и при этомъ незамѣтно переходя одна въ другую; такъ что нельзя сказать, гдѣ начинается одно очертаніе и гдѣ кончается другое. Оставаясь пространственою формою, онѣ такимъ образомъ чужды предѣла, границы. Вотъ почему въ живописи можетъ гораздо удобнѣе, полнѣе и справедливѣе отразиться внутренній міръ человѣка, нежели во всѣхъ другихъ образныхъ искусствахъ. И въ особенности все, что есть неуловимаго, безконечнаго въ человѣческой душѣ, все, что или только зарождаясь не сдѣлалось еще рѣзко очерченнымъ, или замирая утратило уже грубыя формы, можетъ найти въ этомъ родѣ искусства несравненное выраженіе.

Въ *скульптурѣ или ваяніи пространственная форма, исходящая изъ духа, является подъ формою объема, какъ очертанія трехъ измѣреній.* Средствами она бѣднѣе, чѣмъ живопись, потому что можетъ изображать только человѣка, тогда какъ послѣднія — и то, что окружаетъ человѣка, въ чемъ отражается его духъ (бытовыя картины) и что отражается въ его духѣ (природа). Но какъ бы вознаграждая собою отсутствіе разнообразія, это одно средство такъ могущественно, что то немногое и неразнообразное, что выражаетъ скульптура, выражается ею съ силою и совершенствомъ, какія недоступны другимъ видамъ искусства. Архитектура отражаетъ въ себѣ настроеніе человѣка какъ бы символически, въ линіяхъ, которыя будучи извѣстнымъ образомъ соединены между собою, получаютъ непостижимую тайную способность выражать человѣка и выраженное передавать другому. Въ живописи образъ человѣка, какъ бы хорошо ни былъ онъ нарисованъ, есть все-таки лишь подобіе, копія человѣка — какъ бы тѣнь его, но не онъ самъ. Только въ одной скульптурѣ является самъ человѣкъ, — тотъ, котораго то символически, то черезъ уподобленія безсильно стараются выразить всѣ роды искусства. И потому-то она

есть совершеннѣйшій родъ искусства; въ ней — достигнутое, тогда какъ другія искусства — только достигающее.

Я склоненъ думать, что по самой природѣ своей, строго очертанной, скульптура хотя и можетъ выражать настроенія человѣка и чувства его, однако не должна, такъ какъ неспособна сдѣлать этого полно, совершенно и справедливо, какъ это можетъ сдѣлать живопись. Предметъ ея — *человѣкъ неизмѣненный*, человѣкъ ранѣе, чѣмъ узналъ страданія, чѣмъ чувствовалъ радость; ранѣе, чѣмъ испыталъ все то горькое, что мучитъ его въ жизни, и все то сладкое, что утоляетъ его мученія. Поэтому страдающее лицо, равно какъ радостное, ошибка въ скульптурѣ и умѣстно въ живописи; тогда какъ спокойное лицо, не отражающее въ себѣ ни горя, ни радости, ошибка въ живописи и умѣстно въ скульптурѣ. Въ послѣдней можетъ быть выражена и должна быть выражаема природа человѣка такъ, какъ она есть, полно и совершенно; живопись выражаетъ состоянія человѣка, рисуетъ не того, кто есть, но такимъ, какимъ бываетъ тотъ, кто есть. Въ нарисованномъ образѣ мы читаемъ всѣ пробѣгающія чувства и мысли, и переживаемъ всѣ отразившіяся въ его чертахъ прошлыя страданія и радости. Въ изваянномъ образѣ мы видимъ то, что способно испытать всѣ радости и горести, одинаково и тѣ, которыя есть въ нарисованномъ образѣ, и всякія другія. Мы видимъ въ немъ не того или другого человѣка, но просто человѣка, не къ тому или другому способнаго, но ко всему способнаго, не въ тотъ или другой мигъ, но такимъ, какимъ какъ будто бы онъ долженъ былъ пребыть вѣчно. И то, что изображаетъ живопись, есть только отклоненіе отъ этого вѣчнаго, какъ бы недостатокъ, о которомъ нужно сожалѣть, неправильность, которую нужно изгладить. Выражаясь аллегорически, чтобы точнѣе передать свою мысль, мы сказали бы, что въ скульптурѣ человѣкъ и отражаетъ и отражается до паденія, или еще не создавъ своего паденія: живопись — это искусство падшаго человѣка, обреченнаго на трудъ и на страданія и уже почувствовавшаго ихъ

Все сказанное объясняетъ, почему именно въ античномъ мірѣ, гдѣ природа человѣческая развилась такъ полно и такъ совершенно, безъ недостатковъ и безъ уклоненій, въ этомъ мірѣ, гдѣ человѣчество узнало свое дѣтство и юность, не искаженную страданіемъ и не просвѣтленную имъ, — искусство было по преимуществу скульптурою. Сохранилось извѣстіе [1]), что когда греки приходили и смотрѣли на изображеніе Зевса Олимпійскаго, сдѣланное Фидіасомъ — это высшее, до чего достигла въ исторіи скульптура — то они забывали свои горести и печали. Быть можетъ мы не исказимъ этого преданія и объясненіемъ его, если скажемъ, что забывая горести они не испытывали въ этотъ мигъ и радости, но какъ бы освободившись отъ своей бренной оболочки испытывали то безпечальное состояніе, въ которомъ жили ихъ прекрасные боги, эти совершеннѣйшіе изъ людей. Это было временное освобожденіе отъ всего, привнесеннаго жизнью, и возвращеніе къ чистой, первозданной природѣ своей. И сказанное объясняетъ также, почему съ паденіемъ античнаго міра, съ эрою христіанства, съ которымъ такъ много почувствовало человѣчество и въ которомъ такъ много пережило оно, искусство стало по преимуществу живописью. Но здѣсь мы должны перейти къ другому роду искусства, которое наравнѣ съ живописью и даже еще болѣе, чѣмъ она, стало господствующею выразительницею внутренняго міра человѣка. Это музыка.

Въ *музыкѣ форма, исходящая изъ духа, есть не пространственное очертаніе, но временное,* и потому именно то, что входитъ въ эту форму со стороны природы, есть не вещество, но явленіе вещества — звукъ. Элементы этой особенной формы не сосуществуютъ другъ съ другомъ, но слѣдуютъ другъ за другомъ, и поэтому не дѣйствуютъ на зрѣніе, какъ образъ, но какъ тонъ — на слухъ.

На сколько отлична природа музыки отъ природы образныхъ искусствъ, на столько же отлично то, что выра-

[1]) Если не ошибаемся, у *Плутарха* въ жизнеописаніи Перикла.

жаетъ она, отъ того, что выражаютъ они. Въ образѣ, будетъ ли онъ состоять изъ линій, красокъ или мрамора, всегда есть нѣчто *запечатлѣнное и ставшее неподвижнымъ*, какъ неподвижны линіи, краски и мраморъ, изъ которыхъ состоитъ онъ. Въ немъ всегда выражается состояніе духа — первозданной природы его въ скульптурѣ, чувства съ созерцательнымъ оттѣнкомъ въ живописи, настроенія въ архитектурѣ. Только въ музыкѣ, гдѣ очертанія преемственны, а не одновременны, гдѣ формы движутся, а не пребываютъ, выражается *жизнь духа — то, что между состояніями, что выходитъ изъ нихъ и въ нихъ же разрѣшается.* И такъ какъ духъ есть по преимуществу жизнь, и всѣ явленія въ немъ совершаются во времени, то музыка есть по преимуществу выраженіе духа.

Отсюда происходитъ то, что музыка полнѣе прочихъ искусствъ, ближе человѣку, чѣмъ они, и творчество въ ней обходится для него дороже, нежели творчество въ ихъ области. Созерцательность присуща всѣмъ образнымъ искусствамъ, и спокойствіе есть естественное состояніе художника. Напротивъ въ музыкѣ отражается потокъ чувствъ, и безпокойство духа присуще композитору. Творчество въ архитектурѣ, живописи и скульптурѣ есть наслажденіе ни съ чѣмъ не сравнимое, творчество въ музыкѣ есть нерѣдко страданіе, однако же такое, которое композиторъ не промѣнялъ ни на какія радости. Музыка ближе человѣку, чѣмъ прочія искусства, потому что созерцательныя состоянія не часты, не каждому знакомы, и въ нихъ есть радость; а то, въ чемъ мы находимъ отзвукъ на больныя стороны нашей души, дороже намъ и родственнѣе, чѣмъ то, что служитъ отраженіемъ нашей радости. Наконецъ музыка полнѣе другихъ искусствъ, потому что можетъ выразить всѣ чувства, тогда какъ они — только нѣкоторыя. Напр. ощущеніе тревоги, колебанія, неувѣренности не можетъ быть выражено ни въ какомъ образѣ и легко выражается въ звукахъ. Но главное, что дѣлаетъ музыку способною къ полнотѣ выраженія, это то, что ей, какъ преемственному очертанію, доступно выраженіе преем-

ственно раскрывающагося чувства. Въ ней композиторъ и передаетъ и возбуждаетъ въ слушающемъ и зарожденіе чувства, и его ростъ, и то, во что оно разрѣшается. Такъ напр. въ живописи въ отдѣльности могутъ быть выражены и грусть, и радость. Но какъ грусть разрѣшается въ радость, или какъ радость постепенно переходитъ въ грусть, выразить это она безсильна, а музыка можетъ.

Поэзія, мы сказали ранѣе, есть присоединеніе къ внѣшнему, лежащему въ природѣ, формы духа, въ которой сочетались и *пространственныя очертанія*, и *временныя*. Прибавимъ къ этому, что тогда какъ другія искусства пользуются нѣмыми формами, каковы звукъ, линія, тѣнь, вещество, которыя сами по себѣ ничего не выражаютъ и ничего не говорятъ душѣ человѣка и только извѣстнымъ образомъ *соединенныя* получаютъ эту удивительную способность, — поэзія пользуется какъ оформливаемымъ матеріаломъ, какъ живопись красками или скульптура мраморомъ — словами, изъ которыхъ каждое въ отдѣльности уже имѣетъ смыслъ и понятно. Соединяя эти слова своею пространственною и временною формою, поэзія творитъ новое, чего не было ни въ одномъ изъ соединенныхъ словъ, и что слѣдовательно принадлежитъ ей исключительно, какъ особому виду творчества. Совершенно такъ, какъ разумъ, соединяя другимъ образомъ тѣ же слова, получаетъ новое, въ нихъ не заключенное — выведенную истину. Въ обоихъ случаяхъ происходитъ одно и то же, только изъ различныхъ источниковъ, надъ различнымъ содержаніемъ, съ различнымъ результатомъ.

То, что входитъ въ поэзію музыкальнымъ элементомъ, то-есть какъ *временное очертаніе*, есть *ритмъ* для стиховъ и *языкъ* (слогъ) для прозы. Независимо отъ смысла тѣхъ словъ, которыя заключены въ ритмѣ и въ языкѣ, и этотъ языкъ и этотъ ритмъ имѣютъ свой смыслъ. И если мы захотимъ черезъ сходное объяснить его, то найдемъ равное ему въ смыслѣ и въ содержаніи музыки. Ритмъ и языкъ служатъ какъ бы общею основою, на которой от-

дѣльныя слова ткутъ тотъ узоръ, который мы называемъ предметомъ или содержаніемъ поэтическаго произведенія; въ нихъ тонъ, который разработывается и точнѣе выражается черезъ то, что говорится въ этомъ тонѣ. Поэтому между тѣмъ, *что* говорится въ поэтическомъ произведеніи или сюжетомъ и между тѣмъ, *какъ* говорится въ немъ или ритмомъ и языкомъ, должно быть строгое соотвѣтствіе; иначе получится разладъ, дисгармонія въ цѣломъ. Это законъ тожества между явнымъ смысломъ содержанія и между тайнымъ смысломъ формы въ поэзіи, который объясняетъ и требуетъ, чтобы эти два элемента одного и того же произведенія взаимно усиливали другъ друга, а не ослабляли черезъ разногласіе. Приведемъ нѣсколько примѣровъ, которые яснѣе покажутъ, что у формы поэтическаго произведенія независимо отъ сюжета есть свое содержаніе, только общѣе выраженное, чѣмъ въ сюжетѣ, и что оба эти содержанія должны совпадать въ каждомъ отдѣльномъ произведеніи. Если бы событія временъ Алексѣя Михайловича и характеръ этого государя описывались языкомъ Тацита, или если бъ исторія римскихъ цезарей разсказывалась языкомъ, который необходимъ въ разсказѣ о царствованіи Алексѣя Михайловича, то въ обоихъ случаяхъ получилось бы нѣчто смѣшное, и какъ бы точно на несоотвѣтствующемъ языкѣ ни были переданы факты этихъ различныхъ эпохъ, и та и другая исторія была бы несправедлива, просто невѣрна. Какъ въ литературныхъ произведеніяхъ, въ нихъ духъ, выраженный въ языкѣ, находился бы въ противорѣчіи съ содержаніемъ, которое выражено въ точномъ смыслѣ словъ; и поэтому именно, какъ въ исторіи, въ нихъ факты являлись бы единичными проявленіями общаго, съ ними не схожаго. Все вмѣстѣ было бы также неправдоподобно, какъ развитіе пальмы изъ сѣмени дуба, или звукъ изъ красоты, также несообразно и безсмысленно, какъ плачъ въ весело смѣющемся, или смѣхъ въ горько плачущемъ. Точно также если бы какой нибудь веселый разсказъ велся въ торжественныхъ стихахъ, или если бы

торжественное содержаніе было вложено въ шутливые стихи, то получилось бы нѣчто безобразное и отвратительное. Напр. если бы содержаніе «Трехъ пальмъ» или стихотворенія

«Это случилось въ послѣдніе годы могучаго Рима:
«Царствовалъ грозный Тиверій и гналъ христіанъ безпощадно.
«По ежедневно, на мѣстѣ отрубленныхъ вѣтвей у древа
«Церкви Христовой голые вновь зеленѣли побѣги...

и т. д. было разсказано въ имбахъ, какъ «Евгеній Онѣгинъ», то это были бы пародіи съ веселымъ характеромъ, а не серьезныя поэтическія произведенія, какія мы знаемъ. Или наоборотъ, еслибы Евгеній Онѣгинъ былъ разсказанъ этими стихами:

«Тщетно, художникъ, ты мнишь, что твореній своихъ ты создатель..
«Вѣчно носились они надъ землею незримые оку...»

то получилось бы произведеніе не болѣе поэтичное и столь же смѣшное, какъ «Россіида» Хераскова, даже въ томъ случаѣ, еслибы великолѣпные стихи Толстого и не были замѣнены стихами нашего добраго и простодушнаго поэта, память котораго мы никакъ не хотѣли бы оскорбить здѣсь. Въ этихъ случаяхъ говоря «торжественные стихи», «шутливые стихи» — что справедливо и понятно — мы говоримъ именно о томъ содержаніи, томъ смыслѣ и тонѣ, который присущъ ритму и языку совершенно независимо отъ точнаго смысла словъ, которые вложены въ этотъ ритмъ и соединены въ этомъ языкѣ, льются въ нихъ какъ воды потока въ руслѣ своемъ. Это то же явленіе, что общая мелодія по отношенію къ отдѣльнымъ формамъ музыкальнаго произведенія, которыя ею проникнуты; что общее чувство по отношенію къ единичному образу, въ которомъ оно выражено, напр. грусть по отношенію къ грустному лицу; или, наконецъ — и это точнѣе всего — тоже, что отдѣльное произведеніе зодчества по отношенію къ общему стилю, въ которомъ оно выполнено. Подобно тому какъ мелодія въ музыкѣ, какъ чувство въ живописи, какъ стиль въ архитектурѣ, ритмъ и языкъ есть выраженіе

того общаго настроенія художника или поэта, подъ вліяніемъ котораго онъ избралъ для своего произведенія именно этотъ сюжетъ, а не другой какой либо, и въ немъ, какъ въ рядѣ частностей, точнѣе, подробнѣе и отчетливѣе выразилъ то, что какъ въ общемъ, еще неясно и неопредѣленно онъ выразилъ уже въ ритмѣ или въ языкѣ. И я склоненъ думать, какъ это ни странно покажется съ перваго раза, что языкъ произведенія и размѣръ стихотворенія предсуществуютъ самому произведенію и самому стихотворенію. У истинныхъ поэтовъ и писателей они вырисовываются ранѣе, чѣмъ въ найденномъ сюжетѣ онъ осуществитъ и полнѣе разовьетъ ихъ.

Это частное, съ помощью чего разработывается то общее, что уже сказано въ преемственныхъ очертаніяхъ поэзіи, есть *сюжетъ*, и съ нимъ входитъ въ нее второй элементъ формы — *пространственное очертаніе*. И въ самомъ дѣлѣ то, что въ художественныхъ произведеніяхъ мы привыкли называть содержаніемъ, какъ бы противопоставляя его формѣ, въ дѣйствительности есть такъ же форма, или точнѣе — второй, пространственный членъ формы. Въ немъ, въ этомъ содержаніи, только другимъ способомъ, чѣмъ въ живописи и въ скульптурѣ, рисуются поэтическіе образы, бытовыя сцены и картины природы, которые намъ становятся такъ же понятны, знакомы и дороги, какъ если бы мы знали ихъ въ дѣйствительности или видѣли нарисованными. И хотя то, изъ чего составляются эти картины и сцены (слова) и эти образы (отдѣльныя черты образа проступаютъ въ рядѣ слѣдующихъ одна за другою сценъ) преемственно во времени, однако то, что получается въ результатѣ этого, рисуется передъ нами вполнѣ какъ пространственный образъ или картина. Здѣсь временность въ подготовленіи, въ средствахъ, а не въ томъ, что является изъ подготовленнаго, не въ цѣли. Эти поэтическіе образы, картины и сцены суть формы, исходящія изъ духа, которыя ранѣе прошли черезъ душу поэта въ *цѣльномъ видѣ* (т. е. какъ пространственныя), и переходятъ въ воображеніе читателя также въ цѣль-

номъ видѣ, хотя передаются ему по частямъ, въ рядѣ преемственныхъ сценъ, которыя сильнѣе и сильнѣе оттѣняютъ и обрисовываютъ выводимое лицо; подобно тому какъ въ живописи съ каждымъ новымъ движеніемъ кисти яснѣе выясняется рисуемый образъ. Здѣсь, при чтеніи поэтическаго произведенія, происходитъ то же, какъ если бы зритель видѣлъ не готовую картину, но присутствовалъ бы во все время ея рисованія. Нарисованная картина отъ этого присутствія зрителя не перестала бы быть произведеніемъ образнаго искусства.

Вслѣдствіе того, что поэтическое произведеніе, въ противоположность произведеніямъ всѣхъ другихъ видовъ искусства, не только не разстраивается отъ введенія различныхъ и даже противоположныхъ образовъ, сценъ и картинъ, но даже выигрываетъ, происходитъ то, что, тогда какъ другія искусства всегда отражаютъ въ себѣ только человѣка, или какъ личность, или какъ народъ, поэзія отражаетъ въ себѣ и *человѣка* и *жизнь* его. Въ нее входятъ и думы, и чувства, и желанія поэта, и текущая жизнь во всемъ своемъ разнообразіи и со всѣми своими контрастами.

Относительно двухъ видовъ пространственныхъ очертаній въ поэзіи — *картинъ природы* и *бытовыхъ сценъ*, намъ не предстоитъ говорить много. Пониманіе того, какъ составляются первыя, содержится въ такъ называемой теоріи описанія; а о вторыхъ замѣтимъ только, что въ нихъ къ тому, что мы бы назвали «бытовою картиною» и что ничѣмъ, кромѣ объекта, не отличается отъ описанія природы, прибавляются еще небольшіе, но характерные разговоры лицъ, которыя сами по себѣ не настолько значительны, чтобы изображенію ихъ посвятить цѣльное произведеніе, но однако настолько типичны, такимъ крупнымъ элементомъ входятъ въ жизнь, что ихъ характеристика и можетъ уложиться въ рамку отдѣльной сцены, и необходима для воспроизведенія всей полноты жизни. Таковы отдѣльныя сцены военной жизни въ «Войнѣ и Мирѣ» гр. Л. Толстого, или свѣтской — у него же, въ «Аннѣ

Карениной», или прекрасныя сцены, въ которыхъ обрисована прислуга, въ сочиненіяхъ Гончарова («Обломовъ» и «Обрывъ») и Гоголя (разсужденія Осипа въ «Ревизорѣ»). Бытовыя сцены имѣютъ въ себѣ много общаго съ тѣмъ разрядомъ поэтическихъ образовъ, которые принято называть типами. То, что типъ по отношенію къ человѣку, то бытовая сцена по отношенію къ жизни. Она есть типическая черта изъ жизни, картина, въ которой отражена одна изъ ставшихъ типичною формъ жизни. И лица, которыя выводятся въ такихъ сценахъ, всегда суть собирательныя лица, выразители своего сословія или своей профессіи. И рисуются эти лица, тѣми же поэтическими красками и тѣми же пріемами, которыми рисуется и настоящій типъ, какъ образъ, съ тѣмъ только различіемъ, что не такъ полно, не такъ совершенно, и притомъ въ одинъ моментъ своей жизни, правда типичный для всѣхъ другихъ моментовъ ея, сходный со всѣми ими.

IV. Образы человѣка являются въ поэтическихъ произведеніяхъ подъ двумя формами — *характера* и *типа*. Типъ есть то, что существуетъ въ жизни; характеръ есть то, что появляется въ ней время отъ времени. Жизнь слагается изъ типовъ, рѣдко законченныхъ, большею частью не завершенныхъ, но стремящихся завершиться именно въ тѣ формы, которыя мы находимъ въ законченныхъ типахъ; характеры нарушаютъ собою правильное теченіе жизни и возмущаютъ спокойный укладъ ея. Типъ поэтому есть всегда собирательная личность — такихъ много, какъ онъ, и еще больше тѣхъ, которые безсознательно стремятся стать такими; характеръ всегда одинокъ — онъ стоитъ между типами, не похожій на нихъ, всегда смущающій ихъ. Типъ созданъ общими условіями жизни — тѣми, которыя всегда и которыя вездѣ; характеръ выходитъ изъ своей личности — сила внутренняго «я» переноситъ въ немъ силу внѣшнихъ обстоятельствъ. Исключительныя условія совершенствуютъ характеръ, усиливая то, что въ немъ есть характернаго, не похожаго на другихъ: подобно тому какъ обычныя условія совершенствуютъ

типъ, уничтожая въ немъ все, что могло бы выдаться изъ общаго уровня другихъ, которые составляютъ этотъ же типъ, какъ собирательную личность. Впрочемъ для характера нѣтъ обычныхъ условій — жизни ли, воспитанія ли, потому что и тѣ условія, которыя всюду и которыя всегда, дѣйствуютъ на характеръ совершенно иначе, чѣмъ на другихъ, именно потому, что въ душѣ его заложено иное, чѣмъ въ душѣ остальныхъ. Типами держится жизнь и на нихъ стоитъ она; характеры движутъ ее, всегда опираясь на себя, всегда сообразно со своими цѣлями. Первые являются какъ бы пассивнымъ элементомъ жизни, и вмѣстѣ устойчивымъ, прочнымъ; вторые являются въ жизнь какъ дѣятельное, измѣняющее начало. Въ типѣ все — отраженіе жизни, все — созданіе ея; характеръ — это прежде всего духъ, самостоятельный и замкнутый, богатый цѣлями и сильный въ стремленіи. Поэтому какъ въ исторической жизни, такъ и въ поэтическихъ произведеніяхъ, величайшій драматизмъ заключается въ борьбѣ между типами и между характеромъ. Въ извѣстномъ смыслѣ это борьба между матеріею и духомъ, между пассивнымъ началомъ природы и между дѣятельнымъ. Обыкновенно въ этой борьбѣ характеръ является побѣжденнымъ, но только временно и въ томъ одномъ, что есть въ немъ не духъ; типы же являются побѣдившими, но также временно, и также въ одномъ — въ томъ, что есть матерьяльно-грубаго въ нихъ. Тотъ, въ комъ характеръ, погибаетъ какъ тѣло, но погибая оставляетъ сѣмена свои, которыя разросшись даютъ ему побѣду, какъ духу; тѣ, кто типы, спираютъ, уничтожаютъ характеръ, возмутившій покой ихъ жизни, но то, что есть въ нихъ духа, уже не возвращается къ прежнему покою. Впрочемъ говоря о типѣ, какъ пассивномъ началѣ въ жизни, и о характерѣ, какъ дѣятельномъ, мы понимаемъ пассивность и дѣятельность въ самомъ широкомъ и въ самомъ глубокомъ смыслѣ. Дѣятельность — это то, что входитъ различающимъ началомъ въ жизнь, что уничтожаетъ тожество ея съ собою самою; пассивность — это то, что сопротивляется

начинающемуся различенію, что стремится удержать тождество жизни. Поэтому типъ — не тотъ, который вѣчно спокоенъ, и характеръ — не тотъ, который вѣчно суетится. Нерѣдко бываетъ наоборотъ. Если среди шумной и суетливой жизни, однообразно измѣнчивой, появляется человѣкъ съ созерцательною душою, если въ вихрь смѣняющихся взглядовъ и мыслей онъ вводитъ свое ясное и спокойное міросозерцаніе, глубоко обдуманное въ тишинѣ, то онъ характеръ, а они только типы. Типъ — это тотъ, который какъ всѣ, характеръ — это тотъ, который ни съ кѣмъ не схожъ, при чемъ каковы всѣ, это безразлично.

Что касается до взаимныхъ чувствъ и отношеній этихъ двухъ родовъ людей, то типы всегда ненавидятъ появляющійся среди нихъ характеръ и ненавидятъ тѣмъ сильнѣе, что не могутъ не цѣнить и не уважать его болѣе, чѣмъ себя, чѣмъ каждаго отдѣльнаго изъ лицъ, принадлежащихъ къ нимъ. Среди другаго, тутъ много зависти къ лучшему, точнѣе — много боли за себя, за свою низшую природу. Характеръ всегда презираетъ типы и думаетъ о нихъ тогда лишь и настолько, когда и насколько они мѣшаютъ ему жить съ міромъ своихъ идей и осуществлять ихъ. И тутъ много безсознательнаго, невольнаго. Втайнѣ типы всегда боятся характера; они избѣгаютъ вступать въ открытую борьбу съ нимъ и все сильнѣе ненавидя, и все сильнѣе боясь — уступаютъ ему, пока возможно, даже въ томъ, въ чемъ чувствуютъ правоту свою; но вступивъ въ борьбу, съ величайшимъ ожесточеніемъ и быстро уничтожаютъ его, при чемъ самая память погибшаго вызываетъ въ нихъ непреодолимую боязнь и ненависть. Характеръ пренебрегаетъ типами, онъ почти не враждебенъ имъ, потому что не думаетъ о нихъ, какъ бы не замѣчаетъ ихъ, пока своею злобою они не заставятъ его почувствовать себя. Типы и торжествуя остаются грустными, какъ побѣжденные — ихъ радости не достаетъ спокойнаго веселья; характеръ и погибаетъ какъ побѣдитель, съ неугасимою вѣрою въ тор-

7 жество свое — близкое или далекое, для него безразлично.

Поэтому въ жизни типы всегда съ безпокойствомъ смотрятъ на приближающійся къ нимъ характеръ, и безсознательно замыкаются при появленіи его. Жизнь, всегда открытая и непринужденная у типовъ, становится стѣснительною и тягостною. Она какъ бы прерывается на время, замираетъ, какъ замираетъ дыханіе въ стѣсненной груди. И среди этой принужденности появившійся характеръ живетъ одинъ непринужденною и открытою жизнью, даже не сознавая, какъ мучителенъ онъ для всѣхъ однимъ своимъ существованіемъ. И однако изъ нихъ никто не рѣшится потребовать этого стѣсняющаго всѣхъ существованія, а онъ ихъ тревожитъ, не замѣчая этого и не заботясь объ этомъ.

Наконецъ — и это любопытная черта — типы всегда понятны характеру, хотя онъ и не занимается внимательно ими. Всякій разъ, когда отъ внутренняго своего міра онъ обращаетъ взоры на внѣшнее, онъ видитъ людей и жизнь, какъ будто бы они были прозрачныя, и при томъ во всемъ ихъ объемѣ. Характеръ же всегда остается чѣмъ-то непонятнымъ для типовъ, хотя они только и занимаются имъ, разъ онъ появился среди нихъ. Даже другъ друга, не смотря на постоянную совмѣстную жизнь, они знаютъ менѣе, чѣмъ онъ, повидимому чуждый имъ, знаетъ каждаго изъ нихъ. Причина этого та, что въ характерѣ, какъ движущемся, есть все, что есть въ типахъ, и понимая свой внутренній міръ, онъ по одной внѣшней чертѣ сходства открываетъ внутренній міръ другихъ; въ типахъ же нѣтъ именно того, что составляетъ особенность характера — движенія. Поэтому что́ онъ, куда, ради чего — это непостижимо въ характерѣ, необъяснимо для типовъ.

Впрочемъ изъ того, что сказано здѣсь о взаимномъ отношеніи типовъ и характера, не слѣдуетъ умозаключать, что они только чужды и враждебны другъ другу. Въ высшемъ философскомъ и историческомъ смыслѣ они находятъ свое примиреніе, и существованіе ихъ другъ возлѣ друга получаетъ нравственную и роковую необходимость. Никогда характеръ не пріобрѣлъ бы той силы, которую

мы въ немъ наблюдаемъ, если бъ не встрѣчалъ въ жизни коснаго сопротивленія массы, не понимающей и враждебной: никогда любовь къ истинѣ и ненависть къ злу не разгоралась бы въ немъ до той страстности, которая даетъ ему способность двигать исторію и измѣнять жизнь, и никогда безъ этого сопротивленія и озлобленности его дѣятельность и гибель не освѣтилась бы тѣмъ чуднымъ свѣтомъ, который потомъ такъ привлекаетъ людей къ его памяти и такъ преображаетъ привлеченныхъ; здѣсь борьба и гибель — это историческая необходимость, это роковая невозможность для цѣлесообразности обойтись безъ причинности. Но есть и прямая взаимность между характеромъ и типами. Типы правда губятъ характеръ, но они же сообщаютъ и прочность его будущей побѣдѣ, какъ духа. Они охраняютъ наслѣдіе того, кто ими погубленъ, со всею своею неподвижностью и устойчивостью, именно какъ типы, отъ измѣняющаго вліянія послѣдующихъ характеровъ. Нужно замѣтить, что для характера съ его міромъ идей, чувствъ и стремленій опасенъ только характеръ же, съ другимъ, не похожимъ на его, міромъ идей и желаній. Такія встрѣчи, рѣдкія и въ исторіи, насколько мы знаемъ совершенно отсутствуютъ въ художественныхъ произведеніяхъ. Это потому, мы думаемъ, что характеръ всегда привлекаетъ и сковываетъ собою воображеніе художника, — какъ сковываетъ и леденитъ онъ собою жизнь типовъ, и это воображеніе не можетъ, сохраняя всю свою силу и все свое влеченіе къ одному — что необходимо для яркаго воспроизведенія характера — въ то же самое время не только создать, но и съ равною силою приковаться къ другому, противоположному характеру. Такой трагедіи еще не написано: но это была бы величайшая изъ трагедій. Въ жизни и въ исторіи такія встрѣчи случаются, но онѣ очень рѣдки.

V. Изображеніе характеровъ свойственно и *поэзіи и художественности*, а изображеніе типовъ свойственно опять художественности. Но здѣсь, назвавъ и противопоставивъ эти два явленія въ сферѣ литературнаго творчества, мы

должны остановиться, чтобы точнѣе разграничить ихъ. Поэзія есть по преимуществу созданіе воображенія, художественность есть главнымъ образомъ произведеніе наблюдательности. Впрочемъ и въ поэтѣ воображеніе управляется художественною мѣрою, и въ художникѣ наблюденіе согрѣвается поэтическимъ чувствомъ. Но для того и другаго эти взаимные дары не главное, то, что способляетъ творчеству, что необходимо для его совершенства, но что не творитъ само. Въ воображеніи поэта возникаютъ образы — не тѣ, которые въ жизни и которые онъ видитъ, но другіе, съ ними несхожіе и отъ нихъ не зависимые, — и потомъ при помощи художественной мѣры онъ отдѣляетъ въ нихъ все излишнее, ненужное, безобразящее. Постепенное уменьшеніе и сближеніе съ жизнью того, что обязано своимъ происхожденіемъ фантазіи, есть существенная сторона поэтическаго процесса. Художественный писатель наблюдаетъ жизнь, и то, что разбросано въ ней по частямъ, или что не докончено, не завершено, онъ соединяетъ въ одно и завершаетъ его въ цѣльное и полное жизни созданіе съ помощью слабаго поэтическаго воображенія. Здѣсь существенная сторона творчества есть, такимъ образомъ, не ослабленіе того, что было ранѣе, но усиленіе; образъ, неясный и смутный вначалѣ, долженъ проступить, выдѣлиться въ воображеніи художника, какъ бы вырисоваться изъ того отрывочнаго и безжизненнаго, что запало въ его душу изъ наблюдаемой жизни. Тамъ, въ поэзіи, происходитъ сближеніе съ жизнью того, что не сходно съ нею и не изъ нея произошло; здѣсь, наоборотъ, происходитъ удаленіе отъ жизни того, что тожественно съ нею и изъ нея взято. Поэтъ снисходитъ къ жизни, художникъ поднимается надъ нею. Первый исходитъ изъ субъективнаго міра въ объективный, второй — изъ объективнаго міра въ субъективный. Первый творитъ въ себѣ и сотворенное выноситъ въ жизнь; второй беретъ изъ жизни и уноситъ къ себѣ, въ себѣ преображаетъ и преображенное возвращаетъ въ жизнь. У перваго, вслѣдствіе указаннаго распредѣленія даровъ природы, недокончен-

ность созданія сказывается излишествомъ, вычурностью, даже безобразіемъ, — это обычные недостатки поэтовъ; у художниковъ по той же причинѣ чаще встрѣчается недостающее, блѣдность въ изображеніи. Въ первомъ случаѣ происходитъ сходное съ тѣмъ, какъ если бы духъ искалъ соотвѣтствующей себѣ формы и не успѣвъ найти ее воплотился во что-то уродливое, неправильное; во второмъ случаѣ какъ бы въ безжизненномъ тѣлѣ начала зарождаться жизнь и, не успѣвъ развиться, такъ и осталась блѣдною краскою въ лицѣ, и полуположившеюся улыбкой. Художественная литература, во всемъ своемъ объемѣ — это опоэтизированная жизнь, та же, которая есть, но только продуманная, прочувствованная, облитая высшимъ духовнымъ свѣтомъ, имъ согрѣтая и черезъ него ставшая понятною. Поэзія — это вторая жизнь, надъ тою, которая есть, и источникъ ея — въ духѣ поэта.

VI. Остановимся здѣсь еще на двухъ способахъ изображенія человѣка, изъ которыхъ одинъ употребляется преимущественно при обрисовкѣ типовъ, хотя не исключительно, а другой употребляется при обрисовкѣ характеровъ, впрочемъ также не исключительно. Первый способъ есть воспроизведеніе лица черезъ то, что оно говоритъ и дѣлаетъ; онъ присущъ *художникамъ-наблюдателямъ* и требуетъ для себя чрезвычайно тонкаго чувства мѣры. Второй способъ есть воспроизведеніе человѣка черезъ то, что онъ думаетъ и чувствуетъ, — здѣсь за совершаемымъ человѣкомъ видѣется совершающееся въ немъ. Этотъ способъ присущъ *художникамъ-психологамъ*, одареннымъ философскимъ пониманіемъ духа и жизни, взоръ которыхъ столь же часто обращается на свой собственный внутренній міръ, какъ и на міръ внѣшній. Съ помощью перваго способа трудно изобразить характеръ, потому что въ послѣднемъ главное — это именно внутренній міръ, и его внѣшность, всегда своеобразная, рѣдко можетъ быть наблюдаема. Поэтому въ характерѣ, когда за его изображеніе берется даже геній художникъ-наблюдатель, какъ бы онъ ни былъ прекрасенъ, всегда есть что-то недоконченное, непонят-

ное. Таковъ характеръ Вѣры въ «Обрывѣ» Гончарова. Онъ дорогъ намъ и знакомъ — такъ велика художественная сила нашего писателя, что онъ смогъ сдѣлать это вопреки самой природѣ своего дарованія — но онъ не ясенъ, не объяснимъ для насъ, какъ не ясенъ для самого художника, потому что отъ насъ скрытъ его внутренній міръ. Мы видимъ только его поступки и слова, но откуда вытекаютъ они, можемъ только догадываться. Впрочемъ и характеръ, изображаемый сильнымъ художникомъ-наблюдателемъ, не бываетъ уже такъ совершенно теменъ для насъ. Въ немъ нѣтъ ничего грубо недодѣланнаго, образъ стоитъ передъ нами во весь ростъ. Тутъ есть именно только недорисованность, нѣкоторая неясность за тѣмъ, что изображается; только недосказанность, но не ошибка въ сказанномъ уже. Нѣкоторыя черты стоящаго во весь ростъ человѣка скрыты въ тѣни; онѣ есть, и конечно соотвѣтствуютъ освѣщеннымъ его формамъ, но мы не можемъ только ихъ разглядѣть. Конечно у характера, едва ли даже не болѣе, чѣмъ у типа — потому что внутренно онъ всегда свободенъ, никогда не принужденъ — всѣ поступки и слова имѣютъ тѣсное соотношеніе съ духомъ, истекаютъ изъ него, и зная эти поступки и слова мы знаемъ и внутренній міръ его, но только неотчетливо. Мы никогда не ошибемся въ отрицаніи того, что этотъ характеръ не думаетъ, не чувствуетъ; только въ утвержденіи, что именно онъ чувствуетъ и думаетъ, мы затруднились бы. Не такъ у художника психолога, гдѣ каждое слово характера и типа какъ бы окружено мыслью и чувствомъ, исходитъ изъ нихъ, только въ звукахъ выражаетъ то, что уже безъ звука чувствуется и понимается въ немъ. Мы знаемъ, что хочетъ сказать каждое лицо, прежде чѣмъ оно нашло нужное слово для выраженія своей мысли. Таковы всѣ характеры и типы въ чудномъ произведеніи Л. Толстаго — «Аннѣ Карениной». Они движутся передъ нами, какъ прозрачные, не смотря на то, что одѣты плотью и кровью, и ихъ внутренній міръ намъ знакомъ не менѣе, чѣмъ нашъ собственный. Они иногда разсказываютъ намъ

свои сны. и мы знаемъ еще другіе, которые они намъ не разсказали. Мы не только ихъ чувствуемъ и осязаемъ, какъ живыхъ людей, какъ характеры художниковъ-наблюдателей, мы еще понимаемъ ихъ, какъ не понимаемъ ни себя часто, ни своихъ близкихъ, ни характеры и типы, изображенные художникомъ не психологомъ.

Недостаточный при обрисовкѣ характеровъ, первый способъ изображенія несравненъ при обрисовкѣ типовъ. Въ типѣ внутренній міръ несложенъ и неглубокъ, и именно потому, что онъ типъ, этотъ міръ всѣмъ знакомъ или извѣстенъ до нѣкоторой степени. То же, что типично въ типѣ. что составляетъ въ немъ неуловимыя характерныя черточки, сказывается именно въ словахъ и въ поступкахъ, часто такихъ же, какъ и у всякаго другаго человѣка, но иначе сказанныхъ и иначе сдѣланныхъ. Подмѣтить эту типичность, уловить это «иначе» въ словахъ и поступкахъ, незамѣтныхъ, незначущихъ, для этого необходимъ чудный даръ наблюденія, любовь къ внѣшней причудливо волнующейся жизни, любовь къ самому человѣку, такому, каковъ онъ есть. Здѣсь именно требуется художникъ, съ его созерцательною душою, съ его спокойнымъ наблюденіемъ, который любитъ всматриваться въ жизнь, а не размышлять о ней, и длиннымъ взглядомъ, съ интересомъ артиста, слѣдить за какою нибудь убѣгающею и прихотливо измѣняющеюся черточкою ея: подобно тому какъ, смотря на волненіе рѣки, нѣкоторые любятъ не столько наслаждаться общею картиною ея, сколько слѣдить за одною какою нибудь водною, далеко, далеко, пока она не потеряется изъ виду, и потомъ снова привязываться взглядомъ, опять къ чему нибудь одному, частному, но не ко всему, не къ общему. Такъ и въ нашей литературѣ, столь богатой и прекрасной въ изображеніи типовъ, несравненные по законченности типы даны именно Гончаровымъ, которому чуждъ психологическій анализъ, но который въ замѣнъ этого одаренъ глубокою артистичностью и теплою любовью къ жизни и къ человѣку, къ тому, что есть незамѣтнаго и неза-

чущаго въ нихъ, но въ чемъ сказываются они. Таковъ безсмертный типъ Обломова — лучшее, что до сихъ поръ создала литература типовъ. Это имя не только стало нарицательнымъ — таково свойство всякаго типа, какъ собирательной личности, что его имя становится названіемъ цѣлаго класса людей, тѣхъ именно, которые собраны въ одно и отражены въ немъ художникомъ — но оно дало еще свое названіе цѣлому явленію жизни, или точнѣе — одному опредѣленному ея состоянію, что, насколько намъ извѣстно, не было еще сдѣлано ни однимъ типомъ.

Второму способу одинаково доступно изображеніе типовъ и характеровъ, но характеровъ попреимуществу, и типовъ — съ меньшимъ сравнительно совершенствомъ, чѣмъ предъидущему способу, хотя все-таки значительнымъ. Какъ предъидущій способъ требуетъ отъ писателя наблюдательности, согрѣтой любовью къ жизни и къ человѣку, такъ этотъ способъ требуетъ разнообразія и глубины собственной духовной жизни, уже значительно разложившейся. Художникъ наблюдатель — всегда цѣльный человѣкъ, чуждый внутренняго разлада, быть можетъ отъ того и любящій жизнь и человѣка, что не чувствуетъ мучительности быть человѣкомъ и жить. Художникъ психологъ всегда больной человѣкъ — тотъ, у кого началось распаденіе духа, который утратилъ цѣльность психической жизни, хотя не до той степени, гдѣ начинается помѣшательство и безуміе. Тотъ духъ, который какъ форма формъ, въ другихъ людяхъ послѣдовательно, одна за другою, отдѣляетъ изъ себя формы, воплощаемыя во внѣшнемъ мірѣ, такъ что только въ жизни, творимой и многими, и въ долгое время, онъ наблюдается распавшимся на свои составныя части,— этотъ духъ, *ранѣе обнаруженія своего во внѣшнемъ, одновременно и въ единичной душѣ* художника психолога уже распадается на свои формы. Отсюда необыкновенное разнообразіе творимаго такимъ духомъ, и крайняя *бользненность* самаго творчества. Писатели этого рода бываютъ не только глубокими художниками, — они въ то же время и глубокіе мыслители, и проницательные политики, мора-

листы и философы, наконецъ люди, не чуждые даже и религіознаго творчества *). Мы говоримъ именно о религіозномъ творчествѣ, а не просто о религіозности. Вѣра писателей, которымъ присущъ первый способъ изображенія человѣка, вообще чище и спокойнѣе, нежели вѣра этихъ послѣднихъ писателей. Они не думаютъ о ней, и всегда ортодоскальны. Имъ чуждъ анализъ и несвойственна пламенность. Такова простая и прекрасная вѣра Пушкина, Гончарова. Это лучшіе изъ христіанъ, хотя они никогда не задумывались надъ христіанствомъ. Вѣра вторыхъ всегда бываетъ скорѣе жаждою вѣры. Она полна анализа, никогда не бываетъ ортодоксальна, и — пусть не покажутся наши слова странными — религіи, какъ установившемуся культу, ничто не грозитъ такой опасностью, какъ эти порою пламенные защитники и истолкователи ея. Такова вѣра Лермонтова, Гоголя, Л. Толстаго, Достоевскаго, у котораго въ легендѣ о Великомъ Инквизиторѣ, этомъ глубочайшемъ словѣ, какое когда либо было сказано о человѣкѣ и жизни, такъ непостижимо сплелся ужасающій атеизмъ съ глубочайшею, восторженною вѣрой. Повторяемъ и настаиваемъ, что это религіозное творчество, а не религіозная воспріимчивость.

Вслѣдствіе указаннаго распаденія духа, одновременнаго и въ одномъ и томъ же, и притомъ до выхода изъ субъекта, художественные писатели, въ которыхъ совершилось оно, становятся способными помимо наблюденія понимать жизнь и человѣка, и при томъ глубже и всесторонѣе, чѣмъ какъ успѣлъ обнаружиться человѣкъ и чѣмъ какъ успѣла развиться жизнь. То, что уже выдѣлившись существуетъ въ духѣ и въ жизни, явно ли или скрытно, или что еще не выдѣлившись только въ будущемъ можетъ обнаружиться, то уже выдѣлилось не рѣдко въ распавшемся духѣ такого художника, и извѣстно ему. Отсюда

*) Въ смыслѣ склонности къ образованію въ своей душѣ самостоятельнаго возрѣнія на человѣка, природу и Творца ихъ; въ смыслѣ успѣха самостоятельно, лишь въ большей или меньшей близости къ существующимъ религіи, разрѣшить вопросъ о ихъ взаимномъ отношеніи.

знаніе имъ другихъ людей, болѣе совершенное, чѣмъ какимъ обладаютъ они сами. Въ немъ заключено не только совершенное пониманіе того, что въ нихъ есть, и знаніе того, что было — это все, чѣмъ обладаютъ они въ лучшемъ случаѣ — но и предвидѣніе того, что совершится въ ихъ душѣ, — что уже совершенно скрыто отъ нихъ. Это явленіе предвидѣнія, которое одни отрицаютъ, какъ невозможное, другіе понимаютъ, какъ что-то сверхъестественное, есть ясное и точное знаніе того, что совершится въ жизни и въ человѣкѣ на основаніи того, что уже совершилось въ духѣ предвидящаго. Такъ въ Гамлетѣ, за два столѣтія ранѣе, Шекспиръ предсказалъ то, что должно было совершиться и дѣйствительно совершилось въ человѣческой душѣ, — и предсказалъ это въ вѣкъ непосредственной жизни, такъ совершенно чуждой рефлексіи и внутренняго разлада. Такъ разгадка многаго, что изобразилъ и сказалъ Достоевскій, — если не появится когда нибудь критикъ, родственный ему по духу — совершится только въ далекомъ будущемъ и тогда только этотъ писатель будетъ и понятъ, и оцѣненъ, какъ никогда не былъ ни оцѣненъ, ни понятъ при жизни и послѣ смерти. Отсюда же объясняется, и этимъ же истолковывается въ истинномъ смыслѣ тотъ фактъ, что многіе образы въ произведеніяхъ такихъ художниковъ являются какими-то странными аномаліями, чѣмъ-то не схожимъ съ другими людьми. Это или рѣдкіе, скрывающіеся въ жизни, не обнаруживающіе себя характеры, однако же дѣйствительные, или порою это человѣкъ, какимъ онъ станетъ нѣкогда, реальный, но только не теперь, а въ будущемъ. Это состоянія человѣческой природы, еще никѣмъ не испытанныя и потому никому неизвѣстныя, но уже пережитыя художникомъ психологомъ въ своей распавшейся душѣ, и потому ему одному извѣстныя. Это возможное и необходимое въ человѣкѣ, что пока только въ немъ одномъ стало дѣйствительнымъ.

Такъ какъ формы, на которыя распадается духъ художника психолога, не только не сходны между собою,

но даже противоположны, то это дастъ ему способность изображать противоположные характеры, понимать противоположное въ человѣческой душѣ и въ человѣческой жизни. Такъ Шекспиру одинаково были доступны характеры Гамлета и Лира, Корделіи и Яго, Фальстафа и Офеліи; или Достоевскому — Свидригайлова и Нелли. Послѣдній, какъ мыслитель, еще и установилъ это явленіе, какъ фактъ, и самъ съ любопытствомъ нѣсколько разъ на немъ останавливался. Въ сущности все, что есть въ духѣ выводимыхъ такимъ писателемъ лицъ, есть въ духѣ самого писателя, и все, что заставляетъ онъ переживать ихъ, онъ пережилъ самъ, — все, и высокое, и низкое... Тутъ не внѣшнее наблюденіе, но внутреннее. Такой писатель есть удивительное, непостижимое соединеніе всѣхъ тѣхъ противоположностей, которыя порознь онъ отражаетъ въ образахъ своихъ произведеній.

Все, что было сказано нами здѣсь о творчествѣ въ области слова, — о типѣ и характерѣ, о поэзіи и художественности, о способахъ психологическомъ и объективномъ — все это основано на наблюденіи того, что уже дано въ нашей литературѣ, какъ фактъ, и что давно требуетъ установленія въ наукѣ о поэзіи новыхъ ученій, которыя бы объяснили эти новыя въ ней явленія. Насколько намъ извѣстно, ни эти явленія никогда ни проступали еще такъ ярко въ литературахъ другихъ народовъ, ни эти ученія ни разу не появлялись въ наукѣ о поэзіи. Потому что изъ явленій, хотя нѣкоторыя, напр характеръ, и существовали въ другихъ литературахъ, и даже получили тамъ болѣе широкое развитіе, чѣмъ въ нашей, однако не замѣчались, потому что не отдѣлялись противоположнымъ себѣ — типомъ, который именно въ нашей литературѣ, въ произведеніяхъ Гоголя, Тургенева Гончарова, Льва Толстого и другихъ — получилъ исправленное значеніе, явился новымъ, дотолѣ неизвѣстнымъ фактомъ въ художественномъ творчествѣ. Также и для различенія поэзіи и художественности. Наука о творчествѣ въ области слова со временъ Аристотеля и до нашего

времени есть исключительно ученіе о поэзіи, и мы думаемъ, что даже эта послѣдняя не понималась съ достаточною отчетливостью,— опять потому, что не оттѣнялась рельефно противоположнымъ себѣ — художественностью, которая не скажемъ слаба, но почти отсутствуемъ въ литературахъ другихъ народовъ, несравненныхъ по богатству и красотѣ поэзіи. Въ нашей же литературѣ съ чрезвычайною ясностью отдѣлились одно отъ другого эти два явленія. Литература до Гоголя была у насъ исключительно поэзіею, такъ что ранѣе этого писателя не было ни одного даже посредственнаго художника, и самое явленіе художественности было не извѣстно, какъ оно остается неизвѣстно и до сихъ поръ въ литературѣ другихъ народовъ. Это незнаніе сказалось въ тѣхъ усиліяхъ найти названіе для творчества Гоголя, какія мы замѣчаемъ у его современниковъ. Многіе чувствовали, что его творенія есть нѣчто совершенно разнородное съ тѣмъ, что дотолѣ появлялось въ нашей литературѣ, и отказывали ему въ названіи «поэта», не желая однимъ именемъ называть два различныя явленія. Напротивъ Бѣлинскій со страстностью отстаивалъ за нимъ это названіе, думая, что лишить его этого имени значитъ не признавать за нимъ литературнаго значенія; потому что внѣ поэзіи тогда не было литературы. Ясно, что здѣсь чувствовалось, но еще не сознавалось, какъ все незнакомое, новое явленіе. Послѣ Гоголя же у насъ не появлялось уже ни одного великаго поэта, и вся литература стала исключительно художественною. Ей было дано названіе «натуральной школы». Но это то же неумѣніе пріискать нужное названіе для новаго явленія, какое сказалось въ названіи Гоголя «поэтомъ». Если это натуральная школа, то какая же школа была ранѣе, изъ которой, какъ вѣтвь изъ цѣлаго, выдѣлилась она? Въ «Скупомъ рыцарѣ» Пушкина нѣтъ ничего ни натуральнаго, ни ненатуральнаго. Это просто не то, что напр. «Свои люди сочтемся» Островскаго. Въ нихъ нѣтъ ни сходства, ни противоположности. Напр. нельзя сказать, что Островскій въ своихъ произведеніяхъ есте-

ственъ, а Пушкинъ не естественъ, или одинъ правдивъ, а другой ложенъ, или что одинъ говоритъ сообразное съ природою и жизнью, а другой говоритъ не сообразное съ природою и жизнью. Никто и никогда не былъ натуральнѣе Пушкина въ смыслѣ естественности, правдивости, сообразности творимаго съ жизнью и природою человѣка, какова она есть. А если этого нельзя сказать, если нѣтъ этой противоположности, то ошибочно и названіе нашей новой литературы «натуральною школой», какъ бы въ противоположность тому, что было прежде, т. е. какой то «не натуральной школѣ». Два указанные періода въ нашей литературѣ — это два явленія sui generis, не сходныя и не различныя, но самостоятельныя и равнозначущія. Первый періодъ былъ чистою, безпримѣсною поэзіею; второй періодъ сталъ почти исключительно художественностью. Первый соотвѣтствуетъ тому, чѣмъ всегда была или стремилась стать литература всѣхъ народовъ; второй есть своеобразное явленіе русской литературы, котораго или совершенно нѣтъ, или оно очень слабо, у другихъ народовъ. Оба періода — два вида того одного, что, какъ обнимающій родъ, не имѣетъ уже названія съ тѣхъ поръ какъ съ появленіемъ въ нашей литературѣ художественности имя «поэзія» уже перестало быть именемъ цѣлаго, но только части. Это — творчество прекраснаго при помощи слова.

Наконецъ и психологическій, субъективный способъ познанія и изображенія человѣка въ противоположность объективному, наблюдательному не былъ извѣстенъ въ другихъ литературахъ, потому что оба они были смѣшаны въ нихъ, никогда не отдѣлялись и не оттѣнялись черезъ взаимное сопоставленіе. Въ нихъ, насколько намъ извѣстно, нѣтъ ни одного столь чистаго, безпримѣснаго художника, какъ напр. Гончаровъ, и нѣтъ — мы не исключаемъ даже Шекспира — столь совершенныхъ психологовъ, какъ Л. Толстой и Достоевскій. Мы понимаемъ, какъ много беремъ на себя, утверждая послѣднее, и однако не беремъ слова назадъ, потому что думаемъ, что оно спра-

ведливо и когда нибудь будетъ признано таковымъ. При этомъ изъ двухъ названныхъ писателей первенство въ совершенствѣ изображенія принадлежитъ Л. Толстому, а первенство въ глубинѣ изображаемаго принадлежитъ Достоевскому. Изъ людей никто такъ глубоко не спускался въ душу человѣческую, какъ послѣдній, и никто не открылъ въ ней такъ много неожиданно новаго, страннаго, непостижимаго. Его лица не продукты больной фантазіи, какъ думаютъ многіе, и если они не сходны съ тѣми, которые это утверждаютъ о нихъ, то утверждающіе могутъ разубѣдиться въ своихъ мнѣніяхъ подумавъ, что они сами не сходны также ни съ Дантомъ, ни съ Байрономъ, ни съ Гейне, и однако же эти послѣдніе дѣйствительны. Онъ изображалъ намъ не типы, но характеры, и объ этомъ нужно сожалѣть, что никогда за разъясненіе этихъ характеровъ не брался характеръ же, но только типы, о которыхъ думая о другомъ мы сказали уже, что они всегда не понимаютъ характера. Ни въ комъ изъ людей разложеніе духа на свои формы, субъективное и одновременное, не дошло такъ далеко, какъ въ немъ, гдѣ еще одинъ шагъ — и уже начинается помѣшательство. Поэтому-то никто не зналъ о человѣкѣ и не предугадалъ въ будущемъ такъ много, какъ онъ. И въ этомъ великій трагизмъ его жизни, что онъ никѣмъ не былъ и не могъ быть понятъ, такъ какъ разложеніе духа, въ немъ ставшее уже прошедшимъ, для другихъ, и лишь къ жизни многихъ людей, еще предстоитъ въ будущемъ. Есть многое, что положительно въ первый разъ на землѣ было высказано имъ, а изъ того, что уже и раньше было сказано, многое никто не выразилъ съ такою силою, какъ онъ. Таково его открытіе способности человѣческаго духа совмѣщать въ себѣ одновременно противоположное: «величайшій ужасъ человѣческой души состоитъ въ томъ, что и думая о Мадоннѣ она въ то же время не перестаетъ думать о Содомѣ и грѣхахъ его; и еще больній ужасъ, что и среди Содома она не забываетъ о Мадоннѣ, жаждетъ того и другаго и понимаетъ ихъ, и это одновременно, безъ вся-

каго раздѣленія». Этого до него никто не сказалъ, и ли справедливо,— не въ общемъ смыслѣ, но въ буквальномъ именно о Содомѣ и о Мадоннѣ, и именно одновременно, жаждая и понимая. Это какая-то полярность души человѣческой, — не раздвоеніе, какъ колебаніе, которое извѣстно со временъ Шекспира, но стремленіе къ противоположному, жажда высочайшей святости и чистоты, т. е уже пониманіе этого, уже слѣдовательно вмѣщеніе ея въ себѣ, и одновременно жажда ужасающе-низкаго о чемъ одна мысль холодитъ кровь, т. е. уже также пониманіе этого, и слѣдовательно также вмѣщеніе въ себѣ.

Далѣе, изображеніе атеизма, хотя не рѣдкое во всемірной литературѣ, никѣмъ не было выражена съ такою потрясающею силою, какъ имъ [1]). Можно сказать, что то, къ чему много разъ и безсильно стремились другіе, что старались уловить и передать они въ своихъ произведеніяхъ, какъ явленіе замѣченное ими, то невольно и могущественно вылилось изъ его духа, потому что переполняло его. Сюда относится изображеніе человѣка, одновременно и признающаго Творца своей природы, и отрицающагося отъ Него, возстающаго на Него (легенда о Великомъ Инквизиторѣ). Намъ думается — мы всегда это чувствовали при чтеніи — что изображая такую борьбу человѣкъ всегда представлялъ возстаніе противъ того, во что онъ самъ, изображавшій, уже утратилъ вѣру. По этой причинѣ подобныя изображенія всегда слабы: не трудно возставать противъ того, чего нѣтъ. Тутъ именно не достаетъ титанизма; это скорѣе насмѣшка надъ чужою вѣрою и возвеличеніе себя, возстающаго противъ этой вѣры, но отнюдь не противъ Того, въ Кого вѣра. Такъ стали мы

---

[1]) Мы разумѣемъ одно мѣсто въ «Бѣсахъ», — разговоръ Кириллова, передъ самоубійствомъ: «была минута, среди земли стояли крестъ и къ нимъ были приведены три человѣка; одинъ изъ нихъ былъ такъ глупъ, что сказалъ другому: «Завтра же будешь со мною въ раю». И умерли оба, и не нашли ни рая, ни ада». Мы не можемъ этого видѣть, но чувствуемъ, что когда писались эти слова, черезъ одну душу человѣческую прошелъ такой ужасающій атеизмъ, какого никогда не испытывалъ человѣкъ, или испытавъ не передалъ словами.

думать, прочитавъ въ легендѣ объ Инквизиторѣ слова отрицанія и осужденія Творцу, въ Котораго сохранена вся вѣра,— грустный упрекъ, что Онъ ошибся въ устройствѣ міра, что онъ не разсчиталъ человѣческой природы, что нужно «исправить» Его дѣло. Или еще, когда сказалась такая сила въ человѣкѣ, какъ въ разговорѣ передъ этой легендой, гдѣ онъ отказывается принять міръ, какой онъ есть, потому что этотъ міръ лишенъ высшей гармоніи — въ немъ есть непужныя и незаслуженныя страданія (страданія дѣтей).

Мы не сожалѣемъ, что говоря о русской литературѣ сказали нѣчто неумѣстное при разсмотрѣніи формъ науки. Этимъ мы выразили наше глубокое удивленіе передъ ея достоинствами и заслугами, которыя, намъ думается, уже давно переступили тѣсные предѣлы національнаго значенія. Послѣ нашего народа, который создалъ все, и послѣ нашего государства, которое оберегаетъ все созданное, это есть лучшее и самое дорогое, что мы имѣемъ. Еще въ концѣ прошлаго столѣтія, если бы какимъ нибудь образомъ измѣнились политическія судьбы міра, русскій народъ могъ бы исчезнуть совершенно безслѣдно, такъ что одно только воспоминаніе осталось бы о немъ. Но теперь, только три четверти вѣка спустя, какъ бы ни измѣнились судьбы міра, нашъ народъ уже не можетъ погибнуть, ни погибнувъ, — стать въ воспоминаніи народовъ именемъ безъ значенія. Есть нѣчто вѣчное, что создалъ онъ, что всегда будетъ — это литература. А съ нею будетъ и языкъ нашъ, а съ нимъ и мы сами, какъ нѣчто своеобразное между народами. Отнынѣ мы уже не стихійная сила въ исторіи, не народъ, который умѣетъ только покорять народы. Мы вступили въ міръ, какъ разумное сознаніе, какъ нравственная воля; мы хотимъ не только господствовать, но также учить; не только управлять, но еще убѣждать и руководить. Но съ этою мыслью о томъ прекрасномъ, что уже есть въ нашей литературѣ, у насъ нераздѣльна мысль о томъ, чего еще не достаетъ ей. Это не присутствіе дурнаго, но отсутствіе хорошаго. Ей не достаетъ

идейности. Это не значитъ, чтобы она лишена была глубины содержанія. Но только глубокое въ ней не прекрасно, а прекрасное не глубоко. Мы сказали, что «Легенда о Великомъ инквизиторѣ» есть самое сильное, что когда либо было подумано человѣкомъ о жизни и исторіи. Въ этомъ смыслѣ она не имѣетъ ни сильнѣйшаго, ни равнаго во всемірной литературѣ. Но это только эпизодъ, и то цѣльное, въ чемъ онъ, уступаетъ многому во всемірной литературѣ. Это только предчувствіе, только проблескъ того, чѣмъ можетъ стать нѣкогда наша литература. Таково же изображеніе будущаго атеистическаго состоянія людей (въ «Подросткѣ»), несравненное по мягкому поэтическому свѣту, который разлитъ на немъ, и по глубокой грусти, которою проникнуто передаваемое видѣніе; и многое другое. Если бы идеи эти не были только мыслями, сказанными въ художественныхъ произведеніяхъ внѣ связи съ ними, еслибъ они воплотились въ цѣльныя поэтическія созданія съ тѣмъ же искусствомъ, къ какимъ Шиллеръ, Гёте и Байронъ умѣли воплощать свои идеи, то мы имѣли бы высшее, чѣмъ что имѣетъ германскій народъ въ «Донъ Карлосѣ» и «Фаустѣ», или англійскій въ «Манфредѣ». Но этому не суждено было случиться. Съ другой стороны совершеннѣйшія по формѣ созданія въ нашей литературѣ — «Скупой рыцарь», «Моцартъ и Сальери», «Каменный Гость» — лишены содержанія, которое имѣло бы міровое значеніе.

Теперь, высказавъ о поэзіи все, что намъ казалось необходимымъ сказать, и прибавивъ, что никогда наука о ней не должна учить, что́ должно быть въ поэзіи, но только понимать и объяснить, что есть въ ней, мы будемъ продолжать дальнѣйшее разложеніе ученія объ искусствѣ на составныя формы.

Познавъ, что такое искусство, слѣдуетъ опредѣлить его свойства, причину, цѣль, сходство и различіе и наконецъ, число, какъ оформленнаго вещества или явленія.

VII. Между многими свойствами искусства мы остановимся на одномъ, о которомъ уже упоминали ранѣе. Это

способность его осложняться всѣмъ и осложнять собою все. То, что воплощаетъ оно — красота — есть нѣчто ни съ чѣмъ не связанное, есть форма безъ оформливаемаго, столь же чистая, какъ форма пониманія заключенная въ схемахъ разума и еще не получившая объекта. Не будучи связанною, она переходитъ съ предмета на предметъ, и то, на что переходитъ — дѣлаетъ прекраснымъ, а то, чему остается чужда — остается безобразнымъ. По отношенію къ прекрасному красота есть то же, что пониманіе по отношенію къ истинѣ. Въ прекрасномъ есть красота, какъ нѣчто прившедшее, но прекрасное не есть красота, ни красота — только прекрасное. Прекрасное — это соединеніе красоты съ чѣмъ либо чуждымъ ей, какъ истина есть соединеніе пониманія съ предметомъ понимаемымъ. Поэтому міръ прекрасныхъ вещей не исчерпывается однимъ искусствомъ съ его видами, хотя въ немъ болѣе, нежели въ другомъ чемъ либо, сосредоточена красота. Здѣсь она есть *господствующая* форма, и то, что присоединено къ ней, не велико и не значуще — когда матеріалъ, и не самостоятельно — когда форма же, напримѣръ религіозность не самостоятельна въ живописи; тогда какъ тамъ — внѣ области искусства — она сама привходитъ второю формою, хотя и значущею, но не господствующею. Такъ красота привходитъ въ государство и становится въ немъ второю формою, присоединившись къ главной — политической, и осложнивъ ее собою. Помимо прочности, пользы, удобства и прочаго — что одно входитъ цѣлью и сущностью въ политическую форму — ей можетъ еще быть присуща и красота, какъ взаимное расположеніе ея органовъ, какъ симметрія, какъ соотвѣтствіе и гармонія въ нихъ. Что это дѣйствительно такъ, это видно изъ того, что независимо отъ пользы, удобства, даже необходимости, ей нерѣдко присуще безобразіе. Государство стоитъ прочно, удовлетворяетъ всѣмъ нуждамъ живущихъ, пользуется благоденствіемъ, и однако же безобразно: таковъ Китай. Здѣсь въ политическую форму входитъ элементъ красоты, хотя отрицательно: она лишена ея, —

слѣдовательно могла бы быть не лишена. Поэтому-то на извѣстной ступени психическаго — именно художественнаго — развитія, человѣкъ чувствуетъ отвращеніе къ нѣкоторымъ политическимъ формамъ, и даже признавая какую либо изъ нихъ удобною, полезною, иногда даже необходимою, утрачиваетъ способность жить въ ней, не будучи въ силахъ возбудить въ себѣ привязанность къ ней. Такъ случилось съ древними греками, которые никогда не могли забыть своихъ маленькихъ республикъ, своихъ архонтовъ и булэ — а какъ мучительна, тревожна и не безопасна была жизнь съ ними, объ этомъ свидѣтельствуетъ вся ихъ исторія — и никакъ не могли промѣнять ихъ на твердую, спокойную, полезную политическую форму, подъ которою жилъ менѣе артистичный македонскій народъ, и которую сильнѣйшій изъ человѣческихъ умовъ призналъ, именно какъ политическую форму, наилучшею изъ всѣхъ (Аристотель). Также случилось съ французами въ концѣ прошлаго столѣтія, когда, выбирая себѣ политическую форму въ замѣнъ утраченной, они не остановились на Китаѣ, хотя онъ жилъ и былъ великъ, но на Римѣ, хотя онъ умеръ. Римъ привлекалъ къ себѣ красотою политической формы, и красотою исторіи, которая вытекала изъ этой формы; и не изслѣдовали, полезна ли эта форма и удобна ли, потому что знали, что она прекрасна. Этотъ художественный элементъ, нигдѣ не останавливающій человѣка, нерѣдко господствующій надъ нимъ, еще не оцѣненъ достаточно-политиками и не понятъ историками. Со своей стороны и искусство можетъ быть осложнено политическимъ началомъ. Такъ многія поэтическія произведенія Шиллера проникнуты республиканскою идеею.

Религія, также независимо отъ всего другаго, можетъ быть соединена съ красотою и не соединена съ нею. Мы находимъ напримѣръ религіозный культъ Грековъ прекраснымъ, а религіозный культъ Мексиканцевъ и Финикіянъ безобразнымъ, хотя повидимому они бы должны были для насъ безразличными, потому что одинаково ложны

Такъ оно и есть съ чисто религіозной точки зрѣнія. Для христіанина между всѣми языческими религіями нѣтъ различія. Онѣ всѣ для него одинаковы, потому что всѣ равно не христіанскія. И древніе христіане, которые жили одною религіею и были слѣпы къ явленіямъ красоты, нисколько не находили религію Грековъ прекрасною, но отвратительною, чего уже не находили христіане XVIII и XIX столѣтій, въ которыхъ на ряду съ религіознымъ чувствомъ развилось и художественное. Равнымъ образомъ никто не усомнится назвать религію Египтянъ болѣе прекрасною, чѣмъ религію кафровъ и готтентотовъ; или религію черемисовъ и чувашей болѣе безобразною, чѣмъ браманизмъ древнихъ Индусовъ. Не находя ихъ ни болѣе истинными одна другой, ни болѣе полезными, мы невольно отталкиваемся одними изъ нихъ — тѣми, которымъ чуждо начало красоты, и привлекаемся другими — тѣми, которымъ присуще это начало. Съ другой стороны и искусство воспринимаетъ въ себя, какъ вторую, осложняющую форму, религіозное начало. Такъ «Божественная комедія» Дантэ есть поэтическое воплощеніе идей средневѣковаго католицизма, а «Потерянный Рай» Мильтона проникнутъ протестантскою идеею. Такъ спокойная и жизнерадостная религія Грековъ сказалась и въ архитектурѣ ихъ, и въ скульптурѣ; а христіанство, проникнутое чистымъ спиритуализмомъ, въ своемъ отрѣшеніи отъ земли и стремленіи къ небесному отразилась въ византійской и готической архитектурѣ и въ своеобразной живописи.

Наконецъ наука, въ которой повидимому ничего бы не должно быть кромѣ истиннаго или ложнаго, также проникается началомъ красоты или не проникается имъ. Напримѣръ состояніе знанія, какъ отдѣльныхъ наукъ, вызываетъ въ насъ чувство отвращенія, а состояніе знанія, какъ единой вѣтвящейся науки, привлекаетъ насъ, даже если мы увѣрены въ большей достовѣрности первыхъ и въ меньшей достовѣрности второй. Или еще, системы матеріализма всегда отталкивали отъ себя людей, — послѣдніе всегда пытались бороться противъ него; и наобо-

ротъ, системы идеализма всегда оставлялись съ сожалѣніемъ, когда уже нельзя было болѣе сохранить ихъ. Никто и никогда не пытался бороться противъ идеализма, но употреблялъ всѣ усилія ума и опыта, чтобы не вступить въ него; напротивъ все, подтверждающее его справедливость, всегда принималось съ готовностью. Далѣе, между самыми системами идеализма одинъ предпочитались другимъ — не по истинности, но по стройности, по гармоніи въ построеніи, по красотѣ. Такъ Платонъ и Спиноза всегда неудержимо влекли къ себѣ человѣческую душу, хотя на Аристотеля и Бэкона можно было надежнѣе положиться. Со своей стороны искусство нерѣдко окрашивается идеями пониманія, — впрочемъ замѣчательно, что никогда идеями науки, но только одной философіи. Напримѣръ «Фаустъ» проникнутъ идеями философскаго пантеизма. Эти идеи проводятся въ поэзіи черезъ образы характеровъ, которые проникнуты ими, какъ это дѣлали напримѣръ Гёте, Шиллеръ, Байронъ, или путемъ аллегоріи, какъ это сдѣлано напримѣръ въ «Божественной Комедіи» Данте. Въ скульптурѣ же, архитектурѣ и живописи философскія идеи выражаются при помощи символовъ (напримѣръ символика въ готической архитектурѣ).

VIII. Происхожденіе искусства таково же, какъ и происхожденіе науки, какъ и происхожденіе всѣхъ творимыхъ человѣкомъ формъ жизни. Оно безсознательно, невольно и необходимо. Подобно тому какъ истина происходитъ вслѣдствіе того, что разуму присуща форма пониманія, способная и стремящаяся соединиться съ понимаемымъ, такъ точно искусство является потому, что одному изъ чувствъ присуща форма красоты, которая способна и стремится къ соединенію съ чѣмъ либо внѣшнимъ, дабы оформить его въ прекрасную вещь воплотиться въ немъ. Чувство красоты, какъ и все подобное, есть одна изъ опредѣленныхъ потенцій духа, которая такъ же и потому же становится реальною въ создаваемомъ искусствѣ, какъ и почему съмя растенія становится полнымъ растеніемъ. Отсюда объясняется то страданіе, которое испытывается

человѣкомъ, когда что либо внѣшнее ему мѣшаетъ воплотить образы красоты, возникшіе въ немъ, и та радость, которую онъ испытываетъ воплощая ихъ. Нашъ поэтъ, сказавшій, что и на пустынномъ островѣ онъ написалъ бы то же, что написалъ живя среди людей, опредѣлилъ происхожденіе искусства и совершенно и полно, такъ что ни прибавить къ этому что либо, ни отнять изъ него — нельзя. Онъ только не назвалъ и не объяснилъ фактъ, который указалъ, сознавъ его въ себѣ. Тотъ истинный поэтъ, художникъ и композиторъ, который не можетъ ни самъ себя, ни его другіе, сдержать отъ творчества въ поэзіи, въ музыкѣ, или въ живописи; какъ тотъ одинъ истинный мыслитель и творецъ науки, который ни самъ въ себѣ, ни въ немъ другіе, не можетъ ни подавить, ни разсѣять процесса мышленія. Въ первомъ постоянно и повсюду возникаютъ образы, слагаются и разлагаются, такъ что гдѣ бы онъ ни былъ и чтобы онъ ни дѣлалъ, онъ истинно дѣлаетъ только прекрасные образы, все же прочее — какъ бы во снѣ и со страданіемъ. Второй, среди какого бы шума и тревоги онъ ни жилъ, въ немъ постоянно возникаютъ одни мысли; такъ что все, что онъ дѣлаетъ, онъ дѣлаетъ какъ бы машинально, не давая себѣ отчета и также со страданіемъ, и только сознательно и съ наслажденіемъ — обдумываетъ. Отсюда объясняется, что ни тотъ не есть истинный художникъ и поэтъ, который во внѣшнихъ впечатлѣніяхъ ищетъ возбужденія своей творческой дѣятельности; ни тотъ не есть истинный дѣлатель на нивѣ науки, который перечитывая множество книгъ способенъ легко усвоивать ихъ содержаніе. Первый внѣ себя ищетъ образовъ красоты, чтобы описать или срисовать ихъ, и слѣдовательно самъ пустъ отъ нихъ; второй питается чужими мыслями, потому что не имѣетъ своихъ. И именно поэтому-то, вслѣдствіе внутренней пустоты обоихъ, и первый срисовываетъ и описываетъ много и хорошо, и второй усвоиваетъ много и точно. Чѣмъ совершеннѣе пустота внутренняго міра, тѣмъ совершеннѣе воспринимается міръ внѣшній, такъ что наилучше

сприсвывающій изъ нихъ есть наименѣе художникъ, и наиболѣе изучившій — наименѣе мыслитель. Уединеніе и наружная бездѣятельность есть все, что нужно для истиннаго поэта и для истиннаго мыслителя, и ищетъ или не ищетъ онъ ихъ, по этому можно узнать, то ли онъ, за что выдаетъ себя, или же обманывается и обманываетъ.

IX. Здѣсь же лежитъ объясненіе и истинной цѣли искусства. Оно не имѣетъ своимъ назначеніемъ ничего кромѣ созданія прекрасныхъ вещей, какъ соединеній внутренней, присущей духу формы красоты съ предметами внѣшняго міра, которые чужды ей. И если искусство кромѣ того, что творитъ прекрасныя вещи, еще черезъ нихъ достигаетъ и многаго другаго, то это слѣдствія, но не цѣль. Слѣдствія эти въ особенности присущи осложненнымъ формамъ искусства, и поэтому онѣ-то именно часто несправедливо понимаются и отъ нихъ несправедливое требуется. Осложняющая, прившедшая въ искусство форма обыкновенно принимается за существенную, основную, а эта основная разсматривается какъ посредствующая, съ помощью которой можно усилить то, что достигается прившедшею формою въ другой области жизни — въ той, гдѣ она главная. Такъ живопись въ средніе вѣка была осложнена религіозною идеею, и религіозность стала считаться главнымъ въ ней, а красота — второстепеннымъ. Такъ въ XVIII и въ XIX в. политическая идея осложнила собою поэзію, войдя въ нее второю формою; и эта политическая идея, которая какъ основная, господствующая форма уже воплощена была въ государствѣ, многими и въ поэзіи принята была за главную. Все это такъ же ложно, какъ ложно было бы думать, что выросшее изъ сѣмени дерево и случайно давшее тѣнь человѣку, для того именно и выростало, чтобы дать ему эту тѣнь; такъ что находись онъ въ другомъ мѣстѣ — и оно выросло бы тамъ а не здѣсь; или нуждайся онъ въ чемъ другомъ, а не въ тѣни — изъ него выросло бы уже не это дерево, а что нибудь другое.

Нѣкогда въ нашей литературѣ было сказано умное слово, значительное и содержательное: что какъ бы хорошо яблоко ни было нарисовано, настоящее яблоко, живое, лучше нарисованнаго. И хотя слово это было сказано натуралистомъ и въ осужденіе чистаго искусства, однако — такова странная судьба многихъ словъ — именно въ немъ чудно соединено все, что незыблемо и вѣчно осуждаетъ натурализмъ въ искусствѣ и незыблемо же, вѣчно утверждаетъ значеніе за однимъ чистымъ искусствомъ. Дѣйствительно настоящее яблоко лучше нарисованнаго, и поэтому не для чего рисовать его. Природа и жизнь, какъ бы совершенно онѣ ни были воспроизведены, вѣрнѣе и прекраснѣе воспроизведеннаго. Поэтому искусство, которое ставитъ для себя задачею изображеніе (отраженіе) дѣйствительности, т. е. натуральное, ненужно, такъ какъ плохо и съ трудомъ достигаетъ того, что уже безъ труда и хорошо достигнуто (созерцаніе дѣйствительнаго). Нужно же одно то искусство, въ которомъ къ изображенной природѣ и жизни присоединено то, чего въ нихъ нѣтъ и потому не можетъ быть созерцаемо черезъ наблюденіе дѣйствительности, но что есть въ духѣ художника и что онъ передаетъ *черезъ* изображеніе природы и жизни. Это міръ образовъ красоты, чистыхъ или осложненныхъ, которые въ безпримѣсной формѣ невидимы и не передаваемы, но которыя можно передать и сдѣлать видимыми, если воплотить во что либо дѣйствительное. Это воплощеніе красоты, какъ формы духа, въ вещахъ внѣшняго міра, которыя преобразуясь становятся отъ этого прекрасными, и есть чистое искусство, одно истинное и необходимое человѣку; а то, которое подражая его внѣшнимъ пріемамъ, изображаетъ внѣшній міръ не преображая его, есть ложный призракъ искусства, никому ненужный кромѣ тѣхъ, которые занимаются имъ. При этомъ безразлично, съ совершенствомъ или не съ совершенствомъ этотъ призракъ искусства подражаетъ настоящему искусству, хорошо или дурно и то, что онъ рисуетъ, и то, какъ рисуетъ.

X. Въ ученіи о сходствѣ и различіи въ искусствѣ или о видахъ его — архитектурѣ, живописи, скульптурѣ, музыкѣ, поэзіи — должны быть опредѣлены границы каждаго изъ нихъ: что умѣстно въ одномъ искусствѣ и что не умѣстно въ другомъ, или что соотвѣтствуетъ и что не соотвѣтствуетъ ихъ природѣ. Это та вѣтвь пониманія, которую такъ прекрасно началъ Лессингъ въ своемъ «Лаокоонѣ, или о границахъ живописи и поэзіи» и которую, къ сожалѣнію, никто не продолжалъ послѣ него. Замѣтимъ, что умѣстность и неумѣстность можетъ быть какъ въ способѣ изображенія, такъ и въ предметѣ изображаемомъ. Напр. красоту умѣстно изображать и въ поэзіи, и въ живописи, но въ одной однимъ способомъ, а въ другой другимъ. Въ живописи показываются всѣ *отдѣльныя* черты, которыя образуютъ собою прекрасный образъ, и это хорошо, потому что всѣ черты видимы здѣсь разомъ и сливаются въ одно впечатлѣніе, которое прекрасно. Но если поэтъ, подражая живописи, захочетъ передать красоту черезъ передачу отдѣльныхъ чертъ, изъ которыхъ состоитъ она, то онъ можетъ сдѣлать это не иначе, какъ описывая сперва одну черту, потомъ другую и т. д. до конца. Одного впечатлѣнія при этомъ не будетъ, и въ умѣ читателя возникнетъ не образъ, но рядъ пространственныхъ во времени, не соединенныхъ представленій о глазахъ, носѣ, губахъ и пр., которыя, какъ бы въ отдѣльности прекрасны ни были, никогда не составятъ лица, т. е. не станутъ живымъ цѣлымъ. Поэтому чтобы достигнуть той же цѣли, которую достигаетъ живопись черезъ изображеніе отдѣльныхъ чертъ прекраснаго, поэтъ долженъ употребить другія средства, пойти другимъ путемъ. Онъ, не заботясь о наружности, долженъ характерно или типично изображать духъ создаваемаго образа, и у читателя непремѣнно возникнетъ и опредѣленный, живой и цѣльный образъ того, въ комъ этотъ духъ. И такъ какъ у поэта, когда онъ обрисовываетъ характеръ или типъ, есть всегда въ воображеніи и внѣшній образъ его, то онъ можетъ передать читателю даже и этотъ образъ, но только не ри

зомъ весь — это будетъ перечисленіе, утомительное и скучное, но какъ бы нескользь, премн отъ времени, съ очень большими промежутками, упоминая то объ одной чертѣ образа, то о другой. Тогда образъ, невольно и самостоятельно сложившійся въ умѣ читателя, но сперва неясный, принимая въ себя указываемыя черты, будетъ все болѣе и болѣе проясняться и приближаться къ тому, который въ воображеніи поэта. И эти черты, отдѣльныя и незамѣтныя, чѣмъ болѣе онѣ незначительны тѣмъ болѣе способны придать живость образу, чрезвычайную конкретность, какъ бы близость къ читателю. Что же касается до умѣстности и неумѣстности въ отдѣльныхъ искусствахъ предметовъ изображаемыхъ, то какъ на примѣръ ея мы можемъ указать на страданіе, которое умѣстно изображать въ живописи и неумѣстно выражать въ скульптурѣ, потому что соотвѣтствуетъ природѣ и назначенію первой, и не соотвѣтствуетъ сущности и задачѣ второй.

XI. Наконецъ, ученіе о числѣ въ искусствѣ есть ученіе о мѣрѣ въ немъ. Такъ какъ красота есть чистая форма, то ей, именно какъ формѣ, болѣе нежели другому чему присуще число; и она то появляется въ вещи, дѣлая ее прекрасною, то исчезаетъ изъ нея совершенно — и тогда вещь становится безразличною, смотря потому, появляется ли въ вещи необходимое число или исчезаетъ. Также красота то возрастаетъ въ вещи и достигаетъ невыразимаго совершенства, то уменьшается и становится нестерпимымъ безобразіемъ, смотря потому, какъ и до какого предѣла возрастаютъ въ этой вещи числа. Всего ярче это сказывается въ музыкѣ, но при нѣсколько внимательномъ наблюденіи открывается и во всѣхъ другихъ видахъ искусства.

Въ *архитектурѣ* число проявляется въ соразмѣрности частей, т. е. оно есть *показатель отношенія, въ которомъ должны между собою находиться части цѣлаго.* Здѣсь, какъ и во многомъ другомъ, положительное значеніе числа становится чрезвычайно яснымъ, если разсмотрѣть предварительно его отрицательное значеніе.

То есть вся необходимость для красоты нѣкотораго опредѣленнаго числа станетъ поразительно очевидна, если мы разсмотримъ безобразіе, которое появляется въ вещахъ отъ введенія всякихъ произвольныхъ чиселъ. Напр., если зданіе поддерживается колоннами, разстоянія между которыми не одинаковы (то одно, то другое), то такая колоннада будетъ чрезвычайно безобразна. То-же безобразіе появится и въ томъ случаѣ, если однѣ колонны будутъ длиннѣе, а другія короче, или однѣ толсты, а другія тонки. Итакъ въ архитектурѣ *красоты въ тожественныя части входятъ тожественными числами, и гнѣздо, если въ частяхъ его сохранены эти числа — прекрасно, а если не сохранены — безобразно.* Далѣе, въ архитектурѣ же часть части требуетъ удвоенія. Напр. въ зданіи (пусть читатель представляетъ въ воображеніи греческій храмъ) крыша есть часть, распадающаяся на двѣ половины, изъ которыхъ одна есть прямоугольный треугольникъ, и другая есть прямоугольный треугольникъ, и при этомъ меньшій изъ катетовъ у нихъ обоихъ общій. Если мы возьмемъ изъ этихъ половинъ одну, то увидимъ, что она повторена въ другой. Разсмотримъ это явленіе также съ отрицательной стороны, и тогда его положительная сторона предстанетъ предъ нами во всей своей яркости. Что одна половина не должна быть ни больше, ни меньше другой, но во всемъ ей равна и тожественна, это слѣдуетъ изъ предъидущаго закона. Теперь же мы сосредоточимъ свое вниманіе только на повторяемости. Пусть часть крыши, составляющая собою прямоугольный треугольникъ, не удвоится, но утроится, такъ что вся крыша будетъ представлять собою по отношенію къ горизонтальной плоскости во первыхъ линію наклонную и поднимающуюся во вторыхъ наклонную и опускающуюся до основанія (крыши) и наконецъ *въ третьихъ* наклонную и снова поднимающуюся, отъ которой затѣмъ идетъ линія перпендикулярно книзу до основанія зданія. Получится величайшее безобразіе. Отсюда явленіе *симметріи*, (соотвѣтствія одному *другаго*, но не третьяго). Этотъ второй законъ можно

опредѣлить такъ: *если какая либо часть зданія своеобразна* (крыша напр. ни на какую другую часть въ немъ не походитъ) *и распадается, то красота входитъ въ нее двойственностью, и зданіе прекрасно — если эта двойственность сохранена, и безобразно — если она нарушена.* Цѣлая же часть требуетъ въ повтореніяхъ не удвоенія, но только кратности двумъ, т. е. двойственности, четверичности, восьмеричности и пр. Напр. фасадъ есть цѣльная часть зданія, и она можетъ повториться въ задней части его, или всѣ четыре стороны могутъ быть тожественны. Въ обоихъ случаяхъ зданіе будетъ одинаково прекрасно. Но если подобными фасаду будутъ двѣ стороны, а одна не подобна (3 и 1), то оно будетъ безобразно. Такъ же если многостороннее зданіе будетъ имѣть пять граней, то оно будетъ безобразно, а если шесть, то снова появится въ немъ красота. Треугольнаго зданія, или комнаты, или чего прочаго подобнаго мы не знаемъ ни въ исторіи, ни теперь на землѣ, и живо чувствуемъ все нестерпимое безобразіе такой постройки. Этотъ третій законъ можно опредѣлить такъ: *если не своеобразная часть повторяется въ зданіи, то въ повторенія красота входитъ числами кратными двумъ, и зданіе прекрасно — если эта кратность сохраняется, и безобразно — если она нарушена.* Наконецъ, четвертый законъ, присущій архитектурѣ, есть законъ прогрессивнаго возрастанія и уменьшенія чиселъ между частями. Напр. когда двѣ какія либо линіи въ зданіи сходятся или расходятся, положимъ въ готическомъ храмѣ когда сходятся вверху колонны, или въ греческомъ когда сходятся вверху гипотенузы прямоугольниковъ, образующихъ собою крышу, то схожденіе не можетъ то ускоряться, то замедляться, но должно совершаться или равнымъ образомъ, или все ускоряясь, или, напротивъ, все замедляясь. Первое — постоянство въ сходимости линій — присуще греческой архитектурѣ, гдѣ оно выразилось фигурою равнобедреннаго треугольника, какъ основной формы, и еще арабской, гдѣ оно выразилось дугою круга. Второе — равномѣрное ускореніе въ сходимости линій — присуще готи-

ческой архитектурѣ, гдѣ оно сказалось формою извнутри выгнутыхъ, пересѣкающихся линій. Третье — сходимость линій съ равномѣрнымъ замедленіемъ — присуще китайской архитектурѣ, гдѣ она сказалась извнѣ вогнутыми, сливающимися линіями. Этотъ законъ можетъ быть выраженъ такъ: *если въ зданіе входятъ сходящіяся и расходящіяся линіи, то красота входитъ въ сходимость и расходимость прогрессіею, показатель которой или постоянен, или равномѣрно увеличивается, или равномѣрно уменьшается.*

Въ *живописи* мѣра выражается тонко: въ отношеніи къ одному изображаемому, въ отношеніи ко всѣмъ изображаемымъ, и въ отношеніи многихъ изображаемыхъ къ многимъ-же. Если произведеніе живописи представляетъ что либо одно нарисованнымъ, напр. человѣческое лицо, то мѣра обнаруживается въ немъ тѣмъ, что изображенное можетъ быть или равно изображенному дѣйствительному, или меньше его, но никогда больше. Это замѣчательное явленіе. Лицо человѣка, представленное уменьшеннымъ противъ дѣйствительности, прекрасно, а увеличенное противъ дѣйствительности становится безобразнымъ. Если мы возьмемъ предѣльныя крайности, то явленіе это станетъ поразительно. Такъ въ миньятюрахъ, гдѣ уменьшеніе доходитъ до одной двадцатой, лицо прекрасно. Все, что можетъ потерять оно при этомъ, зависитъ не отъ самого уменьшенія, но отъ того, что неудобно разсматривать уменьшенное, не все въ немъ видно. Если же представить лицо человѣческое увеличеннымъ въ двадцать разъ, то оно будетъ невыносимо безобразно. Трудно объяснить это явленіе, оно представляется намъ очень любопытнымъ, и загадочнымъ. Далѣе, если предметовъ изображаемыхъ много, напр. если картина представляетъ какую либо народную сцену, то мѣра обнаруживается здѣсь въ томъ, что всѣ изображаемые должны быть равно уменьшены, но не такъ, чтобы одинъ былъ уменьшенъ много, а другой мало. Отъ несоблюденія этого закона происходитъ безобразіе древнихъ (напр. египетскихъ и ассирійскихъ) рисунковъ и нашихъ лубочныхъ

картинѣ, гдѣ главныя лица изображаются большими, а второстепенныя малыми. Наконецъ въ отношеніи многихъ изображенныхъ къ многимъ же мѣра сказывается въ группировкѣ. Любопытно, что красота, входящая въ архитектуру правильными и постоянными числами, въ живопись входитъ неправильными и непостоянными. Напр. если бы на картинѣ, изображающей большую народную сцену, всѣ люди были сгруппированы по-двое, то это было бы ужасно безобразно. Здѣсь можетъ запротиться подозрѣніе, что причина безобразія лежитъ въ неправдоподобности изображенія. Но если бы мы взяли сцену, состоящую только изъ шести человѣкъ, изъ которыхъ два расположены на одной сторонѣ картины, два на другой сторонѣ и два въ серединѣ ея, то это также было бы безобразно, хотя и правдоподобно.

Скульптура въ противоположность живописи допускаетъ увеличеніе изображаемаго, и когда это увеличеніе незначительно, ея произведенія становятся положительно прекраснѣе; напротивъ отъ уменьшенія, также въ противоположность живописи, ея произведенія теряютъ красоту. Какъ кажется, идеалъ въ этомъ отношеніи находится для живописи въ нѣкоторомъ незначительномъ уменьшеніи,— лицо, нарисованное уменьшеннымъ, прекраснѣе, чѣмъ сдѣланное въ натуральную величину; а для скульптуры въ нѣкоторомъ, также незначительномъ, увеличеніи, — образъ, изваянный въ нѣсколько большей противъ дѣйствительности величинѣ, прекраснѣе, чѣмъ изваянный въ величинѣ равной съ дѣйствительною. Это явленіе въ скульптурѣ также неясно, какъ и въ живописи.

О мѣрѣ въ *музыкѣ* мы не будемъ говорить, такъ какъ это едва ли не единственное искусство, о которомъ извѣстно, что оно все построено на числахъ. И при этомъ всѣ числовыя отношенія звуковъ здѣсь уже извѣстны.

Наконецъ въ *поэзіи* мѣра проявляется двояко: съ внѣшней стороны и съ внутренней. Съ внѣшней стороны она входитъ въ нее метромъ — въ собственно поэзію, и опредѣленнымъ строеніемъ и расположеніемъ предложеній —

въ прозу. Метрическая рѣчь управляется тремя законами. *Тожествомъ, разнообразіемъ въ тожествѣ*, и *тожествомъ въ разнообразіи*. Такъ, если стихотвореніе будетъ состоять изъ отдѣльныхъ стиховъ, изъ которыхъ ни одинъ не походитъ на другой, — напр. одинъ будетъ двухстопный, другой трехстопный, и въ одномъ ударепіе будетъ приходиться на первомъ слогѣ стопы, а въ другомъ на второмъ слогѣ,— то оно будетъ безобразно. Равнымъ образомъ не хорошо будетъ, если все стихотвореніе будетъ состоять изъ совершенно одинаковыхъ стиховъ; лучше, когда они разнообразятся. Но и разнообразіе это не должно быть неправильнымъ, но черезъ тожественные вездѣ промежутки стихи должны быть тожественными; напр., если въ одной строфѣ за двумя длинными стихами слѣдуетъ короткій, то и въ другой строфѣ должно быть также, но не наоборотъ, или не какимъ либо другимъ образомъ.

Съ внутренней стороны мѣра входитъ въ поэтическія произведенія *полнотою безъ излишествъ*. Полнота въ поэтическомъ произведеніи есть отсутствіе въ немъ чего либо недостигнутаго, т. е. невыполненныхъ цѣлей; а излишнее есть то, что присутствуя ничего не выполняетъ, что въ произведеніи сверхъ достигнутыхъ цѣлей. Такъ, если цѣль произведенія есть изображеніе какого либо характера или типа, то полнота сказывается въ немъ тѣмъ, что изображаемый характеръ или типъ становится совершенно яркимъ въ сознаніи читателя, такъ что у него не остается никакой неясности относительно его, никакой неопредѣленности, никакого недоумѣнія. А излишнимъ въ такомъ произведеніи будетъ все, что соприкасаясь съ характеромъ или типомъ ничего не прибавляетъ къ его образу — ни проясняетъ его въ воображеніи читателя, ни объясняетъ уму его. Отсюда ненужность всѣхъ повторяющихся сценъ въ поэтическомъ произведеніи, т. е. такихъ, въ которыхъ послѣдующая не даетъ ничего новаго въ сравненіи съ предъидущей,— не дополняетъ и не развиваетъ ее. Равнымъ образомъ, если цѣль произведенія есть изо-

браженіе какого либо процесса, напр. развитія какой либо страсти, то неполнота будетъ сказываться всякимъ перерывомъ въ изображеніи преемственныхъ стадій этого развитія, напр. если какая либо обрисованная стадія ни во что не переходитъ, или другая ни изъ чего изображеннаго не выходитъ; а излишество будетъ сказываться въ присутствіи сценъ, дважды обрисовывающихъ какую либо стадію этого чувства, или мимоходомъ обрисовывающее что либо, не имѣющее отношенія къ изображаемому процессу. Но когда, какъ это часто бываетъ въ художественныхъ произведеніяхъ, предметомъ изображаемымъ бываетъ собственно не человѣкъ, но жизнь, и только черезъ характеры и типы изображается она, то излишествомъ не будетъ введеніе эпизодическихъ сценъ, повидимому не связаныхъ съ основною нитью произведенія. Люди въ немъ (нѣкоторые) и должны приходить ни откуда, и уходить не возвращаясь. Такъ у Островскаго, который рисуетъ бытъ, а не человѣческую природу, не есть излишество появленіе и исчезаніе многихъ повидимому лишнихъ людей; это не сверхъ цѣли, но въ цѣли. Но это же самое безпричинное и безслѣдное появленіе и исчезновеніе лицъ было бы излишествомъ въ произведеніяхъ Тургенева, который рисуетъ типы а не жизнь, потому что здѣсь это было бы внѣ цѣли. Такимъ то образомъ художественное, будучи прекрасно въ отдѣльности, но излишне для произведенія, вводитъ въ него безобразіе, антихудожественность, ничего не утрачивая собственно въ себѣ. Этотъ порокъ особенно присущъ поэтамъ и художникамъ съ сильнымъ и живымъ воображеніемъ. У нихъ постоянно возникаютъ чудныя сцены, хотя и не одинаковыя, но объ одномъ, и жалѣя бросить ихъ они портятъ свои произведенія введеніемъ ихъ.

XI. Говоря объ искусствѣ, мы ничего не сказали о *красотѣ*, которая составляетъ предметъ его. Причина этого — трудность сказать о ней что либо опредѣленное, что одновременно не было бы сомнительнымъ. Есть красота въ величіи, и безобразіе въ противоположномъ ему —

въ низости. Такъ изображеніе проникнутаго мыслью лица въ скульптурѣ, или сильнаго, мужественнаго характера въ поэтическомъ произведеніи, или страдающаго, скорбнаго лица въ живописи будетъ прекрасно. Въ первомъ случаѣ, при этомъ, изображаемымъ предметомъ служитъ величіе ума, во второмъ величіе воли, и въ третьемъ величіе чувства. Напротивъ изображеніе безсмысленнаго лица (низкое въ разумѣ), или трусливаго (низкое въ волѣ), или апатичнаго (низкое въ чувствѣ) будетъ безобразно, хотя бы оно было прекрасно передано. Слѣдовательно здѣсь причина лежитъ не въ томъ, какъ изображается, но въ томъ, что̀ изображается. Мы подходимъ здѣсь къ тому, что̀ въ прекрасномъ, къ красотѣ въ самой себѣ. Отмѣтивъ это явленіе, разсмотримъ еще примѣръ. Красота художественнаго произведенія возрастаетъ тѣмъ болѣе, чѣмъ изображаемое ближе къ первозданной природѣ своей; и напротивъ, чѣмъ далѣе изображаемое отошло отъ этой первозданной природы, тѣмъ его изображеніе въ искусствѣ становится отвратительнѣе. Такъ образъ невиннаго лица (напримѣръ въ картинахъ Беато Анджелико или у Рафаэля въ ангельскихъ головкахъ, окружающихъ его Сикстинскую мадонну) прекраснъ; напротивъ изображеніе лица лживаго, или злаго, или сладострастнаго отвратительно, и при этомъ тѣмъ болѣе, чѣмъ художественнѣе оно передано. Здѣсь причина прекраснаго въ одномъ случаѣ, и отвратительнаго въ другомъ, также лежитъ не въ изображеніи, но въ изображаемомъ, т. е. въ красотѣ въ самой себѣ. Обдумывая эти два явленія мы невольно приходимъ къ мысли — она нуждается, впрочемъ, въ дальнѣйшемъ разслѣдованіи — что красота есть то, отъ чего удалился человѣкъ, что лежитъ позади «теперь», и то, къ чему стремится природа человѣка, какъ цѣлесообразно устроенное, то, что впереди «теперь». Первое есть то начало, откуда вышла она, и искусство, изображающее его, есть какъ бы воспоминаніе объ утраченномъ идеалѣ; второе есть послѣднее назначеніе, къ которому направляется человѣкъ, и искусство, изображаю

щее его, есть какъ бы предчувствіе и ожиданіе, какъ бы видѣніе будущаго идеала.

Разсмотрѣвъ искусство, переходимъ теперь къ другимъ формамъ, подъ которыми является жизнь.

XII. *Религія* есть возстановленное отношеніе между человѣкомъ и Творцомъ его, или какъ выполненное въ религіи истинной, или какъ стремленіе выполнить въ религіяхъ неистинныхъ. Такъ можно думать основываясь на томъ, о чемъ мы можемъ судить, что можемъ понимать въ религіи. Напримѣръ Религія всегда учитъ быть правдивымъ, никогда не учитъ ненавидѣть ближняго, — и нѣтъ сомнѣнія, что ложь появилась нѣкогда въ человѣкѣ, что ненависть не всегда была присуща ему. Потому что правдивость, которой не предшествовала ложь, равно какъ любовь, которой не предшествовала ненависть, мы можемъ отнести, какъ слѣдствіе къ своей причинѣ, только къ одной природѣ человѣка. Напротивъ ложь и ненависть немыслимы, какъ первозданное въ человѣкѣ, и причину первой лжи и первой злобы мы не въ состояніи отнести ни къ чему другому, кромѣ какъ къ причинѣ, внѣшней для природы человѣка. Ложь напримѣръ не есть нѣчто положительное, но отрицаніе положительнаго, и ясно, что отрицаніе могло явится только послѣ отрицаемаго, но не ранѣе его. Ложь есть нарушенная правда, и конечно прежде чѣмъ нарушиться, правда должна была появиться, существовать. Такова природа разсматриваемыхъ нравственныхъ явленій, и разсматривая ее анализирующій разумъ съ непреодолимою силою подтверждаетъ то, что утверждается религіею и воспринимается чувствомъ вѣрующихъ. Итакъ, въ этомъ разсмотрѣнномъ нами случаѣ религія возстановляетъ нѣкогда утраченное, и уничтожаетъ нѣкогда возникшее. Также точно, что бы другое мы ни сказали въ Религіи, что понятно намъ, о чемъ мы можемъ судить, мы всегда замѣтимъ это стремленіе въ ней возстановить то, что нѣкогда было, и побѣдить то, что потомъ возникло и исказило это первоначально бывшее. На основаніи этого извѣстнаго и понятнаго въ религіи —

это все, что можетъ сдѣлать разумъ, и что въ правѣ онъ сдѣлать — мы можемъ думать, что ито, что неизвѣстно и непонятно въ религіи, есть также возстановленіе истинно нарушеннаго и уничтоженіе истинно возникшаго. Всѣ части религіи имѣютъ это своею цѣлью — мы знаемъ это не посредственно изъ ихъ содержанія; изъ этихъ частей всѣ тѣ, которые понятны и допускаютъ обсужденіе, возстановляютъ дѣйствительно нарушенное и побѣждаютъ дѣйствительно прившедшее и нарушившее. Отсюда мы умозаключаемъ, что и тѣ остальныя части религіи, которыя непонятны и не подлежатъ обужденію, возстановляютъ также дѣйствительно нарушенное, и уничтожаютъ также дѣйствительно прившедшее и нарушившее. И такъ какъ эти остальныя части — онѣ самыя существенныя въ Религіи — говорятъ о нарушенномъ союзѣ человѣка съ Творцомъ своимъ, и о возстановленіи этого союза черезъ учащую такъ религію, то мы должны думать, что нѣкогда дѣйствительно былъ такой союзъ, потомъ нарушился и теперь возстановляется. То-есть, что религіи есть или возстановленное, или стремящееся къ возстановленію отношеніе человѣка къ Творцу своему.

Отсюда въ Религіи осужденіе того, что есть, какъ дурнаго; воспоминаніе о лучшемъ, что нѣкогда было утрачено; и жажда будущаго, въ которомъ возстановится утраченное и погибнетъ дурное. Или, переводя эти три момента въ содержаніи Религіи, отличаемые разумомъ, на болѣе конкретный языкъ самой религіи — ученіе о грѣховности и испорченности человѣческой природы, какъ о злѣ, нѣкогда привлеченномъ въ міръ; ученіе о первоначальномъ невинномъ состояніи человѣка, которое нѣкогда было разрушено первымъ грѣхомъ; и ученіе о будущемъ возстановленіи этого утраченнаго состоянія черезъ побѣду надъ грѣхомъ. Связывая эти три состоянія съ волею Того, Кому учитъ Религія, мы снова получимъ, что ея содержаніе сводится къ ученію объ истинномъ, нарушенномъ и возстановленномъ отношеніи человѣка къ Творцу своему. При чемъ учащая такъ Религія и есть то, что называ-

въ Мірѣ, чтобы объяснить человѣку все это, о чемъ забылъ онъ, побѣдить грѣхъ, внесенный въ жизнь и, очистивъ отъ него природу человѣческую, вновь возстановить ея истинное и первоначальное отношеніе къ Тому, изъ Кого изошла она. Отсюда сознаніе міроваго значенія, поверхъ всѣхъ временъ и поверхъ всѣхъ странъ и народовъ, которымъ проникнута бываетъ Религія. Она обращается не къ народу, а къ человѣку, и имѣетъ предметомъ не историческій моментъ, въ который появляется, но всѣ прошедшія и всѣ будущія судьбы человѣчества, объясняя первыя и направляя вторыя.

Тѣ стремленія, которыя мы выставили, какъ основныя въ разсматриваемой формѣ жизни, есть во всѣхъ Религіяхъ, не чужды ни одной изъ нихъ. Какой бы культъ мы ни взяли, въ немъ всегда есть часть приведенныхъ нами истинъ, только въ большей или меньшей полнотѣ, и въ большей или меньшей степени затемненныхъ заблужденіями, — всѣмъ тѣмъ, что не относится къ этимъ истинамъ, что сверхъ ихъ и кромѣ ихъ. Такъ безъ исключенія всѣ Религіи содержатъ въ себѣ осужденіе злобы, лжи, корыстолюбія, зависти и другихъ пороковъ, которые осуждаются и Религіею истинной. Наиболѣе же развитыя изъ нихъ содержатъ въ себѣ и ученія о первоначальномъ невинномъ состояніи человѣка, объ отпаденіи его отъ своего Творца, и о томъ, что въ будущемъ, искупивъ отпаденіе это страданіемъ, человѣкъ снова сольется съ Духомъ, изъ котораго изошелъ онъ. Только всѣ эти ученія въ Религіяхъ ложныхъ покрыты чрезвычайною массою заблужденій. Поэтому къ той Религіи, которая одна раскрываетъ истины о нарушенномъ и возстановленномъ единеніи человѣка съ Творцомъ своимъ, полно и безъ излишествъ, эти другія религіи относятся такъ же, какъ предчувствіе дѣйствительности къ самой дѣйствительности, какъ усиліе мысли проникнуть скрытую истину къ самой истинѣ, какъ смутное воспоминаніе когда-то извѣстнаго къ знанію, какъ искомое къ найденному, какъ грезы сновидѣнія къ бывшему на самомъ дѣлѣ. Неполнота и искаженность есть

то, что ложно въ этихъ Религіяхъ; но подъ этою неполнотою и ошибками скрывается истинное. Въ этомъ смыслѣ, тогда какъ Религія, всецѣло раскрывающая указанныя положенія, есть по преимуществу Религія, одна истинная, — другія являются какъ бы попытками найти Религію, какъ бы усиліями создать то, чего — человѣкъ всегда чувствовалъ — не достаетъ ему.

Отсюда объясняется необходимость Откровенія. Того, что своими усиліями не могъ найти человѣкъ, но что всегда искалъ онъ, дано ему во вниманіе къ его слабости изъ высшаго милосердія, какъ награда за жажду найти. Тотъ, съ кѣмъ — онъ чувствовалъ — нарушено его единеніе, Кого онъ безсильно искалъ, чтобы вновь соединиться, повсюду на землѣ и во всю свою исторію, Самъ протянулъ ему руку помощи — открылся, сказалъ о Себѣ. Понятное въ своей необходимости, Откровеніе понятно и въ своей сущности. Несомнѣнно, что духъ человѣка со своимъ стремленіемъ къ правдѣ, къ истинѣ, къ любви не есть ни произведеніе вещества, какъ это было доказано ранѣе, ни одиночный фактъ въ мірозданіи, потому что тогда былъ бы непонятенъ и необъяснимъ. Несомнѣнно, что есть другія духовныя существа, отъ человѣка, какъ духа, отличныя, но съ нимъ однородныя по своей природѣ: такъ же сознающія, такъ же чувствующія, такъ же желающія. И если даже присматриваясь къ отдѣльнымъ людямъ, мы находимъ въ нихъ неодинаковую степень духовной силы: одни совершеннѣе, въ нихъ плоть едва одѣваетъ духъ, другіе несовершеннѣе, въ нихъ сильнѣе чувствуется вѣяніе духа, то тѣмъ болѣе естественно и необходимо думать, что и между другими духовными существами есть различныя степени совершенства, т. е. что одни изъ нихъ стоятъ ниже человѣка, другія выше. Остановимся на послѣднемъ. Мы можемъ, — не скажемъ предугадывать, но положительно знать — въ чемъ состоитъ это сравнительное совершенство: оно есть высшее, чѣмъ у человѣка, пониманіе, болѣе чистое, нежели у него, чувство, сильнѣйшая воля; наконецъ, это меньшая обреме-

ненность веществомъ, болѣе свободная, не связанная одухотворенность. Но все это степени совершенства, только высшія, чѣмъ какая присуща человѣку, и отъ нихъ онъ, какъ духъ, такъ же не могъ произойти, какъ напримѣръ это паденіе небольшаго камня, здѣсь и теперь совершившееся, не могло произойти отъ разрушенія горы, тамъ и давно совершившагося, хотя оно и мало, а то велико. Такою произведшею его причиною можетъ быть то одно, что произведя его изъ себя, ничего не утратило въ себѣ, но пребыло таковымъ же, какимъ было. То-есть отношеніе человѣка, какъ духа, къ первой причинѣ своей, есть отношеніе не существа къ существу же, но — мы объясняемъ эту высокую тайну Религіи примѣрами и простыми, и убѣдительными — отношеніе одного ко всему, что заключаетъ его, частнаго къ общему, въ чемъ оно составляетъ единичный случай, явленія къ силѣ и закону своему, напримѣръ тяжести этой вещи къ всемірному тяготѣнію, или, наконецъ — и этотъ примѣръ быть можетъ лучше всего объяснитъ нашу мысль — отношеніе Творца человѣческой природы къ ней есть отношеніе истины, которая повсюду и всегда, къ этому ея произнесенію или къ этому написанію. Всматриваясь въ природу человѣка мы даже можемъ понять, что такое это, уже не относительное больше, совершенство. Вся природа человѣка есть нѣчто какъ бы недоконченное, незавершенное. Она вся въ стремленіи и въ способности, но не въ осуществленіи того, къ чему стремленіе и способность. Какъ духъ, человѣкъ не есть истина, но только стремится къ истинѣ и способенъ воспринять ее, онъ не есть также добро, но ему присуща только жажда добра и пониманіе его. Онъ весь обусловленъ, въ немъ все — одна потенція, какъ возможность воспринять или осуществить дѣйствительное. Но даже и въ этой обусловленности онъ ограниченъ, въ самомъ стремленіи и въ самой способности онъ не всесторонненъ, какъ это было доказано выше относительно разума. Не ко всей истинѣ онъ стремится и не всю истину способенъ воспринять, но только нѣкоторыя стороны истиннаго. То

же и относительно добра, и всего другого. Такимъ образомъ *предѣльность* и *недѣйствительность* присуща человѣческому духу. Теперь съ того, что есть въ немъ, снимемъ эту предѣльность, и въ полученномъ безпредѣльномъ замѣнимъ возможное дѣйствительнымъ. Мы получимъ понятіе о совершенномъ духѣ. Это — истина, которой ищетъ человѣкъ, добро, котораго жаждетъ онъ, но такая истина и такое добро, какой ни понять когда либо окончательно, ни почувствовать во всей полнотѣ не суждено ему. Это — жизнь, только уже не какъ стремленіе возможнаго къ дѣйствительному, но дѣйствительная, которой ничего не недостаетъ, не жаждущая, не неудовлетворенная.

Изъ всего сказаннаго должно быть понятно, что въ человѣкѣ, какъ духѣ, живетъ «дыханіе» Творца его и этимъ дыханіемъ живетъ онъ, какъ духъ. Оно первозданно въ немъ, и только впослѣдствіи затемнилось и исказилось пришедшимъ извнѣ. По степень, въ которой совершилось это затемнѣніе и искаженіе, не одинакова у различныхъ людей, но у однихъ болѣе, у другихъ менѣе. И наконецъ людямъ, природа которыхъ и вообще мало искажена порокомъ, въ моменты, когда и это слабое, поверхностное искаженіе пропадаетъ, открывается природа и жизнь Творца въ полнотѣ, не доступной ни для другихъ людей, ни для нихъ самихъ въ другіе моменты ихъ жизни. Это и есть Откровеніе, о которомъ мы сказали, что оно и необходимо, и понятно.

Во всемъ сказанномъ нами о Религіи если есть что непостижимое и удивительное, такъ это то, что есть человѣкъ, и въ немъ мысль, чувство и воля. Это фактъ, которому ничего подобнаго мы не знаемъ въ физической природѣ, которую одну изслѣдуютъ наши органы чувствъ. явленіе своеобразное, ни съ чѣмъ не схожее, надъ которымъ сколько бы ни задумывался человѣкъ, онъ все еще подумаетъ недостаточно. Но разъ этотъ фактъ есть, все остальное становится не только естественно и разумно, но еще и неизбѣжно къ принятію. Неизбѣжно именно потому, что противное непонятно и запутанно. Такимъ не-

понятнымъ фактомъ было бы существованіе въ одномъ только человѣческомъ существѣ психическаго начала, или если подобныхъ ему много — тожество въ совершенствѣ ихъ, или если они не тожественны — отсутствіе высшаго между ними не равными. Все это по отношенію къ разуму было бы противорѣчіемъ, т. е. неразумнымъ, и по отношенію къ природѣ — исключеніемъ закона причинности, т. е. противоестественнымъ.

XIV. Мы сказали все, что намъ казалось необходимымъ и умѣстнымъ сказать о Религіи. Мы желали бы, чтобъ не необходимымъ показалось и то неумѣстное, что мы прибавимъ здѣсь о ней. Это — о достоинствѣ Религіи и о томъ упадкѣ религіознаго чувства, котораго мы всѣ свидѣтели. Ни для кого не тайна, какъ много теперь искренно невѣрующихъ, для которыхъ Религія есть нѣчто странное, непонятное, о чемъ даже говорить и думать серьезно нельзя. И мы прибавимъ еще для тѣхъ, для кого это тайна, что не болѣе, чѣмъ эти невѣрующіе, думаютъ и заботятся о Религіи и тѣ, которые называютъ себя вѣрующими. Для Религіи въ глубокомъ, въ истинномъ смыслѣ этого слова, различія между тѣми и другими нѣтъ, и для Творца человѣческой природы больнѣе видѣть лицемѣріе первыхъ, нежели легкомысліе вторыхъ. Мы живемъ въ моментъ, когда возможно, что жаждущій, но не могущій увѣровать, скажетъ о себѣ: «я самый вѣрующій изъ всѣхъ, кого встрѣтилъ въ жизни». И мы ожидаемъ, что въ недалекомъ будущемъ эти безсильно жаждущіе изъ обвиняемыхъ сдѣлаются грозными обвинителями своихъ гонителей, и начнутъ именно съ приведенныхъ словъ, на которые нечего будетъ отвѣтить послѣднимъ. Вотъ фактъ, и онъ достоинъ того, чтобы надъ нимъ задуматься.

Намъ думается, что причина его не тамъ, гдѣ обыкновенно стараются найти ее. Не въ умственномъ направленіи вѣка, не въ наукѣ она скрывается, но въ общихъ условіяхъ жизни, такъ глубоко измѣнившихся въ нашъ вѣкъ. Никакая атеистическая книга, мы рѣшаемся утвер-

ждать это, не удаляетъ столькихъ людей, и такъ совершенно безвозвратно, отъ мысли о Религіи, сколько и какъ удаляетъ ихъ отъ нея каждая вновь проводимая вѣтвь желѣзной дороги, или каждая новая обширная мануфактура. Оглянемся кругомъ: не невѣріе, какъ борьба противъ Религіи, есть характерная черта нашего времени; но невѣріе, какъ равнодушіе въ Религіи. Никто, вѣроятно, не испытывалъ, чтобы кто нибудь пламенно оспаривалъ его Религію, но только замѣчалъ, какъ утомленіе и скука показывается на лицахъ всѣхъ, когда онъ начинаетъ говорить о Религіи. При этомъ не имѣющіе нужды или не желающіе обманывать говорятъ, что это ихъ не интересуетъ, а менѣе мужественные или болѣе корыстные сдержанно молчатъ, пока разговоръ не перейдетъ на что нибудь болѣе интересное. Итакъ, если никого не занимаетъ мысль о Религіи, то значитъ всѣхъ занимаетъ мысль о другомъ; если никто не живетъ болѣе религіознымъ чувствомъ, то слѣдовательно всѣ живутъ какими то другими чувствами; когда никто не стремится къ внутренней чистотѣ и совершенству, тогда всѣ стремятся къ инымъ цѣлямъ. Здѣсь, мы думаемъ, разгадка всего. Человѣкъ страшно глубоко погрузился въ жизнь, онъ никогда болѣе не остается наединѣ съ собою. Онъ не думаетъ о томъ, что внутри его, потому что долженъ ежеминутно думать о томъ, что внѣ его. Быть можетъ душа и есть, и это что нибудь и значитъ; но ему некогда останавливаться на этомъ, потому что несомнѣнно, что у него есть нужное дѣло, и что много будетъ значить, если оно останется невыполненнымъ. Онъ не возвышается мыслью надъ міромъ и жизнью, къ первой причинѣ ихъ и къ Творцу своему, потому что въ одномъ уголкѣ этого міра и жизни у него слишкомъ много заботъ и достаточно радостей. О какой наукѣ, борющейся противъ Религіи, здѣсь можетъ быть рѣчь, когда самая наука уже давно погрузилась въ эту жизнь, уже никогда болѣе не поднимается къ первымъ основаніямъ того, что кропотливо и, сама не зная для чего, она изслѣдуетъ въ частностяхъ. Одновременно

съ Религіею и потому же, почему и она, пала и наука; и наши не можетъ уже болѣе быть ни религіозной, ни антирелигіозной. Весь вредъ, наносимый ею Религіи, состоитъ въ томъ только, что она на ряду со всѣми другими занятіями, кормящими и забавляющими человѣка, отвлекаетъ его мысль отъ великихъ вопросовъ, и съ ними отъ Религіи. Она — это та-же жизнь, втягивающая въ себя людей и губящая въ нихъ все чистое и возвышенное. Нѣтъ, это ошибка думать, что наука въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ теперь, есть гордая борьба разума съ безсознательною вѣрой. Человѣкъ вовсѣ не борется противъ Религіи — онъ просто не думаетъ о ней. Онъ не возстаетъ противъ Творца своей природы — онъ просто трудится и веселится.

Все, что мы сказали здѣсь объ отношеніи живущихъ поколѣній къ Религіи, не только не менѣе серьезно, но и неизмѣримо значительнѣе, чѣмъ та борьба, которую, какъ многіе думаютъ, сознательно ведетъ человѣкъ противъ своей вѣры. Быть можетъ тутъ и есть борьба, но только ведется она не человѣкомъ, а въ человѣкѣ. Онъ только арена борьбы, и потому-то она такъ и страшна, что идетъ о немъ и въ немъ, а онъ безсиленъ что либо сдѣлать или предпринять здѣсь. Тутъ сказывается не сознательная воля человѣка, но та непонятная и могущественная сила, которая такъ непреодолимо сковываетъ волю человѣка, и направляетъ судьбы его исторіи путями, которыхъ никто не знаетъ, къ цѣлямъ, которыхъ еще никто не уразумѣлъ. Мы живемъ съ нашими науками, искусствами, государствами, промыслами и торговлею, и замѣчаемъ движеніе только въ нихъ, но не ихъ самихъ; такъ что не можемъ ни бороться, ни даже замѣчать и чувствовать того общаго и могучаго историческаго теченія, которое уноситъ насъ и съ нами все, что мы создаемъ, чѣмъ живемъ, надъ чѣмъ трудимся и чему радуемся. И только время отъ времени, отрываясь отъ этого частнаго, за которымъ скрыто отъ насъ общее, немногіе проницательные умы видятъ, отъ чего мы отошли и

къ чему приблизились, что стало невозвратимымъ болѣе, и что неизбѣжно уже, къ чему мы не имѣемъ силы вернуться и отъ чего не имѣемъ мудрости уклониться. Кто думалъ объ опасности для всѣхъ высшихъ формъ творчества, когда усложняясь и ускоряясь жизнь невозвратно увлекла въ свой потокъ человѣка, и смыла все, что въ немъ поверхъ животнаго? Кто могъ повѣрить, что съ тѣхъ поръ, какъ наука со своими открытіями станетъ двигателемъ жизни, эта жизнь неуклонно будетъ двигаться къ разрушенію науки, что плодъ познанія убьетъ корень его? Кто могъ предвидѣть, что въ простомъ ускореніи всѣхъ человѣческихъ сношеній заключается болѣе опасности для Религіи, нежели во всѣхъ ересяхъ, какія когда либо волновали религіозный міръ? Никто не возставалъ и не боролся противъ Религіи, но кто устоялъ въ ней? Скажемъ болѣе, какая человѣческая мудрость и какая сверхъестественная сила могла бы сдѣлать, чтобъ человѣкъ все еще продолжалъ думать о ней, т. е. чтобы живя среди хаоса бѣгущей жизни онъ жилъ бы такъ, какъ будто вокругъ него была пустыня, чтобъ онъ не чувствовалъ этого хаоса, не зналъ о немъ, не хотѣлъ въ немъ? Нѣтъ, не человѣкъ отпалъ отъ Творца своего: онъ не виновенъ ни въ чемъ, кромѣ безсилія; но иная могущественная воля непреодолимо отвлекла его отъ Творца, и противъ этой воли возстанетъ ли когда нибудь равная чтобы преодолѣть ее, объ этомъ не намъ судить и это не намъ предвидѣть.

Но тамъ, гдѣ мы безсильны предвидѣть и гдѣ безсильны выполнять, намъ еще остается жаждать и ожидать. Пусть это немощно, пусть это не измѣнитъ хода историческаго развитія; оно опредѣлитъ наше отношеніе къ нему, оно разсѣетъ фантомы, которыми окружены мы и за которыми скрыто отъ насъ истинное положеніе вещей.

Итакъ къ тому, что мы сказали о религіи ранѣе именно, что судя по всему, что мы можемъ понимать въ ней, ея содержаніе составляетъ дѣйствительно происшедшее нѣкогда и дѣйствительно имѣющее совершиться

въ будущемъ, и еще далѣе, что въ немъ нѣтъ ничего запутаннаго и противнаго порядку природы, но напротивъ въ обратномъ ей скрыто и противорѣчіе, и противоестественность въ смыслѣ несогласія съ природою вещей, какою мы знаемъ ее — прибавимъ къ этому еще и нѣсколько словъ о внутреннемъ достоинствѣ самой религіозной жизни. Мы не хотѣли бы, чтобы человѣкъ изъ малодушія, только по необходимости преклонился передъ чѣмъ нибудь неистиннымъ, и поэтому истинность, а не внутреннее достоинство есть первое и основное въ Религіи, что представляется намъ. Но мы знаемъ еще, — объ этомъ упомянуто было при разсмотрѣніи осложненныхъ политическихъ формъ — какъ не рѣдко человѣкъ не можетъ преклониться и передъ истиннымъ, когда оно почему либо непреодолимо мѣшаетъ ему привязаться къ себѣ. И поэтому второе, на чемъ останавливается наше вниманіе, есть достоинство Религіи и жизни въ ней.

Не будемъ обманываться; перестанемъ видѣть только тѣ цѣли, которыя непосредственно передъ нами, и заглянемъ на то, что лежитъ за ними и впереди ихъ. Пусть будетъ достигнуто все, чего желаетъ человѣчество какъ въ духовномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи — почувствуетъ ли оно удовлетвореніе? Пусть я обладаю громадными знаніями, всѣми, какихъ желаю, и пусть обезпеченъ матеріально — это также все, чего я желаю. Буду ли я удовлетворенъ, наполнится ли мой внутренній міръ непреходящимъ покоемъ и непреходящею радостью? Для меня лично нѣтъ сомнѣнія, что съ этимъ достиженіемъ въ душѣ моей воцарится постоянный холодъ, и для меня утратятся и тѣ небольшія радости, которыя я имѣю теперь, когда или новая мысль освѣтитъ мое сознаніе, или когда я избѣгну какой нибудь матеріальной непріятности. Есть глубокая справедливость въ мысли, что все, что ни дѣлаетъ человѣкъ, онъ дѣлаетъ для того только, чтобы забыться. Онъ страшится остаться съ собою, почувствовать себя, почувствовать свое существованіе. Поэтому хорошо ему не тогда, когда онъ все знаетъ, но

именно тогда, когда онъ многаго еще не знаетъ; и не тогда, когда всѣмъ владѣетъ, но тогда, когда ему многаго еще не достаетъ. Малыя мученія, испытываемыя въ жизни, даны въ удѣлъ человѣку не въ наказаніе, но изъ милосердія, чтобы онъ не чувствовалъ другаго великаго и нестерпимаго мученія — мученія природы своей человѣческой; мы не можемъ назвать его иначе, потому что оно не имѣетъ другаго источника. Это мученіе поднимается всегда, когда человѣкъ остается одинъ, наединѣ съ собою, и заглушается только внѣшними и гораздо лучше выносимыми страданіями. Его испытывали многіе люди — всѣ, которые надѣлены глубокою душою, и оно засвидѣтельствовано, какъ фактъ, исторіею. Различными именами называли его испытывавшіе: пресыщеніемъ жизнью, усталостью жить, безцѣльностью; но всѣ испытывавшіе не расходились въ одномъ, что тогда какъ всѣ другія несчастія выносимы для человѣка — бѣдность, болѣзнь, потеря близкихъ людей, и онъ или примиряется или борется съ ними,—это одно несчастіе невыносимо, и при немъ становится невозможно жить (Римъ передъ эпохою паденія). Итакъ, если это фактъ, что на высокой ступени духовнаго развитія и обладая высокимъ матеріальнымъ благосостояніемъ человѣкъ можетъ чувствовать себя нестерпимо несчастнымъ, то не ясно ли, что это развитіе и это благосостояніе не можетъ составить послѣдней цѣли его стремленій? Это съ личной субъективной точки зрѣнія. Но развѣ можно сказать, что счастье достигнуто человѣчествомъ, когда каждый отдѣльный человѣкъ можетъ испытывать въ немъ страданія, и при томъ не одинъ и не нѣсколько, но не опредѣленное количество ихъ, и не какое либо преходящее, но нестерпимое? Развѣ человѣчество испытываетъ что либо иное, чѣмъ то, что испытываютъ составляющіе его люди, и развѣ можно стремиться доставить ему то, что въ отдѣльности никому не нужно?

Но не это одно страданіе внутренней пустоты и холода объемлетъ человѣкомъ, когда онъ остается наединѣ съ собою. Мудрые и дальновидные чувствуютъ еще ужасъ

такого одиночества. Человѣку трудно вынести свою природу, и человѣчеству трудно будетъ вынести жизнь. Въ природѣ человѣка есть столько темнаго, ужасающе низкаго и однако неудержимо влекущаго къ себѣ, его уму такъ присуще колебаніе, онъ такъ способенъ къ оправданію дурнаго, что ни за что нельзя поручиться, что оно никогда не будетъ совершено, и ни о чемъ нельзя сказать, что оно постоянно будетъ исполняться. Человѣку тяжело, невыносимо остаться со своею природою, и не имѣть надъ собою ничего высшаго, что могло бы помочь ему сдержать эту природу. Это также съ субъективной точки зрѣнія. Съ объективной же, съ точки зрѣнія всей исторіи и всей жизни, природа человѣческая такъ слаба, такъ податлива и похотлива, что никакая мудрость, опираясь на себя только, никогда не построитъ изъ нея ничего прочнаго, о чемъ можно было бы сказать, что оно пребудетъ незыблемо. Самый матеріалъ плохъ, и какъ бы ни чудно предусмотрѣно было все въ построеніи, оно останется только памятникомъ великаго индивидуальнаго ума и великой коллективной слабости въ человѣчествѣ.

Насколько исполнена страданія и невѣрна относительно всего хорошаго жизнь внѣ Религіи, настолько же исполнена она внутренней радости, и тверда противъ всякихъ бѣдствій, когда религіозна. Только понимать нужно религію не во внѣшнемъ значеніи, но въ глубокомъ и истинномъ: когда вся воля, всѣ чувства и всѣ мысли человѣческія, даже когда онѣ и не имѣютъ предметомъ Религію, бываютъ проникнуты ею; т. е. когда религіозенъ весь человѣкъ и вся жизнь. Только живя въ Религіи человѣкъ можетъ быть истинно свободенъ. Что для него значитъ воля сильнѣйшаго на землѣ человѣка, что для него мнѣнія всѣхъ людей, когда онъ живетъ въ волѣ Того, передъ кѣмъ мало все великое на землѣ? На эту волю онъ можетъ опереться въ борьбѣ противъ всѣхъ, и погибнуть не побѣжденнымъ, съ радостью, но не съ отчаяніемъ. Съ другой стороны и человѣчество, живя религіозно, можетъ быть безопасно отъ воли одного, потому что есть

то, чему покорясь воля всемогуща, и внѣ чего она совершенно безсильна, что дѣлаетъ ее святою и неприкосновенною, и безъ чего она беззаконна и подлежитъ осужденію. Наконецъ въ Религіи человѣкъ никогда не остается одинъ; съ нимъ всегда Тотъ, Кто всего ближе и дороже ему, на Кого можно надѣяться во всякомъ бѣдствіи и Кто остается послѣ всякой утраты. Религія истинная и въ ней жизнь всего человѣчества можетъ стать послѣднею цѣлью всѣхъ человѣческихъ усилій, потому что по сознанію отдѣльныхъ людей и по свидѣтельству исторіи въ ней одной человѣкъ находитъ успокоеніе, и она одна даетъ радость, которая не проходитъ и которая насыщаетъ. Въ ней одной уже достигнутое, — то, послѣ чего нечего желать, какъ большаго и лучшаго. И, одновременно съ этимъ, она не исключаетъ никакого новаго стремленія, но напротивъ могущественно укрѣпляетъ и исполняетъ радости всякое, которое хорошо. Она не исключаетъ ни творчества въ области прекраснаго, ни политической дѣятельности, ни мышленія и науки; но все это обливаетъ новымъ свѣтомъ и согрѣваетъ новымъ чувствомъ. И то, что внѣ Религіи нужно человѣку только для того, чтобы забыться — и втайнѣ онъ сознаетъ это и чувствуетъ отвращеніе къ тому, чего наружно желаетъ, — то въ Религіи ставится дѣйствительною, а не призрачною цѣлью, тѣмъ, что есть само для себя, а не средство для достиженія извѣстнаго субъективнаго состоянія. Достигнувъ всѣхъ своихъ цѣлей внѣ Религіи, человѣкъ достигаетъ частей, въ которыхъ нѣтъ цѣлаго; а достигнувъ религіозной жизни онъ достигаетъ цѣлаго, владѣя которымъ неторопливо и уже удовлетворенный отдается частямъ.

XV. *Право, нравственность* и *государство* имѣютъ между собою много общаго. Всѣ три одинаково стремятся полчинить себѣ человѣка, поставить предѣлы его волѣ, существуя въ настоящемъ опредѣлить будущее. Но при всемъ сходствѣ между ними замѣчается и различіе.

Право имѣетъ цѣлью свободу, ибо по природѣ своей оно есть то, что позволяетъ; всякое право есть право на

что нибудь, и въ томъ, на что есть право, человѣкъ свободенъ. Нравственность имѣетъ цѣлью добродѣтель— она наставляетъ; свобода, оставляемая человѣку правомъ, съуживается ею, потому что она учитъ, что хотя многое въ его волѣ совершить и не совершить, однако изъ этого, могущаго быть совершеннымъ, только не многое достойно. Государство имѣетъ цѣлью пользу, и природа послѣдней такова, что оно предписываетъ. Далѣе, объектомъ права служатъ дѣйствія человѣческія и, дозволяя ихъ, оно осуществляется въ рядѣ отрицательныхъ законовъ, которые только защищаютъ, только обезпечиваютъ свободное совершеніе за тѣми, у кого право, въ предѣлахъ того, на что право. Нравственность имѣетъ своимъ объектомъ внутренній міръ человѣка; она ничего не запрещаетъ и ничего не предписываетъ, но уча убѣждаетъ мысль, преобразуетъ чувство, влечетъ къ себѣ желаніе; поэтому форма, въ которой является она, есть ученіе, не какъ рядъ холодныхъ истинъ, для которыхъ безразлично, примутся онѣ или нѣтъ, но какъ увѣщаніе принять истину, которое проникнуто состраданіемъ къ лишеннымъ ея, и любовью къ принимающимъ. Государство имѣетъ своимъ объектомъ не человѣка съ его наружною или внутреннею стороною, но благо людей; оно приноситъ, даетъ человѣку, но не исходитъ изъ него, не уноситъ съ собою; поэтому осуществляется оно въ учрежденіяхъ, въ которыхъ, какъ въ формахъ, живутъ люди, и живя въ которыхъ они полнѣе и совершеннѣе достигаютъ блага. Наконецъ область права есть *внѣшнія отношенія человѣка къ человѣку, человѣка къ человѣчеству,* и *человѣчества къ человѣку.* Оно опредѣляетъ, въ какія дѣйствія личности не можетъ вмѣшаться другая личность, какія дѣйствія личности не подлежатъ волѣ всѣхъ и, наконецъ, что по отношенію ко всѣмъ не можетъ совершить личность. Въ массу людей, гдѣ въ первобытномъ состояніи все возможно и ничего не должно, оно вводитъ разграниченія, и охраняетъ одного отъ одного, одного отъ всѣхъ и всѣхъ отъ одного. Поэтому право есть нѣчто такое, что существуетъ и тогда,

когда оно никѣмъ не сознано, нигдѣ не написано, ни разу не произнесено. Оно не создается сознаніемъ, написаніемъ или произнесеніемъ, потому что ранѣе ихъ; но только проясняется, становится очевиднымъ въ нихъ, подобно тому какъ пространственная форма не создается черченіемъ, но только дѣлается видимою черезъ него. И чѣмъ съ меньшими излишествами и меньшими недостатками эти невидимыя и вѣчныя права отражаются въ законахъ, сознанныхъ, написанныхъ или произнесенныхъ, тѣмъ ближе къ совершенству эти законы. Согласно съ тройною областью своею и право, единое по сущности, распадается на три формы по примѣненію: 1) на право человѣка, напр. пользоваться плодомъ трудовъ своихъ, 2) на право гражданина, напр. каждый въ государствѣ имѣетъ право отказаться пожертвовать ради его тѣмъ, чѣмъ никто не жертвуетъ и чего ни отъ кого другаго не требуется, хотя бы на то и была воля всѣхъ, 3) на право государства, напр. удалять того, кто хочетъ вредить всѣмъ. Область нравственности есть *внутреннія отношенія людей, близкихъ между собою* или по связи, напр. отношенія семейныя, или по положенію, напр, отношенія дружественныя, или господства и подчиненія. Оно учитъ не причинять другому страданія, не быть корыстолюбивымъ, жестокосердымъ, гордымъ, лживымъ. Наконецъ, область государства есть *массовыя отношенія* людей къ людямъ, напр. сословія къ сословію, дающихъ законы къ приводящимъ въ исполненіе ихъ, и т. п.

Чтобы яснѣе показать различіе между этими тремя формами творчества, приведемъ слѣдующій примѣръ, гдѣ къ одному и тому же выкажется троякое различное отношеніе ихъ. Пусть мнѣ нанесена обида. Я имѣю право требовать суда за нее; я долженъ простить, слѣдуя ученію нравственности; я долженъ искать удовлетворенія, чтобы обида не осталась безнаказанною и, вслѣдствіе того повторяясь, не была нанесена другимъ (требованіе государства).

Всѣ эти три формы жизни значительно изучены въ с)

ществующей наукѣ, и поэтому мы не будетъ останавливаться на нихъ. Замѣтимъ только, что здѣсь, въ разсматриваемомъ ученіи, они познаются какъ факты, которые есть, безъ всякаго отношенія къ тому, чѣмъ они должны быть. Ихъ форма существованія, природа, свойства, причина, цѣль, сходство и различіе — вотъ все, что должно быть разслѣдовано здѣсь. Но зато это должно быть разслѣдовано обстоятельно. Ограничимся однимъ только замѣчаніемъ.

Источникъ права есть присущее человѣку чувство справедливости, и что оно есть въ человѣкѣ и первозданно въ немъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ сильное его пробужденіе у всѣхъ людей и во всѣ времена въ моменты, когда какое либо право слишкомъ грубо нарушается. Напр. когда кто либо построилъ себѣ жилище, а другой, сильнѣйшій, приходитъ и выгонятъ его, то это никѣмъ, нигдѣ и никогда не считалось и не сочтется справедливымъ. Источникомъ нравственности служитъ чувство доброты и правдивости, и первозданность его была обнаружена нами ранѣе. Что же касается государства, то силою, которая поддерживаетъ и движетъ его, служитъ не потребность, не нужда, какъ думаютъ многіе, но наслажденіе въ ощущеніи господства и силы. Это особенная страсть, и удовлетвореніе ея, создающее могущественныя и обширныя государства, губящее племена и народы, болѣе слабые, совершается нерѣдко въ ущербъ самымъ очевиднымъ матеріальнымъ выгодамъ. Съ яростью наибольшею, чѣмъ въ какомъ либо другомъ историческомъ народѣ, она сказалась въ исторіи нашего государства, которое въ противоположность всѣмъ другимъ облегчаетъ покоренныхъ черезъ обремененіе покорителей. «Возьми себѣ всѣ наслажденія и дай мнѣ одно — господствовать надъ тобою», вотъ точное выраженіе этой особенной, трудно объяснимой страсти. Быть можетъ источникъ ея лежитъ въ избыткѣ воли, въ перевѣсѣ этой стороны духа надъ другими.

ГЛАВА XVI.

Ученіе о Мірѣ человѣческомъ: о законахъ или соотношеніяхъ.

I. Ученіе о соотношеніяхъ въ творчествѣ и о проявленіяхъ добра и зла въ немъ, какъ новая область изученія Міра человѣческаго. Ученіе о законахъ или соотношеніяхъ и двѣ формы его: общая теорія и рядъ частныхъ ученій.—II. Опредѣленіе закона. Отношеніе закона, какъ цѣлаго, къ частямъ своимъ; отношеніе закона къ сферѣ его проявленія; о природѣ закона; одно, входящее неизмѣнною частью въ различное, какъ источникъ соотношенія различнаго; какимъ образомъ дѣйствіе закона, будучи неразрушимымъ, можетъ быть сдѣлано нечувствительнымъ. — III Три рода и девять видовъ законовъ въ Мірѣ человѣческомъ; соотношенія въ творящемъ, въ твореніи и въ творимомъ. — IV. *Законы духа* и виды ихъ: 1 соотношенія между формами и формами духа: a. между элементами разума, b. между элементами чувства, c. между элементами воли, *α*. между разумомъ и чувствомъ, *β*. между разумомъ и волею, *γ*. между чувствомъ и волею. 2. Соотношенія между формами духа и процессами: a. между разумомъ и мышленіемъ, b. между чувствомъ и чувствованіемъ, c. между волею и желаніемъ. 3. Соотношенія между формами духа и формами жизни: a. между разумомъ и наукою, b. между чувствомъ и правомъ, нравственностью, искусствомъ и пр., c. между волею и государствомъ.— V. *Законы творенія* и виды ихъ: соотношенія въ предѣлахъ самихъ творческихъ процессовъ; два вида этихъ соотношеній: законы процесса и законы синтеза процессовъ. Раздѣленіе первыхъ на: 1. законы процесса пониманія, 2. законы художественнаго процесса, 3. законы развитія права, 4. законы развитія нравственности и нравственныхъ ученій, 5. законы развитія религіознаго процесса, 6. законы развитія государства. — VI Законы синтеза процессовъ; соотношенія, наблюдаемыя при соединеніи, совмѣстномъ развитіи и разъединеніи творческихъ процессовъ, какъ объектъ ученія объ этихъ законахъ. — VII. Соотношенія между творческими процессами и духомъ; возвратное дѣйствіе совершающагося процесса на духъ, въ которомъ онъ совершается, и на объективный духъ воспринимающаго процессъ. — VIII. Соотношенія между творческими процессами и формами жизни; доказательство, что строеніе первыхъ отражается въ строеніи вторыхъ; важность знанія законовъ этого отраженія. — X. *Законы жизни* и виды ихъ: 1. Соотношенія между формами жизни и формами жизни, 2. Соотношеніе между формами жизни и творческими процессами, 3. Соотношенія между формами жизни и духомъ. — X. Общій путь открытія соотношеній въ Мірѣ человѣческомъ; три ступени этого пути: разложеніе сложнаго на простое, нахожденіе въ простомъ одного общаго, соединеніе обладающаго общимъ причинною связью.

I. Съ ученіемъ о формахъ жизни закончилось ученіе о творчествѣ человѣческомъ. Послѣдовательно познавъ творящее, твореніе и творимое, оно совершило свой полный кругъ, и здѣсь, въ этой области, для разума нѣтъ болѣе предметовъ познанія. Но съ этимъ вмѣстѣ еще не оканчивается ученіе о Мірѣ человѣческомъ. Оно только вступаетъ въ новую фазу.

Областью, гдѣ вращается познаніе, все еще остается творящее, твореніе и творимое; но уже не оно само составляетъ предметъ познанія, но то, что *между имъ и управляетъ имъ*, и то, что *надъ нимъ и въ немъ проявляется*. Человѣкъ все еще стоитъ, какъ средоточіе, въ этомъ мірѣ своего творчества; но надъ нимъ, этимъ наружнымъ средоточіемъ, возвышается другое, невидимое средоточіе, изъ котораго исходятъ невидимыя соотношенія, входящія, связующія и господствующія надъ всѣмъ видимымъ въ Мірѣ человѣческомъ; и еще другое, что дѣлаетъ этотъ міръ своимъ проявленіемъ, что въ немъ опредѣляетъ значеніе и смыслъ всего. Первое — это *законы міра человѣческаго*, и ясно, что хотя проявляются они въ человѣческомъ творчествѣ, однако же источникомъ ихъ служитъ уже не природа человѣческая: они въ ней, но не изъ нея. Второе есть *добро* и *зло*, и почему одно изъ творимаго является добромъ, а другое зломъ, объясненіе этого также нельзя уже искать въ природѣ человѣческой: въ человѣкѣ творится и онъ творитъ, но таковымъ и инымъ дѣлаетъ творящееся и творимое уже не онъ самъ.

Ученіе о законахъ или соотношеніяхъ распадается на двѣ формы, изъ которыхъ одна познаетъ, что́ такое законъ — это общая теорія, а другая — какіе бываютъ законы, это рядъ частныхъ ученій. Первая раскрываетъ форму существованія, природу, свойства, причину, назначеніе, сходство и различіе и количественную сторону того, что́ связуетъ и господствуетъ въ Мірѣ человѣческомъ; вторыя опредѣляютъ то, между чѣмъ это связующее (что именно соединено законами) и каково оно въ этихъ отдѣльныхъ областяхъ (какъ соединено).

II. *Законъ есть соотношеніе между чѣмъ либо въ Мірѣ человѣческомъ, вытекающее изъ неизмѣннаго въ природѣ соотносящихся, и потому постоянное и необходимое въ немъ.* Это опредѣленіе, на ряду съ наблюденіемъ того, что есть въ Мірѣ человѣческомъ несомнѣнно подчиненнаго закону, можетъ послужить къ ясному и точному пониманію отдѣльныхъ сторонъ его (закона).

Существованіе закона можетъ быть разсматриваемо съ двухъ сторонъ: со стороны *цѣлости*, и со стороны *отношенія его къ тому, въ чемъ онъ.*

Первое есть отношеніе закона къ самому себѣ, или правильнѣе — отношеніе его, какъ цѣлаго, къ совокупности частей своихъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что отношеніе это есть неизмѣнное тожество, т. е. что никогда и ничто не привходитъ въ законъ, и никогда и ничто неисчезаетъ изъ него, но онъ вѣчно и повсюду пребываетъ равнымъ самому себѣ, непарушимымъ и неразрушимымъ. И это не только касается частей его, но и того, что между частями и что не есть уже самый законъ. Напр. все, что составляетъ законъ, никогда не раздѣляется и не соединяется, но тамъ, гдѣ одна часть его, есть и всѣ прочія, и гдѣ всѣ, тамъ и каждая. Такъ что явленіе какое либо, напр. въ области государственной жизни, или умственной, или нравственной, не можетъ совершаться такъ, чтобы одинъ разъ было подчинено одной части своего закона, а въ другой разъ другой части его: или чтобы въ двухъ явленіяхъ, одновременно происходящихъ, одинъ и тотъ же законъ дѣйствовалъ раздѣлившись, т. е. управляя однимъ изъ нихъ одною своею частью, и другимъ — другою. Но напротивъ въ каждомъ явленіи, какъ бы оно ни было мало, законъ дѣйствуетъ всегда во всей своей цѣлости, и такъ же, но не больше проявляется закона и въ обширнѣйшихъ явленіяхъ, какъ бы они по своей природѣ были тожественны съ самымъ малымъ. Это явленіе мы назвали бы его законною цѣлостію законовъ, въ смыслѣ вѣчной непарушимости и неразрушимости послѣднихъ — вытекаетъ изъ самой пре-

роды ихъ, раскрытой въ приведенномъ опредѣленіи. Они ненарушимы, потому что вытекаютъ изъ того, что *неизмѣнно въ природѣ соотносящаюся*, т. е. всегда и повсюду есть въ ней; и они нераздѣляемы, потому что представляютъ собою *соотношенія*, которыя если есть то всегда въ цѣлости, а если ихъ нѣтъ то никогда отчасти, но вполнѣ. Соотношеніе потому и есть соотношеніе, что разъ чего либо въ немъ недостаетъ, его совсѣмъ нѣтъ.

Разсмотримъ теперь отношеніе закона къ тому, въ чемъ онъ, или къ явленію.

Если бы законъ былъ нѣчто только въ явленіи закономѣрномъ существующее [1]), напр. подобно тому какъ молекулярное движеніе существуетъ въ теплотѣ, то тогда необходимо замѣчались бы слѣдующія явленія: сила закона ослабѣвала бы по мѣрѣ уменьшенія закономѣрно совершающагося, такъ что начиная съ нѣкотораго предѣла оно переставало бы уже связываться имъ, и распадалось бы; и далѣе, все происходящее *здѣсь* и *теперь* сохраняло бы свою закономѣрность, совершаясь *въ другомъ мѣстѣ* и *потомъ*, лишь въ тѣхъ только случаяхъ, если бы оно переносилось отсюда и изъ этого момента въ то другое мѣсто и въ тотъ другой моментъ, и съ собой переносило бы законъ свой; въ явленіяхъ же, изолированно возникающихъ, не было бы закономѣрности, пока что либо внѣшнее (именно другое, однородное явленіе, но уже закономѣрное) не привнесетъ ее въ него. Никотораго изъ этихъ двухъ явленій мы не замѣчаемъ въ дѣйствительности. Напротивъ, гдѣ бы и когда бы ни возникало какое явленіе, оно уже всегда закономѣрно; и законъ, въ немъ дѣйствующій, не измѣняется въ своей силѣ, какъ бы ни измѣнялось само явленіе въ размѣрахъ. Какъ будто возникая явленіе повсюду и вѣчно находитъ готовымъ за-

[1]) Доказательства отдѣльнаго и самостоятельнаго существованія закона по отношенію къ явленію для физическаго міра см. выше стр. 215, 216 и 217; эти доказательства (нынѣ, нежели приводимыя здѣсь) могутъ быть съ удобствомъ повторены въ отношеніи къ міру человѣческому, разумѣ образомъ какъ приводимыя теперь доказательства могутъ подтвердить собою тѣ другія, приведенныя ранѣе.

конъ свой, такъ что этотъ послѣдній есть и тамъ, гдѣ его явленія нѣтъ, и обнаруживается тотчасъ, какъ оно появится; и далѣе, расширяясь пространственно и временно явленіе какъ будто въ каждомъ новомъ элементѣ пространства и времени вступаетъ въ скрытый тамъ законъ, и ему подчиняясь оформливается, т. е. становится закомѣрнымъ. Это то-же самое, что наблюдается при черченіи геометрическихъ формъ: гдѣ бы чертящее ни двигалась и какъ бы оно ни двигалось, оно нигдѣ въ пространствѣ не встрѣтитъ затрудненія, потому что во всякой частицѣ пространства скрыто заключена всякая форма, и чертящее войдетъ въ нее и обнаружитъ собою. Также точно законъ вѣчно и повсюду существуетъ, когда даже явленія нѣтъ, и въ немъ, возникающемъ, только видимо проступаетъ; а явленіе со своей стороны потому и закономѣрно всегда и всюду, что подходитъ подъ законъ, который и ранѣе его былъ и послѣ него останется, какъ вѣчно дѣйствительное существуетъ и ранѣе и послѣ временно бывающаго. Теперь спрашивается, какъ понять, что будучи соотношеніемъ, вытекающимъ изъ природы соотносящагося, законъ существуетъ и тогда, когда соотносящагося нѣтъ. Отвѣтъ на это, единственно возможный и вполнѣ удовлетворительный, находится въ томъ, что законъ есть соотношеніе не между самыми явленіями, но между ихъ потенціями, которыя и вѣчны, и повсюду.

По своей природѣ, мы сказали, законъ есть соотношеніе. Соотноситься же что либо не можетъ съ собою самимъ, но только съ другимъ; и поэтому *законъ всегда есть то, что лежитъ между двумя или болѣе фактами или явленіями.* Если мы обратимъ вниманіе на эти соотносящіеся въ законѣ факты или явленія и сравнимъ ихъ, то всегда замѣтимъ, что *изъ нихъ одно входитъ въ другое или какъ цѣлое въ цѣлое же,* или — и это бываетъ гораздо чаще — *одною или нѣсколькими своими частями въ одну или нѣсколько же частей другого.* Нѣчто лежащее въ одномъ какъ постоянный элементъ его природы, является въ то же время и неизмѣннымъ элементомъ природы того, что

съ нимъ соотносится — и отсюда именно исходитъ соотношеніе; въ связности, истекающей изъ этого, состоитъ оно (соотношеніе). Напримѣръ возьмемъ слѣдующій законъ: «съ возрастаніемъ искусственнаго образованія уменьшается прочность семейнаго соединенія». Здѣсь мы имѣемъ два явленія — образованіе и соединеніе, и если разложимъ каждое изъ нихъ на простѣйшія, неразложимыя далѣе, части, то въ обѣихъ откроемъ присутствіе одного и того же элелента, именно времени. Образованіе необходимо совершается во времени, и, возрастая, требуетъ его увеличенія (продолжительность образованія). Равнымъ образомъ соединеніе семейное, слагаясь изъ многаго, между прочимъ состоитъ изъ привыканія и уподобленія соединенныхъ, причемъ и то и другое возрастаетъ съ увеличеніемъ времени, и не можетъ совершиться безъ этого. Итакъ, когда искусственное образованіе, увеличиваясь, необходимо вбираетъ въ себя, какъ одинъ изъ своихъ элементовъ, время, то равномѣрно убываетъ время въ привыканіи и уподобленіи, и съ уменьшеніемъ этого элемента своего уменьшаются они, а съ ними и прочность семейнаго соединенія, какъ цѣлое, въ которое уподобленіе и привыканіе входитъ слагающею частью.

Изъ сказаннаго о природѣ закона ясно, какъ можно вліяніе его, само по себѣ совершенно непреодолимое, дѣлать неощутительнымъ, когда это для чего либо необходимо. Для этого въ соотвѣтствіи съ измѣненіемъ элемента, общаго въ соотносящемся, которое невозможно задержать, нужно производить измѣненіе элементовъ, *необщихъ* въ соотносящемся, такъ чтобы и то и другое изъ связаннаго закономъ, претерпѣвая нарушеніе въ своихъ частяхъ, осталось непарушимымъ, какъ цѣлое. Такъ съ увеличеніемъ образованія прочность семейнаго соединенія ослабѣваетъ, и этого невозможно избѣжать. Но эта прочность соединенія слагается не изъ одного привыканія и уподобленія, но и другаго, что уже не входитъ составною частью въ образованіе. И если это другое мы увеличимъ на столько же, на сколько уменьшилось привыканіе и уподобленіе,

то тогда прочность семьи не нарушится, хотя образованіе и возрастетъ.

Этою же природою закона объясняется и то, почему не все въ Мірѣ человѣческомъ соотносится со всѣмъ, но только нѣкоторое съ нѣкоторымъ. Неподобное не можетъ соотноситься между собою, потому что нѣтъ ничего, что будучи присуще одному, было бы присуще и другому; напротивъ подобное всегда соотносится, потому что то, въ чемъ подобіе, входитъ составною частью въ природу того и другаго. Эта связь между закономѣрнымъ соотношеніемъ и простымъ сходствомъ можетъ облегчить нахожденіе законовъ: въ томъ, что схоже между собою, всегда слѣдуетъ искать связующаго закона, хотя бы повидимому его и не было; напротивъ въ томъ, чего составъ достаточно извѣстенъ и что совершенно неподобно между собою, такое исканіе закона всегда будетъ напраснымъ трудомъ.

Изъ другихъ сторонъ закона мы остановимся только на одной, именно на причинѣ или происхожденіи его. То явленіе, что въ мірѣ человѣческомъ одно соотносится и другое не соотносится, или, согласно съ раскрытой сущностью соотношенія, что въ природу одного входитъ то что входитъ и въ природу другаго, могло возникнуть только тогда, когда слагались самыя сущности вещей, и отъ причины, которая слагала эти сущности. Слѣдовательно эта причина по времени предшествуетъ и по могуществу превосходитъ всякій духъ, всякій процессъ въ немъ и всякую творимую имъ форму [1]).

III. Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію законовъ, какіе и между чѣмъ они бываютъ. Форма науки, занимающейся ихъ познаніемъ, смотря по тому, какъ тѣсно связана она съ общею теоріею закона, можетъ стать и рядомъ самостоятельныхъ ученій, слѣдующихъ за нею, и только частью, входящею въ составъ этой теоріи. Въ послѣднемъ случаѣ всѣ эти ученія объ отдѣльныхъ законахъ

[1]) Въ границахъ Міра человѣческаго.

въ Мірѣ человѣческомъ составятъ собою ту часть общей теоріи, которая познаетъ сходство и различіе въ законѣ или отдѣльные типы его.

По сферамъ дѣйствія своего или по соединяемому ими, всѣ законы Міра человѣческаго раздѣляются на три рода и девять видовъ: *соотношенія въ творящемъ*, или законы духа, *соотношенія въ твореніи*, или законы творчества, и *соотношенія въ творимомъ*, или законы жизни; это роды. Виды же получаются отъ соединенія закономъ элементовъ каждой изъ этихъ группъ между собою и съ элементами двухъ остальныхъ группъ,— и ясно, что ихъ девять.

IV. *Законы духа* суть постоянныя и необходимыя соотношенія между неизмѣннымъ въ природѣ какой либо формы духа съ неизмѣннымъ же въ природѣ или другой формы его; или процесса, въ формѣ совершающагося; или формы жизни, заканчивающей процессъ.

I. *Соотношенія между формами и формами духа* суть законы, соединяющіе между собою отдѣльные элементы разума, отдѣльные элементы чувства и отдѣльные элементы воли; и далѣе — элементы разума съ элементами чувства, элементы разума съ элементами воли и элементы чувства съ элементами воли.

a. Соотношенія между отдѣльными элементами разума главнымъ образомъ суть законы возрастанія и уменьшенія однихъ его свойствъ по мѣрѣ возрастанія и уменьшенія другихъ свойствъ; напримѣръ «законченность дѣятельности разума при равенствѣ прочихъ условій возрастаетъ съ уменьшеніемъ объектовъ его одновременной дѣятельности».

b. Соотношенія между отдѣльными элементами чувства суть законы, связующіе одно чувство съ другимъ чувствомъ, или часть какого либо чувства съ другою частью того же самаго чувства, напримѣръ напряженность съ продолжительностью. Сюда относятся законы, по которымъ производится осложняющее вліяніе чувствъ другъ на друга, напримѣръ чувства красоты на чувство религіозное; или законы, по которымъ совершается возрастаніе и умень-

шеніе чувствъ, напримѣръ гнѣва, радости, и пр. Напримѣръ: «при равенствѣ прочихъ условій чувство красоты уменьшается съ увеличеніемъ воспріятія впечатлѣній безобразнаго, а чувство справедливости возрастаетъ по мѣрѣ увеличенія воспріятій несправедливаго».

с. Соотношенія между отдѣльными элементами воли суть законы возрастанія и уменьшенія различныхъ видовъ воли — страсти, склонности, желанія и пр.; а также и законы укрѣпленія и ослабленія самой воли, какъ постоянства въ стремленіи къ тому, къ чему страсть, склонность или желаніе. Напримѣръ «склонности и страсти при равенствѣ прочихъ условій увеличиваются, когда въ равныя времена численно уменьшаются всѣ воспринимаемыя впечатлѣнія, а желанія при томъ же условіи учащенія впечатлѣній увеличиваются въ напряженности и въ разнообразіи». Этимъ закономъ объясняется, что по мѣрѣ развитія культуры склонности укорачиваются и страсти затихаютъ, а желанія пробуждаются съ чрезвычайною силой.

α. Соотношенія между разумомъ и чувствомъ суть законы равновѣсія, уменьшенія и увеличенія этихъ двухъ сторонъ духа или свойствъ ихъ въ зависимости одна отъ другой. Напримѣръ передъ пробужденіемъ религіознаго чувства разумъ утрачиваетъ отчетливость и вообще опускается ниже обыкновеннаго уровня, а когда раскрывшись религіозное чувство снова уходитъ внутрь себя, разумъ становится болѣе могущественнымъ, чѣмъ какимъ онъ былъ и непосредственно передъ пробужденіемъ религіознаго чувства, и задолго до этого пробужденія; вообще уровень его возвышается надъ нормальнымъ. Этимъ объясняется напримѣръ великое умственное движеніе въ XVII в., слѣдовавшее и произведенное великимъ религіознымъ движеніемъ XVI-го столѣтія. Сюда же относится законъ, по которому съ возрастаніемъ силы разума увеличиваются тѣ виды чувства, которые мы назвали настроеніями, и уменьшаются разлагаясь тѣ, которые мы назвали волненіями.

β. Соотношенія между разумомъ и волею суть законы взаимной зависимости этихъ двухъ сторонъ духа, изъ

равновѣсія, возрастанія и ослабленія. Напримѣръ: «при равенствѣ прочихъ условій твердость воли возрастаетъ при съуживаніи разума по отношенію къ предметамъ его дѣятельности, и превращается въ страсть, когда съуживаніе переходитъ въ однопредметность». Этимъ закономъ объясняется явленіе фанатизма, политическаго и всякаго другаго; имъ же объясняются такія страсти, какъ скупость, честолюбіе и многія другія. Здѣсь же содержится и указаніе средства, могущаго преодолѣть всякую страсть и всякій фанатизмъ, — это созданіе сперва необходимости, а потомъ и привлекательности думать не объ одномъ томъ, къ чему страсть или фанатизмъ, но и о другомъ многомъ. Напротивъ съ возрастаніемъ многопредметности и многосторонности разума воля ослабѣваетъ. Сюда же относится законъ, по которому «сила желанія возрастаетъ съ возрастаніемъ отчетливости представленія, и умепьшается съ увеличеніемъ неясности его».

γ. Соотношенія между чувствомъ и волею суть законы, выражающіе взаимную зависимость этихъ двухъ сторонъ духа. Напримѣръ: «когда чувство принимаетъ форму настроенія, тогда воля ослабѣваетъ въ напряженности и возрастаетъ въ постоянствѣ».

2. *Соотношенія между формами духа и процессами,* въ нихъ совершающимися, суть законы, соединяющіе разумъ съ мышленіемъ, чувство съ чувствованіемъ, и волю съ желаніемъ.

a. Соотношенія между разумомъ и мышленіемъ суть законы, выражающіе зависимость процесса пониманія отъ строенія разума. Сюда относятся законы мышленія, излагаемые въ формальной логикѣ; законы ассоціаціи идей, излагаемые въ индуктивной психологіи; и, наконецъ, форма пониманія, установленная нами въ первой книгѣ настоящаго труда.

b. Соотношенія между чувствомъ и чувствованіемъ суть законы, опредѣляющіе форму послѣдняго въ зависимости отъ строенія перваго. Эти соотношенія совершенно не

изслѣдованы, главнымъ образомъ потому, что не раскрыто строеніе чувства, какъ формы духа.

с. Соотношенія между волею и желаніемъ суть законы, опредѣляющіе форму послѣдняго — страсть, склонность, простое желаніе — въ зависимости отъ формы первой (воли). Эти соотношенія также мало изслѣдованы, какъ и предъидущія, и по той же причинѣ.

3. *Соотношенія между формами духа и формами жизни* суть законы, связующіе строеніе науки съ строеніемъ разума; формы искусства, нравственности, права и религіознаго культа — съ формою чувства; и государства со всѣмъ, что обнимается имъ — съ формою воли.

Намъ думается, что если въ одномъ изъ соотносящагося въ этихъ законахъ, именно въ формахъ жизни, выдѣлить все содержимое, что существовало тамъ ранѣе соприкосновенія съ духомъ, то оставшееся совпадетъ по сущности и по строенію съ формами духа, или точнѣе — будетъ самыми этими формами, только отдѣлившимися отъ своего первоисточника и получившими самостоятельное, независимое существованіе. Такъ, если изъ науки мы выдѣлимъ объекты познанные, то получится въ остаткѣ чистая форма пониманія, какъ синтезъ схемъ разума; если изъ статуи мы выдѣлимъ мраморъ, то останется мысленный образъ ея, бывшій ранѣе въ духѣ художника; также и во всемъ другомъ. Основываясь на этомъ мы можемъ сказать, что отношенія между формами духа и между формами жизни суть отношенія тожества. Ихъ связь — связь прототипа съ копіями, или точнѣе — связь существа съ тѣнями его, бросаемыми въ различныя стороны и на различные предметы. Эти тѣни, сохраняя очертанія своего предмета, могутъ неопредѣленно увеличиваться и уменьшаться въ размѣрахъ, — явленіе, которое мы замѣчаемъ и въ формахъ жизни по отношенію къ формамъ духа.

V. *Законы творенія* суть постоянныя и необходимыя соотношенія въ предѣлахъ самихъ творческихъ процес-

совъ, и далѣе — между творческими процессами и духомъ, и между творческими процессами и формами жизни.

Соотношенія въ предѣлахъ самихъ творческихъ процессовъ суть законы, соединяющіе между собою составныя части одного и того же процесса, и законы, соединяющіе между собою отдѣльные процессы; первые суть *законы процесса*, вторые — *законы синтеза процессовъ*, какъ сложенія и совмѣстнаго развитія ихъ.

Законы процесса распадаются на двѣ группы — общую и частную. Первая содержитъ въ себѣ соотношенія между элементами процесса — всякаго, каковъ бы онъ ни былъ и въ какой бы сферѣ міра человѣческаго онъ ни происходилъ. Таковы соотношенія между продолжительностью и напряженностью его; или между тѣмъ, что процессируетъ (содержаніе) и между тѣмъ, какъ процессируетъ (строеніе процесса); или причинное, количественное и формальное соотношенія между каждыми двумя смежными моментами процесса, и многое другое. Вторая группа содержитъ въ себѣ спеціальные законы каждаго отдѣльнаго типа процессовъ, совершающихся въ Мірѣ человѣческомъ. Согласно съ тѣмъ, какъ мы установили эти типы ранѣе, и самые законы эти распадутся на слѣдующіе:

1. *Законы процесса пониманія*, какъ въ субъективно-индивидуальной части его, такъ и въ объективно-исторической. Таковъ законъ (мы приводимъ примѣры съ цѣлью объяснить нашу мысль, оставляя въ сторонѣ достовѣрность приводимаго), по которому развитіе всякой науки, какъ вѣтви пониманія, проходитъ четыре фазиса: собиранія фактовъ, установленія частныхъ эмпирическихъ правилъ, какъ суммацій собранныхъ фактовъ, затѣмъ частныхъ законовъ, въ которыхъ установленныя правила становятся понятными, необходимыми и постоянными, и, наконецъ — открытія общаго верховнаго закона, объясняющаго и объединяющаго открытые частные законы. Такъ астрономія, наиболѣе законченная изъ наукъ, въ своемъ историческомъ развитіи распадается на періодъ собиранія частныхъ фактовъ до эпохи Гиппарха и Птоломея, пе-

ріодъ общихъ правилъ, установленныхъ этими древними учеными, періодъ частныхъ законовъ Кеплера и періодъ общаго, объединяющаго и объясняющаго закона, наступившій для этой науки съ Ньютономъ. Или еще — въ примѣненіи не къ отдѣльнымъ областямъ разумной дѣятельности человѣка, но ко всѣмъ имъ, какъ цѣлому — періодъ цѣльной науки, какъ пониманія; періодъ отдѣльныхъ наукъ, какъ вѣтвей распавшагося пониманія; періодъ собиранія знаній, какъ элементовъ распавшихся наукъ; и періодъ учености, какъ совокупности внѣшнихъ признаковъ науки, нѣкоторое время продолжающихъ существовать послѣ исчезновенія ея сущности[1]).

2. *Законы художественнаго процесса.* Въ соотвѣтствіе тѣмъ фазамъ, которыя замѣчаются въ развитіи науки, и въ процессѣ развитія искусства есть также нѣкоторые опредѣленные періоды. Его возникновеніе обнаруживается тѣмъ, что къ создаваемому *по необходимости* (могила, оружіе, домашняя утварь, жилище) человѣкъ начинаетъ прибавлять *красивое* или черезъ изображеніе на немъ (необходимомъ) того, что ему нравится въ природѣ, или черезъ придачу какихъ нибудь линій и очертаній, имъ самимъ выдуманныхъ. Если принять во вниманіе, что были находимы орудія изъ костей животныхъ, уже теперь исчезнувшихъ, на которыхъ сохранились слѣды этихъ линій, произвольныхъ или подражающихъ природѣ, то мы должны будемъ отнести начало искусства къ той же глубокой древности, къ которой мы относимъ и начало языка. Человѣкъ сталъ искать «украшенія», какъ только онъ пересталъ быть животнымъ, и это яснѣе, нежели что либо другое, показываетъ глубокую внутреннюю потребность искусства, тѣсное и нераздѣл-

---

[1]) Въ Греціи это выразилось напр. въ періодѣ философіи, въ періодѣ созданія отдѣльныхъ наукъ (геометріи, механики, астрономіи и пр., и еще нѣсколько ранѣе — политики, поэтики, логики и другихъ наукъ Аристотелемъ) и въ періодѣ Александрійской учености, когда цѣлью научныхъ занятій стало не открытіе новаго и не объясненіе стараго, но просто изученіе всего, когда либо написаннаго.

нимое родство его съ человѣческой душою. Именно то, что сверхъ необходимаго, что не для нуждъ среди нужнаго, и составляетъ отличіе человѣка отъ животнаго, — грань, черезъ которую никогда не переступитъ послѣднее, особенность, отъ которой не раньше откажется первый, какъ тогда только, когда съ него исчезнутъ послѣднія черты человѣческаго образа. Какъ ни грубы эти первыя изображенія и какъ ни малы они, въ нихъ искусство уже столь же существуетъ, такъ же дѣйствительно и реально, какъ и въ самые высшіе моменты своего проявленія, какіе только знаетъ исторія. Разъ изъ созданнаго человѣкомъ есть что либо, что цѣнится имъ независимо отъ того, изъ чего, чѣмъ и для какой полезной цѣли сдѣлано, но только потому одному, какое очертаніе имѣетъ — искусство уже есть, какъ особенное явленіе. Этотъ первый и самый продолжительный періодъ оканчивается, и искусство вступаетъ въ новую фазу, когда изображеніе краснаго освобождается отъ связи съ необходимымъ: красота сознается въ своей отдѣльности, ея созерцаніе становится самостоятельною потребностью, искусство, какъ ея воплощеніе, выдѣляется въ особенную вѣтвь человѣческаго творчества и міръ прекрасныхъ вещей отдѣляется отъ міра полезныхъ вещей. Третій періодъ для искусства наступаетъ тогда, когда тѣ частицы красоты, которыя, повинуясь тайному влеченію, человѣкъ подмѣчалъ въ природѣ и соединялъ въ своихъ произведеніяхъ — онъ сознаетъ, какъ только сходное съ тѣмъ прототипомъ ея, который скрытъ въ его собственной душѣ. Къ этому сознанію приводится онъ и безотчетнымъ, но не обманывающимъ чувствомъ, и мыслью, что есть же что нибудь, сравнивая съ чѣмъ находимое въ природѣ, онъ одно признаетъ прекраснымъ, а другое безразличнымъ, и среди самаго прекраснаго — одно въ болѣе высокой степени, другое — въ меньшей; наконецъ — и это уже преддверіе къ открытію — въ немъ укрѣпляется убѣжденіе, что есть нѣкоторое и мѣрило красоты, и источникъ ея, и въ немъ именно скрытое, когда находимое въ природѣ онъ можетъ

улучшать еще, такъ что въ его созданіяхъ нѣсколько измѣненное оно (находимое въ природѣ) становится болѣе красивымъ, чѣмъ изображенное безъ измѣненія. Почувствовавъ это, человѣкъ перестаетъ подражать природѣ, но во взятомъ изъ нея, какъ матеріалѣ, начинаетъ выражать красоту, въ немъ самомъ заключенную. Это періодъ чистаго искусства, не только свободнаго, т. е. не связаннаго съ полезнымъ, но и самостоятельнаго, т. е. независимаго отъ изображаемыхъ предметовъ, но исходящаго изъ первоисточника, присущаго изображающему и отъ него неотъемлемаго. Наконецъ четвертый и послѣдній періодъ въ развитіи искусства есть періодъ осложненія его всѣми другими видами человѣческаго творчества — идеями философіи, стремленіями политики, чувствомъ религіознымъ: пока осложненное оно не превращается мало-по-малу только въ осложняющее — такое, гдѣ уже не красота проникается иными чертами, но иное проникается чертами красоты. Въ этомъ послѣднемъ фазисѣ искусство становится снова тѣмъ, чѣмъ было въ первомъ фазисѣ — міромъ полезныхъ вещей, которыя украшены; и какъ тамъ возникло оно, какъ бы пробиваясь сквозь полезное, такъ теперь исчезаетъ обратно скрываясь въ него, сопутствуя такимъ образомъ и появленію человѣка и его жизни, и ихъ разложенію и паденію.

3. *Законы въ развитіи права.* Сюда напр. относится тотъ общій законъ, что право обнаруживается первоначально въ обычаяхъ, т. е. выполняется прежде, чѣмъ сознается; и что затѣмъ уже проявляется оно и въ письменныхъ постановленіяхъ, которыя со своей стороны изъ созиваемыхъ переходятъ въ дѣйствительныя, когда въ свою очередь становятся обычаями. Или еще, что первоначально право всегда бываетъ частнымъ — тѣмъ, которое по сдѣланному выше опредѣленію защищаетъ человѣка отъ человѣка; затѣмъ государственнымъ, которое защищаетъ всѣхъ отъ одного; и, наконецъ, личнымъ, которое защищаетъ одного отъ всѣхъ [1]).

[1]) См. выше въ ученіи о формахъ жизни.

4. *Законы въ развитіи нравственности и нравственныхъ ученій.* Сюда относится то общее правило, что первая (нравственность) развиваясь не просто улучшается, но то улучшается, то ухудшается, переступая и въ первомъ и во второмъ случаѣ свой средній уровень, и при этомъ съ такою же постоянною правильностью измѣняетъ самый характеръ, типъ свой. Такъ напр. мы не замѣчаемъ, чтобы любовь къ ближнему или ненависть къ нему возрастала постоянно, подобно тому, какъ напр. въ сферѣ умственной возрастаютъ постоянно пріобрѣтенныя знанія. Но мы видимъ въ исторіи, что чувство эгоизма, безсознательное и простодушное въ началѣ, преемственно переходитъ сперва въ безсердечіе, какъ равнодушіе къ чужимъ мученіямъ, а потомъ и въ неутолимую жажду чужаго страданья, какъ это мы замѣчаемъ напр. въ послѣднія минуты древнеримской жизни, когда, по словамъ одного наблюдателя современника, «никто болѣе не чувствовалъ себя счастливымъ, пока не видѣлъ всѣхъ окружающихъ страдающими» [1]). И эти три фазиса не слѣдуютъ непосредственно другъ за другомъ, но перемежаются съ фазисами другого противоположнаго чувства — любви, которое также преемственно усиливается, постепенно переходи изъ естественнаго расположенія къ ближнему сперва въ болѣзненное состраданіе къ нему, а наконецъ и въ потребность собственнаго страданія (аскетизмъ, подвижничество). Что касается до нравственныхъ ученій, то и они также переходятъ не одно въ другое — схожее и совершеннѣйшее, но одно въ противоположное. Такъ въ древнемъ мірѣ эпикуреизмъ смѣнился стоицизмомъ, и въ новое время утилитарныя ученія постоянно чередуются съ теоріями интуитивной нравственности.

5. *Законы развитія религіознаго процесса.* Если мы раздѣлимъ религіи на объективныя — тѣ, которыя возникаютъ изъ стремленія объяснить природу и по ней образуютъ идею Бога, такимъ образомъ извнѣ вносимую во внутренній

[1]) *Сальвіанъ:* „De gubernatione Dei".

міръ человѣка, и на субъективныя, которыя вытекаютъ изъ внутренней потребности человѣка и идею Божества, соотвѣтственно этой потребности образованную, вноситъ въ міръ [1]), — то относительно первыхъ можно замѣтить, что въ своемъ развитіи онѣ слѣдуютъ тому общему закону, что обоготворяютъ первоначально отдѣльные предметы и явленія природы, затѣмъ общія начала, изъ которыхъ состоитъ она и, наконецъ, всю ее, какъ цѣлое, какъ синтезъ этихъ началъ, становясь на послѣдней ступени пантеизмомъ; относительно же вторыхъ можно замѣтить, что онѣ не имѣютъ въ себѣ преемственнаго развитія, какъ смѣны вытекающихъ одна изъ другой фазъ, но, разъ появившись въ чистомъ и законченномъ видѣ, потомъ или усложняются только, или еще чаще — затемняются, искажаются. И далѣе, что первыя переходятъ въ философію, и ею замѣстившись исчезаютъ, какъ ненужныя; потому что въ философіи человѣкъ находитъ истинное объясненіе тому, чему первое и естественно ошибочное объясненіе пытался дать въ религіи; здѣсь, такимъ образомъ, паденіе религіи внутренно необходимо, какъ необходимо паденіе всего несовершеннаго съ появленіемъ совершеннѣйшаго *однороднаго*. Вторыя же религіи, съ субъективнымъ характеромъ, перерождая внутренній міръ человѣка, обновляютъ всѣ стороны его жизни, но не ведутъ необходимо къ созданію философіи, и когда появляется она — не замѣщаются ею, потому что не *однородны* съ ней. Философія даетъ знанія, удовлетворяетъ разумъ, — и ясно, что эти знанія не уничтожаютъ потребностей души, не удовлетворяютъ то, что не изъ разума возникло, что не незнаніе имѣетъ своимъ источникомъ. Какъ геометрическія теоремы разсѣиваютъ неправильныя понятія о пространствѣ, но не могутъ ни на іоту уменьшить боли; какъ знаніе астрономіи разрушаетъ ложныя представленія о вселенной, но не можетъ ни на минуту

[1]) Какъ на примѣръ религій перваго типа можно указать на греческій политеизмъ, а какъ на примѣръ религій второго типа — на буддизмъ.

утолить грусть, или разсѣять чувство одиночества, безпомощности, внутренней пустоты, — такъ религія, изъ внутреннихъ потребностей человѣка возникшая, не можетъ быть оставлена имъ, когда появляется наука и философія, потому что эти послѣднія не для того, для чего она, и что́ удовлетворяется ею, того не удовлетворятъ онѣ. Поэтому подобныя религіи не разлагаются, какъ предъидущія, но только ослабѣваютъ когда ослабѣваютъ чувства, ихъ вызвавшія, и затѣмъ возрождаются вновь, когда тѣ же чувства пробуждаются съ прежнею силою. Тамъ, въ религіяхъ объективныхъ — необходимо паденіе; здѣсь, въ субъективныхъ религіяхъ — невозможно оно, но только упадокъ, какъ временное, что невозможно тамъ, потому что знаніе, истинное ли, ложное ли, ни усиливается, ни ослабѣваетъ, но только или есть оно, или его нѣтъ.

6. *Законы развитія государства.* Сюда относится напр. законъ о смѣнѣ формъ правленія — монархической, аристократической, демократической, и затѣмъ снова монархической и т. д., съ промежуточными формами олигархіи, охлократіи и тираніи — который считался справедливымъ въ древнемъ мірѣ, и въ отношеніи къ нему былъ дѣйствительно справедливъ (напр. въ Римѣ — періодъ царскій, патриціанскій, плебейскій, и затѣмъ императорскій; или во всѣхъ греческихъ государствахъ — періодъ правленія царей, преобладанія эвпатридовъ, господства демоса, и затѣмъ періодъ тирановъ).

Всѣ приведенные нами для поясненія примѣры по своему характеру таковы, что должны быть названы скорѣе правилами, нежели законами въ строгомъ смыслѣ; потому что въ нихъ указывается только преемственное слѣдованіе одного за другимъ, но не соотношеніе преемственно слѣдующаго.

VI. *Законы синтеза процессовъ* суть постоянныя и необходимыя соотношенія, возникающія между процессами въ моменты ихъ *соединенія, совмѣстнаго развитія* и *разъединенія*. Сюда относятся, во-первыхъ, законы развитія

всѣхъ осложненныхъ формъ творчества, самого осложненія ихъ и освобожденія отъ осложняющихъ вліяній; и, во-вторыхъ, законы взаимнаго вліянія самостоятельно существующихъ формъ творчества: пониманія, права, нравственности, искусства, религіи и государства. Эти послѣдніе законы никогда не изслѣдовались, хотя многіе чувствовали тѣсное соотношеніе между указанными видами дѣятельности человѣческаго духа. Какъ на поясняющій примѣръ, мы укажемъ на законъ, по которому явленіе скептицизма въ пониманіи всегда вызываетъ явленіе мистицизма въ религіи [1]); но обратнаго явленія нѣтъ — мистицизмъ въ религіи не производитъ скептицизма въ пониманіи. Или еще: пониманіе усложняетъ государство, способствуя раскрытію въ политической формѣ всѣхъ органовъ, потенціально предустановленныхъ въ ней, и ослабляетъ его, разлагая связь между этими органами, имъ же вызванными къ существованію. Или наконецъ пониманіе сообщаетъ стройность, правильность и красоту праву, и дѣлаетъ его тягостнымъ для человѣка и жизни, которые стремятся къ прихотливой измѣнчивости и не выносятъ однообразія и постоянства.

VII. *Соотношенія между творческими процессами и духомъ* суть законы, обнаруживающіеся въ возвратномъ дѣйствіи процессовъ, совершающихся въ духѣ, на самый духъ, внутри котораго они совершаются, и въ прямомъ дѣйствіи тѣхъ же процессовъ — на духъ воспринимающій

---

[1]) Напр. въ эпоху упадка греческой философіи, историческія судьбы которой, какъ извѣстно, закончились скептицизмомъ, весь эллинизированный міръ, чутко прислушивался и жадно искалъ мистическихъ ученій, которыя шли съ Востока. Соединеніе раціоналистическаго элемента (какъ метода, какъ характера отношеній къ внѣшнему), который такъ глубоко былъ развитъ всею греческою философіею, но съ появленіемъ скептицизма утратилъ свой истинный и возможный объектъ, съ чуждыми всякаго раціоналистическаго начала ученіями Востока и породило Александрійскую философію, въ которой такъ удивительно смѣшалась самая тонкая діалектика, какъ [illegible] содержаніемъ совершенно не допускающимъ діалектической [illegible] (предметы вѣры и чувства).

ихъ. Такъ мышленіе измѣняетъ разумъ, въ которомъ происходитъ, между прочимъ совершенствуя его въ силѣ, тонкости, отчетливости; чувствованіе измѣняетъ чувство, въ однихъ случаяхъ углубляя его — таково дѣйствіе нравственныхъ процессовъ, въ другихъ истощая — таково дѣйствіе всѣхъ художественныхъ процессовъ, въ третьихъ утончая — таково дѣйствіе правовыхъ процессовъ. Соотношенія, обнаруживающіяся въ этихъ явленіяхъ, и суть законы возвратнаго дѣйствія творчества на творящій духъ. Вторую группу указанныхъ законовъ образуютъ соотношенія между процессами историческаго развитія пониманія, искусства, нравственности, права и государства съ одной стороны, и между духомъ народа, въ средѣ котораго развиваются эти процессы — съ другой. Это законы умственнаго, художественнаго, нравственнаго, правового и политическаго воспитанія человѣка и человѣчества.

VIII. *Соотношенія между творческими процессами и формами жизни* суть законы, связывающіе строеніе первыхъ во времени со строеніемъ вторыхъ въ пространствѣ; напр. процессы развитія государствъ, происходя различнымъ образомъ, не создаютъ въ результатѣ одну и ту же политическую форму, а съ другой стороны и не создаютъ всевозможныхъ формъ, которыя появлялись бы случайно и внѣ всякаго отношенія къ подготовлявшему ихъ процессу; но одинъ и тотъ же историческій процессъ неизмѣнно заканчивается одною и тою же формою, а различныя формы непзмѣнно предшествуются неодинаковыми процессами; и эта непзмѣнность столь постоянна, что трудно не видѣть въ ней нѣкоторой внутренней необходимости, то-есть что между процессами творенія и формами творимаго существуютъ нѣкоторые скрытые законы, нерушимые и вѣчные, зная которые человѣкъ могъ бы или наблюдая то, что́ совершается въ текущей исторіи, предвидѣть, чѣмъ закончится оно, или зная, что́ существуетъ въ сложившейся жизни, мысленно прослѣдить въ прошедшемъ то, что привело къ нему.

IX. *Законы жизни* суть постоянныя и необходимыя со-

отношенія между какою либо формою жизни съ формою же жизни, или съ процессомъ, въ ней совершающимся, или съ духомъ.

1. *Соотношенія между формами жизни и формами жизни* суть законы, связующіе или исключающіе совмѣстное существованіе науки, искусства, права, нравственности, религіи и государства, или какъ цѣлаго съ цѣлымъ, или какъ части цѣлаго съ частью же цѣлаго — или въ предѣлахъ одной формы, или различныхъ. Такъ напр. между нравственностью и религіею есть связь, вызывающая совмѣстность существованія, а между искусствомъ и правомъ есть связь, исключающая совмѣстное существованіе; это соотношенія между цѣлыми формами. Далѣе въ государствѣ между организаціею сословій, системою воспитанія, преобладающимъ образомъ жизни и правленіемъ есть связь; это соотношеніе между одними и другими частями одного и того же цѣлаго въ предѣлахъ одной и той же формы. И наконецъ между характеромъ науки, напр. индуктивнымъ или выводнымъ, и между характеромъ законодательства страны есть также связь, объясняющаяся тѣмъ, что и въ одномъ и въ другомъ сказывается складъ образующаго ума, и если въ двухъ различныхъ странахъ этотъ послѣдній (складъ ума) произвелъ различную науку, т. е. не одинаковъ самъ, то и законодательство онъ произведетъ также различное. Такъ между философіею Декарта и французскимъ законодательствомъ съ одной стороны, и между философіею Бэкона и англійскими законами съ другой стороны — существуетъ ясное соотвѣтствіе, хотя отнюдь не обусловленное вліяніемъ одного на другое, но только третьяго (склада ума) на оба. Это соотношеніе между частями цѣлаго въ предѣлахъ различныхъ формъ.

2. *Соотношенія между формами жизни* и *процессами* суть законы вліянія первыхъ, нѣкогда закончившихъ процессы на эти вторые, вновь происходящіе въ духѣ, или совершающіеся въ предѣлахъ самихъ формъ. Какъ на примѣръ перваго вліянія мы можемъ указать на отраженіе политическихъ формъ въ умственныхъ процессахъ того народа,

которому онѣ (политическія формы) преемственно бываютъ присущи. Такъ охлократія (испорченная форма демократическаго правленія), заставляя всѣ великіе умы уходить въ себя, производитъ распаденіе науки на двѣ сферы, изъ которыхъ въ одной она отличается самодовольствомъ, оптимизмомъ и ограниченностью, а въ другой — глубиною, пессимизмомъ и носитъ нѣсколько болѣзненный характеръ. Какъ на примѣръ втораго вліянія можно указать на значеніе политической формы для процесса развитія экономическихъ явленій, или для процесса развитія языка (исторія языка въ зависимости отъ политической исторіи).

3. *Соотношенія между формами жизни и между духомъ* суть законы вліянія первыхъ на второй. Такъ политическая форма сообщаетъ отчетливость уму и лишаетъ его широты созерцанія и богатства и оригинальностей мыслей; она удлиняетъ умственный взоръ человѣка и съуживаетъ его. Или еще: религія углубляетъ и очищаетъ душу отъ всего притворнаго. Эти соотношенія представляютъ собою второй рядъ законовъ умственнаго, художественнаго, нравственнаго, правоваго, религіознаго и политическаго воспитанія человѣка и народовъ, и вмѣстѣ съ предъидущимъ — исчерпываетъ ихъ.

X. Внѣ указанныхъ законовъ нѣтъ другихъ въ Мірѣ человѣческомъ, потому что внѣ указаннаго нѣтъ другаго, соотносящагося въ немъ. За исключеніемъ немногихъ и въ несовершенной степени, почти всѣ эти законы остаются неизслѣдованными. Путь, по которому должно пойти ихъ изученіе въ будущемъ, какъ уже сказано было, есть путь *разложенія* всего сложнаго въ мірѣ человѣческомъ на простое, далѣе — открытія *общаго* (одного и того же) *пребыванія въ различномъ разложенномъ*, и, — наконецъ, *соединеніе* различнаго наблюдаемаго *черезъ это общее причинною связью*. Будучи разложены, явленія и вещи Міра человѣческаго представятся умственному взору того, кто ихъ изслѣдуетъ, какъ бы рядомъ разнообразныхъ и своеобразныхъ группъ, соединенныхъ нѣкоторымъ общимъ, что входитъ составною частью въ многія изъ нихъ (группъ). Поэтому живя

и видоизмѣняясь, эти группы будутъ видоизмѣнять и это общее, а черезъ него и тѣ другія сложныя группы, въ которыя оно (общее) также входитъ. Точное и общее выраженіе происходящаго при этомъ и будетъ закономъ. Общая форма, которую такимъ образомъ долженъ принять всякій законъ Міра человѣческаго, будетъ слѣдующая. «при равенствѣ прочихъ условій явленіе, вещь или свойство A существуетъ, увеличивается, уменьшается или исчезаетъ съ существованіемъ, уменьшеніемъ, исчезновеніемъ или увеличеніемъ явленія, вещи или свойства B, потому что нѣкоторое p, существующее въ A, существуетъ также и въ B (входитъ элементомъ образующимъ въ A и въ B).

Есть, впрочемъ, случаи, когда явленія Міра человѣческаго бываютъ связаны въ своемъ взаимномъ существованіи закономъ и тогда, когда ничто общее не соединяетъ ихъ, хотя и въ этихъ случаяхъ указанное основаніе связи, какъ вхожденіе въ различное общаго, остается непреложнымъ. Это бываетъ тогда, когда какое либо явленіе a, связанное общимъ p съ явленіемъ b, вліяетъ измѣняясь на нѣкоторое явленіе c, которое, не имѣя ничего общаго съ a, соединено другимъ общимъ p' съ явленіемъ b; такъ что a, измѣняясь черезъ p, измѣняетъ b въ которомъ p' и черезъ это p' измѣняетъ c. Въ этомъ случаѣ предъидущая формула закона должна принять нѣкоторое незначительное измѣненіе.

ГЛАВА XVII.

Ученіе о Мірѣ человѣческомъ: о добрѣ и злѣ.

I. Недостатокъ ученія о добрѣ и злѣ. — II. Явленіе добра и зла; оно не творится человѣкомъ, но привходитъ въ его творчество и опредѣляетъ значеніе этого творчества для человѣка, и отношеніе человѣка къ этому творчеству; область его проявленій ограничена предѣлами Міра человѣческаго; невозможность изслѣдовать добро и зло безъ его предварительнаго опредѣленія, и трудность дать его опредѣленіе безъ предварительнаго изученія его видовъ и проявленій; связность зла со страданіемъ, дѣйствительнымъ или скрытымъ; добро, какъ исключающее страданіе. Виды добра и зла — физическое и психическое. — III. *Зло физическое* и три формы его: болѣзнь, слабость и смерть; объ уничтоженіи условій возникновенія, условій продолженія и напряженности первыхъ двухъ золъ; три источника возникновенія болѣзней: природа физическая, бѣдность и богатство; слѣдствія, которыя порождаются видами физическаго зла; почему въ области физической человѣкъ болѣе склоняется въ сторону зла, нежели добра? — IV. *Недостатокъ* обладаемаго и *излишество*, какъ зло промежуточное между физическимъ и психическимъ видами его. Слѣдствія, порождаемыя бѣдностью — страданіе физическое, зло умственное, нравственное, религіозное, и зло въ области чувства справедливости и воли; добро, порождаемое бѣдностью. Слѣдствія, порождаемыя богатствомъ, въ области добра и въ области зла. Происхожденіе недостатка и излишества; двоякій источникъ этого зла — человѣческій характеръ и учрежденія. Добро, противоположное недостатку и излишеству. — V. *Зло чувственныхъ наслажденій*, какъ смѣшанное изъ элементовъ физической и психической природы человѣка; участіе воображенія въ произведеніи этого зла. Добро, противоположное чувственному злу — воздержаніе и аскетизмъ; воображеніе, какъ источникъ этого вида добра. — VI. *Зло умственное* и его формы — незнаніе, ложное знаніе и задерживаніе въ стремленіи къ знанію; преимущество ложнаго знанія надъ незнаніемъ. — VII. *Зло въ области чувствъ;* волненія и настроенія, какъ двоякая область проявленій этого зла; необходимость различать въ этомъ злѣ идущее отъ первозданной природы человѣка и идущее отъ того, что вызвано въ ней измѣняющимъ вліяніемъ жизни или природы; злыя волненія всегда вызываются чѣмъ-либо внѣшнимъ, потому-что относятся къ единичному и объективному; трудность примѣнить это положеніе къ настроеніямъ. — VIII. Зло и добро въ области нравственнаго чувства: ложь и ненависть, любовь и правдивость. Страхъ, какъ источникъ лжи, перенесенное страданіе, какъ источникъ ненависти; какимъ образомъ чрезмѣрная любовь можетъ иногда быть источникомъ страха и ненависти. О двухъ источникахъ любви и правди-

вости. — IX. Зло и добро въ области чувства справедливости; его сходство съ нравственнымъ добромъ и зломъ. — X. *Зло въ области воли* и его виды: нежеланіе, безсиліе, колебаніе и болѣзнь.— XI. *Добро и зло, присущее формамъ жизни;* два вида его — добро и зло въ достиженіи и добро и зло въ достигаемомъ. *Добро и зло въ совершеніи*, оно присуще формамъ жизни, какъ стремящимся осуществить что-либо желаемое. — XII *Добро и зло въ объектахъ жизненныхъ формъ;* виды этого добра и зла: красота и безобразіе, какъ объектъ искусства; истина и ложь, какъ объектъ науки и религіи; справедливость и несправедливость, какъ объектъ права; польза и вредъ, какъ объектъ политической формы. — XIII. Составляютъ ли виды добра и зла части одного цѣлаго, или же они самостоятельны въ своемъ существованіи и природѣ? Необходимость общей теоріи добра и зла. Что главнымъ образомъ препятствовало возникнуть наукѣ о добрѣ и злѣ.

I. Ничто такъ не обнаруживаетъ несовершенство и неполноту человѣческаго знанія, какъ отсутствіе среди вѣтвей его той, которая была бы исключительно посвящена изученію явленій добра и зла. Въ то время какъ предметы самые малые по своему значенію вызвали цѣлыя обширныя литературы о себѣ, и — такова иронія судьбы — часто тѣмъ болѣе обширныя, чѣмъ менѣе ихъ значеніе; въ то время, какъ объ ошибкахъ въ рукописяхъ древнихъ авторовъ, или о способѣ читать ихъ, уже прочтенныхъ, къ сотнямъ появившихся трудовъ ежегодно прибавляются десятки новыхъ; въ то время, какъ самыя ничтожныя частицы вещества, едва открываемыя спектральнымъ анализамъ, и самые малые организмы, едва уловимые подъ микроскопомъ, изслѣдуются съ неустанною энергіею любознательнымъ умомъ человѣка,— въ это самое время, среди этого богатства научной литературы, нѣтъ ни одного труда, который занимался бы явленіемъ добра и зла, нѣтъ ни одного человѣка, который задумался бы надъ нимъ и его изученію посвятилъ бы свои силы. Какъ будто то, давленіе чего ежеминутно, повсюду и вѣчно человѣкъ чувствуетъ на себѣ, совершенно не замѣчается его разумомъ; или какъ будто то, о чемъ думаютъ, чѣмъ тревожатся всѣ люди, что всего интереснѣе было бы узнать имъ и дѣйствительно всего необходимѣе, недостойно занять мысль немногихъ, которые считаютъ себя красотою и благодѣяніемъ человѣчества, потому что стоятъ при древѣ познанія. Фактъ, что от-

сутствуетъ эта наука, по своей непонятности можетъ сравниться только съ отсутствіемъ теорій разрѣшенія сомнѣній и вопросовъ. Самое постоянное въ жизни и самое насущное для человѣка ни разу не возбудило къ себѣ вниманія его мысли.

II. Если въ Мірѣ человѣческомъ мы отдѣлимъ нѣсколько явленій и вещей и внимательно разсмотримъ ихъ, то замѣтимъ, что кромѣ создающаго, созиданія, создаваемаго и причинной связи между ними, въ этихъ вещахъ и явленіяхъ есть еще нѣчто, что не принадлежитъ ни къ одному изъ этихъ четырехъ порядковъ, что попеременно появляется то въ одномъ, то въ другомъ изъ нихъ, и однако же не есть только какая либо сторона ихъ существованія, но имѣетъ всѣ признаки независимаго и самостоятельнаго явленія. Оно проявляется черезъ нихъ (вещи и явленія), и въ моменты этого проявленія опѣ становятся такими, что въ нихъ кромѣ синтеза обычныхъ сторонъ замѣчается еще нѣчто новое, совершенно неизвѣстное въ мірѣ физической природы, что могущественно измѣняетъ наше отношеніе къ нимъ, или неудержимо привлекая, или непреодолимо отталкивая. То, прежде безразличное, къ чему такъ измѣняется наше отношеніе съ появленіемъ въ немъ этого новаго, мы называемъ съ этого момента «добрымъ» или «злымъ», а то, что появившись такъ измѣнило его и наше отношеніе къ нему — самымъ „*добромъ*“ или „*зломъ*“. Понять, что такое это появляющееся и исчезающее; изучить, при какихъ условіяхъ и какъ оно появляется и исчезаетъ; наконецъ опредѣлить, въ чемъ оно обнаруживается и какъ видоизмѣняется сообразно съ природою послѣдняго,— все это составляетъ особенныя, не раздѣляемыя ни съ какою другою наукою, задачи *Ученія о добрѣ и злѣ*, какъ пятой вѣтви ученія о Мірѣ человѣческомъ.

Явленія добра и зла, насколько мы можемъ судить, присущи только Міру человѣческому. По крайней мѣрѣ въ природѣ нѣтъ ничего, о чемъ мы могли бы подумать и сказать, что оно есть добро или зло само по себѣ,

и если является таковымъ, то только по отношенію къ человѣку; такъ-что и въ этихъ случаяхъ, когда исходитъ добро или зло повидимому изъ природы, самое явленіе добраго или злаго все-таки обнаруживается въ Мірѣ человѣческомъ, и за его предѣлы не выходитъ. Такъ красота природы и благодѣтельная правильность ея явленій есть красота для человѣка и благодѣтельна для него, и чѣмъ была бы она безъ его нуждъ и безъ его созерцанія, мы не можемъ объ этомъ судить.

Трудно вести изслѣдованіе о добрѣ и злѣ, предварительно не условившись, въ чемъ состоитъ оно, т. е. не давъ его опредѣленія. А между тѣмъ въ его природѣ и проявленіяхъ есть столько неуловимаго, ускользающаго даже отъ простаго наблюденія и различенія, что дать это опредѣленіе ранѣе, чѣмъ изучены его виды, невозможно, не впадая въ заблужденіе. Поэтому вначалѣ, какъ кажется, здѣсь неизбѣжно пользованіе нѣкоторымъ временнымъ опредѣленіемъ, завѣдомо ошибочнымъ, — однако не въ томъ, что касается опредѣляемаго, но только опредѣляющаго, именно объема его, не соотвѣтствующаго объему опредѣляемаго.

Итакъ въ этомъ предварительномъ опредѣленіи, какъ временномъ орудіи различенія изслѣдуемаго, мы подъ зломъ будемъ разумѣть все, что явно или скрыто заключаетъ въ себѣ страданіе, а подъ добромъ противоположное ему — что исключаетъ собою страданіе, и какъ дѣйствительное, и какъ возможное. Однако говоря такъ, мы не отожествляемъ зла со страданіемъ, и еще менѣе — добра съ наслажденіемъ; потому что несомнѣнно, что человѣку присуще стремиться къ наслажденію и избѣгать страданія, но кто же согласившись съ этимъ не скажетъ, что онъ не всегда стремится къ добру и часто стремится къ злу? Для многихъ людей искусно обмануть составляетъ удовольствіе, и еще для большаго числа ихъ чувственныя наслажденія составляютъ исключительный интересъ жизни; но кто же усомнится, что это желаемое не есть добро, но зло. Поэтому опредѣляя зло, мы сказали, что

оно только заключаетъ въ себѣ страданіе, но не назвали его самымъ страданіемъ. И въ самомъ дѣлѣ, этотъ уклонъ къ страданію замѣчается едва ли не во всѣхъ явленіяхъ зла, и даже въ томъ, что мы привели, какъ примѣръ наслажденія, оно скрыто заключено, въ одномъ случаѣ какъ страданіе другого (обманываемаго), въ другомъ случаѣ какъ страданіе будущее (истощеніе и болѣзнь).

Мы сказали, что явленія добра и зла неизвѣстны въ своемъ чистомъ видѣ, но что они всегда проявляются черезъ что-нибудь. Если то, черезъ что они проявляются, принять за основаніе, то и самое добро и зло можно раздѣлить на слѣдующіе виды: *физическое,* обнаруживающееся черезъ страданіе тѣла; и *психическое,* обнаруживающееся черезъ страданіе духа.

III. *Зло физическое* является подъ тремя формами: *слабости, болѣзни* и *смерти.* Смерть — мы говорили уже объ этомъ — есть отдѣленіе въ человѣкѣ, какъ существѣ оформленномъ, начала оформливающаго отъ оформливаемаго; болѣзнь есть начинающееся раздѣленіе этихъ началъ, выраженное въ нарушеніи соотвѣтствія между какою-либо частью цѣлой формы и между веществомъ, въ ней заключеннымъ; и, наконецъ, слабость есть начинающееся общее отдѣленіе формы отъ матеріи, что мы наблюдаемъ въ старости, или еще несовершенное раскрытіе формы въ матеріи, что мы наблюдаемъ въ дѣтствѣ.

Всѣ три вида зла носятъ космическій характеръ и неуничтожимы по природѣ своей. Они неизбѣжны для человѣка, пока онъ есть то, что есть, т. е. существо, сложенное изъ матеріи и формы — началъ противоположныхъ и потому вѣчно стремящихся раздѣлиться. Изъ этихъ трехъ видовъ первый и послѣдній (слабость и смерть) не только неуничтожимы, но и не могутъ быть ослаблены — первый потому, что въ человѣкѣ форма не сразу присоединяется къ матеріи, и не разомъ отдѣляется отъ нея, но постепенно развивается въ ней и затѣмъ также постепенно отпадаетъ; второй потому, что самая природа смерти не допускаетъ ни умаленія, ни увеличенія себя,

такъ что она или есть — и уже въ совершенномъ видѣ, или ея нѣтъ — и это также въ совершенномъ видѣ; между смертью и безсмертіемъ ничего средняго, ослабляющаго, не существуетъ. Что же касается до втораго вида — болѣзни — то это зло представляетъ собою большія колебанія, и поэтому путемъ знанія, предусмотрительности и воли человѣкъ можетъ довести его до minimum'а, и въ отдѣльныхъ случаяхъ даже до полнаго уничтоженія; равно какъ черезъ отсутствіе знанія и особенно предусмотрительности оно можетъ развиться до невыносимыхъ размѣровъ. Борьба противъ этого зла можетъ быть направлена трояко: на *уничтоженіе условій его возникновенія*, на *уничтоженіе условій его продолженія* и на *ослабленіе его напряженности*, когда оно возникло и еще не уничтожено. На всѣхъ трехъ путяхъ эта борьба должна опираться на соотвѣтствующія ученія: изъ нихъ первое есть *Ученіе о происхожденіи болѣзней*, классифицирующее ихъ причины, раскрывающее процессы ихъ возникновенія, и опредѣляющее пути, черезъ которые они получаютъ доступъ къ организму; второе есть *Ученіе о признакахъ и сущности болѣзней*, уже существующихъ, и объ уничтоженіи ихъ, основанномъ на изученіи этой сущности; третье есть *Ученіе о средствахъ прекращать ощущеніе боли*, или черезъ временное уничтоженіе всякаго ощущенія (это уже найдено), или черезъ уничтоженія всѣхъ ощущеній въ какой либо одной части организма — въ той, въ которой боль, или черезъ уничтоженіе только какого либо одного вида ощущеній. Послѣднія два средства, насколько мы знаемъ, хотя и найдены, но только относительно немногихъ родовъ болей.

Возникновеніе болѣзней имѣетъ своимъ источникомъ три причины: непосредственное дѣйствіе природы, недостатокъ и излишество. Первая причина обнимаетъ собою такія явленія, какъ простуда, зараженіе, случайный ушибъ, и доступъ ихъ къ организму человѣка можетъ до значительной степени увеличиться или уменьшиться, смотря потому, присутствуютъ или отсутствуютъ въ его жилищѣ

двѣ другія причины. Недостатокъ (бѣдность) производитъ болѣзни потому, что разстраиваетъ соотвѣтствіе между формами организма (или формами процессовъ въ немъ) и веществомъ его черезъ уменьшеніе послѣдняго сравнительно съ тѣмъ, которое необходимо для полнаго соотвѣтствія. Этотъ болѣзненный перевѣсъ формы надъ матеріей производится недостаткомъ пищи, одежды, жилища, и истощеніемъ организма черезъ непосильный трудъ. Наконецъ излишество (богатство) производитъ болѣзни также черезъ нарушеніе соотвѣтствія между формами организма и оформливаемымъ — черезъ увеличеніе послѣдняго сверхъ того, что требуется соотвѣтствіемъ. Обиліе стола, утонченность въ жилищѣ и одеждѣ, и особенно чувственныя наслажденія, которымъ неудержимо и естественно отдаются люди, пользующіеся избыткомъ средствъ и потому обыкновенно незанятые, производитъ болѣзни едва ли не въ большемъ количествѣ и во всякомъ случаѣ труднѣе выносимыя, чѣмъ сколько приноситъ ихъ бѣдность.

Пониманіе только что разсмотрѣнныхъ видовъ зла всегда останется неполнымъ и несовершеннымъ, пока не будетъ показана ихъ связь съ другими видами зла, а также и добра (что́ чѣмъ производится). Мы не будемъ останавливаться на анализѣ этой связи; ограничимся только простымъ указаніемъ, что важнѣйшее изъ золъ, которыя являются слѣдствіемъ болѣзни, слабости и смерти, совпадаетъ съ важнѣйшею изъ причинъ, ихъ вызывающихъ — это бѣдность, обычный источникъ и всегдашній конецъ физическаго страданія; добро же, производимое этими видами зла, есть нравственное возвышеніе человѣка, какъ того, кто испытываетъ это зло, такъ и тѣхъ, кто созерцаетъ это испытаніе. Болѣзнью тѣла нерѣдко исцѣляется духъ, и чѣмъ тягостнѣе первая и ближе придвигаетъ человѣка къ смерти, тѣмъ вѣрнѣе самое исцѣленіе. Это же благотворное, смягчающее и очищающее вліяніе производитъ на окружающихъ смерть близкаго, дорогаго человѣка. По крайней мѣрѣ на время, а иногда и на всю жизнь,

они выходятъ изъ суеты текущей жизни, наполненной минутными интересами и борьбою самолюбій, и останавливаются мыслью на томъ, что стоитъ за всякимъ интересомъ и что неподвижно ожидаетъ каждаго.

Добро, противоположное этимъ тремъ видамъ и поэтому соотвѣтствующее имъ, есть *безболѣзненная жизнь*. Она является тогда, когда организмъ, какъ произведеніе физической природы, не выходитъ изъ предѣловъ ея условій, но живетъ среди нихъ, какъ и все другое, лежащее въ ней. Этимъ объясняется между прочимъ продолжительная и чуждая физическихъ страданій жизнь людей, дѣятельность которыхъ по преимуществу состоитъ въ мышленіи. Живя духомъ и въ духѣ, они какъ бы забываютъ о тѣлѣ, предоставляютъ его своимъ естественнымъ нуждамъ и влеченіямъ, не задерживая ихъ и не возбуждая воображеніемъ и мыслью. Какъ ни странною покажется наша мысль, но мы скажемъ, что жизнь этихъ людей стоитъ всего ближе къ природѣ, — ближе, чѣмъ тѣхъ людей, которые живутъ постоянно среди природы. Потому что жить сообразно съ природою для человѣка значитъ жить въ согласіи со своею природою, но не съ природою чего либо другаго, напр. животнаго; и въ его жизни поэтому духу должно быть предоставлено духовное, а тѣлу — физическое; и какъ тѣло не должно мѣшаться въ жизнь духа, потому что это скажется подавленностью и грубостью перваго, такъ и духъ не долженъ мѣшаться въ жизнь тѣла, иначе это скажется болѣзнью.

Въ заключеніе мы не можемъ не остановится мыслью на одномъ странномъ явленіи, источникѣ великаго зла и постояннаго самообмана человѣка. Въ предѣлахъ организма въ то время, какъ положительное добро совершенно не чувствительно для человѣка и сказывается только отсутствіемъ страданія, такъ что въ здоровомъ состояніи онъ какъ бы не чувствуетъ своего тѣла, по крайней мѣрѣ не чувствуетъ, какъ выдѣлившагося, ни одного его органа, — зло напротивъ является въ своихъ причинахъ подъ формою положительнаго и притомъ сильнаго наслажденія

(чувственныя удовольствія). Вслѣдствіе этого неравновѣсія человѣкъ всегда и естественно склоняется въ сторону зла.

IV. *Недостатокъ обладаемаго* и *излишество* занимаютъ промежуточную ступень между фактами физическаго зла и добра и духовнаго, не принадлежа въ строгомъ смыслѣ ни къ первому, ни ко второму. Сами по себѣ они не являются даже фактами добра и зла, и должны быть разсматриваемы здѣсь только по тѣсному соотношенію съ послѣдними. Они суть факты жизни, которые служатъ обычными проводниками явленій добра и зла въ человѣка.

Недостатокъ обладаемаго (бѣдность) служитъ источникомъ физическаго зла, т. е. страданій организма, и всѣхъ видовъ духовнаго. Имъ порождается умственное зло, потому что постоянный физическій трудъ; равно какъ и постоянная праздность — это два рода жизни, присущіе всѣмъ неимущимъ — лишаютъ человѣка досуга или желанія, равно необходимыхъ для развитія ума и пріобрѣтенія знаній; поэтому бѣдная и черезъ силу трудящаяся часть народа всегда является какъ бы хранилищемъ всевозможныхъ заблужденій, историческихъ и національныхъ. Имъ порождается нравственное зло, потому что боль физическаго страданія, причиняемаго недостаткомъ, заставляетъ заглушать себя или физическими же наслажденіями въ доступныхъ грубыхъ формахъ (развратъ, опьяненіе), или бороться съ собою, жертвуя всѣмъ для другаго, кто можетъ избавить за это отъ боли (развратъ же). Имъ порождается религіозное зло, потому что въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда нищета не развращаетъ человѣка, она сообщаетъ его отношеніямъ къ религіи нѣкоторый болѣзненный оттѣнокъ, который мы наблюдаемъ напр.— правда въ немногихъ явленіяхъ — на далекомъ востокѣ и на западѣ въ средніе вѣка. Факты, порождаемые этимъ болѣзненнымъ религіознымъ чувствомъ, всего болѣе чужды спокойному и чистому величію религіи. Но и эти искажающіе факты бываютъ крайне рѣдки; въ большинствѣ же случаевъ нищета ведетъ просто къ жизни внѣ религіи. Имъ порождается зло въ области справедливости,

потому что насиліе, обманъ, и присвоеніе того, что есть плодъ чужихъ трудовъ, обыкновенно и естественно въ жизни тѣхъ, кто не въ силахъ пропитаться плодомъ своихъ трудовъ. Имъ порождается все безобразное, отвратительное, и отъ него же исходитъ ненависть ко всякой красотѣ; потому что та-же боль физическаго страданія возмущается спокойнымъ созиданіемъ красоты и наслажденіемъ ею со стороны другихъ, а ощущеніе собственнаго безобразія при видѣ прекраснаго возбуждаетъ стыдъ за себя и зависть къ другому, жажду погубить то, отъ сравненія съ чѣмъ стыдъ. Отвратительное не выноситъ близости красоты, но или уничтожаетъ себя, или уничтожаетъ ее. Имъ порождается политическое зло, потому что безсильные сами по себѣ, неимущіе всегда готовы соединиться съ тѣмъ, кто и имъ даетъ и отъ нихъ заимствуемъ силу, и съ нимъ или съ другимъ подобнымъ готовы всегда и спасти и погубить государство, которое ничего имъ не приноситъ и въ которомъ ничего они не понимаютъ, — что́ и для чего оно. Наконецъ, имъ порождается зло въ области воли, потому что тотъ, чья жизнь не опирается свободно на себя самого, всегда будетъ робокъ, заискивающъ и льстивъ въ отношеніи къ тому, на кого опираясь она можетъ быть поддержана. Бѣдность есть источникъ худшаго изъ видовъ рабства — нравственнаго, того, которое полно бываетъ униженія и ненависти.

Добро, производимое бѣдностью, бываетъ одного вида — это болѣзненная жажда религіознаго; потому что хотя средп бѣдности и повидимому въ зависимости отъ нея появляются и еще два вида добра, однако въ дѣйствительности ихъ причина лежитъ не въ самой бѣдности, но въ двухъ другихъ видахъ зла, только неразлучно соединенныхъ съ нею, и объ нихъ мы скажемъ потомъ въ своемъ мѣстѣ.

Излишество обладаемаго (богатство) служитъ источникомъ гораздо меньшаго количества золъ, чѣмъ недостатокъ. Главнѣйшія изъ нихъ два: страданія отъ пустоты

жизни, испытываемое при богатствѣ людьми съ пассивнымъ характеромъ, и чувственныя наслажденія, которымъ предаются при немъ люди съ дѣятельнымъ характеромъ. Первое порождается возможностью ничего не дѣлать, второе порождается возможностью все дѣлать, — два условія, одинаково существующія только при излишкѣ обладаемаго.

Виды добра, производимые богатствомъ, гораздо многочисленнѣе, чѣмъ виды добра, производимые бѣдностью, и многочисленнѣе, чѣмъ виды зла, производимые богатствомъ же. Только здѣсь нужно замѣтить, что хотя зло отъ богатства и не многовидно, но оно обильно, потому что рѣдко богатство не приноситъ его; а добро хотя и многовидно, но не обильно, потому что не часто богатство приноситъ его; т. е. хотя много добра можно принести владѣя имъ, но мало находится людей, которые обладая имъ желали бы приносить добро. Къ послѣднему принадлежатъ всѣ роды облегченія чужихъ страданій черезъ прямую или косвенную помощь нуждающимся, всѣ роды улучшенія людей черезъ воспитаніе ихъ, наконецъ прямое увеличеніе чистыхъ наслажденій черезъ покровительство наукѣ, искусству, и черезъ дѣланіе этихъ наслажденій доступными для всѣхъ. Это бываетъ зрѣлище рѣдкое въ исторіи и прекрасное, когда бѣдные классы народа живутъ въ дружелюбіи съ богатыми, когда богатство не внушаетъ зависти къ себѣ, потому что большая часть его идетъ на нужды бѣднымъ же. Въ особенности сближаетъ эти противоположные классы внимательная заботливость со стороны богатыхъ о тѣхъ маленькихъ, убогихъ радостяхъ, безъ которыхъ бѣднымъ тяжело было бы прожить свою угрюмую жизнь. Одна холодная механическая помощь непосредственнымъ нуждамъ всегда будетъ приниматься равнодушно, и всегда будетъ оскорблять тѣхъ, кому дается. Признаніе же за ними (бѣдными) потребности въ томъ, что сверхъ нуждъ, и уваженіе къ этой потребности — есть признаніе въ нихъ человѣческаго достоинства. Схожденіе въ міръ ихъ маленькихъ радостей,

пониманіе и сочувствіе имъ въ эти моменты всегда вызоветъ безмолвную и глубокую благодарность; какъ съ другой стороны отнятіе этихъ радостей, и дѣйствительно жестокое, вызоветъ всегда непримиримую ненависть, которая не заглушится никакими благодѣяніями, потому что ея источникъ не въ физическихъ страданіяхъ, которыя могутъ быть утишены этими благодѣяніями, но въ униженіи уже униженныхъ, которое углубится ими.

Происхожденіе двухъ разсмотрѣнныхъ золъ кроется въ человѣческомъ характерѣ и въ политическихъ учрежденіяхъ, при чемъ первому принадлежитъ опредѣляющее значеніе, а вторымъ способствующее. И въ самомъ дѣлѣ, что причина бѣдности кроется не въ общественныхъ и политическихъ учрежденіяхъ, но въ личныхъ порокахъ и недостаткахъ, это доказывается тѣмъ поразительнымъ явленіямъ, что во всѣхъ странахъ преслѣдуемые религіозные сектанты обыкновенно отличаются бо́льшимъ благосостояніемъ, нежели принадлежащіе къ господствующей церкви, между тѣмъ какъ общественныя и политическія условія ихъ жизни несравненно хуже: ихъ имущество не обезпечено, ихъ личность не безопасна, никто не печется о ихъ благосостояніи и многіе своекорыстно пользуются ихъ угнетеннымъ положеніемъ; наконецъ, они платятъ не рѣдко двойные налоги. Между тѣмъ именно это положеніе гонимыхъ въ соединеніи съ ихъ обычною высокою религіозностью чрезвычайно увеличиваетъ ихъ нравственныя достоинства — основную причину благосостоянія. Что же касается до того факта, что въ дурно устроенныхъ государствахъ поддонные обыкновенно бываютъ бѣднѣе, чѣмъ въ государствахъ благоустроенныхъ, то и здѣсь причину обѣдненія нужно искать не въ прямомъ вліяніи учрежденій, но въ косвенномъ: при внимательномъ анализѣ всегда откроется, что они предварительно разрушаютъ нравственный психическій строй народа, и уже черезъ него — благосостояніе. Но затѣмъ вслѣдъ и политическія учрежденія имѣютъ свою долю вліянія на благосостояніе, и именно слѣдующимъ спосо-

бомъ: они могутъ способствовать всѣмъ, рожденнымъ въ бѣдности, но силящимся подняться изъ нея, выйти изъ прежняго положенія, въ которое ихъ поставила не личная вина; и съ другой стороны могутъ задерживать переходъ отъ благостоянія къ богатству людей, уже рожденныхъ въ довольствѣ. Въ обоихъ этихъ случаяхъ, какъ повышая, такъ и понижая матеріальный уровень, политическія учрежденія будутъ опираться на существующія уже нравственныя условія, и потому могутъ имѣть успѣхъ; и по той же самой причинѣ они безсильны противъ нарождающагося обѣдненія, потому что въ основѣ этого явленія всегда лежитъ то, на что невозможна опора — пониженія нравственнаго уровня. Все, что могутъ сдѣлать въ этомъ случаѣ политическія учрежденія — это уничтожить въ себѣ самихъ все, что какимъ либо образомъ, прямо или косвенно, дурно вліяетъ на нравственный строй народа.

Добро, противоположное избытку и недостатку и по- 7
тому соотвѣтствующее имъ, есть *довольство*, какъ обладаніе всѣмъ, что необходимо для удовлетворенія физическихъ и духовныхъ нуждъ. Условія, при которыхъ постоянный, но не истощающій трудъ всѣхъ, которымъ не вредно трудиться (напр. больнымъ, дѣтямъ, старикамъ) давалъ бы возможность безбѣдно жить и трудящимся, и тѣмъ, кто при нихъ, но не можетъ и не долженъ трудиться — были бы прекрасны и желательны, и мы думаемъ, что они выполнимы, по крайней мѣрѣ для очень большаго числа людей. Во всякомъ случаѣ добро, которое бы вытекло изъ этого, такъ велико, что было бы безнравственно и жестоко не позаботиться о немъ.

Зло же, которое при обыкновенныхъ условіяхъ должно послѣдовать отсюда, состоитъ въ уничтоженіи многаго изъ того прекраснаго, чѣмъ обладаемъ мы благодаря постоянному досугу многихъ людей. Мы разумѣемъ здѣсь главнымъ образомъ науку, искусство, и далѣе — богатство и разнообразіе человѣческихъ характеровъ и красоту человѣческой природы. И зло это, мы думаемъ, также чрезвычайно велико. Оно можетъ быть избѣгнуто только

при томъ условіи, если созданіе добра, изъ котораго это зло должно выйти, не будетъ ни всеобщее, ни принудительное. Тогда только обыкновенное, что и теперь не выходитъ изъ общаго уровня, войдетъ въ новыя формы жизни; все же выдающееся отвергнетъ ихъ и сохранится — и для себя, и для общаго блага человѣчества.

V. Слѣдующій затѣмъ видъ зла — *чувственныя наслажденія* — уже заключаетъ въ себѣ въ равной степени и физическія начала, и психическія. Чувственность есть удовлетвореніе потребностей тѣла, осложненное воображеніемъ. Она появляется поэтому въ историческіе моменты уже высокаго духовнаго развитія, когда непосредственность жизни утрачивается и наступаетъ періодъ сознанія; когда человѣкъ всякое дѣйствіе свое, какъ актъ тѣла, сопровождаетъ актомъ мысли или чувства; когда онъ не только ощущаетъ, но и слѣдитъ за ощущеніемъ, не только удовлетворяетъ потребности свои, но и переживаетъ сознаніемъ ихъ, когда онѣ удовлетворяются, и воображеніемъ, когда удовлетвореніе еще не наступило или когда оно уже прошло. Именно въ ожиданіи того, какъ эти потребности удовлетворятся, и въ воспоминаніи, какъ онѣ удовлетворились когда то, и лежитъ причина чувственныхъ наслажденій — тѣхъ, которыя ищутся, но уже теперь не подъ вліяніемъ дѣйствительной потребности, простое удовлетвореніе которой и не доставило бы уже удовольствія, потому что лучшее, чѣмъ оно, было уже пережито, какъ представленіе; но подъ вліяніемъ минувшихъ образовъ, прошедшихъ черезъ сознаніе. Поэтому-то чувственность достигаетъ иногда такихъ размѣровъ, подъ ея вліяніемъ совершаются такіе факты, которые потомъ въ разсказѣ историковъ-современниковъ кажутся чѣмъ-то невозможнымъ, нестерпимымъ и отвратительнымъ.

Участіемъ здѣсь воображенія объясняется и то поразительное историческое явленіе, что самое высокое творится человѣкомъ одновременно съ самымъ низкимъ, и самое омерзительное на ряду съ самымъ прекраснымъ. Такъ три эпохи — Перикла въ Аѳинахъ, Августа въ Римѣ

и Возрожденія въ Европѣ — когда было создано столько чуднаго въ философіи, въ поэзіи, въ скульптурѣ, въ живописи, отличались извращенностью естественныхъ потребностей, о которой намъ трудно составить себѣ понятіе. И этимъ же участіемъ воображенія объясняется, почему въ исторіи за высшими моментами духовнаго просвѣтленія такъ быстро наступаетъ разрушеніе и мракъ, почему — какъ замѣчено всѣми — нисхожденіе народовъ по историческому пути бываетъ гораздо быстрѣе, чѣмъ восхожденіе. Воображеніе есть самая удивительная изъ человѣческихъ способностей — оплодотворяющая и губящая, источникъ всего возвышеннаго и всего низкаго. Оно входитъ составнымъ и необходимымъ элементомъ во всѣ высшія формы человѣческаго творчества, придавая имъ именно то, что составляетъ красоту ихъ, и входитъ психическимъ элементомъ въ чувственныя наслажденія, по своему содержанію физическія; поэтому связываетъ тѣ и другія причинною связью сосуществованія, и губитъ духъ, источникъ первыхъ, черезъ вторыя, въ свою очередь губящія тѣло.

Явленія *воздержанія, цѣломудрія* и наконецъ *аскетизма* — добро противоположное чувственности — имѣетъ своимъ источникомъ, какъ это ни странно покажется, также воображеніе. Мы беремъ при этомъ первоначальный аскетизмъ (и его слабѣйшіе виды — воздержаніе и цѣломудріе), тотъ, который свободно складывается въ душѣ, какъ идеалъ, но не тотъ, который, будучи налагаемъ религіозною догмой, выполняется изъ простаго послушанія. Въ эпохи высокаго развитія цивилизаціи, и слѣдовательно богатыя воображеніемъ, на ряду съ образами чувственности и какъ противоположные имъ, проходятъ образы чистой одухотворенности черезъ души многихъ сильныхъ людей. При этомъ изрѣдка могутъ быть наблюдаемы случаи, когда и тѣ и другіе образы проходятъ черезъ одну и ту же душу, какъ бы борются въ ней и, смотря по тому, который преодолѣютъ, тотъ, въ комъ такая раздвоившаяся душа, или предается потомъ удовлетворенію самыхъ

необузданныхъ страстей, или дѣлается высокимъ подвижникомъ духа. Это явленіе мы можетъ, напримѣръ, наблюдать въ жизни бл. Августина и многихъ другихъ людей той глубоко интересной эпохи, когда, по вѣрному въ своей наивности выраженію писателей современниковъ, «дьяволъ такъ могущественно боролся съ Богомъ въ человѣческой душѣ». Но гораздо чаще случается, что въ эпохи, богатыя воображеніемъ, образы аскетизма проходятъ черезъ чистыя души и такъ сильно влекутъ къ себѣ ихъ именно потому, что противоположны тому зрѣлищу разврата, которое представляетъ окружающая жизнь.

Въ своемъ чистомъ видѣ, не извращенный и не обезображенный, аскетизмъ прекрасенъ. Онъ чуждъ всего уродливаго, что потомъ такъ нерѣдко привносится въ него, всякой озлобленности противъ тѣла, всякихъ ненужныхъ истязаній его, которыя показываютъ не то, что человѣкъ не думаетъ и не заботится о плоти, но напротивъ именно то, что онъ заботится и постоянно думаетъ о ней. До извѣстной степени про такихъ людей можно сказать, что въ нихъ духъ является порабощеннымъ тѣлу, потому что не опредѣляетъ дѣятельность послѣдняго, но опредѣляется въ своей дѣятельности тѣмъ, что совершается въ послѣднемъ: они неустанно и мелочно слѣдятъ за плотью, и слѣдовательно неподвижнымъ объектомъ ихъ духовной жизни, хотя и отрицательно, является именно плоть. Истинный же аскетизмъ есть чистая одухотворенность, т. е. жизнь духомъ и въ духѣ, чуждая какихъ либо особенныхъ заботъ о тѣлѣ, которое всегда съумѣетъ просуществовать, повинуясь своимъ законамъ, одно. Онъ лишенъ всякой напряженности въ борьбѣ съ тѣломъ, онъ свободенъ, потому что въ немъ предаются жизни духа просто какъ лучшему, какъ болѣе сродному для человѣка, а не какъ чему-то, что необходимо для чего то. Аскетизмъ близокъ всѣмъ великимъ душамъ; кто испыталъ болѣе сладкое — не захочетъ менѣе сладкаго, и кто знакомъ съ высокими радостями внутренней жизни, тотъ не будетъ искать внѣшнихъ удовольствій, всегда мину-

ныхъ, всегда зависящихъ отъ другаго, которыми только заглушается жажда ни въ чемъ не находимой радости.

VI. *Зло умственное* — и съ нимъ мы вступаемъ въ область зла въ самомъ духѣ — является подъ тремя формами: *незнанія, ложнаго знанія* и *задерживанія въ стремленіи къ знанію*. Изъ этихъ формъ первая — незнаніе — производитъ особенный видъ страданія въ разумѣ, потому что она противна природѣ его, какъ потенціи, стремящейся къ дѣйствительности. Это, состоянія сомнѣнія, неразрѣшенныхъ вопросовъ, и мучительность подобныхъ состояній можетъ быть измѣрена только радостью выхода изъ нихъ. И какъ первое (сомнѣніе) многихъ доводило до отчаянія — и, мы думаемъ, оно можетъ быть глубоко, такъ второй давалъ великія силы для жизни именно какъ облегченіе. Вторая форма — ложное знаніе — едва можетъ быть причислена къ явленіямъ зла, какъ дѣйствительное, реальное, и относится къ нему только по своимъ будущимъ возможнымъ послѣдствіямъ. Ложное знаніе или заблужденіе — это фантомъ, призракъ ума, который не производитъ никакого страданія, но можетъ повести къ ошибкамъ — особому виду зла въ дѣятельности — и черезъ нихъ къ страданію. Вообще ложное знаніе достойнѣе незнанія, въ случаѣ, когда человѣкъ не стремится выйти изъ этого послѣдняго, когда незнаніе не мучительно для него. Въ первомъ сказывается только недостатокъ силы ума, и оно не умаляетъ въ человѣкѣ его достоинства; во второмъ сказывается отсутствіе самой потенціальности ума, и оно унижаетъ человѣка. Спокойное незнаніе, убѣжденіе, что нѣчто неизвѣстно и равнодушное отношеніе къ этому неизвѣстному, есть видъ идіотизма: въ немъ тотъ же недостатокъ, тоже отсутствіе, и при томъ такого, что составляетъ основу человѣчности. Вотъ почему умственный индифферентизмъ, столь часто встрѣчающійся въ образованныхъ людяхъ, гораздо ниже по своему значенію, чѣмъ предразсудки и суевѣрія, обычныя въ простомъ народѣ. Послѣднія (суевѣрія) по своему разумно объясняютъ все непонятное, и слѣдовательно удовлетворяютъ разумъ;

второй свидѣтельствуетъ объ отсутствіи того, чему могло бы быть дано такое удовлетвореніе. Наконецъ третья форма — задерживаніе въ стремленіи къ знанію — порождаетъ одно изъ самыхъ мучительныхъ умственныхъ золъ, порою нестерпимое. Причины его бываютъ внутреннія и внѣшнія, а послѣднія состоятъ въ недостаткѣ средствъ къ знанію и въ препятствіи пріобрѣтать знанія.

VII. *Зло въ области чувства* по своей природѣ болѣе, нежели какое либо другое, отвѣчаетъ тому общему представленію о немъ, которое сложилось въ умахъ многихъ великихъ людей и цѣлыхъ народовъ; потому что въ то время, какъ въ другихъ видахъ зла обнаруживается только недостаточность, какъ бы немощь человѣческой природы, — въ немъ видится испорченность этой природы и злое направленіе воли. Сюда относятся страдательныя или злыя *волненія* и *настроенія,* напримѣръ чувство зависти или недовѣрія, настроеніе пронческое или наглое.

Мы не будемъ вдаваться въ анализъ этихъ волненій и настроеній. Ограничимся замѣчаніемъ, что существенную задачу этого анализа должно составить отдѣленіе того, что̀ въ области злаго чувства идетъ отъ первозданной природы человѣка, и что̀ имѣетъ своимъ источникомъ тѣ измѣненія, которыя произведены въ ней внѣшними вліяніями природы и жизни. Методъ же, съ помощью котораго можетъ быть произведено это отдѣленіе, состоитъ въ томъ, чтобы, опредѣливъ идущее извнѣ, что не трудно сдѣлать черезъ разложеніе сущности изслѣдуемаго порока, все остальное отнести къ строенію природы человѣка. Такъ чувство зависти есть сожалѣніе, что того, что есть въ другомъ или у другого, нѣтъ во мнѣ или у меня и, вслѣдствіе страдательнаго характера этого сознанія, — злое чувство сожалѣнія, зачѣмъ то, чего нѣтъ во мнѣ или у меня, есть въ другомъ или у другого. Такимъ образомъ въ своей основѣ оно есть нѣкоторое чувство, рождающееся отъ сравненія неравнаго въ различномъ. И его не было ранѣе, чѣмъ когда это сравненіе могло быть произведено, и слѣдовательно его источникъ

лежитъ не въ природѣ человѣка, но въ жизни. По нашему убѣжденію, таково же происхожденіе и всѣхъ волненій, потому что, будучи общими (составляя роды) по сущности своей, они всегда единичны по объекту; напримѣръ есть зависть вообще, но можетъ быть зависть только къ кому нибудь, — что видно изъ того, что нѣтъ зависти къ тѣмъ, кого не знаешь, или къ тѣмъ, о комъ знаешь, что они несчастнѣе тебя. Труднѣе сказать это о настроеніяхъ; потому что, хотя по происхожденію своему они и суть волненія, оставшіяся послѣ того, какъ волнующее исчезло, однако въ томъ, почему изъ волненій одни съ исчезновеніемъ объектовъ погасли, а другія остались, есть много загадочнаго, и объяснить ихъ однимъ вліяніемъ внѣшней природы или жизни — трудно. Несомнѣнно, что черезъ душу одного и того же человѣка проходятъ въ жизни различныя волненія, частью противоположныя, частью просто разнородныя, и несомнѣнно также, что одни и тѣ же волнующія обстоятельства одновременно вліяютъ на многихъ людей; однако мы замѣчаемъ — въ единичной душѣ, что одно какъ бы скользитъ только по ней, а другое глубоко западаетъ, и въ многихъ — что, живя при однихъ приблизительно условіяхъ, онѣ бываютъ не приблизительно же схожи одна съ другою, но, напротивъ, совершенно несхожи. Такимъ образомъ между извнѣ вліяющимъ и извнутри воспринимающимъ вліяніе есть нѣкоторое внутреннее сродство, вслѣдствіе котораго одно какъ бы втягивается душою, а другое какъ бы отпадаетъ отъ нея, какъ различное отъ различнаго, и разъ испытанное — избѣгается, тогда какъ первое, однородное, напротивъ ищется. Это явленіе и понять не трудно, и примириться съ нимъ легко, если ту потенціальность, которая признается относительно разума, перенести и на нравственную сторону души. Разсмотримъ для примѣра пронческое настроеніе души. Нѣтъ сомнѣнія, что пронія всегда бываетъ надъ чѣмъ нибудь, и то, что впервые вызвало это чувство, было источникомъ его, какъ волненія. Но трудно представить себѣ, чтобы въ жизни того,

въ комъ потомъ сложилось это волненіе въ настроеніе, не встрѣчалось никогда и ничего такого, что, напротивъ, вызывало бы къ себѣ чувство благоговѣнія, восторженности или уваженія. Итакъ, если легче сложились его губы въ ироническую улыбку, чѣмъ засвѣтились глаза энузіазмомъ, если и потомъ онъ чаще и невольно искалъ предметовъ для своей ироніи, чѣмъ предметовъ для уваженія, то не ясно ли, что въ душѣ его было предрасположеніе, нѣкоторая тайная склонность къ ироніи, которая потомъ только раскрылась и окрѣпла подъ нѣкоторыми благопріятными внѣшними условіями. Такъ, напримѣръ, трудно себѣ представить, чтобы Вольтеръ, воспитанный въ условіяхъ Руссо, сталъ Руссо же, — скорѣе бы онъ сдѣлался поэтомъ, какъ Беранже; или чтобы Руссо, воспитанный въ условіяхъ Вольтера, сдѣлался Вольтеромъ, — скорѣе бы онъ сталъ проповѣдникомъ (Вольтеръ воспитывался въ іезуитской коллегіи). Но все это, впрочемъ, требуетъ тщательнѣйшихъ спеціальныхъ изысканій — самонаблюденія, наблюденія надъ другими, изученія автобіографій и исторіи.

VIII. *Зло въ области чувства нравственнаго* является подъ двумя формами — *лжи* и *ненависти;* а добро, этимъ чувствамъ противоположное, есть *любовь* и *правдивость.* Изъ указанныхъ двухъ золъ первое порождается страхомъ одного свободнаго и сознающаго существа передъ другимъ сознающимъ же; второе порождается перенесеннымъ страданіемъ, внѣшнимъ ли, или еще чаще внутреннимъ. При этомъ какъ страхъ, сверхъ обычныхъ своихъ причинъ, можетъ родиться изъ любви несовершеннаго существа къ совершенному — это боязнь перваго потерять любовь и довѣріе второго съ обнаруженіемъ своихъ недостатковъ, порою простой слабости: такъ и ненависть, сверхъ обычныхъ причинъ, можетъ родиться изъ страха. Въ послѣднемъ — и это особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ порождается чрезмѣрною любовью, — столько внутренняго страданія, часто незаслуженнаго, истекающаго только изъ слабости страдающаго, что къ тому, передъ кѣмъ страхъ,

возникаетъ глубочайшая ненависть, хотя въ пробужденіи этой ненависти онъ, ее возбудившій къ себѣ, также ничѣмъ не виноватъ, кромѣ какъ только уже слишкомъ высокимъ своимъ совершенствомъ. Мы указываемъ на этотъ особенный источникъ зла, потому что, не будучи предшествуемъ никакою виною и никакимъ другимъ зломъ, онъ глубоко отличается отъ другихъ путей возникновенія нравственнаго зла, и заключаетъ въ себѣ какъ-бы первоисточникъ, гдѣ безпричинно, повидимому, зарождается оно изъ самой природы психическихъ существъ, первозданной и чистой отъ внѣшнихъ искажающихъ вліяній.

Что касается до противоположныхъ этому злу чувствъ любви и правдивости, то любопытно, что они существуютъ въ человѣкѣ при двухъ діаметрально противоположныхъ условіяхъ, являясь какъ бы исходною точкою и вѣнцомъ его жизни. И въ самомъ дѣлѣ, эти чувства прирождены человѣку, онъ выходитъ съ ними изъ лона природы, но вступивъ въ жизнь, переполненную страданіями и страхомъ, утрачиваетъ ихъ, его природа какъ бы перерождается, не только отступая отъ того, чѣмъ была первоначально, но даже становясь противоположною тому прежнему состоянію. И когда это извращеніе достигаетъ своей высшей степени, когда все въ жизни и въ человѣкѣ является проникнутымъ ложью и ненавистью, тогда въ немъ снова пробуждается любовь, въ иной и высшей, чѣмъ прежде, формѣ — какъ состраданіе, и является правдивость, какъ болѣзненное отвращеніе ко лжи. Такимъ образомъ отъ несовершенной правды и любви черезъ ложь и ненависть человѣкъ ведется къ совершенной правдѣ и любви, и это законъ его природы, неизмѣнный и необходимый.

IX. *Зло* и *добро въ области чувства справедливости* въ своемъ происхожденіи, исчезновеніи и новомъ пробужденіи въ человѣкѣ во всемъ подобно предъидущимъ видамъ добра и зла. Какъ и любовь, справедливость, будучи прирождена человѣку, потомъ заглушается въ немъ встрѣчаемыми въ жизни оскорбленіями и униженіями, и пробуждается вновь, когда эти оскорбленія становятся чрезмѣрны.

Именно изъ чрезмѣрнаго страданія рождается любовь и справедливость, обыкновенное же страданіе только подавляетъ эти чувства. Такимъ образомъ и здѣсь связь высочайшаго добра съ величайшимъ зломъ, невозможность для перваго возникнуть безъ второго, является хотя непонятнымъ по своей цѣли, но несомнѣннымъ закономъ. Потому что — мы вновь отмѣчаемъ это — первоначальное, естественное чувство справедливости по своей силѣ и красотѣ уступаетъ тому, которое рождается изъ несправедливости; подобно тому какъ первоначальное и естественное чувство любви, правда чистое, но всегда пассивное, слабо передъ состраданіемъ, всегда дѣятельнымъ.

X. *Зло въ области воли* является подъ четырьмя формами: *нежеланія* (апатіи), *безсилія въ стремленіи къ желаемому, колебанія въ желаніи отъ двойственности въ предметѣ его,* и *боязни.* Первые три вида относятся къ самой волѣ, бываютъ присущи ей; послѣдній относится къ тому, что внѣ воли и, привходитъ въ нее.

Нежеланіе порождается отвращеніемъ къ людямъ и къ жизни, и происходящимъ отъ этого отсутствіемъ всякаго интереса къ тому, что совершается вокругъ, и всякаго желанія предпринять что либо для себя или для ближняго. Это состояніе — оно одно изъ самыхъ мучительныхъ, при которыхъ едва можно переносить жизнь — появляется отъ внутренняго распаденія духа на его стороны, изъ которыхъ одна думаетъ, чувствуетъ, желаетъ, и притомъ съ большею глубиною и отчетливостью, чѣмъ какъ это совершается въ душѣ обыкновенныхъ людей, а другая блюдетъ, разлагаетъ и отрицаетъ, подмѣчаетъ ложь или безцѣльность въ мысляхъ, внутреннюю фальшь въ чувствахъ, ненужность въ желаемомъ. Утрата цѣльности и единства въ психической жизни, непрестанное и уже невольное наблюденіе надъ собою, дѣлаетъ такихъ людей одновременно и проницательными наблюдателями человѣческой природы, и вѣрными цѣнителями человѣческой жизни, поэтому не допускаетъ ихъ ни обмануться первою, ни увлечься второю, порождая такимъ обра-

зомъ отвращеніе и къ той и къ другой, какъ къ чему-то давно знакомому, пережитому (внутри себя) и недостойному.

XI. На остальныхъ видахъ добра и зла въ области воли мы не будемъ останавливаться, и перейдемъ къ разсмотрѣнію добра и зла, проявляющагося въ *жизни* и ея *формахъ*. Каждый видъ этого послѣдняго распадается на двѣ стороны: одна принадлежитъ самой формѣ жизни и есть добро или зло *совершенія*, другая есть то, что служитъ *предметомъ совершенія* — достигаемымъ, пока это совершеніе продолжается, и дѣйствительнымъ, когда оно окончено.

Добро или *зло въ совершеніи* суть достоинства или недостатки въ формахъ жизни, какъ въ *стремящемся* осуществить собою нѣчто. Такъ, кромѣ красоты или безобразія того, что изображается искусствомъ, есть еще достоинства или недостатки въ самомъ изображеніи, какъ выполненіи; такъ независимо отъ пользы или вреда, приносимыхъ извѣстною политическою формою, есть еще достоинства и недостатки въ самой политической формѣ, напр. красота, симметрія, гармонія, соотвѣтствіе частей, разумность въ построеніи цѣлаго; такъ въ правѣ или законодательствѣ независимо отъ того, какъ выполняетъ оно свое назначеніе въ общественной жизни, можетъ быть еще систематичность, какъ достоинство, и безпорядочность, какъ недостатокъ. Эти виды добра и зла, присущіе формамъ жизни, совершенно независимы отъ того добра и зла, которое осуществляется ими. Такъ право средневѣковое, какъ форма жизни, было полно недостатковъ въ сравненіи съ римскимъ правомъ, хотя для тѣхъ, для кого оно существовало, оно было настолько удобнѣе и лучше послѣдняго, что замѣна одного другимъ, напр. въ XV—XVI вв. въ Германіи, вызывала неоднократно народныя возстанія.

XII. Виды добра и зла, служащіе *объектами жизненныхъ формъ* (предметами совершенія), не въ нихъ однихъ проявляются, и поэтому должны быть разсматриваемы въ своемъ общемъ видѣ; такъ что отнесеніе ихъ къ формамъ жизни является здѣсь только отнесеніемъ проявляемаго къ обычно проявляющему его. Виды эти слѣдующіе:

Красота и *безобразіе*, служащее объектомъ искусства, не чуждое природѣ и осложняющее собою всѣ формы жизни. Не слѣдуетъ думать, что безобразіе есть только отсутствіе красоты, что его природа исключительно отрицательна. Въ безобразіи есть нѣчто положительное — оно противоположно красотѣ, а не лишено только ея; такъ куча земли лишена всякой красоты, но она не безобразна. Какъ и красота, безобразіе также выражается въ очертаніяхъ, и вообще въ нихъ есть нѣчто однородное: не только въ очертаніе безобразнаго входитъ что-то, что дѣлаетъ ее не только не похожею на красоту, но, напротивъ, чѣмъ-то враждебнымъ ей — явленіе небезъинтересное и неизслѣдованное.

Любопытнымъ представляется тотъ фактъ, что природѣ физической совершенно чуждо безобразіе, и свойственно или безразличное, или красота только; природѣ же человѣческой рѣдко бываетъ присуще безразличіе — если только оно встрѣчается въ ней когда либо, но все въ ней является или красотою, или безобразіемъ, и притомъ какъ первая является и въ человѣкѣ и въ созданіяхъ его высшею, чѣмъ какая встрѣчается въ природѣ, такъ и второе выражается въ немъ съ ужасающею глубиною. Неживое, не одушевленное никогда не бываетъ отвратительно, но зато и прекрасно оно бываетъ въ умѣренной степени. То же, что носитъ въ себѣ жизнь и душу, бываетъ отвратительно, и при томъ въ тѣмъ большей степени, чѣмъ съ высшимъ совершенствомъ является въ немъ жизнь и душа. Такъ въ мірѣ растительномъ еще совершенно отсутствуетъ отвратительное; въ мірѣ животномъ оно уже есть, но рѣдкое и незначительное по размѣрамъ; въ большей степени оно появляется въ человѣкѣ уже на низшихъ ступеняхъ его духовнаго развитія — у дикихъ народовъ и въ простыхъ классахъ цивилизованныхъ людей, и, наконецъ, достигаетъ своего высшаго проявленія у людей съ высоко развитою душою. Никогда ни простой человѣкъ, ни животное не бываютъ такъ глубоко отвратительны, какъ можетъ быть отвратительно лицо человѣка

образованнаго; тамъ есть только некрасивое, уродливое, безобразное, — здѣсь же гадкое, отталкивающее. То же замѣчается и въ создаваемомъ: природа творитъ грозное, вредное, но никогда отвратительное; животное совершаетъ только незначительно безобразное (нѣкоторыя физическія отправленія); несравненно болѣе гадкаго совершается уже простымъ человѣкомъ, и въ его творчествѣ, поэтическомъ и художественномъ, уже встрѣчаются зачатки отвратительнаго; но ни въ поступкахъ, ни въ творимыхъ формахъ это отвратительное никогда и нигдѣ не достигаетъ такихъ размѣровъ, какъ въ художественномъ творчествѣ развитыхъ классовъ, и въ поступкахъ психически развитыхъ людей. И въ то время, какъ самое низкое, такимъ образомъ, принадлежитъ совершеннымъ формамъ духа, имъ же принадлежитъ и самое высокое: какое явленіе природы превосходитъ красотою своею красоту самоотверженія, гибели за истину, нравственной чистоты, уединеннаго изысканія истины, — и блескъ звѣздъ во всемъ величіи ихъ не меркнетъ ли передъ свѣтомъ дымнаго костра, на которомъ умираетъ мученикъ вѣры или мысли за то, во что онъ вѣритъ или что мыслитъ? Что въ природѣ, какой предметъ, видъ, царство столь прекрасно, какъ прекрасно бываетъ человѣческое лицо въ минуты ли тихой радости, или въ минуты безконечной грусти? Что изъ созданнаго природою превосходитъ по высотѣ своей безсмертныя созданія человѣческаго духа — чудные образы его поэзіи, глубокія мысли философіи, чистые порывы къ лучшему, которые онъ совершилъ въ исторіи? По справедливости можно сказать, что ни въ разнообразіи и богатствѣ своихъ формъ, ни въ красотѣ ихъ Міръ человѣческій не уступаетъ міру внѣшнему, — и это даже въ томъ случаѣ, если не исключать изъ него отвратительное, но только урановѣсить его тѣмъ прекраснымъ, что есть въ немъ сверхъ, выше того прекраснаго, которое лежитъ въ природѣ.

Ложное и *истинное* проявляется въ наукѣ и въ религіи, но не чуждо также и другимъ формамъ жизни, и самой

природѣ. Такъ, когда политическая форма принимаетъ развитіе, не соотвѣтствующее ея природѣ, какъ общаго, которое должно распасться соотвѣтственно распаденію идеи блага, — то въ ней появляются ложныя части, составляющія дисгармонію съ другими, ранѣе и правильно развитыми органами. Такъ, когда искусство начинаетъ преслѣдовать цѣли, противорѣчащія его природѣ, то появляются его ложные виды. Равнымъ образомъ въ природѣ все уродливое, отступающее отъ естественныхъ, въ самой сущности вещей предустановленныхъ формъ, ложно: таковы аномаліи, въ физическихъ явленіяхъ или неправильности въ строеніи и развитіи растительныхъ и животныхъ органовъ. Ложное вообще можно опредѣлить, какъ *не вытекающее изъ природы того, въ чемъ оно, и не соотвѣтствующее этой природѣ;* а истинное можно опредѣлить, какъ строго *вытекающее изъ природы чего либо, и соотвѣтствующее этой природѣ въ ея частяхъ и въ ея цѣломъ.* Согласно съ опредѣленіемъ этимъ и въ той области, которая служитъ главнымъ проявленіемъ ложнаго и истиннаго — въ наукѣ — мы называемъ истинными тѣ знанія, которыя правильно, т. е. въ согласіи съ природою разума, образованы, а ложными называемъ тѣ изъ нихъ, которыя неправильно образованы, т. е. въ противорѣчіи съ природою познающаго начала; и самую науку, какъ органъ разума и область дѣятельности его, мы опредѣляемъ какъ истинную тогда только, когда она стремится понять, уразумѣть, и признаемъ за ложную ту науку, которая существуетъ, чтобы учить, удучшать или помогать.

Справедливость и *несправедливость* по преимуществу обнаруживается въ правѣ, но также не остается совершенно чуждою и другимъ формамъ жизни, и даже природѣ. Такъ есть нѣчто космически несправедливое, когда явленія послѣдней слѣпо и безжалостно губятъ добрыхъ и бывшихъ благодѣтельны злымъ, напр. когда голодъ въ неурожайные годы ложится всею тяжестью на нуждающихся, а богатымъ, скупившимъ хлѣбъ, помогаетъ еще увеличить свои богатства; или когда градъ побиваетъ хлѣбъ, бы-

рощенный съ такимъ трудомъ и заботой; или когда при пожарѣ сгораютъ больные, старики и дѣти. Также есть нѣчто несправедливое въ ложныхъ формахъ религіи и искусства, напр. брамаизмъ и магометанство несправедливо относятся къ женщинѣ, или напр. въ тенденціозномъ искусствѣ часто и незаслуженно оскорбляются цѣлые классы или сословія [1]). Справедливость вообще можно опредѣлить, какъ *заслуженное воздаяніе*, какъ нѣкоторый видъ нравственной причинности: она есть строгое соотвѣтствіе между добромъ или зломъ, свободно совершеннымъ въ прошедшемъ, и между добромъ или зломъ же. необходимо слѣдующимъ въ будущемъ. Несправедливость же можно опредѣлить, какъ *незаслуженное воздаяніе*, какъ нарушеніе нравственной причинности: она есть несоотвѣтствіе между благомъ или зломъ, сотвореннымъ въ прошедшемъ, и между благомъ же или зломъ, случайно слѣдующимъ въ будущемъ. Это нарушеніе чистой нравственной причинности, какъ и физической, происходитъ отъ вмѣшательства какой-то непостижимой цѣлесообразности; и если принять во вниманіе то, что ранѣе было сказано нами о невозможности появленія нѣкоторыхъ видовъ добра иначе, какъ черезъ зло, и о необходимомъ слѣдованіи злаго изъ другихъ видовъ добра, — то эта непонятная вмѣшивающаяся цѣлесообразность должна представиться намъ нѣкоторымъ могущественнымъ и космическимъ закономъ, источникъ котораго далеко отъ Міра человѣческаго, и который непреодолимо управляетъ теченіемъ событій въ этомъ Мірѣ.

Польза и *вредъ* проявляются по преимуществу въ государствѣ и имъ осуществляются, но также присущи и другимъ формамъ жизни, и природѣ. Подъ пользою я разумѣю всѣ формы добра *посредственно производимыя*, а подъ вредомъ — всѣ формы зла, также не прямо производимыя.

[1]) Напр. у насъ послѣ освобожденія крестьянъ, которое всею своею тяжестью легло на дворянство и имъ же было въ значительной степени совершено, именно это дворянство всего болѣе оскорблялось въ литературѣ, и притомъ тѣми, которые ничѣмъ не пожертвовали при этомъ великомъ дѣлѣ и ничего не сдѣлали для него.

Такъ, если изъ любви къ ближнему я прямо помогу ему въ нуждѣ, то это будетъ актомъ нравственности; если же изъ политическихъ соображеній и нисколько не люби ближняго я ввожу такія учрежденія, которыя способствуютъ болѣе равномѣрному размѣщенію благосостоянія въ странѣ, понижая богатыхъ и поднимая бѣдныхъ, то этотъ поступокъ мой будетъ актомъ пользы. Или еще: рисуя картину я воплощаю красоту, или издавая сочиненіе открываю истину,— и эти поступки мои будутъ актами художественнаго и научнаго творчества; но если, будучи сильнымъ и богатымъ человѣкомъ, я покровительствую искусству и наукѣ, давая средства къ жизни и свободному труду художникамъ и мыслителямъ,— то это будетъ актомъ пользы. Если я самъ веду чистую, воздержанную и скромную жизнь, то это будетъ актомъ нравственнымъ, но если я, будучи самъ безнравственнымъ и чувственнымъ человѣкомъ, издалъ напр. законы объ отдѣленіи на фабрикахъ мужчинъ отъ женщинъ и о недопущеніи на нихъ работы малолѣтнихъ,— то это будетъ актомъ пользы; и т. д. Вообще *все, не лично творимое, и не необходимо по тому побужденію, которое есть прямая причина творимаго* (напр. чувство милосердія есть прямая причина милосердныхъ поступковъ), *но черезъ другое посредствующее* (напр. учрежденія), *по побужденіямъ ума и опираясь на его умьныя — есть пользы и вреды.*

Изъ сказаннаго ясно, какъ глубоко несправедлива къ человѣку и какъ ошибочна мысль, что нравственность есть то же, что «полезная дѣятельность», ею опредѣляется и измѣряется. Согласно съ этимъ страннымъ взглядомъ необходимо было бы допустить, что изъ всѣхъ видовъ дѣятельности наиболѣе нравственная есть политическая, какъ могущая принести наибо́льшую пользу, и что поэтому управляемымъ напрасно было бы и думать возвыситься когда-либо до нравственнаго уровня государственныхъ людей: что Августъ, Ришилье и Мазарини суть высокіе образцы нравственной красоты въ исторіи; что убогіе и бѣдные люди, вѣчно нуждающіеся въ чужихъ заботахъ о себѣ,

суть люди положительно безнравственные, а между ними тяжело больные, слѣпые и разслабленные суть чудовища безнравственности; что женщина, изъ доброты призрѣвшая сироту и дѣлившая съ нимъ послѣдній кусокъ хлѣба, нравственна только подъ тѣмъ условіемъ, если изъ воспитаннаго выйдетъ полезный членъ общества, и что ея самоотверженный поступокъ теряетъ всякую цѣну, если бы сиротѣ случилось умереть еще малолѣтнимъ; вообще что смерть воспитаннаго, измѣняющая полезность воспитанія, измѣняетъ и его нравственный характеръ; такъ что — и это особенно слѣдуетъ замѣтить — ничто изъ совершаемаго человѣкомъ не имѣетъ въ моментъ совершенія никакого опредѣленнаго характера, нравственнаго-ли, или безнравственнаго, и получаетъ таковой лишь въ далекомъ будущемъ, когда совершенно опредѣлятся плоды совершенія — полезные или вредные.

То, черезъ что творится добро, есть по преимуществу *учрежденія*, т. е. части политической формы, и поэтому-то въ ней, какъ въ системѣ такихъ частей, главнымъ образомъ проявляется польза. Но, какъ уже замѣчено было, ни другимъ формамъ жизни не остается чуждо твореніе пользы, ни самой природѣ. Напримѣръ художникъ, создавая образы красоты, производитъ иногда *черезъ нихъ* нравственное вліяніе на современниковъ и потомковъ, которыхъ не знаетъ; философъ и поэтъ воспитываютъ людей, имъ совершенно чуждыхъ; дождь и засуха или уничтожаютъ результаты человѣческихъ трудовъ, или увеличиваютъ ихъ. Только нужно помнить, что здѣсь польза есть нѣчто побочное, то, что внѣ цѣли и сверхъ ея; въ политической же формѣ польза есть цѣль.

XIII. Если всѣ только что разсмотрѣнные виды добра соединить въ одно и разсмотрѣть въ связи другъ съ другомъ, то можно замѣтить, что всѣ они составляютъ отдѣльныя стороны одного и того же, что въ своей сущности и въ своемъ цѣломъ ускользаетъ отъ опредѣленія. Это видно изъ того, что природа ни одного изъ этихъ видовъ добра не выражается въ чемъ либо такомъ, что

одновременно входило бы въ выраженіе и другаго вида добра, такъ что каждый изъ нихъ (видовъ) въ отдѣльности занимаетъ свое мѣсто, какъ нѣкотороя часть, въ другомъ и цѣломъ, котораго мы не видимъ и не знаемъ иначе, какъ только въ этихъ отдѣльныхъ и немногихъ частяхъ. Такъ красота по природѣ своей есть наружность; она неотразимо влечетъ насъ къ себѣ своею формою, ранѣе, чѣмъ мы анализировали то, что за этою формою, и вопреки всему, что, анализировавъ, мы нашли бы за нею; она и познается черезъ созерцаніе, какъ всякая наружность, и какъ таковая — не можетъ не быть въ чемъ нибудь частью; потому что наружное не можетъ быть безъ внутренняго, и видъ не можетъ принадлежать себѣ самому, но необходимо есть видъ чего-нибудь. Напротивъ, справедливость для своего пониманія и оцѣнки требуетъ кромѣ знанія видимаго, того, что есть — еще другого, что совершится (воздаянія); она уходитъ въ глубь времени. Такова же и истина по своей природѣ, но она противоположна справедливости по направленію: эта уходитъ въ будущее, та — въ прошедшее. Чтобы опредѣлить и оцѣнить истину, не достаточно знать то, чѣмъ она является, но еще то, какъ она появилась — способъ образованія ея, будетъ ли то знаніе, картина или органъ растенія. Наконецъ польза, не будучи какою либо особою формою добра, придаетъ всѣмъ видамъ его неопредѣленные размѣры, разширяя безгранично сферу ихъ проявленія.

До сихъ поръ мы неключительно говорили о частныхъ формахъ, подъ которыми извѣстно добро и зло, и избѣгали всякаго слова о немъ, какъ о цѣломъ. Мы сдѣлали это не безъ намѣренія. То, что постоянно мѣшало выдѣлиться наукѣ о добрѣ и злѣ — это неопредѣленность чрезвычайно общихъ представленій о немъ, отсутствіе въ способахъ его изученія тѣхъ простыхъ и строгихъ пріемовъ, которые прилагаются ко всѣмъ другимъ предметамъ и явленіямъ. Въ этомъ случаѣ тяжесть и величіе предмета какъ бы подавляла мысль и не давала выдѣлиться въ человѣческомъ пониманіи соотвѣтствующей и необходимой фор-

Но мы всего менѣе думаемъ, что на изученіи частнаго должна когда либо или гдѣ либо остановиться наука. Оно, это частное, есть только подготовленіе общаго, и безъ послѣдняго нѣтъ интереса въ немъ. Поэтому и въ настоящей формѣ науки основная цѣль — не познать тотъ или другой видъ добра и зла, или даже всѣ эти виды, но познать самое добро и зло въ его цѣломъ, въ томъ, что до сихъ поръ всегда такъ подавляло человѣческій умъ. Это — *Общая теорія добра и зла*, и соотвѣтственно схемамъ разума она должна распасться на ученіе о формѣ существованія добра и зла, о его природѣ, о его свойствахъ, о его происхожденіи и назначеніи, о сходствѣ и различіи въ немъ, и о количественной его сторонѣ, т. е. напряженности и продолжительности страданія какъ дѣйствительнаго, такъ и скрытаго въ тѣхъ или другихъ его видахъ. Едва ли нужно говорить, что то, что сказано нами здѣсь о добрѣ и злѣ, есть часть того, что должно быть сказано въ ученіи о сходствѣ и различіи въ немъ, гдѣ должны быть установлены его виды. Изученіе по схемамъ разума каждаго отдѣльнаго вида изъ перечисленныхъ нами должно дать начало длинному ряду частныхъ ученій, которыя въ совокупности своей сложатся въ одно великое — въ *Ученіе о проявленіяхъ добра и зла въ мірѣ человѣческомъ*.

ГЛАВА XVIII.

Ученіе о Мірѣ человѣческомъ: о цѣляхъ или о должномъ.

I. Ученіе о цѣлесообразности въ Мірѣ человѣческомъ и двѣ вѣтви его: ученіе о цѣляхъ и ученіе о средствахъ. Троякое значеніе, въ которомъ можетъ быть понимаема цѣль: 1. какъ господствующій членъ цѣлесообразнаго процесса, 2. какъ естественная конечная форма, къ которой направляется какое-либо развитіе, 3. какъ желаемое, къ чему можетъ быть направлено какое-либо развитіе. — II. *О цѣли, какъ господствующемъ членѣ цѣлесообразнаго процесса*; о могущемъ и о долженствующемъ глаголать цѣлями. — III. *О цѣляхъ, какъ естественныхъ конечныхъ формахъ*; ихъ отношеніе къ добру и злу; о способѣ опредѣлять ихъ; онѣ должны быть опредѣлены для всѣхъ видовъ человѣческаго творчества. — IV. О конечной формѣ науки; общность познаваемаго, какъ элементъ нарастающій въ научномъ процессѣ; всепониманіе, какъ естественная и конечная форма, въ которую стремится перейти наука.—V. О конечной формѣ искусства: полнота выраженія, разнообразіе выражаемаго и склонность къ осложненію какъ постоянно нарастающее въ искусствѣ; изображеніе всей красоты, всякой и со всѣмъ согласно, какъ послѣдняя цѣль искусства.—VI. О конечной формѣ права; совершенство и полнота, какъ естественно нарастающее въ правѣ; модусы измѣненія права; система правъ, гдѣ каждому всякое и на все предоставлено право, на что, какое и кто имѣетъ по природѣ своей. VII. О конечной формѣ религіи; религія истинная, всемірная и живая, какъ идеалъ, къ которому стремится религіозное сознаніе человѣчества. VIII. О конечной формѣ государства; при опредѣленіи этой формы въ особенности удобно разсмотрѣть природу государства; разложеніе и отвлеченіе, какъ способъ познать его природу. — IX. Страна и народъ, какъ элементы, не образующіе собою государства; принадлежащее людямъ и находящееся на землѣ также не входитъ въ природу государства; его не образуетъ и та дѣятельность и результаты ея, которыя индивидуальны по происхожденію, по цѣли и по образу совершенія или существованія. Не суть-ли законы, учрежденія и постановленія государство? исчезаетъ ли государство съ ихъ исчезновеніемъ? появляется ли оно съ ихъ появленіемъ? государство не есть система законовъ и учрежденій: первое опредѣленіе государства. — X. Идеи не личныя по происхожденію, но цѣли и по формѣ, какъ первый элементъ государства; чувства, не личныя по происхожденію, но цѣли и по формѣ, какъ второй элементъ государства; стремленія, не личныя по происхожденію, но цѣли и по формѣ, какъ третій элементъ государства. Низведеніе поколѣній, единства дѣйствія, безличности отношеній и дѣятельности для блага чуждыхъ человѣческихъ массъ и отдаленныхъ поколѣній, какъ особенности государства. Второе опредѣленіе государства.—XI. Важ-

ность пониманія государства, какъ системы психическихъ состояній, относительныхъ и непріродныхъ, для пониманія явленій возникновенія, развитія и умиранія государствъ.—XII. Дѣятельность не личная по происхожденію, но формѣ и цѣли, какъ четвертый элементъ государства. Объ источникѣ государственной дѣятельности. О формѣ или процессѣ государственной дѣятельности; ея непрерывность во времени; ея повторяемость въ пространствѣ. — XIII. О цѣляхъ государственной дѣятельности; благо, какъ объединяющее начало этихъ цѣлей; третье опредѣленіе государства. — XIV. Неиндивидуальность блага, осуществляемаго государствомъ; неспособность государства къ непосредственнымъ творческимъ актамъ, создающимъ благо; приведеніе элементовъ Міра человѣческаго и физическаго въ причинное сцѣпленіе, результатомъ котораго являются творческіе акты, какъ сущность государственной дѣятельности —XV. Польза, какъ благо посредственно и не для себя производимое; область ея существованія, какъ сфера дѣятельности государства. Посредствующее, черезъ что производится государствомъ благо; понятіе о «государственномъ органѣ»; его опредѣленіе — XVI. О мѣрѣ достоинства и совершенства государственнаго развитія; о процессѣ государственнаго развитія: выдѣленіе органовъ и распаденіе органовъ.—XVII. Разложеніе идеи блага на термины, обозначающіе виды блага, какъ причина историческаго развитія государствъ; идея блага, полно и совершенно раскрывшаяся, какъ конечная цѣль, къ которой безсознательно направляется и сознательно можетъ быть направлено государственное развитіе. Органы конечной политической формы, соотвѣтствующіе видамъ блага: 1. Органъ, способствующій уменьшенію физическаго зла, лежащаго въ природѣ человѣка; его развѣтвленія: органъ, облегчающій слабость, и органъ, предупреждающій болѣзнь и борющійся противъ нея. О необходимости сохранить своеобразіе и непринужденность въ благотворительности. 2. Органъ, борющійся противъ зла бѣдности; распаденіе его на два подчиненные органа—способствующій увеличенію богатствъ и способствующій равномѣрному распредѣленію ихъ; необходимость, чтобы ни которая изъ этихъ задачъ не затемнялась другою; какимъ образомъ возможно это сдѣлать. 3. Органъ, охраняющій чистоту нравственной жизни; его отрицательная и положительная дѣятельность. 4. Органъ, воспитывающій умственныя силы народа. О воспитаніи въ дѣтскомъ возрастѣ. О воспитаніи высшемъ; почему воспитываемые не выносятъ изъ воспитанія убѣжденій и склонностей, которыя имъ стремятся внушить черезъ воспитаніе? почему не появляется болѣе великихъ умовъ и дарованій въ области научной и художественной, и великихъ характеровъ въ жизни политической? Прерванность всѣхъ психическихъ вліяній, изъ которыхъ слагается воспитаніе, какъ причина общаго пониженія психическаго уровня въ живущихъ поколѣніяхъ. Вліяніе государства на науку и литературу; оно должно быть направлено не на цѣли (что и о чемъ написано), но на средства (какъ написано). 5. Органъ, осуществляющій нравственное благо; его отрицательная и положительная дѣятельность. 6. Органъ, осуществляющій благо справедливости; необходимость расширить сферу его вліянія. 7. Органъ, осуществляющій благо въ области воли; объ укрѣпленіи и направленіи воли посредствомъ воспитанія и посредствомъ учрежденій. 8. Органъ для осуществленія блага красоты; его положительная и отрицательная дѣятельность. 9. Органъ, охраняющій религію и способствующій осуществленію ея стремленій. -XVIII. О необходимости общей теоріи государственныхъ органовъ, и ряда частныхъ ученій объ отдѣльныхъ органахъ. — XIX. *О цѣляхъ, какъ желаемомъ*; желаемое всегда совладаетъ съ естественною конечною формою, когда выражено въ общемъ видѣ; имѣя же частное выраженіе, оно можетъ расходиться съ нею.

I. Послѣ *Ученія о добрѣ и злѣ* познаніе Міра человѣческаго изъ области явно дѣйствительнаго переходитъ въ область скрыто дѣйствительнаго и мыслимаго возможнаго. Это ученіе о двухъ членахъ цѣлесообразности, здѣсь проявляющейся—о *цѣляхъ* и о *средствахъ*.

Цѣль можетъ быть разсматриваема трояко: 1) съ общей точки зрѣнія, какъ первый и господствующій членъ цѣлесообразнаго соединенія, 2) какъ конечная форма, къ которой направляется что-либо развивающееся, и 3) какъ желаемое, къ чему можно направить какое либо развитіе. Соотвѣтственно этимъ тремъ значеніямъ и самое ученіе о цѣляхъ въ Мірѣ человѣческомъ распадается на три вѣтви.

II. *Ученіе о цѣляхъ вообще*—это общая теорія, какъ основа и какъ введеніе къ ученію о цѣляхъ дѣйствительныхъ или возможныхъ. Здѣсь познается цѣль не только какъ фактъ въ Мірѣ человѣческомъ, но всѣмъ схемамъ разума, но такъ же и то, что можетъ и что должно служить цѣлью. Не вдаваясь въ обсужденіе понятія о цѣли, такъ какъ объ этомъ было уже достаточно сказано нами при обозрѣніи формъ *Ученія о цѣлесообразности*, мы ограничимся здѣсь только двумя замѣчаніями относительно могущаго и долженствующаго служить цѣлью.

Можетъ служить цѣлью только то одно, что какимъ либо образомъ связано или связуемо причиннымъ соединеніемъ съ чѣмъ либо или существующимъ, или осуществимымъ. Такимъ образомъ сфера цѣлесообразности ограничивается сферою причинности, и переступить за ея предѣлы не можетъ. Это потому, что, какъ это доказано было выше, цѣлесообразность всегда дѣйствуетъ черезъ причинность и непосредственнаго вліянія на міръ реальныхъ фактовъ и явленій не имѣетъ. Это значитъ, что не все, представляющееся уму, какъ послѣдняя форма какого либо развитія, и не все, задумываемое человѣкомъ, можетъ выполниться, но только то одно, что и какъ представленіе, и какъ желаніе опирается на реальную связь дѣйствительныхъ причинъ съ дѣйствительными слѣдств

ними. Все, не имѣющее подъ собою этой основы, есть или болѣзнь, или игра воображенія въ сферѣ представленій и фантазіи, въ сферѣ желаній.

Должно же быть цѣлью то одно, что есть благо или часть блага, и притомъ или конечное, или лежащее на пути къ конечному. Такимъ образомъ уже въ этой общей теоріи обрисовывается, что основной вопросъ, къ которому послѣдовательно сойдутся всѣ нити изслѣдованія двухъ разсматриваемыхъ формъ науки, есть вопросъ о соотношеніи между идеею блага, только мыслимою, и между причиннымъ сцѣпленіемъ въ Мірѣ человѣческомъ, которое дѣйствительно, или о борьбѣ между идеальнымъ началомъ, исходящимъ изъ человѣка, и между естественною связью вещей и явленій, которая лежитъ въ природѣ. Въ этой борьбѣ искусству, волѣ и пониманію перваго предстоитъ, не разрывая причинности, покорить ее себѣ, и такимъ образомъ ставъ истиннымъ средоточіемъ Міра человѣческаго и всесильнымъ распорядителемъ его судебъ, изъ игралища исторіи, чѣмъ онъ всегда былъ до сихъ поръ, сдѣлаться сознательнымъ и мудрымъ творцомъ ея. Не трудно видѣть, что эта цѣль есть свобода, въ высшемъ и въ послѣднемъ смыслѣ, въ какомъ только она можетъ быть понимаема.

III. *Цѣли, какъ послѣднія формы*, къ которымъ естественно направляется какое либо развитіе къ Мірѣ человѣческомъ, потенціально предустановлены въ природѣ развивающагося и не имѣютъ отношенія къ добру и злу; т. е. они не есть необходимо ни добро, ни зло, являясь безразлично тѣмъ или другимъ, и должны быть изучаемы внѣ своего значенія для человѣка. Однако, когда завершено ихъ ученіе, человѣку и естественно, и необходимо сравнить открытое съ добромъ и зломъ, потому что *онъ* именно есть тотъ, черезъ кого осуществится эти послѣднія формы и кому предстоитъ войти въ нихъ.

Эти конечныя и естественныя цѣли присущи всѣмъ формамъ жизни и должны быть опредѣлены для каждой изъ нихъ. О томъ, какъ опредѣляются онѣ, было уже

сказано нами ранѣе, при разсмотрѣніи формъ *Ученія о цѣлесообразности*. Тамъ указали мы, что путь къ этому есть послѣдовательное *разложеніе* природы стремя
7 щагося, выдѣленіе въ ней того, что принадлежитъ *строенію*, и открытіе *направленій* въ этомъ строеніи; и далѣе опредѣленіе направленія въ самомъ процессѣ развитія, и *направленія наростаній* въ строеніи развивающагося; наконецъ, указали мы тамъ, когда опредѣлены будутъ всѣ направленія въ пространствѣ и во времени, слѣдуетъ мысленно *продолжить* ихъ, пока они естественно не замкнутся. Полученная форма и будетъ та, къ которой стремится недоразвившаяся наблюдаемая форма.

Руководясь этими правилами, мы попытаемся опредѣлить послѣднія цѣли, къ которымъ естественно и необходимо направляются важнѣйшія сферы человѣческаго творчества и важнѣйшія формы, изъ которыхъ слагается жизнь.

IV. Конечная форма *науки* не могла бы быть опредѣлена изъ понятія о ней, какъ о «совокупности знаній» или какъ о «системѣ знаній». Знаній о чемъ? знаній какихъ? системы которой изъ безчисленно появлявшихся? — все это не опредѣлено и не опредѣлимо въ смутномъ и неограниченномъ понятіи «о совокупности» или «о системѣ знаній». Напротивъ, изъ истиннаго опредѣленія науки безъ труда выводится ея конечная форма. По своей природѣ наука есть пониманіе; по своему строенію пониманіе есть соединеніе идей о сторонахъ понимаемаго. Процессъ развитія науки состоитъ не въ прибавленіи къ этимъ идеямъ другихъ идей, но въ прибавленіи къ одному, обнимаемому идеями, другаго, что еще не обнято ими. Въ этомъ состоитъ *направленіе процесса;* что въ наукѣ наростаетъ во время его? Наростаетъ *общность обнимаемыми идеями*: отъ единичнаго наука переходитъ къ множеству тожественнаго съ этимъ единичнымъ *во всемъ* (видъ), и далѣе — къ тожественному съ нимъ *во многихъ частяхъ* (родъ), затѣмъ — *въ нѣкоторыхъ* (классъ) и, наконецъ, въ *одной* какой-либо части (бытіе; его части различаются между собою во всемъ, но сходны въ одномъ: въ томъ,

что всѣ онѣ одинаково есть, существуютъ). Такимъ образомъ конечная форма науки есть познаніе всего во всемъ, т. е. *система идей, соотвѣтствующая всѣмъ сторонамъ бытія, которыя есть, и обнимающая собою все, въ чемъ есть эти стороны*; это—*всепониманіе*, и первое, безъ сомнѣнія далекое отъ совершенства, очертаніе его мы пытаемся дать, раскрывая строеніе науки.

V. Конечная форма *искусства* можетъ быть опредѣлена черезъ мысленное продолженіе тѣхъ направленій, которыя замѣчаются въ каждомъ художественномъ произведеніи и въ двухъ или болѣе смѣнахъ художественнаго развитія въ исторіи. Всякое отдѣльное произведеніе искусства стремится выразить *совершеннѣйшую красоту* и *совершеннѣйшимъ образомъ*; а при смѣнѣ эпохъ художественнаго развитія замѣчается стремленіе выражать *иную* красоту (другой типъ ея), чѣмъ какая выразилась уже, и *осложниться другимъ*, нежели то, чѣмъ осложнялось ранѣе искусство. Такимъ образомъ *выраженіе всей (полнота) красоты, всякой (типы) и всѣмъ осложненной* есть послѣдняя цѣль, къ которой естественно стремится искусство.

VI. Конечная форма *права* опредѣляется черезъ изученіе двухъ направленій его: стремленія къ *совершенству* и стремленія къ *полнотѣ*. И въ самомъ дѣлѣ, каждое отдѣльное установленное право можетъ быть менѣе совершеннымъ и болѣе совершеннымъ, смотря по тому, ближе или далѣе оно отстоитъ отъ истиннаго права, скрытаго въ самой природѣ вещей и отношеній. И поэтому въ своемъ развитіи каждое такое отдѣльное право, не измѣняя своей принадлежности и своего объекта (того, чье право, и того, на что право), измѣняется само, приближаясь къ своему совершеннѣйшему выраженію. Система же установленныхъ правъ можетъ быть болѣе полною и менѣе полною, смотря по тому, исчерпываетъ или не исчерпываетъ она свои объекты (то, на что право) и субъекты (то, у кого право). Итакъ, если право можетъ быть *большее* и *меньшее*, *на большее* и *на меньшее* число предметовъ (или дѣйствій), *у большаго* или *у меньшаго* числа людей, и другихъ моду-

совъ измѣняемости не имѣетъ, то, слѣдовательно, и конечная форма его есть такая система правъ, въ которой *каждому всякое и на все предоставлено право, на что, какое и кто имѣетъ по своей природѣ.*

Здѣсь можетъ возникнуть вопросъ, что значитъ «право, соотвѣтствующее природѣ чего либо»? Это можно объяснить слѣдующимъ примѣромъ: если кто либо сдѣлалъ какую либо вещь, то ясно, что право, возникающее при этомъ, есть право собственности; что принадлежитъ оно тому, кто сдѣлалъ вещь; и что объектъ его есть сдѣланная вещь. Что же касается до большаго и до меньшаго совершенства права, то въ этомъ случаѣ оно выразится большею или меньшею безраздѣльностью владѣнія вещью, смотря по тому, на сколько сдѣлавшій ее есть единственный и исключительный творецъ ея. Такъ, если возможность сдѣлать (свободу, досугъ и безопасность) дало ему государство, а умѣнье сдѣлать дало общество, то и владѣнье вещью уже не можетъ быть безраздѣльнымъ. Въ этомъ то смыслѣ мы и сказали, что послѣдняя и естественная цѣль развивающагося права есть предоставленіе каждому не меньшаго и не большаго права, не на меньшее и не на большее, чѣмъ какое и на что онъ скрыто имѣетъ сообразно съ природою своею.

VII. Конечная форма, къ которой стремится *религія*, опредѣляется изъ слѣдующихъ трехъ ея направленій: направленія къ истинѣ, направленія къ оживленію религіознаго чувства и направленія къ полнотѣ господства. И въ самомъ дѣлѣ, кромѣ этихъ трехъ началъ ни къ чему другому не стремится религія, къ нимъ же стремится каждая религія, всюду и постоянно. Такъ религія (но не служители ея, которые бываютъ несовершенны) никогда не терпитъ въ себѣ лжи; вся основанная на вѣрѣ, она никогда не можетъ ни дѣйствовать, ни существовать съ тайнымъ сознаніемъ ложности того, во имя чего дѣйствуетъ и существуетъ; и все, что вносится въ нее заблужденіями людей, разъ будучи сознано, какъ ошибочное, всегда уничтожается ею въ себѣ. Далѣе, религія терпѣливѣе перено-

сить борьбу противъ себя, нежели равнодушіе къ себѣ, и это также не потому только, что равнодушіе здѣсь опаснѣе ненависти, но и еще потому, что, чувствуя свое міровое и спасающее значеніе, она еще можетъ понять, какъ люди не сразу уразумѣваютъ смыслъ ея, и потому ненавидятъ ее, но не можетъ понять, какъ и уразумѣвъ этотъ смыслъ они еще могутъ оставаться спокойными и свои маленькіе дѣла предпочитать ея великому дѣлу; не можетъ примириться съ этимъ, потому что здѣсь лежитъ невозможность самаго спасенія, сознаніе, что некого спасать и не для кого было приходить въ міръ. На этомъ же, на сознаніи своего міроваго и спасающаго значенія, основано и стремленіе религіи къ господству надъ всѣми людьми и надъ всѣми сторонами ихъ духа и жизни. По самой природѣ своей, религія не можетъ и не должна быть терпима, и та изъ нихъ, которая уже не борется болѣе, которая успокоилась, полна тайнаго атеизма, сознаннаго или безсознательнаго. Какъ тотъ, кто видитъ погибающаго человѣка и не спасетъ его, есть безсердечный человѣкъ, что бы ни говорилъ его языкъ; такъ религія, знающая, что есть хотя одинъ еще не спасенный ею человѣкъ, и остающаяся равнодушною къ этому, втайнѣ уже думаетъ, что иное, а не она спасаетъ человѣка, или что нѣтъ никакого въ дѣйствительности спасенія, о которомъ говоритъ она. И какъ бы могущественна повидимому ни была такая религія, «сѣкира уже лежитъ при корнѣ ея»; потому что атеизмъ не есть религія, но только атеизмъ. Итакъ, религія *истинная, всемірная* и *живая* есть та конечная форма, къ которой естественно и необходимо стремится религіозное сознаніе всего человѣчества, и на которой оно успокоится.

VIII. На конечной формѣ *государства* мы остановимся нѣсколько подробнѣе, нежели на предшествующихъ, частью потому, что объ немъ прежде мы говорили менѣе, нежели о другихъ проявленіяхъ человѣческаго духа, частью же потому, что нигдѣ не можетъ быть выяснена такъ природа государства, какъ именно здѣсь; потому что все по-

тенціально скрытое, что мы предугадываемъ въ неразвитыхъ его формахъ — а онѣ одни извѣстны намъ въ исторіи и въ жизни — въ конечной формѣ становится реальнымъ и видимымъ. Къ тому же это послужитъ и объясняющимъ примѣромъ, какъ слѣдуетъ вообще опредѣлять конечныя формы.

Не слѣдуетъ думать, что эта конечная форма неопредѣлима, что сознаніе чуждо историческому росту политическихъ организмовъ, и что этотъ ростъ не можетъ быть подчиненъ идеѣ. Будущія формы всего, что правильно развивается, могутъ быть опредѣлены никакъ не съ меньшею точностью, чѣмъ съ какою опредѣляются прошедшія формы; безсознательное внутри себя можетъ быть сознано тѣмъ, что внѣ его: и, наконецъ, если даже мертвая природа подчиняется разумной волѣ человѣка, то какъ не признать способности къ этому въ живомъ человѣческомъ мірѣ и его формахъ? Нѣтъ сомнѣнія, что и возникаетъ государство и долго существуетъ потомъ безсознательно, но такъ-же несомнѣнно, что безсознательно возникшее можетъ потомъ и быть объяснено, и проникнуто сознаніемъ; и подобно тому какъ языкъ народа, стольже безсознательно возникнувшій, изучается и черезъ изученіе совершенствуется, такъ и государства, сложившіяся въ исторіи, давая начало пониманію затѣмъ покоряются ему. Какъ и грамматика, какъ и всѣ ученія о Мірѣ человѣческомъ, политика имѣетъ своею задачею объяснять и руководить.

Если мы всмотримся въ государства — всѣ, какія есть или какія возможны — и мысленно станемъ отвлекать въ нихъ одно отъ другого, расчленяя такимъ образомъ ихъ на части, то видя, съ измѣненіемъ и исчезновеніемъ того измѣняется и исчезаетъ само оно, можемъ узнать, что именно составляетъ сущность государства и открыть [illegible]ное его опредѣленіе.

IX. Такъ, это мысленное отвлеченіе безъ труда убѣдитъ насъ, что *ни народъ, ни страна не составляютъ государства*; и хотя оно не можетъ быть безъ нихъ — каждое государство принадлежитъ народу и находится въ той или

другой странѣ — однако оно не есть они, подобно тому какъ сила тяготѣнія не есть вещество, хотя есть только въ веществѣ. Страна, народъ, человѣчество — это сфера, въ которой проявляется государство, вещество, внѣ котораго оно не можетъ быть наблюдаемо, но которое не должно быть смѣшиваемо съ нимъ, какъ матерія не должна быть смѣшиваваема съ силою, если мы хотимъ понять ихъ. Съ уменьшеніемъ народонаселенія или съ потерею части земель, государство *ничего* не утрачиваетъ; и какъ громадныя пространства, населенныя массами народа, могутъ быть совершенно лишены государства, такъ самыя незначительныя частицы земли и самые маленькіе народы могутъ обладать совершеннѣйшимъ государствомъ. Россія, какъ политическій организмъ, не измѣнилась съ присоединеніемъ Сибири или Среднеазіатскихъ владѣній, но только удвоилась; Пруссія съ потерею половины своихъ земель при Наполеонѣ осталась неизмѣнною, какъ государство.

Не составляетъ также государства и то все, *что принадлежитъ людямъ и что находится на землѣ*, на которой живутъ они. Это обладаемое есть богатство народное, и государство такъ же ничего не утрачиваетъ въ себѣ съ уменьшеніемъ этого богатства, какъ ничего не пріобрѣтаетъ съ его увеличеніемъ. Какъ и народъ, какъ и страна, имущество находится въ формахъ государства, но не составляетъ собою этихъ формъ. При его minimum'ѣ государство можетъ быть столь же совершенно, какъ и при его maximum'ѣ.

Если далѣе отыскивая, въ чемъ заключена сущность государства, мы коснемся самой дѣятельности человѣка и того, что создается ею, то и здѣсь замѣтимъ, что та дѣятельность, которая направлена *для себя* и исходитъ изъ желанія, *въ себѣ* зародившагося, не имѣетъ отношенія къ государству; равно какъ не имѣетъ къ нему отношенія и все то изъ создаваемаго, что *по своей мысли* и *для себя* создается человѣкомъ. Государство ничего не утрачиваетъ и не пріобрѣтаетъ въ своихъ формахъ, когда ученый издаетъ новыя изслѣдованія, или когда въ поэтѣ

ослабѣваетъ творческій духъ. Книги, картины, музыка, новыя идеи, чувства и желанія, пробуждающіяся и замирающія въ исторіи — все это вліяетъ на государство, но не есть государство, подобно тому какъ воды рѣки, своимъ напоромъ измѣняющія ея русло, тѣмъ не менѣе не составляютъ этого русла, и его обусловливая еще болѣе обусловливаются имъ. Все *индивидуальное, личное по происхожденію, по цѣли и по образу совершенія или существованія не имѣетъ отношенія къ государству, не составляетъ никакой части его.*

Мы подходимъ теперь къ тѣснѣйшей оболочкѣ государства, къ той, которая не такъ какъ предъидущее свободно облегаетъ его, но уже непосредственно прилегаетъ къ его сущности и потому всегда почти смѣшивается съ нею. Это — *законы, учрежденія* и *постановленія*. Совокупность ихъ называютъ государствомъ въ тѣсномъ смыслѣ, а совокупность людей и земель, соединенныхъ этими законами, учрежденіями и установленіями, называютъ государствомъ въ широкомъ смыслѣ. Разслѣдуемъ, такъ ли это.

Принятый нами методъ раздѣленія и затѣмъ отвлеченія раздѣленнаго дастъ и здѣсь непреложное и точное знаніе, не смѣшивающее то, что различно. Пусть совокупность законовъ и учрежденій, черезъ которыя приводятся они въ исполненіе, моментально исчезнетъ въ какомъ нибудь государствѣ — съ ними исчезнетъ ли оно само? Напр. если бы въ древней Спартѣ или теперь въ Россіи какой нибудь страшный пожаръ или какое нибудь наводненіе обратили въ пепелъ всѣ законы и въ груду развалинъ — суды, сенатъ и прочія учрежденія, еслибъ въ великомъ бѣдствіи погибло всѣ и остались одни люди и земля подъ ними, о которыхъ уже сказано было, что сами по себѣ они не составляютъ государства, исчезло ли бы послѣднее? То, что осталось, уподобилось ли бы тѣмъ дикимъ странамъ и народамъ, которыхъ не коснулась государственная жизнь? Нѣтъ, государство пребыло бы неизмѣнно, и все, что совершалось въ немъ ранѣе, совершалось бы и теперь, съ прибавленіемъ только новой дѣятельности.

направленной къ возстановленію только что погибшаго. Послѣ великаго бѣдствія подданные еще съ большею, чѣмъ прежде, любовью повиновались бы своему государю, подчиненные еще дѣятельнѣе спѣшили бы исполнять порученія своихъ начальниковъ, словомъ всѣ прежнія отношенія и цѣли остались бы тѣже. Итакъ ясно, что законы и учрежденія суть то, безъ чего неудобно обойтись государству, но что не есть самое государство.

Возьмемъ еще обратный примѣръ. Пусть въ страну, вновь открытую европейцами и населенную какимъ либо первобытнымъ племенемъ, пріѣхало нѣсколько европейцевъ, хорошихъ воиновъ и хорошихъ юристовъ, и покоривъ ее ввели въ ней учрежденія и законы своей страны, во всей ихъ полнотѣ и подробностяхъ, безъ всякаго измѣненія. Эта новая страна стала ли бы тотчасъ, какъ только покорители объявили вводимые законы и учрежденія, государствомъ во всемъ подобнымъ тому европейскому государству, съ которымъ у нея подобные законы и подобныя учрежденія? Ясно, что нѣтъ. Это былъ бы зародышъ государства, и то, что въ немъ было бы собственно государствомъ — это не введенные законы и учрежденія, но тѣ новыя отношенія, первобытныя и наивныя, которыя возникли изъ факта покоренія, и изъ необходимости и неумѣнья выполнять что-то, чего требуютъ покорители и чего не понимаютъ покоренные. Такое возникающее государство очень походило бы на Англію временъ покоренія ея Норманами, съ которою у нея однако не было бы ни одного схожаго учрежденія и закона, и совершенно не походило бы напр. на современную французскую республику (еслибъ воображаемые завоеватели были французы), съ которою у нея были бы одинъ и тѣ же учрежденія и законы. Такимъ образомъ и здѣсь передъ нами обнаруживается, что государство есть не то же, что система установленнаго въ народѣ и странѣ верховною властью, но только нѣчто установившееся въ нихъ.

Теперь мы подошли совершенно къ государству. Въ первомъ примѣрѣ мы взяли людей и страну, въ которыхъ

сохраняется государство, когда все погибло. Но ранѣе доказано было, что ни страна, ни люди не составляютъ государства. Что же осталось еще? То, что есть въ людяхъ, т. е. ихъ духъ и дѣятельность ихъ. Но и изъ послѣдняго мы выдѣлили ранѣе, какъ не относящееся къ государству, все, что по образу, цѣли и происхожденію индивидуально. Итакъ оставшееся, т. е. *идеи, чувства и стремленія, и основанная на нихъ дѣятельность, которыя не индивидуальны по происхожденію, по цѣли и по формѣ, и есть государство.*

X. Анализируемъ это оставшееся и разсмотримъ, изъ чего оно, и какою образующею частью входитъ въ государство каждая составная часть его. Тотъ же методъ, который былъ уже употребленъ нами, обнаружитъ здѣсь, что то, на чемъ мы остановились теперь, есть дѣйствительно государство, какъ ранѣе онъ обнаружилъ, что все выдѣленное не составляетъ его.

Сюда относятся прежде всего *идеи, не личныя по происхожденію, по цѣли и по формѣ.* Это — представленія и понятія, которыя одни у всѣхъ людей, входящихъ въ государство, которыя имѣютъ предметомъ совокупность этихъ людей или обширныя группы ихъ, которыя извнѣ входятъ въ каждаго, совокупностью людей даются отдѣльной личности. Такъ, въ нашемъ государствѣ — это общія всѣмъ русскимъ людямъ, не зародившіяся ни въ комъ изъ нихъ отдѣльно, представленія о русской землѣ, о русскомъ народѣ, понятія о государѣ, о подданныхъ, о законѣ, о необходимости повиновенія, о безпорядкѣ и безобразіи, которыя могли бы возникнуть безъ единства власти и безъ полноты повиновенія. Словомъ, это совокупность чрезвычайно элементарныхъ и чрезвычайно общихъ представленій о существующемъ, о должномъ и о полезномъ, которыми безсознательно живетъ каждый политическій народъ и въ немъ каждый отдѣльный человѣкъ, которыя вырабатываются въ трудномъ процессѣ исторіи и только вѣками измѣняются въ немъ. И далѣе, сюда же принадлежитъ болѣе тѣсный кругъ понятій и представленій, по

такъ же общихъ по происхожденію, цѣли и объекту, которыми живутъ отдѣльныя несходныя между собою группы людей. Таковы представленія и понятія управляющихъ о себѣ и объ управляемыхъ, и среди нихъ — каждаго отдѣльнаго разряда, напр. всѣхъ судей, о себѣ и о другихъ подобныхъ группахъ людей.

Теперь представимъ себѣ, что въ какомъ либо государствѣ разомъ исчезли бы всѣ эти общія понятія и представленія — осталось ли бы самое государство? Вообразимъ, что однажды засыпая люди забыли бы, что̀ такое государь и подданный, что̀ такое законъ и повиновеніе, что̀ такое начальникъ и подчиненный, и проснувшись имѣли бы только тѣ понятія и представленія, которыя каждый въ себѣ и про себя создалъ — понятія о своемъ домѣ и хозяйствѣ, о своихъ родныхъ и сосѣдяхъ, о своемъ прошломъ и предстоящемъ будущемъ, даже знанія научныя и навыки художественные и ремесленные, словомъ все индивидуальное по происхожденію, цѣли и формѣ — въ то утро, когда такъ измѣненные проснулись бы всѣ, сохранялось ли бы по прежнему государство? Ясно, что нѣтъ. Все, что мы называемъ государственною дѣятельностью и государственными отношеніями разомъ изчезло бы. Проснулось бы нѣсколько милліоновъ единичныхъ людей, такъ же мало составляющихъ изъ себя государство, какъ мало составляютъ его изолированные другъ отъ друга жители Австраліи или индусскіе отшельники.

Этимъ объясняется и то, почему въ покоренной и первобытной странѣ, въ которую вводятся сложныя политическія учрежденія и законы, возникаетъ государство, соотвѣтствующее не этимъ законамъ и учрежденіямъ, но другое, зачаточное и первобытное, соотвѣтствующее только факту покоренія и изъ него одного вытекающее. Въ людяхъ покоренной страны нѣтъ понятій и представленій, отвѣчающихъ сложнымъ учрежденіямъ и законамъ, и поэтому именно нѣтъ и сложнаго, развитаго государства. Есть же государство первобытное и простое, потому что есть только три, всѣмъ общія, представленія: о совершившемся по-

корепіи; о томъ, что покорившіе желаютъ чего то другаго, нежели то, что прежде было въ странѣ; и о необходимости исполнить ихъ желаніе, покориться ихъ волѣ.

Отсюда же объясняется и историческій фактъ неудачи всѣхъ нововведеній, насильственно вносимыхъ реформаторами въ государственную жизнь народовъ, и медленный, строго послѣдовательный ходъ вообще всякаго историческаго развитія. Никакой человѣкъ, какъ бы могущественъ онъ ни былъ, не можетъ вынуть изъ сознанія людей установившіяся понятія и представленія, и вложить въ замѣнъ ихъ другія, имъ самимъ придуманныя; никогда не совершитъ онъ волшебства, подобно тому, которое, какъ примѣръ, мы вообразили нѣсколько выше: именно, чтобы люди заснувши забыли всѣ прежнія общія понятія или чтобы они проснулись съ новыми, какія въ нихъ хотѣлъ бы видѣть реформаторъ. А не будучи въ состояніи сдѣлать это, никакой человѣкъ не въ состояніи сдѣлать и дѣйствительный, не кажущійся только, переворотъ въ государствѣ, но только нѣкоторое и незначительное измѣненіе въ немъ.

Будемъ продолжать дальнѣйшій анализъ охваченнаго первымъ опредѣленіемъ государства.

То оставшееся, на что мы указали, какъ на государство, кромѣ идей состоитъ еще изъ *чувствъ, не личныхъ по происхожденію, но цѣли и по формѣ.* Это чувства, общія всѣмъ людямъ, живущимъ въ государствѣ, одинаковыя во всѣхъ ихъ, воспринимаемыя отдѣльными личностями отъ цѣлой массы, объектомъ которыхъ служитъ не тотъ, въ комъ чувство, но группы другихъ людей, съ нимъ не связанныхъ никакою естественною связью, ни родствомъ, ни сосѣдствомъ. Таковы чувства преданности своему народу и своей странѣ, чувство уваженія къ верховной власти, чувство личной слабости и коллективной силы, чувство тревоги сильнѣйшихъ по власти за слабѣйшихъ, чувство отвѣтственности каждаго передъ всѣми, чувство близости, какъ бы родства между собою всѣхъ единоплеменниковъ и многія другія. Безъ этихъ

общихъ и одинаковыхъ чувствъ государство такъ же не могло бы существовать, какъ и безъ общихъ одинаковыхъ представленій. Такъ если бы въ какой нибудь странѣ государь вдругъ потерялъ всякое чувство нравственной отвѣтственности передъ своими подданными, передъ памятью своихъ предковъ и передъ будущимъ, если бы у подданныхъ исчезло чувство отвѣтственности передъ законами, еслибъ никто болѣе не чувствовалъ себя лично слабымъ, никто не чувствовалъ привязанности къ другимъ, словомъ еслибъ въ душѣ всѣхъ остались только индивидуальныя чувства, — государство моментально исчезло бы, и осталось бы одно только представленіе о немъ, какъ воспоминаніе о чемъ-то бывшемъ, чего уже нѣтъ болѣе. Подъ вліяніемъ индивидуальныхъ чувствъ, каждый занялся бы своими личными дѣлами, — государь перестанъ бы управлять, судья не сталъ бы болѣе судить, полководецъ повелѣвать и солдаты повиноваться. Какъ и въ случаѣ исчезновенія общихъ представленій, государство исчезло бы и на мѣстѣ его осталась бы страна, въ которой живутъ нѣсколько милліоновъ ничѣмъ не связанныхъ между собою людей.

Въ третьихъ, сюда относятся *стремленія, не личныя по происхожденію, по цѣли и по формѣ*. Это стремленія, источникъ которыхъ не воля стремящагося, но иная, внѣ его лежащая воля: отсюда повиновеніе, какъ постоянный и необходимый элементъ государства; далѣе, это стремленія одинаковыя для всѣхъ людей въ однихъ случаяхъ, и для многихъ — въ другихъ случаяхъ: отсюда единство дѣйствія; наконецъ, это стремленія не для себя или близкихъ себѣ, но для всѣхъ людей, живущихъ въ государствѣ, или для многихъ одинаковыхъ по положенію въ немъ: отсюда безличность всѣхъ государственныхъ отношеній, и благо далекихъ, чужихъ людей или отдаленныхъ, будущихъ поколѣній, какъ цѣль его дѣятельности. Такъ судья, исполняя свою должность, слѣдуетъ не своей волѣ, но чуждой и внѣшней для него волѣ закона, т. е. того или тѣхъ, кто въ этомъ законѣ для всѣхъ судящихъ выра-

зилъ свою волю. Становясь судьею, онъ перестаетъ быть личностью, индивидуумомъ, но только единичнымъ воплощеніемъ общаго государственнаго органа, во всемъ схожимъ съ другими воплощеніями того же органа; таковъ онъ и для судимыхъ, и для тѣхъ, по волѣ кого судитъ; и самые судимые для него перестаютъ быть людьми съ опредѣленными характерами, наклонностями, личными чертами, и становятся отвлеченными единицами съ однимъ общимъ опредѣленнымъ свойствомъ — виновностью.

Теперь мы можемъ дать второе опредѣленіе государства, то же, которое дано было ранѣе, но измѣненное сообразно съ выяснившимся значеніемъ терминовъ, вошедшихъ въ то первое опредѣленіе: *государство есть система психическихъ состояній, соотносительныхъ и не природныхъ.* Соотносительность этихъ состояній есть причина того, что тѣ, въ комъ они, являются не чуждыми другъ другу, но связанными, соединенными: все соотносящееся разлагается на два члена, изъ которыхъ каждый необходимо предполагаетъ другой соотвѣтствующій себѣ. Такъ въ государствѣ — управляющіе и управляемые, судящіе и судимые, оберегающіе и оберегаемые. Соотносительность же проводитъ и первое различающее дѣленіе въ массу людей, всегда однородную до появленія государственности и всегда утрачивающую эту однородность съ появленіемъ ея. Это первое дѣленіе, съ котораго начинается существованіе государства, есть дѣленіе на управляющихъ и управляемыхъ. Остальныя дѣленія въ государствѣ, весьма сложныя, производятся уже не соотносительностью, но другою причиною, именно цѣлесообразностью. Но двойственность въ каждое изъ подраздѣляющагося вводитъ снова соотносительность. Такъ, напримѣръ, не она есть причина того, что появляется судъ въ государствѣ, какъ одинъ изъ органовъ его; но она есть причина того, что съ появленіемъ этого органа всѣ обнимаемые имъ люди и относящіеся къ нему распадаются на судящихъ и на судимыхъ, и сообразно съ этимъ распаденіемъ въ государствѣ возникаетъ и двойной рядъ обязанностей и правъ, — тѣхъ,

которые принадлежатъ судьямъ, и тѣхъ, которые принадлежатъ подсудимымъ.

XI. Выведенное нами опредѣленіе проливаетъ чрезвычайно много свѣта на происхожденіе, развитіе и умираніе государствъ. Отвергая, какъ ложное, ученіе объ естественномъ развитіи государства изъ семьи, оно указываетъ, что образованіе перваго не можетъ произойти иначе, какъ только тогда, когда какая нибудь внѣшняя причина выведетъ однородную массу людей изъ первобытнаго природнаго состоянія и вызоветъ въ немъ соотносительность психическихъ представленій, чувствъ и стремленій. Таковъ актъ защиты, или напротивъ покоренія, таковъ же актъ переселенія, такъ часто необходимый у кочевыхъ народовъ и могущій самъ по себѣ вызвать образованіе государства. Оно указываетъ далѣе, что ни при какихъ условіяхъ возникающее государство не можетъ быть сложно, ни его развитіе не можетъ совершаться быстро и неравномѣрно, такъ какъ что бы ни совершалось въ дѣлахъ человѣческихъ, въ душахъ человѣческихъ психическія состоянія не могутъ ни возникать многія и разомъ, ни видоизмѣняться быстро и безпорядочно, а они-то именно, эти состоянія, и суть государство. И какъ всякое такое психическое состояніе тѣмъ прочнѣе становится, чѣмъ продолжительнѣе оно пребываетъ, то и государство всякое, или въ немъ всякая часть, при равенствѣ прочихъ условій тѣмъ прочнѣе, чѣмъ медленнѣе происходитъ въ немъ развитіе; и напротивъ всякое быстрое и крупное измѣненіе, часто необходимое, единственно спасающее, всетаки расшатываетъ и ослабляетъ государственный организмъ; такъ что наиболѣе мудрая политика всегда состоитъ въ томъ, чтобы никогда не задерживать теченіе политической жизни, не столько потому, что это прямо вредно, сколько потому, что послѣдующая неизбѣжная быстрота развитія неизмѣнно вредна. Затѣмъ то же опредѣленіе объясняетъ, почему возникающія государства такъ легко разрушаются сильнѣйшими и такъ безслѣдно исчезаютъ, что мы наблюдаемъ напримѣръ въ эпоху Великаго пере-

селенія народовъ. Разрушить два-три психическія соотношенія не составляетъ большой трудности, и когда они недавни и не укрѣпились еще, они быстро и безслѣдно изглаживаются, какъ бы ни многочисленъ и повидимому ни силенъ былъ народъ, въ которомъ они. Напротивъ старинное и сложное государство разрушить не только очень трудно, но и совершенно невозможно разомъ, какъ бы мало по объему и численности народонаселенія оно ни было; потому что здѣсь предстоитъ разрушить цѣлый міръ психическихъ соотношеній, изъ которыхъ каждое старо и прочно. Поэтому въ тѣхъ случаяхъ, когда такія маленькія и развитыя государства насильственно погибаютъ, они прекращаютъ свое существованіе только номинально, въ дѣйствительности же долгое время еще продолжаютъ жить. Показателемъ этой тайной жизни является та упорная борьба, которую покорившій народъ долго еще ведетъ противъ неразрушенныхъ психическихъ соотношеній въ покоренномъ народѣ, и то быстрое и моментальное образованіе сложнаго государства, къ которому способенъ подчиненный народъ, едва на время, въ какомъ нибудь возстаніи, передъ нимъ промелькнетъ независимость и прекратится внѣшнее давленіе. Это быстрое образованіе наружныхъ формъ государства возможно потому, что еще существуютъ его скрытыя формы, которыя однѣ существенны и необходимы для государственной исторической жизни. Поэтому всякій политическій организмъ только тогда можно считать совершенно разрушеннымъ, когда люди, нѣкогда составлявшіе его, уже не способны болѣе къ образованію изъ себя прежняго государства, хотя бы имъ и была предоставлена полная независимость. Такъ въ III или въ IV в. послѣ Р. Х. Аѳины уже окончательно перестали жить. Наконецъ, это опредѣленіе объясняетъ и процессъ естественнаго умиранія государствъ. Этотъ процессъ состоитъ въ послѣдовательномъ и медленномъ разложеніи всѣхъ ранѣе сложившихся психическихъ соотношеній, и какъ въ видимомъ результатѣ этого — въ распаденіи нѣкогда соотносившагося на изолированное, т. е

не связанное, не соединенное болѣе. Строго говоря, такое умираніе отдѣльныхъ психическихъ соотношеній постоянно совершается въ государствѣ и въ пору его развитія, и въ пору его высшаго процвѣтанія и могущества; оно сопутствуетъ всякому измѣненію въ политической формѣ. Но только въ обыкновенное время рядомъ съ умираніемъ однихъ психическихъ соотношеній идетъ зарожденіе другихъ новыхъ, и пока возникающія соотношенія многочисленнѣе умирающихъ, — политическій организмъ растетъ и крѣпнетъ, и только когда умиранія начинаютъ преобладать надъ новообразованіями,— онъ неудержимо начинаетъ клониться къ упадку. Прослѣдить, какъ именно и отчего происходитъ распаденіе отдѣльныхъ соотносительныхъ представленій, чувствъ и стремленій — это и необходимая, и полная глубокаго интереса задача науки. Мы ограничимся здѣсь указаніемъ только на два явленія ослабѣванія психическихъ соотношеній, необходимо связанныя съ ихъ усложненіемъ. Первое изъ нихъ состоитъ въ слѣдующемъ: когда психическія соотношенія возрастаютъ въ числѣ и въ разнообразіи, тогда каждое изъ нихъ ослабѣваетъ въ напряженности, потому что сила душевная, нѣкогда на одномъ или на немногомъ сосредоточенная, теперь сосредоточивается на многомъ и разнообразномъ, какъ бы распредѣляется между ними и ослабѣваетъ въ каждой точкѣ своего распредѣленія. Такъ у человѣка, который долженъ былъ бы одновременно испытывать только одно чувство, положимъ справедливости и несправедливости, и имѣть одно представленіе — о необходимости воздаянія за добро добромъ и за зло зломъ, и это чувство и это представленіе были бы болѣе живы, нежели въ томъ случаѣ, когда рядомъ съ ними у него возникло бы другое представленіе и другое чувство, положимъ представленіе объ опасности и чувство тревоги. Поэтому въ сложномъ государствѣ чувство патріотизма, напримѣръ, всегда и необходимо слабѣе, нежели въ простомъ государствѣ. Въ первомъ оно существуетъ, какъ одно въ цѣломъ мірѣ иныхъ чувствъ и представленій; во второмъ оно суще-

ствуетъ на ряду съ немногими другими чувствами, а иногда и одно лаже. Второе явленіе состоитъ въ слѣдующемъ: когда государство усложнясь распадается на органы (государь, армія, судьи и пр.), то каждый такой органъ получаетъ своеобразное строеніе и свою особую цѣль. Люди, которые живутъ и дѣйствуютъ въ предѣлахъ этого органа, или съ нимъ соотносятся, имѣютъ чрезвычайно мало и необходимости, и возможности сохранить живость чувствъ и представленій, соотвѣтствующихъ другимъ органамъ государства, и поэтому утрачиваютъ ихъ. Тогда происходитъ замираніе общегосударственныхъ психическихъ соотношеній, и остаются только спеціальныя, соотвѣтствующія одному какому либо органу государства. Такъ въ Римѣ въ эпоху паденія воины переставали чувствовать себя гражданами, но только воинами, ихъ вожди сильнѣе чувствовали въ себѣ полководцевъ, нежели римлянъ, и т. д. Такимъ образомъ общегосударственная жизнь и связь ослабѣваетъ по мѣрѣ возрастанія числа органовъ въ государствѣ и оживленія жизни и связи въ нихъ; и даже когда первое умираетъ, вторые еще продолжаютъ нѣкоторое время существовать, если этому не препятствуетъ никакая внѣшняя причина. Такъ нѣкоторыя изъ римскихъ учрежденій, напримѣръ муниципіи, продолжали долго жить послѣ того, какъ умерло римское государство.

XII. Теперь, разобравъ психическія соотношенія, какъ основной элементъ государства, мы должны перейти къ *дѣятельности*, какъ второму элементу его, который, указавъ въ первоначальномъ опредѣленіи, мы обошли потомъ молчаніемъ. Эта дѣятельность всецѣло основана на соотносительныхъ представленіяхъ, чувствахъ и стремленіяхъ, и есть только внѣшнее и реальное выраженіе ихъ. Такъ судья не судилъ бы и судимый не подчинялся бы его приговору, еслибъ у того и другаго не было нѣкотораго ряда соотвѣтствующихъ дѣйствіямъ представленій, чувствъ и желаній; то же самое справедливо и относительно всѣхъ другихъ проявленій государственной дѣятельности.

Не всякая дѣятельность входитъ составною частью въ государство, но только та, которая *не индивидуальна по происхожденію, по формѣ и по цѣли.*

И въ самомъ дѣлѣ, не трудно замѣтить, что всякая дѣятельность, *источникъ* который лежитъ въ личной мысли и въ личномъ чувствѣ, хотя и совершается въ государствѣ, однако не составляетъ никакой части его; напротивъ всякая не личная по происхожденію дѣятельность непремѣнно будетъ государственною. Второе можетъ быть доказано простымъ перечисленіемъ родовъ человѣческой дѣятельности, а также и тѣмъ соображеніемъ, что ничто, кромѣ государства, не можетъ побудить человѣка совершить что-либо такое, о чемъ у него и представленія не было ранѣе, къ чему онъ не чувствуетъ никакого особаго влеченія, на что у него нѣтъ личнаго желанія. Не составляютъ исключенія изъ этого и тѣ случаи, когда человѣкъ, принадлежа къ какому нибудь обществу, положимъ торговому, выполняетъ не имъ самимъ задуманные планы. Потому что планы эти все-таки задумываются въ единичной мысли того, кто руководитъ обществомъ, и притомъ для одного *этого* общества обязательны эти планы. Но нѣтъ мысли, которая двигала бы и направляла всѣ общества, какія есть, и еслибъ возникла она — мы живо чувствуемъ это — она стала бы государственною, а сами общества превратились бы въ государственные органы. Такимъ образомъ каждое общество, взятое въ цѣломъ и разсматриваемое въ связи съ другими подобными же обществами, строго индивидуально. Если же внутри общества есть масса лицъ, которыя повинуются не своей волѣ и дѣйствуютъ не по своей мысли, то именно настолько, насколько оно имѣетъ не индивидуальный характеръ, всякое общество имѣетъ сходство съ государствомъ, есть въ дѣйствительности маленькое, неразвитое и специализированное государство. Что это такъ, это можно видѣть изъ того, что въ исторіи не мало государствъ возникло изъ торговыхъ обществъ черезъ простое уничтоженіе въ послѣднихъ исключительной специализаціи (Карѳагенъ, Ость-Индія). Вто-

рое же, т. е. что никакая индивидуальная по происхожденію дѣятельность не можетъ быть государственною, доказывается тѣмъ, что всякая такая дѣятельность прерывчата по существованію, своеобразна по формѣ и единична по мѣсту совершенія, дѣятельность же государственная по самой природѣ своей непрерывна, единообразна и повторяется на всемъ пространствѣ государства. Отсюда такъ же не исключаются тѣ случаи, когда личная дѣятельность по содержанію совпадаетъ съ государственною. Такъ актъ благотворительности какого либо частнаго человѣка, наприм. построеніе больницы, можетъ вполнѣ совпасть съ актомъ государственнаго органа, имѣющаго своею задачею благотворительность; но тѣмъ не менѣе такой актъ не будетъ составлять никакой части государственной дѣятельности, именно потому, что онъ индивидуаленъ по происхожденію, что онъ личностью задуманъ и ею выполненъ.

Такъ же точно дѣятельность государства не индивидуальна по *формѣ*. Ея процессъ не придумывается (передъ совершеніемъ) и, разъ существуя, не измѣняется, но только выполняется дѣйствующими. Отсюда происходитъ единообразіе всѣхъ государственныхъ отправленій и ихъ повторяемость въ пространствѣ и во времени. Такъ въ каждомъ государствѣ судъ надъ преступленіями повсюду совершается такъ же, въ слѣдующіе моменты тотъ же, что и въ предыдущіе, черезъ тѣ же стадіи проходитъ и, наконецъ, въ то же время повторяется съ сохраненіемъ всѣхъ своихъ формъ.

XIII. Переходя затѣмъ къ неиндивидуальности въ третьемъ элементѣ государственной дѣятельности — въ *цѣляхъ*, мы вступаемъ въ главную область настоящаго изслѣдованія. Если психическія соотношенія образуютъ основу, какъ бы остовъ государства, то цѣли составляютъ душу въ немъ. Ими живетъ и движется государство: онѣ суть то, ради чего существуютъ психическія соотношенія.

Можетъ ли быть найдено какое либо одно общее выраженіе для этихъ цѣлей, обнимающее какъ тѣ изъ нихъ,

которыя дѣйствительны, такъ и тѣ, которыя могли бы стать когда-либо желаемыми? Несомнѣнно можетъ: если относительно многаго мы не затруднились бы утверждать, что оно никогда не составляло и не составитъ цѣли государственной дѣятельности, то слѣдовательно и относительно того, что составляетъ и можетъ составить эту цѣль, мы въ состояніи найти нѣкоторое общее опредѣленіе.

Итакъ, исходя изъ того положенія, что цѣлью государственной дѣятельности, реальной или мыслимой, никогда не можетъ стать ни зло само по себѣ, напр. государство не можетъ поставить своею цѣлью ни обѣдненіе себя (или себѣ ненужное), ни произведеніе болѣзней, ни развращеніе людей, ни вообще что-либо, соединенное со страданіемъ; и далѣе, такъ какъ объектомъ, къ которому направляется его дѣятельность, не можетъ быть также и что-либо совершенно разнородное со зломъ, что не имѣетъ къ нему никакого отношенія, напр. оно не можетъ стремиться ни къ измѣненію цвѣта и силы блеска въ перемѣнныхъ звѣздахъ, ни къ тому, чтобы свойства однихъ минераловъ перемѣстились въ другіе минералы, — то ясно, что единственное, что составляетъ или можетъ составить когда-либо цѣль его дѣятельности, есть *благо*, какъ отрицаніе зла, какъ его противоположное: оно одновременно есть и соотносящееся со зломъ, и не часть какая-либо его, равно какъ и не что-либо съ нимъ сходное. И дѣйствительно, ни въ исторіи не существовало когда-либо, ни въ воображеніи человѣка не создавалось и — мы живо чувствуемъ это — не создается такое государство, которое осуществляло бы собою или что-нибудь противоположное добру, или нѣчто не имѣющее къ нему никакого отношенія. Итакъ, подобно тому, какъ истина есть цѣль науки, или красота — цѣль искусства, единственная и конечная цѣль государства, какъ своеобразной и самостоятельной формы жизни, исходящей изъ духа, есть благо осуществленное; полнымъ же и правильнымъ опредѣленіемъ его будетъ слѣдующее: *государство есть цѣлесообразно расположенная система психическихъ состояній, соотноситель-*

ныхъ и непродныхъ, отражающаяся въ дѣятельности цѣлесообразнымъ процессомъ, въ которомъ господствующій и направляющій членъ есть благо. Въ этомъ опредѣленіи та новая часть, которая относится къ цѣлесообразности, также необходима и достаточна для пониманія всего, что относится къ будущему и къ должному въ политической жизни человѣчества, какъ другая прежняя часть, раскрывающая сущность опредѣляемаго, достаточна и необходима для объясненія прошедшаго и естественнаго въ государственной жизни народовъ.

XIV. Согласно съ опредѣленіемъ, государственныя цѣли не индивидуальны. То-есть въ государствѣ не благо дѣйствующаго есть цѣль дѣйствія, но благо иное или иныхъ. Такъ судья не себѣ оказываетъ справедливость, но другимъ; армія не себя защищаетъ, но другихъ; и т. д. И всякій разъ, когда источникъ и объектъ дѣйствія совпадаютъ, дѣятельность не имѣетъ государственнаго характера.

Чѣмъ по своей сущности является государственная дѣятельность; что является содержаніемъ ея, какъ процесса? Никогда твореніе самого блага, но только приведеніе элементовъ Міра человѣческаго и физическаго въ такое расположеніе, что изъ взаимнаго соотношенія ихъ, какъ конечный результатъ, необходимо и уже само собою получается благо. Государственныя дѣянія не суть творческіе акты, тѣ, которые разематриваются во второй формѣ *Ученія о мірѣ человѣческомъ*, но суть созданія причинныхъ сцѣпленій, которыя оканчиваются творческими актами. Какъ бы ни было могущественно государство, оно не въ состояніи ни открыть какой либо истины, ни написать музыкальное или поэтическое произведеніе, ни совершить что либо высоко нравственное; но отъ него зависитъ, оно можетъ сдѣлать такъ, чтобы и истины открывались или не открывались, и художественныя произведенія создавались или не создавались, и люди были нравственны или безнравственны. Нѣтъ ни одного вида добра (или зла), который бы могъ быть созданъ государ-

ствомъ непосредственно, прямо; оно совершенно безсильно къ этому — такова его природа. И наоборотъ, нѣтъ такого вида добра (или зла), который не въ состояніи было бы произвести государство косвенно, посредственно,—и въ произведеніи добра такимъ способомъ лежитъ его цѣль.

Никогда что либо другое, разнородное отъ указаннаго, не составляло и не составитъ цѣли государства. Всѣ политическія формы, извѣстныя въ исторіи, въ каждомъ отдѣльномъ своемъ актѣ и всѣ формы государства, къ какимъ когда либо стремились или будутъ стремиться люди, не ставили и не могутъ поставить себѣ иныхъ цѣлей. Вся разница ограничивается тѣмъ, что одни государства хорошо достигаютъ этихъ цѣлей, другія же неумѣло, и что въ самой цѣли одни изъ нихъ видятъ многія виды блага, другія — немногія, и одни — однимъ изъ этихъ видовъ отдаютъ предпоченіе, ставятъ ихъ во главу своихъ интересовъ, другія — другимъ. Аѳины и Римъ, Китай и Англія, негритянская деспотія и Соединенные Штаты одинаково стремились и стремятся къ этому различному въ одномъ, къ этому отдѣльному въ цѣломъ — въ благѣ къ его видамъ.

XV. Всѣ виды блага, производимые не прямо, но черезъ посредство чего либо, и не для производящаго, но для иныхъ, мы назвали раньше *пользою*. Польза, такимъ образомъ, не имѣетъ никакого различія отъ добра и его видовъ — истины, справедливости, нравственности, красоты и пр.; по сущности она есть то же, что они; но различіе есть въ способахъ произведенія и въ раздѣленности производящаго отъ воспринимающаго. Эта польза есть цѣль государства, и ея явленія суть сфера дѣятельности послѣдняго.

То посредствующее, черезъ что производятся виды блага, суть *органы государства*. Изъ нихъ каждый, такимъ образомъ, цѣлесообразенъ. И такъ какъ виды блага не одинаковы, а одинаковое и производится неодинаковымъ, то каждый органъ сверхъ того и своеобразенъ. Полнымъ опредѣленіемъ государственнаго органа будетъ, такимъ образомъ, слѣдующее: *онъ есть цѣлесообразная и своеоб-*

разная группа психическихъ соотношеній, назначеніемъ и слѣдствіемъ дѣятельности которой является какой либо видъ блага.

Такъ-какъ государство производитъ благо не для кого либо въ отдѣльности, но для всѣхъ нуждающихся въ благѣ, то дѣятельность каждаго его органа *непрерывна.* И такъ какъ не для одной какой-либо мѣстности стремится оно произвести благо, то каждый изъ его органовъ *повторяется* столько разъ, сколько разъ обширнѣйшая область дѣятельности его единичнаго проявленія повторяется на томъ пространствѣ, на которомъ дѣйствуетъ государство.

Эта повторяемость присуща каждому государственному органу. То, гдѣ совпадаютъ повторяющіеся органы, является какъ бы узлами государственной жизни, а то, гдѣ соединяются они въ одно, служитъ ея центромъ. Ясно, что значеніе такихъ узловъ возрастаетъ и уменьшается смотря по тому, всѣ ли органы при повтореніяхъ совпадаютъ, или только нѣкоторые. Сдѣлать же возможно одинаково и то, и другое.

XVI. Государство неизмѣнно и постоянно является выразителемъ цѣлой идеи блага — и на первой ступени своего развитія, и въ своей конечной формѣ, еще никогда не осуществленной. Это видно изъ того, что въ каждый моментъ своего существованія оно стремится осуществить всякое благо, которое по той или другой причинѣ будетъ сознано въ немъ, какъ таковое. И если оно одновременно не стремится и къ другимъ видамъ блага, то не потому, что считаетъ ихъ внѣ своей задачи, но потому, что не сознаетъ, т. е. или не знаетъ объ нихъ, или не признаетъ ихъ благомъ для себя.

Мѣрою государственнаго развитія и совершенства служитъ то, *на сколько далеко въ его сознаніи разложилась идея блага на свои термины, служащія названіями отдѣльныхъ видовъ блага, и въ соотвѣтствіи съ этимъ разложеніемъ идеи насколько далеко совершилось распаденіе его самого (государства) на органы, какъ цѣлесообразныя и своеобразныя части, отвѣчающія терминамъ идеи и осуществляющія виды блага*

На первой ступени государственнаго развитія идея блага является не разложенною, и само государство — лишеннымъ органовъ. Оно какъ цѣлое, всѣмъ своимъ существомъ, попеременно осуществляетъ то одно благо, то другое, не видя въ нихъ родоваго различія, не сознавая ихъ, какъ виды. Это — община или племя, гдѣ старшина или царь и судитъ, и предводительствуетъ на войнѣ, и оберегаетъ внутренній порядокъ и спокойствіе; гдѣ онъ есть и тотъ, кому платится дань, и тотъ, кто ее непосредственно собираетъ. Распаденіе самаго государства здѣсь первоначально и двойственно. Оно имѣетъ два элемента (но не органа, потому что послѣдніе только осуществляютъ благо, тогда-какъ изъ элементовъ одинъ не дѣлаетъ этого, и слѣдовательно не есть органъ): управляющій — тотъ, отъ котораго исходитъ благо, и управляемый — тотъ, для котораго благо.

Съ разложеніемъ идеи блага на термины, и вслѣдствіе его, происходитъ распаденіе государства на органы, т. е. начинается процессъ его историческаго развитія. Это совершается тогда, когда для сознанія живущихъ въ государствѣ ясно становится, что нѣкоторые виды блага постоянны, что добро не является попеременно то безопасностью, то справедливостью, то достаткомъ и пр., но что въ немъ есть постоянно и одновременно и безопасность, и справедливость, и достатокъ и пр., и что все это равно необходимо для людей. Тогда для лучшаго осуществленія этихъ видовъ блага выдѣляются и предназначаются особые органы, т. е. то самое государство, которое нѣкогда попеременно являлось и судящимъ, и оберегающимъ и т. д., теперь раздѣлившись на части, одну изъ нихъ предназначаетъ для одного вида блага, другую — для другаго, и приспособляетъ каждую часть къ своему виду блага. Такимъ образомъ возникшія части являются и цѣлесообразными, и своеобразными, т. е. становятся органами.

Дальнѣйшее развитіе государства или усложненіе его формы происходитъ слѣдующими двумя путями: на ряду

съ сознанными видами блага сознаются другіе, какъ равные, и вслѣдствіе этого рядомъ съ дѣйствующими органами возникаютъ другіе органы, какъ равноправные съ ними; и затѣмъ въ каждомъ единичномъ видѣ блага сознаются новые подчиненные виды его, и вслѣдствіе этого каждый изъ существующихъ органовъ распадается на подраздѣленія. Каждое такое подраздѣленіе имѣетъ своею задачу осуществлять одну какую либо часть того вида блага, который прежде сознавался какъ нѣчто цѣлое, и теперь сознается, какъ нѣчто составное. Примѣромъ перваго усложненія можетъ с[illegible] возникновеніе на ряду съ войскомъ, предназначеннымъ охранять безопасность, суда, предназначеннаго осуществлять справедливость; примѣромъ втораго усложненія можетъ служить распаденье войска на часть, оберегающую государство отъ внѣшней опасности (регулярная армія), и на часть, оберегающую его отъ внутренней опасности (внутренняя стража). Еще лучшимъ примѣромъ этого усложненья можетъ служить распаденіе суда на свѣтскій и на духовный, и перваго — на гражданскій и уголовный.

XVII Изъ сказаннаго ясно, что развитіе государства въ систему цѣлесообразныхъ и своеобразныхъ органовъ, и совершенствованіе черезъ это, которое замѣчается въ политической исторіи всѣхъ народовъ, имѣетъ подъ собою, какъ производящую причину и объясняющую истину, логическое распаденье идеи блага на термины, и послѣднихъ черезъ выраженіе въ соотвѣтствующихъ подчиненныхъ идеяхъ — на новые подчиненные термины, и т. д.

Какъ происходитъ раскрытіе внутренняго содержанія идеи блага, такъ происходитъ историческое развитіе государствъ — правильно или неправильно, глубоко или поверхностно, полно или односторонне, смотря по тому, правильно или неправильно, далеко или недалеко, полно или неполно раскрывается въ историческомъ сознаніи народа самая идея. Строгость мышленья, отчетливость пониманія, тонкость ощущенія — все это естественные дары духов-

наго строя народа, заранѣе предустанавливающіе тотъ предѣлъ, до котораго онъ дойдетъ въ своемъ государственномъ развитіи.

Тамъ, гдѣ кончается логическое раскрытіе идеи блага, т. е. гдѣ послѣдніе термины ея совпадаютъ съ именами единичныхъ благихъ вещей реальнаго міра, — тамъ кончается и развитіе государства, возможное и мыслимое, но никогда еще дѣйствительное. Та послѣдняя форма, на которой останавливается государство въ развитіи, потому что органами его исчерпывается содержаніе идеи блага, есть конечная форма его. Она можетъ быть опредѣлена, предвидѣна и поставлена, какъ идеалъ для исторически развивающихся государствъ черезъ простое логическое раскрытіе идеи блага.

Эта конечная форма можетъ служить указателемъ, во что неизбѣжно предстоитъ развиваться государствамъ, и къ чему для избѣжанія ошибокъ и страданія имъ слѣдуетъ стремиться сознательно; процессъ же раскрытія идеи, правильный, послѣдовательный и до конца совершенный, можетъ руководить государствами въ ихъ пути къ своей естественной и послѣдней цѣли, указывая, что̀ вслѣдъ за чѣмъ должно выдѣляться въ нихъ, какъ органы.

Соотвѣтственно съ тѣмъ, какъ ранѣе разложили мы идею добра и зла, и государство должно распасться на слѣдующіе органы:

I. *Органъ, способствующій уменьшенію естественнаго зла, лежащаго въ физической природѣ человѣка — болѣзни, слабости, и смерти*, черезъ предупрежденіе и уничтоженіе первой, черезъ отдаленіе третьей, черезъ облегченіе второй. Онъ естественно долженъ распасться на два подчиненные органа: тотъ, который облегчалъ бы слабость, и тотъ, который предупреждалъ бы возникновенье и уничтожалъ бы возникшія болѣзни, и черезъ это отдалялъ бы смерть.

Задачу перваго органа исполняетъ въ настоящее время частная и общественная благотворительность, и насколько ея не хватаетъ на это дѣло, то должно быть восполнено особымъ государственнымъ органомъ, который наблю-

далъ бы, чтобы всякій изъ живущихъ въ государствѣ, лишившись ли въ младенчествѣ родительской помощи, или въ старости — дѣтской, находилъ эту помощь въ государствѣ. Отечество должно быть и любящею матерью, и заботливымъ сыномъ для дѣтей и для стариковъ, не по своей винѣ не могущихъ пропитать себя. Та привязанность, которую черезъ это внушитъ оно къ себѣ, съ избыткомъ вознаградитъ его за тѣ жертвы, которыя оно понесетъ въ этомъ дѣлѣ.

Насколько мы можемъ судить, ни одно государство такъ не близко къ выдѣленію изъ себя этого органа, какъ наше. Основанное не на договорѣ враждующихъ сторонъ—монархіи, аристократіи и демократіи — но на довѣрчивости всѣхъ къ человѣческому достоинству одного, оно чуждо той холодности и безжалостности, которыя такъ присущи строгому праву, гдѣ всякій воздаетъ другому только то одно, что обязанъ воздавать, и имѣетъ въ себѣ много мягкости, присущей семейнымъ отношеніямъ, гдѣ изъ любви и милосердія сверхъ обязательнаго воздается и нравственно должное. Оно правда еще не поставило благотвореніе, какъ одну изъ задачъ для своей дѣятельности, но и народомъ нашимъ чувствуется, что эта задача входитъ въ составъ государственныхъ цѣлей— это видно изъ того довѣрія, съ какимъ во всякой нуждѣ и невольномъ бѣдствіи онъ обращается за помощью къ государству, и послѣднее готово идти на встрѣчу этому еще безотчетному сознанію и ожиданію народа—это видно изъ того, какое участіе принимаетъ оно въ частномъ и общественномъ благотвореніи, какъ много прибавляетъ къ нему, стремится организовать и правильнѣе распредѣлить его.

Слѣдуетъ замѣтить, что съ выдѣленіемъ особаго государственнаго органа для разсматриваемой цѣли нужно тщательно остерегаться того, чтобы его дѣятельность не уничтожила дѣятельность частную, имѣющую тотъ же объектъ. Потому что въ дѣлѣ благотворенія есть два блага, изъ которыхъ только одно сохранится въ такомъ

случаѣ, другое же безвозвратно погибнетъ. Первое благо—это облегченіе чужаго страданія, и оно останется; второе благо—это то доброе чувство, которое руководитъ благотворящимъ и пробуждается при видѣ благотворенія въ окружающихъ—и оно исчезнетъ. Поэтому наилучшимъ образомъ этотъ органъ государства будетъ тогда устроенъ, когда онъ только возьметъ подъ свое покровительство частную и общественную благотворительность, восполнитъ все, недостающее ей, но за нею оставитъ всю непринужденность и все своеобразіе выраженія. Послѣднее особенно важно сохранить, потому что въ дѣлѣ благотворенія значительную роль играетъ воображеніе, и мысль, что оно осуществится не въ той формѣ, въ какой рисуется въ долгихъ думахъ желающаго благотворить, можетъ охладить самое желаніе. И при томъ жестоко было бы по отношенію къ нуждающимся и несправедливо по отношенію къ доброму отвергать благотвореніе только потому, что оно имѣетъ своеобразныя формы.

Второй подчиненный органъ уже существуетъ, но онъ недостаточно развитъ и дурно устроенъ, что видно изъ того, какъ много болящихъ не находятъ себѣ помощи, и какъ много могущихъ помочь имъ не находятъ примѣненія своимъ знаніямъ. Медицинская помощь неравномѣрно распредѣлена по странѣ, и въ каждой отдѣльной мѣстности неравномѣрно распредѣлена среди народа. Привлекаемые богатствомъ, гонимые скукою, доктора стремятся къ зажиточнымъ и образованнымъ классамъ и избѣгаютъ селиться среди бѣдныхъ и невѣжественныхъ.

Итакъ въ большей степени, чѣмъ въ настоящее время, совокупность медицинскихъ силъ должна войти въ государственныя формы и устроиться въ особый органъ. Этому органу должна быть предоставлена очень большая самостоятельность дѣйствія, и очень большая сила для приведенія въ исполненіе своихъ предначертаній; и въ соотвѣтствіе съ этимъ на него долженъ быть возложенъ долгъ оберегать здоровье страны и народа. Эта самостоятельность и этотъ долгъ должны простираться такъ да-

леко, что, не ограничиваясь помощью въ единичныхъ случаяхъ, онъ, какъ государственный органъ, могъ бы принимать мѣры къ оздоровленію цѣлыхъ мѣстностей, напр. черезъ осушеніе болотъ, издавать законы, напр. регулирующіе или запрещающіе вредныя работы, слѣдить за постройкою городовъ и зданій въ нихъ, дѣлать ученыя экспедиціи для изученія нѣкоторыхъ болѣзней, по своему усмотрѣнію устраивать высшія школы для себя, открывать въ нихъ новыя каѳедры, и наконецъ въ его же распоряженіе должны быть предоставлены всѣ естественныя цѣлебныя средства страны, какъ-то минеральные источники и пр.; съ другой же стороны не только ни одинъ человѣкъ въ государствѣ не долженъ оставаться безъ медицинской помощи, въ случаѣ, когда ищетъ ее, но ни одна самая незначительная мѣстность не должна находиться внѣ самаго зоркаго медицинскаго надзора, предупреждающаго появленіе болѣзней, захватывающаго въ началѣ ихъ, оказывающаго всякую, какая только есть въ человѣческихъ силахъ, помощь въ трудныхъ случаяхъ тяжелаго страданія.

2. *Органъ, способствующій увеличенію въ государствѣ средствъ въ жизни и болѣе правильному распредѣленію ихъ между живущими въ немъ.* Обѣ эти задачи должны быть выполнены одинаково тщательно, и ни первая не должна затемнять собою вторую, какъ это мы видимъ у однихъ людей, ни вторая—первую, какъ это мы видимъ у другихъ. Выполнено же это можетъ быть черезъ выдѣленіе изъ государства двухъ органовъ, изъ которыхъ одинъ предназначался бы способствовать только увеличенію средствъ, а другой—только распредѣленію ихъ, и оба были бы независимы другъ отъ друга.

Первая часть этой задачи въ настоящее время не выполняется въ государствахъ никакимъ органомъ, какъ спеціальною и исключительно для этого предназначенною частью. Но нѣкоторые отдѣлы этой задачи выполняются самостоятельными или подчиненными другому органами (напр. пути сообщенія вызвали въ государствѣ

отдѣльную самостоятельную вѣтвь управленія, а промышленность и торговля вошли въ вѣдѣніе одной подчиненной вѣтви другаго государственнаго органа, и т. д., что все неправильно). Во всей же полнотѣ своей эта задача не выполняется ни какимъ-либо однимъ органомъ въ государствѣ, ни всею совокупностью ихъ. Что же касается второй части задачи—распредѣленія средствъ—то до послѣдняго времени она не выдѣлялась въ сознаніи людей, и теперь выдѣлившись не нашла еще соотвѣтствующаго себѣ органа въ государствѣ, главнымъ образомъ вслѣдствіе незнанія, какимъ образомъ можно было бы устроить его.

Мы думаемъ однако, что отсутствіе основательнаго разрѣшенія этого вопроса во всей его полнотѣ и цѣлости не можетъ препятствовать выдѣленію государствами недостающаго органа. Послѣдній, не устанавливая правильнаго распредѣленія средствъ къ жизни, могъ бы вліять на бо́льшую правильность этого распредѣленія, чѣмъ какая существуетъ теперь. Таково покровительство кустарной промышленности, организованіе цеховъ по образцу средневѣковыхъ, задерживаніе развитія желѣзныхъ дорогъ, которыя способствуютъ возвышенію немногихъ центровъ промышленности и убиваютъ производительность множества мелкихъ городовъ, развитіе домашнихъ работъ на себя черезъ затрудненіе или запрещеніе торговли предметами, которые могутъ быть приготовлены дома трудомъ семьи (бѣлье и пр.), и многое другое. Весьма нерѣдко случается, что убогія мѣстности оживаютъ и выходятъ изъ нищеты черезъ предпріятіе одного умнаго и сильнаго человѣка, открывающаго въ ней какой либо новый промыселъ, и это помимо фабрикъ и заводовъ. Сколько же помощи могъ бы оказать здѣсь всемогущественный государственный органъ.

3. *Органъ, охраняющій чистоту нравственной жизни.* Этого органа также не достаетъ всѣмъ государствамъ, а между тѣмъ онъ и необходимъ, и возможенъ, именно какъ самостоятельная вѣтвь политической дѣятельности,

а не придаточная только къ какой либо другой вѣтви. Потому что его вліяніе несомнѣнно будетъ встрѣчено большимъ сопротивленіемъ, для преодолѣнія котораго необходима большая сила.

Неисчислимо то, что могъ бы сдѣлать этотъ органъ; остановимся на немногомъ. Сюда относится уничтоженіе дѣтскаго труда на фабрикахъ и заводахъ, и установленіе на каждомъ изъ нихъ труда или исключительно мужскаго, или исключительно женскаго, — и сколько нравственнаго добра могла бы принести одна эта простая мѣра. Далѣе, онъ могъ бы подавить соблазнительныя зрѣлища, питаемыя богатствомъ и праздностью, и могущественно воспротивиться развращенію дѣтей однимп,· простаго народа—другими. Еще болѣе могъ бы совершить этотъ органъ путемъ не прямаго, но косвеннаго вліянія, всюду поддерживая трудолюбіе, тѣсня праздность, зорко слѣдя за воспитаніемъ и дѣтей въ школахъ, и народа въ общественныхъ и въ политическихъ учрежденіяхъ, сдерживая небрежность слова и распущенность мысли и чувства въ литературѣ, и далѣе – сосредоточивая вокругъ себя, организуя и руководя все, что не только теперь стремится бороться противъ упадка чистоты жизни, но и то, что къ той же цѣли можетъ послужить идя изъ глубины прошлаго, давая, такимъ образомъ, силу всему воспитывающему, укрѣпляющему и возвышающему духъ, откуда бы оно ни шло. Такой органъ, какъ бы самостоятельна ни была его дѣятельность и какъ бы на многое ни посягнулъ онъ въ установившейся жизни, лишь бы въ немъ сохранилась чистота и безкорыстіе стремленій, всегда будетъ опираться на тайное сочувствіе лучшихъ людей въ странѣ и въ народѣ, а озлобленіе массы не будетъ продолжительно, когда онъ съумѣетъ быстро перевоспитать дѣтей ея, или по крайней мѣрѣ сдѣлать такъ, что воспитываясь они только по слухамъ будутъ знать о томъ, чего лишились отцы ихъ.

4. *Органъ, воспитывающій умственныя силы народа.* Его задача распадается, по способамъ и путямъ выполненія,

на нѣсколько нѣтвей: на прямое воспитаніе въ дѣтскомъ и юношескомъ возрастѣ, и на косвенное воспитаніе черезъ общественныя и политическія учрежденія въ зрѣломъ возрастѣ, черезъ науку — немногихъ избранныхъ, черезъ литературу, какъ совокупность письменныхъ произведеній—всей массы народа, и еще черезъ многое другое, что было бы трудно здѣсь перечислить.

Воспитаніе въ дѣтскомъ возрастѣ, особенно недостаточныхъ классовъ, какъ намъ думается должно быть религіознымъ и практическимъ. Оно должно быть религіознымъ, потому что по воззрѣнію простаго народа религія должна быть поставлена въ жизни человѣка во главѣ всего; и потому что дѣйствительно религіозно настроенный воспитаніемъ человѣкъ станетъ со временемъ и хорошимъ семьяниномъ, и хорошимъ членомъ своей общины, и какъ таковой не только не будетъ въ тягость себѣ и другимъ, но еще и захочетъ и сможетъ помочь въ нуждѣ и ближнему. Соотвѣтственно дѣтскому возрасту, когда слаба умственная дѣятельность и сильно воображеніе и чувство, это воспитаніе должно вестись путемъ участія въ мѣстномъ богослуженіи, и чтенія Библіи, Евангелія и житій святыхъ, и въ незначительной степени — путемъ объясненій. Его цѣлью должно быть не религіозное знаніе, но религіозность, какъ настроеніе, серьезное и живое. Практическая же сторона воспитанія должна состоять въ наученіи каждаго воспитывающагося какому нибудь ремеслу, способному прокормить человѣка, гдѣ бы онъ ни былъ и что бы съ нимъ ни случилось, и тому занятію, къ которому онъ долженъ перейти по выходѣ изъ школы, напр. въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ — огородничеству и земледѣлію.

Переходя къ воспитанію высшему, мы ограничимся немногими замѣчаніями о томъ, чего не достаетъ ему. Это прекрасная мысль — давать такое воспитаніе, которое, не подготовляя человѣка ни къ чему частному, подготовляетъ его ко всему, что, сдѣлавшись взрослымъ, свободно захотѣлъ бы избрать онъ. Какъ орудіе — выбрать для этого

предметы, наиболѣе дисциплинирующіе умъ, и преподавать ихъ такъ, чтобы это дисциплинирующее вліяніе было наиболѣе сильно, — эти два основные принципа, легшіе въ основу нашей классической системы воспитанія, справедливы и должны быть проведены еще болѣе строго, нежели какъ это сдѣлано въ настоящее время. Но этому формальному воспитанію слѣдуетъ придать содержаніе, котораго оно не имѣетъ. Умъ развитой есть сила, которая вообще является благомъ; однако онъ можетъ явиться и зломъ.

Это удивительно, что воспитываемые въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ не только не выносятъ изъ нихъ тѣхъ умственныхъ и нравственныхъ склонностей, которыя тамъ желаютъ внушить имъ, но, оставаясь въ массѣ равнодушными къ этимъ внушеніямъ, иногда выносятъ отвращеніе ко всему, къ чему ихъ стремились привязать тамъ, и фанатическую привязанность къ тому, отъ чего ихъ стремились оттолкнуть. Извѣстно, что антирелигіозное движеніе въ нашей литературѣ было создано главнымъ образомъ людьми, вышедшими изъ духовныхъ заведеній, и что изъ оканчивающихъ курсъ въ нашихъ классическихъ заведеніяхъ лишь ничтожная частица продолжаетъ начатыя занятія на историко-филологическихъ факультетахъ. И далѣе, каждый изъ насъ, обратившись къ своимъ личнымъ воспоминаніямъ, безъ сомнѣнія найдетъ, какими изъ своихъ убѣжденій онъ обязанъ той или другой книгѣ,
7 тому или другому товарищу, — но что онъ не найдетъ ни одного убѣжденія, которымъ былъ бы обязанъ тому учебному заведенію, въ которомъ воспитывался — это не подлежитъ сомнѣнію. По крайней мѣрѣ въ теченіи своей жизни я никогда не встрѣчалъ такого человѣка.

Причина этого скрывается въ трехъ условіяхъ: въ недостаточности умственнаго и нравственнаго развитія воспитывающихъ, вслѣдствіе чего способные обучить, они неспособны повліять; въ отсутствіи въ нихъ самихъ соотвѣтствующихъ убѣжденій, такъ что не въ чемъ убѣждать имъ, или если есть въ чемъ, то это не то, въ чемъ

слѣдовало бы убѣждаться воспитывающимся; въ формализмѣ отношеній между воспитывающими и воспитываемыми, въ отсутствіи близости, довѣрчивости и постояннаго общенія между ними, вслѣдствіе чего невозможно благотворное вліяніе первыхъ и тогда, когда оно могло бы имѣть мѣсто.

Второй недостатокъ состоитъ въ слѣдующемъ: воспитываемые въ нашихъ школахъ не только не имѣютъ необходимыхъ умственныхъ и нравственныхъ склонностей, какъ направленій, какъ симпатій; они вообще умственно и нравственно не воспитаны, но только обучены и дисциплинированы. Это происходитъ отъ того, что въ томъ матеріалѣ, который служитъ орудіемъ психическаго образованія въ нашихъ школахъ, заключено въ достаточной степени элементовъ, совершенствующихъ процессъ мышленія, дѣлающихъ это мышленіе отчетливымъ и правильнымъ; но очень мало того, что питало бы умъ высокими мыслями и чистыми чувствами, что, совершенствуя, воспитывало бы душу. Чтеніе древнихъ авторовъ — а они повсюду почти читаются еще дурно — и знакомство съ очень немногими образцами своей художественной литературы — вотъ все, что дается въ этомъ направленіи. И это крайне недостаточно, если принять во вниманіе то великое зло, которое ему приходится уравновѣсить. Мы разумѣемъ литературу учебниковъ, на усвоеніи которыхъ главнымъ образомъ основывается наше образованіе. Каждый учебникъ, одинаково и дурной и хорошій, именно какъ учебникъ, имѣетъ въ себѣ нѣчто обратное воспитывающему началу. Изложеніе свѣдѣній, сдѣланное всегда посредственнымъ умомъ, никогда съ глубокимъ и живымъ интересомъ къ излагаемому, торопливо и примѣняясь къ внѣш. нимъ требованіямъ — вотъ неизмѣнныя свойства всякаго учебника, и не слишкомъ ли ясно, что никогда изъ него не западетъ въ душу воспитывающагося ни одной глубокой мысли и ни одного свѣтлаго и живаго чувства. Сказать, что учебникъ написанъ прекраснымъ языкомъ, что мѣстами въ немъ встрѣчаются замѣчательныя мысли, что,

онъ проникнутъ сильнымъ чувствомъ — не значитъ ли сказать что-то смѣшное, ни съ чѣмъ несообразное, — и въ томъ, что это смѣшно, лежитъ объясненіе такъ многаго не смѣшного въ современной жизни всѣхъ образованныхъ народовъ. Достаточно подумать, что образованные классы всѣхъ народовъ долгіе годы дѣтства и юности проводятъ въ постоянномъ обращеніи съ этими маленькими книжками, переполняющими рынокъ, въ которыхъ смѣшно искать возвышающаго и облагораживающаго душу, что за рѣдкими исключеніями они никогда не имѣютъ ни случая, ни необходимости войти въ духовный міръ тѣхъ великихъ умовъ, на которыхъ воспитывалось человѣчество, — достаточно знать это одно, чтобы понять, почему въ нашъ вѣкъ, когда такъ много учатся, подрастающія поколѣнія, обладая обширными и точными свѣдѣніями, являются однако такими, какъ будто бы они происходили отъ первобытныхъ народовъ Африки или Америки: до такой степени имъ незнакомо и чуждо все, чѣмъ духовно жили и живутъ еще народы, отъ которыхъ они дѣйствительно происходятъ. Литература учебниковъ въ долгіе годы школьнаго обученія, газеты и журналы въ теченіе всей остальной жизни, вотъ что отдѣлило новые народы отъ великихъ и воспитывающихъ памятниковъ минувшаго творчества и сдѣлало то, что они идутъ впередъ уже не руководимые этими памятниками, которые все болѣе и болѣе забываются.

Третье и послѣднее замѣчаніе, которое мы желали бы сдѣлать, касается особаго характера всѣхъ впечатлѣній, изъ которыхъ слагается воспитаніе, и который не только не парализуется послѣдующимъ вліяніемъ жизни, но напротивъ усиливается и укрѣпляется: это прерывность каждаго впечатлѣнія, недовершенность его.

Никто не останавливался на этомъ мыслью, а между тѣмъ нѣтъ ничего, что такъ могущественно не допускало бы въ душѣ воспитывающагося установиться какому бы то ни было прочному вліянію, хорошему какъ и дурному. И въ самомъ дѣлѣ, одинъ тотъ фактъ, что обученіе еже-

дневно слагается изъ 5 неодинаковыхъ впечатлѣній утромъ (классныя занятія) и столькихъ же вечеромъ (приготовленіе уроковъ), т. е. что между окончаніемъ одного воспріятія и началомъ другого не проходитъ болѣе $^3/_4$ часа, можетъ дать понятіе о томъ, какою tabula rasa, изсѣченною мелкими и тусклыми черточками, должна стать душа каждаго воспитывающагося. Каждая мысль является перерванною другой мыслью, каждое чувство является вытѣсненнымъ другимъ чувствомъ; ни одной оконченной мысли, ни одного полнаго чувства, и это въ теченіе 8—10 лѣтъ. Теперь представимъ, что человѣкъ съ самою воспріимчивою душою читаетъ самую потрясающую книгу, которая когда либо была написана, но такъ, что черезъ каждую страницу онъ долженъ разрѣшить одну нетрудную задачу по алгебрѣ и затѣмъ выучить урокъ по географіи и потомъ только продолжать чтеніе, впрочемъ непрерывное опять только до слѣдующей страницы — мы спросимъ, каково должно быть вліяніе такого чтенія? что осталось бы отъ него въ душѣ читающаго, при другихъ условіяхъ быть можетъ преображенной бы этимъ чтеніемъ? А мы взяли наилучшую душу и наилучшее впечатлѣніе.

Этимъ объясняется, почему молодыя поколѣнія, въ наше время выходя изъ школы на широкую арену жизни, не выносятъ съ собою ни одной привязанности и ни одного интереса; и еще почему на всѣхъ поприщахъ жизни — въ общественной дѣятельности, въ наукѣ, въ поэзіи и искусствѣ — уже давно не появляется ни одного великаго дарованія. Никакой геній не въ состояніи устоять противъ трехъ этихъ вліяній. Кеплеръ и Дантъ, пройдя современную школу, сдѣлались бы — одинъ посредственнымъ ученымъ, другой составителемъ порядочныхъ стиховъ.

И здѣсь опять сказывается та слѣпая историческая сила, на которую мы указывали ранѣе, противъ которой мы безсильны бороться, хотя и чувствуемъ, куда она влечетъ насъ. Потому что какъ иначе возможно было-бы устроить воспитаніе, а устроивши такъ — какъ было не погубить въ зародышѣ всякое дарованіе?

По отношенію къ наукѣ органъ, о которомъ мы говоримъ, не можетъ быть столь опредѣляющимъ, какъ по отношенію къ воспитанію, но можетъ быть гораздо болѣе дѣятельнымъ, чѣмъ какъ это было до сихъ поръ въ какомъ бы то ни было государствѣ. Интересы науки, ея затрудненія, задачи, передъ которыми стоитъ она, не говоря уже о ея нуждахъ, должны быть столь же близки для государства и народа, какъ интересы воспитанія или правосудія, и гораздо болѣе дороги, чѣмъ интересы накопленія богатствъ. Послѣднія уходятъ такъ же быстро, какъ и приходятъ; а сокровища науки никогда не оставятъ того, кто разъ съумѣлъ пріобрѣсти ихъ. А между тѣмъ какъ многое здѣсь зависитъ отъ простого недостатка средствъ, какъ неисчислимо то, что могло бы быть выполнено наукою при дѣятельной помощи государства. И какимъ свѣтомъ облилось бы въ исторіи подобное государство, интересы чистой истины поставившее не ниже интересовъ матеріальныхъ. И какъ малаго стоило бы это для него,— гораздо меньшаго, чѣмъ сколько стоитъ самый недолговѣчный блескъ.

Изъ косвенныхъ вліяній на умственное воспитаніе, какія могъ бы оказать этотъ органъ, самое важное есть то, которое коснулось бы направленія и исправленія уже существующихъ вліяній литературы, какъ художественной, такъ и научно-политической. И это вліяніе государства также могло бы быть могущественнымъ, и оно не встрѣтило бы слишкомъ большаго сопротивленія, еслибъ было совершенно безкорыстно и кромѣ умственнаго воспитанія не имѣло бы другихъ цѣлей (явныхъ или скрытыхъ). Оно могло бы выразиться въ покровительствѣ умственнымъ и художественнымъ произведеніямъ всѣхъ вѣковъ, откуда бы они ни шли и какому бы народу ни принадлежали, съ постояннымъ соблюденіемъ только одного условія, чтобы они были воспитывающими по своему духу. То-есть не то должно быть принимаемо въ соображеніе, что утверждается или отрицается книгою, но то одно, какъ утверждается или отрицается, совершенно-ли и прекрасно, или

же дурно и отвратительно. До сихъ поръ обыкновенно употреблялся обратный способъ: книги, какъ бы отвратительно онѣ ни были написаны, покровительствовались и одобрялись, лишь бы онѣ защищали извѣстный предметъ и служили извѣстной цѣли; и никогда цѣли, сами по себѣ прекрасныя, не были такъ несправедливо и порою такъ непоправимо запятнаны, какъ этими дурными средствами. То отвращеніе, которое невольно внушали къ себѣ эти послѣднія, естественно переносилось, по ассоціаціи чувствъ, и на самыя цѣли.

Кладя въ основаніе своей дѣятельности обратный принципъ — покровительства не цѣлямъ, какими бы средствами онѣ ни выполнялись, но средствамъ, чему бы они ни служили, лишь бы были прекрасны,—государство можетъ опереться на живое сочувствіе всѣхъ лучшихъ людей и въ своей отрицательной дѣятельности: не покровительствуя, но подавляя; несочувствіемъ же и враждою можетъ пренебречь. Потому что никакое стремленіе не нуждается или не должно нуждаться въ низкомъ, и никакое убѣжденіе — въ обманѣ. И подавляя низкое, обманывающее и глупое въ литературѣ, оно окажетъ одинаково великую услугу всѣмъ стремленіямъ и всѣмъ убѣжденіямъ, самымъ противоположнымъ и враждебнымъ между собою. Дурная защита всегда болѣе вредитъ защищаемому, въ чемъ бы оно ни заключалось, нежели хорошее опроверженіе: тогда какъ послѣднее разбиваясь объ истину внушаетъ высокое понятіе о ней, первая заставляетъ думать, что она незащитима хорошими, т. е. справедливыми, доводами.

Въ нравственномъ возрожденіи одинаково нуждаются всѣ партіи, все борющееся за господство въ умственномъ и въ политическомъ мірѣ. Пока еще не достигнувши своихъ цѣлей, они уже успѣли своими дурными средствами до того развратить всѣхъ, что скоро не для кого будетъ и желать этихъ цѣлей. Если и есть благо, прекрасное и достижимое, то немногіе сохранившіе чистоту свою усомнятся, есть ли достойные этого блага, ради которыхъ стоило бы стремиться къ нему.

5. *Органъ, осуществляющій нравственное благо.* Онъ можетъ дѣйствовать также двояко: отрицательно и положительно. Отрицательное дѣйствіе его могло бы выразиться въ уничтоженіи или въ предупрежденіи въ жизни такихъ условій, положеній и отношеній между людьми, которыя или необходимо ведутъ къ озлобленію ихъ другъ противъ друга и къ обману, или вообще имѣютъ свойство влечь болѣе къ этому злу нежели къ обратному добру. Такъ напр. всякое наказаніе, превышающее вину, порождаетъ злобу въ наказанномъ, и наоборотъ: всякое наказаніе, не искупляющее вину, производитъ злобу въ томъ, противъ кого вина. Поэтому установленіе точныхъ и истинныхъ соотношеній между преступленіями и наказаніями можетъ уменьшить количество озлобленія въ государствѣ. Или еще: всякія отношенія зависимости, порождая страхъ въ зависимыхъ, имѣютъ свойство клонить ихъ чаще къ обману, нежели къ правдивости; поэтому уменьшеніе зависимыхъ отношеній, или устройство ихъ такимъ образомъ, чтобы зависимость была не по отношенію къ тому, съ кѣмъ непосредственно и постоянно имѣетъ сношенія зависящій, но была бы передаваема въ руки кого либо третьяго отсутствующаго — можетъ уменьшить количество лжи.

Ту задачу, которую выполнялъ бы этотъ органъ своею отрицательною дѣятельностію, наше государство сознало отчасти и не изъ нравственныхъ, но политическихъ побужденій. У насъ есть прекрасное постановленіе, чуждое, какъ кажется, законодательствамъ всѣхъ странъ, которымъ возбраняется всякое возбужденіе ненависти между сословіями или положеніями. Оно тѣмъ болѣе мудро, что устраняетъ главнѣйшее препятствіе къ спокойному обсужденію неправильныхъ отношеній и къ скорѣйшему уничтоженію ихъ, и тѣмъ болѣе справедливо, что ненависть, возбуждаемая противъ сословія или класса вообще, въ жизни отражается озлобленіемъ противъ единичныхъ лицъ, которыя принадлежатъ къ нему отъ рожденія и не виновны въ томъ положеніи, въ которое ихъ поставила исторія.

Положительная дѣятельность разсматриваемаго органа ограниченнѣе и труднѣе. Она можетъ состоять въ установленіи такихъ общественныхъ и политическихъ отношеній, которыя своею привлекательностью, глубокою человѣчностью и справедливостью невольно влекли бы людей къ правдѣ и доброжелательству.

Въ исторіи это правда рѣдкіе случаи, но есть же они, когда какое нибудь великое полученное добро или великое ожиданіе тѣснѣе сплачивали между собою людей, обыкновенно чуждыхъ другъ другу, и дѣлали ихъ болѣе чистыми душою. Не невозможно и въ общественныхъ отношеніяхъ установить такія формы, чтобы по крайней мѣрѣ время отъ времени проходили по жизни эти нравственныя возбужденія. Такое назначеніе, быть можетъ, могли бы выполнить періодическія собранія народа для обсужденія и награды достойнѣшаго, что кѣмъ-либо было сдѣлано за этотъ періодъ. Дни великой радости и сознанія совершенства чьего-либо всегда возвышаютъ нравственную природу человѣка.

6. *Органъ, осуществляющій благо справедливости.* Его назначеніе состоитъ не въ томъ одномъ, чтобы возстановлять справедливость, нарушенную въ единичныхъ случаяхъ (судъ), но также и въ томъ, чтобы возстановлять ее тамъ, гдѣ несправедливость существуетъ, какъ постоянное и давнее зло, напр. въ національныхъ, политическихъ и сословныхъ отношеніяхъ, и предупреждать возникновеніе этого зла во вновь устанавливающихся отношеніяхъ. Такимъ образомъ задача этого органа, вытекающая изъ полноты его природы, гораздо обширнѣе, нежели какъ это существуетъ въ дѣйствительности, гдѣ пока онъ выполняетъ ничтожнѣйшую часть своего назначенія. Эта неполнота ведетъ къ запутанности, противорѣчіямъ и неисчислимому злу въ явленіяхъ дѣйствительной жизни. Потому что въ самомъ преступленіи не тогда ли только является нарушенная справедливость, требующая возстановленія, когда этой нарушенной справедливости не было уже ранѣе въ томъ, противъ чего преступленіе. Въ слу-

чаѣ же, когда она была — а именно онъ-то и не предупредимъ при неполнотѣ дѣятельности этого органа — что̀ можетъ сдѣлать послѣдній, какъ только или наказавъ преступленіе, возстановить нарушенную несправедливость какъ-бы нѣчто справедливое, т. е. совершить дѣяніе, противное своей природѣ, или же, не наказавъ преступленія, открыть просторъ для изворотливости и произвола, которому съ этого момента предоставлено будетъ обсуждать, что̀ хорошо и что̀ дурно, т. е. творить добро и зло?

7. *Органъ, осуществляющій благо въ области воли.* Предметомъ его дѣятельности должно служить воспитаніе воли и направленіе воли. Первое состоитъ въ развитіи въ ней внутренней энергіи безъ отношенія къ тому, на что энергія; второе состоитъ въ томъ, чтобы уничтожить или ослабить въ ней склонность къ дурному и предоставить ея стремленію одно хорошее. И такъ какъ дурное и хорошее можетъ лежать и внутри человѣка и внѣ его, то эта вторая задача распадается на воспитаніе самообладанія, какъ умѣнья господствовать надъ собою, и на воспитаніе рѣшимости и непреклонности въ принятомъ рѣшеніи, какъ умѣнья господствовать надъ окружающимъ.

То, черезъ что могъ бы выполнить свою задачу этотъ органъ, также двояко: воспитаніе и учрежденія. Въ первомъ съ дѣтскихъ лѣтъ уже можно было бы укрѣплять волю, заставляя ее преодолѣвать сперва незначительныя, а потомъ все большія и большія трудности, и направлять ее черезъ внушеніе симпатіи ко всему прекрасному и великому, дѣйствуя на воображеніе, и черезъ внушеніе отвращенія ко всему низкому и недостойному. Замѣтимъ, что это воспитаніе воли, на которое было обращено такое много вниманія въ древемъ мірѣ, совершенно пренебрежено въ настоящее время, когда развитіе ея предоставлено игрѣ случайныхъ обстоятельствъ. Что же касается учрежденій, общественныхъ и политическихъ, то они также могутъ и должны быть воспитывающими и даже направляющими волю. Въ ихъ устройствѣ не должно быть ничего, что могло бы развращать волю, напр. возможность подкуповъ, обмана

трусости и всего безчестнаго; и это устройство должно быть таково, чтобы, открывая все болѣе и болѣе широкія сферы свободной, самоопредѣляющей дѣятельности, оно одновременно и влекло бы къ себѣ увѣренностью въ небезплодности здѣсь труда, и воспитывало бы строгою постепенностью въ расширеніи сферы дѣйствія и увеличенія самоопредѣляемости, т. е. свободы этого дѣйствія.

8. *Органъ для осуществленія блага красоты.* Его отрицательная дѣятельность можетъ быть положительна, а положительная — только отрицательна. Первая состоитъ въ уменьшеніи всего безобразнаго въ человѣкѣ и въ творимомъ имъ, а также въ жизни, ея условіяхъ и формахъ, — и ясно, что эта дѣятельность можетъ быть положительна. Напротивъ, положительной красоты онъ не можетъ создать, и дѣятельность его здѣсь должна ограничиться только удаленіемъ всего, что могло бы препятствовать свободному развитію ея. Это—покровительство искусству и открытіе доступа къ нему для народныхъ массъ.

9. *Органъ, охраняющій религію и способствующій осуществленію ея стремленій.* Съ помощью соотвѣтствующихъ мѣръ государственный органъ всегда имѣетъ возможность не только удалить отъ существующей религіи всякую опасность, или содѣйствовать ея распространенію, но — что, по видимому, гораздо затруднительнѣе — также и оживить религіозное чувство. Сюда относится улучшеніе служителей церкви черезъ соотвѣтствующее воспитаніе, уничтоженіе матеріальной зависимости ихъ отъ міранъ, уничтоженіе въ нихъ самихъ возможности и нужды заботиться о чемъ либо, кромѣ духовнаго воспитанія своей паствы и, наконецъ, что особенно необходимо и возможно — созданіе условій, при которыхъ чисто физическій трудъ ихъ (напримѣръ исполненіе требъ) не подавлялъ бы всякую возможность сохранить также и духовную энергію, столь необходимую для наставленія и руководства міранъ словомъ и примѣромъ.

Мы указали органы государства, къ образованію которыхъ оно естественно и необходимо стремится, — и

если это указаніе несовершенно и неполно, что не имѣетъ значенія, то оно вполнѣ обусловлено въ этомъ несовершенствѣ и въ этой неполнотѣ недостаточностью сдѣланнаго ранѣе разложенія идеи блага, что одно имѣетъ значеніе. Потому что, такимъ образомъ, ясно становится, что вопросъ о конечномъ и наилучшемъ устроеніи государства, въ формахъ котораго проходитъ историческая жизнь народовъ сводится къ теоретическому вопросу о томъ, какъ совершенно и полно раскрыть идею блага.

XVIII. Ученіе о конечной формѣ государства не должно ограничиваться указаніемъ строенія его, т. е. опредѣленіемъ, изъ какихъ органовъ состоитъ оно и какъ эти органы расположены въ немъ. Оно должно выдѣлить изъ себя еще *общую теорію органовъ*, и рядъ *частныхъ теорій*, соотвѣтствующихъ каждому отдѣльному органу. Въ общей теоріи органовъ можетъ быть разрѣшенъ, напримѣръ, вопросъ о томъ, долженъ-ли во внутреннемъ своемъ строеніи каждый органъ самъ опредѣлять себя, или же онъ долженъ быть опредѣляемъ совокупностью всѣхъ другихъ органовъ, или волей единаго центра, изъ котораго они всѣ исходятъ. И далѣе, должна-ли его дѣятельность быть процессомъ, повторяющимся неизмѣнно въ тѣхъ же формахъ и надъ тѣмъ же матеріаломъ, заранѣе предустановленнымъ для него — какъ это мы наблюдаемъ во всѣхъ современныхъ государствахъ; или же она должна быть свободна, полна инициативы, должна зависѣть отъ того, что онъ самъ (органъ) находитъ подлежащимъ своему вѣдѣнію, къ чему онъ видитъ свой долгъ стремиться и какія средства считаетъ себя въ правѣ употребить. То или другое разрѣшеніе этихъ вопросовъ зависитъ отъ размѣщенія видовъ блага въ общей идеѣ его, и въ соотвѣтствіи съ этимъ — отъ взаимнаго расположенія органовъ въ государствѣ. Изъ этихъ органовъ тѣ, которые соотвѣтствуютъ самостоятельнымъ видамъ блага, въ самихъ себѣ замкнутымъ, не входящимъ частью въ другое какое-либо благо, должны быть, намъ думается, совершенно свободными какъ во внутреннемъ устроеніи себя,

такъ и въ опредѣленіи и измѣненіи своей дѣятельности. Это предоставило бы имъ могущество, какого еще никогда не испытывало въ себѣ ни одно учрежденіе. И система такихъ органовъ, столь полно охватывающихъ благо, столь неограниченныхъ въ стремленіи къ каждому его виду, кто знаетъ, — не приблизила ли бы она человѣчество дѣйствительно къ полному и совершенному обладанію имъ; по крайней мѣрѣ несомнѣнно, что она повела бы его такъ далеко по пути осуществленія въ своей жизни блага, какъ далеко оно еще никогда не заходило.

Если общая теорія должна быть ученіемъ объ устроеніи, дѣятельности, долгѣ и правѣ всѣхъ органовъ, т. е. содержать въ себѣ рядъ истинъ, относящихся безразлично къ каждому изъ нихъ, то рядъ частныхъ теорій долженъ содержать ученія объ единичныхъ органахъ, объ устроеніи, дѣятельности, долгѣ и правѣ каждаго изъ нихъ. Таковы были бы теоріи воспитанія, правосудія, и многія другія. Ясно, что этихъ теорій должно быть столько, сколько есть органовъ въ государствѣ.

XIX. Цѣли не какъ естественныя конечныя формы, но какъ *желаемое*, иногда тожественны съ естественными цѣлями, о которыхъ мы говорили до сихъ поръ, иногда отличны отъ нихъ. И можно замѣтить даже, когда онѣ совпадаютъ, а когда и могутъ расходиться. Совпадаетъ желаемое конечное съ конечнымъ естественнымъ тогда, когда послѣднее цѣльно и обще. Напр. общая конечная форма государства (осуществленіе всего блага) или науки (осуществленіе пониманія всего) есть въ то же время и конечное желаемое; потому что и основаны онѣ на мысленномъ продолженіи и замыканіи въ цѣлое прирожденныхъ склонностей человѣческой природы: это есть естественное реальное, къ осуществленію чего необходимо стремится потенціальная человѣческая природа, т. е. чего она желаетъ и чего не можетъ не желать. Расходиться же съ желаемымъ можетъ часть цѣлаго и общаго. Напр. на пути къ своей конечной формѣ и ранѣе ея достиженія наука проходитъ нѣсколько періодовъ, существуя сперва

у одного народа, потомъ у другаго и т. д., и конечная форма каждаго единичнаго періода не совпадаетъ съ желаемымъ: это — форма учености, напр. Александрійской, которою закончилась греческая наука, или современной, которою заканчивается въ настоящее время европейская наука. Также въ государствѣ многіе отдѣльные естественные процессы стремятся завершиться въ формы, которыя не желательны. Напр. съ развитіемъ государства воля и чувство состраданія имѣютъ склонность ослабнуть, и любовь къ чувственнымъ удовольствіямъ имѣетъ склонность увеличиться. Это не желательно, всему этому необходимо и возможно искуственно сопротивляться, не переставая однако же стремиться къ общей конечной формѣ.

ГЛАВА XIX.

Ученіе о Мірѣ человѣческомъ: о средствахъ или о путяхъ къ должному.

I. Ученіе о средствахъ, какъ второмъ членѣ цѣлесообразности, проявляющейся въ Мірѣ человѣческомъ; тройкій смыслъ, въ которомъ можетъ быть разсматриваемо средство: какъ орудіе достиженія цѣли, какъ естественный процессъ, черезъ который проходитъ что-либо развивающееся, и какъ путь искусственнаго отклоненія отъ какой-либо естественной формы.—II. Законъ дѣйствія цѣлесообразности черезъ причинность; опредѣленіе средства, какъ ряда явленій, причинно соединенныхъ, въ которомъ первое есть дѣйствительность, а послѣднее есть цѣль. — III. *О средствахъ, какъ орудіи достиженія всякихъ цѣлей;* раскрытіе причинной связи въ Мірѣ человѣческомъ, какъ основаніе для открытія этихъ средствъ и пользованія ими. О трехъ способахъ опредѣленія причинной связи въ Мірѣ человѣческомъ: черезъ четыре модуса цѣлесообразности, черезъ отдѣльныя изслѣдованія группъ причиннаго сцѣпленія, черезъ анализъ природы вещей и явленій и открытіе одного, что входитъ общею частью во многое; объясненіе послѣдняго способа открытія причинъ на изслѣдованіи причинъ пробужденія и оживленія религіознаго чувства. — IV. *О средствахъ, ведущихъ къ должному;* отношеніе ихъ къ средствамъ достиженія всякихъ цѣлей, и къ естественнымъ процессамъ, которые ведутъ къ конечнымъ формамъ жизни. Нужно ли человѣку придумывать что-либо иное, отличное отъ естественныхъ конечныхъ формъ, въ которыя стремится завершиться его природа и его жизнь? Двѣ формы ученія о путяхъ къ должному: Ученіе объ естественныхъ процессахъ, ведущихъ къ конечнымъ формамъ, и Ученіе объ искусственныхъ процессахъ, отклоняющихъ естественное зло, лежащее на пути къ конечнымъ формамъ. — V. О путяхъ ведущихъ къ естественнымъ конечнымъ формамъ; жизненные процессы, будучи причинными, являются одновременно и цѣлесообразными. О злѣ, которое присуще естественнымъ процессамъ; о множественности причинъ одного и того же явленія, какъ орудій уклоненія отъ этого естественнаго зла.

I. Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію втораго члена цѣлесообразности въ Мірѣ человѣческомъ, подчиненнаго цѣли и опредѣляемаго ею — *средствъ къ достиженію должнаго*, или путей, ведущихъ къ нему.

Соотвѣтственно тремъ выясненнымъ значеніямъ, въ которыхъ можетъ быть понимаема цѣль, и средства могутъ быть разсматриваемы трояко: въ своемъ общемъ видѣ,

какъ *орудіе достиженія цѣли*, безъ отношенія къ тому, какова она, желательна или нежелательна; какъ *естественный процессъ*, который предстоитъ пройти чему либо развивающемуся ранѣе осуществленія въ своей естественной конечной формѣ; и, наконецъ, какъ *путь достиженія чего либо желаемаго, отклоняющагося отъ естественной конечной формы*.

II. Общій какъ бы канонъ для всѣхъ ученій о средствахъ есть выведенное нами ранѣе положеніе, простирающееся на оба Міра, физическій и человѣческій, что *цѣлесообразность дѣйствуетъ черезъ причинность, и не можетъ дѣйствовать ни безъ нея, ни черезъ что либо другое кромѣ ея*. Изъ этого положенія прямо вытекаетъ слѣдующее основное опредѣленіе средствъ въ Мірѣ человѣческомъ: *средства къ чему-либо суть рядъ явленій, причинно соединенныхъ между собою, въ которомъ (рядѣ) первое есть существующая дѣйствительность, а послѣднее есть цѣль*, какъ желаемое, или какъ естественная конечная форма, или вообще какъ послѣдній членъ цѣлесообразнаго соединенія. Къ этому опредѣленію нужно обращаться всякій разъ, когда или предстоитъ распознать, суть ли средства нѣчто совершающееся въ дѣйствительности, т. е. наблюдаемое ведетъ ли къ предполагаемому? или когда предстоитъ узнать, можетъ ли нѣчто еще не существующее служить средствомъ, т. е. задуманное поведетъ ли къ желаемому?

Теперь, сдѣлавъ эти предварительныя замѣчанія и опираясь на нихъ, обратимся къ ученіямъ о трехъ родахъ средствъ.

III. *Ученіе о средствахъ къ достиженію всякихъ цѣлей* есть раскрытіе причиннаго сцѣпленія въ Мірѣ человѣческомъ. Сообразно основному закону объ отношеніи цѣлесообразности къ причинности, разъ это раскрытіе будетъ совершено, станетъ возможно осуществленіе всякой цѣли, если хоть одна изъ близкихъ или дальнихъ причинъ ея осуществима.

Разрѣшить эту задачу предстоитъ будущему, и она потребуетъ для себя продолжительнаго времени и много

утомительнаго труда. Мы ограничимся немногими замѣчаніями относительно того, какъ можетъ быть ведено здѣсь изученіе.

Во-первыхъ, раскрытіе всего причиннаго сцѣпленія можетъ быть основано на четырехъ модусахъ цѣлесообразнаго процесса, краткое выраженіе которыхъ, выведенное нами ранѣе, содержится въ формулахъ: «вещь для вещи», «вещь для явленія», «явленіе для явленія» и «явленіе для вещи», — гдѣ подъ явленіемъ разумѣется всякое измѣненіе, простое и сложное, а подъ вещью все существующее, т. е. напр. и свойства.

Имѣя въ виду эти четыре формулы, слѣдуетъ разложить все, изъ чего слагается Міръ человѣческій, на два параллельные ряда: на *рядъ явленій*, и на *рядъ вещей;* затѣмъ по отношенію къ каждому отдѣльному явленію слѣдуетъ разсмотрѣть, какія другія явленія оно вызываетъ или однимъ своимъ существованіемъ, и притомъ одновременно съ собою (причинное сосуществованіе), или своимъ совершеніемъ, и притомъ послѣ себя (причинное преемство), и далѣе — какія вещи создаетъ оно. Сдѣлавъ это относительно всѣхъ явленій, нужно поступить также и относительно каждой вещи. Едва ли нужно оговариваться, что подъ «каждымъ изъ явленій» и подъ «каждою изъ вещей» здѣсь разумѣется каждый «классъ тожественныхъ вещей или явленій», напр. явленіе страданія, или — примѣръ вещи — идея религіозная.

Когда разложеніе вещей и явленій въ ряды совершено, опредѣленіе причинной связи не можетъ представить собою никакого затрудненія. Она открывается путемъ простой элиминаціи, по правиламъ Бэконовой индукціи: «каждое явленіе или вещь исчезающая, измѣняющаяся или появляющаяся съ исчезновеніемъ, измѣненіемъ или появленіемъ другаго явленія (или вещи) находится съ нимъ въ причинной связи». Слѣдовательно вопросъ здѣсь сводится къ многообразному наблюденію дѣйствительной жизни и къ осмотрительному и искусному опыту въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ возможенъ.

Гораздо болѣе затрудненія можетъ представить разложеніе вещей и явленій въ ряды, и именно — полнота этого разложенія. Но и здѣсь трудность состоитъ не въ непреодолимости чего-либо, но въ утомительности продолжительной и сложной классификаціи. И мы позволимъ себѣ замѣтить здѣсь, что еслибъ то время, которое обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ тратится на безплодныя сѣтованія о невыполнимости работы, было употреблено на дѣйствительное выполненіе ея, то она не столько бы утомила трудящихся, сколько теперь ихъ жалобы утомляютъ слушающихъ. Такъ именно случилось со сложностью законовъ общественной жизни, до такой степени будто бы чрезмѣрной, что, вслѣдствіе неувѣренности преодолѣть ее, до сихъ поръ никто не пытался даже отвѣтить на вопросъ — въ чемъ именно состоитъ эта сложность, и какое отношеніе она имѣетъ къ открытію самыхъ законовъ?

И притомъ разнообразіе и многочисленность явленій и вещей Міра человѣческаго скорѣе кажущаяся, нежели дѣйствительная, и она немедленно разсѣется, разъ будетъ внесенъ сюда свѣтъ правильной и точной классификаціи. Все безпорядочное и не приведенное въ систему имѣетъ свойство представляться большимъ нежели есть на самомъ дѣлѣ, по той причинѣ, что въ немъ каждая отдѣльная вещь кажется ни съ чѣмъ несхожею, потому что сходное съ нею лежитъ далеко отъ нея или закрыто другими вещами; будучи же приведено въ систему, все располагается въ немногіе классы, роды и виды. И ранѣе, когда намъ необходимо было указать, между чѣмъ и чѣмъ въ Мірѣ человѣческомъ могутъ быть соотношенія, и затѣмъ — какіе есть виды добра и зла, мы привели примѣръ подобной классификаціи, правда далекой отъ полноты, но за то и ни мало не затруднительной.

Во-вторыхъ, избѣгая утомительности этой классификаціи и жертвуя полнотой, которую даетъ она, можно брать различныя вещи или явленія въ Мірѣ человѣческомъ и изслѣдовать изолированно ихъ въ причинномъ отношеніи, узнавая всякій разъ: *какія различныя вещи и явленія могутъ*

исходить отъ единичнаго изслѣдуемаго, какъ слѣдствіе? и далѣе — *само оно, будучи единичнымъ, какими различными вещами или явленіями, какъ причинами, можетъ быть произведено?* Рядъ такихъ частныхъ изслѣдованій, въ отдѣльности не затруднительныхъ и интересныхъ, современемъ исчерпаетъ собою весь Міръ человѣческій; а будучи соединены вмѣстѣ, эти изслѣдованія дадутъ полное раскрытіе всего причиннаго сцѣпленія въ немъ. Какъ на поясняющій примѣръ своей мысли, мы укажемъ на слѣдующія задачи: «опредѣлить всѣ причины и всѣ послѣдствія субъективнаго религіознаго настроенія», или: «опредѣлить всѣ причины и всѣ послѣдствія сильно развитаго воображенія», или «опредѣлить всѣ причины и всѣ послѣдствія централизаціи учрежденій». Чрезвычайная живость подобнаго труда, его глубокая плодотворность и занимательность заставляетъ думать, что если бы изученіе повелось этимъ путемъ, оно окончилось бы скорѣе, чѣмъ какъ можно думать, судя по многочисленности задачъ.

Наконецъ есть еще третій способъ раскрытія причинной связи, но онъ также связанъ съ предварительною классификаціей. Ранѣе мы говорили, что законъ существуетъ между всякими двумя вещами или явленіями въ Мірѣ человѣческомъ, въ которыя что либо входитъ общею частью. И такъ какъ законъ есть соотношеніе, а соотносится между собою лишь то одно, что находится въ причинной связи, то, слѣдовательно, способъ открытія, между чѣмъ и чѣмъ существуетъ законъ, есть вмѣстѣ и способъ опредѣленія, между чѣмъ и чѣмъ существуетъ причинная связь. Основываясь на этомъ, послѣ предварительной классификаціи вещей и явленій въ Мірѣ человѣческомъ *слѣдуетъ каждую вещь и каждое явленіе разложить на простѣйшіе, не разложимые далѣе, элементы, и смотрѣть, во что и во что одно и тоже входитъ, какъ составная часть: все, связанное общностью какого либо элемента, будетъ связано и причинною связью.* Этотъ аналитическій путь изслѣдованія можетъ вполнѣ замѣнить опытъ и наблюденіе, о которыхъ мы говорили выше. И это тѣмъ

болѣе важно, что опытъ рѣдко возможенъ въ Мірѣ человѣческомъ, а наблюдаемые факты не всегда бываютъ расположены въ порядкѣ, удобномъ для индуктивнаго вывода.

Возьмемъ для примѣра субъективное религіозное чувство и посмотримъ, какъ можно было бы опредѣлить причины его пробужденія и оживленія черезъ аналитическое разсмотрѣніе его природы.

Такъ-какъ идея Божества есть идея Существа Единаго, Всемогущаго и Праведнаго, то живость представленія и ощущенія Его будетъ увеличиваться всякій разъ, когда въ духѣ или въ жизни окружающей будетъ нѣчто такое, что могло бы направить теченіе идей къ единству, къ правдѣ и къ силѣ. Теченіе же идей (или чувствъ) въ направленіи къ чему либо происходитъ тогда, когда или это что либо становится извѣстнымъ и притягиваетъ къ себѣ, или когда отталкиваетъ что либо противоположное. Итакъ, ощущеніе единства можетъ явиться или тогда, когда созерцаемое не разнообразно, или тогда, когда въ созерцаемомъ разнообразномъ открывается единство. Отсюда — бѣдное однообразіе окружающей природы, и философское пониманіе единства общаго въ ней — суть одинаково причины оживленія религіознаго чувства.

Переходимъ ко второму аттрибуту. Представленіе о силѣ можетъ возникнуть и положительно, — при видѣ чего либо, что превышаетъ силу человѣка; и отрицательно — при ощущеніи недостаточности своей силы для чего либо. Первое естественно возникаетъ при видѣ измѣненій въ природѣ, которыя размѣрами своими всѣ превосходятъ размѣры тѣхъ измѣненій, которыя можетъ произвести въ ней человѣкъ. Отсюда — мысль о причинахъ явленій и процессовъ природы можетъ пробудить мысль о Божествѣ, или какъ объ Единомъ Существѣ, когда что либо другое направляетъ теченіе мыслей къ единству болѣе, нежели къ разнообразію; или какъ о многихъ существахъ, изъ которыхъ каждое производитъ одинъ какой либо разрядъ дѣйствій (напр. въ греческомъ политеизмѣ колебанія земли производились однимъ божествомъ, волненія моря — дру-

гимъ, дуновеніе вѣтра — третьимъ и т. д.). Отрицательно же религіозное чувство, связанное съ представленіемъ силы, оживляется тогда, когда у человѣка есть величайшая потребность и жажда могущества, и сознаніе, что ни въ немъ самомъ и ни въ чемъ окружающемъ нѣтъ этого могущества. Такъ въ величайшемъ несчастіи и среди безысходнаго горя человѣкъ невольно ищетъ опоры и защиты во всемогуществѣ Творца своего *).

Наконецъ, въ связи съ третьимъ изъ указанныхъ аттрибутовъ религіозное чувство оживляется также отрицательно. Человѣческой душѣ чужда и непонятна окончательная несправедливость. Онъ допускаетъ ее только какъ временное и мѣстное, что почему-либо необходимо, но что непремѣнно вознаграждается, заглаживается или въ другое время, или въ другомъ мѣстѣ. Его нравственное чувство такъ же не можетъ себѣ представить закончившуюся въ самой себѣ несправедливость, какъ его умъ не можетъ представить себѣ причину, которая совершившись однако не вызвала бы слѣдствіе. Поэтому всякій разъ, когда въ окружающей жизни онъ начинаетъ сильнѣе поражаться несправедливостью, которая на землѣ не находитъ себѣ никакого воздаянія, его душа невольно клонится къ мысли, что эта справедливость будетъ воздана за предѣлами земной жизни, что тамъ вознаградится незаслуженное страданіе и тамъ получитъ свое возмездіе неотомщенное преступленіе.

Итакъ, разсмотрѣвъ только три аттрибута, вытекающіе изъ природы Верховнаго Существа, мы нашли пять причинъ, которыя, не будучи ни въ чемъ сходны между собою, одинаково производятъ оживленіе представленія объ Верховномъ Существѣ. Разсмотрѣвъ подобнымъ же образомъ другіе аттрибуты, мы могли бы открыть и еще многія другія причины этого оживленія.

IV. Средства, ведущія къ третьему виду цѣлей — къ долж-

*) Чрезвычайно яркое выраженіе этотъ психическій фактъ получилъ въ слѣдующей замѣчательной поговоркѣ нашего народа: «кто на морѣ не бывалъ, тотъ Богу не маливался».

ному желаемому — суть ряды причинныхъ явленій, не требующихъ особаго изысканія, такъ-какъ они содержатся, какъ часть въ цѣломъ, въ общемъ раскрытіи причиннаго соединенія въ Мірѣ человѣческомъ. Это послѣднее обнимаетъ собою и добро и зло, открываетъ для человѣка пути и къ тому и другому, и по которымъ изъ нихъ пойдетъ онъ — это будетъ зависѣть отъ его свободнаго выбора.

Мы думаемъ, лучшее, что можетъ сдѣлать здѣсь человѣкъ, это воспользоваться естественною силою несущаго его историческаго потока, и не тратя силы на придумываніе чего-либо другаго, совершеннѣйшаго, нежели конечныя формы жизни, сохранить всю свою энергію на уклоненіе отъ того, что въ этомъ движеніи можетъ угрожать ему опасностью. Формы, въ которыя сама собою стремится завершиться человѣческая природа и жизнь, и прекрасны, и непреодолимо влекутъ къ себѣ. Борьба съ этимъ влеченіемъ если и возможна на время, будетъ безуспѣшна въ концѣ концовъ, потому что не на что будетъ опереться человѣку въ сопротивленіи тому, что изъ его же природы вытекаетъ; и къ тому же неуместна эта борьба, потому что влекущее не дурно, или по крайней мѣрѣ придуманное будетъ хуже. Все, что искусственно изобрѣтая человѣкъ ставилъ передъ собою въ исторіи, какъ послѣднюю задачу: чувственныя наслажденія (эпикурейцы), добродѣтель и мудрость (стоики), аскетизмъ (буддизмъ), образованіе (французскій раціонализмъ XVIII в.), гуманность (германское просвѣщеніе), наибольшее счастье наибольшаго числа людей (англійскій утилитаризмъ) и еще многое другое лучшее, — все это было такъ же прекрасно, какъ и неполно, и никогда и ничто изъ этого не признавалось за высшее благо одинаково всѣми народами и на всѣ времена, но только нѣкоторыми и на нѣкоторое время. Въ естественныхъ же конечныхъ формахъ все это содержится, но только какъ часть и, умѣряемое одно другимъ, не только утрачиваетъ свою исключительную односторонность, но еще и усложняется и дополняется многимъ другимъ, что въ перечисленномъ не названо.

Поэтому два ученія о послѣднихъ двухъ родахъ средствъ удобнѣе будетъ соединить въ одно — въ *Ученіе объ естественныхъ процессахъ*, ведущихъ отдѣльныя стороны жизни къ ихъ *естественнымъ конечнымъ цѣлямъ*; но только дополнивъ его *Ученіемъ объ искусственныхъ процессахъ*, которые будучи предпамѣренно осуществлены, могли бы *отклонить* историческое развитіе человѣческой природы и жизни отъ нѣкотораго естественнаго зла, расположеннаго на пути къ конечнымъ формамъ.

V. Это ученіе о путяхъ, ведущихъ къ конечнымъ формамъ, распадается на столько вѣтвей, сколько есть видовъ добра; а дополнительное ученіе объ отклоняющихъ путяхъ распадается на формы по числу видовъ зла. Мы не будемъ останавливаться на перечисленіи ни тѣхъ, ни другихъ, такъ какъ приблизительное указаніе видовъ добра и зла сдѣлано нами ранѣе, и пути, ведущіе къ нимъ, соотвѣтствуютъ этому указанію. Приведемъ только какой нибудь примѣръ для объясненія, что значитъ «естественный путь къ конечной формѣ» и что значитъ «путь, отклоняющій отъ зла».

Пусть развивающееся въ естественную конечную форму есть государство. Процессъ его развитія будетъ слагаться изъ трехъ видовъ измѣненія, изъ которыхъ первымъ выступитъ растяженіе политической формы черезъ увеличеніе того, что стягивается ею. Такъ и бываетъ въ дѣйствительности, и эта дѣйствительность изъ случайнаго наблюдаемаго становится для разума внутренно необходимою, когда, всмотрѣвшись во взаимное отношеніе трехъ формъ политическаго измѣненія, онъ замѣчаетъ, что каждая простѣйшая изъ нихъ обусловливаетъ собою слѣдующую, болѣе сложную. Такъ въ самомъ началѣ своего существованія всякое государство ведетъ войны, отнимаетъ у сосѣдей земли и подчиняетъ себѣ другія племена, — и это въ томъ періодѣ, когда оно само чуждо еще всякой организаціи, когда князь и народъ представляютъ собою весь составъ его. Послѣдующимъ измѣненіемъ является вторая форма усложненія — удвоеніе какого либо элемента

въ государствѣ, и не трудно замѣтить, въ какой тѣсной зависимости находится оно отъ предъидущей формы измѣненія. Въ началѣ историческаго существованія государства, при понятномъ отсутствіи какой бы то ни было дисциплины, только личное присутствіе повелѣвающаго придаетъ дѣйствительность повелѣніямъ, и когда оно становится невозможнымъ за растянутостью земель и народонаселенія, появленіе помощника его становится естественнымъ и необходимымъ. Что это не есть усложненіе въ самой политической формѣ, но только удвоеніе, это видно, во-первыхъ, изъ того, что у помощника нѣтъ никакой другой дѣятельности, которая раньше не была бы у князя — слѣдовательно съ его появленіемъ не появляется въ государствѣ ничего новаго, и во-вторыхъ, изъ того, что къ нему (помощнику) не переходитъ никакая часть дѣятельности князя, которой этотъ послѣдній одновременно лишался бы — слѣдовательно здѣсь не происходитъ и распаденія какого либо элемента въ государствѣ, но только чистое удвоеніе, вызванное расширеніемъ земли и народонаселенія. И это также наблюдается въ дѣйствительности, и въ исторіи нашего народа быть можетъ яснѣе, нежели гдѣ либо: волостель, какъ замѣна личнаго присутствія князя тамъ, гдѣ онъ не можетъ быть, есть первое и естественное усложненіе въ государствѣ, возникающее вслѣдъ за его расширеніемъ. Это удвоеніе дѣлаетъ возможнымъ дальнѣйшее расширеніе владѣній племени путемъ завоеваній. И, наконецъ, когда и самое расширеніе, и связанное съ нимъ простое умноженіе всякаго рода дѣлъ достигаетъ того, что и удвоеніе уже становится недостаточнымъ, тогда происходитъ распаденіе самой политической формы. Нѣкогда удвоившійся только органъ вновь раздѣляется такъ, что одной его части представляются одни дѣла, а другой части — другія. И когда при этомъ появляется вопросъ, какъ именно раздѣлить прежде смѣшанную въ одно дѣятельность, тогда впервые пробуждается и сознаніе — правда еще неясное, чуждое отчетливости — что подлежащее вѣдѣнію государства есть не одно,

но многое и различное. Послѣдующія распаденія политической формы являются чрезвычайно запутанными и совершаются по очень различнымъ причинамъ, между которыми скопленіе въ однѣхъ рукахъ многихъ дѣлъ остается, впрочемъ, едва-ли не важнѣйшею. Къ ней присоединяется: борьба за власть лицъ и сословій, вредъ соединенія въ одномъ лицѣ нѣкоторыхъ такихъ обязанностей, которыя, будучи совмѣщены, не могутъ выполняться хорошо, и т. д. Такое распаденіе политической формы наиболѣе отчетливо можно наблюдать въ римской исторіи. Замѣтимъ, что всѣ эти измѣненія, происходя по причинамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣлесообразны: это видно изъ того, что они продолжаютъ свое существованіе и тогда, когда исчезаютъ эти причины, потому что достигаемая ими польза не можетъ быть достигнута никакимъ другимъ способомъ, какъ только выдѣленными своеобразными органами.

Это — «процессъ естественный», потому что онъ движется естественными нуждами, возникающими въ исторіи; и онъ направляется къ «конечной формѣ», потому что, каковы бы ни были эти естественныя нужды, вызываемое ими распаденіе политической формы на цѣлесообразныя части движется къ осуществленію блага все въ большей и большей полнотѣ и цѣлости, — что и есть цѣль государства.

По мѣрѣ этого естественнаго развитія государства, и вслѣдствіе его, возникаетъ своеобразное зло. Съ растяженіемъ политической формы ослабѣваетъ та связь, которою она соединяетъ между собою людей. Въ маленькихъ государствахъ при равенствѣ прочихъ условій чувство единства всѣхъ гражданъ, привязанность всѣхъ ихъ къ странѣ своей — все то, что принято называть «патріотизмомъ» — естественно и необходимо сильнѣе, чѣмъ въ обширныхъ государствахъ, гдѣ слабо представленіе о себѣ, какъ о принадлежащемъ къ чему-то самостоятельному и цѣлому, что отличается отъ другихъ политическихъ организмовъ. Съ удвоеніемъ органовъ, повсюду и постоянно дѣйствующихъ одинаково и надъ однимъ и тѣмъ же (напр. судъ вездѣ начинаетъ твориться надъ одними и тѣми же

преобразованіями и въ однѣхъ и тѣхъ же формахъ) исчезаетъ то разнообразіе, та красота различій, которая присуща бываетъ государствамъ въ началѣ ихъ развитія, и замѣняется повсюду монотоннымъ однообразіемъ: исчезаетъ мѣстный языкъ, мѣстные нравы и обычаи, вѣковыя преданія, вѣрованія. Они замѣняются быть можетъ и лучшимъ, и болѣе совершеннымъ, чѣмъ въ отдѣльности каждое вытѣсняемое, но все-таки при этомъ исчезаетъ многое прекрасное, чего нѣтъ въ этомъ лучшемъ. Наконецъ, съ усложненіемъ политической формы отдѣльные, обособившіеся органы мало по-малу утрачиваютъ воспоминаніе о той общей цѣли, ради которой они выдѣлились, и дѣятельность свою, разъ установленную, начинаютъ ошибочно принимать за цѣль своего существованія: они не измѣняютъ ее и тогда, когда или вслѣдствіе измѣнившихся условій жизни, или вслѣдствіе чего [illegible]ого, эта дѣятельность уже не соотвѣтствуетъ первоначальной цѣли органа. Такъ органъ, выдѣлившійся для возвышенія умственныхъ и нравственныхъ силъ народа черезъ воспитаніе, привыкаетъ мало по-малу въ увеличеніи числа воспитываемыхъ и количества воспитанія видѣть цѣль свою, потому что въ этомъ именно состоитъ его дѣятельность. Такъ органъ, выдѣлившійся для улучшенія и ускоренія сообщеній въ странѣ, начинаетъ въ удлиненіи и улучшеніи дорогъ видѣть назначеніе своего существованія, хотя бы черезъ это и падало благосостояніе множества малыхъ городовъ въ пользу немногихъ большихъ центровъ; и т. д.

Это три вида зла, возникающіе изъ сущности трехъ видовъ измѣненія въ государствѣ, и они усложняются еще многочисленными другими видами его, которыя появляются съ выдѣленіемъ всякаго органа. Напр. личное мужество упадаетъ, когда государство беретъ на себя охрану личности каждаго, что всегда можно наблюдать на границахъ цивилизованнаго государства и нецивилизованнаго. Всякій органъ, возникая для осуществленія нѣкотораго опредѣленнаго добра, влечетъ за собою и въ

которое опредѣленное же зло, вообще неуничтожимое. Въ своемъ родѣ это специфическій ядъ государства, паразиты, которыхъ оно никогда не можетъ избѣгнуть, потому что они скрытно заключены въ самомъ существѣ его, какъ напр. мужество — въ опасности жизни, и робость — въ безопасности ея.

Пути искусственнаго ослабленія этого естественнаго зла суть ряды причинной связи, оканчиваюціеся явленіями, противоположными злу, которыя, такимъ образомъ, не уничтожая его, что невозможно, уравновѣшиваютъ. При помощи этихъ рядовъ искусственныхъ явленій можно достигнуть того, что зло оставаясь въ политической формѣ не коснется человѣка, живущаго въ ней; подобно тому какъ естественный изъянъ въ дорогѣ, восполненный искусственно, дѣлается незамѣтнымъ для путника.

Самое же осуществленіе этихъ искусственныхъ исправленій историческаго пути возможно на основаніи *множественности причинъ* одного и того же факта или явленія въ Мірѣ человѣческомъ. Исходя изъ этой множественности, всякій фактъ или явленіе, которые исчезли съ исчезновеніемъ одной причины, можно вновь вызвать къ существованію искусственно создавъ его другую причину. Такъ чувство единства и привязанности къ своей странѣ, создаваясь малочисленностью гражданъ и тѣснотою границъ, создается также и централизованностью управленія, общностью интересовъ и жизни, каждымъ общегосударственнымъ предпріятіемъ или общегосударственною опасностью. И мы можемъ наблюдать въ современной политической системѣ государствъ, какъ это слѣдствіе остается неизмѣннымъ, когда исчезаютъ его причины, — потому что ихъ замѣняютъ другія причины. Такъ въ маленькой, но децентрализованной Швейцаріи чувство единства гражданъ не сильнѣе, нежели въ большой, но централизованной Франціи; или чувство патріотизма въ обширной Россіи, ведущей непрерывныя войны, не слабѣе, нежели въ Португаліи, которая хотя не обширна, но не ведетъ войнъ.

ГЛАВА XX.

Ученіе о Мірѣ человѣческомъ: о достигнутомъ или объ исторіи.

I. Исторія, какъ изображеніе, пониманіе и оцѣнка совершеннаго и совершившагося въ Мірѣ человѣческомъ.— II. Что въ Мірѣ человѣческомъ не подлежитъ вѣдѣнію исторіи? Второе опредѣленіе ея, какъ науки; существенное и несущественное въ ней; ея методъ. — III. *Изображеніе* прошедшаго, какъ первая задача исторіи; о двухъ родахъ историческаго искаженія, внѣшнемъ и внутреннемъ. О дарѣ художественнаго пониманія о дарѣ художественнаго изложенія; объ исторіи національной; о трудности написать художественную исторію человѣчества. — IV. *Пониманіе* прошедшаго, какъ вторая задача исторіи; о разложеніи цѣльнаго историческаго процесса на единичные процессы; объ элементахъ единичныхъ процессовъ; о причинахъ внѣшнихъ и о причинахъ внутреннихъ въ историческихъ процессахъ; о факторахъ историческихъ процессовъ; о силахъ, движущихъ историческіе процессы, и о законахъ, которые управляютъ ими.— V. *Оцѣнка* прошедшаго, какъ третья задача исторіи; что именно должна опредѣлить исторія оцѣнивая, и при помощи чего ею можетъ быть совершена правильная оцѣнка; заключительныя мысли объ исторіи, какъ послѣдней вѣтви ученія о Мірѣ человѣческомъ. Общій обзоръ всѣхъ формъ пониманія: невозможность ихъ пріобрѣсти какое-либо познаніе; что въ сказанномъ объ нихъ непреложно, и что можетъ быть ошибочно.

I. То, что до сихъ поръ раздѣльно служило объектомъ пониманія — дѣйствительное и мыслимое — снова соединяется въ послѣдней формѣ ученія о Мірѣ человѣческомъ. Сохраняя тотъ идеальный характеръ, который исключительно присущъ ученіямъ о добрѣ и злѣ, о цѣляхъ и о средствахъ, эта послѣдняя форма снова возвращается къ тому реальному, что заключено въ трехъ ученіяхъ о творчествѣ. Пользуясь всѣмъ пониманіемъ, которое даютъ первыя ученія, она прилагаетъ его къ объясненію того, что когда-то было нѣкогда человѣкомъ и что въ обломкѣ видѣ, теоретически только, разсматривали вторыя ученія.

Это — *исторія*, какъ *изображеніе*, *пониманіе* и *оцѣнка* совершеннаго и совершившагося [1]) въ Мірѣ человѣческомъ; съ нею исчерпывается его содержаніе, и съ тѣмъ вмѣстѣ завершается *Ученіе о познаваемомъ*, а съ нимъ — и самое *Пониманіе*.

II. Остановимся внимательнѣе на каждой изъ трехъ задачъ исторіи. Но сперва сдѣлаемъ нѣсколько предварительныхъ замѣчаній о томъ, что̀ именно подлежитъ ея изученію, что̀ изображаетъ, понимаетъ и оцѣниваетъ она.

Предметомъ изученія здѣсь снова становится человѣкъ, какъ центръ и движитель своеобразнаго міра явленій; то-же, при помощи чего онъ изучается, суть законы духа и жизни, ранѣе установленные, и далѣе — явленія добра и зла и цѣлесообразность.

Но не все въ человѣкѣ и въ его прошлыхъ судьбахъ изучается исторіею. Ея предметъ, мы сказали, есть совершенное и совершившееся, т. е. не то, что было только, но что *измѣнялось* въ бывшемъ. Что же измѣнялось въ человѣкѣ и въ жизни?

Тѣло человѣка всегда оставалось неизмѣннымъ. Его организмъ теперь таковъ-же, и въ немъ то-же происходитъ, что происходило и чѣмъ онъ былъ и тысячелѣтія тому назадъ. Ни свидѣтельства памятниковъ, ни раскопки древнихъ могилъ, ни изображенія человѣка, такъ нерѣдко находимыя на различныхъ предметахъ, — ничто изъ этого не говоритъ намъ объ измѣненіяхъ въ его тѣлѣ. Итакъ, *духъ* — вотъ одно̀ въ человѣкѣ, что измѣнялось и что, слѣдовательно, имѣетъ исторію.

И [illegible] жизни также не все измѣнялось. Она есть синтезъ творчества, исходящаго изъ человѣка — съ одной стороны, законовъ, явленій добра и зла, и цѣлесообразности — съ другой стороны. Только одно первое измѣняется въ ней, второе же остается вѣчно неподвижнымъ.

---

[1]) Подъ «совершеннымъ» мы разумѣемъ *сознательно* и *произвольно* сдѣланное человѣкомъ; подъ «совершившимся» — *безсознательно* и *невольно* происшедшее, напр. измѣненія въ языкѣ, экономической жизни и пр.

Итакъ — *исторія есть изображеніе, пониманіе и оцѣнка генезиса духа въ его творчествѣ.*

Отсюда ясно, что̀ существенно въ исторіи и что̀ второстепенно. Существенны идеи, которыя прошли нѣкогда черезъ сознаніе человѣка, стремленія, которыя овладѣвали имъ въ различное время, чувства, которыя пережилъ онъ; второстепенны же дѣла его. Ихъ значеніе ограничивается тѣмъ, насколько въ нихъ выразилось, что̀ думалъ, что̀ чувствовалъ и чего желалъ человѣкъ. Отсюда ясно, что исторія не есть исторія дѣлъ, rerum gestarum descriptio, чѣмъ она всегда была по преимуществу, но исторія внутренней жизни человѣка.

Этимъ отдѣленіемъ существеннаго отъ несущественнаго опредѣляется и методъ исторіи; онъ есть *психологическій*. Въ каждомъ явленіи жизни искать проявленія духа, и черезъ это познавать его; и познанное въ духѣ обратно вносить въ явленія жизни, чтобы освѣтить и понять ихъ, — вотъ пріемы, которые одни могутъ быть истинно плодотворны въ исторіи.

Теперь, сдѣлавъ эти необходимыя замѣчанія, обратимся къ разсмотрѣнію тройной задачи исторіи.

III. *Изображеніе* прошлыхъ судебъ человѣка должно предшествовать пониманію ихъ, и это пониманіе — оцѣнкѣ. Потому что ранѣе, чѣмъ понять что либо, необходимо узнать его; и прежде чѣмъ оцѣнить, нужно понять. Поэтому ни одна изъ задачъ исторіи не можетъ быть выполнена правильно, какъ-бы ни были совершенны прилагаемыя къ этому силы, если будетъ нарушена строгая послѣдовательность въ выполненіи.

Такое истинное изображеніе прошедшихъ судебъ отдѣльнаго ли народа, всего ли человѣчества, или какой нибудь одной эпохи въ его жизни можетъ *художественная исторія*. Чтобы она была совершенна, историку необходимо обладать даромъ художественнаго пониманія человѣка и жизни, и даромъ художественной передачи понятаго. Первое состоитъ въ томъ, чтобы по немногимъ чертамъ, оставшимся отъ эпохи или отъ дѣятельности историче-

скаго человѣка, возсоздавать цѣлое, которому принадлежатъ эти черты, и притомъ съ такою истиною, что для всякаго было бы очевидно, что ни другому чему нибудь, кромѣ возсозданнаго, не могутъ принадлежать эти черты, ни возсозданное не могло бы проявиться иначе, какъ только въ этихъ чертахъ, которыя сохранились въ историческихъ памятникахъ. Это — даръ воображенія отгадывать скрытое по извѣстному, и не нужно думать, что онъ можетъ повредить исторической истинѣ: онъ только дополняетъ ее, но не искажаетъ; ему можно довѣриться, потому что, если глубже и всесторонѣе изслѣдовать его сущность, то дѣятельность его получитъ свое обоснованіе и оправданіе. Онъ дѣйствуетъ основываясь безотчетно на огромномъ количествѣ наблюденій, нѣкогда сдѣланныхъ надъ дѣйствительностью, но забытыхъ потомъ и сохранившихся только въ темной сторонѣ духа, — въ той, куда не проникаетъ ясное сознаніе. Его участіе въ созиданіи исторіи оправдывается безошибочностью его дѣятельности въ другихъ областяхъ: такъ напр. и въ жизни мы нерѣдко и правильно отгадываемъ характеры людей, хотя никогда опытъ и наблюденіе не даютъ намъ полнаго знанія ихъ, но всегда только частичное; мы не колеблясь утверждаемъ, какъ поступитъ близкіе намъ люди въ тѣхъ или въ другихъ опредѣленныхъ случаяхъ, хотя эти случаи еще не наступили — и не обманываемся при этомъ; поэтъ и художникъ въ немногихъ чертахъ умѣютъ представить передъ нами цѣльный образъ человѣка, и мы по этимъ немногимъ чертамъ умѣемъ понимать представляемый образъ и кромѣ того, что говоритъ о немъ художникъ, знаемъ еще и многое другое, о чемъ не говоритъ онъ, и не ошибаемся. Словомъ — это естественная, неуничтожимая и прекрасная способность человѣческаго ума дорисовывать то, что какъ бы не дорисовано въ дѣйствительности, продолжая начатое въ ней до тѣхъ поръ, пока оно не замкнется само собою, образуя полныя формы, которымъ ничего не недостаетъ и которыя въ такомъ только видѣ возможны, понятны и истинно дѣйствительны — болѣе, чѣмъ сама

дѣйствительность, которая такъ часто бываетъ недокончена.

Художественно понятое историкъ долженъ, мы сказали, и художественно передать. Это значитъ найденное въ памятникахъ, и ничего не измѣняя въ нихъ, онъ долженъ такъ возсоздать въ словѣ, чтобы у читающаго возникло въ воображеніи не то одно, что есть въ памятникахъ, но и то все, что понялъ въ нихъ историкъ, хотя объ этомъ онъ прямо и не говоритъ. И это требуетъ не меньшаго дарованія, чѣмъ какого требуетъ самое пониманіе. Художественность въ исторіи не слѣдуетъ смѣшивать ни съ живостью разсказа, ни съ драматизмомъ изложенія, ни съ красотами языка, потому что все это можетъ присутствовать въ исторіи и однако она не будетъ художественною, равно какъ она можетъ быть художественною и тогда, когда въ ней ничего этого нѣтъ. Это — качества исключительно внѣшнія, тогда какъ художественность есть внутреннее, и притомъ она не качество только, но самая сущность изложенія. Достигается она при помощи языка и при помощи особаго, цѣлесообразнаго размѣщенія излагаемаго. Достоинства перваго состоятъ въ полномъ соотвѣтствіи съ предметомъ изложенія, но не въ искусственномъ приноровленіи къ нему, а въ свободномъ какъ бы слѣдованіи изъ его сущности. Такъ что въ то время, какъ точный смыслъ словъ обрисовываетъ всѣ наружныя, непередаваемыя проявленія того, о чемъ говорится въ историческомъ произведеніи, излагаетъ событія и описываетъ факты, — языкъ выражаетъ тотъ общій, непередаваемый духъ, который скрывается за этими подробностями и производитъ ихъ. Цѣлесообразное же размѣщеніе излагаемаго состоитъ въ художественномъ различеніи того, что типично и характерно для эпохи или лица историческаго, и что не типично и не характерно, въ удаленіи послѣдняго и въ расположеніи перваго такъ, чтобы впечатлѣніе отъ изображенія вполнѣ соотвѣтствовало изображаемому, какъ понимаетъ его историкъ.

Ясно, что чѣмъ болѣе узокъ изображаемый предметъ, чѣмъ

онъ однороднѣе, тѣмъ менѣе онъ требуетъ отъ историка богатства художественнаго дара; и чѣмъ онъ шире, тѣмъ бо́льшаго требуетъ разнообразія въ дарованіи. Наиболѣе легкимъ, поэтому, съ художественной стороны слѣдуетъ признать изображеніе отдѣльныхъ историческихъ эпохъ въ жизни единичныхъ народовъ. Такъ для изображенія Реформаціи въ Германіи достаточно понять духъ нѣмецкаго народа и сущность самой Реформаціи, т. е. найти въ душѣ своей начала, соотвѣтствующія обоимъ этимъ элементамъ, слившимся въ произведеніи одного историческаго событія. Уже труднѣе правильно понять и изобразить одну и ту же эпоху въ жизни нѣсколькихъ народовъ, напр. эпоху Реформаціи въ Европѣ. Вмѣстить въ своей душѣ элементы на столько противоположные, какъ духъ Лютера и духъ Кальвина, проникнутые одновременно и сущностью германскаго характера, такъ рельефно выразившагося въ реформаціонномъ движеніи, и французскимъ складомъ ума и воображенія, такъ опредѣленно сказавшимся въ кальвинизмѣ — все это требуетъ значительнаго богатства и разносторонности дарованія отъ историка. Трудность еще болѣе возрастаетъ при изображеніи цѣльной исторіи какого-либо народа, когда она или закончена, или вообще прошла много фазисовъ развитія; потому что здѣсь духъ художника-историка долженъ отразить въ себѣ и выразить въ словѣ самыя разнородныя состоянія и стремленія національнаго ума и чувства. Такъ для историка Франціи нужно понять духъ столь несходныхъ между собою эпохъ, какъ эпохи рыцарства и католицизма, эпохи возрожденія наукъ и искусствъ и сложенія государственнаго единства, и далѣе — Реформаціи и придворной жизни временъ Людовика XIV, революціи и реставраціи. Людовикъ святой и Филиппъ красивый, Мольеръ и Руссо, Баярдъ и Робеспьеръ, ученые отшельники Портъ-Рояля и придворныя куртизанки XVII и XVIII вв., гонимые и гонители — все это должно найти родственный отзвукъ въ душѣ его, все это должно быть одинаково нечуждо ему. Національный историкъ

долженъ быть столь же богатъ духомъ, какъ и народъ, къ которому принадлежитъ онъ; и, выразитель этого духа, онъ одинъ долженъ стоять не ниже, чѣмъ вся масса этого народа и весь длинный и разнообразный рядъ смѣнившихся въ немъ поколѣній. И появленіе такого историка представляетъ собою какъ высшее счастіе для народа, истинную награду его историческаго труда, такъ и явленіе рѣдкое въ жизни даже самыхъ даровитыхъ націй. Потому что онъ не только сохраняетъ для памяти внѣшнія событія жизни своего народа, что не трудно и не интересно, но и дѣлаетъ для всѣхъ народовъ и для всего будущаго понятною его внутреннюю психическую жизнь, и черезъ это пробуждаетъ къ нему сочувствіе, какъ бы вводитъ его въ семью всѣхъ народовъ. И можетъ случиться, что народъ совершитъ и многое трудное, и создастъ высокое во всѣхъ областяхъ творчества, но такъ и умретъ не дождавшись своего національнаго историка и не оставивъ послѣ себя національной исторіи. Это великое несчастіе для народа. Это значитъ жить и не оставить слѣда послѣ себя, это значитъ пронестись надъ землею безплоднымъ звукомъ, который какъ бы ни былъ прекрасенъ — долженъ скоро замолкнуть.

Наконецъ художественное возсозданіе исторической жизни всего человѣчества представляетъ собою невѣроятныя трудности. Все то, что мы сказали о національномъ историкѣ и національной исторіи, имѣетъ приложеніе и здѣсь, но только сказанное должно расшириться на столько же, на сколько расширился самый предметъ, о которомъ мы говоримъ. Въ историкѣ-художникѣ, который способенъ былъ бы воспроизвести прошедшую жизнь человѣчества, должно въ значительной степени произойти то распаденіе духа, на которое мы указывали ранѣе, и несомнѣнно самъ онъ можетъ появиться не иначе, какъ въ эпоху упадка глубокой и всесторонней цивилизаціи. Отразить въ своемъ духѣ духъ всѣхъ народовъ и пережить съ ними всѣ времена; проникнуть попеременно и въ узкій практицизмъ Китая и во всю роскошь фантазіи Индусовъ; найти въ себѣ

сочувствіе и холодному анализу Аристотеля, и нѣкоторой какъ бы поэтической безсмыслицѣ поклонниковъ Пророка; понять и то, что чувствовали крестоносцы, когда при видѣ всякаго города спрашивали: «не это ли Іерусалимъ?» и то, что чувствовалъ Вольтеръ, когда смѣялся надъ ними; понять и бичеванія св. Франциска, и esprit французскихъ салоновъ; благоговѣть передъ закономъ съ Аристидомъ и смѣяться надъ нимъ съ Алкивіадомъ; восторгаться съ гуманистами находкѣ старой рукописи, и съ Буддою думать о средствахъ прекратить мученія всего сущаго, и все это не склоняясь къ одному болѣе, нежели къ другому, всему отдаваясь столь же искренно и глубоко, какъ отдавался въ различныя эпохи своей жизни самъ человѣкъ — это требуетъ такой всеобъемлемости духа, о какой даже приблизительнаго понятія не дала намъ исторія.

IV. *Пониманіе* есть задача философской исторіи. Оно состоитъ въ раскрытіи, что каждое явленіе въ прошедшей жизни человѣчества имѣло для себя достаточныя основанія въ одновременныхъ и предшествующихъ фактахъ, и что ни одно явленіе не исчезло не произведя всего того, что скрыто заключалось въ немъ. Это — причинность въ исторіи.

Предметъ исторіи есть всегда процессъ, но не простой, состоящій изъ развитія одного чего-либо, а сложный, состоящій изъ развитія многаго. Внимательно вематриваясь, его всегда можно разчленить на нѣсколько строго-самостоятельныхъ процессовъ, и какой бы историческій моментъ мы ни взяли, въ немъ мы всегда замѣтимъ, что одно пребываетъ увеличиваясь, другое убываетъ уменьшаясь, иное заканчивается уже, а иное только зарождается. И первая задача философской исторіи заключается въ томъ, чтобы выдѣлить всѣ эти особые процессы, изъ которыхъ слагается цѣлый и повидимому однородный процессъ исторіи. Такъ политическую исторію новаго времени было бы ошибочно разсматривать, какъ борьбу между различными, противоположными стремленіями. Въ ней нѣтъ побораюющихъ и побораемыхъ, нѣтъ убѣждающихъ и убѣжденныхъ

наконецъ. Правильнѣе разсматривать ее, какъ синтезъ одновременныхъ историческихъ теченій, причемъ какъ бы въ извѣстный моментъ ни замирало которое нибудь изъ нихъ, оно въ дѣйствительности всегда продолжаетъ существовать, но только временно закрывается другимъ, болѣе сильнымъ теченіемъ. Такимъ образомъ только для внѣшняго наблюдателя, который видитъ одну наружную сторону, можетъ представиться, напр., въ жизни Франціи за послѣднее столѣтіе, что въ ней одно смѣняется другимъ; для взгляда же болѣе глубокаго откроется, что въ своемъ цѣломъ жизнь этой націи есть какъ бы рядъ переплетающихся нитей, или — возьмемъ сравненіе изъ органической природы — какъ бы рядъ мускуловъ, изъ которыхъ ни одинъ не перерывается другимъ, но только или заходитъ за него скрываясь, или опять выходитъ и покрываетъ его собою. Такъ монархія въ ней никогда не переставала существовать и при республикѣ, равно какъ и республика продолжала жить при монархіи: элементы обѣихъ политическихъ формъ были и есть въ ней въ каждый историческій моментъ, но никогда во всей своей цѣлости, а только отчасти, раздѣляя между собою и учрежденія, и народъ.

Разложивъ цѣльное историческое развитіе на эти единичныя составляющіе процессы, исторія должна каждый изъ нихъ подвергнуть тщательному изученію. Такъ для Рима это была бы: исторія городскаго сословія и деревенскаго, исторія патриціата, нобилитета, войска, и далѣе — исторія учрежденій, эллинизма на италійской почвѣ, восточныхъ культовъ, наконецъ — исторія семьи, нравственности и пр. Такихъ отдѣльныхъ процессовъ въ исторіи каждаго развитаго народа существуетъ много.

Изучая каждый единичный процессъ необходимо опредѣлить, изъ чего зародился онъ и какимъ образомъ, т. е. опредѣлить источникъ его и форму измѣненія, первую и зачаточную въ немъ. Далѣе, слѣдя за постепеннымъ ростомъ его, нужно всякій разъ опредѣлять и внѣшнія причины, то сдавливающія его извнѣ, то дающія ему воз-

можность шире распространиться, и внутреннія — тѣ, которыя движутъ во времени это то расширяющееся, то съуживающееся въ пространствѣ. Затѣмъ, такъ же строго отдѣляя причины внѣшнія отъ внутреннихъ, необходимо отмѣтить моментъ, съ котораго процессъ послѣдовательно начинаетъ уменьшаться, и наконецъ, форму, въ которой, замыкаясь, онъ исчезаетъ.

Скажемъ нѣсколько словъ о томъ, что мы разумѣемъ здѣсь подъ причинами внѣшними и внутренними. Внѣшнія причины суть не источники какого-либо процесса, не то, что создаетъ его, но только извнѣ лежащія условія, въ которыхъ, уже созданный, онъ развивается, и которыми онъ видоизмѣняется и въ величинѣ, и въ формѣ, но никогда въ сущности. Внутреннія же причины суть тѣ, которыя создаютъ и потомъ движутъ процессъ, и ими же опредѣляется его сущность. Внѣшнія причины всегда принадлежатъ какому-либо другому процессу, развивающемуся параллельно съ тѣмъ, на который онѣ дѣйствуютъ, и въ немъ, въ этомъ другомъ процессѣ, онѣ суть внутреннія и существенныя. Поэтому онѣ могутъ существовать или не существовать, видоизмѣняться или не видоизмѣняться, — отъ этого тотъ процессъ, для котораго онѣ внѣшни, не перестаетъ ни существовать, ни развиваться далѣе. Внутреннія же причины лежатъ всегда въ предѣлахъ самаго процесса, и безъ нихъ онъ не можетъ ни возникнуть, ни продолжаться. Онѣ принадлежатъ или природѣ человѣка, суть свойства какой-либо стороны его духа, которая въ цѣломъ историческомъ процессѣ не сразу обнаруживается, но рано или поздно должна проявиться и начать собою отдѣльный процессъ, который и входитъ составною частью въ синтезъ другихъ, уже ранѣе существовавшихъ процессовъ. Такъ, напр., когда государственная жизнь такова, что всѣ способные въ народѣ могутъ получать образованіе и всѣ образованные могутъ получать доступъ къ почетнымъ и выгоднымъ занятіямъ, то масса простаго народа будетъ все понижаться въ умственномъ отношеніи сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ тогда,

когда образованіе еще не коснулось его: черезъ постоянное выдѣленіе изъ себя всего даровитаго по уму и характеру, что прежде оставалось въ его нѣдрахъ, онъ выродится черезъ нѣкоторое время въ слабоумный и апатичный классъ. Но это будетъ причина не внутренняя, но внѣшняя: параллельно съ народною массою развивающійся образованный классъ ростымъ своимъ ростомъ въ количественномъ отношеніи будетъ стѣснять ростъ простаго народа. Или еще: когда въ Римѣ роскошь и безнравственность достигли высокой степени, тогда появились законы, стѣснявшіе и то, и другое; но для упадка нравовъ и увеличенія роскоши отсутствіе соотвѣтствующихъ законовъ было только внѣшнею причиною. Такъ же по отношенію къ нобилитету усложненіе политической жизни и упадокъ патриціата были только внѣшними причинами, внутреннею же причиною было то, что въ политическую форму, гдѣ бы и какова бы она ни была, начало нобилитета всегда входитъ скрытымъ элементомъ. Власть въ государствѣ неизмѣнно сосредоточивается у лучшихъ или по роду, или по богатству, или по образованію, или по заслугамъ государству (знатность); и если въ Римѣ первое было, третьяго не было, второе не выдѣлилось въ особое начало по причинѣ отсутствія значительной промышленности и торговли, то необходимо должно было появиться четвертое, т. е. нобилитетъ.

Единичные историческіе процессы могутъ совершаться по всѣмъ модусамъ измѣненія, которые мы установили ранѣе: они могутъ быть раскрывающимися, сомкнутыми и замкнутыми. Такъ процессъ развитія учрежденій (распаденія политической формы) всегда бываетъ раскрывающійся: они послѣдовательно все усложняются и усложняются, и когда историческая жизнь прекращается, они не отпадаютъ, но замираютъ. Борьба партій всегда имѣетъ форму сомкнутаго процесса: онѣ чередуются въ господствѣ, и жизнь народа тою стороною своею, которая касается ихъ, какъ бы пульспруетъ. Наконецъ, большая часть другихъ процессовъ, какъ напр. развитія и упадка благосостоянія, или нравственности и т. п., имѣетъ форму

замкнутую: обыкновенно въ жизни народовъ они такъ же постепенно уменьшаются и исчезаютъ, какъ постепенно появились и возросли.

Эти единичные процессы, какъ и всякое измѣненіе, движутся *силами* и управляются *законами*. Силами являются въ нихъ стороны духа, а законы ихъ суть соотношенія между элементами духа, процессами творческими и формами жизни, какъ внѣшнія, напр. между формою духа и формою жизни, такъ и внутреннія, напр. между одною формою духа и другою формою духа же. Такъ напр. процессъ историческаго возникновенія, развитія и упадка науки движется силою пониманія или разумомъ; процессъ развитія нравственности въ исторіи имѣетъ подъ собою, какъ движущее начало, нравственное чувство; процессъ расширенія государства движется твердостью воли и широтою желанія, и т. д. Единичныя формы духа — идеи, чувства, стремленія — всегда суть внутреннія причины и, слѣдовательно, истинные двигатели отдѣльныхъ историческихъ процессовъ, а духъ въ своемъ цѣломъ есть движущая сила всей исторіи. Что же касается до законовъ историческихъ процессовъ, то, совершаясь въ духѣ и въ жизни, эти процессы не могутъ управляться никакими иными законами, кромѣ какъ только тѣми, которые лежатъ въ духѣ и въ жизни: въ исторіи и нѣтъ ничего соотносящагося, кромѣ духа и жизни, она и есть только синтезъ проявленій перваго и второй, обнимающій собою всѣхъ людей и всѣ времена. Но ничего особаго, что было бы ему одному присуще, нѣтъ въ историческомъ процессѣ; нѣтъ никакихъ особыхъ законовъ исторіи, въ ней исключительно дѣйствующихъ и вѣдѣнію ея, какъ науки, исключительно подлежащихъ, — какъ нѣтъ въ миріадахъ капель падающаго дождя другой силы тяжести и другихъ законовъ движенія, кромѣ тѣхъ, которые существуютъ и для всякой одной капли, случайно и гдѣ нибудь упавшей на землю. Только ошибочное признаніе за исторію того, что составляетъ ея наружную сторону — rerum gestarum — могло внушить ошибочную мысль, что въ ней есть что нибудь отличное отъ обыкновен-

ной повседневной жизни, и что слѣдовательно въ ней есть свои особые законы, которые въ ней самой, но не въ духѣ и не въ жизни, слѣдуетъ искать. Такъ можно быть увѣреннымъ, что процессъ зарожденія, возрастанія и упадка благосостоянія какого-либо историческаго народа, напр. Аѳинъ или Рима, не управлялся никакими другими законами, кромѣ тѣхъ, которые политическая экономія открыла изъ размышленій и наблюденій надъ повседневною жизнью; а между тѣмъ это есть несомнѣнно историческій процессъ, одинъ изъ многихъ, которые въ совокупности своей составляютъ цѣльную исторію.

Когда такимъ образомъ, исторія какого-либо народа будетъ расчленена, каждый процессъ въ ней прослѣженъ отъ зарожденія до исчезновенія и ко всѣмъ имъ будутъ подысканы соотвѣтствующія силы въ духѣ и законы въ Мірѣ человѣческомъ, тогда раскроются въ ней достаточныя основанія для всего совершившагося и полнота послѣдствій каждаго событія, и въ своемъ цѣломъ она явится внутренно необходимою и понятною.

V. Послѣдняя задача исторіи состоитъ въ томъ, чтобы *оцѣнить* прошедшую жизнь человѣчества. Эту жизнь и въ самомъ дѣлѣ можно разсматривать не только какъ *совершившееся* и какъ *твореніе;* потому что тѣ процессы, изъ которыхъ слагается она, всѣ заканчиваются формами творимаго — наукою, искусствомъ, религіею, правомъ, государствомъ, и въ своемъ послѣдовательномъ развитіи они постепенно создаютъ, частица за частицею, эти формы. Съ такой точки зрѣнія минувшая жизнь народовъ разложится на рядъ фактовъ, оцѣнить внутреннее достоинство которыхъ не только возможно, но и необходимо.

И предъидущія ученія о Мірѣ человѣческомъ даютъ орудіе для такой оцѣнки: *Ученіе о цѣляхъ или о должномъ* даетъ возможность оцѣнить, къ тому-ли стремились люди въ прошломъ, къ чему они должны были стремиться; а *Ученіе о средствахъ или о путяхъ къ должному* даетъ возможность понять, цѣлесообразно-ли поступали они, стремясь, или заблуждались, отклоняясь отъ истиннаго пути.

Но этимъ не исчерпывается оцѣнка совершеннаго единичными народами и всѣмъ человѣчествомъ. Не достаточно опредѣлить, заблуждались или не заблуждались они въ избраніи цѣлей для себя и въ выборѣ средствъ для ихъ достиженія; необходимо еще оцѣнить, какъ далеко они удалились отъ того, что служило исходною точкою для нихъ — и она для различныхъ народовъ была не одинакова: не съ одного и того же начинали всѣ они свой историческій трудъ; и необходимо измѣрить, насколько приблизились они къ тому, что для всѣхъ ихъ служило и продолжаетъ служить одною цѣлью.

Это опредѣляется черезъ сравненіе достигнутаго съ тѣми конечными формами, къ которымъ естественно и необходимо стремится жизнь, и формъ сотвореннаго — съ видами добра и зла. Это сравненіе раскроетъ, чего еще недостаетъ человѣку и его жизни, и какъ далекъ еще онъ отъ завершенія своей исторіи.

Съ выполненіемъ этой задачи будетъ выполнено все, что должна и что можетъ выполнить исторія, какъ послѣдняя вѣтвь *Ученія о мірѣ человѣческомъ*. Въ своей художественной части она раскроетъ передъ живущими, чье минутное существованіе возрасло на прахѣ столькихъ народовъ и тысячелѣтій, чѣмъ былъ въ свое время этотъ прахъ, какая жизнь билась въ немъ и какая судьба его постигла, — она дастъ пониманіе сущности того, что совершилось. Въ своей философской части объяснитъ она, почему иная судьба и не могла постигнуть народы, какая внутренняя необходимость господствовала надъ ихъ жизнью — она же и порождала, она же и губила всякое явленіе въ ней: здѣсь раскроется причинная связь въ исторіи. Наконецъ, въ своей послѣдней части она оцѣнитъ, сколько достоинства заключалось въ той отошедшей жизни, какъ многимъ обязаны мы этому холодному праху, съ какимъ уваженіемъ должны сохранять память о немъ и, сами готовые присоединиться къ нему, какъ бережно должны передавать его наслѣдіе тѣмъ, которые на жизненномъ пути готовятся заступить наше мѣсто.

И если когда нибудь суждено будетъ появиться историку, — а возможно, что нить исторической жизни прервется и онъ не появится — который выполнилъ бы всѣ эти три задачи одинаково и совершенно; если бы въ его распавшемся духѣ отразились и нашли отзвукъ всѣ мысли, всѣ чувства и всѣ желанія, которыми радовалось и страдало человѣчество, и все-бы это онъ понялъ и оцѣнилъ такъ, какъ будто бы самъ пережилъ съ народами ихъ многовѣковую и измѣнчивую судьбу; если бы съ этою художественностью въ немъ соединился такой свѣтлый разумъ, что стало бы понятно ему все, что совершилось, и, прослѣдивъ это совершившееся, онъ сказалъ бы, что въ немъ и не произошло ничего, кромѣ того, что должно было произойти, что нѣтъ въ исторіи ни излишка, ни недостатка; и, наконецъ, если бы при этой силѣ пониманія и при знаніи всей глубины порока и зла — что необходимо для пониманія, — въ немъ еще сохранилась та чистота души и тѣ стремленія къ конечному доброму, безъ которыхъ невозможно оцѣнить нравственное значеніе совершившагося и придать нравственный смыслъ своему труду, — если, повторяемъ, когда нибудь появится историкъ, который такъ полно вмѣститъ въ себя жизнь человѣчества и такъ совершенно отразитъ ее въ своемъ трудѣ, — это будетъ совершеннѣйшій человѣкъ, какого знаетъ исторія, и имъ произведенное — лучшее и драгоцѣннѣйшее, что отъ нея останется.

Мы обозрѣли всѣ формы *Пониманія;* и каково бы ни было то, что сказано нами въ предѣлахъ каждой изъ нихъ, самые предѣлы таковы, что черезъ нихъ никогда не переступитъ человѣческій разумъ, но все, что онъ создастъ въ будущемъ, ляжетъ содержаніемъ внутри ихъ.

И въ самомъ дѣлѣ, что̀ есть въ наукѣ или что можетъ когда либо появиться въ ней, кромѣ *пониманія* и что въ самомъ пониманіи можетъ быть кромѣ *познающаго познанія* и *познаваемаго?* Что̀ можетъ быть усмотрѣно въ познающемъ, кромѣ сторонъ бытія его, и чѣмъ мо

жетъ быть познаваніе, кромѣ какъ только или провѣряющимъ изслѣдованіемъ *узнаннаго* уже, или изысканіемъ новыхъ истинъ относительно *неузнаннаго?* И изъ нихъ первое — изслѣдованіе — что̀ другое можетъ провѣрять кромѣ *мыслимаго* и *совершаемаго*, а второе — изысканіе — изъ чего другаго можетъ состоять, какъ не изъ *мышленія* и пріемовъ изученія или *методовъ*, и на что другое можетъ быть направлено, кромѣ какъ на лежащее *внѣ* сознанія и *внутри* его? Самое же познаніе, то, что является результатомъ взаимнодѣйствія между познающимъ и познаваемымъ, что другое можетъ имѣть своимъ объектомъ, кромѣ міра *внѣшняго* для человѣка, и міра *внутренняго* для него? Внѣшній же міръ въ чемъ другомъ можетъ быть познаваемъ, кромѣ какъ только въ *существованіи* своемъ, въ *измѣненіи* и элементахъ его — законахъ, силахъ, процессахъ, въ *сущности* своей, въ *свойствахъ*, въ *причинахъ* и въ *слѣдствіяхъ*, въ *цѣляхъ*, въ *сходствѣ* и *различіи* и въ *количественныхъ* отношеніяхъ; и по отношенію къ каждой изъ этихъ сторонъ, что другое можетъ быть узнано, кромѣ того, *что̀ такое эта сторона*, и какое имѣетъ она *приложеніе* ко всѣмъ *единичнымъ* вещамъ въ Космосѣ и къ самому Космосу, какъ *цѣлому:* напр., что̀ такое причинность, каковы причины всего и какая причина того, въ чемъ все? И, наконецъ, въ Мірѣ человѣческомъ что̀ другое можетъ быть изучено, кромѣ *творчества* человѣческаго, а въ немъ — *творящаго*, *творенія* и *творимаго*, и далѣе — кромѣ законовъ или *соотношеній въ немъ*, уже не творящихъ и не сотворенныхъ, *добра и зла*, которымъ является творимое, *цѣлей* или конечныхъ формъ, къ которымъ стремится оно и которыя только мыслимы, *путей* къ этимъ конечнымъ формамъ, и *исторіи*, какъ совокупности совершеннаго и совершившагося въ Мірѣ человѣческомъ? Не совершенно ли ясно, что внѣ этого нетолько никогда не вращалась человѣческая мысль, но что это — кругъ, такъ прекрасно замкнувшійся, что изъ него она никогда не будетъ имѣть ни силъ выйти, ни даже желанія, потому что нѣтъ внѣ этого ничего, чего могъ бы поже-

лать человѣкъ узнать, что въ силахъ былъ бы назвать онъ, какъ предметъ желаемаго познанія? Не такъ-же ли все это непремѣнно, какъ то, что нѣтъ ничего третьяго средняго кромѣ узнаннаго и неузнаннаго, простаго и сложнаго, внутри лежащаго и въ немъ находящагося, общаго и частнаго, цѣлаго и дробнаго, и всего подобнаго, что мы всегда стремились избирать, какъ руководящее начало дѣленія въ изслѣдованномъ нами *Пониманіи*, чтобы, уловивъ сущность науки въ цѣломъ и потомъ внутренно дробя ее, не упустить какой либо части этого цѣлаго?

И такимъ образомъ эта архитектоника науки, происшедшая не черезъ нагроможденіе знаній другъ на друга — какъ это всегда было до сихъ поръ, — но черезъ проведеніе *внутреннихъ дѣленій* въ *Пониманіи*, соотвѣтственно тому, какъ оно само распадается на свои элементы, не должна ли эта архитектоника пребыть вѣчною и непод-
7 вижною, и весь послѣдующій научный трудъ человѣка не долженъ ли свестись къ простому замѣщенію ея формъ, стать овеществленіемъ этой архитектоники, какъ идеальнаго построенія, черезъ пріобрѣтеніе уже указанныхъ въ ней, но еще не найденныхъ знаній?

Но раскрывая эту архитектонику, мы не ограничились однимъ выдѣленіемъ ея формъ, но и дали въ предѣлахъ ихъ нѣкоторыя знанія, первыя и основныя, напр. не ограничились указаніемъ на измѣненіе или цѣлесообразность, какъ на объекты самостоятельныхъ вѣтвей *Пониманія*, но и опредѣлили элементы ихъ, указали отношеніе цѣлесообразности къ причинности, модусы ея, а для измѣненія опредѣлили типы процессовъ, и въ каждомъ изъ нихъ — взаимное отношеніе началъ дѣятельнаго и пассивнаго. И такъ какъ эти первыя и основныя истины были положены нами въ каждой формѣ науки, а за предѣлы этихъ формъ по самой природѣ ихъ никогда не переступитъ разумъ, то ясно, что все послѣдующее человѣческое знаніе будетъ только подтвержденіемъ, исправленіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ сказаннаго здѣсь, и

инымъ чѣмъ либо, съ нимъ не связаннымъ, никогда не сможетъ стать. Какъ въ сѣмени тайно заключено будущее растеніе черезъ выраженіе формъ его въ minimum'ѣ вещества; такъ здѣсь въ minimum'ѣ истинъ скрыто заключены всѣ формы того древа познанія, которому отнынѣ предстоитъ расти черезъ усвоеніе и размѣщеніе по этимъ формамъ другихъ истинъ.

Теперь, прежде чѣмъ окончательно оставить этотъ предметъ и перейти къ другому, укажемъ, что̀ менѣе твердо въ изложенномъ, гдѣ можетъ скрываться въ немъ заблужденіе, что по преимуществу должно быть принимаемо съ осторожностью.

Непреложно въ немъ все, что принципіально; ошибочно же можетъ быть все, что не принципіально. Объяснимъ, что̀ разумѣемъ мы подъ тѣмъ и другимъ.

Принципіально, что наука есть *Пониманіе*, какъ въ процессѣ своемъ, такъ и въ сущности, и въ цѣли и, будучи таковымъ, разлагается на *познающее*, *познаваніе* и *познаваемое*, ученія о которыхъ суть основныя формы науки; но сказанное о томъ, *изъ чего* должны состоять эти формы и *каковы* онѣ — не принципіально. Что въ познаваніи *изслѣдованіе* должно предшествовать *изысканію* — это принципіально; но все, высказанное о средствахъ выполнить предварительное изслѣдованіе и о томъ, что̀ можетъ служить правилами и критеріумами при этомъ выполненіи — не принципіально. Что изысканіе слагается изъ мышленія и пріемовъ изученія — это принципіально; но что мышленіе состоитъ только изъ раскрытія идей и ихъ сочетанія — это не принципіально; возможно, что въ немъ есть и другое что нибудь. Или еще — и этотъ примѣръ лучше всего можетъ объяснить разницу между тѣмъ, что принципіально и что не принципіально — истина, что вѣтви *Ученія о познаваемомъ* должны и по числу, и по содержанію своему соотвѣтствовать сторонамъ бытія и схемамъ разума, есть истина принципіальная; но такъ ли опредѣлили мы самыя схемы разума и стороны бытія, и слѣдовательно состоитъ ли *Ученіе о познаваемомъ* изъ ученій о существованіи, измѣ-

ненія и пр.— это уже не принципіально. Также распаденіе каждой вѣтви *Ученія о Космосѣ* на общую теорію и два частныя ученія — это есть истина принципіальная; но все, изложенное въ предѣлахъ этихъ формъ, напр.: что такое измѣненіе, каковы формы процессовъ, какъ распредѣлены въ послѣднемъ начала пассивное и дѣятельное, гдѣ пребываетъ законъ и другое многое, что мы сказали объ измѣненіи,— все это не принципіально. Словомъ, начало формальное, проводимыя дѣленія въ *Пониманіи* всегда принципіальны и непреложны; но въ выдѣленномъ, какъ въ части, проведены ли всѣ второстепенныя дѣленія, какія допускаетъ природа этой части, и далѣе — все, касающееся содержанія, т. е. того, что *между* дѣленіями, что внутри исчисленныхъ формъ — все это сказано сверхъ положенной цѣли: *опредѣлить строеніе науки*; это не принципіально и можетъ быть ошибочно.

—38—

КНИГА III.

О соотношеніи между наукою, природою человѣка и его жизнью.

ГЛАВА I.

Объ отношеніи науки къ природѣ человѣка и къ его жизни.

1. Условія образованія науки: стремленіе къ познанію и способность къ нему. Сомнѣніе, какъ источникъ стремленія къ познанію; опредѣленіе сомнѣнія. Ясность въ строеніи мышленія и послѣдовательность въ развитіи его, какъ условія способности къ познанію; необходимость сознавать постоянно грань между извѣстнымъ и неизвѣстнымъ, какъ условіе сохраненія пытливости въ умѣ; эта грань всегда проводится религіею и затемняется скептицизмомъ; поэтому религіозныя эпохи были плодотворны для науки, а эпохи скептицизма безплодны для нея. — II. Объ отношеніи науки къ жизни человѣка. Два рода явленій, на которыя распадается жизнь: явленія, восходящія, какъ къ причинѣ своей, къ первозданнымъ частямъ человѣческой природы, и явленія, восходящія къ произведеннымъ частямъ человѣческой природы; взаимное отношеніе этихъ двухъ рядовъ жизненныхъ явленій: къ которому изъ этихъ двухъ рядовъ принадлежатъ явленія пониманія; несвязанность пониманія съ жизнью. — III. Объ отношеніи науки къ природѣ человѣка. Два рода человѣческой дѣятельности: произвольная и необходимая; различіе между объектами первой и второй: въ произвольной дѣятельности: 1. объекты суть созданія человѣческой воли, 2. они подвижны и временны, 3. они внѣшни для человѣка, его природы и способностей, 4. между ними и между природою человѣка есть отношеніе, но нѣтъ соотношенія; въ необходимой дѣятельности: 1. объектами служитъ не поставленное человѣкомъ, но поставленное передъ нимъ, 2. эти объекты неподвижны, 3. въ дѣятельности, движущейся къ ихъ осуществленію, раскрывается природа человѣка, 4. между ними и между природою человѣка есть соотношеніе, опредѣленное и постоянное. Цѣли, какъ объекты произвольной дѣятельности; назначенія, какъ объекты необходимой дѣятельности. Пониманіе есть процессъ свободно-необходимый въ отношеніи къ жизни человѣка и въ отношеніи къ природѣ его; въ пониманіи раскрывается часть первозданной природы человѣка; оно есть первое и конечное назначеніе человѣка.

I. Для образованія науки необходимы два условія: *стремленіе* къ ея образованію, и *способность* образовать ее. Первое по-преимуществу вызывается особеннымъ со-

стояніемъ человѣческаго разума, которое можно выразить словами «колебаніе», «сомнѣніе», «недоумѣніе» относительно вещей, постоянно существующихъ какъ внѣ человѣка, такъ и въ немъ самомъ: оно есть сознаніе незнанія или неувѣренность въ знаніи. Это состояніе не есть естественное для разума,—послѣднее заключается въ чистомъ и спокойномъ созерцаніи кажущагося истиннымъ; и не есть состояніе удобное для него — оно постоянно мѣшаетъ ему придти въ положеніе, соотвѣтствующее его природѣ. Поэтому сомнѣніе вызываетъ нѣкоторое страданіе въ разумѣ, схожее съ тѣмъ, какое испытывается человѣкомъ, когда онъ, получивъ толчекъ, вдругъ теряетъ равновѣсіе, и не знаетъ, упадетъ ли или удержится въ прежнемъ положеніи. Тѣ усилія не упасть, которыя дѣлаетъ въ этомъ случаѣ организмъ, по своей сущности совершенно тожественны съ тѣми усиліями, которыя дѣлаетъ разумъ стараясь перейти изъ состоянія колебанія, неувѣренности въ своемъ знаніи, къ состоянію твердаго и спокойнаго знанія.

Этотъ переходъ совершается по внутренней непреодолимой потребности разума, которую ничто не можетъ задержать и которой ничто не можетъ способствовать. Онъ находится вне воли самого человѣка, и если бы послѣдній самъ захотѣлъ остаться въ прежнемъ состояніи, онъ не въ силахъ былъ бы сдѣлать это; тѣмъ болѣе этого не можетъ случиться, когда другіе захотѣли бы оставить его въ немъ.

Эти усилія разума перейти отъ неестественнаго для него состоянія сомнѣнія къ сообразному съ его природой состоянію увѣренности, спокойнаго знанія — и есть стремленіе къ образованію науки. Поэтому съ того момента, какъ пробудился въ человѣкѣ сомнѣніе, начинается образованіе науки,—и оно пріобрѣтаетъ характеръ непреодолимый, постоянный и всеобъемлющій, потому что во время процесса образованія твердаго знанія проявляются постоянно новыя колебанія, сомнѣнія, которыя становятся новыми побужденіями къ стремленію все далѣе

и далѣе, пока, наконецъ, въ разумѣ не установится пониманіе единое и цѣльное, безъ перерывовъ и безъ противорѣчій. Тогда разумъ приходитъ въ свое естественное состояніе, по своей сущности тожественное съ тѣмъ, изъ котораго онъ выведенъ былъ сомнѣніемъ, и снова погружается въ созерцаніе, — но уже не того маленькаго міра, которымъ онъ жилъ прежде.

Такъ по справедливости можно сказать, что если стремленіе къ истинному есть самая человѣчная сторона въ нашей природѣ, то пробуждается она сомнѣніемъ; и если, какъ думали и думаютъ многіе, человѣческая природа не ограничивается одною матеріальною, земною стороной, но и заключаетъ въ себѣ другую сторону, иного и высшаго происхожденія, то сюда по-преимуществу передъ всѣмъ другимъ слѣдуетъ отнести духъ безкорыстнаго сомнѣнія: изъ всего окружающаго человѣка только ему одному свойственно оно, и вершины человѣческаго развитія всегда украшались имъ.

Второе условіе для образованія науки, мы сказали, есть *способность* образовать ее. Она лежитъ въ самыхъ свойствахъ того ума, въ которомъ пробудилось стремленіе къ ея образованію. Всякій разъ, когда это стремленіе и эти свойства встрѣчаются вмѣстѣ, они образуютъ науку. Но бываютъ случаи, когда онѣ и не встрѣчаются: тогда наука не можетъ быть образована. Впрочемъ, самое стремленіе къ ея образованію способствуетъ развитію тѣхъ свойствъ въ умѣ, которыя дѣлаютъ возможнымъ это образованіе; такъ-что съ его пробужденіемъ рано или поздно, послѣ бо́льшихъ или меньшихъ усилій, наука будетъ создана.

Всѣ разнообразныя свойства ума, необходимыя для этого, сводятся къ двумъ: къ *ясности въ строеніи мышленія*, и къ *послѣдовательности въ развитіи его*. Первое состоитъ въ естественномъ отвращеніи ума отъ всего смутнаго и неопредѣленнаго, что̀ не можетъ быть воспринято имъ безъ нѣкотораго болѣзненнаго усилія, необходимаго для приведенія воспринимаемаго въ тотъ видъ, въ которомъ единственно оно можетъ быть усвоено мы-

шленію, т. е. къ идеямъ яснымъ и отчетливымъ. Изъ этого стремленія ума вносить въ воспринимаемое ясность и отчетливость вытекаетъ то, что въ немъ постоянно происходитъ *отдѣленіе ложнаго отъ истиннаго*, что въ сочетаніи съ пробудившимся уже ранѣе духомъ сомнѣнія и изысканія производитъ науку, какъ истинное пониманіе. И въ самомъ дѣлѣ, разъ въ умѣ пробудилось сомнѣніе въ справедливости того, что прежде казалось ему истиннымъ, онъ, въ силу внутренней необходимости, начинаетъ образовывать новыя знанія (идеи) — о томъ же объектѣ, но инаго содержанія. Но они могутъ быть смутны, неопредѣленны, сбивчивы. И если умъ, пробудившійся къ исканію, не обладаетъ ясностью, то эти идеи, часто столь же ложныя, какъ и тѣ, которыя были прежде, принимаются имъ за истину, и поэтому наука, какъ истинное пониманіе, не образуется. Такъ разрѣшаются всѣ сомнѣнія, религіозныя и другія, на Востокѣ, что производитъ замѣчательныя религіозныя движенія, но никогда — науки. Причина этого лежитъ въ характерѣ ума восточныхъ народовъ, лишеннаго ясности и особенно отчетливости. Напротивъ, когда разумъ, въ которомъ подъ вліяніемъ сомнѣнія начали образовываться новыя идеи, слагаться иное пониманіе, обладаетъ ясностью, то онъ не воспринимаетъ тѣ изъ нихъ (идей), которыя смутны и безотчетны, и принимаетъ только тѣ, которыя ясны и правильны. Поэтому сочетаніе сомнѣнія и ясности въ стремленіи мышленія необходимо создаетъ то, что составляетъ части науки, т. е. отдѣльныя части истиннаго пониманія.

Но для образованія цѣльной науки необходимо еще другое свойство ума — послѣдовательность въ развитіи воспринимаемаго, и стремленіе къ этому развитію. Это свойство и это стремленіе вытекаютъ отчасти изъ самой ясности и отчетливости мышленія. Послѣдняя, строго отдѣляя извѣстное отъ неизвѣстнаго, повсюду выдѣляетъ границу между ними; и такъ какъ извѣстное обыкновенно находитъ свою опору и свое объясненіе въ неизвѣстномъ, то отсюда вы

текаетъ постоянное стремленіе ума все глубже и глубже спускаться въ область неизвѣстнаго. Этотъ процессъ обоснованія извѣстнаго черезъ раскрытіе неизвѣстнаго и есть то, что мы назвали стремленіемъ разума къ развитію воспринимаемаго имъ. Замѣтимъ, что это постоянное сознаніе грани между извѣстнымъ и неизвѣстнымъ есть условіе, безъ котораго невозможно развитіе науки, — а между тѣмъ оно встрѣчается не часто. Обыкновенно не сознаютъ отчетливо этой границы, и неизвѣстное считается уже извѣстнымъ; это совершенно убиваетъ науку, потому что убиваетъ источникъ ея — стремленіе узнать неизвѣстное: нѣтъ интереса изслѣдовать то, что кажется уже извѣстнымъ. Вотъ почему вѣрующая религія со своею нетерпимостью и преслѣдованіями гораздо менѣе повредила развитію науки, чѣмъ вѣрующій скептицизмъ [1]). Первая не скрывала, что есть многое необъятное, что остается неизвѣстнымъ для человѣка. Поэтому эпохи ея господства отмѣчены въ исторіи великою пытливостью духа и плодотворными открытіями. Вся греческая философія выросла и развилась въ глубоко религіозное время: Ксенофанъ, Эмпедоклъ, Парменидъ, Анаксагоръ, Сократъ и ученики его - всѣ они жили въ эпоху, чуждую распущенности религіознаго чувства, и потому-то именно во всей жизни и въ каждомъ словѣ ихъ чувствуется такая удивительная любознательность, и любовь ихъ къ трудно достающейся истинѣ была такъ велика, что нѣкоторые изъ нихъ ради нея рѣшались оставить отечество, а другіе приняли смерть. Такъ же и въ Европѣ эпоха высшаго развитія религіознаго чувства отмѣчена великими системами

[1]) Выраженіе „вѣрующій скептицизмъ" можетъ показаться противорѣчащимъ самому себѣ; но это противорѣчіе только грамматическое, — и оно пропадаетъ, если вникнуть въ то историческое явленіе, которое обозначается имъ: напр. французскіе энциклопедисты были скептиками, но и вмѣстѣ съ тѣмъ они несомнѣнно были вѣрующими въ томъ, чего касался ихъ скептицизмъ; относительно многихъ вопросовъ у нихъ не было точныхъ отвѣтовъ, — но они ни мало не сомнѣвались, что эти отвѣты, если бы когда нибудь были найдены, оказались бы непремѣнно *такими*, а не *иными*; въ XIX в. на нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ были даны отвѣты, но не тѣ, которые ожидались въ XVIII в.

схоластической философіи — Альберта Великаго, Дунса Скота, Вильгельма Оккама, Рожера Бэкона и многихъ другихъ, а полное [illegible]явленія реформаціонное обновленіе церкви тотчасъ же за собою вызвало основаніе новой философіи и почти всѣхъ наукъ, какія существуютъ теперь: Декартъ участвовалъ въ 30-лѣтней войнѣ, ему современникомъ былъ Бэконъ, а учениками перваго были Гейлинксъ, Малебраншъ и Спиноза, а втораго — Локкъ и Ньютонъ. Напротивъ то, что мы назвали вѣрующимъ скептицизмомъ, эта увѣренность, что въ неизвѣданныхъ еще областяхъ бытія нѣтъ ничего отличнаго отъ того, что есть въ извѣданномъ, всегда порождалъ умственный индифферентизмъ, при которомъ невозможно плодотворное изысканіе въ наукѣ. Такъ всѣ эпохи религіознаго упадка были вмѣстѣ и эпохами умственнаго паденія. Когда пала греческая религія, съ нею и философія выродилась въ безплодную александрійскую ученость: когда съ Возрожденіемъ палъ католицизмъ, пала и схоластическая философія, а новая, это замѣчательно, не зародилась, — она, какъ сказано уже, появилась только послѣ Реформаціи. Наконецъ когда оживленіе, вызванное послѣднею, заглохло въ XVIII в., и наука утратила свой истинно плодотворный характеръ: это столѣтіе сдѣлало только общеизвѣстнымъ то, что было создано великимъ предъидущимъ столѣтіемъ. Но замѣчательно, что какъ только съ начала нынѣшняго столѣтія и до 50-хъ годовъ вновь возродилось религіозное чувство, тотчасъ вновь возродилась и оригинальность науки. Въ это именно время германскій духъ создалъ гуманныя науки — науку о языкѣ, исторію древнюю и средневѣковую, исторію права и многія другія. И какъ только съ того времени вновь ослабло религіозное чувство — наука все болѣе и болѣе стала перерождаться въ ученость, и той пытливости духа, которою исполнены были оба Гумбольдта Риттеръ Эли де-Бомонъ, Нибуръ, Пухта, Савиньи, оба Гримма, мы уже не встрѣчаемъ болѣе. Это неизмѣнное сопутствованіе двухъ фактовъ, сильной религіозности и духа научнаго изысканія, продолжающееся

въ теченіе всей исторіи человѣчества, не разрывающееся ни при какихъ прихотливыхъ измѣненіяхъ одного изъ нихъ, заставляетъ предполагать между ними причинную связь, которую мы постарались указать въ постоянномъ сознаніи при религіозности грани, отдѣляющей извѣстное отъ неизвѣстнаго. Оно, это сознаніе, лежащее слѣдствіемъ въ религіи и причиною въ наукѣ, дѣлаетъ то, что наименѣе религіозные народы суть вмѣстѣ и наименѣе способные къ наукѣ, и обратно — наиболѣе религіозные обнаруживаютъ наибольшее творчество въ ней.

Кромѣ ясности ума, указывающей на грань между извѣстнымъ и неизвѣстнымъ, для стремленія къ дальнѣйшему развитію воспринимаемаго необходима еще *пытливость* его, неудержимо влекущая человѣка переступить эту грань. Она порождается нѣкоторою болью ума при ощущеніи недостающаго въ пониманіи. И послѣдняя бываетъ настолько нестерпима, что для восполненія этого недостающаго переносится всякая физическая боль. Эти два послѣднія свойства производятъ то, что мы назовемъ духомъ изысканія, разумѣнія въ человѣкѣ. Пробуждаемый первопачально сомнѣніемъ, онъ затѣмъ, въ свою очередь, пробуждаетъ новыя и новыя сомнѣнія, и становится истиннымъ двигателемъ науки, неотдыхающимъ и неустающимъ.

Итакъ, вотъ условія образованія науки — каждымъ народомъ, и въ немъ каждымъ человѣкомъ. Необходимо стремленіе къ познанію, и оно порождается сомнѣніемъ. Необходима способность къ познанію, и она порождается — ясностью строемъ мышленія, который отдѣляетъ истинное отъ ложнаго, и послѣдовательностью въ мышленіи, которая порождается тою же ясностью, и еще пытливостью; пытливость же порождается сознаніемъ грани между извѣстнымъ и неизвѣстнымъ.

Изъ сказаннаго очевиднымъ становится, что зарожденіе, развитіе и упадокъ науки всецѣло и исключительно обусловливаются причинами, лежащими въ природѣ человѣка — состояніями и свойствами его разума. Поэтому ничто, внѣшнее для человѣка, никогда не создавало и не соз-

дастъ науки, никогда не останавливало и не остановитъ ее. Чистый интересъ ума узнать еще неузнанное — вотъ единственное, что двигало ее, и разъ этотъ интересъ прекращается, наука умираетъ безусловно и безвозвратно.

Отсюда становится понятнымъ, почему такъ безуспѣшна была всегда борьба противъ науки, и почему такъ безплодно все, что дѣлается для ея процвѣтанія. И тѣ и другія усилія основывались на непониманіи ея сущности и ея происхожденія; и все, что создавали и что создаютъ они лежитъ внѣ науки, въ сторонѣ отъ пути, которымъ, двигается она. Костры не остановили ее, а университеты и академіи не помогутъ ей.

И въ самомъ дѣлѣ, какія гоненія перенесла она, и они не пріостановили ея развитія, потому что не дѣйствовали на причины, изъ которыхъ она развивается. Вѣка наибольшихъ преслѣдованій не были ли вѣками ея величайшаго торжества, временами открытій, о которыхъ съ дѣтства привыкли слышать мы? И напротивъ, сколько усилій дѣлается теперь для ея развитія: собираются библіотеки и музеи, устраиваются академіи, и жизнь тѣхъ, кто проводитъ въ нихъ свои долгіе и лучшіе годы, обезпечивается во всемъ, чтобы никакія заботы не отвлекали ихъ отъ уединеннаго труда. Но странное явленіе замѣчается повсюду: наука падаетъ неудержимо, творчество видимо изсякаетъ въ ней, духъ изслѣдованія и искапія готовится замереть съ жизнью немногихъ, еще оставшихся представителей старой науки. И тѣ жертвы на пользу ея, и то благоговѣйное уваженіе, которыя несутъ и которое оказываютъ ей народы и государства, уже не награда за то, что совершаетъ она, но воспоминаніе о томъ, что она совершила нѣкогда: въ ней уже нѣтъ жизненности, и только тѣни великихъ двигателей ея великаго прошлаго охраняютъ ее отъ всеобщаго отчужденія и пренебреженія.

И это явленіе понятно. Можно ли открыть что нибудь, не ища. Можно ли искать чего нибудь безъ интереса найти? И когда нѣтъ этого интереса, пробудится ли онъ, если

для него воздвигнется университетъ или академія, или соберется библіотека? Тѣ, для кого сдѣлано это, будутъ заниматься въ нихъ; они станутъ располагать все въ новыя и новыя сочетанія ранѣе открытыя истины, станутъ собирать по различнымъ вопросамъ мысли всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. Но что откроютъ они, какую невысказанную мысль скажутъ, когда нѣтъ болѣе интереса въ ихъ умѣ, не о чемъ имъ сказать что нибудь?

Наука живетъ не въ университетахъ и академіяхъ, но во всякой душѣ, ищущей истины, не понимающей и хотящей понять. Только эта потребность пониманія создаетъ науку; все же остальное, что шумно дѣлается — какъ думаютъ для науки — дѣлается для удовлетворенія человѣческаго тщеславія, личнаго и національнаго, и къ наукѣ не имѣетъ отношенія: быть можетъ она погибнетъ среди этихъ заботъ о пей, превратившись окончательно въ ученость; и возродится, когда исчезнетъ все, что создали эти заботы.

Разсмотримъ отношеніе науки, такой и такъ создаваемой, къ жизни человѣка и къ его природѣ. Въ противоположность наукѣ, искусственно создаваемой и безцѣльно существующей, она имѣетъ строгое и точное отношеніе къ тому, изъ кого исходитъ и среди чего пребываетъ, и допускаетъ анализъ этого отношенія.

II. Если мы возьмемъ какое-либо явленіе человѣческой жизни, личной, общественной или политической и станемъ отыскивать его причину, то послѣ нѣсколькихъ попытокъ найти ее въ явленіяхъ-же жизни, и именно этими послѣдними руководимые, всегда придемъ, наконецъ, къ человѣческой природѣ. Она есть тотъ центральный узелъ, изъ котораго исходятъ и къ которому возвращаются снова всѣ нити явленій причинной связи, изъ которыхъ слагается жизнь.

Однако, если мы внимательно всмотримся въ части этой природы, которыя служатъ источниками жизненныхъ явленій, то мы найдемъ въ нихъ значительную разницу. Одни изъ нихъ *произведены* въ человѣкѣ, не первона-

чальны въ немъ; другія же не произведены, *первоздашны*. Отсюда и явленія жизни могутъ быть раздѣлены на *вызванныя*, тѣ, которыя есть, но не необходимы: это явленія, исходящія изъ непервоначальныхъ частей человѣческой природы: и на *естественныя*, тѣ, которыя необходимы, не только есть, но и не могутъ не существовать: это явленія, исходящія изъ первоначальныхъ частей человѣческой природы.

Такъ чувство тщеславія не есть первоначальное въ человѣкѣ, потому что тщеславиться можно только передъ кѣмъ нибудь, и слѣдовательно появилось оно въ то время когда уже развита была общественная жизнь. Также не первоначальны въ человѣкѣ всѣ стремленія къ богатству: и въ самомъ дѣлѣ, богатство, какъ обладаніе средствами жизни сверхъ того, что нужно для жизни, служитъ для удовлетворенія тщеславія. Это видно изъ того, что оно (тщеславіе) обнаруживается въ явленіяхъ, имѣющихъ цѣлью или удивить, или внушить зависть кому нибудь: въ обладаніи жилищемъ, во всѣхъ отдѣленіяхъ котораго нельзя одновременно жить, за ихъ многочисленностью, или платьями, которыхъ одновременно нельзя надѣть по той же причинѣ, или пищею и напитками, которыхъ одному нельзя употребить, лошадьми, на которыхъ нельзя сразу ѣхать, прислугою, которой нечего сразу приказать, и всѣмъ прочимъ подобнымъ, что не нужно. Все это, употребляясь попеременно, служитъ для удовлетворенія тщеславія, о которомъ сказано было уже, что оно не принадлежитъ къ первоначальнымъ чувствамъ человѣка. Итакъ дѣятельность, направленная къ пріобрѣтенію богатства, будетъ ли она личная, общественная или государственная, есть вызванная и не необходимая.

Столь же очевидно, что не первоначально въ нашей природѣ стремленіе къ могуществу. Послѣднее есть возможность всегда охранять свою безопасность и нарушать чужую. Слѣдовательно возникаетъ она тогда, когда уже произошли нарушенія своей безопасности, т. е. обиды и притѣсненія, и когда возбужденный этимъ гнѣвъ застав-

лиетъ желать нарушенія чужой безопасности. Оно появляется, поэтому, во времена племенной и политической жизни, и есть часть человѣческой природы, вызванная условіями этой жизни. Отсюда всякая дѣятельность человѣка, направленная къ увеличенію могущества, личнаго, общественнаго или государственнаго, есть также дѣятельность не первоначальная и не необходимая.

Теперь возьмемъ другія явленія. Пусть человѣкъ повредилъ какой нибудь членъ своего тѣла, или заболѣлъ чѣмъ нибудь. На какой бы ступени историческаго развитія ни находился онъ, пусть будетъ онъ даже первымъ человѣкомъ на землѣ, онъ тотчасъ сдѣлаетъ что нибудь, чтобы исправить поврежденіе или уничтожить болѣзнь. Ясно, что дѣятельность эта не вызвана никакимъ условіемъ жизни и не восходитъ къ какой либо части, которая въ немъ вызвана этими условіями.

Или возьмемъ чувство наслажденія красотою природы, или пѣніе. Нельзя найти въ условіяхъ жизни ничего такого, что создавало (не говоримъ — усиливало) въ человѣкѣ такія стороны, вслѣдствіе которыхъ онъ сталъ бы чувствовать наслажденіе въ созерцаніи краснваго и удовольствіе въ пѣніи. По мѣрѣ простаго развитія его природы, т. е. раскрытія того, что первоначально въ неразвитомъ видѣ лежало въ ней, онъ почувствовалъ и то и другое. Въ справедливости этого можно убѣдиться изъ того, что чувства эти увеличиваются по мѣрѣ общаго развитія человѣка (слѣдовательно когда развивается самая природа его), тогда какъ произведенныя, вызванныя чувства всегда увеличиваются по мѣрѣ развитія чего либо частнаго, именно того, что производитъ, вызываетъ ихъ. Напр. желаніе могущества такъ же велико у дикихъ племенъ, какъ и у образованныхъ, если только они находятся во враждѣ съ кѣмъ нибудь (частное условіе). По всѣмъ изложеннымъ основаніямъ всякая художественная дѣятельность первоначальна.

Обратимся къ разрѣшенію вопроса, въ какихъ взаимныхъ отношеніяхъ находятся эти два ряда явленій — первоначальныхъ и непервоначальныхъ.

— Первоначальныя явленія, мы сказали, восходя къ постоянному въ человѣческой природѣ, необходимы — они не могутъ не быть. Непервоначальныя же явленія временны, — они могутъ исчезать, какъ и все появившееся, съ исчезновеніемъ той вызванной стороны въ человѣкѣ, изъ которой исходятъ. Этимъ обусловливается ихъ взаимное отношеніе.

Если два ряда явленій, принадлежащихъ къ этимъ противоположнымъ родамъ, сталкиваются, и притомъ такъ, что ихъ совмѣстное существованіе не можетъ продолжаться, то уничтожиться должно то изъ нихъ, которое можетъ уничтожиться, уже по тому одному, что другое не можетъ прекратить своего существованія, а совмѣстно не выносятъ они. Не можетъ уничтожиться первоначальная дѣятельность; слѣдовательно должна исчезнуть непервоначальная.

Пусть, далѣе, два ряда явленій тѣхъ же противоположныхъ родовъ сталкиваются, но такъ, что совмѣстность для нихъ не только возможна, но и желательна, съ тѣмъ условіемъ однако, чтобы одно было господствующимъ и независимымъ, какъ бы цѣлью, а другое подчиненнымъ и служебнымъ, какъ бы средствомъ. Въ этомъ случаѣ подчиниться должна также непервоначальная дѣятельность, и опять потому, что первоначальная не можетъ подчиниться. И въ самомъ дѣлѣ, предположимъ на время, что подчинилась первоначальная дѣятельность, и что она стала средствомъ для лучшаго осуществленія непервоначальной, которая есть цѣль. Послѣдняя (непервоначальная дѣятельность) вслѣдствіе особенностей своихъ, можетъ исчезнуть, съ первою же этого не можетъ произойти. Итакъ въ случаѣ этого исчезновенія мы будемъ имѣть средство, у котораго нѣтъ цѣли, т. е. осуществляющее безъ осуществляемаго. Что значитъ это противорѣчіе? Оно означаетъ, что съ исчезновеніемъ цѣли необходимо должны исчезнуть и средство, которое служило ей. Итакъ, предположивъ возможнымъ служебное отношеніе первоначальной дѣятельности, мы пришли

къ требованіямъ, несовмѣстнымъ съ ея природою: она должна исчезнуть и не можетъ исчезнуть. Это показываетъ, что самое предположеніе наше невозможно въ дѣйствительности, т. е. что первоначальная дѣятельность въ случаяхъ столкновенія ея съ непервоначальною можетъ быть только господствующею.

Если при тѣхъ же условіяхъ сталкивается непервоначальная дѣятельность съ непервоначальною же, то дать господствующее положеніе одной изъ нихъ зависитъ отъ свободнаго выбора человѣка. Соотвѣтственно тому, которая для него имѣетъ бо̀льшее значеніе, кажущееся или дѣйствительное, онъ ставитъ ее цѣлью, а другую, менѣе важную дѣятельность, обращаетъ въ средство.

И, наконецъ, когда сталкивается первоначальная дѣятельность съ первоначальною, то никоторая изъ нихъ не можетъ ни исчезнуть, ни подчиниться; но обѣ должны развиваться одновременно, свободно или борясь между собою, но никогда не покоряя другъ друга. При этомъ свободное ихъ развитіе даетъ высшее удовлетвореніе человѣческой природѣ, а борьба — мы не изслѣдуемъ, возможна ли она и необходима-ли при естественномъ теченіи дѣлъ — производитъ страданіе, не уничтожимое, пока не уничтожена самая борьба.

Теперь приложимъ сказанное къ наукѣ. По своей природѣ она есть пониманіе. Пониманіе же исходитъ изъ разума, который не вызванъ временно въ человѣкѣ, подобно напр. чувству гнѣва или тщеславія, но составляетъ часть его первозданной природы. Онъ не возникъ въ исторіи, не исчезнетъ въ ней, и остается неизмѣннымъ въ томъ, что касается его строенія и законовъ. Перемѣны происходятъ только въ силѣ его проявленій, но это не относится къ природѣ проявляющагося. Поэтому *явленія пониманія или научной дѣятельности суть первоначальныя въ жизни.*

И какъ таковыя, по всѣмъ изложеннымъ выше основаніямъ, они не подчинены и не могутъ быть подчинены ни чему изъ того, что есть въ жизни человѣка, личной, общественной или государственной. Все послѣднее — мы

повторимъ эти основанія въ примѣненіи къ вопросу — также восходитъ, какъ къ своей причинѣ, къ какой либо сторонѣ человѣческой природы, первоначальной или произведенной въ немъ. Восходящее къ произведенному въ человѣкѣ не самостоятельно — создано въ исторіи, измѣняется въ ней и въ ней исчезаетъ; восходящее къ первоначальному въ немъ безусловно самостоятельно. Но ни то, ни другое не можетъ господствовать надъ пониманіемъ, потому что оно само восходитъ къ первоначальной сторонѣ въ человѣческой природѣ, и притомъ къ такой, которую трудно не признать важнѣйшею въ немъ, строго отдѣленною отъ всего другаго и неизмѣнною въ существенномъ.

Поэтому въ своемъ цѣломъ, какъ историческій процессъ, *пониманіе не связано съ жизнью:* оно составляетъ особенный міръ, который развивается рядомъ съ міромъ жизни, понимаетъ его и часто управляетъ имъ, но само никогда не управляется имъ и не служитъ ему.

Разсмотримъ теперь, въ какомъ отношеніи находится этотъ процессъ пониманія, не связанный съ жизнью, къ самой природѣ человѣка, изъ которой онъ исходитъ.

III. То, что совершаетъ человѣкъ, бываетъ двоякаго рода: одно задумывается имъ, и имъ же приводится въ исполненіе — это область *произвольно совершаемаго;* другое совершается имъ, но опредѣляется не имъ — это область *непроизвольно совершаемаго:* здѣсь воля человѣка не создаетъ его дѣятельности, но выполняетъ то, что опредѣлено лежащимъ внѣ ея. Въ первомъ случаѣ она является активно дѣйствующею, во второмъ она пассивно повинуется. Къ дѣйствіямъ перваго порядка принадлежатъ безчисленные поступки человѣка въ жизни личной и общественной: онъ постоянно придумываетъ для себя цѣли, ставитъ передъ собой задачи и достигаетъ ихъ — путешествуетъ, ведетъ войны, постановляетъ законы, пріобрѣтаетъ богатство; повсюду здѣсь онъ является и *опредѣлителемъ* совершаемаго, и *совершителемъ* опредѣленнаго. Процессъ пониманія принадлежитъ къ явленіямъ втораго порядка. И въ самомъ дѣлѣ, всмотримся въ него глубже.

Несомнѣнно, что совершается этотъ процессъ человѣкомъ: *онъ* въ немъ понимаетъ; но столь же несомнѣнно, что *не имъ* опредѣляется этотъ процессъ: онъ опредѣленъ его природой съ того момента, какъ она существуетъ, и до того момента, какъ она перестанетъ существовать. Никогда въ этой природѣ ничего не измѣнялось, и ничего никогда не будетъ измѣнено на всемъ протяженіи того времени, пока она есть: разумъ никогда не начнетъ чувствовать, а чувство никогда не начнетъ мыслить. Эта природа съ присущимъ ей строеніемъ лежитъ внѣ вліянія человѣческаго могущества; ибо она служитъ источникомъ, изъ котораго это могущество вытекаетъ и обращается на внѣшніе предметы, и всякое увеличеніе его повлечетъ за собою только болѣе совершенное выполненіе того, что опредѣлено ею. Но она сама, эта природа и ея строеніе, опредѣлены не человѣкомъ, но тѣмъ, что создало его; а слѣдовательно и все, что, въ свою очередь, опредѣлено ею, т. е. и процессъ пониманія, есть произведеніе не собственной воли человѣка, но воли того, что создало его чего, онъ не знаетъ и чему онъ повинуется съ такою полнотою, какъ ничему изъ того, что знаетъ. Переступить эту волю онъ можетъ не иначе, какъ только переступивъ черезъ свою собственную природу, т. е. переставъ быть человѣкомъ.

Поэтому пониманіе, будучи столь совершенно свободно отъ всего лежащаго внѣ природы человѣка, столь же совершенно опредѣлено этою природою. И такимъ образомъ въ своемъ развитіи, т. е. какъ цѣльный историческій процессъ, оно есть явленіе *свободно-необходимое:* свободное отъ всего, лежащаго внѣ человѣка, но развивающееся необходимо по законамъ, лежащимъ въ немъ самомъ.

Разсмотримъ объекты произвольной и необходимой дѣятельности человѣка.

То, что служитъ объектомъ его произвольной дѣятельности, мы называемъ *цѣлью* ея, и когда эта дѣятельность временна — временною, а когда она постоянна — конечною; такъ счастье въ теоріи утилитаризма служитъ послѣднею

или конечною цѣлью человѣческой дѣятельности. Если мы разсмотримъ характеръ этихъ цѣлей и того, что совершается для ихъ достиженія, то мы замѣтимъ въ нихъ слѣдующія черты, которыя рѣзко отдѣляютъ ихъ отъ объектовъ необходимой дѣятельности: 1) *эти цѣли создаются, видоизмѣняются и уничтожаются самимъ человѣкомъ:* онѣ суть произведенія его воли; 2) *онѣ подвижны и сами по себѣ временны;* характеръ вѣчности имъ можетъ придать только человѣкъ, и лишь въ идеѣ своей. Такъ счастье по взгляду многихъ есть конечная цѣль жизни, но по взгляду другихъ — нѣтъ; тотъ или другой характеръ получаетъ оно, какъ цѣль, отъ воли признающихъ его цѣлью. Это второе свойство вытекаетъ изъ предъидущаго и есть только видоизмѣненіе его, или, точнѣе, есть это же самое свойство, разсматриваемое по отношенію ко времени. 3) *эти цѣли и процессы достиженія ихъ остаются внѣшними для человѣка, его природы и способностей.* И въ самомъ дѣлѣ, дѣятельность, направленная къ ихъ достиженію, состоитъ во временномъ приспособленіи силъ и способностей человѣка къ этимъ цѣлямъ, и черезъ ихъ посредство — въ приспособленіи къ этимъ же цѣлямъ предметовъ внѣшняго міра. Своими силами и способностями человѣкъ пользуется здѣсь, какъ орудіемъ; и послѣ достиженія цѣли это орудіе остается въ томъ же видѣ, какъ и до того времени, когда цѣль была поставлена; это орудіе могло быть и не употреблено для этой цѣли, а когда она достигнута, оно можетъ быть снова употреблено для другой, отличной отъ прежней, цѣли; 4) *между этими объектами произвольной дѣятельности, и между способностями и силами человѣка, употребляемыми для ихъ достиженія, есть только отношеніе, временное и случайное, устанавливаемое человѣкомъ; но не такое отношеніе, постоянное и необходимое.* То-есть эти силы и способности созданы не для этихъ цѣлей, хотя и могутъ быть употреблены для нихъ. Это прямо слѣдуетъ изъ того, что одни и тѣ же способности служатъ для достиженія различныхъ цѣлей.

Таковы четыре признака цѣлей произвольной дѣятельности человѣка. Ихъ не трудно прослѣдить на какомъ либо примѣрѣ. Такъ, если мы возмемъ какое нибудь механическое занятіе, то безъ труда замѣтимъ, что 1) цѣль его (приготовляемая вещь) создана человѣкомъ, 2) что она подвижна (человѣкъ можетъ измѣнить въ себѣ образъ дѣлаемой вещи или даже совсѣмъ уничтожить его, и заняться приготовленіемъ другой вещи), 3) она есть внѣшняя для его способностей и органовъ (умъ и руки лишь временно и случайно приспособлены къ дѣланію этой вещи, равно какъ и безчисленныхъ другихъ), 4) между нею и способностями нѣтъ соотношенія, но только отношеніе (руки и умъ не суть созданное для приготовленія *этой* именно дѣлаемой вещи).

То, что служитъ объектомъ необходимой дѣятельности человѣка, по природѣ и свойствамъ своимъ глубоко отличается отъ этихъ цѣлей. Ихъ сходство ограничивается тѣмъ, что какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ онѣ остаются объектами нѣкоторой дѣятельности. И въ самомъ дѣлѣ: 1, *въ непроизвольной дѣятельности объектомъ служитъ не поставленное человѣкомъ, но поставленное передъ нимъ.* Здѣсь не его воли творитъ себѣ цѣль, но эта цѣль сотворена была тогда, когда была сотворена его природа съ присущимъ ей строеніемъ; такимъ образомъ здѣсь *нѣтъ свободнаго выбора цѣли.* Напр. возьмемъ процессъ пониманія: его объектомъ служитъ истина (правильное знаніе), и ясно, что этотъ объектъ выбранъ не человѣкомъ, — онъ указанъ ему его природою. Не человѣкъ сказалъ себѣ: «у меня есть способность пониманія, употреблю ее на то, чтобы узнать истину»; и онъ не можетъ сказать себѣ: «перестану узнавать истину, употреблю пониманіе на что-нибудь другое». Онъ сталъ понимать невольно и безсознательно для самого себя, повинуясь своей природѣ, но не господствуя надъ нею. Какія усилія ни употреблялъ бы человѣкъ, дѣятельность разума всегда будетъ только процессомъ пониманія, и въ результатѣ этого процесса всегда получится только истина: ни объ-

екта не можетъ онъ измѣнить, поставивъ напр. вмѣсто истины добро, ни процессъ пониманія, превративъ его напр. въ процессъ дѣйствія или чувствованія. Отсюда прямо вытекаетъ слѣдующее замѣчательное свойство разсматриваемыхъ объектовъ: 2, *объекты необходимой дѣятельности человѣка неподвижны*; ихъ нельзя ни уничтожить, ни измѣнить, ни замѣнить другими; 3, *въ дѣятельности, движущейся къ этимъ неподвижнымъ объектамъ, раскрывается природа человѣка*; напримѣръ въ пониманіи, которое направляется къ достиженію истины, раскрывается природа разума. Какъ уже было показано ранѣе, взятый въ самомъ себѣ, до того момента, съ котораго онъ начинаетъ понимать, разумъ не заключаетъ въ себѣ ничего дѣйствительно существующаго, и представляетъ собою рядъ чистыхъ стремленій и чистыхъ возможностей выполнить эти стремленія. И тѣ и другія превращаются въ реальности только въ процессѣ пониманія, и въ немъ одномъ обнаруживаются; подобно тому какъ заключенное въ сѣмени обнаруживается въ деревѣ, [illegible]рое изъ него выростаетъ. Вотъ отчего разумъ можетъ быть разсматриваемъ и изслѣдуемъ только въ пониманіи: въ послѣднемъ раскрывается его природа, строеніе и свойства, и чѣмъ оно далѣе подвигается, углубляясь, расширяясь и усложняясь, тѣмъ отчетливѣе выступаютъ они. Такимъ образомъ здѣсь природа человѣка *не остается неизмѣнною* [illegible], какъ при дѣятельности произвольной (напр. какъ рука при дѣланіи вещи); процессъ стремленія къ объектамъ здѣсь не есть только внѣшнее приспособленіе органовъ человѣка къ чему-то внѣшнему для нихъ. Напротивъ въ этомъ стремленіи раскрывается потенціальное бывшее въ человѣкѣ ранѣе, въ реальное что мы называемъ явленіями жизни (процессъ научнаго творчества); 4, *между объектами необходимой дѣятельности и между сторонами человѣческой природы, на которую и ходитъ эта дѣятельность, существуетъ* не простое отношеніе временное, устанавливаемое человѣкомъ и мѣняющееся, но *неизмѣнное соотношеніе, предустановленное*

не болѣе человѣка, опредѣленное и постоянное. Здѣсь объекты дѣятельности даны въ дѣятельной природѣ. Цѣли не придуманы человѣкомъ, но вложены въ природу его. Такъ въ пониманіи: между истиною и разумомъ существуетъ неизмѣнное соотношеніе; ни разумъ не можетъ стремиться къ чему-либо другому, кромѣ истины, ни истина не можетъ быть достигнута чѣмъ либо другимъ, кромѣ разума. Разумъ существуетъ для истины и созданъ для нея; истина существуетъ потому, что есть разумъ.

Вотъ глубокія отличія между произвольною и необходимою дѣятельностью человѣка, и между объектами той и другой. И устанавливая отношеніе между ними мы не должны терять изъ виду ни ихъ *родоваго сходства*, какъ явленій нѣкоторой дѣятельности и какъ нѣкоторыхъ объектовъ ея, ни ихъ *видоваго отличія*; и это сходство, и это различіе мы должны выразить въ ихъ названіяхъ. Итакъ, называя предметъ стремленій и въ томъ и въ другомъ случаѣ именемъ *объектовъ*, мы называемъ эти объекты *цѣлями* — въ первомъ, и *назначеніями* — во второмъ случаѣ.

И дѣйствительно: въ пониманіи, столь необходимомъ, столь постоянномъ, и въ истинѣ, къ достиженію которой движется оно сперва безъ участія человѣческой воли, потомъ при ея содѣйствіи и, наконецъ, вопреки ей (когда человѣкъ усиливается что либо оставить скрытымъ отъ себя, напр. въ религіи и политикѣ, и не можетъ), — въ этомъ стремленіи нельзя не видѣть *назначенія человѣка*. Нужно захотѣть не думать, чтобы не подумать этого; нужно сознательно отвернуться отъ факта, чтобы не видѣть его; нужно молчать, чтобы не быть вынужденнымъ признать его — усилія напряженія и утомленія.

Такъ какъ природа человѣка съ одной стороны не ограничивается разумомъ, и такъ какъ съ другой стороны онъ (разумъ) не есть что либо произведенное въ ней, но составляетъ ея первозданную часть, то и въ этомъ назначеніи человѣка стремиться къ познанію истиннаго мы не можемъ съ одной стороны признать всего назначенія человѣка, а съ другой стороны не можемъ не видѣть въ

немъ его перваго и конечнаго назначенія. Конечнаго потому, что оно не составляетъ ни части чего-либо, ни средства къ чему-либо; перваго потому, что разумъ есть первое и существеннѣйшее, что открывается намъ въ духѣ при его анализѣ.

Вотъ единственный, намъ думается, истинный взглядъ на науку, какъ на пониманіе. Не можетъ усомниться въ справедливости его всякій, кто глубже вдумается въ отношеніе ея къ человѣку. Потому что невозможно не замѣтить глубокаго и отчетливаго различія между явленіями пониманія и между всѣми другими явленіями человѣческой жизни.

—38—

ГЛАВА II.

Объ отношеніи воли человѣка къ наукѣ.

I. Двѣ опоры, на которыя можетъ опираться человѣческая дѣятельность: воля самого человѣка, и воля создавшая его; отношеніе этихъ опоръ къ наукѣ въ случаѣ признанія ея: 1. свободнымъ произведеніемъ человѣческой дѣятельности, 2. явленіемъ исторически возникшимъ и обусловленнымъ, 3 орудіемъ для достиженія какихъ-либо цѣлей; невозможность соединить свободу науки съ утилитарно-практическимъ взглядомъ на нее. Процессъ пониманія, какъ свободно-необходимый; отношеніе свободы въ пониманіи къ необходимости въ немъ; непроизвольность пониманія; къ пониманію стремится не человѣкъ, но первозданная природа человѣческая, неуправляемая и неизмѣнимая; отношеніе къ свободно-необходимой дѣятельности двухъ опоръ всякой дѣятельности человѣка; о безусловной свободѣ пониманія. — II Отдѣленіе науки ищущей отъ науки не ищущей; отсутствіе въ послѣдней объектовъ познаванія; антагонизмъ между ею и между наукою ищущей. — III. Единство науки и ея безграничность; общность причинъ возникновенія, общность цѣлей и общность способовъ образованія, какъ основаніе единства науки; неопредѣленность единичныхъ причинъ и цѣлей науки, какъ основаніе ея безграничности; значеніе термина „научность“; отдѣленіе науки, какъ пониманія, отъ науки въ сложившихся формахъ ея. — IV. Понятіе о самостоятельной наукѣ у отдѣльныхъ народовъ; на чемъ основана возможность этой самостоятельности; необходимость ея, какъ органа, который разрѣшалъ бы сомнѣнія и вопросы, пробуждающіеся въ его сознаніи, и преодолѣвалъ бы трудности, возникающія въ его жизни.

I. Высказанный взглядъ на происхожденіе науки проливаетъ ясный свѣтъ и на вопросъ объ отношеніи къ ней воли человѣка, и свѣта этого ничто не можетъ ни разсѣять, ни заглушить, пока не затемнѣнъ самый взглядъ человѣка на науку. Именно: изъ него прямо вытекаетъ идея о безусловной свободѣ пониманія, и съ тѣмъ вмѣстѣ печать высшаго освященія, которое всегда лежало на нѣкоторыхъ признанныхъ истинахъ, переносится съ нихъ на самый процессъ отысканія истины: не она одна неприкосновенна, но самое это *искапіе* ея.

И въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ въ своихъ желаніяхъ и дѣйствіяхъ исполняетъ или волю свою, или волю высшую,

создавшую его. Поэтому всякое стремленіе и дѣйствіе человѣческое имѣетъ только двѣ опоры: или личный произволъ человѣка, или повиновеніе волѣ, создавшей его. И совершая что-либо относительно самого себя или другаго, человѣкъ только на нихъ можетъ опереться. Внѣ ихъ нѣтъ ничего, что могло бы оправдать и освятить его волю, и что, поэтому, могло бы поддержать ее.

Разсмотримъ отношеніе этихъ двухъ опоръ человѣческихъ стремленій къ наукѣ. Оно измѣняется, смотря по тому, чѣмъ мы признаемъ ее и какъ будемъ смотрѣть на ея происхожденіе и цѣль.

Итакъ, пусть наука будетъ *произведеніемъ человѣческой воли*. Ясно, что въ этомъ случаѣ она можетъ быть подавлена волею не создающихъ ее, причемъ обѣ изъ существующихъ опоръ поддерживали бы и оправдывали эту подавляющую волю, не поддержимая и не оправдывая воли создающихъ и охраняющихъ науку. И въ самомъ дѣлѣ во-первыхъ, подавляющіе могли бы сослаться на то, что они подавляютъ науку потому, что у нихъ есть на это желаніе. И въ обществѣ, гдѣ человѣкъ творитъ для себя законы, противъ этого ничего нельзя возразить. Въ такомъ обществѣ все подчинено закону и имъ регулируется, и наука, какъ созданіе воли, должна также регулироваться имъ, т. е. поощриться, сдерживаться и подавляться, смотря по волѣ тѣхъ, кому предоставлено творить законы. Во-вторыхъ, подавленіе науки можетъ быть совершено, опираясь и на вторую изъ двухъ указанныхъ опоръ.

Равнымъ образомъ къ отрицанію свободы пониманія ведетъ и признаніе науки *явленіемъ исторически возникшимъ и обусловленнымъ*. И въ самомъ дѣлѣ: человѣкъ, создающій, видоизмѣняющій и уничтожающій обусловленныя историческія явленія, можетъ, какъ таковое, ограничить и подавить и науку, причемъ вопросъ можетъ быть только о средствахъ, но не о правѣ исполнить это. Былъ феодализмъ и человѣкъ уничтожилъ его; была и есть наука, отчего не уничтожить ее? Все созданное исторіею—ею и разрушается; оно опирается только на то, что существовало, — на что обо

претея оно, когда потребуютъ, чтобы оно не существовало болѣе?

Пусть, далѣе, наука будетъ *не цѣлью сама для себя, но средствомъ, орудіемъ* для достиженія чего-либо другаго, что человѣкъ ставитъ для себя цѣлью, напр. религіи, какъ думали нѣкогда, или пользы, наслажденія, могущества, какъ думаютъ теперь. Въ такомъ случаѣ человѣкъ можетъ распоряжаться ею, какъ и всякимъ орудіемъ, по своему усмотрѣнію, — т. е. приспособлять ее къ своимъ цѣлямъ, отбрасывать въ ней то, что не способствуетъ достиженію ихъ, и подавлять ее въ цѣломъ, если почему-либо онъ убѣдится, что она не столько приноситъ ему пользы, сколько приноситъ вреда. Нужно замѣтить, что нѣкоторыя области науки въ продолженіи долгаго времени признавались не только не полезными, но и положительно вредными, и ничто не можетъ доказать, что не настанетъ времени, когда онѣ снова будутъ признаны таковыми. Мы думаемъ даже, что если религіозныя преслѣдованія противъ науки окончились навсегда, то политическія гоненія противъ нея въ настоящемъ значеніи еще и не начинались. Пунктъ, на которомъ необходимо сосредоточить здѣсь все вниманіе, состоитъ въ томъ, что тутъ не можетъ быть и вопроса о томъ, что̀ полезно или вредно для человѣка вообще, но только вопросъ, что признается вреднымъ или полезнымъ въ данное время даннымъ поколѣніемъ людей; *не дѣйствительность пользы, но только дѣйствительность признанія пользою.* И слѣдовательно нашъ взглядъ на полезность науки имѣетъ значеніе только для насъ, и не долженъ быть принимаемъ во вниманіе.

Итакъ, *при взглядѣ на науку, какъ на явленіе исторически возникшее, созданное волею человѣка, и служащее орудіемъ для достиженія иныхъ цѣлей, лежащихъ внѣ науки, не можетъ быть удержана свобода ея.*

Въ нашей жизни стремленіе къ свободѣ мысли всегда было желаніемъ, но никогда убѣжденіемъ. Потому что никогда и никѣмъ не было объяснено, почему именно мышленіе должно быть свободно. Замѣчательно, что одно-

временно съ этимъ стремленіемъ къ свободѣ науки устанавливался и утилитарно-политическій взглядъ на нее, причемъ никто не замѣтилъ, что совмѣстно эти два взгляда не могутъ существовать. Осуждая преслѣдованія науки, мы осуждаемъ свой взглядъ на нее (утилитарный); а защищая этотъ взглядъ, мы оправдываемъ эти преслѣдованія. Потому что, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, подавленіе науки никогда не было одновременно съ признаніемъ ея пользы. Но признаніе полезности или вреда науки во всякое данное время можетъ зависѣть только отъ воли живущихъ въ это время, или отъ воли тѣхъ, кому они предоставили право и власть заботиться о своей пользѣ. Слѣдовательно всѣ стѣсненія науки, когда-либо происходившія и когда-либо имѣющія произойти, справедливы. Вотъ рядъ положеній, необходимо вытекающихъ изъ взгляда на науку, какъ на явленіе, не носящее въ самомъ себѣ своего значенія. Всякая попытка выйти изъ этого круга положеній будетъ напрасна. Они вытекаютъ изъ утилитарно-политическаго взгляда на науку, какъ теоремы геометріи вытекаютъ изъ ея аксіомъ, и не существуетъ правильной мысли, которая могла бы ихъ опровергнуть.

Такимъ образомъ, если бы удерживать установившійся взглядъ на науку, какъ на нѣчто служебное, какъ на ancillam vitae, то было бы необходимо отказаться отъ ея свободы. Но истина состоитъ въ томъ, что этотъ взглядъ есть заблужденіе, и что оно могло возникнуть только въ жизни общества, въ которомъ не существуетъ науки, но только нѣчто сходное съ ней, а слѣдовательно не можетъ существовать и правильнаго пониманія ея. Этотъ взглядъ необходимо исчезнетъ, едва пробудится общество къ наукѣ. А съ его исчезновеніемъ утвердится незыблемо и идея свободной науки, основанная уже не на безотчетномъ желаніи, но на сознательномъ убѣжденіи.

И въ самомъ дѣлѣ, наука, какъ пониманіе, есть процессъ свободно-необходимый по своей природѣ и происхожденію. Но если мы разсмотримъ эти два свойства его

въ ихъ взаимномъ отношеніи, то увидимъ, что они связаны между собою причинною связью: пониманіе есть процессъ свободный, потому что оно есть процессъ необходимый, и чѣмъ полнѣе эта необходимость, тѣмъ полнѣе эта свобода. Но необходимость науки, какъ развивающагося процесса пониманія, безусловна и всесовершенна; потому что этотъ процессъ восходитъ, какъ къ своей причинѣ, только къ одному строенію разума, и разъ это строеніе существуетъ, существуетъ и онъ: наука дана въ разумѣ, какъ слѣдствіе дано въ причинѣ.. А поэтому и свобода ея отъ всего, лежащаго внѣ разума, безусловна и всесовершена: она ни къ чему не имѣетъ отношенія въ жизни, ни съ чѣмъ не связана причинною связью, а поэтому ни отъ чего не зависима.

Будучи процессомъ внутренно необходимымъ, пониманіе по отношенію къ создающему его есть дѣятельность непроизвольная. Непроизвольно же совершаемое человѣкомъ не можетъ подлежать осужденію. И поэтому наука, будучи свободна отъ явленій жизни, свободна и отъ суда человѣческаго.

Въ этой непроизвольной дѣятельности человѣкъ выполняетъ не свое желаніе, но требованіе того, что есть первоначальнаго въ его природѣ. Строеніе же этой первоначальной природы опредѣлено не имъ самимъ, но создавшимъ эту природу. И поэтому стремясь къ пониманію человѣкъ выполняетъ не свою волю, но повинуется волѣ создавшаго его. И слѣдовательно все, стѣсняющее процессъ пониманія, есть возмущеніе противъ Творца человѣческой природы.

И такъ какъ это стремленіе предустановлено для человѣка въ его природѣ, и понимая онъ выполняетъ свое назначеніе на землѣ, то все, препятствующее этому пониманію, отклоняетъ его отъ его назначенія. И поэтому какъ тотъ, кто самъ въ себѣ почему-либо подавляетъ этотъ духъ изслѣдованія и изысканія, такъ равно и тотъ, кто въ другомъ подавляетъ его, мѣшая проявленію этого духа разумѣнія, одинаково стремится отклонить человѣка

отъ его назначенія, и возстаютъ противъ воли того, кто указалъ ему это назначеніе.

Но всякая воля и сила имѣютъ только двѣ опоры: волю человѣка и волю Создавшаго его. А такъ какъ въ стремленіи къ пониманію человѣкъ проявляетъ и свою волю, и волю Творца своей природы, — у послѣдняго же не можетъ быть двухъ противуположныхъ желаній, но только одно, несомнѣнно проявившееся въ созданіи одинаковой природы всѣмъ людямъ, то очевидно, что человѣческое пониманіе опирается на обѣ опоры, стѣсняющее же его не имѣетъ подъ собою никоторой изъ нихъ.

Это значитъ, что въ природѣ вообще не существуетъ силы и права, могущаго стѣснить разумъ и науку; и самая попытка къ этому есть возмущеніе противъ человѣка, природы и Того, кто создалъ все.

Такъ какъ пониманіе всецѣло опредѣлено человѣческою природою, то очевидно, также, что правила, опредѣляющія въ обществѣ произвольно-совершаемое, не касаются и не могутъ коснуться его. Какъ не можетъ быть предметомъ правила то, чтобы съ возрастомъ человѣка ..га его увеличивались, ни то, чтобы они уменьшались, такъ точно не можетъ быть предметомъ регулирующаго правила наука, какъ пониманіе.

Наконецъ, такъ какъ въ природѣ человѣка лежатъ не самыя истины, но только стремленіе и способность находить ихъ, и слѣдовательно воля Создавшаго его хотѣла, чтобы онъ самъ трудился въ ихъ отысканіи, то ясно, что все сказанное переносится съ найденныхъ и установленныхъ истинъ на самое искапіе истины, съ результата на процессъ, его подготовляющій. И такимъ образомъ печать высшаго освященія, какое существуетъ на землѣ и въ жизни, освященія воли, создавшей человѣка, кладется на самыя усилія человѣка найти истину, со всѣми тѣми состояніями и свойствами его разума, которыя обусловливаютъ образованіе науки: на духъ безкорыстнаго стремленія и на жажду проникнуть во все, скрытое отъ человѣка

Когда я понимаю, я не имѣю отношенія ни къ людямъ, ни къ жизни ихъ; я стою передъ одною моею природою и передъ Творцомъ моимъ; и моя воля лежитъ въ волѣ Его. Въ это время Его одного знаю и Ему одному повинуюсь; и все, что становится между мною и между Творцемъ моимъ, возстаетъ противъ меня и противъ Творца моего.

II. Выведенное отношеніе науки къ природѣ человѣка и къ его жизни, и воли человѣка къ наукѣ, справедливо не относительно всякой науки; оно касается только *науки ищущей* и не распространяется на *науку не ищущую*.

Подъ наукою ищущею я разумѣю науку чистую, возникающую изъ сомнѣнія, какъ причины своей, и развивающуюся черезъ пытливость, какъ движущую силу свою: подъ наукою-же не ищущей я разумѣю науку, существующую какъ занятіе, наполняющее досугъ человѣка и доставляющее удовольствіе ему. Иногда послѣдняя называется *ученостью* или *образованностью*, смотря по тому, преобладаетъ ли въ ней трудолюбіе надъ удовольствіемъ, или удовольствіе надъ трудолюбіемъ. Она сопровождается появленіемъ обширныхъ литературъ и особенныхъ учрежденій, помогающихъ заниматься этими литературами.

Наука ищущая всегда стремится дать достовѣрное и твердое разрѣшеніе чему-нибудь, волнующему и тревожащему человѣческій разумъ; и поэтому она творчески развивается по мѣрѣ тѣхъ вопросовъ, которые пробуждаются въ человѣческомъ разумѣ; наука же не ищущая, какъ удовольствіе и наполненіе досуга, не имѣетъ этой цѣли. Въ ней нѣтъ того особеннаго страданія разума, о которомъ было говорено выше, и потому нѣтъ настоятельнаго стремленія придти къ безусловно-твердому рѣшенію чего-либо. Поэтому она не развивается и не совершенствуется, хотя постоянно увеличивается черезъ возрастаніе и числа занимающихся ею, и количества трудовъ ихъ.

Вообще говоря, она не имѣетъ объектовъ изученія, и занимается не міромъ природы и жизни, не самыми

предметами и явленіями, но тѣмъ, что когда-либо думалось и [illegible]лось объ нихъ; поэтому весь характеръ ея чисто литературный, и хорошо зная, что думали о томъ или другомъ вопросѣ различные люди въ различныя времена, она никогда не стремится разрѣшить, что именно слѣдуетъ думать о нихъ человѣку: она ничему не учитъ и ни въ чемъ не руководитъ.

Вотъ почему міръ не обязанъ этой наукѣ ни одной великой идеей и ни однимъ плодотворнымъ объясненіемъ. Народы никогда не прислушивались къ тому, что совершалось въ ней, какъ и она, ко всему безучастная, никогда не прислушивалась къ жизни народовъ. Суетная и суетливая, она ни разу не задумалась ни надъ чѣмъ великимъ и не повела человѣка ни къ чему достойному, существуя безъ цѣли и безъ причины, безъ значенія и безъ достоинства.

Между обоими видами науки существуетъ антагонизмъ, котораго было бы трудно избѣгнуть. Наука ищущая постоянно тревожитъ покой, который присущъ наукѣ не ищущей и такъ необходимъ для нея: наука не ищущая постоянно закрываетъ собою тѣ задачи, передъ которыми стоитъ наука ищущая. Ея собственные интересы таковы, что они не могутъ естественно возникнуть въ разумѣ, а между тѣмъ система учрежденій, которыми она окружается и поддерживается, и ея обильная литература постоянно вовлекаютъ умы въ кругъ этихъ интересовъ и, путемъ незамѣтныхъ вліяній, дѣлаютъ ихъ неспособными къ наукѣ ищущей. Правда, естественно развиваясь, умъ вообще тяготѣетъ къ вопросамъ науки ищущей; но система учрежденій науки не ищущей дѣлаетъ трудными и рѣдкими это естественное развитіе и, съ раннихъ лѣтъ проходя черезъ нихъ, только немногіе и особенно одаренные сохраняютъ неискаженными свою первоначальную природу и естественныя склонности своего мышленія. Всѣ же остальные выносятъ изъ нихъ пола [illegible]ленными тѣ свойства и состоянія духа, на которыя [illegible]ше мы указали, какъ на необходимыя для образованія

науки.[1]) Вотъ отчего разцвѣтъ не ищущей науки всегда сопровождается упадкомъ науки ищущей.

III. Единство науки обнаруживается въ единствѣ происхожденія ея, въ единствѣ ея цѣли, а также и въ единствѣ способовъ, которыми она образуется.

Единство происхожденія состоитъ въ томъ, что всегда и повсюду, гдѣ она возникаетъ, ей необходимо и безусловно предшествуетъ сомнѣніе, изъ стремленія разрѣшить которое и развивается она. Ни изъ какого другаго источника она не зарождается, и нѣтъ другаго средства, съ помощью котораго можно было бы пробудить ее.

Единство цѣли науки проявляется въ томъ, что она стремится къ отысканію истины, и ни къ чему другому не можетъ стремиться; такъ какъ только истина является окончательною формою всякой дѣятельности разума, а въ наукѣ раскрываетя его природа.

Наконецъ, единство способовъ образовать науку проявляется въ единствѣ способовъ правильно находить истину. Это единство обусловлено самымъ строеніемъ человѣческаго разума, и тѣми формами мышленія, которыя одинаковы у всѣхъ людей и во всѣ времена. Эти формы мышленія вытекаютъ изъ первозданной природы разума и не подлежатъ вліянію исторіи, не будучи обязаны ей своимъ происхожденіемъ.

Но если мы сравнимъ единство причинъ и цѣли науки съ единствомъ способовъ образованія ея, то мы замѣтимъ между ними нѣкоторую разницу. Именно: въ способахъ образовать науку есть не только единство, но также и ограниченность. Они одинаковы у всѣхъ людей, и ихъ немного у всѣхъ ихъ — это нѣсколько строго опредѣленныхъ пріемовъ мышленія. Что же касается до причинъ и цѣли науки, то при ихъ единствѣ — сомнѣніи и истинѣ — онѣ безграничны и неопредѣлены въ своихъ объектахъ. Только изъ сомнѣнія зарождается наука, но предметы сомнѣнія не ограничены и не опредѣлены. Только истина есть цѣль

[1]) Сомнѣніе, послѣдовательность мышленія, внимательность и пр. См. выше гл. I.

науки, но предметы истины не ограничены и не опредѣлены. «Сомнѣвайся во всемъ, что доступно сомнѣнію, ищи правильнаго разрѣшенія всего, въ чемъ заронилось сомнѣніе. Причина и цѣль едина для всѣхъ людей; то, что обнимается ими, зависитъ отъ свободнаго выбора каждаго человѣка.

Такъ какъ «научность» не обозначаетъ ничего другаго, какъ «правильность въ разрѣшеніи», придающая убѣдительность истинѣ, то и самая наука не есть что-либо возвышающееся надъ обыденною жизнью и недоступное для простыхъ людей, но есть то самое, что занимаетъ, волнуетъ и тревожитъ ихъ, но только рѣшенное съ бо́льшею правильностью, чѣмъ какъ обыкновенно рѣшаютъ они. И эта самая правильность рѣшенія не недоступна имъ, потому что въ ихъ человѣческой природѣ лежатъ всѣ необходимыя условія для нея, всѣ тѣ формы мышленія, которыми владѣютъ и величайшіе изъ мыслителей. Только этого не сознаютъ они, и сосредоточеніе науки въ тѣсныхъ кругахъ занимающихся ею, но ничего не ищущихъ въ ней, мѣшаетъ пробудиться этому сознанію. Въ истинномъ же и глубокомъ своемъ значеніи, въ которое не утратилъ вѣры человѣкъ, наука есть разрѣшеніе всѣхъ человѣческихъ сомнѣній, обнимающее собою все ищущее на землѣ, все что жаждетъ пониманія, и только его одного, стоитъ въ предѣлахъ науки; все что не жаждетъ его, стоитъ внѣ этихъ предѣловъ.

Въ этомъ смыслѣ, какъ чистое пониманіе, наука поднимается надъ тѣмъ, что до сихъ поръ называлось этимъ именемъ и, вообще говоря, отдѣляется отъ него. Она утрачиваетъ всѣ формы, въ которыя заключали ее до сихъ поръ, и перестаетъ быть связанной съ какимъ-либо мѣстомъ, временемъ, корпораціями и учрежденіями. И одновременно съ этимъ выдѣленіемъ изъ себя всего чуждаго ей, она принимаетъ въ себя все, что когда-либо и гдѣ-либо стремилось къ познанію. Мальчикъ, смотрящій на пламя и задумывающійся надъ тѣмъ, что̀ такое оно, юноша, задумывающійся надъ нравственными вопросами жизни

стоятъ въ предѣлахъ ея, хотя бы они и не разрѣшили своихъ сомнѣній. Но ученый, съ успѣхомъ сдавшій на магистра и готовящій докторскую диссертацію, стоитъ внѣ предѣловъ ея, потому что не жажда познанія руководитъ имъ.

IV. По справедливости можно сказать, что народъ, создавшій науку и не создавшій ничего другаго, больше носитъ въ себѣ человѣческаго достоинства, чѣмъ тотъ народъ, который создалъ все и не создалъ науки; потому-что въ ней одной раскрывается разумная сторона человѣческой природы, и народъ, который не создалъ ея, прошелъ свое поприще ничѣмъ не выразивъ, что и онъ не лишенъ этой стороны. Печальна судьба такого народа и недостойно памяти имя его: онъ жилъ въ мірѣ и не заинтересовался имъ, прожилъ жизнь и не задумался надъ нею. Какой интересъ и нужда другимъ народамъ знать о немъ: онъ чужой въ семьѣ ихъ. Не избѣжать ни заблужденій ему, ни опасностей, плода ихъ; потому что некому ихъ объяснить ему и некому указать ему путь.

Подъ самостоятельною наукою какого-либо народа я разумѣю науку, которая возникаетъ и развивается изъ причинъ, лежащихъ въ жизни этого самаго народа, и имъ образуется.

Такая наука будетъ самостоятельна потому, что существованіе ея не зависитъ отъ существованія науки у другихъ народовъ, и не обусловливается ею въ своемъ содержаніи и въ объектахъ своего изслѣдованія. Еслибы даже исчезла наука у всѣхъ народовъ, то самостоятельная наука, оставшаяся у одного изъ нихъ, продолжала бы существовать неизмѣнно; такъ какъ не исчезла бы причина, изъ которой она развивается и которая лежитъ въ жизни народа, ее образующаго.

Но причина, изъ которой развивается наука, есть сомнѣніе; и слѣдовательно возникновеніе самостоятельной науки у какого-либо народа обусловливается тѣмъ, способенъ или нѣтъ его разумъ пробудиться къ сомнѣнію.

Даръ же сомнѣнія не заимствуется и не передается,

не покупается и не продается. Поэтому и заимствованная наука не можетъ быть ничѣмъ, кромѣ только ученостью, ищущая же и творческая наука всегда будетъ самостоятельна. И къ ней пробуждаются народы, когда пробуждается въ нихъ исканіе.

Самая же возможность образовать самостоятельную науку обусловлена безграничностью и неопредѣленностью объектовъ научнаго изслѣдованія. Это ихъ свойство производитъ то, что всякій народъ можетъ образовать свое пониманіе, какъ разумное воззрѣніе на міръ и на жизнь, и безграничнo развивать его, расширяя и углубляя. Пробудившееся въ немъ сомнѣніе будетъ источникомъ этого пониманія; пробудившееся въ немъ исканіе будетъ движущею силою его. Какъ и наука, другими народами образованная, она будетъ создаваема тѣми же способами, и также будетъ стремиться къ истинѣ. Но то, *о чемъ* истина, будетъ иное, чѣмъ у другихъ народовъ; а съ нимъ иное будетъ и содержаніе, иная будетъ и самая наука.

И въ самомъ дѣлѣ: разъ какія-либо сомнѣнія существуютъ — а развѣ человѣчество уже покончило съ ними? — не значитъ ли это, что нѣтъ еще правильнаго, разумно для всѣхъ убѣдительнаго, т. е. научнаго разрѣшенія ихъ? И если да, то стремленіе разрѣшить ихъ не будетъ ли стремленіемъ образовать науку, а правильное разрѣшеніе ихъ, дающее въ результатѣ истинное пониманіе — самою наукою? И наука эта, причина которой возникла въ жизни даннаго народа, и которая сама образована имъ, не будетъ ли наукою самостоятельною? Итакъ, самостоятельная наука возможна для всякаго народа, и она необходима для него, какъ выраженіе жизни его разума и какъ раскрытіе лучшей стороны его природы. Въ своемъ историческомъ развитіи она будетъ послѣдовательнымъ разрѣшеніемъ всѣхъ вопросовъ и сомнѣній, пробуждающихся въ его сознаніи, и всѣхъ трудностей, возникающихъ въ его жизни.

Заключеніе.

Здѣсь естественно оканчивается выполненіе задачи, которую мы себѣ поставили. Но быть можетъ не будетъ излишнимъ, если прежде, чѣмъ окончательно отойти отъ нея, мы сдѣлаемъ общій обзоръ этого выполненія, и послѣднимъ взглядомъ окинемъ тотъ утомительный путь, по которому медленно двигались до сихъ поръ.

Тайное чувство, которое руководило нами при постановкѣ задачи этого труда, было чувство неудовлетворенности тѣми двумя формами, подъ которыми, послѣдовательно видоизмѣнившись въ исторіи, нынѣ является дѣятельность человѣческаго разума — наукою и философіею; и это чувство поддерживалось сознаніемъ, что оно раздѣляется и всѣми лучшими умами нашего времени, — тѣми умами, которые не могутъ остановиться въ познаніи ни на достовѣрной поверхности, ни на недостовѣрной глубинѣ. И въ самомъ дѣлѣ, съ тѣхъ поръ какъ наука бережно остерегается всякаго умозрѣнія и не руководится болѣе принципами и цѣлями полнаго объясненія, а философія до такой степени чуждается всего доказательнаго и простаго, что еслибы какимъ-нибудь образомъ прояснилась одна изъ ея собственныхъ областей, или еслибы затемнилась и спуталась одна изъ областей точной науки, то можно быть увѣреннымъ, что она готчасъ отвернулась бы отъ первой и приняла бы въ себя вторую, — въ это время, при этомъ страномъ раздвоеніи дѣятельности одного и того-же дѣятеля, самый дѣятель, человѣческій разумъ, уже не можетъ болѣе оставаться удовлетвореннымъ; и вопросъ: что̀ такое — уже не

наука, не философія, но то нормальное, что должно было бы заканчивать собою дѣятельность познающаго въ человѣкѣ начала и по сравненію съ чѣмъ должны быть оцѣнены и измѣнены наука и философія, этотъ вопросъ становится основнымъ и первымъ вопросомъ сознанія.

Это нормальное, это третье по отношенію къ *наукѣ* и къ *философіи*, что должно быть и цѣлью и результатомъ дѣятельности человѣческаго разума, мы обозначили терминомъ «*Пониманіе*»; каковы бы ни были измѣнчивыя судьбы науки-ли, философіи-ли или чего другаго еще, это все нормально, естественно и необходимо до тѣхъ поръ, пока оно есть пониманіе, и перестаетъ быть таковымъ съ того момента, какъ измѣняетъ ему. Затѣмъ мы предприняли изслѣдованіе того, что̀ такое это пониманіе.

Пониманіе не есть только знаніе, потому что нерѣдко многое зная, мы ничего еще не понимаемъ; и оно не есть также наука, какъ система знаній объ одномъ, или философія, какъ система мыслей о другомъ. Оно есть знанія, такія и такъ соединенныя, что ни до появленія ихъ разумъ не можетъ почувствовать себя вполнѣ и навсегда удовлетвореннымъ, ни послѣ ихъ появленія — оставаться еще неудовлетвореннымъ; это есть то, что заканчиваетъ собою дѣятельность разума, пріобрѣтая что онъ отъ исканія переходитъ къ созерцанію, послѣ чего онъ довлѣетъ въ себѣ, не ищетъ, не спрашиваетъ болѣе; и не можетъ уже искать, не въ силахъ болѣе спрашивать.

Чтобы опредѣлить, какія знанія и какъ соединенныя даютъ это удовлетвореніе, мы обратились къ изслѣдованію самой природы разума; и это изслѣдованіе раскрыло передъ нами, что онъ есть *потенція познанія*, въ которой послѣднее также предустановлено въ своемъ строеніи, какъ въ сѣмени предустановлены формы растенія, изъ него развивающагося. Однако подобно тому, какъ только съ присоединеніемъ вещества земли изъ сѣмени вырастаетъ дерево, такъ и въ разумѣ не ранѣе возникаетъ познаніе, какъ тогда только, когда онъ восприметъ въ себя матерію его (объекты) черезъ органы чувствъ, эти пигомники свои,

эти корни, которыми онъ, чуждый физическому міру и съ нимъ несхожій, гнѣздится въ этомъ мірѣ, соприкасается и взаимодѣйствуетъ съ нимъ. То, лежащее въ разумѣ, что опредѣляетъ собою могущее возникнуть въ немъ познаніе, мы назвали его *схемами;* а то, лежащее внѣ разума, что составляетъ вторую потенцію познанія, какъ бы матерію его, мы назвали *сторонами бытія;* и знанія, такія и такъ соединенныя, чтобы они соотвѣтствовали всѣмъ схемамъ разума и обнимали всѣ стороны бытія, мы признали, какъ пониманіе. И въ самомъ дѣлѣ: не можетъ ни разумъ оставаться еще неудовлетвореннымъ, когда познано уже все, имѣющее въ немъ соотвѣтствующую себѣ схему, ни въ самомъ познаніи возникнуть еще что-либо, когда уже нѣтъ болѣе условій для его возникновенія. Неудовлетворенность есть именно стремленіе потенціальнаго къ дѣйствительному, и она прекращается, когда первое исчезаетъ во второмъ; *Пониманіе* есть въ самомъ дѣлѣ конечное въ дѣятельности разума, потому что оно именно есть то реальное, для возникновенія котораго предустановленъ разумъ, какъ его первая потенція, и для перехода въ которое онъ ищетъ соединиться съ внѣшнимъ міромъ, какъ себѣ соотвѣтствующею второю потенціею его.

Затѣмъ предстояло раскрыть самыя схемы разума. Такъ какъ онѣ неизмѣнно должны обнаруживать себя въ каждомъ процессѣ познаванія, обусловливая возможность его и въ немъ соединяясь со сторонами познаваемаго, то мы предприняли изслѣдовать этотъ процессъ, наблюдая при этомъ, чтобы, каковъ бы ни былъ въ немъ объектъ познаваемый, самое познаніе, имъ дающееся въ результатѣ, было законченнымъ. Потому что: каковы элементы пониманія, всякаго, чего бы ни касалось оно, — это былъ основной вопросъ, который предстояло разрѣшить. Произведенное изслѣдованіе обнаружило, что объектъ познаваемый становится понятымъ, когда относительно его образовано разумомъ семь идей: *идея существованія, идея сущности, идея свойствъ, идея происхожденія (или причины), идея слѣдствія (или цѣли), идея сходства и различія* и *идея числа;*

и что разъ закончилось образованіе этихъ идей, то, чего касаются онѣ, не возбуждаетъ болѣе къ себѣ любопытства разума. Поэтому идеи эти мы признали слагающими изъ себя пониманіе, то въ разумѣ, что стремится и что способно образовать ихъ — его схемами, а ихъ объекты, т. е. самое существованіе, сущность, свойство, причину, слѣдствіе, сходство и различіе и число — сторонами бытія, элементами, изъ которыхъ образуется все въ немъ и все оно, какъ цѣлое.

Черезъ эти изслѣдованія опредѣлилась и *сущность* того третьяго и нормальнаго, что должно быть цѣлью и результатомъ дѣятельности человѣческаго разума, и выяснились *границы* его, какъ *наружныя*, такъ и *конечныя*. По своей сущности оно должно неизмѣнно состоять въ повторяющихся процессахъ образованія перечисленныхъ идей, — о чемъ это не опредѣлено еще; по своимъ границамъ оно изъ[illegible] отдѣляется отъ простаго знанія и отъ учености (эрудиціи), а въ концѣ замыкается невозможностью когда-либо [illegible]реступить за предѣлы схемъ разума и сторонъ бытія.

Ограничивъ извнѣ *Пониманіе* и уловивъ несомнѣнно внутри его то, чѣмъ вѣчно должна оставаться дѣятельность разума, что ни съ чѣмъ не можетъ быть сравниваемо и ничѣмъ оцѣниваемо, но съ чѣмъ безспорно должно быть и сравниваемое все иное въ умственной дѣятельности человѣка — наука-ли, философія-ли, и отъ большаго или меньшаго сходства съ нимъ должно заимствовать свое достоинство, — мы предприняли провести въ этомъ *Пониманіи* внутреннія дѣленія, или, что тоже, расчленить его, и черезъ это расчленение явить архитектонику того цѣлаго. Во внутреннихъ формахъ котораго неизмѣнно предстоитъ размѣщаться знаніямъ, которыя будетъ пріобрѣтать человѣкъ, равно какъ и ч[illegible], которыя пріобрѣлъ уже онъ[illegible].

Замѣтивъ, что *Пониманіе* слагается изъ того, что познаетъ, изъ процессовъ познаванія, и изъ того, что познается, мы раздѣлили его на три вѣтви: *Ученіе о познано-*

щемъ, какъ о первой, потенціи познанія, *Ученіе о познаваніи*, какъ о взаимодѣйствіи между обѣими его потенціями, и *Ученіе о познаваемомъ*, какъ его второй потенціи. Ясно, что ни въ *Пониманіи* не остается ничего, что не вошло бы въ эти дѣленія; ни въ нихъ не входитъ ничего такого, что не было бы уже заключено въ *Пониманіи*. Затѣмъ указавъ, что изученіе познающаго (разума) должно состоять въ опредѣленіи семи сторонъ его бытія, мы перешли къ познаванію и познаваемому.

Въ *познаваніи* раньше, чѣмъ пріобрѣтать знанія, необходимо предварительно изслѣдовать то, что уже узнано, чтобы или убѣдившись въ истинности пріобрѣтенныхъ знаній удержать ихъ, или открывъ въ нихъ ложность — отвергнуть. Затѣмъ мы показали причины неуспѣшности предпринимавшихся до сихъ поръ изслѣдованій, указали возможность его выполнить и опредѣлили принципы этого всеобщаго изслѣдованія.

За предварительнымъ изслѣдованіемъ узнаннаго уже должно послѣдовать пріобрѣтеніе новыхъ знаній; эту вѣтвь познаванія мы назвали *Ученіемъ объ изысканіи;* его раздѣлили мы на *Ученіе о мышленіи* и на *Ученіе о методахъ*, какъ о пріемахъ изученія, т. е. процессахъ, гдѣ мышленіе сливается съ получаемыми извнѣ впечатлѣніями, отыскиваемыми, группируемыми и объясняемыми. Высказавъ нѣсколько замѣчаній о томъ, на что должно быть обращено особенное вниманіе при изученіи мышленія, мы перешли къ методамъ и раздѣлили ихъ на способы познавать объекты, лежащіе внѣ сознанія, и на способы разрѣшать затрудненія, возникающія въ самомъ сознаніи. Способы же познаванія объектовъ вмѣсто общеупотребительныхъ дѣленій мы раздѣлили, по числу сторонъ бытія, на методы познавать существованіе, на методы познавать сущность, на методы познавать свойства, на методы опредѣлять причины и слѣдствія (или цѣли), на методы находить сходства и различія и, наконецъ, на методы изучать числа и вообще количественную сторону въ существующемъ; потому что, думали мы, когда человѣкъ научится

познавать каждую отдѣльную сторону въ бытіи, тогда онъ въ силахъ будетъ познать и каждую вещь, въ немъ лежащую, до конца (понять ее), и до конца же можетъ понять и все бытіе.

Затѣмъ мы перешли къ *познаваемому;* его мы раздѣлили на лежащее внѣ сознанія и не изъ него исходящее во внѣшній міръ, и на то, что или лежитъ въ сознаніи или изъ него исходитъ; первое есть міръ, который открывается человѣку, когда онъ вступаетъ въ него и вступивъ познаетъ этотъ міръ, какъ нѣчто внѣшнее и чуждое для себя — это Космосъ; второе есть духъ человѣческій, какъ творческій источникъ новаго порядка вещей: государствъ, наукъ, искусствъ и пр., — и его мы назвали Міромъ человѣческимъ; и раздѣливъ такъ познаваемое, убѣдились, что внѣ предѣловъ этихъ двухъ ученій — о Космосѣ и о Мірѣ человѣческомъ — не можетъ быть пріобрѣтено о немъ никакой истины.

У[illegible]же о Космосѣ, какъ объективномъ бытіи, по числу сторонъ послѣдняго мы раздѣлили на семь формъ: на *Ученіе о существованіи и измѣненіи*, на *Ученіе о сущности*, на *Ученіе о свойствахъ*, на *Ученіе о причинности и о цѣлообразности*, на *Ученіе о сходствѣ и различіи* и на *Ученіе о числѣ или о количествѣ*. Въ этихъ сторонахъ существуетъ Космосъ, или, по крайней мѣрѣ, въ этомъ только онъ познаваемъ, и если въ немъ лежитъ еще другое что, то это другое не можетъ возбуждать къ себѣ любопытства человѣческой мысли, потому что не имѣетъ въ ней соотвѣтствующей себѣ схемы. Каждое изъ перечисленныхъ ученій о сторонахъ Космоса мы раздѣлили далѣе на три части: на *Общую теорію*, предметъ которой составляетъ самая сторона бытія безъ отношенія къ тому, въ чемъ она пребываетъ, и на два частныя ученія: на *Ученіе о проявленіи познанной стороны въ вещахъ и въ явленіяхъ Космоса*, и на *Ученіе о познанной сторонѣ въ Космосѣ, какъ въ цѣломъ*: напр. ученіе о причинности, о причинахъ совершающагося и существующаго въ Космосѣ и о причинѣ самого Космоса; тоже и относительно другихъ сторонъ.

Такимъ образомъ по отношенію къ каждой изъ семи сторонъ бытія, установленныя ученія разсматриваютъ Космосъ со стороны *общаго*, что̀ лежитъ въ немъ, и *частнаго;* и далѣе — со стороны *цѣлаго и дробнаго* [1]). Семь ученій о вещахъ и явленіяхъ въ Космосѣ образуютъ собою тотъ кругъ познанія, въ которомъ до сихъ поръ всегда вращалось точное познаніе (міръ спеціальныхъ наукъ о природѣ), общія же ученія и ученія о Космосѣ, какъ цѣломъ, составляютъ ту область, въ которой до сихъ поръ неизмѣнно вращалась философія [2]). Однако-же между этимъ кругомъ и этою областью съ одной стороны, и между точными науками и философіею съ другой, есть та разница, что тогда какъ за предѣлы перечисленныхъ ученій никогда не въ силахъ будутъ выйти никакая философія и ни одна наука, изъ предѣловъ существующей науки и философіи можетъ выйти человѣческій умъ; т. е. что перечисленныя нами сферы познанія есть тѣ, въ которыхъ безсознательно до сихъ поръ жила наука и философія и въ которыхъ она открыла и познала только ничтожную пока частицу. Такъ одно *Ученіе объ измѣненіяхъ существующаго и совершающагося въ Космосѣ* на столько же превосходитъ своею обширностью и сложностью міръ существующихъ наукъ о природѣ, насколько этотъ послѣдній превосходитъ своею сложностью и содержательностью какую либо одну спеціальную науку. А мы взяли только одно изъ семи ученій, и даже въ немъ — только вторую изъ трехъ вѣтвей.

Внутри каждаго изъ семи ученій о сторонахъ Космоса, кромѣ указанныхъ трехъ дѣленій (познаніе общаго, дробнаго и цѣлаго) мы провели еще и многія другія, внимательно слѣдя каждый разъ, чтобы они соотвѣтствовали тому, какъ дѣлимое само и естественно распадается на

---

[1]) Дробное совпадаетъ съ частнымъ.

[2]) Съ выключеніемъ логики, которая входитъ въ *Ученіе о познаніи*, и психологіи, которая входитъ въ *Ученіе о познающемъ* и въ нѣкоторыя изъ ученій о мірѣ человѣческомъ.

свои элементы; т. е. чтобы внѣ ихъ (дѣленій) не осталось что-либо изъ того, что въ терминѣ «*Пониманіе*» было обнято, какъ цѣлое и какъ не допускающее за предѣлы своихъ [illegible] опытства разума. Проводя эти второстепенныя дѣленія мы всякій разъ останавливались мыслью на внутреннемъ содержаніи ихъ, и такимъ образомъ въ предѣлахъ силъ своихъ дали объясненія того, что такое существованіе, измѣненіе, сущность, свойство, причинность, цѣлесообразность, сходство и различіе и число. И въ самомъ дѣлѣ, съ понятіями этими постоянно обращается наше мышленіе, и не слишкомъ-ли нестерпимо для послѣдняго, что то, что оно ежеминутно прилагаетъ къ единичному, когда изслѣдуетъ его или думаетъ о немъ, то само по себѣ остается совершенно неизслѣдованнымъ и неопредѣленнымъ? Эти объясненія, думали мы, если ничему не помогутъ въ будущемъ при составленіи настоящихъ и окончательныхъ теорій, то и ничему не помѣшаютъ въ нихъ; съ этою цѣлью мы повсюду, гдѣ могли замѣтить сомнительность высказываемыхъ рѣшеній, со вниманіемъ указывали на то, что дѣлаетъ ихъ сомнительными. Далѣе, разсматривая ученія о вещахъ и явленіяхъ въ Космосѣ, мы приводимъ руководящіе примѣры того, какъ эти ученія могутъ быть образованы.

Потомъ мы перешли къ *Ученію о мірѣ человѣческомъ*. Это ученіе мы раздѣлили сообразно элементамъ, изъ которыхъ слагается объектъ его, на *Ученіе о творчествѣ*, и послѣднее — на ученія *о творящемъ*, *о твореніи* и *о твореномъ*, далѣе: на *Ученіе о законахъ или соотношеніяхъ въ творчествѣ*, на *Ученіе о добрѣ и злѣ*, какъ особомъ значеніи, которое получаетъ творчество независимо отъ воли творящаго, на *Ученіе о цѣляхъ или о должномъ въ творчествѣ*, на *Ученіе о средствахъ или о путяхъ къ должному* и на *Ученіе о достигнутомъ или исторію*, — гдѣ повсюду подъ «творчествомъ» разумѣлось все совершаемое духомъ (сознательно) и совершающееся въ немъ (безсознательно), а подъ творимымъ, подъ третьимъ элементомъ въ творчествѣ — то, что исходитъ изъ субъективнаго духа или

что возникаетъ изъ взаимнодѣйствія индивидуумовъ: наука, искусство, нравственность, право, религія, государство. Затѣмъ въ каждомъ изъ перечисленныхъ ученій мы провели новыя дѣленія и продлжали это до тѣхъ поръ, пока раздѣленное не представляло собою простаго синтеза сторонъ всякаго бытія: существованія, сущности, свойства и пр.,— и тогда его мы разлагали на семь ученій, познающихъ его въ этихъ сторонахъ бытія. Какъ и въ *Ученіи о Космосѣ*, мы повсюду и здѣсь останавливались на томъ, что, лежа между проводимыми дѣленіями, составляетъ самое содержимое *Пониманія;* таковы многіе вопросы, надъ которыми издавна привыкъ останавливаться человѣческій разумъ: о томъ, что̀ такое человѣческій духъ и безсмертенъ ли онъ? что̀ такое религія, государство, искусство,— и еще надъ многимъ другимъ.

Обозрѣвъ всѣ формы *Пониманія*, мы остановились мыслью на вопросѣ: какъ относится оно къ человѣческой природѣ и жизни, что̀ оно такое по отношенію къ первой и каковы должны быть его отношенія ко второй? и глубже вдумываясь въ этотъ вопросъ, нашли, что оно есть то, въ чемъ раскрывается природа человѣческаго разума и что служитъ первымъ назначеніемъ человѣка, какъ цѣлесообразно устроеннаго существа; и что отношенія ея къ жизни и разнообразнымъ формамъ, подъ которыми является послѣдняя: къ религіи, государству, искусству и пр., есть отношеніе свободное. Ни *Пониманіе* не управляется ими, ни они — пониманіемъ, и обоюдное вліяніе ихъ хотя и возможно, однако не носитъ въ себѣ никакой внутренней необходимости, не вытекаетъ ни изъ ихъ природы, ни изъ природы его. И, наконецъ, какъ на послѣднемъ вопросѣ, мы остановились мыслью на томъ, какъ долженъ самъ человѣкъ относиться къ *Пониманію*, которое исходитъ изъ него, какъ процессъ, и какъ результатъ — устанавливается въ немъ? И найдя, что оно восходитъ, какъ къ причинѣ своей, къ первозданной природѣ человѣка, и далѣе, что человѣкъ въ своемъ желаніи можетъ опереться только или на свою, или на волю Творца своей

природы, нашли, что оно не подлежитъ по самой сущности своей ничьему осужденію и никакому измѣняющему вліянію; что оно свободно извнѣ, потому что необходимо внутри себя.

Такова *Пониманіе*, какъ третье и нормальное по отношенію къ *наукѣ* и къ *философіи;* не трудно видѣть ихъ взаимное отношеніе.

Прежде всего, *Пониманію* чуждо то раздвоеніе, тотъ антагонизмъ, который существуетъ между наукою и между философіею; и это по двумъ причинамъ. Первая причина есть то, что въ немъ второстепеннъ *вопросъ о методѣ:* этотъ послѣдній — только орудіе познанія, и онъ не затемняетъ въ немъ, какъ затемняетъ въ наукѣ и въ философіи, того, ради чего онъ существуетъ, какъ орудіе. *Пониманіе* ищетъ быть правильнымъ, но оно не ищетъ быть ни исключительно умозрительнымъ, ни исключительно опытнымъ; оно не надѣется обладать истинами болѣе достовѣрными, чѣмъ какія содержатся въ точныхъ наукахъ, и не отказывается отъ средствъ познанія, которыя создали математику. Вторая причина есть то, что *Пониманіе* объектомъ своимъ имѣетъ *дѣйствительное,* и что это дѣйствительное оно стремится не узнать только, но *объяснить, уразумѣть;* по этому повсюду ученіямъ о вещахъ и явленіяхъ оно предпосылаетъ общія теоріи — неизмѣнно съ умозрительнымъ характеромъ, и на этихъ общихъ теоріяхъ возводитъ частныя ученія — неизмѣнно съ опытнымъ характеромъ. Значеніе руководящее принадлежитъ въ немъ умозрѣнію: оно указываетъ, *что* и *какъ* должно быть познано; но эти указанія — только схема, только путь, и указанное умозрѣніемъ находится опытомъ, тамъ и такимъ образомъ, какъ опредѣлено умозрѣніемъ.

Далѣе. *Пониманіе* не допускаетъ извращеніе своей природы, и съ нимъ не можетъ произойти того, что происходило въ исторіи съ наукою и съ философіею. И въ самомъ дѣлѣ, термины «наука» и «философія» нисколько не опредѣляютъ того, что въ нихъ содержится, что ими обозна-

чается: остается совершенно неизвѣстнымъ, что̀ такое наука, и совершенно неопредѣленнымъ, что̀ такое философія. Поэтому имена эти прилагаетъ къ себѣ то, что нерѣдко бываетъ совершенно чуждо всякихъ научныхъ и всякихъ философскихъ элементовъ, что по своей природѣ не есть даже познаніе: таково чисто субъективное развитіе мыслей въ философіи, не имѣющее ничего объяснить, ничего уразумѣть, такова же чистая эрудиція, не имѣющая даже объектовъ познаваемыхъ. Напротивъ въ терминѣ «пониманіе» есть опредѣленное значеніе, и мы живо чувствуемъ, когда умственная дѣятельность становится имъ и когда она перестаетъ быть имъ; поэтому и въ исторіи *Пониманіе* или есть — и тогда оно не извращено, или извращено — и тогда его совершенно нѣтъ.

Но есть и другое, болѣе глубокое различіе между *Пониманіемъ* и между наукою и философіею.

Наука и философія причинны въ своемъ основаніи: онѣ управляются тѣмъ, что лежитъ позади ихъ, что вызываетъ ихъ къ существованію и что ихъ измѣняетъ въ исторіи; по мѣрѣ того, какъ открываются новыя явленія и факты, появляются новыя науки; по мѣрѣ того, какъ измѣняются историческія настроенія, измѣняетъ философія свой характеръ; ни въ какой моментъ ихъ развитія нельзя сказать относительно ихъ будущаго ни того, къ чему пойдутъ онѣ, ни того, какими путями онѣ пойдутъ. *Пониманіе* же цѣлесообразно: въ немъ сознаны границы, до которыхъ пойдетъ оно, и опредѣлены пути, по которымъ оно достигнетъ ихъ; оно не блужданіе болѣе, для него нѣтъ возврата, ему чуждо исканіе и сомнѣніе, все это въ содержимомъ его, тамъ, гдѣ движутся науки и философія, но не въ немъ самомъ.

Поэтому, что касается до точныхъ наукъ, то онѣ случайны въ своемъ содержаніи и развитіи: въ прошедшемъ каждая единичная наука возникала тогда, когда открывался какой-либо новый своеобразный порядокъ явленій и предметовъ, и въ будущемъ предстоитъ наукамъ возникать до тѣхъ поръ, пока не исчерпается это своеобразіе

природы; причемъ остается совершенно неизвѣстнымъ, какія это будутъ науки, чего коснутся онѣ. Наука находитъ свои объекты, или если и ищетъ ихъ, то безъ всякой опредѣленной мысли о томъ, что именно такое будетъ найденное и гдѣ его найти; поэтому и существующія классификаціи точнаго знанія всегда суть не классификаціи *науки*, но только *наукъ*, тѣхъ, какія есть, но не тѣхъ, какія возможны и необходимы: они не предвидятъ будущаго, ихъ значеніе и правильность ограничивается переживаемымъ моментомъ науки, они преходящи. Изъ *Понманія* удалена эта случайность: раньше, чѣмъ познало свои объекты, оно знаетъ и каковы они, и гдѣ, и при томъ до послѣдняго предѣла своего; все познаваемое распредѣлено уже въ немъ, лежитъ содержимымъ въ его формахъ, но только закрытое еще, непознанное; раскрывать это лежащее внутри его, познавать единичное и строго опредѣленное — это все, что здѣсь остается разуму.

Наука и философія частичны, множественны и промежуточны: ими не завершается дѣятельность человѣческаго разума, онѣ представляютъ собою блужданіе туда и сюда, но не къ концу. ихъ много и во всемъ своемъ множествѣ онѣ не изучаютъ ни всего бытія въ его цѣлости, ни того частнаго, что лежитъ въ немъ, во всей его полнотѣ: только нѣкоторое и въ нѣкоторомъ познаютъ онѣ, но не все во всемъ, что и въ чемъ доступно познанію; именно исчерпывающаго характера не достаетъ имъ. Напротивъ *Понманію* присущъ этотъ исчерпывающій характеръ: внѣ его нѣтъ познаваемыхъ объектовъ, и въ каждомъ единичномъ объектѣ нѣтъ познаваемыхъ сторонъ; и притомъ это одно, не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ, къ возможнаго, оно не допускаетъ множественности въ себѣ; не можетъ явиться никакого втораго *Понманія*, и даже если бы измѣнился самый разумъ человѣка въ строеніи своемъ, если бы въ немъ возникли иныя схемы познаванія, чѣмъ какія существуютъ теперь — *Понманіе* не измѣнилось бы, не перестроилось, но только къ семи ученіямъ о сторонахъ Космоса въ немъ прибавилось бы еще восьмое или

девятое. Такимъ образомъ оно есть послѣднее въ дѣятельности разума, то, въ чемъ онъ можетъ найти успокоеніе, что способно уничтожить въ немъ боль непониманія, что для уничтоженія этого именно зла — части другаго и обширнѣйшаго, которое заложено въ человѣческой природѣ — и появляется, какъ имѣющее возмѣстить его благомъ созерцанія истины, неизмѣнной въ своемъ содержаніи, о непреходящемъ во времени, законченной.

Важнѣйшія опечатки.

Стран.:	Строка:	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
17	3 сн.	премета	предмета
21	2 сн.	знанія другихъ	знанія у другихъ
25	15 св.	для "нужды"	для нужд
42	13 св.	проводятъ	проходятъ
48	1 св.	природу описываетъ его свойства	природу, описываетъ его свойства.
—	20 сн.	было установлено	былъ установленъ
50	2 св.	былъ разсмотрѣнъ	былъ раскрытъ
103	12 сн.	методовъ, познается	методовъ познается
128	3 св.	опускающимъ,	опускающимъ
132	15 св.	это въ жизни	это въ жизни
147	16 св.	само съ собою	само собою
174	14 св.	глазъ;	глазъ,
177	7 сн.	почерпываютъ	исчерпываютъ
183	3 сн.	не	не
184	8 св.	хотя,	хотя
190	5 св.	Произойти	Произойти
195	8 св.	вытѣсненія	вытѣсненной
200	—	*неопредѣленная*	*опредѣленная*
205	6 сн.	*и начало*	*на начало*
206	19 св.	Гамм это начало	Гамм; это начало
207	15 сн.	генезиса	генезиса,
232	10 сн.	и реальнаго	и реальною
238	3 сн.	три стороны	четыре стороны
239	18 св.	въ генезисъ	въ генезисѣ
252	14 св.	что узнано	что уже узнано
277	17 св.	*Ученіе*	*5. Ученіе*
291	19 св.	существъ, не уничтожается	существъ не уничтожается
306	2 сн.	въ ученіи о сущности	въ ученіи о сущемъ
309	2 сн.	природа полнозвуковъ	природа полноты звуковъ
319	4 сн.	и въ передъ	и передъ
329	4 сн.	раскырть	раскрыть
321	15 сн.	существуютъ	не существуютъ
332	10 сн.	въ слѣдствіе	въ слѣдствіи
335	12 сн.	заканчивающаяся	заканчивающая ихъ
336	11 сн.	Если принять Космосъ,—	Если принять Космосъ
347	7 св.	наоборотъ	но наоборотъ
376	14 св.	въ механизмѣ элемента	въ механизмѣ элемента измѣненія
378	10 св.	измѣняемымъ	измѣняющемся
—	12 сн.	другихъ людей	другихъ линій
404	5 сн.	положимъ двухъ	положимъ двухъ,
416	10 св.	познаетъ, то что	познаетъ то, что
422	3 сн.	возбуждаемъ	возбуждаетъ
433	7 св.	имѣетъ	живетъ свою
455	9 св.	надъ политическою формою	подъ политическою формою
479	1 сн.	отхи	хотя
484	10 св.	становится	не становится
498	9 св.	чѣмъ чувствовалъ	чѣмъ почувствовалъ
—	3 сн.	не создавъ	не сознавъ
503	5 сн.	голые вновь	юные вновь
506	4 сн.	перевѣшиваютъ	перевѣшивалъ
527	12 сн.	отразилась	отразилось
539	5 сн.	XI. Говоря объ искусствѣ	XII. Говоря объ искусствѣ
540	7 св.	Напротивъ	Напротивъ
—	10 сн.	въ самой себѣ	самой въ себѣ.
542	9 сн.	привлеченномъ въ міръ	привнесенномъ въ міръ
548	7 сн.	въ религіи	къ религіи
553	12 св.	объективной	объективной
576	9 сн.	міръ, чутко прислушивался	міръ чутко прислушивался
579	15 сн.	оригинальностей мыслей	оригинальности мыслей
589	16—17 св.	желенія	желанія
591	1 сн.	маленькихъ	маленькихъ
597	9 св.	это состоянія	это—состоянія
606	16 сн.	называемъ тѣ	назвали тѣ
615	7 сн.	ихъ ученіе	ихъ изученіе
619	19 св.	не спасетъ	не спасаетъ
626	12 св.	подобно тому, которые	подобно тому, которое
640	5 сн.	двусторонное	одностороннее
656	1 сн.	обмана —	обмана,
678	13-12 сн.	наружныя, непередаваемыя	наружныя, передаваемыя
681	9 сн.	прибываетъ увеличиваясь	прибываетъ увеличиваясь
692	2 сн.	*науки;*	*науки,*
—	1 сн.	это не принципіально	не принципіально
700	10 сн.	они	они,
—	—	которымъ,	которыхъ
703	14 сн.	справедливости	справедливости
707	20 св.	что создало его чего онъ не знаетъ	что создало его, чего онъ не знаетъ
718	2 сн.	проникнуть, во все	проникнуть во все
729	1 сн.	о первой, потенціи	о первой потенціи
733	4 сн.	продолжаемъ	продолжали
743	1 сн.	на свою	на свою волю

РАЗЛОЖЕНІЕ ИДЕИ ПОНИМАНІЯ,

раскрывающее формы науки, внѣ которыхъ не можетъ быть пріобрѣтено никакое познаніе.

Таб. I.

- въ существованіи.
- въ сущности: 1. о природѣ разума, 2. о строеніи разума.
- въ свойствахъ.
- въ происхожденіи.
- въ назначеніи.
- въ отношеніи: 1. къ познаванію и познаваемому, 2. единичнаго къ общему.

въ изслѣдованіи
- познаваемаго.
- совершаемаго.

въ познаніи

черезъ мышленіе

- объ идеѣ (и ея)
  - a. въ существованіи, b. въ строеніи, c. въ свойствахъ, d. въ происхожденіи, e. въ назначеніи,
  - f. въ сходствѣ и различіи: 1. съ разумомъ, 2. съ міромъ вещей, 3. между собою.
- о раскрытіи
  - о процессѣ раскрытія.
  - о законахъ раскрытія.
  - о причинахъ раскрытія.
  - о формахъ, въ которыя раскрываются идеи.
- о сочетаніи
  - о сочетаемости и несочетаемости идей
    - о сущности сочетаемости и несочетаемости.
    - о причинѣ сочетаемости и несочетаемости.
    - о модусахъ сочетанія.
  - о формахъ мышленія.
- о системѣ ид

черезъ комбинацію элементовъ мышленія

- должнаго познанія
  - о методахъ познавать существованіе
    - объ открытіи существованія
      - о различеніи объективнаго отъ субъективнаго.
      - о методахъ чувственнаго усмотрѣнія.
      - о методахъ умственнаго усмотрѣнія.
    - объ опредѣленіи формы существованія.
  - о методахъ познавать сущность
    - пребывающаго: 1. составъ, 2. строеніе.
    - совершающагося (скрытый процессъ).
  - о методахъ познавать свойства
    - методы открытія и объясненія свойствъ.
    - методы пониманія и открытія свойствъ.
    - методы объясненія комбинацій изъ свойствъ.
  - о методахъ познавать причины.
  - о методахъ познавать цѣли: 1. существующаго, 2. совершающагося.
  - о методахъ познавать сходство и различіе
    - теорія наблюденія.
    - теорія описанія.
    - теорія сравниванія.
    - теорія умозаключенія изъ сравненія.
  - о методахъ познавать числа и количества.
- должнаго изслѣдованія
  - общая теорія разрѣшенія сомнѣній
    - ученіе о сомнѣніи: 1. о сущности, 2. о свойствахъ, 3. о происхожденіи, 4. о слѣдствіяхъ, 5. о типахъ сомнѣнія.
    - ученіе о методахъ разрѣшать сомнѣнія.
  - общая теорія разрѣшенія вопросовъ.

въ существованіи

- общая теорія существованія
  - о дѣйствительности или мнимости существованія.
  - о природѣ (сущности) существованія.
  - о свойствахъ существованія: 1. основныхъ, 2. опредѣляющихъ.
  - о происхожденіи существованія.
  - о назначеніи существованія.
  - о формахъ существованія
    - о бытіи.
    - о бытіи потенціальномъ
      - о потенціяхъ матеріальныхъ неопредѣленныхъ.
      - о потенціяхъ матеріальныхъ опредѣленныхъ.
      - о потенціяхъ идеальныхъ неопредѣленныхъ.
      - о потенціяхъ идеальныхъ опредѣленныхъ.
      - о потенціяхъ предъидеальныхъ.
    - о бытіи образующемся.
    - о бытіи реальномъ: 1. временномъ, 2. вѣчномъ измѣняющемся, 3. вѣчномъ неизмѣнномъ.
  - о количествѣ существованія (его неизмѣнности или измѣняемости).
- о существованіи вещей въ Космосѣ
  - начала протяженнаго
    - 1. въ элементахъ, 2. въ соединеніяхъ элементовъ.
    - въ группахъ соединеній
      - неорганизованныхъ: 1. смѣсей, 2. горныхъ породъ, 3. минераловъ.
      - организованныхъ: 1. растительныхъ, 2. животныхъ.
  - начала непротяженнаго; 1. идей, 2. чувствъ, 3. желаній.
  - явленій и процессовъ.
  - законовъ.
  - силъ.
- о формѣ существованія Космоса, какъ цѣлаго.

въ измѣненіи

- общая теорія измѣненія
  - о формѣ существованія измѣненія
  - о сущности измѣненія.
  - о свойствахъ измѣненія
    - о подвижности, послѣдовательности, сохраняемости, постоянствѣ и пр. измѣненія.
    - о закономѣрности измѣненія
      - о сферѣ пребыванія закона
      - о сущности закона
      - о свойствахъ закона
      - о происхожденіи закона
      - о типахъ законовъ
      - → ученіе о законѣ.
  - о происхожденіи измѣненія
    - о началѣ пассивномъ
      - a. въ существованіи, b. въ сущности, c. въ свойствахъ, d. въ происхожденіи, e. въ назначеніи
      - въ сходствѣ и различіи
        - о незамѣщающемъ пространство: 1. о духѣ, 2. о жизни
        - о замѣщающемъ пространство: 1. о простомъ или о тѣлахъ, 2. объ организмахъ.
        - → ученіе объ измѣняемомъ.
    - о началѣ дѣятельномъ
      - a. въ существованіи, b. въ сущности, c. въ свойствахъ, d. въ происхожденіи, e. въ назначеніи
      - въ сходствѣ и различіи
        - о движущемъ
        - о соединяющемъ
        - о разъединяющемъ
        - о направляющемъ
        - → ученіе объ измѣняющемъ.
    - о моментѣ соединенія началъ дѣятельнаго и пассивнаго.
  - о слѣдствіяхъ измѣненія
    - о моментѣ разъединенія началъ дѣятельнаго и пассивнаго.
    - о происхожденіи сторонъ бытія
    - о формахъ вещей, какъ результатахъ измѣненія
    - → ученіе объ измѣненномъ, или о происшедшихъ вещахъ.
  - о сходствѣ и различіи въ измѣненіи
    - о явленіяхъ
    - о процессахъ
      - неопредѣленныхъ
      - опредѣленныхъ
        - замкнутыхъ
        - раскрывающихся.
        - сомкнутыхъ
        - → ученіе о процессѣ, какъ о причинномъ измѣненіи.
  - о количественныхъ соотношеніяхъ въ измѣненіи.
- объ измѣненіи вещей въ Космосѣ
  - о силахъ природы
    - движущихъ вещество или химическихъ.
    - движущихъ тѣла или механическихъ.
    - движущихъ жизнь въ организмахъ или biологическихъ.
    - движущихъ жизнь въ духѣ или психическихъ.
    - движущихъ творимое духомъ или историческихъ.
  - о началѣ пассивномъ въ измѣненіи
    - о происхожденіи вещества: 1. генезисъ родовой, 2. генезисъ индивидуальный.
    - о происхожденіи тѣлъ неорганическихъ
      - смѣсей: 1. генезисъ родовой, 2. генезисъ индивидуальный.
      - горныхъ породъ: 1. генезисъ родовой, 2. индивидуальный.
      - минераловъ: 1. генезисъ родовой, 2. генезисъ индивидуальный.
    - о происхожденіи организмовъ
      - растительныхъ: 1. генезисъ родовой, 2. генезисъ индивидуальный.
      - животныхъ: 1. генезисъ родовой, 2. генезисъ индивидуальный.
  - о происшедшихъ вещахъ
    - о веществѣ и его формахъ.
    - о соединеніяхъ элементовъ вещества или о тѣлахъ: 1. о смѣсяхъ, 2. о горныхъ породахъ, 3. о минералахъ.
    - объ организмахъ: 1. растительныхъ, 2. животныхъ.
  - о модусахъ соединенія началъ пассивнаго и дѣятельнаго въ природѣ.
  - о модусахъ разъединенія началъ пассивнаго и дѣятельнаго въ природѣ.
  - о явленіяхъ и процессахъ въ природѣ.
- о генезисѣ Космоса
  - о формѣ существованія мироваго генезиса.
  - о строеніи мироваго генезиса.
  - о закономѣрности мироваго генезиса и о высшемъ законѣ, въ немъ проявляющемся
  - о причинѣ или источникѣ мироваго генезиса.
  - о конечной формѣ, къ осуществленію которой направляется міровой генезисъ.
- ученіе о времени, какъ условіи и мѣрѣ генезиса.

въ свойствахъ

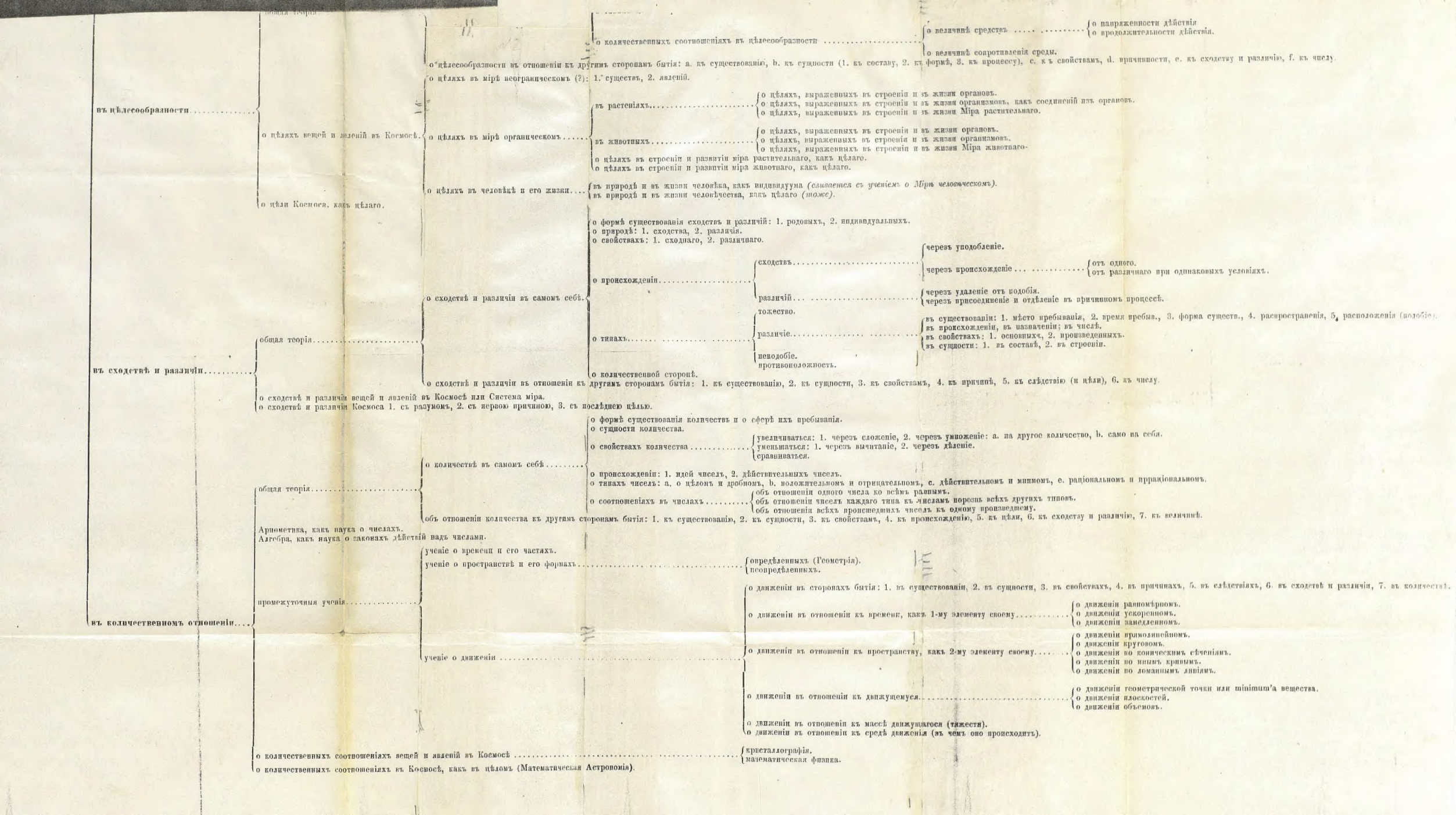
- общая теорія свойствъ
  - о свойствѣ въ самомъ себѣ
    - о типахъ свойствъ
      - a. о существованіи, b. сущности, c. объ аттрибутахъ d. о происхожденіи, e. о назначеніи свойствъ.
      - о свойствахъ существенныхъ, вытекающихъ изъ природы чего-либо, или объ аттрибутахъ сущности.
      - о свойствахъ производныхъ, вытекающихъ изъ какого-либо основного свойства.
      - о свойствахъ опредѣляющихъ или о признакахъ.
      - о свойствахъ произведенныхъ въ вещи вліяніемъ чего-либо внѣшняго.
    - о количественной сторонѣ свойствъ.
  - о свойствѣ въ отношеніи къ другимъ сторонамъ бытія: 1. къ существованію, 2. къ сущности, 3. къ причинѣ, 4. къ слѣдствію, 5. къ сходству и различію, 6. къ числу.
- о свойствахъ вещей въ Космосѣ
  - о свойствахъ вещества: 1. въ элементахъ, 2. въ соединеніяхъ элементовъ.
  - о свойствахъ тѣлъ: 1. газообразныхъ, 2. жидкихъ, 3. твердыхъ.
  - о свойствахъ существъ: 1. минеральныхъ, 2. растительныхъ, 3. животныхъ.
- объ аттрибутахъ Космоса, или объ отношеніяхъ его къ Разуму, Пространству, Времени, Причинѣ и Цѣли.

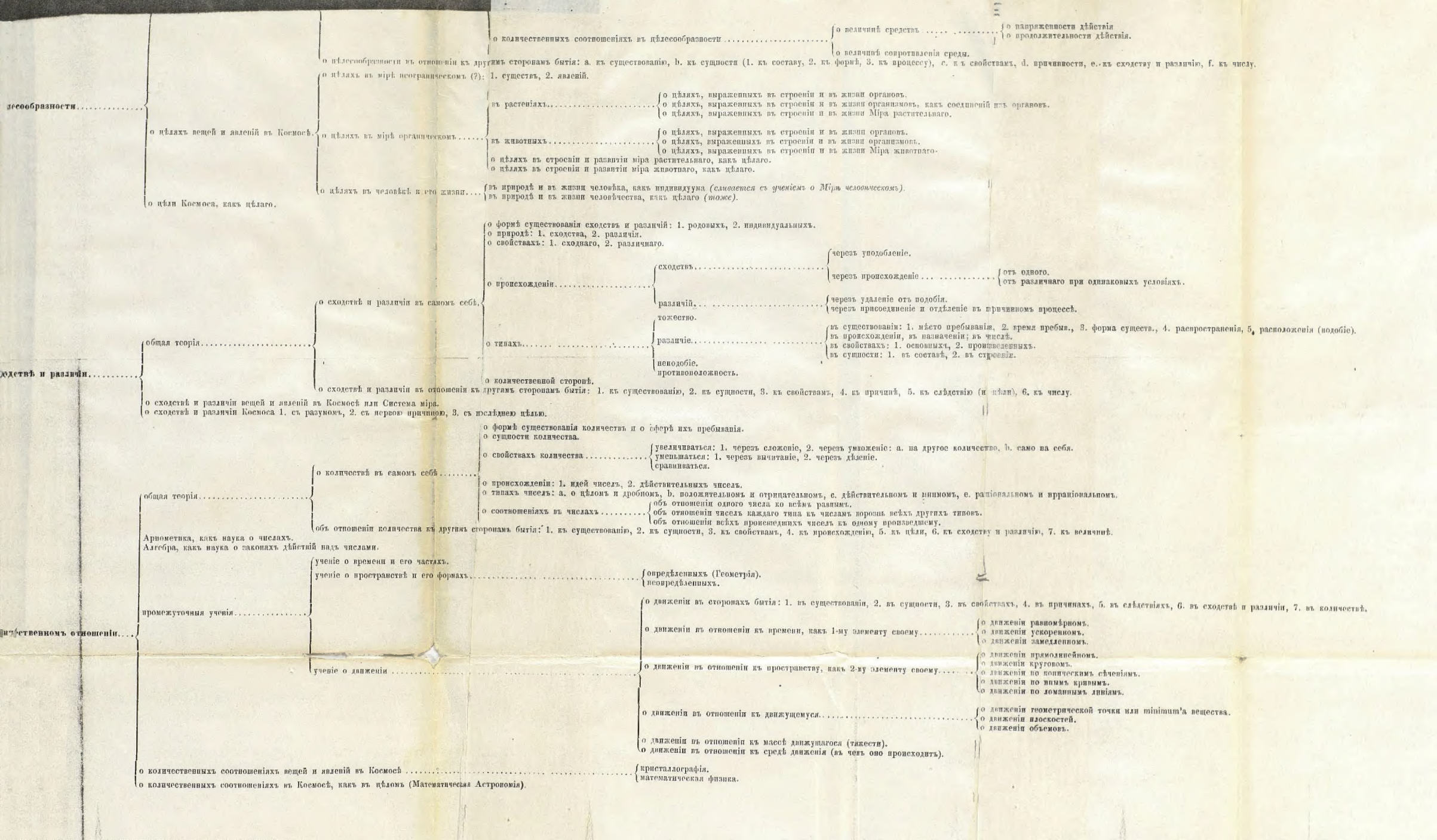
Космосъ

- въ сущности *(дальнѣйшее разложеніе см. Таб. II)*
- въ причинности *(дальнѣйшее разложеніе см. Табл. II)*
- въ цѣлесообразности *(дальнѣйшее разложеніе см Табл. II)*
- въ сходствѣ и различіи *(дальнѣйшее разложеніе см. Табл. II)*
- въ числѣ или количествѣ *(дальнѣйшее разложеніе см. Табл. II)*

человѣческаго

- о творчествѣ
  - о творящемъ или о духѣ *(дальнѣйшее разложе. см. Таб. III)*.
  - о творенiи или о процессахъ въ духѣ и въ жизни *(дальнѣйшее разложе. см. Таб. III)*.
  - о творимомъ или о формахъ жизни *(дальнѣйшее разложе. см. Таб. III)*.
- о законахъ или соотношеніяхъ въ творчествѣ *(дальнѣйшее разложе. см. Таб. III)*.
- о добрѣ и злѣ *(дальнѣйшее разложе. см. Таб. III)*.
- о цѣляхъ или о должномъ *(дальнѣйшее разложе. см. Таб. III)*.
- о средствахъ или о путяхъ къ должному *(дальнѣйшее разложе. см. Таб. III)*.
- о стяжаніяхъ, или исторіи *(дальнѣйшее разложе. см. Таб III)*.


новая теория
в цѣлесообразности
о цѣляхъ вещей и явленій въ Космосѣ.
о цѣли Космоса, какъ цѣлаго.
о цѣлесообразности въ отношеніи къ другимъ сторонамъ бытія: a. къ существованію, b. къ сущности (1. къ составу, 2. къ формѣ, 3. къ процессу), c. къ свойствамъ, d. причинности, e. къ сходству и различію, f. къ числу.
о цѣляхъ въ мірѣ неорганическомъ (?): 1. существъ, 2. явленій.
о цѣляхъ въ мірѣ органическомъ
о цѣляхъ въ человѣкѣ и его жизни
о количественныхъ соотношеніяхъ въ цѣлесообразности
о величинѣ средствъ
о напряженности дѣйствія
о продолжительности дѣйствія.
о величинѣ сопротивленія среды.
въ растеніяхъ
о цѣляхъ, выраженныхъ въ строеніи и въ жизни органовъ.
о цѣляхъ, выраженныхъ въ строеніи и въ жизни организмовъ, какъ соединеній изъ органовъ.
о цѣляхъ, выраженныхъ въ строеніи и въ жизни Міра растительнаго.
въ животныхъ
о цѣляхъ, выраженныхъ въ строеніи и въ жизни органовъ.
о цѣляхъ, выраженныхъ въ строеніи и въ жизни организмовъ.
о цѣляхъ, выраженныхъ въ строеніи и въ жизни Міра животнаго.
о цѣляхъ въ строеніи и развитіи міра растительнаго, какъ цѣлаго.
о цѣляхъ въ строеніи и развитіи міра животнаго, какъ цѣлаго.
въ природѣ и въ жизни человѣка, какъ индивидуума (сливается съ ученіемъ о Мірѣ человѣческомъ).
въ природѣ и въ жизни человѣчества, какъ цѣлаго (тоже).
въ сходствѣ и различіи
общая теорія
о сходствѣ и различіи въ самомъ себѣ.
о формѣ существованія сходствъ и различій: 1. родовыхъ, 2. индивидуальныхъ.
о природѣ: 1. сходства, 2. различія.
о свойствахъ: 1. сходнаго, 2. различнаго.
о происхожденіи
сходствъ
черезъ уподобленіе.
черезъ происхожденіе
отъ одного.
отъ различнаго при одинаковыхъ условіяхъ.
различій
черезъ удаленіе отъ подобія.
черезъ присоединеніе и отдѣленіе въ причинномъ процессѣ.
о типахъ
тожество.
различіе
въ существованіи: 1. мѣсто пребыванія, 2. время пребыв., 3. форма существ., 4. распространенія, 5. расположенія (подобіе).
въ происхожденіи, въ назначеніи; въ числѣ.
въ свойствахъ: 1. основныхъ, 2. произведенныхъ.
въ сущности: 1. въ составѣ, 2. въ строеніи.
неподобіе.
противоположность.
о количественной сторонѣ.
о сходствѣ и различіи въ отношеніи къ другимъ сторонамъ бытія: 1. къ существованію, 2. къ сущности, 3. къ свойствамъ, 4. къ причинѣ, 5. къ слѣдствію (и цѣли), 6. къ числу.
о сходствѣ и различіи вещей и явленій въ Космосѣ или Система міра.
о сходствѣ и различіи Космоса 1. съ разумомъ, 2. съ первою причиною, 3. съ послѣднею цѣлью.
в количественномъ отношеніи
общая теорія
о количествѣ въ самомъ себѣ
о формѣ существованія количествъ и о сферѣ ихъ пребыванія.
о сущности количества.
о свойствахъ количества
увеличиваться: 1. черезъ сложеніе, 2. черезъ умноженіе: a. на другое количество, b. само на себя.
уменьшаться: 1. черезъ вычитаніе, 2. черезъ дѣленіе.
сравниваться.
о происхожденіи: 1. идеѣ чиселъ, 2. дѣйствительныхъ чиселъ.
о типахъ чиселъ: a. о цѣломъ и дробномъ, b. положительномъ и отрицательномъ, c. дѣйствительномъ и мнимомъ, e. раціональномъ и ирраціональномъ.
о соотношеніяхъ въ числахъ
объ отношеніи одного числа ко всѣмъ равнымъ.
объ отношеніи чиселъ каждаго типа къ числамъ порознь всѣхъ другихъ типовъ.
объ отношеніи всѣхъ произведеній чиселъ къ одному произведенному.
объ отношеніи количества къ другимъ сторонамъ бытія: 1. къ существованію, 2. къ сущности, 3. къ свойствамъ, 4. къ происхожденію, 5. къ цѣли, 6. къ сходству и различію, 7. къ величинѣ.
Ариѳметика, какъ наука о числахъ.
Алгебра, какъ наука о законахъ дѣйствій надъ числами.
промежуточныя ученія
ученіе о времени и его частяхъ.
ученіе о пространствѣ и его формахъ
опредѣленныхъ (Геометрія).
неопредѣленныхъ.
ученіе о движеніи
о движеніи въ сторонахъ бытія: 1. въ существованіи, 2. въ сущности, 3. въ свойствахъ, 4. въ причинахъ, 5. въ слѣдствіяхъ, 6. въ сходствѣ и различіи, 7. въ количествѣ.
о движеніи въ отношеніи къ времени, какъ 1-му элементу своему
о движеніи равномѣрномъ.
о движеніи ускоренномъ.
о движеніи замедленномъ.
о движеніи въ отношеніи къ пространству, какъ 2-му элементу своему
о движеніи прямолинейномъ.
о движеніи круговомъ.
о движеніи по коническимъ сѣченіямъ.
о движеніи по инымъ кривымъ.
о движеніи по ломанымъ линіямъ.
о движеніи въ отношеніи къ движущемуся
о движеніи геометрической точки или minimum'а вещества.
о движеніи плоскостей.
о движеніи объемовъ.
о движеніи въ отношеніи къ массѣ движущагося (тяжести).
о движеніи въ отношеніи къ средѣ движенія (въ чемъ оно происходитъ).
о количественныхъ соотношеніяхъ вещей и явленій въ Космосѣ
кристаллографія.
математическая физика.
о количественныхъ соотношеніяхъ въ Космосѣ, какъ въ цѣломъ (Математическая Астрономія).


зсообразности
о цѣлесообразности въ отношеніи къ другимъ сторонамъ бытія: a. къ существованію, b. къ сущности (1. къ составу, 2. къ формѣ, 3. къ процессу), c. къ свойствамъ, d. причинности, e. къ сходству и различію, f. къ числу.
о цѣляхъ вещей и явленій въ Космосѣ.
о цѣляхъ въ мірѣ неорганическомъ (?): 1. существъ, 2. явленій.
о цѣляхъ въ мірѣ органическомъ
въ растеніяхъ
о цѣляхъ, выраженныхъ въ строеніи и въ жизни органовъ.
о цѣляхъ, выраженныхъ въ строеніи и въ жизни организмовъ, какъ соединеній изъ органовъ.
о цѣляхъ, выраженныхъ въ строеніи и въ жизни Міра растительнаго.
въ животныхъ
о цѣляхъ, выраженныхъ въ строеніи и въ жизни органовъ.
о цѣляхъ, выраженныхъ въ строеніи и въ жизни организмовъ.
о цѣляхъ, выраженныхъ въ строеніи и въ жизни Міра животнаго.
о цѣляхъ въ строеніи и развитіи міра растительнаго, какъ цѣлаго.
о цѣляхъ въ строеніи и развитіи міра животнаго, какъ цѣлаго.
о цѣляхъ въ человѣкѣ и его жизни
въ природѣ и въ жизни человѣка, какъ индивидуума (сливается съ ученіемъ о Мірѣ человѣческомъ).
въ природѣ и въ жизни человѣчества, какъ цѣлаго (тоже).
о цѣли Космоса, какъ цѣлаго.
ходствѣ и различіи
общая теорія
о сходствѣ и различіи въ самомъ себѣ
о формѣ существованія сходствъ и различій: 1. родовыхъ, 2. индивидуальныхъ.
о природѣ: 1. сходства, 2. различія.
о свойствахъ: 1. сходнаго, 2. различнаго.
о происхожденіи
сходствъ
черезъ уподобленіе.
черезъ происхожденіе
отъ одного.
отъ различнаго при одинаковыхъ условіяхъ.
различій
черезъ удаленіе отъ подобія.
черезъ присоединеніе и отдѣленіе въ причинномъ процессѣ.
о типахъ
тожество.
различіе
въ существованіи: 1. мѣсто пребыванія, 2. время пребыв., 3. форма существ., 4. распространенія, 5. расположенія (подобіе).
въ происхожденіи, въ назначеніи; въ числѣ.
въ свойствахъ: 1. основныхъ, 2. произведенныхъ.
въ сущности: 1. въ составѣ, 2. въ строеніи.
неподобіе.
противоположность.
о сходствѣ и различіи въ отношеніи къ другимъ сторонамъ бытія: 1. къ существованію, 2. къ сущности, 3. къ свойствамъ, 4. къ причинѣ, 5. къ слѣдствію (и цѣли), 6. къ числу.
о количественной сторонѣ.
о сходствѣ и различіи вещей и явленій въ Космосѣ или Система міра.
о сходствѣ и различіи Космоса 1. съ разумомъ, 2. съ первою причиною, 3. съ послѣднею цѣлью.
о количественномъ отношеніи
общая теорія
о количествѣ въ самомъ себѣ
о формѣ существованія количествъ и о сферѣ ихъ пребыванія.
о сущности количества.
о свойствахъ количества
увеличиваться: 1. черезъ сложеніе, 2. черезъ умноженіе: a. на другое количество, b. само на себя.
уменьшаться: 1. черезъ вычитаніе, 2. черезъ дѣленіе.
сравниваться.
о происхожденіи: 1. идей чиселъ, 2. дѣйствительныхъ чиселъ.
о типахъ чиселъ: a. о цѣломъ и дробномъ, b. положительномъ и отрицательномъ, c. дѣйствительномъ и мнимомъ, e. раціональномъ и ирраціональномъ.
о соотношеніяхъ въ числахъ
объ отношеніи одного числа ко всѣмъ равнымъ.
объ отношеніи чиселъ каждаго типа къ числамъ порознь всѣхъ другихъ типовъ.
объ отношеніи всѣхъ произведеній чиселъ къ одному произведенію.
объ отношеніи количества къ другимъ сторонамъ бытія: 1. къ существованію, 2. къ сущности, 3. къ свойствамъ, 4. къ происхожденію, 5. къ цѣли, 6. къ сходству и различію, 7. къ величинѣ.
Ариѳметика, какъ наука о числахъ.
Алгебра, какъ наука о законахъ дѣйствій надъ числами.
промежуточныя ученія
ученіе о времени и его частяхъ.
ученіе о пространствѣ и его формахъ
опредѣленныхъ (Геометрія).
неопредѣленныхъ.
ученіе о движеніи
о движеніи въ сторонахъ бытія: 1. въ существованіи, 2. въ сущности, 3. въ свойствахъ, 4. въ причинахъ, 5. въ слѣдствіяхъ, 6. въ сходствѣ и различіи, 7. въ количествѣ.
о движеніи въ отношеніи къ времени, какъ 1-му элементу своему
о движеніи равномѣрномъ.
о движеніи ускоренномъ.
о движеніи замедленномъ.
о движеніи въ отношеніи къ пространству, какъ 2-му элементу своему
о движеніи прямолинейномъ.
о движеніи круговомъ.
о движеніи по коническимъ сѣченіямъ.
о движеніи по инымъ кривымъ.
о движеніи по ломанымъ линіямъ.
о движеніи въ отношеніи къ движущемуся
о движеніи геометрической точки или minimum'а вещества.
о движеніи плоскостей.
о движеніи объемовъ.
о движеніи въ отношеніи къ массѣ движущагося (тяжести).
о движеніи въ отношеніи къ средѣ движенія (въ коей оно происходитъ).
о количественныхъ соотношеніяхъ вещей и явленій въ Космосѣ
кристаллографія.
математическая физика.
о количественныхъ соотношеніяхъ въ Космосѣ, какъ въ цѣломъ (Математическая Астрономія).

- ...аго...
  - въ творчествѣ
    - о творящемъ или о духѣ
      - о существованіи духа: 1. о продолжительности, 2. о сферѣ, 3. о формѣ существованія.
      - о природѣ духа: 1. о началѣ, образующемъ духъ, 2. о строеніи духа.
      - о свойствахъ духа
        - опредѣляющихъ (признаки), по которымъ открывается онъ.
        - основныхъ, вытекающихъ изъ первозданной природы его.
        - воспринятыхъ, которыя произведены въ немъ исторіею, жизнью и природою.
      - о происхожденіи духа.
      - о назначеніи духа, открывающагося изъ строенія его природы и направленія процессовъ, въ немъ происходящихъ.
      - о формахъ, подъ которыми является духъ.
        - о разумѣ, какъ первой формѣ духа
          - о типахъ разума: 1. по расамъ, 2. по временамъ, 3. по выдающимся индивидуумамъ.
          - о состояніяхъ разума: 1. о созерцаніи, 2. о мышленіи, 3. о сомнѣніи, 4. о геніальности, 5. о подавленности, 6. о разстройствѣ и пр.
        - о чувствѣ, какъ о второй формѣ духа
          - о типахъ чувства.
          - о состояніяхъ чувства: 1. спокойномъ, 2. напряженномъ, 3. дѣятельномъ.
          - о волненіяхъ чувства
            - о волненіи въ его природѣ, формѣ существованія, свойствахъ, происхожденіи, слѣдствіяхъ.
            - о родахъ и видахъ волненій (гнѣвъ, зависть и пр.).
          - о настроеніяхъ чувства
            - о настроеніи въ его природѣ, формѣ существованія, свойствахъ, происхожденіи, слѣдствіяхъ.
            - о родахъ и видахъ настроенія (радостное, ироническое и пр.).
          - о видахъ чувства
            - о чувствѣ религіознаго.
            - о чувствѣ нравственнаго.
            - о чувствѣ справедливости.
            - о чувствѣ красоты.
        - о волѣ, какъ третьей формѣ духа
          - о состояніяхъ воли: 1. о равнодушіи, 2. о колебаніи, 3. о рѣшимости.
          - о видахъ воли: 1. о склонности, 2. о стремленіи, 3. о желаніи, 4. о страсти.
          - объ объектахъ воли или о желаемомъ.
          - о первыхъ источникахъ, производящихъ волю.
          - о вторыхъ источникахъ, отклоняющихъ волю.
    - о твореніи
      - въ области разума
        - о природѣ научнаго процесса
          - объ общемъ процессѣ пониманія.
          - о сложномъ процессѣ нисходящаго пониманія.
          - о сложномъ процессѣ восходящаго пониманія
        - о свойствахъ научнаго процесса: a. основныхъ (непроизведенность и пр.), b. опредѣляющихъ (признаки), c. произведенныхъ вліяніемъ внѣшняго.
        - о происхожденіи научнаго процесса
          - о внутреннихъ или субъективныхъ причинахъ, вызывающихъ образованіе науки.
          - о внѣшнихъ или объективныхъ причинахъ, способствующихъ образованію науки.
        - о цѣли и слѣдствіяхъ научн. процесса
          - о цѣли научнаго процесса.
          - о слѣдствіяхъ научнаго процесса
            - о вліяніи на духъ и его формы: разумъ и его свойства, чувство и его виды, волю и ея состоянія.
            - о вліяніи на жизнь и ея стороны: государство, нравственность, право, религію, искусство и пр.
          - объ употребленіи научнаго процесса (для могущества, благосостоянія, счастья и пр.).
        - о сходствѣ и различ. въ научн. процессѣ
          - внутреннемъ, между различными методами образованія науки.
          - внѣшнемъ, въ отношеніи къ другимъ видамъ человѣческаго творчества.
      - въ области чувства
        - красоты
          - о сущности художественнаго процесса.
          - о свойствахъ художественнаго процесса: 1. основныхъ, 2. вызванныхъ.
          - о происхожденіи художественнаго процесса: 1. о причинахъ, вызывающихъ его, 2. о причинахъ, способствующихъ ему
          - о цѣли и слѣдствіи художеств. процесса
            - о цѣли художественнаго процесса.
            - о слѣдствіяхъ художественнаго процесса
              - внутреннихъ (вліяніе на духъ).
              - внѣшнихъ (вліяніе на жизнь).
            - объ употребленіи художествен. процесса.
          - о сходствѣ и различіи въ художественномъ процессѣ.
        - нравственнаго
          - a. о сущности нравственнаго процесса, b. о свойствахъ нравственнаго процесса,
          - c. о происхожденіи нравств. процесса
            - внутреннія причины (производящія).
            - внѣшнія условія (способствующія).
          - d. о цѣли и слѣдствіяхъ нравств. проц.
            - о цѣли нравственнаго процесса
              - о нравственномъ идеалѣ человѣка.
              - о нравственномъ идеалѣ жизни.
            - о слѣдствіяхъ нравственнаго процесса
              - о вліяніи на духъ.
              - о вліяніи на жизнь.
            - объ употребленіи нравственнаго процесса.
          - b. о видахъ нравственнаго процесса
            - о нравственномъ чувствѣ въ его развитіи.
            - о нравственной дѣятельности.
            - о нравственномъ ученіи (1. какъ убѣжденіи, 2. какъ обоснованіи убѣжденія).
        - справедливаго
          - a. о сущности правоваго процесса, b. о свойствахъ правоваго процесса,
          - c. о происхожденіи правоваго процесса
            - внутреннія причины (производящія).
            - внѣшнія причины (способствующія).
          - d. о цѣли и слѣдствіяхъ правов. проц.
            - о цѣли правоваго процесса.
            - о слѣдствіяхъ правоваго процесса
              - о вліяніи на духъ и его формы.
              - о вліяніи на жизнь и ея стороны.
            - объ употребленіи правоваго процесса.
          - о видахъ и типахъ правоваго процесса.
        - религіознаго
          - о сущности религіознаго процесса: 1. изъ чего, по своей сущности, состоитъ онъ; 2. что за чѣмъ въ немъ слѣдуетъ.
          - о свойствахъ религіознаго процесса.
          - о происхожденіи религіознаго процесса.
            - о причинахъ внутреннихъ (субъективныхъ).
            - о причинахъ внѣшнихъ
              - лежащихъ въ окружающей природѣ (физической).
              - лежащихъ въ окружающей жизни.
          - о цѣли и слѣдствіяхъ религіозн. проц.
            - о цѣли религіознаго процесса.
            - о слѣдствіяхъ религіознаго процесса
              - внутреннихъ (вліяніе на духъ).
              - внѣшнихъ (вліяніе на жизнь).
            - объ употребленіи религіознаго процесса.
          - о сходствѣ и различіи религіозн. проц.
            - о религіозномъ процессѣ, возникающемъ и развивающемся черезъ вліяніе объективнаго.
            - о религіозномъ процессѣ, возникающемъ и развивающемся изъ внутреннихъ потребностей
      - въ области воли
        - о распаденіи политической формы на своеобразныя и цѣлесообразныя части (органы)
        - о развитіи лежащаго подъ политическою формою: языка, нравовъ, экономическихъ отношеній и пр. явленій, возникающихъ изъ взаимодѣйствія индивидуумовъ.
        - о вліяніи политической формы
          - на духъ и его формы: 1. на разумъ; 2. на чувство и его виды; 3. на волю.
          - на жизнь и ея стороны: на науку, искусство, религію, право, нравственность, нравы и пр.
    - о творимомъ
      - разумомъ
        - 1. о знаніи, какъ соотвѣтствующемъ одной схемѣ разума
        - 2. о наукахъ, какъ о системахъ знаній не о сторонахъ бытія, но объ единичныхъ областяхъ его
        - 3. о философіи, какъ о системахъ знаній о нѣкоторыхъ сторонахъ бытія
        - 4. о пониманіи, какъ о знаніяхъ, образованныхъ по всѣмъ схемамъ разума о всѣхъ сторонахъ бытія
          - 1. о приходящемъ отъ природы или объектахъ знанія, науки, философіи и пониманія.
          - 2. о приходящемъ отъ разума или о строеніи (формѣ) знанія, науки, философіи и пониманія.
      - чувствомъ
        - красоты
          - объ архитектурѣ
          - о живописи
          - о скульптурѣ
          - о музыкѣ
          - о поэзіи
            - 1. о приходящемъ отъ природы или о выражаемомъ
              - a. форма въ пространствѣ: 1. линія для архитектуры, 2. плоскость для живописи, 3. объемъ для скульптуры.
              - b. форма во времени: 1. явленіе звуковъ для музыки.
              - c. форма соединена изъ пространственныхъ и временныхъ элементовъ — для поэзіи.
            - 2. о приходящемъ отъ духа или выражаемомъ
              - a. состоянія: 1. первозданной природы — въ скульптурѣ, 2. настроенія — въ архитектурѣ 3. чувствованій въ живописи;
              - b. движенія (въ духѣ) — въ музыкѣ и въ поэзіи.
        - нравственнаго: a. о нравственности; b. о нравственныхъ ученіяхъ; c. о философіи нравственнаго.
        - справедливаго: a. о справедливости, b. о системѣ справедливыхъ отношеній или о законодательствѣ.
        - религіознаго
          - о религіи истинной.
          - о религіяхъ ложныхъ
            - съ субъективнымъ источникомъ происхожденія (религіи удовлетворяющія).
            - съ объективнымъ источникомъ происхожденія (религіи объясняющія).
      - волею
        - о политической формѣ въ ея существованіи, сущности, свойствахъ, происхожденіи, слѣдствіяхъ, сходствѣ и различіи (виды государства) и количественной сторонѣ.
        - объ органахъ или своеобразныхъ и цѣлесообразныхъ частяхъ въ политической формѣ, въ ихъ существованіи, сущности, происхожденіи, цѣляхъ и пр.
  - въ законахъ или въ соотношеніяхъ
    - общая теорія, или познаніе закона въ существованіи, въ сущности, въ свойствахъ, въ происхожденіи, въ назначеніи, въ сходствѣ и различіи и въ количественной сторонѣ.
    - о законахъ въ Мірѣ человѣческомъ
      - законы духа
        - внутри и между формъ духа
          - въ предѣлахъ одной и той же формы духа: a. между элементами разума; b. между элементами чувства, и его видами, настроеніями, волненіями; c. между элементами воли.
          - между различными формами духа: a. между разумомъ и чувствомъ; b. между разумомъ и волею; c. между чувствомъ и волею.
        - между формами духа и процессами: a. между разумомъ и мышленіемъ; b. между чувствомъ и чувствованіемъ, c. между волею и желаніемъ.
        - между формами духа и формами жизни
          - между строеніемъ разума и строеніемъ науки.
          - между строеніемъ чувства и 1. искусствомъ, 2. нравственностью, 3. правомъ, 4. религіею.
          - между волею и государствомъ.
      - законы творенія
        - въ предѣлахъ творческихъ процессовъ
          - законы процесса: a. пониманія, b. художественнаго, c. правоваго, d. нравственнаго, e. религіознаго, f. политическаго, g. экономическаго и пр.
          - законы синтеза процессовъ: a. законы соединенія, b. законы совмѣстнаго развитія, c. законы разъединенія процессовъ.
        - между процессами и духомъ
          - законы возвратнаго дѣйствія процессовъ на творящій или субъективный духъ.
          - законы прямаго дѣйствія на воспринимающій или объективный духъ.
        - между процессами и формами жизни
          - между процессами пониманія и формами знанія, науки, философіи и пониманія
          - между процессами художественными и формами искусства.
          - между процессомъ нравственнымъ и нравственными ученіями, дѣятельностью и философіею
          - между процессомъ религіознымъ и формою религіи.
          - между процессомъ волевымъ и формою государства.
      - законы жизни
        - между формами жизни или соотношенія между наукою, искусствомъ, нравственностью, правомъ, религіею и государствомъ.
        - между формами жизни и процессами: a. между наукою (въ ея состояніи) и научною дѣятельностью; b. между искусствомъ и художественною дѣятельностью и пр
        - между формами жизни (измѣняющее) и духомъ (измѣняемое)
          - между наукою (въ ея состояніи) и разумомъ (въ его свойствахъ, стремленіяхъ и состояніяхъ).
          - между искусствомъ и чувствомъ красоты.
          - между религіею и чувствомъ религіознаго, и пр.
  - о добрѣ и злѣ
    - общая теорія, познающая добро и зло: a. въ формѣ существованія, b. въ сущности, c. въ свойствахъ, d. въ происхожденіи, e. въ назначеніи, f. въ видахъ, g. въ количественной сторонѣ.
    - о проявленіяхъ добра и зла въ Мірѣ человѣческомъ
      - о злѣ физическомъ
        - о слабости въ формѣ существованія, сущности, свойствахъ, происхожденіи, назначеніи, сходствѣ и различіи и пр. — объ уничтоженіи условій возникновенія слабости, болѣзни и смерти.
        - о болѣзни въ формѣ существованія, сущности, свойствахъ, происхожденіи, назначеніи, сходствѣ и различіи и пр. — объ уничтоженіи условій продолженія слабости, болѣзни и смерти.
        - о смерти въ формѣ существованія, сущности, свойствахъ, происхожденіи, цѣли, сходствѣ и различіи и пр. — объ уничтоженіи напряженности страданія въ болѣзни, слабости и смерти.
      - о добрѣ физическомъ или безболѣзненной жизни въ формѣ ея существованія, сущности, свойствахъ, происхожденіи etc — о сохраненіи условій возникновенія и продолженія безболѣзненной жизни.
      - о злѣ въ обладаемомъ
        - о богатствѣ въ формѣ существованія, сущности, свойствахъ, происхожденіи, слѣдствіяхъ и пр. — объ уничтоженіи условій возникновенія и продолженія богатства.
        - о бѣдности въ формѣ существованія, сущности, свойствахъ, происхожденіи, слѣдствіяхъ — объ уничтоженіи условій возникновенія и продолженія бѣдности.
      - о добрѣ въ [illegible] или о достаткѣ въ формѣ существованія, свойствахъ, происхожденіи, слѣдствіяхъ и пр — о сохраненіи условій возникновенія и продолженія безбѣдной жизни.
      - о злѣ [illegible] наслажденій въ формѣ существованія, сущности, свойствахъ, происхожденіи, слѣдствіяхъ, видахъ и пр.
      - о злѣ и добрѣ въ [illegible]сти духа
        - разума
          - зло незнанія, ложнаго знанія, задерживанія въ стремленіи къ знанію.
          - благо исканія истины, благо созерцанія истины.
        - чувства
          - злыя и добрыя волненія въ формѣ ихъ существованія, сущности, свойствахъ, происхожденіи, слѣдствіяхъ, сходствѣ и различіи и пр.
          - злыя и добрыя настроенія въ формѣ ихъ существованія, сущности, свойствахъ, происхожденіи, слѣдствіяхъ, сходствѣ и различіи и пр.
        - воли
          - зло нежеланія, безсилія въ желаніи, колебанія, боязни.
          - благо удовлетвореннаго желанія, благо силы воли.
      - о злѣ и добрѣ въ жизни
        - въ совершеніи (достиженіи): a. о правильныхъ и ложныхъ процессахъ пониманія, b. пріемахъ искусства, c. нравственныхъ движеніяхъ, d. правовыхъ, религіозныхъ и государственныхъ процессахъ.
        - въ достигаемомъ
          - объ истинѣ, какъ объектѣ пониманія.
          - о красотѣ, какъ объектѣ искусства.
          - о справедливости, какъ объектѣ права.
          - о любви и правдивости, какъ объектѣ нравственности.
          - объ истинномъ отношеніи человѣка къ Творцу своей природы, какъ объектѣ религіи.
          - о пользѣ, какъ объектѣ государства.
  - о цѣляхъ или о должномъ
    - общая теорія: о цѣли въ формѣ существованія, въ сущности, въ свойствахъ, въ происхожденіи, въ сходствѣ и различіи, въ числѣ.
    - о цѣляхъ, какъ о желаемомъ
      - что можетъ быть желаемымъ, или о достижимомъ.
      - что должно быть желаемымъ.
    - объ естественныхъ конечныхъ формахъ
      - въ наукѣ, или объ идеалѣ пониманія.
      - въ искусствѣ, или объ идеалѣ прекраснаго.
      - въ правѣ, или объ идеалѣ справедливыхъ отношеній.
      - въ нравственности, или объ идеалѣ нравственной жизни.
      - въ религіи, или объ идеалѣ жизни въ истинной религіи.
      - въ государствѣ, или объ идеалѣ совершеннаго государства.
  - о средствахъ или о путяхъ къ должному.
    - о причинной связи въ Мірѣ человѣческомъ.
    - объ естественныхъ путяхъ къ конечнымъ формамъ: 1. въ наукѣ, 2. въ искусствѣ, 3. въ правѣ, 4. въ религіи, 5. въ государствѣ
    - объ уклоненіи отъ зла, расположеннаго на пути къ естественнымъ конечнымъ формамъ.
  - о достигнутомъ или исторія
    - какъ изображеніе совершеннаго и совершившагося въ Мірѣ человѣческомъ.
    - какъ пониманіе совершеннаго и совершившагося въ Мірѣ человѣческомъ.
    - какъ оцѣнка совершеннаго и совершившагося въ Мірѣ человѣческомъ.

2007041725